

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

NYPL RESEARCH LIBRARIES

3 3433 07855286 0

11928

МОСКВИТЯНИНЪ,

11928

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЬ.

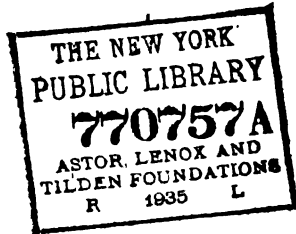
1852.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФИИ СТЕПАНОВОЙ И В. ГОТЪЕ

12

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, марта 4 дня, 1852 года.

Цензоръ Д. Раевскій.

МОСКВИТЯНИНЪ.

1852.

№ 5.

Мартъ.

Кн. 1.

СЧАСТЛИВАЯ ЖЕНЩИНА.

СОВРЕМЕННАЯ БИОГРАФІЯ.

ГЛАВА VII.

CO SI FAN TUTTI.

Такъ всегда случалось!... Когда между Борисомъ и Мариною было условлено свиданіе,—когда она ждала его дома, когда должна была найти его въ театрѣ, или встрѣтить на балѣ, всегда какое-нибудь непредвидѣнное, но напередъ устроенное, обстоятельство разрушало все соображенія и приготовленія двухъ любящихся. — Борисъ, желая только уберечь безопасность своей любви, не подвергая ее слишкомъ рѣшительнымъ наваденіямъ родителей, — Борисъ страдалъ отъ такихъ помѣшательствъ, но переносилъ ихъ, и жертвовалъ часами и днями, чтобъ отстоять и упрочить нѣсколько лѣтъ, какъ онъ полагалъ. Онъ не рассуждалъ, что часы и дни составляютъ настоящее, и что это настоящее и есть жизнь, — тогда какъ будущее, невѣрное, невѣдомое будущее, никому не принадлежитъ, и никѣмъ не можетъ быть упрочено, а потому и не стоитъ такихъ жертвъ. Онъ не рассуждалъ, что

1

жизнь и молодость бьгуть отъ насъ.... что счастье крылато, какъ сама любовь у древнихъ, — а потому надо держать ихъ крѣпко, когда они у насъ въ рукахъ, и дорожить каждой минутой, ими дарованной. Онъ хотѣлъ помирить любовь недо-воленную съ обязанностями семьянина, заставить ихъ ужить-ся ладно и согласно, — продолжать за одно романъ сво-его сердца и всендневно-положительную жизнь семьянина.... Кто могъ ему сказать, что эти двѣ противоположности не совме-стны, и что рано или поздно, одна изъ двухъ побѣждаетъ и вытѣсняетъ другую?... Марина, рѣшительнѣе его и самостоя-тельнѣе, была крѣпка и тверда въ своей любви, какъ прежде въ своемъ сопротивленіи. Жизнь ея сосредоточилась въ этой страсти, въ этомъ чувствѣ: она ими дышала и ими только могла и страдать и блаженствовать. — Но пылкость и искрен-ность ея тѣмъ болѣе были уязвлены мелкими, но еже-дневно повторяемыми булавочными ранами, которыми осы-пали ее со всѣхъ сторонъ. Раздражительность возрастала въ ней вмѣстѣ съ тайнымъ, но непримиримымъ и горькимъ не-годованіемъ, которое возбуждали въ ней свѣтскія сплетни. Пріятельскіе языки довели до слуха ея всѣ толки, всѣ клеветы, противъ нея разсѣивныя. Она пожимала плечами, — и пре-зрительно улыбалась, когда узнавала новыя нелѣпости, распу-скаемыя и другомъ и недругомъ про нее и Бориса. — Но по-томъ, когда возстаніе противъ нея завербовало не только праздную болтливость незнакомыхъ ей людей, но даже и тѣхъ, на которыхъ она полагалась, какъ на защитниковъ своихъ, думая, что они ее знаютъ лучше, нежели толпа, всегда легко вѣрящая злу, — когда тѣ, которые называ-лись ея друзьями, стали тоже пересказывать напраслины на ея счетъ и перетолковывать каждое ея слово, каждый шагъ ея, чтобъ находить новыя поводы къ ея обвиненію, — она раз-сердилась на свѣтъ, и начала понемногу отъ него удаляться. Это была большая съ ея стороны ошибка. — Будь Марина похитрѣе и поопытнѣе, она съумѣла бы надѣтъ на себя личину, притвориться веселой и не замѣчать нападеній. Но Марина слишкомъ углубилась въ жизнь сердца, чтобы предаваться раз-счетами необходимаго макиавелизма, играла, и, разумеется, про-играла позицію, которой не хотѣла защищать. Нѣкото-

рые изъ ея приверженцевъ, — особенно инныя пріятельницы, готовы были ополчиться за нее и ее отстаивать, — но они требовали сперва *доверія* и *откровенности* съ ея стороны; они хотѣли и ожидали, чтобъ она взяла ихъ въ судьи и посредники, — чтобъ она отдала подъ ихъ защиту свои завѣтныя тайны, — и рассказала бы имъ въ свое оправданіе повѣсть жизни и души своей, которую они пошли бы повторять, щеголяя дружбой замѣчательной женщины и выказывая собственныя добродѣтели на счетъ той, за которую бы они стали заступаться и отвѣчать. — И это было не возможно ея гордому достоинству: она не признавала никому права ее судить, — и лучше переносила, чтобъ ее осуждали. Она почти перестала выѣзжать къ своимъ знакомымъ и принимать ихъ къ себѣ.

Про нее ужъ не злословили, — а кричали, на нее не клеветали, а сомили! Она была обречена свѣтской анаемѣ.

И тѣмъ сильнѣе, тѣмъ болѣе привязывалась она къ Борису и къ своей любви; въ нихъ видѣла она вознагражденіе за все, за всѣхъ!....

Графиня Текла въ это время уѣхала въ свои помѣстья. Съ нею и въ ней, Марина потеряла единственный голосъ, который не убоился бы за нее вступиться. Графиня Текла, пользуясь своимъ особеннымъ положеніемъ въ свѣтъ, никого не боялась и ни въ комъ не искала, потому что ни въ комъ не имѣла нужды. — Никакихъ женскихъ слабостей ей не могли приписать, — и потому, защищая другую женщину, она не казалась бы прикрывающей свое собственное дѣло, ради круговой поруки. — Но ее ужъ не было въ Петербургъ, когда тучи стали собираться надъ одинокой головой *счастливой женщины*. — Кому иѣшать, кому вредить мое счастье? — спрашивала сама себя Марина въ ребяческомъ невѣденіи. — За что такъ грозно ополчается на меня наше строгое общество? Почему на мнѣ взыскивается такъ нравственно то, что прощается такъ легко другимъ женщинамъ, давно сбросившимъ съ головы своей вмѣстѣ съ *челомъ* и женскій стыдъ, и увѣженъе собственнаго достоинства?.... Не потому ли, что самолюбіе нѣкоторыхъ скорѣе потворствуетъ явному разврату, чѣмъ примѣрамъ любви исключитель-

ной, отъ которой оно не можетъ выиграть ни точекъ сравненья, выгоднаго для себя, ни надежды насладиться поочередно мимолетное наслажденье, всѣмъ доступное и всѣмъ возможное?... Не потому ли, что женщина, которая шалить, даетъ залогъ противъ себя всѣмъ мужчинамъ, и возвышаетъ сравненьемъ добродѣтель всѣхъ прочихъ женщинъ, тогда какъ та, которая любить, не существуетъ больше для мужчины, и любовью своей отдѣляется отъ тѣхъ женщинъ, которыя гордятся тѣмъ, что онѣ не любятъ?

Ухманскіе, видя, что въ теченіе почти двухъ лѣтъ, любовь Бориса къ Маринѣ не только не ослабла, но еще усилилась и возросла, принялись за новую попытку, — они вознамѣрились женить Бориса....

Въ отношеніи Бориса, намѣреніе ихъ было похвально; но они забывали, что этотъ предположенный бракъ обязывалъ еще другое лицо. И тутъ невольно рождается вопросъ: честно ли и добросовѣстно ли навязать неопытной дѣвушкѣ тягостную обязанность пріобрѣтать сердце, занятое другою любовью, — и сковать еѣ, — полную надеждъ и ожиданій, съ непочатою душою, съ характеромъ, неуспѣвшимъ привыкнуть къ подчиненію, еѣ, възыскательную какъ сама молодость, и потому всегда готовую преувеличивать и добро и зло, радость какъ горе, — еѣ, непременно неспособную понять прошедшее и его невозвратныя требованія, тѣснящія такъ или иначе ея законныя, священныя права, — сковать еѣ, говоримъ мы, съ болѣзненною душою человека, насильно оторваннаго отъ женщины имъ любимой, — съ его сожалѣніями, и воспоминаньями и невольными сравненьями, которыя обоимъ должны отравить ихъ соединенье. Но кто же обязанъ думать о счастьѣ дѣвушки, о цѣлой будущности ея, когда нужна невеста для сына или брата и когда семейныя причины предписываютъ женить его, такъ точно, какъ инымъ безнадежнымъ больнымъ консультація медиковъ предписываетъ поѣздку на *какія-нибудь воды*, не входя въ назначенье, *какихъ* именно водъ ему нужно, лишь бы сбыть его съ рукъ, и не принимать на себя ответственности за его кончину?

Ухманскіе положили, что лишь женитьба вырветъ Бориса изъ власти Марины, и стали усердно искать ему невесту

Разумется, что она должна была быть богата, пригожа, не столько изъ знатнаго рода, сколько принадлежащая семейству значительному по связямъ и вліянію своему въ общество.

Больше отъ нея не требовалось, — да и къ чему?... что еще нужно женщинѣ, чтобъ составить полное счастье разсудительнаго чловѣка?

Разумется еще, что Борисъ ничего не зналъ объ этомъ, и что ему послѣднему должны были объявить о его успѣхѣ, предоставляя силѣ и власти святыхъ родственныхъ обязанностей убѣдить его, подѣ конецъ принять эту невѣсту, о которой столь многіе за него хлопотали.

Отецъ Бориса, самъ старикъ Ухманскій, платившій дань своему нѣсколько французскому воспитанію, — не былъ въ числѣ членовъ домашняго совѣта, рѣшившаго такъ безпрекословно участь молодаго чловѣка. Онъ, по своему, слишкомъ любилъ сына, и слишкомъ желалъ его личнаго счастья, чтобы жертвовать имъ изъ видовъ и расчетовъ семейной политики. — Лишь бы Борисъ его приходилъ къ нему веселый и довольный, — лишь бы онъ могъ любоваться улыбкою своего любимца, и знать, что ему хорошо, — старикъ, по нраву или по старости, перешедшій уже за черту свѣтскаго честолюбія и свѣтскихъ понятій о благоустройствѣ жизни вообще, — старикъ не желалъ ничего для своего единственнаго сына, и не соблазнился за него никакими выгодами или приманками блеска и богатства. — Безпрестанно возбуждаемый и вооружаемый противъ Марины, — онъ не только не ненавидѣлъ ея, — но безсознательно и понемногу, тайно, привыкъ издали видѣть въ ней причину счастья Бориса, за что любилъ ее и былъ ей благодаренъ въ душѣ. — Слабый и хилый, — да неспособный спорить съ женою, имъ всегда повелѣвающей, — онъ скрывалъ свои чувства, — и только втайнѣ справлялся о всемъ, что относилось къ Борису, что Борисъ дѣлалъ, думалъ, чѣмъ былъ доволенъ, или нѣтъ. Все это крайне безхарактерно, но какъ понятно и простительно въ отжившемъ свой вѣкъ старикѣ. — Повѣреннымъ и собесѣдникомъ его былъ добрый Вейссе, наставникъ Бориса, проживающій въ домѣ, и по прежнему полный отцовской любви къ сво-

ему бывшему питомцу. Вейссе, понимающий человека, имъ досозданнаго, и знающій цѣну ему, — не безъ страха видѣлъ Бориса, сначала поглощеннымъ — свѣтомъ, а потомъ женщиною. Онъ боялся, чтобъ то и другое влiянiе разлагательно не подѣйствовали на его прекрасную душу и свѣтлый умъ, — боялся тѣмъ болѣе, что ему известна была мягкость характера, отъ которой онъ не могъ избавить своего питомца. Но когда онъ увидѣлъ, что любимая женщина благотворно наполняетъ жизнь и сердце Бориса, не уничтожая, а напротивъ поддерживая и возвышая въ немъ всѣ его качества, — воспитатель почувствовалъ самъ нѣчто въ родѣ любви къ незнакомой, но уже дорогой ему Маринѣ. Онъ сталъ искать встрѣчи съ нею, ей невѣдомо и незамѣтно. Представиться блестящей и знатной законодательницей высшаго общества скромный немецъ не дерзалъ, да и не желалъ. Онъ зналъ за собою такую робость, которая не допустила бы его явиться Маринѣ въ настоящемъ своемъ видѣ, и не хотѣлъ показаться ей не въ свою пользу. — Къ тому же, онъ совѣстился говорить объ ней съ Борисомъ, разспрашивать его. — Женщина, и при томъ любимая и любящая, была всегда для него тѣмъ-то въ родѣ идеала, — недосягаемаго, мнѣческаго существа, о которомъ мысль его не смѣла слишкомъ распространяться. — Но любопытство его сумѣло найти случай; онъ разузнавалъ, куда Борисъ ѣдетъ, — и увѣренный, что каждый выгздъ влюбленнаго долженъ имѣть непремѣнную цѣльную встрѣчу съ предметомъ любви, — когда Вейссе слышалъ, что Борисъ собирается въ театръ или концертъ, въ какое-нибудь мѣсто публичнаго увеселенья, онъ отпраплялся за нимъ, — и, не спрашивая никого объ Пенской — самъ узналъ ее въ толпѣ петербургскихъ красавицъ, но соображенiямъ своимъ и внутреннему сочувствию ко вкусу своего питомца. Съ тѣхъ поръ добрый Вейссе часто находился на дорогѣ Маринѣ, — издавѣка узнавалъ ея карету, ея ливрею, старался обогнать ее на улицѣ, чтобъ только взглянуть на ея чудную и симпатическую красоту, доставать то кресло въ театрѣ, изъ котораго виднѣе была ея ложа, — и восхищался Мариною не менѣе самаго ея обожателя. — После такихъ пожеланiй, Вейссе являлся къ старику Урманскому, описывалъ ему

Борисову красавицу, — хвалили ее наряды, превозносили ее грацию и миловидность, заочно влюбляли в нее старика, и они проводили целые вечера в таких разговорах. — Урманский слушал улыбаясь эти рассказы о сердечном выборе обожаемого сына, потирал руки, расхаживался, — и обыкновенно кончал темъ, что велит поплотнѣе затворить дверь, — и примется самъ описывать своему сообщнику приключенія своей собственной молодости, свои *успѣхи*, свои любовныя шалости и не-шалости, и непременно заставит покраснѣть цѣломудреннаго ученаго, представляя ему картины нравовъ тогдашняго времени, — времени, когда любовью называлась легкомысленное удовольствіе, и когда страсть была сцѣпленіе веселыхъ ужиновъ вдвоемъ, или вчетверомъ...

И такъ, цокуда въ зеленой гостинной г-жи Урманской не было пріятнѣйшаго занятія, какъ бранить Ненскую, и совѣтоваться о средствѣ поссорить ее съ Борисомъ, — внизу, въ теплой и тихой спальнѣ хозяина дома, два союзника, незнакомые Маринѣ, восхищались прелестью женщиною, и торжествовали за Бориса при мысли, что онъ ею любимъ.

И однажды, когда въ зеленой гостинной, не замѣтя присутствія нѣмца, или не почитая нужнымъ отъ него остерегаться, барышни Урманскія усердно перебирали всѣхъ *невестъ* петербургскихъ и остановились на двухъ княжнахъ В..., какъ на тѣхъ, которыхъ онъ преимущественно желалъ себѣ въ невестки, — Вейссе, нечаянно приподнявшій голову при имени Бориса, — вслушался, догадался, понялъ, — и всплеснувъ руками, побѣжалъ прямо къ своему воспитаннику, къ которому онъ имѣлъ доступъ во всякое время, и съ которымъ сохранилъ прежнюю свободу говорить обо всемъ, до него касающемся, кромѣ только о Маринѣ.

— Берегитесь! — закричалъ просто оторопѣвшій отъ испуга Вейссе. — Берегитесь, — васъ хотятъ женить!

— Меня? — отвѣчалъ Борисъ съ величайшимъ удивленіемъ, — меня?... а кто и на комъ?...

— Ваша матушка, ваши сестрицы!... онъ сейчасъ говорилъ, что за княжнами В. будетъ дано по три тысячи душъ, да еще много денегъ, и что онъ для васъ прекрасныя невесты!...

— Прекрасныя, можетъ быть, — сказалъ равнодушно Бо-

ришь, — но жаль только, что старшая рыжа, — а меньшая кривобока: — впрочем, мне до этого дела нетъ, — и безъ меня вѣроятно найдутся многіе, кому эти недостатки не похваляются за нихъ свататься!

-- Такъ вы не согласитесь?...

— Никогда и ни за что въ мірѣ! — И Борисъ продолжалъ докуривать свою трубку, и дочитывать послѣдній номеръ *Morning chronicle*.

Восхищенный, и теряя голову отъ радости, Вейссе схватилъ обѣ руки своего воспитанника, сжималъ ихъ, благодарилъ его....

— За что же?... — спрашивалъ тотъ изумленный.

Вейссе заикнулся, — онъ не зналъ, какъ выразить свои мысли и свои чувства. — Бѣдный поэтъ въ душѣ, и недоступный строгости положительной жизни нѣмецъ являлъ о любви такое же превьиспеннее и туманное понятіе, какъ и о женщинахъ: для него, измѣнить своей любви, отрѣчься отъ нея, было бы такимъ же ужаснымъ преступленіемъ, какъ бѣжать съ поля сраженья, или не сдержатъ данной присяги. Онъ любилъ видѣть въ Борисѣ новаго Макса Пигломини, другаго Донъ-Карлоса въ любви, (хотя впрочемъ въ данномъ ему воспитаніи болѣе старался развивать въ немъ *Маркиза Позу!*); ему прискорбно было отказаться отъ этихъ сравненій, еслибы молодой герой дѣйствительнаго романа его жизни не умѣлъ сохранить рыцарской вѣрности къ своей дамѣ.... Во вторыхъ, — Вейссе, много и долго наблюдавшій за женщинами въ гостиниой Урманскихъ, не находилъ ни одной, кромѣ Маринь, которая бы казалась ему достойною всей любви его воспитанника. — Успокоенный, онъ отправился въ свою комнату, къ своимъ любезнымъ книгамъ. Но это неожиданное открытіе невиннаго Вейссе предостерегло Бориса, и дало ему средство отклонить разныя попытки, скоро послѣ того предпринятія въ его семействѣ, чтобъ сблизить его съ княжнами В. Когда ему стали яснѣе намекать о женитьбѣ, — онъ отвѣчалъ точно такъ же, какъ нѣмцу, — и рѣзкая откровенность его словъ лишила его сестеръ всякой надежды когда-либо уговорить его, — такъ неизлечима показалась имъ антипатія брата къ богатымъ и не красивымъ невестамъ.

Это обстоятельство дало несколько месяцев роздыха двумъ любящимся.—Зима кончилась благополучно.—На лето Урманская должна была везти на воды двухъ младшихъ своихъ дочерей, которыхъ блѣдность и несвѣжесть сокрушала ея материнское самолюбіе, хотя она и старалась увѣрить всехъ, и себя самое вмѣстѣ съ прочими, что онѣ больны къ *росту*; но эта отчаянная уловка никого не обманывала, и несколько не помогала. Развѣ весь городъ не зналъ давно, что въ лета ея *дѣвочки* растутъ только заботы и неудовольствія не пристроенныхъ и почти безнадежныхъ кандидатокъ на супружество?... Она повезла ихъ купаться въ минеральныхъ водахъ, и взяла съ собою тоже двухъ старшихъ,—уже не *ожидающихъ* ничего отъ всѣхъ водъ и источниковъ міра, которые не обладаютъ чудными свойствами молодительнаго фонтана Жуванскаго. — Старикъ Урманскій остался на рукахъ Бориса и Вейссе,—и всѣ трое перѣехали на дачу.

Сосѣдкою ихъ, какъ и въ прежнія два лета, была Маринна Ненская.

Волшебнo и быстро пронеслась эта вора возобновленія для всей природы, и вмѣстѣ для счастья Маринны и Бориса. Никто не мѣшалъ имъ, никто не разлучалъ ихъ.—Они вполне наслаждались этою дачною жизнью, которая или такъ пріятна и удобна, когда проводится въ хорошемъ сосѣдствѣ, съ людьми намъ симпатичными,—или такъ нестерпимо-вечесна, когда ес портитъ сосѣдство людей недоброжелательныхъ, и ежеминутное, всеобщее сообщеніе съ недобезылыми, лобопытными, праздными, а по несчастью знакомыми доучателями. — На дачѣ, гдѣ жилища обыкновенно похожи на карточные домики, гдѣ жизнь каждаго на виду, гдѣ близость позволяетъ всякому видѣть, что дѣлается у другихъ,—гдѣ нѣтъ средства не принять даже тѣхъ, кого зимою въ свою переднюю не допускаютъ,—на дачѣ или блаженствуютъ или мучатся, смотря по стеченію обстоятельствъ.—Борисъ и его прекрасная сосѣдка вполне блаженствовали. — Они видались съ утра до вечера, раздѣляли всѣ занятія, всѣ удовольствія, всѣ прогулки одинъ другаго.—Присутствіе мадамъ Боваль, этаго безсильнаго ординарца, приставленнаго къ себѣ свѣтobоязною Маринны, какъ отводъ замчаній и толковъ,—позволяло имъ

кататься вмѣстѣ на лодкѣ въ ясные вечера, ходить слушать музыку въ иллюминированныхъ садахъ, или разъѣзжать въ низкомъ лондо отъ сумерокъ до восхода мѣсяца и звѣздъ, — въ эти часы, когда самые прозаическіе люди, самые отчаянные говоруны, чувствуютъ наитіе какой-то лѣнивой, но полной думъ молчаливости, — когда что-то въ насъ притихаетъ, когда не хочется ни заниматься дѣломъ, ни предаваться бесѣдѣ, но хочется только впитать въ себя прохладу лѣтняго воздуха, — наслаждаться вѣчною красою мірозданья, дышать, созерцать и забываться, утопая въ лѣни и нѣгѣ общаго успокоенья всей природы. Если самые равнодушные, самые положительныя люди не изъяты изъ — подъ вліяніемъ этого общаго ощущенія, то какъ сильно должно оно быть въ душахъ и сердцахъ двухъ молодыхъ, поэтическихъ и влюбленныхъ счастливицевъ!...

Старикъ Ухманскій и Вейссе, предоставленные тоже полной свободѣ отъѣздомъ женской половины семейства, пользовались сосѣдствомъ и случаемъ, слѣдовали за неразлучными, любовались Мариною, — и наконецъ познакомились съ нею. — Тогда всѣ вмѣстѣ, чувствуя, но не выражая симпатическую власть, ихъ сближавшую, зажили въ согласіи и радости дружескихъ отношеній, легко объясняемыхъ сосѣдствомъ и загородной свободой. — Тайные обожатели Марины, столь преданные ей, и столь мало требующіе отъ нея, — довольны были, когда имъ удавалось сопутствовать ей на прогулкѣ, пить чай на ея балконѣ, слушать ее, когда она играла на фортепьянахъ, когда пѣла съ Борисомъ, и сливалась мягкій и страстный контральто своего голоса съ звучнымъ его баритономъ. Неизмѣнная любовь двухъ стариковъ возрастала ежедневно, и Марина сладко улыбалась, примѣчая ея нѣмое, но вѣрное и искреннее служеніе. — Въ день ея рожденія, они сдѣлали ей сюрпризъ, — приготовили иллюминацію, фейерверкъ, музыку въ палисадникѣ ея дачи. Борисъ былъ въ упоеньѣ: ему казалось, что это счастье никогда не должно кончиться, — а Марина?...

Она жила какъ въ забытѣхъ, въ чадѣ непонятнаго, но сладчайшаго сна, переносящаго ее за предѣлы земныхъ огор-

чений и заботъ, на свободную высоту надъ звѣздныхъ сферъ, куда не смѣли слѣдовать за нею ни помѣха, ни оковы дѣйствительнаго міра.... Сердце ея отверзалось этому блаженству, какъ распутившійся цвѣтокъ благотворному дыханью вѣтерка. Всякій день, просыпаясь, она глядѣла на солнце, на небо, на землю, гдѣ все казалось ей такъ прекрасно и такъ благоустроено — и благодарныя слезы струились изъ глазъ вполне теперь счастливой женщины.

Воленье и страхъ, неотвратимые въ первые дни любви, долженствовавшей бояться людей и искать тайны, — теперь изгладились въ сердце, умиротворенномъ привычкою. — Она была увѣрена въ Бориса, — видѣла, что никто его у ней не оспаривалъ, — чего же больше нужно было ей?..

Ихъ единодушіе и единомысліе, ихъ совершенное сочувствіе всегда и во всемъ, такъ развились подъ вліяніемъ привычки, что часто, когда одинъ изъ двухъ начиналъ излагать какое-нибудь мнѣніе, какую-нибудь мысль, — у другого они были на языкѣ, и готовы выразиться совершенно такъ же. Случалось, что на двухъ противоположныхъ концахъ комнаты, оба вдругъ отвѣчали въ одно слово на какой-нибудь вопросъ, или сами предлагали присутствующимъ тотъ же вопросъ, въ одно время. — Даже когда каждый изъ нихъ бывалъ у себя, и имъ порознь рассказывали про современное событіе, про городскую новость, и спрашивали, что они объ томъ думаютъ, — ихъ первое впечатлѣніе всегда было одинаково, — и сказанное однимъ непременно выходило слово въ слово то же, что съ своей стороны говорилъ другой. Ихъ самихъ дивило почти столько же, сколько радовало, это необъяснимое вліяніе ихъ духовнаго существа. — Они сознавали, что, кромѣ ихъ воли, было межъ ними и въ нихъ самихъ нѣчто сильнѣйшее, связующее ихъ неразрывно и нераздѣльно.

Но какъ описать и пересказать эти обманчивыя грезы? Вся онѣ одинаково увлекательны, одинаково вызываютъ болѣзненный призракъ счастья — и для всѣхъ ихъ нѣтъ ни словъ, ни выраженій. Вообще счастье звучитъ одногласно, и одна только скорбь можетъ переблгать неисчислимыя гаммы человѣческихъ страданій.

Но мнимое блаженство кратковременно: для Бориса и Марины оно прошло такъ же скоро, какъ прошло лѣто.— Ранняя сѣверная осень повяла на него своимъ холоднымъ дыханьемъ, — и оно исчезло безъ возврата. — Сентябрь, столь близкій у насъ отъ живительнаго мая, выгналъ изъ дачь ихъ минутныхъ жителей, опустыли сады и рощи, служившіе имъ кратковременнымъ приютомъ, и городъ въ нѣсколько дней опять наполнился. — Вернулись мать и сестры Бориса, перевезли его и старика въ обновленный, но столь же скучный домъ. — Марина тоже переехала, — все пошло по старому, — то худо, то хорошо, — то весело и грустно, — чаще однако худо и грустно!...

Ей не мало стоило потерять вдругъ сладкую привычку видѣться безпрестанно съ Борисомъ, — начинать съ нимъ утро, вмѣстѣ завтракая, — совѣтоваться о распоряженіяхъ и предположеніяхъ на цѣлый день, — и кончать вечеръ далеко за полночь, говоря другъ другу до *завтра*, съ восклицательнымъ уврѣненіемъ, что это *завтра* придетъ, столь же ясное, какъ нынче, и что никто у нихъ ея не отниметъ!

Ей казалось страннымъ и противуестественнымъ не обидать съ нимъ, не дѣлать вмѣстѣ всѣ занятія, всѣ прогулки. Она привязалась къ его отцу, къ кроткому и вѣрному Вейссе. Ей доставало ихъ обоихъ. — Улаживая за старикомъ, исполняя его маленькія приходы, когда онъ желалъ, чтобъ она для него пѣла, или съ нимъ играла въ шахматы, — она пріучилась къ его обществу, къ его ласковому и почти родственному обращенію. Ей казалось, что отецъ Бориса усваивалъ ее себѣ въ дочери своею любовью.... Ей казалось, бывши съ нимъ ежедневно, что она принадлежитъ къ его семейству, — и что эта тихая семейная жизнь служить дополненіемъ ея душевному счастью. — А Вейссе, съ своею скромною ученостію, съ своимъ просвѣщеннымъ свѣтлымъ умомъ, былъ для нея такимъ пріятнымъ собесѣдникомъ, такъ живо принималъ участіе въ ея разговорахъ съ Борисомъ!...

Теперь, вмѣстѣ продолжалъ навѣщать ее, — но Урманскаго къ ней рѣшительно не пускали. Жена и дочери его, узнавши, что онъ видался съ нею, — и какъ бы потворствовать своимъ.

снисхожденіемъ ея короткости съ Борисомъ, — осыпали его упрсками и выговорами, негодовали и сердились, — и такъ его окружили присмотромъ, что онъ не могъ увернуться отъ нихъ. — Зимой же, подагра и безъ того не давала ему выходить изъ комнаты и покидать кресель. — Только изрѣдка могъ онъ посылать Маринѣ, — черезъ сына или черезъ Вейссе, букетъ цвѣтовъ и нѣжный поклонъ, — когда зналъ, что красавица его послѣднихъ дней собирается выгнать куда-нибудь, и можетъ имѣть въ рукахъ своихъ залогъ воспоминанія.

Отложивъ попеченіе о княжнахъ В., Ухманскія однако не вовсе отрезались отъ надежды и желанія женить Бориса. — Только, наученныя первою неудачею, онѣ взяли теперь за дѣло умнѣе, — не останавливали своего выбора на рыжеватыхъ или не совсемъ прямыхъ наследницахъ, — и стали требовать красоты, какъ необходимаго качества для невѣсты, ими желаемой. — Въ эту пору только что появилась на сцену свѣта молоденькая и пригоженькая двушка, — дочь графини Эйсбергъ, знаменитой красавицы, — и такъ какъ за ней объявлялось приданое гораздо значительнѣе даже состоянія забракованныхъ княженъ, — то къ ней устремились помпышленія и ласкательства сестеръ и матери Бориса. — Известно было, что графиня Эйсбергъ, не сошедшая еще сама съ бальнаго паркета, и не кажушая болѣе тридцати лѣтъ, намѣрена сбыть дочь свою съ рукъ, выдавъ ее замужъ какъ можно скорѣе, чтобы не имѣть возлѣ себя такого безсмыслнаго и неотвергаемаго метрическаго свидѣтельства о ея годахъ.

Съ ней повнакомились, ее заманили въ зеленую гостиную, — и дѣло пошло....

Двуочка была глупа, — глупа, какъ первая элегія шестнадцатилѣтняго вздыхателя-поэта, обращающагося къ луиѣ и къ днѣтъ, — глупа, какъ журнальная острота, — глупа, какъ бывають глупы эти рѣдкія и жалкія природы, изъ которыхъ труженическое воспитаніе не можетъ образовать даже обыкновенной свѣтской куколки, лепечущей довольно-складный вздоръ, и разсуждающей ловко и мило о тряпкахъ. — Такія исключенья рѣдки въ нашемъ обществѣ, — но за то, — когда

они попадаютъ, — то поверьте, что въ самой грязной хатѣ самаго степнаго села, вы не найдете ничего приторнѣе, безцвѣтнѣе и ничтожнѣе великосвѣтской дурочки, которая, существуя отрицательно, знаетъ твердо всё, чего не должно дѣлать, чего не должно говорить, — но за то, ровно ничего не дѣлаетъ, не говоритъ, и даже не понимаетъ. — Когда въ семьѣ выродится такой нулекъ съ розовыми щечками и тонкой тальницей, его скорѣй вывозятъ, пока онъ не утратилъ свѣжей приманки первой молодости, — его скорѣй пристроиваютъ, пока свѣтъ не успѣлъ догадаться о его пустотѣ, — и только послѣ брака можетъ мужъ рѣшить задачу о ничтожествѣ, ему навязанную въ лицѣ этого даннаго незнакомаго и неизвѣстнаго.

Хорошо еще, когда, какъ за графиней Ненси, обильное *прилагательное* можетъ искупить умственную бѣдность существительнаго. Такое вознагражденіе пріемлется съ удовольствіемъ, особенно когда ему сопутствуютъ голубые глазки, томно-нѣжныя, блѣлокуроія булки, развѣваемыя какъ пухъ около овальнаго, *кисскаго* личика, — и вѣчная улыбка, вытѣпленная какъ изъ воска на блѣдно-карминовыхъ губкахъ. Вся эта нѣга и сладость, — эта жена-варенье, могутъ пріятно занять медовый мѣсяць разсчитливаго новобрачнаго, — а потомъ!... Видь потому, если они и надовѣдаютъ, то за то, какъ легко съ ними управиться и какъ мало мѣста занимаетъ глупая жена въ жизни умнаго мужа!...

Борисъ не подозрѣвалъ новыхъ ловушекъ, опять для него подготовляемыхъ. — Безпечный и спокойный, онъ раза два былъ приглашенъ къ графинѣ Эйсбергъ, и просидѣлъ какъ другіе, на ея аристократическихъ и модныхъ вечерахъ. — Ненси подружилась съ его меньшими сестрами, бывала у нихъ, приводила въ восторгъ зеленую гостиную, — но онъ всё-таки не догадывался. — Свѣтъ былъ дальновиднѣе его. Въ городѣ заговорили о слаживаемой свадьбѣ Бориса Урманскаго и графини Ненси Эйсбергъ.

Въ одно утро, Марина, снова терзаемая разными неудачами и разстроеными свиданьями, сидѣла, задумчива и блѣдна,

въ любимомъ своемъ кабинетъ, и держала въ рукѣ книгу, которой она не открывала. Ея мысли кружились упорно и безостановочно, какъ часовыя стрѣлки около мѣрнаго круга часовъ, все около одного и того же предмета—Бориса,—и ихъ взаимныхъ отношеній.—Она была недовольна и разстроена,—она чего-то боялась, сама еще не зная почему,—но предвидя и предчувствуя, по возобновленнымъ отсутствіямъ Бориса, что противъ нея опять и возстаютъ и что-то замышляютъ.

Вдругъ раздался звонокъ въ снѣгахъ. Она никого не ожидала, и не хотѣла видѣть. Онъ долженъ былъ захватить передъ обѣдомъ, чтобъ сказать ей, можетъ ли, или нѣтъ, провести съ нею вечеръ.—Но для него теперъ было рано,—а внизу было приказано чужихъ не принимать. Стало быть,—это ея отецъ, рѣдко ее навѣщающій, за недосугомъ, но всегда принимаемый ею съ радостью, какъ существо, любившее ее въ свою югу, видѣвшее ее въ свою пору,—но никогда ее не огорчавшее, и потому, дружественное и пріязненное.—Марина не привыкла считать на отца своего, когда ей нужна была опора или отрада,—не привыкла дѣлить съ нимъ ни своей скорби, ни своей радости, но она знала, что можетъ быть увѣрена въ неизмѣнности спокойной его привязанности,—и не требовала отъ него болѣе,—повторяя свою привычную поговорку, объяснявшую ей многое и многихъ на быломъ. святѣ: «Иной любить, какъ другой не любить!»

На этотъ разъ пріѣхалъ не онъ: шумъ женскаго шелкового платья и легкихъ женскихъ шаговъ раздавался въ ближней комнатѣ.—Удивленная, Марина привстала, чтобъ посмотрѣть, кого допустили къ ней, когда она запретила принимать,—и очутилась передъ молодой, прекрасной, но немного изуренной женщиной, княгиней Л..., подругой ея дѣтства, и одной изъ ея самыхъ короткихъ знакомыхъ.

— Мэри, — ты это?... какой пріятный сюрприз!... Я тебя совсѣмъ не ожидала....

— Я думаю, не ожидала, когда ты никого пускать не могла, но я насильно къ тебѣ ворвалась, а твои люди не

смыли меня остановить, хотя имъ очень того хотѣлось! — Что съ тобою?... Я тебя сто лѣтъ не видала.... ты нигдѣ не бываешь!

—Я все не очень здорова.... нога такая дурная....

Привзжая сомнительно покачала головой, — села на диванъ, посадила возлѣ себя Марину, притянула ее къ себѣ за обѣ руки, и стала пристально смотрѣть ей въ глаза. — Марина не отворачивалась, — не опускала глазъ, — но душа ея таилась за зеркальною ясностью черныхъ глазъ, и завѣтное чувство, сжившееся съ душой ея, не должно было измѣнить ей, такъ привыкла она скрывать отъ всякаго посторонняго взора и всякой догадки.

—Марина, со мной не притворяйся!... Можетъ быть, ты въ самомъ дѣлѣ не совсѣмъ здорова, — это бываетъ, особенно когда приходится терпѣть неприятность и горе!... (Тутъ княгиня кашлянула раза два съ трудомъ, какъ будто что-то тѣснило ей грудь). Но кромѣ того, — ты должна быть... разстроена!... И потому-то я къ тебѣ прѣехала. Тебѣ нужно утѣшенье друга: я тутъ! Будь со мною откровенна!

Марина остолбенѣла. — Никто не смѣлъ до сихъ поръ напрашиваться на ея довѣріе. Это была первая попытка. — И отъ кого же?... Княгиня Л..., самая модная и самая вѣтреная по видимому изъ молодыхъ и беззаботныхъ щеголихъ высшаго круга, — добрая, но сльвущая пустою, княгиня Л... менѣе, чѣмъ всякая другая, казалась ей способною ей сочувствовать, ее понимать. Нѣкогда онѣ учились вмѣстѣ танцовать, играли вмѣстѣ въ куклы, а потому сохранили привычку говорить другъ другу *ты*, видались раза два въ недѣлю, обѣдали одна у другой, — иногда въгъзжали вмѣстѣ, — но такъ какъ между ними не было въ умственномъ отношеніи ничего общаго и сходнаго, — то межъ ними не было никакого обмѣна довѣренности и признаній. — Да и въ чемъ было признаваться княгинѣ Мэри?... Какъ Марина, единственная дочь, она росла, балована и любима, какъ она; — какъ она, появилась въ обществѣ, блистательна и привѣтствуема всеобщею благосклонностью: — но счастливѣе ея, — вышла за-мужъ за молодого человѣка, по любви, и съ тѣхъ поръ, хотя слабое здоровье иногда покрыв-

ило блѣдностью ея классическое лицо, она не переставала показываться всегда торжествующею и веселою на поприщѣ сѣта, участвовала во всѣхъ его удовольствіяхъ и радовалась всѣмъ его волненіямъ и разсѣяностямъ. — Ее тоже называли счастливою и ей тоже многія завидовали. — Только чрезвычайная живость ея характера болѣзненно изобличалась иногда въ беспокойствѣ ея взоровъ, всегда какъ будто ищущихъ чего-то; только, перевозбужденный нервическою раздражительностью, умъ ея быстро и не всегда ловко перебѣгалъ отъ предмета къ предмету, и многословные вопросы, не дожидаясь отвѣта, сыпались потокомъ изъ судорожныхъ устъ ея. За это пріятельницы называли ее иногда шута *вопросительнымъ знакомъ*, и говорили, что она вѣчно какъ будто играетъ въ игру *перерываться словъ*, — но никому въ голову не приходило, чтобъ сердце ея, если оно и было у нея, — могло участвовать въ этой капризной пылкости и стремительности ея мысли.

И такъ Марина глядѣла на княгиню, — и недоумѣвала. О чемъ та говорила?... Зачѣмъ точно будто ее разспрашивала съ непривычнымъ ей участіемъ?...

Княгиня продолжала:

— Марина, я тебя люблю, право люблю, мнѣ жаль тебя! Я все знаю!... Я молчала, потому что помочь тебѣ нельзя, — да и ты бы не захотѣла меня слушать. — Но теперь, это невыносимо! Я вчера сердилась, и наговорила всѣмъ имъ колкостей и злыхъ намековъ за тебя!

Марина еще болѣе удивилась...

— За меня?... Кому же?... ради Бога, скажи мнѣ все, Мари... Не понимаю, въ чемъ дѣло?...

— Въ томъ, что всѣ, рѣшительно всѣ, заняты теперь только тобой, твоимъ будущимъ разрывомъ, и любопытны знать, чѣмъ все это кончится.

— Разрывъ?... Чѣмъ кончится?... Мери, ты меня съ ума сведешь!... что это все значить?...

Мери вздрогнула при выраженъ «съ ума сведешь», — и какъ-то дико посмотрѣла на свою собесѣдницу. Она провела рукою по лбу, и продолжала: — Да, да, это все точно такъ,

какъ я говорю! Вчера, у моей кузины, я даже поссорилась съ нѣкоторыми изъ нашихъ дамъ.... Какъ же можно?... держать пари, про тебя, при мнѣ!....

— Пари, — о чемъ?... я все не понимаю....

— О томъ, победишь ли ты, или нѣтъ;— удержишь ли Бориса,—или его женить на маленькой графинькѣ....

Маринѣ сдѣлалось дурно; сердце ея забилося, какъ будто хотѣло разбить грудь ея и вырваться, окровавленное, на волю.... Она ухватилась за ручку дивана, и спросила едва внятнымъ голосомъ:

— Женить.... на комъ?...

Удивленье и негодованье превозмогли ея стойческую скрытность,—она уже не думала больше етпираться отъ своей любви,—она хотѣла только знать, знать скорѣе и вполне все, что ей угрожало.

— На Ненси Эйсбергъ,—этой дѣвчонкѣ, которую такъ стали хвалить Ухманскіе, съ тѣхъ поръ какъ узнали, что за ней дадутъ всѣ тамбовскія вотчины ея матери, и всѣхъ тамошникъ мериносовъ, на которыхъ она сама такъ похожа!

— Ненси Эйсбергъ!.... этотъ ребенокъ.... это ничтожное, безсловесное созданье!... На ней женить его?!... Да кто жъ это выдумалъ?... Развѣ это возможно?...

— Такъ не ужели ты въ самомъ дѣлѣ ничего не знаешь, Марина?... развѣ тебѣ Борисъ Ухманскій не сказалъ?... развѣ это все не правда и выдумки, что вчера говорилось у моей кузины?...

— Я ничего не знаю, милая Мэри,—повторяла Марина съ усиленіемъ,—ничего!... расскажи мнѣ.... все это для меня такъ неожиданно.... такъ невѣроятно!...

Она помнила, что вчера еще,—вчера!... онъ, Борисъ, стоя на колынахъ передъ нею, глядѣлъ ей въ глаза, чтобъ читать въ нихъ, столько ли она любитъ его, сколько онъ ее,—и не умѣя рѣшить этой задачи, благодарилъ ее за свое счастье, за эту взаимную любовь, столь полную и глубокую, что ни тотъ, ни другой не знали, кто изъ двухъ болѣе ею проникнуть!

Блѣдная княгиня обвила шею Марины своею прозрачною ручкою, склонила ее къ себѣ на плечо, поцѣловала Ма-

рину въ лобъ, какъ больнаго ребенка, и просила не сердиться и не огорчаться, если она первая, неосторожными вопросами своими, открыла ей неприятную для нея тайну.— Силы Марины не устояли противъ этихъ ласкъ: сердце ея, тѣсненное столь многими, столь различными мучительными чувствами, и тронутое неожиданнымъ сочувствіемъ, растаяло отъ умиленья; она заплакала горько и громко, какъ плачутъ одни только сильные, когда они побѣждены слишкомъ великимъ и слишкомъ новымъ горемъ.

Она умоляла княгиню ничего не скрывать отъ нея, ей нужно было все знать, чтобъ дѣйствовать вѣрно и рѣшительно, какъ всегда. И теперь, она хотѣла смѣло встрѣтить лицомъ къ лицу предстоящую борьбу.—Истина ее не пугала, — ей невыносима была только неизвѣстность.

Княгиня передала ей всѣ городскіе толки и слухи объ устроенной сватбѣ Бориса Ухманскаго, и стараніяхъ его семейства, при пособіи и ополченіи всѣхъ старухъ, отъявленныхъ и не признающихся, которыя составляли ихъ подвижную милицію, и по всему Петербургу развозили описанія всѣхъ достоинствъ ихъ семейства, общающихъ такое неслыханное благополучіе ихъ будущему сочлену.—Княгиня передала своей слушательницѣ, безмолвной и окаменѣлой, вчерашній разговоръ о ней на раутѣ у ея кузины, гдѣ многіе старались предугадать окончаніе этой забавной исторіи, предлагали держать заклады, иные за постоянство Бориса и торжество Марины, — другіе, въ большинствѣ, — за успѣхъ предпріятія Ухманскихъ, увѣнчаннѣй сватбою Бориса.—Она описала колкія выходки и насмѣшливыя улыбки тѣхъ изъ женщинъ, которыя возненавидѣли Марину за то, что имъ не удалось *отбить* у нея Ухманскаго. Она повторила злобныя замѣчанія и двусмысленныя намеки тѣхъ изъ мужчинъ, которые вотще искали благосклонности Марины, и даромъ истратили для неблагодарной свои вздохи, свои угожденія и несметное множество убійственно-краснорѣчивыхъ взглядовъ и невинныхъ желтыхъ перчатокъ. Марина слушала, блѣднѣла, краснѣла, дрожала, — и сираживала сама себя, какъ могла она накликать на свою голову столько злобы и ненависти; — она, которая никому не

вредила и никого не обижала?... Она поняла теперь, за какую цену люди продают свое удивленье, свои похвалы, — какая внутренняя досада скрывается всегда под ихъ лживыми привѣтами и мнимымъ доброжелательствомъ, и какъ жадно ловятъ они случай сбросить личину притворства и отомстить тѣмъ, кто у нихъ, по ихъ же пословицѣ, какъ *бѣльмо на глазу*. Она содрогалась, — но не отъ сознанія своей немощи и своего безсилія, — а отъ гнѣва и благородной жажды справедливости. — Ей хотѣлось встрѣтиться съ своими заочными поносителями и насмѣшниками, — и спросить у нихъ, — *за что* они на нее вооружаются?... Ей, увѣренной въ чистоту и непорочности ея отношеній съ Борисомъ — ей казалось невозможнымъ не пристыдить, не разсѣять лжесвидѣтелей, не убѣдить это ослѣпленное, такъ называемое общее мнѣнiе....

Не одно сердце, не одно чувство справедливости громко вопіяли въ Маринѣ: гордость, — эта орлица, которую стрѣлы клеветы не могутъ заставить упасть на землю, — какъ бы смертельно онѣ ее ни поражали, и которая, раненная ими, — все возносится выше и выше, все улетаетъ далѣе и далѣе на недосыгаемая съ низу вершины, чтобы исцѣлиться, или умереть въ недоступной тишинѣ, — гордость была въ ней раздражена, — и ея голосъ говорилъ едва ли не громче самой любви. — Какъ! завѣтныя тайны ея сердца служили залогомъ безумному закладу насмѣшливой молодежи!... Какъ?... ея любовь, ея счастье, стали предметомъ общаго разговора, какъ обыденное событіе, — какъ водевиль, упавшій на театр!... И все это потому, что нескромная болтливость ея тетки передала ея имя на забаву толпы, потому что эгоизмъ и расчетъ не пощадили ни молодости, ни увлеченія. Это несчастье, сотканное изъ такихъ мелкихъ причинъ и ничтожныхъ побужденій, — эта лавина, катящаяся на нее со всѣхъ сторонъ, и грозящая ее раздавить, — Марина однимъ взглядомъ, одною мыслию ихъ поняла, — и объяснила себѣ все ихъ значеніе, всѣ ихъ послѣдствія. Но противъ собственнаго чаянія, она не чувствовала себя уничтоженной, напротивъ, силы, досель ей самой невѣдомыя, проснулись въ душѣ ея, и готовились противустать всему и всѣмъ.... Марина подняла голову, отерла слезы свои, — продолжала разспраши-

вить княгиню, и та удивилась, увидя такую перемену въ лицѣ и голосѣ женщины, за минуту до того разбитой и уничтоженной. Княгиня Мэри,—натура не одаренная самостоятельностью и твердостью,—не понимала этой желѣзной воли, которая, въ борьбѣ, сгибалась только чтобъ сосредоточиться, и выпрямлялась сильнѣе и непреклоннѣе въ своей упругости.—Она ожидала нервическихъ припадковъ, истерики, обморока, послѣ которыхъ обыкновенно другія женщины притихаютъ и смиряются, покоряясь неизбежности, или чужой власти, сильнѣе ихъ. Тутъ она видѣла горе глубокое, горе истинное, но твердость непоколебимую, но рѣшимость бороться до нельзя. Она обняла Марину.—Прощай,—сказала она ей вставая,—тебя, я вижу, лучше предоставить себѣ самой! Ты одна за себя заступишься, и все конечно устроишь къ лучшему.—Ахъ, Марина, какъ ты счастлива, что ты такъ сильна! тебя никогда не сразить никакое огорченье!...

Марина горько улыбнулась.... «Посмотри!»—отвѣчала она, и схвативши княгинину руку, положила ее себѣ прежде на лобъ, покрытый холоднымъ потомъ предсмертныхъ судорогъ, хотя надъ его мраморною поверхностью ни одна складка не обозначила мученья, въ немъ гнѣздившагося.— «Посмотри!» продолжала Марина,—и провела рукою княгини по своимъ вискамъ, бьющимся какъ пульсъ въ лихорадку,—потомъ по своему сердцу, трепещущему прерывисто, и высоко вздымающему грудь. Княгиня испугалась, хотѣла остаться, чтобъ подать помощь Маринѣ, если она занеможетъ.... «Нѣтъ, ступай,—возразила она,—со мной ничего хуже не случается!—я себя знаю,—но тебѣ не годится здѣсь оставаться!—тебя это разстроитъ, моя добрая, милая Мэри; ты вѣдь не привыкла къ горю, и не тебѣ съ нимъ совладать!... Прощай, мой ангелъ, Богъ съ тобой!...» Тутъ княгиня въ свою очередь горько улыбнулась, подняла глаза и плечи вверхъ, хотѣла что-то сказать, но спохватилась, и вышла изъ комнаты, тяжело вздыхая. Много думъ пробудили въ ней послѣднія слова ея пріятельницы.—Когда-нибудь узнается, какія были эти думы.—Марина осталась неподвижна, и взявши себѣ голову въ руки, предалась всѣмъ размышленіямъ и страданіямъ, которыя вдругъ на нее нахлынули....

Потерянное счастье.... уничтоженная,—нѣтъ, хуже!—отравленная любовь.... вся жизнь ея, сокрушенная однимъ ударомъ... но болѣе всего,—но болѣе и мучительнѣе всего,—въроломство Бориса,.... изыбна того, котораго она такъ высоко ставила въ своемъ уваженъ и своей любви, всѣ эти фуріи задушевной муки свирѣпствовали въ ней и терзали ее.

Долго просидѣла она въ безмолвіи и забытьѣ своего горя; смерклося, пришли освѣщать комнату, и спускать гардины и шторы,—она притворилась больною, и молча махнула рукою челоуѣкку, чтобы онъ ничего не трогалъ и унесъ нестерпимый ей свѣтъ лампы.—Потомъ пришли доложить, что кушанье на столѣ,—мадамъ Боваль пришла звать ее къ обѣду,—она отказалась, жалуясь на простуду и лихорадку, и слабымъ голосомъ просила, чтобы ее оставили одну, въ поков и темнотѣ.—Наконецъ настала вечерь, и холодъ охватилъ кабинетъ, не согрѣваемый болѣе потухшимъ каминомъ.—Она всё сидѣла, не трогаясь съ мѣста, и не переставая думать, мыслить, страдать.... На другой день, когда горничная расчесывала ея длинныя черныя косы,—на самой маковкѣ найдена была цѣлая прядь совершенно бѣлыхъ волосъ....

Въ половинѣ девятаго часа, она вдругъ вздрогнула, и опомнилась; у подъезда остановился экипажъ, она узнала знакомый стукъ ея кареты; оправилась съ ногъ до головы, и позволила, чтобы велѣть подать огню.—Борисъ вошелъ къ ней вмѣстѣ съ людьми, несущими фарфоровую северскую лампу подъ вырѣзнымъ ея покрываломъ; онъ остолбенѣлъ, увидя ея лице....

—Что съ вами, Боже мой!—вскричалъ онъ,—вы нездоровы?...—Она, чувствуя тяжесть взоровъ наблюдательной прислуги,—она улыбалась, и протягивала ему руку, другою показывая кресла возлѣ себя.—»Да, я гдѣ-то вчера простудилась; меня знобитъ, и отъ того я должна быть очень блѣдна....«—И она куталась крѣпче въ горностаевую куцавейку, чтобы оправдать свои слова.

Люди вышли,—тяжелая портьерка упала вдоль затворенной двери,—они остались вдвоемъ.

—Марина, что сдѣлалось?... ты не больна,—ты чѣмъ-то страшно взволнована?—И онъ схватилъ обѣ ея руки, и при-

вжалъ ее ближе къ себѣ, чтобы посмотреть ей въ лицо. — Онъ ужаснулся, такъ блѣдно и искажено было это лице, столь ему знакомое и понятное во всѣхъ своихъ измѣненяхъ. Она освободила свои руки, спокойно, но рѣшительно.

— Борисъ, — начала она, и голосъ замиралъ въ ея горлѣ, и слова не вязались въ стиснутыхъ устахъ, — Борисъ, кажется межъ нами *первымъ и главнымъ* условіемъ была взаимная откровенность, — откровенность полная всегда, въ какомъ бы то ни было случаѣ?... Не такъ ли?..

— Точно такъ!.. Но что за вопросъ, къ чему?..

— Къ тому, что, когда любить женщину, или говорить ей, что её любить, — тогда не думаютъ, по крайней мѣрѣ, не должно думать о женитьбѣ съ другою!..

— Женитьбѣ!.. да развѣ я объ ней помышляю?... что это значитъ?..

— Я не разбираю, вы ли помышляете или другіе за васъ, — но дѣло въ томъ, что вы женитесь, — и уже весь горлодь объ этомъ говорить, а я одна ничего не знаю.

— Это не правда! клянусь, мой другъ, не правда! гнусная ложь!.. Кто могъ тебѣ сказать? Ради Бога, ради любви моей къ тебѣ, не вѣрь, успокойся! Расскажи мнѣ, откуда ты это взяла?..

Она повторила ему все слышанное отъ княгини Мэри, — толки свѣта, загадыванья и заклады некоторыхъ любителейныхъ, общее оужденье, падавшее на него. — Онъ пришель въ негодованье. Благородный гнѣвъ вскипѣлъ въ душѣ его, неспособной къ обману и лжи. Онъ клялся, что нѣтъ ничего правдоподобнаго во всѣхъ этихъ слухахъ, кромѣ желанья его матери и сестеръ женить его, — о которомъ онъ ничего не сказалъ Маринѣ, чтобъ не потревожить ее и не огорчать понапрасну. «Ты знаешь, ангелъ мой, — прибавилъ онъ, — что меня не женятъ безъ моего вѣдома и согласія, — а я никогда не соглашусь!..»

— *Никогда*, Борисъ.... этимъ много сказано... подумай, тебя уговарять!..

— Никогда, куда я тебя люблю, — а такъ какъ я люблю тебя больше прежняго, люблю съ каждымъ днемъ всё болѣе

и больше, то ить причины предвидеть, чтобъ я могъ тебя разлюбить, — изъ этого выходитъ, что я никогда не женюсь!...

— Нить, мой другъ, — и она грустно качала головою, — изъ этого ничего не выходитъ, — кромѣ безпокойства для меня, и всевозможныхъ причинъ остерегаться... Я знаю, каково вліяніе твоихъ на тебя: если они себя положили цѣлюю женить тебя, то, рано или поздно, имъ это удастся!...

Борись почти разсвѣдился. Онъ доказывалъ, что вліяніе его семьи ограничивается маленькими пожертвованіями, въ которыхъ онъ ей не отказываетъ, чтобъ сохранить свою свободу въ главномъ, то есть въ любви къ Маринѣ.

— Борись, маленькія пожертвованія ведутъ и къ большимъ... уступчивость — колесо на мельницѣ: попадись пальцемъ, — оно увлечетъ и скрутитъ всего человека... Это неизбежно!... И самые эти слухи, эти вѣсти о твоей женитьбѣ, откуда могли они произойти?... развѣ ты бываешь въ домъ Эйсберговъ?...

Борись опустилъ голову, и призадумался... — Да, — сказалъ онъ, помолчавъ, — я былъ на званыхъ вечерахъ... Но не помню ничего такого, что бы могло дать поводъ заключить что-нибудь изъ моихъ посѣщеній; съ дѣвчонкой я не говорилъ, — она сидѣла въ другой комнатѣ, какъ водится!...

— Борись, — вымолвила она робко и нѣжно, ставъ на колѣни передъ нимъ, и глядя ему въ глаза съ подобострастнымъ умиленьемъ, — Борись, хочешь ли ты доказать мнѣ свою любовь?...

— Чѣмъ?... что прикажешь? говори!... Ты знаешь, я готовъ на все, что только можно, и даже не можно, чтобъ тебя только успокоить!...

— Общай мнѣ, что никогда больше не поведешь къ графу или графинѣ Эйсбергъ!

— Ангелъ мой, — что за странная мысль, не нужная предосторожность? Я тебѣ даю свое честное слово, что я не думаю жениться ни на комъ, а на Ненси Эйсбергъ меньше, чѣмъ на всякой другой; — чего жъ тебѣ больше?

— Если ты вовсе не думаешь о Ненси и ея саратов-

скихъ стѣнѣхъ и меривосакъ, то тѣмъ менѣе жертва, которой я прошу: успокой меня!... принеси это удовлетворенье моему самолюбию, моему женскому достоинству, оскорбленному городскими сплетнями; избавь меня отъ непріятности видѣть мое имя на вѣсахъ съ именемъ этой дѣвочки, которую имъ дадутъ въ соперницы!...

Борисъ началъ говорить ей, что лучше заставить свѣтъ забыть въ скорости этотъ предметъ его празднаго вниманья, а потому, ему не слѣдуетъ подавать повода къ новымъ толкамъ и пересудамъ, которые непременно воспослѣдовали бы, еслибы перестали его видѣть въ домъ, куда ѣздилъ половина Петербурга. — Онъ боялся раздражить общее мнѣніе, этотъ мечъ о двухъ лезвіяхъ. — Онъ и такъ уже страдалъ глубоко, зная, что легкомысленная и легкомогая молва сочетала его имя съ именемъ Марины, и употребляла одно какъ оружіе противъ другаго. Онъ пѣнялъ на огласку, произведенную ихъ любовью.

— Кто виноватъ? — отвѣчала Марина; — всѣ слухи, всѣ толки произошли изъ дома *твоихъ*, — изъ гостиной твоей матери: еслибы тамъ насъ оставили въ покоѣ, — то никто бы не узналъ, что мы видаемся чаще, чѣмъ самыя дальніе знакомые въ свѣтѣ!...

— Ты несправедлива къ мнѣ: они жаловались не для того, чтобъ вредить тебѣ, — но потому, что боятся за меня: имъ конечно не можетъ быть пріятно, что, полюбя тебя, я отсталъ отъ нихъ, навлекая на себя и тебя строгія сужденія людей почтенныхъ!...

Такъ всегда оканчивались всѣ разговоры, слѣдующіе за объясненіями между ними, когда она не хотѣла покориться требованіямъ и предписаніямъ, признаваемымъ ею совершенно несправедливыми. Но на этотъ разъ, глубоко оскорбленная, она не удовольствовалась отклончивыми убѣжденіями Бориса, она настоятельно требовала, чтобъ онъ пересталъ ѣздить къ Эйсбергамъ, и доказалъ свѣту, что не думаетъ о перемѣнѣ своей участи.

Сердце Бориса говорило за одно съ Мариной. — Онъ далъ слово не посѣщать родныхъ бѣнокурой Ненси.

Нѣсколько дней прошло. Марина прояснилась, но не успокоилась. — Ей стоило немоврнаго усилія надъ собою, чтобъ показываться изрѣдка въ свѣтъ, и встрѣчаться съ людьми, когда она знала, какъ они издѣваются надъ нею и муками ея сердца. — Однажды, собираясь на великолѣпный пирь, гдѣ должна была встрѣтить весь городъ, а между прочимъ и всѣхъ вѣчно-дѣвственныхъ Урманскихъ и обихъ графинь Эйсбергъ, — она такъ испугалась своей блѣдности и своего изнеможенья, что послала за румянами, — и въ первый разъ отъ роду, искусственная краска замѣнила на благородномъ лицѣ ея исчезнувшій румянецъ молодости и здоровья. — Но никто не замѣтилъ этой нерадостной обновки. — Напротивъ, когда высокая и величественная фигура Марины показалась въ яркоосвѣщенной залѣ, когда голубое дымковое платье, вышитое серебромъ, прильнуло къ ея чуднымъ плечамъ и рѣзко окаймилло бѣлизну ихъ, когда брилiанты на головѣ ея заспорили блескомъ своимъ съ блескомъ искрометныхъ глазъ, — когда, легка и жива какъ газель, съ которой ее часто сравнивала графиня Текла, — она пошла танцовать, скользя по зеркальному паркету, — со всѣхъ сторонъ послышались похвальные восклицанья о красотѣ ея. Немногіе оставшіеся ей приверженцы, — мужчины, слишкомъ серьезно занятые, кто дѣломъ, кто дѣлами, чтобъ сохранять притязанья другаго рода, — немногіе безпристрастные цѣнители, — эти присяжные судьи большого свѣта, провозгласили ее все-таки торжествующей и первенствующей, — и грустный избытокъ ея волненья увѣнчалъ ее избыткомъ красоты.

Она слышала и видѣла, какъ мать Бориса нѣсколько разъ подходила къ сыну, убѣждая его, умоляя идти пригласить на мазурку Ненси Эйсбергъ... У ней при каждой попыткѣ захватывало духъ отъ безпокойства, — но Борисъ не соглашался. Онъ одинъ зналъ исторію купленныхъ румянъ. —

Это маленькое вещественное доказательство любви и пытки, ради его претерпѣваемыхъ, больше тронуло его, чѣмъ цѣлые дни, проведенные Мариною въ слезахъ. — Въ сердце лучшаго изъ мужчинъ прокрадываются движенія суетнаго самолюбія, когда дѣло идетъ о его вліяніи и власти надъ женскимъ сердцемъ....

На слѣдующее утро, довольная впечатлѣніемъ, произведеннымъ ею наканунѣ, не только на всѣхъ, но еще болѣе на одного, — Марина встала веселѣе обыкновеннаго, и поѣхала кататься передъ обѣдомъ, — съ намѣреніемъ закупить новыхъ цвѣтовъ для своего кабинета. — Она ждала къ столу дорогихъ гостей, — его — Бориса, рѣдко у нея обѣдающаго, и вмѣстѣ съ нимъ Вейссе. Для этого праздника она заказала всѣ любимыя кушанья Бориса, выучила новые романсы, чтобъ спѣть ихъ ему, когда онъ лѣниво будетъ курить за послѣобѣденной чашкою кофе. — Пробывши долго въ цвѣточной лавкѣ, она возвращалась домой уже въ сумерки, когда недалеко отъ ея дома ей встрѣтился Борисъ, вхавшій въ противоположную сторону, и, сколько она могла различить во время наскоро обмѣненнаго поклона, — въ бѣломъ галстукѣ, одѣтый какъ для церемоннаго выѣзда, а не для дружескаго обѣда за-просто. Этотъ видъ испугалъ ее. Она почувствовала колюще въ сердце, и ожиданіе чего-то непріятнаго вмгъ разрушило все ея доброе расположеніе. — Дома ей сказали, что Урманскій забѣжалъ, — но ничего не велѣлъ сказать. — Она съела, озабоченная и недвижная. Принесли купленные горшки камелій и гіацинтовъ, — она стала разставлять ихъ по столамъ и жардиньеркамъ, — но руки ея дрожали, — и она уже не надѣялась, не чаяла ничего хорошаго. — Предчувствіе сбылось: въ пять часовъ явился Вейссе, и объявилъ, что Борисъ *не будетъ*. Онъ отозванъ на большой обѣдъ. Но куда? къ кому?... Немецъ ничего не зналъ, — и Борисъ ничего ему не говорилъ, думая самъ повидаться съ Мариною до обѣда. Не нужно говорить, какъ грустно прошелъ теперь безъ него этотъ неудавшійся обѣдъ, — какъ напрасно приневолила себя Марина казаться спокойною, — занимать разговоръ своего подобострастнаго гостя. — Наконецъ, понимая ее,

и собользнула о ней безъ словъ, — Вейссе взялъ шляпу и ушелъ. — Она осталась одна.

Безумная мысль — но неотразимая какъ вдохновеніе, и непобѣдимая какъ наитіе самого духа увлекательныхъ искушеній, — безумная мысль зажглась вдругъ въ душѣ ея. — Ей захотѣлось узнать, гдѣ Борисъ, — съ кѣмъ онъ, — для кого пожертвовала ею.... Она увѣрена была въ томъ, что только неотлагаемое дѣло, или необходимая обязанность могла помѣшать ему быть у ней — Отъ нея — Борисъ поѣхалъ къ себѣ домой.... Следственно его люди могли знать, гдѣ онъ. — Марина схватила первую попавшуюся книгу, завернула и запечатала старательно, какъ государственную бумагу, — и послала ее къ Борису съ своимъ дворецкимъ, приказавъ отдать въ собственныя его руки, какъ *весьма важно*, а если не застанетъ Урманскаго, то узнать *только*, гдѣ онъ, и привезти ей пакетъ назадъ.

Это *только* выражало весь безпокойства и весь предположенія женщины, тѣсно связанной въ путяхъ этой искусственной жизни, гдѣ ей всегда надо быть не *тамъ*, гдѣ бы хотѣлось, не съ *тѣмъ*, съ кѣмъ нужно, — гдѣ и сердце и любопытство ея осуждены прибѣгать безпрестанно къ неизомѣрнымъ ухищреніямъ и уловкамъ для каждой бездѣлицы, которую имъ нужно извѣдать, для каждой подробности, которую имъ хочется узнать. — Это *только* было какъ двухъ-строчный постскриптумъ длиннаго письма, — написаннаго нарочно, чтобы сбить съ толку чужую догадливость, тогда какъ въ томъ короткомъ постскриптумъ выражается настоящая мысль пишущаго.

Черезъ полчаса пакетъ привезенъ назадъ, — камердинеръ Урманскаго объявилъ, что баринъ его поѣхалъ съ тремя сестрицами — на званый обѣдъ къ графу Эйсбергу, — и вѣроятно тамъ проведутъ весь вечеръ; ибо каретъ его не вѣрно пріѣзжать. — Марина едва не упала при этомъ извѣстїи. Не въ силахъ преодолѣть своего волненія, своихъ мучительныхъ ощущеній, — она велѣла заложить карету, — и сама едва помня,

что двласть, едва зная, чего хочетъ, поскакала. — Графиня Эйсбергъ жила въ Большой Морской, — слѣдственно въ Большую Морскую вельно вѣхать, но не сказано куда... Дорогою лишь она достаточно образумилась, чтобы придумать довольно правдоподобно предлогъ своей поѣздки. Она вспомнила, что въ сосѣдствѣ съ Эйсбергами находятся три модные магазина, гдѣ она беретъ свои ленты, цвѣты, чепчики и проч. Она вельла остановиться у перваго изъ нихъ. вышла, кое-что спросила, показалась недовольною тѣмъ, что ей предлагали, — и вельвши людямъ и каретѣ дожидаться ее тутъ пошла пѣшкомъ до другаго магазина. — Чего стоило ей это обстоятельство, по видимому столь маловажное! Женщины ея разряда не ходятъ пѣшкомъ, по вечерамъ, однѣ, — и она менѣе всякой другой переступала обыкновенно за черту всего принятаго и уставленнаго приличіями ея свѣта. Въ первый разъ еще въ своей жизни находилась она на улицѣ въ эту пору; она боялась, дрожала, и къ душевному ея волненію присоединялся трепеть женщины, выходящей изъ всѣхъ своихъ привычекъ. — Когда она отдавала приказаніе своимъ людямъ, голюсь и языкъ измѣняли ей, едва достало ей силы выразить свою волю. И люди, — какъ ихъ дивила такая неожиданность! Какъ лакей провзительно посмотрѣлъ на нее!.. Кажется, въ такія минуты, когда съ нами, или около насъ, совершается что-нибудь важное и горестное, — когда мы поглощены грозною душою нашей, — мы бы не должны замѣчать маленькихъ внѣшнихъ обстоятельствъ, мелочныхъ подробностей, насъ окружающихъ. Напротивъ! тогда-то умственныя силы въ насъ удесятерены, тогда-то именно глазъ нашъ, не глядя все видитъ, и мысль наша все объемлетъ, — и всѣ эти мелочи дѣйствуютъ на насъ болѣе и мучительнѣе, чѣмъ во всякое другое время. Чувствительность раздражена, а разумокъ дремлетъ, который бы могъ все разобрать и умалить до настоящей незначительности. Марину поразили, какъ огненные стрѣлы, удивленные взоры лакея... Она побѣжала по замерзшему тротуару, чтобы укрыться отъ нихъ, и скоро очутилась у самаго дома, занимаемаго Эйсбергами. Этотъ домъ, одноэтажный, съ большими зеркальными окнами,

доходящими до самого полу, былъ тогда ярко освѣщенъ, и въ немъ раздавался чрезъ двойныя рамы сложный шумъ веселаго и многолюднаго собранія. Но съ тротуара ничего нельзя было видѣть. Марина перешла на другую сторону улицы,—и тамъ прислонясь къ стѣнѣ, едва дыша, едва стоя на ногахъ,—она устремила всю душу свою со взорами въ глубину этого торжествующаго дома, гдѣ скрывалась загадка ея жизни.... Тяжелыя штофныя, или можетъ быть бархатныя гардины оконъ были раздвинуты,—и подъ ихъ яркимъ малиновымъ отливомъ видѣлись, какъ легкія облака, другія бѣлыя прозрачныя, черезъ разрѣзъ которыхъ мелькали оживленныя группы людей, яркія лампы, цвѣты, даже наряды дамъ. — Сначала вся эта фантазмагорія бросилась въ глаза дрожащей наблюдательницѣ, и ослѣпляла ее, не давая ей разсмотрѣть отдѣльно никого и ничего. Потомъ она привыкла къ блеску, и начала различать лица ходящихъ и сидящихъ въ ярко освѣщенной комнатѣ. — Вотъ самая старшая сестра Бориса.... она разряжена какъ кукла, улыбается самодовольно, и кого-то держитъ за руку.... Кого?... Но половина занавѣса скрываетъ ту особу.... А! вотъ она выказалась.... Это другая женщина!... Но кто же? Лицо ея обращено въ другую сторону,—ничего не видать.... Но она обернулась,—это сама графиня Эйсбергъ, — разряженная не менѣе своей гостью, и столь же веселая, столь же улыбающаяся, какъ она. — Глаза Марины отвернулись съ отвращеніемъ.... Все не то, чего она ищетъ!—Но гдѣ же онъ?... Она подвинулась не много далѣе, стала противъ другаго окна.... Вотъ средняя сестра Ухманскаго, —самая къ ней непріязненная,—она сидитъ на креслѣ, и зоветъ рукою къ себѣ кого-то.... Приближается бѣлое платье,—пестрѣетъ лента широкаго пояса.... вотъ бѣлокурова букли, тоненькая фигурка. — Это Ненси.... Ухманская усаживаетъ ее.... Маринѣ дѣлалось дурно.... Но вотъ наконецъ, вотъ онъ самъ, Борисъ!... онъ говоритъ съ двумя мужчинами, —она узнаетъ и тѣхъ двухъ.... всѣ вмѣстѣ подходятъ къ окну, — берутъ стулья.—сидятъ.... и Борису пришлось быть подлѣ Ненси.... смотрящая не дождалась ничего болѣе. Вопль отчаянія невольно вырвался изъ груди ея, — она бросилась

бѣжать къ своей каретѣ.... Когда она дошла до нея, ей не помнилось больше, сколько времени продолжалась ея отлучка, ея пытка.... Ей казалось, что она цѣлую вѣчность простояла противъ этого проклятаго дома, — а она всего четверть часа употребила на свое тревожное наблюдение. — Человекъ усадилъ ее въ карету почти безчувственную, — она только могла махнуть рукой; — онъ понялъ, и велѣлъ кучеру ѣхать домой.

Въ глазахъ ея все еще плясали длинныя освѣщенные окна дома Эйсбергъ, но они ужъ становились огромны какъ ворота, разделяющіе аркою Морскую отъ Милліонной. Потомъ, они стали выше колоколенъ.... выше Исаакія.... Они раздвигались какъ адская пасть, готовая поглотить ее, и судьбу ея.... Она закрывала глаза рукою.... Она прижималась къ углу кареты, хваталась за всячія тесмы и кисти, чтобъ удержаться, — но ей все казалось, что она падаетъ, что она летитъ съ какой-то горы, — и находится у этихъ ужасныхъ оконъ, иллюминированныхъ несчетными огнями, и зябущихъ на нее гибелью и смертию....

Замѣтимъ мимоходомъ, что насъ всегда дивило, что люди могутъ жить въ домахъ съ такими окнами, черезъ которыя вся жизнь ихъ, малѣйшее движеніе, видно каждому проѣзжему на улицѣ, и привлекаютъ почти всегда толпы любопытныхъ, чтобы за ними наблюдать. Намъ кажется, что лишь одна суетность, одно самолюбивое желаніе выказываться могли внушить такой странный и неудобный родъ архитектуры, такія жилища, гдѣ хозяева никогда не бываютъ дома, не бываютъ одни у себя. — Ни полное счастье, — застычивое и любящее таинственность, — ни тихое горе, — нуждающееся въ тѣни и безмолвіи, не уживутся въ такихъ домахъ съ стеклянными стѣнами: — умственному занятію и сосредоточенію такія прозрачныя кѣтки тоже не могутъ годиться: стало быть, лишь чванство и безмысліе должны искать себѣ подобнаго помѣщенія, — гдѣ они вѣчно какъ на сценѣ, — *разыгрываютъ жизнь* передъ свидѣтелями ихъ богатства и ихъ роскоши.

Когда Марину довели до ея дома, ее трясла сильная лихорадка, и бредъ начиналъ путать ея мысли. Безмысленно и бессознательно дотащила она до своей спальни, гдѣ гор-

ничная раздѣла и уложила ее. Всю ночь продолжался у нея сильный жаръ съ перемежающимся бредомъ.

Къ утру она уснула часа на полтора. Но едва солнце зарумянило восточный край горизонта, — какъ она была уже на ногахъ. Мучительная боль, — чувство жизни и горя вмѣствъ — кольнула ее въ сердце — и разсѣяла благодатное забытiе. Съ воплемъ открыла она глаза, смутно припоминая вчерашнее, не умѣя еще различить, — почему, но зная уже, но чувствуя, что она несчастлива...

Въ этотъ разъ она не писала къ Борису, не посылала за нимъ. Она выждала обыкновенный часъ своего утренняго одѣванья, чтобы не подать своимъ домашнимъ никакого повода къ удивленiю и заключенiямъ, и тогда только позвонила, когда этотъ часъ наступилъ.

Кто изъ васъ, читающихъ, пережилъ такое выжиданье, — и помните его мученья?... Кто, раненый на смерть измѣнчивымъ счастиемъ, или улетающей надеждою, — сдерживалъ рукою судорожное биенiе сердца, затаивалъ крики безумнаго отчаянiя, и ждалъ — смотря на часы и слѣдуя за стрѣлкою ихъ, невозмутимою, мѣрною и точною въ своихъ движеньяхъ?...

Марина просидѣла такимъ образомъ пять круговращенiй часовой стрѣлки, — когда доложили ей о прiѣздѣ Ухманскаго. Она съ минуту старалась найти въ груди своей силу и голосъ, чтобъ отвѣчать, — но жизнь ее покидала, — и два слова стоили ей неизмеримыхъ усилiй. Выйти въ гостинную ей было невозможно, такъ она дрожала; она приняла Бориса въ спальнѣ, убранной тщательно и изящно, какъ всегда, какъ будто ничего особеннаго не случилось съ ея жилищемъ. Борисъ испугался и остановился на порогѣ, увидя Марину. — Не получивъ ея вчерашней записки, не подозревая, гдѣ и какъ она его видѣла, — онъ шелъ къ ней веселый и довольный, — и остолбенѣлъ передъ ея тѣнью; нѣмою и блѣдною какъ мраморъ. Не протягивая ему руки, не приветствуя его, — она показала ему мѣсто противъ себя. Онъ осыпалъ ее восклицанiями и вопросами. Наконецъ, она могла говорить.

— Вы были вчера у графини Эйсбергъ: вы провели тамъ цѣлый день?...

Онъ едва могъ разслышать. Въмѣсто отвѣта, онъ молча наклонилъ голову. Въ свою очередь, она ожидала, чтобы онъ сказалъ что-нибудь.

— *Я былъ тамъ...* я не сдержалъ своего слова, но, клянусь Богомъ и тобою, — все это случилось неожиданно, противъ моей воли! Почти въ четыре часа, когда я уже готовился отобѣдать здѣсь, меня потребовали къ матушкѣ; она лежала въ постель, у нея былъ докторъ, который нашелъ у нея припадокъ подагры, — и не велѣлъ ей двигаться съ мѣста, между тѣмъ какъ она была отозвана на большой обѣдъ къ графинѣ Эйсбергъ и должна была везти туда всѣхъ сестеръ. Обѣдъ давался нарочно для нихъ. Чтò было дѣлать? меня обступили, показали мнѣ приглашенье, въ которомъ упоминалось и мое имя, чего прежде мнѣ не говорили, зная, что я непременно откажусь, — и матушка умоляла меня почти со слезами пожертвовать для нея собою, — отправиться вмѣсто ея съ тремя изъ сестеръ. — Я не могъ не согласиться! — Прискакалъ къ тебѣ, чтобы увѣдомить тебя, — предоставить тебѣ рѣшенье этого случая, — но тебя не было дома, и я не хотѣлъ довѣрить людямъ изустное порученье.... Меня сестры ждали, совсѣмъ готовые, — едва успѣлъ я вернуться въ время!... Вотъ сущая правда: что жъ изъ этого выходитъ?

— Выходить, — что я не могу больше вѣрить вашему честному слову.... Выходить, что всегда, во всемъ, я пожертвована другимъ.... Выходить, что мнѣ наскучило терпѣть и страдать, — что я не могу дожить до другаго случая и дня, похожихъ на вчерашнiе. — Намъ должно разстаться!

Все это было сказано безъ запальчивости, безъ одушевленiя, — спокойно, шепотомъ, — какъ рѣшенье обдуманное и приготовленное заранѣе. — Онъ недоумѣвалъ, не вѣрилъ.... Онъ всталъ, подошелъ къ ней, хотѣлъ взять ее за руку, посмотреть ей въ глаза, — она отвернулась, скрестила ледяныя руки на груди, и повторила тверже прежняго: «Да! намъ должно разстаться».

Онъ испугался ея спокойствiя.

— Я виноватъ, — я нарушилъ данное слово, — но за такую вину можешь ли ты, въ правѣ ли ты отвергать меня навсегда, лишить меня моего счастья?... Если ты любишь меня, — захочешь ли сама добровольно отъ меня отказаться?

— Люблю, по несчастью, — и потому *хочу*, *должна* отказаться отъ *васъ*, покуда вы меня не оставили!...

Онъ сталъ на колѣна возлѣ ея дивана.

— Марина, я не оставлю тебя, и не могу оставить, покуда люблю! Я повторяю тебѣ то, что говорилъ прежде, и чему ты до сихъ поръ вѣрила! Любовь моя къ тебѣ нисколько не угасла, не уменьшилась: ты мнѣ стала еще дороже, не-сказанно дороже и милѣе прежняго, я не могу жить безъ тебя: но я не могу убивать матушку моимъ неповиновеньемъ!... Прости меня!...

— Я не сержусь, не оскорблена: я рассмотрѣла, одумала нашу судьбу, наши отношенія: — намъ надобно разстаться; я должна добровольно оторваться отъ васъ, покуда васъ силою не вырвутъ изъ моихъ объятій, если не изъ моего сердца!

— Но никто меня не оторветъ отъ тебя! Въ настоящемъ ты увѣрена, — а будущее еще пока далеко! за чѣмъ о немъ сокрушаться? Люби меня, будемъ счастливы, пока намъ любится и счастливится!...

— Я не могу быть счастлива, когда знаю, что мое счастье непрочно и ненадежно, какъ больной, приговоренный къ неизбежной смерти!... Я не умѣю любить, когда вижу, что меня любятъ не такъ, какъ я того требую!... Да я и не люблю въ минуты подобныя вчерашнимъ.... когда мнѣ слишкомъ больно и тяжело — сердце мое закрывается, и то, что я чувствую, похоже на ненависть... Это слишкомъ недостойно обоихъ насъ: разстанемся друзьями, чтобы не сдѣлаться врагами!...

Слезы навернулись на выразительныхъ глазахъ его; онъ понималъ, какъ должна была страдать эта женщина, чтобы съ нимъ такъ говорить. Но онъ не зналъ, о какихъ минутахъ она намекала, и какъ до нея дошло, что онъ обѣдалъ у Эйсберговъ. Она рассказала ему свою сьумасбродную поѣздку, свою отчаянную попытку отыскать его, — рассказала, какъ

наблюдала она, стоя ночью на тротуаръ, — все, что она могла разглядѣть сквозь двойныя окна ненавистнаго дома, все, что угадывала изъ неслышныхъ ей разговоровъ.

Онъ слушалъ ее съ состраданіемъ матери къ жалобамъ любимаго ребенка, — онъ пугался ея мученій, — онъ упивался ея любовью. Страсть, истинная, пылкая, неподдѣльная страсть юноши и мужчины горѣла въ глазахъ его, выражалась въ бѣглыхъ восклицаньяхъ... Она оживала при этихъ доказательствахъ его любви; румянецъ возвращался къ ея щекамъ; принужденіе и оцѣпенѣнныя тоски смѣнялись въ ней теплою грустью, — она заплакала... Онъ думалъ, что она прощаетъ и мирится. — Онъ ошибался!

— Нѣтъ! — сказала она наконецъ, тихо отталкивая его, — нѣтъ!... мое рѣшеніе неизмѣнно, — мы должны разстаться, — мы разстанемся!... Вчерашній вечеръ убилъ во мнѣ и счастье, и даже увѣренность въ возможности счастья: я не хочу, чтобы другой такой же день убилъ и любовь мою!... Борисъ, — прости меня навсегда!... Говорять о дружбѣ, замѣняющей будто бы любовь: да, можетъ быть она точно существуетъ, когда любовь успѣла вымереть, или переродиться отъ давности въ остывшихъ или постарѣвшихъ сердцахъ обоихъ любящихся: но во всемъ разгарѣ, во всей силѣ любви и страсти, во всей пылкости жизни и молодости, вдругъ велѣть сердцу перевернуться, перейти къ холодной пріязни, къ безкорыстному участию, — нѣтъ! это не возможно! это не въ силахъ человѣчества!.. Я не постигаю такой переменны... я не предлагаю обманчивой дружбы... я не хочу видѣть чужимъ и постороннимъ того, что было моимъ. После, когда-нибудь... лѣтъ черезъ десять, черезъ пятнадцать... все это для меня станетъ понятнымъ и возможнымъ, — но теперь..., теперь я только могу разстаться... Пусть отъ меня ничего болѣе не требуютъ!..

— Но и разстаться намъ не зачѣмъ, ангель мой! — говорилъ онъ ей нѣжно и убѣдительно. — Кто требуетъ отъ насъ такой жертвы?... кто можетъ разлучить насъ противъ воли?....

— Я, Борисъ!! я сама!... — отвѣчала она, вставая съ рвистостью. — Я чувствую, что унижусь въ собственныхъ глазахъ.

своихъ, если останусь долге въ такихъ двусмысленныхъ и недостойныхъ меня отношеніяхъ. Вы находите, что *любя меня*, — вы можете оказывать *другой* обидное для меня предпочтеніе: васъ увѣрили, что можно припасать себя невѣсту, сохраняя при томъ и сердечную связь... Но я не такъ думаю!... *Но для меня* эта свѣтская утонченная нравственность и безнравственна и низка... Сегодня *здѣсь*, вчера у ногъ невинной дѣвушки, которую вы обманываете вмѣстѣ со мною?... Нѣтъ! этому не бывать!... Не хочу принимать, какъ моего возлюбленнаго друга—*завтрашняго жениха* другой невѣсты!... Не дождусь, чтобы меня бросили, — сама бросаю, сама рву союзъ, ставшій вамъ цѣпью!... Недавно, я предлагала вамъ выборъ между Ненси и мною, — теперь уже поздно!... Мое сердце слишкомъ уязвлено... одинъ разрывъ можетъ его успокоить!...

— Успокоить разбивши?...—говорилъ онъ съ отчаяніемъ, и цѣлуя безумно и страстно длинные локоны, которые въ безпорядкѣ мотались по плечамъ ея, разбившись безъ ея вѣдома отъ волненія и лихорадки.—Ты любишь меня, Марина, — ты любишь меня слишкомъ пламенно и глубоко, чтобы исполнить такое намѣреніе; ты умрешь, и я самъ...

Она не дала ему договорить; она быстро схватила его за руку, — и повлекла его къ высокому зеркалу. — Смотрите, — вскричала она дико, — вы говорите, что я умру отъ разлуки и разрыва съ вами, — но развѣ вы уже не убили меня теперь своею любовью?... Смотрите: какова я стала теперь, — и вспомните, какою вы меня взяли?... Гдѣ моя красота?... гдѣ мои силы?... гдѣ мое здоровье?... Все, все истощилось въ этой адской борьбѣ, въ этихъ ежедневныхъ мученіяхъ, которыя жгутъ и сушатъ меня на огнѣ всѣхъ томленій... Мнѣ не жаль ничего, — я все сейчасъ бы вторично отдала на жертву любви, — но въ правѣ ли были вы жертвовать мною другимъ?... Развѣ кто, или что-нибудь на свѣтѣ можетъ меня сокрушить еще болѣе?... Умереть!... Но это было бы благомъ и счастіемъ въ сравненіи съ *счастіемъ*, которое вы мнѣ дали!...

Она упала на кресла, утомленная, и потоки слезъ облегчили ея сердце. Борись стоялъ какъ приговоренный. Онъ

чувствовалъ, что ему нечего было ей отвѣчать. Тяжелое сознаніе своей слабости давило его душу. Въ первый разъ онъ слышалъ отъ обожаемой женщины такіе отчаянные упреки: совѣсть повторяла ихъ ему... Онъ чувствовалъ, что любить искренно, съ увлеченіемъ, — но что поступки его не обличали такой любви, — и что оправдываться онъ могъ бы только, обвиняя другихъ въ порабощенъ его воли вопреки его сердцу...

Долго рыдала она молча, закрывши глаза и лице руками. Долго молчалъ онъ, смотря на эту картину страданья. Въ немъ страшно боролись два враждебныя чувства: любовь юноши и сыновняя привязанность.—То его увлекала страсть, и онъ готовъ былъ закричать Маринѣ, что онъ предается ей навсегда, и отказывается отъ всего, что могло разлучить ихъ. То снова овладевали имъ строгія внушенія сыновняго долга,—и онъ рѣшался покориться желанью матери,—жениться, забыть свою любовь, свое счастье, свою Марину... Онъ тоже страдалъ несказанно.

Наконецъ, ему показалось, что онъ нашелъ исходъ.—Онъ поднималъ голову.—Марина,—сказалъ онъ медленно и тихо, какъ уничтоженный внутреннею борьбою,—другъ мой! лучше всѣхъ ты можешь судить о искренности моей, о силѣ любви моей къ тебѣ: знай же, что, покуда она не уменьшится и не остынетъ, я не женюсь, я не оставляю тебя,—какъ бы о томъ ни старалась вся земля. Дозволь же мнѣ не прекословить моей матери, ѣздить, куда она меня посылаетъ, сближаться, съ кѣмъ ей угодно, оказывать ей въ поступкахъ моихъ то повинное, въ которомъ сердце мое ей отказывается!—Пусть она строитъ планы для моей будущности; они намъ не помѣшаютъ, если ты не будешь безпокоиться ими болѣе, чѣмъ я самъ. Тебѣ, и одной тебѣ принадлежитъ настоящее;—но могу ли я отрваться отъ всего будущаго? Ввѣрь мнѣ,—когда я разлюблю тебя,—когда ты менѣ будешь мнѣ нравиться и менѣ меня привлекать,—тогда,—если это случится когда-нибудь,—тогда я самъ приду тебѣ въ томъ признаться!... Покуда — не мучь себя и меня напрасно, не жертвуй нами и нашимъ счастьемъ!...

—*Покуда?!!!* а развѣ ты говорилъ мнѣ *покуда*, когда ты искалъ моей любви?... Развѣ ты не говорилъ тогда *всегда!*... Развѣ ты сказалъ мнѣ, что тебѣ нужно позволеніе и разрѣшеніе твоей матери и согласіе твоихъ сестеръ, чтобы меня любить?... Развѣ я торговалась съ тобою, какъ ты теперь торгуешься?... Предлагалъ ли кто-нибудь изъ насъ условія другому,—была ли рѣчь о постороннемъ вліяньи между нами?...

Онъ снова молчалъ.

—*Послушай*,—продолжала она дрожащимъ голосомъ,—что было, ты знаешь,—и ты знаешь тоже, какъ долго, какъ добросовѣстно защищалась я отъ твоей любви,—ты помнишь, сколько времени и усилій стоило тебѣ, чтобы увлечь меня:—ты долженъ помнить, что я не шутила ни моею, ни твоею любовью,—что, отдавая тебѣ жизнь свою, я требовала, я хотѣла тоже всей твоей жизни: признался ли ты мнѣ тогда, что черезъ годъ, или два, ты будешь предлагать мнѣ какія-либо условія? Могла ли я предвидѣть все, что теперь сбывается?... Если бы ты разлюбилъ меня,—если бы я перестала тебѣ нравиться, я бы поняла, что ты готовъ меня бросить, я бы уразумѣла, что счастье должно умереть вмѣстѣ съ любовью: но, ты любишь меня точно такъ же, ты дорожишь мною какъ прежде, а люди разрушаютъ наше счастье, а люди разбиваютъ наши сердца!... Ты мужчина, и не умѣешь защищать женщины, которая довѣрилась твоей чести!...

Оскорбленный не столько этими словами, сколько справедливостью ихъ,—онъ всталъ, и медленно вышелъ изъ комнаты,—оборачиваясь, чтобы посмотрѣть, не позоветъ ли она его.—Но ея намѣреніе было непоколебимо, какъ послѣдняя сила отчаянія... Она не вернула его.—Онъ увхалъ... Къ вечеру ее нашли безъ чувствъ на диванѣ.

Черезъ два дня, проведенныхъ въ неописанныхъ терзаніяхъ, Вейссе прибѣжалъ разсказать ей, что Борисъ въ горячкѣ, и приходя въ память, безпрестанно ее требуетъ, и о ней тоскуетъ. Сокрушенный учитель умолялъ ее не мучить возлюбленнаго питомца. Старикъ Ухманскій, не зная ничего, отъ нея одной только и ожидалъ спасенія. Она обѣщала быть

у больного, прося только Вейссе улучшить время для этого посещения, когда при немъ не будетъ ни сестеръ его, ни матери.—Разумется, это свиданье было смѣшеньемъ слезъ, объясненій, взаимныхъ уврещеній и ласкъ.... Разумется, Марива не могла оставаться непреклонною, видя Бориса похудѣвшаго и слабаго, молящаго ее о примиреньѣ.— Они помирились!

Пока Борисъ выздоравливалъ, и она, укоряя себя въ его болѣзни, писала къ нему по три раза въ день страстныя письма, и каждый вечеръ, въ сопровожденіи Вейссе, посѣщала его на полчаса, — пока Ухманскіе благоувѣстили по всему городу о внезапной болѣзни Бориса и ихъ безпокойствѣ о немъ,—на раутѣ у княгини Мэри объявлено было, что Ненси Эйсбергъ выходитъ за какого-то троюроднаго брата, столь же блокураго, столь же ничтожнаго, но столь же богатаго, какъ она сама. Эта сватъба была устроена еще съ дѣтства ихъ по духовному завѣщанію дѣдушки, оставившаго имъ имѣніе въ Эстляндіи съ условіемъ, что они женятся, чтобъ все богатство осталось въ родѣ, и никому чужому не довелось имъ воспользоваться....

Такъ вотъ какимъ успѣхомъ увѣнчались всѣ хлопоты, старанья, исканья и домогательства Ухманскихъ и всѣхъ ихъ кліентокъ и помощницъ!

И когда они остались въ неловкомъ положеньѣ стаи воронъ, передъ носомъ которыхъ коршунъ умчалъ добычу, на которую клювы и когти ихъ жадно мѣтили,—когда насмѣшки со всѣхъ сторонъ петербургскихъ гостинныхъ посылались на искательницъ богатыхъ невестъ,—когда, внѣ себя отъ негодованія, старшая сестра Бориса потребовала черезъ третье лице объясненья у Ненсиной матери, и истолкованья всѣхъ ласкъ и приманокъ, которыми семейство Эйсбергъ осыпало семейство Ухманскихъ,—оказалось, по всему сказанному, а еще больше, по всему недосказанному въ отвѣтахъ,—что у графини Эйсбергъ никогда и въ помышленъ не было выдать дочь свою за Бориса,—и что она просто *кетмичала* съ молодымъ человѣкомъ, привлекала его для себя самой, хотѣла только отъ него удовлетворенья собственнаго жевскаго самолюбія, которому бы пріятно было приковать

лишняго блестящаго вздыхателя къ безъ того уже довольно торжествующей колесницъ....

Ухманскіе разобидились ужасно; графиня Эйсбергъ вдвое больше. Они разсорились домами, и скоро перестали совсемъ кланяться между собою.

А Борисъ? а Марина?

Они были предоставлены своей любви, и это неудачное сватовство имѣло по крайней мѣрѣ ту выгоду для нихъ, что дало имъ выиграть полгода спокойствія и отсрочки.

Только самолюбіе Бориса было глубоко раздражено докучною мыслию о смѣшной огласкѣ, данной этому семейному поголовному походу въ его пользу;—и не менѣе того сердило его то, что свѣтъ имѣлъ право почитать его отказаннымъ женихомъ.

Только сердце Марины не могло оправиться отъ полученнаго удара, не могло забыть, что возлюбленный ея держалъ на въсахъ ея любовь и ее самое противъ капризы своей семьи,—и что она не побѣдила, не перевѣсила въ этомъ случаѣ.... Она помнила, съ какими слезами и какъ напрасно умаливала она Бориса пожертвовать ей ничтожною дѣвочкою, которая даже ему не нравилась.... «Что жъ будетъ,—думала она,—что жъ будетъ, если ему въ самомъ дѣлѣ кто-нибудь понравится?....»

И душа ея замирала,—не умѣя дать себѣ отвѣта.... И сердце ея сжималось, не смѣя взглянуть въ темное будущее, полное загадочныхъ угрозъ.... Страдая за себя, она страдала тоже за него, зная, какъ свѣту теперь легко было вымѣщать на немъ весь его превосходства, имѣя случай насмѣхаться надъ неудачнымъ сватовствомъ,—и возможность упрекать Бориса въ мнимой алчности къ деньгамъ, которую избличала такъ неловко неумѣстная жадность его семейства.—И нѣжность, и гордость,—всѣ струны женскаго сердца были вмѣстѣ затронуты.—«И за что все это горе?... —смутно ропталъ въ ней внутренний голосъ.... За то, что ты любишь, въ полномъ смыслѣ слова любишь, бѣдная женщина,—между тѣмъ какъ другіе любятъ какъ иной не любить, и самое чувство ихъ похоже на равнодушіе!» —Не всегда ли такъ бываетъ на бѣломъ свѣтѣ?....

МОСКВИТЯНИНЪ.

1852.

№ 6.

Мартъ.

Кн. 2.

НАНЪ ТВАРДОВСКАЯ.

(съ польскаго).

Пьютъ, курять, ѣдятъ, веселятся:
Не ширь—разливанное море!
Чуть стѣны корчмы не валятся....
» Ай жги, да гуляй, мое горе!»
Пашой подбоченясь, Твардовской
Въ корчмѣ за столомъ засѣдаетъ,
Гарцуеть, и чарой бѣсовской
Туману въ глаза напускаетъ.
Какъ саблю свиснетъ надъ ухомъ
Солдату, который храбрился,
Да спорилъ со всеми,—такъ духомъ
Въ зайченка храбрець обратился.
Подсудку, что молча съ ѣдою
Возился въ костюмъ ли, въ блюдо ль,
Слегка потрезвонилъ кисою,
Глядятъ—а подсудокъ ужъ пудель.
Сапожнику три щелкотухи
Даль по носу, ко лбу воронку
Приставилъ—да чмокъ! и сивухи
Пустилъ изъ лба съ полбоченка.

Пока кубокъ съ водкой онъ двигалъ
 Поближе къ себѣ, — что за чудо?
 Запѣнился кубокъ, запрыгалъ....
 Глядь на дно: — » ты, братецъ, откуда?»
 Самъ бѣсъ на днѣ кубка возился....
 Весь въ нѣмца.... кургузая штучка....
 Учтиво гостямъ поклонился,
 Снялъ шапку, и сдѣлалъ имъ ручку.
 Изъ кубка на скатерть, какъ кошка,
 Спрыгнулъ и подросъ на два локтя;
 Носъ крючкомъ, куриная ножка,
 На лапахъ совиные когти.
 » Здорово, Твардовскій! Сердечно
 Я радъ повидаться здѣсь съ другомъ:
 Хотя я Мефистофель, но вѣчно
 Готовъ къ твоимъ панскимъ услугамъ.
 » А помнишь ли, панъ, какъ условье
 На Лысой горѣ мы съ тобою
 Писали на шкуру воловьей,
 И бѣсы клялися толпою,
 » Что я свой контрактъ не нарушу,
 И ты поклялся передъ ними,
 Что долженъ намъ панскую душу
 Отдать черезъ два года, въ Римъ?
 » Вотъ семь уже лѣтъ миновало,
 А ты только пекло морочишь,
 Да чарой мутишь, и ни мало
 Сбираться въ дорогу не хочешь....
 » Съ лѣнливымъ такимъ пиллигримомъ,
 Съиграли мы штуку другую! —
 Корчма называется Римомъ:
 Я милость твою арестую. «
 Твардовскій охотно бы скрылся
 Отъ этого *dictum acerbum*,
 Да бѣсъ за кунтушъ уцѣпился:
 » А гдѣ же, панъ, *nobile verbum?* «

Что дѣлать?—Ума не хватило,
 Такъ плачешь, а надо платиться.
 Твардовскій задумался было,
 Да скоро успѣлъ ухитриться...
 — » Ну что же? контрактъ нашъ контрактомъ:
 Своимъ не терять онъ силы...
 Но справься-ка съ подлиннымъ актомъ—
 Тамъ сказано вотъ что, мой милый:
 » Имѣю я право три раза
 Задать тебѣ всякой работы,
 А ты долженъ слушать приказа
 И все мнѣ исполнить до йоты.
 » Вонъ конь на холстѣ намалѣванъ:
 Чтобъ мигомъ тотъ конь оживился,
 Былъ взнузданъ, осѣданъ, подкованъ,
 А я бы на немъ прокатился!
 » Да свей ты мнѣ хлыстъ изъ песочку
 Для справы съ лошадкой лихою,
 Да видишь—вонъ въ этомъ льсочку—
 Построй-ка мнѣ домъ для постою.
 » Домъ выстрой изъ ядеръ орѣха,
 Высокій, съ вершину Креньпака;
 Изъ пейсовъ жидовскихъ застреха...
 Усыпь ее семенемъ мака,
 » И въ каждое семячко, мѣрно,
 Натъкай гвоздочковъ по тройкѣ,
 А гвозди, чтобъ были—примѣрно
 Въ три пяди—какъ надо для стройки. «
 Сказаль, а ужъ бѣсъ за работу:
 Коня накормилъ и отхоломилъ,
 Вьѣтъ хлыстикъ, ну словомъ—до поту
 Трудится, и все изготовилъ.
 Твардовскій—въ сѣдло, и пыгаетъ—
 Какъ вывѣженъ конь и спокоенъ;
 Взявъ рысью, въ галопъ поднимаетъ;
 Глядитъ—анъ и домъ ужъ достроенъ.

— » Ну, кончено съ службой одною!
Осталася служба другая:

.....
.....
Затрясся мой бѣсъ, какъ осина,
Весь скорчился, съѣжился, сжался,
Но.... слушай слуга господина!

.....
.....
— » Ну, пань, перенесъ же я кару!
За то ужъ и ты въ нашей власти....»

— » Изволь еще службу исправить,
И съ мрачностью вашей бѣсовской
Мы квиты.... Позволь-ка представить
Тебя моей женкѣ, Твардовской?

» Чу! слышишь—кричить за дверями?
Пока за тебя Асмодею
Я буду работать съ чертями,
А ты поживи-ка вотъ съ нею.

» Ты пани во всемъ подчинишься,
Люби ее, будь ей послушенъ....
А ежели въ чемъ провинишься,
Ну.... весь договоръ нашъ нарушенъ! «

Бѣсъ слушаетъ, самъ понемногу
Все на дверь да на дверь косится,
А крики все ближе къ порогу....
Твардовскій на бѣса грозитъся,

И требуетъ кончить раздѣлку,
И въ дверь, и въ окно не пускаетъ,
А бѣсъ.... шмыгъ въ замѣчную щелку,
Да такъ и теперь пропадаетъ!

Л. МОНЪ.

СЧАСТЛИВАЯ ЖЕНЩИНА.

СОВРЕМЕННАЯ БИОГРАФІА.

ГЛАВА VIII.

ГВѢДЪЛЪВЪРГЪ.

Марина была права, когда, въ минуту отчаянія, она сравнивала свое счастье съ больнымъ, приговореннымъ къ смерти. Да, если можно назвать счастливымъ это тревожное, непрочное, всегда сражающееся и всегда испуганное чувство, въ которомъ рѣдкая и мгновенная радость искушается частымъ и длиннымъ страданіемъ,—если эта безконечная борьба на жизнь и смерть между сердцемъ и чувствомъ долга заслуживаетъ имя блаженства,—если любовь и страсть ничего лучшаго не могутъ дать той, которая, жертвуя имъ такъ много, напрасно ожидаетъ тоже многого отъ нихъ,—если все это составляетъ въ самомъ дѣлѣ дѣйствительное счастье, возможное внѣ строгой законности: то оно, точно какъ умирающій, живетъ порывами и припадками, существуетъ только предсмертною мукою.

Но, какъ матери всего дороже больное дитя, заранѣе предрѣченное преждевременному концу, какъ она тѣмъ нѣжнѣе и тѣмъ заботливѣе лелѣетъ и хранитъ и баюкаетъ это дитя, съ которымъ ежеминутно боится разстаться, — такъ и женщина такое мучительное, болезненное, страдальческое счастье становится и милѣе и дороже, когда она сегодня-завтра должна его лишиться. Не съ улыбками, а со слезами бережетъ она его! — Не радостными и легкими днями, а минутами горькаго блаженства и страстнаго забытья считаетъ она его. И вотому янчится она съ нимъ такъ страстно и такъ упорно, и потому не-живучее это счастье овладѣваетъ всей душою ея, всеми ея силами и помѣщеніями....

Такъ-то счастливая женщина дорожила теперь этимъ возрожденіемъ своего благополучія, — перемиріемъ межъ ея любовью и косвенными вліяніями, ей враждебными. Но здорověе ея получило такое потрясеніе, отъ котораго всѣ ласки Бориса не могли его возстановить. Къ веснѣ доктора настоятельно требовали, чтобъ Марина ѣхала за границу на воды, на теплый воздухъ, а еще болѣе, на совѣщанья съ тѣми свѣтилами науки, которымъ не разъ удавалось воскрешать подобныя ей цвѣты сѣвера, замороженные холодомъ, или подкошенные тайными огорченіями. Она не соглашалась до тѣхъ поръ, пока Борисъ не объявилъ, что онъ поведетъ вслѣдъ за нею. — Тогда надежда не разставаться съ нимъ, совершить съ нимъ это путешествіе, которое такъ долго снилось ея пламенному воображенію — вмѣстѣ насладиться всеми чудесами природы и искусства, всеми благословеніями южнаго неба, — надежда освободиться вдругъ, и надолго, отъ всего, что тѣснилось разрывно между ними, — эта сладкая, эта живительная надежда возстановила больную, одушевила ее чуднымъ довѣріемъ, неописанною радостью. Марина скоро окончила всѣ приготовления, скоро устроила всѣ дѣла свои. Подорожная взята, карета уложена, прощальные визиты — этотъ пустой обрядъ общезитія, который никого не обманываетъ и никакой пріязни не выражаетъ, а требуется свѣтомъ, какъ необходимость, — прощальные визиты сдѣланы и получены, — какъ вдругъ Борисъ, на вопросы Марины о днѣ его выѣзда, сталъ отвѣчать безсвязными обещаніями и неудачными отговорами....

Дѣло въ мигъ объяснилось: — мать и сестры Ухманскаго умѣли дѣйствовать всеми соединенными силами просьбъ, увѣщеваній, убѣжденій и возраженій, чтобъ отговорить его отъ исполненія его намѣренія и удержать при себѣ.

Этотъ новый ударъ довершилъ раздраженіе и отчаяніе Марины. — Все, что обѣщала она себѣ радостнаго и чудеснаго отъ своего путешествія, мгновенно рушилось, и сердце ея разбилося въ дребезги вмѣстѣ съ свѣтлыми ея надеждами. — Но, чтобъ отступить отъ принятаго намѣренія, чтобъ остаться на явное сознание передъ цѣлымъ городомъ причины, ее удерживающей, — было уже слишкомъ

возду. Она должна была вѣхать, — она повѣхала. — Полуслѣпая гувернантка, да люди, преданные ей, сопровождали ее на этомъ терновомъ пути ея сердца, переполненного горечью отчаянія и обмана.

Куда же она вѣхала?... Она сама не знала.... она отдала ночтовый маршрутъ дворецкому, замѣнявшему ей курьера, и велѣла везти себя безъ остановки.... Куда? — для нея было все равно теперь, — когда она уѣзжала одна.... Борисъ посадилъ ее въ карету, заливаясь слезами. Она вспомнила знаменитый упрекъ одной несчастной женщины, любимой королемъ, молодымъ Людовикомъ XIV, — когда ее удаляли, увожили отъ него, а онъ тоже плакалъ при разставаньи, ввистотого чтобъ заступиться за любовь свою, — и единымъ словомъ разгромить все, что противъ нея покушалось. — «*Sire, vous êtes roi, vous pleurez, — et je pars!*» говорила Марія Манчини сыну Анны Австрійской. — «Борисъ, ты мужчина, — ты плачешь, и ты любишь меня, — а я пду безъ тебя!» — хотѣла было сказать Марина своему отчаянному, но безсильному другу.... Но это только бы удвоило его горе оскорбленіемъ, и ничему бы не помогло.... Она смолчала! — и пожала руку рыдающему Вейссе, который закрывалъ дверцы дорожнаго дормеза и повторялъ последнее дружеское благословеніе надъ склоненною головою плачущей женщины, которая и теперь еще, и въ эту самую минуту, не переставала слыть и любимую и счастливою между всеми, кто не читали въ душѣ ея страшной повѣсти такой любви и такого губительнаго счастья!...

Въ Германіи, Марина не видѣла ничего, ничѣмъ не занималась, ничего не хотѣла замѣтить. Правда, гдѣ ей было наблюдать и замѣчать, когда она безотрывно смотрѣла на портретъ Бориса, не выпускаемый ею изъ рукъ? — Слѣвая французенка и дворецкій распоряжались вмѣсто ея, возили ее на воды, приглашали докторовъ на консультаціи: — она все допущала разсыянно, но ни въ чемъ не принимала участія. Все существо ея, истерзанное, измученное долгими страданіями и волненіемъ, впало въ благотворное оцѣпенѣнье. Душа ея спала умственнымъ своимъ, покуда физическія силы отдыхали въ своемъ изнеможеніи. Черезъ два мѣсяца она

прибыла въ Баденъ, гдѣ ее ожидала графиня Текла Войновская.—Женщина-уродъ ужаснулась, видя жестокою перемену, совершившуюся въ столь немного времени въ женщинѣ-красавицѣ. Сердце Теклы, закаленное и холодное, какъ сталь, для всего, что касалось лично ея самой, сохранило рѣдкое свойство ощущать чужое горе, и соболѣзновало страданью другого нѣжнаго женскаго сердца, потому что хоть разъ въ жизни, но за то вполне испытало всѣ терзанья обманутой любви и горькаго разъединенья. Текла, безъ разспросовъ и безъ признаній, тотчасъ поняла все, что должна была почувствовать и проработать нѣкогда молодая и пламенная ея пріятельница, чтобы дойти до теперешняго ея наружнаго безчувствія. Она поняла, какое сомнѣніе, какое недоверіе тяготело надъ нею до уничтоженья. — Кромѣ того, по перепискѣ съ петербургскими друзьями, графиня Войновская знала о городскихъ слухахъ насчетъ неудавшейся сватбы Бориса, знала о странномъ и предсудительномъ для него положеніи, въ которое вовлекло его слишкомъ расчетливое семейство.—Ей нетрудно было угадать все, что больная пріятельница не рѣшилась бы, да и не сумѣла бы, можетъ статься, сама открыть ей: графиня вознамѣрилась спасти по крайней мѣрѣ жизнь Марины.— Не теряя времени, она написала Борису, чтобы онъ тотчасъ же пріѣхалъ, если не хочетъ быть виною смерти женщины, еще довольно имъ любимой. Письмо графини дышало благороднымъ негодованьемъ тѣхъ смѣлыхъ и твердыхъ душъ, которыя въ прямоть своей ненавидятъ все, что не право, не честно, не справедливо.— Не боясь ничьихъ упрековъ за свое вступательство въ чужія тайны и семейныя дѣла, когда нужно было помочь страждущимъ и требовалось дѣйствовать сильно и скоро,—она не умѣла падать мелкихъ расчетовъ самолюбія, не подчинялась утонченнымъ привычкамъ угождать равно и виноватымъ и правымъ, уберегать и ту и другую сторону, чтобы всѣ были ея довольны, — и волки могли быть сыты, когда овцы оставались цѣлы.—Воспитанная вдали отъ столичнаго общества, жившая преимущественно на западѣ, гдѣ отъ мужчинъ также много требуется уваженья къ женщи-

намъ, гдѣ, средѣ упадка всѣхъ прочихъ законовъ и убѣжденій, еще живъ, еще существуетъ одинъ общій уставъ *чести* мужчинъ въ дѣлахъ сердечныхъ и рыцарскаго ихъ служенья *всему* полу вообще, и *избранной* ихъ въ особенности, — она съ отвращеньемъ и презрѣньемъ смотрѣла на поведеніе этой жалкой и ничтожной молодежи, ея самохвальство и самодовольство, ея глупое фанфаронство въ порокъ, во лжи, въ измѣнѣ, ея раннее пресыщеніе и разочарованіе. Особенно ненавистно было ей зрѣлище двадцатилѣтнихъ Донъ-Жуановъ, совершенно *вышкормленныхъ* въ обществѣ опасныхъ товарищей, совершенно испорченныхъ холоднымъ умственнымъ развратомъ, распутствомъ воображенія еще болѣе, чѣмъ распутствомъ чувственныхъ страстей, и сбитыхъ съ толка ранними софизмами, — зрѣлище этихъ молодыхъ, но уже не излечимыхъ сѣумасбродовъ, — которымъ лучшешю игрушкою доброе имя женщинъ, и любимымъ занятіемъ чернить то, чего достигъ или соблазнить имъ не удастся. — Она знала, какъ въ этомъ классѣ людей не только смѣются надъ всѣмъ, что должно бы почитать и защищать, не только приносятъ каждую женщину и каждую тайну на жертву хмельныхъ шутокъ и избитыхъ остроумій холостой бесѣды, но даже стараются совратить съ пути тѣхъ рѣдкихъ выродковъ, которые еще иногда появляются межъ ними, какъ наследники старинныхъ правилъ благородства и чести, какъ заступники того пола, который даруетъ имъ и матерей, и невестъ. — Она живо представляла себѣ опасное и заразителное вліяніе такихъ гибельныхъ примѣровъ на Бориса. Какъ *эпистола* новаго Ювенала, — это письмо разгромяло всѣ современные пороки и злоупотребленія. — Но она не показала его, и не сказала о немъ Маринѣ: она боялась возмутить заранѣе ожиданьемъ и надеждою угасавшую душу молодой страдальцы. Она знала, какъ жестоко напоминать о возможности радости тому, для котораго жизнь есть только оцѣпленіе страданій и неудачъ. Какъ опытная сестра милосердія, умѣющая ходить за больными и обращаться съ ранеными, не пробуждая въ нихъ уснувшей боли, она могла ухаживать за сердечно немощствующими, не расшевеливая въ нихъ болезненной струны воспоминанья. — Только женщи-

нѣ, — и такія, которыя сами много страдали и горевали, — умѣютъ и могутъ успокоивать подобныя недуги.

Черезъ нѣсколько недѣль Борисъ уже былъ на Рейнѣ, въ Гейдельбергъ, куда графиня Текла перевезла Марину, чтобъ избавиться отъ шума и веселостей многолюднаго Бадена. Свиданье кающагося, но все еще любящаго и любимаго молодого челоуѣка, съ той, которая умирала за него и для него, — это свиданье принадлежитъ къ ряду тѣхъ сценъ, на которыя новѣствователь строго предписалъ себѣ набрасывать классическое покрывало Аполлона, скрывшее, по мысли художника, отъ зрителей чело Агамемнона въ минуту жертвоприношенія его любимой дочери: вдохновенный живописецъ хотѣлъ показать свѣту, что есть въ челоуѣческой жизни такія минуты, а въ челоуѣческой душѣ такія движенія, для которыхъ не существуетъ ни красокъ, ни описанья, ни подражанья....

To such as knew them not, all words were weak, —

To such who know them well, — what language could they speak? ... (*)
(Byron, Childe-Harold's Pilgr.)

Борисъ съ благодарностью и восторгомъ цѣловалъ руки графини. Черезъ недѣлю, Марина воскресла, похорошѣла, разцвѣла... Борисъ былъ влюбленнѣе, нежнее, страстнѣе, чѣмъ когда-либо.

Тогда графиня Войновская объявила, что она оставляетъ ихъ, и увѣжаетъ въ свои австрійскія помѣстья. Напрасно старались оба удержать ее. Напрасно Марина, съ суетвѣріемъ сердца, научившагося въ горѣ вѣрить всѣмъ примѣтамъ и всѣмъ вліяніямъ, упрашивала Теклу остаться съ нею, ей на счастье. «Нѣтъ, дитя мое,» отвѣчала графиня съ улыбкою, цѣлуя ея прекрасный и прояснившійся лобъ, — «нѣтъ! теперь я не нужна тебѣ, — я успокоена на твой счетъ, оставляю тебя на рукахъ того, кто замѣняетъ тебѣ собою всю вселенную! Меня призываютъ другія заботы, другія дѣла, свои и чужія! — Съ вами мнѣ дѣлать нечего, — а я должна дѣйствовать, подвизаться, хлопотать, — служить дѣломъ и

(*) Для такихъ, которые ихъ не знаютъ, слова были бы слабы; для тѣхъ, кто слишкомъ ихъ знаетъ, — что могутъ выразить пустыя слова?...

словомъ, когда надо и гдѣ надо!—Эта жизнь—единственная, которая мнѣ доступна... Эта дѣятельность—моя настоящая стихія... Безъ нихъ, я пропаду съ тоски... Признаюсь даже тебѣ, что оставаться между васъ двухъ, счастливицевъ, смотрѣть на вашу любовь, на ваше сладкое существованье *вдвоемъ*,—было бы мнѣ вредно и губительно: какъ знать, какія мысли и сожалѣнья могли бы во мнѣ пробудиться?... Нѣтъ, лучше бѣжать отъ нихъ и отъ васъ за разъ!... Я могу, я хочу, я умѣю доставлять и желать счастье тѣмъ, кого люблю,—но *видѣть его*—иногда свыше силъ моихъ... Прощай, Марина, Богъ съ тобой! А для меня лежитъ другая дорога...

И графиня Текла отправилась...

И въ настоящее время, достигши полной зрѣлости возраста, перевѣдавши многое и многихъ на свѣтъ, — Текла становилась годъ отъ году тверже и степеннѣе.—Прежде, она покровительствовала искусствамъ и художникамъ, разъѣзжала по Италіи, закупаая образцовыя произведенія старыхъ мастеровъ, и заказывая новыя ихъ подражателямъ; прежде, она умножала библіотеки и коллекціи своего мужа и своихъ дѣловъ: теперь, достигнувъ на этомъ поприщѣ крайняго и окончательнаго предѣла возможности, она прискакала себѣ другіе истоки для своихъ богатствъ:—основывала по мѣстностямъ своимъ школы, дома трудолюбія, образцовыя фермы, заводы; вошла въ сношенія съ агрономическими и техническими обществами, посѣщала Англію и Бельгію, вывозила изъ обихъ сихъ краевъ различныя машины и изобрѣтенія.—Наконецъ, ее стали занимать дѣйствія и мнѣнья государственныхъ людей, общій ходъ современныхъ событій; она искала обхожденія съ сановниками и двигателями рода человеческого, знакомилась съ ними по разнымъ странамъ, гдѣ находились ея обширныя владѣнья, или гдѣ она путешествовала,—устремляла умъ свой на все, что могло отвлечь ее отъ собственныхъ чувствъ, что могло утопить въ созерцаньи вселенной ея бѣдное, не полное я, осужденное никогда не умиравшая и не распускаться въ благотворной атмосферѣ женственныхъ радостей и ощущеній. Она всячески вѣдала умъ свой, чтобъ заглушить томительную жажду

сердца. Не заключайте изъ того, чтобъ она стала сколько-нибудь *мухой при обоахъ или сорокой предводительницей*, стрягающей при дѣлахъ и совѣщаньяхъ другаго пола. Нѣтъ! такая роль не шла ея обширному, но здравому уму, ея утонченному чувству собственнаго достоинства! Женщина, которая покровительствовала наукамъ и искусствамъ, не сдѣлавшись при томъ *слишкомъ чулкомъ*, могла тоже возвысить свой разумъ до воспринятія всѣхъ идей глубокихъ и обширныхъ, касающихся до блага и преуспѣванія цѣлаго міра, не посвятивши себя на странное и двусмысленное лице дипломатическихъ вѣстовщицъ. — Самое космополитство ея спасало ее отъ всего подобнаго. Графиня Текла не принадлежала собственно никакой партіи, никакому знамени. Только вездѣ, гдѣ она появлялась и разбивала на время свой скитальческій шатеръ, гостиная ея, или кабинетъ, или будуаръ, становились тотчасъ средоточіемъ лучшаго круга и общества, — и будь она въ пышномъ палаццѣ или въ беспокойной *локандѣ*, въ изящномъ, по-европейски отдѣланномъ домѣ, или въ скромной гостинницѣ для пріѣзжихъ, — около нея сходились, мыслили и сближались превосходные люди и высшіе умы всѣхъ націй и всѣхъ мѣнѣй, всѣхъ *оптыжковъ* и всѣхъ *цвѣтковъ*. Но она говорила правду, что женщины предоставлена лучшая часть: любить и быть любимой!... Для женщины, можетъ ли быть лучшее назначенье?... И всѣ другія, ея избираемыя, не суть ли они только отчаянныя попытки замѣнить неудавшееся благополучіе, — пополнить убійственную пустоту души и сердца, лишенныхъ настоящей своей цѣли?... Жаль, но должно сознаться, что для женщины даже самый гений не замѣняетъ красоты: женщину гениальную уважаютъ, — но не любятъ, тогда какъ съ одной красотой иногда ее любятъ даже и тогда, когда перестаютъ уважать... Когда графиня Текла, — бѣдная, не смотря на всѣ свои богатства и совершенства, — одинокая, вопреки многочисленнымъ своимъ друзьямъ и почитателямъ, всѣмъ ея одолженнымъ, — когда графиня Текла садилась грустно и молча въ дорожную карету лучшей англійской отдѣлки, уносившую ее на дальнее поприще многосторонней жизни и дѣятельности, — Марина стояла у широкаго окна своей комнаты, и

опершись на руку Бориса, озабоченного набрасываньемъ на нее шелковой мантильи, чтобъ она не простудилась,—Марина, очастливленная сною своею и его любовью, глядя ласково въгладъ отъезжающей, и посылала ей рукою и взглядомъ послѣднее напутственное прощанье.... Текла, поднявши голову, обратила взоры свои на окно гостинницы, увидѣла эту группу, —и вздохнувши, махнула курьеру, чтобъ онъ велѣлъ скорѣй трогаться съ мѣста.—Почтальонъ громко затрубилъ въ свой медный *постъ-горнъ*.... раздалось хлопанье его длиннаго бича.... на улицѣ тамъ и сямъ высунулись любопытные и англичане (гдѣ жъ ихъ нѣтъ?), чтобъ посмотреть, кто прѣхалъ или уѣзжалъ,—и многосложный гербъ знатной вдовы еще долго возбуждалъ догадки и разговоры, пока она катилась по узкимъ, но чистымъ улицамъ Гейдельберга....

Кто изъ васъ знаетъ *Гейдельбергъ*?... Кто, провзжая черезъ него, чтобъ изъ Бадена отправиться во Франкфуртъ, или обратно, потому что Гейдельбергъ стоитъ по счастью на общемъ перепутьѣ почти всѣхъ при-рейнскихъ городовъ и резиденцій, — кто, говоримъ мы, провзжая, былъ завлеченъ и очарованъ его чуднымъ мѣстоположеніемъ, его дивно картинными окружностями, его чистымъ животворнымъ воздухомъ, а еще болѣе, его спокойствіемъ, весельемъ, его довольствомъ, просвѣчивающимъ въ малѣйшей чертѣ, въ каждой подробности его миловидной наружности, — кто, вмѣсто того, чтобъ переночевать и отобѣдать, какъ слѣдовало, осмотрѣвши безводобныя развалины стараго замка, — раздумалъ ѣхать дальше, захотѣлъ пожить тутъ, велѣлъ отправить лошадей, выложить чемоданъ,—и остался на день, на два, потомъ прогостилъ недѣлю, и еще другую, быть можетъ,—и принужденный наконецъ продолжать свое путешествіе, повхалъ, съ сожалѣньемъ оборачиваясь и взоромъ и душой къ привлекательному мѣстечку,—и обещая себѣ снова навѣстить его, если Богъ дастъ!... Только тотъ пойметъ, какъ восхитительно пребыванье въ этомъ второстепенномъ городѣ, и только тотъ можетъ живо представить себѣ почти романическую жизнь, которую Борисъ и Марина вели себѣ въ Гейдельбергѣ. — По какой-то феноменальной недогадкѣ, это благодатное мѣстечко

ускользнула от всевидящей спекуляціи, принявшей давно на подрядъ и на откупъ всѣ живописныя мѣстоположенія Германіи, всѣ цѣлебныя ключи и источники, чтобъ устроить около нихъ огромное гостилище для празднаго богатства странствующаго европейскаго вельможества и для несносныхъ подражателей его, — лондонскихъ сапожниковъ и лавочниковъ. — Гейдельбергъ укрылся отъ Беназе и ему подобныхъ учредителей ярмарокъ *тщеславія* и притоновъ для рыцарей грабительнаго изобрѣтенія, гдѣ заманчивая рулетка и коварный *тридцать-и-сорокъ* соблазняютъ столько несчастныхъ, опустошаютъ столько туго-набитыхъ кошельковъ, — и обогащаютъ одного игорнаго банкира, да *ловкихъ воровъ*, протѣснившихся въ толпу иностранцевъ всѣхъ исповѣданій, состояній, возрастовъ и родовъ. — Въ Гейдельбергѣ нѣтъ еще ни *тринкъ-галле*, ни *конверсаціонсъ-гаузъ*, ни *salon des fleurs*, ни *казино*; — туда не стекаются со всѣхъ концовъ Европы и Америки люди странствующие и люди страдающіе, чтобъ себя показать, либо на другихъ посмотреть, — провальсировать передъ глазыющимъ дандизмомъ, передъ гордой *nobility* и богатой *gentry* цѣлаго міра, — или, чтобъ сорвать банкъ удачнымъ ударомъ, — и скакать на другія воды, чтобъ прокутить тамъ весело свою добычу. Но за то старинно славный университетъ и пребыванье нѣкоторыхъ свѣтилъ медицинской науки безпрестанно привлекаютъ въ Гейдельбергъ нѣмецкое юношество различныхъ сословій, — эту живую силу, несущую съ собой одушевленье и движеніе повсюду, гдѣ она проявляется, — да еще нѣсколько богатыхъ семействъ *высокоблагороденныхъ* фрейгерровъ и магнатовъ, у которыхъ находятся настоящіе больные, которымъ нужно и лечиться и дышать здоровымъ воздухомъ этого края, Богомъ любимаго. — Отъ того-то обиліе, чистота и жизнь поражаютъ путника съ перваго взгляда на Гейдельбергъ. Хотя туда не достигла еще дороговизна другихъ при-рейнскихъ мѣстечекъ, избалованныхъ возрастающимъ съездомъ и пребываньемъ всѣхъ милордовъ, настоящихъ и подложныхъ, хотя все нужное для всѣдневной жизни относительно очень дешево въ Гейдельбергѣ, однако торговая дѣятельность его

не оставила вѣсть съ пребываньемъ двора, и переставши быть резиденціей тому гораздо болѣе ста лѣтъ, онъ сохранилъ собственную дѣятельность и собственную жизнь. Въ немъ не увидите вы той ужасной нищеты, которая такъ часто огорчаетъ взоры около всѣхъ такъ называемыхъ *Lustorten* (мѣстъ веселья). Одежды тамъ опрятны, лица веселы, мѣщанская аккуратная суетливость и хлопотливость не лишены своей германской поэзіи, и не кажутся смѣшными и пошлыми, потому что на нихъ не отбрасываютъ невыгодной тѣни никакая рязкая противоположность сосѣдняго величія и богатства.—Всего лучше можно выразить впечатлѣніе, производимое Гейдельбергомъ, сказавъ, что онъ *ganzgemüthlich*, но какъ перевести этотъ коренной германизмъ, и дать ли о немъ понятіе наше не совсемъ тождественное выраженіе: *по-нутру?*... Сначала, въ первые дни своего пребыванія, Марина поселилась, какъ водится, въ гостинницѣ zum Erz-Herzog Karl, выходящей угломъ на главную улицу и на единственную площадь города.—Должно думать, что тутъ некогда было подворье какого-нибудь монастыря, потому что всѣ комнаты соединены и отдѣлены однимъ общимъ корридормъ, и каждая изъ нихъ выходитъ на келью, съ своими глубокими окнами, изразцовою печью, и маленькимъ альковомъ для кровати.—Днемъ царствуютъ въ этихъ кельяхъ тишина и безмолвіе, прерываемыя только шумомъ и плескомъ фонтана, украшающаго и одушевляющаго средину площади.—Въ извѣстные часы, эта тишина возмущается мѣрнымъ стукомъ малочисленныхъ вышедшихъ, спѣвающихъ и бѣгущихъ по звонкому тротуару, потомъ по лѣстницѣ, наконецъ по столовымъ нижняго этажа: это студенты, приходящіе обѣдать за общимъ столомъ; и тогда къ стуку приборовъ и стакановъ присоединяются ихъ шумный и веселый говоръ, ихъ переключки, споры, перебранки, хохотъ, пѣсни, иногда безумныя пляски,—все, чѣмъ выражается и прорывается кипучая удалъ двадцатыхъ годовъ. То же самое происходитъ и въ сосѣднихъ домахъ, ибо почти каждый изъ нихъ—точно такая же гостинница, гдѣ обѣдаютъ, живутъ, любятъ, веселятся и учатся эти птенцы университетскаго гнѣзда. — Вечеромъ, когда темнота

вопаряется надъ полуспящимъ городкомъ, — и особенно, если приходится сѣять вдохновительной лунѣ, этой любительницѣ и покровительницѣ *швермерства*, — вечеромъ вдругъ раздаются стройные хоры молодыхъ, звучныхъ голосовъ, и вы слышите знаменитыя *Burschenlieder*, которыхъ вкусъ и славу Германія распространила по всему міру, на примѣръ: *am Rhein, am Rhein, da wachsen unsre Reben*, или старинное любезное, *gute Nacht, schlaff wohl*, которое и теперь еще такъ дорого красавицамъ, и заставляетъ биться не одно *блѣдурное* сердечко подъ тафтянымъ фартучкомъ и кисейной косынкой. — Это серенады, которыми студенты чтятъ и празднуютъ своихъ возлюбленныхъ, являясь дружными толпами подъ ихъ окнами и перенося свои пѣсни изъ конца въ конецъ города, ко всѣмъ красавицамъ по очереди. Не рѣдко случалось Маринѣ оставаться у окна, внимая этѣмъ пѣснямъ, и видѣть, какъ гдѣ-нибудь, обыкновенно на самыхъ верхнихъ этажахъ, подъ самой кровлею, — открывалось тихо скромное окошечко, и высовывалась молоденькая головка, нѣжно кивая внизъ съ высоты своей, — какая-нибудь *Кларксенъ* или *Минксенъ*, — которая съ гордостью признавала въ себѣ *виновницу торжества*, и съ радостью отличала среди поющихъ своего *бурша*, въ бархатномъ кафтанѣ, съ удалымъ беретомъ на бекрень. — И сердце русской боярыни принималось болѣзненно трепетать, глядя на всю эту любовь, столь легкую, на все это счастье, столь доступное и живое.... Ей казалась завидною участь смиренныхъ швей или кружевницъ.... Но если нечаянно одинъ голосъ, грустнѣе или искуснѣе другихъ, запѣвалъ какую-нибудь мелодію Шуберта, — или знакомые и любимые звуки наводили на нее какое-нибудь далекое родное воспоминаніе.... о! тогда горе большой! она всю ночь проводила на пролетъ — и молодость ея воскресала и билась въ ней мятежно и страстно, возбужденная заразою чужой молодости, счастливой и безпечной....

Но когда прѣвхаль Борись, и было рѣшено, что онъ останется съ нею до ея выздоровленія, — когда графиня Текла стала собираться въ путь, — то общими совѣтомъ утвердили, что для больной надо пріискать дачу за городомъ, на бѣ-

регах благословеннаго Некара,—въ какой-нибудь изъ долинъ, чудно раскинутыхъ вдоль живописнаго его теченія, или на одной изъ горъ, красиво зеленѣющихъ вдали уступами виноградниковъ и другихъ фруктовыхъ деревьевъ.—Такихъ дачъ, превосходно сгруппированныхъ, можно насчитать цѣлыя сотни по близости Гейдельберга.—Большая часть ихъ отстроена изъ развалинъ старинныхъ замковъ, или на мѣстѣ прежнихъ монастырей; часто феодалныя башенки обращены въ новѣйшія жилища, и стрѣльчатые окна ихъ выдаются изъ кущей растений и цвѣтовъ, удачно посаженныхъ около нихъ въ садахъ и полисадникахъ, роскошно благоухоающихъ. Все это мило, свѣжо, уютно, заманчиво.—Прѣзжая мимо этихъ усадебъ и коттеджей, нельзя не поглядѣть на нихъ съ завистью, нельзя не подумать, что въ нихъ живетъ легко и благополучно. — Такъ и тянетъ къ нимъ, такъ и хочется въ нихъ погостить, будто мѣстность можетъ что-нибудь для сердца и противъ несудьбы, будто стоитъ только затерять гдѣ-нибудь свою зловредную звезду, чтобъ уйти отъ ея вліянья!...

Для Марины выбрали домикъ на горѣ,—прямо противъ стараго замка.—Этотъ замокъ—цѣлая чудная легенда, исчезенная въ камнѣ вѣками, людьми и событіями.—Нельзя себѣ вообразить такого смѣшенья страннаго и прелестнаго, артистически-прекраснаго и прихотливо-изысканнаго. — Здѣсь опустошенье кокетливо хвастаетъ развалинами и вмѣсто того, чтобъ представлять образъ запустѣнья, и грустнаго ничтожества,—оно заманчиво, оно одушевлено, оно возбуждаетъ мысль о величїи, о власти, которыя нѣкогда здѣсь обитали, о пирахъ и праздникахъ, которыми онѣ услаждали свои досуги.—На высокой и крутой горѣ, возвышаясь надъ необозримыми ландшафтами, стоятъ высокія строения разныхъ вѣковъ и столь же различныхъ архитектуръ, окружая дворъ, заросшій дерномъ и даже цѣлыми кустами, раскидисто цвѣтущими себѣ на волю. Есть во-первыхъ древнїй замокъ XIII вѣка,—рядомъ съ нимъ великолѣпный дворецъ временъ и вкуса возрожденья,—напротивъ, церковь, построенная за двѣсти лѣтъ до нашего времени.—Съ одной стороны

двора, тамъ, гдѣ нѣкогда были конюшни и людскія, стрѣльчатые своды и столбы поддерживаютъ зданіе новѣйшихъ временъ, гдѣ теперь помѣщаются сторожа и учреждена маленькая гостинница для путешественниковъ, а ихъ не мало перебываетъ здѣсь въ годъ: потому что не только прѣзжающіе посѣщаютъ безпрестанно эти чудныя руины, но онѣ изъ далека всему околodку служатъ цѣлю для шумныхъ пикниковъ и увеселительныхъ поѣздокъ. Должно быть, и эти толстыя стѣны съ ихъ унылыми галереями принадлежали когда-нибудь монастырю, или аббатству: отъ нихъ такъ и вѣетъ мрачными тайнами католическихъ обитателей и келій.—Строительная, изукрашенная домашняя церковь баденскихъ гроегерцоговъ еще уцѣлѣла, но комнаты герцоговъ, которыя возвышались надъ нею, совершенно разорены.—Главный фасадъ дворца—немного изысканнаго зодчества, какъ всѣ памятники, ему современные, означавшіе переходъ отъ древне-готическаго къ стилю причудливаго возрожденья;—но, не смотря на то, или даже, можетъ быть, именно отъ того, онъ отличается необыкновенною изящностью и нѣжностью въ отдѣлкѣ подробностей.—Кое-гдѣ существуютъ разные карнизы, украшенья, по мѣстамъ еще красуются въ нишахъ своихъ, поддерживаемыхъ витыми или рѣзными столбиками, немногія статуи, замѣчательныя по легкости и миловидности своей.—Вензеля, гербы, аллегорическія эмблемы, отчетливо выдѣланныя въ камнѣ искусными мастерами тѣхъ терпѣливыхъ дней старины,—картуши и вольты, которыя вдругъ прерываются, чтобъ дать пройти межъ ними вѣтвистымъ побѣгамъ дикихъ лозъ, или разнымъ породамъ цвѣтстаго моха, любящаго разстилаться по старымъ камнямъ,—все это живописно перемѣшивается, виситъ, извивается и стелется по стѣнамъ, напоминая вмѣстѣ и страстное искусство, которое создавало всѣ эти чудеса,—и дикій произволъ судьбы, охотно разрушающій дѣло рукъ человеческихъ.—Межъ тѣмъ, сквозь чудно-окаймленныя окончины исчезнувшихъ оконъ, открываются вдали виды близъ лежащихъ рощей и горъ, или виднѣются ясныя полосы неба, утѣшительныя и свѣтлыя напоминанья вѣчности, цѣлости, гармоніи, красоты непрехо-

дящей... Кое-гдѣ проглядываютъ изъ этихъ разрушенныхъ пустыхъ оконницъ вершины колеблющихся тополей и липъ, которыя кажутся любопытными головами, наклоняющимися изнутри замка, чтобъ лучше видѣть всю окрестность. — Передъ входомъ въ церковь есть терраса, огражденная двумя разрушенными, но еще стройными башнями: тамъ вѣрно прохаживались голубокія герцогини и задумчивыя пфальцграфини, и оттуда смотрѣли онѣ на подвластныя имъ села и долины. — Кажется, и теперь видишь на песку слѣды ихъ длиннаго парчеваго шлейфа или ихъ крошечныхъ ножекъ на красныхъ каблучкахъ.... Около развалинъ раскинулся прелестный тѣвистый садъ, доходящій уступами и скатами до прозрачныхъ волнъ Некара, текущаго подъ горой. — И едвали этотъ садъ, заброшенный и заросшій давно, не лучше теперь въ свосмъ безпорядкѣ, чѣмъ онъ могъ быть, когда его стригли и лелѣяли, какъ приворную красавицу, на показъ. — Покрайней мѣрѣ, природа призрѣла и возобновила все, что люди ей предоставили; — теперь этотъ паркъ полонъ тѣни и жизни, безмолвія и шума, вольныхъ стай щебечущихъ, поющихъ птицъ, и не менѣе суетливыхъ, не менѣе болтливыхъ дѣтей и юношей, гуляющихъ въ немъ шумною гурьбою, вѣчно смѣющеюся и вѣчно праздною. Кажется, будто здѣшнее народонаселеніе сдружилось съ этими гостепріимными развалинами, — и гордится ихъ красотою, какъ своею собственностью, щеголяя ею передъ иностранцами.

А не многогобы стоило вновь отстроить и создать этотъ дивный замокъ. Четыре капитальныя стѣны его такъ крепки, такъ долговѣчны, что не много бы нужно денегъ, искусства и времени, для возвращенія ему прежняго вида, — поврежденнаго сначала нашествіемъ войскъ Лудовика XIV, когда они, подъ начальствомъ Маршала Люксамбура опустошили пфальцграфство, и разрушеннаго потомъ окончательно пожаромъ, свирѣпствовавшимъ въ концѣ прошлаго столѣтія. Но Богъ одинъ знаетъ, не хуже ли бы было ему, этому родовому жилищу палладиновъ и людей иного времени, если бы оно вновь было призвано участвовать и свидѣтельство-

вать при жизни теперешняго вѣка и поколѣнья?... Такъ, какъ онъ есть,—развалины носятъ характеръ своего прежняго величія, своей минувшей славы: теперь,—какихъ бы странныхъ и несовѣстныхъ гостей не пришло имъ принимать?... Нѣтъ! пусть дремлетъ себѣ спокойно этотъ старый замокъ разореннаго рыцарскаго дома! довольно съ него и такъ его воспоминаній!... что дадутъ прозаическое настоящее и темно-загадочное грядущее тому, что жило такъ полно и такъ чудно великолѣпиемъ былого?...

Изъ широкаго окна Марины была видна какъ на ладони вся эта восхитительная картина. За то, она пристрастилась къ ней такъ, что утро и вечеръ заставляли ее любующеюся и мечтающей передъ этими каменными призраками романтической старины. — Она окружила себя всѣми сказками, легендами и преданьями, которыми такъ обильны прирейнскія мѣстности, и скоро ея память затвердила всѣ полу-волшебныя, полу-историческія *Sagen* древней Германіи. — Здоровье ея видимо возстановлялось вмѣстѣ съ спокойствіемъ души. — Сначала Борисъ оставался жить въ гостинницѣ, куда возвращался каждый вечеръ, проведя день у выздоравливающей, — черезъ нѣсколько дней ему надоѣло пѣшеходствовать въ потьмахъ, иногда подъ дождемъ, — и онъ переселился въ сосѣдство Марины, на холмикъ позади ея дома, гдѣ къ счастью его нашлась незанятая комнатка, съ непремѣннымъ и необходимымъ балкономъ. — Этотъ балконъ былъ такъ близокъ къ крылечку Марины, что обоюднымъ обладателямъ того и другаго можно было разговаривать, не возвышая почти голоса. Каждое утро, просыпаясь, *сосѣдки* заставляла *сосѣда*, ожидающаго ея появленія, и онъ перебрасывалъ ей свѣжій букетъ, нарванный и связанный до ея пробужденія. Когда завтракъ былъ поданъ, или дамы собирались на прогулку, бѣлый платокъ развѣвался передъ ихъ окномъ, и возвышалъ спутнику и товарищу, что его ждутъ. Вечеромъ, если Марина, отдыхающая нѣсколько минутъ послѣ долгой прогулки, хотѣла дать знать Борису, что онъ можетъ прійти къ чаю и вечерней бесѣдѣ, — она зажигала лампу или свѣчу на своемъ балконѣ, — и этотъ

накъ служилъ условнымъ зовомъ нетерпѣливому собесѣднику, который, — счастливый древняго Леандра, — не долженъ былъ переплывать Босфора, чтобъ добраться до своей Гэро: прыжокъ въ садъ, — и онъ былъ у ней!

Не мудрено, что, наслаждаясь вмѣстѣ этою простою и невозмущенною жизнью, проводя цѣлые дни наединѣ, не видя и не зная никого вокругъ себя, встречая людей, которые равно ихъ не знали, и не обращали на нихъ вниманья, какъ развѣ только, чтобъ разглядѣть и перенять фасонъ шляпки у *прѣзжей дамы*, или пальто у *чужаго господина*, — не мудрено, что въ несколько дней оба они будто переродились, и забыли все, что было не они, все, что не касалось настоящаго ихъ существованья. — Какъ переселенцы, заброшенные кораблемъ на необитаемый островъ, — какъ жильцы околдованнаго замка, — они были *одни* въ этомъ новомъ мѣрѣ, — и это одиночество вдвоемъ было имъ отрадно и сладко. — Забыты взаимныя оторченья и недоразумѣнья, забыты прежнія помѣхи, прежнія страданья! — Оба преобразились душевно и сердечно, оба были вполне довольны, вполне счастливы.

Прошло почти два мѣсяца, — и сентябрь началъ облыть лѣса и сады, межъ тѣмъ какъ солнце съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе удалялось отъ отцвѣтающей земли. Маринѣ приказано было докторами провести зиму въ Италіи: Она колебалась между Флоренціею, Неаполемъ и Римомъ; но Борисъ, влюбленный въ Средиземное море, особенно же въ заливъ Спеція и въ картинную *Корнишу*, вьющуюся зеленой лентой вдоль моря отъ Генуи до Ницы, — Борисъ упрямилъ ее вхвать въ Ницу, куда онъ тоже долженъ былъ отправиться съ нею, и гдѣ заранѣе обещалъ онъ ей столько же тишины и свободы, какъ у береговъ Некара. — *Быть съ нами*, — вотъ только что необходимо было Маринѣ: о мѣстѣ пребыванья собственно она не заботилась; следственно, она стала собираться въ Ницу.

Однако блаженство ихъ не оставалось совершенно безопаснымъ; со стороны сѣвера собралась на нихъ грозная туча: Урманскіе сучали безъ своего кумира; мать Борисова неоднократно спрашивала, когда онъ намѣренъ вернуться къ

ней; наконецъ послѣднее письмо ея привнесло извѣстiе, что она больна, и ждетъ сына, чтобъ *еще разъ* взглянуть на него. Приписка сестеръ была патетически призывна и отчаянна.

Борисъ испугался бы смертельно, если бы въ то же время не получилъ письма отъ отца, въ которомъ добрый старикъ благословлялъ его на продолженiе путешествiя, увѣдомляя при томъ, что *всѣ въ домъ живы, здоровы и благоденствуютъ*.... Это успокоительное увѣренiе подтверждалось и длиннымъ посланьемъ отъ Вейссе. — Стало быть, вѣсти различествовали и разногласили изъ двухъ этажей дома, какъ два журнала противныхъ между собою партiй.

Борисъ, впрочемъ, лучше приготовленный, чѣмъ обыкновенная публика журнальныхъ читателей и подписчиковъ, догадывался, съ какой стороны была правда и истина, — и ничего не измѣнилъ въ дальнѣйшихъ своихъ распоряженьяхъ.

Отвѣтъ его къ матери и сестрамъ былъ написанъ безъ колебанья, — нѣжно, ласково, отъ души, — но съ твердымъ отказомъ возвратиться, и съ просьбою доставлять ему слѣдующiя извѣстiя *уже въ Ницу*. За глаза онъ былъ смѣлье, и любовь придавала ему самостоятельности. Гейдельбергская очарованная и очаровательная жизнь описывалась имъ *отчасти*, то есть, употреблялось эгоистическое мѣстоименiе *я* вездѣ, гдѣ вѣрность разсказа требовала бы поставить чисто-сердечное и сердечное *мы*: благодаря этому умственному ограничиванью собственныхъ мыслей, онъ могъ передать пламенно и живо, такъ, какъ и чувствовалъ, всю полноту, всю свѣжесть и беззаботность своего добровольнаго отшельничества. Эти полу-признанья дышали его умалчиваемою страстью, — и письмо было краснорѣчиво, какъ сама страсть. — Слѣдуетъ прибавить, что онъ писалъ въ гостиной Марины откуда не отлучался по цѣлымъ днямъ, и гдѣ привыкъ даже заниматься. Кончивши, онъ захотѣлъ прочесть его той, которая, какъ древняя Изида подъ своими таинственными покровами, обитала и дышала незримо, но ощутительно, подъ каждымъ словомъ, каждымъ выраженiемъ. Слеза умиленiя и благодарное пожатiе руки были его наградою послѣ этого чтенья, прослушаннаго молча, очи въ очи.

— Но, другъ мой, — замѣтила она, — вѣдь завтра не пойдетъ отсюда почта: это преждевременный трудъ; письмо должно дожидаться.

— Пусть его лежитъ себѣ здѣсь! — было отвѣтомъ, — и Борисъ заперъ его беззаботно въ ящикъ стола, что-то напѣвая. Онъ былъ доволенъ собою и своею рѣшимостью! — Дня черезъ два, послѣ завтрака, она и онъ объ руку шли на прогулку, желая воспользоваться благотворнымъ солнцемъ полудня, улыбающимся природѣ передпрощальною улыбкою своею, — восхитительною, какъ всякое благо и всякая радость наканунѣ разставанья. — Медленно и задумчиво осматривали они прелестныя мѣстоположенья, съ которыми и имъ надлежало вскорѣ проститься. Ихъ взоры благодарили край, гдѣ для нихъ зацвѣла пора любви и радости. Ихъ мысли, следуя за извилинами серебристаго Шекара, перебѣгали вслѣдъ за нимъ по долинамъ, у подошвы горъ, припоминая дни, тутъ мирно проведенные. — Такъ добрались они до мѣстечка, называемаго *Вольфсъ-Брунненъ*, гдѣ путешественникамъ показывается, какъ достойная замѣчанья, одна мнимая диковинка, — т. е. садокъ, гдѣ откармливаются огромныя форели. — Но если это весьма простое диво не стоитъ патріотическаго восторга, которымъ его окружають туземцы, — за то обманутое любопытство путниковъ слишкомъ вознаграждено живописною прогулкою и самимъ мѣстоположеніемъ сада, гдѣ находится этотъ прудъ. Это — рощица, гдѣ зелень такъ густа и тѣнь такъ прохладна, что въ самый сильный жаръ тамъ всегда можно найти свѣжій пріютъ и отрадное отдохновеніе. — Пришедши туда, Борисъ закурилъ сигарку, а Марина усѣлась на траву, и забавлялась, бросая листья въ ручей, смотря имъ вслѣдъ и прислушиваясь къ ропоту воды, бѣгущей по мелкимъ камышкамъ, служившимъ ей русломъ. — Въ минуту сочувственнаго молчанія, вдругъ возлѣ нихъ раздался женскій голосъ, говорящій по-русски....

Родная рѣчь, хотя произнесенная довольно неясно, потрясла неожиданностью своею нашихъ мечтателей, — оба оглянулись, и были неприятно поражены: передъ ними сто-

яла одна барыня, короткая пріятельница Ухманскихъ, усердная посылительница зеленой гостиниой, и надежная разнощица вѣстей и толковъ, оттуда происходящихъ. — Марина отшатнулась было назадъ, и хотѣла спустить свою кружевную вуалетку, пока Борисъ готовился удалиться за деревья, но было поздно: барыня ихъ узнала, — и уже стремилась къ нимъ съ восклицаньями и разспросами. Должно было, скрѣпя сердце, встрѣтить опасность лицомърною улыбкою.

«Ахъ!... это вы?... какъ я рада!» и прочія пустыя фразы посыпались на нихъ, и новопривывшая, будто-бы восхищенная встрѣчей съ ними, успѣла въ минуту осмотрѣть ихъ съ ногъ до головы, освѣдомиться, давно ли они здѣсь, — на долго ли, — *душевно порадоваться*, что видитъ ихъ веселыми и довольными, предложить имъ видаться какъ можно чаще, и сообщить имъ, что она пробудетъ съ недѣлю въ Гейдельбергѣ, чтобъ посоветоваться съ докторами о здоровьи своего мужа, котораго она *такъ обожаетъ*, — и для котораго предприняла свое путешествіе, потому что *она ни на минуту не можетъ съ нимъ разстаться*. (Примѣчаніе: эта примѣрно-нужная и преданная супруга обыкновенно *встрѣчала* своего супруга за столомъ, раза три въ недѣлю, ибо онъ былъ домохозяинъ и завѣтъ дѣлами, — а она разъѣзжала по городу, обществу и увеселеньямъ, съ той минуты, въ которую вставала, непременно до той, въ которую ложилась на покой. Ссорились они постоянно при каждой встрѣчѣ, и перебранивались очень исправно, но не всегда лобезно и пристойно, при дѣтяхъ, домашнихъ, даже людяхъ, — *но не при гостяхъ*; почему и слыли примѣрною, согласною четой. Они обыкновенно мирились для Нового года, этотъ день проводили благополучно, каждый съ своей стороны, — а съ 2 января начинали опять ссориться вплоть до 31 декабря. Но это нисколько не мѣшало ихъ домашнему счастью и общему къ нимъ почтению, и барыня эта была изъ самыхъ твердыхъ и полноувѣсныхъ *добродѣтелей*). Покуда она говорила, обоимъ слушающимъ было неловко, — оба замѣчали ея злобную гримасу и пытливые взгляды, оба предвидѣли, какъ эта встрѣча впоследствии породитъ имъ много непріятностей, и заранее знали, какіе

потоки красноречивыхъ описаній и сплетней польются изъ-подъ пера опасной путешественницы въ хранилище зеленой гостиниой.—Марина, очень мало и только издали съ ней знакомя, отклоняла учтиво, но холодно все вопросы и предложенія, извиняясь своимъ нездоровьемъ; Борисъ, обязанный оказывать уваженіе *другу дома* его матери,—кланялся очень мило, говоря очень мало. — Черезъ четверть часа, соотечественница оставила ихъ, чтобъ обратить свое вниманіе на форели, и продолжать осмотръ гейдельбергскихъ примѣчательностей. Они возвратились домой,—но теперь ни окрестные виды, ни чудное утро не могли ихъ развеселить; оба шли молча, потупя голову и зорь, оба проклинали докучливую встрѣчу: онъ боялся доноса на него, а потомъ упрековъ своей матери,—она понимала, что въ немъ происходило, и боялась за ихъ спокойствіе.

Ни тотъ, ни другой не обманулись!

Едва милая соотечественница успѣла добраться до своей гостиницы, какъ свѣла писать ко всемъ своимъ петербургскимъ пріятельницамъ, и подробнѣе всехъ къ Урманскимъ: рассказала, какъ она встрѣтилась съ бѣднымъ Борисомъ и *этою безнравственною кокеткою Ненскою*,—какъ она ихъ застала, гдѣ, какъ Ненская одѣта, какъ она весела, какъ торжествуетъ, что успѣла похитить сына у несчастной матери, — какъ сердце ея, *я, истинно преданной друзьямъ своимъ*, и вообще *благодѣтельной*, вчужь обливается кровью при видѣ такого соблазна, и много еще прочаго, тому подобнаго.

Борисъ былъ какъ ребенокъ, котораго испугали въ чудесномъ золотомъ снѣ, сладко его укачавшемъ и ублажившемъ его дѣтскими грѣзами и восхитительными видѣньями... Онъ очнулся, но не вполнѣ, но болѣзненно и дико, и въ просонкахъ ищетъ еще все того, чѣмъ за минуту онъ былъ такъ счастливъ и такъ очарованъ. — Появленіе враждебной говоруньи имѣло на него вліяніе медузиной головы; онъ былъ пораженъ. Онъ припомнилъ вдругъ и вѣчныя сплетни на счетъ его и любимой имъ женщины, и длинныя увѣщанья матери, и безконечныя филиппики сестеръ... Онъ былъ перенесенъ въ зеленую гостиную... Какъ

Ринальдо, онъ сладко забылся въ саду Армиды... и вотъ его безжалостно разоколдовали...

Вечеромъ, когда Марина зажгла призывную лампу на балконѣ,—и поджидая Бориса, съѣла за флигель—наигрывать любимые его мотивы изъ новѣйшихъ оперъ, онъ долго не приходилъ, и русскій самоваръ тщетно прождалъ его на столѣ. Послано къ нему узнать, отъ чего онъ нейдетъ,—его не было дома. Марина догадалась, перестала играть; и грустно облокотясь, впала въ глубокую задумчивость.... Она спрашивала себя, долго ли еще продлится ея воскресшее счастье?... Она чувствовала, что на него чернымъ крыломъ повѣяла ночная птица, предвозвѣстница зла и горя.... Къ одиннадцати часамъ пришелъ наконецъ Борисъ, разстроенный и грустный. Онъ извинился въ своемъ отсутствіи визитомъ, который *принужденъ* былъ сдѣлать пріѣзжей барынь. Марина ни о чемъ не хотѣла разспрашивать.—Разставаясь, онъ поцѣловалъ ея руку нѣжно и грустнѣе обыкновеннаго....

На другой день отходила почта въ Россію: она робко ему о томъ напомнила; онъ отвѣчалъ, что уже написалъ....

Дня черезъ два, открывая безъ всякаго умысла ящикъ стола, чтобъ достать какую-то книгу, она увидѣла незапечатанное письмо.... Это было то самое, которое Борисъ, въ пароксизмъ любви и увлеченья, приготовилъ для матери своей, чтобъ сказать ей, что онъ ѣдетъ въ Ницу.... Да! то самое письмо, въ которомъ такъ пламенно, сквозь завѣсу приличія и недоговоренныхъ словъ, выразилось тогдашнее состояніе его души,—то самое, за которое она такъ нѣжно его благодарила.... Письмо не отослано!... Стало быть, вмѣсто него написано другое?... Стало быть онъ перемѣнилъ свои намѣренія?... Ужели онъ съ нею не поведетъ?... Ее кольнуло въ сердце.... Знакомая боль,—боль прежнихъ мучительныхъ дней борьбы и сомнѣнья опять вгрызлась ей въ грудь.... Однако она продолжала заниматься сборами въ Ницу,—и онъ помогалъ ей, какъ бы готовясь съ нею въ путь. —

Но черезъ три недѣли пріѣхалъ неожиданно Вейссе. Его прислали за Борисомъ, которому онъ привезъ письмо и приказанье его матери. И безъ того взволнованная его отсут-

стыемъ, она уже находила, что двумъ изъ дочерей ея необходимы воды, и рѣшилась ѣхать съ ними на пароходѣ въ Штетинъ, чтобъ оттуда направить дальнѣйшія свои дѣйствія. Письмо пріятельницы ускорило ея отъездъ, еще болѣе убѣдя ее въ необходимости скорѣе добыть сына, чего-бы то ни стоило, и она отправилась, пославши впередъ Вейссе съ наказомъ уговорить Бориса.—Ему представляли всѣ неудобства и трудности путешествія нѣсколькихъ женщинъ совершенно однихъ, безъ покровителей, и во имя всѣхъ обязанностей сына и брата, вызывали въ Вѣну, гдѣ его должны были дожидаться, чтобъ ѣхать далѣе подъ его защитою. Чтò было дѣлать Борису?...

Онъ покорился, и вмѣсто Ницы уѣхалъ въ Вѣну!

Марина не плакала, не удерживала, не упрашивала его.

Этотъ послѣдній ударъ оглушилъ ея душу и умъ. Ей казалось, что жизнь ея прекратилась вмѣстѣ съ прекраснымъ сномъ, такъ печально разрушеннымъ.... Тщетно отчаянный Борисъ умолялъ ее не огорчаться; тщетно обещалъ онъ возвратиться къ ней, какъ скоро довезетъ куда-нибудь на зиму мать и сестеръ своихъ. Она сомнительно качала головою, — и не отвѣчала. Онъ предлагалъ ей тоже перемѣнить свой маршрутъ, и вмѣсто Ницы, ѣхать въ Венецію, куда онъ бражся направить и заманить свой караванъ. Ни за что въ мѣръ не согласилась бы Марина на эту встрѣчу; какъ можно было ей допустить, чтобъ Ухманскіе имѣли право потомъ разглашать, что она насильно за ними слѣдовала, и навязывала свое присутствіе Борису?...

—Нѣтъ, Борисъ!—говорила она упорно,—въ Ницѣ должны мы были провести зиму вмѣстѣ: въ Ницу повду и одна! Пусть будетъ, чтò Богу угодно.—Покрайней мѣръ, она согласилась, чтобъ Вейссе проводилъ ее вмѣсто Бориса.—Въ одно утро, оба экипажа были подвезены къ одному крыльцу,—и разъѣхались, увозя въ разныя, противоположныя стороны два сердца, которыя бы вѣчно бились радостно другъ подлѣ друга, еслибъ судьба ихъ не разлучала....

Борисъ долго провожалъ карету Марины своими взглядами, слезами и благословеньями. Онъ крестилъ издали исче-

зающее лицо своей возлюбленной; сердце его сжималось невыразимою тоскою... Ему казалось, что онъ прощается съ нею болѣе, чѣмъ на долго, на всегда, — и это предчувствіе было для него невыносимо....

Пожалуйте о немъ! онъ, право, былъ очень несчастливъ въ эту минуту!... быть можетъ, несчастіе ея! несчастіе ея, которая ничего не чувствовала отъ избытка столь многихъ, столь различныхъ мучительныхъ чувствъ.—Для души человеческой есть извѣстный предѣлъ страданья, за которымъ начинается оцѣпенѣнье: Марина его достигла!

Г Л А В А IX.

И И Ц А.

Объ одномъ просила только Марина, когда ее везли изъ Гейдельберга, — чтобъ миновать сколько возможно всѣ перепутья и мѣста, гдѣ она могла бы встрѣтиться съ Ухманскими. Для того, надо было не заѣзжать въ Швейцарію, оставить въ сторонѣ и Комское озеро, и Лаго-Маджіоре съ знаменитыми Борромейскими островами, не видать Милана, избѣгать лучшихъ городовъ и ближайшей дороги, продолжая и затрудняя многимъ и безъ того длинное путешествіе. Но ей было всё равно: ничего ее ужъ болѣе не манило и не привлекало въ обѣтованный край ея желаній; *безъ него*, Италія становилась ей Лапландіей, и при мысли, что въ Италію ѣдутъ Ухманскія, ее схватывала лихорадка. Едва могли ее уговорить заѣхать въ Геную, гдѣ тѣ конечно не успѣли бы ее застигнуть.—Съ равнодушіемъ въѣзжала она въ эту дивную Геную, царицу Средиземнаго моря: было ужъ поздно, ночь скрывала отъ взоровъ ея картину приморскаго города, купающагося въ бирюзовомъ морѣ, и пѣнистыхъ волнъ, разбивающихся у подножья скалъ, увѣнчанныхъ дворцами и садами; ничего нельзя было различить, только одинъ маякъ горѣлъ высоко и уединенно на недосыгаемой башнѣ. Все было мрачно, пусто и мертво, какъ въ этой больной душѣ. Но на другой день, — когда румяное утро чудно освѣтило всю окрестность, когда

солнце обильными лучами озолотило дворцы, церкви, куполы красивых зданий, когда мачты кораблей, густые как лѣсъ, распустили свои бѣлые паруса, и чайками понеслись по серебренному заливу, когда городъ проснулся, засуетился, заговорилъ, запѣлъ этимъ итальянскимъ языкомъ, столь музыкальнымъ, что онъ и безъ мелодіи ласкаетъ слухъ, какъ гимнъ любви и радости,—когда, стоя у окна высокой гостиницы, наша путешественница взглянула на все это торжество природы и искусства, на весь этотъ блескъ, на всю эту прелесть и роскошь жизни, сердце въ ней проснулось и дрогнуло, собственное горе сильнѣй затрепетало отъ разительной противоположности того, что она видѣла и что чувствовала, — и обильныя слезы горькими ручьями полились изъ глазъ ея. Въ первый разъ плакала она, съ тѣхъ поръ, какъ разсталась съ тѣмъ, кто былъ для нея жизнью, и теперь, при видѣ дивной жизни, ее окружавшей, она какъ будто вдругъ ощутила вполне свою потерю...

Жизни, жизни, легкой, беззаботной, молодой жизни громко запросило это очнувшееся сердце, вошя на участь свою....

Долго, горько, упорно, плакала она.... Долго раздавались въ безмолвной комнатѣ ея незаглушаемыя рыданья. Никто ей не вѣшалъ, и тѣмъ лучше было для нея. Спутники ея, думая, что она еще покоится хоть не сладкимъ, но глубокимъ сномъ усталости, не тревожили ея, и она свободно предавалась всей власти своихъ воспоминаній и сожалѣній.—То была ея послѣдняя борьба, послѣднее возстанье страсти противъ сокрушающаго горя.... Съ тѣхъ поръ она опять казалась покорною своей судьбѣ.—Чрезвычайная горестъ тѣмъ хороша, что она или убиваетъ, или каменитъ. То и другое прекращаетъ страданье!

Марина согласилась на просьбы Вейссе, осмотрѣла всѣ достопримѣчательности Генуи, дозволила водить себя по всѣмъ церквамъ, по знаменитымъ картиннымъ галереямъ, по богатѣмъ, но пустымъ жилищамъ стародавнихъ Дорій, Дураццовъ и Палавиченовъ, которыхъ предки носили золотую мантию и одворогую шапку дождей, торговали съ пол-міромъ и ходили войною съ непобѣдимыми галерами своими то на Турку, то на барбарійскихъ корсаровъ.—Она обошла всѣ мрамор-

ныя палаты, наполненныя сокровищами живописи и еще болѣе богатая собраньемъ всѣхъ восточныхъ рѣдкостей и рѣзнаго искусства, еще дышавшая воспоминаньями прежняго времени и прежнихъ жильцовъ, славныхъ и гостепріимныхъ. Она гуляла по террасамъ, обращеннымъ въ висячіе сады, откуда померанцовыя и лимонныя деревья сыплютъ на прохожихъ снѣжный дождь своихъ цвѣтовъ и упоительную нѣгу ихъ благоуханья. Все ее удивляло и занимало, — но ничто не развеселяло; любуясь, она погружалась все болѣе и болѣе въ безмолвныя думы, въ тихую, но неразвлекаемую тоску. — Ее увезли; опять явилась дорожная карета, опять путешествіе утомляло и истощало послѣднія силы ея; она не жаловалась.

Нѣтъ, и не можетъ быть ничего въ мірѣ очаровательнѣе этой дороги, по которой теперь они ѣхали. Все время, въ продолженіи четырехъ дней, отъ Генуи до Ницы широкая мощеная стезя Корниша не покидаетъ окраины моря, и на каждомъ шагу, на каждомъ поворотѣ, возникаетъ новая, восхитительная картина. Въ-лѣво море, съ-права высокія горы и скалы, иногда крутые обвѣсы, у которыхъ порохъ и взрывы отняли мѣсто, нужное для шоссе, гдѣ едва могутъ разѣхаться двѣ кареты. Иногда дорога виситъ надъ моремъ, какъ надъ пропастью. Съ одной стороны неизмѣримая крутизна, отдѣляющая по видимому путника отъ остальной вселенной и грозящая задавить его подъ внезапнымъ обрывомъ тяжелыхъ отломковъ, тогда какъ съ другой стороны такая же крутизна отдѣляетъ его отъ моря, шумящаго и бѣющаго глубоко внизу, будто готового принять въ свое лоно, поглотить весь поѣздъ, при малѣйшей неосторожности почтальона, при малѣйшемъ обмѣренномъ движеніи одной изъ лошадей. — Оступись только одна изъ нихъ, — и все рухнется неминуемо въ бездонную пучину! А между тѣмъ, она такъ обольстительно стелется передъ глазами, во всемъ великолѣпіи своей вѣчной, но разнообразной красоты, — она, кажется, манитъ васъ коварно, и глухими рокотаньями, страстнымъ ропотомъ своихъ волнъ рассказываетъ вамъ какую-то чудную, тревожную быль, жалуется вамъ на какое-то таинственное горе.... Не глядите слишкомъ

пристально на него, на это заманчивое море; если вы въ открытомъ экипажѣ, — не высовывайтесь изъ него: какъ разъ это море притянетъ васъ неотразимо: головокруженіе охватитъ всѣ ваши силы, — и вы броситесь или упадете въ него въ одно мгновеніе. «*Abyssus abyssum invocat.*» — Морская бездна магнетизируетъ бездну мысли человеческой, обаяніе одной всевластно надъ другою, — и когда Гете такъ просто, но сильно разсказалъ въ пьсенкѣ о рыбацкѣ, котораго будто бы незримая сирена притянула и увлекла съ собою въ морскія волны, великій поэтъ описывалъ только иносказательно физическое явленіе, очень обыкновенное. — Далѣе, цѣпь горъ прерывается, и уступами сходится съ дорогою, тогда какъ берегъ тоже постепенно понижается, и вотъ ужъ вы ѣдете совершенно у моря, котораго волны лижутъ окраины земли, и обшивають ее серебряно-жемчужною бахрамою своихъ пѣнистыхъ отливовъ и приливовъ. — Иногда свѣжія брызги долетаютъ до васъ, и выоть вамъ въ лицо укрѣпительною влагою; иногда идущій валъ докатится до середины дороги, и съ веселымъ плескомъ разобьется на ней, орошая колесы вашей кареты и ноги уставшихъ лошадей. — Но съ обѣихъ сторонъ этой несравненной дороги вы встрѣчаете то городокъ, купающійся въ волнахъ, то монастырь или церковь на горѣ, то мраморный дворецъ, окруженный садами, то скромный и уютный казино, улыбающійся среди виноградниковъ и маслинъ. — Все это волшебное, восхитительно. Безпрестанно хочется вѣлтъ остановиться лошадямъ, — чтобъ выйти изъ дорожнаго экипажа, и поселиться тутъ, погостить въ одномъ изъ этихъ жилищъ, не равныхъ по наружности, но равно волнующихъ тишины и относительной прелести. Но если и тѣмъ же вліяніе путешествія и мѣстности на обыкновенныхъ проѣзжихъ, спокойныхъ, или почти спокойныхъ, — какое же впечатлѣніе должны были произвести дивно картинные виды на бѣдную женщину, больную и грустную, — на жертву одной изъ тѣхъ сердечныхъ болѣзней, которыя ищуряють жизненныя силы, не лишая притомъ воображенія способности разгараться и восторгаться для всего прекрас-

наго и высокаго, могущаго его воспламенить?... Марима глядѣла,—и горько улыбалась, думая, какъ все это показалось-бы ей плѣнительно, если-бъ ей дали совершить путь такъ, какъ она предполагала,—вмѣстѣ съ Борисомъ, сидя возлѣ него, и дѣля съ нимъ свое наслажденье.—Всего болѣе поразила ее небольшой *кастелло*, въ видѣ крѣпости построенный на полуостровѣ и выступившій совершенно въ море; онъ стоялъ гордо и высоко на скалѣ, которая только однимъ краемъ своимъ придерживалась земли. Зубчатая башенка и плоская кровля, служащая террассой, такъ весело и щеголевато смотрѣлись въ кристальныя волны, стѣны, огражденные, какъ въ шутку, маленькими пушками, окна, изъ которыхъ развѣвались шелковыя гардины, и выглядывали межъ цвѣтовъ дѣтскія и женскія головки,—это уединенное и прихотливое мѣстоположенье,—все говорило о благополучи и довольствѣ,—все доказывало, что этотъ домъ былъ жилищемъ радости, а можетъ быть и любви... «Тутъ!»—шепнуло сердце одинокой путницы,—*тутъ* можно бы прожить такъ чудесно, такъ благоденственно, *если-бы!*... Она не кончила этой внутренней рѣчи,—и утерла крупную слезу, повисшую на густой рѣсницѣ... Ей непременно хотѣлось знать, кому принадлежитъ великолѣпный *кастелло*: ей казалось, что одни счастливыцы могли выбрать такое мѣсто, чтобъ избѣжать всякаго докучливаго сосѣдства, чтобъ прервать всякое сообщество между ними и обитателями твердой земли, довольствуясь собою, и чуднымъ зрѣлищемъ небесъ и моря, замыкающихъ ихъ горизонтъ.—Справилась у почтальоновъ, и оказалось, что дѣйствительно полуостровъ и замокъ принадлежатъ молодому капитану коммерческаго флота,—который проводитъ тутъ съ красавицею женою все то время, въ которое онъ не на кораблѣ. Говорили, что онъ богатъ, хорошъ собою,—что онъ объѣхалъ вокругъ свѣта и навезъ много добра и всякаго дива изъ своихъ дальнихъ странствій. Какъ всегда и вездѣ, народная молва прибавила небывалое къ правдѣ, чтобъ создать сказочное благополучье изъ простой, но столь чудной повѣсти двухъ счастливецевъ, богатыхъ, молодыхъ и влюбленныхъ.— Это только удвоило задумчивость страдалицы,—угадавшей чутьемъ сердца близость сердечнаго

отношения. — Возможность счастья на землѣ преслѣдовала ее, какъ насмѣшка надъ ея участью, какъ тѣнь ея сокрушенной любви и разрушенной надежды... Съ каждымъ днемъ ей становилось больше и скучнее.

Достигли наконецъ и Ницы. Но тутъ, вмѣсто обещаннаго и ожидаемаго пріюта и спокойствія, — путницу нашу и ея провожатыхъ ожидали картины неприятныя и противныя. Въ два-три года, это мѣстечко, прославленное по Европѣ какъ деревня, гдѣ каждый домикъ купається въ волнахъ моря и тонеть въ зелени цвѣтниковъ и садовъ, — это мѣстечко преобразовалось и превратилось совершенно, и на пространство прежнихъ садовъ отстроены узкія, темныя, грязныя улицы; изъ cadaго домика, изъ cadaго строенія отдѣлалась громадная гостинница; и все это не населено, а набито Англичанами всѣхъ сословій, всѣхъ состояній, всѣхъ возрастовъ. Въ каждомъ домѣ, изъ трехъ или четырехъ рядовъ оконъ, безсмысленно выглядываютъ мужчины и женщины въ шляпахъ и съ книгами въ рукахъ: это британскіе островитяне, — которымиъ скучно, у которыхъ сплннъ, и которые проводятъ весь день въ этомъ занятіи, карауля у окна все, что дѣлается или происходитъ на улицѣ, всѣхъ бѣдующихъ или проходящихъ по ней. — Шумъ, пыль, стукъ колясокъ, раздирающіе вопли бѣдныхъ ословъ, навьюченныхъ миссами и лѣдц, перебранка торговковъ и разныхъ мастеровъ, справляющихъ свое ремесло на мостовой, которую они загораживаютъ, — всѣ противныя подробности провинціальной жизни, суетливости, — вотъ что составляетъ общій видъ Ницы, вотъ что находитъ путникъ, ищущій тишины, успокоенія и загородной пустоты на свѣжемъ воздухѣ. Самый этотъ воздухъ зараженъ и испорченъ запахомъ, распространяемымъ фабриками, кузнецами и кухнями, работающими и стряпающими всѣ вдругъ и рядомъ. — Даже то, что недавно было предметомъ, подъ звучнымъ именемъ *Мраморнаго Креста*, теперь тоже стало новымъ городомъ, соперникомъ стараго, грозящимъ скоро переменить его хлопотливостью и многолюдностью своею. — А народонаселеніе, — что за гнусная смѣсь двухъ противоположныхъ и враждебныхъ національностей! — Что за дикари, оставшіе отъ Итальянцевъ и не приставшіе къ Фран-

пузамъ, — что за крикливые, бранивые, корыстолюбивые спекуляторы и неотступные просители, продающіе вамъ по верхкамъ, на всѣ, свой чудный климатъ, свой благодатный воздухъ, свое солнце, свое море, и готовые продать вамъ себя самихъ, съ дѣтьми, домами и всѣмъ имуществомъ своимъ, — буде только вы захотите показать имъ соблазнительное золото и серебро!...

Ницары одарены особеннымъ голосомъ, дикимъ и визгливымъ, говорятъ особеннымъ нарѣчіемъ, испорченною смѣсью изуродованныхъ ими двухъ языковъ, сильныхъ и прекрасныхъ: въ ихъ грубыхъ устахъ — итальяскія слова теряютъ всю свою музыкальность и мелодію, а французская фраза лишается своей утонченности, выразительности и гибкости. Какъ всѣ пограничныя племена, это племя лавочниковъ и трактирщиковъ соединяетъ въ себѣ всѣ пороки двухъ народовъ, къ которымъ оно попеременно пристраивается, не перенимая у нихъ ни одного качества, ни одной добродѣтели. Они отвратительны даже въ своемъ гостепримствѣ, справляясь только объ одномъ, когда завидятъ прїѣзжихъ: много ли лицъ въ семействѣ, и много ли займутъ они комнату, — сообщая свой прїемъ съ цѣною платы, которой ожидаютъ. Они предпочитаютъ Англичанъ всѣмъ прочимъ путешественникамъ, потому что, какъ они поясняютъ свое предпочтеніе, — въ благоустроенномъ англійскомъ семействѣ *редко бываетъ меньше шести дочерей*. — Чтобы точнѣе опредѣлить Ницу, можно сказать, что она вѣчно-открытый рынокъ, гдѣ ни на минуту не перестаетъ мелочная ярмарка щепетильнаго товара, — съ акомпаниментомъ всѣхъ ея подробностей, крика, шума, брани и нечистоты. — Легко понять — какъ враждебно дѣйствовало такое зрѣлище на слабовервную, грустно настроенную женщину, которой нужно было спокойствіе и удивленіе, да полу-мракъ вмѣсто слишкомъ яркаго дня, да воздухъ, напитанный благотворными испареньями лѣсовъ, свѣжимъ и чистымъ дыханьемъ одной растительности. — Даже спутники ея не переносили рѣзкой и отвратительной картины, ихъ окружающей. — Имъ бы хотѣлось вхатъ дальше, вернуться въ Италію, но Марина не соглашалась. — Особенно утомляла ихъ жизнь въ гостинницѣ, переполненной жильцами. Стали искать отдѣльнаго дома

По счастью ихъ, одинъ лордъ, мнимо-чахоточный, соскучась двухъ-недельнымъ пребываньемъ на дачѣ, нанятой за дорогую цѣну на три года, — увѣзжалъ на Гэрскіе острова, и передавалъ хорошенькій домикъ въ саду, называемый виллою по тамошнему обычаю. — Эта Вилла-Серра, заново отдѣланная лордомъ со всеми прихотями и удобствами утонченнѣйшаго комфорта, показалаcя Вейссе единственнымъ жилищемъ, способнымъ принять его нѣкую больную, потому что она была не совсѣмъ на улицѣ, и ближе къ морю, чѣмъ всѣ прочія квартиры, имѣ осмотровныя. Онъ нанялъ ее, но передъ окончаньемъ условій, попытался еще разъ уговорить Марину выѣхать изъ Ницы. «Нѣтъ, — отвѣчала она, я слишкомъ устала, — мнѣ надо отдохнуть и зимовать здѣсь. Такъ было рѣшено прежде, — пусть же такъ и будетъ!» — И въ самомъ дѣлѣ, — силы и воля ея были истощены; ихъ не достало бы на новое странствіе. Посоветовавшись съ Мадамъ Боваль, Вейссе рѣшился переезжаться въ нанятую виллу, — но сердце его стѣснялось невыразимо-грустнымъ и безпокойнымъ чувствомъ. Его тяготило небо Ницы, какъ оловянная крыша, не дающая ему вдохнуть свободно; онъ былъ самъ не по себѣ, и не умѣлъ себя объяснить — по чему.

Въ такомъ расположеніи были всѣ они, когда надлежало имъ переехать на новоселье. — Ясное ноябрьское утро проливало отрадную теплоту на приморскій городокъ, солнце грѣло и оживляло весь этотъ міръ страждущихъ и скучающихъ: предложено идти пѣшкомъ до Виллы-Серры, отстоящей менѣе чѣмъ на три четверти версты отъ оставляемаго отеля. Марина оперлась на дружескую и твердую руку Вейссе, а горничная ея повела чуть видящую мадамъ Боваль. — Они шли по площадку, на и около которой построены всѣ громаднѣе отели-гостинницы, и гдѣ всегда воесть и реветъ морской вѣтеръ, томительный и сухой выходецъ африканскихъ песковъ. Она вошли въ главную улицу предмѣстья, подвигаясь медленнымъ шагомъ, какъ вдругъ имя Марины, произнесенное по-русски, заставило всѣхъ ихъ остановиться. Передъ ними стояла молодая женщина, которая съ изъясненіемъ величайшей радости бросилась цѣловать руки Марины, и привѣтство-

вала безсвязными восклицаньями.—Изумленная Марина узнала горничную своей пріятельницы, княгини Мэри. «Съ кѣмъ ты здѣсь?» спросила она. «Какъ съ кѣмъ, ваше превосходительство? да съ ихъ сіятельствомъ...»—И когда Марина стала ее разспрашивать далѣе съ любопытнымъ удивленьемъ, — «Боже мой!» вскричала она, — такъ вы ничего не знаете?... Моя бѣдная барыня!... Пойдемте, сударыня, ради Бога пойдемте къ намъ, вы ее увидите.... я вамъ всё разкажу....»

Внѣ себя, и почти не вѣря, что она увидитъ Мэри, которую предполагала въ Петербургъ, Марина усмала впередъ на свою дачу гувернантку и дѣвушку, и слѣдовала съ Вейссе за горничною своей пріятельницы, не переставая ее разспрашивать о причинѣ ихъ пріѣзда. Но послѣ порыва первой радости при нечаянной встрѣчѣ съ одноземцами, та уже пришла въ себя, и грустно, нескладно отвѣчала на вопросы такъ, что ничего нельзя было заключить изъ словъ ея. Слѣдуя все по той же улицѣ, они скоро приблизились къ одинокому дому, стоявшему посрединѣ двора. Окна нижняго жилья были открыты, и черезъ нихъ виднѣлись обыкновенные Англичане, но на верху большая часть оконъ были заперты зелеными ставнями, а у другихъ были приделаны деревянныя рѣшотки, не мѣшающія ни воздуху, ни свѣту, но довольно высокія, чтобы стоящіе у нихъ не могли упасть. Изъ этого верхняго этажа вылетали невнятные и странные звуки женскаго голоса;—то было не пѣнье, не чтенье, не разговоръ, а какое-то монотонное и безостановочное роптаніе, похожее на *причитываніе* деревенскихъ бабъ надъ покойниками.—Взошли на лѣстницу; горничная постучалась въ дверь;—изъ внутренности покоевъ послышались мужскіе шаги, и пожилой человекъ, повернувъ ключъ въ замкъ, тихо отперъ, подавая входящимъ знакъ не шумѣть. Все казалось необыкновенно и странно въ этомъ домѣ: отсутствіе прислуги, появленіе незнакомаго лица, *причитываніе*, слышавшееся изъ отдаленной комнаты... Сердце Марины забилось болзливо, привывши всегда ожидать не хорошаго. Горничная привела спутниковъ своихъ къ другой двери, тоже запертой, но нивѣшей на верху отверстіе, задѣланное стек-

ливною рамою и зеленою занавѣскою. Она осторожно приподняла край занавѣски, и пригласила пришедшихъ посмотреть... Среди довольно простой, но чистой и веселой комнаты,—на полу, устланномъ ковромъ, сидѣла женщина съ распущенными волосами, и, качаясь со стороны на сторону, размахивая руками, удивительно нѣжными и прозрачными, полу-декламировала, полу-распѣвала невнятные слова. Она обернулась, чтобы поднять какую-то бумагу, валяющуюся за нею, и Марина узнала поблѣднѣвшее, похудѣвшее, во все еще прекрасное, благородное лице княгини Мэри.

Она все еще недоумывала....

Докторъ,—тотъ самый, который отворилъ дверь прихожей,—къяся все объяснить. Княгиня сошла съ ума!—Лишешную разсудка и памяти,—но узнающую всѣхъ, и не потерянную совсемъ самопознанья,—ее отправили за границу, потому что дома, среди родныхъ и знакомыхъ лицъ, она доходила до такого изступленія, что боялись за неизлечимое бшенство. По видимому не существовало никакихъ побудительныхъ причинъ къ такому ужасному несчастію. Жизнь княгини не переставала быть блестящей и спокойной; она ничего не лишилась, никто у нея не умеръ, не ухалъ. Среди своего дома и семейства, окруженная лучшими обществомъ столицы, княгиня день-ото-дня становилась страннѣе, молчаливѣе, непонятнѣе, сначала впадала въ удивительную разсѣянность, заговаривалась, хандрила, и мало по малу достигла совершеннаго сумасшествія, отъ котораго никакія пособія и леченія не могли ее избавить. Это случилось вскорѣ послѣ отъезда Марины; семейство княгини, не желая разгласить ея несчастія, и принимая общій советъ докторовъ удалить ее отъ всего, что ей близко и дорого, довѣрило ее врачу, и послало за границу, когда все думали, что она гостить у тетки въ деревнѣ. Горничная слезами и восклицаніями подтверждала печальный разсказъ доктора. Марина не могла надивиться такому неожиданному событію, не могла поверить, чтобы ея кроткая, безпечная и всегда немного суетная Мэри, любящая, по видимому, только балы и наряды, только веселья и выѣзды, могла дойти до такого положенія.

— Ахъ, сударыня, вѣдь это все отъ горя!...— вскричала горничная сквозь слезы.

— Отъ горя!!! Но отъ какого?... у Мэри не было причинъ горевать; она была такъ счастлива! такъ любима всѣми, особенно молодымъ мужемъ, котораго сама такъ любила!...

И тутъ-то одна счастливая женщина узнала тайну, тяготѣвшую надъ жизнью другой подобной счастливщицы...

Горничная говорила, по своему, — не определяя причинъ и развитія горестнаго событія, — но рассказывая пророчно, и безъ всякаго порядка, разныя сцены страшной драмы, которой она была самымъ первымъ и близкимъ свидѣтелемъ. Въ ужасной простотѣ изобличала она раны и страданія своей барыни, развивала длинную повѣсть ея ежедневныхъ и многолѣтнихъ потрясеній, испуговъ, огорченій и негодованій. Ей, — очевидно, — понятно было, что разсудокъ женщины не выдержалъ; но объяснить, какъ и почему это случилось, она бы не сумѣла, и не могла. Марина и Вейссе слушали ее съ возрастающимъ ужасомъ, — ихъ поражала развязка такой блестящей и повидимому радостной участи. — Марина спрашивала себя, въ правъ ли она роптать на свой удѣлъ, встрѣчая такой примѣръ женскаго страданія?... Она обратилась къ доктору, прося открыть ей, можно ли вылечить ея пріятельницу, — и надѣется ли онъ достигъ такого исцѣленія?

— Надѣюсь, — сказалъ тотъ, — если княгиня будетъ удалена ото всего, что можетъ напомнить ей прошлое; но — съ возобновленіемъ причинъ недуга, онъ опять одержитъ верхъ надъ всѣми усиліями и стараніями, и тогда болѣзнь не ограничится однимъ сумасшествіемъ: она достигнетъ быщенства въ величайшемъ градусѣ....

Слушатели, молча, склонили головы и сложили руки. Въ продолженіе этого длиннаго разговора, княгиня, сидя на полу, всё разбирала какія-то бумаги, брала ихъ, опять отлагала въ сторону, и не переставала продолжать своего однозвучнаго монолога. Иногда сдѣшались внятно отдѣльныя слова: «Спасите! О! на вынесу. Но

ничего нельзя было разобрать. Горничная объяснила, что умалишенная часто пишетъ къ умершей матери своей, чтобы та за нее вступилась предъ Богомъ. Всякій день княгиня такимъ образомъ заготовляла новое письмо, и все ожидала сошествія съ неба своего ангела-хранителя, чтобы съ нимъ переслать всю переписку. Самое это съумасшествіе было трогательно, какъ судьба молодой страдальцы. Марина не могла выносить такого зрѣлища. Вейссе спѣшилъ увести ее. Когда они спустились съ лѣстницы, въ комнату княгини Мэри раздался звучный и пронзительный хохотъ. Марина остановилась, и вопросительно поглядѣла на горничную, ихъ провожавшую.

— Ничего, ваше превосходительство! Это часто съ ними бываетъ! Вотъ они вѣрно теперь припоминаютъ что-нибудь смѣшное, что говорилось передъ ними послѣ того, какъ оно бывало, баринъ попугаетъ: они и тогда, бывало, если станутъ смѣяться, то всегда дохохочутся до слезъ, и съ ними сбѣгается истерика; а теперь, когда это случается, то они потомъ примутся плакать, плакать, плакать, покуда совсѣмъ изъ силъ выбьются. Тогда я ихъ уложу, и они почиваютъ спокойно нѣсколько часовъ!...

Марина судорожно схватила руку Вейссе, и сбѣжала на крыльцо, таща его за собою. Не слушаясь его увѣщаній и просьбъ не идти такъ скоро, — она лишь тогда остановилась, когда они потеряли изъ вида домъ, гдѣ жило и былое таковое горе. Марина чуть не упала на улицу, вдоль которой не было даже тротуара, гдѣ бы ей присѣсть. Она посмотрѣла на своего спутника, у котораго крупная слеза струилась по щекѣ.

— О, Вейссе! — закричала она, — какія же мы жалкія, ничтожныя существа, мы, свѣтскія женщины! что даже не умѣемъ понять одна другую, не угадаемъ, которой изъ насъ нужна рука помощи и слеза сочувствія!... Вотъ мы съ Мэри знакомы и дружны съ колыбѣли, вмѣстѣ игрывали, росли, вмѣстѣ стали выѣзжать, почти въ одно время вышли за-мужъ, — вѣдальсь часто, — а которая изъ насъ двухъ поняла другую?... Бѣдная Мэри! все-таки она однажды доказала мнѣ свое участие, сочувствовала моему страданію въ одну изъ горькихъ

минуть моей жизни: а я... я повѣрила ей принужденной улыбкѣ, ея вѣжной героической суетливости, — я не старалась проникать въ ея сердце, — и мы страдали обѣ, каждая порознь, тогда какъ, соединивши наше горе, мы бы, по крайней мѣрѣ, одѣлали его сносноѣ объимъ!... И что это за свѣтъ, гдѣ каждый, особенно каждая, носить маску, сквозь которую и самые близкіе имъ люди не могутъ ихъ разсмотрѣть!... Искренность!... гдѣ она?..

Она изнемогала. Добрый Вейссе, страстный энтузіастъ высокихъ душъ и уязвленныхъ сердецъ, былъ ошеломленъ семейною драмою, столь неожиданно показавшею ему мрачную бездну несчастія, тамъ, гдѣ онъ предполагалъ однѣ радости и ликованія. Онъ спрашивалъ себя, почему именно тяжелая рука судьбы выбираетъ себя на жертву лучшихъ и милѣйшихъ изъ этого пола, — пола беззащитнаго и непонятаго, вопреки всѣмъ насмѣшкамъ, которыми нашъ вѣкъ заклеилъ эти два выраженія, столь часто, и не всегда напрасно употребляемыя...

Онъ былъ, видите, изъ числа тѣхъ людей, которые вѣчно остаются дѣтьми по своему простодушію и добродушію!...

Онъ привелъ спутницу почти безъ чувствъ. Эта роковая встрѣча растравила ея собственныя раны. Скорбь ея иногда принимала отгѣнокъ ироніи и сарказма. Размысливая объ участи Мэри, она находила жалобы и пени, которыхъ никогда не употребляла для себя самой. Разочарованіе все глубже и глубже западало въ ея больную душу.

Борисъ писалъ къ ней черезъ день; письма его дышали преданностію, любовію, сожалѣніемъ. Но онъ былъ далекъ, — но онъ ее оставилъ....

Декабрь наступилъ, и съ нимъ — сухой, острый холодъ, между тѣмъ какъ вѣтеръ все сильнѣе и морывистѣе завывалъ на песочномъ взморьѣ. Марина перестала прогуливаться по улицѣ, и ходить каждый день подъ окно Мэри, узнавать, не лучше ли ей, и не спокойнѣе ли она. Теперь, когда солнце полудня озаряло морской берегъ, Марину выноси-

ли на креслахъ въ садъ, доходящій почти до самаго моря, и отдѣленный отъ него только стѣною, предохраняющей отъ наводненій во время бурь. Кресла ставили подъ померанцевое или лимонное дерево, и бѣдная странница смотрѣла съ грустною улыбкою на блѣдныя бенгальскія розы, украшающія на немного дней отцвѣтшій садъ.

Съ началомъ января, Марина такъ ослабла, что перестала даже наслаждаться и этою недвижною прогулкою. Она не выходила изъ своей котнаты, гдѣ, сидя у низкаго окна одно-этажнаго дома, не могла видѣть моря, но слышала его шумъ и вѣчное, медленное, кадансированное плесканіе волнъ, разбивавшихся о берега. Ея мысли и думы, конечно, такъ же разбивались о невидимыя скалы препятствій и неудачъ, испортившихъ ей всѣ радости и надежды ея жизни!... Съ половины февраля, весна началась для этой благополучной страны, гдѣ зелень никогда не сходитъ совсѣмъ съ много-различныхъ породъ деревьевъ, но только блекнетъ и меркнетъ на нѣсколько недѣль, ожидая скорого и пышнаго возрожденія. Какъ ни испортили жители своего города тѣсно-тою и безтолковитостью лишнихъ построекъ, однако въ немногихъ уцѣлѣвшихъ полисадникахъ все стало ощущать вліяніе весны. Новый листъ пошелъ сильно по маслинамъ и тополямъ. Молодой сокъ бродилъ и кипѣлъ могущественно въ обновленной природѣ. Появились фіалки, вскорѣ потомъ и бѣлоснѣжный, душистый цвѣтъ миндальныхъ деревьевъ. Въ эту пору, всѣ медленныя, изнурительныя болѣзни испытываютъ неизбежный и рѣшительный переломъ; всѣ больные находятся въ переходномъ состояніи, котораго развязки нельзя отсрочить: кому жить, тотъ воскресаетъ съ каждымъ днемъ, примитно, осязательно оправляется и укрѣпляется. Но за то, кому суждено противное, то же не замедляетъ почувствовать силы разрушенія. Оно совершается неумолимо скоро, какъ и обновленіе... То, что въ свѣжихъ испареніяхъ растительности моря и воздуха служитъ къ чудному исцѣленію однихъ, дѣйствуетъ такъ же губительно, такъ же сильно на другихъ: послѣдніе листы осеннихъ дней уносятъ съ собою многихъ больныхъ, точно будто устилая собою путь къ могилѣ,

и украшая своимъ разноцвѣтнымъ ковромъ последнее торжественное шествіе къ покою, но не менѣе гробовъ открываютъ своимъ появленіемъ и первыя почки новорожденной зелени.

Изъ числа многихъ молодыхъ женщинъ и дѣвушекъ, умирающихъ на берегахъ Средиземнаго моря, — была тоже и Марина, ослабѣвавшая съ каждою новою зарею, съ каждымъ быстро пролетающимъ часомъ. — Съ пріезда своего въ Ницу она не хотѣла совѣтоваться съ докторами, какъ будто чувствуя себя приговоренною. — Теперь Вейссе насильно призвалъ доктора, пріѣхавшаго съ княгиней; его слова не оставили никакой надежды.

Вейссе хотѣлъ послать нарочнаго къ Борису, проведенному зиму въ Венеціи; Марина не дозволила. Мадамъ Боваль, убитая горестью, и въ испугъ своемъ думая, какъ часто случается у смертнаго одра любимыхъ больныхъ, что присутствіе новаго лица можетъ принести спасеніе, — мадамъ Боваль предложила послать за графиней Теклою Войновскою, но гдѣ ее отыскать, эту вѣчную скитальницу по безотвѣтнымъ для нея путямъ вселенной? Однако Вейссе написалъ вдругъ въ три разныхъ государства, надѣясь, что гдѣ-нибудь да захватить графиню одно изъ его плачевныхъ писемъ.

Опасность угрожала все болѣе и болѣе. — Послали за русскимъ священникомъ въ Туринъ.

Пока его ожидали, больная захотѣла написать послѣднее прощаніе къ Борису. — Вотъ ея письмо.

»Наконецъ я точно умираю, — умираю не только сердцемъ отъ страданія, — но всѣмъ, что есть брэннаго и смертнаго въ моемъ существѣ, — умираю въ полномъ смыслѣ слова, — и могу теперь тебѣ въ томъ признаться, единственный другъ и возлюбленный моей души!... И я рада!... Смерть моя будетъ мнѣ избавленіемъ и искупленіемъ! — Такъ давно уже я страдаю, и такъ долго бы еще пришлось мнѣ страдать, если-бъ Богъ, прогнѣвася, бросилъ меня еще въ добычу этой земной, столь трудной и враждебной жизни!... Не слишкомъ плачь обо мнѣ, не слишкомъ жалѣй, другъ мой: (я знаю — совсемъ не жалѣй и

не плакать ты не можешь, и это не въ твоей волѣ, — да и не въ твоей власти!): подумай, что такое была жизнь моя, и какъ я ее проводила!... Жить такъ, какъ бы мнѣ хотѣлось, такъ, какъ требовало полное и слишкомъ страстное сердце мое, — жить гдѣ-нибудь наединѣ съ тобою, другъ для друга, безъ помѣхи и безъ разлуки, дышать для тебя и тобою, читать счастье въ твоемъ взорѣ и существовать въ твоей любви, видѣть тебя всѣдневно, до сыта, длить съ тобою все помышленія, все чувства мои, брать въ замѣнъ половину твоихъ мыслей и чувствъ, — и знать, что такое благополучіе прочно, вѣрно, не отнимется у меня.... — о, мой Борисъ, это было невозможно!... Вѣдь это было бы слишкомъ великимъ, слишкомъ полнымъ счастьемъ для земли, гдѣ нѣтъ ничего великаго и ничего полного, кромѣ милосердія Божія къ его созданію?...

»Не обижайся моими словами! Кто знаетъ, что насъ обоихъ ожидало?... Кто можетъ сказать намъ, что послѣ всѣхъ бореній и испытаній, перенесенныхъ нами другъ для друга, — не встали бы еще худшія времена, еще труднѣйшія минуты?... Мало ли что еще могло протѣсниться между тобою и мною, и разлучить насъ навсегда?... а я.... какъ бы я перенесла эту разлуку, эти новыя отношенія, могущія насъ разрознить?... Ахъ! отъ однихъ мыслей о нихъ, и теперь, на смертномъ одрѣ моемъ, я содрогаюсь всѣмъ тѣломъ и всею душою, — и спѣшу благодарить Провидѣніе, не давшее мнѣ дожить до такихъ мукъ, превышающихъ мои силы и мою рѣшимость!... Борисъ, — сказать ли тебѣ, чтобы ты меньше о мнѣ тосковалъ, открыть ли тебѣ всю сокровеннѣйшую глубину моего сердца, которой ты еще не знаешь, и которой я сама въ себя не подозрѣвала? О! не ужасайся, безцвѣтный другъ мой! не отвращайся съ негодованіемъ отъ этого признанія, лишеннаго всякаго самохранительнаго себялюбія: оно должно доказать тебѣ, какъ высоко ты стоишь въ моемъ мнѣніи, что я даже не боюсь повѣрить тебѣ все дурное и слабое моей природы, въ чемъ надлежало бы мнѣ таяться и краснѣть! Выслушай меня! — Я не такъ кротка и не такъ возвышенна, какъ ты полагалъ, мой милый, слишкомъ снисходительный другъ: по-

сладніа событіа въ Гейдельбергѣ открыли мнѣ, что и у меня есть способности, которыа меня самое привели въ ужасъ. Борисъ, повѣришь ли ты? я могу ненавидѣть!.. Да! я злопамятна, мстительна, могу даже проклинать, если во мнѣ не достанетъ возможности вредить...—Въ то время, когда миновало и рушилось мое счастье, когда тебя оторвали отъ меня,—и ты рѣшился меня оставить,—я почувствовала противъ иныхъ, мнѣ неблагопріятствующихъ лицъ, такое горькое негодованіе, что оно походило на вражду... скажу болѣе того: противъ тебя самого,—тебя, столь искренно и долго меня любившаго!—противъ тебя, моего свѣтлаго солнца на землѣ, гдѣ много было мрачнаго въ мою короткую жизнь!—противъ тебя, мой Борисъ,—я начинала чувствовать досаду и гнѣвъ, и что-то горькое, похожее на желаніе отплатить тебѣ горемъ за мое безумное, но столь истинное горе!.. Если бы я осталась жива и здорова, а ты бы не вернулся ко мнѣ,—боюсь подумать, до какихъ крайностей женскаго самолюбіа, до какихъ ничтожныхъ и низкихъ разсѣянностей могли меня довести все-сильное желаніе забыть, оглушиться, и не менѣе сильное желаніе заставить тебя жалѣть о твоемъ пренебреженіи... Мятѣжная гроза многихъ дурныхъ влеченій и подымалась и бушевала во мнѣ: ее угомонила только смертельная бользнь моя.—Пусть это послужитъ тебѣ главнымъ утѣшеніемъ!

«Видишь ли, Борисъ, для женщины главное—*первый шагъ* за черту, опредѣленную ей собственнымъ ея достоинствомъ и врожденными ея и принятыми правилами; когда этотъ страшный первый шагъ сдѣланъ и пройденъ,—тогда нужно, чтобъ насъ охраняли и поддерживали всѣ попеченія и всѣ заботы пѣвжной любви, всѣ возвышенныя и благородныя потребности нашей собственной души! иначе, другъ мой,—стезя отчаянія скользка и крута для той, которой дадутъ на ней оступиться...

«О, мой другъ! оставишь эти потрясающія размышленія и признанія о томъ, что могло случиться, и, слава Богу, теперь не будетъ!.. Смерть примиряетъ и умиряетъ: она пролила свое благотворное спокойствіе въ мое слишкомъ страстное и

всепомощное сердце. Я простила всѣмъ, кто меня огорчали, всѣмъ, кто преслѣдовали, клеветали, унижали, оскорбляли меня, какъ, гдѣ, и чѣмъ бы то нибыло. Я простила тебя, пожертвовавшаго мною другимъ привязанностямъ! Прости и ты меня, Борисъ, прости въ томъ, что любя слишкомъ пламенно и нѣжно, я обременяла тебя взыскательностію и исключительностію любви моею! Прости мнѣ всѣ недостатки и несовершенства мои за то, что я умѣла любить, и много тебя любила....

«Однако мнѣ хочется дать тебѣ совѣтъ, который, клянусь, нѣтъ въ виду одно лишь твое благо, и незапятнанъ никакою примѣсью эгоизма, невозможнаго и ненужнаго умирающей.—Ради Бога, Борисъ, ради тебя и меня,—не давай никому моего мѣста въ твоёмъ сердцѣ, моей доли въ твоей любви! это слишкомъ много, или слишкомъ мало для женщины,—для неразумной, неопытной, молодой, взыскательной женщины, которая принесетъ тебѣ всю любовь свою и получить только участокъ въ твоей привязанности, разсыпанной и раздробленной на прочія твои отношенія. Повѣрь мнѣ,—не пытайся возобновить цѣпь, которая теперь рунится со мною: она тяжка для той, которая приметъ ее въ сердечномъ невѣдѣніи твоего характера. Не всякая пойметъ тебя, какъ понимала я!... Не всякая можетъ такъ упорно и вмѣстѣ такъ терпѣливо бороться, какъ я борюсь! Не люби другую, какъ ты меня любишь, не люби, пока не перестанешь носить трауръ мой въ душѣ твоей, (иначе носить ты его не можешь! и это даже не прилично! и черная дымка около твоей шляпы могла бы возбудить колкости и насмѣшки противъ моей памяти, мой бѣдный другъ, а я знаю, что ты этого не захочешь! Ты будешь плакать обо мнѣ такъ, чтобъ никто того не видалъ, кромѣ твоего добраго, снисходительнаго отца, да вѣрнаго нашего Вейссе, столь неизмѣнно обоимъ вамъ преданнаго!). И такъ, когда ты выплачешь надъ моею смертію всѣ слезы свои,—когда сожалѣнье обо мнѣ будетъ не жгучею раною сердца твоего, но тихою тѣнью, навѣщающею твою душу, пребывающею въ ней безмолвнымъ, недокучливымъ жильцомъ,—когда ты почувствуешь въ себѣ пус-

тоту, предвѣстницу утѣшенія, — тогда, Борисъ, — тогда женись, скрепи союзъ неразрушимый: онъ одинъ только можетъ принести тебѣ спокойствіе и безопасное, ни кѣмъ не тревожимое счастье. Законная жена займетъ почетное мѣсто въ твоёмъ семействѣ: подъ защитою твоего имени, ее примутъ и возлюбятъ, хотя бы она и не такъ тебя любила и понимала, какъ я. Она станетъ неперемѣннымъ членомъ вашего семейства; на нее обратится часть родовой гордости, столь сильной для подкрѣпленія узъ родства между всеми вами; отъ нея станутъ ожидать новаго блеска для вашего имени... И вмѣсто того, чтобъ чернить ее въ глазахъ твоихъ, выставлять предъ тобою недостатки или необдуманности ея, — о! повѣрь, за нее всѣ заступятся! ей ты будешь слышать непрестанныя похвалы; ее будутъ превозносить и прославлять, чтобъ еще болѣе привязать тебя къ ней, — какъ къ сочлену семьи и дома!... Около тебя составитъ заговоръ для твоего счастья, — потому что та, которая должна быть его орудіемъ, — жена твоя! И ради этого ей простится даже и то, что ты удѣлишь ей часть твоей любви, изъ которой тебя ко мнѣ такъ ревновали... Но довольно и объ этомъ!... Говоря о будущности твоей, невольно должна я искать сравненій въ прошедшемъ, которое было наше.... Такія воспоминанія теперь для меня вредны: они могутъ раздражить душу, которую я стараюсь умиротворить. — Я хочу оставить свѣтъ и жизнь въ ладу со всеми, и не оттянуть никакимъ неудовольствіемъ на кого бы то ни было стремленье духа моего, порывающагося выше!... Прочь, прочь все, что могло бы возмутить послѣднія минуты моего земнаго существованія!...

«Будь счастливъ, мой Борисъ!... Видитъ Богъ, какъ искренно и пламенно я того желаю!... Теперь все бурное и мятежное моей страстной любви къ тебѣ перегорѣло и очистилось на днѣ сердца моего, изъ пепла прежнихъ чувствъ возникло новое, — безкорыстная преданность къ тебѣ, и нѣжнѣйшая, почти материнская забота о твоёмъ благополучіи. Не только я всеми силами молю небо о ниспосланіи тебѣ всего лучшаго и отраднаго, — не только посылаю тебѣ мои грѣшные благословенія, освященныя близостію гроба, — но желанія и

благословенія мои не ограничиваются *однимъ* тобою, не падаютъ единственно на твою дорогую голову: нѣтъ, — въ нихъ участвовать и та, которая замѣнитъ меня тебѣ... та, которая будетъ счастливою спутницею твоей здѣшной жизни. И ей, и ей пусть Богъ удѣлитъ радостную судьбу, счастье сердца во взаимной любви!... Кажется, Борисъ, желая ей *твоей* любви, я ничего лучшаго не могу для нея придумать!...

«Боже мой! какъ мы слабы и немощны, что и въ самомъ полномъ, самомъ высшемъ самоотреченіи, все таки мы не можемъ совершенно избавиться отъ нашего земнаго я, — и оно вольно просвѣчиваетъ сквозь всѣ наши чувства и помышленія!.. знаешь ли ты, какая увѣренность таится въ глубинѣ сердца моего, и громко говорить мнѣ теперь, покуда я забываю себя, чтобъ думать о тебѣ одномъ?... Это — увѣренность въ томъ, что, какъ бы ты ни любилъ другую, какъ бы совершеннѣе ни былъ твой выборъ, — все эта *другая* никогда не будетъ тебѣ тѣмъ, чѣмъ я была, и ты привяжешься къ ней крѣпче и постояннѣе, можетъ быть, чѣмъ ко мнѣ, — но уже не такъ и не съ такимъ полнымъ, чуднымъ юношескимъ увлеченіемъ! Она будетъ тебѣ и женою, и другомъ, и опорою, — всѣмъ, но только не мною, не первою и страстною твоею любовію!.. И что же?... на краю могилы, — уже за предѣломъ всего земнаго, — мое сердце радуется и торжествуетъ отъ этой мысли.... Я умираю, очастливленная увѣреніемъ, что никто и ничто не займетъ въ твоемъ сердцѣ моего опустѣвшаго мѣста!

«Если это грѣхъ, Борисъ, если я виновата, питаю такія мысли, — то это мой послѣдній грѣхъ на землѣ: да проститъ мнѣ его Всевѣшнее милосердіе вмѣстѣ съ другими.... И теперь намъ надо разстаться! Не много остается мнѣ дней и часовъ, — я должна употреблять ихъ на приготовленіе себя къ христіанской кончинѣ. — Уже послано за священникомъ, ожидаю его съ нетерпѣніемъ и вѣрою. — Онъ приметъ смиренную исповѣдь мою, и научитъ меня принести достодолжное покаяніе. Въ послѣдній разъ занимаюсь тѣмъ, что оставляю на этой сторонѣ жизни... потому, для меня начнется уже вѣчность, то-есть: молитва и Богъ!..»

« И какъ ни грѣшна я, какъ ни виновата и недостойна, — я не боюсь, я не сомнѣваюсь въ неистощимой милости и благодати Спасителя, за насъ пострадавшаго. Сердце мое чувствуетъ, что Онъ, такъ много прощавшій, — простить и меня. Помнишь ли ты, Борисъ, одну страницу въ одной изъ любимѣйшихъ книгъ моихъ, надъ которой я часто плакала и много задумывалась; помнишь ли, какъ поражала меня всегда чудная сцена Марія Стюартъ у Шиллера, гдѣ она говоритъ *Мраморной Елисаветъ*, почти такъ же, какъ и въ исторіи впрочемъ:

«*Jch habe menschlich, jugendlich gefehlt.*

(«Я согрѣшила по человечеству и по молодости»).

Вотъ оно, признаніе души моей, и короткій перечень всей моей жизни!.. Да, я была слаба, какъ человекъ, и любила какъ женщина! вотъ все, въ чемъ совѣсть меня укоряетъ. Но зла я никому не желала, — и потому, я смѣю надѣяться, что Богъ меня проститъ, хотя люди осуждали!..

Все кончено. Прощай, Борисъ! Благодарю тебя за все!... за все! Безъ тебя я бы умерла, не зная, что такое жизнь!... Теперь я могу оставить землю: она мнѣ ничего не представляетъ свыше того, что ты мнѣ на ней принесъ, — твоей и моей любви! — Живи такъ, чтобы мы встрѣтились съ тобою опять въ лучшемъ мірѣ!... Молись за меня *здѣсь*, я *тамъ* за тебя помолюсь! Прощай, Богъ спасетъ тебя отъ отчаянія, ты переживешь наше счастье и наше горе: — довольно за нихъ одной жертвы, и я умираю, чтобы тебѣ предоставить жизнь. Кто изъ насъ двухъ счастливѣе?...»

Много труда стоило больной набросать эти строки: рука ея почти не повиновалась ей, хотя духъ и умственные силы нѣсколько не ослабѣвали. — После того, она уже не жила, ея существованіе было непрерывною молитвою безъ сна и покоя. — Пріѣхалъ русскій священникъ изъ Туринна, исполнилъ надъ умирающей всѣ обряды церкви. Она вручила ему заранее приготовленную рукописную духовную, въ которой просила отца наградить всѣхъ ея слугъ и устроить мадамъ Боваль. Тѣло ея не должно было перевозиться въ Россію: она желала быть похороненной тамъ, гдѣ Богъ

даль ей представится. «У меня тамъ только родные и знакомые,—говорила она,—а семейства нѣтъ! такъ же зачѣмъ посылать туда никому ненужный прахъ!»

Въ нѣсколько дней все было кончено.—Марина Ненская умерла двадцати-осьми лѣтъ, на чужой сторонѣ,—не жалѣя о жизни и благодаря смерти за избавленіе.—Вейссе, гувернантка, священникъ, слуги, да еще домашніе несчастной княгини Мэри отдали ей послѣдній долгъ, и готовились проводить ее на кладбище, когда подъѣхала карета, мчавшаяся во весь духъ, и изъ нея вышла высокая, стройная женщина, носившая на себѣ всѣ признаки поспѣшной и длинной дороги вмѣстѣ съ душевнымъ безпокойствомъ.—То была графиня Текла.—Увидавши сквозь окна Видмы-Серры тусклый свѣтъ погребальныхъ свѣчей, и крышу гроба, прислоненную къ дверцѣмъ сѣней, она поняла, и едва не лишилась чувствъ. Но сила воли ее подкрѣпила. Она вошла твердымъ шагомъ, помолвилась у гроба, долго смотрѣла на покойницу,—блудую и прекрасную, какъ древняя статуя подъ своимъ кисейнымъ уборомъ,—горько улыбнулась, и съ почтеніемъ поцѣловала холодную руку бывшей пріятельницы,—положила къ ногамъ ея букетъ изъ первыхъ весеннихъ цвѣтовъ, который она нарвала для нея на послѣдней станціи. То были бывшие спренги и ландыши, любимые цвѣты Марины, имѣвшіе для нея особенное, женско-таинственное значеніе: они когда-то играли роль въ страстной драмѣ ея сердца.—Это сердце было теперь покойно!..

Когда, по окончаніи всѣхъ обрядовъ, слѣдовало проводить гробъ къ послѣдному жилищу, и печальный поѣздъ тронулся вдоль главной улицы Мраморнаго Креста,—графиня шла за гробомъ, опираясь на руку Вейссе, и оба хранили набожное молчаніе, прерываемое только невольными вздохами и заглушенными рыданіями. Надлежало проѣхать мимо дома съ зелеными ставнями и деревянными рѣпотками: когда они съ нимъ поравнялись, у одного изъ этихъ загороженныхъ оконъ появилось существо съ распущенными волосами, и любовно поглядывая на проходящую процессію, на гробъ,

на всѣхъ его провожающихъ, узнало людей, доктора, махнуло ему рукою, и занялось пронзительнымъ, долгимъ, безумнымъ своимъ хохотомъ....

Графиня Текла вздрогнула, и посмотрѣла... Она не узнавала въ чертахъ сумасшедшей блестящей княгини Мэри. Вейссе объяснилъ ей печальное событіе и положеніе пріятельницы Маринь. Графиня ужаснулась, и когда повернула голову, чтобы взглянуть еще разъ на безсознательную страдальцу, та продолжала смѣяться, и обвила руками рѣшетку окна, чтобы дѣлать доктору знаки, въ которыхъ не было ни смысла, ни цѣли....

—Вейссе—сказала графиня трепещущимъ голосомъ,—въ жизни, особенно въ свѣтъ, женщина безъ красоты—настоящая безприданница, на которую люди совсѣмъ не глядятъ, или глядятъ только съ пренебреженіемъ; она *изгой* изъ рода человеческого,—*изгой*, для котораго нѣтъ пристанища въ любви и ея радостяхъ; никакія преимущества не замѣнятъ ей этого дара, всѣми столь цѣнимаго: я это знаю на себѣ!.. Но вотъ, эти двѣ женщины, та, которую мы хоронимъ, и та, которая смотритъ на насъ, не понимая *кого* и *куда* мы веземъ,—надѣюсь, что Богъ обильно наградилъ ихъ обихъ красотою и прелестью,—надѣюсь, что онѣ имѣли все, чтобъ составить счастье и гордость любого изъ самыхъ взыскательныхъ мужчинъ?... И какова же ихъ участь?... Вотъ онѣ, двѣ красавицы! двѣ любящія души,—двѣ милыя, умныя, воспитанныя, *двѣ счастливыя женщины!!..*»—Она съ негодованіемъ и упрекомъ качала головою; видно было, что много думъ волновалось въ этой душѣ, опытной и глубокой....

—Ахъ,—отвѣчалъ Вейссе,—когда согласишься на такія участи, кажется, лучше бы и не родиться для міра, гдѣ всему прекрасному и любящему угрожаетъ горе и страданіе!

—Вотъ что должно бы и самаго жестокаго атеиста заставить сознаться, что есть другая жизнь, и лучший, вѣчный міръ, гдѣ заплатится за все земное, — и награда, гдѣ

душа наконецъ узнаеть это счастье, за которымъ она, жалкій слепецъ, гонится здѣсь такъ напрасно!...

Вейссе склонилъ голову въ знакъ согласія...

—Что лучше,—продолжала графиня,—и взоръ ея загорѣлся какимъ-то вдохновеніемъ, теряясь въ небесахъ синихъ и ясныхъ, какъ будто до нихъ не могла достигнуть тѣнь отъ всего мрачнаго и грустнаго, здѣсь происходящаго,—что лучше: лишиться счастья, узнавши его,—или никогда его не знать, но жаждать его безпрестанно?...

Вейссе не отвѣчалъ.

Графиня взяла коралловыя четки, и начала молиться прилежно и грустно.—Они дошли до кладбища, расположеннаго на горѣ, близъ моря, кладбища, не похожаго на наши свѣрныя, безотрадныя обители смерти, гдѣ ничего не видно, кромѣ могилъ и памятниковъ, окруженныхъ дерномъ, да дикимъ репейникомъ, гдѣ снѣгъ залагаетъ ложе покойниковъ на большую половину года, преграждая къ нимъ всякій путь для живыхъ, гдѣ картина смерти представляется во всей ея суровой наготѣ. Здѣсь напротивъ природа какъ будто улыбается мертвымъ тою сладкою улыбкою, которою она животворить и ласкаетъ живущихъ: густая зелень полуденныхъ деревьевъ, и роскошныя цвѣты окружаютъ могилы и наполняютъ все промежутки между ними. Кипарисъ, тополь, миртъ, маслины, померанцовыя и лимонныя кусты, отбѣняютъ яркую бѣлизну мраморныхъ урнъ и пирамидъ и высокіе кресты, глашатаи вѣры, вѣчности, Бога, молитвы и примиренья. Птицы поютъ и бабочки рвютъ и вьются вокругъ гробницъ, принося имъ движеніе съ вѣстью о жизни, и не давая заустѣбно овладѣть мѣстомъ покоя человека. А море, чудное голубое море, все шумитъ и ропщетъ у подошвы горы, все жалуется таинственнымъ и страстнымъ языкомъ своимъ, понятнымъ одному небу, все представляетъ картину жизни возлѣ области смерти....

Гробъ опустили въ яму, — стали засыпать землей...
Графиня Текла дрожащею рукою взяла изъ рукъ свя-

ценника заступъ, усыпанный пескомъ и землею, и одобривъ его на бранные остатки Марины; Вейссе послыдалъ ея примѣру... Потомъ подвели слѣбую гувернантку, и дали ей въ ея очередь исполнить символическій обрядъ, возвращающій *земль земное*... Она засыпана, могла возросла холмикомъ... присутствующіе расходились....

—Прощайте! сказала графиня Текла, пожимая руку Вейссе.

— Какъ вы спышите, графиня! Куда же!...

— Оставаться долге было бы мнѣ слишкомъ больно!.. Я прискакала къ ней—(она показывала на могилу)—изъ моего замка на Комскомъ озерѣ, гдѣ угощала нѣсколькихъ друзей. Теперь возвратиться къ нимъ, весельемъ, я не въ состояніи; но ей я ужъ не нужна,—а безъ нея мнѣ здѣсь нечего дѣлать!.. Повду.... куда-нибудь!.. Свѣтъ обширенъ!..

—Но не лучше отъ того!—сказалъ Вейссе, почти безъ сознанія, уходя съ графинею и продолжая смотреть на свѣжую могилу Марины... счастливой женщины, убитой ея счастьемъ!..

ГГ. В. ГОСТОКЧЕНА.

ТАТАРСКАЯ ПЕСНЯ.

Если мои слезы
Ничего не значутъ,
Посмотри хоть въ небо—
Тамъ всѣ звезды плачутъ.
Плачутъ эти звезды,
За одно со мною;—
Гдѣ и какъ могу я
Видѣться съ тобою?

СНА.

Скоро будетъ праздникъ—
Слѣдомъ за толпою
Къ воротамъ Дамаска
Ты иди за мною!—
Ты иди за мною—
Иначе нельзя мнѣ
Видѣться съ тобою.

СНѢ.

Защеду ли въ храмъ,—
Душа разгорится:
Стану тамъ я Богу
Вашему молиться.
Стану я молиться,—
Мнѣ вашъ Богъ поможетъ,
Меня въ шелковинку
Обратить онъ можетъ,
Чтобъ куда не шла ты,—
Всюду невидимкой
Могъ я быть съ тобою,
Прильнуть шелковинкой.

ОНА.

Чтобъ не разлучаться
 Мнѣ съ тобой,—къ востоку
 Преклони колѣна
 И молись пророку:
 Нашему же Богу
 Помолось сама я,
 Чистымъ сердцемъ плакать
 Не переставая. А. ПОДОНСКІЙ.

ДВѢ НЕЛОДІИ.

I.

Мнѣ грустно!
 Куда ни пойду я—встрѣчаю вездѣ неудачу,
 И тягостно сердцу, что лгать я обязанъ изустно—
 Тебѣ улыбаюсь, но внутренно горько я плачу:
 Мнѣ грустно.

Разлука!

Душа чловѣка какія выносить мученья!
 А часто—намъ выразить все ихъ—достаточно звука,
 Стою какъ безумный, еще не постигъ выраженья:
 Разлука.

Свиданье!

Разбей этотъ кубокъ—въ немъ капля надежды таятся—
 Она-то продлитъ и она-то удвоитъ страданье,
 И въ жизни туманной—все будетъ обманчиво сниться
 Свиданье.

Не нами,—

Болзненнымъ чувствомъ рвчамъ установлены цѣны:
 Тѣ прожиты чувства, тѣ сказаны рвчи вѣками...
 Но—очередь наша, и кончатся грустныя смѣны
 Не нами.

Но больно,
 Что жребии жизни святыхъ побужденьямъ враждебны,
 Въ души человека до нихъ бы добраться довольно....
 Нетъ! вырвать и бросить.... те язвы быть можетъ цѣлебны,
 Но больно!

II.

Снова птицы летать издалека
 Къ берегамъ, расторгаящимъ ледъ,
 Солнце яркое свѣтитъ высоко
 И весенняго ландыша ждеть.

Снова сердца слышнве бѣнья,
 И опять такъ хотѣлось бы жить....
 За такія, о другъ мой, мгновенья
 Какъ намъ жизни за жизнь не любить?

Но сойдемся ли снова такъ близко
 Средь природы разнѣженной мы,
 Какъ видало ходившее низко
 Надъ холодное солнце зимы?

1848 года.

А. ФЕТЬ.

ИЗЪ БАРТРИГАРИ.

I.

Господь и глупымъ даль возможность
 Свое невѣжество скрывать:
 Въ бесѣдѣ мудрыхъ—осторожность
 Велитъ имъ слушать и молчать.

II.

Уста ея медомъ струятся,
 А сердце отраву хранитъ:
 Какъ сладостно къ нимъ прикасаться,
 Какъ страшно другое язвить!

Ф. МИЛАНЪ.

САНСКРИТСКИЯ СТИХОТВОРЕНІЯ

(Первыя два взяты изъ книги «Сривваратманас» — укрешовіе любви, а остальныя изъ поэта Бгартригари, брата царя Викрамадитьи, покровителя поэзовъ. Не могу не замѣтить, что все, сказанное въ последнемъ стихотвореніи, выражено въ подлинникѣ четверостіишемъ).

I.

Милую видѣть мучительно жажда,
 Къ ней прибѣжать я, — вдругъ стала у ней,
 Лукомъ натянутымъ бровь ея каждая,
 Мылкими стрѣлами — взоры очей;
 Я же, испуганной сдѣлавшись серною,
 Сталъ на порогъ, а сердце колотится!
 Буду я дѣвъ добытчаго иврноу,
 Пусть поиграетъ она, вожолител!

II.

Глаза у ней изъ дотоса,
 Лицо изъ бѣлой диди,
 Уста изъ почекъ розана,
 А грудь изъ дилъскъ чампака —
 Ужели сердце, дѣвушка,
 Въ тебѣ изъ камня создано?

III.

Мѣсяць въ небѣ свѣтитъ ясно,
 У меня горитъ лампади,
 Но горять они напрасно —
 Мнѣ сіянья ихъ не надо!
 Нѣтъ ея — и стынеть доже,
 Нѣтъ ея — темна мнѣ келья!...
 Отъ чего же, отъ чего же
 Ты нейдешь, мое веселье?

IV.

Какъ усдѣшишь — измучить!
 Поглядишь — истомишься!
 А едва прикоснешься —
 Обезумвешь вовсе....
 Ужъ не знаю, назвать ли
 Эту дѣвушку милой?

V.

Знаю напикъ я красавицъ:
 Въ сердцѣ—ядъ, а слово—сахаръ!
 Но скажите, не за темъ ли
 Такъ мучительно-отрадны
 Сладкихъ устъ ихъ поцѣлуй!

VI.

Изъ всего, что мы видимъ,
 Лучше всякихъ сокровищъ,
 Благосклонные взоры
 Быстроокихъ красавицъ;
 Изъ всего, что вдыхаемъ,
 Лучше всѣхъ ароматовъ
 Нѣжныхъ устъ ихъ дыханье;
 Изъ всего, что мы слышимъ,
 Лучше музыки сладкой
 Полный страсти ихъ голосъ;
 Изъ всего, что вкушаемъ,
 Лучше всякаго яства
 Благовонная вѣтка
 Ихъ пурпуровыхъ губокъ;
 Изъ всего, что рукою
 Осязаемъ, не лучше-ль
 Всякой ткани роскошной
 Ихъ роскошное тѣло?
 Изъ всего, что приходитъ
 Пылкимъ юношамъ въ мысль,
 Мысль объ нихъ не всего ли
 И пріятнѣй, и лучше?
 Изъ всего, что отрадно
 И мучительно сердцу, —
 Не всего ли отраднѣй
 Ихъ любви колебанье,
 И волненье, и пламень?

Н. КИРГЪ.

ЦЕСАРЬ.

ГЕРМАНСКОЕ ПРЕДАНИЕ.

Темно въ небе, темно въ поле.
Старый замокъ тихо спитъ.
Въ старомъ замкѣ, на престолѣ
Цесарь Фридрихъ возсѣдитъ.

Облеченный въ багряницу,
Въ свѣтлый панцырь и шоломъ,
Онъ сомкнулъ свои зеницы,
Отуманенныя сномъ.

Голова склонилась долу,
На чело гроза легла;
Борода, спустясь до полу,
Бѣлый мраморъ проросла.

Неподвижную стѣною,
Вкругъ престола на часахъ,
Дремлютъ рыцари толпою,
Опираясь на мечехъ.

Въ сонмъ ихъ и Генрихъ мудрый
Бардъ, пѣвецъ войны и дѣвъ,
Задремалъ золотомудрый,
Звучной пѣсни не допѣвъ.

Но лишь только громъ прогремѣтъ,
По ущельямъ дикихъ горъ,
Цесарь вдругъ съ мечемъ возстанетъ,
И проснется бранный дворъ.

Подъ чугунными вратами
Петли ржавыя скрипятъ;
Барбарона предъ полками
И оружія гремятъ.

Снова цезарева слава
Въ цѣлый мѣръ вселяетъ страхъ.
И священная держава
Вновь на рейнскихъ берегахъ.

СЕРГІЕВСКІЙ.

ПОДРАЖАНІЯ

I.

ПѢСНЯ ВЪ ПУСТЫНѢ.

Пускай не намъ почить отъ дѣлъ
 Въ день вождельннаго покоя—
 Егова мечъ намъ дасть въ удѣлъ,
 Предуготованнымъ для боя.

И бой, кровавый, смертный бой
 Не утомитъ сыновъ избранья;
 Во брани падшихъ ждетъ покой
 Въ святомъ краю обитованья.

Мы по пескамъ пустынь идемъ,
 Палимы знойными лучами—
 Но указующимъ столпомъ
 Егова самъ идетъ предъ нами.

Егова съ нами—Онъ живетъ,
 И кригче каменной твердыни,
 Не сокрушимъ Его оплотъ
 Въ сердцахъ носителей святыни.

Мы ту святыню пронесли
 Изъ края рабства и плѣненья—
 Мы съ нею долгій путь прошли
 Въ смиренномъ чаянь спасенья.

И въ бой, кровавый, смертный бой
 Вступить съ врагами мы готовы—
 Святыню мы несемъ съ собой—
 И поднимаемъ мечъ Егови.

770757A

ПРОКЛЯТІЕ.

Да будетъ проклятъ тотъ, кто самъ,
 Чужимъ поклонится богамъ,
 И рабъ грѣха,—послужитъ имъ,
 Кумирамъ браннымъ и земнымъ,
 Кто осквернитъ Егови храмъ
 Служеньемъ идоламъ своимъ,
 Или войдетъ, подобный псамъ,
 Съ нечистымъ помысломъ однимъ....
 Господь, отщепеній, предковъ Богъ,
 Ревнивъ и яростенъ и строгъ.

Да будетъ проклятъ тотъ вавилъ,
 Кто съ равнодушіемъ убитъ
 Чужихъ боговъ въ родной странѣ.
 И за Егову не отмститъ:
 Не препоясается мечомъ,
 На Веліаровыхъ рабовъ,
 Иль укоснитъ изгнать бичомъ
 Изъ храма—торжниковъ и псовъ.
 Господь отщепеній, предковъ Богъ,
 Ревнивъ и яростенъ и строгъ.

Да будетъ трижды проклятъ тотъ,
 Да будетъ проклятъ въ родъ и въ родъ,
 Кто слезы лить о псахъ готовъ,
 Жалеть погибели сыновъ:
 Ему не святъ святой Сіонъ,
 Не дорогъ Савооа храмъ,
 Не знаетъ малодушный онъ,
 Что нѣтъ въ святѣни части псамъ,
 Что Алоян, предковъ Богъ—
 Ревнивъ и яростенъ и строгъ.

А. ГРИГОРЬЕВЪ.

МОСКВИТЯНИНЪ.

1852.

№ 7.

Апрѣль.

Кн. 1.

ДАРЕДЖАНА ИМВРЕТИНСКАЯ.

ДРАМА

ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІАХЪ,

Ж. П. Коломбано.

Посвящается Книгинѣ Софѣ Андреевнѣ Гагаринѣ.

Историческую основу этой драмы не трудно найти въ рассказѣ Шардена, въ его замѣчательномъ сочиненіи «Voyage du chevalier Chardin en Perse et autre lieux de l'orient». Я пользовался амстердамскимъ изданіемъ 1735 года. Съ увѣренностью очевидца, Шарденъ описываетъ жизнь царицы Дареджаны (томъ I, стр. 154) — одного изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ въ моемъ произведеніи. Кому слишкомъ дика или странна покажется моя фантазія, пусть прочтеть Шардена — и лучше меня вообразить себѣ женщину той эпохи.

Мое сочиненіе не обнимаетъ собой всей жизни Дареджаны, такъ трагически погибшей подъ кинжаломъ Кація; оно оканчивается взятіемъ Кутавса и паденіемъ Дареджаны, ковар-

ствомъ достигшей власти;—дальше предель, за который невозможно перешагнуть, не нарушивъ драматическаго единства, дальше—начало новыхъ драмъ.

Сомнѣваюсь, чтобъ первый драматическій опытъ мой нашелъ сочувствіе въ душѣ моихъ читателей. Многимъ изъ нихъ трудно будетъ вообразить себѣ и неизвѣстный край и незнакомое время, и вдобавокъ, не весело видѣть на сценѣ варварскіе нравы, чуждые духу и понятіямъ современнаго намъ общества. Мнѣ скажутъ: вольно же на первый разъ взять такой сюжетъ?—Что же дѣлать! я писалъ мою драму не для избраннаго общества нашихъ столицъ и нашихъ провинцій—я думалъ о той тифлисской сценѣ, которая по волю князя Намьстника воздвигается съ такою пышностью, и съ такимъ истинно-восточнымъ великолѣпіемъ (*), и гдѣ, смѣю сказать, моя драма для тифлисской публики была бы гораздо интереснѣе многихъ нашихъ драмъ и даже комедій, непонятныхъ въ Грузіи и совершенно-чуждыхъ нравамъ большинства будущихъ посѣтителей театра. Дареджана, такъ какъ я ее вообразилъ себѣ, въ исторіи Имеретіи по своему характеру, вовсе не *единственная* женщина, тогда какъ на святой Руси она непременно должна показаться какимъ-то дикимъ исключеніемъ.

Кстати, я напередъ предвижу слѣдующія возраженія:

Что за царица, о которой подумали, что она пошла нищихъ сзывать на ужинъ?

Какъ можно, чтобъ царь предлагалъ мачихъ своей плясать у него на свадьбѣ?

И т. далѣе.

На всѣ эти возраженія я могу только сказать, что всѣ эти странности вѣрны обычаямъ и преданіямъ той страны,

(*) Весь театръ отдѣланъ въ восточномъ вкусѣ по превосходнымъ рисункамъ Е. С. Князя Гр. Гагарина.

которую я лично посетилъ два раза. Имеретія до сихъ поръ сохраняетъ въ себѣ рѣзкія черты тѣхъ особенностей, которыя некогда составляли самобытнѣй, исключительнѣй ея характеръ. Тамъ, до сихъ поръ, вы встрѣтите князей, съ которыми за однимъ столомъ объѣдаетъ вся ихъ прислуга, и найдете множество такихъ слугъ, которые ни за какія деньги, ни вамъ, ни даже господину своему, не согласятся подать полотенце, потому только, что, по примѣру отца и дѣда, набиваютъ трубку или придерживаютъ стремя, когда тотъ садится на лошадь.

Моя драма, къ сожалѣнію, превзошла тѣ средства, которыми въ настоящее время владѣетъ тифлисская сцена. Не безъ чувства, мнѣ самому непонятной грусти, рѣшаюсь я печатать слабѣйшій опытъ мой, котораго недостатки я такъ живо чувствую, и увѣ! не нахожу еще въ себѣ достаточно силъ, чтобъ окончательно исправить ихъ.

Т и ф л и с ь .

Мартъ, 1851 года.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Баграть-мирза IV, имеретинскій царь, сынъ царя Александра III,
отъ первой жены его Тамары, — около 19 лѣтъ.

Дареджана, вдова Александра III, матица Баграта, 22 лѣтъ.

Нестанъ-Дареджана, жена Баграта, 12 лѣтъ.

Оттїа-Чхвїдзе, мингрелецъ, другъ покойнаго царя, около 60 лѣтъ.

Князья } Вахтангъ-Джуншунї, 21 года.
 } Савва Циретелли, 45 лѣтъ.
 } Георгїй, племянникъ его, 18 лѣтъ.
 } Авашидзе, женихъ дочери Оттїа, 19 лѣтъ.

Гого-Швили, азнауръ, хозяинъ загороднаго дома, 110 лѣтъ.

Ростомъ, неизвѣстно кому принадлежащїй челоуѣкъ и проводникъ
Дареджаны.

Зуравъ, княжескїй дворянинъ изъ помѣстій Вахтанга.

Чихачидзе, Иванъ, начальникъ Кутайской крѣпости.

Гулгазъ, жена его.

Тинатина, нянька Нестанъ-Дареджаны.

Князья, дворяне, диванъ-бекъ или судья, придворные служи-
тедї, горожане, привратникъ, имеретинскїя княжны, и друг.

Дѣйствїе происходитъ въ Кутаисѣ въ 1650 году.

ДѢЙСТВІЕ I.

СЦЕНА I

НОЧЬ. КУТАНСЪ. БЕРЕГЪ РІОНА.

На заднемъ планѣ видна наружная часть дворца, освѣщенная факелами; слышны звуки азійтской музыки; на льво отъ дворца видны огни костровъ и толпы празднующаго народа. Слышно рожаніе лошадей, веселый говоръ, пѣсни и холостые выстрѣлы. На переднемъ планѣ — группа деревьевъ на береговомъ уступѣ р. Ріона.

ДВА ГОРОЖАНИНА (*у одного изъ нихъ маленькій бурдюкъ подъ мышкой*).

ПЕРВЫЙ ГОРОЖАНИНЪ.

Миръ нашему свиданію! пойдемъ, выпьемъ! Журначи тифлисскіе, а вино наше имеретинское. — Первый рогъ за здоровье царя Баграта, правителя Имеретіи. Богъ да сохранить его!...

ВТОРОЙ ГОРОЖАНИНЪ.

Его, — и все его потомство!

ПЕРВЫЙ ГОРОЖАНИНЪ.

Второй рогъ, за здоровье невесты его, нашей новой царицы Местанъ-Дареджаны. Богъ да сохранить ее!

ВТОРОЙ.

Съ будущими дѣтьми, внуками и правнуками!

ПЕРВЫЙ.

Гдѣ ты былъ весь вечеръ? Я не видалъ тебя.

ВТОРОЙ.

А я былъ посланъ во дворець; коверъ отнесъ.

ПЕРВЫЙ.

Такой оборванный ты во дворец ходилъ?

ВТОРОЙ.

Э! что ты говоришь,—оборванный, разве холодно?...

ПЕРВЫЙ.

Нѣтъ, не холодно!

ВТОРОЙ.

Ну такъ чтожъ за бѣда, что я оборванный!

ПЕРВЫЙ.

Я думаю, теперь, во всемъ Кутаисѣ не осталось ни одного ковра; устлали ими весь царской домъ, весь царской дворъ, и я слышалъ, къ ужину будутъ разстилать ихъ на площади.

ВТОРОЙ.

А вотъ, скоро будемъ ужинать. (*Вдыхаетъ*) Я привелъ четыре послѣднихъ барана....

ПЕРВЫЙ.

А я принесъ два бурдюка вина.

ВТОРОЙ.Ну, чтожъ!—сами же и выпьемъ, — пойдемъ! (*Уходитъ*).**ОТТЯ ЧЖИДЗЕ И КНЯЗЬ ВАХТАНГЪ-ДЖУНШУНИ.****ОТТЯ ЧЖИДЗЕ.**

Дай Богъ, чтобъ эта свадьба положила
 Предѣлъ семейнымъ распрямъ, ненавистнымъ
 Крамоламъ, отъ которыхъ у народа
 Не заживаютъ раны. — Нивы наши
 Заглохли подъ деревьями, канавы
 Занесены; прядильные станки
 Валяются, гниютъ, забыты въ пыли
 Подъ крыльцами дырявыхъ нашихъ сакѣй....
 Повсюду нищенство, лохмотья, голодь....
 И виноградъ нашъ одичалъ съ тѣхъ поръ,
 Какъ Имеретія, Мингрелія, да наши
 Сосѣди—гордые Абхазы, то и двло

 Царапаются изъ-за женщинъ....
 Народъ сталъ жалокъ, — онъ забылъ молитвы
 И разучился плакать....

КНЯЗЬ ВАХТАНГЪ.

Развѣ слезы

Ему помогутъ?

ОТТІА ЧХВИДЗІ.

Звѣрь одинъ не плачетъ,

И то не всякой: буйволъ плачетъ; —

Олени плачутъ; но поселянину

Скажи: твоя жена увезена,

Твой внукъ растоптанъ лошадинымъ

Копытомъ, — дочери твои уведены

Въ неволю или на турецкихъ рынкахъ

Сидятъ и ждутъ себѣ покупателя —

Онъ не заплачетъ....

КНЯЗЬ ВАХТАНГЪ.

Да, привычка много значить.

Теперь народу все равно, что мы,

Что наши кровные злодѣи — турки;

Но мы князья, для насъ не все равно....

Что скажешь, напримѣръ, самъ ахалцыхскій

Паша, когда узнаетъ, что Багратъ —

Мирза на тронѣ?

ОТТІА ЧХВИДЗІ.

Онъ давно все знаетъ;

Однакожъ никому не шлетъ запроса.

КНЯЗЬ ВАХТАНГЪ.

Багратъ на тронѣ!... Въ наши времена,

Внезапный бракъ съ грузинскою княжной

Мнѣ кажется опаснымъ. Мусульмане

Хотятъ, чтобъ мы безъ нихъ не смѣли

И свататься....

ОТТІА ЧХВИДЗІ.

Да, если-бъ сами мы

Не подстрекали нашихъ лежебокихъ

Враговъ, они давно оставили бы насъ

Въ покоѣ... Что имъ нужно кромѣ

Постыдной дани?... Кто же виноватъ?...

Кто пріучаетъ ихъ мѣшаться въ наши споры?

Кто имъ передаетъ все наши сплетни

Семейныя? — мы сами. То-то, князь!
 Не намъ бы говорить, не намъ бы слушать!
 Но царствовать у васъ кому же кромѣ
 Мирзы-Баграта! онъ вѣдь старшій сынъ
 Покойнаго царя.—Ужели Дареджанъ?
 Тутъ вовсе не зачѣмъ ходить съ вопросомъ,
 Ни къ ахалцихскому пашѣ, ни къ Персамъ,
 Ни къ Шахъ-Навазу. Дѣло слишкомъ ясно!

 Что скажешь?

КНЯЗЬ ВАХТАНГЪ.

Но Багратъ-мирза
 Неопытенъ и молодъ.—

ОТЦА ЧКЕНДЗЕ.

Слава Богу,
 Что молодъ!... не успѣлъ еще привыкнуть,
 Къ разврату. — Молоды! — не моложе
 Тебя,—а между тѣмъ возьми въ примѣръ:
 Какихъ свтей ему не разставляла
 Царица Дареджана! — Ей хотѣлось
 Причаровать его. Къ какимъ соблазнамъ.
 Не прибѣгала гордая вдова
 Красавица! и чтожь? не оскорбляя
 Вдовы, скажу, взяла не много.

КНЯЗЬ ВАХТАНГЪ.

Но....
 Откуда взялъ ты эту новость? — Я
 Своимъ ушамъ не вѣрю, изумляюсь.
 Твоимъ рѣчамъ....

ОТЦА ЧКЕНДЗЕ.

Не изумляйся, князь!
 Я правду говорю....

КНЯЗЬ ВАХТАНГЪ.

Я этой правды
 Не понимаю....

ОТЦА ЧКЕНДЗЕ.

Ты не понимаешь!
 Не мудрено—ты человекъ завѣжій.

Не знаешь ты, что Дареджана явно.
Хотела замужь выдти за Баграта,
Кто этого не знает! Если ты
Не знаешь, я не виновать.—Пожалуй,
Не вѣрь;—но вопреки постановленьямъ церкви,
Баграть на мачихѣ жениться не хотѣлъ,

КНЯЗЬ ВАХТАНГЪ.

И мачиха нашла ему невесту?

ОТЦА ЧКВЕДЗЕ.

Да, мачиха нашла ему невесту.

КНЯЗЬ ВАХТАНГЪ.

И послѣ этого, ты можешь полагать;
Что Дареджана влюблена въ Баграта?...

ОТЦА ЧКВЕДЗЕ.

А что мудренаго?—Но перестанемъ
Объ этомъ говорить; ты слишкомъ пылокъ—
Отъ старости я сталъ глазами слабъ,
Но вижу далеко.... Прощай!

(Входитъ посланный изъ дворца).

Что, не за мной ли?

Гдѣ царь?

КНЯЗЬ ВАХТАНГЪ (посланному).

Кого ты ищешь?

ПОСЛАНЫЙ.

Дареджану.

ОТЦА ЧКВЕДЗЕ.

А гдѣ она? куда пропала?

КНЯЗЬ ВАХТАНГЪ (вспыльчиво).

Глупый!

Какъ смѣлъ ты здѣсь искать царицу!
Кто приказалъ тебѣ сюда зайти
И спрашивать!—Кто могъ послать за ней!

ПОСЛАНЫЙ.

Помилуй, князь! я посланъ молодою
Царицей. Десять разъ она спросила:
Гдѣ Дареджана? Мнѣ сказали: нищихъ
Она пошла съзывать на ужинъ. Царь велѣлъ

Ее позвать въ *дарбазъ* (*), гдѣ начинаютъ пляски.

ОТТІА ЧЖИДЗЕ.

Пойдемъ, Вахтангъ, посмотримъ, какъ тамъ пляшутъ.

Я дочь свою плясать лезгинку

Заставлю, — славно пляшеть!

КНЯЗЬ ВАХТАНГЪ.

Ну, а скоро

Ты замужъ выдаешь Пенеллу? скоро

Ты думаешь позвать меня на свадьбу!

ОТТІА ЧЖИДЗЕ.

На свадьбу! можетъ быть черезъ недѣлю,

А можетъ быть и черезъ мѣсяць.

КНЯЗЬ ВАХТАНГЪ.

Ну,

А послѣ свадьбы ты оставишь насъ?

Въ Мингрелію поскачешь?

ОТТІА ЧЖИДЗЕ.

Нѣтъ, не поскачу!

Что мнѣ Мингрелія? мое семейство здѣсь.

Я погостить у васъ намврень, — что мнѣ дѣлать

Въ Мингреліи? (*Уходитъ*).

КНЯЗЬ ВАХТАНГЪ.

Не даромъ Дареджана

Его терпѣть не можетъ — хитрый человекъ!

Не даромъ бѣдный Александръ, покойный

Владѣтель Имеретин, ему

Ключи отъ всѣхъ своихъ сокровищъ царскихъ

Вручилъ передъ кончиной, — царскою короной

Кому, какъ не ему, Багратъ обязанъ. —

Ему, а не своей наследственности шаткой.

Я внукъ Георгія, я могъ бы также

Искать права на тронъ имеретинскій —

И можетъ быть.... Но, право, царскій титулъ

Меня не радуеть.... я не ищущу его; —

И если Дареджана мнѣ измѣнить,

Уйду въ свой старыи замокъ; тамъ запрусь

И у воротъ поставлю пушку. — Но....

(*) *Дарбазъ* — приемная комната безъ окошекъ, освѣщенная сверху.

Неужели старикъ мнѣ правду говорилъ
 Что Дареджана влюблена въ Баграта!
 Что Дареджана!.... Боже милосердый!
 Отъ этой мысли у меня въ глазахъ
 Темнеть! Слишкомъ я увлекся! — Поздно
 Мнѣ думать!.... сердца не унять!.... Я знаю,
 Вся молодость моя—и весь мой жребій
 Въ рукахъ у этой женщины. Съ тѣхъ поръ,
 Какъ мы увидѣлись, вся жизнь моя
 У ней въ глазахъ,—и чѣмъ я буду,
 Царемъ или скитальцемъ... Дареджана
 За все отвѣтитъ передъ Богомъ.—Вижу,
 Куда меня ведетъ ея рука —
 И не могу свернуть съ дороги! Страшно
 Путеводительницу потерять.—Сегодня
 Мнѣ приказала Дареджана здѣсь
 Ее дожидаться;—странный выборъ мѣста!
 Со всѣхъ сторонъ освѣщено; одинъ
 Слѣпой насъ не увидитъ!—Ахъ, царица!
 Зачѣмъ ты хороша такъ дивно,
 Что даже нище, седые старцы,
 Молодые, больные, — самъ видалъ я, —
 Своихъ потухшихъ глазъ не могутъ отвести
 Отъ ослѣпительныхъ очей твоихъ, роняютъ
 Суму, руки не смѣютъ протянуть,
 Теряютъ память—и молчать?—Не вѣрю,
 Чтобъ царь Баграта былъ равнодушенъ,—или
 Онъ каменный,

(Дареджана входитъ поспѣшно).

ДАРЕДЖАНА.

Вахангъ! Ты это?... Ну! теперь не время....
 Самъ видишь не возможность.... Говорать,
 За мной послали....

КНЯЗЬ ВАХТАНГЪ.

Да, сію минуту

Былъ посланный.

ДАРЕДЖАНА.

Неужели!—гдѣ? здѣсь!

КНЯЗЬ ВАХТАНГЪ.

Да.

ДАРЕДЖАНА.

Быть не можетъ! (*Molmente*).

Приходи, мой милый

Вахтангъ, во вторникъ,—нѣтъ, въ четвергъ.
Сегодня воскресенье,—стало быть въ четвергъ....
Туда же, гдѣ мы видѣлись. Ты ожидай,
Меня въ саду у Гого-Швили,—ошьинишь!
Не слишкомъ поздно и не слишкомъ рано—
Послѣ зари, однакожь и не-позже.
Восхода мѣсяца,—и такъ, въ четвергъ
Въ саду у Гого-Швили! слышишь!

КНЯЗЬ ВАХТАНГЪ.

Слышу—

Могу ли я не слышать, Дареджана?

ДАРЕДЖАНА.

До четверга—четыре дни осталось—
Какъ это долго!—Слушай, князь,
Когда увидишь ты въ моемъ окошкѣ
Пунцовую *мутаку* (*), приходи
Къ Турецкой лавкѣ—я пришлю
Тебѣ записку.—Ну, теперь оставь
Меня одну, ступай въ народъ и слушай,
Что говорить о Дареджанѣ.—Да не лѣзя ли
Черезъ кого-нибудь сказать Баграту,
Что видѣли меня на берегу Ріона,
Одну, въ слезахъ.—Посмотримъ, что онъ скажетъ?
О, я хочу, чтобъ самъ Багратъ за мной
Пришелъ!

КНЯЗЬ ВАХТАНГЪ.

И будь уверена, придетъ.

Но для чего тебѣ онъ нуженъ въ это время?
Ты не ему, а мнѣ назначила свиданье....
Ужели и Багратъ въ числѣ моихъ
Соперниковъ?...

ДАРЕДЖАНА.

Что это значить, князь!

(*) *Мутака* круглая подушка въ видѣ вальса.

КНЯЗЬ ВАХТАНГЪ.

Ты влюблена въ него?

ДАРЕДЖАНА.

Я влюблена!...

Ну влюблена! — что после этого
Ты понимаешь!....

КНЯЗЬ ВАХТАНГЪ.

Оттїя Чхендзе

Мнѣ говорилъ...

ДАРЕДЖАНА (вспыльчиво).

Нѣтъ, Оттїя Чхендзе

Не глупъ и никогда не скажетъ вздора!
Совѣтую тебѣ, любезный князь, впередъ,
Не разговаривать съ проклятымъ этимъ
Мингрельцемъ! Что за разговоры? глупо,
Ужасно глупо слушать всякой вадорь,
Изъ усть того, кого я ненавижу!
Уйди скорѣй! зурна и барабаны
Напоминаютъ мнѣ торжественные вѣзды
Персидскихъ шаховъ—кто бы могъ подумать,
Что это молодой парекъ Баграть
Гуляетъ по народу—и горстями
Бросаетъ деньги музыкантамъ!

*(Вахтангъ уходитъ. Царь Баграть идетъ, сопровождаемый сеи-
той, народомъ и музыкантами).*

БАГРАТЬ.

На мосту

Зажечь огни и разостлать ковры
На площади! Всѣмъ отворить ворота!
Всѣ гости: званый и не званый—князь
И нищій, другъ и недругъ. *(для послѣднихъ*
Я-бъ сдѣлать исключенье, да боюсь
И спрашивать: кто другъ, кто недругъ...) Туркамъ
Такое отведите мѣсто, гдѣ винотъ
Не пахнетъ, Персианамъ отыщите
Танцовщицу,
.

Да будетъ памятенъ
День царской свадьбы!

Гдѣ же Дареджана!

А! вотъ она!....

(Народъ и свита остаются въ глубинѣ сцены; зурны и барабаны замолкаютъ. Багратъ подходитъ къ Дареджанъ).

Что значить, Дареджана,
Ты удаляешься отъ праздника, тогда
Какъ ты на немъ должна быть первой?
Ты плачешь?! Кто же оскорбилъ тебя?
Я строго накажу при всемъ народѣ
Того, кто оскорбилъ тебя хоть словомъ.
Будь весела и весели гостей.—
Какъ старшая изъ родственницъ, и ты-бъ
Могла плясать....

ДАРЕДЖАНА.

Кто?!—я?!—плясать!—Багратъ!

Душа моя одѣта въ трауръ,—сердце
Изранено—могу ли я плясать?!

БАГРАТЪ.

Такъ ты плясать не хочешь, Дареджана!
Какъ это жаль! Красавица такая
Должна блистать своею красотой
Какъ солнце.

ДАРЕДЖАНА.

Ты пришелъ смѣяться! — смѣйся!

Я уже не красавица съ тѣхъ поръ,
Какъ ты отвергъ меня. Къ чему нужна
Мнѣ красота!... Пусть буду я отнынѣ
Стара и безобразна! Въ эту ночь
Ты свадьбу празднуешь;—я хороню
Мою любовь, и не зову тебя
На похороны сердца, чтобъ кошчину
Моихъ надеждъ оплакать; не зови
И ты меня на свадьбу, для того
Чтобъ я гостей твоихъ смѣшила пляской.
Ты поутру обвинчанъ,—Дареджана
Вполнѣ развинчана сегодня утромъ!

Чегожь ты требуешь отъ бѣдной Дареджаны?
 Чего ты хочешь?! О! позволь привыкнуть
 Къ печали, чтобъ могла я снова
 Явиться въ домъ твой съ радостной улыбкой,
 Чтобъ я могла любить тебя какъ сына,
 Чтобъ я могла тебя благословить
 Какъ мать!—Теперь, оставь меня
 Раскаляню, слезамъ и горю!!—О,
 Во имя Бога, я прошу тебя,
 Оставь!—Ты вспомни, чтѣ была я
 И чтѣ я стала!! Я была любима,
 Теперь меня никто не любитъ. Я
 Была красавицей—и красота
 Моя поблекла; я была царицей—
 Теперь последняя изъ подданныхъ твоихъ,
 Тобою втоптанная въ грязь и въ пепелъ!

БАГРАТЬ.

О, Богъ свидѣтель, никогда тебя
 Я не обижу. Грустно мнѣ, что ты
 Меня понять не хочешь, Дареджана,
 Тогда какъ я тебя конечно понять.

ДАРЕДЖАНА.

Ты!—нѣтъ, Баграць, нѣтъ....

БАГРАТЬ.

Знаю, отъ чего

Ты плачешь—

ДАРЕДЖАНА.

Отъ чего я плачу?

БАГРАТЬ.

Ты хочешь власти, Дареджана.

ДАРЕДЖАНА.

Боже!

Или ты думаешь, что, если-бъ я
 Хотѣла власти, я бы не достигла
 Предѣла всѣхъ моихъ желаній! Тайна,
 Которою владѣеть Дареджана,
 Могла бъ тебя въ одну минуту раздавить—

Въ одну минуту, если бь только
Противъ тебя идти я захотѣла.
Или не знаешь ты, что я
Тебѣ не мачиха, что твой отецъ,—
Клянусь тебѣ гелатскою иконою,—
Душей супруга, смертью,—
Не твой отецъ.—

БАГРАТЪ.

А чей же!

ДАРЕДЖАНА.

Что въ тебѣ
Нѣ капли нѣтъ имеретинской крови!...

БАГРАТЪ.

Молчи! не раздражай меня!—я знаю,
Ты распустить готова эти слухи.... —
Кричи, что я не царь.—Я царь—и не боюсь
Тобою выдуманныхъ сказок! Честный мужъ
Тебѣ не станеть вѣрить; честная жена
Заложить уши и не станеть слушать.
Пугай пугливыхъ! окружай себя
Глушцами!—или, все равно, паси
Пустынный ввтеръ, облака лови!
Но будь увврена: изчадіе Тамары,
Какъ называешь ты Баграта, никогда
И голосу тебѣ возвысить не позволить
Въ своемъ дворцѣ.... Я помню....

ДАРЕДЖАНА.

Что ты помнишь?

БАГРАТЪ.

Когда мнѣ Отгіа Чхендзе отдавалъ
Ключи отъ кладовыхъ, гдѣ царь покойный,
Отець мой, схоронилъ свое богатство—
Все золото свое и весь свой жемчугъ;
Я помню, какъ отъ бѣшенства и злости
Ты поблѣднѣла,—помню, Дареджана,
Когда впервые сталъ я на ступенькахъ
Отцовскаго престола,—у меня
Колѣна подкосились, до того
Лицо твое мнѣ показалось

Свирьпынь.—Тягостное чувство,
Которое тогда мнѣ сжало сердце,
Я долго, долго почиталъ дурнымъ
Предчувствіемъ....

ДАРЕДЖАНА.

Избави Господи!

БАГРАТЬ.

И послѣ этого ты хочешь, чтобъ я вврилъ
Твоей любви?

ДАРЕДЖАНА.

Не вѣрь, Баградь! не вѣрь!
Мнѣ все равно.... Отнынѣ уже
Я не люблю тебя—отъ словъ твоихъ
Моя любовь зачахла, умерла,
И не воскреснетъ; будь теперь покоенъ!
О Боже мой! какіе дни настали
Для бѣдной Дареджаны! Легче умереть,
Чѣмъ это слышать! Грѣхъ тебѣ, Баградь,
Такъ обижать меня!—Не я-ль нашла
Тебѣ невѣсту—что-жь?—не хороша она?
Или она тебѣ не нравится? Авось,
Я думала, онъ будетъ съ нею счастливъ:
Она еще младенецъ—также Дареджаной
Ее зовутъ, и я мечтала, пусть
Хоть именемъ своимъ другую Дареджану
Она тебѣ напомнитъ.—Дареджаны,
Которая теперь стоитъ передъ тобой,
Какъ осужденная, уже не будетъ скоро
На бѣломъ свѣтѣ! скоро, очень скоро!
Я это чувствую.—Клянусь, я вся больна,—
Мнѣ кажется, что каждый волосъ ностъ
На головѣ.—Смотри, какъ бьются жилы....

БАГРАТЬ.

Ты говорить умѣешь. Ты слова
Низать какъ жемчугъ мастерица—знаю.
Сегодня утромъ ты была здорова....
Чѣмъ умирать такъ рано, Дареджана,
Мы лучше во дворецъ отправимся,—малютка,

Моя жена тебя нетерпеливо
Желает видѣть

ДАРЕДЖАНА.

Мы еще увидимся.

БАГРАТЬ.

Пойдемъ—дай руку!

ДАРЕДЖАНА.

Нѣтъ, Багратъ! я не хочу

Идти—хочу остаться.

БАГРАТЬ.

Глупое упрямство!—

Не изумляй гостей,—все говорятъ: что значить,
Что Дареджаны нѣтъ;—пойдемъ!

ДАРЕДЖАНА.

Останусь!

БАГРАТЬ (*вспыльчиво*).

Ты не останешься. Я говорю, пойдемъ!
Не ожидай другаго приказанья!
Тебѣ стыднѣе будетъ, если я велю
Тебя связать, сковать, тащить насильно....

ДАРЕДЖАНА (*задыхающимся, умо-
ляющимъ голосомъ*).

Грудь у меня болитъ, душа болитъ —
Я вся больна, вся голова моя
Въ огонь. Мнѣ душно въ тѣнотѣ—въ толпѣ
Гостей твоихъ;—мнѣ нуженъ свѣжій воздухъ,—
Просторъ,—удивенья!—о, пальцы мои!
Позволь мнѣ лучше утѣпиться, или
Хоть самъ столкни меня въ Рюнь!
Я стану на краю обрыва; ты мушкетеръ,
Тебѣ столкнуть меня не стоитъ ничего....
На! на!—столкни пожалуста!—избавь
Себя отъ глупой Дареджаны! Лучше,
Гораздо лучше утонуть,—сгорѣть,—
Тупымъ кинжаломъ перерезать горло,
Чѣмъ выносить слова твои.... Ну, чтожь!
О чемъ ты думаешь?

БАГРАТЬ.

Ахъ, Дареджана!

Ты мнѣ жалка съ твоимъ упрямствомъ—рано
Иль поздно, ты себя погубишь.—Дьялай,
Что хочешь! Я тебя оставляю съ миромъ.
Прощай!

(Уходитъ. Зурна и барабаны).

ДАРЕДЖАНА.

И я еще не умерла!

Еще живу, дышу, гляжу и слышу!
И грудь моя еще не разлетѣлась
На части! О, какъ я здорова!
Самъ дьяволъ ничего съ моимъ здоровьемъ
Не сдѣлаетъ!... Но Боже мой! куда
Уйти мнѣ наконецъ отъ этой
Неспособной музыки!... А, погоди, Багратъ,
Тебѣ не долго праздновать,—наставь
Мой праздник! буду я царицей!
Во что бы то ни стало, буду! — или
Уже не дочь я хана Таймураза.

(Уходитъ).

СЦЕНА II.

Слѣдствіе мѣсяца послѣ первой сцены. Комната во дворцѣ.

Входитъ царь Багратъ, Оттиа Чхеидзе, (за ними придворные охотники, съ ружьями и луками, на рукъ одного изъ нихъ соколъ).

БАГРАТЬ.

Мы воротились въ самый жаръ, я успѣю отдохнуть до вечера.
Возьмите мою саблю, кинжалъ, ружье, лукъ, стрѣлы, и повѣсьте тамъ,
гдѣ я обыкновенно ихъ вѣшаю, надъ моей постелью.

ОТТИА ЧХЕИДЗЕ.

Гдѣ бы ты ни былъ, государь, не имѣй обыкновенія снимать
съ себя всего оружія.

БАГРАТЬ.

Какъ! даже у себя!... Подайте мнѣ лукъ.—Совѣтъ друга всего
дороже.—Изъ ружья однако я еще не привыкъ стрѣлать; на такомъ
близкомъ разстояніи не могъ попасть оленю въ голову! слишкомъ
второпылся. То ли дѣло стрѣлы? скажи, Оттиа мѣтко ли я пускаю
стрѣлы?

ОТТІЯ ЧКЕЦДЗІ.

Инструментъ дѣйствуетъ—рука хвалится, мечъ рубить—рука хвалится; лошадь скачетъ—площадь хвалится!..

БАГРАТЬ.

Прибавь еще четыре слова къ этой татарской пословице: стрѣла летитъ—Баграць хвалится.

(Охотники смеются).

Ступайте! прикажите отвести мою лошадь.

(Охотники кланяются въ землю и уходятъ).

Ну, вотъ наконецъ мы одни съ тобой. — Скажу откровенно—твой совѣтъ у меня изъ головы нейдутъ.... Ты правъ—я иногда слишкомъ доверчивъ, но и я правъ, потому что ты слишкомъ подозрителенъ. Прошло то время, когда Дареджана думала управлять мною по-своему и моими руками править царствомъ, такъ какъ она правила имъ при отцѣ моемъ. Она сама видятъ, что ошиблась. Для чего же? Зачемъ же прибѣгать къ такимъ ужаснымъ средствамъ! Я скорѣй рѣшусь удалить ее.

ОТТІЯ ЧКЕЦДЗІ.

Государь! удалить Дареджану значитъ поднять на себя тотъ народъ, куда ты удалишь ее. Ея козни вдали еще опаснѣе. Она можетъ поднять на тебя всю Грузію, и почему знать, быть можетъ Имеретію поднять на Имеретію.

БАГРАТЬ.

Клянусь тебѣ, Дареджана ни на волосъ не мѣшаетъ мнѣ. Провришь ли, Оттія, со дня моей свадьбы, ни одной ссоры не произошло у меня въ домѣ. Кажется, она истощила тогда всю злость свою,—и злость изсякла, упрямство остепенилось. Трудно вѣрить, какъ стала она тиха, спокойна и даже привѣтлива, трудно вѣрить, какъ она любитъ жену мою,—не спитъ по ночамъ до тѣхъ поръ, пока не усыпитъ ее своими сказками.

ОТТІЯ ЧКЕЦДЗІ.

Государь! когда злые дѣлаются добрыми, ихъ доброта опаснѣе самаго ужаснаго ихъ бышенства. Если-бъ видѣлъ ты, какой добродѣтельной прикидывалась другая, подобная ей Дареджана, урожденная Челокаева, когда задумала погубить жену Левана Дадьяна, дочь абхазскаго владѣтеля. Сколько крови стоила намъ эта доброта!

БАГРАТЬ.

Да, да, знаю, но ея наговору Лезанъ изуродовалъ бѣдную жену свою: отрезалъ ей уши, носъ, руки—и вмѣсто прекрасной дочери послалъ къ отцу обезображенное туловище. Вотъ что значить быть слишкомъ подозрительнымъ!

(Входитъ придворный, становится на колѣни и кланяется).

Зачѣмъ ты вошелъ?

ПРИДВОРНЫЙ.

Государыня супруга ваша просить позволенья войти къ вамъ.

БАГРАТЬ.

Пусть войдетъ! — Да, ты слишкомъ подозрителенъ; ты готовъ не только отравить.... *(Входитъ Нестанъ-Дареджана).*

НЕСТАНЪ ДАРЕДЖАНА.

Кого ты хочешь отравить, Баграць?

БАГРАТЬ.

Никого, Нестанъ, — никого, райская птичка моя! жемчужина моя! брилліантъ мой!

НЕСТАНЪ ДАРЕДЖАНА.

Здравствуй, Оттія! *(Оттія цѣлуетъ рукавъ ея платья).*

Ты также былъ на охотѣ?

БАГРАТЬ.

А почему ты знаешь, что мы были на охотѣ?

НЕСТАНЪ.

Я видѣла, какъ ты прѣвхалъ, какъ ты сходилъ съ лошади, какъ ты кормилъ сокола—я все видѣла.... Ты застрѣлилъ оленя?

БАГРАТЬ.

А почему ты знаешь?

НЕСТАНЪ.

Я видѣла. Онъ лежитъ на дворъ. Бѣдненькой олень! зачѣмъ онъ языкъ высунулъ?

БАГРАТЬ.

Онъ дразнить тѣхъ, кто на него глядитъ.

НЕСТАНЪ.

Неужели онъ дразнить?

БАГРАТЬ.

Да.

ИВСТАНЪ.

А какъ онъ смѣетъ, когда я царица!

БАГРАТЬ.

За это я вѣдо его зажарить.

ИВСТАНЪ.

Вѣли зажарить!—Ну, Оттія, когда же дочь твоя Пепелла выходить замужъ? когда сватьяба?

ОТТІЯ ЧКВИДЗЕ.

Когда Богъ повелитъ, государыня, тогда и будетъ сватьяба.

ИВСТАНЪ.

Ты меня непременно позови. Меня и сестрицу мою Дареджану. — Я надѣну свое новое платье, — уфъ! какое платье, если бы ты только видѣла! — Золотое, тегератское! Мнѣ его прислали изъ Тифлиса въ подарокъ, — непременно надѣну!

ОТТІЯ ЧКВИДЗЕ.

Вы первые мои гости; безъ васъ я сватьябы не стану праздновать.

ИВСТАНЪ.

Баграць! приходи пожалуйста посмотреть, какое платье! ты быть можешь еще не видѣла его! — Да пожалуйста исполни то, что я попрошу тебя.

БАГРАТЬ.

Проси.

ИВСТАНЪ.

Исполнишь?

БАГРАТЬ.

Исполню.

ИВСТАНЪ.

Поклянись, что исполнишь! — достань мнѣ точно такой же бубень, какой я видѣла у Пепеллы. Оттія, скажи Пепеллѣ, что ея бубень мнѣ очень нравится.

ОТТІЯ ЧКВИДЗЕ.

Она вамъ сегодня же пришлетъ его.

ИВСТАНЪ.

Неужели? О, какъ я рада! — Прощай, Баграць, я прикажу... я знаю, что я прикажу, — прощай. (*Убѣгаетъ*).

БАГРАТЬ.

Какъ думаешь, Оттія, будетъ-ли она такъ же хороша собой, когда вырастетъ?... Ей всего только 11 лѣтъ. —

А сколько летъ твоей дочери?

ОТТЯ ЧЖЕНДЖИ.

О, моя Пепелла уже давно цвѣтеть, ей скоро четырнадцать!

БАГРАТЬ.

А я думалъ шестнадцать. Дочь твоя также красавица. — Ухъ, какія у ней чудныя русыя косы! какъ она дивно пляшетъ!

ОТТЯ ЧЖЕНДЖИ (*взглядываетъ на него подозрительно*).

Государы! если-бъ дочь моя была бубень, и ты бы впохрюпалъ ее, я бы тебѣ прислалъ ее въ подарокъ.

БАГРАТЬ.

Слава Богу, что она не бубень. (*Молчаніе*).

Ахъ, Оття! если-бъ ты зналъ...

ОТТЯ ЧЖЕНДЖИ.

Что, государы?

БАГРАТЬ.

Я сперва думалъ, что цари всегда веселы.

ОТТЯ ЧЖЕНДЖИ.

Вспомни, государы, какъ грустишь и тосковалъ отецъ твой!

БАГРАТЬ.

Я помню, слишкомъ помню! и мнѣ кажется — мнѣ не быть счастливымъ моего родителя.

ОТТЯ ЧЖЕНДЖИ.

Отъ чего, государы? — Я давно замѣчаю, что не при тебѣ твои мысли. — Скажи, что за тайна?

БАГРАТЬ.

Нѣтъ, не скажу, — завтра, когда хочешь... только не нынче.

(*Входитъ тотъ же придворный и становится на колѣни*).

ПРИДВОРНЫЙ.

Государыня Нестанъ-Дареджана проситъ васъ, государы, зайти къ ней въ комнату.

ВАХРАТЬ.

Тамъ Дареджана?

ВЕКОВОСНЫЙ.

Тамъ.

ВАХРАТЬ.Скажи, иду.—Что если насъ подслушали! (*Уходитъ*).**ОТТИЯ ЧИЖИДАН.**

Что онъ хотѣлъ сказать мнѣ? — неужели этотъ двадцатилѣтній юноша влюбился въ дочь мою, и чего добраго, хотѣлъ признаться! Боже! куда мнѣ ускакать изъ этого проклятаго міра! Нѣтъ, я свдая голова, знаю по опыту, что значить быть не только наложницей, знаю, что значить быть женой правителя. Поспѣшу сватьбой! Эй, бичо!—гдѣ моя лошадь? (*Уходитъ*).

ВАХРАТЬ (возвращаясь).

Ахъ, Нестанъ, Нестанъ! какъ будто я не видалъ ея платья!—А гдѣ же Оття?—Увхаль!—какъ я радъ, что онъ увхаль: онъ непременно бы сталъ меня допрашивать, любопытный старикъ! что я скажу ему! — Онъ опять повторитъ мнѣ кровавый советъ свой — отравить Дареджану. — Онъ уврѣнъ, что она помышляетъ мнѣ царствовать! Гм!... я не того боюсь, я боюсь—она опонитъ меня какимъ-нибудь любовнымъ зельемъ, чародѣйствомъ, заставитъ меня любить себя. Вотъ чего я боюсь! Страшно! каждую ночь я вижу во снѣ Дареджану. Закрою глаза — Дареджана! Открою — мнѣ все чудится—она стоитъ за дѣрью, и тихонько, тихонько хотеть войти ко мнѣ: со мной дѣлается лихорадка; я не знаю, что это значить.... На этой недѣль до моего слуха долетѣло что-то нескромное слово, что у ней есть любовники. Надо узнать... Меня это очень тревожить! Очень!...

(Уходитъ).**СЦЕНА III.**

Ночь. Виноградный садъ за городомъ.

ДАРЕДЖАНА И КНЯЗЬ ВАХРАНЪ.**ДАРЕДЖАНА.**

Бояться встрѣчь—спѣшить—и туфли
 Терять, и поминутно въ мокрой
 Травѣ искать ихъ! поддержи меня....
 Я умираю!... постели хоть бурку

На этот камень! может быть змея
 На немъ заснула. Боже мой!
 Какъ я домой пойду.—Отъ безпокойства
 Я нешута занесмогу. Не понимаю,
 Что это вздумалось Баграту приказать
 Ворота запереть—и у калитки
 Привратника поставить на ночь! могутъ
 Остановить меня,—отсюда я
 Пойду другой дорогой.—Что же двать!
 И это жизни! и это счастье! Дочь
 Муши ⁽¹⁾ меня счастливей. Что пользы,
 Что родилась я въ свѣтломъ ханскомъ домѣ—
 И у отца въ его гаремъ пышномъ
 Была любимой дочерью.—

КНЯЗЬ ВАХТАНГЪ.

Царица.

Мнѣ ничего не нужно кромѣ
 Любви твоей. За каждый подъялуй
 Твоихъ прекрасныхъ, нежныхъ устъ
 Я не возьму четыре царства....

ДАВИДЖАНА.

Если я

Дороже четырехъ—неужели не стою
 И одного!... Какая жизнь моя,
 Самъ посуди. Намъвдни, къ намъ приходитъ
 Ашугъ ⁽²⁾, Исхандеръ-бекъ, тотъ самый,
 Который изъ Нути бѣжалъ отъ петли.
 Багратъ велѣлъ ему играть,—старикъ
 Усылся на коверъ у двери—вынулъ
 Чунгури ⁽³⁾ изъ дорожнаго мѣшка,—
 И заигралъ — потомъ сталъ пѣть—и я
 Чуть не заплакала. Три пѣсни
 Онъ спѣлъ въ честь пасынка, четыре—
 Въ честь этой дѣвочки — Нестанъ, и даже
 Одну—въ честь Оттїа.... Ну да,
 Въ честь Оттїа Чхеидзе! а меня....

⁽¹⁾ Муша—воспальщикъ, на спинѣ перетаскивающій тяжести. ⁽²⁾ Пѣвецъ.

⁽³⁾ Инструментъ.

Какъ будто я не стою глухой пѣсни!...
 О, какъ хотѣлось мнѣ его *чунгури*
 Сломать и растоптать ногами.—Боже,
 Что стало изъ меня!

КНЯЗЬ ВАХТАНГЪ.

Послушай, Дареджана.

ДАРЕДЖАНА.

Что слушать!... я давно все слышу.
 Мнѣ скоро силъ не станетъ притворяться
 Смиренною овецъ... молчать и вѣнчать.
 Я не могу быть нянькой вапшей новыи
 Царицы,—не могу я пить вина,
 Которое въ кувшинахъ разноситъ
 Не я повелѣваю, — не могу
 Носить я золота, которое не мнѣ
 Принадлежитъ.—

Ну что, Вахтангъ, давно-ли
 Ты былъ у князя Циретели?...

КНЯЗЬ ВАХТАНГЪ.

Нынче,

Мы шли у него твоѣ здоровье.

ДАРЕДЖАНА.

А кто тамъ былъ?

КНЯЗЬ ВАХТАНГЪ.

Приверженцы твои.

ДАРЕДЖАНА.

Что говорить князю?

КНЯЗЬ ВАХТАНГЪ.

Что у тебя

Глаза темнѣ ночи—ярче солнца...
 И драгоценнѣе алмазовъ... Въ цѣломъ мирѣ
 Никто прекраснѣе тебя не видѣлъ. Ты
 Околдовала ихъ. Всѣ влюблены—
 И за тебя готовы умереть.
 Одинъ лишь Оттїа Чжажде съ нами
 Не ладитъ. Мы, не только говорить
 Въ его присутствїи — не смѣемъ думать,—
 Хитерь, лукавь, упряжь — и старь въ добавокъ.

Твои глаза его не гривотъ—живо
Онъ возстаеъ противъ тебя, царина!
И знаешь-ли?

ДАРЕДЖАНА.

Все знаю—но авось
Когда-нибудь я съ нимъ управлюсь!—Развѣ
Я виновата, что его Непелда
Не правится.... и что невольню
У дочери его я отбиваю сердце
Такого щедраго правителя, каковъ
Мой пасынокъ....

КНЯЗЬ ВАХТАНГЪ.

Неужели?

ДАРЕДЖАНА.

Конечно.

Но развѣ ты не видишь, какъ Багратъ
Меня ко всемъ ревнуетъ.

КНЯЗЬ ВАХТАНГЪ.

Я.... не зналъ.

ДАРЕДЖАНА.

Ты ничего не знаешь!—Кто тамъ скажетъ? —
Я слышу топотъ лошадей,—ты слышишь?
Не можетъ быть, чтобъ это былъ табунъ.

КНЯЗЬ ВАХТАНГЪ.

Не можетъ быть....

РОСТОМЪ (*убѣгаетъ и машетъ рукой*).

Бѣгите! кто-то скачетъ,

Мнѣ кажется самъ царь,—и съ нимъ
Пять-шесть вооруженныхъ....

(*Убѣгаетъ*).

ДАРЕДЖАНА.

Что за диво!

Неужели они сюда прискачутъ? Князь!
Бѣги! ты знаешь, выходишь черезъ гору.

КНЯЗЬ ВАХТАНГЪ.

А ты?

ДАГУДЖАНА.

Бжгать мнѣ не возможно: бжльй
 Личакъ (*) мой виденъ далеко,—къ тому-жъ
 Я бжгать разучилась.—Что же дѣлать?
 Бжги одинъ!

КНЯЗЬ ВАХТАНГЪ.

Нѣтъ, я бжгать не въ силахъ....
 Я долженъ защищать тебя.

ДАГУДЖАНА.

Не нужно!..
 Пусть десять разъ умру я во
 Избави Боже, если насъ вдвоемъ
 Застанутъ! мы тогда погибли, князь!
 Я говорю тебѣ: скорѣй бжги!
 Я знаю, что я дѣлаю.

(Вахтангъ медленно удаляется).

О, Вай мей!
 Что это будетъ? я сама не знаю.

(Багратъ входитъ, держа за руку Ростомъ).

БАГРАТЪ.

А! ты садовникъ! Твоего лица
 Не разгляжу, но голосъ твой, какъ будто
 Я гдѣ-то слышалъ.—Какъ тебя зовутъ?

РОСТОМЪ.

Не знаю, какъ зовутъ,—зовутъ Иванемъ
 И Дмитриемъ зовутъ, кто какъ захочетъ,
 Такъ и зоветъ.

БАГРАТЪ.

А ты меня
 Не узнаешь?

РОСТОМЪ.

Нѣтъ, господнѣ, не знаю,
 Что ты за человекъ—должно быть князь.

БАГРАТЪ.

Какая женщина. прошла сюда и скрылась?

(*) Легкое головное покрывало.

ГОСТОМЪ.

Неужели прошла! Ахъ, не видалъ я!
 А впрочемъ, господишь, сюда старуха
 Жена хозяина не редко ходить.
 Здѣсь есть марань (*),—въ марань есть чуланъ,
 Въ чуланъ есть *хурда-мурда* (**), поклажа,
 А можетъ быть за виноградомъ двѣку
 Послалъ хозяйниъ—старую колдунью

БАГРАТЬ.

А можетъ быть и молодую.—Стой!
 Скажи мнѣ: что это за женщина
 Сидять на камнѣ?

ГОСТОМЪ.

Гдѣ?—не знаю.

БАГРАТЬ.

Нельзя ли принести фонарь—мы ей посвѣтимъ.

ГОСТОМЪ.

Сейчасъ.

(Убѣгаетъ).

БАГРАТЬ.

Ого! какъ онъ бѣжать пустился;
 Какъ жаль, что я его не приказалъ
 Схватить....

Кто ты такая, говори!

(Молчаніе).

Мнѣ фонаря не нужно, чтобъ узнать
 Знакомый очеркъ,—сердце говорить,
 Что ты мнѣ мачиха,—что ты змѣя,
 Которую Господь послалъ въ мой домъ
 За наши тяжкіе грѣхи.—Не прячься!

ДАРЕДЖАНА.

Я развѣ прячусь!—никогда!—зачемъ
 Я стану прятаться? я — Дареджана.

(Молчаніе).

(*) Марань—сарай, гдѣ дѣлается и хранится вино.

(**) Хурда-мурда—всякая всячина.

Что-жь ты стоишь, какъ будто ноги
Твои вросли въ сырую землю! дальше
Ступай; ты видишь, я не та, кого
Ты ищешь!—гм!...

БАГРАТЪ.

Гдѣ твой любовникъ?

ДАРЕДЖАНА.

(*Хохочетъ*). А гдѣ твоя любовница?

БАГРАТЪ.

Моя!

ДАРЕДЖАНА.

Ну да.

(*Молчаніе*).

БАГРАТЪ.

Зачѣмъ ты здѣсь!

ДАРЕДЖАНА.

А ты зачѣмъ?

БАГРАТЪ.

Зачѣмъ,

Чтобъ уличить тебя въ твоемъ коварствѣ,
Чтобъ доказать тебѣ, что былъ я правъ,
Когда твоей любви змвиной
Не доверялъ; чтобъ наконецъ узнать:
Кто этотъ, сердцемъ избранный счастливецъ.
Вотъ для чего я здѣсь.

ДАРЕДЖАНА.

А я сюда пришла

Зачѣмъ, чтобъ уличить тебя въ твоемъ коварствѣ,
Чтобъ отомстить тебѣ за подозрѣнье,
Чтобъ упрекнуть тебя въ невѣрности къ женѣ....

БАГРАТЪ.

Въ какой невѣрности?

ДАРЕДЖАНА.

Какъ будто самъ не знаешь!

О хитрый, хитрый....

БАГРАТЪ.

Что ты говоришь?

ДАРЕДЖАНА.

И послѣ этого онъ хочетъ всю вину
 Свалить на женщину, которой
 Все преступленье въ томъ, что любить
 Она Баграта и ревнуетъ! Знай,
 Что не боюсь я казни, не боюсь
 Изгнанья,—ты мой царь,—ты можешь
 Меня сейчасъ въ оковы заковать
 И заключить въ темницу—я твоя раба!
 Но заключи меня въ темницу, дѣлай
 Что хочешь, я клянусь, Создателемъ клянусь!
 Что если я съ тобой застану здѣсь
 Княжну Пепеллу—ей несдобровать!
 И у меня рука не дрогнетъ.... О!

(Показываетъ кинжалъ).

Знай, уступивъ тебя женѣ законной,
 Я никогда тебя другой не уступлю.

БАГРАТЬ.

Ты сумасшедшая; — или я съ ума сошелъ?

ДАРЕДЖАНА.

Я никогда тебя другой не уступлю!

БАГРАТЬ.

Я ничего ни понимаю, Дареджана.
 Скажи мнѣ прямо, для чего ты здѣсь?

ДАРЕДЖАНА.

Да, да, Багратъ! что хочешь думай,
 Что хочешь дѣлай — никому на свѣтѣ
 Я сердца твоего не уступлю.
 Неужели я хуже этой глупой
 Красноволосой девочки? Стыдись,
 Багратъ, стыдись, кого ты предпочелъ
 Моей любви; поставь княжну Пепеллу,
 И Дареджану рядомъ, кликни всѣхъ
 И всякаго спроси: кто лучше? всякой
 Тебѣ укажетъ....

БАГРАТЬ.

Если ты не хочешь
 Сказать мнѣ прямо, для чего ты здѣсь,
 Скажи мнѣ: въ чемъ винишь и упрекаешь

Баграта? или ты воображаешь,
 Что я влюбленъ въ княжну Пепеллу,
 И здѣсь назначилъ ей свиданье — что за вздоръ!

ДАРЕДЖАНА.

А ты воображаешь, я слѣпа!
 Зачѣмъ, куда могла Пепелла
 Сегодня въ ночь изъ города уйти?
 Спроси привратника, спроси мою прислугу,
 Спроси! я завтра тысячу найду
 Свидѣтелей! — Зачѣмъ бы я пошла,
 Когда бы не сказали мнѣ навѣрно,
 Что въ эту ночь ты будешь ожидать
 Княжну въ саду у Гого-Швили. О!
 Да развѣ я слѣпа! — не вижу развѣ,
 Что ты влюбленъ въ нее, и развѣ я
 Не понимаю хитраго мингрельца,
 Съдаго честолюбца — друга твоего!
 Понятно, для чего на свадьбѣ заставлялъ
 Онъ дочь свою плясать передъ тобою;
 Зачѣмъ преслѣдуетъ онъ Дареджану,
 Куда онъ мѣтитъ дочь свою пристроить.

БАГРАТЪ.

Онъ отдаетъ Пепеллу замужъ! — полно!
 Не клеветщи напрасно.

ДАРЕДЖАНА.

Если такъ,
 Скажи мнѣ, чтò тебя заставило сюда
 Стремглавъ скакать въ такую пору? если
 Ты скажешь — ревность! слишкомъ много чести
 Для бѣдной Дареджаны!

БАГРАТЪ.

Мнѣ сказали:
 Ты каждую недѣлю здѣсь бываешь....
 Узнавши, что тебя нѣтъ дома, я
 Свѣль на коня и прискакалъ сюда.

ДАРЕДЖАНА.

Одинъ?

БАГРАТЪ.

Нѣтъ, съ провожатыми.

ДАРЕДЖАНА.

Багратъ, Багратъ!

Такъ ты сюда подсматривать за мной
 Прѣхалъ! Боже мой! кто могъ сказать
 Тебѣ такую новость! — наконецъ,
 Кто смѣлъ меня чернить въ твоихъ глазахъ.—
 И какъ ты могъ повѣрить! Смѣхъ и горе!
 Кого же назвали любовникомъ моимъ?

БАГРАТЪ.

Вахтанга.

ДАРЕДЖАНА.

Сдѣлай одолженье,

Багратъ, вели повѣсить завтра утромъ
 Доносчика, а то пожалуй много
 Ихъ явится и всѣмъ ты будешь вѣрить. —
 Я знаю, какъ ты легковѣренъ.

БАГРАТЪ.

Я легковѣренъ!! Кто тебя пойметъ!
 Пойдемъ домой; я доведу тебя
 До Кутаиса; мы пойдемъ пѣшкомъ;
 За нами будутъ вѣхать Азнауры.

ДАРЕДЖАНА

Спасибо, что меня не хочешь ты
 Покинуть! Но.... кто знаетъ.... можетъ быть
 Нарочно ты меня уводишь. Можетъ быть....
 Пепелла гдѣ-нибудь!... Самъ посуди, Багратъ,
 Могу ли я вполне твоимъ словамъ повѣрить?
 Ты говоришь, что ты меня хотѣлъ
 Застать въ распахъ,—зачѣмъ же поскакалъ
 По каменному грунту, такъ, что звонъ
 Подковъ былъ слышанъ мнѣ сейчасъ, какъ только
 Ты за ворота выѣхалъ. Напротивъ
 Ты-бъ могъ легко сюда пройти пѣшкомъ —
 Все видѣть и все слышать.—Садъ
 Почти совсѣмъ не огороженъ.

ВАГРАТЪ.

Правда.

Я поспѣшилъ и не обдумалъ.

ДАГЕДЖАНА.

Ну,

Впередъ обдумывай!—Пойдемъ же! Гдѣ
Твои проводники? Зови ихъ!**ВАГРАТЪ.**

Гей!!

(Уходятъ).

ДѢЙСТВІЕ П.

СЦЕНА IV.

УТРО, НА ДРУГОЙ ДЕНЬ ПОСЛѢ III СЦЕНЫ.

Дворцовыя сѣни, съ дверями въ жилыя покои царя Баграта; у дверей караульный; около стѣны служители.

ЦАРЬ БАГРАТЪ МЕДЛЕННО ПРОХОДИТЪ ВЪ ДВЕРИ.

БАГРАТЪ.

Съ тѣхъ поръ какъ Оттіа мнѣ подалъ дерзкій
Советъ свой—отравить, онъ отравилъ
Покой мой. Подозрительный старикъ
Меня подозрѣвать заставилъ—и теперь
Не знаю самъ, кому я долженъ вѣрить?
Она сама заставила меня
Съ ней просидѣть всю ночь наединѣ!
Всю ночь—она мнѣ руки жала,—
Смѣялась—плакала—невыяснимымъ зносомъ
Усталая дышала грудь ревнивой
Красавицы—Быть можетъ съ каждымъ вздохомъ
Я поглощаль ея дыханье—и....
И зараженъ! Спаси меня, Всевышній!—
Она увѣрила меня въ своей любви;
И я повѣрилъ! Право, красота
Коварной мачихи меня съ ума сведеть.
Гдѣ эта сила гордаго упрямства!
Къ чему* теперь послужить строгій голосъ
И осторожная, притворная холодность!
Она меня увѣрила въ любви!
И я повѣрилъ!—Боже! пусть умру,
Отравленный любовнымъ зельемъ; но
Ни шагу дальше!—Десять панихидъ
Заставлю отслужить на гробъ моего

*

Отца. — невольню можетъ быть, грѣшну я
 И духъ его тревожу въ небесахъ....
 Ахъ, Дареджана! онъ ли не любилъ
 Тебя! не онъ ли исполнилъ какъ рабъ
 Всѣ прихоти твои! Не твой ли голосъ
 Предписывалъ всему свои уставы!
 Ты все могла—оправдывать виновныхъ,
 Преслѣдовать невинныхъ!—все я видѣлъ
 Всему я былъ свидѣтелемъ—и мнѣ
 Тогда казалось, до скончанья дней
 Я буду ненавидѣть Дареджану,—
 И что теперь!—пойду и лягу,
 Невольный сонъ меня къ постели клонить.
 (Одному изъ служителей).

Ступай за мной!

(Уходитъ).

ПЕРВЫЙ СЛУЖИТЕЛЬ

Ва! о чемъ онъ тутъ размышлялъ такъ долго?

ВТОРОЙ СЛУЖИТЕЛЬ.

А что?

ПЕРВЫЙ

Что?! я хотѣлъ поколотить тебя.

ВТОРОЙ.

За что поколотить?

ПЕРВЫЙ.

О, чтобъ остановились глаза твои! чтобъ руки у тебя отсохли!

ВТОРОЙ.

Что ты бранишь меня? что ты?! съ ума сошелъ?!

ПЕРВЫЙ.

Ну, твоя ли это должность подавать царю полотенце?
 ну, твоя ли это должность, скажи пожалуйста?

ВТОРОЙ.

Тебѣ не было.

ПЕРВЫЙ.

Ну, да если-бъ даже я сквозь землю провалился,
 твоя ли это должность ходить за полотенцемъ, собака!

ВТОРОЙ.

Что ты? стану ли я ходить за твоими полотенцами. Разве самъ не знаешь — моя должность почетнѣе.

ПЕРВЫЙ.

Твоя должность почетнѣе! — Да если-бъ царь мнѣ приказалъ подать ему трубку, я бы весь Кутансь, всю бы Имеретию обѣгаль, чтобъ найти ему тебя собаку, который подаетъ ему трубки, а ты не могъ сходить за мной.

ВТОРОЙ.

Я не собачникъ, чтобъ бѣгать за такими собаками.

ПЕРВЫЙ.

Не я, а ты собака.

ВТОРОЙ.

Нѣтъ, ты, а не я.

ТРЕТИЙ (*выходитъ изъ дверей*).

Тише, что вы шумите, государь задремалъ. (*Къ караульному*).
Никого не впускай въ эти двери!

(*Караульный обнажаетъ шашку*).

ВТОРОЙ.

А что, скажи пожалуйста, онъ трубки не спрашивалъ? — пожалуйста скажи.

ТРЕТИЙ.

Спрашивалъ.

ВТОРОЙ.

Пусть! я по лицу видѣлъ, что онъ спросить трубку.

ТРЕТИЙ.

Куда ты?

ВТОРОЙ.

Пусть!

ТРЕТИЙ.

Онъ спитъ.

ВТОРОЙ

(*Сжимаетъ сапоги и остается въ узорныхъ персидскихъ носкахъ*).

Все равно, если государь и во снѣ протянетъ руку — я буду исправенъ; я хочу быть исправенъ, я вѣдь не полотенцы подаю.

(*Хочетъ войти въ двери и отступаетъ — караульный замахи-
вается на него шашкой, — всѣ смѣются*).

Въ это время входитъ **ОТТІА ЧКЕИДЗЕ** въ парадномъ платьѣ.

ОТТІА ЧКЕИДЗЕ.

Три дня какъ онъ за мной не посылалъ!
И обо мнѣ не спрашивалъ!

(Смотритъ на служителей).

Чему

Они смѣются?! дураки! — Гдѣ царь?

ТРЕТІЙ СЛУЖИТЕЛЬ.

Онъ почиваетъ.

ОТТІА ЧКЕИДЗЕ.

Врешь ты! — почиваетъ!
Кому придетъ охота спать такъ поздно!
Что это значить? Но — здоровъ ли онъ?

ТРЕТІЙ СЛУЖИТЕЛЬ.

Здоровъ.

ОТТІА ЧКЕИДЗЕ.

Не понимаю! развѣ онъ
Не спалъ всю ночь?

ТРЕТІЙ СЛУЖИТЕЛЬ.

Не спалъ.

ОТТІА ЧКЕИДЗЕ.

А что жъ ему мѣшало?

ТРЕТІЙ СЛУЖИТЕЛЬ.

Я видѣлъ, какъ прошелъ онъ на зарѣ
Въ свою опочивальню. —

ОТТІА ЧКЕИДЗЕ.

На зарѣ! а гдѣ же

Онъ былъ?

СЛУЖИТЕЛЬ.

Не знаю, господинъ, не знаю.
Онъ спалъ не долго; поутру пришли
На дворъ просители и подняли такой
Ужасный вой, что разбудили.

ОТТІА ЧКЕИДЗЕ.

Говорилъ я

Не позволять просителямъ шумѣть
Передъ балкономъ царскаго дворца.
О молодость!—Но кто же приходилъ
Къ нему сегодня утромъ?

СЛУЖИТЕЛЬ.

Много было —

Всѣхъ не сочтѣшь; одинъ монахъ — католикъ,
Третьяго дни ограбленный, принесъ
Ему десятка два какихъ-то книгъ,
Истыканныхъ кинжалами; какой-то
Купецъ въ оборванной чухѣ; четыре
Вдовы; всѣхъ много было—не сочтешь!

(Входитъ князь Абашидзе).

КНЯЗЬ АБАШИДЗЕ.

Гдѣ государь?—Пора ли намъ?

ОТТІА ЧХВИДЗЕ.

Онъ лёгъ

Заснуть—онъ нынче нездоровъ!

КНЯЗЬ АБАШИДЗЕ.

Что съ нимъ?

(Молчаніе).

О чемъ ты думаешь?

ОТТІА ЧХВИДЗЕ.

Я думаю о томъ,

Не лучше ли не звать намъ царскій домъ
На свадьбу.

АБАШИДЗЕ.

Это не возможно! Дареджана
Обидится, а царь прѣдетъ и незваный.

ОТТІА ЧХВИДЗЕ.

Онъ спитъ, а между тѣмъ, безпечный,
Не знаетъ, что надъ нимъ собирается гроза!
Что, если я его не разбужу,
Онъ будетъ долго спать!—Заснулъ, ребѣнокъ!
Поставилъ дорожа бдѣности его покой....
Ну, Абашидзе, черезъ часъ придемъ.
Теперь пока отправимся къ царицѣ

Съ подарками. Развьючены ли наши
Ослы? Пойдемъ къ воротамъ! Да не худо
Спросить: не спать ли все его семейство....
Какъ знать, чего не знаешь! Гм!...

Зачѣмъ бы

Ему не спать всю ночь; чтò у него
За непонятныя дѣла во время ночи!...

(Уходятъ).

СЦЕНА V.

ЖЕНСКОЕ ОТДѢЛЕНІЕ ВО ДВОРЦѢ БАГРАТА. КОМНАТА УСТАНА КОВРАМИ
И УСТАВЛЕНА ТАХТАМИ; ОДНА ДВЕРЬ ВЪ СПАЛЬНО НЕСТАНЪ-ДАРЕДЖАНЫ,
ДРУГАЯ—ВЪ САДѢ.

*Дареджана мотааетъ шелкъ. — Нестанъ укладываетъ куклу. —
Тинатина и нѣсколько дѣвушекъ, занятыхъ работой; одна изъ
нихъ Майко забавляетъ молодую царшю.*

НЕСТАНЪ.

Княжна Майко, ты въ бубень бей
Какъ можно тише, о! какъ можно тише!
Сядишь подальше, я боюсь, ты куклу
Мою разбудишь.—Спи, моя царевна!
Спи, спи, моя красавица!—пока
Не выростешь!...

(Всѣ смѣются).

Чему же вы смѣетесь?

ДАРЕДЖАНА.

Чему смѣемся! Рады, что царица
Играетъ въ куклы!

НЕСТАНЪ.

Чтожь мнѣ дѣлать!

ДАРЕДЖАНА.

Играй! мы рады....

НЕСТАНЪ (надувши губки).

Думаете вы

Что я совсѣмъ ребенокъ!?

ДАРЕДЖАНА.

Тинатина!

Неужели въ двѣнадцать лѣтъ и я
Была такою безтодковой?

ТЕНАТИНА.

Вы? —

Нѣтъ, въ эти годы, вы казались намъ
Красавицей понятливой.

ДАРЕДЖАНА.

Конечно,

Я рано перестала быть ребенкомъ;
Я не по днямъ росла; въ двѣнадцать лѣтъ
Я понимала все, что нужно понимать!
Счастлива я тогда была—и хороша
Тогда была я!—помнишь, косы,—косы
Какія были у меня—едва
Земли не достигали.

ТЕНАТИНА.

Говорять,

Чѣмъ старше вы становитесь—тѣмъ лучше.

ДАРЕДЖАНА.

Кто говорить?

ТЕНАТИНА.

Я слышала.

ДАРЕДЖАНА.

Конечно

Я не совсѣмъ еще старуха—и конечно
Могу еще поспорить красотой—
Съ имеретинскими княгинями! Бѣлось
Я рѣдко, никогда я не румянюсь
И губъ не крашу какъ другія.

ТЕНАТИНА.

Правду

Вы говорите!

ДАРЕДЖАНА.

Помнишь ли, однажды,
Когда еще мнѣ было лѣтъ двѣнадцать,
И я была въ Кахетин—въ меня
Влюбился дахетинскій князь!

ТИНАТИНА.

Не тотъ ли князь, который спрыгнулъ съ скалы,
Чтобъ видѣть васъ поближе—и зачахъ!

ДАРЕДЖАНА

(задумывается). -

Гм... Боже мой! да если въ миръ тварь
Несчастнѣе царицы Дареджаны!
Кто ни любилъ меня, на всѣхъ, на всѣхъ
Какъ будто свыше Божіе проклятье
Лежало! всѣхъ до одного постигла
Судьба! всѣ погигали: кто въ изгнаньѣ,
Кто безъ вѣсти пропаль, кто изувъченъ,
Кто на войнѣ убитъ.—Вай, Вай! любилъ
Меня покойный царь—и умеръ.
Всѣ умираютъ!—я одна не умираю —
Одна цѣла и невредима —
Громъ не убьетъ меня! ..

ТИНАТИНА.

Спаси святой Георгій!
За чѣмъ такъ говорить, царица.

ДАРЕДЖАНА.

Вотъ, сегодня,—
Сейчасъ придетъ просить меня на свадьбу
Заклятый врагъ мой, Отгіа Чхендзе;
Вотъ этотъ также цѣль и невредимъ.
Ей, ей! къ моимъ злодѣямъ какъ нарочно
Счастливая звезда благоволитъ—
Ихъ не беретъ ни ножъ, ни петля!

ТИНАТИНА.

Неужели сюда придетъ Чхендзе?
Вотъ старый быкъ! чего онъ не видалъ!

НЕСТАНЪ ДАРЕДЖАНА.

Ахъ! скоро свадьба; онъ придетъ сегодня
Меня на свадьбу звать. — Ахъ, да!...

ДАРЕДЖАНА.

Нестанъ!
Пожалуйста не говори съ нимъ.

НЕСТАНЪ.

Отъ чего?

ДАРЕДЖАНА.

Не говори ни слова!

НЕСТАНЪ.

Отъ чего же?

ДАРЕДЖАНА.

Я знаю отъ чего — ты слишкомъ молода,
 Чтобъ я тебѣ разтолковала; будь ты старше,
 Ты бь вѣроятно стала ненавидѣть
 Княжну Пенеллу.

НЕСТАНЪ.

Нѣтъ, нѣтъ, я люблю
 Княжну — она мнѣ подарила бубень.

ДАРЕДЖАНА.

И отняла то, что дороже бубна!

(Тинатина улыбается; Нестанъ задумывается).

Однако, слышу я, сюда идутъ....

Встань, Тинатина, посмотри, кто это! —

Пусть входятъ! — отказать я не могу.

Но слушайте, никто ни слова!

Входятъ: **ОТГЛЯ ЧКЕИДЗЕ** и **КНЯЗЬ АВАШЕДЗЕ**.

(Они вносятъ подарки и раскладываютъ ихъ на тахтахъ, передъ Дареджаной и Нестанъ-Дареджаной. — Всѣ молчатъ, — общее молчаніе смущаетъ ихъ; по обычаю страны они не могутъ заговаривать первые. Нестанъ-Дареджана начинаетъ разсматривать подарки).

НЕСТАНЪ.

Ты, кажется, пришелъ меня позвать
 На свадьбу къ дочери твоей, — спасибо!
 Что ты принесъ?...

ОТГЛЯ ЧКЕИДЗЕ *(низко кланяясь).*

Привѣтъ мой отъ души
 Тебѣ, царича! Дай тебѣ Господь
 Счастливо царствовать съ твоимъ супругомъ;

Да будут ангелы-хранители блюсти
 Твое здоровье, твой покой, — твое
 Благополучіе. Прими подарки!
 Не отъ меня, отъ дочери моеѣ.
 Ничтожные подарки посылаеть
 Тебѣ моя Пепелла! — Будь добра —
 И не отвергни! — Дочь моя выходитъ замужъ
 Во вторникъ, — и меня съ поклономъ шлетъ
 Просить тебя на сватьбу къ ней, царица!

ДАРЕДЖАНА *(бросивъ мгновенный-злой
 взглядъ на Оттію, спокойно
 обращается къ Абашидзе).*

А кто женихъ? Любезный Абашидзе,
 Ты женишься?

КНЯЗЬ АВАШИДЗЕ.

Да, я женюсь, царица!

ДАРЕДЖАНА.

Неужели!—На комъ?

КНЯЗЬ АВАШИДЗЕ.

Тебѣ известно

На комъ,—на дочери Чхендзе.

ДАРЕДЖАНА.

На какой?

КНЯЗЬ АВАШИДЗЕ.

Дочь у него одна.

ДАРЕДЖАНА.

Ба! — неужели —

Одна?—та самая.... она бываетъ

У насъ—ее зовутъ Пепеллою!

КНЯЗЬ АВАШИДЗЕ.

Да,

Та самая.

ДАРЕДЖАНА.

Ну, если такъ, мнѣ жаль
 Тебя, любезный князь!—а впрочемъ,
 Ведь ты влюбленъ въ нее—не такъ ли?
 Женись, когда влюбленъ. — Вкусъ у тебя

Не дурень.

КНЯЗЬ АБАШИДЗЕ.

Такъ о чемъ же мнѣ жалеть,
Царица! если у меня — сама
Ты говоришь — не дурень вкусъ.

ДАРЕДЖАНА.

О чемъ! —
Какъ мнѣ сказать тебѣ! — о чемъ! — Я знаю,
Что у твоей невѣсты точно также
Не дурень вкусъ, и потому напрасно
Ты не стерегъ ее порядкомъ.... — Вижу,
Что ты не опытенъ.

ОТТІА ЧЖЕИДЗЕ (Дареджанъ).

И ты, царица,
Ты также нашу свадьбу осчастливишь
Своимъ присутствіемъ.

ДАРЕДЖАНА (вспыхнувъ).

Молчи! съ тобой
Не говорить! — Прими твои подарки!
Прими! чума возьми тебя съ твоими
Подарками!

(Въ сильномъ гнѣвѣ ногою сталкиваетъ подарки на полъ).

И ты, ты смѣль войди,
Ты смѣль позвать меня на свадьбу! Га!
Сладкорѣчивый грѣшникъ! Знаю я
Тебя и все твое семейство! Знаю
Тебя, мингрельская лисица! — Знаю! —
Ты подаешь одной рукой цвѣты,
Другую тащишь изъ-подъ ногъ коверъ;
Одной рукой ласкаешь, а другой
Тихонько крадешь изголовье. Съ глазъ
Долой!!.. Скликай собакъ на свадьбу! — Вонъ!!

(Абашидзе хватается за рукоятъ кинжала. Нестанъ вскрикиваетъ и начинаетъ плакать. Оттіа стоитъ какъ пораженный громомъ).

Князь Абашидзе, — извини! съ тобой
Должна я объясниться.... Если хочешь

Убить меня — убей! но прежде
Ты долженъ выслушать....

(Сходитъ съ тахты).

Ступай за мною —

Я кой о чемъ намѣрена съ тобой
Поговорить.

(Уходитъ въ садъ; Абшидзе слѣдуетъ за нею).

ОТТІА ЧЖИДЗЕ.

Что это! Ужъ не сонъ ли?

Помилуй Господи! ужели на яву
Мнѣ старику, шестидесяти лѣтъ,
Пришлось выслушивать такія рѣчи!
Рабовъ такъ не встрѣчаютъ плѣнныхъ! — но
Гостей, едва-ли такъ и самъ шайтанъ
Въ аду принять рѣшится! Боже мой!
Неужели все это на яву?
Святой Георгій! научи меня,
Что дѣлать! — Ну, Багратъ — ты правъ,
Она перемѣнила нравъ свой! стала
Тиха, покорна и добра, какъ агнецъ.
Ты совершенно правъ! не знаю только,
Гдѣ у тебя глаза; куда дѣвался
Твой умъ! Неужели притворный сонъ
Змѣи-мѣдянки можетъ обмануть
Кого-нибудь — и кто-нибудь захочетъ
Безъ опасенья протянуть къ ней руки!
Нестань! Нестань! — ты плачешь! — перестань!
Не плачь! — Ты знаешь, какъ люблю
Я твоего Баграта! полно плакать! .
Я не обиженъ — ты не виновата. —
Ты съ ласковой улыбкой приняла
Меня, красавица моя! — Не плачь!
Я знаю отъ чего твоя сестра
Такъ обошлась со мной! Я знаю —
Она предчувствуетъ, что я не допущу
Обманывать супруга твоего!
Что я все вижу — все — какія козни
Она супругу твоему готовитъ!
Измѣнница! ей ненавистно видѣть

Приверженцевъ царя Баграта! — Полно!
 Не плачь, красавица моя, — Нестань!
 Ты здѣсь хозяйка — ты царица!
 Къ тебѣ пришелъ я въ гости, и
 Никто меня не можетъ выгнать, кроме
 Тебя; — а ты не дашь меня въ обиду.
 Позволь, я сяду около тебя
 На этой тахтѣ — поцѣлую край
 Твоей одежды — самъ заплачу — только
 Ты, ты не плачь. — Пускай приходитъ
 Сюда коварная обидчица моя!
 Пускай сюда приходитъ Дареджана!
 Я ей скажу, что Отгя Чхеидзе
 Не у нея въ гостяхъ, а у тебя,
 Царица! — О, посмотримъ, какъ теперь
 Она меня прогонитъ?

(Входитъ Абашидзе, блѣдный и разстроенный).

КНЯЗЬ АБАШИДЗЕ.

Ты еще

Не уходишь?

ОТГЯ ЧХЕИДЗЕ.

И не уйду.

КНЯЗЬ АБАШИДЗЕ.

Возьми

Кольцо, которымъ обручился я
 Съ твоею дочерью; — отдай его
 Твоей Пепель. — Я ужъ не женихъ —
 Скажи, что я раздумалъ....

*(Въ это время Тинатина уводитъ плачущую Нестань; за ней
 выходятъ всѣ дѣвушки).*

ОТГЯ ЧХЕИДЗЕ.

Что ты,

Князь Абашидзе! что ты!

КНЯЗЬ АБАШИДЗЕ.

Пусть она

Найдетъ себѣ другаго жениха,
 Другаго мужа! я жениться не намѣренъ;

Я не хитрю, а прямо говорю,
Что не намврень.

ОТТЯ ЧЖЕНДЗЕ.

Абашидзе, что ты?

Что за причина! — или хочешь ты
Меня съ ума свести! — Не думай,
Что я старикъ безъ племени и роду,
Что за меня ни кто не будетъ мстить,
Что наконецъ — у самого меня
Нѣтъ рукъ и нѣтъ кинжала — смыть
Безчестіе, которымъ запятнать
Ты хочешь родъ мой!

КНЯЗЬ АБАШИДЗЕ.

Мсти! — ты вправѣ!

Но не вини напрасно Дареджаны.

ОТТЯ ЧЖЕНДЗЕ.

Помилуй, Абашидзе! что съ тобой?

КНЯЗЬ АБАШИДЗЕ.

Гдѣ въ эту ночь была твоя Пепела?

ОТТЯ ЧЖЕНДЗЕ.

Гдѣ! — дома, — дома, князь, — у теткѣ! но....
Что за вопросъ?

КНЯЗЬ АБАШИДЗЕ (на ухо)

Въ объятіяхъ Баграта!

ОТТЯ ЧЖЕНДЗЕ.

Что?

КНЯЗЬ АБАШИДЗЕ.

Ничего, старикъ — прощай! (*Уходитъ*).

ОТТЯ ЧЖЕНДЗЕ.

Прощай!

(*Молчаніе*).

Да, ничего — будь это клевета,
Похожая на правду, но и правда —
Бываетъ часто злое клеветы....
Чтобъ ни было — я ни чему не вѣрю!
Она была въ объятіяхъ Баграта!
Обманъ! — я это чувствую — обманъ!

Обмань!.. Но кто изъ насъ обмануть. — Я,
 Доверчивый отецъ, — она вдова
 Ревнивая къ Баграту — или онъ
 Женихъ безумный! — я не знаю; — но
 Кого винить? и кто изъ насъ тронъ
 Обмануть? Кто-нибудь обмануть. — Боже!
 Такъ вотъ за чѣмъ онъ уклоняться сталъ
 Отъ частаго свиданія со мной!
 Такъ вотъ за чѣмъ — онъ все собирался въ чѣмъ-то
 Признаться — и не могъ, — не смѣлъ признаться.
 Неужели!.. Загадочная грусть —
 И эта ночь бессонная!.. Все вижу....
 Все понимаю! — Ну, Пепелла, — поздно
 Тебѣ винить меня — вини судьбу....
 Я виноватъ: я позволялъ тебѣ
 Сюда ходить — въ вертепъ соблазна! — Хорошо!
 Твоими же слезами искуплю я
 Вину мою и твой сегодняшний позоръ!
 Я разлучу тебя съ твоимъ Багратомъ. —
 Прощай, несчастный край! — моя нога
 Не будетъ въ Имеретіи.

(Кланяется дверямъ).

Прощайте!

(Уходитъ).

СЦЕНА VI.

Дворцовая зала.

КНЯЗЬ ЦЕРЕТЛАКЪ И ВАХТАНГЪ-ДЕКУШУНИ.

КНЯЗЬ ЦЕРЕТЛАКЪ.

Онъ уважаетъ! — Радуйся, Вахтангъ!

КНЯЗЬ ВАХТАНГЪ.

Не понимаю, что случилось!

КНЯЗЬ ЦЕРЕТЛАКЪ.

Послѣ

я расскажу тебѣ.

КНЯЗЬ ВАХТАНГЪ.

Еще ни разу

Я не видалъ царя въ такомъ волненъи.

КНЯЗЬ ЦИРЕТЕЛИ.

Не знаешь ты, какъ Оттїа Чхеидзе
Мнѣ былъ опасенъ! — кто-то подкупалъ
Его отъ имени царицы!

КНЯЗЬ ВАХТАНГЪ.

Ужъ не ты ли,
Князь Циретели?

КНЯЗЬ ЦИРЕТЕЛИ.

Царь идетъ, — молчи!

ЦАРЬ ВАГРАТЪ; — ДЕВАНЪ-БЕКЪ; — ОТРАЖА; — ПРИДВОРНЫЙ
и не много спустя, — **ГОТЪ-ШЕКАЛ.**

ВАГРАТЪ.

Нѣтъ, у меня терпѣнья не достанетъ!...
Князь Циретели, попроси ко мнѣ
Чхеидзе. — Если Абашидзе нынче
Воротится, скажите отъ меня
Что я не виноватъ, что я на все готовъ! —
Куда убжалъ Абашидзе?

ГОЛОСЪ.

Онъ

Свѣтъ на коня и скрылся.

ВАГРАТЪ.

И никто

Не знаетъ гдѣ онъ?

ГОЛОСЪ.

Мы не знаемъ!

! ВАГРАТЪ.

Боже!

Толпа Лезгинъ прѣди въ мои предѣлы —
Мнѣ было бъ легче воевать съ врагами,
Чѣмъ съ мачихой. — Князь Циретели!
Что-жъ медлишь! Я же посылалъ тебя
Къ обиженному старику: ступай же!
Садись верхомъ, лети, скажи ему,
Что я прошу его прѣйти ко мнѣ!

За оправданьемъ; что онъ смѣло можетъ
Отъ совѣсти моею потребовать отчета,
Что если только дочь его преступна,
Я царскимъ словомъ заверяю—нынче-жъ
Найду и отошлю къ нему въ цѣпяхъ
Виновника. — Ступай!

(Входитъ Гого-Швили).

Гы Гого-Швили?

ГОГО-ШВИЛИ.

Я, государь.

БАГРАТЪ.

Что ты за человекъ?

ГОГО-ШВИЛИ.

Я старый Азнауръ, твой подданный, и только.

БАГРАТЪ.

Большое у тебя семейство?

ГОГО-ШВИЛИ.

Если

Считать умершихъ, у меня большое
Семейство.

БАГРАТЪ.

Дѣти есть?

ГОГО-ШВИЛИ.

Четыре сына.

БАГРАТЪ.

А гдѣ они?

ГОГО-ШВИЛИ.

Лѣтъ шестьдесятъ тому
Назадъ, младенецъ, первый сынъ мой,
Упалъ въ кувшинъ съ виномъ—и захлебнулся,—
И я съ тѣхъ поръ, какъ правотверный турокъ,
Не пью вина, и мнѣ оно противно,
Второго сына — оспа съела; третій,
Четырнадцати лѣтъ украденъ ночью
Татарами; — четвертый, по лѣтамъ
Былъ старше всѣхъ, — пошелъ молиться

Въ предвѣлахъ Грузин, и съ той поры
Пропалъ безъ вѣсти. — Вотъ мое семейство!

НАГРАТЬ.

Скажи мнѣ: твой ли это садъ? (*Указывая въ окно*).

ГОГО-ШВЕЦАК.

Который?

НАГРАТЬ.

А вонъ, тотъ виноградный садъ, гдѣ тополь
И гдѣ дымокъ.

ГОГО-ШВЕЦАК.

Мой, государь.

НАГРАТЬ.

Признайся,

Кто у тебя бываетъ по ночамъ!

ГОГО-ШВЕЦАК.

Царь, — государы! почѣмъ я знаю,
Кто у меня въ саду бываетъ! я
Не стерегу его: мой садъ для всѣхъ
Свободная дорога. Птицы могутъ
Клевать мой виноградъ, пока онъ зрѣлый
Виситъ межъ темныхъ листьевъ; козы могутъ
Глодать кору моихъ деревьевъ. — Всѣмъ,
Кто ходитъ въ садъ мой фрукты воровать,
Я говорю: пожалуста воруйте!
Воруйте! а не то придетъ зима,
И даромъ уничтожить те дары
Небесные, которыми Господь,
По милости своей, такъ щедро
Обременяетъ садъ мой въ пользу грѣшныхъ
Людей. — Такъ, государы! воръ самый жадный,
Въ моемъ саду уже не воръ — а гость;
Кто у меня бываетъ днѣмъ — я знаю,
А кто бываетъ ночью — знаетъ Богъ!

НАГРАТЬ.

Ты стало быть садовниковъ не держишь?

ГОГО-ШВЕЦАК.

Къ чему садовники! — На всей землѣ
Одинъ садовникъ: сѣять семена,
Растить и бережеть растенья,

И подивяеть ихъ и одѣваеть;
Одинъ садовникъ — Богъ!

БАГРАТЬ.

И ты не знаешь,
Что у тебя въ саду былъ царь имеретинскій?

ГОГО-ШВИАН.

Не знаю, государи! а если-бъ зналъ,
Умѣлъ бы встрѣтить — этой чести
Не скоро я дождусь, — какъ это можно,
Чтобъ царь былъ у меня въ гостяхъ! — когда же?!
Твой прадедъ точно жаловалъ меня,
И раза два, послѣ охоты, вмѣстѣ
Съ гостями пировалъ въ моемъ саду, —
И даже разбивалъ палатки подъ его
Зеленымъ сводомъ: — онъ любилъ
Густую тѣнь моихъ столѣтнихъ липъ,
Чинарь и виноградниковъ. — Вай! вай!
Теперь никто не любить ни деревьевъ
Столѣтнихъ, ни столѣтнихъ стариковъ.

БАГРАТЬ.

Тебѣ сто лѣтъ?

ГОГО-ШВИАН.

О, слишкомъ, государи!

БАГРАТЬ.

Ну, Гого-Швиан, извини меня,
Что я тебя обезпokoилъ!

(Циретелли возвращается.)

Ну,

Что скажешь?

КНЯЗЬ ЦИРЕТЕЛЛИ.

Государи! вашъ мнимый другъ
Упрямится и говоритъ скорѣй
Онъ согласится на ослѣ верхомъ
Провхать площадь, нежели прійти
Въ вашъ домъ; кричать, что онъ Мингрелецъ
И не обязанъ слушаться!

БАГРАТЬ.

Мингрелецъ! —
И не обязанъ слушаться! — Чтожъ, развѣ
За сумасшедшіе поступки сумасшедшихъ

Я отвечать обязанъ? — Князь Вахтангъ,
 Поди, скажи ему, что я рываюсь
 Простить ему тв дерзкія слова,
 Которыя не постыдился онъ
 Прислать въ отвѣтъ на дружелюбный зовъ мой;
 Да, да, скажи, что я не только
 Прощаю, — самъ готовъ пресить прощенья
 За мачиху.... Чего жъ еще! О Боже!
 Неужели къ моей послѣдней пресѣбъ
 Онъ будетъ равнодушенъ!

(Вахтангъ уходитъ).

Позовите

Ко мнѣ привратника. Проклятый день!...

(Вводитъ привратника; привратникъ идетъ, на колѣняхъ и безпрестанно кланяется).

БАГРАТЪ *(обращается къ одному изъ диванъ-бековъ).*

Спроси его: за чѣмъ не заперъ онъ
 Воротъ?

ДИВАНЪ-БЕКЪ.

За чѣмъ не заперъ ты воротъ?

ПРИВРАТНИКЪ *(съ испугъ).*

Я запираю... Помилуй, государы
 Помилуй!

БАГРАТЪ.

Вотъ, какіе сторожа
 Въ моей столицѣ! — Я не поручусь
 Ни за себя, ни за мою жену,
 Ни за друзей! — Я не видалъ вчера
 Ни сторожа въ воротахъ, — ни замковъ.

ПРИВРАТНИКЪ.

Помилуй, государы!

БАГРАТЪ *(диванъ-беку).*

Спроси: — вчера

Когда огни потушли въ Кутань,
 Онъ видалъ ли княжну Пепелгу? Съ кѣмъ
 Она была?

ДЖАНА-БЕКЪ.

Ты видѣлъ ли княжну
Пенелу?

ПРИВРАТНИКЪ.

Да.

БАГАТЬ.

Ты видѣлъ!

ПРИВРАТНИКЪ.

Государь!

Я видѣлъ женщину, которая прошла.

БАГАТЬ.

Подъ ворота — не оперевъ ворота!
Такихъ чудесъ и въ сказкахъ не бываетъ!
Ты видѣлъ женщину.... она была —
Въ чадръ?

ПРИВРАТНИКЪ.

Нѣтъ, государь!

БАГАТЬ.

Въ катибъ?

ПРИВРАТНИКЪ.

Да, государь! да, да, въ катибъ.

БАГАТЬ.

Одна?

ПРИВРАТНИКЪ.

Одна.... Ахъ нѣтъ, она была
Съ Ростомомъ — государь! съ Ростомомъ!

БАГАТЬ.

Знаю,

Въ какіе промыслы пустился этотъ
Бездѣльникъ! Странно, что его не могъ я
Узнать. — Позвать ко мнѣ Ростомъ....

КНЯЗЬ ПЕРВЫЙ.

Государь!

Ростомъ былъ нынче утромъ найденъ
Съ пробитой головой у крѣпостной стѣны....

БАГАТЬ.

Что это значитъ! — Отыскать убійцу,
Привратника повѣсить на воротахъ.

ПРИВРАТНИКЪ (*припадая къ ногамъ Баграта*).

Помилуй, государь! помилуй!

БАГРАТЪ.

Прочь!

Нѣтъ никому пощады! — Взять его.

(*Привратника уводятъ*).

КНЯЗЬ ЦИРЕГЕЛЛАКЪ.

Онъ крестникъ родственника моего,

Вели его помиловать.

БАГРАТЪ (*вспльщиво*).

Князь Цирегелла!

За Оттїя Чхендзе — я готовъ

Такихъ, какъ ты, повѣсить два десятка!

(*Ходитъ въ сильномъ волненїи*).

КНЯЗЬ ЦИРЕГЕЛЛАКЪ (*князьѣмъ въ полголоса*).

Вы слышите! — вы слышали, что онъ

Сказалъ сейчасъ. — Чего намъ ждать, — уйдемъ!

(*Уходитъ. — Многие изъ князей уходятъ вслѣдъ за нимъ*).

ВХОДИТЬ ВАХТАНГЪ.

БАГРАТЪ.

Ну, что, Вахтангъ! Что Оттїя Чхендзе?

КНЯЗЬ ВАХТАНГЪ.

Онъ, государь, увхалъ; съ нимъ двѣ сотни

Мингрельцевъ. — Посмотрите сами

Въ окошко, если только вамъ угодно

Удостовериться.

БАГРАТЪ (*подходитъ къ окну*).

Кто это вдетъ сзади

Въ чадры? — неужели Пепелла?! Боже!

Вахтангъ, нельзя ли воротить? — Придумай,

Какъ воротить его! — Повдуй самъ

И догоню. — Эй! прикажите лошадей

Мою сѣдлать.

КНЯЗЬ ВАХТАНГЪ.

Какъ можно, государь!

Въ ихъ сердцахъ — месть; а въ ружьяхъ — пули!

ЗАГРАТЬ.

Я вду.

КНЯЗЬ ВАХТАНГЪ.

Государы! самъ Отгя
 Не въ силахъ удержать своихъ Мингрельцевъ, —
 Они клянуть тебя и Дареджану,
 Они кричатъ, что ты разстроилъ сватьбу,
 Что ты покрылъ ихъ всѣхъ позоромъ.

ЗАГРАТЬ.

Что-жъ дѣлать мнѣ, Вахтангъ! Всему,
 Всему виновна мачиха моя,
 И кажется виновна болве, чѣмъ я
 Предполагаю. — Если только
 Въ саду у Гого-Швили въ это время
 Пепелды не было — кого могъ провожать
 Ростомъ? кто могъ убить его сегодня?
 Поди, узнай: повѣшенъ ли привратникъ?
 И если нѣтъ, скажи, что я прощаю.

(Вахтангъ уходитъ).

Что значить глупая вина болвана
 Привратника въ сравненіи съ поступкомъ
 Моей коварной мачихи! — Напрасно
 Я поспѣшилъ! — о многомъ, не успѣлъ я
 Спросить его порядкомъ; жаль, что поздно
 Приходить въ голову....

КНЯЗЬ ВАХТАНГЪ (сходя).

Повѣшенъ.

ЗАГРАТЬ.

Жаль!

Но что же дѣлать! — Князь Вахтангъ! послушай,
 Скажи мнѣ правду: былъ ли ты вчера
 Въ саду у Гого-Швили?

КНЯЗЬ ВАХТАНГЪ.

Государы!

За чѣмъ мнѣ быть въ саду у Гого-Швили!

ЗАГРАТЬ.

Ты любяшь мачиху мою, — скажи?

КНЯЗЬ ВАХТАНГЪ.

Но, государь — что мнѣ сказать!

НАГГАТЬ.

Ты вспыхнулъ. —

Скажи мнѣ правду.

КНЯЗЬ ВАХТАНГЪ (*стоитъ опустя голову, послѣ некотораго молчанія*).

Государь! вчера
Я на базарѣ слышалъ, что Пенелла
Твоя любовница!

НАГГАТЬ.

О, эти вѣсти!

Я знаю все, откуда эти вѣсти!
Ужасно. — Друга моего отца
И моего наставника прогнавъ
Съ безчестьемъ! — доброе семейство
Оклеветать, безъ всякой очевидной
Причины! — женка заставить
Въ день свадьбы отказаться отъ невесты!
О Боже мой! чего же долженъ я
Ждать отъ простаго человека, если
Въ моемъ дому такъ страшно нарушаютъ
Обычай гостеприимства! Нѣтъ,
Все это надо кончить разомъ, или
Я чувствую, что сбудутся слова
Чхендзе. — Дараджана мнѣ не дастъ
Спокойно царствовать. — Вахтангъ, любезный!
Когда-бъ ты зналъ, что у меня въ душѣ?

(*Ходить*).

Когда-бъ ты зналъ?

(*рѣшительно*)

Я долженъ быть жестокъ,

Я это чувствую, да, — чувствую,
Что мачиха меня ужъ заразила
Своею злостью. — Пусть же не пеняютъ
Ступай, скажи ей, чтобъ она —
Немедленно ушла куда-нибудь,
Чтобъ къ ночи же покинула мой домъ!
Чтобъ никогда подъ опасеньемъ смерти

Я не выдаю ея коварныхъ глазъ;
Скажи ей, что въ моемъ дворцѣ нѣтъ мѣста
Ни для нея, ни для ея гордыни;
Ступай —

КНЯЗЬ ВАХТАНГЪ.

Но.... государь!....

БАГРАТЪ.

Ни слова, князь!

Не возражай! — ни слова! знаю самъ,
Что не легко такое порученье!
Тебѣ въ особенности! но уговори
Ее, бѣжать съ тобой куда-нибудь.
Возьми ее! — возьми! — я отдаю!....
Избавь меня отъ всякаго грѣха —
Неужели я не могу и жить
Безъ этой женщины?! Не возражай,
Вахтангъ! Пусть лучше я умру, — истаю
Какъ воскъ, увяну, потеряю память, —
Не измѣню послѣдняго рѣшенья,
Которое внушаетъ мнѣ мой гнѣвъ,
Моя тоска, моя больная совесть....
Ступай, скажи, чтобъ нынче жъ къ ночи
Она — покинула дворецъ мой; тѣмъ скорѣй,
Тѣмъ лучше. — Божья Матерь! помоги мнѣ
Отъ сердца оторвать проклятую змью,
Пока она совсѣмъ не высосала сердца!

(Уходитъ).

КНЯЗЬ ВАХТАНГЪ.

Прости меня, Багратъ! прости, несчастный!
Я былъ къ тебѣ несправедливъ, считая
Тебя своимъ соперникомъ въ любви!
Я ревновалъ къ тебѣ, я даже злобу
Пыталъ въ душѣ; но.... я безумецъ — потерявшій
Разсудокъ, волю, память, чувство чести, —
Я человекъ помѣшанный, — не знаю,
Что дѣлаю, и не принадлежу,
Себѣ. — Что будетъ!.... Знаетъ Богъ
И Дареджана! Гдѣ она теперь!
Пойду къ ней — буду умолять ее

Оставить злые умыслы, — бжгать
 Со мной, любить и никогда не думать
 О томъ ввнцѣ, который, 'можетъ быть,
 Раздавить насъ! быть можетъ, разлучить.

СЦЕНА VII.

ДВОРЦОВЫЙ САДИКЪ, — БУСТЫ РОЗЪ.

ДАРЕДЖАНА.

Счастливымъ путь, князь Оттїа Чхендзѣ!
 Счастливымъ путь! Отсюда изъ-за этихъ
 Кустарниковъ, я видѣла сама
 Какъ понукалъ онъ бѣднаго коня,
 Спяща скорвїи вскарабкаться на верхъ
 Горы. За нимъ неслась толпа Мингрельцевъ,
 Всѣ, сколько ни нашлось ихъ, разомъ, —
 Всѣ убралась! Счастливымъ путь! Надѣюсь;
 Ты не воротись — упрямый дьяволъ!

(Срываетъ розу).

Такъ, если-бъ чаще гордая надежда
 Мнѣ улыбалась, я бы разивляла,
 Какъ эта роза. Розу называютъ,
 Царицею цвѣтговъ, — сазандари
 Поютъ, что соловей — любовникъ розы;
 Но что за диво слышать соловья,
 Вотъ, если-бъ роза услышала пѣсню
 Орленка — это было бъ диво! Право,
 Мнѣ кажется, что въ половину я
 Уже достигла цѣли — мой орленокъ
 Любовныя запѣлъ мнѣ пѣсни! О,
 Надѣюсь, что со временемъ онъ будетъ
 Ручнымъ орломъ! — Вчерашней ночи, право,
 Ни я, ни эти розы не забудутъ. —
 Я увлекла Баграта, онъ забылъ,
 Что видѣть мачиху — и ненавистникъ
 Готовъ былъ сжать меня въ своихъ объятыхъ.
 Отъ ревности онъ перешелъ къ упрекамъ,
 Отъ наставленїй — къ молчаливой грусти,
 Потомъ, я стала плакать — онъ хотѣлъ
 Развеселить меня! — и кончилъ бредомъ....

О! да какой же онъ ребенокъ! я
Не ожидала, — я сперва боялась —
Я думала.... —

(Хохочетъ).

Я буду скоро тѣшить
Его изъ жалости!... Да! съ нынѣшняго дня
Я понимаю какъ себя вести! —
И если онъ не будетъ у меня
Въ рукахъ....

Сюда идетъ Вахтангъ, —
Кто звалъ его въ такую пору. — Бѣдный!
Какъ онъ вчера былъ за меня испуганъ!
Онъ говоритъ: ему не нужно царства,
Попрежнему однакожъ для него
Останусь я парицей!

(Входитъ Вахтангъ-Джуншуги).

Здравствуй, князь,
Мой милый! Что ты блѣдень?

КНЯЗЬ ВАХТАНГЪ.

Дареджана!

За чѣмъ ты весела!

ДАРЕДЖАНА.

А ты, Вахтангъ,
Чему ты удивленъ? — тому ли,
Что я въ саду, или тому, что самъ
Пришелъ не во время?

КНЯЗЬ ВАХТАНГЪ.

Я посланъ.

ДАРЕДЖАНА.

Кѣмъ?

И для чего ты посланъ, милый мой!
Мнѣ не пріятно слышать, что ты посланъ;
Но можетъ быть ты посланъ сердцемъ?

КНЯЗЬ ВАХТАНГЪ.

Нѣтъ, сердцу я охотно повинуюсь!

ДАРЕДЖАНА.

Такъ стало быть прислать тебя Багратъ?

КНЯЗЬ ВАКТАНГЪ.

И не охотно я пришелъ къ тебѣ, царица!

ДАРЕДЖАНА.

За чѣмъ же не охотно! Если царь
Тебя ко мнѣ рѣшился въ садъ послать, —
Что это значить — значить пересталъ
Подозрѣвать. — За чѣмъ же не охотно!
Вчера онъ вѣрно бѣ не послалъ тебя
Въ покой женщины, или въ садъ, гдѣ я
Одна и даже безъ прислуги; — это значить,
Что онъ меня вчера подозрѣвалъ...
За чѣмъ же не охотно?

КНЯЗЬ ВАКТАНГЪ.

Дареджана!

Я-бъ не желалъ тебя печалить, — радость,
Которая въ глазахъ твоихъ сіяетъ
Такъ неожиданно для сердца моего,
Меня не радуешь! За чѣмъ, царица,
Такъ редко ты привѣтлива, такъ редко
Въ твоихъ устахъ звучить такой веселый
Привѣтъ! — За чѣмъ твоя любовь всегда
Такъ тороплива — такъ горда? за чѣмъ
До сей поры твой взглядъ, — твоя улыбка
Мнѣ выражали страсть такъ быстро,
Что прежде чѣмъ я успѣвалъ имъ вѣрить,
Взглядъ потухалъ — улыбка застывала:
Неужели, я часто думалъ съ грустью,
Меня ты любишь только въ тѣ минуты,
Когда случается мнѣ быть съ тобой
Наединѣ — тайкомъ. — Клянусь,
Твоя любовь — невыносимый зной,
И въ то же время — нестерпимый холод!

ДАРЕДЖАНА.

Мой милый князь! я весела; а ты
Пришелъ смѣшить меня своей печалью; —
Скажи мнѣ лучше, что это за новость
Ты мнѣ приносишь? — право для меня
Ничто не ново; если ты мнѣ скажешь,
Что Отгя Чхендѣ ускакалъ —

Конечно новости! но — не я ли говорила,
 Что я похлопочу его прогнать.
 Счастливым пути! увкаль — слава Богу!
 Ахь да! я знаю, что ты хочешь
 Сказать мне, — что Багратъ сердитъ,
 Ну что-жь? посердится и перестанетъ, —
 Что за бѣда! но можетъ быть ты хочешь
 Сказать мне, что Багратъ все знаетъ?

КНЯЗЬ ВАХТАНГЪ.

Нѣтъ,

Едва-ли... но подозреваетъ.

ДАРЕДЖАНА.

Ну, такъ что-жь!

Пускай подозреваетъ!

КНЯЗЬ ВАХТАНГЪ.

И послалъ

Меня сказать тебѣ, чтобъ ты — сегодня жъ
 Покинула дворецъ.

ДАРЕДЖАНА.

Что?... что такое?

*(Строгий испытующий взглядъ, который бросаетъ Дареджана
 на Вахтанга, смущаетъ его).*

КНЯЗЬ ВАХТАНГЪ.

Чтобъ ты, царица, нынче жъ къ ночи
 Покинула дворецъ его, — чтобъ ты
 И глазъ ему своимъ казать не смѣла,
 Подъ опасеньемъ смерти.

ДАРЕДЖАНА.

Быть не можетъ —

Онъ пошутить?! — ты шутишь?! — да, ты шутишь...
 Какъ смѣешь онъ меня прогнать! — Меня!
 Вдову отца его! — меня! царицу!
 Какое право онъ имѣетъ мне грозить.
 Ты шутишь! —

КНЯЗЬ ВАХТАНГЪ.

Дареджана! страшной клятвой

Я подтвержу слова мое; — но ради Бога
 Не бойся! — Бросишь Кутансы увидишь,

Уйдемъ нынче жь ночью—я сейчасъ
 Велю коней готовить,—у меня
 Есть неприступный замокъ, и не только
 Мирза Багратъ съ имеретинскимъ войскомъ,
 Паша турецкой подойти не можетъ
 Къ моимъ владѣннямъ, — тамъ запрუსь я, —
 Тамъ будетъ наше царство! Дареджана!
 Я на колѣняхъ буду умолять —
 Поѣдемъ!

ДАРЕДЖАНА.

Князь! куда мнѣ ѣхать?
 Къ тебѣ? въ твой замокъ? наслаждаться
 Любовью? — что ты говоришь? — ты самъ,
 Мнѣ кажется, помѣшанъ!

КНЯЗЬ ВАХТАНГЪ.

Но, царица!
 Неужели послѣ такой угрозы
 Захочешь ты остаться?

ДАРЕДЖАНА.

Гдѣ остаться?
 Здѣсь! во дворцѣ! — Въ развалинахъ ночью
 Съ ветопырями; въ лѣсъ уйду къ волкамъ,
 А не останусь!

КНЯЗЬ ВАХТАНГЪ.

Развѣ быть со мной, —
 Быть у меня — не лучше, Дареджана!
 Поѣдемъ! — Если бѣ ты меня любилъ,
 Ты бѣ согласилась!

ДАРЕДЖАНА.

Что мнѣ согласиться!
 Уѣхать въ замокъ твой — и запереться!
 Вотъ удивительная радость! — развѣ
 Я не видала замковъ, князь! — на что мнѣ
 Твой замокъ:—ты мнѣ нуженъ, а не замокъ.
 Но если ты любви моей не вѣришь;
 Знай, что любить я лучше не могу
 И не умю.

(Ходить въ задумчивости).

Позови ко мнѣ!—

КНЯЗЬ ВАХТАНГЪ.

Кого?

ДАРЕДЖАНА.

Того.... что въ крепости.—Ты понимаешь
Кого? — Онъ былъ недавно здѣсь — его
Я видѣла — стоялъ онъ у крыльца
И—перешептывался, вѣроятно
Боялся жалобъ — позови,—быть можетъ
Онъ не успѣлъ еще.

(Слышитъ охотничьи рога).

Багратъ спѣшить

Убѣжать на охоту, понимаю....

Онъ думаетъ, что я приду къ нему
Въ слезахъ просить прощенья! буду плакать
И умолять, чтобъ онъ позволилъ мнѣ
Изъ милости остаться у него —
Изъ милости! Нѣтъ! этого не будетъ!
Пусть лучше громъ меня убьетъ сейчасъ
На этомъ мѣстѣ! — Онъ убѣжалъ! — хорошо!
Пошли ко мнѣ Ивана Чихачидзе, —
Онъ вѣрно здѣсь....

КНЯЗЬ ВАХТАНГЪ.

Ивана Чихачидзе!

Зачѣмъ, царица?

ДАРЕДЖАНА.

Позови его.

(Вахтангъ уходитъ).

Сама не знаю, что должна я думать?
Ужъ не остаться ли? — что, если я
На зло ему — ни шагу изъ дворца! —
Могла ли Дареджана ожидать
Такого скорого изгнанья? — и когда!
Въ тотъ самый день, когда Багратъ,
Я думала, падеть къ моимъ ногамъ,
И я восторжествую. — Вотъ что значитъ
Самой увлечься! — Хорошо, Багратъ!
И удалюсь—сегодня же оставлю

Дворецъ! но, не гнѣй! ты самъ
 Даешь мнѣ поводъ къ мести! самъ толкаешь
 На преступленіе! Замыслы мои
 Ростутъ и зрѣютъ! — голова пылаетъ....
 Я чувствую, что скоро будетъ жатва!
 Не можетъ быть.... Ты, бѣдный царь!
 Чтобъ испытать Вахтанга, далъ ему
 Такое порученіе! — хорошо! — быть можетъ
 Все это шутки! но, мнѣ все равно,
 Я и шутить Баграту не позволю, —
 Моли меня, ласкай, рыдай всю ночь --
 Я не останусь ты, мнѣ скажешь:
 Я пошутилъ; а я скажу: Баграты!
 И я шучу. — Посмотримъ наконецъ,
 Чѣмъ кончится такая шутка!...

Нынче

Переселось я въ крѣпость подъ защиту
 Высокихъ стѣнъ, — у Чихачидзе нынче жъ
 Займу я комнату — онъ мой старинный
 Знакомецъ, мной когда-то возведенный
 На степень азнаура, мнѣ одной
 За все обязанный; онъ человекъ
 Довольно хитрый, жадный къ деньгамъ, — грубый
 Злодѣй — и, вѣроятно, по ночамъ
 Выходитъ на дорогу — грабить; но —
 Но мнѣ, теперь, такихъ людей и надо.

(Входитъ Чихачидзе, а за нимъ Вахтангъ).

ДАРЕДЖАНА.

А! здравствуй, милый! здравствуй! Какъ я рада,
 Что наконецъ нашли тебя. Мнѣ нужно
 Поговорить съ тобой! Будь остороженъ!

ЧИХАЧИДЗЕ.

Что, государыня, прикажешь?

ДАРЕДЖАНА.

Царь узналъ,
 Что ты вчера осмѣлился ограбить
 Монаха католическаго — Феташинца.

ЧИХАЧИДЗЕ.

Не я.

ДАРЕДЖАНА.

Не ты, но воры изъ твоей
Отборной шайки, ты ихъ надоумилъ,
Какъ будто я не знаю — все я знаю!

ЧИХАЧИДЗЕ.

А что ты знаешь, государыня! — Ты хочешь,
Чтобъ я пришелъ къ тебѣ съ поклономъ....
Ей Богу, не на что аршину позумента
Кушать.

ДАРЕДЖАНА.

Меня ты не обманешь! — но
Я отъ тебя и нитки не возьму —
Не безпокойся, Чихачидзе! —

ЧИХАЧИДЗЕ.

Какъ же
Не безпоковаться! — Ей Богу, скоро
Меня не будетъ въ Кутансь. — Пусть возьмутъ
Мую беззубую жену — она
Ни одного турецкаго пластра
Не стоитъ; я ее царю оставлю,
А самъ поведу.

ДАРЕДЖАНА.

Но куда же ты
Повдешь?

ЧИХАЧИДЗЕ.

Да куда-нибудь.

ДАРЕДЖАНА.

А если
Твой каждый шагъ зависить отъ меня?—
А если завтра же ты будешь у меня
На привязи,—а если для тебя
Уже по всемъ дорогамъ будетъ къ ночи
Готовъ капканъ! — но.... что тебя пугать!
Я позвала тебя совсѣмъ не для того,
Чтобъ ссориться. — Ты вспомни, Чихачидзе,
Кому обязанъ ты и этимъ мѣстомъ,
И этимъ званьемъ? — Вспомни хорошенько!
Забывъ?

ЧИХАЧИДЗЕ.

Нѣтъ, не забыть.

ДАРИДЖАНА.

Ну, если такъ,
И если ты мнѣ преданъ всей душою
Знай, что тебя хочу я поддержать
Во что бы то ни стало!

(Чихачидзе кланяется).

Да, хочу

Я поддержать всѣхъ преданныхъ вдовъ
Покойнаго правителя —
И въ томъ числѣ тебя, хотъ ты и стоишь,
Чтобъ царь тебя торжественно повѣсилъ
На воротахъ! — Не стыдно ли тебѣ
Разбойничать!

ЧИХАЧИДЗЕ.

А чѣмъ я виноватъ,
Что родился не трусомъ! — На войнѣ
Бывалъ, и такъ привыкъ, что не могу
Быть безъ войны — и безъ добычи; право,
Мнѣ въ горло хлѣбъ не лезетъ: что-жъ мнѣ дѣлать!
Не умирать же!

ДАРИДЖАНА.

Ну, а знаешь ли, зачѣмъ
Я позвала тебя? — Со мной несчастье:
Я за тебя поссорилась съ Баграгомъ,
Его увѣрили, что ты разбойникъ,
А я его разувѣрила — и
Сказала грубость, — онъ велѣлъ сегодня-жъ,
Мнѣ изъ дворца на время удалиться.
Вотъ видишь ли, что ты надѣлалъ!

ЧИХАЧИДЗЕ.

Тотъ самъ разбойникъ, кто меня
Такъ обижаетъ!

ДАРИДЖАНА.

Тише говори, —
Что ты кричишь?

ЧЕКАЧЕДЖИ.

Что-жъ — я кричу,
 Что онъ разбойникъ — ну, а кто
 Разбойникъ — я вѣдь не кричу.

ДАРДЖАНА.

Сегодня къ ночи, жди меня къ себѣ,
 Скажи своей женѣ, чтобъ отвела мнѣ
 Особенный покой — я буду ночевать; —
 Да сдѣлай милость, отъищи мнѣ
 Четыре человека неподкупныхъ
 И неизмѣнно-преданныхъ тебѣ.
 Я признаюсь, должна перемѣнить
 Мою прислугу. — Но, объ этомъ послѣ....
 И такъ, теперь зависить отъ тебя
 Разбогатѣть, — будь вѣренъ мнѣ — и я
 Тебя осыплю съ ногъ до головы
 Червоннымъ золотомъ; — ступай домой!

ЧЕКАЧЕДЖИ.

Иду. — Благодарю за обещанье. —
 Женѣ скажу все, что угодно, — буду
 Сегодня ждать тебя — и отъищу
 Тебѣ четыре человека. Ну, теперь
 Прощай! — Спасибо, что царя
 Ты разуверила — хоть и сказала
 Не слишкомъ вѣжливо — что за бѣда?
 Ты не чужая — мачиха ему;
 А мачиха вторая мать. -- Прощай!

(Уходитъ).

ДАРДЖАНА.

Кабань! Ему не достаетъ клыковъ!
 Вахтангъ! поди сюда — ты слышалъ
 Мой разговоръ съ нимъ; что-жъ мнѣ дѣлать!
 Ты видишь самъ, что я должна хитрить. —
 Клянусь! ты тяжкую принеси мнѣ новость,
 И если-бъ я была глупа — не знаю,
 Что бъ это было! Я переселось

Сегодня въ крѣпость. —

Это солнце

И эти тучи на горахъ пророчать
Ненастный вечеръ — думаю, заря
Свѣтить не будетъ, и народу мало.
Я встрѣчу по дорогѣ. — Ради Бога,
Ты приходи и проводи меня:
Я не хочу, чтобъ цѣлый городъ видѣлъ,
Мое изгнанье! — Нынче никому
Не говори ни слова. — Завтра жь утромъ.
Ты всюду разглашай, что я въ изгнаньи.
Кричи, что я ушла отъ явной смерти;
Что я... Разжалоби моихъ бездушныхъ
Враговъ, и къ мести распалй
Сердца друзей моихъ! — Прощай, Вахтангъ!

ДѢЙСТВІЕ III.

СЦЕНА VII.

СЦЕНА ДЕВЯТЬ ДНЕЙ ПОСЛѢ ПОСЛѢДНЕЙ СЦЕНЫ. ВЪ КУТАНСКОЙ КРЕПО-
СТИ, КОМНАТА НИЖНЯГО ЭТАЖА ВЪ ДОМѢ ЧИХАЧИДЗЕ—ПРЯМО ДВЕРИ НА
ДВОРЬ, НАЛѢВО УЗКАЯ ЛѢСТНИЦА НАВЕРХЪ.

(Вахтанъ задумчиво сидитъ на тахтѣ).

КНЯЗЬ ВАХТАНЪ,

Противное всемъ помысламъ моимъ
Я затѣваю дѣло. — Боже! Сколько разъ
Я уговаривалъ царицу! — Все напрасно!
Съ тѣхъ поръ, какъ я молилъ ее бѣжать
Изъ Кутанса, — съ той минуты,
Какъ поселилась Дареджана здѣсь,
За этими стѣнами, — не видалъ я
Улыбки на ея лицѣ — всѣ мысли
Ея кружатся около короны. —
О вай ме! вай ме!...
Какъ я перемѣнился въ этотъ годъ! —
Я самого себя не узнаю....
Я только на три дни былъ посланъ въ Кутансъ.
Отъ дяди моего — монаха, строгой жизни.
Я только на три дня прѣвхалъ — и не могъ
Увхатъ! — Помню, на обѣдъ къ царю
Я позванъ былъ, — царица Дареджана,
Отливъ вина изъ чаши золотой,
И переславъ мнѣ эту чашу, вдругъ
Зажгла всю кровь мою и помутила умъ.
Я жадно пилъ — пилъ, не спуская глазъ
Съ ея прекраснаго лица, — и помню,
Какъ у меня рука дрожала — какъ у нея
Сяли взоры. — На четвертый вечеръ,
Я отъ царицы получилъ приказъ:

Или явиться на свиданье къ ней;
Или бѣжать изъ Кутанса. — О!
Я самого себя тогда не помнилъ
Отъ радости.

Царь занемогъ — она
Не думала, что смерть уже стоитъ
У изголовья мужа — и въ ту ночь,
Когда больной супругъ ея, въ предсмертной
Тоскѣ, созвавъ друзей своихъ — искалъ
Померкшими глазами взгляда страстно.
Любимой женщины, — она была
Со мной!...

(Входитъ Чихачидзе, садится около камина, и, молча, точитъ шашку, за нимъ появляется Гулгазъ, жена его, и рободѣльно становится у двери).

(Посль долгаго молчанія).

КНЯЗЬ ВАХТАНГЪ *(поднимаетъ голову и, обращаетъ къ Чихачидзе).*

За что-жь они въ цѣпяхъ?

ЧИХАЧИДЗЕ.

За воровство—
За эти пустяки царь хочетъ руки
Имъ отрубить. — Я матери родной
Не пожалѣлъ бы такъ, какъ жалъ мнѣ этихъ.
Безукоризненныхъ воровъ и славныхъ
Разбойниковъ, — они на все согласны,
Лишь были-бъ руки цѣлы, — хочешь ли
Взглянуть на нихъ...

КНЯЗЬ ВАХТАНГЪ.

Но развѣ Дареджана
Условилась?

ЧИХАЧИДЗЕ.

Еще бы нѣтъ! Сама
Вся въ золото одѣлась, и въ темницу,
Пугая крысъ и не жалва ногъ,
Сошла въ жемчужномъ тасакрави, — я
Держалъ въ одной рукѣ фонарь, въ другой—
Кувшинъ съ виномъ. — Злодѣи очумѣли.

Упали въ ноги къ ней и дали клятву
Служить ей верно. — Нынче ночью,
Шайтанъ ихъ знаетъ, по какой причинѣ,
Должно быть съ радости, они гремѣли
Цѣпами. Глупая моя жена, Гулгазъ,
Всю ночь ворчала.

(Пробуетъ шашку).

Ага! смотри, Вахтангъ — какая шашка —
Такъ и впиивается! — Однако я пойду —
Мое цѣнное царство голодаеть. —
Злодѣи тунги три вина какъ разъ
Осушатъ; — пьютъ какъ люди, а ѣдятъ.
Какъ мыши. Я сейчасъ вернусь. —

КНЯЗЬ ВАХТАНГЪ.

Вели ворота запереть.

ЧЕКАЧЕДЖЕ.

Пошла мою жену —

Мнѣ некогда. --

ГУЛГАЗЪ.

Не у меня ключи,
А у тебя — ты взялъ ихъ нынче утромъ....

ЧЕКАЧЕДЖЕ.

Ну, ну! молчи!

(Уходитъ).

КНЯЗЬ ВАХТАНГЪ.

Бездѣльникъ!

ГУЛГАЗЪ.

Именно бездѣльникъ!

Вы говорите правду — что-жъ такое,
Что я къ нему всѣхъ ближе — надо правду
Сказать, что человекъ онъ не хороній:
Смотрите, что на мнѣ за платье! Развѣ
На то похоже, что меня содержитъ
Богатый человекъ. — О вай ме! вай ме!
Какъ много я терплю!... Хоть вы пугните
Его порядкомъ — право никого

Онъ не боится. — Вврите ли, хочеть.
 Ухватъ — все съ собой забрать — меня же,
 Какъ нищую, въ однихъ лохмотьяхъ
 Оставить въ Кутадисъ, — вотъ, вчера,
 Хотѣлъ было прибить меня, — за то,
 Что скрыла я подарокъ Дареджаны.
 О Господи! что еслибъ не царица!
 Что было бы со мной! Ей-ей,
 Такой великодушной, — доброй, милой,
 Такой приветливой и даже щедрой
 Нарисы не было еще на свѣтъ.
 Дай Богъ ей царствовать!

КНЯЗЬ ВАХТАНГЪ.

Гулгазъ! мнѣ жаль,
 Что мужъ тебя вчерашній день порядкомъ
 Не отстегалъ нагайкой: два часа
 Стучался я, и подавалъ тебѣ
 Условный знакъ — ты мнѣ не отперла
 Воротъ. — Послушай, говори мнѣ правду:
 Что это значитъ. — Видѣлъ я свѣчу
 У Дареджаны, — слышалъ голосъ твой.
 Ты съ лестницы сошла и воротилась....

ГУЛГАЗЪ.

Помилуй, князь.... здѣсь Циретелли были....

КНЯЗЬ ВАХТАНГЪ (блѣднѣя),

До полночи! — всю ночь!... одинъ съ царицей!

ГУЛГАЗЪ.

Ушелъ онъ поздно....

КНЯЗЬ ВАХТАНГЪ.

Хорошо, Гулгазъ....

Онъ долго былъ?...

ГУЛГАЗЪ.

Да я же говорю,

Ушелъ онъ поздно....

КНЯЗЬ ВАХТАНГЪ.

Ну, и что же?...

ГУЛГАЗЪ.

Я ничего не знаю — Дареджана.

Была больна — и голова ея
Была обвязана.

КНЯЗЬ ВАХТАНГЪ.

Онъ былъ одинъ!

ГУЛГАЗЪ.

Одинъ.

КНЯЗЬ ВАХТАНГЪ.

Извѣна очевидна! — Циретелли,
Не думалъ никакихъ тебѣ подарковъ?
Признайся....

ГУЛГАЗЪ.

Никакихъ.... ей Богу!

Хоть самого его спросите!..

Чѣмъ хочешь побожусь, что отъ него.

Я съ роду не видала никакихъ

Подарковъ!.. Я спала на сундукъ, —

Онъ разбудилъ меня и приказалъ

Кого-бъ то ни было не иначе какъ утромъ.

Сюда впускать.

КНЯЗЬ ВАХТАНГЪ.

А! понимаю!

ГУЛГАЗЪ.

Чтожъ такое!

Я не послушалась, и нынче жъ отперла
Тебѣ калитку.

КНЯЗЬ ВАХТАНГЪ.

За такое приказанье

Я переброшу голову его

За эти стѣны!... Хорошо, Гулгызъ!

Гдѣ Дареджана? Я желаю видѣть

Царицу; попроси ее сойдти....

ГУЛГАЗЪ.

Она лежитъ въ постели.

КНЯЗЬ ВАХТАНГЪ.

Все равно —

Скажи ей — князь Вахтангъ желаетъ

Проститься съ ней — ступай, Гулгызъ, ступай!

ГУЛАГАЪ.

Ужь, да какой же ты сердитый, князь!
 Какъ можно Дареджаной понукать
 Какъ собственною дѣвкой — что ты!
 О дура я — сама себе не рада! —
 (Уходитъ).

КНЯЗЬ ВАХТАНГЪ.

Такъ вотъ кого она мнѣ предпочла!
 Или быть можетъ думаетъ она,...

.....
 Но Боже мой — пусть думаетъ, что хочетъ —
 Не нужно мнѣ ни трона, ни сокровищъ!
 Къ чему они! — въ моемъ нагорномъ замкѣ
 Я воленъ и богатъ — къ чему мнѣ душу
 Мою пятнать ужаснымъ преступленьемъ —
 За женщину, въ которой правды нѣтъ,
 За женщину, которой измѣнить
 Не больше стоитъ, какъ переменить
 Личакъ на голову, или воды
 Напиться... Конечно! сию-жъ минуту
 Я долженъ на всегда рѣшить: парю
 Остаться вѣрнымъ или Дареджанъ?....

*(Дареджана показывается въ дверяхъ и останавливается на
 нижней ступенькѣ лестницы; — волосы ея распущены, платье
 не застегнуто).*

ДАРЕДЖАНА.

Что у тебя, не ноги ли болятъ?
 Не съ лошади ли ты упалъ? — Что значить,
 Что ты не могъ войти ко мнѣ на верхъ?
 Не стыдно ли тебѣ? но такъ и быть,
 Прощаю! — Слушай, князь, ты нынче кстати.
 Пришелъ — съ тобой должна я говорить,
 И говорить сию минуту....
 Запри скорѣе двери! — Что-жъ ты стоишь? —
 Неужто я и двери заирать
 Должна сама! — Пожалуй! — такъ и быть,
 Я затворю ихъ....

(Идетъ и запираетъ дверь, ведущую на дворъ).

Некогда сердиться!...
 Гонец, который посланъ былъ вчера
 Сказать царю, что я больна, — сейчасъ
 Назадъ прѣехалъ. — Слышишь! онъ прѣехалъ —
 Онъ у воротъ... Ворота кто-то заперъ.
 Я посылала человека съ башни
 Ему сказать, чтобъ подождать онъ. — Нужно
 Позвать Гулгазъ — и приказать ей взять
 Ключи отъ мужа.... Сдѣлай одолженье,
 Ступай — введи его сюда! спроси....

КНЯЗЬ ВАХТАНГЪ.

Спрошу — но я сперва тебя спрошу!
 Зачѣмъ вчера такъ поздно Циретели
 Ты приняла къ себѣ? — Зачѣмъ, царица,
 Я долженъ былъ стучаться два часа
 Въ ворота, и никто — никто не вышелъ
 Мнѣ отворить ихъ. — Для чего
 Князь Циретели отдалъ приказанье
 Меня впускать сюда не иначе, какъ утромъ. —
 Довольно для тебя я унижался —
 Довольно прихотямъ твоимъ служилъ я!
 За все, за все ты отплатила мнѣ
 Измѣной.

ДАРЕДЖАНА.

Князь! чего ты хочешь! Если
 Ты думаешь, что хитрый Циретели....

 Гдѣ твой кинжалъ! Вотъ грудь моя — рази!
 А если ты не вѣришь самъ тому,
 Чтѣ говоришь — не горячись напрасно!
 Не трать слова, когда намъ дорога
 Минута — каждая минута! — Князь,
 Я объ одномъ тебя прошу — скорый
 Скажи мнѣ, чтѣ ты хочешь?

КНЯЗЬ ВАХТАНГЪ.

Я
 Хочу съ тобой разстаться, Дареджана.

ДАРЕДЖАНА.

Разстаться!

КНЯЗЬ ВАХТАНГЪ.

Да, зачемъ, къ чему, царяца,
 Мнѣ пресмыкаться здѣсь у ногъ твоихъ —
 И ожидать венца... который будетъ терномъ
 Колочимъ... на моемъ чель, тогда
 Какъ цвѣтъ любви поблѣк! Прощай!
 Я знаю — ты меня любить не можешь,
 И пусть тебѣ другіе помогаютъ
 Въ твоихъ лукавыхъ замыслахъ.

ДАРЕДЖАНА

Другихъ

Я не прошу, князь! — я тебя прошу! —
 Мнѣ стоить повести глазами — и
 У ногъ моихъ я насчитаю сотни
 Такихъ же молодцовъ, какъ ты — но я
 Люблю тебя, и мнѣ другихъ не нужно!
 Чѣмъ виновата я, что ты ревнуешь!
 Что ты слѣпой — что ты не видишь
 Моей любви! Ну чтожъ! я не хочу
 Навязывать тебѣ мою любовь —
 Прощай! мнѣ только грустно и досадно,
 Что ты... что за тебя должна я
 Все потерять! — Прощай! — Дождусь Баграта —
 Ему вполне отдамся — буду явно
 Служить страстямъ его игрушкой...
 Что дѣлать! такова моя судьба!
 Но прежде, чѣмъ разстанусь я съ тобой,
 Ты долженъ все узнать! — Вчера пришло
 Мнѣ въ голову увѣрить Циретели,
 Что до меня дошла такая новость —
 Такая новость, отъ которой спать
 Я не могу... Я слышала, Баграта
 Намъ вренъ задушить меня! —

КНЯЗЬ ВАХТАНГЪ.

Кого?

Тебя, царяца! —

ДАРЕДЖАНА (*смотритъ на него, какъ бы
 обдумывая, что говорить*).

Да... да... меня... Вахтангъ!

Я это слышала изъ вѣрныхъ усть....

Мой пасынокъ далъ клятву задушить
 Меня своей рукой, — да, задушить — тайкомъ —
 Едва воротится съ охоты... Можетъ быть
 Изъ ревности — быть можетъ оттого
 Что я на зло ему осталась въ Кутаисѣ! —
 Да, да, Вахтангъ! — Вотъ почему
 Князь Циретели, цѣлый вечеръ
 Меня вчера упрашивалъ бѣжать....
 Я отказалась. — О твоёмъ гонцѣ
 Къ царю, о томъ, на что рѣшилась я,
 Ни онъ не знаетъ, ни его друзья!
 Я думала — я полагаю, — если
 Достигну я желанной цѣли, пусть
 Всѣ говорятъ, что поступила я
 По долгу мести праведно и честно.
 Пусть думаютъ соперники твои,
 Что ты одинъ помогъ мнѣ въ этомъ дѣлѣ,
 И стало быть имѣешь все права
 Быть мною отличеннымъ изъ толпы
 Моихъ поклонниковъ. — Вотъ почему
 Не только что вчера, сейчасъ, сію минуту,
 Хотѣла я принять — не только Циретели,
 Но и другихъ гостей, мнѣ нужныхъ;
 И вотъ что я хотѣла имъ сказать:
 Князь, когда Багратъ воротится не знаю, —
 Но если жизнь моя вамъ дорога, — сигналъ
 Могу я дать: въ опасную минуту
 Изъ моего окошка будетъ выстрѣлъ;
 Тогда вооружайтесь, — поднимайте
 Прислугу, — вскакивайте на коней, —
 И поспѣшайте бѣдную вдову
 Спасать! — такъ полагаю я — теперь
 Я ничего не полагаю — понимаешь.
 Или оглохъ? — Прощай! не стоишь ты
 Ни оправданій, ни моей любви —
 Ступай, открой царю всю правду,
 Для ревности твоей гораздо лучше
 Меня съ кинжаломъ въ сердцѣ видѣть... чѣмъ....
 Прощай, Вахтангъ, мы не увидимся.

(Хочетъ уйти).

Русская словесность.

КНЯЗЬ ВАХТАНГЪ.

Постой.

Еще два слова.... можетъ быть послѣднихъ....
Два слова на прощанье.

ДАРИДЖАНА.

Ну!

КНЯЗЬ ВАХТАНГЪ.

Ты говоришь,

Мы не увидимся! — ты рада, можетъ быть,
Со мной проотиться навсегда! Скажи, —
Ты рада? Ради Бога — говори!
Не уходи — такъ скоро....
Прости меня за то, что я и самъ не знаю,
Что говорю, — придумай преступленье,
И я возьму его на совѣсть, — позови
На смерть — и за тебя готовъ я
Безъ ропота погибнуть.

ДАРИДЖАНА.

Такъ зачѣмъ же
Меня ты мучишь понапрасну?

КНЯЗЬ ВАХТАНГЪ.

О,

За то, что самъ я мученикъ!

ДАРИДЖАНА.

Дитя!

Зачѣмъ въ такомъ цвѣтущемъ, сильномъ тѣлѣ
Ты носишь душу, мягкую какъ воскъ,
Неужели ты думаешь, Багратъ
Меня не любить такъ же страстно, такъ же
Мучительно, какъ ты. — А между тѣмъ
Онъ удалил меня — и ты будь твердъ —
Оставь меня! — Не мучь себя! —

КНЯЗЬ ВАХТАНГЪ (*целуетъ ея руки*).

Я не могу.

ДАРИДЖАНА.

Багратъ тебя моложе....
Слабѣ тѣломъ....

КНЯЗЬ ВАХТАНГЪ.

Перестань!

Все кончено! я не могу дышать,
 Не чувствую дыхания твоего.
 Я не могу себя вообразить
 Тебя въ объятіяхъ другаго. Боже мой!
 Пусть прежде загорится мозгъ мой,
 Иль разорвется сердце!... Чтѣ ты хочешь?
 Повелевай! пусть погибаетъ жалкой
 Твой пасынокъ! — Пусть погибаетъ съ нимъ
 Отечество, друзья, семейство....

ДАГДЖАНА.

Да!

Ты правъ, мой князь, не можемъ мы разстаться:
 Вотъ почему я вынесла такъ тихо
 Твою несправедливость — дай мнѣ руку.
 Но не держи меня.... к чему все это....
 Я не затѣмъ пришла.... Мой поцѣлуй
 Я отлежу до нашей свадьбы.... Нашъ гонецъ
 Стоитъ у стѣны — зови его скорѣй.
 Введи его сюда и разспроси,
 Чтѣбъ я могла сама сквѣзь эти двери
 Все выслушать. — Ступай!
(Уходитъ и становится за дверью).

КНЯЗЬ ВАХТАНГЪ.

Вотъ женщина!

Чтѣмъ больше отрываюсь я, тѣмъ больше
 Къ ней прилипаю. — Все, чтѣ бъ я ни думалъ,
 И все, чтѣ бъ я ни думалъ — всё напрасно!
 Она одна — звезда моей судьбы! *(Уходитъ).*

ДАГДЖАНА.

Да, я твоя судьба, Вахтангъ! — и еслибъ
 Ты думалъ иначе, я-бъ не могла
 Тебя любить такъ долго —

. . . . Чтѣ-то скажетъ

Гонецъ нашъ? — Горе, горе! если только
 Онъ измѣнилъ намъ!... но едва ли могъ
 Онъ измѣнить? — Вахтангъ его уверилъ,
 Чтѣ я дѣйствительно скоропостижно

Вдруг заболела и едва дышу....

О, еслибъ удалось мнѣ! — Помогй судьба! —

(Бахтангъ и гонецъ его Зурабъ).

ЗУРАБЪ.

Что, легче-ль Дареджанъ, князь?

КНЯЗЬ ВАХТАНГЪ.

Разсказывай, гдѣ ты нашель Баграта?

ЗУРАБЪ.

На дорогѣ въ Сурамъ, около рѣки Квирилы, — когда я прѣхалъ — онъ былъ въ лѣсу на охотѣ, — воротился онъ поздно ночью; я спалъ, и никто не разбудилъ меня. Нынче утромъ онъ велѣлъ меня позвать къ себѣ и сердито спросилъ: что новаго? Я слово въ слово передалъ ему то, что вы, господинъ мой, говорили мнѣ.

КНЯЗЬ ВАХТАНГЪ.

Хорошо, Зурабъ!

ЗУРАБЪ.

Я сказалъ: Государь! ваша мачиха умираетъ, передъ смертью желаетъ проститься съ вами и открыть какую-то тайну. — Онъ поблѣднѣлъ, помолчалъ не много и сказалъ: Какая тайна! ступай назадъ, и если умреть, дай мнѣ знать — я самъ хочу похоронить ее!

КНЯЗЬ ВАХТАНГЪ.

Онъ такъ сказалъ?

ЗУРАБЪ.

Да, онъ сказалъ — я хочу самъ похоронить ее. Я вышелъ — онъ велѣлъ мнѣ выйти. Не успѣлъ я отдохнуть немного, какъ меня опять позвали къ нему. — Я сталъ на колѣни, и поклонился въ землю. — Ты еще не уѣхалъ? спросилъ онъ: чей ты — кто послалъ тебя? — я отвѣчалъ, что я княжескій конюхъ, и что меня послала къ нему княгиня Тиватина, нянька государыни.

КНЯЗЬ ВАХТАНГЪ.

Ты это сказалъ ему?

ЗУРАБЪ.

Я сказалъ такъ, какъ вы, князь, приказали мнѣ.

КНЯЗЬ ВАХТАНГЪ.

Хорошо, Зурабъ. — Гм! да, хорошо! но что же наконецъ?..

ЗУРАБЪ.

Больше ничего, князь....

КНЯЗЬ ВАХТАНГЪ.

Но... онъ не придетъ?...

ЗУРАБЪ.

Онъ сказалъ, что завтра будетъ обвѣдать окодо Кутанса, и вечеромъ заѣдетъ въ крѣпость!

КНЯЗЬ ВАХТАНГЪ.

А рано ли ты пустился въ обратный путь?

ЗУРАБЪ.

Довольно рано, князь!

КНЯЗЬ ВАХТАНГЪ.

И никуда не заѣзжалъ по дорогѣ?

ЗУРАБЪ.

Никуда, князь!

КНЯЗЬ ВАХТАНГЪ.

Шибко ли ты вхалъ?

ЗУРАБЪ.

Измучилъ мою лошадь — такъ измучилъ, что она, бѣдная, едва взобралась сюда.

КНЯЗЬ ВАХТАНГЪ.

Я подарю тебѣ другую — но, я просилъ тебя, чтобъ твое посольство оставалось тайной.

ЗУРАБЪ.

Я никому и не говорилъ объ немъ.

КНЯЗЬ ВАХТАНГЪ.

Да будетъ это вѣчной тайной — Клянись, Зурабъ, что ты не продашь меня?

ЗУРАБЪ.

Клянусь, — громъ небесный да поразитъ меня!

КНЯЗЬ ВАХТАНГЪ.

Спасибо, — я тебѣ вѣрю, — быть можетъ черезъ недѣлю я сделаю тебя начальникомъ этой крѣпости... но молчи объ этомъ. — Еслибъ я сомнѣвался въ твоей преданности, я бы не далъ тебѣ такого порученья; еслибъ я не вѣрилъ твоей скромности, я сию бы минуту велѣлъ запереть тебя; но — ты свободенъ, ступай въ мой домъ, отдохни съ дороги и приготовляйся защищать меня.

ЗУРАБЪ.

Господишь мой! ты въ опасности!

КНЯЗЬ ВАХТАНГЪ.

Если ты кому-нибудь скажешь, зачемъ я посылаю тебя, — твой господинъ — погибъ; но не блвдней: завтра я тебя все открою. — Слупай.

(Зурабъ цълуетъ его руку и уходитъ).

ДАРЕДЖАНА *(отворяя дверь).*

А! мой пасынокъ радъ похоронить меня! — Зачемъ же ты не спросилъ его, гдѣ онъ завтра обвдаеть?

КНЯЗЬ ВАХТАНГЪ.

Я узнаю....

ДАРЕДЖАНА.

Ты думаешь завтра онъ будетъ здвсь?

КНЯЗЬ ВАХТАНГЪ.

Да, — онъ сказалъ....

ДАРЕДЖАНА.

Вахтангъ! садись скорѣе на лошадь и увъжай отсюда.

КНЯЗЬ ВАХТАНГЪ.

Зачемъ?

ДАРЕДЖАНА.

Ввроятно, ты встретишь Циретелли и другихъ. — Скажи имъ, что ты не видалъ меня, что я не приняла тебя. — Потомъ, если хочешь, можешь воротиться сюда вмствъ съ прочими.

СЦЕНА IX.

Внутренность крвпорти. — Невоольшая твсная площадка передъ домомъ Чихачидзе, — въ углублении сцены подъ навесомъ на каменныхъ столбахъ — оседланныя лошади и толпа имперетинскихъ князей, между которыми князья Вахтангъ и Циретелли. — На носилкахъ несутъ царичу Нестанъ-Дареджану и Тинатину; за ними идутъ придворные служители. — Носилки останавливаются передъ дверями нижняго этажа. — У дверей, одинъ изъ дворовыхъ Чихачидзе раздубаетъ уголья.

НЕСТАНЪ-ДАРЕДЖАНА *(одному изъ придворныхъ служителей).*

Поди узнай, могу ли я войти къ ней — поди, поди скорей!!
(Служитель уходитъ въ двери).

ТИНАТИНА.

Кто у ней.— Не католикось ли, призваній изъ Грузіи?... Что, если умереть?

ИВСТАНЪ-ДАРЕДЖАНА.

Что ты говоришь, Тинатина?

ТИНАТИНА.

Что, если умереть?

ИВСТАНЪ-ДАРЕДЖАНА.

Нѣтъ, нѣтъ, какъ это можно, — Боже, избави насъ!

(Молчаніе).

СЛУЖИТЕЛЬ (возвращаясь).

Государыня, я вошелъ на лѣстницу — наверху двери заперты — на порогахъ Гулгазъ, жена Чихачидзе, сидитъ какъ помешанная — никакого толку я не могъ отъ нея добиться, и ничего не понялъ изъ того, что она бормотала мнѣ.

ИВСТАНЪ-ДАРЕДЖАНА.

Какая глупая! ноги, позови кого-нибудь — кто это стоитъ, за угломъ?

СЛУЖИТЕЛЬ.

Это Чихачидзе....

ИВСТАНЪ-ДАРЕДЖАНА.

Позови его!

ЧИХАЧИДЗЕ *(подходитъ и кланяется, обѣими руками снимая императорскую шапочку).*

Что повелишь, государыня?

ИВСТАНЪ-ДАРЕДЖАНА.

Что Дареджана?

ЧИХАЧИДЗЕ.

Лежить въ постели.

ИВСТАНЪ ДАРЕДЖАНА.

Что съ ней?

ЧИХАЧИДЗЕ.

Лежить, больна, стонетъ....

ИВСТАНЪ-ДАРЕДЖАНА.

Она не умереть?—Чтожь ты не отвѣчаешь мнѣ! говори.

ЧИХАЧИДЗЕ.

На то родилась.... Что прикажешь?

НЕСТАНЪ-ДАРЕДЖАНА.

Тинатина! поговори съ нимъ — какой онъ страшный! точно кузнецъ! — пошли его сказать Дареджанъ, что я хочу ее видѣть, непременно хочу! непременно!

ТИНАТИНА.

Ступай, Чихачидзе! и скажи женѣ своей, старой колдуньѣ, чтобъ она сейчасъ же доложила Дареджанъ, что государыня Нестанъ желаетъ видѣть ее.... ступай!

(Чихачидзе уходитъ въ другія двери).

НЕСТАНЪ-ДАРЕДЖАНА.

Ахъ, когда-то, когда-то, Боже мой, воротится мужъ мой! — Безъ него я и сама не знаю, что дѣлается! — Уѣхалъ на охоту — и пропалъ! Тинатина, — кто это стоитъ у навѣса? Знакомыя лица! — позови сюда.

(Князья подходятъ и окружаютъ носилки).

КНЯЗЬ.

Да здравствуетъ Нестанъ-Дареджана! Да будетъ во вѣки вѣковъ на ея сторонѣ побѣда! — и да будетъ вѣчный миръ нашему свиданью!

НЕСТАНЪ-ДАРЕДЖАНА.

Здравствуйте! не имѣете ли вы какого-нибудь извѣстiя о государѣ, супругѣ моемъ? — Гдѣ онъ, и когда воротится?

КНЯЗЬ ВАХТАНГЪ.

Государыня! — я ничего не знаю!

КНЯЗЬ ЦИРИЛЛАКЪ.

Онъ повхалъ на охоту, государыня!

НЕСТАНЪ-ДАРЕДЖАНА.

Нынче осьмой день, какъ онъ на охотѣ, — Тинатина! кажется ты считала, что нынче осьмой день?

ТИНАТИНА.

Вчера былъ осьмой — нынче девятый.

НЕСТАНЪ-ДАРЕДЖАНА.

Девятый день! — никогда онъ не ѣздилъ такъ долго! что съ нимъ!

КНЯЗЬ ЦИРЕТЕЛЛИ.

Ба!—Есть слухи, государыня, что на дороге ему повстречались какие-то важные гости изъ Турции,—государь, вероятно, угощает их.

КВСТАНЪ-ДАРЕДЖАНА.

Изъ Турции — Турки! Охъ, ужъ какъ они надобли намъ!

(Чихачидзе выходитъ изъ дверей).

КВСТАНЪ-ДАРЕДЖАНА.

Ну что?

ЧИКАЧИДЗЕ.

Едва говорить — но сказала женѣ моей, что безъ воли государя, какъ изгнанница, не смѣетъ принять жены его... то-есть, тебя, государыня. — Кланяется тебѣ — прощенья просить — и говорить, чтобъ ужъ ты, государыня, едвѣмала милость, до прѣзда государя ее не беспокоила, — больна, стонетъ — кается въ грѣхахъ. Что прикажешь?

КВСТАНЪ-ДАРЕДЖАНА.

И такъ, она меня не хочетъ видѣть. Богъ съ ней! *(Носильщицамъ)*. Ступай домой — прощайте! *(Ее уносятъ)*.

КНЯЗЬ ЦИРЕТЕЛЛИ *(Чихачидзе на ухо)*.

Этотъ Вахтангъ подозрителенъ, я боюсь его! — мнѣ кажется, онъ больше всѣхъ хитритъ.

ЧИКАЧИДЗЕ.

Гдѣ ему хитрить! *(Циретелли отходитъ)*.

ЧИКАЧИДЗЕ *(подъ носъ)*.

Хитри сколько ты хочешь — не перехитришь Дареджана. — Дай Богъ ей царствовать! — а намъ праздновать!

СЦЕНА X.

Второй этажъ четырехъ-угольной крѣпостной башни, съ узкимъ окномъ и бойницами; — прямо двери внизъ, — направо жилие покои; на тахтѣ лежитъ Дареджана, — волосы ея въ безпорядкѣ покрываютъ матакъ *(круглую шелковую подушку)*, лице ея блѣдно, — грудь и руки почти обнажены. — Поздній вечеръ. —

ДАРЕДЖАНА.

Да, я больна сегодня! я больна!
И если я не встану съ этой тахты,
Я никогда не встану!....

. Все и всякъ
 Я презираю въ этотъ день. — Несчастнѣй
 Вахтангъ — мнѣ жалокъ! мнѣ досадно
 Что онъ, а не другой, на этотъ разъ
 Участникъ мой. — Баграть мнѣ также жалокъ —
 И грустно мнѣ, что онъ, а не другой
 Сегодня будетъ жертвой...

Кто идетъ!...

А! это новая моя прислуга! —
 Разбойники, съ которыхъ только сняли
 Оковы.... Это Чихачидзе — новый другъ мой! —
(Итъ дверей, садунуть внизи, выходитъ Чихачидзе, князь Вахтангъ — за ними человекъ 5 разбойниковъ, — при входѣ ихъ Дареджана приставаетъ съ тахты и молча указываетъ имъ дверь въ жилище покои).

ЧИХАЧИДЗЕ (Вахтангу).

Куда же ты девалъ кинжалы?

КНЯЗЬ ВАХТАНГЪ.

Поклянись,

Что вы ихъ обнажать не будете, — злодѣи!

ЧИХАЧИДЗЕ.

Мои плечи безъ всякаго оружья —
 И оттого я въ нихъ не замѣчаю
 Ни смелости, ни бодрости!

ДАРЕДЖАНА.

Вахтангъ!

Оставь меня на жертву! — Боже мой!
 Пусть лучше Дареджана будетъ
 Задушена.... Ей слишкомъ тяжело
 Бороться — слишкомъ тяжело! — Сгупайте! —
 И если можно, обойдитесь безъ кинжаловъ.
 Я не хочу убійства.

ЧИХАЧИДЗЕ.

Чтожъ намъ дѣлать!

ДАРЕДЖАНА.

Ахъ, если только можно — постарайтесь
 Схватить его!... и запереть въ темницу.

ЧИХАЧИДЗЕ (Вахтангу).

А гдѣ кинжалы?

КНЯЗЬ ВАХТАНГЪ.

На! возьми нѣтъ!—Вижу,
Что для меня возврата больше нѣтъ—
Я ваптъ!... я съ вапи!...

(Закрываетъ лицо руками).

ДАВЕДЖАНА.

Въ эту дверь ступайте,
И если закричу я: помогите!...
Я буду знать—что не совсемъ еще
Пришелъ конецъ мой!—Будьте здѣсь—
За этими дверями.

ЧИХАЧИДЕЕ.

Хорошо....

*(Чихачидее и толпа уходятъ направо въ дверь. Вахтангъ хо-
четъ также уйти).*

ДАВЕДЖАНА.

Вахтангъ! останься... посмотри, какъ сердце
Стучитъ во мнѣ... не знаю отчего....
Отъ сожалѣнья ли... отъ страха ли... не знаю—
Зачѣмъ ты недоверчиво такъ спряталъ
Кинжалы?!. я тебѣ давно сказала,
Что смерть Баграта не нужна мнѣ.
О, я не знала... я не хочу напрасно
Себя клеймить ненужной кровью.... князь!
Что ежель?!. Ты зарядилъ ружье!...

КНЯЗЬ ВАХТАНГЪ.

Ружье заряжено!...

ДАВЕДЖАНА.

Ты трусишь?!

КНЯЗЬ ВАХТАНГЪ.

Нѣтъ.

ДАВЕДЖАНА.

Какъ темно!... или въ этой душной башнѣ
Ночь постоянная! Весь день, весь день
Мнѣ было темно!—Нѣтъ ли восковой
Свѣчи зажечь....

КНЯЗЬ ВАХТАНГЪ.

Зачѣмъ?

ДАРЕДЖАНА.

Сама не знаю....

КНЯЗЬ ВАХТАНГЪ.

Тс! тише!

ДАРЕДЖАНА.

Что, Вахтангъ?

КНЯЗЬ ВАХТАНГЪ.

Я слышу, кто-то идет!...

ДАРЕДЖАНА.

Посмотри

Въ окно....

КНЯЗЬ ВАХТАНГЪ.

Въ окно не видно....

ДАРЕДЖАНА.

Развѣ

Такая ночь!...

КНЯЗЬ ВАХТАНГЪ.

Нѣтъ, подь гору не видно....

Еще заря мелькаетъ.... Кутансь

Еще не спить....

ДАРЕДЖАНА.

Онъ вѣрно во дворецъ

Завѣхалъ!...

КНЯЗЬ ВАХТАНГЪ.

Нѣтъ! онъ здесь....

ДАРЕДЖАНА.

Вдѣтъ!

КНЯЗЬ ВАХТАНГЪ.

Я узнаю по лошади.... за нимъ

Прислуга...

ДАРЕДЖАНА.

Что?!.. Оставь меня одну,

Вахтангъ....

КНЯЗЬ ВАХТАНГЪ.

Онъ постучится—ворота

Ему отворить нашъ гонецъ—Зурабъ....

ДАРЕДЖАНА.

Стучатся!... уходи, Вахтанг!...

КНЯЗЬ ВАХТАНГЪ.

Уйду.

(Уходитъ налево въ двери).

ДАРЕДЖАНА.

Слѣвши, Баграта... я сердца у себя
Въ груди не слышу!... Словно смерть моя
Стоитъ у изголовья!... О, Багратъ, Багратъ!
Иди скорѣй! Дождусь ли я тебя!
Красавецъ мой!...

*(Слышны шаги, — Дареджана стонетъ. — Входитъ Багратъ изъ
двери, ведущей внизъ).*

БАГРАТЪ.

Откуда эти стоны?

Какъ тихо здѣсь! — какъ темно здѣсь и душно! —
Зачѣмъ при ней нѣтъ женщинъ? Неужели
Она одна здѣсь? Бѣдная больная!
Ты ль это, Дареджана? — что съ тобой!
Гдѣ жъ Чихачидзе! — Я же посыламъ
Сказать, что я приѣду. — Какъ онъ смѣлъ
Не ожидать меня, въ воротахъ?! Боже мой!

ДАРЕДЖАНА *(поднимая голову).*

Кто это!

БАГРАТЪ.

Я — неужели Баграта
Не узнаешь!

ДАРЕДЖАНА *(отмахиваясь руками).*

Нѣтъ!... Нѣтъ... уйди! уйди!
Ты не Багратъ! — Ты страшень!...

(Раздѣрающимъ голосомъ).

Вай — ля!

Спасите! — помогите!

*(Изъ дверей съ шумомъ выбѣгаютъ разбойники и хватаютъ Ба-
грата, — внизу на лестницѣ также слышны шутъ — нападеніе
на прислугу Баграта).*

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ГОЛОСЪ ЧИХАЧИДЗЕ.

Кто здѣсь! воры!

Разбойники! — схватите!...

БАГРАТЪ.

Прочь! — не воръ

И не разбойникъ я!

ГОЛОСЪ ЧИХАЧИДЗЕ.

Обезоружте

Его, обезоружте!

(Багратъ борется).

Одинъ изъ разбойниковъ.

Не борись, не сладишь!

ГОЛОСЪ ЧИХАЧИДЗЕ.

Ага!... попался!... Ты зачемъ пришелъ
Сюда. — Ага! чтобъ удушить тихонько
Больную женщину?...

БАГРАТЪ.

Врешь, Чихачидзе!

ЧИХАЧИДЗЕ.

Ты умертвить её хотѣлъ! —

БАГРАТЪ.

О, Боже!

Что дѣлають со мною эти люди! — Кто здѣсь?
Сюда, сюда моя прислуга! Гдѣ вы,
Мои друзья! защитники мои!
Спасите вашего Баграта — Боже мой! —
Чего вы отъ меня хотите?

ЧИХАЧИДЗЕ.

Не шуми

Напрасно!... Знай, мы вѣрные рабы
Той женщины, которая — самъ видишь —
Лежитъ безъ памяти... За мной! — ведите
Его за мной! — накладывайте цѣпи!
Гулгазы! — неси саварь!...

ВАХТАНГЪ.

О Боже! —

Спаси меня!... я погибаю.... Мне
Теперь понятно все. — Ахъ, Дареджана! —
Проклятіе на голову твою!...

(Его уводятъ).

ДАРЕДЖАНА *(вскакивая съ постели).*

Вахтангъ! сюда! — стрѣлай въ окно! — дай знать
Твоимъ друзьямъ, что Дареджана
Была на волоскѣ отъ смерти! Ну же,
Стрѣлай скорѣй!

(Вахтангъ выстрѣливаетъ въ окно).

Судьба! благодарю!

.....
Посмотримъ, кто теперь осмѣлится идти
Противъ меня. — Подайте туди!...

ДѢЙСТВІЕ IV.

СЦЕНА XI

МИНГРЕЛЯ, ЗУГДИДИ, — ДЕРЕВЯННАЯ ТЕРРАСА ПОДЪ НАВЕСОМЪ ВЪ ДОМѢ
ОТТІА ЧХЕИДЗЕ. — СЪ ТЕРРАСЫ ВИДНА ЗЕЛЕНАЯ ПЛОЩАДКА И ДОМЪ ВЛА-
ДѢТЕЛЯ МИНГЕЛИ, ВОМЕКИ.

ОТТІА ЧХЕИДЗЕ (*входитъ, утирая потъ,
за нимъ двое мингрель-
скихъ дворянъ*).

Бичо! вина! —

*Мальчикъ подаетъ кувшинъ и наливаетъ азарнему. — Оттіа
Чхеидзе кланяется дворянамъ и пьетъ*).

Желаю вамъ победы!

ОДИНЪ ИЗЪ ДВОРЯНЪ.

Спасибо! — и тебѣ того же, князь,
Желаемъ — (*Пьютъ*). Будь здоровъ!

ОТТІА ЧХЕИДЗЕ.

Спасибо! —

Я здѣсь не такъ здоровъ, какъ въ Кутаисѣ.

ДВОРЯНИНЪ.

Отъ огорченій ты не такъ здоровъ. —

ОТТІА ЧХЕИДЗЕ (*садится на скамью и
задумывается*).

Да, голосъ мой вооружаетъ всѣхъ
Противъ меня — правительница зла,
Князья косятся — Циретели трусомъ
Вслухъ называетъ — никому невкусенъ
Совѣтъ мой — никому невкусенъ — гм!
Ну, хорошо, я старъ, — зачѣмъ же плюютъ
За мной? — Садитесь, если вы устали...

(*Дворяне кланяются и садятся поодаль*).

Что день, то новость! Съ помощью коварства
Зло торжествуетъ. — Много я хитрилъ —

Безъ хитрости я-бъ до свдыкъ волосъ
 Не дожилъ; — но... ужъ если я теперь
 Начну хитрить — посмотримъ: кто кого
 Перехитритъ! —

И такъ, желаютъ всѣ
 Войны?

ДВОРАНИНЪ.

Вооружаются — острять
 Кинжалы — и натягиваютъ луки —
 Не знаютъ сами, будетъ ли война....
 На всякой случай надо быть готовымъ.

ОТЦЪ ЧЖИДАНЪ.

Когда пришла изъ Кутаиса вѣсть
 О заключеніи мирзы Баграта —
 Воเมки въ тотъ же часъ вельвь мѣня
 Позвать — и молвилъ: ну, старикъ, я вижу —
 Ты говорилъ намъ правду. — Что такое! —
 Багратъ погибъ — змѣя перехитрила....
 Теперь что дѣлать: воевать ли — нѣтъ ли?
 Самъ Циретели, только что прибывши
 Изъ Имеретіи, совѣтуетъ скорѣй
 Начать войну, и обѣщаетъ намъ
 Богатую добычу. — Нѣтъ, Вомеки, —
 Я отвѣчалъ ему: — нѣтъ, повелитель!
 Не слушай Циретели, будь покоенъ,
 Сиди себѣ на тахтѣ, пей и кушай;
 Но не воюй напрасно, — знаю я,
 Къ чему теперь насъ можетъ повести
 Война. — Вотъ видишь ли? — положимъ, точно
 Захватимъ мы богатую добычу;
 Но горе намъ — неосторожный шагъ —
 Добыча наша привлечетъ въ Зугдиди
 Другихъ гостей не прошенныхъ, не званыхъ,
 Которыхъ угощать вамъ будетъ плохо
 Желудки ихъ не любятъ нашей *омми* (*)
 Во-первыхъ, Грузія вмѣшается въ дѣла.
 А во-вторыхъ, что скажутъ въ Ахалцыхъ?
 Что, если Дареджана извела
 Баграта и Вахтагпа возвела

(*) Варевое шшено, употребляемое вмѣсто хлѣба.

На тронъ руками Турци — тогда
 Не мы ли Туркамъ подадимъ предлогъ
 Прийти къ намъ въ гости и ограбить насъ? —
 Правитель испугался, — да, сказалъ онъ,
 Ты правъ, старикъ, ты правъ — и вотъ сегодня
 Его убѣрили въ противномъ, — да,
 Да, говорить онъ, Циретелли правъ!
 Намъ непременно нужно воевать. —
 Правительница непременно хочетъ
 Войны, — ей снится золото и жемчугъ,
 Ей хочется получше нарядиться....
 И вотъ теперь Вомаки самъ не знаетъ,
 Съ женой ли драться, или съ Дареджаной!
 Пускай колеблется — мы будемъ медлить;
 Я настою, чтобъ не было войны,
 Да, настою! —

Скажите, это кто
 Идетъ сюда? — я слабъ глазами, — вижу
 Довольно плохо.

ДВОРЯНИНЪ.

Это Циретелли.

ОТЪ ЧЖИДЖИ.

Ужъ не ко мнѣ ли онъ? Ага! ко мнѣ? —
 Ну милости прошу. — Посмотримъ, что-то
 Онъ скажетъ намъ. — Посмотримъ —

(Входитъ Циретелли).

КНЯЗЬ ЦИРЕТЕЛЛИ.

Здравствуй, князь!

ОТЪ ЧЖИДЖИ *(остаётся и сухо кланяется).*

КНЯЗЬ ЦИРЕТЕЛЛИ.

Пожалуста, — побезный князь, не будь
 Сердить — будь другомъ!

ОТЪ ЧЖИДЖИ.

Я всегда сердить
 На тѣхъ, кто сердится за правду. —
 И дружень съ тѣми, кто сердить на ложь.

КНЯЗЬ ЦИРЕГЕЛЛИ.

Я лгать передь тобой не стану—я пришелъ
 Поговорить съ тобой, не горячась,
 И откровенно! Отгя любезный,
 Ты видишь самъ, что я не мальчикъ—самъ
 Довольно пожилъ на своемъ вѣку,
 И разсуждать умѣю.—Для чего же
 Вчера со мной ты спорилъ, и въ добавокъ
 Обидѣлъ, упрекнувъ меня въ такихъ-то
 Преступныхъ замыслахъ,—ты видишь,
 Я за подобныя обиды не сержусь—
 Но спорить— буду.

ОТГЯ ЧЖИЦДИ.

Цирегелли,
 Чего ты хочешь?

КНЯЗЬ ЦИРЕГЕЛЛИ.

Я хочу, чтобъ ты
 Со мной не спорилъ, потому что я
 Довольно ясно вижу всѣ дѣла,
 И разсуждать умѣю.— Ты увѣренъ,
 Что я стоялъ за выскачку Вахтанга
 И помогаль ему отъ царской тахты—
 Перешагнуть на царскій тронъ!—Клянусь,
 Ты ошибаешься....

ОТГЯ ЧЖИЦДИ.

Нѣтъ, я не говорилъ,
 Чтобъ ты помогъ Вахтангу.—Можетъ быть,
 Сказаль бы я кой-что другое.... — Но
 Я говорилъ—что ты за Дареджану
 Стоялъ—ей помогаль—помогъ,—и вотъ,
 Теперь твоя красавица надѣла
 Корону—цѣли ты достигнулъ, значить
 Войны не нужно.—Если-жъ наконецъ
 На васъ поднимется Мингрелія, я знаю,
 Ты съ нами будешь драться за царяну....

КНЯЗЬ ЦИРЕГЕЛЛИ.

За Дареджану! никогда!....

Конечно....

Она могла бы, какъ вдова царя
 Покойнаго, упрочить за собой
 Внѣць имеретинской — но
 Кто далъ ей право отдавать внѣць
 Вахангу!—Онъ по женскому колѣну
 Родня Баграту—и давно утратилъ
 Наслѣдственность.

ОТГІА ЧЖЕНДЗІ.

Ты спрашиваешь, князь,
 Кто далъ ей право мужу своему
 Вручить внѣць; но отчего же ты
 Спросить не хочешь—по какому праву
 Она могла лишить вѣнца Баграта—
 Законнаго владыки Кутаиса—
 И всѣхъ земель имеретинскихъ?—Кто,
 Кто далъ ей право заключить Баграта
 Въ темницу?—Кто?— а между тѣмъ
 Ты помогаль ей!

КНЯЗЬ ЦИРЕТЕЛИ.

Отгіа любезный,
 Я за права царицы не стоялъ—
 Я только жизнь ея хотѣлъ спасти
 Отъ покушеній пасынка—клянусь!
 Когда я услыхалъ злобщій выстрѣлъ —
 И появился въ крѣпости, — Багратъ
 Уже былъ схваченъ—и никто изъ насъ
 Не зналъ, куда его дѣвали.

ОТГІА ЧЖЕНДЗІ.

Вѣрю;
 Но для чего ты въ крѣпость поскакалъ? —
 Спасти царицу! — Такъ ли, Циретели?!
 Она жива — зачѣмъ же воевать?
 Войны не будетъ! — какъ ты ни хитри, —
 Я говорилъ тебѣ, что ты напрасно.
 Сюда прѣвхаль. —

КНЯЗЬ ЦИРЕТЕЛИ.

О, старикъ упрямый!
 Неужели ты думаешь, тебя
 Послушаютъ, — неужели Воменки

Не можеть безъ тебя собой руководить!
Такъ знай же — онъ вчера сказалъ мнѣ,
Что войско собрано — и въ воскресенье
Мы двинемся въ походъ.

ОТТІА ЧЖИДЗЕ.

Не правда, князь!

Я отъ Воменки только что пришелъ,
Онъ мнѣ сказалъ, — что собранное войско
Онъ нынче-жъ къ вечеру прикажетъ распустить —
Что безъ меня не быть походу! — и
Войны не будетъ, потому что я
Не тронусь.

КНЯЗЬ ЦИРЕТЕЛЛИ (изумленный).

Ты меня дурачишь — или
Правитель вашъ кого-нибудь изъ насъ
Морочить! — Оттіа! послушай, вспомни —
Ты другомъ былъ царя Баграта,
И онъ любилъ тебя всѣмъ сердцемъ—
Неужели изъ мести наконецъ
Ты не поднимешь рукъ на Дареджану.

ОТТІА ЧЖИДЗЕ.

Ты другомъ былъ царицы Дареджаны —
Неужели противъ нея ты руки
Поднимешь! О, помилуй, Циретелли!

КНЯЗЬ ЦИРЕТЕЛЛИ.

Ты говоришь, я другомъ былъ царицы!—
Я въ Дареджанѣ женщину любилъ.

.

ОТТІА ЧЖИДЗЕ.

Какъ сына я любилъ мирзу Баграта —
И чѣмъ же за мою любовь, безумецъ,
Мнѣ отплатилъ! изгнаніемъ—позоромъ....
Зачѣмъ же ты теперь мнѣ говоришь
О дружбѣ, — развѣ ты не знаешь, князь,
Друзьями ли разстались мы съ Багратомъ?

.

КНЯЗЬ ЦИРТЕЛЛИ.

Несправедливо! И когда-бъ ты зналъ
Всю правду, ты бы согласился,
Припавъ къ ногамъ его,— просить прощенья...

ОТТЯ ЧХВИДЗЕ.

Ты надо мной смѣешься!

КНЯЗЬ ЦИРТЕЛЛИ.

Не смѣюсь,
А говорю тебѣ всю правду.—Вижу,
Что иначе съ тобой мнѣ говорить
И бесполезно и обидно.—Ты мечтаешь
Своимъ вліяніемъ другимъ открыть глаза,
А самъ съ закрытыми глазами ходишь—
Ты посѣдѣлъ отъ лѣтъ; — а между тѣмъ,
Ты, какъ ребенокъ легковѣрный, съ вѣтру
Повѣрилъ женскимъ розказнямъ — и друга
Запальчиво оставилъ въ ту минуту,
Когда къ тебѣ протягивалъ онъ руку,
И униженно посылалъ Вахтанга —
При мнѣ три раза посылалъ, просить
Тебя, чтобъ ты изъ милости пришелъ
Къ нему за оправданьемъ—да, три раза,
Три раза онъ къ тебѣ Вахтанга посылалъ.—
Но князь Вахтангъ не слишкомъ глупъ—
Онъ зналъ, что Дареджана съ явной цѣлью
Тебя прогнать изъ Кутаиса, и
Поссорить съ пасынкомъ, оклеветала
Твою Пепеллу.—О, какой же ты
Мудрецъ, когда повѣрилъ женской сказкѣ!
Ты говоришь: я ею одураченъ, —
Ты ею одураченъ точно такъ же,
Какъ и другіе.—Что же ты блѣднѣешь?
Не вѣришь мнѣ?

ОТТЯ ЧХВИДЗЕ.

Не вѣрю.—Боже мой!

Скажи мнѣ, Циртелли: кто же мнѣ
За слезы дочери моей заплатитъ?—
Она рыдала, а слезамъ не вѣрилъ—
Она клялась—и я не вѣрилъ клятвѣмъ!

Скажи мнѣ правду, Циретелли — или,
Клянусь, ты отъ меня живой не выйдешь. —

КНЯЗЬ ЦИРЕТЕЛЛИ.

Всю правду! Поклянись, что ты не будешь
Сердиться.

ОТТЯ ЧХВЕДЗЕ.

Князь!

КНЯЗЬ ЦИРЕТЕЛЛИ.

Вотъ то-то же, старики!
Тебя считаютъ люди мудрецомъ,
А между тѣмъ разставленныхъ сътей
И ты не миновалъ. — Гдѣ-жъ эта мудрость! —
Меня считаешь ты лукавымъ человекомъ,
А я говорю во всемъ передъ тобой
Сознаться — гдѣ-жъ лукавство? — И пора —
Пора тебѣ узнать, старикъ упрямый,
Что дочь твоя невинна, что царица,
Разстроивъ свадьбу дочери твоей,
Конечно лучшаго предлога не могла
Найти, чтобъ навсегда тебя съ Багратомъ
Поссорить, — ты мѣшалъ ей,
И не скрывалъ при ней своей вражды, —
Она тебя своимъ врагомъ считала —
И сдѣлала тебя врагомъ Баграта.

ОТТЯ ЧХВЕДЗЕ.

Но ты же... ты же... прѣзжалъ ко мнѣ
Отъ имени Баграта объявить,
Чтобъ я съ собой не увозилъ Пепеллы —
Что уже поздно думать мнѣ объ ней. —

.....
Я памяти еще не потерялъ
И живо помню — у меня тогда
Отъ словъ твоихъ -- перевернулось сердце.
Въ отчаяннѣ вскочилъ я на коня,
Велѣлъ Пепеллѣ слѣдовать за мною,
Всемъ остальнымъ велѣлъ взвести курки. —
И поскакалъ изъ Кутаяса, — или
На самого себя ты лжешь,
Или ты лгалъ на своего царя. —

КНЯЗЬ ЦИРТЕЛЛИ.

Ну, да,—я лгалъ! — доволенъ ли ты этимъ?

ОТТІА ЧЖИДАН.

Доволенъ ли! — Доволенъ, Циртелли! —

КНЯЗЬ ЦИРТЕЛЛИ.И такъ, старикъ — изъ мести долженъ ты
Кричать со мной: война необходима! —**ОТТІА ЧЖИДАН.**Война сейчасъ! — Война сію минуту!
Умри изменникъ!*(Поражаетъ его кинжаломъ).*Каковъ ударъ?! Что скажешь?! О, я вижу
Моя рука еще годится въ дѣло....Не правда ли? *(обратясь къ гостямъ).*

Чему вы изумились?

ДВОРЯНИНЪ.

Князь! сильный человекъ онъ былъ....

ОТТІА ЧЖИДАН.

Предатель!

ДВОРЯНИНЪ.

Правительница не проститъ — ты знаешь...

*(Слышенъ топотъ лошадей; на площадкѣ кружатся вооруженные всадники — одинъ изъ нихъ подскакалъ къ террасѣ).***ВСАДНИКЪ.**Со мной записка отъ правительницы? Князь
Оттіа! прими записку.**ОТТІА ЧЖИДАН.**

Сойди съ лошади и войди сюда — я не боюсь свидетелей.

*(Посланный входитъ, отдаетъ записку, и увидавъ трупъ Циртелли, говоритъ съ дворянами).***ОТТІА ЧЖИДАН** *(съ трудомъ читаетъ записку).*А, хорошо! Скажи же ей въ отвѣтъ —
Я не упрямлюсь —*(Продолжаетъ читать).*

Хорошо! скажи ей,

Что я теперь готовъ повиноваться. —

(Продолжаетъ читать).

Война! — Скажи, что начал я войну,
 Что я ужь выигралъ одно сраженье,—
 Прибавь, что ты былъ самъ свидѣтель — что
 Ты видѣлъ непріятельскую кровь. —
 Ступай! — Бичо! вели позвать людей,
 Сейчасъ позвать! —

Несите этотъ трупъ—
 И бросьте на площадку. — Пусть узнаютъ
 Имеретинскіе князья, что значить
 Прийти въ Мингрелю и раздуть войну —
 А мнѣ сейчасъ коня! — я ѣду въ монастырь—
 Я ѣду къ дочери — молиться.... Боже — Боже!

С Ц Е Н А XII.

ИМЕРЕТІЯ. КУТАКСЪ.

*Дворцовая зала—дверь на террасу. (Зала постепенно наполняется
 вооруженными).*

*Вахангъ и Дареджана (входятъ въ царскихъ одъяніяхъ съ
 вѣщцами на головахъ).*

ВАХТАНГЪ.

Привѣтъ мой вамъ, имеретинскіе князья!
 И вамъ, имеретинскіе дворяне!
 Да будетъ миръ свиданью нашему — да будетъ
 На вашей сторонѣ побѣда! — Сколько васъ?

ГОЛОСА.

Насъ, двести человекъ —

ДАРЕДЖАНА.

Довольно,
 Чтобъ воевать съ Мингрелами.

ВАХТАНГЪ.

Но гдѣ же,
 Гдѣ остальные?

ГОЛОСА.

Государь! при насъ
 Вооруженная прислуга — остальныхъ
 Мы не видали....

ДАРЕДЖАНА.

Остальные будутъ —
 Но вы явились раньше всѣхъ, князья —

Спасибо вамъ! — я каждаго изъ васъ
 Могу въ лицо узять: (*подходить къ одному*) ты Цулукидзе.
 Мнѣ кажется, тебя въ соборной церкви
 Я видѣла; — ты образу молился—
 Но не усердно—такъ ли? (*подходить къ другому*). Князь, тебя
 Давно не видно было въ Кутаисъ,
 Я не замѣтила тебя въ день нашей свадьбы —
 Куда ты пропалъ! Здоровъ ли? —
 Въ послѣдній разъ я видѣла тебя
 На каменномъ мосту — дня за два, за три
 До моего изгнанья — (*подходить къ третьему*).

Здравствуй, князь!

Я помню, ты меня однажды провожалъ
 Въ Вардцихе. — Ночь была — шелъ дождикъ. — Помнишь,
 Ты поскакалъ впередъ, чтобъ развести
 Огонь. — Я никогда не забываю
 Мнѣ предашнихъ. — Я вижу въ васъ
 Покорныхъ слугъ моихъ — Я родилась
 Царевной — я была вдовой царя,
 Была царицей — и на зло врагамъ
 Останусь до конца царицей вашей,
 Избравши мужемъ — доблестнаго князя,
 Скажите, за него готовы ли вы драться?

КНЯЗЬ.

Мы за тебя готовы умереть. —
 Да здравствуетъ царица Дареджана!

ДАРЕДЖАНА.

Спасибо вамъ, — врати отъ Кутанса
 Не далеко.

ВАХТАНГЪ.

И мы должны ихъ встрѣтить.

Я буду съ вами.

ДАРЕДЖАНА.

Каждую минуту

Мы ждемъ разосланныхъ гонцовъ.

Одинъ изъ вооруженныхъ (*опустивъ*).

Не медли, государыня! — Мингрелы
 Поятъ коней у пограничной рѣчки,
 И жарятъ шашлыки у насъ въ лесахъ,
 Запальная сакли поселятъ,

Уничтожая наши нивы—
 И гибнуть наши бедныя стады!
 И гибнуть наши бедныя сады! —
 Не медли, государыня — еще недвля —
 И мы умремъ отъ голоду! что будетъ
 Зимой?! — Намъ легче умереть отъ стрѣль,
 Чѣмъ умереть безъ пищи и безъ крова.

ДАРЕДЖАНА.

Не бойтесь, я могу васъ прокормить —

(гордо и повелительно).

Но слушайте!—ступайте въ каждый домъ,
 Гдѣ только есть мужчина — и скажите
 Всѣмъ отъ меня, что если къ этой ночи
 У крѣпостныхъ воротъ не соберется
 По крайней мѣрѣ тысяча такихъ же,
 Какъ вы, готовыхъ защищать столицу,
 Я всѣмъ загрожу пути къ побѣгу;
 Я въ ихъ глазахъ, зажгу дома ихъ,
 Я виноградныя сады ихъ истреблю;
 Я разгоню стада ихъ. — Всѣмъ скажите,
 Что у меня уже готово войско,
 Что сотни двѣ турецкихъ лѣнчаръ
 Уже въ походѣ, что шесть-сотъ вооруженныхъ
 Крестьянъ и вѣрноподанныхъ Вахтанга,
 Суврута моего и вашего дѣря,
 Сегодня-жъ ночью будутъ въ Кутансѣ,
 Что если жители моей столицы
 Не соберутся и не соберутъ
 Мнѣ войска—не съ Мингрелами, а съ ними
 Я воевать начну. — Ступайте съ Богомъ,
 Друзья мои, и возвращайтесь къ ночи.
 Еще скажу вамъ: передайте всѣмъ, —
 Я знаю, что не всѣ такъ безжорыстны,
 Какъ вы — и такъ, всѣмъ передайте,
 Что третью часть сокровищъ нашихъ
 Мы назначаемъ храбрецамъ въ награду. —

(Толпа выходитъ).

Постойте! — пусть одинъ изъ васъ поскачетъ
 Въ помѣстье князя Саввы Циретели —
 И тамъ, отъ имени царя Вахтанга,

Взываетъ къ мести всѣхъ его родныхъ.—
 Скажите всѣмъ, что къ намъ дошелъ
 Плачевный слухъ, что Циретели
 Убить Мингрелами. — Скажите всѣмъ,
 Что мы вчера служили панихиду
 По добромъ князю. Мы готовы мстить —
 И требуемъ ихъ помощи.

ВАХТАНГЪ.

Да, да, слышите

Во имя Бога и Его Святыхъ! —
 Я первый брошусь въ битву — первый
 Погибну — или укажу вамъ путь
 Къ побѣдѣ! — На коней, друзья!

ТОЛПА.

Ги, ги!

Да здравствуетъ Вахтангъ Джумшун! —
 Да здравствуетъ царица Дареджана!

ДАРЕДЖАНА.

Ступайте, храбрые — грозите трусамъ!

ТОЛПА.

Ги, ги! ги, ги! победа или смерти!
 Да здравствуетъ царица Дареджана!
 Да здравствуетъ Вахтангъ!

ДАРЕДЖАНА (*садится на скамью*).

Владыко милосердый!

ВАХТАНГЪ.

Что, Дареджана?

ДАРЕДЖАНА.

Ничего, Вахтангъ!

Ты видишь — я не упадаю духомъ.

ВАХТАНГЪ.

Но ты блѣдна сегодня—

ДАРЕДЖАНА.

Я устала. —

Меня война пугаетъ.

ВАХТАНГЪ.

Эту ночь

Ты не спала? —

ДАРЕДЖАНА.

Нѣтъ, я спала, Вахтангъ.

ВАХТАНГЪ.

Ты пездорова! —

ДАРЕДЖАНА.

Кто тебѣ сказалъ?

О! я здорова; — (*съ притворнымъ смѣхомъ*) снилось мнѣ, вчера,

Мой пасынокъ порвалъ свои оковы —

И убѣжалъ — но я проснулась,

И успокоилась — меня одно тревожить!

Война! что если?... Береги себя,

Вахтангъ мой! милый царь мой...

О чемъ ты думаешь?!

ВАХТАНГЪ.

Ты говоришь,

Я царь — неужели я царь надъ кѣмъ же

Я царствую? царь! Боже! для меня

Какая-то обида въ этомъ словѣ

Заключена — какая-то отравя злая

Таится въ этомъ словѣ. —

ДАРЕДЖАНА.

Перестань!

Мы лучше будемъ думать — что намъ дѣлать?

ВАХТАНГЪ.

Что дѣлать!

ДАРЕДЖАНА.

На, прочти письмо:

Его мнѣ принесли сегодня утромъ —

Его писалъ князь Циретели къ брату:

Оно еще не распечатано — прочти,

Что пишетъ этотъ дерзкій князь,

Быть можетъ, мы задачу разрышимъ, —

Задачу непонятную для насъ

О смерти Циретели, — странно было

Намъ слышать, что его убили

Князь Оттѣ Чхедзе! — вѣроятно

Невѣрный слухъ. Читай, Вахтангъ, читай.

ВАХТАНГЪ (*читаетъ*).

«Любезный братъ!

«Я надвюсь скоро отомстить за себя и за весь родъ мой — отомстить коварной царицѣ. Скоро, быть можетъ, явлюсь я подъ стѣнами Кутаиса съ мингрельскимъ войскомъ. Я успѣлъ убедить Вомеки въ необходимости вести войну — жена его хлопочетъ за меня всеми силами, и я уже успѣлъ склонить Вомеки на свою сторону. — Знаю, что Мингрелы не завоюютъ Имеретин; — они только очистятъ намъ дорогу, погубивъ Дареджану и ея возлюбленнаго. — Я одинъ больше всѣхъ имѣю право дѣйствовать — и буду дѣйствовать.

ДАРЕДЖАНА.

О, ненавистный!

ВАХТАНГЪ.

«Войско готово — но Отгія Чхендзе упрямится—этотъ старикъ стоитъ за Дареджану — и кричитъ, что войны не нужно. — Его слова имѣютъ весь въ Совѣтъ. — Вомеки не знаетъ, кому вѣрить; но правительница зла на Отгія, и я увѣренъ въ успѣхѣ. — Въ случаѣ войны, будь увѣренъ, наши владѣнія и все наше имущество будутъ совершенно пощажены».

ДАРЕДЖАНА (*встаетъ*).

Прочелъ ли?

ВАХТАНГЪ.

Все, здѣсь подпись Циретели. —

ДАРЕДЖАНА.

Спрячь это глупое посланье — гм!
 Не время мстить. — Но я клянусь,
 Клянусь всемъ для меня священнымъ,
 Что область Циретели будетъ вся
 Разорена — что я заставлю
 Его родныхъ скитаться босикомъ
 Въ чужихъ краяхъ. — Дай мнѣ письмо,
 Его сама я спрячу! — это
 Письмо мнѣ дорого! — Однако,
 Я одного понять не въ силахъ — это
 Заступничество Отгія!... Скажи мнѣ,
 Вахтангъ, ты съ нимъ не ссорился ни разу,
 Тебя любилъ онъ! —

КНЯЗЬ ВАХТАНГЪ.

Не всегда. —

ДАРЕДЖАНА.

Молчи!

Идетъ Нестанъ. — Упрямая Нестанъ!
Зачѣмъ она не хочетъ скинуть трауръ? —
Зачѣмъ ты здѣсь?

НЕСТАНЪ (*остановившись въ дверяхъ*).

Куда же мнѣ идти?

ДАРЕДЖАНА.

Ступай, Нестанъ — и погуляй въ саду —
Тебя тамъ ждетъ княжна Майко — ступай,
Ты не должна упрямиться. —

НЕСТАНЪ.

Сестрица,

Куда двала ты Баграта?

ДАРЕДЖАНА.

Что? —

Ты знаешь, онъ въ пльну, Нестанъ....

НЕСТАНЪ.

Въ пльну!

Что вы съ нимъ сдѣлали?

ДАРЕДЖАНА.

Что значать

Такіе глупые вопросы? — вонъ ступай!

НЕСТАНЪ.

Какая злая стала ты, сестрица!

*(Плачетъ и уходитъ).***БАХТАНЪ.**

Нестанъ! Нестанъ! пооди сюда, Нестанъ!

ДАРЕДЖАНА.

Она ушла. — Ей кто-нибудь сказалъ, —
Кто-бъ это могъ! — Мнѣ право жаль —
Бедняжка плачетъ — что-жъ намъ дѣлать!

БАХТАНЪ.

Пойду за ней — утѣшу.

ДАРЕДЖАНА.

Но она

Тебя дичится — не ходи напрасно.

ВАХТАНГЪ.

Я постараюсь как-нибудь её
Развеселить.

(Вахтангъ уходитъ).

ДАРЕДЖАНА *(одна).*

Развеселить! — Не знаю
Кого изъ насъ двоихъ развеселить
Полетче — девочку, которая поплачетъ,
Заснётъ — проспигъ — и позабудетъ слёзы, —
Или меня — которая давно,
Давно забыла, что такое слёзы —
И какъ они — являются? откуда
Родятся? — и за чѣмъ текутъ? — и что
Въ нихъ? — горечь или сладость!?
Да, я бѣ дала — дала тому полжизни,
Ктобъ могъ меня теперь развеселить.
Я поняла бы, какъ отъ горя плачуть
И какъ отъ радости смѣются. — Боже!
Когда-то я узнаю — счастье: или
Оно уже не влюбится въ меня
И за меня не станеть? — говорятъ,
Что шелковицу отрясать напрасно
При лунномъ свѣтѣ: сколько бѣ ни упало
На землю ягодъ, соберешь не много....
Не правда! кто зари дождется,
Тотъ подбереть ихъ. — Такъ и я дождусь
Счастливыхъ дней — дождусь — дождусь! —

ЗУРАВЪ *(входитъ).*

Государыня!

ДАРЕДЖАНА.

Что тебѣ надобно и что значить твоя улыбка, тогда какъ на
лицѣ твоемъ тревога. — Говори, что за извѣстie ты несешь ко мнѣ.

ЗУРАВЪ.

Мой предшественникъ Чихачидзе воротился. —

ДАРЕДЖАНА.

За чѣмъ? какъ онъ смѣлъ воротиться!

ЗУРАВЪ.

Его ограбили — онъ едва ушелъ, и то израненъ.

ДАГЕДЖАНА.

Какое мнѣ до него дѣло — кто же его ограбилъ?

ЗУРАВЪ.

Его же сотоварищи, та шайка, съ которою онъ отправился въ дорогу.

ДАГЕДЖАНА.

Негодяй! какъ я рада. За чѣмъ же онъ воротился! — А! понимаю! онъ будетъ требовать отъ меня другихъ подарковъ — понимаю.... Гдѣ онъ?

ЗУРАВЪ.

Сидитъ у воротъ — прокликаетъ жизнь и хочетъ видѣть васъ.

ДАГЕДЖАНА.

Меня! — ну, нѣтъ — онъ меня не увидитъ — позови его въ крѣпость — вели сковать его и заключи въ темницу. Зуравъ — помни условіе — что изъ тюрьмы Баграта, ты долженъ выходить безъ глазъ, безъ ушей и безъ языка — понимаешь!

ЗУРАВЪ.

Понимаю, государыня!

ДАГЕДЖАНА.

Нынче вечеромъ, мы ночуемъ въ крѣпости, — изъ кладовыхъ и дворца всѣ ли вещи перенесены туда? я все осмотрю — надежны ли сторожа? какъ ты думаешь?—

ЗУРАВЪ.

Я за нихъ ручаюсь, государыня — они всѣ почти земляки мои.

ДАГЕДЖАНА.

Хорошо — ступай — и сей-часъ исполни мое приказаніе. — Если же въ темницѣ нѣтъ мѣста — приди, и скажи мнѣ.

ЗУРАВЪ (одинъ).

Быть безъ глазъ — когда все видятъ, — быть безъ языка — когда все говорятъ, быть безъ ушей, когда слышать, — очень весело! — Дѣло сдѣлано! тайна не поможетъ, народъ твердитъ одну и ту же поговорку: кто кого одолѣлъ, тому и кланяйся.

ВАХТАНГЪ (входитъ).

Зуравъ! ты уже получилъ приказанье?

ЗУРАВЪ.

Получилъ, государы! (*Цѣлуетъ полу его архалуга*).

ВАХТАНГЪ.

Спѣши исполнить.—Погоди! — Какъ ты думаешь — еще солнце не скоро сядетъ? — Если появится войско, дай мнѣ знать — я выѣду къ нему на встречу. — Вели отточить и вычисти саблю царя Георгія— моего дѣда — завтра въ походъ. — Ахъ, да, все ли перенесено въ крепость? мы тамъ ночуемъ. — Завтра передъ походомъ, быть можетъ, я зайду въ тюрьму къ Баграту — но не говори никому; это тайна.— У тебя ли ключи отъ тюрьмы его?

ЗУРАВЪ.

У меня, государь —

(Вахтангъ уходитъ).

ЗУРАВЪ.

Опять тайна! Бѣдный, добрый господинъ мой, я не узнаю тебя!...
Мертвое лицо — мертвое да и только; — святой Георгій, спаси его!

СЦЕНА XIII.

ТЮРЬМА.

БАГРАТЪ (*на лицъ его платокъ, на ногахъ цѣпи*).

Вотъ, вотъ она! — Вотъ!.... Никого!.... Опять
Все тѣ же неподвижно-злыя очи.
Все та же нестерпимая улыбка!...
Прошла, исчезла —

Что со мной! — Ахъ, да!...

Я позабылъ... я слѣпъ!.... Видѣнья,
Какъ пятна свѣта въ мутной темнотѣ,
Неслышно бродятъ у меня въ мозгу,
Приходятъ и уходятъ какъ во снѣ;
И такъ, я спалъ сейчасъ! — да и почему
Мнѣ знать: проснулся ли!....

Ощупать

Сырыя стѣны, — придавить платкомъ
Двѣ язвы, вмѣсто глазъ, во вѣкъ потушенныхъ,
Съ тяжелой болью слышать звукъ оковы

Вотъ все, что значить для мирзы Баграта
 Не спать, а бодрствовать — не спать, а плакать
 Кровавыми слезами.

Гдѣ я? — Что я?
 На страшный судъ я стану безъ повязки.

(Пробуетъ снять платокъ).

Присохла... ну, останься на моемъ
 Лицѣ до страшнаго суда... Явлюсь
 Туда, не примиренный, обличу ихъ
 Передъ престоломъ Бога, и пойду
 Имъ указать дорогу... самъ сведу ихъ
 Въ крошечный адъ... О Боже милосердый!
 Великій Боже! сердце у меня,
 Горячее, въ груди давно ли билось
 Одной любовью — нѣтъ во мнѣ теперь
 Ни искры состраданья! — Какъ снесу я
 На страшный судъ желъзо вмѣсто сердца!
 Великій Боже! милосердный Боже!
 Ты даровалъ мнѣ власть... И былъ я... О,
 Неужели я былъ царемъ...

(Забывается).

Опять,

Опять мнѣ грезится... отецъ мой... вотъ онъ...
 Тамара... мать моя... Вся въ золотѣ...
 Вотъ, вижу... лица ихъ мѣняются
 Свой цвѣтъ, то блѣдный, то зелено-мутный,
 То огненный...

(Слышенъ утренний звонъ).

Звонять. — Звонять къ вечеру,

Или къ заутренѣ — восходить утро,
 Или приходитъ вечеръ? О, знакомый,
 Знакомый звонъ! Ни стѣны, ни замки,
 Ничто, ничто не можетъ помѣшать
 Священнымъ этимъ звукамъ проникать
 Въ мою темницу — пусть удвоятъ стражу,
 Унылый какъ раскаянье — отраднѣй
 Какъ милосердіе — онъ долетитъ
 Ко мнѣ — онъ посетитъ меня.

ЧКАЧЕДЗЕ *(изъ глубины темноты).*

Баграть!

БАГРАТЬ.

Ты улетьвь! — прощай, церковный звонь!
Прощай!

ЧИХАЧИДЗЕ.

Неужели ты спишь, Баграць? —
Сова всю ночь кричала — ты всю ночь
Какъ сумасшедшій бредиль — я не спалъ, —
И все какъ будто скорпионъ какой
По тьму ползаль. — О, какъ скверно
Сидеть въ оковахъ. — Задави чума
Того, кто выстроилъ такой подваль! —

БАГРАТЬ.

Я могъ стонать — я былъ уврентъ,
Что кромѣ Бога, воля моего
Никто не слышитъ — а теперь, —
Теперь, за эту стѣной свидѣтель
Позора моего — убійца мой, измѣнникъ,
Тотъ самый, у кого не дрогнула рука
Скрутить меня и выколоть глаза...
Кто посадилъ его въ одну со мной темницу?
И кто былъ такъ жестокъ немилосердно! —
Въ его проклятияхъ и грубой брани
Я безпрестанно слышу имя Дареджаны. —
Ни на одну минуту не могу я
Забуться! Боже милосердый!

ЧИХАЧИДЗЕ.

Баграць! послушай, сдѣлай милость,
Поговори со мной! — Даютъ ли эти,
Проклятые жиды, тебѣ обѣдать,
Иль голодомъ обоихъ насъ мѣрять!

БАГРАТЬ.

Невыносимо слышать этотъ голосъ!....

ЧИХАЧИДЗЕ.

Баграць! неужели ты сталъ глухимъ, —
Что-жь ты не отвѣчаешь? — Неужели
Ты сердился на Чихачидзе! или
Не узнаешь меня! — Проклятая судьба
Обоихъ насъ не пощадилъ, — проклинай
Свою судьбу — да мачиху....

БАГРАТЬ.

Молчать!

ЧЕКАЧЕДЗЕ.

Вотъ Богъ послалъ какого товарища, — посади первого негодяя на его мѣсто, было бы веселѣе! — Баграць! право же, мнѣ жаль тебя!

БАГРАТЬ.

Я не прошу тебя жалѣть меня — злодѣй!
Жалѣй себя, презрѣнный!

ЧЕКАЧЕДЗЕ.

Ва!

Да развѣ я себя и не жалѣю!
Жалѣй себя! — Кого же и жалѣть,
Какъ не себя! — Ну да постой, Баграць!
Не нынче — завтра Кутансь возьмутъ
Мингрелы — Кутансь не устоитъ.
Дуракъ я, что не убѣждалъ къ Дадьяну!

БАГРАТЬ.

Неужели съ Мингрелами война?
О Имеретія!

ЧЕКАЧЕДЗЕ.

Да, да, постой, Баграць,
Не долго имъ придется погулять.
Придется поплатиться — погоди!
Что за беда, что ты ослѣпъ немножко! —
Коли тебя здѣсь мыши не съѣдятъ,
Опять ты будешь рано или поздно
Правителемъ....

БАГРАТЬ.

О, не желай, разбойникъ!
Когда мой царской голосъ будетъ снова
Надъ этими стѣнами раздаваться,
Я прикажу тебя четверовать.

ВАКТАНГЪ (входитъ).

Зурабы! ты подождешь меня у входа! —
(Зурабъ остается за дверью).

БАГРАТЬ.

Знакомый голосъ! — вотъ.... неожиданный гость!
Неужели — о Боже! мой налечь,

Переступилъ порогъ моей тюрьмы —
Цалачъ, увѣнчанный моей короной!

ВАХТАНГЪ.

Багратъ, здоровъ ли ты?

БАГРАТЪ.

Здоровъ, Вахтангъ!

Здоровье, чѣмъ ты предполагаешь, —
Здоровье тебя, Вахтангъ.

(Молчаніе).

Спасибо,

Что ты пришелъ навѣдать своего
Царя. — Ну что!! что дѣлается въ царствѣ? —
Война съ Мингрелами?

ВАХТАНГЪ.

Почемъ онъ знаетъ...

БАГРАТЪ.

Я знаю все, Вахтангъ, — я ужъ не слѣпъ:
Съ тѣхъ поръ, какъ ты велѣлъ злодѣямъ,
Мнѣ выколоть глаза—я вижу ясно,
Что ты изменникъ—ясно вижу....

ВАХТАНГЪ.

Нѣтъ,

Святѣмъ Георгіемъ клянусь тебѣ, Багратъ
Что никогда подобныхъ приказаній
Не отдавалъ я.—Не кляни меня
Напрасно! О, когда-бъ ты зналъ, Багратъ,
Какъ больно мнѣ тебя здѣсь видѣть!
Какъ больно мнѣ съ тобою говорить!
Съ какою радостью я отдалъ бы тебѣ
Твою корону!—

БАГРАТЪ.

Такъ зачѣмъ же ты

Изменнически вырвалъ и надѣлъ
Венецъ мой?—говори.

ВАХТАНГЪ.

Не я—сама судьба

Пусть говорить за бѣднаго Вахтанга!
Я самъ не знаю, какъ случилось,

Что ты въ цвѣткѣ!—Не знаю самъ,
 Какъ это сдѣлалось, что я
 Царемъ—не знаю даже, на яву ли
 Я царствую—во снѣ ли!

БАГРАТЪ.

Перестань!

Я вижу не во снѣ, что я въ темницѣ,
 Что вмѣсто слезъ изъ глазъ моихъ течеть
 И каплетъ кровь—и обжигаетъ руку,
 Ту руку, на которой, видишь самъ,
 Висятъ оковы.—

ВАХТАНГЪ.

О, спасеня ради
 Души моея, запятнанной грѣхами,
 Прости меня!—

БАГРАТЪ.

Не жди прощенья!

ВАХТАНГЪ.

Но

Что, если я сниму сію-жъ минуту
 Твои оковы, если отворю я
 Твою темницу?

БАГРАТЪ.

Ахъ, сними оковы—

Дай въ руки мнѣ кинжалъ, дай волю,
 Чтобъ могъ я ошущью добраться до тебя,
 Злодѣй!

ВАХТАНГЪ.

Злодѣй ли—я не знаю, —
 Но если ты обязанъ жизнью—ты
 Обязанъ мнѣ. —

БАГРАТЪ.

Я всемъ тебѣ обязанъ,
 Но... Боже мой! проклятіе тому,
 Кому обязанъ я такую жизнью!

ВАХТАНГЪ.

Теперь ты весь въ моихъ рукахъ.

БАГРАТЪ.

Отъ Бога

Зависитъ жизнь моя—и знай, Вахтангъ,
 Пока во мнѣ живетъ хоть капля крови—
 Пока могу хоть пальцомъ шевельнуть—
 Я царь, — а ты мой рабъ, — и если-бъ
 Угодно было Богу вновь поднять
 Меня изъ праха—и меня ввѣчать
 Моимъ вѣнцомъ—хоть на одну минуту,—
 Я всенародно бы казнилъ тебя—казнилъ бы
 Въ глазахъ твоей любовницы презрѣнной,—
 Проклятой мачихи моей.—Ступай!
 И помни, что переступивъ порогъ
 Моей тюрьмы, въ присутствіи моемъ,
 Ты рабъ, достойный казни!....

Голосъ Чихачидзе.

Царь Вахтангъ! Твой ли это сладкой голосъ я слышу! — ради
 Бога, скажи, за что ты это посадилъ меня въ эту яму! — не я ли
 былъ всегда твоимъ покорнымъ слугою?

ВАХТАНГЪ.

Чей это голосъ?—Это Чихачидзе!
 Какъ онъ попалъ сюда въ одну тюрьму
 Съ Багратомъ?... Боже мой! прощай, Баграть!

ЧИХАЧИДЗЕ.

Вахтангъ! неблагодарный! не я ли помогъ тебѣ! Не мнѣ ли ты
 всемъ обязанъ! Это ли благодарность! Вели меня выпустить!—Избавь
 меня отъ такого неприятнаго мнѣ соседства! Сдѣлай милость, избавь!
 Не уходи! Выслушай послѣдняго изъ послѣднихъ рабовъ твоихъ.
 Сдѣлай милость, выслушай!

ВАХТАНГЪ.

Я здѣсь съ ума сойду....

(Входитъ Зурабъ).

Меня зовутъ!—
 Кто—кто зоветъ меня! кому я нуженъ!—

ЗУРАБЪ.

Сигнальный дымъ....

ВАХТАНГЪ.

Гдѣ?

ЗУРАБЪ.

На горъ Хуабв.

ВАХТАНГЪ.

Идемъ, идемъ!—Запри за нами двери!....

ДѢЙСТВІЕ V.

СЦЕНА XIV.

Темная ночь. Площадка въ кутанской крѣпости, въ темнотѣ видны
зубчатые стѣны, ворота и башни.

ЗУРАВЪ (*сидитъ на разосланномъ
сойлоку*).

Недѣли три прошло, какъ мы въ осадѣ, —
И въ городѣ ни сабли не осталось —
Все выжгли ненавистные Мингрелы —
Все выжгли — только небо закоптили: —
А все-таки не выкурили насъ
Изъ крѣпости.... куда имъ!

(*Ложится*).

Боже мой!

Спать хочется — ходить по карауламъ,
Да окликать.... Уфъ! какъ усталъ — весь день,
Весь день я, какъ собака, бѣгалъ
По милости царицы!

(*Дремлетъ*).

Спать ли бѣдный

Мой господишь, имеретинскій царь!...
Не дастъ она ему покоя! (*Садится и слушивается*). Ва!
Мнѣ показалось — за стѣной какъ будто
Стучать копыта.... Гэй! ты! караульный!

(*Кричитъ*).

Гей, кто тамъ? Луарсабы! — заснулъ?
Вотъ распроклятый сторожъ! — Луарсабы!
Гей, гей!

Голось караульнаго со стѣны
Что, господишь?

ЗУРАВЪ.

Ты спишь, разбойникъ?

ГОЛОСЪ.

Я здѣсь!...

ЗУРАБЪ.

Я знаю, что ты здѣсь — вставай!

ГОЛОСЪ.

Встань, господинъ!

ЗУРАБЪ.

Ну!

ГОЛОСЪ.

Право встань —

Ей Богу, встань —

ЗУРАБЪ.

Ты ничего не видишь?

ГОЛОСЪ.

Все вижу...

ЗУРАБЪ.

Что-жъ ты видишь!

ГОЛОСЪ.

Ничего....

ЗУРАБЪ.

Какъ ничего! Не спи и слушай! —

Что тамъ такое!

Боже, Боже мой!

Усни я — все заснуть: — что за бѣда!

Вѣдь крепости безъ шума взять нельзя —

А зашумать — проснемся....

(Крестится).

О святой Георгій,

Помилуй грѣшнаго раба Зураба!

*(Засыпаетъ).**(Въ крепостныхъ воротахъ слышенъ шумъ).*

ВАХТАНГЪ и ДАРЕДЖАНА ВЫХОДЯТЪ ИЗЪ БАШНИ.

ДАРЕДЖАНА.

Стучать! неужели никто не слышитъ?

ВАХТАНГЪ.

Всѣ спятъ! одни лишь мы съ тобою

Не спимъ.

ДАГЕДЖАНА.

Негодяй, Зурабъ,
 Способенъ только на посылки! Гдѣ онъ?
 Неужели не слышитъ, что стучать?
 Неужели никто не слышитъ! или смерть
 Къ нимъ будетъ милосерднѣе! О Боже!
 На что надеяться, защитники мои?
 Какъ будто мечъ моихъ враговъ зачатыхъ,
 Пока онъ доберется до меня,
 Не будетъ тупъ, стуча немилосердно
 Объ ихъ же кости?

Некого позвать!

ВАХТАНГЪ (громко).

Зурабъ!

ЗУРАБЪ (вскакиваетъ и протираетъ глаза).

Что? Что такое!

ВАХТАНГЪ.

Спишь ты, негодяй!

Поди, узнай, кто тамъ стучитъ въ ворота?

(Зурабъ опромытлю убѣгаетъ, — входитъ караульный азнауръ).

АЗНАУРЪ.

Какой-то всадникъ проситъ отворить
 Ему ворота?—Гдѣ Зурабъ?

ВАХТАНГЪ.

Сейчасъ

Его ты встрѣтилъ. — Вороти его
 Ко мнѣ...

АЗНАУРЪ.

Какой-то всадникъ, государь,
 Стоитъ за воротами и стучится. —

(Хочетъ идти).

ВАХТАНГЪ.

Постой, не уходи! — Кто-бъ это былъ?

ДАГЕДЖАНА.

Изъ Грузинъ гонецъ быть можетъ
 Тайкомъ пробрался. — Прикажи
 Его впустить....

БАХТАНГЪ.

Впустить! — но прежде нужно
Принять предосторожности. — (*азнауру*) Ступай,
И князю Мачабелову скажи:
Чтобъ онъ сейчасъ явился у воротъ
Съ своими атабеками. — Вездѣ
Удвойте стражу. — Всадника спросить,
Откуда онъ, и какъ его зовутъ...
(*Входитъ другой азнауръ*).

2-Й АЗНАУРЪ.

Гдѣ государь?

БАХТАНГЪ.

Здѣсь! а вачемъ
Тебѣ онъ нуженъ?

2-Й АЗНАУРЪ.

Оттія Чхендзе,
Поссорившись съ владѣтельнымъ Дадьяномъ,
Передается въ наши руки, государь!

БАХТАНГЪ.

Такъ это онъ стучался у воротъ?

АЗНАУРЪ.

Онъ, государь!

БАХТАНГЪ.

Своимъ ушамъ не вѣрю.
(*Дареджанъ*)
Что ты объ этомъ думаешь?

ДАРЕДЖАНА.

Вели
Его впустить и прикажи въ темницу
Его запереть!

ЗУРАВЪ (*входитъ*).

Государь! намъ въ руки
Передается Оттія!

БАХТАНГЪ.

Молчи! —
Я знаю. — Ты бы долженъ первый
Дать знать объ этомъ. — Прикажи зажечь

Костры, — чтобъ неприятель ясно видѣть,
 Что мы не спимъ. — Когда же Мочабеловъ
 Появится у крепостныхъ воротъ —
 Ты отопрешь ихъ....

ЗУРАБЪ.

Слышу, государь!

ВАХТАНГЪ.

Вели обезоружить старика,
 И приведи его.

(Зурабъ уходитъ).

О, эта новость

Одна изъ самыхъ радостныхъ сегодня!
 Я слышалъ, что старикъ поссорился съ Дадьяномъ;
 Но я не ожидалъ къ себѣ такого гостя.
 Что дѣлать намъ съ такимъ почтеннымъ
 И знаменитымъ плевникомъ?

ДАРЕДЖАНА.

А чѣмъ

Онъ знаменитъ?

ВАХТАНГЪ.

Онъ другомъ былъ царей
 Предшественниковъ нашихъ. — Твой супругъ,
 Покойный царь, сама ты знаешь,
 Бывало слушался его совѣтовъ —

ДАРЕДЖАНА.

Если-бъ

Онъ слушался его совѣтовъ, о!
 Я-бъ не была теперь женой царя Вахтанга....
 Мой бѣдный пасынокъ сидитъ въ тюрьмѣ
 По милости его совѣтовъ....

ВАХТАНГЪ.

Я-бъ желалъ

Снискать его привязанность....

ДАРЕДЖАНА.

Увидимъ!

(Внутренность крепости мало-по-малу освещается кострами, раздаются шаги и звук оружия, слышны скрипы отворившихся ворот; Оттія възвѣсаетъ верхомъ; но его окружаютъ, надъ нимъ скрещиваются сабли, — онъ сходитъ съ лошади, — Зурабъ ведетъ его, обнажа кинжалъ. На голову Оттія терновый вѣнокъ, на шею веревочная петля).

ОТТІЯ ЧКЕНДЗЕ.

Вай-Вай! На все готовы! — Ведите хоть на казнь!
 Я головой своей давно не дорожу....
 Кому, кому нужна теперь моя
 Съдая голова — съдая, навсегда
 Покрытая ввнцомъ безчестья! — прахомъ
 Посыпанная, — бѣдная, — глухая,
 Слѣпая голова! о вай-ме! вай-ме! —
 Не думайте, что смерти я боюсь:
 Она одна моя послѣдняя надежда,
 Она одна укажетъ мнѣ, куда
 Мнѣ преклонить на старости моей
 Измученную голову! О вай-ме! вай-ме!
 Не смерти я боюсь; но легче мнѣ
 Быть казнену царицей Дареджаной,
 Чѣмъ казнену быть этимъ женолюбцемъ,
 Губителемъ своей отчизны, жалкимъ
 И легкомысленнымъ правителемъ, который
 Предпочитаетъ мнѣ всѣхъ вашихъ бѣглецовъ,
 Достойныхъ висѣлицы! — Вай-ме! Вай-ме!
 Гав Дареджана! умоляю васъ:
 Подите къ ней, скажите ей, — что вотъ-моль,
 Такой-то Оттія, съ повинной головой,
 Пришелъ не для того, чтобъ умолять
 Себя пощады....

ДАРЕДЖАНА.

Для чего же ты пришелъ?

ОТТІЯ ЧКЕНДЗЕ.

Чей этотъ голосъ! кто это? — Скажите,
 Чтобъ не ошибся я.... Царица ли
 Передо мной! Ее ли въ темнотѣ
 Не разглядѣть я слабыми глазами!

ДАРГДЖАНА.

Чего отъ насъ ты хочешь?

ОТТІА ЧКЕНДІЕ.

Ты ли это,
О государыня?! Склоняю предъ тобой
Я непреклонную главу мою; — кладу
У ногъ твоихъ — остатокъ дней моихъ.

ВАХТАНГЪ.

Встань, Оттіа — и прямо говори,
Чего отъ насъ ты хочешь?

ОТТІА ЧКЕНДІЕ.

Не о жизни
Пришелъ просить я — что мнѣ жизнь!
И не отъ смерти убѣжалъ я — что мнѣ смерть!
Не смерти я боюсь — боюсь позора!
Боюсь торжества моихъ враговъ!
И если вы въ моей последней просьбѣ
Откажете — съ проклятіемъ въ устахъ
На самого себя я руки наложу!
Объ эти камни разобью мой черепъ!
Самъ надъ собою совершу я казнь....
Самъ, государь, самъ, самъ....

ВАХТАНГЪ (тихо).

Онъ въ лихорадкѣ.

ДАРГДЖАНА.

Мнѣ кажется, что онъ съ ума сошелъ!

ВАХТАНГЪ.

Какая просьба, говори, старикъ?

ОТТІА ЧКЕНДІЕ.

Пришлите въ лагерь нашъ — кого-нибудь
Изъ плѣнныхъ -- дайте знать Дадьяну,
Что я сюда благополучно прибылъ,
И благосклонно принять вами. Пусть
Жена его, узнавши эти вѣсти,
Кричитъ и топаетъ ногами. Пусть Дадьянъ

Клянеть свою неосторожность — и
 Жалветь, что советами моими
 Онъ пренебрегъ.... Пусть думаютъ Мингрелы,
 Что я больной, обиженный старикъ,
 Что я.... бвглець опасный, — могъ
 Вамъ принести и счастье и победу, —
 И я умру спокойно подъ кинжаломъ,
 Охотно голову мою вложу
 Хотъ въ эту петлю. —

(допрогивается до веревки)

И умру,
 Благословляя васъ на счастье и победу. —

ВАХТАНГЪ.

Зурабъ, ступай! вели трубить въ рога!
 И если можно, отпусти на волю
 Двухъ пльвниковъ мингрельскихъ, нами
 Захваченныхъ въ последней стычкѣ; — если
 Еще не уморилъ ихъ голодъ, пусть идутъ —
 И разглашаютъ въ лагерь Дадыана,
 Что бвглеца ихъ, Оттїя Чхеидзе,
 Мы съ честью приняли, какъ друга.

ОТТІЯ ЧХЕИДЗЕ.

О государь! о добрая царица!

ДАРИДЖАНА.

Вотъ то-то же, старикъ! настало время,
 Что ты пришелъ ко мнѣ съ повинной головой!
 А помнишь ли? — со мной бороться
 Ты думалъ — явную вражду ко мнѣ
 Питалъ, — и ссорилъ, то съ покойнымъ мужемъ,
 То съ пасынкомъ — то О, я помню!
 Все помню — никогда я не забуду,
 Какъ ты, скрывая лукъ, пускалъ въ меня
 Свои отравенныя стрѣлы.... Что теперь!
 Чье торжество? Кто передъ кѣмъ склоняетъ
 Свою главу! — ты или я? — Вахтангъ,
 Вели кому-нибудь опупать платье
 У этого Мингрельца — можетъ быть
 Онъ спряталъ въ немъ оружіе. —

ОТТІА ЧЖЕЖДАН.

Ищите,

Я вашего доврїя ничѣмъ
Не заслужилъ еще.

ДАРЕДЖАНА.

Я рада вѣрить —
Но чѣмъ ты мнѣ докажешь, на примѣръ,
Что ты хитрить не вздумалъ.

(Слышенъ звукъ роговъ. Зурабъ возвращается.)

ОТТІА ЧЖЕЖДАН.

Я? — хитрить?

Вай! вай! неужели я хитрый человекъ!
Въ тѣ дни, когда тебя я ненавиждь
Не явно ли я шелъ противъ тебя?
Моя любовь и преданность моя
Къ покойному царю приобрѣла ли
Мнѣ откровенность юнаго Баграта?
Моя довѣренность къ нему, мое дитя
Не погубила ли навѣки?..
О если-бъ я хитрилъ — зачѣмъ бы сталъ
Я враждовать съ Дадьяномъ? Боже мой,
Мнѣ было-бъ выгоднѣй хитрить съ Воменки,
Чѣмъ съ вами. Я бы не довелъ себя
До униженья, кланяться врагамъ,
Надѣвъ позорную веревку!

ВАХТАНГЪ.

Скинъ ее —

Быть можетъ самъ Господь тебя послать
На нашу сторону, — клянись не изменять, —
И мы друзья твои!

ДАРЕДЖАНА.

Зурабъ! — вели
Послать постель для Оттїа — и если
Онъ голоденъ, вели сейчасъ зажарить
Барана — принеси вина — чѣмъ можешь,
Тѣмъ ты и угости его. — Пойдемъ,
Вахтангъ — я чувствую, что отдыхъ мнѣ

Необходимъ теперь. — Прощай, старикъ!
 Спи съ миромъ, — отдохни съ дороги.
 Я забываю прошлыя обиды,
 И принимаю съ радостью врага
 Враговъ моихъ. — Такъ, до свиданія!
 До завтра! — Гдѣ теперь твоя Пепелла,
 Здорова ли она?

ОТТІЯ ЧКЕНДЗЕ.

Не знаю, — я ее
 Не завозилъ домой — я прямо въ монастырь
 Ее отвезъ — и не видалъ съ тѣхъ поръ. —

ДАРЕДЖАНА.

Ты слишкомъ строгъ — намъ надо будетъ за мужъ
 Ее отдать; но, мы объ этомъ послѣ
 Поговоримъ.... Прощай.

ВАХТАНГЪ.

Прощай, до завтра. —
 (*Уходитъ*).

ОТТІЯ ЧКЕНДЗЕ (въ сторону).

Она забыла прежнія обиды!
 Нѣтъ — я ихъ не забуду! — Клянусь
 Душей покойнаго царя, — тюрьмой Баграта, —
 Слезами дочери....

ЗУРАБЪ.

Пойдемте, господинъ!
 Я уступлю вамъ собственную тахту,
 Вы можете на ней и ужинать и спать.
 Я, слава Богу, ничего не ъмъ,
 И слава всемъ святымъ Его — не сплю!
 Мнѣ тахта не нужна, — пойдемте!
 (*Уходитъ*).

СЦЕНА XV.

(*Комната въ крѣпостномъ дворцѣ передъ дверьми въ совѣтъ*).

Князь Авашидзе и князь Георгій (*племянникъ Циретелли*).

КНЯЗЬ АВАШИДЗЕ (въ полголоса).

Ради Бога, князь! удержи твою руку — не мсти тому, кто
 явился къ намъ какъ единственный мститель нашъ. — Да и кто ска-

заль тебѣ, что Оттіа Чхеидзе убилъ твоего дядю — воздержи себя, князь! — Знай, что правду открываютъ одни только непредвидѣнные случаи. — Я говорилъ тебѣ, что Ростомъ умеръ на моихъ рукахъ. — Братья подняли его облитого кровью, отнесли въ родную саклю — и тамъ думали исцѣлить его. — Я блуждалъ въ лѣсу, — мое сердце также истекало кровью, и если-бъ не случай, я до сихъ поръ не зналъ бы истины, до сихъ поръ проклиналъ бы невиннаго Баграта. Ростомъ, всю жизнь свою не говорившій правды, не умѣлъ солгать за часъ до смерти. — Я, ты, Оттіа Чхеидзе — Пепелла, дочь его, моя невеста, — и самъ Баграць — мы все — жертва Дареджаны — мы все были въ сѣтяхъ ея. —

КНЯЗЬ ГЕОРГІЙ.

Что ты говоришь мнѣ про этого Оттіа?

КНЯЗЬ АВАШЕИДЗЕ.

Тише! — одна только дверь отдѣляетъ насъ. —

КНЯЗЬ ГЕОРГІЙ.

Дареджана ласкаетъ этого Мингрела — зоветъ его на совѣщаніе — тогда какъ я — тогда какъ мы — природные имеретинскіе князья, — и для насъ заперты все двери! — О, этой обиды я не вынесу; я подниму всю крѣпость, я выломаю темничныя двери Баграта — и лучше поклонюсь законному царю слышу — чѣмъ этой женщинѣ. —

КНЯЗЬ АВАШЕИДЗЕ (тихо).

Князь! въ прошлую ночь я узналъ отъ Оттіа — (*осторожно оглядывается*).... но приходи ко мнѣ позднѣе въ Сѣверную башню — тамъ моя спальня — мы будемъ играть въ *нард* и поговоримъ. — Прощай!

(*Уходитъ*).

КНЯЗЬ ГЕОРГІЙ.

Хорошо! — Чтобъ отомстить этому старому злодю, у меня всегда достанетъ времени — развѣ мало по моей милости отправи-лось туда, въ долгое селеніе (*).

(*Входитъ Зурабъ*).

Что ты за человекъ?

ЗУРАБЪ.

* Славу Богу, нынѣшній день ни одного выстрѣла, — этотъ Оттіа Чхеидзе — счастливый человекъ; дай Богъ ему всегда и во всемъ

(*) Т. е. на тотъ свѣтъ.

победы и благополучія. Вчера пріѣхалъ нѣкто князь Георгій, и сказывалъ, что Мингрелы куда-то далеко перенести лагерь свой. — По всему видно, что наше храброе сопротивление надобно имъ. — Дай Богъ! —

КНЯЗЬ ГЕОРГІЙ.

Что ты тутъ говоришь объ князь Георгіѣ?

ЗУРАВЪ.

А тебѣ что надобно? —

КНЯЗЬ ГЕОРГІЙ.

Я хочу знать, что ты за птица? —

ЗУРАВЪ.

Ба! князь Георгій! — что я за птица! я начальникъ крѣпости — я тотъ самый человекъ, который отперъ для тебя ворота и впустилъ сюда. —

КНЯЗЬ ГЕОРГІЙ.

Ты должно быть очень глупъ!

ЗУРАВЪ.

Знай я, что ты будешь обижать меня — я бы никогда не пустилъ тебя въ ворота. — Я бы сказалъ Вахтангу, что потерялъ ключи отъ крѣпости. —

КНЯЗЬ ГЕОРГІЙ.

Ну, и тебя бы за это повѣсили?

ЗУРАВЪ.

Ну, да, повѣсили. — А ты, до утра, или умеръ бы съ голоду, или бы попалъ въ плѣнь къ непріятелямъ. —

КНЯЗЬ ГЕОРГІЙ.

Хорошо, хорошо! впусти меня въ эту комнату. —

ЗУРАВЪ.

Нельзя, тамъ совѣтъ, — и комната заперта.

КНЯЗЬ ГЕОРГІЙ.

А кто тамъ?

ЗУРАВЪ.

Царь, парица, грузинскій католикосъ, кутаисскій митрополитъ, Оттія Чхендзе, князь Малабеловъ, князь Впрочемъ, не мое дѣло всѣхъ высчитывать....

КНЯЗЬ ГЕОРГІЙ.

Ну, если не твое дѣло высчитывать — пойдемъ-ка, братъ, вышпимся — пока опять не начнутъ стрѣлять; а то, пожалуй, плохо будетъ! — и тебѣ.... и всѣмъ....

(Нахально обнимаетъ его, и они уходятъ).

ВАХТАНГЪ И ОТГІЯ ЧКЕИДЗЕ.

Потомъ ДАРЕДЖАНА.

ВАХТАНГЪ.

Всѣ согласились, Отгія любезный,
 Что твой советъ и мудръ и справедлив!
 Пол-Имеретіи не можетъ слышать
 Спокойно имени Вахтанга — и толпы
 Имеретинъ становятся въ ряды
 Мингрельскихъ прищипцевъ и жгутъ
 Свои дома, чтобъ только угодить
 Дадьяну — режутъ по дорогамъ — грабятъ —
 Опустошаютъ цѣлыя селенья...
 И къ довершенью зла, (спаси Создатель!)
 Мы слышимъ, шахъ-Навазъ—грузинскій царь,
 Магометанинъ, и вассалъ Ирана,
 Даетъ присягу шаху, привести
 Ему въ подданство христіанскій край —
 На Имеретію онъ собираетъ войско.
 Увы! что пользы въ томъ, что князь Дадьянъ
 Оставитъ насъ въ покоѣ, и ограбивъ,
 И превративши въ пепель цѣлый городъ,
 Уйдетъ къ себѣ, домой, въ Оленьи горы. —
 Что пользы! новые появятся враги...
 Съ какою цѣлью — на примѣръ, вчера
 Приѣхалъ этотъ князь Георгій! —

ОТГІЯ ЧКЕИДЗЕ.

Съ цѣлью ●

Мнѣ отомстить за дядю своего.

ВАХТАНГЪ.

Неужели! — *(Молчаніе)*. Да, Отгія, все царство
 Мое заключено въ пространство этихъ
 Зубчатыхъ стѣнъ, съ бойницами, — и съ нимъ

Едва могу я справиться! Повѣрь,
 Когда еще царемъ я не былъ, — я
 Былъ господиномъ царства въ десять разъ
 Сильнѣйшаго!...

Судьба играетъ мной, —
 Чемъ кончится игра судьбы — не знаю, —
 Мои предчувствія пророчатъ мнѣ
 Плохой конецъ. —

ОТТІА ЧКЕИДЗЕ.

Предчувствію не вѣрь,
 Дождись конца — и не серди судьбу
 Напрасной жалобой! — Ты царь!

ВАХТАНГЪ.

О, да!
 И такъ, ты думаешь, не медля ни минуты,
 Я долженъ ѣхать въ Истамбуль къ султану
 За покровительствомъ.

ОТТІА ЧКЕИДЗЕ.

Да, государь,
 Ты только этимъ и себя и все
 Свое потомство можешь на престолъ
 Упрочить (*въ дверяхъ показывается Дареджана*).

Да, — да, повелитель мой,
 Желалъ бы я найти въ моемъ умѣ...
 Другое средство — но другаго средства
 Не нахожу, — ты долженъ ѣхать.

ДАРЕДЖАНА (выходя на сцену).

Долженъ.
 Неужели такъ велика опасность!
 Неужели моя судьба такъ зла!
 Ахъ, Оттіа! найди въ твоемъ умѣ
 Другое средство — и подай другой
 Совѣтъ! — Неужели необходимо
 Ему меня покинуть — и летѣть
 Быстрѣ вѣтра въ незнакомый край. —
 Какъ у тебя языкъ пошевелился
 Въ такое время дать такой совѣтъ. —
 Три мѣсяца тому назадъ, сама бы

Я полетѣла въ Истамбуль къ султану,
И можетъ быть, покинула бѣ Вахтанга
Безъ сожалѣнья. — Но теперь.... теперь....
Клянусь тебѣ, что я умру съ тоски, —
Изною вся отъ ожиданья! — Неизвѣстность.
Мнѣ хуже смерти — что съ нимъ будетъ? О,
Другъ Оттія! придумай что-нибудь!

ОТТІЯ ЧКЕНДЗЕ.

Я буду думать.

ДАРЕДЖАНА.

Лучше-бъ я вскочила
На дикаго коня и бросилась бы въ свѣчу
Кровавую! Да! легче умереть,
Чѣмъ день за днемъ тоски и страха
Пить горькій ядъ по капль, и не знать
Навѣрное, что тамъ на днѣ? — хоть капля
Отрады есть ли тамъ? о Боже!

ВАХТАНГЪ.

Дареджана!

Я не повду — будь, что будетъ!
И если суждено мнѣ умереть....

ДАРЕДЖАНА.

Умереть!

О, милый мой, кто говоритъ о смерти!
Неужели затѣмъ добилась трона я,
Чтобъ умереть! — неужели затѣмъ
Имеретинская корона засіяла
На головѣ твоей, чтобъ я была
Опять вдовой, — опять женою твои,
.....
Ты не повдешь!... Но.... чтобъ умереть,
Не стоитъ оставаться!...
Скажи мнѣ, Оттія, во сколько дней,
Онъ можетъ въ Турцію къ султану
Довхатъ и назадъ вернуться!

ОТТІЯ ЧКЕНДЗЕ.

Въ осемь дней

До Арзерума, черезъ Ахалыкъ,
А тамъ недѣли черезъ полторы

До Истамбула, — думаю, царица,
 Что через мѣсяць мы услышимъ вѣсти
 Что твой супругъ стоитъ у Шаропани,
 Съ турецкимъ войскомъ. — Такъ, похоть
 Грузинскаго царя заставить разбѣжаться
 Мингреловъ; потому что, нашъ Дадьянъ
 Захочетъ отъ него укрыть добычу,
 Которую успѣлъ онъ захватить. —
 А неожиданный супруга твоего
 Походъ — грузинскаго царя заставить
 Попытаться назадъ! — Теперь, суди,
 Удачны ли мои соображенья!

ДАРЕДЖАНА.

Богъ вѣсть удачны ли! — конечно, если
 Достаточно и хлѣба и вина,
 Всего, что нужно, для того, чтобъ мѣсяць
 Сидеть въ осадѣ — въ крѣпостныхъ стѣнахъ, —
 Твои соображенія удачны,
 А если нѣтъ — ворота Кутаиса
 Отворить голодъ — и тогда къ чему
 Послужать намъ Турецкіе отряды!

ОТТІЯ ЧХВЕДЗЕ.

На цѣлый мѣсяць хлѣба и вина
 У васъ достаточно — подземная труба
 Обильною снабжаетъ васъ водою.
 По прежнему, самъ непріятель, ночью
 Вамъ будетъ продавать барановъ за пиастры. —
 У васъ казна еще богата — и едва ли
 Когда-нибудь ворота Кутаиса
 Отворить голодъ. —

ДАРЕДЖАНА.

Что сказать на это!
 Я вижу, мы должны разстаться!
 Онъ долженъ вѣхать въ Истамбуль, —
 Я въ крѣпостныхъ стѣнахъ должна страдать,
 А ты, ты долженъ провожать Вахтанга.

ОТТІЯ ЧХВЕДЗЕ.

Я, государыня?

ДАРЕДЖАНА.

Да, я прошу тебя!
 Какъ ты, я лучшаго проводника
 Не знаю для супруга моего — ты знаешь
 Окрестные лѣса, и каждая тропинка
 Въ горахъ тебѣ известна. — Ты одинъ
 Способенъ дать советъ благоразумный —
 Ты въ Ахалцыхъ вѣжалъ и знаешь
 Языкъ турецкій, ты знакомъ съ пашой,
 И стало быть...

ОТТІА ЧХЕИДЗЕ.

Я слишкомъ старъ, царица!
 Ты на меня напрасно возлагаешь
 Свои надежды! Я почти ослѣпъ,
 Почти оглохъ — и даже поглупѣлъ. —
 Быть можетъ, государь найдетъ себя.
 Другихъ проводниковъ.

ВАХТАНГЪ (Дареджанъ).

О! да, мой другъ,
 Не лучше ли ему съ тобой остаться —
 Пусть будетъ онъ советникомъ твоимъ. —

ДАРЕДЖАНА.

Не нужны мнѣ его советы — я останусь
 Одна... я чувствую теперь, что я
 Могу одна остаться! — Я одна
 Уберегу твою корону — потому
 Что въ ней вся жизнь твоя, и все —
 Все лучшія мои надежды! —

(Указывая на Оттія Чхеидзе)

Онъ поклянется всѣмъ священнымъ
 Съ тобой не разлучаться — и клянусь,
 Хоть цѣлый годъ, — не только мѣсяцъ,
 Я буду ждать возврата твоего.
 Я буду плакать, буду унижаться,
 Я на колѣни стану передъ нимъ,
 Чтобъ только онъ не отказался
 Быть гениемъ хранителемъ твоимъ!...

ОТТІЯ ЧХВИДЗЕ.

Царица, я слуга твой! Посылай
 Меня — хоть въ Индію!

ДАРЕДЖАНА.

Спасибо....

Дай руку! — Собирайся-жь, другъ мой,
 Въ дорогу! нынче или завтра ночью,
 Какъ было сказано — тайкомъ, безъ шума,
 Вы спуститесь къ Ріону. — Я.... сама
 Васъ провожу. — До половины ночи
 Луна не всходитъ....

ВАХТАНГЪ.

Ты меня проводишь!...

А сколько поцѣлуевъ ты мнѣ дашь
 На разставанье?...

(Уходя цѣлуетъ ее).

ОТТІЯ ЧХВИДЗЕ.

Кто перехитритъ

Такую женщину — тому недолго жить.

СЦЕНА XVI.

Лѣсъ въ окрестности Кутанса. Глухая ночь.

*(Толпа вооруженныхъ Мингреловъ, — потомъ царь Вахтангъ,
 Джумишунн и Оттія Чхвидзе).*

1-й мингрельскій дворянинъ.

Да развѣ ты не видалъ, — только что сѣло солнце....

2-й мингрельскій дворянинъ.

Да я нынче и солнца то не видалъ — весь день туманъ.

1-й мингрельскій дворянинъ.

Только что сѣло солнце — гляжу, два огонька съ сѣверной
 башнѣ — ну, думаю, слава святому Георгію. —

2-й мингрельскій дворянинъ.

Если они потушли — ясно, что Оттія на дорогѣ къ этому лѣсу. —

1-й.

Да, ну а если задуль ихъ ввтерь. — Ва! если-бы задуль ихъ ввтерь — ихъ бы опять зажгли. — Константинъ-Швили! поди сюда — гдѣ ты?

СЛУГА.

Что, господинъ?

1-й мингрельскій дворянинъ.

Взберись-ка на этотъ пригорокъ — оттуда видна вся окрестность. — Посмотри, на лѣво отъ главныхъ воротъ, вторая башня.... Горитъ ли тамъ огонь — или нѣтъ? Въ этой трущобѣ мы будемъ ожидать тебя....

СЛУГА.

Хорошо, господинъ.

2-й дворянинъ.

Не худо бы послать къ Дадьяну сказать, чтобъ вина прислалъ — Оттїа запретилъ намъ пѣсни пѣть, а вино, какой нехристь запретить намъ пить, когда пить хочется.

1-й дворянинъ.

Или спать, — когда поневоля спишь....

3-й дворянинъ (*поспѣшно выходя изъ лѣсу*).

Тише! сюда идутъ.

1-й дворянинъ.

А! сюда идутъ! отвязывай лошадей! Откодите въ сторону. —

(Скрываются въ лѣсу).

Входитъ ВАХТАНГЪ и ОТТІА ЧХИМЕДЗЕ.

ВАХТАНГЪ.

Еще луна взойдетъ не скоро — ночь темна,
Мы, славу Богу, миновали лагерь....

ОТТІА ЧХИМЕДЗЕ.

Да, славу Богу, миновали лагерь....

ВАХТАНГЪ.

Какая грязь въ лѣсу. —

ОТТІА ЧХИМЕДЗЕ.

Да, государь....

Да, мы пѣшкомъ далеко не уйдемъ!

Лютяи! подлые рабы! — не имъ ли
Я приказалъ трехъ лошадей моихъ,
Совсѣмъ осѣдланныхъ, на всякій случай
Здѣсь привязать — и сряду, ровно десять
Ночей, — до утренней зари, меня
Здѣсь дожидаться....

(Свиститъ).

(Вахангъ выхватываетъ мечъ).

ОТТЯ ЧЖИДЗЕ.

Ба! ты выпнулъ мечъ —
Ты мнѣ не доверяешь, государь —
Или боишься? —

ВАХАНГЪ.

Если гдѣ-нибудь
Засада.... дорого продамъ я жизнь —
О, я не трусь....

(Вкладываетъ въ ножны).

Однажды, на дорогъ
Напали на меня семейные враги; —
Ихъ было двадцать человекъ, — со мною же
Не болѣе шести вооруженныхъ. —
Двѣ пули просвистѣли мимо; — но
Мы выхватили сабли — и на мѣсть
Въ одно мгновение ока положили
Семь тѣлъ....

ОТТЯ ЧЖИДЗЕ.

Конечно, государь — живые
Мы не дадимся въ руки.... Къ сожалѣнью,
Здѣсь, въ этой темной балкѣ, кромѣ глупыхъ
Моихъ служителей, мы никого не встрѣтимъ. —
(Изъ лѣсу показываются Мингрелы).

ВАХАНГЪ.

Они ли это? — цѣлая толпа!...
Ихъ что-то много....

ОТТЯ ЧЖИДЗЕ.

Кто здѣсь?! Подходите! —
Что новаго? —

ВЪ ТОЛПѢ.

Ты приказалъ, чтобъ мы
Готовы были....

ОТТІА ЧХЕИДЗЕ.

Что-жь? Осѣдланы ли кони?

ВЪ ТОЛПѢ.

Осѣдланы. —

ОТТІА ЧХЕИДЗЕ.

Спасибо. — Проводите
Насъ за границу. — Съ вами, я увѣренъ,
Мы безопасны отъ разбоевъ....

ВАХТАНГЪ.

Проводите —

И я васъ награжу по-княжески. — И такъ,
Мы ѣдемъ —

ОТТІА ЧХЕИДЗЕ.

Ѣдемъ, государь. Садись

На эту лошадь. Съ Богомъ. —

*(Къ Вахтангу подводятъ лошадь и въ то время, когда онъ хо-
четъ на неѣ садиться, схватываютъ его за руки и скручиваютъ
веревками).*

ОТТІА ЧХЕИДЗЕ *(верхомъ на лошади, спо-
койно обращаясь къ Вах-
тангу).*

Ты въ плѣну. —

ВАХТАНГЪ.

Измѣна!

ОТТІА ЧХЕИДЗЕ.

За измѣну....

ВАХТАНГЪ *(потрясшись).*

Что со мной

Ты хочешь дѣлать! Сатана!

ОТТІА ЧХЕИДЗЕ.

Все то же,

Что вы съ Баграмомъ....

Гдѣ Дадьяны?

МЕНИГРЯНЪ.

Дадьянъ

Не далеко отсюда, — въ лагерь....

ОТТЯ ЧЖИДЖА.

За мной!!

ВАХТАНГЪ.Сбылось предчувствіе — въ послѣдній разъ
Я видѣлъ Дареджану!*(Его увлекаютъ).***СЦЕНА XVII,**

и послѣдняя.

Спальня Дареджаны.

*(За стѣнами слышны выстрѣлы, шумъ и крики. Дареджана входитъ, закрывъ лицо руками, — за нею Тинатина, ломая руки).***ДАРЕДЖАНА.**Онъ взять.... Онъ ослѣпленъ!.. О вай-ме!
Со всѣхъ сторонъ измѣна! — Боже! Боже!
Скажите, что со мною? — Можетъ быть
Горячка — бредъ.... не даромъ въ эту ночь
Я не могла согрѣться! О, да развѣ
Я не во снѣ все это вижу?!.. Кто принесъ
Мнѣ эту новость!.. Кто?!..**ТИНАТИНА.**

Вай! Бай! пришелъ

Послѣдній день.... пришелъ!

ДАРЕДЖАНА.

Молчи, старуха!

Какой послѣдній день? Чей день
Послѣдній!.. Если твой? — Стунай, — молись —
Жди смерти, — дѣлай все, что хочешь; но
Молчи при мнѣ, старуха! Мнѣ ненужно
Твоихъ несносныхъ жалобъ, — и о чемъ
Тебѣ жалеть! и какъ ты можешь,
Въ моемъ присутствіи вздыхать и плакать!

НИСТАНЪ-ДАРЕДЖАНА.

(Входитъ въ траурномъ платьѣ съ распушенными волосами; она подходитъ къ Тинатинъ и беретъ ее за руку).

Ахъ, няня! гдѣ ты! — Мы совсѣмъ пропали,
Запрячь меня куда-нибудь, запри
Меня въ сундукъ, чтобъ только я
Не видѣла.... не слышала!...

ДАРЕДЖАНА.

Дитя, —

Чего ты испугалась? Приступъ — что-жъ такое!
Твое окно разбила можетъ быть
Какимъ-нибудь обломкомъ кирпича —
И ты ужъ испугалась. Этотъ шумъ
Тебя пугать не долженъ —.... Непрiятель
Войдти не можетъ въ крепость.... У него
Нѣтъ пушекъ.... а у насъ.... Чего бояться!...
Не разрываи мнѣ сердце этимъ плачемъ
Ты видишь — я не плачу....

НИСТАНЪ-ДАРЕДЖАНА.

Ахъ! сюда

Бѣгутъ....

(Вбѣгаетъ Зуравъ, и въ крови падаетъ у ногъ Дареджаны).

ЗУРАВЪ.

Царица!... умираю! —

ДАРЕДЖАНА.

Или

Дѣйствительно пришелъ послѣднiй день!

ЗУРАВЪ.

(Умирающимъ голосомъ).

Георгiй Циретели взбунтовалъ народъ,
Князь Абашидзе.... выбилъ двери.... Царь
Багратъ на площади.... Я.... я.... царица....
Я защищался. — На!... возьми ключи.
Отъ крепости.... Дай руку....

(Умираетъ).

ДАРЕДЖАНА.

Громъ небесный!
Илья пророкъ! святой Георгій!

(За сценою слышны крики).

Ги-ги!!..

Да здравствуетъ нашъ царь Багратъ!

НЕСТАНЪ-ДАРЕДЖАНА.

(Вслушиваясь).

Гдѣ царь Багратъ? Онъ живъ еще! онъ тамъ —
Кому кричать: да здравствуетъ Багратъ!

(Вырываясь изъ рукъ Тшатини).

Пусти меня! Я не боюсь теперь
Ни смерти, ни тебя, ни Дареджаны!...

(Убѣгаетъ).

ДАРЕДЖАНА.

Нестанъ!...

Куда она?..

Что тамъ за крики?!..

Какой Багратъ?!.. Мой пасынокъ!...

Мой узникъ!...

Кто смѣлъ кричать — да здравствуетъ Багратъ?

Измѣна.... кровь.... осада.... приступъ....

Зачѣмъ же нѣтъ еще землетрясенья,

Чтобъ эти стѣны на меня, на васъ, на всѣхъ

Обрушились! —

(Вбѣгаетъ князь Мочабековъ).

КНЯЗЬ МОЧАБЕКОВЪ.

Царица! на щитахъ

Несутъ Баграта. — Вѣтеръ сорвалъ

Съ ея лица повязку — онъ похожъ

На плачущаго мертвеца съ глазами

Закрытыми.... Онъ блѣденъ и ужасенъ. —

Его платокъ кровавый подхватили,

И покрываютъ поцѣлуями. — Скажи,

Что дѣлать? Каждая слеза его

Питааетъ чувство жалости и мести —

Все возстаетъ противъ тебя. — Въ ворота

Стучать и ломятся толпы Мингреловъ —
 Какъ градъ летять каменя въ крепость — и
 Никто не защищается! — Спѣши, —
 Со стѣнъ и башенъ раздаются крики:
 За здравствуетъ Багратъ!

ДАРЕДЖАНА.

И ты изменникъ!

КНЯЗЬ МОЧАБЕЛОВЪ.

Нѣтъ, я умру съ тобой и за тебя!...

ДАРЕДЖАНА.

Такъ на-жъ ключи отъ крепости — возьми!
 И если ты когда-нибудь любилъ
 Твою царицу, — спрячь ключи, тайкомъ
 Или мечемъ дорогу проложи
 Къ воротамъ — отвори ихъ — ипусти
 Сюда враговъ моихъ....

Не я царица!

Такъ пусть же погибаетъ царство!

МОЧАБЕЛОВЪ (*схватывая ключи*).

Если

Не мнѣ дышать твоей любовью, погибай!
 Твоимъ врагамъ я отворю ворота.
 Прощай, прощай!

(*Убѣгаетъ*).

ДАРЕДЖАНА (*какъ бы опомнившись*).

Нѣтъ, погоди —

Князь Мочабеловъ!... Я сама... не понимаю,
 Чтѣ говорю....

Зурабъ!... Зурабъ!... вставай!

Бѣги!... скажи ему: ненадо... вырви
 Ключи изъ рукъ его.... Зурабъ!!...

Онъ мертвъ!!

(*Стоитъ въ оцѣпеленнѣи, потомъ говоритъ прерывающимся голосомъ*).

И я.... могла.... повѣрить.... старику
 Проклятому Чхеидзе!... Я могла
 Ему.... вручать.... супруга моего!...
 Просить ... молить его быть провожатымъ!
 Быть геніемъ хранителемъ его....
 О!... Я съ ума сойду!

(*Слышенъ страшный шумъ, топотъ, крики и звукъ оружія*).

Какъ! Неужели

Князь Мочабеловъ отворилъ ворота?...

(Поспѣшно запираетъ дверь задвижками, блѣдная идетъ на авансцену).

Все кончено! — не устояла крѣпость —
 Не устояло царство Дареджаны!
 Сама я отдалась моимъ врагамъ —
 Проклятіе на голову мою!

(Крики за дверями).

ДАРЕДЖАНА.

Неужели меня не пощадятъ!

Куда бѣжать? Вай, вай! Сама себя
 Я заперла въ темницу! Гдѣ вѣнецъ мой!
 Пока жива царица Дареджана,
 Кто смѣетъ Дареджану развѣнчать?!

(Надѣваетъ корону).

Смотрите! вотъ она! Моя корона! —
 Безстрашнымъ взоромъ я встрѣчаю васъ.
 Я-ль не царица—двухъ царей вдова!
 Или вѣнецъ мой соблазняетъ васъ.
 Долой вѣнецъ! — Онъ обманулъ меня —
 Безъ царства я хотѣла быть царицей
 Возьмите все мое
 И золото и дорогія ткани! —

Лишь только жизни я прошу у васъ!
 Мнѣ ничего ненадо кромѣ жизни!...

(Дареджана въ ужасѣ остается неподвижною. Шумъ усиливается—двери готовы рухнуть. Занавѣсъ падаетъ).

К о н е ц ъ.

МОСКВИТЯНИНЪ.

1852.

№ 8.

Апрѣль.

Кн. 2.

КАРТИНЫ ДРЕВНЯГО МИРА.

В И Д Ъ Н І Е.

.....

Прояснилася даль.... Изъ тумана
Засяглася зыбь океана,
Поднялися громады маститыя горъ,
И земли необъятной равнина,
Вся въ свѣту и въ тьнѣ, подъ небеснымъ шатромъ
Разосталася круглымъ, цвѣтистымъ ковромъ.

Каменная степь.... Палестина....
Вотъ съдой Араратъ, вотъ угрюмый Синай,
Почернѣлые кедры Ливана,
Серебристая битъ Иордана,
И Десницей карающей выжженный край,
И возлюбленный градъ Саваоа:
Здѣсь Сионъ въ тощей зелени маслинъ, а тамъ
Кушы низкихъ домовъ съ плоской кровлею, храмъ,
Холмъ и крестъ на немъ праздный.... Голгоа....

Къ югу степь—безъ границъ.... Перекатной волной
Ураганы песокъ поднимають,
И на немъ оазисы мелькають,
Какъ зеленый узоръ на парчѣ золотой.
Красной пылью одѣты, деревья
Клюють книзу вершины подъ гнѣтомъ плода;
Разбрелись табуны кобылицъ и стада
Вкругъ убогихъ наметовъ кочевья;

Смуглоликихъ наѣздивковъ рыщутъ толпы ;
 Воздухъ пламенемъ встрѣчу имъ пышетъ,
 А по воздуху мѣрево пишетъ
 Свои башни, палаты, мосты и столпы....

Переливной, гремучей змѣею,
 Безконечныя кольца влача черезъ иль,
 Въ тростникахъ густолиственныхъ тянется Нилъ;
 Города многочисленной семьей
 Улеглись на значныхъ его берегахъ;
 Блещутъ свѣія воды Мерида;
 Пирамида, еще пирамида,
 И еще, и еще, на широкихъ стопахъ
 Опершись, поднялися высоко;
 Обелисковъ идетъ непрерывная цѣпь;
 Полногрудые сфинксы раскинулись, въ степь
 Устремляя гранитное око....

Ветхій Индъ и Гангесъ среброводной четой
 Катать волны въ далекое море.
 Вѣковые лѣса на просторѣ
 Разрослися вездѣ непроглядной стѣной;
 Мелкой стѣею заткали лианы
 Всѣ просвѣты съ верхушекъ деревъ до корней;
 Попугаи порхаютъ; съ тяжелыхъ вѣтвей
 Съ визгомъ прыгаютъ внизъ обезьяны;
 Тигръ мохнатую лапу замурясь сосетъ;
 Птичекъ восится легкая стая;
 Осторожно сучки раздвигая,
 Слоны тяжелою поступью тихо бредеть;
 На коврахъ изъ цвѣтовъ и изъ ягодъ
 Змѣи вѣжата, свившись упругимъ кольцомъ,
 И сквозь темную зелень зубчатымъ вѣнцомъ
 Выдвигаются куполы пагодъ....
 Подъ нависшимъ ихъ сводомъ во мракѣ блеститъ
 Въ драгоценныхъ каменьяхъ божица;
 Безобразныя идоловъ лица
 Лучъ подземной лампы слегка золотитъ;

Предъ богами жрецы-изувѣры,
 Преклоняся во прахъ, благовонія жгутъ,
 И въ неистовой пляскѣ кружась, поютъ
 Свой молитвенный гимнъ баядеры....

Съверь... Полночь.... Теряясь въ безвѣстной дали,
 Разметались широко поляны;
 Смурой шапкой повисли туманы
 Надъ челомъ побѣлѣлымъ холодной земли.
 Нечѣмъ тѣшить пытливые взоры:
 Снѣгъ да снѣгъ, все одинъ вѣчнодвѣственный снѣгъ,
 Да узоры лиловые скованныхъ рѣкъ,
 Да сосновые темные боры.
 Съверь спитъ: усыпилъ его крѣпкій морозъ,
 Уложила съдая подруга,
 Убаюкала буйная вьюга....
 Не проснется во-вѣкъ задремавшій колосъ?
 Или къ небу отцизны морозной
 Приподниметь главу, отягченную сномъ,
 Зорко глянетъ очами во мракъ ночномъ
 И воспрянетъ громадою грозной?..
 Онъ воспрянетъ, и, долгій нарушивши миръ,
 Глыбы снѣга свои вѣковыя
 И оковы свои ледяныя
 Съ мощныхъ членовъ страхнетъ на испуганный миръ!...

Словно юная нимфа—наяда,
 Въ свѣтлоструйномъ хитонѣ, съ вѣнчанной главой,
 Изъ подводныхъ чертоговъ, изъ бездны морской
 Выплываетъ небрежно Эллада....
 Прорвзныя ряды величавыхъ холмовъ,
 Острова, голубые заливы,
 Виноградники, снѣлыя нивы,
 Сладкозвучная сѣнь кипарисныхъ лѣсовъ,
 Рошей пальмовыхъ темные своды
 Созданы для любви, наслажденья и нѣгъ.
 Чудесами искусствъ увѣнчалъ человекъ
 Вѣковѣчная дѣва природы:

Вдохновеннымъ напѣвамъ слѣпаго пѣвца
 Вторятъ струны чарующей лиры;
 Въ красотѣ первобытной кумиры
 Возникаютъ подъ творческимъ взмахомъ рѣзца;
 Взоръ дивятъ восковыя картины
 Смѣлымъ очеркомъ лицъ, сочетаемъ цвѣтовъ;
 Горделивой красовой храмовъ, стѣнъ и домовъ
 Спорятъ Спарта, Коринѣъ и Аѳины....

—

Семихолмный, могучій, раскидистый Римъ,
 Со своей нерушимой стѣною,
 Со своею Тарпейской скалою,
 Съ Капитоліемъ, съ пѣнистымъ Тибромъ своимъ.
 Груды зданій надъ грудами зданій:
 Термы, капища, кровли домовъ и палатъ,
 Триумфальныя арки, дворцы и сенатъ
 Въ коронадахъ нагихъ изваній
 И въ тройномъ ожерельѣ гранитныхъ столповъ....
 Вдоль по стогнамъ всесвѣтной столицы
 Скачутъ кони, гремятъ колесницы,
 И блестя подвижной чешуею щитовъ,
 За когортой проходить когорта.
 Мачты стройныхъ галеръ поднялись какъ дѣва,
 И какъ чайки трепещутъ крыломъ паруса
 На зыбяхъ отдаленнаго порта.
 Форумъ стелется пестрою массою головъ:
 Въ циркѣ зрителей тѣсныя группы
 Обнизали крутые уступы;
 Слышанъ смѣшанный говоръ и гулъ голосовъ:
 Обитателей Рима арена
 Созвала на позорище смертной борьбы.
 Здѣсь съ рабами сразятся другіе рабы
 Въ искупленіе позорнаго плѣна;
 Здѣсь боецъ-побѣдитель, слабѣя отъ ранъ,
 Юной жизнью заплатитъ народу
 За лавровый вѣнецъ и свободу;
 Здѣсь, при радостныхъ кликахъ суровыхъ гражданъ,

Возрощенцевъ желѣзнаго вѣка,
 Подъ проконсульской ложей отворится дверь,
 На арену ворвется некормленный звѣрь
 И въ куски изорветъ человѣка....

—
 Разсыпнѣю кошницею свѣжихъ цвѣтовъ,
 На лазурныхъ волнахъ Тирринен,
 Поднимаются скалы Капрен....
 Посрединѣ густыхъ, благовонныхъ садовъ,
 Вознеслася надмѣнно обитель,
 Перлъ искусства и верхъ человѣческихъ силъ:
 Словно камни расплавилъ и снова отлилъ
 Въ благолѣпныя формы строитель.
 Въ темныхъ нишахъ, подъ вязами лилій и розъ,
 Передъ мраморнымъ входомъ въ чертоги,
 На сторожѣ хранители—боги
 И треглавый, изъ золота вылитый пещь.
 Кушы миртовъ, оливъ и алоэ
 Водометы жемчужною пылью кропятъ;
 Скоморохи въ личинахъ наполнили садъ,
 Какъ собраніе статуй живое:
 Подъ кустомъ отдыхаетъ сатиръ-паразитъ,
 У фонтана гетера-наяда
 И нагая плясунья-дриада
 Сквозь зеленыя вѣтви лукаво глядитъ.
 Вкругъ чертоговъ хвалебныя оды
 Воспѣваетъ согласный, невидимый клиръ,
 Призывая съ небесъ и блаженство и миръ
 На текушіе Кесаря годы,
 Прорицая безсмертье ему впереди....
 И подъ стройные клярные звуки,
 Опершись на изсохшія руки,
 Старецъ въ пурпурной тогѣ, съ змѣей на груди,
 Среди сонма Лансъ и Глицерій,
 Задремалъ на одрѣ золотомъ....

Это самъ
 Сопрестольный, соравный безсмертнымъ богамъ,
 Властелинъ полусвѣта Тиверій....

.....
 д. мвж.

КРАСИЛЬНИКОВЫ.

ПОВѢСТЬ.

(Посв. В. И. Д.).

Уирамаго не возметь ни отваръ, ни присыпка.

Горе что ногти растутъ; а счастье что кудри свѣтятся.

Пословицы.

Мы остановились въ уѣздномъ городѣ N., чтобы взглянуть на кожевенные заводы купца Красильникова. Не трудно было отыскать домъ этого заводчика: лучший во всемъ городѣ, онъ находится не подалеку отъ древняго собора, обезображеннаго пристройками — въ *новѣйшемъ* вкусѣ. Домъ Красильникова каменный, двухъэтажный, въ верхнемъ жильѣ его, на окнахъ съ зеркальными стеклами, стояли незатѣйливыя гипсовые изображенія Вольтера, Суворова, Тальони, зеленого попугая съ коричневымъ носомъ и разноцвѣтной кошки, у которой голова покачивалась при малѣйшимъ прикосновеніи. Въ среднемъ окнѣ видѣлись дорогіе столовые часы, и на стеклѣ другаго были налѣплены вырѣзанныя изъ голубой бумаги подобія лошади и чего-то такого въ родѣ буквы Ф съ раздвоеннымъ нижнимъ концемъ и трехъуголкой съ перьями наверху. Въ нижнемъ жильѣ въ окна были вдѣланы толстыя желѣзныя рѣшетки, а стекла выбиты. На цоколѣ краснымъ карандашемъ были написаны въ нѣсколько рядовъ бирочные знаки: кресты, кружки, черточки—это открытая на весь міръ расходная книга прикащика, отпусковаго кому-то опойки.

Ворота были заперты. Я стукнул тяжелымъ желѣзнымъ кольцомъ о дубовое полотно калитки, раздался сиплый лай цѣпной дворняжки, и въ подворотнѣ показались три собачьи морды, которыя скалили на насъ зубы и заливались глухимъ ревомъ. Щекотда стукнула изнутри, и краснолицая, курносая дѣвка-чернавка, вершковъ четырнадцати въ отрубѣ, одѣтая въ засаленный московскій сарафанъ изъ ивановскаго ситца, просунулась до половины въ калитку и спросила насъ:

— Кого вамъ надать?

— Корнила Егорычъ дома?

— А отдыхаетъ: сей-часъ пообѣдали.

— Когда же его можно видѣть?

— А не знаю же я. Да вы отколева будете?

— Изъ Z....—Я назвалъ губернскаго городъ.

— По кожу что ль, али по сало?

— Нѣтъ, а нужно такъ хозяина повидать. Когда же его застать-то?

— Не вѣду. Спрошать развѣ Марью Андревну, коли не започивала?

Она заперла калитку и ушла. Воротысь минутъ черезъ пять, снова просунулась въ калитку и сказала.

— Въ вечерню приходите, а не то завтра послѣ ранней обѣдни.

— Ну завтра, такъ завтра.

Мы съ путевымъ моимъ товарищемъ хотѣли уже направить стопы свои къ постоялому двору, на которомъ остановились, за неимѣниемъ въ N гостиницы, но дѣвка еще спросила насъ, уже сама для себя, для удовлетворенія собственнаго любопытства:

— А вы сами-то изъ какихъ будете? Прикащики что ли чьи?

— Нѣтъ.

— А кто же вы?

— Мы—чиновники.

— Изъ судовъ видво?

— Отъ губернатора.

Слово, мной сказанное, имѣло обычную въ уѣздномъ городѣ чародѣйную силу. Не прошли мы ста сажень, какъ послышался за нами звонкій крикъ.

— А обождите-ка, воротитесь-ка. Корнила Егорыч велѣлъ васъ кликнутьъ.

Босоногая дѣвка бѣжала во всю мочь, ее перегоняли три собаки, и одна изъ нихъ успѣла мигомъ вцѣпиться въ полу моего спутника.

— Лыска! лыска! цыма-те! Экой пострѣлъ, кабанъ проклятой!

И схвативъ валявшуюся на улицы слегу, дѣвка принялась колотить на право и на лѣво вѣрныхъ стражей Кирилы Егорыча. Собаки завизжали и побѣжали на дворъ. Путеводимые своей спасительницей отъ ихъ ярости, мы взошли на дворъ и миновали парадное крыльцо, на которомъ обглоданные мослы и сбитое сѣбно свидѣтельствовали о мѣстопробываніи враговъ нашихъ, и теперь еще изподтишка бросавшихся то мнѣ, то товарищу подъ ноги. Обогнувъ уголъ дома, взошли мы по заднему крыльцу, нагибаясь подъ протянутыя веревки, на которыхъ было развѣшано для просушки бѣлье. По всему двору крѣико пахло кожей.

Темными закоулками провела насъ дѣвка-чернавка въ обширную комнату—«залу», и сказавъ, что хозяинъ сей-часъ выйдетъ, оставила насъ однихъ.

По убранству комнаты видно было, что Корнила Егорычъ человекъ домовитый, и что, разбогатѣвъ, онъ изъ кожи лѣзъ, чтобъ на славу разукрасить жилище свое: денегъ не жалѣлъ, покупалъ все безъ разбору, и платилъ въ три-дорога,—да все невпопадъ. Вотъ отдѣлалъ онъ стѣны подъ мраморъ, раззолотилъ карнизы, настлалъ дубовый мелкоштучный паркетъ, покрылъ его шолковыми коврами, надъ окнами развѣсилъ бархатныя занавѣсы. А вотъ на стѣнѣ плохая литографія Василья Логинава, въ углу клѣтка съ перепеломъ, а на окнахъ между кактусовъ и гелиотроповъ, стручковый перецъ да бальзаминъ. Вотъ въ гостиной—мебель: за дорогую цѣну куплена она въ Петербургѣ да еще на перебой съ какимъ-то вельможей: чехлы съ нея снимаются въ свѣтлое воскресенье да въ хозяйскія именины, а въ великолѣпныхъ лампахъ, разставленныхъ по столамъ и по угламъ—масла съ роду не было, да во всемъ N и зажигать-то ихъ никто не умѣлъ.

Не привычно Корнилъ Егорычу ходить по своему мелкоштучному паркету, не умѣеть онъ ни сѣсть, ни стать въ комнатахъ,

строенныхъ не на житье, а людямъ на показъ, робѣеть онъ громко слово сказать въ виду своихъ дорогихъ мебели. Душно ему въ своемъ домѣ, и сбывась надъ нимъ пословица, что своя воля—страшнѣй неволи. Осторожно пробираясь между затѣйливыми диванами и креслами своихъ гостинныхъ, Корнила Егорычъ, какъ изгнанникъ, бѣжитъ изъ раззолоченныхъ палатъ въ свой укромный уголокъ, чужому человѣку недоступный. Тамъ, на теплой изразцовой лежанкѣ, онъ находитъ то удобство, котораго никогда не сыщеть въ своихъ разубранныхъ комнатахъ. Вотъ у лежанки стоитъ сосновый, крѣпкой водкой травленный столъ подъ ярославской салфеткой: на немъ счетная книга, псалтырь и Московскія Вѣдомости, у стола стулъ-складень: привыкъ къ нему Корнила Егорычъ, еще сѣдя въ чужой лавкѣ мальчишкой. Вотъ и двухспальная кровать съ пуховикомъ чуть не до потолка и съ дюжиною подушекъ; крѣпко спится здѣсь Корнилѣ Егорычу. Вотъ кафельная печь съ поливными фигурами балахонской работы; какъ баню, грѣетъ она завѣтнѣй уголь хозяина, и приглядѣе она ему, тѣмъ блѣдомраморныя стѣны залы и бархатные обои гостинной. А часовъ съ кукушкой, что повѣшены противъ кровати, не отдастъ онъ за двѣ дюжины такихъ дорогихъ столовыхъ часовъ, что краеются у середняго окошка въ гостинной. Добровольно, но съ досадою подъ часъ, жметса онъ въ тѣсной мурѣв своей—хватилъ бы все по боку, да и зажилъ бы, какъ хочется: нельзя! Какъ отъ людей отстать? попалъ въ стаю, такъ лай не лай, а хвостомъ вилай. Еще скрягой прозовуть. — За то разъ отведена была у Корнилы Егорыча квартира губернатору, прїѣзжавшему на ревизію въ N. На прощанъ генералъ сказалъ хозяину: «ну, Корнила Егорычъ—домикъ на славу отдѣлалъ—мебель-то хоть во дворецъ»; и счастливъ и доволенъ былъ Корнила Егорычъ, и сторицею былъ вознагражденъ за тѣ невыносимо-досадныя минуты: когда, проходя бокомъ мимо своихъ мебели, думаетъ онъ самъ про себя: «и на кой шутъ, прости Господи, такія стулья надѣланы: състь нельзя порядкомъ—безъ сноровки провалишься совсѣмъ».

Нѣтъ, не странно было мнѣ въ залѣ Корнилы Егоровича встрѣтить и логиновскую литографію, и стручковый перецъ, и перепеда въ клѣткѣ изъ лутошекъ. Дороги они хозяину: добро-

вольному заточеннику въ его золотой тюрьмѣ они вспоминали про бывшее—бѣдное, но свободное отъ несроднаго житья—бытья время, время, молодости, когда жилось веселье, а на свѣтѣ Божьемъ было просторнѣй и все смотрѣло на него яснѣ и радостнѣй. Кромѣ перепела да перца все остальное было здѣсь чуждо, не сродно хозяину, здѣсь ему и свое не свое, здѣсь и самъ онъ, какъ на выставкѣ—миру на показъ. Здѣсь у него ничего для себя, все для чужихъ: даже и гипсовыхъ Вольтера и попугая поставилъ онъ лицомъ на улицу. Тяжело хозяину въ своемъ углу жить какъ на чужбинѣ.

По лицу вошедшаго къ намъ Корнилы Егорыча видно было, что чародѣйское слово «отъ губернатора» оторвало его отъ родной лежанки. Замѣтно было, что одѣвался онъ на скорую руку, но золотыхъ медалей не забылъ надѣть. Это былъ широкоплечій старикъ средняго роста, волосы его были почти совсѣмъ бѣлыя, борода маленькая, клиномъ, глаза немного подслѣповатые, живые, выразительные. По суровому облику видно было, что это старикъ своеобразный, крутой, а смотрѣвшіе розсыпью глаза обличали въ немъ человѣка, который всякаго проведетъ и выведетъ. Но въ этомъ хитромъ, бѣгающемъ взорѣ виднѣлась какая-то грусть затаянная, и туманилось лицо Корнилы Егорыча горемъ душевнымъ, еще не выношеннымъ, не выстраданнымъ. День меркнетъ ночью, человѣкъ печалью, и горе, что годы, борозды по лицу проводить. Казалось, что и Корнилы Егорычу не годы убѣлили голову, а горе душевное, которое не молодить, а косицу бѣлить.

— Покорно просимъ, сказалъ Корнила Егорычъ, извините—позадержалъ: соснуть—было прилежъ.

И при воспоминаніи о лежанкѣ онъ зѣвнулъ, набожно перекрестивъ ротъ свой. Мы въ свою очередь извинились передъ нимъ въ томъ, что потревожили его, сказали свои имена и показали открытій листъ начальника губерніи, въ которомъ было сказано, что мы ѣдемъ для собранія статистическихъ свѣдѣній. Въ заключеніе всего я попросилъ хозяйскаго дозволенія посмотрѣть на кожевенный заводъ.

Безъ чашки чая, безъ рюмки вина и безъ закуски не уйдти никому отъ русскаго купца стараго покроя. Завѣтный обычай

дѣдовскихъ времянь, старинное хлѣбосолюство, не чуждъ былъ Корниль Егорычу. Появились на столахъ вино, закуска, разныя сласти. Прикащикъ, стриженный въ скобку, въ длиннополой суконной сибиркѣ съ борами и съ сильнымъ запахомъ кожи—подавъ чай. Шла у насъ рѣчь о торговлѣ.

— Кожа идетъ плохо, говорилъ Корнила Егорычъ, въ прежніе годы въ одну Одессу мы ставили втрое больше, въ Ливурну оттуда возили, а теперь стало дѣло, да и шабангъ.

— Отъ чего же это, Корнила Егорычъ?

— Сырьемъ повезли. У иностранцевъ, я вамъ скажу, на этотъ счетъ золотыя руки—не нашимъ чета. Нашъ братъ Русакъ смѣткой взялъ, Нѣмецъ терпѣнъемъ. Да къ нашей-то смѣткѣ горе привилось, да еще не одно, а цѣлыхъ три: вѣдь Русскій человекъ на трехъ сваяхъ стоитъ: авось, небось да какъ-нибудь. Намъ бы тяпъ-ляпъ—и корабль, а тамъ—нѣтъ-съ, тамъ на этотъ счетъ все въ аккуратъ. Къ примѣру хоть кожа: чтѣ наша кожа? Вонъ на дворѣ партія юхты стоитъ—на Урюпинскую заготовилъ, развалийте-ка возъ: тутъ подрѣзъ, тутъ гниль мясная, а тутъ и все дырье. А все отъ чего? Все отъ того, что платишь рабочему поштучно, онъ тебѣ и дѣлаетъ какъ-нибудь, одно норовить: больше кожъ обрядеть, да какъ пошелъ пожемъ валать съ плеча, такъ ему ужъ не до подрѣзей. Не бось, говорить, хозяинъ не запримѣтитъ. А хозяинъ, нашъ братъ, не въ печку же бросить ему порченую кожу, авось, говорить, сбуду съ рукъ; ну и везешь на ярмарку. А какъ работникъ-то дѣлаетъ какъ-нибудь да хоронится за небось, да какъ и хозяинъ-то на авоськѣ въ ярмарку выѣзжаетъ—добра не много. Чтѣ, надо правду говорить! А за границу-то наша кожа и нейдетъ, а сырье-то наше съ руками хватають, да изъ него тамъ такую тебѣ кожу сдѣлають, что нашей-то въ носъ бросится. Отъ того, сударь, отъ самага и стала наша кожа. Ну вотъ красная юхта—это особъ статья, эта пойдетъ, завсегда пойдетъ; вѣдь у насъ, слава Богу, березы не занимать статью, а за границей-то, сказываютъ, каждый сучекъ на перечетъ.

— Какъ же выдѣлка шерсти зависитъ отъ березы?

— Березы нѣтъ, дегтю нѣтъ, а безъ дегтю хорошей юхты и иностранцамъ не сдѣлать, даромъ что у нихъ руки золотыя.

Перешелъ у насъ разговоръ къ смутамъ, возникавшимъ тогда на западѣ, и къ вліянію ихъ на торговлю.

— Въ Италиі, кажется, война будетъ, сказалъ я, потребуется для войскъ кожа—попросятъ и нашей; теперь во всей Европѣ безначаліе, тамъ теперь не до выдѣлки кожъ.

— Пуда не попросятъ. Пошли бы туда наши кожи, какъ бы шла тамъ война по Божьему велѣнію, всталъ бы царь на царя, законъ на законъ. Тогда бы пошла. А теперь что тамъ? Развѣ законная война? Бунтъ богопротивный,—Междоусобица,—подерутся и босикомъ!....

Таковы были рѣчи Корнилы Егорыча. А учился онъ за мѣдную полтину у приходскаго дьячка, а выѣзжалъ онъ изъ своего города только къ Макарью на ярмарку, да будучи городскимъ головой, былъ раза два въ своемъ губернскомъ городѣ—ко властямъ на поклонъ. Кромѣ псалтыря, чети-минеи да Московскихъ Вѣдомостей, сроду печатнаго ничего не читалъ, а говорилъ, какъ книга, какъ человѣкъ бывалый. Природный, свѣтлый умъ старика бралъ свое. Заговорили о развитіи торговли и промышленности.

— Чтобы шло дѣло торговое ладно,—сказалъ Корнила Егорычъ,—надо, чтобы не было ему помѣхи, вѣдь это не приказное дѣло—въ форменну книгу его не уложишь. Ну, а главная статья—снаровка, безъ снаровки хоть каждый день будь съ барышомъ, а вѣкъ проходишь нагишомъ. А всего-то главнѣе—Божья воля: благословить Господь—и въ отрепѣ деньги найдешь, а безъ Божьяго благословенья и корабли съ золотомъ ко дну пойдутъ.

— Такъ, Корнила Егорычъ, противъ этого и слова нѣтъ; Божье благословенье первое дѣло, но все таки, кажется, вы еще одно забыли.

— А что же такое, отецъ мой?

— Просвѣщеніе.

Красильниковъ нахмурился, помолчавъ и потомъ повелъ рѣчь въ сторону.

— Просвѣщеніе! То есть, чтò въ книгахъ-то пишутъ? Эхъ, сударь! мало ли что пишутъ да печатаютъ? Вѣдь супротивъ печатнаго не соврешь. Перо скрыпнеть, бумага молчать да все терпнть. Вотъ хоть, примѣру ради, промышленность что ли? Пишутъ

да печатають, что въ гору пошла: рѣчи нѣтъ, прытко идетъ впередъ, широко шагаетъ, да все не такъ, какъ пишутъ. Не въ ту силу говорю, что она тише идетъ супротивъ того, какъ печатають; нѣтъ-съ, она и попрытче того идетъ, а говорю то, что пишутъ-то ину пору не складно, не ладно, слѣвно чортъ шестомъ по Неглянной. Вотъ въ Ведомостяхъ разъ какъ-то я почиталь объ нашемъ уѣздѣ, пишетъ какой-то баринъ, вотъ этакой же видно, что вы, тоже свѣдены собиралъ, пишетъ онъ, что въ запрошлый годъ здѣсь и скота стало больше и промыселъ крестьянскій въ гору пошелъ; а видно де это изъ того, что на базарахъ скота было больше, да телѣгъ, да саней и всякаго крестьянскаго дѣла.

— Что же, Корнила Егорычъ? Базарная торговля въ самомъ дѣлѣ можетъ опредѣлить мѣру крестьянской промышленности.

— Врядъ ли, сударь. По нашему не такъ. Вотъ хоть здѣсь сторона гужевая: отъ Волги четыреста, отъ Оки двѣсти верстъ, рѣки, пристани далеко—все гужомъ.—Вотъ въ запрошлой-то годъ и уродилось много хлѣба, мужикъ и сталъ волкомъ выть, для того, что ему однимъ хлѣбомъ не изжить, для того, что крестьянское жѣтье деньгу просить. Спаси Господи и помилуй всѣхъ православныхъ христіанъ отъ неурожая, да избави, Царю небесный, и отъ того, чтобы много-то хлѣба родилось.

— Какъ такъ, Корнила Егорычъ?

— Да такъ-съ. Мы, сударь, люди простые, да шестой десятокъ на свѣтѣ живемъ—всего насмотрѣлись на свѣтѣ Божьемъ. Привелъ Господь и голодъ изжить: макуху, дуранду, мезгу сосновую ѣли. И урожай-то видалъ. Такъ я ужъ и знаю, что переродъ хуже недорода, что гужевому крестьянину не отъ того бѣда, какъ не полно гумно, а тутъ ему горе великое, какъ работы подойдутъ, промыслу не хватить, да на ту пору хлѣбъ въ низкой цѣнѣ станетъ. Вотъ въ запрошлой-то годъ здѣсь хлѣбъ по полтинѣ былъ ассигнаціями. Надо мужику за семью подушными заплатить: ну и вези три воза хлѣба верстъ двѣсти до пристани. Вези для того, что по осени да по перевозимыцѣ на базарѣ покупщиковъ-то ни души. Ну и вези, да гляди еще сколько до-рогой-то денегъ прохарчашь. Да что подати? Подати, у насъ,

слава Богу, не тяжеля, да вѣдь не на однѣ подати деньги-то мужику бывають нужны: надо упряжь справить, кушакъ купить, шапку, женѣ платокъ, въ праздникъ винца хлѣбнуть, а тамъ свадьба, да родины, да крестины, погъ съ празднымъ придетъ—ему хлѣбъ-то хлѣбомъ, а деньги деньгами. Да какъ въ урожайный-то годъ хлѣбъ-то подешевѣтъ—знамо дѣло, и промыслы всѣ ухнутъ и нѣтъ ихъ совсѣмъ, заработки пойдутъ дешевые, все отобьется отъ рукъ. Гдѣ тутъ мужику денегъ взять? А на ту пору стучить въ окно староста: давай, говорить, оброкъ. — Денегъ нѣтъ. Давай, говорить, срокъ прошелъ, повелъ мужикъ тѣлку, повелъ, другой сновотелу, повелъ третій быка: на базарѣ скоть сосчитали, да вонъ въ вѣдомостахъ-то и написали: скота де у нихъ стало больше. Прошелъ мѣсяцъ—другой, опять староста у окна—недоимку править. Денегъ нѣтъ, говорить мужичекъ. А староста ему въ отвѣтъ: у тебя двѣ телѣги, нову-то продай. Везетъ мужикъ телѣгу, везетъ другой сани, везетъ третій розвальни. На базарѣ ихъ сосчитали, а тамъ вотъ ваша-то милость, господа, что свѣденья-то собираете, и напишите—промыслы-де у нихъ въ гору пошли. Не въ ту силу говорю, что нашему мужику—жизнь горемычная.— Нѣтъ—ему житье—приволе. Годъ на годъ не приходится: одно лѣто перетерпеть, да на другое за три наверстаецъ. А въ ту силу говорю, что инны книги-то помеломъ въ трубѣ писаны. Годъ-то перерода минетъ, на хлѣбъ станеть цѣна, промыслы поднимутся, ну и справился мужичекъ, и скотомъ обзавелся, и сбруей и всякимъ дѣломъ, и въ мошнѣ-то у него не пусто. Въ зимницѣ у него три, четыре коровушки, подъ навѣсомъ двѣ, три телѣги, а какъ староста подъ окно придетъ, такъ отдаецъ онъ ему оброкъ-то изъ залежныхъ. А на базарѣ ужъ нѣтъ ни коровъ, ни телѣгъ, ни саней, что въ запрошлый годъ нужда вывозила. Подмѣтятъ пожалуй, да не справасъ со святцами и бухъ въ большой, и скажутъ гдѣ-нинаестъ—скота стало меньше, видно де падежь былъ, да и промыслы де упали, видно де народъ обѣднялъ. Обѣднялъ! Какъ же? Онъ лежитъ себѣ на печи да бражку тавецъ, и горя ему мало.

Странно псказалось мнѣ уклоненіе Корнилы Егорыча отъ

прямого разговора о просвѣщеніи.—Что бы это значило, думалъ я, началъ онъ за здравіе, а свелъ за упокой. Наклонилъ я снова рѣчь на прежній предметъ, и коснулся того, что для истинныхъ успѣховъ торговли нужно купечеству нашему учиться и учиться.

— Въ нивирситетѣ что ли съ? съ жаромъ возразилъ Красильниковъ. Нѣтъ-съ, увольте, ваше высокоблагородіе! Покорнѣйше благодаримъ-съ! Знаемъ мы ихъ! Это дѣло, сударь, ваше—барское, а нашему брату бородачу оно не по шерсти.—Изъ нашего брата это вотъ тому, кто въ дворяне норовить дѣтей вывести, ну—такъ; а намъ—нѣтъ-съ, увольте! Да и проку мало живеть, ей-Богу мало. Дѣдъ, отецъ копить деньги, скопять капиталъ, заведутъ большія дѣла, миллионами ворочаютъ, а ученый сынокъ ихъ въ карты проиграетъ, на шампанскомъ съ гуляками пропьетъ, комедіанткамъ разбросаетъ, да и пошелъ по оконьемъ Христовымъ именемъ кормиться. Да это бы еще не бѣда. А какъ разумъ-то сгинетъ, какъ.... А то вотъ еще у Прохора Андреевича у Крапивина, не изволите ли знать, въ П. суконная еще фабрика у него была, такъ у него сынокъ-то—въ чинахъ былъ, въ каретахъ ѣздилъ, на дворянкѣ женился, да какъ профуфынился голубчикъ, такъ изъ ружья себя и застрѣлил. Вотъ-те и чины! Вотъ-те и ученье! Душеньку-то свою не уберегъ, самому сатанѣ се на руки отдать.

— Да не говорю я, Корнила Егорычъ, что купцы, выучившись, должны оставлять свое званіе и проматывать отцовскіе капиталы. За чѣмъ? Истинное ученье научить быть бережливымъ, научить имѣть уваженіе къ тому сословію, къ которому принадлежишь, а не бѣгать изъ него. Теперъ у насъ, слава Богу....

— Эхъ, не говорите вы мнѣ-то. Мнѣ-то этого не говорите. Нѣтъ-съ, кушцу ученье—пагуба. У меня, вѣдь, у самага.... Да позабавьтесь финичками-то, ваше высокоблагородіе, а вотъ икорки-то прикушайте, перваго, сударь, багренья, изъ Уральска. А ты что стоишь, губы-то распустья, Петровичъ? Что чашки-то не принимаешь? Давай еще чаю! Да мадерцы-то еще рюмочку, ваше высокоблагородіе. Да Сережу кликни, Петровичъ!

Сережа, парень лѣтъ двадцати-трехъ, четырехъ, румяный,

здоровый, съ богобоязненнымъ видомъ и тихой поступью, вошелъ въ комнату. Низко поклонившись, остановился онъ смиренно у притоки, глядя изъ подлѣбья на своего родителя. Отецъ сказалъ ему:

— Вели-ка заложить сивую въ дрожки, а савраску въ бѣговые — ты со мной на савраскѣ поѣдешь.

Я сталъ уговаривать Корнилу Егорыча самому не беспокоиться, а отпустить съ нами Сережу. Взгрустнулся видно по лежанкѣ Красильниковъ, согласился.

— Парень молодой, — сказалъ онъ о сынѣ, — въ дѣлѣ еще мало толку смыслить. Оно толкъ-то есть, да не втолканъ весь. Молодъ, дурь еще въ головѣ — похулить грѣхъ, да и похвалишь, такъ Богъ убьетъ. Все бы еще порадиться, да на рысакахъ. Ну, зелень виноградъ не вкусенъ, младъ человекъ не искусенъ. Лѣтось женилъ, пора бы и умъ копить, — такъ нѣтъ. Ну да Господь милостивъ — это еще не большое горе.... а вотъ какъ другое....

Взоръ Корнилы Егорыча помутился; помолчавъ, онъ вздохнулъ и въ полголоса промолвилъ:

— Господня воля: на волю Божью не подашь просьбу.

Въ это время вошелъ Сережа.

— Поѣзжай съ господами на заводъ, — сказалъ ему отецъ. Покажи имъ все, какъ оно есть. Слышишь? Ну, что сталъ? Пошелъ, дождайся!

Онъ пошелъ было, но отецъ, воротивъ съ подороги, сказалъ ему тихо:

— А Митьку въ сушильню. — Слышишь? прибавилъ онъ громко.

— Слышу, тятенька.

— Ну, ступай, дождайся на крыльцѣ. А послѣ заводу-то, ваше высокоблагородіе, просимъ покорно на чашку чаю. Сдѣлайте такое ваше одолженіе, не побрезгуйте убогимъ нашимъ угощеніемъ.

Мы дали слово и поѣхали.

Сережа, тихій смиренникъ на отцовскихъ глазахъ, не таковъ былъ на заводѣ. Съ нами обходился онъ подобострастно и насилу надѣлъ картузъ, заговоря со мной, но съ рабочими велъ себя круто и притомъ безтолково. Отрывисто покриывая на нихъ

ни за что, ни про что, сурово поглядывалъ онъ то на того, то на другаго, и пятились рабочіе, и прятались одинъ за другаго, искоса поглядывая на толстую суковатую палку, бывшую въ рукахъ Сережи. Но одинъ шальной рабочій, вывернувшись изъ-за зольнаго чана, мазнулъ Сережу по спинѣ мѣпалкой, обмакнутой въ извѣстковый подзолъ, и сдѣлавъ свое дѣло, поворотилъ неровнымъ шагомъ вонъ. Рабочіе уступили ему дорогу и глазами говорили другъ другу: « ай да молодецъ! » Сережа, увлеченный рассказомъ о томъ, черезъ сколько перезоловъ проходитъ лювица прежде квасовъ, не замѣтилъ шального рабочаго. Это былъ чловѣкъ лѣтъ подѣ тридцать, въ загрязненной, насквозь просаленной холщовой рубахѣ и дырявыхъ сапогахъ. Взъерошенная голова его, казалось, съ роду не была чесана, небольшая борода сваялась комками, блѣдно-желтое, худощавое лицо обрызгю, ротъ глупо разинуть, но въ тусклыхъ помутнѣвшихъ глазахъ виднѣлось что-то невыразимо-странное, что-то болѣзненно-грустное, будто потухающій думъ послѣдней прощальной искрой свѣтился въ этомъ бессмысленномъ взорѣ.

Мы проходили чрезъ отдѣленіе, въ которомъ толкутъ корье. Неочищенную ивовую кору подбрасывали въ толчею. Путевой товарищъ мой замѣтилъ мнѣ при этомъ, что въ Бельгій онъ видѣлъ особую машину, которая скоблитъ корье. Онъ сказалъ это по-французски.

— Les meilleurs cuirs-maroquins, qui se fabriquent... проговорилъ за ними сильный голосъ. Сережа быстро обернулся и закричалъ:

— Въ сушильню!

Оглянувшись, я увидѣлъ рабочаго, вымаравшаго Сережѣ спину.

— Нейду, не хочу, кричалъ онъ задорно. Ты мнѣ не указъ, ты моложе меня. Наушникъ, подлый клеветникъ! Ты сгубилъ ее! Ты убилъ мою....

— Митька! тятенькѣ скажу.

Митька вздрогнулъ. Понуривъ голову, онъ тихо поплелся было изъ толчеи, но быстро обернулся и сказалъ умоляющимъ голосомъ:

— Сережа, голубянкъ, дай гривсничекъ.

— Въ сушильню, пьяница!

— Ну дай хоть на шкаликъ.

— Слушай, Митька,—закричалъ Сережа, поднявъ свою суковатую палку,—право тятенькѣ скажу, онъ тебѣ такую баню задастъ, что до новыхъ вѣтровокъ не забудешь. Хоть бы при чужихъ-то людяхъ не срамилъ себя. Федька, уведи его въ сушильню, да на замокъ.

Но Митька самъ пошелъ. За дверями онъ заплѣлъ окришимымъ невѣрнымъ басомъ:

Quand le vin de Champagne

Fait en echappant

Pan, pan.

La douce gaité me gagne....

— А вотъ здѣсь дегтемъ нахтарму послѣ дубовъ мажутъ, говорилъ въ это время Сережа, перевода насъ въ другое отдѣленіе.

Вечеромъ у Красильникова я опять навелъ разговоръ на просвѣщеніе, и доказывалъ, что купцамъ необходимо учиться. Заговорилъ наконецъ Корнило Егорычъ, сидя за пуншемъ.

— Не говорите про это, ваше высокоблагородіе, право не говорите. Говорятъ люди: красна птица перьемъ, человекъ ученьемъ; говорятъ люди: ученье свѣтъ, неученье тьма.... Врутъ люди!... Ученье прямое мученье, а нашему брату тяга! Купецъ знай читать, знай писать, знай на счетахъ класть, и шабашъ—вдаль не забирайся!... Лучше не доучиться, чѣмъ переучиться.—Вѣдь ученье-то, что дерево: изъ него и икона и лопата, али что ножикъ, иной его на пользу держать, а нашъ братъ себя же по горлу норовить. Намъ наука, что ребенку огонь. Это ужъ такъ-съ, это ужъ не извольте беспокоиться.... Не мало изъ нашей молодежи промоталось и сгнуло совсѣмъ, а все отъ чего? Все отъ ученья, все моды проклятыя, все отъ того, что за господами тянутся, имъ хотять въ версту стать. Нѣтъ-съ, былъ бы купецъ смышленъ, даромъ что не ученъ.

А нынче такъ вонъ не на ту стать пошло. Не то, что сгновей, дочерей-то учать:—французскому, да на музыкѣ, да пιαсать.

Выучател дочки, да и не знают, которой рукой слѣдуетъ лобъ перекрестить. У моего свояка у Петра Андреевича Кирпишниковъ есть ученая дочка, такъ что же вы думаете? Имя-то святое, при крещеніи ей богоданное, Матреной зовутъ, на какое-то басурманское смѣняли, что и выговорить-то грѣхъ. За мужъ вышла за дворянина, промотался голубчикъ, такъ женился карманъ починить. Ну стала дворянкой, да и пустилась во вся тяжкая: верхомъ, сударь, на лошади катается, тѣу ты гадость кака!...

Вотъ и у меня Митька.... Погибъ, совсѣмъ погибъ, пропащій сталъ человекъ.—А все ученье, все наука!... А парень-то какой былъ разумный, да тихой, да смирной, да разсудительной!... Что передъ нимъ вояхъ хоть Сережка? Дурь нагольная, право дурь!... Сердце коломъ повернетъ, какъ вспомнишь.... Охъ Господи, Творецъ праведный!...

Да-съ, безъ дѣтей горе, а съ ними вдвое. Далъ мнѣ Господь двухъ сыновъ да одну дочь, Митька былъ отъ покойницы отъ первой жены, а Сережа да Настя отъ Марьи Андреевны. Ну, дочь, извѣстное дѣло, чужое сокровище: холь да корми, учи, стереги, да въ люди отдай, а сынъ домашній гость—корми да пой—себѣ пригодится. Да учи его, какъ онъ еще поперегъ лавки лежитъ, а выростетъ да во всю какъ вытянется, тутъ ужъ не уймешь. Худъ сынъ глухой—и родной отецъ ему ума къ кожѣ не пришлетъ, а хуже того сынъ ненаказанный, онъ безчестье отцу.—Легло безчестье и на мою сѣдую голову!... Божья воля!...

Смышленъ росъ Митька мой, и отдалъ я его здѣсь въ уездное училище, ну, дома, у отца на глазахъ: баловаться не давалъ. И учился онъ бойко, три похвальныхъ листа получилъ. Выучился, сталъ въ гимназію проситься, реветъ мой парень: пусти да пусти. Хотѣлъ было я ему въ спину-то ремennую гимназію засыпать, да шурина уговорилъ, присталъ ко мнѣ, какъ банный листъ—отдай ему Митю на руки. Попугалъ меня грѣхъ—послушался шурина. Въ гимназіи учился онъ лѣтъ никакъ съ пять, и росъ умень не по годамъ: бывало лѣтомъ на побывку пріѣдетъ, такъ ужъ на что у насъ пятницу протопопъ отецъ Никоноръ, умная головушка, и тотъ не связывайся, загоняетъ въ пухъ, да все вѣдь по-латински. А благочестивый былъ какой: ни обѣдни, ни заутрени

не пропустить; на крылосѣ какъ пѣль: голобѣ-то, голосѣ-то какой былъ! И смиренный былъ, что твоя красна дѣвка. Навострился и по заводу: ни корья, ни подзола при немъ, бывало, фунта не украдутъ, даромъ, что не приученъ былъ къ заводскимъ порядкамъ. И думалъ ли я, на него радуясь, что погибнетъ мой разумникъ, накроетъ горемъ старость мою?... Господи, Господи!...

А какъ ему ученя-то срокъ отошелъ, былъ я на ту пору въ губернскомъ городѣ; городекииъ головой служилъ здѣсь, такъ къ начальству вѣдиль. Сталъ у меня Митька проситься въ нивирситетъ еще доучиваться. Въ ногахъ валется, разливадается — плачетъ: —пусти его еще въ ученье. Врешь, говорю, Митька, умнѣе не будешь: не пушу! — Чуяло родительское сердце!... А изъ гимназій-то какъ его выпускали, былъ онъ что ни на есть первый ученикъ, не то что своихъ, барчагъ-то всѣхъ за поясъ заткнулъ. — На экзаментъ мнѣ велѣли побывать, печатный билетецъ прислали: Митька рѣчь тамъ держалъ по французскому, говорилъ бойко, да не поймешь ничего. Его превосходительство, господинъ губернаторъ, изъ своихъ рукъ ему листь да книгу пожаловалъ, да подзавипи меня, изволялъ сказать: «у тебя, говоритъ, Корнило Егоричъ, не сынъ, а звѣзда». А былъ на ту пору въ губернскомъ городѣ генералъ, надъ гемназіей-то набольшій; онъ, слышгъ, допрашивалъ учениковъ-то, кто что знаетъ, и куда кто хочетъ послѣ выучки идти. Полюбись ему мой Митька: бойко ему изъ книгъ-то говорилъ. И спросилъ его генералъ: чей сынъ, откуда родомъ и куда хочетъ. А Митька ему и бухъ: «такъ и такъ, ваше превосходительство, сынъ я 2 гильдіи купца Корнилы Красильникова, очинно бы хотѣлось въ нивирситетъ, да татенька не пускаетъ....» Ладно, хорошо!... Вотъ сижу я дома, глядь, батюшки свѣты, губернаторскій лакей на дворъ, въ золотѣ весь, что за окказія?... «Гдѣ, говоритъ, Корнила Егоричъ?» — Здѣсь, говорю, я самый и есть. — «Ступай, говоритъ, къ генералу обѣдать». — Поусумнился было я, думаю — прошибся лакей, видно къ другому послали, а онъ промахнулся да ко мнѣ. Нѣтъ, ко мнѣ въ самомъ дѣлѣ. Ну, честь не малая, что ни говорите, самъ губернаторъ обѣдать зоветъ: ты, говоритъ, Корнило Егоричъ приходи моего хлѣба-соля ѣсть. Пошелъ, благо день-то былъ

скромный—вторникъ. — Посадилъ меня губернаторъ съ собой рядышкомъ; а тутъ еще сидѣлъ генералъ, что которому Митька-то мой полюбился, да губернаторша, да двѣ барышни,—дочки губернатору-то, славныя такія изъ лица-то, только сухопароваты. А губернаторша сама изволила мнѣ въ тарелку похлебки налить, а губернаторъ самъ изволилъ изъ своихъ рукъ виномъ угощать. Вотъ оно что! И стали они всѣ меня уещать: «ты, говорятъ, Корнило Егорычъ, поперегъ Митьки не ходи, изъ мальчишки, говорятъ, будетъ путь большой, пусти его доучиться.» А генералъ-то, что Митьку полюбилъ, обѣщался ему за мѣсто отца роднаго быть, какъ за своимъ дѣтищемъ, говоритъ, буду смотреть, баловать ему не дамъ, да и парень-то, говоритъ, онъ у тебя не баловникомъ смотреть.—Ну, сами вы посудите, ваше высокоблагородіе, можно ли мнѣ было поперечить? Два генерала какъ съ ножомъ къ горлу пристали: пусти, да пусти Митьку доучиться! Да и губернаторша-то тоже: «ты, говоритъ, Корнило Егорычъ, не губи своего дѣтища рожоваго, не отымай у Митьки счастья, Богъ, говоритъ, за это тебѣ не попуститъ!» — Послушался. Больно не хотѣлось, чулю сердце бѣду, а послушался—вельзя... Начальство не свой братъ, вѣдь стоа безъ шапки, да вереступая съ ноги на ногу, много не накалякаешься.... Собралъ я Митьку въ нивирситетъ. Марья Андревна, хоть и не родная мать, а въ гору было, такъ и руками и ногами: не пущу, говоритъ, Митеньку на чужую сторонушку. Ну да что она? Она баба—бабѣ плеть, вотъ и все. Призвавъ Бога въ помощь, Николу на путь, снарядилъ я Митьку, да на прощанье, передъ благословенной иконой, взялъ съ него крѣпкій зарокъ, чтобы послѣ, выучки не ходилъ онъ ни въ аѳицеры, ни въ приказные, а былъ бы всю жизнь свою кушомъ и кожевненнымъ заводчикомъ. А Митька, ну ужъ двадцать-первой шелъ, парень былъ ужъ на полномъ смыслѣ: «не бойтесь, говоритъ, тятенька, никуда не пойду, буду вамъ на старость печальникъ, на поконь души поминникъ, а выучусь, буду то и то, заведемъ мы съ вами на заводъ такое да этакое....» Да ужъ такъ красно говорилъ, что не хотя вѣрилось!.... Четыре года Митька въ нивирситетѣ выжилъ, учился на первую стая, а въ праздники тамъ какіе, или

въ другіе гулящіе дни не то, чтобы мотался да бражничалъ, а все либо на фабрику какую, али на заводъ, да на биржу. Съ купечествомъ самымъ первостатейнымъ знакомство свелъ, пять поставокъ юхты мнѣ уладилъ, да разъ сало такъ продалъ, что, признательно сказать, мнѣ бы и во снѣ-то эдакъ не приснилось.... Нашего узда помѣщикъ есть Андрей Васильевичъ Абдулинъ, не изволите ли знать, еще у него конный заводъ въ деревнѣ есть, вотъ недалеко отъ Оедаковской станціи; мимо проѣзжали.—У него сынокъ есть Василій Андреевичъ, вмѣстѣ съ Митькой учился, и ужъ такой былъ ему закадычный пріятель, ровно братъ родной. Митька мой у господина Абдулина и дневалъ и ночевалъ—учиться-то вмѣстѣ, видно. повадѣй было. Охъ, пропадай они совсѣмъ, эти Абдулины!... Заѣли вѣкъ у старика, погубили у него сына любимого!...

А какъ отучился мой Митька, дали ему медаль золотую, не то, чтобы на шею, а такъ карманную, и въ газетахъ, сударь, припечатали, что выучился де такой-то Митька Красильниковъ въ кандидаты. Пріѣхалъ домой, зоводомъ занялся: то уладить, другое переменить, то чанъ, то зольникъ, то что другое. Съ первоначалу я было побаивался, испортить, думаю.—Нѣтъ: восемь копеекъ на рубль взялъ на салъ, да семь копеекъ на юхтѣ. А все его разумомъ да-старательствомъ.—Отецъ, вѣдь, кажется, отецъ, а ему молокоосу—сыну-то родному.... завидно было!... Вотъ какой былъ умница! А ужъ бережливый какой былъ, только и терялъ деньги, что на книги, бывало какъ мѣсяць прошелъ, такъ изъ Москвы корабль съ книгами и шлютъ.

Пожилъ Митька у меня мѣсяцовъ съ восемь, на ту пору Андрей Васильевичъ Абдулинъ собрался на теплыя воды жену лечить. Ъхалъ въ чужіе края со всей семьей. Сталъ у меня и Митька съ ними проситься.—Что же, подумалъ я, избнымъ тепломъ далеко не уйдешь, вѣдь печка вѣжить, а дорога разуму учить; дамъ я Митькѣ партію сала, пускай продаетъ въ чужихъ краяхъ, а благословитъ Богъ, такъ и заграничный торгъ заведетъ.... Тутъ ужъ никто меня не уговаривалъ, врагъ смутилъ!... Ужъ захочетъ кого Господь наказать, такъ и разумъ отыметъ, и слѣпоту на душу нашьлетъ!... Митька три года ѣздилъ, прода-

валъ юхту бродекимъ Евреямъ, съ Лондономъ дѣла по салу уладилъ, барыши большіе пошли—въ три-то года восемьдесятъ на рубль!... Не нарадовалось мое сердце!... Экой сынъ-то... Ужъ на что московскіе купцы, и тѣ позавидовали... Всѣмъ сталъ знаемъ мой Дмитрій Корнилычъ Красильниковъ!... А я? Чѣмъ бы Бога благодарить, колоколь бы вылить, али иконостаъ поставить... согрѣшилъ, окаанный, возгордился: сталъ барыши считать, да синомъ хвалиться!... Думы-то были за морями, а горето неизбывное за плечами!... Наказалъ же, наказалъ меня праведный Судія за гордость богопротивную!... Гдѣ теперь мой разумникъ?... чѣмъ теперь похваюсь?... Не родиться бы ему!... Дай-ка мнѣ пушшу, Петровичъ, да покрѣче налей!...

На четвертый годъ воротился онъ изъ-за моря. Господи, сколько было радости-то!... Письмо привезъ отъ купцовъ заграничныхъ: товару просятъ, Митьку хвалить. Ужъ замыслили мы съ нимъ и корабль свой снарядить, да еще бы года три, четыре побылъ мой Митька въ разумъ, и два снарядили бы.... Думали въ Питеръ свою контору завести, домъ купить, — загадали въ Лондонъ прикащика держать.... И все тогда казалось мнѣ таково сбмточно, вотъ какъ теперь пушшу стаканъ выпить.... Авъ нѣтъ, наше счастье, что вода въ бредивъ!... Величался я почетомъ своимъ и синомъ разумнымъ — и не зналъ я себя счастливымъ!... Все суета!... Въ морѣ потопъ, въ пустынѣ звѣри, а въ мірѣ бѣды да напасти!...

Митькѣ былъ ужъ двадцать девятый: давно ему была пора и свомхъ дѣтей накивать. Правду говорятъ, что и въ раю тошно жить одному, вѣдь семейная каша погуще кипить, а холостой вѣкъ проживеть да умереть, такъ и собака не вззоеть.— Не за невѣстами дѣло стало: ротъ разинь, изъ любого дома бери. Первостатейные, миллионщики, фабриканты сами напрашивались съ дочками, письма даже писали. — Вотъ и сталъ я говорить Митькѣ, что пора ему законъ совершить, только выбирай, говорю, жену не глазами, а ушами, слушай, рѣчь разумна ли, узнавай, какова въ хозяйствѣ. Съ лица не воду пить: красота приглядится, щи не прихлѣбуются, а разумъ на всю жизнь пригодится. На богатство тоже гадать нечего было: у самихъ у насъ, есть,

слава Богу. А приданое что? Вѣдь въ потравахъ не хлѣбъ, въ долгихъ не деньги, въ приданомъ не животи.... Вотъ, еударь, говорю я такъ Митькѣ, а онъ какъ поблѣднѣетъ, да лицо-то все пятнами.—Что за притча такая?... Читалъ, читалъ дней съ пять—не говорить.... Ополовѣлъ инда весь, ходитъ повѣся голову, отъ вѣды откинулся, исхудалъ какъ спичка. Я быю за плеть—хоть и учений, думаю, да все же сынъ, вѣдь съ роднаго отца воли не скинешь, поучу, умнѣ будетъ: отцовскіе-же побои не болятъ... Да что-то совѣстно стало: какъ-то рука не поднималась.... Той порой пріѣхалъ изъ чужихъ краевъ Андрей Васильичъ Абдулинъ, домъ въ городѣ купилъ, вотъ рядомъ со мной. Митька у него и днюетъ и ночуетъ, отъ дѣла отсталъ, пріѣдетъ—на заводъ смотреть въ оба, не видитъ ничего, а рабочіе, сами извольте знать, народъ бестія—смѣкнули да и ну тащить добро по сторонамъ... Да что заводъ? Пропадай онъ совѣстнъ, гори огнемъ, сгни въ все, что нажито!... Митька-то разумъ тералъ—вотъ напасть-то—и кровавыми слезами ее не вымоешь!... Вѣрите ли вы Богу? Старикъ я, старикъ, а плакалъ; бабой ревѣлъ, и ему, сыну-то своему, рожденью-то своему—покорился, еударь!... Да, покорился: слезами обливаясь, умаливалъ его рассказать мнѣ про кручину, что его обезумила!... Не вытергѣлъ слезъ моихъ Митька!... Сказалъ!... Ужъ лучше бы у него на ту пору языкъ отялся!... Петровичъ, пуншу!... Да лей рому больше, собака!...

А у Андрея-то Васильича у Абдулина Нѣмка, за дочерью его ходила, жила по найму, давали никакъ полторы тысячи, дѣвка безродная и откуда такая—Богъ вѣсть, такъ шаверь какая-то!... Митька и бухнулъ мнѣ, что за моремъ слубился съ ней, и окромѣ ея ни на комъ не женится.... Такъ меня варомъ и обдало!... Въ землѣ бы легъ да гробовой доской укрылся, только бы этого не слышать!... Въ умѣ ли ты? говорю ему. А онъ свое несетъ! Корнями видно обвела его, еретица, на богатство польстившись! Да чтобъ этому быть, чтобъ я самъ свою бороду оплевалъ,... да весь родъ мой переведись,.. по міру пойду, на гнонщи среди улицы лягу, да не возьму на себя такого срама, такого покора отъ роду, отъ племени!... Слушай, говорю Митькѣ, вотъ тебѣ счеты: поѣзжай на Коренную, а оттолѣ прямо въ Нижній къ

Макарью, а тамъ по осени въ степь за скотомъ. — Провѣтрится, думаю, дурь-то вытрясется. А поѣдешь, говорю, Москвой, такъ побывай у Архипа Ивановича Подколесникова : у него дочка-то не Нѣмка чета, говорить тождо на всякихъ языкахъ, въ купеческомъ собраніи тоже пляшетъ, да на музыкъ-то играетъ позакапистый твоей Нѣмки. А главное дѣло, благочестивыхъ родителей дочь. — Митька было поперечить, а я ему : слушай, говорю, ты хоть и бариномъ смотришь, да съ меня воля не снѣта, возьму заровину—не пѣнай ! — Замолчалъ. Въ вечеру Андрей Васильичъ пришелъ ; съ первоначалу, такъ себя, о томъ, о семъ покалывали, потомъ свелъ онъ рѣчь на Нѣмку, расхваливалъ ее пуще Божьяго милосердія. Я слушаю, думаю : что еще будетъ ? Говоритъ Андрей Васильичъ, что она де и креститься можетъ, что господа де женатся же на Нѣмкахъ. — Смѣкнулъ я, къ чему онъ рѣчь клонить, говорю ему : господамъ и воля господская, а нашему брату то не указъ. Вы мой гость, Андрей Васильичъ, грубой рѣчи вамъ не скажу, а перестанемъ мы про Нѣмку толковать, ну ее къ бѣсу совсѣмъ. — « Да мнѣ, говоритъ, Дмитрія Корнилича жалко. » — Вамъ жалко, а мнѣ вдвое жалче, вѣдь я отецъ, хоть дѣтское сердце и въ камень, да отцовское въ дѣткахъ ; да знаете, говорю, Андрей Васильичъ, русскую пословицу : свои собаки грызутся, чужая не приставай. — Ну, замолчалъ. — А Митька всю ночь проревѣлъ, я ужъ далъ волю : пусть проревѣтся, думаю, легче будетъ. — Самаго-то меня отъ хлѣба даже откинуло : отецъ вѣдь, каковъ ни будь сынъ — все болѣзнь утробы моей !... Поутру, пошелъ я въ садъ, обрѣзываю съ яблонь сухіе сучья у самаго забора Абдулинскаго. — Слышу : Митькинъ голосъ !... Привалъ ухомъ къ забору — и Нѣмкинъ голосъ !... Говорятъ не по-русски !... Изъ моего-то сада камитка есть въ Абдулинской садъ, я въ нее, да свѣту и не взвидѣлъ !... Митька съ Нѣмкой обнявшись сидятъ, цѣлуются да плачутъ !... Увидавши меня, убѣжала Нѣмка — знаетъ кошка чье мясо съѣла, а Митька, какъ безумный, кинулся мнѣ въ ноги : « батюшка, говоритъ, положи гнѣвъ на милость : вѣдь мы повѣнчаны » !... Остамѣлъ я совсѣмъ, какъ услышалъ такую срамоту на мою сѣдую голову, въ глазахъ зелень ходенемъ заходила, къ сердцу какъ головня подкатилась !...

На лежанкѣ очнулся, не помню, какъ и добрень!... Выдался денекъ! Пять лѣтъ на кости накиннулъ!... Андрей-то Васильичъ хорошъ: пріятелемъ звался, хлѣбъ соль со мной водилъ, денегъ займовалъ, — а посаженнымъ отцомъ у Митьки былъ; гдѣ-то за моремъ сватьбу-то сыграли, безъ моего вѣдома, безъ родительскаго благословенія!... Вотъ они друзья-то!... За наше добро, да намъ же рокожъ въ ребро!... Да еще теперь на мѣня же во всей бѣдѣ вину валитъ! Сына, слышь, я сгубилъ! — Ну посудите вы сами, ваше высокоблагородіе, ну я ли виновать!... Вѣдь я отецъ, вѣдь и змѣя своихъ дѣтей бережетъ!... Ученье, ученье всему виной!... Вѣдь не я же!... Серезка еще, слышь, виновать, да Марья Андревна, для того, что мнѣ на Митьку наговаривала!... Да!... И безъ нихъ бы самъ не догадался я, пуще всего!... Какъ же!... Такъ вотъ! Языкъ-то безъ костей! Вотъ что!...

На другой день шелъ я отъ ранней обѣдни, — гляжу — Нѣмка на встрѣчу идетъ. Не вытерпѣло сердце: я къ ней, ударилъ ее раза два-три. Митька откуда ни взялся тутъ же, — отнимать, — сердце меня взяло, — я его въ сторону, а ее за косу, да ну валитъ. Насилу отняли ее у меня.... ужъ очень распалился я....

Тяжела видно свекрова-то рука пришлась!.. Нѣмка зачахла, черезъ мѣсяцъ померла. — Ха, ха, ха!... Ну, слава Богу, подумалъ я, теперь у Митьки руки развязаны, поревеетъ да и справится: былъ молодцу не укура, опять будетъ человекъ.... Да бѣда не живетъ одна; ты отъ горя, оно тебѣ встрѣчу: придетъ чаша горькая — пей до дна.... — На другой день похоронъ.... пришелъ Митька домой.... Господи, батюшка!... Никогда этого за нимъ не важивалось!... Вотъ горе-то неизбывное!... Митя, мой Митя!... Крѣпись, Корнило!... Терпи моя голова, благо въ кости скована!... Эхъ, извѣдалъ бы кто мое горе отцовское!... Глуби моря шапкой не вычерпашь, да и слезъ кровавыхъ отца роднаго не высушишь!... Пуншу, пуншу, Петровичъ!...

— Что же потомъ случилось съ вашимъ сыномъ? спросилъ я, послѣ долгаго молчанія.

— Не пытайте отца!... Горько!... Упился я бѣдами, охмѣлялся слезами!... Петровичъ! лей до краевъ!...

АНДРЕЙ ПЕЧЕРСКІЙ.

ЧЕГО-ТО ЖАЛЬ?...

Посвящается новымъ друзьямъ по прочтеніи старыхъ стихотвореній.

Чего-то жаль мнѣ..., И не знаю я
Навѣрное, чего.... Опять *его* ли,
Кого безумно такъ любила я,
Такъ долго и съ такой упрямой волей?...
Или тебя, пора моей весны, —
Отцвѣтшая пора молодыхъ стремленій,
Желаній, и надеждъ, и вдохновеній,...
Той грустной, но все милой старины!

О немъ зачѣмъ жалеть?... Вѣдь счастливъ онъ,
Своей судьбой доволенъ и спокоенъ, —
Мивувшаго забылъ минутный сонъ,
И счастья осязлаго достоинъ,
Разсудку подчинилъ свой гордый умъ,
Житейскихъ благъ всю цѣну постигаетъ,
Безъ дѣтскихъ грезъ, безъ лишнихъ страстныхъ думъ,
Живеть... и жизни смыслъ и цѣль ужъ знаетъ!

Онъ знаетъ, что богатство нужно намъ,
Чтобъ вѣсь имѣть, и поддержать значенье;
Что душу не раздвинушь пополамъ
Съ другой душой.... что это заблужденіе
Мальчишекъ и дѣвчонокъ въ двадцать лѣтъ,
Что барскій домъ, столъ лакомый на славу,
Превознесутъ друзья, — уважить свѣтъ ...
(Друзья и свѣтъ такъ падки на забавы).

Съ поэзіей простился онъ навѣкъ,
 И съ прозою сухою помирился.
 Членъ общества, степенный человѣкъ,
 Съ приличіемъ въ ладу, — онъ научился
 Условной рѣчи ихъ.... Нѣтъ!... Онъ не тотъ,
 Чѣмъ прежде былъ!... О немъ жалѣть зачѣмъ же?
 Отъ женскаго онъ сердца самъ не ждетъ,
 Чтобъ было вѣкъ оно однимъ и тѣмъ же!...

Нѣтъ! не его мнѣ жаль! — Мнѣ жаль тебя,
 Моя любовь!.., Любовь души безпечной,
 Такъ вѣрящей и вѣчности сердечной,
 Такъ вѣрящей и въ клятвы и въ себя;
 Мнѣ жаль еще и слѣпоты сомнѣнья,
 Смѣющейся измѣнѣ, клеветѣ,
 Мнѣ жаль тебя, о гордое презрѣнье
 Къ обману, къ лицемѣрью, къ суетѣ!...

Мнѣ жаль тебя, мой благородный гнѣвъ,
 Встрѣчавшій ложь лицомъ къ лицу отважно,
 Отвергшій лесть съ ея хвалою продажной,
 Дразнившій смѣло злобы жадный зѣвъ!...
 Мнѣ жаль тебя, мое самозабвенье,
 Готовность глупо жертвовать собой,
 Безумно жаль младаго увлеченья,
 Съ его золотокрылою мечтой.

ИЗЪ ГЕННЕ.

1.

Мнѣ душу они истомили,
 Разрушили сердца покой,
 Одни — своею любовью,
 Другіе — своею враждой.

Они мнѣ мѣшали напитокъ
И пишу съ отравою злой —
Одни — своею любовью,
Другіе — своею враждой.

Но та, отъ которой на сердца
Остались больнѣе слѣды,
Въ душѣ никогда не питала
Ко мнѣ ни любви, ни вражды.

2.

СЧАСТЬЕ И НЕСЧАСТЬЕ.

Счастье — рѣзвая красotka, —
Не сидится долго ей:
Прываскается горемыку,
Да и прочь опять скорѣй.

А несчастье — старушонка:
Какъ придетъ къ тебѣ порой,
Такъ и сидеть съ рукодвѣлемъ,
И бесѣдуетъ съ тобой.

©. МЕЛАНГЪ.

НАДЪ ГРОБОМЪ ГОГОЛЯ.

Ударилъ часъ — и нѣтъ у насъ его!
Пыльное еще закрылось око,
Еще у насъ не стало одного,
Кто въдалъ Русь и жизнь ея глубоко!

И онъ, какъ тѣ, угасъ во цвѣтѣ лѣтъ —
И всѣ сердца исполнились печали,
И поняли, кого межъ нами нѣтъ,
Кого мы невозвратно потеряли....

А между-тѣмъ, когда межъ нами жилъ
И дѣйствовалъ, и мыслилъ этотъ гений,
Исполненный живыхъ, чудесныхъ силъ,
И тайныхъ, веразгаданныхъ видѣній, —

Тогда вполнѣ его не понимая
 Никто изъ насъ, по своему толку
 О томъ, что онъ въ душѣ своей скрывая,
 Одинъ за всѣхъ страдая и тоскуя.

И малодушно былъ онъ осужденъ,
 И много въ немъ увидѣли пороковъ,
 И много паръканій вынесъ онъ
 И горько-оскорбительныхъ упрековъ.

Но все молчали, таась отъ всѣхъ вдали....
 И умеръ онъ, и вдругъ намъ грустно стало,
 Что мало жизнь мы эту берегли,
 И можетъ ей сочувствовали мало.

И всѣ ко гробу мы спѣшимъ,
 Гдѣ скрылся онъ, борьбою утомивъ,
 И плачемъ тамъ, склоняясь передъ нимъ
 И за душу покойнаго молясь.

Какъ будто смерть разоблачила намъ
 Его нераздѣленные страданья
 И шутки со слезами пополамъ,
 И вѣчное, упорное молчанье,

Какъ будто намъ теперь лишь усненъ
 Великій духъ — и мы должны сознаться,
 Что вправдѣ былъ задумываться онъ
 И въ самого себя удивляться.

Н. ЗЕРГЪ.

ВИЛЬГЕЛЬМЪ МЕЙСТЕРЪ.

Сочиненіе Гете.

ГОДЫ УЧЕНЬЯ.

(Продолженіе).

ГЛАВА XIV.

Разговоръ двухъ новыхъ знакомцевъ довольно скоро сталъ искрененъ и живъ. Какъ только Вильгельмъ разсказалъ пораженному уныніемъ молодому человѣку о своемъ отношеніи къ родителямъ дѣвушки, вызвался быть посредникомъ и самъ одушевился надеждой, — прояснились печаль и заботливость заключеннаго: — онъ снова почувствовалъ себя свободнымъ, помирился съ своимъ труднымъ положеніемъ, и рѣчь пошла теперь о будущихъ благахъ и средствахъ жизни.

— Объ этомъ вамъ нечего хлопотать, сказалъ Вильгельмъ; мнѣ кажется, вы оба предназначены натурою составить себѣ счастье въ избранномъ вами состояніи. Пріятная наружность, звучный голосъ, сердце, полное чувства! Чего еще лучше для актера? Если я могу служить вамъ кой-какими рекомендаціями, — мнѣ это будетъ большимъ удовольствіемъ.

— Благодарю васъ отъ всего сердца, возразилъ тотъ, — но едва ли употреблю я ихъ въ дѣло: — я все думаю, какъ бы оставить театръ совсѣмъ.

— Это очень дурно съ вашей стороны, сказалъ Вильгельмъ, помолчавши съ минуту, и едва опомнившись отъ изумленія: онъ такъ и думалъ, что актеръ тотчасъ же вступить опять на театръ, какъ только выпустятъ его съ женою изъ тюрьмы. Это казалось ему такъ же точно естественнымъ и необходимымъ, какъ то, что лягушку всегда тянетъ въ воду. Въ этомъ онъ нимало не сомнѣвался — и вдругъ, къ удивленію своему, увидалъ совершенно противное.

— Да, продолжалъ тотъ, я рѣшился не вступать болѣе на театръ, вступить лучше въ службу и взять какое-нибудь мѣсто, лишь бы только удалось найти.

— Странное намѣреніе, и я не могу его одобрить; безъ особенныхъ причинъ никогда не слѣдуетъ перемѣнять разъ уже принятый родъ жизни,—да и притомъ, я не знаю ни одного состоянія, въ которомъ было бы столько наслажденій, столько увлекательныхъ цѣлей, какъ въ званіи актера.

— Видно, что вы никогда не были актеромъ, возразилъ новый знакомецъ.

На это сказалъ Вильгельмъ:— Милостивый государь, какъ рѣдко бываетъ человекъ доволенъ своимъ состояніемъ! Вѣчно завидуетъ онъ состоянію своего ближняго—а ближній тоже въ свою очередь ищетъ выхода изъ своего.

— Но вѣдь есть же, возразилъ Мелина, разница между дурнымъ и худшимъ; опытъ жизни, а не нетерпѣніе заставляетъ меня поступать такъ. Ни въ какомъ званіи не добывается такъ горько, невѣрно и трудно кусокъ хлѣба: почти все одно, что просить милостыню подъ окнами. Чего не вынесешь отъ зависти товарищей, отъ пристрастія директора, отъ перемѣнчиваго настроенія публики? Право, для этого надобно быть медвѣдемъ, котораго водятъ на цѣпи вмѣстѣ съ обезьянами и собаками, колотятъ и заставляютъ плясать подъ волюнку передъ честнымъ людомъ и передъ ребятами.

Вильгельмъ затаялъ самъ про себя то, чего онъ не хотѣлъ сказать прямо въ лицо доброму человеку. Онъ далъ ему волю говорить. Тотъ продолжалъ еще прямѣе и подробнѣе. — Не кровная ли нужда, говорилъ онъ, заставляетъ директора кланяться въ ноги каждому городовому совѣтнику, чтобы въ четыре недѣли ярмарки получить въ какомъ-нибудь мѣстѣ два-три гроша. У насъ директоръ былъ добрый человекъ, а сколько разъ я, бывало, его жалѣлъ — и иной разъ сколько имѣлъ причинъ на него досадовать? Хорошій актеръ ему дорогъ, а отъ дурныхъ ему нельзя отдѣлаться; хочетъ онъ уравновѣсить доходъ свой съ расходами;—публикѣ цѣна кажется

черезъ чуръ дорога, театръ пусть, и, чтобы не совсѣмъ умереть съ голоду, по неволѣ приходится играть съ горемъ и себѣ въ убытокъ. Нѣтъ, милостивый государь! если вы точно, какъ говорите, хотите принять въ насъ участіе — пожалуйста, поговорите посерьезнѣе съ родителями моей жены. Пусть какъ-нибудь устроятъ меня здѣсь, дадутъ мнѣ.... ну хоть мѣсто писаря или пріемщика, я буду считать себя очень счастливымъ.

Обиѣнявшись еще нѣсколькими словами, они разстались, и Вильгельмъ ушелъ, обѣщавшись завтра утромъ идти къ старикамъ и попытаться устроить какъ-нибудь дѣло. Едва остался онъ одинъ, какъ долженъ былъ облегчить себя восклицаніями: несчастный Мелина! не въ званіи твоёмъ, но въ самомъ тебѣ причина той бѣдности, съ которой ты не въ силахъ совладать. Не всякій ли тотъ, кто безъ внутренняго позыва возьмется за какое-нибудь ремесло, искусство, родъ жизни, также, какъ ты, находитъ невыносимымъ свое положеніе? Кто родился съ талантомъ къ известному таланту, найдетъ въ немъ свое лучшее бытіе! Ничто на землѣ не дается безъ трудностей! Только внутренняя потребность, наслажденіе, любовь помогаютъ намъ побѣждать препятствія, пробивать себѣ путь, вырываться изъ тѣсныхъ круговъ, въ которые печально замыкаются другіе. Для тебя подмости только подмости, а роли тоже, что урокъ для школьника. Зрителей видишь ты такими, какими сами себѣ они кажутся въ рабочіе дни. Тебѣ, конечно, — все равно сидѣть за конторкой надъ разливеванными книгами, считать проценты, вычислять остатки! Ты не чуешь пылающаго гармоническаго цѣлаго, обрѣтаемаго только духомъ, ему только доступнаго и для него только исполнимаго; ты не чуешь, что въ людяхъ живетъ лучшая искра: ничѣмъ не питаемая, не возбуждаемая, она можетъ быть засыпана пепломъ обыденныхъ нуждъ и равнодушія, — но никогда, несмотря ни на что, не погаснетъ. Ты не чуешь въ душѣ своей силы раздуть ее, не обрѣтаешь въ своемъ собственномъ сердцѣ сокровища, которое питало бы возбужденное. Тебя мучитъ голодъ, тебѣ несносны неудобства, и не видишь ты, что въ каждомъ званіи встрѣтишь враговъ, что побѣдишь ихъ только веселостью и спокойствіемъ. Хорошо дѣлаешь ты, стремишься замкнуться въ

предѣлы обыкновенной жизни: тебѣ не наполнить тѣхъ, для которыхъ необходимы духъ и мужество! Дай твои чувства солдату, государственному человеку, духовному—и точно такое же право будутъ они имѣть жаловаться на горечь своего званія. Да развѣ не было людей, до того лишенныхъ всякаго чутья жизни, что всю жизнь, всѣ стремленія смертныхъ считали они за ничто, за горестное и праху подобное бытіе? Если бы въ душѣ твоей живо создавались образы дѣйствующихъ людей, если бы въ груди твоей теплился животворный огонь, если бы по всему существу твоему разливалось внутреннее стремленіе, если бы сладки для слуха были звуки твоего горла, слова твоихъ устъ, и чувствовалъ бы ты самъ въ себѣ удовлетвореніе,—ты непременно искалъ бы мѣста и случая почувствовать себя въ другихъ.

Съ такими словами и мыслями, нашъ пріятель раздѣлся и легъ на постель съ чувствомъ самодовольства. Цѣлый романъ, вмѣсто пошлаго завтрашняго дня, развивался въ его душѣ, сладкія мечты кротко последовали за нимъ въ область сна, и передали его тамъ своимъ братьямъ снамъ—и сны приняли его съ отверстыми объятіями, и обаяли спящее чело нашего друга предвкушеніемъ неба.

Рано утромъ онъ пробудился и тотчасъ же подумалъ о предстоящихъ ему переговорахъ. Онъ вновь явился въ домъ покинутыхъ имъ стариковъ: его приняли съ удивленіемъ. Онъ прямо высказалъ свое порученіе; трудностей нашелъ и больше и меньше, чѣмъ ожидалъ. Развѣ уже дѣло сдѣлалось—и хотя особенно строгіе и суровые люди вооружаются даже противъ случившагося неизмѣняемаго, умножая этимъ зло,—но за то на душу другихъ совершившееся имѣетъ неборимую силу, и казавшееся невозможнымъ, развѣ случившись, входитъ въ разрядъ обыкновеннаго. Скоро по этому рѣшено было, чтобы господинъ Мелина женился на дочери, но за свое непочтеніе она не получить приданаго, и должна кромѣ того отдать отцу на несколько лѣтъ, и за небольшіе проценты, наслѣдство тетки. Второй пунктъ, относительно доставленія мѣста Мелинѣ, встрѣтилъ еще большія затрудненія. И видѣть даже не хотѣли падшей дѣвушки, -- не хотѣли, что-

бы присутствіе напоминало о связи забвлаго челоуька съ такой почтенной семьей, состоявшей въ родствѣ даже съ суперинтендентомъ; нельзя было и надвяться, чтобы княжескія коллегіи дали ему какое-нибудь мѣсто. Оба старика равно были противъ этого, и Вильгельмъ, который очень ревностно настаивалъ, потому что не хотѣлъ возврата на театр челоуька, по его мнѣнію безталаннаго и недостойнаго этаго счастья, — ничего не могъ сдѣлать своими доказательствами. Когда бы онъ зналъ тайныя пружины, то конечно не сталъ бы попустому и стараться переспорить стариковъ. Отецъ былъ пожалуй не прочь, чтобы дочь была къ нему поближе, да ненавидѣлъ молодаго челоуька, потому что жена его сама была къ нему равнодушна. — Эта съ своей стороны не потерпѣла бы соперницы передъ глазами. И такимъ образомъ, противъ своего желанія, Мелина съ своей молодою невѣстою, изъяслявшею большую охоту людей посмотреть и себя показать, долженъ былъ уѣхать черезъ нѣсколько дней, чтобы найти мѣсто въ какой нибудь труппѣ.

ГЛАВА XV.

Счастливая юность! счастливыя времена первой потребности любви! Челоуькъ въ ту пору — словно ребенокъ, который забавляется по цѣлымъ часамъ эхомъ, на себя одномъ несеть всю тяжесть разговора, и очень доволенъ, что невидимый собеседникъ повторяетъ хотъ послѣдніе слоги произносимыхъ имъ словъ.

Таковъ былъ и Вильгельмъ въ первое, а въ особенности въ послѣднее время страсти своей къ Маріаннѣ, когда онъ переносилъ на нее все богатство своего чувства, и потому считалъ себя нищимъ, живущимъ ея подаваніемъ. И какъ извѣстный видъ очаровательныя для насъ, когда озаренъ солнцемъ, — даже тогда только и очарователенъ, — такъ въ глазахъ его украшалось и просвѣтлялось все, что окружало ее, чего касалась она.

Какъ часто становалъ онъ на сценѣ, за кулисами, — на что выпросилъ себя позволеніе у директора. Тогда, правда,

исчезало волшебство перспективы, но за то начинало действовать могущественнейшее колдовство любви. По цѣлымъ часамъ стоялъ онъ у грязной рампы, вдыхалъ зловоніе салныхъ лампъ, смотря на милую, и когда она выходила снова и ласково взглядывала на него, утоная въ наслажденіи, чувствовалъ себя въ раю посреди досокъ и тряпокъ. Чучелы барановъ, тафтяные водопады, картонные кусты розъ и однокоріа соломенныя хижины пробуждали въ немъ самыя поэтическія образы первобытнаго пастушескаго міра. Даже танцовщицы, довольно отвратительныя вблизи, не всегда были ему противны: онъ стоялъ на однихъ доскахъ съ много-любимою. И рѣшительно правда, что любовь, одушевляющая кусты розъ, миртовья роица и лунное сіяніе, — можетъ даже дать видъ чего-то живаго деревяннымъ стружкамъ и бумажнымъ обрѣзкамъ. Любовь такая приправа, что съ нею становятся вкусными самыя сухія и горькія яства.

Подобная приправа точно было нужна для того, чтобы сдѣлать выносимымъ, послѣ даже пріятнымъ, состояніе, въ которомъ находилъ онъ ея комнату и часто даже ее самоѳ.

Для него, воспитаннаго въ порядочномъ мѣщанскомъ домѣ, — порядокъ и чистота были стихіею, которой онъ дышалъ; отъ отца онъ наследовалъ любовь къ пышности, и ребенкомъ еще умѣлъ украсить свою комнату, смотря на нее какъ на маленькое царство. Занавѣсъ у его постели раскидывался широкими складками и висѣлъ на кистяхъ, какъ у трона; онъ добылъ себѣ коверъ на полъ комнаты и другой получше на столъ; свои книги и бумаги привыкъ онъ, почти механически, раскладывать такъ, чтобы все это могло служить прекрасною группою нидерландскому живописцу для картины внутренности комнаты. Бѣлый колпакъ свой онъ связывалъ наподобіе чалмы, а рукава плафрока обрѣзывалъ по восточному, представляя впрочемъ причины, что длинныя рукава мѣшаютъ ему писать. Когда вечеромъ онъ оставался совершенно одинъ и не боялся болѣе посещеній, то обыкновенно повязывалъ шелковый поясъ, а иногда прищипывалъ къ поясу книжку, который добылъ себѣ изъ старой оружейной ка-

меры—и такъ релетировалъ и читалъ свои трагическія роли, — даже такъ и молился на своемъ ковръ.

Какъ счастливымъ считалъ онъ въ тѣ времена актера, обладающаго множествомъ великолѣпныхъ одеждъ, латъ и оружія, вѣчно занятаго благороднымъ искусствомъ, актера, котораго душа—зеркало всего прекраснаго и возвышеннаго, что есть въ отношеніяхъ, чувствованіяхъ и страстяхъ человѣческихъ. Такъ же точно Вильгельмъ представлялъ себѣ и домашнюю жизнь актера рядомъ достойныхъ дѣлъ и занятій, вѣнецъ которыхъ есть появленіе на сценѣ: такъ серебро, думалъ онъ, долго проходившее черезъ огонь, является наконецъ, сіяя чуднымъ свѣтомъ передъ взорами мастера—и я вѣрю ему, что металлъ очищенъ теперь отъ всякой черной примѣси.

Часто падалъ онъ свачала съ своей высоты, когда сидѣлъ у своей милой, и сквозь туманъ блаженства, его окружавшій, смотрѣлъ на столъ, на стулья и на полъ. Развалины минутнаго дешеваго и ломкаго величія, какъ блестящая чешуя очищенной ножемъ рыбы, раскидывались передъ нимъ въ самомъ дикомъ безпорядкѣ. Орудія человеческой чистоплююности, гребни, мыло, платки лежали вивствѣ со слѣдами своего употребленія. Ноты, рои и башмаки, черные и бѣлые, поддѣльные цвѣты, наперстки, шпильки, банки съ притираньемъ и книги—ничто не чуждалось взаимнаго соудства, все дышало одной общей стихіею, пудрою и мыломъ. Но такъ какъ въ присутствіи Маріанны Вильгельмъ мало замѣчалъ то, либо другое, такъ какъ все, что принадлежало ей, что хоть разъ коснулось ея, было ему мило, то наконецъ, въ этомъ безхозяйномъ быту сталъ онъ находить очарованіе, какого никогда не находилъ въ своемъ изящномъ порядкѣ. Всякій разъ, когда, то приходилось сбросить снуровку съ фортепьяно, то положить платье на постель, чтобы сѣсть, и Маріанна съ самой непосредственной простотою не скрывала передъ нимъ много очень простаго, что другія скрываютъ изъ приличія,—всякій разъ, говорю я, было ему такъ хорошо, какъ будто съ каждой минутой онъ становился къ ней ближе, какъ будто связь ихъ скрѣплялась все больше и больше какими-то невидимыми узами.

Не так легко было ему помирить съ своими понятіями поведеніе другихъ актеровъ, которыхъ въ первыя свои посѣщенія онъ часто встрѣчалъ у нея. Хлопотливые въ бездѣль, они, казалось, менѣе всего на свѣтъ думали о своемъ назначеніи и цѣли; никогда не слыхалъ онъ ни разговора, ни суда, праваго или неправаго, о поэтическомъ достоинствѣ какаго-нибудь произведенія; единственные вопросы были: каковъ-то сборъ пьеса сдѣлаетъ? въ ходу ли пьеса? какъ долго пройдетъ представленіе? часто ли будутъ давать? вообще вопросы и замѣчанія въ этомъ родѣ. Потомъ разговоръ переходилъ обыкновенно на директора, что онъ скупъ на жалованье, что онъ несправедливъ къ тому или другому; за тѣмъ разсуждалось о публикѣ, что она рѣдко умѣетъ цѣнить путнаго артиста, что нѣмецкій театръ съ каждымъ днемъ совершенствуется, что актеровъ все болѣе и болѣе начинаютъ чтить по заслугамъ, а все таки еще не довольно чтутъ и цѣнятъ. Наконецъ, говорили много о кофейняхъ и винныхъ погребкахъ, да еще—что само собою отсюда слѣдовало—о томъ, сколько такой-то изъ товарищей долженъ тамъ-то и сколько на всемъ штрафу, о неудовлетворительности *разовыхъ* денегъ, о кабаль какой-нибудь враждебной партіи, при чемъ опять упоминали объ особенномъ и заслуженномъ вниманіи публики, и не забывали присовокупить о вліяніи театра на образованность націи и цѣлаго свѣта.

Вся эти вещи, и прежде еще доставлявшія Вильгельму много безпокойныхъ часовъ, теперь снова приходили ему на память, когда лошадь медленно тащила его домой и онъ думалъ о различныхъ случившихся съ нимъ обстоятельствахъ. Собственными глазами видѣлъ онъ тревогу, произведенную въ честной ибцанской семьѣ, даже въ цѣломъ городкѣ бѣгствомъ молодой дѣвушки: сцены на большой дорогѣ и въ управѣ, слова Меллины и все бывшее послѣ того предстало ему снова, и привело его живую, впечатлительную душу въ заботливо-тревожное состояніе: онъ не могъ долго его выносить, далъ шпоры коню и быстро поскакалъ въ городъ.

Но и здѣсь встрѣтилъ онъ новыя непріятности. Вернеръ, другъ его и будущій зять, ждалъ его для важнаго, значительнаго и нежданнаго разговора.

Вернеръ былъ одинъ изъ твердыхъ, крѣпко убежденныхъ въ назначеніи своемъ людей, которыхъ зовутъ обыкновенно холодными—потому что онъ не приходилъ въ волненіе видимо и скоро; дружба его съ Вильгельмомъ была вѣчною распреею, которая впрочемъ крѣпко связала узелъ любви: потому что, не смотря на различный образъ мыслей, каждый находилъ отзывъ въ другомъ. Вернеръ былъ очень доволенъ, что могъ, какъ ему казалось, обуздывать и умѣрять порывы превосходной, но обыкновенно переливавшейся черезъ края души Вильгельма, а Вильгельмъ торжествовалъ вполнѣ, когда удавалось ему увлечь за собой въ восторженное состояніе своего разумнаго друга. Такъ каждый изъ нихъ упражнялъ силу надъ другимъ, они привыкли видаться ежедневно, и можно было бы сказать, что желаніе видѣться постоянно и постоянно говорить другъ съ другомъ, поддерживалось невозможностью пониманія другъ друга. Въ сущности же сходились они въ томъ, что оба были добрые малые, только съ разными цѣлями, и не могли никакъ понять, почему это ни одинъ не можетъ убедить въ своемъ взглядѣ другаго.

Вернеръ замѣтилъ съ нѣкотораго времени, что Вильгельмъ приходитъ къ нему рано, что онъ обрѣзываетъ разговоръ или говорить разсыянно о любви, что онъ не углубляется въ живое развитіе своихъ странныхъ понятій—по чему дѣйствительно всего легче распознать душу свободную и находящую довольство и увеселеніе въ бесѣдѣ съ другомъ. Пунктуальный и разумный Вернеръ искалъ сначала ошибокъ въ своемъ собственномъ поведеніи, пока наконецъ городскіе слухи не навели его на настоящій слѣдъ, а нѣсколько неосторожныхъ словъ самого Вильгельма не разъяснили ему дѣла еще болѣе. Онъ пустился въ розыски, и скоро открылъ, что за нѣсколько времени до того Вильгельмъ довольно явно посвящалъ одну актрису, говорилъ съ ней на сценѣ и провожалъ ее домой; онъ рѣшительно пришелъ бы въ отчаяніе, когда бы ему знакомы были дальнѣйшія похожденія: онъ слышалъ, что Маріанна—пустыньская дѣвочка, что она будетъ разорять его друга, а между тѣмъ состоитъ на содержаніи у другаго, недостойнаго любовника.

Убдившись въ своихъ подозрѣнiяхъ, онъ тотчасъ же рѣшился сдѣлать нападенiе на Вильгельма, и вооружился уже всеми снарядами, когда тотъ прiѣхалъ мрачный и въ досадѣ изъ своего путешествiя.

Вернеръ въ тотъ же вечеръ передалъ ему все, что зналъ, сначала спокойно, потомъ съ особенною важною благо-разумной дружбы, не оставилъ ни одной черты не тронутою, и вылилъ на своего друга всю горечь, которую спокойные люди такъ расточительно и съ добродѣтельнымъ злорадствомъ изливаютъ на любящихъ. Но, какъ легко можно было предвидѣть, онъ не многого добился. Вильгельмъ возразилъ съ внутреннимъ волненiемъ, но съ величайшею увѣренностью: Ты не знаешь этой дѣвушки! Видимость можетъ быть не въ ея пользу, но я увѣренъ въ ея вѣрности и добродѣтели точно такъ же, какъ въ своей собственной любви!

Вернеръ все стоялъ на своемъ и дошелъ наконецъ до доказательствъ. Вильгельмъ опровергъ ихъ и ушелъ отъ своего друга, раздосадованный и потрясенный, какъ человекъ, которому неискusstный зубный врачъ только что разстроилъ и повредилъ, а не выдернулъ больной зубъ.

Неловко какъ-то было Вильгельму, что милый образъ Марианны помраченъ и почти что разоблаченъ въ его душѣ, сначала неприяностями путешествiя, потомъ недружелюбными замѣчанiями Вернера.

Онъ схватился за самое вѣрное средство возстановить его въ полной ясности и красотѣ, отправившись къ ней ночью, обыкновенной дорогой. Она приняла его съ живою радостью, потому что онъ прѣхалъ мимо ея, возвращаясь въ городъ; она ждала его въ эту ночь, и разумется—все сомнѣнiя были скоро выгнаны изъ его сердца. Да, ея нѣжность снова возвратила Вильгельму довѣрчивость, и онъ даже рассказалъ ей, какъ страшно люди, какъ страшно другъ его, обманываются на ея счетъ.

И много, и съ живостью говорили они о первыхъ временахъ своей связи, воспоминанiе о которыхъ останется всегда однимъ изъ лучшихъ предметовъ разговора для двухъ любящихъ. Первые шаги наши въ запутанномъ лабиринтѣ.

любви такъ пріятны, первые виды, открывающіеся тамъ, такъ очаровательны, что часто и охотно приводишь ихъ себѣ на память. Каждая сторона хотѣла взять верхъ надъ другою: она-то вотъ и полюбила прежде и безкорыстиве, и каждая желала лучше быть побѣжденною, нежели побѣдить въ этомъ спорѣ.

Вильгельмъ съизнова рассказывалъ Маріаннѣ, что она уже часто слыхала, какъ она отвлекла его вниманіе отъ пьесы и обратила на себя, какъ приковали его къ себѣ ея наружность, ея игра, ея голосъ; какъ онъ наконецъ сталъ ходить только въ тѣ пьесы, гдѣ она играла, какъ онъ пробрался на сцену, сталъ возлѣ нея, незамѣчаемый ею; потомъ съ увлеченіемъ говорилъ онъ о счастливомъ вечерѣ, когда напелъ случай возбудить въ ней благосклонность и завести разговоръ.

Маріанна напротивъ никакъ не хотѣла согласиться, что такъ долго его не замѣчала, увѣряла, что видѣла его на гуляньѣ, въ доказательство чего описала платье, бывшее на немъ въ этотъ день, что въ этотъ самый день онъ ей поправился одинъ изъ всѣхъ, и что она тутъ же пожелала съ нимъ познакомиться.

Какъ охотно вѣрилъ Вильгельмъ всему этому! какъ охотно поддавался онъ убѣжденіямъ, что она влеклась къ нему чѣмъ-то неодолимымъ, когда онъ къ ней приближался, что она съ намереніемъ стала подлѣ него за кулисами, чтобы поближе его видѣть и завести съ нимъ знакомство, и что она наконецъ, видя его упорную замкнутость и скромность, сама подала ему удобный поводъ начать разговоръ, попросивши его достать ей стаканъ лимонаду.

Въ этомъ любовномъ спорѣ, продолжавшемся по отношенію къ мельчайшимъ подробностямъ ихъ короткаго романа,—быстро пролетѣли для нихъ часы, и Вильгельмъ, совершенно успокоенный, расстался съ своей милой, съ твердымъ намѣреніемъ, какъ можно скорѣе привести въ исполненіе свой планъ.

ГЛАВА XVI.

Обо всемъ, необходимомъ для его путешествія, позаботились уже отецъ и мать: кой-какія мелочи, укладки, замедлили впрочемъ отъездъ его на нѣсколько дней. Вильгельмъ воспользовался этимъ временемъ, чтобы написать Маріаннѣ письмо, желая высказаться въ немъ яснѣе, на счетъ обстоятельства, о которомъ она избегала до сихъ поръ говорить. Вотъ содержаніе этого письма:

«Подъ милымъ кровомъ ночи, такъ часто облекавшимъ меня въ твоихъ объятіяхъ, сижу я теперь и думаю о тебѣ и пишу къ тебѣ, и все, что я чувствую и думаю,—относится только къ тебѣ. О Маріанна! я счастливѣйшій изъ людей; я похожъ теперь на жениха, которъй, предвкушая новую жизнь, для него и имъ самимъ теперь раскрываемую, подный думъ, стремится за таинственный занавѣсъ, изъ-за котораго вѣетъ ему всей прелестью любви.

« Я на столько совладаль съ собою, чтобы не видать тебя нѣсколько дней: это было легко съ надеждою вознагражденія—быть вѣчно съ тобою, быть совершенно твоимъ! Нужно ли повторять, чего я жажду? а надобно — потому, что ты до сихъ поръ, казалось, меня не понимала.

« Какъ часто я тихимъ голосомъ вѣрной любви, которая, желая все удержать, мало смѣетъ высказать, испытывала твое сердце, желаетъ ли оно вѣчнаго союза? что поняла ты меня—нѣтъ сомнѣнія: зародышъ этого желанія былъ и въ твоёмъ сердцѣ,—и поняла ты меня въ лобзаніяхъ, въ нѣжномъ спокойствіи твоихъ счастливыхъ вечеровъ. Тогда-то узналъ я твою скромную рѣшимость, и какъ увеличилась моя любовь! Тамъ, гдѣ другая искусственно старалась бы уяснить до излишества солнечнаго свѣта, и довести до презрѣлости рѣшимость въ сердцѣ любовника, вырвать прямое объясненіе и закрѣпить его обещаніемъ,—именно тамъ-то ты удерживаешься, снова влечешь милаго на полукрытую грудь и стараешься прикрыть видомъ равнодушія свое согласіе: но я понимаю тебя! что за жалкій человекъ былъ бы я, когда бы по этимъ признакамъ не распознавалъ чистой, безкорыстной и заботливой

о другъ любви! Вѣрь въ меня и будь спокойна! Мы принадлежимъ другъ другу, и никто изъ насъ двоихъ не потеряетъ ничего, когда мы будемъ жить другъ для друга.

« Возьми ее, эту руку, прими торжественно этотъ вѣщный знакъ! Вся радости любви вкусили мы, но есть еще новое блаженство въ постоянной мысли о неразрывности. Не спрашивай: какъ? не безпокойся. Судьба заботится о любви, тѣмъ болѣе, что любовь не взыскательна.

« Мое сердце давно уже покинуло домъ моихъ отцевъ— онъ у тебя, а духъ мой парить на сценѣ. О моя милая! Дано ли кому изъ людей соединить, какъ мнѣ, всѣ свои желанія? Сонъ бѣжить моихъ очей, и, какъ вѣчная заря, встаютъ передо мною твоя любовь и твое счастье!

« Едва могу я удержаться, едва не вскакиваю съ мѣста, едва не лечу къ тебѣ и не вырываю у тебя согласія, чтобы завтра же полетѣть въ Божій міръ къ своей цѣли. Нѣтъ, я хочу побѣдить себя, не хочу, не подумавши, дѣлать безумныхъ, глупыхъ шаговъ: планъ мой рѣшенъ, и я спокойно хочу его выполнить.

« Я знакомъ съ директоромъ Серло: мое путешествіе направлено прямо къ нему. Съ годъ тому назадъ, онъ желалъ своей труппѣ хоть сколько-нибудь моей живости и любви къ театру, и конечно онъ приметъ меня съ радостью, потому что въ вашу труппу не могу я вступить по весьма многимъ причинамъ: Серло же играетъ такъ далеко отсюда, что мой первый шагъ можетъ остаться неизвѣстнымъ. Сколько-нибудь сносный окладъ получу я съ самаго начала; познакомлюсь съ публикой, разузнаю общество, и потомъ возьму тебя.

« Марианна, ты видишь, какъ я умѣю пересиливать себя, чтобы навѣрное владѣть тобою;—вѣдь такъ долго не видать тебя, такъ долго бытъ далеко отъ тебя--право, мнѣ объ этомъ страшно и подумать. Но если я представлю себѣ твою любовь, которая одна въ состояніи меня успокоить, если ты не отвергнешь моей просьбы до нашей разлуки и передъ алтаремъ отдашь мнѣ свою руку, я уѣду спокойно. Этотъ святой обрядъ — благословеніе неба къ

благословенно земли. По соседству, въ рыцарскихъ владѣнiяхъ, это можетъ совершиться удобно и тайно.

« На первый разъ у меня довольно денегъ: мы раздѣлимъ пополамъ, и станеть съ насъ обоимъ; ирежде еще, чѣмъ истратимъ все, небо поможетъ намъ.

« Да, милая, мнѣ нисколько не страшно. Чтò начато съ такимъ весельемъ, должно достигнуть счастливаго конца. Я никогда не сомнѣвался, что въ мiръ можно успѣть, если только серьезно возьмешь за дѣло,—и мужества станеть у меня для того, чтобы прокормить двоихъ, даже нѣсколькихъ. Свѣтъ неблагодаренъ, говорятъ многіе; я еще до сихъ поръ не находилъ, чтобъ онъ былъ неблагодаренъ, когда выбираешь къ чему-нибудь настоящую дорогу. Вся душа у меня пылаеть при мысли выступить наконецъ и проникнуть въ сердца человѣческія, и сказать имъ то, чтò жаждутъ они услышать. Тысячу разъ мнѣ, проникнутому величіемъ театра, становилось непріятно на душѣ, когда я видѣлъ безталанныхъ, воображающихъ, что они могутъ сказать нашему сердцу великое, благородное слово. Тонъ, вымученный фистулою, звучить все-таки лучше и чище; представить себѣ нельзя, какъ грѣшатъ подобныя молодцы по своему грубому невѣденію.

« Театръ вступалъ часто въ споръ съ каеэдрой: имъ-то бы, кажется, и не слѣдовало ссориться. Какъ бы желательно было, чтобы здѣсь и тамъ только благородные мужи являлись органами разума и природы! Это не сны, моя милая! Какъ на твоёмъ сердцѣ чувствовалъ я, что ты пребываешь въ любви, такъ ловлю я свѣтлую мысль, и говорю,—нѣтъ! скорѣй надѣюсь, что когда-нибудь мы четою добрыхъ духовъ представемъ людямъ, чтобы растворить имъ сердца, тронуть души и приготовить имъ чудныя наслажденія—такъ же точно, какъ на груди твоей вкушала я радости, которыя всегда могутъ быть названы чудными, потому что въ эти минуты мы были внѣ самихъ себя и выше самихъ себя.

«Нѣтъ силъ закончить: наговорилъ я много, а право, не знаю, все ли я сказалъ тебѣ, все ли, чтò до тебя касается; потому что никакія слова не выразятъ движенія колеса, вращающагося въ моемъ сердцѣ.

«Вот тебѣ покаместъ этотъ листокъ, любовь моя! Слышнова перечесть я его, и вижу, что долженъ бы начать опять сначала; но здѣсь все, что тебѣ нужно знать, что можетъ быть приготовленіемъ къ веселому возврату моему въ твои объятія. Я точно узникъ, который, подслушивая въ тюрьмѣ каждый шорохъ, шлѣпъ свои цѣпи. Желаю спокойной ночи моимъ безмятежно спящимъ старикамъ! Прощай, возлюбленная, прощай! Вотъ и заканчиваю: дважды или трижды смыкались уже мои глаза; теперь глубокая ночь».

ГЛАВА XVII.

День тянулся безконечно, и Вильгельмъ, съ запечатаннымъ письмомъ въ карманъ, рѣшился отправиться къ Маріаннѣ: едва стемнѣло, какъ онъ, противъ своего обыкновенія, постыпился къ ея жилищу. Планъ его былъ: пробыть до ночи съ милой, потомъ оставить ее на короткое время, передъ уходомъ вложить ей въ руку письмо—и по возвращеніи—во тьмѣ ночной получить ея отвѣтъ, ея согласіе, или вынудить его силою ласкъ. Онъ полетѣлъ въ ея объятія, и даже на груди ея едва могъ вполне прійти въ себя. Живость его ощущеній закрыла ему сначала то, что она отвѣчала ему не съ прежнею сердечностью; но она сама не могла долго скрыть грустнаго состоянія: отговаривалась болѣзнію, слабостью; жаловалась на головную боль, не хотѣла даже, чтобы онъ воротился ночью. Вильгельмъ не предчувствовалъ ничего дурнаго, не настаивалъ—но понималъ, что теперь не кстаети отдать письмо. Онъ оставилъ его въ карманъ, и такъ какъ нѣкоторыя слова ея и движенія учтивымъ образомъ торопили его уйти, то, въ упоеніи своей ненасытной любви, онъ схватилъ одну изъ ея косыночекъ, спряталъ въ карманъ и противъ воли оторвался отъ ея устъ и отъ ея дверей. Онъ побрѣлъ домой, но и дома пробылъ не долго, одѣлся и снова пошелъ бродить.

Ходя по улицѣ, онъ встрѣтилъ какого-то незнакомца, разспрашивавшаго, гдѣ найти извѣстную гостинницу. Вильгельмъ вызвался указать ему домъ; прѣзкій сталъ разспра-

шивать о названіи улицы, о владѣльцахъ развѣхъ большихъ зданій, мимо которыхъ они шли, о нѣкоторыхъ полицейскихъ уставахъ города, такъ что, подходя къ дверямъ гостиницы, оба они были заняты очень интереснымъ разговоромъ. Пріѣзжій просилъ своего провожатаго зайти къ нему и вымыть съ нимъ стаканъ пуншу; тотчасъ же объявилъ свое имя и мѣсто рожденія, сказалъ даже о занятіяхъ, которыя привели его сюда, и вызывалъ Вильгельма на такую-же откровенность. Тотъ, разумеется, сказалъ и свое имя и мѣсто жительства.

— Да вы не внукъ ли стараго Мейстера, у котораго было такое славное собраніе рѣдкостей? спросилъ пріѣзжій.

— Точно такъ. Мнѣ было десять лѣтъ, когда скончался дѣдъ, и я страшно жалѣлъ, что продаютъ эти вещи.

— Ну, вашъ батюшка получилъ за нихъ порядочную сумму денегъ.

— Такъ вы, стало быть, знаете?

— О, да! я видѣлъ это сокровище въ вашемъ домѣ. Дѣдъ вашъ былъ не только собиратель, но и знатокъ искусства. Прежде, въ лучшіе свои годы, онъ былъ въ Италіи и вывезъ оттуда сокровища, которыхъ не купишь нынче ни на какія деньги. У него были превосходныя картины лучшихъ мастеровъ; глазамъ бывало не вѣришь, когда смотришь на его рисунки; въ числѣ мраморовъ находилось много безцѣнныхъ отломковъ; бронзовыя вещи были замѣчательно-ученой коллекціей; монеты тоже собиралъ онъ съ художественной и исторической цѣлью; рѣзные камни его также стоили похвалы; вообще это было славное цѣлое, хотя комнаты и залы стараго дома построены были не симметрически.

— Можете себѣ представить, какъ мы, дѣти, горевали, когда взяли отъ насъ и уложили на возы всѣ эти прекрасныя вещи. Это были первые черныя дни моей жизни. Помню, какъ пусты становились комнаты, когда постепенно исчезали предметы, которые занимали насъ съ ранняго младенчества, которые мы привыкли считать недвижимыми, какъ домъ и городъ.

— Если не ошибаюсь, вашъ батюшка отдалъ вырученный

капиталь въ руки сосѣда и заключилъ съ нимъ какой-то торговый контрактъ.

— Совершенно справедливо! и имъ удались ихъ торговые спекуляціи: въ двѣнадцать лѣтъ они значительно увеличили свои капиталы — и тѣмъ болѣе, разумѣется, пристрастились къ пріобрѣтенію; у стараго Вернера есть сынъ, который гораздо болѣе меня способенъ къ своему дѣлу.

— Мнѣ очень жаль, что этотъ городъ потерялъ такое украшеніе, какимъ былъ кабинетъ вашего дѣда. Я видѣлъ его не за долго до продажи, и, признаться, содѣйствовалъ къ тому, что покупка состоялась. Одинъ богатый дворянинъ большой любитель, не доврѣявшій впрочемъ одному своему сужденію въ такомъ важномъ дѣлѣ, поручилъ мнѣ съѣздить сюда и просилъ моего совѣта. Шесть дней осматривалъ я кабинетъ, и на седьмой наконецъ написалъ своему пріятелю, чтобы онъ, не торгуясь, выслалъ сумму, которую просить. Вы часто вертѣлись тогда около меня и были прерывъный ребенокъ: вы рассказывали мнѣ предметы картинъ, и вообще довольно хорошо знали кабинетъ.

— Помню точно о подобномъ лицѣ, но признаюсь, никакъ бы не узналъ его въ васъ.

— Времени съ тѣхъ поръ прошлю довольно — а вѣдь мы всѣ болѣе или менѣе измѣняемся. Помнится мнѣ, у васъ была любимая картина, отъ которой вы долго меня не отпускали.

— Точно; она представляла исторію о томъ, какъ взрослый царскій сынъ влюбился въ невѣсту своего отца.

— А картина была не изъ лучшихъ, не совсѣмъ хорошо задумана, не отличалась живо стью красокъ и довольно малярно выполнена.

— Этого я тогда не понималъ, да и теперь еще не понимаю: въ картинѣ меня увлекаетъ предметъ, а не искусство.

— Дѣдъ вашъ, кажется, думалъ иначе: большая часть его собранія состояла изъ превосходныхъ вещей; смотря на нихъ дивились искусству мастера, не обращая особеннаго вниманія на

предметъ, — а эта картина висѣла въ передней: значить, онъ цѣнилъ ее не дорого.

— Здѣсь-то именно и было позволено намъ, дѣтямъ, играть, и здѣсь-то картина сдѣлала на меня несизгладимое впечатлѣніе, которое не могло бы изгладиться даже и теперь. еслибъ мы съ вами стояли передъ картиной, — не смотря на вашу строгій судъ и на мое къ нему уваженіе. Какъ трогателенъ для меня, какъ трогателенъ еще до сихъ поръ, юноша, который весь сладкія стремленія, лучшіе дары природы, долженъ заключить въ себя и скрыть въ груди огонь, способный оживить и согрѣть его и другихъ, юноша, котораго внутренность пожирается страшною скорбью! Какъ жаль мнѣ бѣдную, которая обречена другому, когда сердце ея уже нашло достойный предметъ истинной и чистой страсти.

— Ну, такіа чувства далеко несходны съ чувствами любителя, когда онъ глядитъ на творенія великихъ мастеровъ; вѣроятно, впрочемъ, еслибы кабинетъ остался собственностью вашего дома, въ васъ развилось бы постепенно чутье въ отношеніи къ произведеніямъ, такъ что вы перестали бы видѣть вѣчно только себя самага и свои собственныя стремленія въ художественныхъ созданіяхъ.

— Продажа кабинета очень неприятно на меня подѣйствовала, и даже въ позднѣйшіе годы я часто на это досадовалъ; но когда я подумаю, что такъ должно было быть, что отъ этого развилась во мнѣ страсть, развился талантъ, которымъ суждено имѣть на мою жизнь большее вліяніе, чѣмъ имѣли бы неодушевленныя картины, — я смиряюсь и чту судьбу, которая знаетъ, что лучше для меня, что лучше для каждаго.

— Страшно мнѣ слышать слово «судьба» отъ молодаго человека такихъ лѣтъ, когда обыкновенно свои пылкія наклонности считаютъ за волю высшихъ существъ.

— Такъ вы не вѣрите въ судьбу? не вѣрите въ силу, которая выше насъ и ведетъ насъ къ лучшему?

— Теперь нѣтъ рѣчи о моей вѣрѣ, да здѣсь и не идетъ излагать, какъ я стараюсь объяснить себѣ мысленіемъ вещи, всѣмъ намъ непостижимыя; вопросъ въ томъ только, какой

способъ пониманія для насъ лучше. Ткань міра сплетена изъ необходимости и случая: разумъ человѣческій становится промежутомъ и овладѣваетъ ими, онъ смотритъ на необходимость какъ на основу своего бытія; случайнымъ же управляетъ, ведетъ его къ цѣли и употребляетъ въ свою пользу, и только тогда, когда разумъ крепокъ и незыблемъ, человѣкъ достоинъ назваться владыкою земли. Горе тому, кто отъ юности привыкъ видѣть въ необходимомъ нѣчто случайное и случайному приписывать разумъ и благоговѣнно подчиняться ему. Не значить ли это отказаться отъ своего разумнѣя и дать безусловную волю своимъ наклонностямъ?.. Мы воображаемъ, что дѣйствуемъ прекрасно, отдаваясь всему безъ разсмотрѣнія, позволяя пріятнымъ случайностямъ опредѣлять свою дѣятельность, и результату подобной распущенной жизни даемъ имя судьбы.

— Да развѣ не бывало съ вами, что незначительное обстоятельство заставляло васъ избирать извѣстный путь, что на этомъ пути встрѣчали вы благопріятные случаи, и цѣлый рядъ неожиданныхъ событій приводилъ васъ наконецъ къ цѣли, которую едва видѣли ваши глаза? Не порождаетъ ли это преданности судьбѣ, довѣрія къ подобной страсти?

— Съ такими убѣжденіями ни одна дѣвушка не могла бы сохранить своей непорочности, ни одинъ человѣкъ сберечь деньги въ кошелекъ, вѣдь довольно позывовъ на то, чтобы отдать то и другое. Я могу сочувствовать только такому человѣку, который знаетъ, что ему и другимъ полезно, который старается ограничить свой произволь. У каждаго счастье въ его собственныхъ рукахъ, какъ у художника въ рукахъ грубый матеріалъ, который возводитъ онъ въ образъ. Но это искусство похоже на всякое другое: только способность къ нему — въ насъ врожденная; надобно изучать и заботливо трудиться.

О такихъ-то предметахъ и о многомъ еще разсуждали они другъ съ другомъ и наконецъ разстались, не убѣдивши повидимому одинъ другаго, но назначивши на слѣдующій день мѣсто свиданія.

Вильгельмъ прошелъ еще нѣсколько улицъ: онъ слышалъ кларнеты, вальдгорны, фаготы; грудь его переполнилась.

Уличные музыканты ласкали слухъ пріятной музыкой. Онъ, вступилъ съ ними въ разговоръ, и за нѣсколько мелкихъ минутъ они пошли съ нимъ къ дому Маріанны. Высокія деревья росли передъ ея жилищемъ: — тутъ-то и помѣстилъ онъ своихъ пѣвцовъ; самъ же сѣлъ на скамью подалеже и весь отдался обаятельнымъ звукамъ, разливавшимся въ тишинѣ успокоительной ночи. Подъ благодатнымъ сіяніемъ звѣздъ, жизнь его казалась ему золотымъ сномъ. Она такъ же слышитъ эти флейты, подумалъ онъ про себя въ своемъ сердцѣ; она чувствуетъ— чья память, чья любовь одушевила звуками эту ночь, — и вдали другъ отъ друга связаны мы этими мелодіями, какъ въ разлукѣ тончайшимъ сочувствіемъ любви. Ахъ! два любящихъ сердца—это двое магнетическихъ часовъ; движутся одни — должны вмѣстѣ съ ними двигаться и другіе—въ обоихъ дѣйствуетъ одно, оба проникаетъ одна сила. Могутъ ли я въ ея объятіяхъ понимать возможность разлуки? а между тѣмъ я долженъ быть далеко, приготовить убожище для нашей любви—и потомъ она навсегда будетъ моею.

Какъ часто, бывало, въ разлукѣ съ нею, погружась въ мысль о ней, дотрогивался я до книги, до платья, и воображалъ, что касаюсь ея руки: такъ былъ я весь окруженъ ея присутствіемъ. И вспоминать о тѣхъ мгновеніяхъ, которыя бегутъ дневнаго свѣта и взора холоднаго зрителя, на которыхъ сами боги рѣшились бы промѣнять безпечальное состояніе олимпійскаго блаженства! Вспоминать? Какъ будто можно возобновить въ воспоминаніи сладость фіала, оковывающаго наши чувства небесными узами, выводящаго насъ изъ себя самихъ.... А милый ликъ ея!... Онъ утопалъ въ воспоминаніи о ней, спокойствіе его перешло въ томительное желаніе, онъ обнялъ дерево, прижался къ корѣ пылающей щекою, и ночью вътеръ жадно пилъ дыханіе, тревожно вырывавшееся изъ чистой, молодой груди. Онъ искалъ косынки, похищенной имъ: она была позабыта въ прежнемъ платьѣ. Уста его запылали, всѣ члены трепетали отъ желанія.

Музыка кончилась--и словно вырвала его изъ той стихіи, въ которой вращались до сихъ поръ его чувства. Тре-

вожное состояніе въ немъ увеличилось—потому что чувства его перестали питаться и смягчаться кроткими звуками. Онъ сѣлъ на порогъ ея дверей и нѣсколько успокоился. Онъ цѣловалъ мѣдное кольцо ея дверей, цѣловалъ ступени, по которымъ всходили и сходили ея ноги, и согрѣвалъ ихъ дыханіемъ своей груди. Потомъ сѣлъ онъ безмолвно, и воображалъ ее за занавѣсомъ, сладко покоящуюся въ бѣломъ ночномъ платьѣ съ красной лентой вокругъ головы, и воображалъ самаго себя такъ близко къ ней, что только о немъ одномъ могли быть у нея сновидѣнія. Думы его были кротки, какъ духи сумерекъ: спокойствіе и томленіе попеременно овладевали имъ: любовь трепещущею рукою пробѣгала на тысячу различныхъ ладовъ по всемъ струнамъ его души: казалось, музыка сферъ небесныхъ смолкла надъ его головою, подслушавшая мелодіи его сердца.

Будь съ Вильгельмомъ ключъ, который отпираетъ ему, бывало, двери Маріанны, онъ бы не удержался, онъ вторгнулся бы въ жилище любви. Но онъ медленно удалился, въ полугрезѣ бродилъ подъ деревьями, хотѣлъ идти домой и снова возвращался; наконецъ, когда онъ перемогъ себя, пошелъ, и на углу опять оборотился,—ему показалось, что дверь у Маріанны отворилась, и на порогъ мелькнула черная тѣнь. Издали было трудно рассмотреть ясно, и прежде чѣмъ онъ опомнился, тѣнь исчезла уже во тьмѣ; только вдали показалась она ему снова у бѣлаго дома. Вильгельмъ хотѣлъ преслѣдовать, но прежде, чѣмъ рѣшился, призракъ уже исчезъ. Куда идти за нимъ?... въ какую улицу бросился этотъ человекъ, если только онъ—человекъ.

Какъ путникъ, очамъ котораго молнія озарила ярко одинъ уголокъ страны, тщетно ищетъ потомъ во тьмѣ ослѣпленнымъ взоромъ прежнихъ предметовъ, потерянной дороги, такъ точно было съ его глазами, было съ его сердцемъ. И какъ полувочное видѣніе, поразившее неодолимымъ ужасомъ—только что опомнился человекъ,—кажется ему порожденіемъ ужаса и безконечное сомнѣніе оставляетъ въ душѣ: такъ точно былъ и Вильгельмъ въ тревожномъ состояніи, прислонясь къ столбу,

не замѣчая утренняго свѣта, не слыша крика пѣтуховъ, пока не поднялись рабочіе и не заставили его стукомъ идти домой.

Возвратившись, онъ съумѣлъ почти убѣдить себя неоспоримыми доказательствами въ ложности ночнаго видѣнія—но вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ видѣніе же, исчезло и чудное душевное настроеніе его во время ночи. Чтобы облегчить свое сердце, запечатлѣть снова возвращенную въру—онъ вынулъ косянку изъ кармана прежняго платья. Шелестъ выпавшей записки заставилъ его отнять платокъ отъ губъ. Онъ поднялъ и прочелъ:

« Вотъ такъ-то я тебя люблю, дурочка! Что это съ тобою было вчера. Сегодня ночью я приду. Очень вѣрю, что тебѣ непріятно уѣхать отсюда; но—потерпи! на ярмарку я къ тебѣ прѣйду. Кстати, не надѣвай ты своей темнозеленой кацавейки: ты въ ней точно Эндорская волшебница. Вѣдь я прислалъ тебѣ бѣлое неглиже, чтобы ты бѣлой овечкой была въ моихъ объятіяхъ. Посылай мнѣ всегда свои записки съ старой сивиллой: самъ дьяволъ предназначилъ ее быть Ирисой.»

ВИЛЬГЕЛЬМЪ МЕЙСТЕРЪ.

ГОДЫ УЧЕНЬЯ.

КНИГА ВТОРАЯ.

Глава I.

Каждый, кто съ свѣжими силами стремится въ нашихъ глазахъ къ достиженію извѣстной цѣли, — увалимъ или порицаемъ мы его цѣль, можетъ всегда рассчитывать на наше участіе: какъ же скоро дѣло покончено, мы тотчасъ отвращаемъ отъ него свой взглядъ: рѣшенное, совершившееся, никогда не можетъ приковать къ себѣ нашего вниманія, особенно когда еще и прежде мы предвѣщали дурной исходъ предпріятію.

Поэтому мы не станемъ подробно рассказывать читателямъ объ отчаяніи и горѣ нашего несчастнаго друга, котораго надежды и желанія были разрушены такимъ нежданнымъ образомъ. Перенесемъ лучше черезъ нѣсколько лѣтъ, чтобы снова найти его какимъ-либо образомъ дѣйствующимъ и наслаждающимся, но напередъ передадимъ вкратцѣ все необходимое для связи исторіи.

Зараза или гнилая горячка быстрѣе и сильнѣе дѣйствуютъ въ здоровомъ, полномъ свѣжихъ соковъ тѣлѣ, и бѣдный Вильгельмъ былъ такъ пораженъ постигнутою его нежданно несчастною судьбою, что въ одну минуту было потрясено и разбито все его существо. Подобно тому какъ пожаръ по оплошности фейерверкера объемлетъ фейерверкъ во время самаго приготовленія, и

искусно начиненныя порохо́мъ колеса, которыя еслибъ заженны были вовремя, горѣли бы въ воздухѣ переме́нными огненными образами, — теперь же, безпорядочно и страшно, со свистомъ и съ шумомъ взлетаютъ вверхъ, — такъ точно и въ груди Вильгельма разбивались другъ о друга блаженство и надежда, томленіе страсти и радости, дѣйствительность и грезы. Въ подобныя минуты изступленія нѣмѣетъ другъ, спѣшившій на помощь, — и благо тому, кого постигнуть они, если оставятъ его чувства.

Дни глубокой, безпрестанно возвращающейся и нарочно растравляемой скорби слѣдовали за этимъ: но и ихъ должно считать за милость природы. Въ такіе часы, Вильгельмъ еще не совсѣмъ терялъ свою милую: скорбь его была постоянно возобновляемой попыткой удержать счастье, бѣжавшее отъ его души, возстановить воображеніемъ его возможность, продолжить хоть на краткій срокъ существованіе отлетѣвшихъ радостей. Тѣло не можетъ быть названо вполне мертвымъ, пока продолжается разложеніе, пока силы, стремящіяся напрасно дѣйствовать по прежнему назначенію, работаютъ надъ разрушеніемъ когда-то оживляемыхъ ими частей: только тогда уже, когда они взаимно пожрали другъ друга, когда цѣлое распалось безчувственнымъ прахомъ, пачинается въ насъ скорбное чувство пустоты и смерти, которое можетъ быть оживотворено только дыханіемъ Вѣчноживущаго.

Въ такой свѣжей, цѣльной, любящей душѣ было много чего разбить, разрушить, убить, и самая цѣлительная сила юности сообщала скорби новую пищу и живость. Ударъ проникъ до корня все существо. Вернеръ, единственный его повѣренный, за неимѣніемъ другаго, съ огнемъ и мечемъ устремился въ самую внутренность страсти, и напалъ на это ужасное чудовище. Случай былъ такой удобный, доказательства всѣ въ его рукахъ, и онъ воспользовался всевозможными исторіями и рассказами. Онъ шель впередъ съ жаромъ и беспощадною смѣлостью, не давалъ другу насладиться ни одной малѣйшей минутою обмана, заступалъ ему всякое убѣжище, въ какое бы могъ онъ броситься съ отчаянія; вслѣдствіе всего этого, натура, которая никакъ не хотѣла въ конецъ истребить своего любимца, послала ему болѣзнь, чтобы дать просторъ другой сторонѣ его.

Сильная горячка съ своими вѣчными послѣдствіями: лекарствами, напряженіемъ и истомленіемъ, потомъ попеченія семьи, любовь кровныхъ, которая впервые даетъ себя чувствовать вполнѣ среди бѣды и горестей,—таковы были развлеченія новаго состоянія. Только когда Вильгельму стало получше, т. е. когда истощились всѣ его силы, онъ съ ужасомъ заглянулъ въ мучительную бездну страшнаго горя, какъ заглядываютъ въ пустое дно выгорѣвшаго волкана.

И сталъ онъ дѣлать себѣ самыя горькіе упреки за то, что послѣ такой потери еще есть для него безпечальныя, спокойныя, равнодушныя минуты. Онъ презиралъ свое собственное сердце, и жаждалъ отрады въ скорби и слезахъ.

Чтобы вновь возбудить ее въ себѣ, онъ приводилъ на память всѣ сцены прошлаго счастья. Съ величайшею живостью рисовалъ онъ ихъ себѣ, стремился къ нимъ снова, и доведши себя до высшей степени раздраженія,—до того, что солнце былыхъ дней, казалось, снова оживляло его силы, подымало его грудь, онъ оборачивался назадъ, и, смотря на страшную бездну, измѣрялъ взглядомъ ея покрытое осколками дно, бросался въ нее и вынуждалъ у природы самыя горькія страданія. Онъ разбивалъ себя съ неумолимою жестокостью: молодость, богатая сокрытыми въ ней силами, сама не знаетъ, что расточаетъ, когда къ горю о потерѣ прибавляетъ такъ много насильственныхъ страданій, какъ будто стараась оцѣнить тѣмъ по достоинству потерянное. И онъ, убѣжденъ бывъ, что потеря эта—единственная, первая и послѣдняя въ его жизни, гнушался всякимъ утѣщеніемъ, которое хотѣло представить ему эти страданія конечными.

Глава II.

Привыкнувъ мучить самъ себя такимъ образомъ, онъ бросился наконецъ съ ожесточенною критикою на послѣднее, что, послѣ его любви и при самой любви, всего болѣе давало ему радостей и надеждъ,—на свой поэтическій и актерскій талантъ. На свои работы сталъ онъ смотрѣть, какъ на бездушныя подражанія обычнымъ формамъ, не имѣющія никакого внутренняго достоинства;

въ нихъ видѣлъ онъ только грубыя школьныя упражненія, въ которыхъ не было ни искры естественности, истины и одушевленія. Въ своихъ стихотвореніяхъ находилъ онъ только однозвучный размѣръ, въ который облекались связанные бѣдными реченіями, весьма пошлыя мысли и чувства, и такимъ образомъ лишить себя добровольно всякаго облегченія, всякой радости, которая могли бы спасти его съ этой стороны.

Не болѣе посчастливилось и его актерскому дарованію. Онъ упрекалъ себя, за тѣмъ не распозналъ раньше, что въ основѣ этой мысли заключалось тщеславіе: фигура его, походка, движенія и декламація подверглись строгому суду; онъ рѣшительно отказывалъ себѣ въ малѣйшемъ преимуществѣ, въ малѣйшемъ достоинствѣ, которое бы сколько-нибудь поставило его выше обыкновенныхъ людей, и тѣмъ раздражилъ до высшей степени свое нѣмое отчаяніе. Тяжело отречься отъ женской любви, не менѣе горько разорвать связь съ музами, признать себя навсегда недостойнымъ ихъ сообщества, и отступить отъ мысли произвести полное, прекрасное впечатлѣніе своей личностью, своими движеніями, своимъ голосомъ.

Такимъ образомъ, другъ нашъ совершенно покорился судьбѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, съ величайшею ревностью, предался торговымъ занятіямъ. Къ изумленію друга, и къ величайшему удовольствію отца Вильгельмова, никто не былъ дѣятельнѣе его въ конторѣ, въ лавкѣ, на биржѣ и въ подвалахъ: и корреспонденціи и счета и все, что ему поручали, исполнялъ онъ какъ нельзя старательнѣе и ревностнѣе,—конечно, не съ тѣмъ веселымъ стараніемъ, которое само служитъ наградою труда,—когда мы разумно и послѣдовательно занимаемся тѣмъ, къ чему рождены,—а съ нѣмымъ стараніемъ—исполнить долгъ,—стараніемъ, которое основывается на самыхъ лучшихъ правилахъ, подкрѣпляется убѣжденіемъ, и награждается внутреннимъ самосознаніемъ, но которое часто, даже въ ту минуту, какъ совѣсть вѣнчаетъ его,—едва можетъ сдвинуть въ груди вздохъ.

Такимъ образомъ, Вильгельмъ жилъ долгое время очень скромно, и убѣдился, что тяжкое испытаніе судьбы было къ лучшему. Онъ радовался, что вѣвремя, хотя и довольно не ласково

предупреждёнъ былъ судьбою на пути жизни, тогда какъ другіе позднѣе и тяжеле платятся за ошибки, въ которыя вовлекъ ихъ юношескій пылъ. Обыкновенно человѣкъ чѣмъ дольше не прощается съ дуракомъ, что сидитъ у него внутри; тѣмъ дольше не сознаетъ свой главной ошибки, и не выводитъ наружу истинны, способной привести его въ отчаяніе.

Какъ ни твердо рѣшился онъ отказаться отъ своихъ любимыхъ мыслей, а все-таки нужно было извѣстное время, чтобы вполнѣ убѣдился онъ въ своемъ несчастіи. Наконецъ онъ успѣлъ до того уничтожить въ себѣ всякую надежду на любовь, на поэтическое творчество, на сценическія способности, и принялъ такую твердую рѣшимость, что собрался съ духомъ истребить до тла всѣ слѣды своей глупости,—все, что какимъ-нибудь образомъ могло напоминать ему о ней. И потому, въ одинъ холодный вечеръ затопилъ онъ каминъ, досталъ ящичекъ съ разными заветностями, съ сотнею бездѣлушекъ, полученныхъ отъ Маріанны, или утѣшенныхъ отъ нея въ извѣстныя памятыя минуты. Каждый высохшій цвѣтокъ напоминалъ ему о времени, когда свѣжій и живой красовался онъ въ ея волосахъ, каждая записочка—о счастливой минутѣ, на которую она звала когда-то его къ себѣ; каждая ленточка о бываломъ мѣстѣ успокоенія для головы его, о ея прекрасной груди. Не должны ли были снова проснуться всѣ чувства, кои онъ считалъ давно уже убитыми? Не должна ли была снова, при видѣ этихъ мелочей и бездѣлокъ, могущественно пробудиться страсть, надъ которой онъ, въ разлукѣ съ милой, успѣлъ сдѣлаться властелиномъ? Вѣдь мы тогда только замѣчаемъ, какъ печаленъ и несносенъ несчастный день, когда на мгновеніе пробьется сквозь тучи лучъ солнца, и напомнитъ намъ о веселомъ сіяніи лучшаго дня.

Не безъ волненія смотрѣлъ онъ, когда долго ранимыя святвыи, одна за другою, гибли передъ глазами его въ дыму и въ пламени. Не разъ проникалъ его внутренний трепетъ, и у него оставалась еще жемчужная нитка и флеровая косынка, когда онъ рѣшился оживить погасающій пламень стихотворными опытами своей молодости.

До сихъ поръ хранилъ онъ тщательно все, что вышло изъ-подъ пера его, съ самой ранней эпохи духовнаго развитія. Еще

лежали связанные пачками всё его сочинения въ чемоданѣ, куда онъ уложилъ ихъ когда-то, намѣреваясь бѣжать и взять ихъ съ собою. Иначе, нежели укладывавая, вынималъ онъ ихъ теперь.

Случается намъ иногда открыть спустя нѣсколько времени письмо, написанное и запечатанное нами при извѣстныхъ обстоятельствахъ, но не дошедшее до друга, къ которому было послано, и снова возвратившееся къ намъ, — странное чувство овладѣваетъ нами, когда мы ломаемъ собственную печать и бесѣдуемъ съ нашею прежнею личностью, словно съ третьимъ лицомъ. Подобное же чувство овладѣло нашимъ другомъ, когда онъ развязалъ первую пачку, и сталъ бросать въ огонь разрозненные тетради, ярко запылавшія въ ту же минуту, какъ вдругъ вошелъ Вернеръ; онъ изумился сильному освѣщенію, и спросилъ, что это такое?

— Да вотъ, доказываю, сказалъ Вильгельмъ, — что нешута отрекаюсь отъ дѣла, къ которому я не былъ рожденъ, — и съ этими словами бросилъ онъ въ огонь другую пачку. Вернеръ хотѣлъ удержать его, но дѣло уже было сдѣлано.

— Я не знаю, какъ это ты доходишь до такой крайности, началъ послѣдній. За тѣмъ же уничтожать эти работы, хоть онѣ и не превосходятъ?

— За тѣмъ, что поэтическое произведение должно или быть превосходно, или вовсе не быть, — за тѣмъ, что каждый, не имѣющій въ себѣ задатковъ творчества, обязанъ воздерживаться отъ искусства, беречься всякаго искушенія. Конечно, во всякомъ человѣкѣ возбуждается извѣстное, неопредѣленное желаніе подражать тому, что онъ видитъ, но это желаніе вовсе не доказательство, чтобы въ насъ дѣйствительно была сила совладать съ тѣмъ, за что беремся. Взгляните, напримѣръ, на мальчиковъ, какъ они всякій разъ, когда въ городѣ побываютъ канатные плясуны, прыгаютъ и балансируютъ по доскамъ и бревнамъ, пока другое что-нибудь не займетъ ихъ, и также не повлечетъ къ подражанію. Да развѣ ты не замѣчалъ этого въ кружкѣ нашихъ друзей? Даетъ концертъ какой-нибудь виртуозъ, — непременно найдутся такіе, которые начнутъ учиться играть на его инструментѣ. Какъ многіе колобродятъ на этомъ

пути! Счастливъ, кто въ время сознаетъ несоразмѣрность своихъ желаній съ своими силами!

Вернеръ противорѣчилъ: споръ былъ живой, и Вильгельмъ не могъ безъ волненія повторять другу доказательства, которыми такъ часто терзалъ самаго себя. Вернеръ полагалъ, что не разумно совершенно покидать талантъ, къ которому имѣешь какую-нибудь склонность и какой-нибудь навѣкъ,—только потому, что никогда не дойдешь въ немъ до совершенства. Есть же вѣдь много празднаго времени, которое можетъ быть имъ занято, и притомъ мало по малу произведешь что-нибудь, и этимъ доставишь удовольствіе себѣ и другимъ.

Пріятель нашъ, который былъ въ этомъ совершенно другаго мѣнія, тотчасъ же перервалъ его, и сказалъ съ величайшею живостью:

— Какъ же страшно ошибаешься ты, любезный другъ, когда думаешь, что произведеніе, первая мысль котораго наполняетъ всю душу, можетъ быть окончено въ праздные и въ разбросанные часы! Нѣтъ, художникъ долженъ жить весь для себя, весь въ своихъ любимыхъ предметахъ. Онъ,—болѣе всѣхъ внутренно одаренный небомъ, таящій въ груди вѣчно растущее сокровище,—онъ долженъ жить съ своимъ сокровищемъ, невозмущаемый извнѣ, въ безмолвномъ блаженствѣ, котораго не купитъ богачъ на все свое имущество. Взгляните на людей, какъ они гоняются за счастьемъ и наслажденіемъ! Желанія ихъ, труды, деньги стремятся безъ отдыха,—а къ чему? къ тому, что поэту дано природой къ наслажденію міромъ, къ сладкому сознанію самаго себя въ другихъ, къ гармоническому сліянію со многими, часто несоединимыми предметами.

Что иное и беспокоитъ челоуѣка, какъ не то, что понятія его не могутъ слиться съ предметами, что наслажденіе проскользаетъ между рукъ, — что желаемое приходитъ слишкомъ поздно, — что все достигнутое и полученное не производитъ на сердце того дѣйствія, которое обѣщала ему отдаленность? Поэтъ поставленъ судьбою выше всего этого: онъ видитъ колдоватное движеніе страстей, безцѣльныя волненія семействъ и государствъ, видитъ, какъ неразрѣшимыя

загадки, для поясненія которыхъ часто недостаетъ только какого-нибудь односложнаго слова, производятъ несказанно гибельныя смуты. Онъ сочувствуетъ печальному и радостному во всякой человеческой участи. Когда свѣтскій человѣкъ влачить свои дни въ налящей тоскѣ по многому потерянномъ, или съ отчаянною радостью стремится на встрѣчу судьбѣ,—впечатлительная, легко движимая душа поэта свершаетъ свой путь, какъ солнце, отъ дня къ ночи, и тихо настраивается ея арфа то къ радости, то къ горю. Какъ туземное растеніе на почвѣ его сердца, возрастаетъ самъ собою прекрасный цвѣтъ мудрости, и, когда другіе грезятъ на яву и терзаются самыми чудовищными призраками, онъ какъ бодрствующій переживаетъ сонъ жизни, и всякое совершающееся явленіе есть для него вмѣстѣ и прошедшее и будущее. Онъ, созданный какъ птица для того, чтобы парить по міру, вить гвѣзда на высотахъ, питаться почками цвѣтовъ и плодами, мѣнная вѣтвь на свѣтъ,—ужели онъ станетъ въ тоже время, какъ вошь, тащить плугъ, какъ собака жить въ конурѣ или на цѣпи, и оберегать лаемъ барскій домъ?

Вернеръ, какъ можно себя представить, слушалъ съ изумленіемъ.—Хорошо, еслибъ люди, возразилъ онъ, созданы были какъ птицы, и, не обязанные пахать и пряхать, могли проводить блаженные дни въ вѣчномъ наслажденіи! Хорошо, еслибъ, почувъ приближеніе зимы, они такъ же легко могли улетать въ дальнія стороны, не звать нужды и спастись отъ стужи!

— Такъ и жили поэты во времена, когда болѣе воздаваемо было чести достойному, вскричалъ Вильгельмъ, и такъ должны были бы они жить постоянно. Достаточно богатые своимъ внутреннимъ, они мало нуждались во вѣншемъ; даръ сообщать людямъ прекрасныя чувства, прекрасныя образы въ сладкихъ, сообразныхъ съ каждымъ предметомъ словахъ и мелодіяхъ, издавна пѣвнялъ свѣтъ и былъ богатымъ участкомъ для владѣвшаго имъ. При дворахъ царей, за столами богатыхъ, у дверей влюбленныхъ слушали ихъ, замкнувши для всего прочаго слухъ и душу, какъ слушаютъ въ блаженномъ, безмолвномъ очарованіи, когда—глубоко трогая душу,—несется изъ-за вѣтвей соловьиная пѣсня.

Гостеприимствъ былъ имъ мѣръ, и даже самое смиренное званіе возвышало ихъ еще болѣе. Герой внималъ ихъ пѣснямъ, и покоритель свѣта поклонился поэту, ибо чувствовалъ, что безъ него, какъ бурный вихрь промчалась бы безъ слѣда его грозная жизнь: любящій жаждалъ перечувствовать свое желаніе, свое наслажденіе тысячу разъ такъ гармонически, какъ пѣли одушевленные уста, и даже богачъ не могъ собственными глазами оцѣнить своихъ богатствъ, своихъ идоловъ такъ, какъ являлись ему они, озаренные свѣтомъ живо чувствующаго и возвышающаго всякое достоинство духа.

— Другъ мой, возразилъ Вернеръ нѣсколько подумавши,—а давно уже сожалѣлъ о томъ, что ты насильно хочешь вырвать изъ души то, что такъ живо чувствуешь. Кажется, не ошибаюсь я, если думаю, что ты лучше бы сдѣлалъ, еслибъ уступилъ себѣ немного, чѣмъ терзаться противорѣчiami суроваго отреченія, и лишать себя наслажденій всѣми радостями, отказываясь отъ одного невиннаго удовольствія.

— Смѣю ли я признаться тебѣ, другъ, отвѣчалъ Вильгельмъ, и не смѣшно ли будетъ тебѣ, когда я признаюсь, что до сихъ поръ преслѣдуютъ меня вѣчно эти образы, какъ я ни стараюсь убѣжать отъ нихъ, что, заглядывая въ свое сердце, я нахожу въ немъ прежнія желанія столько же сильными, если еще не сильнѣе? Но что же мнѣ остается теперь несчастному? Ахъ! если бы кто предсказалъ мнѣ, что такъ скоро будутъ разбиты руки моей души, которыми стремился я въ безконечность, которыми мечталъ я охватить такъ многое, кто предсказалъ бы мнѣ это,—привелъ бы меня въ отчаяніе. И теперь, когда судь уже совершенно надо мною, когда потерялъ я ту, которая какъ свѣтло руководила моими мыслями и желаніями,—что мнѣ дѣлать, какъ не предаваться глубочайшей горести? — О братъ, продолжалъ онъ, не скрою отъ тебя, въ моихъ тайныхъ помыслахъ она была то же, что блокъ, къ которому прикрѣплена веревочная лѣстница: опасаясь и надвѣясь, все выше и выше поднимается искатель приключеній,—жельзо обломилось, и онъ, разбитый, поверженъ во прахъ у подножія своихъ желаній. Для меня нѣтъ теперь никакого утѣ-

шени, никакой надежды. Я не оставлю ничего изъ этихъ несчастныхъ бумагъ, вскричалъ онъ вскочившій, и схватилъ тетради, разодралъ и бросилъ ихъ въ огонь.

Вернеръ хотѣлъ удержать его, но напрасно.—Оставь меня! сказалъ Вильгельмъ,—что мнѣ въ этихъ глупыхъ листахъ? Для меня они уже не могутъ быть болѣе страстью или ободреніемъ. Зачѣмъ же оставаться имъ и мучить меня до конца жизни? Не для того ли, чтобы, вмѣсто ужаса и состраданія, возбудить смѣхъ въ людяхъ? Проклятіе мнѣ и моей судьбѣ! Теперь понялъ я жалобы поэтовъ, отъ нужды обратившихся къ благоразумію страдальцевъ! Какъ долго считалъ я себя неуязвимымъ, и вотъ! теперь вижу я, что глубокая скорбь о прошедшемъ никогда не исчезнетъ; чувствую, что въ гробъ унесу ее съ собою. Нѣтъ! ни на одинъ день въ жизни не удалится отъ меня скорбь, которая теперь меня душитъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ память о ней должна остаться, жить и умереть со мною, память о недостойной—о другъ! если говорить отъ сердца, то не совѣмъ о недостойной. Ея положеніе, ея судьба тысячу разъ уже оправдывали ее передо мною. Я сталъ слишкомъ жестокъ, ты безжалостно посвятилъ меня въ свою холодность, въ свою суровость, ты оковалъ мои разбитыя силы, и помѣшалъ мнѣ сдѣлать для себя и для нея то, что я обязанъ былъ сдѣлать. Кто знаетъ, въ какое положеніе повергъ я ее, и только теперь постепенно сознаю я, въ какомъ безотрадномъ, беспомощномъ состояніи я ее оставилъ! Развѣ не возможно было для нея оправданіе? Развѣ оно не было возможно? Не разъ уже недоразумѣнія волновали свѣтъ, не разъ обстоятельства извиняли величайшіе проступки! Какъ часто вижу я ее въ воображеніи, безмолвную, пригорюнившуюся! Вотъ, говорить она, вѣрность, любовь, въ которыхъ онъ мнѣ клялся. Такимъ немилосерднымъ ударомъ разбить всю прекрасную жизнь, которая насъ связывала!...—Онъ горько заплакалъ, упалъ лицомъ на столъ, и увлажнились слезами оставшіяся бумаги.

Вернеръ стоялъ въ величайшемъ недоумѣніи. Онъ не ждалъ такого страшнаго взрыва страсти. Нѣсколько разъ пытался онъ перервать своего друга, силится переменить разговоръ—напрасно! нельзя было противустоять потоку. Но постоянная дружба и

здѣсь сдѣлала свое дѣло. Онъ далъ пройти сильнѣйшему припадку горя, а между тѣмъ своимъ безмолвнымъ присутствіемъ показать самое живое участіе, и такъ провели они цѣлый вечеръ: Вильгельмъ, поглощенный нѣмымъ отзывомъ скорби, а тотъ испуганный новымъ взрывомъ страсти, которую давно считалъ уже пересиленною и побѣжденною добрыми совѣтами и ревностными увѣщаніями.

Г л а в а III.

Послѣ подобныхъ припадковъ, Вильгельмъ еще ревностиѣ предавался занятіямъ и дѣятельности, и это былъ лучший путь обойти лабиринтъ, который опять влекъ его къ себѣ. Его вѣжливость въ отношеніи къ постороннимъ, способность легко вести корреспонденцію почти на всѣхъ живыхъ языкахъ, все болѣе и болѣе подавали надеждъ отцу его и торговымъ товарищамъ, утѣшали ихъ въ болѣзни, которой причина оставалась имъ неизвѣстною, и въ томъ, что исполненіе ихъ плана нѣсколько замедлилось. Вторично наконецъ рѣшено было отправить Вильгельма въ путь, и имъ встрѣчаемъ его уже верхомъ на лошади, съ чемоданомъ за спиною: чистый воздухъ и движеніе развеселили его,—онъ подѣзжаетъ къ горамъ, гдѣ ему надобно исполнить кой-какія комиссіи.

Медленно ѣхалъ онъ по долинамъ и горамъ, съ чувствомъ вѣдомаго доселѣ удовольствія. Впервые видѣлъ онъ здѣсь нависшіе утесы, шумащіе потоки, обросшія мхомъ скалы, глубокія пропасти, — а между тѣмъ снмъ ранней юности давно уже заносилъ его въ подобныя страны. Казалось, онъ молодѣлъ при видѣ всего этого: всѣ прожитыя горести стерлись съ его души, и съ неводдѣльной веселостью повторалъ онъ мѣста изъ разныхъ стихотвореній, особенно изъ *Pastor fido*, — мѣста, которыя въ этихъ уединенныхъ странахъ во множествѣ представлялись его памяти. Припоминалъ онъ также отрывки изъ собственныхъ своихъ пѣсень, и читалъ ихъ съ особеннымъ удовольствіемъ. Онъ оживотворялъ міръ, лежавшій передъ нимъ всѣми образами минувшаго, и каждый шагъ въ будущее былъ для него помонъ предвѣстій великихъ дѣлъ и замѣчательныхъ событій.

Толпы людей, смѣнявшіяся одна другою, проходившія мимо съ поклономъ, и поспѣшно пробиравшіяся по горнымъ крутымъ тропинкамъ, прерывали иногда его безмолвную бесѣду съ самимъ собою, — хотя онъ и не обращалъ на нихъ особеннаго вниманія. Наконецъ, къ нему присоединился словоохотливый спутникъ и разсказалъ причину пилигримства.

— Въ Гохдорфѣ, сказалъ онъ, дають сегодня комедію — вотъ туда-то и собирается весь околотокъ.

— Какъ! вскричалъ Вильгельмъ — ужели драматическое искусство и въ эти пустынные горы, въ эти непроходимые лѣса, нашло себѣ дорогу и построило здѣсь храмъ для себя? И я сталъ быть тоже ѣду на вашъ праздникъ?

— Вы еще болѣе удивитесь, отвѣчалъ тотъ, когда узнаете, кто представляетъ пьесу. Есть тутъ большая фабрика, которая кормитъ множество народа. Содержатель фабрики живетъ, такъ сказать, вдали отъ всякаго человѣческаго общества, и зимою не знаетъ чѣмъ лучше занять своихъ работниковъ, такъ и заставляетъ ихъ играть комедіи. Онъ не терпитъ, чтобы между ними заводилась карточная игра, и хочетъ притомъ удержать ихъ отъ грубой жизни. Такъ и проводятъ они длинные вечера, а нынче въ день рожденія старика, приготовили ему особенный праздникъ.

Вильгельмъ доѣхалъ до Гохдорфа, гдѣ надобно ему было переночевать и слѣзъ съ лошади у воротъ фабрики, которой содержатель былъ тоже записанъ въ числѣ должниковъ на его листѣ.

Только что сказалъ онъ свое имя, какъ старикъ вскричалъ съ изумленіемъ. — Вотъ какъ! такъ вы сынъ того благороднаго чело-вѣка, которому я такъ много обязанъ и до сихъ поръ еще долженъ? Почтенный вашъ батюшка былъ ко мнѣ такъ снисходительно терпѣливъ, что я былъ бы подлецомъ, еслибъ не заплатилъ долга съ величайшимъ удовольствіемъ, и какъ можно скорѣе. Вы очень кстати пожаловали, чтобы видѣть, какъ я помню добро.

Онъ позвалъ жену, которая такъ же радушно приняла молодого чело-вѣка: она говорила, что Вильгельмъ похожъ на батюшку, и чрезвычайно жалѣла, что по множеству гостей, не можетъ предложить ему ночлега.

Дѣло было самое чистое и расчетъ короткій. Вильгельмъ положилъ въ карманъ сверточекъ съ золотомъ, и пожелалъ, чтобы всѣ другія его комиссіи пошли также удачно.

Наступилъ часъ представленія ; ждали только главнаго лѣсничаго — пріѣхалъ наконецъ и онъ, вошелъ съ нѣсколькими полюбившими, и былъ принятъ съ чрезвычайнымъ почтеніемъ.

Все общество повели въ театръ, устроенный въ садовомъ сараѣ. И сарай и сцена убраны были довольно хорошо, безъ особенныхъ странностей. Одинъ изъ живописцевъ, работавшихъ на фабрикѣ, бывалъ при театрѣ въ столицѣ, и намалевалъ, хотя нѣсколько грубовато, лѣсъ, улицу и комнату. Пьесу взяли они у странствующихъ актеровъ, и, разумѣется, обрѣзали по своему. Но и въ этомъ видѣ пьеса была довольно занимательна. Интрига состояла въ томъ, что двое любовниковъ отбиваютъ дѣвушку у опекуна и другъ у друга, — и подавала поводъ къ довольно интереснымъ положеніямъ. Это была первая пьеса, которую увидалъ нашъ другъ послѣ долгаго промежутка времени : онъ сдѣлалъ множество наблюденій. Все это кипѣло дѣйствіемъ—но здѣсь было явное отсутствіе истинныхъ характеровъ. Между тѣмъ пьеса нравилась и забавляла. Таковы начала всякаго сценическаго искусства. Грубый человекъ доволенъ, когда передъ нимъ что-нибудь представляется; развитый — хочетъ уже чувствовать, — а обдуманное и зрѣлое пріятно только вполне развитому.

Актерамъ онъ замѣтилъ бы кой-что тамъ и сямъ съ большимъ удовольствіемъ, — немногаго недоставало, чтобы они играли лучше.

Изъ своихъ безмолвныхъ размысленій, Вильгельмъ былъ введенъ табачнымъ запахомъ, который становился все ощутительнѣе и сильнѣе. Главный лѣсничій вслѣдъ почти за началомъ пьесы, закурилъ свою трубку, и мало по малу многіе позволили себѣ сдѣлать тоже. Притомъ же и собаки этого господина вели себя не совсѣмъ благообразно. Ихъ хотя и выгнали, но онѣ нашли дорогу въ заднія двери, взбѣжали на театръ, стали лаять на актеровъ, и наконецъ, скачкомъ черезъ оркестръ, присоединились къ своему господину, занимавшему первое мѣсто въ партетѣ.

Послѣ комедіи былъ дивертисманъ,—что-то въ родѣ жертвоприношенія. Портретъ, представлявшій старика въ тѣ дни, какъ онъ былъ еще женихомъ, поставленъ былъ на возвышеніи и обвѣшанъ вѣнками. Всѣ актеры обращались къ нему съ самыми смиренными поклонами. Вышелъ маленькій ребенокъ, весь въ бѣломъ, и прочелъ привѣтствіе въ стихахъ, что привело въ слезы умиленія всю фамилію и даже господина главнаго лѣсничаго, который при этомъ удобномъ случаѣ вспомнилъ о своихъ дѣтахъ. Такъ окончилось представленіе, и Вильгельмъ не могъ утерпѣть, чтобы не взойти на сцену, не посмотрѣть вблизи на актрисъ, не похвалить ихъ за игру и не дать совѣтовъ на будущее время.

Остальныя дѣла нашего пріятеля, въ горныхъ мѣстечкахъ, не всѣ кончились такъ удачно, и къ общему удовольствію. Иные должники просили отсрочки, иные принимали его невѣжливо, а иные совсѣмъ отпирались отъ долга. По инструкціи, онъ долженъ былъ подавать на нѣкоторыхъ ко взыскацію: надобно было сыскать адвоката, показывать ему акты, являться въ судъ и вообще заниматься подобными досадными хлопотами.

Плохо было и въ тѣхъ случаяхъ, когда хотѣли оказать ему честь знакомствомъ. Очень мало находилъ онъ людей, у которыхъ могъ бы чему-нибудь научиться, съ которыми можно было бы вступать въ выгодную торговую сдѣлку. Притомъ же все время шли дожди, и путешествіе верхомъ въ этой сторонѣ было страшно затруднительно,—онъ благодарилъ Небо, когда опять наконецъ выѣхалъ на равнины, и,—у подошвы горы, на прекрасномъ и плодоносномъ пространствѣ земли, у берега тихой рѣки, въ сіяніи солнца,—увидѣлъ передъ собою маленькій городокъ: хотя здѣсь у него не было никакихъ дѣлъ, но онъ рѣшилъ дня на два тутъ остановиться, чтобы отдохнуть немного самому, и дать роздыхъ лошади, много пострадавшей отъ дурной дороги.

(Продолж. слѣд.)

А Т Т И Л А .

II. ВЛАДЫЧЕСТВО ГУННОВЪ НА ДУНАѢ. — АТТИЛА И БЛЕДА.

Какъ море, разорвавшее плотину, бурно мчится впередъ и покрываетъ беззащитныя равнины, такъ орды Баламира нахлынули на страну, оставшуюся послѣ бѣгства Готовъ пустопорожною. Пришедши къ широкому каналу Дуная, Гунны въ страхѣ остановились, и не отважились беспокоить Римской имперіи; но продолжали битвы съ варварскими народами. Ни одного врага не оставили они позади себя. Остроготы рѣшились подвергнуться ихъ игу; прежніе вассалы Германарика одинъ за другимъ перешли къ Баламиру; только Атанарикъ держался еще съ вѣрными ему племенами въ долинахъ Карпатскихъ горъ; но и эти племена, запертыя въ своихъ дефилеяхъ и умиравшія отъ голода, рѣшились послѣдовать примѣру Фридигерна, котораго прежде такъ порицали, согласились т. е. лучше предаться Римлянамъ, чѣмъ покориться дѣтямъ волшебницъ. Сколько ни противился этому Атанарикъ, но наконецъ принужденъ былъ согласиться съ общимъ рѣшеніемъ, и, такъ какъ Римляне не отвергли ихъ просьбы, то Визиготы тотчасъ же вышли изъ горъ, достигли берега рѣки и шли на суда. Для всѣхъ европейскихъ народовъ, это вторженіе Гунновъ въ ихъ среду; этотъ перевѣсъ кочующей Азіи надъ Европою, былъ великимъ событіемъ. Въ наводненной Гуннами странѣ тотчасъ все приняло иной видъ: начатки земледѣлія, къ которому Готы стали уже пріучаться, были брошены; оскдлая жизнь исчезла; возвратилась жизнь кочующая во всей ея грубости; круговой полясъ, идущій отъ нижнихъ частей Дуная къ Каспій-

скому морю, вдоль Чернаго моря, сталъ дорогою, которую безпрестанно бороздили орды и стада Гунновъ. Царское племя Гунновъ поселилось на Дунаѣ, чтобы, какъ бдительный часовой, постоянно наблюдать, что происходитъ на другой сторонѣ рѣки. Съ каждымъ годомъ досчатый дворецъ ихъ царей подвигался ближе и ближе къ срединѣ Дуная, и каждый годъ, какое-нибудь новое покореніе прибрежныхъ народовъ, расширяя границы Гунновъ, умножало точки соприкосновенія ихъ съ Римскою имперіей.

При такомъ положеніи, Гунны, не только не занимавшіеся земледѣліемъ сами, но даже истребившіе начатки его тамъ, гдѣ наши, могли не иначе существовать, какъ только получая отъ Римлянъ хлѣбъ и деньги, или опустошая ихъ земли. И такъ Римъ неизбѣжно долженъ былъ платить имъ дань, за которую они служили ему въ борьбѣ, то съ племенами чуждыхъ народовъ, то съ своими же собственными. Пусть представятъ себѣ при этомъ владычество Монголовъ въ то время, когда оно не было сосредоточено въ рукахъ Чингизъ-Хана или Тимура. Вотъ каково было зрѣлище, которое представляло тогда господство Гунновъ: отдѣльныя одна отъ другой орды, разныя царства, независимыя во все или почти независимыя, едва признававшія федеральную связь; если одинъ изъ нихъ угрожалъ нападеніемъ какой-нибудь римской провинціи, то другой тотчасъ же предлагалъ императору для ея защиты свою помощь. Это было чистое возстаніе брата на брата, сдѣлавшееся ремесломъ, которымъ занимались всѣ и считали его тѣмъ болѣе честнымъ, чѣмъ было оно прибыльнымъ. Слабость федеральной связи особенно была ощутительна между двумя главными ордами гунскаго владычества. Гунны бѣлые и всѣ Каспійскія орды, которыя не послѣдовали за Баламиромъ, усвоили себѣ право управлять, объявлять войну или миръ, какъ вздумается; тоже было и съ тѣми племенами, которыя хотя принадлежали къ Гуннамъ чернымъ, но остановились на границѣ Европы, не двигаясь далѣе. Римская политика, способная къ дѣламъ такого рода, вмѣшивалась въ эти раздѣленія и старалась ихъ увеличить, не жалѣя ни денегъ, ни обѣщаній, и особенно стараясь заключать союзы съ восточными Гуннами, чтобы удержать Гунновъ, поселившихся на Дунаѣ. Даже въ царскомъ племенѣ не было единства, и

его члены, раздѣлявшіе между собою управление племенами, дѣйствовали каждый особо. Только страшная воля Аттилы утвердила между ними единство въ дѣйствіяхъ, какъ первый шагъ къ образованію объединенной имперіи. Феодосій, система котораго состояла въ томъ, чтобы унимать помогавшихъ ему варваровъ однихъ посредствомъ другихъ, употребилъ Гунновъ къ тому, чтобы противопоставить ихъ Готамъ, силы которыхъ началъ опасаться. Такова же была политика и его дѣтей. Мы видимъ, въ 405 г., что извѣстный Ульдинъ царь Гунновъ служилъ Онорію противъ шаекъ Радагеза, и однимъ натискомъ своей быстрой кавалеріи рѣшилъ побѣду Флоренціи. Ульдинъ заслужилъ даже благодарность Аркадія, отославъ къ нему, въ оковахъ, предводителя Готовъ Гайнаса, который былъ римскимъ вождемъ, но потомъ возмущался противъ императора и убѣжалъ за Дунай. Какъ будто каждый разъ, лишь заходило дѣло о борьбѣ съ Визиготами, которыхъ считали не иначе, какъ бѣглыми пѣвниками, Гунны чувствовали, что ихъ жаръ удвоился. При замѣшательствахъ имперіи, сообщники Гунновъ продолжали возрастать; уже многочисленные при Оноріи и Аркадіи, они теперь стали еще многочисленнѣе, и въ правленіе Платидія возрасли до ужасающей цыфры, до шестидесяти тысячъ человекъ. Благодаря этимъ обстоятельствамъ, наполнявшимъ ихъ сокровищницу деньгами, гунскіе цари властвовали надъ страной, которая приносила имъ болѣе выгодъ во время мира, чѣмъ сколько могли бы получить они посредствомъ частныхъ грабежей. По этому они жили довольно смирно въ продолженіе первыхъ пятидесяти лѣтъ своего поселенія на Дунаѣ.

Впрочемъ, если Римскій міръ и избѣгнулъ на первый разъ прихода нападена Гунновъ, за то на него пала тяжесть безпорядковъ, которые произвело ихъ прибытіе и ихъ войны на сѣверныхъ границахъ.

Дунайская равнина, наводненная разнородными толпами варваровъ, которыя, при своихъ вторженіяхъ, перерѣзывали другъ другу дороги, толкали, опрокидывали другъ друга, похожа была на вскопшавшійся муравейникъ. Посреди всѣхъ этихъ столкновеній, страшный наплывъ народовъ образовалъ какъ бы два потока, разлившіеся въ противоположныя стороны. Одинъ устре-

шлия черезъ иллирійскія Альпы въ Италію, и произвелъ то, что называется нашествіемъ Радагеза, поставившаго Римъ на краю погибели; другой поднялся вверхъ по Дунаю и наводнилъ Галлію. Это послѣднее переселеніе было произведено Аланами, которые отдѣлились отъ Гунновъ, и потому опасаясь ихъ гнѣва. Орда Алановъ, такая же кочующая, какъ и Гунны, сбивала прибрежныхъ жителей Дуная съ ихъ мѣстъ, и заставляла ихъ идти вмѣстѣ съ собою. Такимъ образомъ къ ней присоединились Вандалы-Силинги, со времени Константина владѣвшіе участками на Римскомъ берегу; Вандалы-Астинги, жившіе на варварскомъ берегу, у подошвы Карпатскихъ горъ, и болѣе наконецъ многочисленныя племена Свевовъ. Эта воинственная толпа народовъ вторглась въ Галлію въ послѣдній день 406 г., и, въ продолженіе четырехъ лѣтъ, странно опустошивъ ее, устремилась въ Испанію, которую тоже раздробила на мелкіе участки. Таковъ былъ для западной Римской Имперіи результатъ нашествія Гунновъ: но этотъ результатъ былъ еще не самый плачевный.

Гунны все подвигались впередъ, занимая земли, оставшіяся пустыми въ слѣдствіе переселеній, и вскорѣ ихъ шатры показали около середины Дуная. Когда они появились тамъ, ихъ лазутчики скоро ознакомились съ Германскими народами, обитавшими по сосѣдству съ Герцинскимъ лѣсомъ и Рейномъ. Историки рассказываютъ объ этой эпохѣ любопытное происшествіе, случившееся съ племенемъ Бургундовъ, или Бургиньоновъ. Народъ этотъ еще недавно только поселился при подошвѣ Герцинскихъ горъ и по берегамъ Майна, гдѣ и жилъ занимаясь земледѣіемъ, плотничной или колесной работой, и другими грубыми издѣліями, которыя распродавалъ въ пограничныхъ Римскихъ городахъ, и тѣмъ добывалъ себѣ пропитаніе. Одна часть этихъ племенъ отдѣлилась отъ другихъ, въ 407 или 408 г., и переселилась въ Галлію, гдѣ отъ Императора Опорія получила участокъ въ Гельвеціи: другая часть, не захотѣвшая разстаться съ землею своихъ отцовъ, была малочисленнѣе. На нихъ-то и разразились первыя опустошенія, произведенныя Гуннами въ Рейнской долинѣ. Въ ту минуту, какъ Бургунды всего менѣе этого ожидали, ихъ селенія были сожжены, хлѣбъ разхищенъ, женщины уведены въ плѣнъ; затѣмъ

царь Гунновъ Октаръ, предводительствовавшій этимъ набѣгомъ, уда-
лся, чтобы скорѣе возвратиться туда опять. Бургунды пытались
было дать ему отпоръ, но были разбиты. Правленіе тогда у нихъ
было теократическое, состоявшее изъ верховнаго жреца, котораго
называли *Siniste*, и достоинство котораго было неотъемлемо и
наследственно, и царей, которые избирались и лишались власти по
волѣ народнаго собранія, или лучше, того-же верховнаго жреца.
Бургундская армія потерпѣла поражение; годъ былъ дурной,
жатва погибла: какъ-будто какой бичъ поражалъ народъ, и Бур-
гунды скорѣе низвергли своихъ царей за то, что они не-
умѣли заслужить благоволеніе неба: этого требовалъ законъ. Но
поступивши такимъ образомъ съ царями, Бургунды этимъ недо-
вольствовались: они низвергли и верховнаго жреца. Обсудивши
дѣло надлежащимъ образомъ, они рѣшились обратиться къ рим-
скому Епископу, чтобы чрезъ его посредство пріобрѣсть покрови-
тельство Великаго христіанскаго Бога, потому что своихъ боговъ
подозрѣвали въ слабости и безсиліи противъ нападавшаго на
нихъ адскаго племени. Епископъ (думаютъ, что это былъ Северъ
Тревскій), отвѣчалъ имъ, что средство получить просимое
ими — святое крещеніе. «Останьтесь здѣсь, сказалъ онъ
имъ, и поститесь семь дней; я научу и крещу васъ». На
седьмой день онъ крестилъ ихъ. Современный повѣствователь,
у котораго мы заимствуемъ эти подробности, хочетъ, ка-
жется, внушить ту мысль, что такимъ-то образомъ все
племя Зарейскихъ Бургундовъ приняло крещеніе; это однакожъ
вѣроятно, если вникнуть въ обстоятельства дѣла: основательнѣе
думать, что это произошло между Епископомъ и главными вож-
дями Бургунцевъ, и было нѣкоторымъ образомъ приготовленіемъ
къ обращенію цѣлаго народа. Какъ бы то ни было, только сред-
ство это имѣло успѣхъ. Вооруженныя такимъ образомъ противъ
демоновъ, Бургунды считали себя непобѣдимыми; они въ свой
чередъ напали на Гунновъ и разбили ихъ на повалъ съ тремя
только тысячами челоуѣкъ противъ десяти тысячъ. Царь Октаръ,
праздновавшій на канунѣ битвы оргію, ночью умеръ скоропо-
стижно, и Бургунды, какъ въ этомъ, такъ и въ другомъ событіи

видѣли руку Новаго Бога, покровительствовавшаго имъ: Бургунды и Галлы были уже христіанами.

Этотъ Октаръ, о которомъ мы говорили, былъ братъ Мандзуха, отца Аттилы; у него были еще два брата, Оебарсъ и Руа, также какъ и онъ верховные вожди, въ томъ смыслѣ, что эта фамилія, происходившая отъ царской крови, имѣла власть надъ большею частію гунскихъ племенъ. Особенно Руа былъ искусный и храбрый полководецъ. Посредствомъ связи съ римскимъ патриціемъ Аэціемъ, который былъ его заложникомъ, онъ достигъ того, что запустилъ когти во внутреннія дѣла Рима, и такъ, что это участіе было болѣе, чѣмъ невыгодно для императоровъ. Руа, бравшій со всѣхъ, что случится, заставилъ Восточнаго Августа, Θεодосія II, платить себѣ годовую пенсію въ триста пятьдесятъ фунтовъ золота, которая имѣла смыслъ, ни болѣе ни менѣе, какъ *дани*, но которой онъ давалъ болѣе почетное названіе *жалованья*, на томъ основаніи, что получивши дипломъ римскаго военачальника, онъ сталъ императорскимъ чиновникомъ, которому Императоръ воленъ назначить плату или награду какую хочетъ, смотря по его заслугамъ: такими-то унижительными уловками византійскій дворъ хотѣлъ прикрыть свою трусость. Что же касается до самихъ Римскихъ военачальниковъ, въ родѣ Руа, то зная, что главная ихъ заслуга состоитъ въ томъ, чтобы внушать страхъ, они усердно пользовались этимъ средствомъ, и это постоянно вело ихъ къ увеличенію получаемого ими жалованья. Руа считалъ за нужное прежде всего поставить на видъ римской имперіи, что все существовавшее на сѣверномъ берегу Дуная, земли и народы, принадлежали Гуннамъ, точно также, какъ югъ принадлежалъ Римлянамъ; что это было ихъ владѣніе, въ которое никакой другой народъ не имѣлъ права вмѣшиваться. Три или четыре верхне-дунайскихъ племени заключили съ византійскимъ дворомъ наступательный и оборонительный союзъ: Руа сильно былъ этимъ недоволенъ и грозилъ войною. Два дипломата были отправлены къ нему, чтобы объяснить дѣло; но въ промежуткѣ этого времени, въ 434 или 435 г., Руа умеръ, оставя свой тронъ въ рукахъ двухъ своихъ племянниковъ, Аттилы и Бледы: эти-то два новые царя и приняли римское посьство.

Совѣтъ происходилъ на равнинѣ , по правую сторону Дуная, при устьѣ Моравы и близеховько отъ римскаго городка Маргуса. Гунны пріѣхали верхами, и такъ какъ не хотѣли сойдти съ лошадей, то и римскіе посланники, чтобъ не уронить своего достоинства, оставались также на лошадяхъ. Тутъ услышали они предложенія, которыя не слишкомъ-то успокоили ихъ относительно будущаго. Непосредственный разрывъ союза въ дунайскими племенами; выдача всѣхъ , значительныхъ и незначительныхъ, Гунновъ, которые были способны носить оружіе, или убѣжали въ западную Римскую имперію; возвращеніе въ неволю римскихъ плѣнниковъ, ушедшихъ безъ выкупа, или плата по осьми золотыхъ монетъ за каждаго изъ нихъ; формальное обязательство не помогать никакому варварскому народу, враждебному Гуннамъ; наконецъ увеличеніе дани, которая съ трехъ-сотъ пятидесяти фунтовъ золота возвысилась до семи сотъ , — таковы были статьи договора, предложеннаго, или лучше , потребоваваго Аттилою. На всѣ возраженія посланниковъ, на ихъ малѣйшія просьбы касательно объясненія какихъ нибудь пунктовъ, у гунскаго царя былъ одинъ отвѣтъ: «Война» ! И, такъ какъ посланники знали слишкомъ хорошо , что ихъ властитель согласенъ сдѣлать все , исключая войны, то сочли себя уполномоченными все обѣщать. Тогда поклялась та и другая сторона, каждая по обычаю своей земли. Такимъ-то образомъ заключенъ былъ этотъ знаменитый договоръ въ Маргусѣ, который такъ часто напоминалъ Аттила Римлянамъ, и который служилъ ему арсеналомъ , для пораженія Римской Имперіи политикой, когда не поражалъ онъ ее силою оружія. Для доказательства несомнѣнной вѣрности въ исполненіи договора, Римляне поспѣшно выдали двоихъ изъ своихъ гостей, молодыхъ принцевъ царской крови, дѣтей Мамы и Атакама, которые были у Гунновъ въ большомъ уваженіи. Они были выданы на римской землѣ, въ виду Карса, небольшого укрѣпленнаго городка дунайской Фракіи, и Аттила тотчасъ же приказалъ распять ихъ, передъ глазами приведшихъ ихъ Римлянъ. Вотъ чѣмъ ознаменовалъ онъ начало своего царствованія.

Аттила былъ младшій братъ Бледы; но хотя они царствовали вмѣстѣ, на самомъ дѣлѣ скипетръ былъ въ рукахъ младшаго.

Ему было тогда отъ тридцати пяти до сорока лѣтъ; это можно заключить изъ замѣчанія историковъ, что въ 451 г., въ эпоху его вторженія въ Галлію, волосы у него были почти бѣлые. Основываясь на этомъ обстоятельстве, его рожденіе можно отнести къ послѣднимъ годамъ V вѣка, спустя двадцать или двадцать пять лѣтъ послѣ утвержденія гунскихъ ордъ въ Европѣ. Имя Аттила или Athel, которое носилъ сынъ Мундзуха, и которое есть не что иное, какъ древнее названіе Волги, заставляетъ не безъ основанія думать, что онъ увидѣлъ день своего рожденія на берегахъ этой рѣки, въ первобытномъ жилищѣ Гунновъ; но выросъ онъ, во всякомъ случаѣ, на берегахъ Дуная: здѣсь ознакомился онъ съ войной, и, съ раннихъ лѣтъ участвуя въ событіяхъ европейскаго міра, узналъ молодаго Аэція, бывшаго римскимъ заложникомъ у его дяди Руа. Вѣроятно,—такъ какъ онъ воспитывался между постоянными смѣнами варварства и просвѣщенія, такъ же какъ Аэцій у Гунновъ получилъ первые уроки въ военномъ искусствѣ, — вѣроятно, Аттила первыми своими уроками обязанъ былъ Римлянамъ, изучая пороки этого общества, какъ охотникъ изучаетъ хитрости добычи: слабость римскаго и силу варварскаго начала въ дѣлѣ войны, неспособность императоровъ, развращеніе вельможъ, отсутствіе нравственной силы въ подданныхъ, — словомъ, все, что онъ такъ хорошо умѣлъ послѣ приложить къ дѣлу, и что служило рычагомъ для его отваги и гениа. Аэцій и онъ были связаны тѣмъ-то въ родѣ дружбы, обнаруживавшейся въ маленькихъ взаимныхъ услугахъ и подаркахъ. Римлянинъ доставлялъ Гунну своихъ латинскихъ секретарей и толмачей; Гуннъ посылалъ ему въ замѣнъ какой-нибудь любопытный предметъ, какое нибудь чудовище, безобразное либо смѣшное; однажды онъ прислалъ Аэцію карлика. Эти два человѣка знали другъ другу цѣну, и втайнѣ опасались другъ друга, какъ два соперника, которыхъ переменны счастья должны были въ одинъ день свести лицомъ къ лицу на полѣ битвы, и которые одни только и были достойны межъ собой помѣряться.

Исторія оставила намъ портретъ Аттилы, по которому съ достаточной точностію можно представить себѣ этого знаменитаго варвара. При небольшомъ ростѣ и широкой груди, у него была

голова огромная, глаза маленькіе и глубоко впалые, борода рѣдкая, носъ тупой, цвѣтъ тѣла почти черный. Его голова по природѣ откинута назадъ, и взглядъ, которымъ обводилъ онъ кругомъ себя съ безпокойствомъ или любопытствомъ, придавали его осанкѣ нѣчто надмѣнное и повелительное. «Это былъ,» говоритъ Юрнандъ, — изъ котораго мы такъ любимъ заимствовать, потому что онъ со всею наивностію воспроизводитъ впечатлѣнія, оставленныя Аттілою въ готскихъ народахъ, — «это былъ именно чело-вѣкъ, отмѣченный судьбою, рожденный быть страшилищемъ народовъ и потрясать землю.» Если что-нибудь сердило его, то лице у него судорожно сжималось, глаза бросали пламя; самыя отважныя не смѣли пренебрегать его гнѣвомъ. Его слова и самыя дѣйствія были запечатлѣны величіемъ, какъ будто рассчитанными для того, чтобы производить эффектъ; если онъ угрожалъ, то угрожалъ не иначе, какъ въ ужасныхъ выраженіяхъ; если что разрушалъ, то дѣлалъ это болѣе для того, чтобы разрушать, чѣмъ грабить; если убивалъ, то убивалъ для того, чтобы оставить тысячи труповъ непогребенными на позорище живымъ. При всемъ томъ онъ показывалъ себя ласковымъ къ тѣмъ, которые умѣли быть ему покорными, былъ доступенъ просьбамъ, щедръ къ своимъ слугамъ, и являлся величепріятнымъ судьей по отношенію къ своимъ подданнымъ. Одежда его была проста, но чрезвычайно опрятна; пища состояла изъ мяса безъ соли, которое подавали ему на деревянныхъ блюдахъ; вообще скромный и воздержный образъ его жизни составлялъ рѣзкій контрастъ съ роскошью, которую онъ любилъ разливать вокругъ себя. Съ раздражительностію калмыка онъ соединялъ самыя грубыя наклонности; предавался пьянству, страстно привязанъ былъ къ женщинамъ. Хотя онъ нѣмалъ уже, говоря словами Юрнанда, «безчисленное множество жонъ,» но каждый день бралъ еще новыхъ, и «его дѣти образовали чуть не цѣлый народъ.» Не замѣтно было, чтобы онъ нѣмалъ какія нибудь религіозныя вѣрованія: онъ не совершалъ ни какихъ обрядовъ богопочтенія; только колдуны, сопровождавшіе его особу всюду, какъ шаманы сопровождаютъ монгольскихъ повелителей, въ его присутствіи гадали въ важныхъ обстоятельствахъ о будущемъ.

Этотъ челоѣкъ котораго жизнь протекла среди битвъ, рѣдко подвергался личной опасности; онъ предводительствовалъ больше только головой. Азіатецъ по всѣмъ своимъ наклонностямъ, онъ войну ставилъ даже ниже политики, хитрые расчеты всегда предпочитая силѣ, и цѣны ихъ гораздо выше. Выдумывать предлоги, приниматься во время за дѣла, запутывать ихъ однѣ другими, какъ петли у сѣтей, которыми долженъ быть пойманъ противникъ, держать еле-дыпущаго врага постоянно подъ страхомъ угрозы, и особенно умѣть ждать, — все это было главнѣйшими его качествами. Предлогъ самый пустой часто казался ему самымъ лучшимъ, хотя бы онъ и не удался: Аттила оставлялъ его, принимался за него снова, откладывалъ на цѣлые годы, но вовсе не бросалъ никогда. Любопытное зрѣлище представляли эти безчисленные посольства, которыми позднѣе обременялъ онъ византійскій дворъ, и которыя поручалъ любимцамъ, коихъ хотѣлъ обогатить. Зная всѣ уловки этого развратнаго и все-развратнаго двора, думавшаго подарками купить благосклонность варварскихъ дипломатовъ, онъ посылалъ туда своихъ слугъ, чтобы на счетъ имперіи составить ихъ состояніе, надѣясь съ ними послѣ свести свои счета. Онъ простиралъ свое безстыдство до того, что рекомендовалъ ихъ императорской щедрости, а его рекомендація была приказомъ. Одному изъ его секретарей пришла фантазія жениться на богатой римлянкѣ; Θεодосій долженъ былъ отыскать ее, но молодая дѣвушка, на которую пала эта доля, дала себя похитить, чтобы избѣжать этого ненавистнаго брака, и римское правительство должно было замѣнить ее другою, столь же богатую, но болѣе покорною. Таковъ былъ челоѣкъ, долженствовавшій держать въ своихъ рукахъ судьбы міра!

Аттила спѣшилъ связать римлянъ посредствомъ маргусскаго договора не для иного чего, а только для того, чтобы, на свободѣ отъ внѣшнихъ дѣлъ, удобнѣе заняться внутренними преобразованиями, которыя должны были измѣнить состояніе его царства. Довольно неопредѣленная идея Руа относительно правъ гунской націи на сѣверную часть Дуная, въ головѣ новаго цара превратилась въ обширную систему, цѣлю коей было образовать, — при посредствѣ Гунновъ, сосредоточенныхъ подъ одною властію и

покоренныхъ одной волѣ, — имперію изъ варварскихъ народовъ, которую можно было бы противопоставить имперіи римской, — словомъ, сдѣлать для сѣвера Европы тоже, что Римъ сдѣлалъ для юга. Главною его заботою было утвердить свое первенство на западѣ между всѣми вождями, ему равными, — дѣло трудное, но оно удалось, когда самъ его дядя Оебарсъ первый подалъ притѣръ покорности. На востокъ, въ отрасли Гунновъ бѣлыхъ и въ тѣхъ ордахъ черныхъ Гунновъ, которые не послѣдовали за Баламиромъ, предпріятіе Аттилы должно было встрѣтить еще болѣе преволь, — но оно и здѣсь также удалось, благодаря и и-какимъ благопріятнымъ обстоятельствамъ.

Феодосій, не смотря на свои новыя обязательства, старался привлечь на свою сторону Акатцировъ, гунское племя, которое подъ именемъ Хозаровъ опустошило въ послѣдствіи дунайскую долину, а въ то время занимало степь Дона, гдѣ поселилось по уходѣ Алановъ. Акатциры образовали маленькую республику, управляемую вождями, которые считали свое племя самымъ высшимъ и древнѣйшимъ изъ всѣхъ гунскихъ племенъ. Въ слѣдствіе ли незнанія, или по ошибкѣ, только послы Феодосія, коимъ приказано было раздавать этимъ вождямъ дары, не заблагоразсудили начать эту церемонію съ главнѣйшаго между ними, котораго имя было Куридахъ; а этотъ послѣдній счелъ себя оскорбленнымъ намѣренно. Онъ отмстилъ за себя, увѣдомивъ Аттилу о происходившемъ здѣсь. Аттила тотчасъ же прибылъ сюда во главѣ огромной арміи; утвердился въ этой странѣ, разбилъ и умертвилъ большую часть вождей, но, не встрѣтивъ Куридаха, послалъ пригласить его къ себѣ, говоря, что ждетъ его, дабы разделить съ нимъ плоды побѣды. Однакожь старый Акатциръ, укрьпавшійся съ своимъ племенемъ въ одномъ почти неприступномъ мѣстѣ, поостерегся оттуда выйти: «Я не болѣе, какъ человекъ, отвѣчалъ онъ посланику Аттилы, и если мои слабые глаза не могутъ прямо смотрѣть на солнечный лучъ, то какъ вынесутъ они блескъ величайшаго изъ боговъ?» Аттила увидѣлъ, съ кѣмъ имѣлъ дѣло, и оставилъ Куридаха въ покоѣ; однакожь изъ остатковъ племени онъ образовалъ царство для старшаго своего сына, по имени Еллака. Изъ этого-то царства, какъ изъ центра своихъ

дѣйствій, произвелъ онъ рядъ войнъ,—которыя были почти всею удачны,—противъ орды азіатскихъ Гунновъ. За тѣмъ онъ отправился къ славянскимъ и тевтонскимъ народамъ, простеръ свои завоеванія до береговъ Балтійскаго моря, и покорилъ весь сѣверъ Европы, исключая Скандинавіи и западнаго угла, заключающагося между Океаномъ, Рейномъ и той линіей, которая, начинаясь отъ верховьевъ Рейна, шла почти все по теченію Эльбы. Эта имперія, по своему пространству, равнялась Римской имперіи, если не была больше.

Эти великія дѣла естественно не могли обойтись безъ того, чтобъ Аттила не нашлъ себѣ множества враговъ, особенно между членами царскаго рода, которые возставали на него при всякомъ случаѣ. Нѣкоторые даже дошли до того, что отправились въ Романію, просить помощи у императора. Но трусость Θεодосія всегда была за одно съ жестокостію Аттилы: несчастныхъ выдавали, и они подвергались казни. Не вмѣшивался ли въ эти заговоры Бледа? Не держалъ ли онъ стороны недовольныхъ вождей? или лучше, одно его присутствіе не было ли препятствіемъ для честолюбія его брата, который не хотѣлъ признать никого себѣ равнымъ? Неизвѣстно: исторія скрываетъ отъ насъ эти подробности и завязку ужасной домашней трагедіи, а показываетъ только одну катастрофу. Аттила убилъ Бледу, «посредствомъ обмана и засады», говорятъ историки; одинъ изъ нихъ прибавляетъ, что убійство брата было для Аттилы прелюдіей къ убійству рода человѣческаго. Нравы Гунновъ были до того дики, что это преступленіе отнюдь не возбудило общественнаго негодованія; нѣкоторые племена, преимущественно привязанныя къ Бледѣ, нѣкоторые друзья, хотѣвшіе поддержать его память, одни только и возстали противъ Аттилы, но ихъ очень легко было усмирить. Около того же времени одинъ случай, способный сильно подѣйствовать на воображеніе, далъ Аттилѣ и даже его преступленію видъ сверхъестественнаго призванія. Для уразумѣнія этого надобно знать, что древніе Скифы, населявшіе понтійскія равнины, имѣли своимъ идоломъ обнаженный мечъ, зарытый въ землю, коего только кончикъ выставлялся изъ земли: божество, вполне достойное этихъ пустынь, гдѣ все основывалось на правѣ сильнаго. Поколѣнія въ скифской землѣ слѣдовали за по-

колівнїями, владичество за владичествомъ, и марсовъ мечъ (это названіе дано ему Римлянами) оставался въ забвенїи нѣсколько вѣковъ. Одинъ гунскій пастухъ, увидя, что въ его стадѣ хромаетъ телушка отъ глубокой раны, полученной въ ногу, сталъ доискиваться причины, и, пошедши по кровавымъ слѣдамъ, открылъ желѣзное остріе, выставившееся изъ земли середѣ высокой травы. Раскопать землю около, вытащить мечъ, изъѣденный ржавчиною, и принести въ царю было первою заботою пастуха. Царь принялъ этотъ мечъ съ радостію, какъ даръ неба, какъ знакъ господства, которое вручено было ему самой судьбою, надъ всѣми народами міра: по крайней мѣрѣ такое мнѣніе онъ старался распространить, если самъ не раздѣлялъ его. Съ этой минуты онъ говорилъ и дѣйствовалъ уже, какъ самовластный владыка и повелитель всей Варварїи.

Сдѣлавъ, или почти сдѣлавъ этотъ первый шагъ, Аттила простиралъ свой взглядъ на Романїю, оставившуюся въ покоѣ въ продолженіе шести или семи лѣтъ. Способъ, посредствомъ коего онъ снова принялъ участіе въ дѣлахъ имперїи, заслуживаетъ особеннаго вниманія, потому что вполне изображаетъ его характеръ и его политику. Ему надо было прїобрѣсть одинъ изъ пограничныхъ городовъ, гдѣ производилась торговля, на которую допускались и варвары: Гунны отправились туда въ большомъ числѣ, тайно захвативъ съ собою оружіе. Среди ярмарки они обнажили мечи, бросились на толпу, разграбили товары и овладѣли городомъ. Изъ Константинополя просили объясненія этому поступку, и Аттила отвѣчалъ, что это была распата за то, что епископъ Маргуса, тайно забравшись въ гробницы гунскихъ царей, похитилъ бывшія тамъ сокровища. Хотя, строго говоря, епископъ Маргусскій не былъ лжецъ, заслуживавшимъ особеннаго вниманія, при всемъ томъ взводимое на него преступленіе казалось слишкомъ невѣроятнымъ, и обвиненный отрицалъ его съ такою твердостію, что римское правительство не могло за него не вступиться. Во время этихъ толковъ за и противъ, Аттила рыскалъ по берегу рѣки, опустошая незащищенные города и разрушая замки; и здѣсь онъ овладѣлъ между прочимъ Виминаціумомъ, большимъ городомъ въ Верхней Мизїи. Начальники провинцій писали письмо за письмомъ къ им-

ператору, чтобы онъ положилъ конецъ этимъ бѣдствіямъ: «Если епископъ виновенъ, писали они, то его надо выдать Гуннамъ; если же невиненъ, то намъ надо защищаться. «Епископъ, опасаясь, чтобы не пожертвовали имъ изъ трусоети, отправился въ лагерь Гунновъ, и обѣщалъ передать имъ свой епископскій городъ, если они обѣщаются оставить ему жизнь. Ему тотчасъ же дали нѣсколько отрядовъ войска, которые онъ поставилъ въ засаду, и въ слѣдующую ночь Маргусъ поднялъ погъ владычество Аттилы. Видя, что этотъ первый предлогъ такъ удался, царь варваровъ каждый день находилъ новые предлоги: то замедлили отдачей подати, то римское правительство не исправно пересылало перебѣжчиковъ, и, каждый разъ, какъ встрѣчалъ Аттила возраженіе, предавалъ огню какую-нибудь область Мизіи. Раціарія, большой и населенный городъ, взятъ былъ приступомъ; Сингидонъ превращенъ былъ въ развалины; потомъ Гунны перешли черезъ Саву, и взяли Сирміумъ, древнюю столицу Панноніи; послѣ этого, возвратившись во Фракію, они проникли въ ея области до Ниссы, отстоявшей на пять дней пути отъ Дуная. Этотъ отечественный городъ Константина, былъ разрушенъ до основанія; Сардика тоже была разграблена и обращена въ пепель.

Промежутокъ нѣсколькихъ годовъ, оставленный Римлянамъ по причинѣ домашнихъ замѣшательствъ Аттилы, былъ и для Гунновъ временемъ отдыха; въ 446 г. они снова принялись за грабежи. Семьдесятъ городовъ было опустошено, Фессалія пройдена до Термопиль, двѣ римскія арміи были разбиты одна за другой: вотъ какія событія ознаменовали войны этого и слѣдующаго года. Θεодосій, не будучи болѣе въ состояніи сопротивляться, предложилъ миръ, который и былъ заключенъ на тѣхъ условіяхъ, что Аттила тотчасъ же получить шесть тысячъ фунтовъ золота въ вознагражденіе за военныя издержки, что ему теперь же будетъ заплачено двѣ тысячи фунтовъ ежегодной дани, и что римская территорія будетъ навсегда заперта для всѣхъ Гунновъ безъ исключенія.

Теперь вопросъ былъ въ томъ, гдѣ взять денегъ, чтобы заплатить требуемыя суммы; императорское казнохранилище было пусто. Θεодосій это зналъ очень хорошо, Аттилы это было тоже безъизвѣстно. Имѣя достаточныя свѣденія о внутреннихъ дѣлахъ

имперіи, онъ зналъ бѣдность провинцій, съ которыхъ бралъ контрибуціи; зналъ безумную расточительность принца, не думавшаго ни о чемъ, и хищничество министровъ. И такъ Аттіла отправилъ въ Константинополь чрезвычайнаго посланника, которому поручилъ поторопить римское правительство къ сбору подати, которую слѣдовало заплатить, и доставить въ его руки, и для этого посольства избралъ одного изъ начальниковъ войска, по имени Скотту, который былъ братъ главнаго министра. Для Θεодосія было ужаснымъ униженіемъ присутствіе этого варварскаго *эзекутора*, готоваго по видимому лишить императора всей его собственности, если онъ не соберетъ какъ-нибудь дани съ подданныхъ. Чтобы уплатить дань Аттілѣ, не терѣвшему ни отстрочекъ, ни недоимокъ, византійскій дворъ прибѣгнулъ къ самому легкому и самому вѣрному способу: всю тяжесть подати онъ наложилъ на богатыхъ, и, прежде всего на сенаторовъ; но многіе прежде бывшіе богачами, совершенно раззорились въ слѣдствіе несчастій того времени, и, такъ какъ агенты фиска, дѣйствовали съ чрезвычайною суровостію, то высшими классами общества овладѣло отчаяніе; женщины распродала свои украшенія, отцы семействъ движимое имѣніе своихъ домовъ; многіе лишавшись всего, давились или умирали голодною смертію. Чрезмѣрность скорби и стыда должна бы была пробудить энергію въ римскомъ правительствѣ, но она совершенно убила ее. Своимъ могуществомъ, своимъ гениемъ, своимъ дьявольскимъ умомъ, Аттіла опутывалъ Θεодосія, какъ сѣтями, которыя парализировали его предъ лицемъ опасности. Онъ только и зналъ, что прокливать варвара, желать его гибели, но не осмѣливался употребить послѣдняго усилія, чтобы приготовить эту гибель. Онъ любилъ больше безумно предаваться пустымъ или смѣшнымъ занятіямъ, наполнявшимъ его жизнь. Какой отваги, какой рѣшимости можно было ожидать отъ этого двора, гдѣ императорскимъ оруженосцемъ былъ евнухъ? Здѣсь умѣли понимать только женскія уловки и дѣлать измѣны: быть худу съ Θεодосіемъ и съ Римскою имперією!

АМ. ТЪЕРН.

(Продолж. слѣд.)

ПАПЫ И ВОСТОКЪ ВЪ XIII ВѢКѢ.

III.

ОТНОШЕНІЯ ПАПЫ И ИМПЕРАТОРА МЕЖДУ СОВОЮ.

При началѣ XIII вѣка Востокъ и Западъ были жертвою непрерывныхъ раздоровъ. Эти раздоры происекали отъ внутреннихъ причинъ: отъ неустройства стихій, входившихъ въ составъ тогдашнихъ государствъ, и отъ броженія тѣхъ началъ, изъ которыхъ должны были возникнуть новѣйшія государства Европы. Политическій бытъ, выработываясь изъ старыхъ формъ въ новыя, не имѣлъ еще ничего опредѣленнаго, и находился въ переходномъ состояніи. Періодъ крестовыхъ походовъ, опредѣляющій съ такою точностію переходный періодъ новѣйшей исторіи Европы, не былъ еще заключенъ. Со временъ Григорія VII-го народы жили подъ вліяніемъ двухъ началъ. Одни дѣлались орудіями силы державной, другіе увлекались вліяніемъ власти духовной. Въ первой половинѣ XIII-го столѣтія, сила державная имѣла представителями своими на Западѣ императоровъ Отона IV-го и Фридриха II-го. Власть духовная переходила изъ рукъ Иннокентія III-го къ Онорію III-му, Григорію IX-му, и наконецъ, въ 1243-мъ году, поступила въ руки *Иннокентія IV-го* избраннаго папою по смерти *Целестина IV-го*, владычествовавшаго только одинъ годъ.

Отонъ IV-й былъ избранъ императоромъ въ 1208-мъ году, послѣ десятилѣтнаго междуцарствія. Муратори описываетъ слѣдующимъ образомъ его избраніе: «Tenuta una dieta ad *Alberstadt*, «*quivi*; con unanime consenso dei Principi fu eletto Re dei Romani «e di Germania. Poscia in un altro più solenne parlamento, congregato in Francoforte, non solamente ricevette le reali insegne, ma «conchiuse ancora un'altro importante affare, cioè di prendere «in moglie Beatrice, figliuola dell'ucciso *Re Filippo*, la quale «li portò poi in dote *trecento—cinquanta castella*, e li altri alodiali della casa di *Svezia*, quasi che per nulla si contasse allora «*Federigo II* Re di Sicilia, nipote d'esso Filippo. Così per tutta «la *Germania* rifiorì la pace e la tranquillità, e Papa *Innocen-*

«zio III, rivolsse tutto il suo studio e le sue cure in favore del Re Ottone.»

И такъ Отонъ IV, избранный императоромъ на двухъ сеймахъ въ Гальберштадтѣ и Франкфуртѣ, сдѣлался главою западной имперіи. Германія успокоилась отъ смуты; миръ и тишина водворились снова въ этой области. Папа Иннокентій III-й, облобызавъ Отона, сдѣлался его другомъ и защитникомъ. Посмотримъ, долго ли существовала эта дружба, и какія послѣдствія имѣло лобзаніе Иннокентія III-го. Отонъ IV-й, возведенный на императорскій престолъ партіею Вельфовъ, былъ естественный соперникъ и врагъ Фридриха II-го, сына императора Генриха VI-го, и внука знаменитаго Фридриха I-го, Барбаруссы. Фридриху II-му, при возшествіи Отона на престолъ, совершилось только 12 лѣтъ отъ роду. Но въ этомъ младенцѣ, представлявшемъ, по родственному происхожденію своему, партію Гибеллиновъ, скрывались силы великаго челоуѣка. Лишь только совершился въ немъ переходъ отъ младенчества къ юношеству, какъ увлеченный блестящею судьбой своею, онъ свергъ соперника своего съ престола, и тотъ же Иннокентій III-й, столько прежде радовавшійся избранію Отона, ибо почиталъ отродіе Фридриха I-го опаснымъ для Церкви, возложилъ императорскій вѣнецъ на главу Фридриха. Тутъ послѣдовало новое лобзаніе, данное Иннокентіемъ юному Фридриху, но и это лобзаніе возымѣло такое же послѣдствіе, какъ и радость видѣть Отона на престолѣ. Отонъ IV-й, представитель партіи Вельфовъ, столь пріязненной папамъ и Италіи, подвергся отлученію. За нимъ Фридрихъ II-й, представитель и глава Гибеллиновъ, подвергся той же участи. Посмотримъ, за какое преступленіе заслужилъ Отонъ такое наказаніе?

Избранникъ Вельфовъ, въ радости быть возведеннымъ на императорскій престолъ, торжественно обѣщался Иннокентію III-му возвратить Церкви области, лежація отъ Радикофани до Чепрано, съ присовокупленіемъ Анконской Марки, Сполетскаго герцогства, экзархата Равенскаго и нѣкоторыхъ другихъ округовъ. Но исполнивъ обрядъ вѣнчанія, совершеннаго въ Римѣ самимъ папою, и полагая себя неприкосновеннымъ, Отонъ отказался отъ возвращенія поминутыхъ областей папѣ. Тогда Иннокентій III-й пере-

дался на сторону Фридриха II-го, и содѣйствовалъ въ заключенію брака между нимъ и *Констанціею*, королевою *сирильскою*. Разгнѣванный этой вѣстію, Отонъ вступилъ съ войскомъ въ королевство Неаполитанское, и на пути разорилъ владѣнія папы. Его дружины, составленные изъ Германцевъ, Тосканцевъ, и жителей Ломбардіи, привели въ трепеть всю южную Италію. Тогда Иннокентій III-й, утративъ надежду на примиреніе, рѣшился отлучить его отъ Церкви. Муратори говорятъ: «L'intrepidezza di questo papa bastante era a fargli prendere una sì gagliarda risoluzione; ma non lasciò egli di misurar prima anche le forze «temporali, che potevano assisterlo in tal congiuntura.»

Выхваляя твердость духа, обнаруженную Иннокентіемъ III-мъ въ распрѣ его съ Отономъ IV-мъ, Муратори замѣчаютъ, что папа дѣйствовалъ съ полнымъ сознаниемъ своей силы, и что, еще до отлученія императора отъ Церкви, онъ приготовился заранее ко всѣмъ случайностямъ. Иннокентій зналъ ненависть Римлянъ къ Отону, онъ былъ увѣренъ въ содѣйствіи Фридриха II-го, готово вступить въ борьбу съ императоромъ, и не сомнѣвался въ усердіи французскаго короля Филиппа II-го Августа, всегда покорнаго его волѣ. Иннокентій не забывалъ также, что и въ Германіи многіе изъ владѣтельныхъ особъ готовы были поддержать власть духовную противъ силы державной. И такъ папа не чувствовалъ недостатка въ мірскихъ средствахъ къ подкрѣпленію своихъ духовныхъ дѣйствій.

Вскорѣ за отлученіемъ Отона, послѣдовала война между обоими главами Запада. Вся южная Италія, *Кампанія*, *Апулія*, *Калабрія*, область *Тарентская*, покорились Отону. Императоръ, упоенный своими побѣдами, готовился уже завоевать Сицилію, какъ вдругъ возсталъ въ Германіи противъ него неожиданный врагъ. Многіе епископы германскіе, покоряясь волѣ паны и внушеніямъ Филиппа Августа, рѣшились обнаружить свои чувства въ пользу Фридриха II-го, и, провозгласивъ его достойнымъ римскаго королевскаго вѣнца, обнародовали въ то же время отлученіе Отона отъ Церкви. Въ числѣ враговъ императора замѣтны были особенно архіепископы магонскій и треверскій, чешскій король *Пршемысль*, Оттокаръ I-й, герцоги баварскій и сардинскій.

Фридрихъ II-й, руководимый во всемъ папою, бодрствовалъ, не теряя надежды, противъ побѣдоноснаго врага своего, и оборонялся въ Сициліи отъ Сарацинъ, покушавшихся неоднократно выдать его Отону. Наконецъ узнавъ о сбывшемся въ Германіи переворотѣ, онъ оставилъ Палермо, и переплывъ море, отправился изъ Генуи за Альпы. Французскій король выѣхалъ къ Фридриху на встрѣчу въ мѣстечко, называемое Вокулеръ, и заключивъ съ нимъ союзъ противъ Отона, предложилъ германскимъ государямъ, избрать его немедленно императоромъ на мѣсто отлученнаго.

Между тѣмъ война *Вельфовъ* съ *Гибеллинами* свирѣпствовала во всей Италіи, и судьбы *Отона* не рѣшались. Наконецъ 27-го іюля 1214-го войска французскія, подъ предводительствомъ герцога Бургундскаго, сразились съ арміею Отона близъ селенія *Бовина*, и одержали надъ императоромъ рѣшительную побѣду. Съ того времени дѣла *Отона* стали клониться къ упадку. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ, *Фридрихъ II-й* возсѣлъ торжественно на престолъ императорскій, и вѣнчанный въ *Ахенъ* архіепископомъ *магонскимъ*, клялся быть покорнымъ папѣ.

Въ числѣ обѣщаній, данныхъ Фридрихомъ *Иннокентію III-му*, занимаютъ первое мѣсто обязательство воевать съ невѣрными и клятвенный обѣтъ не держать въ одной рукѣ императорскаго жезла и державы сицилійской. Эти два священныя слова, нарушенныя впоследствии Фридрихомъ II-мъ, послужили предлогомъ къ долгимъ распрямъ между главою державною и властію духовною, и наполнили Европу смутами и междоусобными войнами. Но эти смуты не коснулись болѣе *Иннокентія III-го*. Этотъ знаменитый папа, всегда дѣятельный и всегда готовый возвышать и улучшать судьбы Италіи, владычествовалъ не долго. Отправившись въ 1216-мъ году въ Геную, для восстановления мира между этою республикою и сильными тогда на морѣ *Пизанами*, *Иннокентій* занемогъ въ *Перуджии* и скончался послѣ кратковременной болѣзни. Описывая его смерть, Муратори говоритъ: «Mancò in lui uno dei più abili e gloriosi pontefici che sieno seduti nella cattedra di St. Pietro: Gran giuriconsulto, gran politico, che alla esperienza grande da lui mostrata nel governo

«spirituale, aggiunse l'ingrandimento temporale della Chiesa Romana.» Т. е. съ нимъ не стало одного изъ самыхъ славныхъ и искусныхъ владыкъ, когда-либо сидѣвшихъ на каедрѣ св. Петра. Великій правовѣдъ, великій политикъ, умѣвшій съ необыкновенной опытностію завѣдывать дѣлами духовными, и знавшій также въ отношеніи мірскомъ возвеличить Церковь Римскую.

Вотъ похвала Иннокентію, возданная писателемъ, приверженнымъ Церкви Западной. Посмотримъ, что сказалъ о немъ протестантъ Геренъ. Этотъ ученый писатель видитъ въ Иннокентіѣ III-мъ продолжателя Гильдебранда. Григорій VII-й былъ творецъ той исполинской мысли, которая имѣла цѣлію обратить всѣхъ христіанскихъ государей въ вассаловъ папы. Иннокентій старался привести эту мысль въ дѣйствіе, и влияніемъ своимъ на Востокъ и на Западъ успѣлъ было сдѣлаться всемірнымъ владыкою. Могущество папы при помощи крестовыхъ походовъ, и при устройствѣ Западной Церкви, дошло въ правленіе Иннокентія III-го до высшей степени. Эта власть оставалась неприкосновенною около ста лѣтъ, но ей нанесъ потрясеніе французскій король *Филиппъ Прекрасный* (*Philippe le bel*), перенесшій каедрю св. Петра изъ Рима въ Авиньонъ. Одною изъ главныхъ заслугъ, оказанныхъ Иннокентіемъ III-мъ Западной Церкви, и вообще едянству католицизма (*Unité Catholique*), почитается введеніе инквизиціи. Иннокентій III-й, стремившійся во всю жизнь свою къ утверженію папской власти надъ всемірною Церковію и надъ всѣми христіанскими народами и правительствнами, взиралъ на каждую духовную ересь, какъ на заговоръ противъ законной власти римскаго архипастыря. Искоренять расколы всѣми способами, начиная съ убѣжденія духовнаго, и оканчивая истребленіемъ раскольниковъ посредствомъ меча, почиталось въ его очахъ обязанностію главнаго пастыря Церкви. И такъ, согласно съ этимъ убѣжденіемъ, онъ не ужаснулся прибѣгнуть къ жесточайшимъ средствамъ для истребленія раскольниковъ, извѣстныхъ подъ названіемъ Валдейцевъ (*Vaudois*). Война противъ нихъ открылась въ 1208-мъ, и окончалась только въ 1229-мъ заключеніемъ парижскаго мира, по которому глава Валдейцевъ *Раймондъ VII-й*, герц. *тулузскій*, предалъ своихъ единовѣрцевъ жестокостямъ судьбы.

Приписывая себѣ власть наказывать и даже истреблять раскольниковъ, Иннокентій полагалъ себя тѣмъ болѣе въ правѣ разсматривать ихъ дѣянія и замыслы. Онъ мыслилъ не допускать расколовъ до полного ихъ развитія, не позволять имъ достигать совершенной зрѣлости, дабы не находиться въ необходимости бороться съ устроенными и сильными партіями. Иннокентій страшился видѣть въ рукахъ раскольниковъ вещественную силу, дающую средства къ осуществленію мыслей; этотъ дальновидный мужъ предпочиталъ истреблять сѣмя, не позволяя ему обратиться въ плодъ. Вотъ причина, по которой онъ ввелъ инквизицію.

Достойны замѣчанія акты четвертаго Латеранскаго собора, созваннаго Иннокентіемъ III-мъ въ 1225-мъ году. Изъ нихъ видно, что епископамъ подавались вѣдомости о людяхъ подозрительныхъ, противъ которыхъ власть духовная принимала свои мѣры. Инквизиція устроена была по образцу политической партіи. Она имѣла свои розыскныя комиссіи, свои сборища, своихъ тайныхъ и подвижныхъ палачей, своихъ вооруженныхъ людей. Эта всюду проникающая власть развилась еще болѣе при папѣ Григоріи IX-мъ, и проникла даже и въ самыя сокровенности семейной жизни. Инквизиціонныя комиссіи установились во всѣхъ общинахъ; онѣ состояли изъ мѣстнаго пастыря и трехъ свѣтскихъ засѣдателей. Дѣло шло о розысканіи расколовъ. Но духовенство, не довольное мягкостію дѣйствій мірскихъ инквизиторовъ, измѣнило устройство духовной полиціи, и, присвоивъ себѣ исключительно права ея заведывать, поручило инквизицію усердію и искусству *Доминиканскаго ордена*.

ИСТОРИЧЕСКІЕ МАТЕРІАЛЫ.

УКАЗЪ ОБЪ УЧЕНЬѢ ИТАЛЬЯНСКОМУ ЯЗЫКУ 1697 ГОДА.

(доставлено П. И. Ивановымъ).

Въ нынешнемъ въ $\frac{се}{205-мѣ}$ году маія съ $\frac{еі}{15-го}$ числа, по Указу Великаго Государя Царя и Великаго Князя Петра Алексѣевича, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержца, и по росписи боярскимъ и иныхъ чиновъ дѣтемъ, вѣлено ~~учитися~~ итталіанскому языку у учителей Грековъ, у Оаникія и Сафронія Лихудіевыхъ $\frac{но}{55}$ человекамъ.

И по тому Его, Великаго Государя, Указу тѣхъ чиновъ людемъ, чтобъ они для того ученія къ тѣмъ учителямъ детей своихъ посылали, изъ розряду на дворехъ ихъ сказано.

И по той росписи и по скаскѣ тѣхъ учителей, чьи дѣти и кто имяны у нихъ явились и учатся, и которые не явились, и что про нихъ по посылкамъ изъ розряду отцы ихъ сказали, и то писано ниже сега порознь.

По скаскѣ учителей учатся:

БОЯРСКІЕ :

Князь Никиты Петровича Прозоровскаго сынъ, князь Александръ.
князь Андрея Петровича Прозоровскаго сынъ, князь Иванъ.

дѣтчи :

Ивана Волкова сынъ Григорей.
Ивана Кондратова сынъ Никита.
Уставщика Ѳедота Ѳеофанова сынъ Иванъ.
Генеральнаго писаря Ивана Инехова сынъ Яковъ.

ГОСТИННЕ СОТНИ :

Ильи Шершнева сынъ Иванъ.
Ивана Павлова сынъ Афонасей.
Алексѣя Кружевникова сынъ Михайло.
Василья Родіонова сынъ Иванъ.

По скаске жъ учителей явились, а къ ученію не годятся :

ЗА МАЛЫМИ ЛѢТЪ :

Боярина Ивана Ѳедоровича Волинскаго меньшей сынъ Петръ,
 $\frac{2}{3}$ лѣтъ.
Дьяка Осипа Иванова меньшей сынъ Александръ, $\frac{5}{6}$ лѣтъ.
Гостиной сотни Григорья Быкова сынъ Степанъ, $\frac{3}{6}$ лѣтъ.

за волѣзнію :

Гостинной сотни Дмитрея Казакова сынъ Семень.

Не явились , а отцы ихъ сказали , что дѣти ихъ въ чинахъ , а иные въ малыхъ лѣтахъ :

за малыми лѣтами :

Боярина князь Петра Ивановича Хованскаго $\frac{2}{2}$ сына : князь Андрей $\frac{2}{3}$, князь Василей $\frac{2}{2}$ лѣтъ.

Стольника князь Федора Хилкова сынъ , князь Юрья , $\frac{6}{9}$ лѣтъ.

Дьяка Макара Полянскаго сынъ Федоръ , $\frac{6}{9}$ лѣтъ.

Гостя Алексѣя Филатьева $\frac{7}{5}$ сына : Егоръ $\frac{2}{3}$, Василій $\frac{2}{7}$, Дмитрей $\frac{1}{8}$ лѣтъ.

за волѣзными :

гостинной сотни :

Гаврила Чирьева сынъ Василей болѣнъ и языкомъ косенъ.

Часто-пряслова меньшей сынъ Михайло.

въ чинехъ :

стольничьи :

Федора Петрова сына Салтыкова $\frac{2}{2}$ сына , Василей да Алексѣй , въ Преображенскомъ полку въ Сержантахъ.

въ стольникахъ :

Князь Федора князь Андреева сына Хилкова сынъ , князь Иванъ.

Князь Ивана князь Михайлова сына Егупова Черкаскаго $\frac{7}{5}$ сына : князь Алексѣй , князь Иванъ , князь Василей .

Ивана Давыдова сына Щепотева $\frac{2}{2}$ сына : Андрей , Михайло , и сынъ Андрей на воеводствѣ на вольномъ , Михайло—на службѣ подъ Азовымъ.

дьячьи :

Василья Степанова сынъ Василей , въ подьячихъ въ Посольскомъ Приказѣ.

Осипа Иванова сынъ Иванъ , въ подьячихъ въ Большой Казнѣ.

Ивана Верецагина $\frac{2}{2}$ сына , въ подьячихъ : Сергей во дворцѣ , Михайло въ Помѣстномъ Приказѣ.

Гостя Ивана Панкратьева сынъ Андрей , въ гостяхъ и у дѣла въ лупецкой Полатѣ у Соболиной казны.

По посылкамъ изъ розряда сказано, а для ученія у учителей не явились :

☞ Боярина Алексѣя Петровича Салтыкова написано два сына, а онъ сказалъ, что у него другого сына нѣтъ.

Боярина Ивана Фодоровича Волинскаго сынъ Василей.

☞ Стольника князь Ивана Егупова Черкаскаго меньше $\frac{1}{3}$ сына: князь Михайло, князь Фодоръ, князь Петръ.

Стольника Семена Алексѣева сына Языкова сынъ сказалъ, что детей нѣтъ.

Изъ дворянъ Архипа Палицына сынъ Михайло.

гостей и гостинной сотни :

Матвѣя Семенникова сынъ Яковъ.

Андрея Бокова сынъ Василей.

Ивана Семенова меньшей сынъ Иванъ.

Гаврила Романова племянникъ Фодоръ Трифоновъ.

Ивана Панкратьева сынъ Иванъ.

Семена Свѣрчкова меньшей сынъ Иванъ.

Ивана Цсаева сынъ Илья.

Евстрата Носова сынъ Андрей.

Ивана Ушакова племянникъ Василей Кулаковъ.

Леонтья Бунина сынъ Петръ.

У Ильи Нестерова сынъ, сказалъ, умрѣ.

ПИСЬМО КНЯЗЯ П. Ж. БАГРАТИОНА (*).

Я думаю у васъ пропасть новостей пустыхъ по обыкновенію Москвы, но я вамъ скажу, что все хорошо и вѣздѣ ихъ колотать; на конецъ дождутся они сумасшедшіе, что и со всѣмъ ихъ уничтожать.—Очень нездоровъ, усталъ и ослабъ, но надо терпѣть, и одно мое блаженство служить Государю, пока могу; прощайте, будьте Богомъ хранимы—весь вашъ

К. Багратионъ.

Третьяго дня у меня было жаркое дело и потурилъ крепко я Даву и Мортъе. Онъ потерялъ пехоты одной 5000 человекъ и два полка кавалеріи. Нашъ уронъ невеликъ—славно и мы дрались—истинно неслыханно. Спасибо они меня тѣшутъ, не пріятель имѣлъ подъ ружьемъ 60.000, а я дрался съ корпусомъ Раевского; не токмо уступилъ ему место, но прогнали 6. версть въ лѣсъ, онъ тамъ остановился, а далѣе не пошелъ—тамъ мы и разошлись.

(*) Подлинникъ хранится въ библиотекѣ князя Б. Д. Голицына. Списано Н. В. Бергомъ. Правописаніе подлинное.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ

О СОВРЕМЕННОМЪ СОСТОЯНІИ И ЗНАЧЕНІИ У НАСЪ ЭСТЕТИЧЕСКОЙ КРИТИКИ.

Бываютъ въ литературѣ періоды, когда, будто должно собираться и конясь, вдругъ появляются въ ней живыя, свѣжія силы, самостоятельныя и первоклассныя таланты. Общее сочувствіе встрѣчаетъ тогда новое направленіе, потому что, какіе бы недостатки ни оказались за нимъ въ послѣдствіи, оно вноситъ нѣчто новое въ общество, среди котораго явилось, трогаетъ его живыя струны. Критикъ не остается почти ничего дѣлать въ такомъ случаѣ; развѣ только, увлекшись этимъ новымъ направленіемъ, отставать его отъ людей запоздалыхъ и неблагонамѣренныхъ, быть толковательницею его передъ публикою. Но въ руководствѣ ея новое направленіе мало нуждается. Въ себѣ самомъ, въ своей прочной связи съ жизнью, откуда взялось, въ своей самостоятельности и въ даровитости своихъ представителей, находитъ оно силы и твердость идти по прямому пути и увлекать за собою массу. Таково, напримеръ, было движеніе, сообщенное нашей литературѣ Пушкинымъ и Гоголемъ. Но бываютъ другіе періоды, когда какъ будто затихаетъ движеніе въ изящной литературѣ, когда высокоталантливыя личности, совокупающія въ себѣ все требованія эпохи, исчезаютъ или замолкаютъ, и на литературную арену выходитъ толпа писателей, иногда не лишенныхъ дарованія и некоторой оригинальности, но въ сущности подчиненныхъ направленію, сообщенному предшествовавшими великими дѣятелями. Не обладая той великой, природной силой, которая спасаетъ писателя отъ уклоненій съ прямой дороги, ни той энергіей, съ которою выступаетъ обыкновенно всякое самостоятельное начинаніе, и которою загораживаются на время его недостатки, — новые писатели бросаются на вновь

открытый имъ путь, почти безъ всякой, внутри ихъ лежащей охраны, прельщаемые легкостью торной уже дороги и сочувствіемъ публики къ новому направленію. Оттого съ одной стороны сами писатели доходятъ скоро до самыхъ странныхъ крайностей, съ другой стороны публика, обманувшись нѣсколько разъ въ томъ, что предлагаемо ей было подъ видомъ новаго направленія, начинаетъ чувствовать недоверіе къ достоинству самаго направленія. Смысль даже его затеряется въ сознаниі, наступаетъ въ литературѣ безурядица. Тѣ, кто не смѣлъ и показаться прежде, при господствѣ даровитыхъ дѣятелей, выступаютъ также на арену; на ряду съ доведенными до нелѣпости произведеніями новаго направленія безнаказанно появляются въ литературѣ самыя уродливыя произведенія, не имѣющія никакого направленія, и публика, затерянная въ этомъ хаосѣ, не зная, чему нести свое сочувствіе, начинаетъ становиться равнодушною ко всѣмъ литературнымъ явленіямъ. Въ такихъ-то случаяхъ критика должна стоять неусыпно на стражѣ, противъ грозящей литературѣ безурядицы. Въ такихъ-то случаяхъ и литераторамъ и публикѣ должна она идти на помощь. Литераторамъ должна она помогать тѣми теоретическими знаніями, которыя въ гениальныхъ дѣятеляхъ присущи ихъ таланту, но которыхъ недостатокъ часто и резко бьется въ глаза въ произведеніяхъ писателей, не одаренныхъ особою творческою силою, хотя и не лишенныхъ таланта. Точно также нужна въ такое время критика и публикѣ, потому что часто ей приходится имѣть дѣло съ произведеніями, имѣющими не яркія достоинства, въ которыхъ критика обязана указать ей настоящее направленіе, выставить на видъ тѣ стороны, какихъ, можетъ-быть, и не замѣтило бы само собою большинство, но которыя служатъ несомнѣннымъ признакомъ прагаго пути, избраннаго писателемъ, и т. д. Съ другой стороны, критика должна предостерегать публику отъ тѣхъ уродливыхъ произведеній, которыя, пользуясь случаемъ, употребляютъ всѣ средства для того только, чтобы поддѣлаться подъ вкусъ большинства, угодить его самымъ грубымъ и притудливымъ требованіямъ, и которыя по этимъ самымъ причинамъ имѣютъ

много способовъ бросаться въ глаза большинству, ослѣпить его и загородить отъ него тѣ скромныя, не яркія, но добросовѣстныя созданія, которыя поддерживаютъ и предохраняютъ отъ порчи вѣкъ публики въ промежутокъ времени, между появленіемъ яркихъ и самобытныхъ талантовъ.

Современное состояніе нашей литературы нѣсколько похоже на подобную пору застоя и загибшя. Нельзя пожаловаться на отсутствіе талантливыхъ писателей, но нельзя не согласиться также, что у нѣкоторыхъ изъ нихъ проявляются погрѣшности странныя и непростительныя или выдаются произведенія безцвѣтныя и слабыя. Нельзя не замѣтить также наплыва въ литературу произведеній бездарныхъ и фальшивыхъ, выступающихъ съ особенною дерзостью и, къ несчастію, находящихъ сочувствіе. Если это справедливо, то справедливо и то, что для спасенія литературы необходима строгая, добросовѣстная и чуткая критика. Но кто же не согласится, что недостатокъ ея у насъ крайне ощутителенъ?

Намъ кажется, что въ подобномъ положеніи всякій годъ, лишь бы серьезно и благонамѣренно взявшагося за дѣло человека, можетъ принести нѣкоторую пользу, и потому-то, въ ожиданіи лучшихъ и полнѣйшихъ статей о томъ же предметѣ, мы рѣшаемся сказать свое слово о недостаткахъ современной критики, чувствуемыхъ всеми безъ исключенія, но еще не приведенныхъ въ ясность и не изслѣдованныхъ.

Было уже не разъ говорено, что литература наша сосредоточилась въ журналахъ; еще правильнѣе будетъ сказать это про критику. Отдѣльное критическое сочиненіе или специально критическій сборникъ даже не мыслимы въ настоящее время, для нихъ едва ли бы нашлись читатели. Конечно, есть много причинъ этому, но одна изъ главныхъ—это странное и жалкое состояніе самой эстетической критики.

Самое дурное въ этомъ дѣлѣ то, что многіе не видятъ даже этого упадка критики, и воображаютъ, что все идетъ какъ слѣдуетъ. А между тѣмъ стоитъ только взглянуть прямыми глазами на дѣло, стоитъ только уяснить себѣ тѣ побужденія, какія руководятъ по большей части нашими критиками при составленіи журнальныхъ отзывовъ и статей,

обнаружить поразительное отсутствие въ нихъ всякой системы, ихъ весьма малую и крайне условную пользу для публики и самихъ писателей, наконецъ, необыкновенное отсутствие живыхъ и освѣжающихъ мыслей, чтобы изумиться, какъ не нашлось еще у насъ ни одного голоса въ обличеніе такого безобразія.

Было бы, конечно, очень интересно разобрать причины, доведшія нашу эстетическую критику до такого состоянія, но мы не беремся теперь за это дѣло, и ограничимся изображеніемъ тѣхъ особенно рельефныхъ недостатковъ, которые, какъ намъ кажется, должны бросаться въ глаза каждому, кто только внимательно вглядится въ дѣло. При этомъ обзорѣ, мы, разумется, будемъ имѣть въ виду наши періодическія изданія, но считаемъ ненужнымъ называть по именамъ журналы, ибо поставили себя цѣлью не полемику, но пользу общую.

Чтобы исполнить взятую нами на себя задачу съ возможной полнотой, мы будемъ держаться нѣкоторой системы въ изложеніи, постараемся свести недостатки, замѣченные нами въ разлчныхъ критическихъ статьяхъ, къ общимъ чертамъ, которыя и расположимъ въ известной послѣдовательности, начиная съ худшихъ.

Прежде всего, разумется, должны быть поставлены здѣсь критики, написанныя подъ вліяніемъ тупой вражды ко всему свѣжему и молодому, критики, принадлежащія такимъ лицамъ, которымъ бы хотѣлось, чтобы въ литературѣ не было ничего такого, что напоминаетъ объ ихъ отсталости и даетъ наглядно чувствовать скудость и фальшивость произведеній, которыя предлагали они публикѣ въ свое время, и которыя читались тогда съ охотою и считались дѣльными. Но такіе голоса, къ счастью, все рѣже и рѣже раздаются въ нашей литературѣ, и притомъ всѣмъ слишкомъ ясны побужденія, ихъ порождающія, для того, чтобы стояло долго на нихъ останавливаться.

Недобросовѣстность другаго рода играетъ въ наше время бѣльшую роль—это недобросовѣстность, происходящая изъ журнальныхъ партій. Для того, чтобы быть въ наше время журнальнымъ критикомъ,—а другихъ крити-

ковъ, какъ известно, нѣтъ у насъ въ литературѣ, — необходимо не столько природный талантъ, благонамѣренность и другія свойства, сколько знаніе всѣхъ отношеній журнала къ другимъ журналамъ или къ современнымъ дѣятелямъ въ литературѣ, и это, вмѣстѣ съ известною ловкостью, составляетъ едва ли не главное достоинство критика въ наше время. Но такъ какъ ловкость, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, все же не то, что правда, то, разумѣется, она должна иногда обличать себя, и обличать, безъ сомнѣнія, комическимъ образомъ. И дѣйствительно въ литературѣ нашей весьма возможны подобныя комическія примѣры. Положимъ, наприимѣръ, что известный писатель, по чему-нибудь не любимый двумя журналами, помѣщаетъ свою повѣсть или комедію въ какомъ-нибудь изданіи. Первая мысль обоихъ журналовъ разругать новое произведеніе. Но къ соображенію того и другаго приходятъ различныя обстоятельства. Одинъ, наприимѣръ, рассуждаетъ такъ: довольно уже мы бранили этого писателя за то, что онъ напечаталъ прежде, надобно же наконецъ показать наше безпристрастіе, и, въ-слѣдствіе такого рѣшенія, онъ выписываетъ новое произведеніе цѣликомъ или отрывками, и вообще относится о немъ съ похвалою. Другой журналъ руководствуется въ этомъ отношеніи совсѣмъ другими побужденіями: нѣтъ, рассуждаетъ онъ, не надобно потакать этому автору, чтожъ за бѣда, что написанное имъ вновь хорошо, нельзя же намъ похвалить его за какое-нибудь небольшое произведеніе, когда мы написали уже о немъ брайную статью, и вотъ, ты же отрывки изъ новой комедіи или повѣсти появляются тоже въ выпискахъ, но уже какъ примѣръ безвкуснаго и безталантливаго. Трудно повѣрить, а случается. Хорошій и опытный критикъ принимаетъ даже въ соображеніе не только то, какъ отзывался его журналъ прежде о какомъ-нибудь писателѣ, но и то, въ какомъ изданіи помѣщено новое произведеніе, и въ какое вообще изданіе онъ перенесъ свою дѣятельность. Разумѣется, положительный судъ произноситъ онъ надъ такимъ авторомъ, который, по своимъ убѣжденіямъ, онъ знаетъ, не будетъ участвовать въ его изданіи. Совсѣмъ иначе поступаютъ съ писателями только-что появляющимися, но уже хорошо принятыми публикой, и

потому могущими дать весь журнал. Разобрать, какъ составляются статьи о такихъ писателяхъ, было бы поучительно въ высшей степени. Принять въ соображеніе обстоятельствъ нужно множество. Нужно, во первыхъ, быть безпристрастнымъ, да пока еще ничто сильно и не мешаетъ этому безпристрастію; во вторыхъ, хвалить очень сильно негодится, потому что тогда нужно будетъ хвалить его и въ томъ случаѣ, если онъ станетъ помѣщать свои произведенія въ журналъ враждебномъ. Конечно, можно будетъ въ послѣднемъ случаѣ отозваться, хотя и съ похвалою, но слегка, въ двухъ-трехъ словахъ, но все же это не совсѣмъ ловко; въ третьихъ, нужно остеречься, чтобы не сказать при оцѣнкѣ новаго писателя чего-нибудь такого, что бы противорѣчило прежде-высказаннымъ мнѣніямъ журнала, а то буда! враги тотчасъ поймутъ и выставятъ противорѣчіе въ журналъ; въ четвертыхъ, мельзя, напримѣръ, останавливать очень много вниманія на истинныхъ достоинствахъ писателя, нельзя выставять ихъ на глаза публики, какъ необходимыя свойства хорошихъ произведеній, потому что иначе она прикинетъ, пожалуй, эти мысли къ другимъ повѣстямъ и романамъ, помѣщеннымъ въ той же или предъидущихъ книжкахъ журнала. И много другихъ обстоятельствъ нужно принять въ соображеніе. Гдѣ же, при всей этой массѣ данныхъ, которыхъ нужно постоянно держать въ головѣ, сохранить критику истинныя отношенія къ тому, что подлежитъ его разбору; гдѣ же устоять его, иногда и отъ природы слабому эстетическому чутью, противъ наплыва, сильно заложенныхъ въ души, практическихъ соображеній? За то иной уже не хлопочетъ о дальности и добросовѣстности своихъ рецензій, а только объ ихъ ловкости въ упомянутомъ выше отношеніи. Свои эстетическія сужденія и кое-какія наблюденія, вынесенныя имъ изъ чтенія произведенія, подлежащаго разбору, онъ употребляетъ только какъ послушный матеріалъ для составленія статьи, планъ которой формируется по задачѣ, совершенно посторонней дѣлу. Любопытно иногда, вооружившись психологическимъ анализомъ, разобрать подобную статью на ея составныя элементы, то-есть взять изъ ея содержанія все то, что вызвано не истиннымъ отношеніемъ

критика къ произведенію, представляетъ не задушевную его мысль, но плодъ журнальныхъ и личныхъ отношеній. Иногда за всѣмъ этимъ въ статьѣ не останется ровно ничего.

Въ журнальной тактикѣ такіе люди имѣютъ большія достоинства и составляютъ драгоценное приобрѣтеніе для журналиста. За то, ужь если журналъ имѣетъ такого критика, онъ дорожитъ имъ больше всѣхъ другихъ сотрудниковъ и держитъ его до самой смерти, не смотря на дряхлость и неспособность, какъ держать иногда на фабрикѣ мастера, при какомъ-нибудь секретномъ производствѣ, не смотря на то, что онъ уже давно сдѣлался ненужнымъ. Опасно выпустить. Знакомый со всѣми сплетнями и закулисными тайнами, онъ можетъ сильно повредить журналу, предавшись его противникамъ.

Разумѣется, въ отношеніи къ писателямъ, имѣющимъ сильный талантъ, всѣ подобныя критики вредятъ мало, и общее мнѣніе все таки составляется въ пользу ихъ; но нельзя, однако, сказать, чтобы они не мѣшали публикѣ стать въ вѣрныя отношенія къ писателямъ, и, слѣдовательно, не дѣйствовали обратно своему назначенію. Не говоримъ уже о вредномъ вліяніи всякой лжи и недобросовѣстности, которая рано или поздно открывається всѣмъ, и порождаетъ недоверіе къ критикѣ, ложныя отношенія къ литературѣ, фальшивыя интересы и т. д. Главное зло во всемъ этомъ, во первыхъ, промышленное направленіе журналистики, во вторыхъ, недостатокъ откровенности, и наконецъ въ третьихъ, какъ уже сказано, владычество ловкости въ журнальномъ дѣлѣ. Неловкимъ считается признаться въ своей ошибкѣ, неловкимъ считается перемѣнить свое мнѣніе о писателѣ; неприличнымъ—жарко и съ увлеченіемъ высказать свое сужденіе о какомъ-нибудь явленіи въ журналѣ, о которомъ привыкли отзываться съ неудовольствіемъ или пренебреженіемъ. Журналъ, или даже литераторъ, считается не за челоуька, способнаго ошибаться, мѣнять мнѣнія, подчиняться вліяніямъ какихъ-нибудь случайныхъ обстоятельствъ, и т. д., но какой-то математической машиной, которая, будучи заведена однажды, говорить всегда одно и тоже. Изъ всего этого выходитъ, что

каждый журналъ, которому, разумется, обратія его указываютъ на его недостатки, односторонность и т. д., становится упряме съ каждымъ годомъ и считаетъ это упрямство за вѣрность направленію. Образуется, разумется, свой кругъ читателей у каждаго журнала, который раздѣляетъ и его упрямство и возрастающую вражду къ другимъ журналамъ.

Такъ какъ зашло дѣло о недобросовѣстности, то стоить упомянуть также и еще объ одномъ ея видѣ, недобросовѣстности безсознательной, если можно такъ выразиться. Известно, что существуютъ люди весьма различныхъ убѣжденій, и по общей вѣсьмъ слабости, каждый считаетъ свои убѣжденія наилучшими, и желалъ бы ихъ исключительнаго господства во вѣсѣхъ умахъ. Известно также, что господствующимъ въ известномъ кругу убѣжденіямъ подчиняются иногда писатели, не одаренные самобытнымъ, оригинальнымъ талантомъ, хотя и не лишеныя его, въ известной степени. Что же случается? Произведенія такого писателя расхваливаются до небесъ людьми однихъ съ нимъ убѣжденій, и ругаются на повалъ людьми убѣжденій противныхъ. И все это дѣлается иногда безкорыстно, искренно и добродушно, людьми въ сущности довольно справедливыми, ради будто бы высшихъ интересовъ, какъ будто есть какой-нибудь интересъ выше правды?

Но довольно объ этомъ; еще много недостатковъ критики, кромѣ недобросовѣстности, ждетъ насъ впереди, —хоть бы, напримѣръ, пустота содержанія, случайность и произвольность того, что обыкновенно пишется въ журналахъ о вновь появляющихся изящно литературныхъ произведенияхъ. Еще для разбора плохихъ повѣстей или мелкихъ стихотвореній находятся средства у нашихъ критиковъ. Здѣсь есть чѣмъ наполнить статейку, и дать ей видъ какъ-будто дѣльной. Можно искусными выписками и замѣчаніями достаточно позабавить публику, можно написать нѣсколько общихъ мѣстъ объ упадкѣ литературы, о ложномъ направленіи, можно, наконецъ, подробно и не безъ остроумія рассказать, какъ въ одномъ домѣ было очень скучно, и потому, когда взялись за одну книжку, вѣсьмъ стало весело. Все подобное пойдетъ у насъ за критику. Оттого некоторые

критики даже съ большею охотою берутся разбирать плохія и пустыя вещи, нежели такія литературныя явленія, которыя стоять подробнаго и дельнаго разбора. Въ первомъ случаѣ можно писать, что хочешь, во второмъ, такъ легко нельзя отдѣлаться.

Зато и дѣйствительно нѣкоторые критики пишутъ, что хотять.... Приступая къ рецензіи, они не берутъ на себя никакихъ обязанностей ни передъ публикой, ни передъ разбираемымъ произведеніемъ. Что напишется, то и хорошо. Само по себѣ, это бы еще не большая бѣда; въ литературѣ нашей довольно органовъ для выраженія мнѣній о всякомъ новомъ явленіи, и нельзя требовать отъ фельетониста какой-нибудь газеты, чтобы онъ, въ срочной болтовнѣ своей, высказывалъ такія же дѣльныя и основательныя сужденія, какіхъ мы въ правѣ ожидать отъ журналовъ серьезныхъ. Но бѣда въ томъ, что критики и въ этихъ журналахъ по большей части мало чѣмъ отличаются отъ фельетонной болтовни, и часто все это отличіе ограничивается только нѣсколько болѣе серьезнымъ или скорѣе сухимъ тономъ статьи, отнимающимъ у нея и послѣднее достоинство—живость и легкость. Бѣда также въ томъ, что публика, обращаясь иногда съ доверіемъ къ журнальнымъ статьямъ, имѣющимъ по наружности болѣе серьезный характеръ, скоро замѣчаетъ, что она обманулась въ своихъ ожиданіяхъ, и что въ этихъ статьяхъ господствуетъ та же пустота, случайность и произвольность. Чтобы показать, что мы не даромъ и не безъ основанія придаемъ эти три эпитета большей части нашихъ журнальныхъ рецензій, вникнемъ внимательнѣе въ дѣло.

Развѣ, напримеръ, не пустыя для читателей такія статьи, въ которыхъ, пожалуй, съ известною долею правды, но преимущественно съ ловкостью, высказываются критикомъ нѣкоторыя вышнія замѣтки о томъ, что разбирается; хвалятся или порицаются известныя стороны произведенія, иногда и довольно-справедливо, но на такихъ основаніяхъ, которыя скрыты для читателей и остаются личнымъ достояніемъ критиковъ, ибо, при своей непрочности и случайности, могутъ быть взяты не иначе, какъ на память. Да и что же суще-

ственного могут они сообщить читателямъ, когда авторы ихъ нисколько не заботятся о томъ, чтобы возвести къ сознанию и выставить на общее созерцаніе все то существенное, что положено въ данномъ произведеніи, но преимущественно о томъ, чтобы показать самихъ себя, сказать что-нибудь остроумное, вообще поумничать и пофигуривать на счетъ произведенія?

Нужно ли входить въ подробныя объясненія о томъ, что мы называемъ случайностью и произвольностью журнальныхъ рецензій? Кто не согласится, что есть у насъ рецензенты, которые, садясь писать, сами не знаютъ, какова будетъ ихъ статья, для которыхъ вся задача состоитъ не въ томъ, чтобы высказать свою твердо-установившуюся мысль о разбираемомъ произведеніи, но вообще написать статейку побольше и половчѣе, хотя бы иногда и безъ всякой связи съ дѣломъ? Отъ бездѣлья и неимѣнья ничего за душой, что бы просилось высказаться, критикъ, чтобы сколько-нибудь оживить свою рецензію и избѣжать всѣмъ наскучившихъ общихъ мѣствъ, начинаетъ даже иногда капризничать; вдругъ, напимѣръ, отступится отъ принятыхъ всеми положеній эстетическихъ, или станетъ хвалить какую-нибудь совершенную дрянъ, ссылаясь на свой личный вкусъ. И все это—дѣло минуты, все это сформируется въ головѣ, можетъ-быть, уже въ то время, когда перо въ рукахъ и надо писать рецензію.

О произвольности и говорить нечего. Всякій считаетъ себя въ полномъ правѣ имѣть свое мнѣніе, и полагаетъ, что, высказавъ его, онъ напишетъ критику. Въ этомъ отношеніи многими, очень справедливо, журнальныя рецензіи не считаются даже совсѣмъ за дѣло. Для составленія дѣльной книги, напимѣръ, нуженъ умъ, познанія, способность излагать дѣло; для составленія рецензіи объ ученой книгѣ нужно также многое. Для того, чтобы написать новеллу, комедію, нуженъ талантъ, и всѣ обижаются, если кто-нибудь возьмется за одно изъ этихъ дѣлъ, не имѣя къ этому никакихъ способностей. Но отъ рецензента на произведенія художественныя не требуется ровно ничего. Мнѣніе свое имѣетъ всякій, и нельзя же сердиться, если одинъ понимаетъ дѣло такъ, а другой иначе.

Оттого такъ и спѣшать многіе изъ нашихъ критиковъ сказать свое мнѣніе. Не умѣя разъяснить читателямъ разбираемаго произведенія, не чувствуя въ себѣ никакихъ средствъ и правъ на произнесеніе основательныхъ и положительныхъ сужденій о немъ, они стараются по-крайней-мѣрѣ воспользоваться правомъ, принадлежащимъ безспорно всякому человеку,—сказать свое личное мнѣніе. И потому, если вы иногда и не узнаете ничего новаго изъ журнальной рецензіи, то почти всегда услышите отъ критика, нравится или не нравится ему разбираемое сочиненіе. При этомъ иной такъ снисходителенъ къ публикѣ, что объясняетъ ей нѣкоторыя обстоятельства изъ своей прошлой жизни или настоящей обстановки, образовавшія въ немъ сочувствіе или несочувствіе къ чему-нибудь. Другой умалчиваетъ обо всемъ подобномъ, и просто предлагаетъ читателямъ результатъ сужденій своего доморощеннаго вкуса; оставляя ихъ самихъ догадываться о вліяніяхъ житейскихъ или книжныхъ, которымъ подвергался этотъ вкусъ въ своемъ развитіи.

Вследствіе всего этого эстетическія критики сдѣлались у насъ какимъ-то ничего незначащимъ и въ сущности ненужнымъ дополненіемъ къ изящно-литературнымъ явленіямъ. Интересуются ими развѣ люди, которые вѣрятъ всему печатному, да охотники до литературныхъ сплетенъ, которыхъ занимаетъ не дѣло, высказываемое въ критическихъ статьяхъ, а то, какъ отзовется такой-то журналъ о такомъ-то писателѣ, послѣ того, что случилось; какъ поведетъ себя такой-то критикъ въ отношеніи къ хорошей повѣсти, напечатанной въ враждебномъ журналѣ, и т. д.

Вся эта безурядица происходитъ отъ того, что при недостаткѣ настоящихъ, призванныхъ критиковъ, всякій считаетъ себя способнымъ быть критикомъ.... Откуда взялось такое убѣжденіе?

Если появляется сочиненіе, принадлежащее къ области какой-нибудь науки, то, конечно, есть люди, которые, напримѣръ, совсѣмъ не любятъ науку или этой науки, или, которые вообще питаютъ мало довѣрія къ систематическому знанію; однако, такіе люди не возьмутся писать разбора вышедшему со-

чиненію, или, по крайней мѣрѣ, высказать свои личныя и уродливыя воззрѣнія на него, не найдутъ къ нимъ никакого сочувствія въ публикѣ: читатели очень хорошо знаютъ, что не всякій способецъ къ этого рода критикѣ, и что мнѣніе лица, основанное на его личномъ вкусѣ, не имѣетъ никакого вѣсу въ дѣлѣ науки. Истиннаго сужденія, на которое бы можно было положиться, они ждутъ отъ ученаго, и взоры ихъ невольно обращаются къ тому изъ ученыхъ, который, занимаясь тѣмъ же предметомъ, внушаетъ имъ наибольшее довѣріе.—Точно то же бываетъ при оцѣнкѣ всякаго другаго произведенія, принадлежащаго къ какой-нибудь специальной области.

Совсѣмъ другое дѣло въ эстетической критикѣ. Здѣсь всякій знаетъ, что эстетическій вкусъ есть достояніе каждаго человека, и потому многіе читатели думаютъ, что все искусство критика состоитъ въ умѣнь остроумно и ловко высказать свое мнѣніе о литературномъ явленіи; причемъ главнѣйшими и единственными качествами критика должны быть умъ и добросовѣстность. Точно то же думаютъ и нѣкоторые изъ самихъ критиковъ. О потребности врожденнаго таланта къ этому дѣлу многіе даже и не подозреваютъ.

Среди всего этого хлама попадаютъ, конечно, хотя и изрѣдка, критики другаго рода, критики съ направленіемъ болѣе серьезнымъ и благонамѣреннымъ. Къ нимъ-то и спѣшимъ мы перейти теперь, чтобы оцѣнить ихъ значеніе въ литературѣ. Для бѣльшей ясности постараемся и здѣсь свести весь тѣ направленія, какія случалось намъ замѣчать въ различныхъ критическихъ статьяхъ, къ общимъ чертамъ, даже позволимъ себѣ въ этомъ отношеніи нѣкоторую идеализацію. Этими мы избѣжимъ, во первыхъ, всякихъ личныхъ намековъ, а во вторыхъ, будемъ имѣть возможность къ болѣе полному анализу.

Прежде всего слѣдуетъ указать на нѣкоторые критики стихотвореній, изъ которыхъ нѣкоторые отличаются вѣрнымъ чутьемъ, правильнымъ взглядомъ и умѣньемъ взяться за дѣло: Конечно, понять и оцѣнить достоинства стихотвореній, въ особенности мелкихъ лирическихъ, легче, чѣмъ, напр., произведенія драматическія или повѣствовательныя. По большой части краткія и выдвигавшіяся одинымъ разомъ, однимъ, такъ сказать, норов-

вои вдохновенія, они удобнѣе даютъ чувствовать свою цѣлость и стройность или недостатокъ того и другаго.—Точно также шероховатость или достоинство стиха, истинность или фальшивость чувства, положеннаго въ основу стихотворенія, граціозность образовъ и картинъ, чувствуются и оцѣняются по достоинству легче, нежели всѣ тѣ разнообразныя данныя, которыя подлежатъ оцѣнкѣ въ романѣ, комедіи или драмѣ. Критикъ въ отношеніи къ нимъ легко становится на настоящую точку зрѣнія, которая даетъ ему возможность и право судить ихъ на основаніи ихъ самихъ, а не изъ постороннихъ, принесенныхъ извнѣ понятій. По всѣмъ этимъ причинамъ, порядочныя стихотворенія всегда были встрѣчаемы съ одобреніемъ нашими журналами и оцѣниваемы болѣе или менѣе удовлетворительно. Конечно, нельзя, чтобы и здѣсь не было исключеній. И здѣсь являются иногда выходки грубыя и безобразныя, но они происходятъ уже не отъ недостатка умѣнья, а изъ литературной наглости, которая, ради какихъ-нибудь цѣлей, готова признаться, напр., что не можетъ отличить очень хорошихъ стихотвореній отъ пародій, какъ это бывало въ нашей литературѣ. Но гдѣ же нѣтъ исключеній?

Но и въ другихъ родахъ эстетической критики встрѣчаются явленія болѣе или менѣе утѣшительныя. Такъ, напр., если выходитъ въ свѣтъ литературное произведеніе, имѣющее неотъемлемыя и большія достоинства, возбуждившее толки своимъ появленіемъ, и притомъ, принадлежащее автору непричастному или еще неуспѣвшему подпасть литературнымъ смеланамъ,—тогда ничто не мѣшаетъ добросовѣстной журнальной оцѣнкѣ новаго явленія; и дѣйствительно, во всѣхъ нашихъ журналахъ появляются статьи не въ примѣръ обыкновеннымъ. Пишутся ли они другими людьми, или тѣ же самые критики особенно напрягаютъ въ этотъ разъ свои умственные способности, это рѣшать не беремся; дѣло въ томъ, что тутъ случаются иногда статьи, заслуживающія вниманія, по своему серьезному содержанию, иногда дѣльному взгляду и добросовѣстной оцѣнкѣ. Достоинства эти встрѣчаются, впрочемъ, что само собою разумеется, не во всѣхъ статьяхъ въ равной степени. Нѣкоторыя отличаются, напр., только желаніемъ смазать по-

сильную правду и известною ловкостью въ составленіи; другія сообщаютъ дѣйствительно вѣрный, въ общихъ чертахъ, судъ, и обличаютъ въ авторѣ ихъ природный вкусъ и способность становиться въ живыя отношенія съ тѣмъ, что разбирается. Видно, что критикъ понимаетъ на столько дѣло, чтобы не обмануться грубыми эффектами, вычурностью, претензіями и вообще всѣмъ тѣмъ, чѣмъ иногда закрывается бездарность отъ людей неопытныхъ и мало образованныхъ. Но далѣе общихъ и очень немногихъ эстетическихъ положеній онъ не идетъ, полнаго возведенія къ сознанию всѣхъ данныхъ художественнаго произведенія не ищите въ его статьѣ. Иныя, наконецъ, особенно богаты въ своей общей, вступительной части. Посвящая не много мѣста разбору самого произведенія, онѣ сообщаютъ публикѣ много дѣльныхъ эстетическихъ положеній, знакомятъ ее съ высшими интересами искусства, и вообще много содѣйствуютъ къ распространенію теоріи эстетики, въ томъ видѣ, какою она выработалась лучшими мыслителями по этой части. Но разберемъ подробнѣе и попробуемъ оцѣнить по достоинству заслуги каждаго изъ этихъ родовъ болѣе или менѣе серьезной и потому стоящей вниманія критики. Для этого войдемъ въ жизнь литературы и постараемся застичь, такъ сказать, въ самомъ дѣйствиіи, вліяніе подобныхъ статей на публику.

Положимъ, вы прочли какую-нибудь новую повѣсть, романъ, комедію, или что-нибудь подобное; новое произведеніе затронуло васъ, вы чувствуете, что въ головѣ вашей зародились новыя мысли, душа обогатилась свѣжими образами, обрисовались незнакомыя вамъ прежде, интересныя положенія; но въ самомъ ли произведеніи нѣтъ достаточной оконченности и ясности, или вы сами не привыкли къ анализу ващихъ эстетическихъ впечатлѣній, только вы замѣчаете нѣкоторую смутность въ общемъ впечатлѣніи, вынесенномъ вами изъ чтенія; прожитыя вами, по волю автора, событія и прошедшія предъ глазами вашими лица, не покоряются вашему разуму, не группируются такъ, чтобы образовать полное и совершенно ясное впечатлѣніе. Вы сами знаете, что прочитанное вами хорошо, на многое, дѣйствительно хорошее, вы

даже можете указать и указать безошибочно, но вамъ хочется знать все о данномъ произведеніи, вы хотите исчерпать всѣ данныя, въ него положенныя; вы хотите стать въ немъ хозяиномъ, чтобы получить полное право судить о достоинствахъ и недостаткахъ его. И вотъ вы обращаетесь къ журнальнымъ рецензіямъ. —Что же находите? Не говоримъ уже о тѣхъ пристрастныхъ, легкихъ, капризныхъ и другихъ отзывавъ, которые съ разу не удовлетворятъ васъ и даже не остановятъ вашего вниманія. Но вотъ, напр. статья, по всѣмъ примѣтамъ, серьезная.

Предисловіе написано скромно, но и дѣльно, авторъ довольно основательно говоритъ о характерѣ того рода литературныхъ созданій, къ какому принадлежитъ данное. Вы съ нетерпѣніемъ приступаете къ самому разбору. Но, къ крайнему удивленію, замѣчаете съ перваго же шага, что вы не выносите ничего изъ этой критики для лучшаго пониманія прочтеннаго вами, напр. романа, что рецензентъ самъ ходитъ ощупью около него, будучи не въ силахъ собрать въ одно цѣлое всѣхъ вынесенныхъ имъ впечатлѣній, и напрасно старается для составленія статьи привязать свою мысль то къ тому, то къ другому въ данномъ произведеніи. Прочтя всю критику, вы выносите еще и другую мысль изъ этого чтенія, именно, что рецензентъ, можетъ быть, даже уступаетъ вамъ въ способности чувствовать достоинства изящнаго, и вся разница между имъ и вами, если вы не писатель, состоитъ только въ привычкѣ его —выражать свои мысли и составлять вообще журнальныя статьи съ помощью извѣстныхъ общихъ приѣмовъ. Впрочемъ, на самомъ дѣлѣ не такъ легко убѣдиться въ подобной пустотѣ иной журнальной рецензіи. Для этого необходимо, во первыхъ, чтобы вы приступали къ ней съ довольно ясно сознанными требованиями; во вторыхъ, чтобы вы твердо вѣрили въ ваше непосредственное чувство; и въ третьихъ, наконецъ, чтобы вы не пугались набора мыслей и ловко составленныхъ фразъ; однимъ словомъ, нужно, чтобы вы рѣшились твердо искать дѣла за всего путаницей, и имѣли хотя нѣкоторое предчувствіе того, что ищете. Безъ этихъ условій статья васъ обморочитъ точно такъ же, какъ обморочила она и самого автора. Вы примете за

дѣло чужія положенія эстетическія, приведенныя рецензентомъ довольно кстатн и съ извѣстною ловкостью. Вы примете также за дѣло нѣкоторыя отрывочныя и не приистекающія изъ живаго пониманія дѣла замѣтки рецензента объ идеѣ, характерахъ и т. д. Вы, наконецъ, можете отступить отъ вашихъ собственныхъ свѣжихъ впечатлѣній въ пользу натянутыхъ сужденій критика, которыя имѣютъ передъ вашими то преимущество, что связаны съ теоріей, имѣютъ нѣкоторый видъ логичности и возводятъ васъ къ общимъ положеніямъ. Если же вы побѣдите всѣ эти трудности, то убедитесь, безъ сомнѣнія, въ совершенной бесполезности для васъ подобной рецензій, какъ часто убѣждаетесь въ безталантливости много трудолюбиваго, опытнаго и даже ловкаго романиста.

Что касается до критическихъ статей втораго рода, т. е. такихъ, которыя сообщаютъ болѣе или менѣе голословное мнѣніе о достоинствахъ и недостаткахъ разбираемаго произведенія и имѣютъ лучшимъ своимъ качествомъ вѣрность суда, основаннаго на природномъ вкусѣ, и нѣкоторыя, хотя и въ общихъ чертахъ, но ясно высказанныя эстетическія положенія, то главное достоинство ихъ состоитъ въ томъ, что они вѣрно рекомендуютъ читателямъ хорошія сочиненія, и устраняютъ ихъ отъ чтенія произведеній, портящихъ вкусъ. Они могутъ съ успѣхомъ отстаивать литературу отъ наводненія ея сочиненіями бездарными или ложными по направленію. При энергіи со стороны критика, онъ можетъ даже навязать читателямъ свои главныя эстетическія положенія, вслѣдствіе которыхъ они приобретутъ возможность, *разсудивъ*, сказать, что такое-то произведеніе хорошо, а такое-то не художественно, — это будетъ эстетическій судъ по извѣстнымъ примѣтамъ, сообщеннымъ критикомъ. Что дѣйствительно критикъ можетъ навязать своимъ читателямъ нѣсколько вѣрныхъ эстетическихъ положеній, не развивъ нисколько ихъ вкуса, доказывается несомнѣнно явленіемъ, котораго намъ часто случалось быть свидѣтелемъ. — Благодаря нѣкоторому распространенію въ нашей литературѣ правильныхъ эстетическихъ положеній, мы всѣ болѣе или менѣе знаемъ, чего должно требовать отъ романа, повѣсти или комедіи, и говоримъ, что они хороши, если по нашимъ

соображеніямъ удовлетворяютъ этимъ требованіямъ, — дурны, если не удовлетворяютъ. — Это чисто сужденіе ума. Какъ же только дѣло касается непосредственнаго вкуса каждаго, такъ являются странныя противорѣчія. Иной, хвала произведенію, скучаетъ надъ нимъ, или, браня другое публично, называя уродливымъ, наслаждается имъ втайнѣ. Такимъ образомъ вліяніе такихъ критикъ, хотя и безъ сомнѣнія полезное для литературы, ограничивается однако преимущественно дѣйствіемъ на умъ, и, слѣдовательно, на людей мыслящихъ и занимающихся литературой какъ серьезнымъ дѣломъ. Прямого же вліянія на вкусъ большинства они не имѣютъ, не будучи въ состояніи поставить ничего прочнаго для тѣхъ людей, которые при чтеніи руководствуются только впечатлѣніями и не привыкли давать много мѣста и значенія сужденіямъ по правиламъ. Такого рода критики особенно полезны, если они печатаются постоянно и продолжительное время въ журналахъ, пользующихся особымъ довѣріемъ публики, и вообще имѣютъ заслуги систематическаго и справедливаго преслѣдованія какой бы то ни было лжи.

Къ этому же разряду (не по характеру, но по вліянію), можно отнести критическія статьи, принадлежащія лицамъ, не одареннымъ отъ природы значительнымъ вкусомъ, но развившимъ себя образованіемъ, знакомымъ съ лучшими произведеніями иностранныхъ литературъ и съ выработавшимися уже приемами эстетической критики. Не встрѣчая затрудненій въ технической, такъ сказать, сторонѣ критики, они имѣютъ готовыя уже рамки для оцѣнки произведенія, къ какому бы роду оно ни принадлежало. Всякое отступленіе отъ установленной формы они тотчасъ замѣтятъ и укажутъ, ни въ предѣ глазахъ совершеннѣйшіе образцы. Точно также способны они замѣтить и выпуклыя достоинства, на сколько они могутъ быть подведены подъ образовавшуюся въ ихъ головѣ теорію. Но не ищите въ нихъ того особеннаго чутья, которое открываетъ искру таланта иногда подъ грудю безобразнаго хлама, не ищите въ нихъ также сочувствія къ тѣмъ оригинальнымъ проявленіямъ таланта, которыя выбиваются изъ-подъ всякихъ, уже установившихся, формъ; не думайте, наконецъ, чтобы они способны

были замѣтить и оцѣнить вполне тѣ живыя стороны творчества, въ которыхъ пробивается народность съ ея особенностями, энергіею и неизбежными при всякомъ начинаніи ошибками; они не дадутъ ей сочувствія до тѣхъ поръ, пока всѣ эти еще бродящіе элементы не выработаются до общихъ и строгихъ формъ, выносящихъ съ собою готовую уже теорію, такую же полноправную, какъ и теоріи, взявшія себя изъ художественной дѣятельности другихъ націй. По этому, они полезны на столько, на сколько нуждается каждый народъ въ распространеніи истинныхъ мнѣній, добытыхъ опытомъ другихъ народовъ; на сколько полезно все теоретическое, т. е. разумное, какъ оплотъ отъ безурядицы и всякихъ незаконныхъ явленій. Но ограждая литературу отъ произведеній, носящихъ только форму художественныхъ, обличая бездарность и притязанія, распространяя вообще вѣрныя и разумныя эстетическія положенія, сочувствуя наконецъ въ своей литературѣ такимъ достоинствамъ, которыя имѣютъ уже узаконенное право на признаніе, они не выполняютъ назначенія критики въ отношеніи къ элементамъ вновь вступающимъ въ искусство? Они не встрѣтятъ ихъ привѣтомъ и радостью, не обрадуются тому богатству силы и истины, который таятся за ихъ часто не безъукоризненною вышностью; но, усмѣхнувшись на ихъ нѣсколько неловкій видъ и робкую поступь, они въ полномъ сознаніи своего права съ укоромъ укажутъ имъ на тѣ строгія и величавыя произведенія искусства, которыя завѣщаны намъ десятками вѣковъ и выплыли одни изъ громады другихъ умершихъ, какъ лучшіе представители разновременныхъ движеній, совершавшихся въ области искусства.

Въ такомъ же родѣ будетъ вліяніе ихъ и на вкусъ публики. Очищая его отъ заблужденій на основаніи существующихъ уже законовъ, они не различаютъ въ своемъ гоненіи тѣхъ влеченій, которыя обнаруживаютъ дѣйствительные недостатки эстетическаго вкуса, зависящіе отъ грубости его и испорченности, съ тѣми, которыя обуславливаются смутнымъ и несознаннымъ еще чувствомъ своего, народнаго, близкаго по природѣ, и вивствъ съ грудою предразсудковъ искоренять и слабыя зародыши того, чему еще нѣтъ достаточнаго возбуждителя въ пи-

сателя, въ самой литературѣ.—Такимъ образомъ полезное безъ сомнѣнія вліяніе ихъ все таки будетъ носить на себѣ печать односторонности и неудовлетворительности.

Говорить ли еще про одинъ родъ эстетической критики; стоящій въ очень близкой связи съ предыдущимъ, хотя и являющій особаго отъѣнки. Мы разумѣемъ критики, написанныя людьми, получившими классическое образованіе, знакомыми со всеми лучшими памятниками древняго искусства, и глубоко изучившими теорію эстетики, которая, какъ извѣстно, основана преимущественно на искусствѣ классическомъ. Любя можетъ быть и сильно искусство, они не въ состояніи будутъ удержаться отъ нѣсколько высокомернаго взгляда на его современныя проявленія, которыя, разумется, не могутъ представить имъ всѣхъ тѣхъ данныхъ, какія привыкли они встрѣчать въ вѣковыхъ и безукоризненныхъ памятникахъ древности. Будучи нѣсколько идеалистами въ этомъ отношеніи, вынося свой судъ изъ самыхъ высшихъ требованій, поставленныхъ теоріею эстетики, и дѣйствительно оправданныхъ нѣкоторыми, хотя и весьма не многими произведеніями, они будутъ уже черезъ чуръ строги къ произведеніямъ искусства нашего времени, и не поймутъ увлеченія, которое могутъ питать къ нимъ живые современники: правы и неправы будутъ они въ этомъ отношеніи своемъ къ искусству новому. Правы, какъ всякій, кто стоитъ крѣпко за разъ твердо выработанные идеалы; не правы, какъ всякій, кто ради идеальныхъ требованій закроетъ глаза на вѣчно вновь выносимые жизнью сѣкіе элементы, и не находя въ нихъ отвѣта на свои требованія, не захочетъ узаконить никакихъ ихъ требованій. И правота и неправота такого взгляда отразится въ судѣ критика, и та и другая выразится во вліяніи на читателей.

Указывая впрочемъ на нѣкоторые недостатки послѣднихъ изъ исчисленныхъ нами родовъ критики, мы нѣсколько не думаемъ отнимать у нихъ несомнѣнной ихъ заслуги. Даже болѣе. При настоящемъ состояніи литературы, когда многіе люди и не лишеныя таланта писатели у насъ поражаютъ рѣшительнымъ отсутствіемъ знакомства съ вѣрными эстетическими положеніями и испорченностью вкуса, когда съ другой

стороны публику, какъ бы умышленно, осаждаютъ романами, повѣстями и театральными представленіями, лишенными всякаго эстетическаго достоинства, но за то очень искусно рассчитанными на оболъщенье большинства, въ наше время, повторямъ, мы считаемъ ихъ за крайне необходимыя, и жалѣемъ лишь о томъ, что подобныя критики такъ рѣдко стали появляться у насъ въ послѣднее время. Но другой вопросъ состоитъ въ томъ, удовлетворили ли бы одніи такія критическія статьи всѣмъ потребностямъ литературы, въ особенности литературы молодой, полной свѣжихъ силъ, оригинальной и много обещающей въ будущемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ требующей поддержки и поощренія? Мы намекнули уже отчасти и прежде на нѣкоторыя изъ этихъ требованій, при дальнѣйшемъ же изложеніи, когда они выступятъ съ болѣею ясностью, станеть болѣе понятнымъ и то, почему мы не удовлетворились вполне ни однимъ изъ очерченныхъ выше родовъ критики.

Но для того, чтобы уяснить наши требованія отъ эстетической критики, и обрисовать хотя отчасти настоящаго и желаемаго критика, необходимо рѣшить предварительно вопросъ о цѣли и задачѣ эстетической критики.

Не подлежить, кажется, сомнѣнію, что эта задача есть — воспитаніе вкуса публики съ помощью появляющихся въ литературѣ произведеній художественныхъ. Давно уже прошло мнѣніе, будто эстетическая критика нужна и полезна преимущественно для самихъ писателей. Истинный художникъ творить, повинуваясь той внутренней, непосредственной силѣ, которая и называется талантомъ; отнимите у него эту силу или замѣните ее чѣмъ-нибудь другимъ, и будетъ уже не художникъ, а умный писатель. Но этому полезное вліяніе критики относится только къ тѣмъ писателямъ, которые очень удачно, хотя и не благозвучно, названы беллетристами, которые напр. налагаютъ свои мысли въ известной художественной формѣ, при чемъ эта форма не есть существенная, а выбрана писателемъ только какъ легчайшее средство привлечь вниманіе читателя, и передать ему въ легкой формѣ иногда серьезныя мысли. Здѣсь можно рассуждать о томъ,

удачно или неудачно выражено то, что хотѣлъ сказать авторъ, — нѣтъ ли какихъ неправильностей въ той художественной формѣ, которую онъ выбралъ, и которая имъ заимствована изъ другихъ дѣйствительно художественныхъ произведеній, гдѣ она была необходима. — Писателю же съ истиннымъ талантомъ, — пишущему именно вслѣдствіе своего таланта, странно бы было слушаться всѣхъ различныхъ совѣтовъ, которые могутъ ему сообщить критики, хотя бы они и руководствовались положеніями науки. — Въ немъ, какъ говорить Кантъ, природа даетъ законы наукъ, а не на оборотъ. Если даже и согласиться, что въ наше время, когда такихъ законодательныхъ талантовъ не появляется, критика можетъ быть полезна кое въ чемъ даже и очень талантливымъ людямъ, то все таки странно бы было ограничить все дѣло критики этою сомнительною по успѣху задачею. Критика не должна забывать, что главнѣйшимъ образомъ все, что она ни дѣлаетъ, должна она дѣлать для публики, которая намъ дороже всякаго, хотя бы и очень талантливаго лица, и потому между прочимъ, что въ ея безразличной массѣ таятся зародыши всякаго таланта, и, можетъ быть, множество высокихъ талантовъ воспитывается въ ней подъ влияніемъ того, что сообщаетъ ей пишущій міръ.

И такъ эстетическая критика существуетъ преимущественно для публики и имѣетъ главною цѣлью образованіе ея вкуса. Образовать же вкусъ — значитъ развить способность къ чисто-эстетическому, т. е. безкорыстному въ обширномъ смыслѣ наслажденію. Самый лучшій способъ для этого есть безъ сомнѣнія знакомство съ вѣковыми, классическими памятниками искусства. Особенная заслуга этихъ произведеній въ отношеніи къ развитію эстетическаго вкуса есть та, что они неотразимо нравятся всякому въ известной степеніи образованному челоуѣку и нравятся именно съ своей художественной стороны. Будучи вполне и до малѣйшей подробности проникнуты оживляющею ихъ эстетическою идеею, достигнувъ въ своей формѣ совершенной прозрачности, они не могутъ дать мѣста никакому другому впечатлѣнію, кромѣ эстетическаго, и это последнее возбуж-

даютъ несомненно. Такимъ образомъ подъ ихъ вліяніемъ вкусъ публики очищается самъ собой, міръ искусства отръпается мало по малу въ глазахъ ихъ отъ всего посторонняго, и практически устанавлиются въ душѣ тѣ точки, съ которыхъ должно происходить созерцаніе всякаго художественнаго произведенія. Но такого рода эстетическое образованіе публики не зависитъ отъ критика. Это уже дѣло самихъ читателей. Критикъ можетъ только замѣнить собой отчасти этотъ недостатокъ эстетическаго образованія въ читателяхъ, и вынесенную имъ изъ собственнаго воспитанія опытность передать читателямъ въ своемъ взглядѣ на разбираемые художественныя произведенія.

Но предположивъ даже, что эстетическій вкусъ самаго критика вѣренъ совершенно, — остается рѣшить задачу, какъ передать читателямъ этотъ вѣрный вкусъ. Мы уже видѣли выше, что въ этомъ случаѣ встрѣчаются двѣ крайности: одни изъ критиковъ просто высказываютъ свое личное мнѣніе о произведеніи, и читатели обогащаются изъ такой критики лишь новымъ, лишеннымъ для него всякаго основанія сужденіемъ; другіе заботятся о сообщеніи читателю тѣхъ эстетическихъ положеній, на основаніи которыхъ они сами судятъ о художественныхъ произведеніяхъ; но, давая такимъ образомъ читателямъ способы и право судить довольно вѣрно объ эстетическомъ достоинствѣ произведеній, они не могутъ ему сообщить своей способности — дѣйствительно чувствовать изящное въ произведеніи, (ибо способность эта не можетъ быть передана никакими теоретическими положеніями), — и такимъ образомъ очень мало содѣйствуютъ развитію вкуса въ прямомъ смыслѣ.

А между тѣмъ это-то и есть существенное дѣло, отъ котораго зависитъ все остальное. — Эстетическія положенія, напр., выработаются сами собой въ мыслящихъ людяхъ, какъ только образуется ихъ вкусъ, т. е. какъ только они сдѣлаются способными къ правильной и самоѣйной оцѣнкѣ художественныхъ произведеній. — И только тогда сдѣлается полезнымъ распространеніе теорій эстетическихъ, когда пригото-

вится для нихъ благодарная почва въ практически-развитомъ вкусѣ каждаго.

Поэтому, воспитаніе вкуса публики должно быть преимущественно практическимъ, т. е. критика должна приучать читателей, вѣрно смотрѣть на художественныя произведенія.

Но какъ это сдѣлать?

Художественное произведеніе, вышедши изъ рукъ автора, является совершенно отдѣльнымъ бытіемъ, и въ этомъ видѣ дѣлается общимъ достояніемъ. То, какъ чувствовалъ его самъ художникъ, тотъ пунктъ, съ котораго онъ смотрѣлъ на свое произведеніе, теряется совершенно для публики, и ей остается совершенный произволь, смотря по способностямъ каждаго, его предубѣжденіямъ и т. д., смотрѣть на него съ какихъ угодно точекъ зрѣнія, и чувствовать въ немъ то, что каждый способенъ чувствовать. — И хотя, конечно, во всякомъ художественномъ произведеніи, по скольку оно имѣетъ право на такое названіе, лежатъ необходимыя требованія быть чувствуему такъ, а не иначе, но требованія эти ясны и обаятельны не для всякаго. Трудность найти настоящую точку зрѣнія для пониманія является еще большею для произведеній литературныхъ, нежели для произведеній другихъ искусствъ. — Въ современномъ напр. романѣ, повѣсти, комедіи и т. д., читатель находитъ множество интересовъ помимо искусства, и, смотря по тому, какимъ изъ этихъ интересовъ онъ наиболее сочувствуетъ, взглядъ его на самое произведеніе получаетъ то или другое одностороннее направленіе, которыя такъ поражаютъ, когда прислушиваешься въ обществѣ къ различнымъ толкамъ о вновь появившемся произведеніи. Другая трудность настоящаго пониманія художественныхъ произведеній состоитъ въ томъ, что, для доставленія чисто эстетическаго наслажденія, они должны быть обняты во всей своей цѣлости, ибо въ ней-то и заключается вся ихъ сила; составныя же ихъ части суть элементы, которые принадлежатъ точно такъ же жизни, какъ и искусству, и могутъ нравиться развѣ только своею вѣрностью дѣйствительности. Но необходимо довольно высоко развитое эстетическое чувство для того, чтобы сохранить цѣлость впечатлѣнія отъ какого-нибудь поэтическаго произведенія, которое мы читали или слушали,

продолжении весьма долгаго времени, последовательно интересуюсь различными положеніями, характерами и т. д.

Совсѣмъ другаго рода дѣло въ искусствахъ пластическихъ, гдѣ ничто не мѣшаетъ этой цѣлости впечатлѣнія, гдѣ даже эта цѣлость постоянно представляется нашимъ взорамъ, давая увидѣть себя, если не вдругъ, то хоть понемногу. Трудно не добраться наконецъ до идеи такого произведенія, которая вдругъ освѣтитъ зрителю все части его съ надлежащей стороны. Такимъ образомъ, между тѣмъ какъ въ ваяніи, напримеръ, идея и цѣлость произведенія *стоитъ* предъ зрителемъ, какъ бы напрашиваясь на его вниманіе и не развлекая его ничѣмъ постороннимъ, въ произведеніяхъ литературно-художественныхъ онъ самъ долженъ вывести эту идею изъ длиннаго ряда событій, характеровъ и положеній, между тѣмъ какъ множество стороннихъ интересовъ, и возникающихъ по поводу ихъ размышленій, затрогиваютъ безпрестанно его душу, и очевидно мѣшаютъ ему сохранить необходимую цѣлость впечатлѣнія.—Таковы препятствія, мѣшающія иногда обыкновенному читателю понять и оцѣнить весь смыслъ какого-нибудь литературно-художественнаго произведенія. Но есть и другія трудности, которыя стоятъ въ этомъ отношеніи на пути и записному критику, если онъ, даже и при нѣкоторой образованности, не одаренъ отъ природы эстетическимъ тактомъ.

Дѣло въ томъ, что творческая сила есть сила живая, и, следовательно, часто уходящая изъ-подъ тѣхъ законовъ, которые могутъ поставлены быть ей научно—а priori. Не нужно забывать этого и въ томъ случаѣ, когда критикъ, въ слѣдствіе довольно широкаго образованія своего, можетъ, по видимому, успокоиться на томъ систематическомъ пониманіи изящнаго, которое удалось ему вывести и изъ изученія прежнихъ памятниковъ искусства и изъ чтенія эстетическихъ сочиненій. Ибо какъ ни важно такъ называемое образованіе и развитіе вкуса, но, давая на неблагодарную почву, оно можетъ иногда образовать въ человекѣ только *призрачное* присутствіе вкуса, т. е. дать ему возможность умственно постигать нѣкоторыя достоинства и недостатки художественныхъ произведеній и судить о нихъ довольно верно, не получая отъ нихъ

въ самомъ дѣлѣ всѣхъ тѣхъ впечатлѣній, какія предпосла-
гаются полученными. При такомъ недостаткѣ свѣжаго и жи-
ваго впечатлѣнія, нужны большія усилія, чтобы по принци-
памъ оцѣнить вѣрно и вполне разбираемое сочиненіе (даже и
на столько, на сколько возможна вообще подобная оцѣнка).
Притомъ, только съ живымъ и яснымъ чувствомъ не могутъ
вступать въ борьбу различныя неумѣстныя въ критикѣ лич-
ныя отношенія; какъ же только критическій судъ дѣлается
для него задачею и напряженнымъ умственнымъ трудомъ,
такъ, по свойству человеческой природы, получаютъ они
вновь свои права, и должны быть устраняемы силою воли,
что, даже и при успѣхѣ, не мало мѣшаетъ полному и всецѣ-
лому пониманію всего даннаго созданія.

Всѣ эти трудности не должны существовать для кри-
тика, въ которомъ предполагается высокоразвитое эстетическое
чувство. Своей критической статьей онъ обязанъ освободить
отъ нихъ и всякаго читателя. Онъ долженъ поставить чита-
теля въ настоящія отношенія къ художественному произведе-
нію, сообщить ему на него свою точку зрѣнія. Дѣло его
устранить всѣ случайныя и личныя воззрѣнія на данное про-
изведеніе, и сводить ихъ къ одному общему, которое принад-
лежитъ ему, и которое требуется самимъ произведеніемъ.
Но для того, чтобы сообщить имъ свой настоящій взглядъ на
данное явленіе въ литературѣ, чтобы, наконецъ, практически
пріучить ихъ къ этому взгляду, ему недостаточно говорить
читателямъ, что такое-то направленіе ложно въ искусствѣ, а
такое-то истинно; онъ не долженъ только рассказывать имъ,
какъ нужно смотреть на художественныя произведенія, и без-
полезно убѣждать ихъ отказаться отъ тѣхъ фальшивыхъ
взглядовъ, которые условливаются ихъ одностороннимъ разви-
тіемъ и въ которыхъ они не свободны, потому что вынесли
ихъ изъ жизни, онъ обязанъ поставить ихъ дѣйствительно на
ту точку зрѣнія, съ которой художественное произведеніе
представляется художественнымъ, и гдѣ отпадаетъ все ложное,
условливаемое личностью читателя, а не требованіями самаго
произведенія. Для этого онъ долженъ такъ освѣтить для нихъ
разбираемое произведеніе, чтобы имъ не оставалось про-

избавля въ выборѣ взгляда, чтобы весь смыслъ, вся идея произведенія, неотразимо запечатлѣлись въ нихъ. Только при сообщеніи такого практическаго знакомства съ истиннымъ возрѣніемъ на произведенія искусства, можно ожидать отъ критики настоящаго и благотворнаго вліянія на вкусъ публики; ибо нѣсколько подобныхъ критическихъ статей не только сообщать читателю взглядъ критика на то или другое произведеніе и сохранять въ его памяти окончательный приговоръ его или нѣсколько эстетическихъ положеній; но и усвоить ему самый приѣмъ критики, давъ возможность быть самобытнымъ судьей другихъ произведеній.

Нечего бояться, что при такомъ направленіи критики, читатели не будутъ обогащаться общими эстетическими положеніями, и весь разборъ будетъ ограничиваться разсматриваніемъ даннаго произведенія. Гораздо большее количество вѣрныхъ эстетическихъ положеній передастся въ одномъ такомъ дѣльномъ разборѣ, нежели во многихъ статьяхъ, наполненныхъ теоретическими сентенціями, или, лучше сказать, передастся вся масса ихъ, хотя и въ скрытомъ видѣ. И хотя, конечно, требуется нѣсколько новаго труда, чтобы сообщенныя эстетическія положенія изъ этой скрытой формы возвести къ сознанию и привести въ систему; но за то тутъ представляется огромное преимущество въ томъ, что всякій, если еще и не успѣлъ сознать и осмыслить требованій и положеній эстетическаго вкуса, будетъ имѣть практически вѣрный вкусъ, чего, какъ мы видѣли выше, не въ состояніи дать знакомство съ теоретическими положеніями.

Если и согласиться съ высказанными нами сейчасъ требованіями отъ эстетической критики, то все-таки рождается вопросъ: какая же это точка, съ которой самъ критикъ долженъ смотреть на художественныя произведенія, и на которую онъ долженъ ставить читателя?

До сихъ поръ, мы предполагали взглядъ критика вѣрнымъ, — но еще остается совершенно не яснымъ вопросъ: каковъ этотъ вѣрный взглядъ? А вмѣстѣ съ тѣмъ и другой: какого рода люди способны имѣть этотъ вѣрный взглядъ? Постараемся отвѣчать прежде на первый вопросъ. Писатель,

давая на судъ публикѣ какое-нибудь свое произведеніе, дѣлаетъ нѣчто свое общимъ достояніемъ; для своей внутренней идеи онъ находитъ приличную внѣшнюю форму, и эту форму передаетъ публикѣ, какъ средство усмотрѣть идею. Вообще, въ какомъ бы то ни было родѣ искусствъ, художникъ даетъ для всеобщаго созерцанія то, что было доступно прежде созерцанію его одному, онъ стремится поставить всякаго на свое мѣсто—дать всякому видѣть, что самъ видѣлъ, чувствовать, что самъ чувствовалъ. По этому, тотъ наиболее понимаетъ и цѣнитъ художественное произведеніе, кто въ своемъ взглядѣ на него приближается, ими способенъ съ особою быстротою и живостью приблизиться какъ можно болѣе къ точкѣ зрѣнія самаго художника. Понятно, что подъ этою точкою зрѣнія мы не разумѣемъ какихъ-нибудь личныхъ отношеній автора къ его произведенію, которыхъ, можетъ быть, очень много у творца къ его созданію, но только отношенія чисто эстетическія.

Съ другой стороны, простые элементы, изъ которыхъ состоитъ каждое, въ особенности современное, художественное произведеніе, лежатъ въ душѣ всякаго человѣка, и въ этомъ отношеніи; художникъ есть только первый, который, подъ вліяніемъ господствующей идеи, успѣлъ сгруппировать ихъ въ новую, дотогдѣ небывалую цѣльную форму, свести безразличныя и сами по себѣ ничего незначащія факты такимъ образомъ, чтобы всѣ они освѣтились надлежащимъ образомъ, и вынесли цѣлое, разумное впечатлѣніе; точно такъ же, какъ мыслитель, сказавшій какую-нибудь новую истину, есть первый, успѣвшій существующія во веѣхъ понятія свести къ высшимъ, дотогдѣ никѣмъ невыработаннымъ. Тотъ и другой суть процессы органическіе, до известной степени возможные въ каждомъ, по крайней мѣрѣ, съ той поры, какъ главное сдѣлано, то есть нужные для того процессы художественные или умственныя совершены особенными, избранными къ тому дѣятелями. По этому, на первый разъ, можетъ показаться, что, какъ пониманіе новой истины, такъ и постиженіе всякаго даннаго уже художественнаго произведенія доступно всякому. На дѣлѣ, однако же, совсѣмъ не такъ. При многосторонности свойствъ души человеческой, въ жизни представляется мно-

жество самымъ одностороннимъ образомъ развитыхъ людей; эта односторонность развитія, напр. практическихъ способностей чловѣка во вредъ умственнымъ и эстетическимъ, или однихъ умственныхъ также во вредъ эстетическимъ, мѣшаетъ часто людямъ даже данныя сочетанія, напр. въ художественномъ произведеніи или въ готовыхъ умственныхъ положеніяхъ, воспроизвести въ своей душѣ съ тою полнотою и отчетливостію, какая нужна для ихъ уразумѣнія. При этомъ главнымъ образомъ мѣшаетъ не недостатокъ нужныхъ для этого воспроизведенія элементовъ, но усиленное развитіе другихъ душевныхъ дѣятельностей, устремляющихъ вниманіе чловѣка постоянно на другое. Это обстоятельство въ особенности важно при оцѣнкѣ современныхъ произведеній искусства и преимущественно литературныхъ, болѣею частію полухудожественныхъ, а слѣдовательно не представляющихъ, какъ классическія напр. произведенія, неотразимыхъ требованій на эстетическое ихъ пониманіе, — а съ другой стороны, дающихъ всякому современному чловѣку богатый матеріалъ для пониманія ихъ съ другихъ сторонъ.

И такъ нужна особая способность, особое съ своей стороны какъ бы одностороннее развитіе, для того, чтобы быть призваннымъ эстетическимъ критикомъ; эта особая способность и есть эстетическій вкусъ. Вникнемъ подробнѣе въ свойство этой способности. Выше было сказано, что настоящее созерцаніе художественнаго произведенія есть такое, которое принадлежало самому автору въ минуту творчества, все равно, было ли оно ему совершенно ясно, или управляло имъ полусознательно, ибо это самое созерцаніе и передалъ онъ въ своемъ произведеніи. — Но способность творчества, какъ ни таинственною представляется она намъ въ своей сущности и дѣятельности, очевидно не можетъ существовать въ избранныхъ людяхъ, какъ нечто отдѣльное, новое — однимъ словомъ такое, чего даже и зачатковъ нѣтъ совсѣмъ въ другихъ. По крайней мѣрѣ внимательный разборъ способностей души чловѣческой показываетъ совершенную невозможность такой придаточной способности, и современное состояніе науки высказываетъ свое настоятельное требованіе объяснить до известной степени твор-

ческую способность, какъ и всякую другую, особеннымъ различіемъ одной или нѣсколькихъ изъ тѣхъ способностей, которыхъ задатки или начала даны во всякомъ человѣкѣ. Не принимая на себя обязанности отвѣчать на такое требованіе, мы считаемъ однако необходимымъ допустить, и въ отношеніи этой способности, нѣкоторыя степени перехода между людьми, какъ напр. въ отношеніи умственныхъ способностей—въ тѣсномъ смыслѣ,—что уже давно не подлежитъ никакому сомнѣнію. Доказать справедливость такого допущенія было бы конечно гораздо затруднительнѣе въ отношеніи способности творчества, нежели въ приложеніи къ способностямъ разсудочнымъ; потому что о значеніи и существѣ послѣдняго всякій имѣетъ яснѣйшія представленія, и потому легко можетъ повѣрить на опытъ различные степени его развитія. Творческая же способность представляется намъ, какъ нѣчто твердое и опредѣленное только въ своихъ крайнихъ ступеняхъ, и именно съ тѣхъ поръ, какъ она начинаетъ быть творческою; наблюдать её въ низшемъ ея развитіи, безъ предварительнаго и полнаго знакомства съ существенными свойствами этой способности, было бы очень трудно, а потому такъ же трудно повѣрить на опытъ справедливость допущенія различныхъ степеней ея развитія. Впрочемъ уже различные степени художественнаго таланта, которыхъ существованіе доказывается безпрестаннымъ опытомъ, служатъ отчасти подтвержденіемъ этого положенія, если только не объяснять значительной разницы между талантами писателей единственно различіемъ родовъ ихъ талантовъ, что едва ли возможно.—Допустивъ это, мы придемъ къ слѣдующему заключенію: чѣмъ больше человѣкъ въ отношеніи развитія художественной способности стоитъ къ той степени, гдѣ эта способность начинаетъ становиться требовательною для того, кто владѣетъ ею, т. е. продуктивною или талантомъ, тѣмъ большее право дано ему отъ природы быть критикомъ. Этою большею или меньшею близостью опредѣляется большее или меньшее присутствіе эстетическаго вкуса. Особенныя права такого человѣка на критическую дѣятельность основываются на томъ, что онъ болѣе нежели кто другой, способенъ оцѣнить художественное произведеніе, т. е. почувствовать его именно такъ,

какъ это дѣлалъ художникъ. Изъ этого, конечно, не слѣдуетъ, чтобы всякій художникъ былъ и лучшимъ критикомъ; во первыхъ потому, что для художественной дѣятельности достаточно одной творческой способности, при чемъ можетъ быть отсутствіе современнаго образованія и умѣнья ловко и дѣльно выражать свои мысли,—во вторыхъ потому, что художники могутъ быть также односторонними, и способный къ известнаго рода художественной дѣятельности, можетъ плохо понимать художниковъ, дѣйствующихъ въ другой сферѣ.

Но сказавши, что эстетическій критикъ долженъ самъ отличаться тѣми душевными способностями, которыхъ исключительное и полное развитіе даетъ право и способы къ творческой дѣятельности, мы сказали еще очень мало. Всякій въ правѣ спросить насъ о ближайшихъ и точнѣйшихъ указаніяхъ на особый строй души, особый складъ ума, особенность его воззрѣній и т. д., однимъ словомъ на всѣ примѣты, отличающія человека призваннаго къ эстетической критикѣ отъ критиковъ вольно-практикующихъ. Постараемся, по мѣрѣ силъ, удовлетворить этимъ справедливымъ требованіямъ, напередъ впрочемъ оговариваясь, что мы нисколько не претендуемъ на полное разрѣшеніе заданныхъ себѣ вопросовъ. При этомъ для облегченія себя и для большаго специализированія нашей задачи будемъ имѣть въ виду не идеаль критика вообще, годнаго для всякаго времени и всякой эпохи въ искусствѣ, но постараемся только вызвать на свѣтъ такія черты, которыхъ требуетъ отъ критика современное направленіе искусства.

Отличительная черта современнаго искусства русскаго состоитъ въ томъ, что оно больше чѣмъ когда-либо служить отраженіемъ жизни во всемъ ея дѣйствительномъ разнообразіи. Вопросы, имъ разрѣшаемые, не отличался иногда особою глубиной, живѣе съ тѣмъ выносятся по большей части прямо изъ жизни, часто даже почти въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ они возбуждены непосредственнымъ наблюденіемъ. Искусству нашему недостаетъ вообще, если это уже необходимо назвать недостаткомъ, идеализаціи и тѣхъ примѣтовъ, которые можно назвать

техническими, но за то оно стоитъ на твердой почвѣ, оно имѣетъ глубокіе корни въ дѣйствительности. Нѣтъ, кажется, надобности доказывать, что такое состояніе есть самое лучшее, самое желательное для литературы молодой, и есть самое вѣрное ручательство за ея самостоятельность. По этой-то причинѣ произведенія нашихъ писателей принимаютъ такъ часто капризную форму, и никакъ еще не хотятъ уложиться вполне въ тѣ, положимъ, законныя формы, которыя образовались въ теченіе долгаго времени для разныхъ родовъ художественной дѣятельности. Это, пожалуй, тоже недостатокъ, но если уже нужно выбирать между этою шаткостью и неудовлетворительностью формъ, и другимъ важнымъ недостаткомъ—отсутствіемъ оригинальности и близости къ дѣйствительности, то ужъ конечно мы гораздо охотнѣе помиримся съ первымъ. Если тѣ формы, которыя выработаны художественною дѣятельностью другихъ народовъ, окажутся вѣчными и необходимыми для насъ, тогда нѣтъ сомнѣнія, что, идя естественнымъ путемъ, мы придемъ и къ нимъ. Но беда, если, гоняясь за этими формами, мы упустимъ изъ виду близкую связь искусства съ нашею жизнью, и дѣйствительные интересы, возбуждаемые этою последнею, замѣнимъ искусственными, чуждыми нашими духу. Искусство наше какъ бы только начинаетъ подниматься съ земли, оно еще слишкомъ близко къ почвѣ, нисколько не успѣло возвыситься, еще не обрисовался даже остовъ будущаго зданія,—объ украшеніяхъ архитектурныхъ нѣтъ и рѣчи; но, свидѣтели закладки этого зданія, мы должны радоваться, глядя на то, какъ твердо укрѣпляются въ почвѣ его основанія, съ какихъ близкихъ, простыхъ вопросовъ начинается оно. Но и здѣсь нужно оговориться.—Мы опасаемся, чтобы сказаннаго нами о формѣ не поняли такимъ образомъ, будто мы узакониваемъ всю тѣ капризныя формы, въ которыхъ иногда выражаютъ наши писатели результаты своихъ наблюденій и думъ надъ жизнью. Нѣтъ ничего оскорбительнѣе, какъ видѣть, что подобный недостатокъ формы происходитъ не отъ недостатка умѣнья вложить свой матеріалъ въ готовую уже форму, и вмѣстѣ съ тѣмъ отъ нежеланья урвать или пополювать постороннимъ недостающее для формы, но

отъ небрежности, недостатка уваженія къ литературѣ или
лѣни додумать зачатое.

Когда литература находится въ такомъ постоянномъ исканіи матеріала для себя въ дѣйствительности, когда она рыщетъ, такъ сказать, по различнымъ угламъ жизни, осмысливая и приводя къ сознанію всякую мелочь, всякій опытъ, всякое наблюденіе, на критикѣ лежитъ обязанность особой чуткости, впечатлительности и живости, которая давала бы ему возможность стать съ разу въ настоящее отношеніе ко всякому литературному явленію, принять тотчасъ къ сердцу вызванный имъ на свѣтъ вопросъ, если онъ дѣйствительно добросовѣстенъ и искрененъ, въ особенности не относиться къ нему свысока и быть готовымъ иногда поучиться изъ него самому. Это уже намекаетъ намъ отчасти на то, каковы должны быть свойства настоящаго, современнаго критика.—Основнымъ его качествомъ должно быть правильно развитое воображеніе.

Этимъ мы хотимъ отличить его, во первыхъ, отъ другаго рода людей, съ преимущественнымъ развитіемъ чувства, способныхъ быть очень достойными и полезными во многихъ другихъ отношеніяхъ, но именно неудобныхъ для критической дѣятельности въ наше время. Мы разумемъ тѣ углубленныя въ самихъ себя, наклонныя къ сосредоточенности и самонаблюденію, натуры, въ которыхъ успешная внутри чувствительность сообщаетъ душѣ особое, лирическое настроеніе, часто причудливое, угловатое, хотя и глубоко залегающее.—Такие люди никакъ не могутъ относиться просто къ дѣйствительности и взятымъ прямо изъ нея художественнымъ произведеніямъ, и именно къ тѣмъ сторонамъ ихъ, которыя и составляютъ ихъ существенное значеніе. Они все понимаютъ со стороны чувства, во всемъ ищутъ и цѣнятъ глубину чувства, его энергію, и ради этихъ достоинствъ прощаютъ многое. Въ особенности они любятъ такіа произведенія, гдѣ нагано на жизнь, гдѣ, напр., негодуванію ихъ, возбужденному противъ известныхъ сторонъ дѣйствительности, дается сильная, хотя и довольно грубая пища, или гдѣ со-

чувствіе ихъ известнымъ явленіямъ встрѣчаетъ идеальныя, хотя и приторныя образы. А именно такая-то ложь вредна въ особенности въ литературѣ молодой, и притомъ такой, которой особое достоинство состоитъ въ близости къ дѣйствительности—въ правдѣ.—Точно также эти люди лишены почти совершенно той подвижности души, которая позволяетъ намъ свободно входить въ чужіе характеры, въ чужія положенія. Такое, что пережили они своею собственною опытностью, они поймутъ, и оцѣнятъ вѣрность его представленія. Но положенія и характеры, чуждые имъ, совершенно незнакомые, такими и останутся для нихъ, съ какою бы художественною ясностью не были изображены. Не займутъ ихъ также и не возбуждаютъ ихъ сочувствія простые вопросы, непосредственно возникающіе изъ жизни; у нихъ есть свои вопросы болѣе глубокіе, болѣе важныя, и главное сильно прочувствованныя, которые стоятъ передъ ними безпрестанно, и изъ которыхъ они глядятъ на все происходящее, не видя въ немъ ничего, кромѣ того, что хотятъ видѣть. Мы совсѣмъ не противъ такихъ характеровъ, и очень хорошо знаемъ всѣ ихъ достоинства, но мы противъ полевья такихъ людей въ критической дѣятельности. Упомянули же объ нихъ за тѣмъ, чтобы выпуклѣе представить другой родъ натуръ, которыя мы считаемъ болѣе способными въ настоящее время къ эстетической критикѣ, и оправдать наше положеніе о необходимости преобладанія въ нихъ правильнаго воображенія. У насъ вообще очень мало даютъ цѣны нормальному развитію воображенія, а многіе даже и не подозреваютъ, чтобы здѣсь могли случаться важныя уклоненія. А между тѣмъ сколько лжи отъ этого недостатка. Отчего, напр., какъ отъ неспорченности воображенія, вравятся большинству всѣ тѣ несбыточныя происшествія, тѣ неестественныя характеры и положенія, которые составляютъ всю сущность и всю прелесть для многихъ, въ различныхъ новѣйшихъ романахъ, повѣстяхъ, драмахъ, водевиляхъ. Оттого-то такъ цѣнимъ мы воображеніе и даемъ ему такое важное значеніе въ критикѣ.

Правильно развитое воображеніе есть ни болѣе, ни менѣе, какъ задатокъ правильнаго мышленія о вопросахъ жизни,

возбуждаемыхъ и разрываемыхъ опытомъ, которые именно и составляютъ въ наше время главное содержаніе изящно-литературныхъ произведеній. Но не говоря уже о мышленіи, само по себѣ воображеніе въ своихъ безукоризненно выработанныхъ данныхъ, составляетъ важное достоинство критика, сообщая ему чутье ко всему натянутому, преувеличенному, ложному въ представленіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ чутье ко всякому правильному, хотя бы и новому и незнакомому ему, по собственному опыту, сочетанію данныхъ жизни, представленному въ искусствѣ. При значительной же степени собственной опытности, и при той правильности, въ какой залегаютъ эти опыты въ душѣ, они даютъ ему возможность къ вѣрной оцѣнкѣ всякаго литературнаго явленія, на сколько оно тоже взято изъ жизни и есть плодъ правильной органической душевной дѣятельности.

Взглядъ такого челоука на жизнь, и вообще на явленія дѣйствительности, будетъ отличаться ясностью и простотою, и если даже онъ не проникнетъ въ самую глубину ихъ, не возведетъ къ общимъ и отвлеченнымъ вопросамъ, не возвысится, однимъ словомъ, до философскаго міросозерцанія, то по крайней мѣрѣ не будетъ никакой неправды въ томъ, что нужно ему для непосредственнаго приложенія, онъ будетъ свободно подходить ко всемъ вопросамъ, выносимымъ изъ жизни художественными представленіями, и имѣя возможность легко увидѣть и непосредственную связь ихъ съ дѣйствительностью и дальнѣйшее развитіе этихъ данныхъ въ той формѣ, какую избрала воля автора, онъ пойметъ и оцѣнитъ ихъ не на основаніи своихъ предубѣжденій, личныхъ и исключительныхъ требованій, но по тѣмъ даннымъ, какія дѣйствительно въ нихъ положены.

При правильности и воспріимчивости воображенія, такой критикъ найдетъ въ себѣ сочувствіе и ко всякой особености къ художественной дѣятельности, вытекающей изъ народнаго духа, и, если еще не достигшей совершеннаго изящества, то обещающей его въ будущемъ. Ибо съ одной стороны условія для ихъ уразумѣнія заключаются въ тожде-

ственности заложеній его собственной души, съ тѣми, которыя взялись изъ того же источника, и правильно сложились подъ вліяніемъ таланта въ душѣ художника; съ другой же стороны, ничто постороннее, враждебное правильности воображенія, не помѣщаетъ ему взглянуть вѣрно на явленія, и свободно подчиниться правильно дѣйствующей силѣ, вызвавшей ихъ на свѣтъ.

Въ немъ не должны быть также *преобладающими* стремленія къ отвлеченному мышленію, ибо какъ ни важны въ извѣстныхъ отношеніяхъ такого рода наклонности души, здѣсь они были бы неумѣстны; только въ самыхъ высшихъ, самыхъ счастливыхъ организаціяхъ соблюдается та строгость и постепенность мышленія, которая не искажаетъ нисколько матеріала, послужившаго для нея основаніемъ, и оставляетъ въ полной свѣжести все взятыя изъ дѣйствительности представленія. По большой же части случается, что способность къ отвлеченіямъ развивается на счетъ другихъ свойствъ души, и что стремленіе уразумѣть всякое явленіе теоретически, извлечь изъ него какое-нибудь общее, — какую-нибудь мысль; это стремленіе захватываетъ въ представляющихся явленіяхъ только извѣстныя стороны, нужныя ему для его цѣлей, и удовлетворясь такимъ извлеченіемъ, за тѣмъ уже не оставляетъ въ душѣ даннаго явленія въ его первоначальномъ видѣ, и слѣдственно вредитъ ему тамъ, гдѣ оно нужно преимущественно со стороны своей полноты и свѣжести. Понятно, что для вѣрной оцѣнки произведеній художественныхъ, особенно такихъ, которыя не цѣлы до такой степени, чтобы возстановить свѣжесть первоначальныхъ ощущеній въ челоуѣкѣ даже и утратившемъ ее, подобныя свойства души мало годны.

До сихъ поръ мы говорили преимущественно о свойствахъ критика, составляющихъ его природу. Нужно сказать также нѣсколько словъ и объ искусственномъ развитіи его способностей, если и не для полноты очерка, то во избѣжаніе нѣкоторыхъ бесполезныхъ недоразумѣній. На первомъ планѣ тутъ, разумѣется, стоитъ современное образованіе, о необходимости котораго считаемъ не нужнымъ говорить. Сдѣлаемъ лучше болѣе спе-

цѣльную замѣтку. Многие думаютъ у насъ, что человекъ съ умомъ и образованіемъ, специально и усильно занимающійся чѣмъ-нибудь, можетъ иногда, оторвавшись отъ своей посторонней дѣятельности, перейти къ критической и написать съ разу очень хорошую статью о какомъ-нибудь современномъ изящно литературномъ явленіи, и обсудить его дѣльно и всесторонне. При жалкомъ состояніи критики въ нашей литературѣ, конечно, нельзя не дорожить всякимъ, хотя бы и вскользь высказаннымъ сужденіемъ умнаго человека о новомъ явленіи въ литературѣ. Оно, пожалуй, имѣетъ даже интересъ и при всякомъ состояніи литературы. Но надобно строго отлечать критическія статьи, полныя вѣрныхъ мыслей и взглядовъ, но кое-какъ привязанныя къ разбираемому художественному произведенію, отъ критическихъ статей истинно дѣльныхъ и вполне разъясняющихъ произведеніе. Кромѣ различныхъ другихъ свойствъ критику необходима значительная опытность въ обхожденіи съ изящно-литературными произведеніями и привычка самостоятельнаго ихъ обсужденія. Нужно, чтобы онъ былъ практически знакомъ съ различными приемами творчества. Тогда только онъ свободно, господиномъ будетъ входить во всякое новое произведеніе, не затруднится въ оцѣнкѣ его построенія и ошибокъ противъ этого, не спутается въ мысли, которая положена въ произведеніе, и даетъ себя чувствовать иногда мелкими намеками, а иногда только цѣлымъ и полнымъ представленіемъ всѣхъ подробностей романа.

Нужно ли говорить о житейской опытности критика, въ такомъ дѣлѣ, гдѣ все прямо касается жизни, и въ особенности его памятью ко всѣмъ пережитымъ опытамъ своей души, ко всѣмъ душевнымъ движеніямъ, замѣченнымъ даже и въ постороннихъ, но живо самимъ прочувствованнымъ. Нужно ли говорить также о необходимости любви въ немъ къ народному быту и близкаго знакомства съ явленіями общественной жизни нашего отечества. Все это разумется само собою. Съ другой стороны мы считаемъ ненужнымъ распространяться о необходимости эстетическаго образованія, ибо это не требуетъ

какихъ-нибудь новыхъ объясненій, и притомъ отчасти мы уже говорили объ этомъ выше, въ своемъ мѣстѣ.

Разбирая свойства критика, необходимыя, по нашему мнѣнiю, для успѣшной дѣятельности его въ наше время, мы имѣли въ виду преимущественно національныя художественныя произведенія, мало заботясь о такихъ явленіяхъ, которыя, отличаясь даже иногда и значительными достоинствами, принадлежать болѣе къ литературѣ общенародной, вызваны на свѣтъ вопросами, хотя бы и серьезными, но не у насъ родившимися, имѣютъ форму заимствованную и плохо къ намъ прививающуюся, были бы почти такъ же умѣстны и понятны въ чужой литературѣ, какъ и въ нашей. Не потому оставляемъ мы ихъ въ сторонѣ, чтобы пренебрегали ими, но потому, что для нихъ всегда найдутся у насъ рецензенты, и не для нихъ нуженъ чуждый нами критикъ. Съ этой точки зрѣнiя должно разумѣть и высказанныя нами требованія отъ современнаго эстетическаго критика. Та исполнота картины, какую, конечно, замѣтять многіе, зависитъ не отъ того, чтобы мы не видѣли всѣхъ остальныхъ требованій, и требованій, замѣтимъ, не послѣдней важности, но потому, что мы хотѣли выставить рельефнѣе тѣ стороны, какія опускаются обыкновенно изъ виду.

Послѣ всѣхъ этихъ замѣчаній мы можемъ наконецъ сказать нѣсколько словъ и о самомъ родѣ эстетической критики, желательномъ въ настоящее время, и именно въ настоящее время совершенно недостающемъ въ литературѣ. Выше было сказано, что эстетическая критика должна имѣть главною целью посредствомъ художественныхъ произведеній практически развивать въ читателяхъ вѣрный вкусъ и прямой взглядъ на литературныя явленія. Изъ этого однако не слѣдуетъ, чтобы критикъ долженъ былъ имѣть постоянно въ виду поученіе публики. Такое педагогическое направленіе, ясно выражаемое, наложило бы на него печать искусственности, и вообще поставило бы его въ неестественныя отношенія къ читателямъ, которые сами имѣютъ возможность и право судить о всякомъ данномъ произведеніи, и разумѣется, не могутъ никого уполномочить за себя судить для всѣхъ о достоинствахъ художественныхъ произведеній. Поученіе выйдетъ само собой, если только критикъ будетъ передовымъ въ дѣлѣ оцѣнки литературныхъ явленій; если въ его статьѣ, ярко и выпукло выставятся на видъ всѣ тѣ черты даннаго произведенія, которыя были инъ-

ми усмотрены смутно и не взвѣшены настоящимъ образомъ, другими совсѣмъ упущены изъ виду, загородившись частностями, случайнымъ образомъ болѣе къ нимъ близкими; если всѣ тѣ впечатлѣнія, какія болѣе или менѣе вынесены каждымъ изъ чтенія, соберутся имъ въ одинъ фокусъ, осмыслятся и получаютъ истинное значеніе. Тогда никто не увидитъ въ такой статьѣ чего-нибудь чуждаго и противурѣчащаго его собственной оцѣнкѣ, но только какъ бы яснѣе взглянетъ на то же самое, что видѣлъ и прежде, хотя не съ такою отчетливостію; составленная имъ такимъ образомъ оцѣнка будетъ не посторонняя произведенію, не случайная, но свяжется съ этимъ последнимъ неразрывно, какъ отчетъ его собственной души въ своихъ впечатлѣніяхъ, какъ результатъ прямаго дѣйствія художественнаго произведенія на его сознаніе. Приобрѣтется читателемъ въ такомъ случаѣ не наборъ эстетическихъ положеній, дѣйствующихъ только на умъ, не голословныя замѣтки о томъ и семъ, но усвоится весь пріемъ критики, потому что на этотъ разъ и въ отношеніи къ этому произведенію сообщится ему какъ бы самъ талантъ критика.

Для всего этого критика должна оцѣнять художественное произведеніе не съ верху, не съ высоты эстетическихъ положеній, извлеченныхъ изъ произведеній другихъ эпохъ, и приобретаемыхъ нѣкоторыми въ высушенномъ уже видѣ, но, такъ сказать, изъ самаго произведенія. Каждый разъ въ душѣ критика долженъ начинаться во всей своей свѣжести тотъ же самый процессъ, какимъ выработывались всѣ истинныя эстетическія положенія. Каждый разъ онъ долженъ забыть на время всѣ готовыя уже въ немъ предосужденія, и весь отдаться потоку образовъ, картинъ и ощущеній, чтобы добыть живую мысль, лежащую въ произведеніи, которая, представъ ему тогда во всей оригинальности, свойственной каждому писателю какъ лицу, будетъ и для него новымъ приобретеніемъ къ его эстетическому запасу, и выставленная на видъ читателямъ, освѣтитъ имъ съ настоящей точки все произведеніе. Какой правдой будутъ проникнуты тогда всѣ его замѣтки о недостаткахъ произведенія, какъ мало въ нихъ будетъ того безучастнаго и сухаго приговора, какой обыкновенно произносятъ записные, должностные наши критики. Ибо не должно забывать, что настоящимъ критикъ есть посредникъ между художественными произведеніями и эстетикой, что онъ первый видитъ и выставляетъ на свѣтъ въ продуктахъ таланта то, что потомъ берется наукой, какъ ея достояніе, что

наука зачинается въ немъ практически. На эту особенно сторону упираемъ мы потому, что безъ нея нѣтъ надежды даже въ будущемъ на внесеніе въ эстетику новыхъ данныхъ, взятыхъ изъ особенностей русскаго искусства; потому еще, что присутствіе ея въ чловѣкѣ есть главныйшій признакъ критическаго таланта и отличіе его отъ людей всѣхъ другихъ родовъ, полезныхъ отчасти своею критическою дѣятельностью, но полезныхъ условно.

Талантъ критическій, какъ и всякой другой талантъ, отличается между прочимъ отъ другихъ точкою опоры для своей дѣятельности. Онъ находитъ ее внутри себя, между тѣмъ какъ для другихъ она во внѣшности, въ системѣ, въ теоріи, въ какомъ-нибудь кодексѣ, за который держатся, боясь упустить его изъ рукъ. Въ этомъ смыслѣ талантъ нуженъ для критика потому, чтобы онъ не боялся, приступая къ новому произведенію, за свои прежнія эстетическія положенія, но погружаясь въ него весь. Истинныя эстетическія положенія не уйдутъ, они притекутъ въ свое время къ сознанию для всесторонней оцѣнки, но вынесется много живаго и свѣжаго, что должно бы было исчезнуть, если бы оцѣнка произведенія происходила только внѣшнимъ образомъ, на основаніи соображеній, подсказанныхъ готовыми теоретическими данными.

Здѣсь приоткроемъ пока наши бѣглыя и отрывочныя замѣтки, и заключимъ статью, которая и безъ того уже вышла длиннѣе, нежели мы хотѣли. Выскажемъ однако въ заключеніе ту задушевную мысль, которая побудила насъ взяться за перо и около которой группировалось все остальное, высказанное въ статьѣ. Не желаніе передать публикѣ нѣсколько собственныхъ соображеній объ эстетической критикѣ руководила насъ въ этомъ случаѣ; не закрѣпленные системой, они не могутъ имѣть большаго значенія. Но намъ хотѣлось бы сообщать и другимъ то скорбное негодованіе, залогъ переменъ къ лучшему, которое неотразимо вызывается въ душѣ при ясномъ взглядѣ на то, какую роль играетъ въ наше время въ литературѣ эстетическая критика и при мысли о томъ, чѣмъ бы она могла быть для литературы, если бы не погрязла въ тинѣ мелкихъ журнальныхъ отношеній, не видимыхъ и не понятныхъ публикѣ цѣлей и многоаго другаго въ подобномъ же родѣ, что, кромѣ отсутствія талантовъ, мѣшаетъ ей дружно, безкорыстно и усердно служить своему высокому дѣлу.

Д***

ПРЕДИСЛОВІЕ ПАРАЗИНА

къ посвященному его отекотворенію,

посвященному московскимъ жителямъ въ 1814 году:

освобожденія Европы и слава Александра I. (*)

Съ вами, добрые Москвитяне, провелъ я четверть вѣка и лучшее время моей жизни; съ вами видѣлъ грозу надъ сею столицею отечества; съ вами ободрялся великодушнѣмъ достойнаго нашего градоначальника; съ послѣдними изъ васъ удалился отъ древнихъ стѣнъ Кремлевскихъ, и съ вами хожу нынѣ по священному пеплу Москвы, нѣкогда цвѣтущей. Сердце мое принадлежитъ вамъ болѣе, нежели когда нибудь. Въ дни тревоги и будствія видѣлъ я вашу доблесть: лица горестныя, но ознаменованныя твердостью; слезы, но слезы умиленія, всегда исчисляемыя Отцемъ Небеснымъ: онѣ были для тирана Европы гибельныя самаго оружія героевъ Россійскихъ. Примите жертву моей искренности. Счастливъ буду, если, пользуясь остаткомъ дней моихъ и способностей, успѣю изобразить на скрижаляхъ Исторіи чудесную, безпримѣрную славу Александра I и вашу: ибо слава Монарха есть народная.

(*) Особа впечатанное, оно сделалось почти библиографической рѣдкостью, и я, чрезъ нѣсколько лѣтъ исканія, нашелъ его, въ полнотѣ собранія сочиненій, оно помѣщено безъ этого предисловія. *Ред.*

АТТИЛА.

АТТИЛА И МІРЪ РИМСКІЙ.

1. ЗАГОВОРЪ ТЕОДОСІЯ ПРОТИВЪ АТТИЛЫ. — РИМСКОЕ ПОСОЛЬСТВО ВЪ ГУННІЮ.

Сынъ Аркадія и наслѣдникъ знаменитѣйшаго имени въ имперіи, Теодосій II, былъ одинъ изъ тѣхъ государей, которые, не обладая ни добродѣтелями, ни пороками, губятъ свой народъ, прививая къ нему свое нравственное разслабленіе и равнодушіе къ добру. Въ пятьдесятъ лѣтъ, когда начали уже у него появляться морщины, Теодосій казался все еще тѣмъ же, чѣмъ видѣли его въ пятнадцать лѣтъ, то есть, порядочнымъ молодымъ человѣкомъ, который постоянно занимался извѣстными науками, строго соблюдалъ обряды набожности, избѣгалъ предметовъ, соблазнительныхъ для нравственности. Кромѣ того онъ былъ искусенъ въ фехтованьѣ, былъ превосходный стрѣлокъ, ловкій наѣздникъ, страстно любилъ охоту и шумныя состязательства въ конской скачкѣ, находилъ удовольствіе въ томъ, чтобы забавлять подданныхъ роскошью, которая ихъ разоряла, и все царское величіе поставлялъ только въ безумной расточительности. Единственно-полезное предпріятіе, выполненное въ его царствованіе,—это собраніе законовъ, изданныхъ христіанскими императорами, упрочило его память въ потомствѣ; но современники—очевидцы не иначе называли его, какъ *каллиграфомъ*,—прозвище, которое онъ однакожъ заслуживалъ вполне изяществомъ своего почерка, приводившимъ въ отчаяніе самыхъ искусныхъ писцевъ того времени,—писцевъ по ремеслу.

Этотъ старикъ-дѣтя не зналъ, что дѣлать съ своей сво

бодой; по этому добровольно подчинялъ ее всегда вліянію другихъ, лишь бы жить спокойно, въ свое удовольствіе. Когда онъ не позволялъ участвовать въ правленіи своей старшей сестрѣ Пульхеріи, очень умной и дѣятельной его совѣтницѣ, — если не подчинялся, по временамъ довольно суровому игу своей жены, аѳинской педантки, которая изъ школы философа-отца принесла съ собою на тронъ надмѣнность и развратъ Агриппины, то подчинялся своимъ евнохамъ, и, прежде всего, главному евноху — камергеру. Этотъ главный евнохъ, правда, часто перемѣнялся, хотя авторитетъ его всегда былъ одинаковъ; мятежи и перевороты при византійскомъ дворѣ слѣдовали одни за другими почти непрерывно, и исторія не забыла перечислить всѣ эти династіи евноховъ, — если только можно употребить это слово, говоря о такихъ людяхъ. Она насчитываетъ до пятнадцати евноховъ, бывшихъ главными министрами Θεодосіа, которые вытѣсняли, и даже, въ частую, умерщвляли другъ друга, въ продолженіе двадцати пяти лѣтъ. Наконецъ въ 443 г., скипетръ попалъ въ руки Хризафіа, который сумѣлъ совершенно прибрать его къ рукамъ. Чтобы подавить соперниковъ и овладѣть своимъ государемъ, онъ не скупился ни на публичныя грабительства, обогащавшія императорскую казну, ни на насилія, ни на вѣроломства. Все, что только можно вообразить самаго низкаго, самаго безнравственнаго, вмѣстѣ съ Хризафіемъ царствовало въ римской имперіи въ продолженіе семи лѣтъ, и обладало и царемъ, сердце котораго между тѣмъ было открыто вполне для чувствъ чести и благородства. Θεодосій по природѣ не былъ воинственъ; по этому непріятели пытались обезоружить силою золота, а военачальниковъ, полезныхъ для имперіи, но порицавшихъ существовавшій тогда порядокъ вещей, удаляли, какъ мятежныхъ честолюбцевъ. Трусливое правительство вполне оправдывало все презрѣніе, надавшее на него; и Аттила, съ своей стороны, также не скупился па это презрѣніе, но умѣлъ въ тоже время искусно употреблять въ свою пользу слабость правительства и личность Азціа.

Въ первыхъ мѣсяцахъ 449 г. въ Константинополь прибыли двѣ важныя особы, въ качествѣ гунскихъ посланниковъ; это были: Эдеконъ, Гуннъ или Скивъ по рожденію, какъ выражались Греки

на своемъ испорченномъ языкѣ, и Паннонецъ Орестъ, главный начальникъ охранительной стражи Аттилы и второй изъ его ближайшихъ секретарей. Это былъ тотъ самый Орестъ, который, спустя нѣсколько лѣтъ, именемъ своего сына Ромула *Августула*, заключилъ списокъ западныхъ императоровъ, начатый великимъ Цезаремъ и Августомъ, — обстоятельство, и само по себѣ стоящее быть упомянуто въ нашемъ разсказѣ. Рожденный около Петава, — нынѣ Петау на Дравѣ, — отъ благородныхъ и богатыхъ родителей, еще въ молодыхъ лѣтахъ онъ составлялъ блестящую партію, женившись на дочери вельможи Ромула, — значительнѣйшаго лица въ этой провинціи, — много разъ бывшаго посланникомъ отъ правительства западной имперіи, и, — однакожь, это завидное положеніе не удовлетворяло его. Орестъ принадлежалъ къ тому разряду людей, — разряду весьма многочисленному въ то время, — которыхъ нетерпѣливое честолюбіе и пламенная жажда къ приключеніямъ увлекали въ среду варваровъ, и которые, вѣроятно, имѣли въ душѣ достаточно оправданія на то, чтобы избѣгать своему отечеству для врага, платившаго имъ за ихъ службу. Въ то время какъ Гунны временно занимали Паннонію, Орестъ подобрался къ Аттилѣ, а Аттила, лстясь имѣть подъ рукою искуснаго римскаго агента, взялъ его къ себѣ въ качествѣ секретаря. Итакъ Паннонецъ отдалъ свой умъ и свою преданность на службу страшнѣйшему врагу своимъ соотечественниковъ и своей фамиліи. Среди варваровъ, умѣвшихъ только драться, но не умѣвшихъ ничего болѣе, умъ обезпечивалъ Римлянину высокое мѣсто, такъ же какъ храбрость и мужество доставляли значительныя преимущества варвару среди Римлянъ, не обладавшихъ этими качествами. Если мѣсто секретаря при Аттилѣ имѣло свои опасности, за то имѣло и свои выгоды; во всякомъ случаѣ оно было завиднымъ мѣстомъ, и Орестъ, въ этомъ случаѣ, долженъ былъ столкнуться съ толпою соперниковъ — пройдохъ, которые однакожь были во всѣхъ отношеніяхъ выше его.

Системою гунскаго царя было — отправлять, въ сколько-нибудь важныхъ посольствахъ, вмѣстѣ съ благородными и заслуженными Гуннами, кого-нибудь изъ этихъ слугъ римскаго происхожденія, которые, пользуясь тогдашнимъ положеніемъ римскаго правитель-

ства, искусно боролсь съ императорскими агентами. Но, кромѣ этой важной политической пользы, Аттила извлекалъ изъ этого еще и другія выгоды. Такъ какъ эти два класса, — классъ природныхъ Гунновъ и классъ пришдохъ, ставшихъ Гуннами, смертельно завидовали другъ другу, то, вслѣдствіе соперничества, возникло между ними постоянное шпионство, которымъ Аттила умѣлъ искусно пользоваться. Въ такихъ же отношеніяхъ другъ къ другу были и Орестъ съ Эдекономъ: грубый и надменный Эдеконъ смотрѣлъ на своего товарища, какъ на слугу, а тотъ мстилъ за себя, то выставляя на видъ свои дѣйствительныя достоинства, то внушая страхъ, который возбуждала довѣренность къ нему Аттилы. Они пріѣхали въ Константинополь отъ своего царя съ новыми предложеніями, или, говоря вѣрнѣе, съ новыми требованіями, превосходявшими своею наглостію все, что доселѣ проглотилъ византійскій дворъ. Утвердивъ за собою, — какъ непрекаемую собственность, принадлежащую ему по праву завоеванія, — ту страну на правомъ берегу Дуная, которую онустошилъ въ предшествовавшіе годы въ Мизіи и Фракіи (широту этой полосы онъ опредѣлялъ пятью днями пути, начиная отъ рѣки), — Аттила требовалъ, чтобы границы двухъ имперій были размежеваны любовно въ Ниссъ, и за тѣмъ, чтобы смѣшанныя ярмарки, происходившія по берегу Дуная, были приближены къ этому городу. Потомъ онъ требовалъ, чтобы въ качествѣ посланниковъ отправляли къ нему только значительнѣйшихъ изъ людей государственныхъ, а не первыхъ встрѣчныхъ, какъ дѣлалось до сихъ поръ; иначе, говорилъ онъ, что не приметъ ихъ; если же напротивъ императоръ признаетъ законность его требованія, то онъ будетъ выходить на встрѣчу его посланникамъ, и станетъ принимать ихъ въ Сардикъ. Наконецъ онъ повторялъ свою вѣчную жалобу на перебѣжчиковъ, объявляя при этомъ, что если еще будутъ замедлять ихъ выдачею, или если римскіе подданные еще разъ осмѣлятся распахать земли, лежащія на югѣ Дуная, въ полосу доставшейся Гуннамъ, то онъ снова начнетъ войну. Таково было содержаніе письма, привезеннаго посланниками Аттилы, и переданнаго ими Θεодосію, во время торжественной аудіенціи, въ императорскомъ дворцѣ. По окончаніи этой аудіенціи, послан-

ники сочли за нужное, следуя этикету, идти съ визитомъ къ главному министру Хризафію. Одинъ Римлянинъ, по имени Вигила, — служившій толмачомъ между ними и императоромъ, и знавшій ихъ еще въ бытность свою у Гунновъ въ предыдущемъ году, при посольствѣ, — вызвался проводить ихъ къ Хризафію, и всѣ они вмѣстѣ отправились.

Для того, чтобы изъ императорской аудіенцъ-залы пройти въ отдѣленіе, занимаемое евнухомъ, оруженосцемъ и вмѣстѣ главнымъ министромъ, надо было проходить всѣми внутренними покоями, — галереями, блестящими порфиромъ и золотомъ, портиками изъ бѣлаго мрамора, и различными дворцами, заключавшимися въ одномъ дворцѣ, и дѣлавшими городъ Константина прекраснѣйшимъ мѣстомъ въ свѣтѣ. Съ каждымъ шагомъ Эдеконъ больше и больше приходилъ въ восторгъ; при видѣ каждаго новаго предмета, онъ восклицалъ, что Римляне очень счастливы, потому что живутъ среди такихъ прекрасныхъ вещей, и обладаютъ такими богатствами. Вигила, во время разговора съ Хризафіемъ, не преминулъ рассказать ему о наивномъ изумленіи варвара и, нѣсколько разъ повторенныхъ имъ, восклицаній о счастіи Римлянъ, и, между тѣмъ какъ онъ говорилъ объ этомъ, въ умѣ стараго евнуха мелькнула адская мысль. Хризафіи отвелъ Эдекона въ сторону, и сказалъ ему, что онъ точно также могъ бы обитать въ этихъ золотыхъ палатахъ, и вести счастливую жизнь Римлянъ, которой такъ завидуетъ, если, оставя свою дикую страну, переселился бы къ нимъ. «Но, отвѣчалъ Эдеконъ съ живостію, царскій слуга не можетъ оставить своего государя безъ его согласія; это было бы преступеніемъ». Евнухъ прервалъ его вопросомъ, какое мѣсто занимаетъ онъ среди Гунновъ, и близокъ ли къ своему государю? Эдеконъ отвѣчалъ, что онъ имѣетъ къ нему совершенно свободный доступъ, что онъ даже одинъ изъ его тѣлохранителей, а каждый изъ главныхъ начальниковъ придворной стражи поочередно ночуетъ близъ государева жилища.»—Ну чтожъ! вскричалъ евнухъ, въ восхищеніи отъ его откровенности, — если общаешься мнѣ быть скромнѣе, я укажу тебѣ средство пріобрѣсть безъ труда несмѣтное богатство; но объ этомъ дѣлать надо потолковать на досугъ. Приходи ко мнѣ ужинать нынѣшнимъ вечеромъ, но только одинъ, безъ Ореста и безъ прочихъ членовъ посольства.

Варваръ явился на назначенное свиданіе ; переводчикъ былъ уже тамъ. — «Я желаю только твоей пользы, сказалъ Хризафій, возобновляя утренній разговоръ ; — но , будешь ли ты согласенъ на мое предложеніе, или нѣтъ, во всякомъ случаѣ поклонись мнѣ, что не откроешь никому въ мірѣ того, что теперь будетъ между нами; я съ своей стороны обязуюсь къ этому. — Они подали другъ другу руки, и поклонились въ присутствіи Вигилы. Тогда началась между ними откровенная бесѣда, и свнухъ объяснилъ, что дѣло идетъ объ убійствѣ Аттилы.

« — Если ты отдѣлаешься отъ него, говорилъ Хризафій Эдекону, — и достигнешь римской границы, то смѣло можешь быть увѣренъ въ безпредѣльной благодарности со стороны Θεодосіа; ты будешь осыпанъ такими почестями и богатствомъ, какихъ никогда не могъ и вообразить себѣ. »

Какъ ни странна была эта довѣрчивость, Гуннъ отвѣчалъ, что исполнить все, чего хотятъ отъ него. — «Но, прибавилъ онъ, мнѣ нужно денегъ, чтобы приготовить всѣ средства къ этому и подкупить воиновъ, — разумѣется, не большую сумму: пятидесяти фунтовъ золота мнѣ будетъ совершенно достаточно». — Хризафій тотчасъ же хотѣлъ ему отсчитать, но Эдеконъ остановилъ его. — «Я не могу, сказалъ онъ, взять съ собой эти деньги. Аттила тотчасъ же по нашемъ возвращеніи разспроситъ насъ, какъ дѣлаетъ обыкновенно, до малѣйшихъ подробностей, что каждый изъ насъ получилъ отъ Римлянъ, деньгами и въ видѣ подарковъ: пятьдесятъ фунтовъ золота — сумма довольно значительная, и мнѣ трудно было бы скрыть ее отъ любопытныхъ глазъ моихъ спутниковъ; царь узнаетъ объ этомъ и на меня падетъ подозрѣніе. Всего лучше, если Вигила поѣдетъ вмѣстѣ со мною въ Гуннію, подъ предлогомъ, хоть, отправленія перебѣжчиковъ; мы съ нимъ уладимъ тамъ дѣла, и, когда наступитъ минута дѣйствовать, онъ извѣститъ тебя, какъ удобнѣе препроводить ко мнѣ условленную сумму.» Хризафій былъ въ восторгѣ отъ изобрѣтательности Варвара, и послѣ ужина побѣжалъ донести обо всемъ императору. Императоръ одобрилъ планъ своего министра. Марціалъ, гошмаршалъ Θεодосіа, призванный на совѣтъ, также не нашелъ противъ этого никакого возраженія; оставалось только принять мѣры къ

исполненію плана, а самый планъ казался имъ вѣснѣ совершенно естественнымъ; всю ночь совѣщались они объ этомъ дѣлѣ.

Прежде всего было рѣшено, что, для удобнѣйшаго прикрытія замысла, Вигилу надобно будетъ послать не въ качествѣ посланника, а въ качествѣ простаго переводчика при посольствѣ, имѣвшемъ, повидимому, важное значеніе. Рѣшивши этотъ первый пунктъ, они признали также необходимымъ поручить это посольство, —предлогомъ для котораго былъ отвѣтъ императора на требованія гунскаго царя, —человѣку, стоящему не только высоко въ іерархіи правительственныхъ должностей, но еще выше въ общественномъ мнѣніи, — словомъ, человѣку заслуженному. «Если ударъ удастся, говорили съ полною основательностію министры Θεодосія, — то императору ничего не будетъ стоить отречься отъ убійцы, и добрая слава посланника не допустить до него и тѣни подозрѣнія; если же не удастся, то опять тоже самое: честность представителя будетъ достаточнымъ ручательствомъ за невинность императора, въ глазахъ свѣта и въ глазахъ самого Аттилы». Надобно согласиться, расчетъ былъ не дурень. Перебрали списокъ честныхъ людей, служившихъ при византійскомъ дворѣ, и выборъ палъ на Максимиана, пользовавшагося всеобщимъ уваженіемъ за свою прямоту, и не разъ бывавшаго посланникомъ по дѣламъ политическимъ. При томъ же онъ прошель всю лѣствицу высокихъ должностей, исключая консульства. Никто не спрашивалъ себя о томъ, что будетъ, въ случаѣ открытія или неудачи заговора, съ этимъ человѣкомъ, котораго честность должна была служить прикрытіемъ для преступленія: у евнуха Хризафія и безъ того было много хлопотъ.

Наконецъ теперь, казалось, былъ благоприятный случай показать себя гордымъ, истымъ Римляниномъ вредъ лицомъ врага, котораго не боялись болѣе. Въ отвѣтъ на письмо Аттилы написали, что ему не изъ-за чего дѣлать вторженія въ римскую область, вопреки договорамъ, —что императоръ отсылаетъ къ нему семнадцать бѣглецовъ, единственныхъ, которыхъ только могли отыскать на всемъ пространствѣ Восточной имперіи. Таковъ былъ отвѣтъ, заключавшійся въ письмѣ; но посланникъ долженъ былъ прибавить къ этому словесныя объясненія касательно другихъ

статей посольства Эдеконова. Онъ долженъ былъ сказать, что императоръ не признаетъ, будто Аттила вправѣ требовать нарочныхъ, именитыхъ посланниковъ, тогда какъ его предки или предшественники, скивскіе цари, всегда довольствовались простымъ посломъ, часто даже вѣстникомъ или воиномъ, — что его предложеніе — принимать римскихъ посланниковъ въ стѣнахъ Сардики — не болѣе, какъ самая жестокая насмѣшка: развѣ существовала еще Сардика? развѣ остался тамъ хотя камень на камнѣ? и не самъ ли Аттила превратилъ ее въ развалины? Наконецъ императоръ выказалъ большую холодность къ Эдекону, и извѣщалъ гунскаго царя, что если онъ дѣйствительно хочетъ кончить всѣ недоразумѣнія, то долженъ прислать къ нему Онегеца, на посредничество котораго Θεодосій вполне могъ бы положиться. Онегезъ былъ главный министръ Аттилы. Эдеконъ зналъ эти инструкціи, или, по крайней мѣрѣ, большую часть содержавшагося въ нихъ; Хризафій доставилъ ему даже тайное свиданіе съ императоромъ. И такъ это посольство заключало въ себѣ два посольства, совершенно отдѣльные и чуждыя одно другому, какъ относительно лицъ его составлявшихъ, такъ и относительно его предметовъ: одно открытое, явное, которое своею твердостью могло сдѣлать честь римскому правительству; другое — тайное и безчестное; посланникъ, не зная того самъ, ѣхалъ подъ прикрытіемъ убійцы. Максиминъ, опасаясь скуки дальняго пути, или чувствуя нужду въ добромъ совѣтникѣ, взялъ съ собою, въ качествѣ товарища, греческаго историка Приска, дружбою котораго дорожилъ, и этому-то обстоятельству мы обязаны путевыми записками Приска, очень любопытными, и вмѣстѣ самыми занимательными страницами историческими изъ V вѣка.

Эдеконъ и Максиминъ оставили Константинополь въ одно время; отправившись вмѣстѣ, эти два посольства должны были указывать дорогу и взаимно вспомоществовать одно другому: Римляне на римской землѣ, а Гунны на той сторонѣ Дуная. Максиминъ ѣхалъ впереди поѣзда, какъ человекъ вполне придворный; онъ везъ съ собою подарки для своихъ гостей — варваровъ, и, отъ времени до времени, приглашалъ ихъ дорогою обѣдать вмѣстѣ съ своей свитой. Обѣды состояли изъ быковъ или барановъ, кото-

рихъ доставляли жители ближайшихъ селеній, и которыхъ служители носовства кололи, рѣзали и готовили для посланниковъ. Въ Сардики, гдѣ путешественники дѣлали роздыхъ, Максиминъ могъ убедиться, что въ отвѣтъ императорскаго совѣта относительно этого города не было ничего лишняго, потому что онъ не могъ найти тамъ никакого убѣжища, въ которомъ бы могъ пріютиться, и расположилъ свои палатки посреди развалинъ, какъ будто въ пустынь. Во время обѣда, разговоръ, оживленный виномъ, случайно перешелъ на гунское правительство сравнительно съ правительствомъ Римлянъ; каждый, другъ передъ другомъ, превозносилъ превосходство своего государя: Гунны съ восторгомъ говорили объ Аттилѣ, Римляне поддерживали Θεодосія, когда Вигила дерзко замѣтилъ, что вовсе не слѣдуетъ сравнивать человека съ богомъ: богомъ въ его мысли былъ Θεодосій. Отъ этого неосторожнаго слова поднялась настоящая буря: Гунны кричали, волновались, выходили изъ себя, и Максиминому нужно было все его искусство, вспомоствуемое искусствомъ Приска, чтобы успокоить собесѣдниковъ, и перемѣнить предметъ разговора. Желая водворить совершенный миръ, посланникъ послѣ обѣда увелъ въ свою палатку двухъ главныхъ гостей, и подарилъ тому и другому по прекрасной шелковой съ золотомъ одеждѣ, украшенной кромѣ того индійскимъ жемчугомъ. Орестъ былъ въ восхищеніи; любуясь—будто бы—на подарокъ, онъ, казалось, только выжидалъ ухода Эдеконова, и тотчасъ же, какъ тотъ ушелъ, сказалъ Максиминому: «Я вижу въ тебѣ человека справедливаго и благоразумнаго, — болѣе благоразумнаго, чѣмъ другіе извѣстные министры императора, которые пренебрегали Орестомъ, а приглашали на ужинъ одного Эдекона, и ему одному дѣлали подарки». Максиминъ не понималъ, что хотѣлъ этимъ сказать секретарь Аттилы, потому что не зналъ ни одного изъ обстоятельствъ, предшествовавшихъ его назначенію, и, пока старался припомнить, гдѣ и когда одинъ былъ почтенъ, а другой обойденъ, Орестъ вышелъ, не сказавъ болѣе ни слова. На другой день, дорогою посланникъ подозвалъ къ себѣ Вигилу, и попросилъ у него объясненія слышанныхъ имъ наканунѣ словъ: Вигила, увертываясь отъ вопроса, сказалъ, что Орестъ—ни болѣе ни менѣе, какъ пищикъ и слуга, и его

притязанія ставить себя на ряду съ такимъ знаменитымъ воиномъ, такимъ благороднымъ Гунномъ, каковъ Эдеконъ,—только смѣшны, и больше ничего; потомъ, пустивши свою лошадь къ Эдекону, кликнулъ его по-гунски, и долго о чемъ-то съ нимъ разговаривалъ. Эдеконъ казался встревоженнымъ и говорилъ съ жаромъ. Вигила передалъ Максимиану изъ этого разговора, что ему вздумалось; онъ сказалъ, что дерзкія притязанія секретаря Аттилы привели благороднаго Гунна въ такое негодованіе, что онъ—Вигила едва могъ успокоить его.

За тѣмъ до самаго пріѣзда путешественниковъ въ Ниссу не произошло ничего замѣчательнаго. Этотъ городъ, бывшій колыбелью Константина Великаго, представлялъ такъ же какъ и Сардика, собою жалкую груду развалинъ, гдѣ вѣсколько больныхъ, не могшихъ убѣжать и существовавшихъ сострадательными пособіями сосѣднихъ поселянъ, жили въ небольшой часовнѣ, уцѣлѣвшей отъ разрушенія. Далѣе Ниссы къ сѣверо-западу, между этимъ городомъ и Дунаемъ, небольшому поѣзду случилось пробѣжать огромной равниной, которая была вся устлана человѣческими костями, побѣлѣвшими отъ дождя и солнца,—то были остатки кровопролитій и битвъ, обезлюдившихъ эту несчастную страну. Миновавъ эти развалины и это обширное кладбище, путешественники достигли праваго берега Дуная, и здѣсь нашли на готовѣ гунскихъ перевозчиковъ съ ихъ лодками, выдолбленными изъ древесныхъ пней. Варварскій берегъ весь былъ запруженъ этими лодками, привязанными одна къ другой, и назначавшимися, повидимому, для переправы арміи; дѣйствительно, Римляне узнали, что Аттила не подалеку стоялъ станомъ, и располагался открыть большую охоту (облаву) на южныхъ при-дунайскихъ равнинахъ, въ тѣхъ императорскихъ провинціяхъ, которыя объявилъ своею собственностію.

У Гунновъ, такъ же какъ позднѣе у Монголовъ, большая охота была политическимъ учрежденіемъ, имѣвшимъ цѣлю—не давать войскамъ отдыха: имѣла назначеніе замѣнять войну во время неизбѣжныхъ промежутковъ мира, она была живымъ образомъ войны. Чингизъ-Ханъ, въ книгѣ своихъ повелѣній, называетъ ее *военной школою*; хорошій охотникъ, въ его глазахъ, стѣжъ хорошаго воина: тоже навѣрное было и у Гунновъ. По восточ-

нымъ обычаемъ день, назначенный для охоты, объявлялся за долго впередъ съ такою же торжественностію, какъ и походъ на войну, и ему предшествовали приказы и инструкціи, кон каждый долженъ былъ исполнять въ точности. Цѣлый корпусъ арміи, въ среднѣхъ мѣстахъ находилась царь, а по сторонамъ его вожди, занятъ былъ этими огромными охотами, окружая всѣхъ животныхъ, водившихся въ той странѣ. Меткость руки, вѣрность глаза, чуткость слуха и обонянія, присутствіе духа, рѣшительность, — словомъ, всѣ качества воина здѣсь были въ дѣлѣ, какъ въ настоящей войнѣ, и война по образцу азіятскихъ номадовъ была дѣйствительно не что иное, какъ охота за людьми. Гунны вѣрно соблюдали эти обычаи, принесенные ими съ Урала, и обычаи эти поддерживали ихъ силу, потому что напоминали имъ преданія ихъ первобытной жизни и ихъ родины. Аттила съ своей стороны также сознавалъ необходимость хранить эти обычаи, чтобы ими маскировать настоящія войны: въ то время онъ объявилъ охоту; но на самомъ дѣлѣ думалъ о военной экспедиціи въ города Панноніи.

Вышедши на другой день на берегъ Дуная, путешественники вступили въ землю Гунновъ, и, къ большому неудовольствію Максимиана, посольства почти тотчасъ же раздѣлились. Эдеконъ, на котораго Римляне рассчитывали, надѣясь, что онъ будетъ для нихъ проводникомъ въ этой странѣ и представитъ ихъ Аттилѣ, вдругъ оставилъ ихъ, чтобы соединиться, говорилъ онъ, съ войскомъ и съ царемъ, проселочной дорогой, ближайшей той, по которой они ѣхали. Оставшись съ проводниками, которыхъ далъ имъ Эдеконъ, Римляне ѣхали нѣсколько дней, какъ однимъ вечеромъ услышали конскій топотъ, и гувскіе всадники, прискакавши къ нимъ, объявили, что Аттила ждетъ ихъ въ своемъ станѣ, расположенномъ не подалеку отсюда. На другой день съ вершины одного довольно утесистаго холма, они дѣйствительно увидѣли палатки Варваровъ, разбросанныя въ безчисленномъ множествѣ у нихъ подъ ногами, и между ними одну особеннаго устройства и особенной формы, которую сочли палаткой самого царя. Мѣсто для роздыха казалось удобнымъ, и Максимианъ приказалъ своимъ спутникамъ здѣсь остановиться. Уже Римляне начали вбивать сваи и колья для палатокъ, какъ вдругъ, во

вою скачь, подѣхала къ нимъ толпа варваровъ, съ копьями въ рукахъ. «Что вы дѣлаете? — вскричали они съ видомъ угрозы: — какъ вы смѣете ставить свои палатки на верху, когда станъ Аттилы на равнинѣ, внизу?» Римляне сложили свои вещи, снова навьючили муловъ, и отправились на раздыхъ туда, куда повели ихъ Гунны. Не успѣли еще они устроить палатокъ, какъ къ нимъ прѣехали лица, которыхъ посѣщеніе привелъ ихъ также въ большое изумленіе, — это были: Эдекомъ, Скотта и другіа значительныя особы. Они спросили Римлянъ, что имъ угодно, и что составляло предметъ ихъ посольства. Нескромность, или смѣшная сторона этого вопроса, такъ поразила римскихъ посланниковъ, что они стояли какъ оглушенные, и только вопросительно взглядывали другъ на друга. Тогда Гунны повторили свой вопросъ съ большей настойчивостію: «Отвѣчай же,» говорили они посланнику. Отвѣтъ посланника былъ тотъ, что онъ отвѣчать на это считаетъ себя обязаннымъ только царю, и отвѣтитъ только ему одному. Скотта, казалось, этимъ обидѣлся. «Мы пришли, повторяю онъ съ гнѣвомъ, не по своей прихоти, а исполняемъ только приказанія своего государя». Максиминъ объявилъ, что если этого требуетъ и самъ Аттила, онъ все-таки никогда не согласится исполнить приказаніе которое ему думаетъ сдѣлать. «Посланникъ, сказалъ онъ съ твердостью, обязанъ отчетомъ только тому, къ кому онъ посланъ своимъ государемъ; таковы права всѣхъ народовъ, и Гуннамъ, которые оправдали такое множество посольствъ къ Римлянамъ, это также очень извѣстно».

Посѣтители удалились, но черезъ нѣсколько минутъ воротились опять всѣ, исключая Эдекона. Тогда, повторивъ Максимину отъ слова до слова содержаніе его наказовъ, они прибавили, что если онъ ничего не привезъ болѣе, то ему остается только ѣхать тотчасъ же обратно. Для Максимина и Приска это дѣло было загадкою, болѣе и болѣе темною; они едва вѣрили своимъ ушамъ, и, не будучи въ состояніи понять, какимъ образомъ интересы, отданные на совѣсть посланника, неприкосновенныя тайны имперіи, могли быть разглашены между ихъ врагами, оставались нѣмы, какъ люди, оглушенные сильнымъ и неожиданнымъ ударомъ. Наконецъ выйдя изъ этого оцѣпенія, Максиминъ вскричалъ:

«Ну чтожь! эти ли действительно, или другі какіе даные намъ наказы, объ этомъ все-таки узнаеть только вашъ государь. — Ну такъ, отправляйтесь же назадъ,» прибавили Гунны. — Римляне приготовившись къ отъезду. Вигила едва могъ сдерживать досаду, пока дѣлались приготовленія къ пути; онъ проклиналъ Гунновъ и бранилъ посланника. «Не лучше ли было бы солгать, повторалъ онъ, чѣмъ вернуться назадъ постыднымъ образомъ, не сдѣлавъ ничего? Я отвѣтилъ бы Аттилѣ, если бы могъ увидѣть его хоть на минуту, потому что я былъ въ довольно близкихъ сношеніяхъ съ нимъ во время посольства Анатоліева; притомъ же и Эдеконъ хороше со мною». И Вигила упорно настаивалъ на томъ, чтобы объявить, что есть еще другіе наказы, лишь бы какъ нибудь получать аудіенцію у гунскаго царя. Занятый своимъ порученіемъ и наградой, которой въ случаѣ отъезда долженъ былъ лишиться, онъ такъ же мало безпокоился о томъ, что ложь могла увизить достоинство посланника, какъ и о покушеніи на его жизнь. Переводчикъ самъ былъ въ ослѣпленіи, — онъ не замѣчалъ, что ему кивнули. Быть можетъ Эдеконъ никогда въ самомъ дѣлѣ не видалъ покушенія на жизнь своего государя, а, быть можетъ, и действительно былъ обольщенъ обѣщаніями Хризасія, но таинственныя слова Ореста, сказанныя имъ въ Сардикѣ послѣ ужина, заставили его образумиться, и онъ понялъ, что бдительный глазъ неуспешно слѣдилъ за каждымъ его шагомъ, — что все извѣстно, и его ужасъ у евнуха, и его тайныя сношенія съ императоромъ, и полученные имъ подарки. Какъ человекъ смѣтливый, онъ постарался отвратить отъ себя опасность, и, пріѣхавъ прежде римскихъ посланниковъ къ своему государю, обо всемъ разсказалъ ему: о предложеніяхъ, о свиданіяхъ, объ обѣщанной суммѣ, о средствахъ принужденномъ къ тому, чтобы сохранить ее въ вѣрныхъ рукахъ, о сообществѣ Вигилы и невѣжності Максимана, словомъ, — обо всемъ, до самыхъ мелкихъ подробностей, заключавшихся въ наказяхъ посланника. Это было еще новымъ, счастливымъ случаемъ, который судьба посмала сыну Мундзуха, — поймать Теодосія на самомъ мѣстѣ постыднаго преступленія, покрыть его позоромъ и оправдать передъ свѣтомъ все, чѣмъ хотѣлъ поразить его; но этотъ драгоценный случай Аттила тщательно

берѣтъ, и не хотѣлъ обнаружить его преждевременно. Для обвиненія Θεодосіа у него было только свидѣтельство Эдекона: онъ хотѣлъ отыскать другія, которыхъ бы никто не могъ опровергнуть; онъ хотѣлъ уликъ ясныхъ, очевидныхъ, притомъ до начала слѣдствія, и, по его расчету, Римляне сами должны были представить эти улики и доказательства. И такъ, сдержавши свой гнѣвъ и рѣшившись терпѣливо ждать до конца, онъ сталъ играть съ трусливымъ константинопольскимъ дворомъ, какъ тигръ играетъ съ врагомъ, держа его въ своихъ когтяхъ, прежде чѣмъ нанести ему послѣдній ударъ.

Мулы были уже навьючены, и Римляне съ наступленіемъ ночи хотѣли пуститься въ дорогу, но ихъ остановилъ новый приказъ, противоположный прежнему: «Аттила не требуетъ, сказали имъ, чтобы пришельцы, среди ночной темноты и въ незнакомой сторонѣ, подвергали себя опасности». Въ то же время Гунны къ нимъ привели быка, и принесли нѣсколько кушаньевъ съ царскаго стола: это былъ ужинъ, назначенный для посольства. «Мы славно поужинали, говоритъ Прискъ, и проспали глубокимъ сномъ до слѣдующаго дня». Дѣйствительно, счастливая отиѣна перваго повелѣнія очень обрадовала ихъ. Только что разсвѣло, Прискъ, какъ человекъ умный, отыскалъ другаго переводчика, кромѣ Вигила (переводчикъ этотъ находился, въ качествѣ волонтера, въ свитѣ посольства; имя его было Рустицій, и онъ бѣгло говорилъ на гунскомъ и на готскомъ языкѣ), и пошелъ отыскивать Скотту, обѣщавшагося доставить имъ аудіенцію съ Аттилою,—потому что цѣлю всѣхъ этихъ уловокъ было одно—получить что-нибудь отъ Римлянъ. Не прошло часа, и Скотта, гордясь тѣмъ, что могъ доказать на дѣлѣ довѣренность, которою пользовался у своего государя, пріѣхалъ во всю скакъ объявить Приску о своей удачѣ; Римляне вмѣстѣ съ нимъ и отирались. Когда они подъѣхали къ палаткѣ Аттилы, то увидѣли, что по всѣмъ сторонамъ ея разставлено множество стражей, образовавшихъ кругомъ живую ограду; благодаря присутствію Скотты, посланники проникли въ нее, и по срединѣ палатки увидѣли Аттилу, который дожидался ихъ, сидя на деревянной скамьѣ.

Прискъ, Вигила и рабы, несшіе подарки, остановившись изъ

уваженія у порога, а Максиминъ пошелъ далѣе, поклонился царю, и, вручивши ему письмо Θεодосія, сказалъ: «Императоръ желаетъ Аттилѣ и его семейству здоровья и долгодѣтельной жизни.—Желаю и я Римлянамъ всего, чего они мнѣ желаютъ!»—рѣзко отвѣчалъ Аттила, и, обратившись со всѣми признаками сдерживаемаго гнѣва къ Вигилу, сказалъ ему: «Гадкое животное! какъ могъ ты явиться здѣсь, когда тебѣ извѣстны мои мирныя условія съ Анатолиемъ? Ты очень хорошо зналъ, что Римляне не должны были присылать ко мнѣ посланника, пока остается у нихъ хоть одинъ бѣглець изъ моего народа». Вигила отвѣчалъ, что это условіе въ точности выполнено, потому что къ нему привели семнадцать перебѣжчиковъ,—единственныхъ, которыхъ могли отыскать во всей восточной имперіи. Тонъ самоувѣренности, съ которымъ говорилъ Вигила, заставилъ Аттилу выйти изъ себя. «А! вскрикнулъ онъ свирѣпымъ голосомъ,—да я тебя сію же минуту приказалъ бы распять и бросить въ пищу коршунамъ, если бы не уважалъ правъ посольства», и потомъ, по данному Аттилою знаку, секретарь его развернулъ длинную таблицу, и началъ ее читать. Это была полменная перепись бѣглецовъ, которые, по мнѣнію Аттилы, оставались еще въ римскихъ областяхъ. Когда чтеніе было кончено, Аттила приказалъ, чтобы Вигила сейчасъ же отправлялся съ Эслою, однимъ изъ его чиновниковъ, и объявилъ бы Θεодосію, что онъ долженъ доставить къ Аттилѣ всѣхъ Гунновъ,—кто бы и какого бы возраста они ни были,—поселившихся между Римлянами съ того времени, какъ Карпиліонъ, сынъ Аэція, былъ у него заложникомъ. «Я не потерплю, говорилъ онъ съ надвѣвностію,—чтобы мои рабы поднимали противъ меня оружіе, хотя они,—я увѣренъ,—ни мало не послужатъ къ спасенію и тѣхъ, которые пользуются ихъ услугами. Въ какомъ городѣ, въ какомъ замкѣ могутъ они укрыться, чтобы спастись отъ моихъ рукъ, если я рѣшусь взять и разрушить его? Пусть же отправляются туда дать знать о моемъ рѣшеніи, и пусть какъ можно скорѣе вернутся назадъ, чтобы извѣстить меня, согласны ли Римляне выдать моихъ бѣглецовъ, или предпочитаютъ войну». Приказъ объ отъѣздѣ касался только Вигилу; Аттила приглашала посланника остаться у него, чтобы полу-

чить отвѣтъ, который хотѣлъ онъ, будто бы, приготовить на письмо императора. Наконецъ онъ вспомнилъ о подаркахъ, назначенныхъ для него, и потребовалъ ихъ къ себѣ. Тѣмъ и кончился приемъ.

Эта сцена, встревожившая всѣхъ Римлянъ, была единственнымъ предметомъ ихъ разговора по возвращеніи въ жилище. Вигила не понималъ, какими образомъ тотъ же самый человекъ, который, годъ всего назадъ, былъ къ нему такъ благосклоненъ, могъ поступить съ нимъ теперь такъ низко, и терлся въ догадкахъ о причинѣ этой перемѣны. Прискъ находилъ эту причину въ приключеніи, случившемся во время обѣда въ Сардикѣ, — въ томъ неосторожномъ словѣ Вигилы, о которомъ варвары безъ сомнѣнія не преминули донести своему государю; Максиминъ, тоже не видѣвшій, кромѣ этой, никакой иной причины, раздѣлялъ мнѣніе своего друга; но Вигила покачивалъ головою съ видомъ сомнѣнія. Пришелъ Эдеконъ, и отозвавши его въ сторону, поговорилъ съ нимъ нѣсколько минутъ. Этой выходкой онъ хотѣлъ успокоить переводчика относительнаго происшедшаго, и сказать ему, что все какъ не лзя лучше подготовлялось къ успѣху заговора: Эдеконъ теперь могъ вполне ручаться за это, а предстоящее путешествіе подавало. Вигилъ неожиданный случай сдержать обѣщаніе, данное Хризафію и привести сюда условленную сумму. Переводчикъ, утѣшенный этими объясненіями, совершенно уже былъ спокоенъ, когда подошелъ къ своимъ товарищамъ, и на вопросы, которыми тотчасъ же всѣ засыпали его, сказалъ только то, что Аттилу разсердило дѣло о перебѣжчикахъ, и что онъ непременно начнетъ войну, если ему не сдѣлаютъ удовлетворенія. Послѣ этого посланники отправились въ квартиру посольства, и объявили тамъ царское повелѣніе, чтобы ни одинъ Римлянинъ, кто бы онъ ни былъ, ничего не смѣлъ покупать у Гунновъ, ни лошадей, ни домашнего скота, ни варварскихъ рабовъ, ни римскихъ плѣнниковъ, словомъ, ничего, кромѣ предметовъ необходимыхъ для жизни, до тѣхъ поръ, пока уничтожатся всѣ недоразумѣнія, раздѣляющія два народа. Приказъ этотъ отданъ былъ посланнику, въ присутствіи Вигилы. Это была, — съ достовѣрностію можно полагать, — хитрость Аттилы, чтобы нанередъ отнять у переводчика всякій благовидный предлогъ для привоза денегъ въ его владѣнія.

Аттила не говоритъ уже о травѣ дикихъ звѣрей въ лесахъ Панноніи съ тѣхъ поръ, какъ представился ему случай къ другой охотѣ, которая была ему болѣе по вкусу: Желая, непременно добраться до Виглы по его словамъ, и, чтобы удобнее наблюдать за дѣйствіями посланника, котораго нарочно приберегалъ въ качествѣ заложника, черезъ два дня послѣ этой сцены, Аттила поднялъ станъ; и отправился въ свою постоянную резиденцію; въ столицу Гуннѣи. Онъ велѣлъ сказать Римлянамъ, чтобы и они также готовились въ путь, и, въ назначенный день, отправились и Римляне, съ особенными проводниками, при арьергардѣ гуннской арміи. Очень не много еще они отъѣхали; какъ вдругъ проводники перемѣнили направленіе, и пустились по не проторенной дорогѣ, оставя армію продолжать свой путь; въ объясненіе этого поворота, они сказали путешественникамъ; что въ ближайшемъ селеніи будетъ происходить церемонія, при которой имъ не позволено присутствовать. Это было не что иное, какъ новый бракъ царя: Аттила къ безчисленному множеству своихъ жонъ прибавлялъ еще дочь одного тамошняго вельможи; Эскама. Страна, по которой надлежало проходить Максимилиану и его свитѣ, была низменна и удобна для пути, но чрезвычайно болотиста; имъ надо было переправляться черезъ множество рѣкъ, въ числѣ которыхъ Прискъ упоминаетъ о Тисъ, теперешней Тиссъ, протекающей по срединѣ Венгріи и впадающей въ Дунай, между Землинимъ и Петерварденомъ. Они переезжали черезъ рѣки и глубокія озера въ ладьяхъ, которые туземцы привозили къ нимъ на телегахъ. Ихъ главною пищею въ продолженіе пути было просо, которое доставляли имъ поселеніе по просьбѣ проводниковъ, а питье — составляли два рода заквашенныхъ напитковъ; одинъ изъ нихъ назывался *médos*, который есть не что иное, какъ медъ, а другой, который приготовлялся изъ ячменя, на языкѣ Гунновъ назывался *catos* (кумысь) (*). Путешествіе это не обошлось безъ приключеній, то грустныхъ,

(*) Кумысь въ Татары называютъ кобылье молоко, которое составляетъ ихъ обыкновенное питье. — *Meth* по немецки, *mead* по англійски: — медъ.

то веселыхъ. Вотъ одно изъ нихъ, о которомъ Прискъ разсказываетъ съ такою веселостію и наивностію, что намъ жалко было бы не подѣлиться имъ съ читателями.

«День вечерѣлъ,—говоритъ онъ, когда мы раскинули нашъ станъ на берегу одного озера; вода показалась намъ годною для питья, потому что жители сосѣднаго селенія приходили сюда черпать ее. Но, только что мы устроили свой лагерь, какъ поднялся сильный вѣтеръ, и неожиданная буря, въ соединеніи съ громомъ и дождемъ, раскидала по своему наши палатки, дорожныя вещи, и многое побросала въ озеро. Испуганные вихремъ, кружившимъ воздухъ, и постигшимъ насъ несчастіемъ, мы побѣжали, подъ потоками дождя, въ ужасной темнотѣ, кто куда поналъ, на удачу. Къ счастью, дороги, по которымъ мы пустились, всѣ вели въ одно селеніе, и черезъ нѣсколько минутъ мы всѣ соединились тамъ. Здѣсь мы стали кричать изо всей силы, прося подать намъ помощь. Наши крики были не напрасны; вскорѣ мы увидѣли Гунновъ, выходившихъ одинъ за другимъ изъ своихъ домовъ, съ зажженными палками, которыя несли они въ видѣ факеловъ. Въ отвѣтъ на ихъ распросы, наши проводники разсказали о происшествіи, заставившемъ насъ разбѣжаться, и Гунны тотчасъ же пригласили насъ къ себѣ въ дома, накидавши напередъ на землю нѣсколько хворосту, пламя котораго помогло намъ просушиться. Селеніе это принадлежало одной изъ вдовъ, оставшихся послѣ Бледы; узнавши о нашемъ дрибытіи, она прислала въ занимаемый нами домъ съѣстные припасы и очень красивыхъ женщинъ, для прислуги, что у гунскаго народа служить знакомъ большой чести и радушнаго гостепріимства. Мы поѣли и поблагодарили дамъ; потомъ, изнуренные усталостію, проспали вплоть до другаго дня. Первой нашей мыслию, по пробужденіи, было идти отыскивать наши вещи; мы нашли ихъ въ самомъ жалкомъ состояніи: онѣ были разбросаны частію на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ станъ, частію по берегамъ озера, а нѣкоторыя плавали по водѣ, откуда мы ихъ начали вытаскивать. День прошелъ въ этой работѣ и въ просушкѣ нашихъ пожитковъ, которые были всѣ насквозь промочены. Буря уже миновала; на небѣ роскошно блистало солнце. Мы осѣдали лошадей и муловъ, и отправились съ поклономъ къ царцѣ. Она съ удо-

вольствиемъ приняла кой-какіе предложенные нами подарки, какъ то: три серебряныхъ кубка, нѣсколько кусковъ шерстяной ткани, окрашенной въ пурпуровую краску, нѣсколько индійскаго перцу, финиковъ и сухихъ плодовъ, до которыхъ варвары большіе охотники, потому что очень рѣдко видать ихъ. Поблагодаривши царицу за гостепримство и высказавъ ей наши благожеланія, мы распростились съ ней и продолжали свое путешествіе».

На седьмой день пути, они встрѣтились съ другимъ римскимъ посольствомъ, ѣхавшимъ другой дорогой: то была депутація западнаго императора Валентиніана III къ царю Гунновъ, по поводу нѣкоторыхъ священныхъ сосудовъ, спасенныхъ при разграбленіи Сирміума. Это любопытная исторія, и тѣмъ она замѣчательнѣе, что бросаетъ болѣе яркій свѣтъ на азіатскую политику, гдѣ самовластные рѣшенія были проводникомъ всякаго рода несправедливостей. Въ ту эпоху, какъ Гунны, вопреку всѣмъ правамъ, начали осаду Сирміума, епископъ этого города, предвидя, какъ нельзя лучше, исходъ войны, скрылъ сосуды своей церкви отъ расхищенія. Онъ зналъ извѣстнаго Констанція, родомъ Галла, бывшаго тогда секретаремъ у Аттилы, и завѣдывавшаго судебными дѣлами. Нашедши средство увидѣться съ нимъ, епископъ передалъ ему священные сосуды: «Если я сдѣлаюсь вашимъ плѣнникомъ, сказалъ онъ Констанцію,—ты продашь ихъ для моего выкупа; если же умру ранѣе, ты также продашь ихъ, и на вырученную сумму выкупишь другихъ плѣнниковъ». Онъ умеръ во время осады, а взявшій сосуды на сохраненіе присвоилъ ихъ себѣ, и продалъ одному ростовщику, Сильвану, у котораго была серебряная или мѣняльная лавка на одномъ изъ публичныхъ мѣстъ въ Римѣ; а Сильванъ перепродалъ одному итальянскому епископу, потому что не хотѣлъ ни переливать сосуды, ни отдать на нечистое употребленіе. Черезъ нѣсколько времени обстоятельство эти дошли до слуха Аттилы. Онъ, по своему обычаю, началъ тѣмъ, что повѣсилъ или распялъ невѣрнаго секретаря; потомъ потребовалъ отъ императора Валентиніана либо Сильвана, либо сосуды. «Мнѣ нужно то или другое, писалъ онъ; эти сосуды принадлежать мнѣ, потому что епископъ похитилъ ихъ изъ

добычи, которая должна была мнѣ достаться, по взятіи города; мой секретарь украсть ихъ, — я его казнилъ; теперь я требую, чтобы мнѣ возвратили либо укрывателя, либо мое добро». Напрасно императоръ писалъ ему въ отвѣтъ, что Сильванъ не былъ укрывателемъ, потому что купилъ сосуды честнымъ образомъ, а, — что касается до самихъ сосудовъ, — то будучи назначены для священнаго употребленія, они подверглись бы оскверненію, еслибъ перешли къ нему; напрасно онъ предлагалъ заплатить деньги, сколько стоить эти сосуды: Аттила былъ глухъ ко всѣмъ аргументамъ, и не отступался отъ своей дилеммы: «Мои сосуды, либо укрывателя: а не то — война!» Равенскій совѣтъ, послѣ безуспѣшныхъ переговоровъ, отправилъ къ нему депутатами трехъ благородныхъ Римлянъ, чтобы наконецъ убѣдить, если возможно, Аттилу, и предупредить большія несчастія. Для этого посольства избрали человѣка, который по видимому долженъ былъ хорошо быть принятъ варваромъ, — патриція Ромула, тестя Орестова; съ нимъ же вмѣстѣ отправили одного известнаго военачальника, Романа, и еще Промота, правителя Панноніи. Четвертое лице, весьма важное при этомъ дѣлѣ, Татулъ, отецъ Ореста, также захотѣлъ воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы повидаться съ сыномъ. Прискъ и Максиминъ были очень рады встрѣтиться среди дикой пустыни съ своими соотечественниками, и оба посольства стали дожидаться прибытія Аттилы, находившагося, судя по слухамъ, не подалеку отсюда. Спусти еще нѣсколько дней царь, армія и оба посольства очутились въ виду царскаго городка, столицы всей Гунніи (*).

(*) Много было разногласій относительно точности мѣста, гдѣ находилась эта резиденція: одни думали, что это былъ Токай; другіе, съ болѣею вѣроятностію, полагаютъ, что это была Буда; но все согласно признаютъ, что мѣсто это находилось въ странѣ, известной теперь подъ именемъ Венгріи. Рассказъ Приска не даетъ мѣста никакому сомнѣнію въ этомъ пунктѣ; онъ называетъ Тиссу въ числѣ рѣкъ, черезъ которыя перевозжали посланники, и счетъ дней, которые они провели въ дорогѣ, довольно-таки сходится съ разстояніемъ тѣмъ мѣстѣ.

II. ДВОРЪ АТТИЛЫ.

Дворецъ варварскаго царя, построенный на холмѣ, господствовалъ надъ всѣмъ городкомъ, и еще издали привлекать взоры своими огромными башнями, возвышавшимися къ небу. Названіемъ дворца означался обширный круглый дворъ, посреди котораго находилось нѣсколько домовъ, какъ то: домъ самого царя, его любимой жены Керки, нѣкоторыхъ изъ его сыновей, и вѣроятно также жилище его придворной стражи; дворъ этотъ окруженъ былъ деревянною стѣной, внутреннія зданія были тоже деревянныя. Устроенный въ самой срединѣ и одинъ изъ всѣхъ прикрытый съ боковъ башнями, домъ Аттилы былъ обитъ удивительно—гладко вытесанными и такъ правильно между собой сплоченными досками, что казалось онѣ были сдѣланы изъ одного цѣльнаго дерева. Домъ царицы,—архитектуры болѣе легкой и красивой, со всѣхъ сторонъ украшенъ былъ довольно отчетливыми изображеніями и рѣзными фигурами, не лишеными граціи. Его кровля поддерживалась искусно выгнанными столбами, между которыми находился рядъ выточенныхъ аркъ, придѣланныхъ къ вершинамъ маленькихъ колоннъ, и образовавшихъ надъ галлереею нѣчто въ родѣ сводовъ. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ дворца видѣнъ былъ домъ Онегеца, окруженный также оградой и также построенный, какъ и домъ царя, только попроще. Одна особенность преимущественно обратила на себя вниманіе чужеземцевъ: въ этой странѣ, гдѣ не было не только камней для стройки домовъ, но даже чувствовался недостатокъ и въ деревѣ, и гдѣ надобно было издали привозить материалы для зданій, Онегезъ выстроилъ высокую баню, по образцу римскихъ теплицъ. Вотъ исторія этой бани, какъ передана она была римлянамъ. Въ числѣ плѣнниковъ, выведенныхъ изъ разграбленнаго Сирміума, находился одинъ архитекторъ, котораго Онегезъ взялъ на свою долю изъ добычи. Министръ Аттилы, будучи родомъ Грекъ, пришедши къ Гупнамъ еще въ молодыхъ лѣтахъ, принесъ тула съ собою и любовь къ банямъ въ римскомъ вкусѣ, и эту любовь передалъ своей женѣ и дѣтямъ. И, взявши архитектора на свою часть изъ добычи, онъ хотѣлъ пріобрѣсть въ немъ челоуѣка, который бы былъ искусенъ въ строительномъ

дѣлъ, и могъ бы угодить на его вкусъ, а плѣнникъ, прилагая все свое стараніе, думалъ тѣмъ ускорить миуту, когда спадутъ наконецъ съ него оковы. И такъ онъ ревностно принялся за работу: изъ Паноніи были привезены камни; устроены были печи, купальни, мыльни; но, когда все было сдѣлано и сдѣлано такъ удовлетворительно, какъ только могли сдѣлать опытные руки эту, совершенно новую для Гунновъ, постройку, Онегесъ оставилъ архитектора — банщика при себѣ, и несчастный распростился навсегда съ своей свободой.

Аттила вступилъ въ столицу своей имперіи съ такой церемоніей, которая живо заинтересовала Римлянъ, и особенно Приска, такого любопытнаго наблюдателя, такого наивнаго живописателя всего, что только поражало его взглядъ какою-нибудь особенностью. Аттилу встрѣтила процессія, состоявшая изъ женщинъ этого городка. Выстроившись въ два ряда, онѣ держали надъ головами, переброшенныя съ одного ряда на другой, бѣлыя покрывала, во всю ихъ длину, подъ которыми проходили группами молодыя дѣвушки, по семи въ рядъ, и пѣли стихи, составленные въ честь царя. Поѣздъ направился къ дворцу, и поѣхалъ мимо дома Онегезова. У ограды стояла жена любимаго министра, окруженная толпою прислужницъ, которыя держали въ рукахъ блюда съ мясомъ и кубокъ наполненный виномъ. Когда подъѣхалъ царь, она подошла, къ нему и просила откушать яствъ, для него приготовленныхъ; благосклоннымъ знакомъ Аттила выразилъ свое согласіе; это было величайшимъ благоволеніемъ, какое только могъ оказать Гунскій царь своимъ подданнымъ. Тотчасъ же четверо сильныхъ мужчинъ подняли серебряный столъ въ уровень съ вышнюю лошади, и Аттила, не сходя съ коня, откушалъ всѣхъ блюдъ, выпилъ чашу съ виномъ, и потомъ вступилъ въ свой дворецъ. Въ отсутствіи мужа, который, по возвращеніи изъ дальняго путешествія, потребованъ былъ къ царю, жена Онегеза пригласила посланниковъ къ себѣ на ужинъ, вмѣстѣ съ тамошними вельможами, которые почти всѣ были ей родственники. Потомъ Максиминъ получилъ распоряженіе относительно своего помѣщенія; онъ раскинулъ свои палатки въ такомъ мѣстѣ, которое было въ одно и тоже время близко къ дому министра и къ царскимъ палатамъ.

Онегезъ былъ родомъ Грекъ, какъ видно изъ самаго его имени, но воспитаніе получилъ у Гунновъ, и теперь занималъ въ гунской имперіи послѣ Аттилы первое мѣсто, какъ по своей силѣ, такъ и по богатству. Этой высочайшей степени могущества, предъ которою безропотно преклонялись природные Гунны, Онегезъ обязанъ былъ самымъ благороднымъ средствамъ,—храбрости на полѣ брани, искренности въ совѣтахъ, и той твердости, съ которою боролся какъ противъ насильственныхъ рѣшеній, такъ и противъ дурныхъ наклонностей Аттилы. Онъ былъ для Римлянъ лучшимъ заступникомъ предъ Аттилою, и былъ имъ,— не изъ личнаго интереса или въ слѣдствіе отдаленнаго воспоминанія о своемъ происхожденіи, но по чувству справедливости, по врожденной привязанности къ тому, что составляетъ душу и жизнь, цивилизаціи. Логика, которая такъ рѣзко отличается отъ фактовъ, въ полномъ правѣ была бы дать такому министру мѣсто близъ царя просвѣщеннаго и христіанскаго, а Хризафія, опредѣлила бы къ Аттилѣ. Гунскій царь, столь самовластный, столь раздражительный, уступалъ этому характеру, твердому въ самой его мягкости; Онегезъ сдѣлался его всегдашнимъ совѣтникомъ, и ему же Аттила поручилъ воинское образованіе и охраненіе своего старшаго сына Элака, въ царствѣ Акатировъ, окончательное покореніе котораго предоставлено было тоже Онегезу. Послѣ долгаго отсутствія, отправясь,— по желанію повидаться съ отцемъ,— на берега Дуная, молодой человекъ упалъ дорогой съ лошади, и при этомъ паденіи переломилъ кисть у руки. Стало быть Онегезу нужно было потолковать съ царемъ объ очень важныхъ предметахъ, и царь задержалъ его у себя на цѣлый вечеръ: поэтому-то его и не было во время ужина. Но Максиминъ сгаралъ отъ нетерпѣнія видѣться съ Онегезомъ, чтобы сообщить ему, касающіеся до него, инструкціи Θεодосія; кромѣ того онъ надѣялся при помощи этого всесильнаго человека отвратить неспрiятности, съ которыми сопряжено было его посольство. Онъ почти вовсе не спалъ, и, при первыхъ проблескахъ зари, отправилъ Приска къ министру съ подарками. Ограда была заперта; не видно было ни одного слуги, и Прискъ долженъ былъ дожидаться;

отдавали подарки на сбережение посольскими служителями, онъ началъ прохаживаться пока, явится кто-нибудь.

Когда сдѣлалъ онъ нѣсколько сотенъ шаговъ, кто-то, прохаживавшійся, также какъ и онъ, поровнявшись съ нимъ, сказалъ ему на очень истомъ греческомъ языкѣ: χαίρει (*). Услышать греческую рѣчь въ царствѣ Аттили, гдѣ обыкновенно употреблялись языки: гунскій, готскій и латинскій, и то иря торговыхъ дѣлачь,—была необычайность, которая поразила Приска. Единственные Греки, съ которыми онъ могъ ожидать встрѣчи, были пльняки изъ Фракіи или приморской Иллиріи,—люди мелкіе, которыхъ легко узнать по ихъ длиннымъ, растрепаннымъ волосамъ, тогда какъ заговорившій съ Прискомъ былъ совсѣмъ не то: голова у него была обрита кругомъ и на немъ была гунская одежда, какую носили только богатые сословія. Эти размысленія промелькнули, какъ молнія въ умѣ Приска, и,—чтобы узнать, что это за человекъ,—послѣ взаимнаго привѣтствія, онъ спросилъ его, изъ какой страны свѣтъ прибылъ онъ сюда жить варварскою жизнью среди Гунновъ?

— Почему ты меня объ этомъ спрашиваешь?—сказалъ незнакомецъ.

— Потому что ты слишкомъ хорошо говоришь по гречески.

Незнакомецъ засмѣялся.

— Дѣйствительно я Грекъ, сказалъ онъ. У меня была обширная торговля въ Виннаціумѣ,—что въ Мизіи, и я женатъ былъ тамъ на богатой невестѣ; жилъ счастливо: но война разрушила мое счастье. Такъ какъ я былъ богатъ, то и сдѣлался вѣстѣ съ моимъ имѣніемъ добычей Онегеза, потому что,—тебѣ конечно извѣстно это,—царямъ и вождямъ Гунновъ принадлежитъ привилегія брать себѣ богатѣйшихъ пльняковъ. Мой новый госюдинъ бралъ меня съ собой на войну; я бился мужественно и возвращался съ добычею. Я дрался съ Римлянами, дрался съ Акатцирами; и приобрѣвши достаточное количество добычи, привнесъ ее моему господину—варвару, и, въ силу скивскихъ законовъ, промучилъ свободу. Послѣ этого я сталъ Гунномъ; женился на женщинѣ варварскаго рода, и прижилъ съ нею дѣтей;

(*) Χαίρει—радуися. На нашемъ языкѣ этому привѣтствію отвѣчаетъ слово: Здравствуй.

я сотрапезникъ Онегега, и, не смотря ни на что, мое настоящее положеніе кажется мнѣ даже лучше моего прошедшаго.

— О! да, продолжать этотъ человекъ послѣ минутнаго молчанія, — закончивши однажды на всегда военные труды, среди Гушновъ можно вести совершенно беззаботную жизнь: что каждый нажилъ для себя, тѣмъ и пользуется спокойно; никто не обременяетъ его ничѣмъ, ни что не возмущаетъ его спокойствія. Война насъ поитъ и кормитъ; а тѣхъ, которые живутъ подъ управленіемъ Римлянъ, война раззоряетъ и губитъ. Римскій подданный ставитъ въ необходимость поручать другимъ свое счисленіе,—такъ какъ тиранническій законъ не позволяетъ ему носить необходимаго для его защиты оружія, и тѣ, которымъ позволяетъ носить, какъ ни брабры, войну ведутъ плохо, потому что связаны сколько незваніемъ, столько же и трусостію своихъ вождей. И однакожь несчастія войны ничего незначать для Римлянъ сравненій съ тѣми бѣдствіями, которыя терпятъ они во время мира, потому что тогда являются во всей силѣ и жестокости налоги, конфискаціи, и угнетенія вельможъ. Да и какъ быть иначе? Зконы не для всѣхъ одни. Если богатый или сильный нарушаетъ ихъ, то онъ дѣлаетъ это безнаказанно; а бѣдный, а человекъ, который не знаетъ судебныхъ формальностей,— о! такого человека жизнь не заставитъ ждать себя, если только онъ, измученный, раззоренный безконечною тяжбой, не умретъ отъ отчаянія не дождавшись окончанія суда. Не имѣть возможности получить законное удовлетвореніе иначе, какъ только посредствомъ денегъ,—это, по моему мнѣнію, верхъ низости. Какую бы вамъ обиду ни сдѣлали, вы не можете ни обратиться къ суду, ни требовать у судьи рѣшенія дѣла, не отдавши за это приготовленной напередъ суммы денегъ, чтобы задобрить судью и его совѣтниковъ.

Отверженникъ цивилизаціи долгр говорить въ этомъ тонѣ, и проповѣдывалъ свои убѣжденія съ жаромъ, который часто придавалъ ему видъ адвоката, ратующаго за самого себя. Когда онъ, по видимому, сказалъ уже все, Прискъ повросилъ его въ свою очередь дать ему сказать нѣсколько словъ и терпѣливо его выслушать. По моему мнѣнію, началъ онъ, основатели римскаго государства были люди мудрые и предусмотрительные; чтобы каждый хорошо зналъ

свое дѣло, они учредили съ одной стороны стражей закона, съ другой—стражей общественной безопасности. Не имѣя никакого иного запатія въ мірѣ, кромѣ упражненія, въ искусствѣ владѣть оружіемъ, воевать и драться, эти послѣдніе образовали собою превосходный классъ людей, назначеніе котораго было защищать другихъ. Законодатели наши учредили сверхъ того еще третій классъ,—это классъ поселянъ, которые воздѣлываютъ землю: и требованіе, чтобы въ минуту войны этотъ классъ доставлялъ содержаніе своимъ защитникамъ, совершенно справедливо. Это еще не все: они учредили блюстителей равновѣсія и правъ общественныхъ, въ пользу слабыхъ и неспособныхъ, т. е. юридическихъ защитниковъ для тѣхъ, которые не умѣютъ защищать сами себя. Послѣ этого, чтѣ же незаконнаго въ томъ, если судья и адвокатъ получаютъ плату отъ истца, точно такъ же, какъ солдатъ отъ земледѣльца? Кто пользуется услугами, естественно обязанъ давать жалованье тому, кто служитъ ему,—услуга за услугу. Всадникъ покупаетъ лошадь, пастухъ—быковъ, охотникъ собакъ, и каждый заботится о своей покупке. Если есть плохіе истцы, которые разоряются на процессы, то тѣмъ хуже для нихъ! а, что касается до продолжительности судопроизводства, то она зависитъ большею частію отъ того, что необходимо разъяснить дѣла, а это дѣлается нескоро, и, все-таки, хорошее рѣшеніе дѣла, котораго надо было долго ждать, лучше дурнаго, сказаннаго вдругъ, необдуманно. Отважиться на несправедливость,—значитъ не только вредить людямъ, но и оскорблять Бога, виновника всякой правды. Законы обнародуются,—ихъ знаютъ, или, по крайней мѣрѣ могутъ знать всѣ; имъ повинуются самъ императоръ. Твоя жалоба на ненаказанность вельможъ отчасти справедлива, но она удобоприложима ко всѣмъ народамъ, и самый бѣдникъ можетъ избѣжать наказанія, если не найдется удовлетворительныхъ доказательствъ его виновности. Ты радуешься, что дарована тебѣ свобода: за это благодари богатство, а не своего господина. Отправляя тебя на войну,—человѣка гражданскаго, онъ подвергалъ тебя опасности быть убитымъ, или,—если бы ты вздумалъ убѣжать,—самъ убилъ бы тебя. У Римлянъ нѣтъ такой жестокости; ихъ законы ограждаютъ раба отъ излишней суровости господина; они обезопасиваютъ ему пользованіе приобретеннымъ имуще-

ствомъ, и, потому отпускають его на волю, возвышаютъ до состоянія людей свободныхъ, тогда какъ здѣсь за малѣйшій проступокъ грозитъ смерть.»

Этотъ возвышенный взглядъ на цивилизацію, эта картина различныхъ родовъ защиты, которые окружаютъ человека въ благоустроенныхъ государствахъ, казалось, глубоко тронули собесѣдника Прискова; строя соизмы на соизмахъ, онъ вѣроотно старался заглушить въ душѣ нѣкоторыя угризенія совѣсти и изгладить изъ сердца кой-какія сожалѣнія. На глазахъ у него навернулись слезы, и за тѣмъ онъ сказалъ: «законы Римлянъ хороши, ихъ общественная жизнь также хорошо устроена, но дурные начальники колеблютъ и разрушаютъ ее!—Послѣ этихъ словъ, одинъ изъ слугъ Онегеца отворилъ ограду, окружавшую домъ. Прискъ оставилъ незнакомца, и никогда уже болѣе не встрѣчалъ его.

Настоятельность, съ которою Θεодосій требовалъ, чтобы всѣ неудовольствія Римлянъ съ Гуннами разобраны были Онегезомъ, имѣла, по византійской политикѣ, двоякій расчетъ: во-первыхъ онъ, повидимому, отвергалъ Эдекона, какъ человека слишкомъ глубокаго и слишкомъ предавнаго интересамъ своего дара; потомъ не смотря ни на что, надѣялся склонить всемогущаго министра на свою сторону выгодными предложеніями, а если удастся,—подкупить и деньгами, тѣмъ болѣе, что онъ и даромъ до сихъ поръ былъ такъ благосклоненъ къ имперіи. Перваго изъ этихъ двухъ хрючковъ благородный Максиминъ не зналъ, да едва ли подозрѣвалъ и второй; а между тѣмъ ему поручено было обращать особенное вниманіе на эту статью посольства, какъ на предметъ преимущественно важный для императора, и онъ викакъ не предполагалъ, чтобы варваръ могъ остаться равнодушнымъ къ такой предупредительности со стороны Θεодосія. Онегезъ, бросивъ бѣглый взглядъ на подарки, водвешенные ему прискомъ, приказалъ оставить ихъ; а самъ, — узнавши, что римскій посланникъ хотѣлъ придти къ нему, — счелъ нужнымъ предупредить его; черезъ нѣсколько минутъ, онъ былъ уже въ палаткѣ у Максимина. Тогда между государственными людьми начался разговоръ, въ которомъ вполне раскрылся благородный характеръ министра Аттилы. Максиминъ старался

показать ему, что Гуннамъ легко можно было бы заключить съ Римлянами миръ прочный, — миръ, честь котораго принадлежала бы исключительно его благоразумію, и что огромная плата, которую гунскій министръ принесъ бы черезъ это обоимъ народамъ, пролила бы на него и на его дѣтей всецѣлительныя благодѣянія императора и всей его семьи. — «Къ чему же образовать, вышвырнувъ сироту Онегезъ, — могъ бы я удостоиться такой чести, и какъ могу быть такимъ самовольнымъ миротворцемъ между вами и нами?» — Для этого нужно только разсмотрѣть внимательно, сдѣлать полагашикъ, всѣ пункты, которые цесъ раздѣляютъ, всѣ условия договоровъ, и взвѣснить все безпристрастно. Императоръ будетъ совершенно согласенъ съ твоимъ рѣшеніемъ. — Но, возразилъ Онегезъ, это не относится къ роли посла, и, если бы я былъ имъ, то руководился бы только однимъ правиломъ, — приказаніями моего государя. Ужъ не надѣются ли Римляне склонить меня своими просьбами къ измѣнѣ? Не думаютъ ли заставить меня отдать имъ за все мое прошедшее, всю мою жизнь, проведенную среди Гунновъ, — забыть моихъ женъ и дѣтей, родившихся отъ нихъ? Въ такомъ случаѣ они очень ошибаются. Даже рабство у Атталъ было бы для меня пріятнѣе, нежели почести и богатство въ римской имперіи. Эти слова, сказанныя спокойнымъ, но рѣшительнымъ тономъ, не допускали болѣе никакого возраженія. Онегезъ, какъ бы для того, чтобы смягчить жесткость этихъ словъ, неспѣшно прибавилъ, что онъ былъ болѣе полезенъ для Римлянъ, находясь при Атталѣ, — тѣмъ, что нередко утѣшалъ его раздражительность, — тѣмъ если бы находился въ Константинополѣ, гдѣ его доброжелательство къ нимъ скоро сдѣлалось бы подозрительнымъ. Очевидно, министръ Θεодосіа не могъ сдѣлать тутъ ровно ничего.

Между тѣмъ царица Керка также ждала подарковъ: предоставить ихъ ей опять уполномоченъ былъ Прискъ. Царица приняла Приска въ одной изъ комнатъ своего красиваго дворца; внутри всѣ ея комнаты обиты были шерстяными коврами. Царица сидѣла на подушкахъ, окруженная своими женщинами и служителями, которые всѣ сидѣли кругомъ ея, поджавъ подъ себя ноги, по азіатскому обычаю; по одну сторону были мужчины, по другую женщины; послѣднія занимались работою, — вышивали золотомъ и шелкомъ куски матерій, называв-

ища для оповести мужины. При выходѣ изъ царичьихъ палатъ, Прискъ услышалъ большой шумъ, и увидѣлъ бѣжавшую отъ него тому народа. Онъ сѣлится съ нею, и вскорѣ увидѣлъ Аггату, который въ сопровожденіи Онегеза шелъ къ дверямъ своего дворца, — производить судъ и расправу. Его походка была величественна, и онъ сѣлъ молча. Тѣ, которые желали суда, подходили къ нему поочередно; онъ рѣшилъ всё дѣла, и потомъ возвратился во дворецъ для принятія депутатовъ, прибывшихъ къ нему изъ множества варварскихъ земель.

Въоцѣдь, заключающаяся въ дворцовой оградѣ, была похожа на гулянье, гдѣ свободно расхаживали посланники, въ ожиданіи аудіенціи, кто у самаго царя, кто у его министра; они могли уходить, приходить опять, все разсматривать, — имъ не мѣшала ни одна стража. Прискъ встрѣтился здѣсь съ Ромуломъ и его товарищами по посольству; они прохаживались тутъ вмѣстѣ съ двумя секретарями Аттилы, Констанціемъ и Констанціоломъ, которые оба были Панпонцы, и съ Рустициемъ, который прибылъ сюда волюнтеромъ при посольствѣ Восточной имперіи, и думалъ опредѣлиться въ качествѣ писца въ канцелярію гускино царя. «Какъ ваши дѣла?» былъ первый вопросъ, предложенный Приску Ромуломъ. Дѣла шли одинаково плохо на той, такъ и на другой сторонѣ; ничто не могло склонить Аттилу въ пользу Западной имперіи: ему непременно нужны были либо сирійскіе сосуды, либо Сильванъ. Многіе изъ присутствующихъ жаловались на безразсудное упрямство варварскаго царя: тогда Ромуль, котораго всегда и всё охотно слушали какъ мужа опытнаго въ государственныхъ дѣлахъ, со вздохомъ сказалъ: «Да, удачи и могущество до того избавовали этого человека, что онъ не слушаетъ и справедливыхъ объясненій, если онъ ему не нравятся. Но надобно согласиться, что ни въ Скиѣи, ни въ другомъ какомъ-либо мѣстѣ, никто и никогда не совершалъ болѣе великихъ дѣлъ въ такое не продолжительное время: ставши обладателемъ всей Скиѣи, до острововъ Оксеи, онъ сдѣлать насъ своими данниками, а теперь вотъ строить еще важнѣйшіе планы, — хочетъ завоевать Персію.» — Персію! веревалъ одинъ изъ присутствующихъ; — да какъ же тутъ пройдетъ онъ изъ Скиѣи въ Персію? — «Самымъ кратчай-

инимъ, отвѣчалъ Ромулъ. Мидійскія горы недалеко отъ Гунновъ, обитающихъ около мидійскихъ границъ; они знаютъ это очень хорошо. Однажды во время голода, истребившаго у нихъ отъ девяти-десятаго, — такъ какъ не лезя было имъ получать для себя запасовъ изъ римской имперіи, потому что въ то время вели они войну съ нею, — двое изъ ихъ вождей попытались добыть себѣ хлѣба изъ Азіи. Пустившись вдоль пустыни, они достигли болота, которое по моему мнѣнію, есть болото мѳотійское; потомъ, черезъ пятнадцать дней пути, прибыли къ подошвѣ высокихъ горъ, перешли ихъ и очутились въ Мидіи. Страна была изобильна, Гунны производили здѣсь жатву, какъ хотѣли, и уже собрали они огромную добычу, какъ въ одинъ день пришли Персы, и своими стрѣлами затемнили небо. Гунны, захваченные въ расплохъ, бросили здѣсь все, пустились назадъ другою дорогою, и эта новая дорога опять ихъ привела въ ихъ страну. Теперь предположите, что Аттилѣ пришла мысль возобновить эту войну; побѣдить Мидянъ и Персовъ ему не будетъ стоить ни большихъ трудовъ, ни продолжительнаго времени, потому что ни одинъ народъ въ свѣтѣ не можетъ противустоять его войскамъ.» Римляне съ любопытствомъ, смѣшаннымъ со страхомъ, слѣдили за разсказомъ Ромула, посѣтившаго столько странъ и принимавшаго участіе въ столькихъ событіяхъ. Одинъ изъ собесѣдниковъ выразилъ желаніе, чтобы Аттила поскорѣе пустился въ эту отдаленную войну, и далъ отдохнуть римской имперіи: «Надобно опѣсаться, напротивъ, сказалъ Констанційль, чтобы, покоривши Персовъ, — а это будетъ нетрудно для него, — онъ не возвратился къ намъ, и уже не какъ другъ, а какъ повелитель. Теперь онъ довольствуется золотомъ, которое мы даемъ ему, какъ жалованье, въ силу его титула — римскаго военачальника, а когда покоритъ онъ Персію, и Римская имперія одна только и будетъ у него, какъ бѣльмо на глазу, — ужели вы думаете, что тогда онъ пощадитъ ее? Ему ужъ и теперь досаденъ этотъ титулъ римскаго военачальника, который мы ему даемъ, отказывая въ титулъ царя, и многіе слышали, какъ онъ вскричалъ съ негодованіемъ, что у него есть рабы, которые стоятъ римскихъ военачальниковъ, а его военачальники стоятъ императоровъ.» Этотъ разговоръ, въ которомъ

представители образованнаго міра сообщали другъ другу свои мрачныя предчувствія и непрерывно возвышали того, въ чьихъ рукахъ находилась гибель ихъ отечества, былъ внезапно прерванъ. Подошелъ Онегезъ и замѣтилъ Приску, что Аттила съ этихъ поръ будетъ принимать въ качествѣ посланниковъ только трехъ именитыхъ особъ, и перечисляя ихъ имена, упомянулъ между прочими объ Анатолиѣ. Прискъ, ни мало не думая, что свое правительство ставилъ въ противорѣчіе съ самимъ собою, замѣтилъ, что назначать такимъ образомъ извѣстныхъ лицъ значило бы приводить ихъ въ подозрѣніе у ихъ государя; Онегезъ сказалъ въ отвѣтъ только эти слова: «Такъ надобно, а не то—война!» Прискъ съ грустью возвращался на свою квартиру, когда на дорогѣ встрѣтился съ отцемъ Ореста, Татуллою, шедшимъ извѣстить посланника и его, что Аттила приглашалъ ихъ къ столу въ тотъ же самый день, въ девятомъ часу т. е. около трехъ часовъ по-полудни. Западные посланники также были приглашены.

Зала пиршества была огромная, продолговатая комната, уставленная кругомъ стульями и маленькими столами, приставленными одинъ къ другому; за каждымъ столомъ могли усѣсться четыре или пять человѣкъ. По срединѣ возвышались подмостки, на которыхъ стоялъ столъ для Аттилы и постель; на этой постели онъ и сидѣлъ; въ нѣкоторомъ разстояніи, позади, находилась другая постель, украшенная, какъ и первая, бѣлыми полотнами и разноцвѣтными коврами и похожая на thalami, употреблявшимся въ Греціи и Римѣ при брачныхъ церемоніяхъ. Только что вошли посланники, какъ кравчіе подали имъ кубки наполненные виномъ, которые они должны были выпить за здоровье цара: это былъ церемоніаль, который непременно долженъ былъ исполнить всякій, прежде чѣмъ займетъ свое мѣсто. Почетное сѣдалище, поставленное вправо отъ подмостокъ, занято было Онегезомъ, а наусупротивъ его сидѣли два царскіе сына. Посланники были усажены за столъ, который стоялъ на лѣвой сторонѣ и былъ второй по достоинству; и здѣсь высшее между ними мѣсто занималъ одинъ Гуанъ знаменитаго рода, по имени Берикъ, пользовавшійся большимъ уваженіемъ и обладавшій множествомъ городовъ въ

Гуннія. Элакъ, старшій сынъ Аттилы, занялъ мѣсто на отцовской постели, но значительно ниже его; онъ сидѣлъ съ опущенными глазами; и во все продолженіе обѣда держать себя чрезвычайнѣю почтительно и скромно. Когда всѣ уѣли, кравчій пододѣлъ Аттилѣ кубокъ полный вина, и онъ выпилъ его за здоровье почетнаго гостя, который тотчасъ же всталъ, взявъ также кубокъ изъ рукъ кравчаго, стоявшаго позади, и взаимно привѣтствовалъ царя. За тѣмъ слѣдовала очередь посланниковъ, которые также съ кубками въ рукахъ, отвѣчали на царское привѣтствіе; всѣ гости были привѣтствованы одинъ за другимъ, соответственно своему сану и отвѣтствовали тѣмъ же; позади каждаго стоялъ кравчій съ кубкомъ въ рукъ. По окончаніи привѣтствій, вошли столовые прислужники съ блюдами, наполненными мясомъ и разставили ихъ по столамъ; на столъ Аттилы ставились блюда деревянные, и кубокъ его тоже былъ деревянный, тогда какъ гостямъ и хлѣбъ и различныя кушанья подавались на серебряныхъ блюдахъ и чашки были или серебряныя или золотыя. Гости брали, кому сколько угодно, съ блюдъ; стоявшихъ передъ ними, но не могли брать съ блюдъ стоявшихъ далеѣ. После перваго кушанья опять явились кравчіе; снова начались привѣтствія; и обонли съ такими же церемоніями всѣ мѣста, съ перваго до послѣдняго. За вторымъ кушаньемъ, такимъ же роскошнымъ; какъ первое, и состоявшимъ изъ разнородныхъ яствъ, слѣдовало третье *воздѣніе*, во время котораго гости, бывшіе уже и то на веселѣ; опустили свои кубки какъ нельзя лучше. Къ вечеру; когда зажжены были свѣтильники, вошли два поэта, и, на гунскомъ языкѣ, начали пѣть передъ Аттилой стихи своего сочиненія, въ которыхъ прославлялись его воинскія доблести и его побѣды. Ихъ пѣсни произвели въ аудиторіи восторгъ, доходившій до изступленія: глаза разгорались, лица принимали странное выраженіе; многіе плакали, говоритъ Приекъ: слезы эти у молодыхъ — были слезы удовольствія, у стариковъ — слезы сожалѣнія. Эти гунскія пѣснопѣнія были замѣнены шумомъ, котораго кривляки и дурачества въ одну минуту заставили гостей перейти отъ ангузизма къ шумной веселости. При этихъ зрѣлищахъ, Аттила постоянно оставался важнымъ и неподвижнымъ, такъ что ни однимъ

мускуломъ лица, ни однимъ жестомъ, ни однимъ словомъ не обпаружилъ ни малѣйшаго внутренняго движенія; только, когда самый младшій изъ его сыновей, Эрнакъ, вошелъ и приблизился къ нему, то въ глазахъ его блеснулъ лучъ нѣжности; взявъ дитя нѣжно за щеку, онъ привлекъ его къ своей постели. Удивленный этой внезапной переменой въ физиономіи Аттилы, Прискъ наклонился къ одному изъ своихъ сосѣдей — варваровъ, говорившему немного по-латыни, и спросилъ его шепотомъ, по какому побужденію этотъ человѣкъ, будучи такъ холоденъ къ другимъ дѣтямъ, къ этому дитяти является такимъ ласковымъ. «Я охотно объясню тебѣ, только общайся сохранить это тайнѣ», отвѣчалъ варваръ. Гадатели предсказали царю, что его поколѣніе прекратится въ прочихъ дѣтяхъ, а Эрнакъ продлитъ его; вотъ причина его нѣжности: онъ любитъ въ этомъ дитяти единственнаго продолжателя своего потомства».

Въ эту минуту вошелъ Мавръ Зерконъ, и вдругъ вся зала огласилась неистовымъ хохотомъ и топаньемъ, которыя, казалось, способны были поколебать ее: этой интермедіей гости обязаны были изобрѣтательности Эдекона. Мавръ Зерконъ, карликъ, горбатый, кривоногій, курносый или лучше, вовсе безносый, заяка и вмѣстѣ идіотъ, бродилъ уже лѣтъ двадцать изъ одного конца свѣта въ другой, и отъ одного господина къ другому, какъ самый рѣдкій и необычайный предметъ, какой только можно придумать для забавы. Африканцы подарили его римскому полковнику Аспару; но Аспаръ потерялъ его во Фракіи, во время несчастной войны съ Гуннами: Зерконъ былъ приведенъ къ Аттилѣ, но Аттила не хотѣлъ его видѣть; за то онъ получилъ лучшій приемъ у Бледы. Вскорѣ гунскій принцъ такъ привязался къ своему карлику, что не пускалъ его отъ себя ни на минуту; вмѣстѣ съ нимъ обѣдалъ, ходилъ на войну, нарочно приказалъ сдѣлать для карлика вооруженіе, и для него было большимъ удовольствіемъ смотрѣть, какъ карликъ щеголялъ своимъ огромнымъ мечемъ и какъ уродливо принималъ постои героя. Но въ одинъ день Зерконъ убѣжалъ въ римскую землю, и Бледа не успокоивался до тѣхъ цоръ, пока не отыщутъ или не выкупятъ его у Рянлянъ; ловля была удачна и карлика привели къ нему

въ оковахъ. При видѣ своего раздраженнаго господина, Мавръ расплакался, и сознался, что сдѣлалъ важный проступокъ, оставя его, но этотъ проступокъ, говорилъ онъ, имѣлъ достаточное извиненіе. « Какое же ? спросилъ Бледа. — То, отвѣчалъ карликъ, что ты мнѣ не далъ жены ». Мысль уродца требовать себѣ жену, несказанно разсмѣшила Бледу ; онъ не только простилъ его, но и женилъ на одной изъ царицыныхъ прислужницъ, внавшей въ немилость въ слѣдствіе какого-то важнаго проступка. По смерти Беды, Аттила послалъ Зеркона въ подарокъ Патрицію Азіцію. Эдеконъ, встрѣтившій Зеркона въ Константинополь, присовѣтовалъ ему отправиться въ Гуннію и вытребовать оттуда жену. И такъ, пользуясь праздничнымъ случаемъ, Зерконъ вошелъ въ залу съ просьбой къ Аттилѣ, и въ своей болтовнѣ такъ уродливо мѣшалъ слова латинскія съ гунскими и готскими, что рѣшительно никто не могъ удержаться отъ смѣха, и веселій-хохотъ все еще раздавался, когда Римляне, увѣрившись, что уже довольно пили, украдкой ушли среди ночной темноты, между тѣмъ какъ остальные гости продолжали шпровать вплоть до утра.

Время шло такимъ образомъ совершенно даромъ для посланниковъ, они не получали ни аудіенціи у царя, ни удовлетворительнаго отвѣта ни на одинъ пунктъ. Стали просить, чтобъ ихъ отпустили обратно; но Аттила, не отказывая имъ въ этомъ положительно, удерживалъ подъ разными предлогами, — просто, стерегъ ихъ. Царица Керка вздумала въ свою очередь тоже угостить ихъ; она пригласила ихъ въ домъ своего домоправителя Адама къ обѣду, который « былъ великолѣпенъ и весель » говоритъ Прискъ, и на которомъ гости, наперекоръ римской важности, должны были пить круговую и обниматься всѣ поочередно. На другомъ обѣдѣ, который давалъ Аттила римлянамъ, по словамъ Приска, повторялись тѣ же церемоніи и тотъ же этикетъ, какія видѣли при первомъ обѣдѣ ; только Аттила здѣсь нѣсколько поразвеселился. Много разъ, — чего до тѣхъ поръ ни разу не случалось, — обращался онъ въ разговорѣ къ Максимиனு и, между прочимъ, совѣтовалъ ему похлопотать о женитьбѣ своего секретаря, Паннонца Констанція. Этотъ человѣкъ отправленъ былъ, уже нѣсколько лѣтъ тому, въ Константинополь, въ качествѣ толмача, или просто,

чиновника, прикомандированнаго къ посольству; прибывъ туда, онъ тотчасъ же сталъ предметомъ ласкательствъ и угодливости двора, надѣявшася подкупить его, и онъ дѣйствительно обѣщаль свои услуги въ дѣлѣ заключенія мира, съ тѣмъ условіемъ, чтобы Θεодосій далъ ему въ замужство какую-нибудь богатую невѣсту изъ своихъ подданныхъ. Θεодосій, почти нисколько не затруднявшійся такого рода подарками, тотчасъ же предложилъ ему одну сироту, дочь Сатурнина, бывшаго господина тѣхъ слугъ, которыхъ императрица—Аевинянка обвинила въ заговорѣ и казнила смертію. Еще не освободившись отъ заключенія и будучи подъ стражею въ одномъ укрѣпленномъ замкѣ, молодая дѣвушка, съ смертельнымъ ужасомъ, узнала о назначавшемся ей жребіи и рѣшившись, какою бы то ни было цѣною, отъ него избавиться, дала себя похитить Зенону, предводителю восточныхъ войскъ, а Зенонъ отдалъ ее замужъ за одного изъ своихъ друзей, по имени Руфа. Аттила, взбѣшенный извѣстіемъ объ этомъ, съ наглостію объявилъ тогда Θεодосію, что,—если онъ не умѣетъ заставить своихъ подданныхъ быть покорными,—то пожалуй Аттила придетъ ему помочь въ этомъ; что разрывъ не былъ дѣломъ Констанція, который довольствовался даннымъ ему обѣщаніемъ касательно жены и ждалъ исполненія этого обѣщанія. Объ этихъ-то обстоятельствахъ Аттила и напоминалъ теперь посланнику. «Неприлично было бы, говорилъ онъ черезъ своего толмача, Θεодосію играть доувѣрчивостію Констанція; ложь унизила бы достоинство императора». Потомъ онъ прибавилъ, въ видѣ окончательнаго рѣшенія и аргумента, не допускавшаго никакихъ возраженій, что «если бы этотъ бракъ состоялся, онъ раздѣлилъ бы приданое пополамъ съ своимъ секретаремъ». Вотъ какъ обдѣльвались дѣла при дворѣ гунскаго царя.

Наконецъ развѣдали обо всемъ, что ему хотѣлось знать, — о невинности посланника, объ умыслѣ императорскаго двора на его жизнь, и о томъ, что Вигила уже выѣхалъ изъ Константинополя и скоро долженъ воротиться, Аттила отпустилъ посланниковъ, такъ какъ ихъ присутствіе для него уже было не нужно. Въ совѣтъ гунскихъ вельможъ и секретарей гунской канцеляріи подъ предсѣдательствомъ Онегеца, составлено было

послание, которое и вручили Бериху, назначенному сопровождать посольство до Константинополя. Хотя Римляне, при отъездѣ были осыпаны учтивостями и подарками — потому что каждый придворный вельможа, по приглашенію самого царя, охотно дарилъ имъ какіе-нибудь дорогія вещи, кто мѣха, кто лошадей, кто ковры, кто шитыя одежды, — но вообще обстоятельства ихъ путешествія были не слишкомъ утѣшительны, и, въ замѣну пиршествъ и праздниковъ, показали имъ болѣе серьезную сторону правительства Аттилы. Черезъ нѣсколько дней пути, они увидѣли, какъ распинали перебѣжчика, пойманнаго на границѣ и обвиненнаго въ томъ, будто онъ пришелъ сюда шпиономъ со стороны Римлянъ. Немного далѣе они встрѣтили двухъ плѣнниковъ, вѣроятно, римлянъ, убѣжавшихъ изъ Гунніи послѣ того, какъ убитъ былъ на войнѣ ихъ господинъ; ихъ вели связавныхъ по рукамъ и по ногамъ, и, пользуясь этой встрѣчею съ посланниками, какъ удобнымъ случаемъ, несчастныхъ привязали къ столбу и воткнули тому и другому въ горло заостренные колья. Спутникъ римскихъ посланниковъ, Берихъ, былъ старый Гуннь, перво-бытнаго поколѣнія, дикій, грубый, мстительный. По поводу одной ссоры, возникшей между его слугами и слугамъ посольства, онъ взялъ назадъ прекрасную лошадь, которую подарилъ-было Максимиனு, и не переставалъ ворчать во всю дорогу. Наконецъ не вдалекѣ отъ Дуная, на римской землѣ, посланники встрѣтили Вигилу, весело ѣхавшаго къ цѣли своего путешествія, въ сообществѣ, — какъ онъ думалъ, — а на самомъ дѣлѣ, подъ стражею Эсы.

Таково было первое дѣйствіе этой многосложной драмы, пружины которой Аттила приводилъ въ движеніе съ такимъ коварствомъ и съ такимъ упрямымъ терпѣніемъ. Цѣлыхъ два мѣсяца у него были въ рукахъ представители правительства, покушавшагося на его жизнь, — посольство, котораго единственною цѣлію было — убитъ его руками его же подданныхъ; онъ могъ бы для отмщенія или для защиты себя призвать на помощь народное право, которое такъ оскорбительно нарушили въ отношеніи къ нему; жизнь всѣхъ этихъ Римлянъ зависѣла отъ одного его мановенія, но онъ не сдѣлалъ его. Съ безпристрастіемъ судьи, разсматривающаго чужое

дѣю, онъ отдѣлилъ невиннаго отъ виновнаго, не смотря на то, что на обоихъ было одно и тоже родимое пятно. Если въ этомъ поступкѣ, безспорно, выразилось чувство природной справедливости, то въ немъ находилась также и значительная, — если не существенная, — доля гордости, надмѣнная несправедливая презирающая орудія, чтобы явиться болѣе неумолимой къ самымъ виновникамъ преступленія. Θεодосію, Хризафію, римской чести, — вотъ кому и чему хотѣлъ отмстить онъ. Аттила радъ былъ, что предъ лицемъ образованнаго міра, — который отказывалъ ему въ титулѣ царя, какъ предводителю дикарей, и презиралъ, боясь въ то же самое время, — могъ сопоставить правосудіе и благородство варвара правосудію и благородству римскаго императора.

Вигила постарался какъ можно скорѣе кончить въ Константинополь дѣла, служившія предлогомъ для его путешествія. Все еще ослѣпленный, все еще безразсудно-убѣжденный въ важности своей особы и своей службы, онъ достигъ того, что передалъ свою самоувѣренность и другимъ. Хризафій, послѣ увѣреній Вигилы, также вполне убѣжденный въ успѣхѣ заговора, на всякій случай удвоилъ сумму, и толмачъ везъ такимъ образомъ съ собою въ кожаномъ мѣшкѣ 100 фунтовъ золота. Все это происходило при зоркихъ глазахъ Эсы, не терывшаго изъ виду съ самаго отъѣзда ни одного движенія Вигилы. Служители гунскаго посольства были ни болѣе ни менѣе, какъ стражи, сторожившіе Римлянина, какъ плѣнника, такъ что ему не оставалось въ этомъ болѣе никакого сомнѣнія. На другой сторонѣ Дуная бдительность стражей еще болѣе увеличилась. Вигила взялъ съ собою изъ Константинополя сына лѣтъ осьмнадцати или двадцати, которому хотѣлось посѣтить Гуннію и котораго онъ по всей видимости хотѣлъ употреблять въ качествѣ помощника при переводахъ. Только что вѣхали они въ столицу Аттилы, какъ тотчасъ же оба были схвачены и приведены къ царю; взяли также и ихъ поклажу, обыскали ее, и нашли довольно увѣсистый мѣшокъ съ 100 фунтовъ золота. При видѣ этого мѣшка, Аттила притворился удивленнымъ, и спросилъ у переводчика, что хотѣлъ онъ дѣлать съ этимъ золотомъ? Вигила отвѣчалъ безъ всякаго замѣшательства, что оно назначалось на путевыя издержки его

свиты и его самого, на покупку лошадей и рабочего скота, который послужилъ бы для него и провизіей въ его путешествіяхъ, — потому что онъ безъ этого много издерживалъ по дорогамъ, — и наконецъ на выкупъ значительнаго числа римскихъ плѣнниковъ, семейства которыхъ довѣрили ему слѣдующія на выкупъ деньги. Терпѣніе Аттилы лопнуло. «Ты лжешь, злое животное! вскричалъ онъ громовымъ голосомъ, — но твоя ложь не обманетъ никого; она не избавитъ тебя отъ заслуженной тобою казни! Нѣтъ, не на дорожные расходы, не на покупку лошадей и муловъ, не для выкупа римскихъ плѣнниковъ, дана тебѣ эта сумма; ты очень хорошо зналъ при томъ же, что я запрѣтилъ рѣшительно всякую торговлю, всякій ввозъ въ мои владѣнія денегъ со стороны иностранцевъ, когда былъ здѣсь съ Максиминномъ». Послѣ этихъ словъ, онъ велѣлъ своимъ стражамъ привести сына Вигилы, и сказалъ, что прикажетъ пронзить его насавозъ мечемъ, если отецъ сейчасъ же не сознается, для какого употребленія и для какой цѣли назначались эти сто фунтовъ золота. Вигила, увидя надъ сыномъ обнаженные мечи, какъ будто обезумѣлъ: съ видомъ умоляющимъ онъ простиралъ руки то къ палачамъ, то къ Аттилѣ, и кричалъ раздирающимъ душу голосомъ: «Не убивайте моего сына, онъ не знаетъ ничего, онъ невиненъ, — виноватъ одинъ я». Тогда онъ раскрылъ до йоты весь свой заговоръ съ Хризафіемъ, рассказалъ, какъ главному внуку пришла мысль объ убійствѣ и какъ одобрилъ ее Эдеконъ, какое участіе принималъ императоръ въ замыслахъ своихъ совѣтниковъ, и какъ онъ — Вигила былъ уполномоченъ, — подъ прикрытіемъ прочихъ членовъ посольства, приготовить исполненіе заговора, — рассказалъ о своемъ свиданіи съ Эдекономъ въ день отъѣзда и обо всемъ, что происходило въ Константинополѣ. Пока онъ говорилъ, Аттила слушалъ его съ внимательностію судьи, и сравнивая въ памяти всѣ подробности, которыя слышалъ изъ устъ этого человѣка съ показаніями Эдекона, убѣдился, что переводчикъ говорилъ правду. Смягчившись мало по малу, онъ приказалъ освободить сына, а отца заключить въ темницу до тѣхъ поръ, пока онъ рѣшитъ его судьбу, такъ или иначе. Вигилу обременили цѣпами, и отвели

въ тюрьму. Что касается до сына, то Аттила счелъ за лучшее отослать его обратно въ Константинополь — поискать тамъ еще сотни фунтовъ золота. «Достань эту сумму, сказалъ онъ ему, — это цѣна жизни твоего отца», и отправилъ его вмѣстѣ съ Орестомъ и Эслою, которымъ даны были особенныя порученія касательно императора.

Между тѣмъ Θεодосій, по общимъ слухамъ, зналъ уже о неудачѣ своихъ предпріятій, и съ мучительнымъ безпокойствомъ ждалъ новаго посольства отъ гунскаго царя. Посланные были приняты и представились императору у подножія трона въ довольно странномъ убранствѣ, котораго однакожъ никто не осмѣливался охуждать. У Ореста повѣшенъ былъ на шеѣ тотъ самый кожаный мѣшокъ, въ которомъ лежали сто фунтовъ золота, и Эсла, стоя подлѣ Ореста, спросилъ предварительно Хризафія, не знакомъ ли ему этотъ мѣшокъ, и потомъ сказалъ слѣдующія слова императору: «Аттила, сынъ Мундзуха, и Θεодосій, — оба сыны благородныхъ родителей; Аттила остался достойнымъ своего рода, а Θεодосій унижилъ свой родъ: ибо, платя дань Аттилѣ, призналъ себя его рабомъ. И вотъ теперь этотъ злой и развращенный рабъ строить тайно козни противъ своего господина; онъ поступаетъ незаконно, и Аттила не перестанетъ говорить во всеуслышаніе объ его позорномъ поступкѣ, пока не выдадутъ ему евнуха Хризафія, и не получатъ онъ заслуженной имъ казни».

Никто не ждалъ такой развязки. Θεодосій готовъ былъ рѣшиться на всѣ униженія, которымъ естественно слѣдовало обрушиться на него, послѣ того какъ открылось его преступленіе; но евнухамъ не хотѣлось лишиться своего могущества, а Хризафію еще менѣе — лишиться головы: и такъ въ императорскомъ дворцѣ все пришло въ смятеніе. Что болѣе всего занимало императора, — это мысль, какъ бы спасти своего камергера, и для достиженія этой цѣли употреблены были всѣ мѣры. Последняя преграда, которую византийская политика противопоставляла еще гордости Аттилы, — была окончательно разрушена: онъ требовалъ посланниковъ именитыхъ, — его требованіе исполнили; онъ назначилъ для этого поименно Анатолія и Нома, — потому что не было еще вельможъ болѣе знаменитыхъ во всей римской имперіи: къ нему послали Ана-

толія и Пома. Аттила сталъ называть, какъ называли обладателя персидской монархіи, — царемъ царей. Усердно занялись даже дѣломъ Констанція, — и Констанцій получилъ изъ рукъ самого императора одну очень богатую вдову въ замѣнъ прежней мевѣсты, вышедшей замужъ за другаго. Не скупились ни на какія уступки, ни на какія низости. Гордость Аттилы была удовлетворена, и, чтобъ оказать почетъ, онъ выѣхалъ на встрѣчу важнымъ особамъ, которыхъ прислали къ нему; впрочемъ онъ говорилъ съ ними жестко, — языкомъ челоуѣка раздраженнаго. Они привезли богатые подарки, которые, казалось, смягчили его: они привезли также большую сумму денегъ, — Аттила взялъ все. Онъ освободилъ Вигилу, потому что смотрѣлъ на него, какъ на преступника, слишкомъ ничтожнаго для его мщенія; ни слова уже онъ не говорилъ о береговой сторонѣ Дуная, которую владѣлъ самъ не по праву, но въ дѣйствительности; ничего не говорилъ и о перебѣжчикахъ, даже освободилъ большое число римскихъ плѣнниковъ безъ выкупа; но — онъ требовалъ головы Хризафія.

Въ этомъ пунктѣ Аттила былъ непреклоненъ.

Вотъ подъ какими предзнаменованіями начался 450-й годъ. Отряды гунскихъ племенъ огромными толпами шли на берега Дуная; дѣлались вооруженія въ народахъ подвластныхъ этимъ ордамъ; готовились къ войнѣ. Визиготы, Гепиды, Герулы, Руги, и даже слышно было, что Акатциры были уже въ походѣ. Безпокойство овладѣло и западной римской имперіей не менѣе, чѣмъ восточной; дѣло Силуана не только не было окончено, но къ этому присоединились еще болѣе важныя замѣшательства; обстоятельства были угрожающія. Наконецъ два гунскіе посланника, пріѣхавшіе изъ Гунніи, въ одинъ и тотъ же день и въ одинъ и тотъ же часъ явились передъ императоромъ Θεодосіемъ и Валентиніаномъ; имъ повелѣно было сказать тому и другому: «Аттила, мой и вмѣстѣ твой, властелинъ, приказываетъ тебѣ приготовить дворецъ, потому что — онъ идетъ!»!

АМ. ТЪЕРИ.

(Продолж. слѣд.)

РИМСКІЕ ГАСТРОНОМЫ ВРЕМЕНЪ АВГУСТА.

Недостаточно ли смертнымъ плодовъ Цереры для пищи и воды для питья? Эти дары природы всегда у насъ подъ руками; они никогда не наскучать, ими никогда не пресытишься. Но человекъ, развращенный роскошью, требуетъ другой пищи, и изобрѣтаетъ самыя изысканныя блюда.

Еврипидъ.

Вамъ, благосклонный читатель, безъ сомнѣнія, еще лучше моего пзвѣстно грамматическое значеніе слова гастрономъ. По этому, считая совершенно излишнимъ пускаться здѣсь въ филологическое толкованіе этого слова, толкованіе столь вредное для желудка, я прямо приступаю къ предмету моей статьи. Но надо начать, какъ говорится, сначала.

Къ великому ужасу всѣхъ истинныхъ гастрономовъ, должно сказать, что древніе Римляне, Римляне временъ Ромула и лучшихъ вѣковъ республики, такъ много прославившіеся на военномъ и гражданскомъ поприщѣ, были сущіе младенцы въ дѣлѣ ѣды: они не обращали на него почти никакаго вниманія. Любимое ихъ кушанье было какое-то мѣсиво, въ родѣ кашпцы, изъ пшеничной муки, въ которую для вкуса прибавляли молодой сыръ, медъ и яйца: на фунтъ муки, обыкновенно, клали одно яйцо, полфунта меду, три фунта сыру, стирали это все вмѣстѣ, разводили водой и потомъ варили въ глиняномъ горшкѣ. Приготовленіе этого кушанья, какъ изволите видѣть, не требовало никакой кухмистер-

ской мудрости; а потому у древнихъ Римлянъ не было поваровъ, или, если и были, то въ весьма не многихъ богатыхъ домахъ и занимались только печеніемъ хлѣба. Титъ Ливійъ рассказываетъ, что на нихъ смотрѣли тогда, какъ на *самыхъ подлѣйшихъ рабовъ*. Но эта святая простота мало по малу исчезла, когда Римляне покороче познакомились съ другими народами, и узнали роскошь, отъ которой, какъ увѣряютъ многіе знаменитые историки и философы, въ томъ числѣ и намъ извѣстный Кайдановъ, пали самыя славныя государства. Въ концѣ шестаго вѣка отъ основанія Рима, богатые патриціи давали уже не только роскошные ужины (ниже мы увидимъ, что обѣдъ у Римлянъ считался за ничто, а главное былъ ужинъ), приготовленные поварами, но стали приводить для забавы во время стола музыкантовъ, арфистовъ и канатныхъ плясунговъ. Съ этого времени, поваръ сдѣлался лицомъ совершенно необходимымъ въ каждомъ порядочномъ домѣ, а занятіе его, называвшееся доселѣ просто ремесломъ, получило названіе искусства. Но такое нововведеніе не понравилось нѣкоторымъ суровымъ приверженцамъ прежняго простаго образа жизни. Въ 570 г. (я считаю и буду считать ниже отъ основанія Рима) народный трибунъ Орхійъ воздвигъ первый говеніе противъ гастрономовъ: онъ предложилъ законъ, которымъ поставлялось въ обязанность всѣмъ и каждому приглашать на ужины только извѣстное число гостей. Это было въ третій годъ цензорства Катона, небольшого охотника до роскоши и гастрономіи. Разъ, смѣясь надъ весьма тучнымъ человѣкомъ, онъ оказалъ: «какую пользу можетъ принести отечеству тѣло, состоящее изъ одного только брюха!» Въ другой разъ, какой-то гастрономъ хотѣлъ подружиться съ нимъ; но Катонъ устранилъ себя отъ этого знакомства, увѣряя, что не можетъ быть въ дружбѣ съ человѣкомъ, у котораго языкъ чувствительнѣе сердца. Спустя двадцать два года послѣ этого, завоеваніе Македоніи еще болѣе усилило роскошь въ Римѣ: въ вѣчный городъ прихлынула огромная масса денегъ, и это дало новую жизнь гастрономіи. Законъ Орхія сдѣлался уже недостаточнымъ, и былъ замѣненъ закономъ Фанніа. Этотъ законъ уже гораздо строже опредѣлялъ издержки на пирахъ: имъ постановлено, что ни одинъ гражданинъ во время игръ и праздниковъ не мо-

жетъ издерживать на гостя болѣе 1 руб. 50 к. сереб. на наши деньги, не включая стоимости хлѣба, вина и зелени; что гостей можно приглашать только отъ трехъ до пяти человѣкъ и не болѣе трехъ разъ въ мѣсяцъ; что за столомъ отнюдь не должно быть подаваемо иностранное вино, а изъ птицъ дозволялось лакомиться только однѣми не откормленными курами; что весь столъ долженъ обходиться не болѣе извѣстной суммы и т. п. Этотъ законъ, въ первое время послѣ своего изданія, нанесъ страшный ударъ римской гастрономіи; но изобрѣтательные умы, занимающіеся этимъ предметомъ, скоро нашли законное средство не исполнять его. Дѣло, какъ кажется, въ томъ, что этотъ законъ, стараясь опредѣлить частности, не заключалъ въ себѣ никакихъ общихъ началъ, и, при видимой опредѣлительности, весьма не опредѣлительнъ. Такъ напримѣръ, дозволяя Римлянамъ то и то, онъ позабылъ сказать, что разумѣеть подъ словомъ *Римляне*, т. е. жителей ли только Рима или же всѣхъ римскихъ гражданъ; далѣе, запрещая подавать во время пировъ откормленныхъ куръ, онъ ни слова не говорилъ объ откормленныхъ цыплятахъ, и не положилъ должной границы между нѣжнымъ возрастомъ цыпленка и курицы. Въ слѣдствіе этого, римскіе ѣдоки поняли, что законъ Фанніа простирается только на одинъ Римъ, а у кого есть вилла за городскою стѣною, тотъ имѣетъ полное право не соблюдать его; что даже, проживя въ самомъ Римѣ, можно законнымъ образомъ не соблюдать этого закона напримѣръ, ѣсть откормленныхъ куръ, подъ скромнымъ названіемъ цыплятъ и т. п. По этому, чрезъ девятнадцать лѣтъ представилась необходимость въ новомъ законѣ. Въ 611 г. явился законъ Дидія, который разъяснилъ, что законъ Фанніа распространяется на всю Италію, и что, въ случаѣ нарушенія его, гости подвергаются одинаковой пенѣ съ хозяевами. Вскорѣ послѣдовавшій за этимъ законъ Лицинія еще болѣе вооружилъ противъ роскоши пировъ. Онъ дозволялъ въ календы, ноны и дни ярмарокъ употреблять не болѣе 45 коп. сереб. на гостя; въ день свадебнаго пира около 3 р., а во все остальное время только по 3 фунта сушеной говядины и по фунту соленой рыбы. Не смотря на то, издателю этого закона, Крассу, не удалось достигнуть предположенной цѣли: гастрономія развивалась съ каждымъ днемъ; число лицъ, занимавшихся этимъ

важнымъ предметомъ, увеличивалось каждую минуту; многіе изъ нихъ, какъ рассказываетъ Авль-Геллій, даже подсмѣивались надъ этимъ закономъ; а во время диктаторства Суллы, многіе великіе люди въ одинъ день проѣдали, или лучше сказать, съѣдали все свое имущество, а потомъ записывались въ разрядъ паразитовъ. Сулла твердо рѣшился уничтожить это зло. Изданный имъ законъ Корнелія запрещалъ употреблять въ праздничные дни, календы, иды и ноны болѣе 1 р. 35 к. сереб. на гостя и только десятую часть этой суммы въ обыкновенное время. Кромѣ того, Сулла опубликовалъ реестръ извѣстнымъ кушаньямъ и установилъ имъ таксу. Лепидъ, Анцій Рестій, Цезарь, Антоній и Августъ также издавали законы по этому предмету; не смотря на то, они не только не успѣли ничего сдѣлать, но время Августа считается еще одною изъ лучшихъ эпохъ римской гастрономіи; а потому я и выбралъ его предметомъ настоящей статьи. Но приступая къ изложенію понятій о гастрономіи, существовавшихъ въ вѣкъ Августа, я непростительно нарушилъ бы долгъ историка—быть справедливымъ и великопріятнымъ,—если бы въ этомъ историческомъ очеркѣ развитія гастрономіи до Августа, не сказалъ ни слова о Лукуллѣ,—этомъ блестящемъ созвѣздіи ѣды, которое такъ ярко озарило послѣдніе дни римской республики. Я постараюсь быть сколько возможно короче. Покоритель Арменіи, побѣдитель Тиграна и Митридата, великій и великолѣпный Лукуллъ, не столько гордился своими побѣдами, сколько изобрѣтеніемъ иногда какого-нибудь новаго кушанья. Кухня сосредоточивала въ себѣ все его мысли; поваръ былъ для него единственно великое лицо въ мірѣ; ѣда самымъ лучшимъ, самымъ доблестнымъ занятіемъ. Но онъ былъ уже такъ не умѣренъ въ этомъ занятіи, что наконецъ нашелся вынужденнымъ приставить къ себѣ особаго раба, обязанность котораго состояла въ томъ, чтобы удерживать Лукулла, если бы ему вздумалось покушать что-нибудь лишнее. Обыкновенные обѣды Лукулла были такъ роскошны, что кажутся баснословными. Цицеронъ и Помпей, слыша постоянно рассказы объ его роскоши, вздумали одинъ разъ сами убѣдиться въ справедливости ихъ. Встрѣтивъ какъ-то на форумѣ великаго гастронома, они объявили ему, что желали бы у него ужинать, но только съ ус-

ловіемъ, чтобы онъ не приказывалъ готовить для шхъ ничего лишняго. Лукуллъ согласился и просилъ только позволенія приказать рабу, какой триклиній приготовить для стола: назначенъ былъ посвященный Аполлону. Каково же было удивленіе Помпея и Цицерона, когда имъ поданъ былъ ужинъ, стоившій болѣе десяти тысячъ руб. сереб. на наши деньги!—Лукуллъ едва могъ имъ растолковать, что подобная роскошь нисколько не рѣдкость для него. Въ другой разъ, у него ужинало нѣсколько пріѣзжихъ грековъ. Столъ былъ баснословный. Чада Элады, воображая, что Лукуллъ тратится такъ собственно для нихъ, замѣтили ему это. « Оно правда, отвѣчалъ имъ Лукуллъ: кое-что я издержалъ собственно для васъ, но самую большую часть для Лукулла. » Въ самомъ дѣлѣ, нѣсколько дней спустя, онъ ужаснымъ образомъ разсердился на своего главнаго кухмистра за то, что онъ подалъ ему ужинъ хуже обыкновеннаго. Бѣдный рабъ, желая какънибудь оправдаться, объяснилъ, что это послѣдовало отъ того, что господинъ его не ждалъ въ этотъ вечеръ никого гостей. « Да развѣ ты не зналъ, закричалъ ему разсерженный гастрономъ: что нынче у Лукулла ужинаетъ Лукуллъ? » Вообще должно сказать, что Лукуллъ былъ недосыгаемымъ образцомъ для всѣхъ послѣдующихъ гастрономовъ.

Во времена Августа, избранное сословіе гастрономовъ составляли всадники и жрецы, то есть люди, болшею частію, праздные и богатые. Многіе латинскіе писатели говорятъ, что, когда давали пиры жрецы, то поднималась цѣна на всѣ жизненные припасы. Но праздность и богатство были едва ли не послѣдними условіями для достиженія имени гастронома хорошаго тона; для этого надо было имѣть качества, которыми обладаетъ не всякій: тонкій вкусъ и умѣнье ѣсть приготовленныя блюда.

Многіе гастрономы временъ Августа обладали удивительно тонкимъ вкусомъ и гордились этимъ до того, что даже олицетворяли ту часть рта, посредствомъ которой, по ихъ мнѣнію, преимущественно сообщалась желудку сладость пищи: о нѣбѣ они говорили не иначе, какъ о человѣкѣ, лицѣ одушевленномъ, одаренномъ разумностію. Если гастрономъ хотѣлъ похвастаться передъ друзьями,

что такое-то блюдо онъ ѣлъ еще за долго до всеобщаго его употребленія, то обыкновенно выражался такъ : « мое небо пробовало это уже давно. » Въ самомъ дѣлѣ, это небо превращалось у нѣкоторыхъ дѣйствительно въ какое-то разумное существо. Гастрономъ, съ завязанными глазами, проглотивъ одну устрицу, могъ безошибочно сказать, давно ли она прибыла въ Римъ и откуда, съ Цирцейскаго ли мыса (нынѣ monte Circello), изъ озера ли Лукринскаго (lago Lucrino), или съ мыса Рутупскаго (въ графствѣ Кентъ въ Англіи); узнавалъ также годъ и родину рыбы или птицы, и ему лучше, нежели кому-либо другому, можно было повѣрить, въ какомъ мѣстѣ пойманы поданные на столъ тибрскіе окуни (lup. tiberinus), въ морѣ ли около устья Тибра, въ Тибрѣ ли около мостовъ, или, наконецъ, подъ самими мостами. Римскіе гастрономы чрезвычайно любили эту рыбу, въ особенности если она была не велика и поймана между мостами, лезавшими чрезъ Тибръ. Усталость, которую ощущалъ окунь, плывя противъ теченія, придавала ему, по словамъ знатоковъ, особенный вкусъ, любимый гастрономами. Одинъ разъ, какой-то гастрономъ обѣдалъ въ бѣдной гостиницѣ въ компаніи, и едва дотрогивался до предлагаемыхъ блюдъ. Когда ему подали окуней, пойманныхъ въ сосѣдней рѣкѣ, и ничѣмъ не отличавшихся съ виду отъ тибрскихъ окуней, то онъ, попробовавъ ихъ, сказалъ : « клянусь, я былъ убѣжденъ, что это рыба ! » Вообще, вкусъ считался, и весьма справедливо, самымъ первымъ условіемъ для всякаго, желавшаго прослыть гастрономомъ.

Второе условіе, какъ сказано выше, было умѣнье ѣсть приготовленныя блюда, и даже самый выборъ ихъ, для чего уже было не достаточно одного тонкаго вкуса, но требовалось также знаніе моды, современнаго состоянія кухоннаго искусства и технической его части. Если бы вы потребовали отъ меня, чтобы я пересчиталъ вамъ всѣ модныя, всѣ любимыя блюда гастрономовъ времени Августа, и описалъ вамъ техническую сторону ихъ приготовленія,—то мнѣ пришлось бы, благосклонный читатель, прочесть съ вами полный курсъ натуральной исторіи и химіи. Гастрономы имѣли необыкновенную способность все разнообразить, давать самый необыкновенный вкусъ самымъ обыкновеннымъ жизнен-

нымъ принасамъ. Одинъ римскій всадникъ научилъ своего повара готовить превосходѣйшее блюдо изъ жареныхъ гусиныхъ лапокъ и иѣтушнихъ гребешковъ; знаменитый Меценатъ извѣстенъ, какъ изобрѣтатель какого-то блюда изъ ослатины, а преторъ Азелій изъ молодыхъ лебедей, мясо которыхъ считается особенно не вкуснымъ. Гастрономъ, постоянно слѣдовавшій модѣ,—подъ опасеніемъ въ противномъ случаѣ прослать человекомъ безъ иѣба,—долженъ былъ ѣсть павлиновъ, привезенныхъ только изъ Самоса, рябчиковъ—изъ Фригіи или Іоніи, фазановъ—съ береговъ Фазаса, журавлей—изъ Мелоса, козлятъ—изъ Амбракіи, тунцовъ (*scomber thynnus*)—изъ Халкедоніи, муренъ—изъ Гартезиса или изъ Сицилійскаго пролива, треску—изъ Пессинунта, устриць—изъ Тарента, съ мыса Цирцейскаго или изъ озера Лукринскаго, стерлядей—изъ Родоса, зеленобрюшекъ (*scarus*)—изъ Киликіи, вьюнѣкъ (*rhombus*)—изъ Равенны, багрянѣкъ (*pingex*), золотобрювокъ (*scarus auratus*) и пелоридъ (*peloris*), изъ озера Лукринскаго, ежей—съ Мизенскаго мыса, ветчину и сосиски изъ Галліи, Ликіи или Иберіи, малопросоленную свинину—изъ страны Секвановъ, сырѣхъ улитокъ—изъ Африки, миндаля—съ острова Фазоса, жолуди—изъ Иберіи, финики—изъ Египта и пр. Словомъ, мода пробовала обѣгать всю Европу, Азію и Африку, чтобы заготовить провизію для стола гастронома. За всѣмъ тѣмъ, истинные гастрономы хорошаго тона позволяли себѣ ѣсть не всѣ части исчисленныхъ выше и многихъ не исчисленныхъ рыбъ и птицъ, но только нѣкоторыя. Въ пуляркѣ, напримѣръ, ѣли только верхнюю оконечность лядвей или грудинку, въ уткѣ мозгъ или грудинку, въ боровѣ голову, въ свиньѣ вымя и внутренности, у красныхъ гусей языки, у бѣлыхъ—печень и пр. Одну винногодяицу (*motacilla ficedula*) дозволялось ѣсть всю. Барвенъ (*mullus surmuletus*) считалось возможнымъ ѣсть только тогда, когда онъ подавался на столъ живымъ. Ихъ клали въ стеклянные сосуды и ставили передъ гостями, которые съ особеннымъ наслажденіемъ любовались различными цвѣтами, покрывавшими рыбокъ въ предсмертной агоніи. врьдѣ тѣмъ, какъ заснуть, барвени начинали биться, и отъ этого усилія все тѣло ихъ покрывалось яркимъ багрянцемъ; потомъ, снуя не много, жабры принимали лазурный отблескъ; послѣ

этого, багрянец и лазурь мѣшались между собою, переливались, блѣднѣли, тѣрили свои отбѣлки и наконецъ соединялись въ одинъ цвѣтъ—темный. Это значило, что барвена уснула и можетъ поступить въ руки повара. Все это у римскихъ гастрономовъ называлось умѣньемъ ѣсть.

Но какъ бы кто изъ нихъ ни умѣлъ отлично ѣсть, какими бы ни обладалъ тонкими вкусами, богатствомъ, наконецъ свободнымъ временемъ, все же считалось необходимымъ имѣть хорошаго повара. Выше я замѣтилъ, что въ лучшее время республики повара были рѣдки, и пользовались не слишкомъ большимъ уваженіемъ; но въ послѣдствіи стало совсемъ другое. Вскорѣ послѣ покоренія Македоніи, всѣ богатые римляне наперерывъ другъ передъ другомъ бросались покупать поваровъ и платили за нихъ страшныя суммы. Во время Августа, рабъ, знавшій поваренное искусство, стоилъ не менѣе 1500 р. сереб. на наши деньги, а пріобрѣтеніе повара—художника своего дѣла обходилось не дешевле триумфа какого нибудь знаменитаго полководца. Гастрономы гордились подобными пріобрѣтеніями, и, взыскательные во многихъ другихъ случаяхъ, обходились съ своими поварами уже черезъ чуръ милостиво. Если столъ былъ приготовленъ во всемъ хорошо, или поваръ изобрѣталъ какое-нибудь новое кушанье, которое приходилось по вкусу хозяину и его гостямъ, то его сей часъ же призывали въ пиршественную залу, осыпали похвалами, подносили кубокъ вина, дарили серебрянный вѣнокъ, дорогую коринѣскую вазу и т. п. Триумвиръ Антоній одинъ разъ до того былъ восхищенъ своимъ поваромъ, что подарилъ ему прекрасный домъ, принадлежавшій одному гражданину Магнезии. Но за то горе было тому повару, который испортилъ какое-нибудь блюдо, приготовилъ его не по вкусу хозяина, или даже не далъ ему надлежащаго вида! Раздраженный гастрономъ сейчасъ же приказывалъ заковать его въ кандалы; потомъ, его приводили въ триклиній, осыпали бранью и упреками, указывая на предметъ его преступленія; за тѣмъ, раздвѣвали и тутъ же безпощадно наказывали кнутомъ съ узлами и свинцовыми пулями или желѣзными раскаленными прутьями. По свидѣтельству Марціала, иногда такую экзекуцію производили сами гастрономы. Вообще, должность

повара была трудная и отвѣтственная: отъ него требовалось не только знаніе и опытность, но даже и воображеніе, потому что иногда ему приказывалось изобрѣтать новыя кушанья. За то, дѣйствительно, у римскихъ гастрономовъ были чудные повара. Иногда всѣ блюда были приготовлены изъ однихъ тыквъ; но, кушая ихъ, вы бы и не подозрѣвали, что это тыквы: вамъ бы казалось, что это бобы, анчоусы, шампиньоны, свишки. Каждое блюдо имѣло не только свойственный ему видъ, но даже вкусъ и запахъ. Атений рассказываетъ анекдотъ еще замисловатѣе. Одинъ разъ, за ужиномъ какого-то гастронома подали цѣлаго вепря, не выпотрошеннаго, одна половина котораго была изжарена, а другая сварена. Призываютъ повара, творца этихъ чудесъ. «Какъ ты сдѣлалъ это,» спрашиваютъ его удивленные гости. «Я самъ убилъ это животное, отвѣчаетъ съ гордостью художникъ, сдѣлавъ ему въ паху вотъ эту маленькую ранку. Когда кровь стекла, я почесалъ его за ноги и тщательно вымылъ виномъ, а внутренности вынулъ посредствомъ горла; потомъ напиталъ, также виномъ, всѣ колбасы и сосиски, которыми онъ начиненъ, и пропустилъ ихъ во внутренность его также посредствомъ горла, заливая ихъ отъ времени до времени питательнымъ соусомъ. Послѣ этого, я обмазалъ одну его половину толстымъ слоемъ тѣста, замѣшаннаго на винѣ и маслѣ, и поставилъ жариться въ самый вольный духъ. Когда жаркое было готово, я снялъ тѣсто и та часть вепря, которая была имъ обложена, оказалась сваренною.» Разумѣется, что, послѣ такого объясненія, гастроному оставалось только поднести художнику заслуженную имъ награду.

Самыми блестящими свѣтилами гастрономіи въ вѣкъ Августа и Тиверія были нѣкто Октавій и Габій Апицій. Они имѣли своихъ поклонниковъ и послѣдователей, изобрѣтали разныя новыя блюда и старались всѣми силами превзойти другъ друга въ роскоши стола. Въ особенности замѣчательнъ Апицій: онъ даже написалъ сочиненіе «О кухонномъ искусствѣ» (*De arte coquinaria*). Какъ нѣкоторые философы отъ имени учителей своихъ назывались Платониками, Эпикурейцами и т. п., такъ и повара, получившіе образованіе подъ руководствомъ Апиція, назывались *апициками*. Онъ былъ страшный охотникъ до морскихъ раковъ. Чтобы на-

сладиться этимъ лакомымъ блюдомъ вполнѣ, Апицій какъ-то разъ отправился въ Минтурны, въ Кампанію, гдѣ ихъ ловили въ огромномъ количествѣ и превосходнаго качества. Не успѣлъ онъ туда пріѣхать, какъ кто-то ему сказалъ, что около африканскихъ береговъ попадаются раки еще больше и еще вкуснѣе минтуринскихъ. Великій гастрономъ сей-часъ же нанялъ судно и отправился въ Африку. Молва о его прибытіи разнеслась весьма быстро, и онъ не сталъ еще на якорь, какъ корабль его былъ со всѣхъ сторонъ окруженъ лодками, съ которыхъ рыбаки предлагали ему раковъ. Апицій посмотрѣлъ на нихъ опытнымъ окомъ гастронома. «А больше нѣтъ?» Нѣтъ. «Такъ ступай же назадъ въ Минтурны,» сказалъ онъ своему кормчему, и отплылъ, не ступивъ даже на Африканскій берегъ.

Апицій и Октавій были извѣстны и Тиверію. Одинъ разъ кто-то прислалъ ему барвену вѣсомъ въ четыре съ половиною фунта. Это была рѣдкость, потому что подобнаго рода рыба никогда не бываетъ больше двухъ фунтовъ. Тиверій принялъ ее, но сей-часъ же велѣлъ продать на рынкѣ. «Чѣмъ угодно ручаюсь,» сказалъ онъ окружавшимъ его придворнымъ, что Октавій или Апицій непременно купитъ эту рыбу.» Такъ и случилось. Только что рабъ явился на рыбакій рынокъ, какъ присутствовавшіе тамъ постоянно два помянутые гастронома приступили къ нему, стали торговаться и набили страшную цѣну. Однакожь, побѣда осталась за Октавіемъ: онъ заплатилъ за барвену 246 р. 90 к. на наши деньги, и считалъ, что это еще дешево, потому что многіе платили и болѣе 500 р.

Опишемъ дневныя занятія римскаго гастронома Августова вѣка. Всѣ эти занятія сосредоточивались въ ѣдѣ, а потому я и буду преимущественно говорить объ ней.

Процессъ яденія римскіе гастрономы совершали четыре раза въ день, и каждый моментъ этого процесса имѣлъ свои особыя названія, а именно: завтракъ (jentaculum), обѣдъ (prandium), ужинъ (coena) и попойка, (commissatio).

Завтракъ почти едва стоялъ, чтобы объ немъ упоминать. Онъ, большею частію, состоялъ изъ куска хлѣба, обмоченнаго въ винъ, изъ хлѣба и сыра, или просто изъ одного вина, въ которое клали

ароматическое растение *silium*, родъ укропа. Отъ этого иногда и гастрономъ, имѣвшій привычку завтракать, назывался *Силатомъ*.

Послѣ завтрака, записные ѣдоки, обыкновенно, отправлялись на рынки, которыхъ въ Римѣ было множество для каждаго рода торговли. Рынки, гдѣ продавались съѣстные припасы, были слѣдующіе: *forum Cupidinis* — съѣстной рынокъ, близъ Святой улицы; *forum Olitorium* — масляный рынокъ, недалеко отъ Карментальныхъ воротъ; *forum Piscarium*, рыбный рынокъ, тоже не далеко отъ Карментальныхъ воротъ; *forum Pictorium* — хлебный рынокъ, въ Авентивской части; наковецъ, *Arca Radicaria* — рынокъ, гдѣ продавались разные корни, между Авентиномъ и Целиемъ, не далеко отъ большаго цирка. Самые замѣчательнѣйшіе изъ этихъ рынковъ были *forum Cupidinis* и *forum Piscarium*. Первый былъ тоже самое, что въ Москвѣ Охотный Рядъ: здѣсь можно было найти все, что угодно: печеный хлѣбъ, разные роды мяса, готовое кушанье, всякую зелень и плоды, всевозможную дичь и пр. Напротивъ того, на рыбномъ рынкѣ продавалась только одна рыба. Въ базарные дни, они съ ранняго утра бывали биткомъ набиты народомъ. Шумъ и крикъ были невообразимы. Едва вы сдѣлали бы нѣсколько шаговъ, хоть на примѣръ по *for. Cupidinis*, какъ на встрѣчу ваятъ попалась бы цѣлая толпа мелкихъ кочующихъ торговцевъ, которые имѣли привычку во всё горло кричать названія своихъ товаровъ. Тутъ множество разносчиковъ мѣняли разные бездѣлушки на битое стекло; другіе продавали вареный горохъ; третьи предлагали желающимъ изъ жестяныхъ печей жареныя колбасы; мулы тащили цѣлыя горы зелени; гаеры и фокусники представляли на подмосткахъ разные штуки, показывали змѣй, продавали лекарства отъ укушенія ихъ и пр. *For. Cupidinis* и *Piscarium* замѣчательны также еще тѣмъ, что это были сборныя мѣста вольнопрактикующихъ поваровъ, охотниковъ и въ особенности гастрономовъ. Этихъ послѣднихъ сейчасъ можно было узнать по тому заботливому виду, съ которымъ они рассматривали съѣстные припасы, желая отыскать между ними что нибудь новенькое. Грязь и неприятный запахъ рыбнаго рынка не пугали ихъ; завернувшись въ свои тоги, они геройски

переступали черезъ лужи, образовавшіеся отъ рыбныхъ садковъ. Найдя что нибудь по вкусу, они, почти не торгуясь, покупали, сдавали на руки невольнику и отправлялись домой, въ ожиданіи блаженной минуты, когда настанетъ время ужина. Разумѣется, что торговцы знали наперечетъ всѣхъ современныхъ гастрономовъ, а потому драли съ нихъ страшныя суммы.

Около полудня, или въ шестомъ часу по римскому исчисленію, гастрономы обѣдали. Обѣдъ, какъ и завтракъ, состоялъ, болышею частію, изъ куска хлѣба или сыра и имѣлъ цѣль только заморить чсрвячка, какъ говорятъ у насъ на Руси. Онъ почти ни чѣмъ не отличался отъ завтрака, а иногда назывался даже *маленькимъ завтракомъ*.

Наконецъ, приближается время настоящаго блаженства гастронома, ужинъ. Но прежде, нежели я стану говорить объ немъ, позвольте сказать нѣсколько словъ о мѣстахъ, гдѣ ужинали римляне.

Каждый порядочный римскій домъ во времена Августа непременно долженъ былъ заключать въ себѣ особенное отдѣленіе для ѣды. Отдѣленіе это, обыкновенно, называлось *триклиніемъ* и находилось по бокамъ *атрій* или пріемной. Какое мѣсто занималъ въ домѣ атрій, а слѣдовательно и триkliniй, я объяснять не стану, потому что если вы, благосклонный читатель, бывали въ Помпей, то знаете это еще лучше меня; если же не бывали, то имѣете полную возможность почерпнуть это свѣдѣніе изъ плановъ римскихъ домовъ, приложенныхъ къ сочиненіямъ Левшина и Класовскаго. Я лучше обращаю ваше вниманіе на самое названіе триkliniя. Триkliniй — слово греческое и значить собственно *три постели* или, пожалуй, *три ложа*. Въ первыя времена республики, римляне обѣдали и ужинали, сидя за столомъ, обычай, заимствованный ими, какъ увѣряютъ нѣкоторые, и между прочими комментаторъ Виргилія Сервій, отъ Критянъ и Спартанцевъ. Но, познакомясь съ востокомъ, и полюбивъ его роскошь и нѣгу, они, подобно восточнымъ, стали уже не сидѣть, а лежать за столомъ на постелѣ, облодотясь на подушку. А какъ самымъ лучшимъ числомъ гостей во время обѣда считалось три, и слѣдовательно для нихъ надо было три постели или ложа, то и комната, гдѣ стояли

эти ложа, называя триклиніемъ, троеложною, — по нашему, столовою. Это названіе она удерживала за собою, если въ ней паходилось и не три, а болѣе ложа. Впрочемъ, для безцеремонныхъ дружескихъ обѣдовъ и попоекъ у римлянъ были столовыя и съ двумя только ложами: въ такомъ случаѣ, онѣ назывались биклиніями, то есть двуложными. Въ богатыхъ домахъ было по нѣсколькx триклиніевъ и биклиніевъ, какъ то: лѣтніе, устраивавшіеся на сѣверной сторонѣ дома, зимніе на западной, осенніе и весенніе на восточной. Вообще, они были вдвое больше въ длину, чѣмъ въ ширину и почти всѣ посвящались разнымъ божествамъ — Меркурію, Апполону и др. Здѣсь блистала всевозможная роскошь, такъ что ораторъ Фаворинъ имѣлъ полное право сказать, что нѣкоторые богачи жьтъ лучше, чѣмъ боги. Полы триклинія устлались квадратными мраморными плитами; мраморныя стѣны обставлялись статуями или покрывались живописью: обыкновенно, изображали сатировъ, собирающихъ виноградъ, травлю кабана, плоды, деревья съ гроздами, а иногда и историческія картины. Нѣкоторыя статуи были покрыты золотомъ, и служили вмѣсто канделябровъ во время ночныхъ пооекъ. Ложа устанавливались параллельно со стѣнами триклинія, исключая стѣны, въ которой находилась дверь. Въ зимнихъ триклиніяхъ ложа отдѣльвались золотомъ и слоновою костью, въ весеннихъ и осеннихъ серебромъ и черепахою, въ лѣтнихъ — лимоннымъ деревомъ или другимъ чѣмъ, смотря по вкусу хозяина. Находившіеся на нихъ матрасы набивались галльскимъ льномъ или лебяжьимъ пухомъ, накрывались былыми, вышитыми золотомъ покрывалами, и раздѣлялись мягкими подушками на три части. Подушки были покрыты вавилонскимъ пурпуромъ, (наволоками?) шелковыми матеріями или какимъ нибудь дорогимъ шитьемъ. Иногда одна такая подушка стоила хозяину огромной суммы. Столы триклинія также не уступали въ роскоши ложамъ. Они были круглые, на одной ножкѣ, — бронзовой, слоновой кости или какого нибудь дорогаго дерева. Больше всего употреблялись кедровые столы на костяныхъ ножкахъ, украшенныхъ рѣзбою. Пята на ихъ дорогихъ доскахъ иногда походили на пантерову шкуру, иногда на павлиный хвостъ или перепутавшіяся растенія. Многіе изъ тогдашнихъ богачей и гастрономовъ платилг

страшныя суммы денегъ за подобныя столы. Во время пиришествъ, около ложъ въ триклиніяхъ ставили еще особеннаго рода столы, называвшіеся *абаками* (*abaci*). Они состояли изъ мраморныхъ досокъ на серебрянныхъ или бронзовыхъ вызолоченныхъ бараньихъ ногахъ или на концахъ крыльевъ двухъ грифовъ. На нихъ ставили разныя чаши, стеклянныя, золотыя и серебрянныя вещи и рѣдкости съ именами хозяина, выбранныя такимъ образомъ, что соответствовали архитектурѣ каждаго триклинія. Биклінія не отличались подобною роскошью: ложа въ нихъ отдѣлялись только бронзою и покрывались козлиными кожами; столы также были просты.

Ужинъ римскаго гастронома Августова вѣка раньше не начинался, какъ послѣ захода солнца, то есть въ девятомъ часу: ужинать раньше считалось не приличнымъ. Въ это время оканчивались всѣ дневныя занятія, и къ гастроному заходили друзья, — одни, чтобы потолковать о новостяхъ, другіе, — чтобы попробовать какого-нибудь новаго блюда. Вообще, Римляне не любили многочисленныхъ собраний: они говорили, что число гостей за столомъ не должно быть меньше числа грацій и больше числа музъ. Это правило перешло даже въ пословицу: семь — гостей бѣда; девять — бѣда (*septem — convivium, novem — convicium*). Въ самомъ дѣлѣ, въ триклиніяхъ только и было мѣстъ, что для девяти человекъ, и именно на каждомъ изъ трехъ ложъ по три мѣста. Но иногда хозяинъ долженъ былъ по неволѣ положить на ложе больше трехъ гостей. Хотя приглашенія на ужинъ были письменныя, и посылались только на одно лицо, но часто случалось, что приглашенный гость приводилъ съ собою другихъ гостей. Это обыкновеніе, столь странное для насъ, считалось совершенно естественнымъ въ Римѣ. Впрочемъ, и тамъ въ этомъ случаѣ требовались нѣкоторыя условія. Такъ, напримѣръ, приличіе требовало, чтобы незваныхъ гостей привелъ съ собою другъ хозяина, ближайшій его родственникъ или какое-нибудь почетное лицо, а не другой кто; чтобы число этихъ гостей, или тѣней, какъ называли ихъ римляне (то есть тѣней тѣхъ, кто ихъ приводилъ), не было слишкомъ велико; наконецъ, чтобы тѣни эти были лица, находящіяся въ тѣсной дружбѣ съ тѣмъ, кто ихъ привелъ, или только что пріѣхавшія

откуда-нибудь, или уѣзжающія, или такія, съ которыми приведеній ихъ хотѣлъ непременно познакомиться хозяина. — Другаго рода неожиданные гости были паразиты, которые, обыкновенно, бѣгали вездѣ съ цѣлю, чтобы ихъ пригласили на ужинъ. Имъ въ этомъ отказывали довольно рѣдко, но за то и не церемонились съ ними. Если не было мѣста на ложахъ, ихъ сажали на простыя лавки. Впрочемъ, прибытіе неожиданныхъ гостей на ужинъ къ гастроному во всякомъ случаѣ было исключеніемъ изъ общаго правила: законное число гостей, какъ сказано выше, было всегда 9.

Когда хозяинъ видѣлъ, что къ нему собрались всѣ, кого онъ ожидалъ, то приказывалъ рабамъ приготовить ужинъ. Чтобы имѣть лучшій апшетитъ, многіе записные ѣдоки щекотали у себя въ горлѣ перомъ, производили тошноту и такимъ образомъ очищали мѣсто для пищи. Замѣчу кстати, что тоже самое повторялось нѣсколько разъ и во время самаго ужина, послѣ каждой перемѣны блюда, и не считалось ни мало не приличнымъ. Этой модѣ слѣдовалъ и Юлій Цезарь, а Цицеронъ въ одномъ письмѣ къ Аттику говоритъ объ этомъ, какъ о вещи весьма простой, весьма обыкновенной, которая даже совершенно необходима, если кто хочетъ сдѣлать честь гастрономическому ужину. Послѣ этой операціи, когда ужинъ былъ уже совершенно готовъ, хозяинъ укладывалъ своихъ гостей на пріличные мѣста.

Выше замѣчено, что Римляне ѣли полу-лежа на ложахъ, — то ложе этихъ было въ триклиній три, п каждое изъ нихъ заключало три мѣста. Самымъ почетнымъ ложемъ считалось находившееся противъ дверей и составлявшее средину двухъ другихъ ложъ: это ложе называлось *среднимъ* (*medius lectus*). — Мѣста, на которыхъ оно раздѣлялось, имѣли различныя степени почетности; такъ напримѣръ, самымъ почетнымъ мѣстомъ этого ложа считалось крайнее съ лѣвой стороны, которое, обыкновенно, занималъ самъ хозяинъ; за нимъ слѣдовало крайнее съ правой стороны, которое называлось консульскимъ, потому что если на ужинѣ случалось бывать консулу, то онъ всегда занималъ это мѣсто, а если не было въ числѣ приглашенныхъ консула, то тутъ ложился самый почетный гость, третье мѣсто, среднее между двумя означенными выше, было предлагаемо одному изъ второстепенныхъ

гостей. Ложе, примыкавшее къ среднему съ лѣвой стороны, считалось также почетнымъ; оно называлось *вышнимъ ложемъ* (*summus lectus*). Здѣсь обыкновенно, возлежали друзья хозяина или какія-либо другія уважаемыя имъ лица. Третье ложе, примыкавшее къ среднему съ правой стороны, называлось *низшимъ* (*imus lectus*): тутъ помѣщались второстепенные гости, домашніе и паразиты.

Когда гости занимали назначенныя имъ мѣста, рабы снимали съ нихъ сандалии и башмаки, а мальчики подавали имъ умывать руки и ноги, и чистили ногти. Это считалось необходимымъ потому, что Римляне цѣлый день были на воздухѣ и слѣдовательно постоянно подвергались вѣянію пыли. Послѣ этого, по прочтеніи молитвы богамъ и по возліяніи въ честь ихъ нѣсколькихъ капель вина, начинался самый ужинъ.

Правильный ужинъ состоялъ изъ трехъ, а иногда изъ шести перемѣнъ, то есть изъ трехъ или шести ужиновъ, подававшихся одинъ за другимъ.

Первая перемѣна называлась *gustatio* отъ слова *gustus* — вкусъ. Это тоже самое, что наша закуска. Она состояла изъ кушаньевъ, возбуждающихъ аппетитъ, какъ то: вареныхъ яицъ, вареныхъ устрицъ, икры, спаржи, рѣдиски, латука, оливъ, фигъ, сирійскихъ сливъ, гранатныхъ яблокъ и другихъ легкихъ кушаньевъ и плодовъ.

Во второй перемѣнѣ поваръ долженъ былъ показать все свое искусство. Тутъ подавались самыя лакомыя блюда римскихъ гастрономовъ: бѣлки, вареныя въ меду и маслѣ, языки красныхъ гусей, іонійскія куропатки, горлицы и печень бѣлаго гуся, которой посредствомъ размачиванія въ меду и молокѣ давали такіе огромные размѣры, что она, по словамъ Марціала, дѣлалась иногда больше самаго гуся. Благодарные гастрономы, на равнѣ съ именами великихъ благодѣтелей рода человеческого, сохранили для потомства имя открывшаго такой способъ увеличивать гусиную печень. Это былъ нѣкто консулярій Метелль Сиціонъ, а по другимъ, — всадникъ Сеій. Это открытіе повело къ другому: извѣстный Аппіцій нашелъ средство увеличивать свиную печень. Для этого требовалось, чтобы свинья была откормлена непремѣнно

сушеными фигами, а передъ тѣмъ, какъ убить, ее помли до пьяна лучшимъ виномъ. За эту же переѣною подавались у многихъ гастрономовъ жареные павлины, жареная телятина, дрозды, индѣйки, гуси, ромбы, зайцы и, наконецъ, кабаны, о которыхъ считая нужнымъ сказать пространнѣе.

Римляне всегда были не равнодушны къ мясу кабана. Во время республики подавали на столъ только одинъ хребетъ его; но Сервилій Руллъ, отецъ того Рулла, который въ консульство Цицерона предложилъ одинъ изъ важнѣйшихъ аграрныхъ законовъ, ввелъ моду подавать цѣльныхъ кабановъ. Эта мода распространилась повсюду съ пѣвнроятною быстротою. Чтобы ужинъ дѣйствительно стоилъ этого названія, при Августѣ считалось уже необходимымъ, чтобы на столъ подано было по крайней мѣрѣ два или три кабана, изъ которыхъ охота за каждымъ, можетъ быть, стоила жизни нѣсколькимъ человѣкамъ. Иногда кабакъ назывался *троянскимъ*, подобно тому, какъ былъ нѣкогда троянскій конь: вмѣсто воиновъ, онъ, обыкновенно, начинался кровавыми колбасами, сосисками, а иногда и живыми дроздами, какъ говорить въ одномъ мѣстѣ Петроній, которые сейчасъ же разлетались, какъ только поваръ вскрывалъ животное. Гости тутъ же ловили ихъ и убивали.

Многія блюда, подававшіяся во второй переѣнѣ ужина, были приправлены соусами. Лучшимъ соусомъ римскіе гастрономы считали такъ называемый *garum*. Они приправляли имъ почти всѣ кушанья и даже устрицы. *Garum* дѣлался изъ крови и внутренностей морскихъ рыбъ, крѣпко просаливался, высушивался на солнцѣ, толкся въ порошокъ, разводился снова кровью и снова просаливался. Запахъ его былъ чрезвычайно крѣпкій, вкусъ до нельзя соленый. Въ особенности, его отлично приготавливали въ новомъ Каренгенѣ. Плиній рассказываетъ, что онъ продавался такъ дорого, что стоилъ едва ли не дороже благовоній.

Всѣ блюда каждой переѣны подавались разомъ на огромномъ деревянномъ, серебряномъ или обложенномъ серебромъ подносѣ (*ferculum, herositorium*), во всю величину стола. Для сохраненія теплоты, нѣкоторыя кушанья подавались на жаровняхъ.

Римляне, изобрѣтшіе множество разныхъ вещей для всѣхъ по-

требностей жизни, почти ничего не изобрѣли для стола. У нихъ были ножи для рѣзанія мяса, ложки (*cochleares*) ѣсть яйца и разныя жидкости, зубочистки (*dentiscalpia*) изъ гусиныхъ перьевъ или изъ листьевъ мастиковаго дерева (*lentiscus, pistacia lentiscus*), вотъ и все. Всѣ гости являлись даже съ своими салфетками (*lintea parra*). Мясо ѣли руками, а потому послѣ каждой перемѣны рабы подавали умывать руки изъ вазъ съ узкими горлышками; вода лилась въ тазъ, который рабъ держалъ въ лѣвой рукѣ. Также послѣ каждой перемѣны подавалось вино; но объ этомъ подробнѣе я поговорю ниже.

Третья перемѣна была въ сущности не что иное, какъ продолженіе второй: тутъ подавали лакомства, медъ, бѣлый макъ, вареный въ меду, печенья, плоды въ большихъ тростниковыхъ или золотыхъ корзинкахъ разнаго рода пирожныя, искусно слѣпленныя изъ сладкаго тѣста, раковины, дрозды, набитые винными ягодами и миндалемъ, айвы, нашпигованныя миндалемъ такъ, что представляли видъ ежей, дынь и пр. Всѣ эти блюда назывались общимъ именемъ *bellaria*.

Я совсѣмъ забылъ упомянуть о прислугѣ во время стола. Лица, имѣвшія притязаніе на щегольство, заставляли служить у себя за столомъ рабовъ молодыхъ, красивыхъ и всѣхъ одного возраста. Они были одѣты въ бѣлыя туники, доходившія до коленъ; волосы у нихъ были причесаны, а около пояса обвито полотеницу. Они должны были исполнять малѣйшія желанія собесѣдниковъ и угадывать ихъ даже по знакамъ. Всѣ рабы, служившіе за столомъ, имѣли свои опредѣленныя должности и названія: *promuscondus*—главный экономъ и въ особенности смотритель погреба; *archimagirus*—начальникъ кухни,—онъ заказывалъ ужинъ; *strucator*—ставилъ блюда на столъ въ известномъ порядкѣ; *scissor* рѣзалъ мясо, и его искусство требовало большой сноровки. Были изъ нихъ и такіе, которые успѣвали разрѣзать дичь прежде, нежели ирующіе успѣвали рассмотреть ее хорошенько. За тѣмъ слѣдовала толпа другихъ служителей, находившихся подъ вѣдѣніемъ триклинарха, главнаго офиціанта и начальника рабовъ, прислуживавшихъ въ триклиніѣ. Одни изъ нихъ подавали хлѣбы на серебряныхъ блюдахъ или въ корзинахъ; другіе подавали пить,

и стояли по одному подлѣ каждого гостя; нѣкоторые, помоложе, смотрѣли за чистотою триклинія, стирали съ полу слѣды нечистоты или нетрезвости, подавали вазы тѣмъ, которые не умѣренно пили, сметали послѣ каждой перемѣны все, что могло быть неприятно для взора или обонанія, стирали со столовъ пурпурными тряпками и косматыми полотенцами всѣ крошки, какія могли оставаться на нихъ; наливали въ лампы (lucernae) масло смѣшанное съ ароматами и т. п. Наконецъ, обязанность нѣкоторыхъ рабовъ состояла въ томъ, что они брызгали на пирующахъ настоемъ сухостебельника (adanthum) и желѣзняка (verbena) для возбужденія въ нихъ веселости, а во время послѣдней перемѣны усынали полъ деревянными опилками, окрашенными яркимъ сурикомъ (minium) и душистымъ шафраномъ.

Кромѣ того, каждый гость приводилъ, обыкновенно, своего раба, который во время ужина находился подлѣ ложа своего господина. За тѣмъ, лѣтомъ у богачей была за ужиномъ толпа мальчиковъ и дѣвочекъ: первые обмахивали гостей отъ мухъ мертвыми вѣтками, вторыя прохлаждали ихъ вѣтвями какого-нибудь густолиственного дерева.

Большая часть ужиновъ оканчивалась раздачею гостямъ остатковъ послѣдней перемѣны. Всякій выбиралъ то, что считалъ за лучшее для своихъ родственниковъ или знакомыхъ, завязывалъ въ салфетку и отдавалъ рабу.

Вскорѣ послѣ ужина, начиналась попойка (commissatio). Иногда она проходила въ томъ же самомъ триклиніи, гдѣ былъ ужинъ, а иногда для этого приготовляли другой триклиній, ставили столы и ложа, зажигали лампы, а кравчіе приносили разнаго рода вина въ кратерахъ, то-есть въ большихъ серебрянныхъ чашахъ съ широкими отверстіями. Когда все было готово для попойки, тогда гости приходили и занимали назначенныя мѣста.

Искусство пить у римскихъ гастрономовъ имѣло точно также свои правила, какъ и искусство ѣсть. Многіе записные питухи, предъ наступленіемъ попойки, для того, чтобы возбудить жажду, валялись въ грязи; нѣкоторые принимали цикуту, чтобы страхъ смерти заставлялъ больше пить; другіе пили толченую пемзу и проч. Но главное средство для возбужденія жажды — была баня;

а потому случаются иногда, что лица, желавшія совершить попойку, предварительно ходили въ баню.

Обыкновенно, попойка начиналась тѣмъ, что собесѣдники избирали между собою царя пира (*rex convivii, arbiter bibendi*). Это дѣлалось не иначе, какъ по жребію — брали кости и бросали на столъ: кто получалъ Вееринъ ударъ, тотъ и назначался царемъ пира. Царю пира должны были безусловно повиноваться всѣ гости, подъ опасеніемъ штрафа, хотя впрочемъ приказанія его и не всегда соответствовали характеру гостей.

За тѣмъ, рабы приносили въ триклиній вѣнки. Обычай надѣвать во время попойки или даже въ концѣ ужина вѣнки на голову заимствованъ, кажется, Римлянами у Грековъ, которые приписывали цвѣтамъ свойство, уничтожающее хмѣль, и надѣвали ихъ не только на голову, но даже на шею и грудь. Римляне надѣвали вѣнокъ только на голову, и употребляли для этого, обыкновенно, розы, фіалки, плющъ, мирты и сельдерей, а иногда, — въ особенности во всея зимы, когда зелени и цвѣтовъ достать было невозможно, — носили такъ называемые зимніе вѣнки (*coronae hibernae*), которые дѣлались изъ тонкаго крашевнаго рога. Надо замѣтить, что, щедрые на многое другое, римляне были довольно скупы на вѣнки: только одни богатые хозяева раздавали ихъ гостямъ отъ себя; у менѣе достаточныхъ гости приносили свои собственные.

Когда волосы гостей были умащены душистыми драгоценными мазями и масломъ, и вѣнки надѣты, тогда, по приказанію царя пира, начинали пить. Въ лучшее время республики, римляне пили плохое домашнее италянское вино, и то весьма умѣренно; но въ послѣдствіи, особенно въ концѣ республики, въ Римъ стали привозить и разныя греческія вина, какъ то хіосское и др. Въ особенности дорого цѣнили старое греческое вино. Но его употребляли съ большою умѣренностію, и Лукуллъ говаривалъ, что въ дѣтствѣ его, какой бы роскошный ужинъ ни былъ, греческаго вина болѣе одного разу не подавали. Впрочемъ, такая умѣренность скоро вышла изъ моды. Юлій Цезарь за однимъ ужиномъ велѣлъ подать по четыре кубка разныхъ сортовъ греческихъ винъ. Во время Августа, въ Италіи были уже свои хоронія вина, изъ которыхъ преимущественно славились: суррентское,

пекубское, массивское и фалерское или консульское. Латинскіе поэты и прозаики столько наговорили объ этомъ последнемъ винѣ, что новѣйшіе гастрономы должны бы были, по всей справедливости, позавидовать древнимъ, потому что имъ уже не придется пить фалерскаго. Читая отзывы древнихъ, можно подумать, что фалерское было не что иное, какъ тотъ нектаръ, которымъ частенько упивался царь боговъ. Но въ самомъ дѣлѣ это было нѣсколько иначе. Знаменитое столѣтнее консульское вино, названное такъ потому, что оно было приготовлено въ 632 году, во время консульства Опimia, когда былъ большой урожай на виноградъ,—консульское вино походило густотою на медъ, и было такъ горько, что его самые отчаянные питухи иначе не могли употреблять, какъ только въ самомъ небольшомъ количествѣ, и то въ смѣси съ другими винами, преимущественно же съ хіосскимъ. Впрочемъ, сказать правду, какъ Греки, такъ и Римляне не очень любили пить цѣльное вино, чего добиваемся такъ мы, новѣйшіе, но всегда подбавляли туда что-нибудь постороннее: для крѣпости—одно вино мѣшали съ другимъ, для слабости—съ водою. Иногда мѣшали вино съ нардомъ, съ нардомъ и розами, съ одними розами, съ фиесташками и полынью, морской водой, розовымъ масломъ и тиметскимъ медомъ. Въ последнемъ случаѣ, питье называлось *pulsum*.—Мода запрещала только смѣшивать вино ватиканское съ фалерскимъ. «Что тебѣ за удовольствіе, говорить Марціанъ одному своему пріятелю Туккъ, смѣшивать старое фалерское съ ватиканскими выжимками? Чѣмъ угодили тебѣ самыя скверныя вина, чѣмъ прогнѣвали самыя лучшія? Положимъ, отравить насъ еще ничего; но отравить фалерское и влить въ вино Кампаніи адскій ядъ,—это самое гнусное преступленіе. Можетъ быть, твои гости заслуживаютъ смерти; но эта драгоценная амфора—никогда!» Лѣтомъ вино прохладжали, пропуская сквозь снѣгъ, наложенный въ льняной мѣшокъ; зимою подогрѣвали его на огнѣ.

Въ древности не было, какъ у насъ, обществъ трезвости, и, если древніе собирались покутить, то ужъ кутали порядкомъ. Изъ извѣстной «Попойки» божественнаго Платона мы знаемъ, что Алкивиадъ на пиру у Агаѳона пилъ вино изъ цѣлаго кратера,

который помѣщалъ въ себѣ два штофа. То же самое дѣлалъ на этомъ пиру и мудрый Сократъ, да еще и перещеголялъ всѣхъ, потому что, пропировавъ до самаго утра, когда нѣкоторые изъ гостей уже задремали, онъ преспокойно всталъ—и, какъ ни въ чемъ не бывало, отправился въ Ликей. Древніе Римляне были весьма воздержны, какъ удостовѣряютъ многіе писатели.—Авлъ Геллій, со словъ лѣтописца Луція Пизона Фруга, рассказываетъ, что одинъ разъ Ромулъ былъ на какомъ-то пиру и пилъ очень мало. Кто-то, замѣтивъ это, сказалъ ему:—ну, Ромулъ, если бы всѣ пили такъ, какъ ты, то вино было бы ни почемъ! «Напротивъ, отвѣчалъ ему Ромулъ,—тогда оно было бы очень дорого: я пилъ, сколько хотѣлъ». Но Римляне позднѣйшихъ временъ также не отстали въ этомъ отношеніи отъ Грековъ, учителей своихъ во многомъ, какъ хорошемъ, такъ и дурномъ. Нѣкто Новеллій Торкватъ до того наострился въ искусствѣ пить, что одинъ разъ въ присутствіи Тиверія выпилъ, не переводя духу, около четырехъ штофовъ на нашу мѣру. Тиверій такъ и ахнулъ; а между тѣмъ извѣстно, что въ молодости онъ самъ не прочь былъ покутить, и, бывши уже Цезаремъ, сдѣлалъ М. Пизона префектомъ города за то, что онъ пилъ съ нимъ однажды цѣлыхъ двое сутокъ.

Какое вино подавать послѣ какого, сколько кому выпить, какимъ образомъ пить, то есть просто ли по-римски, безъ всякихъ церемоній, или же пить по-гречески (*græco modo bibere*), то есть пить за чье-нибудь здоровье, и именно столько кубковъ, сколько литтеръ находится въ имени того лица, чье здоровье пьютъ,—распоряженіе всѣмъ этимъ зависѣло отъ царя пира. Онъ также давалъ направленіе разговорамъ собесѣдниковъ. Варронъ говоритъ, что собесѣдники на пиру должны быть не слишкомъ болтливы, не слишкомъ молчаливы,—потому что краснорѣчіе хорошо только на форумѣ и въ сенатѣ, а безмолвіе—въ спальнѣ. Онъ требуетъ, чтобы разговоры устремлялись не къ такимъ вопросамъ, которые могутъ затруднить кого-нибудь, и такимъ образомъ доставить ему безпокойство, но къ такимъ, которые соединяли бы въ себѣ пріятное съ полезнымъ. Чтобы достичь этого, по его мнѣнію, лучше всего говорить на пирахъ о предметахъ обыденной жизни, которыми не занимаются на форумѣ. Нако-

нецъ, царь пира распорядился во время попойки представленіями, заставлялъ пѣвцовъ пѣть, импровизаторовъ импровизировать, поэтвъ—читать стихи, риторовъ—декламировать, философовъ—разрѣшать задачи, танцовщицъ—танцовать и т. п. Но пора сказать нѣсколько словъ обо всѣхъ этихъ увеселеніяхъ, которыя были неразлучны съ каждымъ ужиномъ и попойкою истиннаго римскаго гастронома.

«У нашихъ предковъ, говоритъ Цицеронъ, во время пиршества наблюдался обычай, по которому возлежавшіе поочередно воспѣвали подъ звуки флейты славу и добродѣтели знаменитыхъ людей.» Иногда обязанность пѣть старинныя пѣсни, по словамъ грамматика Нонія, возлагалась на юношей. Эти героическія раскодія нѣжили слухъ суроваго римлянина, воспаляли его любовь къ родинѣ, а съ тѣмъ вмѣстѣ передавали и юношамъ преданія глубокой старины. Римлянинъ, возросшій на войнѣ, дышавшій только одною ею и равнодушный ко всему остальному, задумывался, слыша эти пѣсни, какъ задумывался нѣкогда, въ средніе вѣка, какой-нибудь закованный въ латы баронъ, слушаая пѣсни министра о подвигахъ въ Палестинѣ Ричарда-Львиного-Сердца, или о томъ, какъ заморскія красавицы Востока ласкали какого-нибудь счастливца рыцаря. Во время республики, однѣхъ пѣсень оказалось недостаточно для увеселенія гостей; а потому, во время стола являлись иногда въ пиршественную залу вооруженные рабы и сражались для удовольствія зрителей. Во время Цицерона, обычай пѣть на пирахъ вышелъ совсѣмъ изъ употребленія; но за то воинскія представленія во время пировъ приняли въ вѣкъ Августа гигантскіе размѣры. Актеры, называвшіеся Гомеридами, вооруженные косями, щитами и мечами, являлись въ триклиній и разыгрывали разные эпизоды изъ Иліады; другіе актеры, называвшіеся мимами, представляли цѣлыя драмы; иногда гаеры показывали тутъ разные фокусы: плясали на концѣ лѣстницы, которую сами же держали въ вертикальномъ положеніи, пролѣзали черезъ горящій обручъ, брали зубами и выпивали цѣлыя амфоры вина, и все это приправляли шутками, иногда грубыми и неприличными. Больше серьезные люди находили во время ужина и попойки другія, больше серьезныя занятія: читали во всеуслышаніе какія-либо луч-

нші мѣста изъ греческихъ и римскихъ писателей, заставляли делямировать новѣйшія произведенія поэтовъ и т. п. Въ вѣкъ Августа, оды Горация; по всей вѣроятности, занимали тутъ первое мѣсто. Но большею частію, во время пооекъ являлись въ триклинній мальчики и дѣвочки, которые плясали соблазнительными плясками и пѣли эротическіе греческіе и латинскіе стихи. Въ пляскахъ отличались въ особенности жительницы Кадиса. Великій поэтъ новѣйшаго времени (я говорю о Байронѣ) сказалъ: «я бродилъ подъ разными климатами, видѣлъ много милыхъ, чарующихъ женщинъ, но нигдѣ въ другой землѣ (и очень мало въ моей родинѣ) не встрѣчалъ подобную черноглазую дѣвушкѣ Кадиса. Какъ Прометей, она похитила у неба огонь, темнымъ блескомъ сверкающій сквозь темныя шелковистыя рѣсницы ея глазъ, которые не могутъ удержать своихъ молній. Смотри, какъ на бѣлую грудь ея падаютъ волнующіяся пряди ея черныхъ волосъ, вы сказали бы, что каждый ихъ локонъ одаренъ чувствомъ, и, змѣясь по этой груди, ласкаетъ ее.» Почти то же самое говорили о красотѣ кадисанокъ и римскіе поэты. Онѣ являлись на пиры однѣ въ одеждѣ нимфъ, другія—подобныя nereidamъ; однѣ въ одеждѣ до того легкой и прозрачной, что Сенека сравниваетъ ее «съ хрустальною или съ струею воды, просвѣчивающей все, что ни положить въ нее,» другія въ одеждѣ шеподъ съ виноградными вѣнками на головахъ и тигровою кожею на плечахъ. Онѣ танцовали съ тимпанами.

Иногда, какъ будто бы въ противоположность этимъ чувственнымъ удовольствіямъ, царь пира приказывалъ поставить на столѣ серебряный или настоящій человѣческій скелетъ. Видъ остова нашего тѣла производитъ всегда какое-то невольное-грустное впечатлѣніе. И вотъ сластолюбивый римлянинъ, сей-часъ только пожирившій глазами черноглазую и черноволосую красавицу Кадиса, стоявшую предъ нимъ въ самой сладострастной позѣ, готовый отдать все, что ни есть на свѣтѣ, за ласки этой обворожительной нимфы-вакханки, — этотъ римлянинъ, при видѣ голаго скелета, съ пустыми глазницами, съ оскаленными зубами, — отъ веселости внезапно переходитъ къ грусти, и задумывается. Но не вѣрьте ему: эта грусть, эта задумчивость есть только отдыхъ, который

дать ему паръ пира для того, чтобы онъ собрался съ новыми силами; это только искусственный способъ возбудить жажду къ наслажденіямъ. Да и о чемъ онъ можетъ думать при видѣ скелета? «Ты думаешь, говоритъ онъ самъ себѣ, — завтра, завтра я начну жить! Скажи же мнѣ, когда придетъ это завтра? какъ далеко это завтра? гдѣ оно? гдѣ его искать? что, оно прячется у Перянь или Армянъ?—Это завтра также старо, какъ Пріамъ или Несторъ! Скажи мнѣ, за сколько можно купить это завтра? Ты будешь жить завтра! Жить нынче — и то уже довольно поздно. Мудрецъ тотъ, кто жилъ вчера! Знай, что никто не въ состояніи остановить трехъ сестеръ—прахъ; онѣ прямо идутъ къ назначенной цѣли. Еслибъ ты былъ богаче Креза, хитрѣе Улисса, крѣпче Ахилла, — Лахезисъ ничего не прибавитъ къ заданному ей уроку: она разматываетъ веретено своихъ сестеръ, и одна изъ нихъ непременно обрѣжетъ нитку, — а потомъ — не много пепла, не много костей, — вотъ и все, что останется отъ твоего существованія! Живи же такъ, какъ будто бы твое существованіе было краденное, срывай скоро-отцвѣтающія удовольствія, такъ чтобы ни одинъ твой день не былъ потерянь, и думай безпрестанно, что для тебя пришелъ твой послѣдній день. Если ты мужъ, пусть волосы твои всегда блестятъ, надушенные ассирійскимъ амономъ; пусть вѣнки украшаютъ твое чело; — пусть прозрачный хрусталь твоихъ кубковъ чернѣетъ отъ стараго фалернскаго и нѣжная любовь согрѣваетъ твое сладострастное ложе!» — Вотъ мысль, вотъ философія, какую могъ пробудить въ римлянинахъ времени Августа видъ человѣческаго остова!

Но день римскаго гастронома, хотя и поздно, а имѣлъ свой конецъ. По этому, должна имѣть конецъ и эта статья.

Ки. Костровъ.

(*) Подробности, заключающіяся въ этой статьѣ, заимствованы изъ известныхъ сочиненій по части римскихъ древностей: *Дезобри — Rome au siècle d'Auguste*, и *Беккера — Gallus et cœt.*

ИСТОРИЧЕСКІЕ МАТЕРІАЛЫ.

ОТВѢТЪ СЛУГИ СТОЛЬНИКА КОЛОМТАЕВА ГОСПОДИНУ ИЗЪ МОСКВЫ. (*)

Господину и государю своему Елисею Васильевичу холопишка его Артемка челомъ бьетъ низехонько, и всякой радости и веселья ему желаетъ, и о здравіи его Бога молить неперестанеть. А я, господине, грамотку твою получилъ и ино-что, по приказу твоему сдѣлалъ, а другое сдѣлаю скоро. А теперича, господине, отписываю тебѣ на короткѣ съ Степкою Парфентьевымъ. А его къ тебѣ, государь, Петръ Ильичъ посылаетъ и грамотку о твоёмъ дѣлѣ писать. А ходилъ я, господине, по твоему приказу, къ Сычину дьяку, а далъ мнѣ Петръ Ильичъ къ дьяку грамотку. А отдалъ я, господине, рыбу, и курей, и масло дьяковой стряпухѣ; а та стряпуха мною издавна знаема: дѣвка она добрая, и дьякъ ее Сычинъ зѣло любитъ. И учалъ я ту стряпуху спрашивать: гдѣ дьякъ, да и что дѣлаеть, да и весель ли дьякъ? И сказывала мнѣ та стряпуха: весель де дьякъ, и въ свѣтлицѣ сидеть. И вшедъ къ дьяку, я ему Петра Ильича грамотку отдалъ, а три рубли отдалъ. И ту грамотку дьякъ смотрѣлъ, и дѣло повершить обѣщался, и тебѣ, господине, кланяться повелѣлъ. А о дѣлѣ твоёмъ, государь, дьякъ Петру Ильичу обѣщался сказать толковито, и тебѣ о томъ Петръ Ильичъ въ грамоткѣ пишетъ. А ходилъ я, господине, о Прошкиномъ дѣлѣ въ приказъ, и сказывалъ мнѣ знаемый приказный человекъ: нѣтъ де у насъ Ремезова. А сидѣлъ въ Приказѣ, напередъ, дьякъ Иванъ Даниловъ, и той дьякъ—человѣкъ былъ безхитростный, и той Степка Ремезовъ дѣломъ всѣмъ заправлялъ, и поминки великія бралъ, и всякихъ

(*) Въ 1-мъ N Москвитянина за настоящій годъ напечатанъ былъ «приказъ стольника Коломтаева къ слугѣ его въ Москву». Теперь представляю вниманію читателей: Отвѣтъ слуги изъ Москвы на этотъ приказъ,—найденный мною недавно между старинными моими бумагами. Замѣчательно, что отвѣтъ, присланный слугою, написанъ четко, и гораздо разборчивѣе самаго приказа, который едва-едва можно было разобрать. *Т. Шишкинъ.*

чиновъ людямъ убытки чинилъ великія. А нынѣ, господине, того дьяка въ Приказѣ нѣтъ, а сидитъ вмѣсто его въ Приказѣ Петръ Оомигъ дьякъ, и той дьякъ, господине, поминокъ и посуловъ не емлетъ; творитъ все по правдѣ и по государеву закону, да и подъячимъ и приказнымъ людямъ убытки не велитъ людямъ чинить да и праведныхъ поминокъ. (*) А увѣдалъ той дьякъ: беретъ де Ремезовъ себѣ все въ руки, убытки чинитъ великія людямъ, и призывалъ дьякъ Степку къ себѣ: и побилъ дьякъ Степку больно батожемъ, и его изъ Приказа вонъ услаалъ: а нынѣ той Степка на Москвѣ человекъ шлющійся, и пьяный и ябедникъ. А Петръ Ильичъ, господине, дьяка того знаетъ, и о Прошкиномъ дѣлѣ сказати обѣщался. А я, господине, о твоихъ дѣлахъ радѣю, и по приказу твоему дѣлаю: а въ чемъ, господине, супротиво приказа твоего, неправеденъ — и то мнѣ милостиво прости: умишко у меня не боярскій, холопскій; не все домыслить можно. Къ Грейнзію нѣмцу, господине, ходилъ, сткляницу Ранизвѣйскаго вина далъ, другую обѣщался вина сткляницу дати, а.... (**).

(*) Этотъ дьякъ, который, по словамъ письма, творитъ все по правдѣ и по государеву закону — лицо чрезвычайно замѣчательное. Живя во время Михаила Федоровича, когда вслѣдствіе смутъ эпохи самозванцевъ, въ управленіи произошли спивые беспорядки, — когда взяточничество составляло одну изъ главныхъ общественныхъ ранъ, — дьякъ, который не только самъ не беретъ взятокъ, но и строго смотритъ за своими подчиненными, дѣйствительно представляетъ интересную личность.

Когда правительство навѣрево было предпринять походъ противъ Турокъ, и предложено было брать запасы для войска со вѣсъ безъ выбора, то дворяне, указывая особенно на дьяковъ, какъ на лица, которые по своему богатству могутъ сдѣлать значительныя пожертвованія для отечества, говорили: «А твои государевы дьяки и подъячіе пожалованы твоимъ государскимъ денежнымъ жалованьемъ, и поместьями, и вотчинами, и будучи безпрестанно у твоихъ государевыхъ дѣлъ, и обогативъ многими богатствомъ, получаютъ многіе вотчины и дома свои состроили многіе, палаты каменные такіе, что неудобъ-сказаемыя и т. д.» — Подъ именемъ праведныхъ поминоковъ здѣсь вѣроятно нужно разумѣть тѣ подарки, которые судьи могли принимать безъ опасенія, которые дозволялись правительствомъ цѣною до 8 рублей; подарки эти привѣшивались къ вѣсамъ и приносились къ пасхѣ. Ш.

(**) Окончаніе грамотки затеряно; не смотря на всѣ старанія, я его не могъ никакъ найти. Ш.

ДЛЯ БІОГРАФІИ ЛОМОНОСОВА.

Указъ Ея Императорскаго Величества Самодержицы Всероссийской изъ Правительствующаго Сената Академіи Наукъ. По указу Ея Императорскаго Величества Правительствующій Сенатъ по ведомости поданной сего года Генваря 9-го дня изъ Комисіи о Академіи Наукъ, въ которой показано, что по доношеніямъ Академическихъ Профессоровъ па Адъюнкта Михаила Ломоносова, въ неучтивыхъ отъ него въ Академіи въ Конференціи профессорскаго Собранія и въ Географическомъ Департаментѣ и противныхъ поступкахъ и въ названіи ихъ, Профессоровъ, ворами въ Комисіи, по силѣ Высочайшаго Ея Императорскаго Величества указа определено было слѣдовать; токмо онъ, Ломоносовъ, ущемствомъ, по неоднократному въ Комисію предъ присудствіе призыву, въ допросъ не пошелъ и предъ Собраніемъ въ Комисіи учинилъ противность и неучтивость и кричалъ и смѣлся; чего ради объ ономъ Ломоносовѣ Ея Императорскому Величеству 1743 году Августа 12-го дня отъ Комисіи представлено всеподданнѣйшимъ докладомъ; а оной де Ломоносовъ содержался подъ карауломъ и по нимъ. А въ томъ докладѣ (съ котораго изъ оной Комисіи въ Правительствующій Сенатъ копія подана) Ея Императорскому Величеству представлено, что по мнѣнію ее тому Ломоносову надлежало было за таковыя неучтивыя, безчестныя и противныя поступки, по силѣ объявленныхъ въ томъ докладѣ Указовъ учинить наказаніе: приказали: оного Адъюнкта Ломоносова для его довольнаго обученія отъ наказанія свободить, а во объявленныхъ учиненныхъ имъ продерзостяхъ у Профессоровъ просить ему прощенія; а что онъ такія непристойныя поступки учинилъ въ Комисіи и въ Конференціи, яко въ Судебныхъ мѣстахъ, за то давать ему, Ломоносову жалованья годъ по нынѣшнему его окладу половиною; ему жъ Ломоносову въ Канцеляріи Правительствующаго Сената объявить съ подпискою, что ежели онъ впредь въ таковыхъ продерзостяхъ явится, то поступлено съ нимъ будетъ по указамъ неотмѣнно, и Академіи Наукъ учинить о томъ по сему Ея Императорскаго Величества Указу, а объявленному Ломоносову о томъ съ подпискою въ Сенатѣ объявлено Генваря 19-го дня 1744 года.

Посланъ за закрытыми Оберъ-Секретаря Господина Невѣжина, Секретаря Гаврила Замятина.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ СЛОВЕСНОСТИ ВЪ 1851 ГОДУ.

По теории и истории словесности прошедший годъ представилъ не много. Лучшія статьи по теории словесности принадлежать профессору Шевыреву и достойному ученику его проф. Буслаеву. Статья «Теория смѣшнаго», помѣщенная въ Москвитянинъ, кромѣ разбора опредѣлений смѣшнаго, предложенныхъ различными писателями, представляетъ собственный взглядъ автора на этотъ важный элементъ комедіи. Не распространяясь объ ней, мы перейдемъ къ статьямъ г. Буслаева объ эпической поэзіи, помѣщеннымъ въ Отечественныхъ Запискахъ. Авторъ такъ характеризуетъ эпическій періодъ жизни: «Въ эпическій періодъ жизни народный обычай имѣетъ такую власть надъ отдельной личностью, что она не только не можетъ создать пѣсню или сказку, какъ исключительное выраженіе своей частной жизни, но даже не имѣетъ надобности выдумывать отъ себя приличное привѣтствіе «ѡа шру, въ знакъ доброжелательства собесѣдникамъ или хозяину». И ниже: «При такой эпической обрядности, поэзія и поэтъ стояли въ иномъ отношеніи къ жизни, нежели теперь. Въ періодъ эпическій исключительно никто не былъ творцомъ ни мифа, ни сказанія, ни пѣсни. Поэтическое воодушевленіе принадлежало всемъ и каждому, какъ пословица, какъ юридическое изрѣченіе. Поэтому былъ цвѣтъ народа; творилъ онъ поэтическія преданія въ продолженіи вѣковъ. Отдѣльныя же лица были не поэты, а только пѣвцы и разсказчики; они умѣли только вѣрнѣе или ловчѣе разсказывать или пѣть, что известно было всякому. Если что и прибавлялъ отъ себя пѣвецъ-гений, то единственно потому, что въ немъ по преимуществу дѣйствовалъ тотъ поэтический духъ, которымъ проникнуть весь народъ; только это убѣжденіе давало ему силу творить, и только такое творчество было по сердцу его слушателямъ. Потому и въ этомъ случаѣ изобрѣтеніе басни, лицъ и событій не принадлежало поэту. Преданіе, подобно языку, жило въ сознаніи всѣхъ и cadaго; вѣками оно возрастало и обрабатывалось. Отдѣльному лицу, увлеченному въ своей жизни всемъ потокомъ преданій и повѣрій, трудно было, подобно новѣйшему художнику, отрѣшиться отъ нихъ въ минуту творчества и возсоздать въ изящной формѣ все то, что

«было въ нихъ прекраснаго. Въ эпическую эпоху разскажишь, или пѣвецъ, довольствовался немногими прибавленіями только въ подробностяхъ, при описаніи лица или событія, уже давно всемъ извѣстныхъ; онъ былъ свободенъ только въ выборѣ того, что казалось ему важнѣйшимъ въ народномъ сказаніи, что особенно могло тронуть «сердце». Этотъ взглядъ на эпическую поэзію выработался въ недавнее время вмѣстѣ съ успѣхами сравнительно-историческаго изученія языка. Замѣчательно, что къ такому же почти результату привели и споры о происхожденіи поэмъ гомеровыхъ, поднятые Вольфомъ. Въ последнее время выставлено было учеными мнѣніе, что сначала раскоды передавали только отдѣльныя пѣсни изъ Иліады и Одиссея, и что послѣ уже эти отрывки соединены были въ одно цѣлое. Могло случиться и такъ, говорятъ ученые, что пѣвцы, бывшіе до Гомера, воспѣвали только отдѣльныя происшествія изъ Троянской войны; Гомеръ выбралъ нѣкоторыя изъ нихъ и образовалъ изъ нихъ два отдѣльныя цѣлыя, которыя потомъ были снова раздѣлены, пока Пизистратъ не далъ имъ настоящаго вида. Статья г. Буслаева привела намъ на память мнѣніе объ эпической поэзіи, высказанное Нибуромъ, мнѣніе, въ сущности совершенно согласное съ мыслями г. Буслаева. «Часто, говорить Нибуръ, заводили рѣчь о годности содержанія для эпической обработки. Много замѣчательнаго сказано объ этомъ нашими сосѣдями и самими Нѣмцами. Часто очень серьезно говорили: каждый эпическій матеріалъ долженъ имѣть извѣстный возрастъ; тогда только онъ зрѣлъ и годенъ. Но дѣло въ томъ, что вовсе не возрастъ происшествія дѣлаетъ его эпическимъ; напротивъ никакое содержаніе не можетъ быть собственно эпическимъ, если оно не есть народная собственность, всеобщее народное преданіе въ продолженіи вѣковъ: оно образуется въ устахъ народа, обогащается, пока черезъ поэтическую обработку не получитъ постоянной эпической формы.» Таково мнѣніе Нибура. Изъ этого слѣдуетъ, что позднѣйшія эпопеи суть только болѣе или менѣе искусственная поддѣлка подъ своенародный эпосъ, что, лишеныя живаго основанія, эти позднѣйшія эпопеи составляютъ такой же ложный родъ поэзіи, какъ французская трагедія псевдоклассиковъ. Это въ самомъ дѣлѣ высказано было Гриммомъ. Въ предисловіи напр. къ своей грамматикѣ (р. IX) онъ говоритъ: «Аріоста и Тасса я никогда не могъ дочитать до конца: мнѣ казалось, что, при всемъ блескѣ ихъ чувствъ и выраженій, въ нихъ погибла природа древней народной поэзіи». Самородная эпическая поэзія исчезаетъ по мѣрѣ того, какъ исчезаетъ этотъ эпическій періодъ жизни и забывается преданіе. Этимъ объясняется съ одной стороны ложность эпопей, построенныхъ на обветшалыхъ преданіяхъ, къ которымъ

давно уже потеряли въру, съ другой исчезновеніе самороднаго эпоса. По мнѣнію Нибура, Пелопонезская война нанесла рѣшительный ударъ древней поэзіи Грековъ. «Въ древнее время, говоритъ онъ, жили только въ настоящемъ; что занимало людей—это старыя сказанія. Потому—что тогда были насквозь проникнуты поэзіей. Въ устахъ каждаго «образовывались эти сказанія въ тысячъ разныхъ видовъ. Эта прекрасная жизнь получаетъ рѣшительный толчекъ, когда настоящее исполнено великихъ происшествій и затмѣваетъ своимъ блескомъ прошедшее, когда сперва начинаютъ смотреть на время предковъ съ меньшимъ вниманіемъ, а потомъ и съ пренебреженіемъ». Здѣсь Нибуръ дѣлаетъ прекрасное сравненіе: «Когда изъ дѣтскаго возраста я перешелъ въ юношескій, то я краснѣлъ, вспоминая, сколько я сказалъ и сдѣлалъ глупостей; я стыдился за свой дѣтскій возрастъ. Такъ «бываетъ и съ живыми народами; преданія начинаютъ стыдиться. После «Персидскихъ войнъ Греки много позабыли изъ прошедшаго, хотя «Геродотъ былъ еще въ состояніи собирать λόγους. Теперь наступила «двадцатисмилѣтняя Пелопонезская война съ своими бѣдствіями, опустошеніями, нравственнымъ вырожденіемъ; тогда съ величайшимъ напряженіемъ должны были жить въ настоящемъ, чтобы сохранить «свое существованіе; о прошедшемъ должны были позабыть. Такимъ образомъ времена послѣ Пелопонезской войны отдѣлены «чѣлымъ промежуткомъ отъ прежнихъ. Вотъ главная причина, почему погибаетъ древняя поэзія: ибо преданіе не продолжаетъ болѣе «жить въ народѣ». Этими дополненіями, надѣемся, мы объяснили главную мысль прекрасной статьи г. Буслаева: въ подробности ея вдаваться не можемъ, и потому оставляемъ въ сторонѣ множество «верныхъ и новыхъ замѣчаній автора.

Какъ-то непріятно переходитъ отъ такого замѣчательнаго сочиненія къ другой статьѣ, помѣщенной въ Отечественныхъ Запискахъ, къ статьѣ о Костровѣ. Въ одахъ Кострова авторъ статьи находитъ приемы Гомерова эпоса (стран. 24). «Такъ, говоритъ онъ, въ одѣ на рожденіе Императора Александра Павловича, стихотворецъ не довольствуется однимъ сравненіемъ: ходящіе въ путяхъ не правыхъ уподоблены сначала змѣямъ, потомъ водѣ, извнѣ спокойной, внутри яростной». И въ этомъ авторъ видитъ приемы Гомерова эпоса! Всякій, кто прочелъ со вниманіемъ статью г. Буслаева, увидитъ неврѣность мнѣній автора статьи о Костровѣ. Странно, что, по мнѣнію г. Галахова, эпическія сравненія Кострова только *нѣсколько* отошли отъ *своего* первоначальнаго образа, т. е. отъ Гомера. Мы напротивъ думаемъ, что между сравненіями Гомера и Кострова нѣтъ ничего общаго, и что г. Галаховъ ушелъ слишкомъ далеко, чтобы отыскать источникъ

сравненій Кострова. Послѣ добросовѣстной статьи г. Гаевского, статья Галахова не имѣетъ большаго значенія и ничего не представляетъ новаго. Библиографическими данными статья г. Гаевского богаче, а у г. Галахова въ этомъ отношеніи мы замѣтили обмолвку, разумѣется, весьма извинительную при настоящемъ состояніи нашей библиографіи, но все таки обмолвку. Авторъ говоритъ, что «Тактика» Вольтера имѣла у насъ три перевода: Левченкова, Огѣевского и Кострова. Мы можемъ указать еще на переводъ Лѣвашова; извѣстіе о немъ было помѣщено въ Санктпетербургскихъ Ученыхъ Ведомостяхъ. Но чтó всего страннѣе въ статьѣ г. Галахова, это—что онъ ни слова не говоритъ о переводѣ восьми съ половиною пѣсень *Илиады*, сдѣланномъ Костровымъ. Не знаемъ, какъ и объяснить такое странное молчаніе. По словамъ автора, «значеніе его давно уже опредѣлено, какъ относительно духа и поэтическихъ формъ подлинника, такъ и относительно стихотворнаго размѣра». Кѣмъ и гдѣ, спросимъ мы, опредѣлено это значеніе? укажите. Отъ разбора этого перевода г. Галаховъ отдѣляется слѣдующими словами: «Для своего времени онъ (переводъ) «былъ явленіемъ замѣчательнымъ, и по понятіямъ, какое (?) тогда «имѣли о переводахъ поэтическихъ произведеній, удовлетворялъ «вкусу публики. Забытый, какъ сочинитель одъ, Костровъ достойно «сохранился въ памяти, какъ *переводчикъ Илиады*. Этими двумя «словами замѣнили фамилію Кострова, характеризовали его значеніе». И хорошо сдѣлали, прибавимъ мы отъ себя: не такъ, какъ новѣйшія монографіи о Костровѣ, которыя говорятъ о переводѣ «Тактики» и мелкихъ пѣснь многорѣчиво, а такое важное твореніе, каковъ переводъ *Илиады*, оставляютъ безъ вниманія, отсылая желающихъ познакомиться съ нимъ Богъ знаетъ куда.

Далеко выше статейки г. Галахова стоитъ прекрасная статья г. Дудышкина о Хмѣльницкомъ; но объ ней было уже довольно сказано въ *Москвитинѣ*, и потому мы перейдемъ къ статьѣ, надъ которой не было произнесено еще вѣрнаго сужденія—къ «Очеркамъ Русской журналистики», которые начали печататься въ *Современникѣ*. До сихъ поръ въ трехъ статьяхъ былъ разсмотрѣнъ одинъ только журналъ—«Ежемесячныя сочиненія» Миллера. Мы надѣялись, что очерки журналистики, о которыхъ давно уже извѣщала редакція *Современника*, принесутъ много пользы; но наши ожиданія не оправдались.

Начать съ того, что статьи эти слишкомъ сухи, такъ, что представляютъ по большей части одно оглавленіе Миллерова журнала, а такая обработка едва ли принесетъ большую пользу. Съ другой стороны біографія Миллера, которую сочинитель статей

предпослалъ обзору Миллерова журнала, составлена крайне неудовлетворительно: это просто переводъ съ незначительными измѣненіями біографіи Миллера, написанной Бюшингомъ. Согласны, что переводъ статьи Бюшинга полезенъ, но не думаемъ, чтобъ можно было пользоваться безъ разбора тѣми данными, которыя она представляетъ, особенно, если эти данныя не согласны съ тѣмъ, что мы знаемъ изъ другихъ источниковъ. А такого рода указанія у Бюшинга встрѣчаются. Онъ напримѣръ сътуетъ, что Миллеръ, будучи сдѣланъ въ 1754 году секретаремъ конференціи, не получилъ того жалованья, которое бы слѣдовало ему давать на основаніи регламента, а Ломоносовъ жалуется Теплову, что онъ повыпаетъ Миллера и прибавляетъ ему жалованья и т. п. Вообще статьи о «Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ», по нашему мнѣнію не удались. Въ Современникъ (равно какъ и въ Москвитинѣ) кромѣ того были помѣщены драгоценныя литературныя воспоминанія А. В.

Въ Московскихъ Ведомостяхъ напечатаны были критическія замѣчанія на сочиненіе князя Вяземскаго «Фонъ-Визинъ». Авторъ хочетъ оправдать Фонъ-Визина отъ упрековъ князя Вяземскаго, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (напр. въ третьей статьѣ), его возраженія действительно справедливы; большею же частью его апологія не выдерживаетъ критики. Авторъ критическихъ замѣчаній не хочетъ напр. согласиться съ кн. Вяземскимъ, что Фонъ-Визинъ въ письмахъ изъ-за границы заимствовалъ кое-что изъ книги Дюкло *Considérations les moeurs de ce siècle*; но какъ же онъ объяснить тогда сходство писемъ Фонъ-Визина съ этой книгой? А сходство это очевидно. Что касается до начитанности автора, до справедливости его заключеній объ энциклопедистахъ, объ нихъ спорить нельзя.

Въ нашемъ журналѣ помѣщена была статья М. А. Дмитріева «Князь Иванъ Михайловичъ Долгорукій» доставившая истинное наслажденіе друзьямъ русской словесности, но о достоинствахъ ея судить также не намъ. Упомянуть ли наконецъ о статьѣ г. П. С. «Александръ Семеновичъ Шишковъ въ его литературной дѣятельности», исполненной самыхъ рѣзкихъ противорѣчій, странныхъ возраженій на мнѣніе Пушкина о Ломоносовѣ и странныхъ положеній? Что напр. скажете вы, читатель, объ этихъ положеніяхъ? Ломоносовъ строго и добросовѣстно изучилъ этотъ (церковнославянскій) языкъ, и находя въ немъ «красоты истинно художественныя, онъ хотѣлъ въ своемъ слогѣ приблизить его къ народному». Въ этомъ отношеніи Ломоносовъ, по справедливости, признается преобразователемъ Русскаго языка. Какъ же послѣ этого допустить въ сочиненіяхъ Ломоносова отсутствіе всякой «народности», когда народный письменный языкъ, который составлялъ

«все тогдашнее литературное богатство Русских, со времени Ломоносова начинает смѣшиваться съ языкомъ народнымъ устнымъ, чтобы «составить съ нимъ одно общее цѣлое»? И ниже: «Проза Ломоносова «полуславянская, полуматинская, какъ говорить Пушкинъ, двѣствительно не сродна Русскому языку» (Ж. М. Н. Пр. N 1, отд. V р. 10—11). Признаемся: мы не понимаемъ этой странности; желаемъ, чтобы читатели были счастливые.

Что касается до матеріаловъ для исторіи словесности, то они почти исключительно печатались въ Москвитянинѣ. Здѣсь читатели найдутъ замѣчательную «просьбу Тредьяковскаго въ Правительствующій Сенатъ», представляющую много новыхъ данныхъ объ этомъ писателѣ; далѣе «литературно-судебное дѣло Тредьяковскаго», въ которомъ находятся любопытныя дополненія къ теоріи правописанія, предложенной Тредьяковскимъ, «Записку Штелина», который былъ такъ близокъ къ Ломоносову. Къ матеріаламъ относимъ мы также въ высшей степени любопытную статью И. Ѳ. Тимковскаго о Московскомъ университетѣ: въ ней, правда, есть ошибки, но это нисколько не уменьшаетъ ея достоинства и важности. Мы должны еще упомянуть о статьѣ Стурдзы, «Беседа Любителей Русскаго Слова», любопытной, какъ записки современника. Къ любопытнѣйшимъ матеріаламъ принадлежитъ недавно найденный неутомимымъ нашимъ библиографомъ г. Полтаранкимъ и перепечатанный въ *Revue Ettrangère* и отдѣльно «Опытъ о Русской литературѣ», представляющій перечень русскихъ литераторовъ со времени царствованія Петра Великаго. Въ ней помѣщена была статья въ 150 N Московскихъ Вѣдом. Замѣтки И. М. Снегирева, напечатанныя въ Московскихъ Вѣдомостяхъ и перепечатанныя въ Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, представляютъ также интересное дополненіе къ матеріаламъ для исторіи Московскаго университета.

ЮРИДИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА ВЪ 1851 ГОДУ.

Развитіе учено-юридической литературы идетъ рядомъ съ развитіемъ исторіи; изданіе официальныхъ памятниконъ условиваетъ появленіе новыхъ трудовъ, поясняющихъ юридическій бытъ Россіи. Въ прошедшемъ году не было недостатка въ подобныхъ изслѣдованіяхъ. Определить его относительное богатство очень трудно; но можно сказать утвердительно, что движеніе юридической литературы у насъ совершенно упрочено: каждый годъ является по нѣскольку сочиненій, достоинство которыхъ различно, предметъ болѣе или менѣе важенъ, но въ общей сложности всѣ они составляютъ приобрѣтеніе для науки. Москвитянинѣ представляеть въ

свое время отчеты обо всѣхъ вновь-выходящихъ книгахъ подобнаго содержания, а потому мы ограничимся теперь краткимъ перечнемъ ихъ. Прежде всего должно сказать о *Сводѣ Морскихъ Уголовныхъ Законовъ* и объ *Уставѣ о Земскихъ Повинностяхъ*, какъ изданіяхъ законодательныхъ. За тѣмъ на первомъ мѣстѣ мы должны поставить *Исторію Россійскихъ Гражданскихъ Законовъ*, г. *Неволина*, сочиненіе въ высшей степени важное, стоявшее автору 12 лѣтъ труда. Это сочиненіе представляетъ такое богатство матеріаловъ, что въ нѣсколькихъ словахъ невозможно дать понятія объ его содержаніи; степенный и добросовѣстный трудъ требуетъ болѣе подробнаго разсмотрѣнія. Здѣсь мы скажемъ только, что г. Неволинъ собралъ все тѣ свидѣнія о движеніи Русскаго Гражданскаго Права, которыя находятся въ огромныхъ собраніяхъ отечественныхъ памятниковъ, съ древнѣйшихъ временъ до послѣдняго года, и сдѣлалъ изъ всѣхъ матеріаловъ общіе выводы, которыхъ вѣрность и ясность мы привыкли встрѣчать въ трудахъ ученаго профессора; при этомъ нельзя не пожелать, чтобы авторъ собралъ въ одно все свои статьи, помѣщенные разновременно въ Жур. Мин. Нар. Пр.; таковы: объ Управленіи, о Гирѣ, о Церковномъ судѣ и проч.—О трудѣ *свѣщ. Любимова: Обзорнѣе способовъ содержанія духовенства*, мы говорили уже; точно также Москвитянинъ представилъ отчетъ о сочиненіяхъ г. *Пахмана: о Судебныхъ доказательствахъ*, и г. *Троицынъ: Исторія судебныхъ учреждений въ Россіи*. Изданіе сокращеній нынѣ дѣйствующихъ законовъ продолжалось и въ прошедшемъ году; лучшее изъ нихъ принадлежитъ г. *Владиславлеву: Памятная Книга для Штаба и Оберъ-офицеровъ*; за тѣмъ слѣдуютъ: г. *Дудина, О взаимныхъ правахъ и обязанностяхъ домовладѣльцовъ*, и г. *Лукшина, О производствѣ уголовныхъ слѣдствій и уголовного суда*. — По предмету народнаго права появилось также нѣсколько сочиненій, (и это составляетъ особенность прошедшаго года), а именно: г. *Витте, объ Уголовномъ правѣ въ отношеніи къ народному*, и г. *Спасовича, о Правахъ нейтральнаго груза и нейтральнаго флага*; сюда же относятся статьи г. *Капустина: о Русскихъ посланникахъ* и о *Признаніи царскаго титула*, помѣщенные въ Моск. Вѣд. и Москвитянинѣ. Наконецъ мы должны указать на рецензіи юридическихъ книгъ, изъ которыхъ нѣкоторыя подписаны именами гг. *Лешикова, Калачова*; это показываетъ, что на рецензіи стали теперь смотрѣть серьезно, — явленіе утѣшительное для всѣхъ занимающихся наукою: они могутъ быть увѣрены, что трудъ ихъ всегда найдетъ вѣрную и безпристрастную оцѣнку. ж.

СУДЬБЫ АСТРОНОМИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ РОССИИ ВЪ БЛАГОПОЛУЧНОЕ ЦАРСТВОВАНИЕ ГОСУДАря ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I. Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ собраніи Императорскаго Казанскаго Университета, орд. проф. Петромъ Котельниковымъ, 16 сентября 1851 г.

Предметъ рѣчи составляетъ описаніе щедрыхъ пособій и высокаго покровительства, которыя астрономія и геодезическія работы въ Россіи удостоиваются получать съ высоты Царскаго Престола, вмѣстѣ съ неоспоримыми доказательствомъ, что русскіе астрономы и геодезисты не недостойны великихъ милостей, на нихъ изливаемыхъ. Что можетъ быть занимательнѣе и важнѣе такого предмета для русскихъ людей, которые съ патриотической гордостью должны были узнать, что въ астрономіи и въ геодези Россія далеко и въ короткое время опередила многія прославившіяся европейскія государства? Съ какимъ глубокимъ чувствомъ признательности долженъ былъ говорить членъ университета, гдѣ эти науки находятся въ цвѣтущемъ состояніи! Мы не можемъ не признать такого чувства въ рѣчи г. профессора, известнаго своей ученостью; но никакъ не можемъ одобрить шутливый тонъ его изложенія.

Рѣчь начинается такимъ образомъ: «*Одинъ часъ, пятнадцать минутъ, десять секундъ, шесть десятыхъ долей секунды.* — Негерпѣливое желаніе сообщить вамъ, М. Г., свѣжую, нигдѣ еще не напечатанную, ученую новость, касающуюся любезной нашей Казани, да вмѣнится мнѣ въ оправданіе, что я, вмѣсто обычнаго «привѣта, въ которомъ бы прозвучало (!) радушное слово, одушевленное присутствіемъ Его Сіятельства господина Министра народнаго «просвѣщенія, осмѣлился встрѣтить васъ сухимъ числомъ, въ которомъ «слышится мелочный расчетъ времени. Минуты, секунды, доли «секунды, это языкъ астронома, языкъ физика, вообще языкъ математика, когда рѣчь идетъ о точности его вычисленій». Вотъ и этотъ изысканный оборотъ не можетъ уже многимъ понравиться: за чѣмъ удаляться отъ естественности? Но посмотрите, какъ необыкновенно описаны дѣйствія хронометрической экспедиціи, составленной Генеральнымъ Штабомъ для опредѣленія географической долготы Казани относительно Москвы и Пулковской обсерваторіи, и которой труды увѣнчались упомянутымъ точнымъ числомъ. «Экспедиція Генеральнаго Штаба прибыла изъ Москвы въ Казань, въ первый разъ, 29 мая 1850 г. Она привезла съ собою 33 хронометра и пригласила «нашего астронома Липунова принять на себя трудъ слыхать показанія

«Этих хронометровъ съ показаніемъ часовъ нашей обсерваторіи, и что окажется, записать въ журналъ въ двухъ экземплярахъ; за тѣмъ, на другой день, предложивъ г. Ляпунову еще разъ заняться тѣмъ же дѣломъ, она терпѣливо дождалась конца работы, и потомъ, уложивъ все привезенное съ собой въ покойный экипажъ, направила свой быстрый бѣгъ обратно въ Москву. 9 іюня она, во второй разъ, явилась передъ часами нашей обсерваторіи съ тою же поклажей и съ тѣмъ же поклономъ хозяину, и едва успѣли удовлетворить ея желаніе, какъ она въ тотъ же самый день, опять въ путь, въ дорогу, въ блококаменную. — 20 іюня Казанская обсерваторія имѣла съ ней до полудня третье подобное свиданіе, а по полудни «обычный размѣнъ слова «до свиданія». Наконецъ въ четвертый разъ, экспедиція прискакала къ намъ съ послѣднимъ прощальнымъ визитомъ. 3 іюля, и, вскорѣ за тѣмъ, увезла съ собою навсегда и надежду «свиданія, и свои хронометры, и, что всего болѣе возбуждало нашу зависть, всѣ свои документы, т. е. цифры, безъ которыхъ нельзя было предпринять окончательныхъ вычисленій. — Съ тѣхъ поръ объ ней ни слуху, ни духу».

Это уже *черезчуръ живописно*, притомъ и не точно: между Казанью и Москвой перевозились одни только хронометры безъ всякихъ документовъ; г. Ляпуновъ не зналъ наблюдений московскихъ и безъ нихъ не могъ сдѣлать никакихъ вычисленій, точно также и наблюдатель московскій, г. Швейцеръ, оставался въ невѣдѣніи о наблюденіяхъ казанскихъ, и также не имѣлъ средствъ употребить въ дѣло свои наблюденія. Здѣсь бы слѣдовало объяснить слушателямъ о прекрасномъ планѣ экспедиціи, по которому наблюденія предоставлены были однимъ астрономамъ, а вычисленія другимъ; слѣдственно удалены были соблазнъ и стачки; слѣдственно г. Ляпунову не чему было завидовать: онъ зналъ условія предварительно.

Отъ этого странно-краснорѣчиваго описанія работъ хронометрической экспедиціи, которой завѣдывалъ О. В. Струве, авторъ переходитъ къ объясненію своимъ слушателямъ, что понимаютъ астрономы подъ *среднимъ временемъ*. «Когда астрономъ смотритъ на солнце, у него, т. е. у астронома, двоится въ глазахъ (Вотъ какъ!). Онъ увѣряетъ, что по тверди небесной текутъ два солнца (Никогда, никакой астрономъ не говоритъ и не говорилъ такой странности). Одно, которое, по благодати Творца, и мы всѣ видимъ: оно и свѣтитъ и греетъ, за что и въ астрономическихъ календаряхъ именуется *истиннымъ солнцемъ* (ни въ одномъ календарѣ этого нѣтъ; тамъ пишутъ: *истинный полдень, средний полдень*), т. е. истиннымъ по преимуществу (этого рецензентъ совсѣмъ уже не понимаетъ). Другое, которое хотя

«лишено и свѣта и теплоты и даже бытія, но, по глубокимъ астрономическимъ соображеніямъ, должно сопутствовать первому и притомъ «сопутствовать *ровнымъ шагомъ* (Богъ знаетъ, въ какой астрономіи «нашелъ ораторъ такое ученіе: что не существуетъ, сопутствуетъ «солнцу, да еще по глубокимъ астрономическимъ соображеніямъ!). «Такое солнце-невидимку мы назвали бы ложнымъ по преимуществу «или точнѣе мнимымъ, воображаемымъ, потому что оно существуетъ «въ здоровомъ ученомъ воображеніи (да его такъ и называютъ, когда «примѣромъ хотятъ объяснить начинающимъ, въ чемъ состоитъ астрономическій приемъ для уничтоженія неравновѣрнаго движенія солнца). — «Къ *среднему* солнцу онъ (астрономъ) имѣетъ полное довѣріе (а къ «истинному солнцу не имѣетъ?): время, показываемое этимъ солнцемъ-«невидимкой, онъ бережетъ на случай, если часовой мастеръ явится «къ нему съ поклономъ поверить свои и следовательно всѣ наши «обыкновенные часы, которые поэтому, какъ изволите видѣть, строго «согласуются съ теченіемъ небывалаго свѣтила». Неужели астрономъ беречь *среднее время* только для часовщиковъ? А въ вычисленияхъ и при наблюденіяхъ не употребляютъ? Неужели что-нибудь можно понять изъ него? Но слѣдующее описаніе часовъ, идущихъ по *звѣздному времени*, или идущихъ согласно съ видимымъ «суточнымъ обращеніемъ всей небесной сферы, еще любопытнѣе: «я пробовалъ смотрѣть на нихъ лѣтомъ, въ самый длинный день, и «увидѣлъ въ полдень 6 часовъ; посмотрѣлъ однажды зимой, въ «кратчайшій день, и увидѣлъ, тоже въ полдень, 18 часовъ; великимъ «шостою, около равноденствія, я спѣшилъ къ обѣднѣ, на моихъ «часахъ было 10, взглянулъ туда, тамъ 22, и только одинъ разъ въ «году, это было пять дней тому назадъ, именно 11 сентября, посчастливилось мнѣ увидѣть истинное чудо, а именно, что въ теченіе «всего утра до самаго полдня, эти часы показывали какъ слѣдуетъ, «совершенно по-людски, часы какъ и быть часамъ. Правда, это «было только на тощакъ, по полудни они опять наводили свое «13, 14, и т. д.»

Такимъ образомъ ораторъ описываетъ построеніе Пулковской обсерваторіи, хронометрическія экспедиціи между этою обсерваторіею и Альтоной и Гринвичемъ, и даже строгіе способы, употребляемые астрономами для опредѣленія времени. Между этими способами важную роль играютъ такъ называемыя *личныя уравненія*, т. е. различіе въ глазахъ и въ слухъ наблюдателей. Тутъ ораторъ также не пропустилъ случая пошутить: «Вотъ, на примѣръ, одно, взятое слово «въ слово, изъ «Записокъ гидрографическаго Депо», угодно ли прислушаться: Струве—Садлеру—0",03. Ни больше, ни меньше. Отбрасывая

«сотыя доли, мы получили бы результат только приближенный, а именно, что если къ помощнику обсерватора прибавить цѣлый нуль, да еще десятую долю нуля (?), то выйдетъ ученый профессоръ».

Хотите ли знать, какъ образовалась знаменитая экспедиція для измѣренія разности между уровнями Каспійскаго и Чернаго моря, т. е. хотите ли знать, какъ разрѣшена задача, о которой думалъ Петръ I и заботился Ломоносовъ? Вотъ какъ: «Въ Русскомъ народѣ ходила молва, что Каспійское море лежитъ въ ямѣ. Когда эта молва дошла до г-дъ ученыхъ, они осмотрѣли свои барометры и термометры и отправились производить слѣдствіе на мѣстѣ. По возвращеніи, какъ сводится, заспорили между собою, и вѣкъ бы имъ не помириться, если бы они не увидѣли, что рѣшеніе вопроса требуетъ не барометровъ, а другихъ средствъ, и именно такихъ, гдѣ необходимы покровительство высшей власти и царскія щедроты. Старикъ Струве, да старикъ Парротъ, да ихъ товарищъ Ленцъ, не думая долго, пошли съ представленіемъ къ начальству». Мы думаемъ, что слушатели г. Котельникова были бы гораздо благодарнѣе, если бы онъ разсказалъ это дѣло безъ шутокъ, т. е. если бы онъ разсказалъ, что Каспійская экспедиція была наряжена вслѣдствіе неизяснимой ошибки Паррота (сына), который два раза ходилъ съ барометромъ между Каспійскимъ и Чернымъ моремъ, и въ первый разъ нашелъ, что Каспійское море ниже Чернаго на 300 ф., а въ другой разъ—на нуль футовъ.

Мы выпишемъ еще одно мѣсто изъ рѣчи. Дѣло идетъ о тяготвннх и начинается вопросомъ: «Какой верховный законъ міроуправленія усвоилъ человекъ нашему умозрѣнію?—Развернемъ книгу премудростей математическихъ и прочтемъ въ ней слѣдующія строки: вся чудная гармонія, весь удивительный порядокъ, замѣчаемые нами въ необъятномъ мірѣ, поддерживаются единственно только тѣмъ, что вещь строго исполняетъ заповѣдь взаимной любви,—я прочелъ любви, не свѣя читать буквально, потому что математикъ называетъ любовь прозаическимъ именемъ *приложенія*, скажу болѣе, клеймилъ жестокимъ словомъ *тяготннѣ*, какъ будто любовь есть тягота; вѣроятно этимъ словомъ онъ хотѣлъ сказать, что для одной только любви иногда понятенъ смыслъ апостольскаго ученія: «другъ друга тяготы носите». Можетъ быть ученый и уважаемый профессоръ имѣлъ особыя причины избрать такую странную форму изложенія, но мы ее не угадываемъ; можетъ быть она имѣетъ свое достоинство, но мы его не понимаемъ....

С.-Петербургъ.

БЕРЕГЪ ПОНТА ЭВКСИНСКАГО ОТЪ ИСТРА ДО БОРИСЬЕНА,
въ отношеніи къ древнимъ его колоніямъ. Сочиненіе профес-
сора *Беккера*. Одесса, въ город. типогр., 1851. Въ 4 д. л. 61 стръ

Если Неоптолемова башня, которая играетъ такую важную роль въ сочиненіи, означенномъ нами въ заглавіи этой статьи, и не была фаросомъ или маякомъ для береговыхъ плаваній при устьѣ рѣки Тираса (Днѣстра) древнихъ мореходцевъ, какою считаетъ ее нашъ авторъ, а составляла лишь сторожевую пограничную башню, потому что Страбонъ говоритъ о ней по переводу Казавбона, приведенному и авторомъ въ греческомъ подлинникѣ, только: *In ostio Turgae turris est, quam Neoptolemi turrim dicunt* (Strabo geogr. L. VII, с. 3, § 16);—безымянный же Периплъ еще менѣе, именно, что отъ рѣки Тираса до *Неоптолема* 120 стадій, — покрайней мѣрѣ эта башня послужила путеводною звездой, точкою опоры для г. Беккера, къ опредѣленію въ тамошнемъ краю другихъ болѣе значительныхъ мѣстъ и къ оспориванію мнѣній о томъ Келера, Стемпковскаго и Муральта. Конечно, двое первыхъ за гробомъ прекословить уже не будутъ; но г. Муральтъ, можетъ быть, еще и постоятъ за себя. Должно сказать, ничто такъ не шатко, какъ предположеніе о предметахъ глубокой древности. Нерѣдко видимъ мы, что одинъ точный фактъ обращаетъ въ прахъ долговременнѣйшія историческія вѣрованія.

Давно ли, напримѣръ, покойный Стемпковскій утверждалъ, и мы вѣрили ему, что Одессосъ и Ордессосъ одно и то же мѣсто на берегу р. Аксіака (Тилигуля), и что гдѣ теперь красуется Одесса, тамъ была въ древности гавань Истрия (Исследованія о мѣстоположеніи древн. греч. посел. на берегахъ Понта Эвксинскаго между Тирасомъ и Борисьеномъ. Спб. 1826); между тѣмъ г. Беккеръ ясно теперь, доказываетъ, что Одессосъ и Ордессосъ были два разныхъ поселенія—изъ которыхъ одно существовало на берегу Тилигуля, другое на лѣвой сторонѣ Березанскаго лимана, и что Одесса водворилась не при гавани Истрия, находившейся далѣе на сѣверовостокъ, а слѣдуя Перипламъ Арріана и Безыменному, при гавани Исіаковъ. Или, не смотря на общую увѣренность, что г. Аккерманъ въ Бессарабіи занимаетъ мѣсто древняго Тираса, которую раздѣляетъ и г. Беккеръ основываясь на монетахъ съ именемъ Тираса и на одной греко-латинской надписи, впрочемъ имъ объясненной и несомнѣнно относящейся къ этому мѣсту (Записки Одесс. Общ. Ист. и Древн. Т. II. отд. 2, стр. 416-469), г. профессоръ Ришельевскаго лицея Брунъ, въ статьѣ своей, подъ заглавіемъ: *О мѣстоположеніи Тираса* (упоминаемой г.

Беккеромъ и предназначенной къ помѣщенію, какъ и его сочиненіе, нынѣ отдѣльно изданное, въ печатаемомъ III томѣ Записокъ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей),—изъявилъ сомнѣніе на счетъ мѣстности Тираса, приурочиваемой къ Аккерману, основавъ его главнѣйше на той же надписи, изображенной на камнѣ, случайно найденномъ не въ Аккерманской почвѣ, а въ 35 верстахъ ниже Тирасполя и почти въ 60 отъ Аккермана, когда измѣрять это пространство по прямой чертѣ; да и не на правой сторонѣ Днѣстра, гдѣ стоитъ этотъ городъ, но на левой въ селѣ Короткомъ, на которой, по свидѣтельству Страбона, и существовалъ Тирасъ (если дѣйствительно опъ же и Офіуса). Вотъ его слова: *utrinque urbem habet (Тура), Nicopolium ad dextram et Ophiusam ad laevam (Strabo ibidem)*.

Нельзя не пожалѣть, что г. Беккеръ въ своихъ изслѣдованіяхъ древнихъ поселеній по берегу Чернаго моря, ограничился единственно мѣстностями между устьями Днѣпра, Днѣстра и частию Дуная, не распространяя ихъ далѣе, хотя бы—то отъ Днѣпра до Перекопскаго перешейка, особливо по смѣлости возникшихъ въ новѣйшее время гипотетическихъ мнѣній объ этомъ краѣ, въ отношеніи древняго его состоянія, которыя ученость г. Беккера могла бы обогатить подобными же фактами и доводами, какіе представилъ онъ на избранномъ имъ пространствѣ для своего труда. Правда, приводитъ онъ и нѣкоторыя причины, почему ограничилъ себя такою тѣсною мѣстностью. Во-первыхъ потому, что въ обследованномъ имъ краѣ опъ уже имѣлъ своимъ предшественникомъ Стемпковскаго, о которомъ говоритъ: «Заслуги, оказанныя Стемпковскимъ древней географіи и вообще древностямъ нашей страны, всѣмъ извѣстны; уменьшать приобрѣтенную имъ славу было бы тѣмъ непростительнѣе, что гораздо легче слѣдовать по дорогѣ уже открытой другимъ, нежели самому проложить новый путь». Во-вторыхъ, изъ ученыхъ, старавшихся въ новѣйшее время осветить древнюю географію тамошняго края, «г. Надеждинъ въ своей статьѣ имѣлъ въ виду согласить описаніе Скиѳовъ Геродота съ настоящимъ мѣстоположеніемъ, и занимался главнѣйше тѣмъ, чтобы показать тождество рѣкъ, о которыхъ упоминаетъ отецъ исторіи, съ нынѣ существующими рѣчными областями южной Россіи, и подтвердить достоверность Геродотова повѣствованія посредствомъ точнаго согласованія его съ мѣстностями настоящаго времени. Изъ этого краткаго обзора явствуетъ, что эта статья не можетъ имѣть особенной важности для предположенной нами цѣли, потому что мы обратимъ главное наше вниманіе на географовъ позднѣйшаго времени, и только слегка коснемся Геродотова повѣствованія».

Въ-третьихъ, продолжаетъ г. Беккеръ, «принявъ за восточную границу нашихъ розысканій Дявировскій лиманъ, мы не коснемся близъ-лежащей Ольви. Поступить такимъ образомъ мы рѣшились отчасти потому, что уже никто не сомнѣвается въ мѣстоположеніи древней Ольви, на правомъ берегу Буга, близъ теперешняго села Порутина; отчасти по той причинѣ, что объемъ нашего разсужденія (?) не позволяетъ намъ войти въ тѣ подробности, которыхъ требуютъ любопытные остатки и древности этой Милетской колоніи. Мы можемъ умолчать объ Ольви еще потому, что ея надписи, монеты и прочія древности уже были предметомъ основательнѣйшихъ изслѣдованій самыхъ знаменитыхъ ученыхъ нашего времени, (а развѣ осмотренныя имъ мѣста не были уже и прежде обследованы?), тѣмъ болѣе, что ожидаемъ скорого появленія въ свѣтъ монографіи Ольви, составленной сыномъ глубоко-ученаго и гениальнаго филолога, графа С. С. Уварова. Эта монографія, безъ сомнѣнія, будетъ тѣмъ болѣе замѣчательна, что, бывши въ Ольви, я имѣлъ возможность убѣдиться, съ какою основательностію и полною осмотрительностію изслѣдованы ученымъ графомъ А. С. Уваровымъ все посвященныя имъ мѣста. Не взирая на такое уклоненіе г. Беккера подарить насъ болѣе обширнымъ сочиненіемъ, должно замѣтить въ первомъ случаѣ, что онъ удалился отъ Стемпковскаго въ существеннѣйшихъ пунктахъ его изысканій, и идетъ совершенно вновь проложенною дорогою, какъ это можно видѣть тотчасъ изъ самыхъ картъ, приложенныхъ къ сочиненіямъ обоихъ авторовъ; что Геродотъ дѣйствительно почти не входилъ въ кругъ его изслѣдованій, но самому существу ихъ, котораго однако же, при своемъ классическомъ знаніи, онъ не затруднится впредь имѣть руководителемъ, и что объ Ольви, послѣ всего сдѣланнаго и предположеннаго, вѣрно довольно осталось бы еще и на долю г. Беккера.

Повторяемъ искреннѣйшее сожалѣніе наше объ уклоненіи г. Беккера отъ ученой обработки указанныхъ нами мѣстъ, и льстимся пріятной надеждой, что онъ, по пребыванію его въ краю въ высшей степени интересномъ, можетъ быть, будетъ имѣть время и охоту заняться и теми мѣстами съ усвоенными уже имъ эрудиціею и безпристрастіемъ, подъ влияніемъ которыхъ онъ въ разсмотрѣнномъ нами его прекрасномъ трудѣ не пощадилъ даже и наименованныхъ имъ въ немъ своими друзьями, въ случаѣ несогласія ихъ съ его убѣжденіями. С.

ПОЛНАЯ РУССКАЯ ХРЕСТОМАТИЯ. Составилъ *А. Галаховъ*. Изданіе пятое, съ перемѣнами. Въ трехъ частяхъ. Москва, въ Унив. типографіи. 1852 года.

Новое изданіе Хрестоматіи г. Галахова немногимъ отличается отъ прежнихъ. Оставляя въ сторонѣ первые два тома Русской Хрестоматіи, содержащіе въ себѣ образцы красноречія и поэзіи, мы рассмотримъ только третій томъ, въ которомъ заключаются біографіи и характеристика нѣкоторыхъ писателей, теорія нѣкоторыхъ словесныхъ произведеній и разборы нѣкоторыхъ статей, помѣщенныхъ въ первыхъ двухъ частяхъ.

Довольно выходило у насъ учебникомъ по части теоріи и исторіи словесности, и всѣ они рѣдко удовлетворяли потребностямъ учащихъ и еще рѣже научнымъ требованіямъ. Чтò касается до сочиненій, имѣвшихъ въ виду теоріи словесности, то исключеніе остается развѣ за «курсомъ теоріи словесности г. Чистякова». (Мы говоримъ о последнемъ времени). Съ основательностію сужденій авторъ соединяетъ даръ простаго и вмѣствъ съ тѣмъ изящнаго изложенія; для поясненія правилъ онъ приводитъ умно выбранныя примѣры, и теорію красноречія ведетъ параллельно съ теоріею поэзіи. Теоріи словесности предпосылаетъ онъ психологическія и эстетическія понятія, и такимъ образомъ даетъ изученію ея прочное и разумное основаніе. По нашему мнѣнію книга эта изъ всѣхъ русскихъ учебныхъ книгъ, основаній словесности и т. п. есть лучшее пособіе при изученіи теоріи словесности: простота, легкость изложенія, дѣлаются доступными для учениковъ, дѣльность изслѣдованій и пониманіе предмета—для преподавателей. Этой книгѣ не въ состояніи замѣнить третью часть Хрестоматіи г. Галахова. Съ одной стороны здѣсь нѣтъ теоріи многихъ словесныхъ произведеній, даже цѣлыхъ родовъ поэзіи (напр. эпоса); уже по одной этой, такъ сказать, вышней неполнотѣ учебникъ много теряетъ. Съ другой стороны авторъ во многихъ мѣстахъ вмѣсто изложенія теоріи того или другаго рода поэтическихъ произведеній приводитъ только выписку изъ сочиненія Шиллера «О наивной и сентиментальной поэзіи» (по переводу, напечатанному въ Отечеств. Запискахъ). Нѣтъ спора, Шиллеръ глубоко понималъ значеніе тѣхъ поэтическихъ родовъ, для опредѣленія которыхъ г. Галаховъ воспользовался его словами; но дѣло въ томъ, по плечу ли будутъ учащимся его мысли, выраженные его же собственными словами, не упрощенныя,—оставьте тѣ же самыя идеи Шиллера, да передайте ихъ понятнѣе для учащихъ, хотъ и не такимъ изящнымъ языкомъ, какимъ написано сочиненіе Шиллера, и вы принесете имъ гораздо

бодне пользы. Сравните напр. теорію сатиры у г. Галяхова и у г. Чистякова, и вы убьдитесь въ справедливости нашихъ словъ. Достоинство книги опредъляется цѣлью, точкой зрѣнія на предметъ, и потому мы думаемъ, что едва ли выписки изъ Шиллера и отрывокъ изъ Феріеля въ состояніи замѣнить ясную, связную теорію поэтическихъ произведеній: сатиры, идилліи, баллады и т. д. Обстоятельно, умно, хотъ и не вездъ выдержанно, написана теорія басни въ основѣ ея лежитъ воззрѣніе знаменитаго Якова Гримма, который глубоко понялъ значеніе народной поэзіи вообще и басни въ особености. За этотъ отрывокъ нельзя не благодарить автора. За другіе роды словесныхъ произведеній, — особенно прозаическихъ, — охарактеризованы не совсѣмъ удачно. Авторъ напр. говоритъ, что «въ дидактическихъ сочиненіяхъ излагаются сужденія о предметахъ» (стр. 68), — опредѣленіе слишкомъ общее и не ясное. Лучшая часть того отрыва, который содержитъ опредѣленія различныхъ родовъ прозаическихъ сочиненій, принадлежитъ не г. Галяхову: издатель Хрестоматіи пользовался чужимъ добромъ, выписавъ нѣсколько отрывковъ изъ «Курса» г. Чистякова. Такъ напр. параграфъ о расположеніи описаній (стр. 66) взятъ изъ Курса (часть II, стр. 169), о подраздѣленіи повѣствованій также (ib. стр. 162 — 163), примѣчаніе на 68-й стр. Хрестоматіи перепечатано оттуда же (ib. стр. 178). Объ этихъ заимствованіяхъ издатель не упомянулъ. Замѣтки о свойствахъ гекзаметровъ взяты цѣликомъ изъ статьи «Одиссея и журнальные толки о ней», помѣщенной въ «Современникъ», исторія гекзаметровъ частію изъ статьи г. Лобанова о Гнѣдичѣ, частію изъ статьи Надеждина о переводѣ Иліады Гнѣдича, напечатанной, кажется, въ Московскомъ Вѣстникѣ 1830 года. Вообще разбираемый отдѣлъ представляетъ странное явленіе: ученикамъ толкуютъ о свойствахъ и исторіи гекзаметровъ довольно пространно, объ эпосѣ ни слова, какъ будто и не существовало такого рода поэзіи. Эта непропорціональность ничѣмъ не оправдывается и даетъ книгѣ характеръ какой-то произвольности.

Другой отдѣлъ третьей части Хрестоматіи составляютъ разборы нѣкоторыхъ піесъ, помѣщенныхъ въ первомъ и второмъ томѣ. Этотъ отдѣлъ есть какъ бы приложеніе къ предыдущему. Метода г. Галяхова состоитъ въ томъ, что онъ на самыхъ примѣрахъ объясняетъ теорію; беретъ напр. слово Братановскаго, разлагаетъ его на составныя части, рассматриваетъ каждую изъ нихъ и такимъ образомъ на живомъ примѣрѣ объясняетъ сущность и значеніе того или другаго рода сочиненій, какъ бы извлекаетъ теорію изъ примѣра. Эта метода чрезвычайно полезна: отстраняя безотчетное и ме-

ханическое заучивание, она заставляет учащагося вникнуть въ предметъ, понять его; а это главное. Сухой, отвлеченный догматизмъ правилъ ни къ чему не ведетъ и непонятенъ по самой своей отвлеченности. Эту часть книги г. Галахова мы считаемъ наиболее полезною.

Остается разсмотрѣть послѣдній отдѣлъ, т. е. биографіи и характеристики писателей. Мы уже сказали въ прошломъ году, что эти характеристики не представляютъ ничего новаго; это просто перепечатка нѣкоторыхъ журнальныхъ статей съ самыми незначительными измѣненіями. Въ новомъ изданіи третьей части г. Галаховъ указалъ кое-гдѣ, откуда взялъ онъ эти характеристики. Мы говоримъ: кое-гдѣ, потому что онъ не указалъ, что статьи о Десницкомъ, Августинѣ Виноградскомъ, по большей части о Платонѣ, взяты изъ «Историческаго словаря о бывшихъ въ Россіи писателяхъ духовнаго чина», статья о Гнѣдичѣ изъ биографіи его, написанной Лобановымъ и т. д. Конечно, многія изъ перепечатанныхъ статей имѣютъ свою относительную важность и достоинство; но жаль, что многія изъ нихъ могутъ внушить молодымъ людямъ превратныя и поверхностныя понятія о нашихъ писателяхъ, мало того, могутъ внушить неуваженіе къ людямъ, которыхъ мы привыкли уважать. Подтвердимъ наши слова примѣромъ. Тотъ, чей трудъ съ благоговѣніемъ встрѣтилъ Пушкинъ, чье имя съ признательностію произносить всякій образованный русскій, чье неизмѣнное трудолюбіе подарило намъ переводомъ Иліады,—Н. И. Гнѣдичъ, получилъ незаслуженный и ничѣмъ не оправданный укоръ. Со словъ какого-то журнальнаго критика г. Галаховъ произноситъ такое сужденіе о переводѣ Иліады: «Гнѣдичъ началъ очень поздно изучать греческій языкъ, и не успѣлъ вполне усвоить себѣ его тонкости, со всеми его особенностями. Изложивъ довольно вѣрно, въ предисловіи къ своему труду, условія истиннаго перевода, и сказавъ, что для этого необходимо перенестись въ эпоху самаго автора, Гнѣдичъ не выдержалъ этого правила. Онъ скорѣе переводилъ Фосса, германскаго (?) переводчика Гомера, чѣмъ самого Гомера. Онъ держался буквы подлинника, почему переводъ его можетъ назваться буквальнымъ, но утратилъ рѣзкій отпечатокъ первобытной греческой народности, простодушіе разказа и прелесть стиха» (стр. 93). Здѣсь что ни слово, то ошибка. Какимъ образомъ Гнѣдичъ переводилъ Фосса, а не Гомера, и въ то же время держался буквы *подлинника*? Далѣе, откуда авторъ узналъ, что Гнѣдичъ началъ поздно изучать греческій языкъ? Онъ изучалъ его еще въ университетѣ, и, занимаясь въ продолженіи 20 лѣтъ переводомъ Иліады, имѣлъ время хорошо узнать его даже въ томъ случаѣ, еслибъ его предварительныя занятія гре-

ческимъ языкомъ были недостаточны. Упрекаютъ даже Гндича, что онъ переводилъ Фосса, а не самаго Гомера. Кто и чѣмъ доказалъ такое положеніе? По словамъ біографа, находившагося въ близкихъ отношеніяхъ къ Гндичу, послѣдній изучилъ все, что относилось къ *Иладѣ*. Фоссъ, конечно, имѣлъ вліяніе на Гндича, съ этимъ никто не спорить: такъ и должно было быть въ то время, когда тѣмъ лежала на роцахъ Русскаго Ликея; но нельзя сказать, чтобъ Гндичъ *исключительно* поддался этому вліянію, тѣмъ болѣе опрометчиво утверждать, что онъ переводилъ Фосса, а не Гомера. Сличайте добросовѣстно переводъ Гндича съ Фоссовымъ, и вы откажетесь отъ высказанныхъ вами словъ. Вотъ для примѣра хотъ два образчика. Гндичъ переводитъ такъ 176 стихъ второй пѣсни:

Вы ли на славу Пріаму, на радость Троянамъ Елену
Бросите?

А Фоссъ: *Dießet Ihr so dem Priamos Kuhn und den Troischen
Männern*

Helena, Argos Kind?

Замѣчательно, что, отступая въ этотъ мѣствъ отъ Фоссова перевода, Гндичъ вѣрнѣе передалъ смыслъ подлинника. Слѣдовалъ ли онъ здѣсь мнѣнію Шлегеля, (*) который предложилъ отнести слово *'ευχολή'* къ *Ἑλένην*, подражалъ ли онъ Кострову, который перевелъ: «Оставить ли врагамъ въ корысть и торжество Елену»,—все равно; но онъ исправилъ ошибку Фосса, и переводилъ не его, а Гомера. Въ другомъ мѣствѣ (VIII, 324—328) онъ отступаетъ отъ Фосса въ ущербъ вѣрности перевода. Выпишемъ эти стихи:

(Пернатую) Гекторъ приложилъ къ тетивѣ; и его племоблещущій
Гекторъ,

Лукъ наляцавашаго крѣпкій, по раму, гдѣ ключъ отдѣляетъ
Вью отъ персей, и гдѣ особливо опасное мѣсто:

Тамъ, на себя устремленнаго, камнемъ ударилъ жестокимъ,
Жилу разсѣкъ у стрѣльца.

Гндичъ стало быть принимаетъ *νευρή* за жилу стрѣльца: Фоссъ гораздо вѣрнѣе переводитъ словомъ *Vogensehne*. Сравните далѣе отрывки изъ перевода *Илады*, печатавшіеся въ 1815—1820 годахъ въ *Вѣстникъ Европы* и *Сынъ Отечества*, съ переводомъ того же Гндича, изданнымъ въ 1830 году, наблюдайте, какъ мало по малу совершенствовалъ переводчикъ свой трудъ, наблюдайте эту кропотливую работу, на которую было имъ потрачено больше 20 лѣтъ, и

(*) *Kritische Schriften* I. 82.

не говорите потомъ, что Гнѣдичъ переводилъ Фосса, а не Гомера. Нѣтъ, кто съ такимъ рѣдкимъ терпѣніемъ сидѣлъ надъ своей работой, кто трудился съ такою чистою, безкорыстною любовію къ своему дѣлу, тотъ не могъ быть копистомъ другаго переводчика. Упрекайте Гнѣдича въ чемъ-нибудь другомъ, а не въ отсутствіи добросовѣстности, слѣды которой можно замѣтить на бѣльшей части трудовъ незабвеннаго переводчика *Иліады*. Да простятъ намъ читатели это, можетъ быть, слишкомъ длинное отступленіе: предметомъ, близкимъ къ сердцу, по неволѣ увлекаешься. Намъ грустно было видѣть, что ни на чемъ не основанныя журнальныя выходки попали въ учебникъ, который можетъ имѣть вліяніе на учащихся. Посоветуемъ г. Галахову осторожнѣе выбирать статьи для перепечатки, не принимать на вѣру всякихъ журнальныхъ толковъ: неужели неизвѣстно ему, что у насъ судятъ иногда, хоть бы напр. о Костровѣ и Гнѣдичѣ, люди, вовсе не знающіе греческаго языка и никогда ему не учившіеся?... Неужели неизвѣстно ему, что гг. разбиратели чужихъ статей, знатоки исторіи литературы, смѣшиваютъ Катудла съ Тибулломъ и т. п.?... Но довольно о Гнѣдичѣ. Примеровъ такого рода безотчетныхъ отзывовъ о писателяхъ, каковъ приведенный нами, можно найти довольно въ книгѣ г. Галахова.

Мы далеки отъ того, чтобъ отрицать всякое достоинство въ третьей части «*Полной Русской Хрестоматіи*». Мы думаемъ, что она можетъ быть полезна для учащихся; но не для преподавателей, у которыхъ долженъ же быть и словарь Евгенія и курсъ теоріи словесности г. Чистякова, которые прочтутъ и журнальныя статьи о нашихъ писателяхъ, и сами будутъ изучать ихъ. Третья часть хрестоматіи г. Галахова—это памятная книжка, куда издатель вписывалъ чужія замѣтки по части теоріи и исторіи словесности, книжка, можетъ быть, и очень полезная, но безсвязная и бессистемная; да къ тому же и замѣтки набросаны въ ней на скорую руку и не провѣрены. Вотъ наше искреннее мнѣніе о книгѣ г. Галахова. Съ нимъ многіе не согласятся, мы это знаемъ. Напр. одинъ литературный журналъ провозгласилъ, что «въ многочисленныхъ статьяхъ г. Галахова публика уже ознакомилась съ манерою его разсматривать каждаго писателя со стороны его жизни и литературной дѣятельности,—манерою, которую можно упрекнуть развѣ только въ доходящихъ уже до излишества *точности и добросовѣстности*; что нельзя достаточно благодарить г. Галахова за ту полноту и подробность, съ какой характеризовалъ онъ (точно ли онъ?) произведенія замѣчательнѣйшихъ русскихъ писателей и составилъ ихъ жизнеописанія; въ этомъ случаѣ (прибавляетъ рецензентъ) самый строгій судья не-

премьнно долженъ будетъ согласиться, что книга даетъ болѣе, нежели общаетъ». (О, конечно! Но что же она общаетъ? Примѣчанія г. Галахова къ первымъ двумъ томамъ Хрестоматіи,—а даетъ *перепечатку журнальныхъ статей*: какая тонкая похвала журналамъ!). Рецензентъ далѣе увѣряетъ, что онъ, рецензентъ, *мѣнитъ*, сколько труда должно было стоить *собраніе* различныхъ біографическихъ свѣдѣній». Другое *литературное* извѣщеніе говоритъ, что изъ книги г. Галахова читатель пріобрѣтаетъ «основательное понятіе какъ о цѣломъ ходѣ словесности, такъ и о важнѣйшихъ ея дѣятеляхъ». «Характеристики писателей, помѣщенные въ третьей части (продолжаетъ то же извѣщеніе) нѣкоторымъ образомъ составляютъ пріобрѣтенія даже для цѣлой литературы, въ которой до сихъ поръ чувствовался въ нихъ (въ пріобрѣтеніяхъ или въ характеристикахъ?) осязательный недостатокъ». Словомъ, журналъ поздравляетъ съ пріобрѣтеніемъ учащаея юношество и преподавателей, а газета, напечатавшая литературное извѣщеніе, пошла еще далѣе, и поздравляетъ съ пріобрѣтеніемъ даже цѣлую литературу. Такое соревнованіе похвально и трогательно; но мы не послѣдуемъ примѣру ни журнала, ни газеты, не будемъ поздравлять съ такими дешево достающимися пріобрѣтеніями, ни литературы, ни преподавателей. Извѣстна апогея: ново только то, что хорошо забыто. Это неоспоримая истина. Она повторилась и въ настоящемъ случаѣ: Журналы позабыли о статейкахъ, изъ которыхъ нѣкоторыя украшали и ихъ листочки, нашли въ книгѣ г. Галахова что-то новое, съ большимъ будто бы трудомъ собранное, и начали свои поздравленія. Мы удержимся отъ нихъ.

Альбомъ балагура, составилъ Г.... К....въ. Спб. 1851.
Въ тип. Штаба воен-учебныхъ заведеній. Въ 8 д. с. III, 345.

Этотъ Альбомъ составленъ изъ повѣстей, забавныхъ разсказовъ, сатирическихъ очерковъ, комическихъ сценъ, смѣси и анекдотовъ.

Во всѣхъ отдѣлахъ альбома, какъ и во всемъ существующемъ на бѣломъ свѣтѣ, есть вещи хорошія и плохія, забавныя и не забавныя, занимательныя и не занимательныя, острыя и довольно пошлыя, — этого необходимо надобно было и ожидать, во первыхъ на основаніи того непреложнаго закона, о которомъ уже сказали мы, а во вторыхъ и на основаніи той истины, что невозможно балагурить на 345 страницахъ не обмолвившись.

Чтобы дать понятіе нашимъ читателямъ объ остроуміи Балагура, выпишемъ изъ его альбома нѣсколько анекдотовъ, которыхъ, замѣтимъ мимоходомъ, въ альбомѣ два сорта: анекдоты съ заглавіями, помѣщенные въ отдѣлѣ смѣси, и анекдоты безъ заглавій, помѣщенные

въ отдѣлѣ собственно анекдотовъ. Вотъ образчикъ анекдотовъ съ заглавіями:

«Новая опера Мейербера.»

Знаменитый компонистъ Жіакопо Мейерберъ болѣе осьми лѣтъ сочинялъ музыку къ оперѣ *le Prophète*. Весь Парижъ ждалъ съ нетерпѣніемъ представленія этой оперы. Наконецъ Мейерберъ отдалъ свою партитуру разучивать, пѣвцамъ, хористамъ и оркестру.

Репетиція продолжалась уже три недѣли, но компонистъ не былъ доволенъ исполненіемъ своей музыки, дѣлалъ разныя перемѣны въ аріяхъ и хорахъ, и наконецъ объявилъ, что не ранѣе какъ черезъ два мѣсяца опера можетъ быть поставлена на сцену. Однажды Рокепланъ, директоръ Парижской оперы, прогуливался по бульвару, насвистывалъ арію изъ этой оперы.

Вдругъ сзади хватаетъ его кто-то за плечи и говорить: «*mon Dieu*, что вы дѣлаете, лучшую арію моей оперы свищите на улицѣ».

Рокепланъ обернулся и встрѣтилъ Мейербера, блѣднаго, встревоженнаго.

«Да что жъ мнѣ дѣлать. *Maestro*, арія такъ мнѣ понравилась, т. е. перешла мнѣ, какъ подагра, въ кровь и въ кости, и я по неволѣ затвердилъ ее, и пою, гдѣ вздумается.»

«Да вѣдь это вредитъ моему произведенію, публика узнаетъ музыку прежде представленія оперы; ради Бога перестаньте свистать мои аріи».

Рокепланъ обѣщалъ, что не будетъ открывать музыкальный секретъ прежде времени.

Однажды вечеромъ Мейерберъ, прогуливаясь по улицѣ *Chaussée d'Antin*, увидѣлъ двухъ оперныхъ хористовъ, которые шли подгулявши, распѣвая хоръ изъ 2-го дѣйствія той же оперы.

«Что вы дѣлаете, какая неосторожность!» воскликнулъ Мейерберъ, — и опрометью побѣжалъ къ Рокеплану—жаловаться на его подчиненныхъ. «Какъ вы позволите хористамъ пѣть мою музыку на улицѣ? вы подрываете интересъ моей оперы: публика, услыша мои аріи, распѣваемые на площадяхъ, скажетъ при первомъ представленіи: Ге, да это старая штука, мы слыжали эти аріи, вѣрно компонистъ спихнулъ изъ чужихъ доскутковъ свою музыку».

«Этому горю легко пособить: надобно какъ можно скорѣе поставить вашу оперу на сцену. Въ противномъ случаѣ весь Парижъ выучится свистать ваши аріи и хоры»—отвѣчалъ Рокепланъ.

Мейерберъ схватился за умъ, не сталъ болѣе медлить, и—его опера черезъ две недѣли явилась на сценѣ.»

Вот образчик анекдотовъ безъ заглавія:

«Два брата, одинъ смуглый лицомъ, а другой бѣлый и блѣдный, спрошены были одною дамою: почему въ цвѣтъ ихъ лица такая разнища?—Потому, отвѣчалъ блѣдный, что я родился днемъ, а мой братъ ночью».

Вотъ наконецъ анекдотическій счетъ:

«Счетъ сапожника, поданный г-ну N. N.

Вашему высокоблагородію подшилъ подметки . . .	1 р. 20 к.
Двѣмъ придвмалъ новыя головы	4 —
Супругу поставилъ на новыя каблучки	» — 75
Починилъ у мамзели пятки	» — 80
Меньшему сыну придвмалъ тесмяные ушки	» — 20
Вашей тетужкѣ подшилъ ранты и подбылъ ее гвоздями.	1 — 30
Гувернанткѣ вымазалъ носки лакомъ	» — 25
Починилъ подошвы и поставилъ, гдѣ нужно, заплатки вашей кухаркѣ	» — 50
Горничной натянулъ на колодки	» — 60

Все это довольно забавно, но рядомъ съ этими анекдотами мы встречаемъ слѣдующія «гастрономическія замѣтки» какъ называетъ ихъ самъ Балагуръ:

«Кто за обѣдомъ продергиваетъ край салфетки въ петлю, тотъ не знаетъ правилъ приличія».

«Кто за столомъ употребляетъ зубочистку, тотъ худо воспитанъ, или мало бывалъ въ хорошихъ обществахъ».

«Ножка индѣйки или тетерева вкуснѣе крыла; при подчиваньи дамъ жаркимъ, не худо наблюдать это правило».

«Порядочный и благородный гость долженъ пить за обѣдомъ столько, чтобы не быть пьянымъ»

Не понимаемъ, за чѣмъ эти замѣтки попали въ Альбомъ балагура? Имъ гораздо было бы приличнѣе оставаться въ какой-нибудь копеечной азбукѣ 70 годовъ, изъ которой вѣроятно взяты они. Кроме «гастрономическихъ замѣтокъ» есть еще въ Альбомѣ Балагура «гастрономическія папильотки». Подъ этой рубрикой Балагуръ рассказываетъ анекдоты о разныхъ обжорныхъ подвигахъ и причудахъ древнихъ и новыхъ гастрономовъ. Многіе изъ анекдотовъ о древнихъ гастрономахъ, древни какъ сами они. Иные есть въ старинныхъ историческихъ книгахъ, другіе въ сборникахъ разныхъ курьезныхъ вещей, которые издавались гдѣ за пятьдесятъ назадъ и въ то время были въ большой модѣ. Балагуръ видно такъ же какъ и г. Галяховъ придерживается правила, что *есть то ново, что хорошо забыто*.

ПРОКАЗНИЦА, комедія въ 4 дѣйствіи, В. Шевичъ. Москва. Въ тип. Вѣд. Моск. Гор. Полици. 1851. въ 16 д. стр. 70.

Имя г. Шевичъ встрѣчается намъ въ первый разъ въ печати; а по этому мы и думаемъ, что «Проказница» есть первое произведеніе юноши. Если г. Шевичъ рѣшился издать свою комедію и притомъ еще издать отдѣльно, значить, что онъ видитъ въ ней какое-нибудь достоинство, ожидаетъ успѣха.... Иначе изъ чего же было печатать комедію и платить за это деньги? Грустно разочаровывать юность въ ея золотыхъ мечтахъ, и особенно въ мечтахъ авторскаго самолюбія, но со всемъ тѣмъ, по долгу рецензента, мы обязаны высказать г-ну Шевичъ горькую истину.... прежде однакожь расскажем содержаніе комедіи....

Главное дѣйствующее лицо, жена одного торговца, Софья Петровна Глѣбова, т. е. *Проказница*, входитъ въ театральнѣйшій маскарадъ съ своимъ *кавалеро серванте*, Бекетовымъ. Тамъ они встрѣчаютъ молодого прѣзжаго провинціала, Гуляева, котораго Бекетовъ гдѣ-то прежде видалъ, и котораго, неизвѣстно для какихъ причинъ, а кажется, что собственно для завязки комедіи, вздумалъ, вмѣствъ съ Софьей Петровной, мистифицировать, выдавъ ея прѣзжему провинціалу, — или какъ называетъ его авторъ, франту, — за дѣвушку. Франтъ съ перваго взгляда влюбляется по уши въ Софью Петровну, и между прочими изъясненіями въ любви, предлагаетъ ей вмѣствъ сочинить романъ, на что Софья Петровна охотно соглашается. Она соглашается даже, чтобъ Гуляевъ на другой день прѣхалъ къ ней, сказываетъ ему свой адресъ, но опять не сказываетъ, что у нея есть мужъ. Перемѣна декораціи. Гуляевъ ѣдетъ въ домъ къ Софьѣ Петровнѣ и какъ разъ встрѣчается съ ея мужемъ, который спрашиваетъ франта, что ему угодно? Принявъ мужа за отца, Гуляевъ, безъ дальнѣйшихъ околичностей, проситъ у него руки дочери. Дѣло начинается объясняться. Муж сердится, и Гуляеву и Софьѣ Петровнѣ приходится нехорошо. Но Софья Петровна находится: она проситъ Гуляева подать видъ, что онъ прѣхалъ не для нея, а для одной ея родственницы, которая живетъ въ ея же домъ, и которая будто бы и плѣнила его въ маскарадъ. Гуляевъ согласенъ на все, но такъ какъ у Софьи Петровны нѣтъ никакой родственницы, по крайней мѣрѣ въ числѣ дѣйствующихъ лицъ, то она наряжаетъ въ женское платье Бекетова, выводитъ его въ гостиную, заставляетъ Гуляева стать передъ нимъ на колѣни и наводитъ на эту сцену мужа, увѣривъ его, что Бекетовъ вчера былъ въ маскарадъ въ женскомъ платьѣ. Мужъ вѣритъ, все смѣются, и въ заключеніе исторіи.... танцуютъ польку.... Неужели авторъ не видалъ самъ, что мысль его не стоила комедіи, а комедія не стоила печати?...

ВСЕСЛАВЪ, внукъ Аскольда. Историческая повесть временъ Св. Ольги. Соч. Я. Андреева. М. 1851. стр. 67 въ 8 д. л.

Вотъ какіе стихи читаемъ мы на первой страницѣ:

Уже мерцало. Кротко, спокойно
Отдыхала природа; золотая
И славная, Кіевъ, столица, одна
Въ дивномъ восторгѣ своемъ ликовала:
Ольга княгиня изъ Царьграда плыла
Къ отчизнѣ своей....

Вотъ какіе на последней:

.... Въ последнемъ Болгарскомъ
Походѣ онъ палъ
На брани, и тамъ
Своимъ погребенъ
Другомъ Усладомъ,
Который потомъ
При порогахъ Днѣпра и самъ пораженъ
Вмѣстѣ и съ княземъ, и съ славной дружиной
Печенежской ратью и хитрой, и злой.

Замѣтивъ по началу, что авторъ только начинаетъ учиться стихосложенію, и замѣтивъ по концу, что онъ въ продолженіи всей своей книжки нисколько не подвинулся въ этомъ дѣлѣ впередъ, мы не рѣшились читать середины.

МЕРТВАЯ ГОЛОВА. Романъ Александра Дюма, въ трехъ частяхъ. Москва. Въ типографіи Смирнова. Изданіе братьевъ В. и И. Исаевыхъ. 1852. Въ 12 д. стр. 178, 90, 120.

ГРЕВСКАЯ ВОЛШЕВНИЦА. Романъ Поля Феваля, въ четырехъ частяхъ. Москва. Въ типографіи В. Готье. 1852. Въ 12 д. стр. 160, 164, 172, 187.

Давно ли наши журналы наперерывъ переводили романы Александра Дюма, давно ли наша читающая публика чуть чуть не наизусть знала Монтекристо, Королеву Марго, графиню Монсоро. Я зналъ одного старика, который во всю свою жизнь ничего не читалъ кромѣ Московскихъ Вѣдомостей, но котораго наконецъ, на шестидесятомъ году его возраста, королева Марго заставила заглянуть въ Отеч. Записки и прочесть себя отъ доски до доски. Если бы Дюма, или, какъ называлъ его тотъ же старикъ, Дюма, узналъ о такой популярности, она вѣроятно доставила бы ему то же самое удовольствіе,

которое почувствовал Байронъ, когда ему сказали, что видѣли его поэмы въ хижинахъ американцевъ. И гдѣжь эта слава, гдѣ эта популярность? Теперь ни одинъ журналъ не переводитъ романовъ Дюма, ни одинъ порядочный читатель не читаетъ ихъ. Они остались въ добычу безграмотнымъ переводчикамъ и въ потребление того класса читателей, который продовольствуется книгами изъ библиотекъ по абонементу. Этого мало, самые журналы наши, которые, можетъ быть, по милости того же Дюма, приобрѣтали въ годъ сотни двѣ, три лишнихъ подписчиковъ, отзываются теперь о его романахъ не иначе, какъ съ пренебреженіемъ. Это значитъ выжать сокъ изъ лимона и бросить его. Впрочемъ, Дюма, вѣроятно, нисколько отъ этого не страдаетъ, вѣроятно не читаетъ рецензій нашихъ журналовъ, а если читаетъ, такъ думаетъ: господа, господа, какъ вы ни браните меня, а вѣрно каждый изъ васъ желалъ бы, въ душѣ, попользоваться хоть годикъ-другой такой извѣстностью и такой вырубкой за свои сочиненія, какими пользуюсь я!... Александръ Дюма совершенно правъ, и многіе, вѣрно, съ нимъ согласятся.

Но отчего жъ прошла, если можно такъ выразиться, мода на его романы? Оттого, скажутъ намъ, что они не имѣютъ существеннаго достоинства, что это просто мыльные пузыри. Согласенъ, но отчего жъ она не прошла на первомъ его романѣ, отчего такъ постоянно поддерживалась цѣлыми десятками романовъ, впродолженіи цѣлаго десятка лѣтъ, и потомъ вдругъ публика охладѣла къ нему? Тутъ могутъ быть только двѣ причины: или вкусъ публики измѣнился, или Дюма выписался? Последнее, кажется, справедливѣе; напиши онъ вновь какую-нибудь блестящую небылицу, переведи ее хорошій переводчикъ—и опять и старый и малый станутъ читать его увлекательную сказку гораздо охотнѣе, чѣмъ романы Диккенса и Теккерея. Увы! мы недавно еще слышали отъ многихъ, что Давидъ Копперфильдъ вещь прескучная!..

Переводъ «Мертвой головы» до того плохъ, что читать его нѣтъ никакой возможности.

Бѣдный Дюма! въ этой оболочкѣ ты потеряешь последнее уваженіе русской публики.

Поль Феваль никогда не пользовался такой извѣстностью, какъ Дюма, но и его «Сына Тайны» читали вѣкогда съ *неистовствомъ*. Этого маленькаго Дюма постигла та же участь, какъ и большаго, и постигла даже вмѣстѣ съ его «Грешной Волшебницей», переводъ которой совершенно одинакаго достоинства съ переводомъ «Мертвой Головы».

ЖУРНАЛИСТИКА.

СОВРЕМЕННИКЪ.—ФЕВРАЛЬ, 1852 г. «*Три встречи*» рассказ г. Тургенева.—Если бы этот рассказ принадлежал другому автору, не занимающему в нашей литературе виднаго мѣста, судъ критики надъ нимъ былъ бы очень коротокъ. Въ настоящемъ случаѣ такъ поступить не возможно: г-нъ Тургеневъ пользуется значительной литературной извѣстностью, что заставляетъ критику обращать вниманіе даже на слабыя его произведенія. — Вотъ содержаніе рассказа: Какой-то господинъ N., отъ лица котораго рассказъ ведется, 6 мая 184.... года, въ десять часовъ вечера, шелъ въ Сорренто по улицъ De la Grace, вдругъ слышитъ, — изъ одного павильона несется пѣснь: «Vieni pensando a me segretamente». — Вслѣдъ за тѣмъ стройная женщина, вся въ бѣломъ, быстро выставила изъ окна свою прелестную голову, и, протянувъ къ нему руки, проговорила: «sei tu?» Узнавъ свою ошибку, она, разумѣется, скрылась, но господинъ N. такъ былъ заинтересованъ происшествіемъ, что спрятался не далеко отъ павильона, и дождался таки того, за кого было его приняли. Тотъ, какъ водится, подошелъ къ калиткѣ, стукнулъ два раза кольцомъ, заперъ вполголоса: «Esso gidente».... и былъ тотчасъ впущенъ. — Господинъ N. съ досадою отправился домой, ночь провелъ, мы предполагаемъ, дурно; на другой день въ самый жаръ ходилъ часа два мимо павильона, но совершенно напрасно; съ досады онъ уѣхалъ даже изъ Сорренто. Черезъ два года послѣ этого, господинъ N., возвращаясь съ охоты (это было уже въ Россіи, въ одной изъ степныхъ губерній), тоже ночью, шелъ мимо одного господскаго домика, который онъ считалъ необитаемымъ. Каково же было его изумленіе, когда изъ оконъ этого домика раздался тотъ же самый голосъ, пѣвшій ту же самую пѣснь; потомъ опять растворилось окно, показалась та же самая женщина, и чуть ли не въ томъ же, или по крайней мѣрѣ въ такомъ же бѣломъ платьѣ. — Господинъ N. подошелъ къ запертымъ воротамъ, посмотрѣлъ черезъ заборъ, походилъ около забора съ полчаса или поболѣе, наконецъ видитъ, — двѣять нечего, отправился на ночлегъ въ соседнее село. — Не успѣлъ онъ пройти полверсты, его обогналъ какой-то всадникъ, на черной лошади; всадникъ этотъ напомнилъ господину N. того мужчину, котораго онъ подкараулил въ Сорренто.

Пришедши на ночлегъ, господинъ N. сталъ разспрашивать у своего хозяина, кто такой пріѣхалъ въ соседнюю усадьбу, но не добился толку; съ горя пошелъ онъ въ сарай спать. — Долго ему не спалось; во снѣ ему грезилась незнакомка. Чуть свѣтъ онъ проснулся

и былъ уже у воротъ таинственнаго домика. Съ тоской ожидая, раздраженнаго почти до злобы, похаживалъ онъ по росистой травѣ и безпрестанно поглядывалъ на низенькій и неказистый домикъ, за-ключавшій въ стѣнахъ своихъ то загадочное существо.... Черезъ нѣсколько минутъ, въ калитку выглянулъ старикъ, Лукьянычъ, состоявшій при домѣ дворовый человекъ, и не мало изумился столь ранней прогулкѣ господина N. — Еще въ большее изумленіе привели его нескромные его вопросы о барынѣ и оскорбительное для чести старика намѣреніе подкупить его посредствомъ четвертака. Онъ захопнулъ калитку, и господинъ N. остался при прежнемъ недоумѣніи; четвертакъ, отвергнутый честнымъ старикомъ, безмолвно лежалъ у ногъ его. — Но неудачи и препятствія не сильны надъ духомъ господина N.; онъ положилъ сперва разузнать, кто именно прѣхалъ въ усадьбу, и чья она, потомъ опять таки вернуться, и, *какъ говорится*, не отстать, пока не разъяснится дѣло. — Онъ сунулся было къ мужичкамъ съ разспросами, но все, что онъ отъ нихъ услышалъ, было крайне неудовлетворительно. — Двѣтъ нечего, пошелъ господинъ N. на охоту; тутъ ему посчастливилось: по лѣсу, въ которомъ онъ охотился, шла дорожка, по этой дорожкѣ прогуливалась верхомъ счастливая пара, предметъ изслѣдованій господина N. — Онъ успѣлъ рассмотреть ее всю, но и его тоже. Счастливицы, увидѣвъ посторонняго человека, пронзающаго ихъ нескромными взорами, поскакали галопомъ и скрылись изъ виду. — Теперь господину N. оставалось *узнать ихъ имена, постараться навести справки*. Преходя мимо усадьбы, онъ увидѣлъ Лукьяныча, опять сталъ было приставать къ нему, но узнавъ, что съ часъ назадъ барыня уехала съ сестрицей обратно въ Москву. — Чтобы повѣрить показанія Лукьяныча, онъ упросилъ его показать ему домъ; Лукьянычъ удовольствовалъ его желанію, и между другими комнатами показалъ ему кладовую, гдѣ висѣли старые портреты, по поводу которыхъ Лукьянычъ въ непродолжительномъ времени удавился. Года черезъ четыре послѣ этихъ происшествій, господинъ N., проживая въ Петербургѣ, вздумалъ какъ-то повхатъ въ Дворянское Собраніе, въ маскарадъ. Долго бродилъ онъ вдоль колоннъ и мимо зеркалъ съ скромно-фатальнымъ (?) выраженіемъ лица, изрѣдка отпучиваясь отъ пискливыхъ домино съ *подозрительными* кружевами и *несъжыми* перчатками; онъ хотѣлъ было уже отправиться домой, но остался, увидѣвъ *прислоненное* къ колоннѣ черное домино, въ которомъ онъ узналъ свою незнакомку. — Онъ подошелъ къ ней, наклонился къ самому ея уху, и тихо произнесъ: «*Passa que'colli....*», потомъ напомнилъ ей о Сорренто и таинственномъ домикѣ, и такимъ образомъ, привлекъ къ себѣ ея вниманіе.

«Venez»—сказала она ему, и они отправились вонъ изъ залы.— Усѣвшись съ незнакомкой въ одной изъ отдаленныхъ комнатъ, господинъ N. разсказалъ ей, какъ странный случай дѣлалъ его *невольнымъ* свидѣтелемъ ея тайны, а отъ нея узналъ, что она не принадлежитъ (sic) къ числу тѣхъ женщинъ, которыя ѣздятъ по маскарадамъ для того, чтобы болтать съ *первымъ встрѣчнымъ* о своихъ страданіяхъ, которымъ нужны сердца, исполненные сочувствія..., что ея сердце умерло, что она пріѣхала въ маскарадъ хоронить его.— Далѣе господинъ N. узналъ, что его незнакомка русская, что имени ея знать ему не нужно, что ее обманулъ ея любовникъ, обѣщавъ жениться, и не женился.... «Вотъ и вся моя исторія, прибавила она; въ ней нѣтъ ничего таинственнаго, *ничего особеннаго.*» И въ самомъ дѣлѣ, въ этой исторіи нѣтъ ничего такого, чтó бы заслуживало чѣмъ-нибудь вниманіе; конечно, всегда бываетъ жалко, когда услышишь, что женщину бросилъ любившій ее мужчина, но пожалѣешь—и конечно, зачѣмъ же доводить это до общаго свѣдѣнія? Мы не хотимъ сказать этимъ, что любовныя отношенія мужчины съ женщиной и разрывъ между ними не могутъ быть предметомъ повѣсти или вообще словеснаго произведенія; это было бы несообразно съ дѣломъ, и не одна тысяча словесныхъ произведеній обличила бы несправедливость нашего мнѣнія. Мы замѣчаемъ только, что писатель грѣшитъ противъ своихъ обязанностей и противъ правъ читающей публики, если характеры своихъ дѣйствующихъ лицъ оставляетъ для читателя тайной, а представляетъ ихъ со стороны ихъ наружности, тѣлодвиженій и т. п.; такъ дѣлается въ живописи, отнюдь не въ поэзи.— А въ этомъ разсказѣ есть нѣкоторые матеріалы для повѣсти, и напрасно г-нъ Тургеневъ ими не воспользовался: этотъ господинъ, отъ лица котораго идетъ разсказъ, очень занимателенъ.— Эта раздражительность пражной души, по которой онъ такъ мало-душно отдается во власть впечатлѣнія, которая заставляетъ его караулить чужое свиданіе (хотя онъ послѣ и разсказываетъ, что былъ *невольнымъ* его свидѣтелемъ), ходить въ сильный жаръ цѣлые часы по подоконью, подкупать слугъ и все таки думать что *онъ узнаетъ чужія тайны*,—это черта обильная для художника; на сколько разнообразнѣйшихъ душевныхъ движеній можно ее разложить; ее бы и нужно было г. Тургеневу взять мотивомъ своего произведенія, и около ея уже сгруппировать побочныя обстоятельства.—Какой благодарный предметъ для сатиры! Какъ хороша этотъ господинъ N., на пр., когда онъ, встрѣтивши свою незнакомку въ саду, говорить, что онъ *успѣлъ разсмотрѣть ее всю!* Какъ хороша онъ, когда бродить у забора, чѣмъ свѣтъ будить добрыхъ людей,

забываетъ съ четвертакомъ къ старому лакею! Жаль, что г. Тургеневъ такъ нечаянно обронилъ столько дорогихъ комическихъ подробностей, не обративъ должнаго вниманія на ихъ цѣнность и помѣстивъ ихъ на заднемъ планѣ.—На частныхъ несообразностяхъ и второстепенныхъ недостаткахъ мы не останавливаемся.

«*Львы въ провинціи*», повесть г. Панаева, продолжается сообразно съ началомъ. Впрочемъ на нѣкоторыя мѣста, которыя намъ показались очень удачными, мы не можемъ не обратить вниманія нашихъ читателей; на пр. появленіе отставнаго штабъ-ротмистра Кобелякова на обѣдѣ у графа представлено прекрасно. Его манеры, его французскій языкъ — до крайности смѣшны; но лучше всего его обращеніе къ сосѣду за столомъ, по тому случаю, что водку и закуску поставили въ столовой передъ самымъ обѣдомъ. — «Какое странное обыкновеніе, сказалъ онъ; почему бы закуску не выставить прежде, *заванье*. Тогда бы вслѣдъ, кому *хочется*, подходилъ закусить, а то помилуйте, проморили до пяти часовъ: шутка ли!... Ужъ это, признаться, что-то не по-графски, это *мескинъ*.... Всѣ эти украшенія, цвѣты, фрукты, серебро,— это хорошо для глазъ, но въ обѣдѣ главное—*существенное*. Не правда ли?»

— «Совершенно справедливо, замѣтилъ ему сосѣдъ, *однако насколько тутъ тысячъ серебра на столъ—вопросъ?*»

Нѣкоторыя фразы изъ разговора Вихлева съ утраватымъ по-этомъ тоже могутъ обратить на себя вниманіе. — Управляющій Василій Ивановичъ выведенъ очень искусно, но онъ, къ сожалѣнію, на заднемъ планѣ.—Вотъ все, что можно сказать въ пользу романа г. Панаева.

О «*Богатомъ жепихлѣ*» г. Писемскаго печего сказать хорошаго. «Бракъ по страсти» и «Июхондрикъ» не могутъ спасти автора отъ горькихъ порицаній критики. — Такая неудача легко объясняется поспѣшностію, съ которой г. Писемскій пишетъ свои произведенія; но объясненіе не есть оправданіе, и трудно будетъ г. Писемскому заглазить передъ обществомъ свой литературный грѣхъ.

«*Очерки лондонскихъ нравъ*», г. Диккенса:—1. Размышленія о лондонскомъ народонаселеніи. 2. Рождественскіе праздники. 3. Новый годъ. 4. Госпитальная пациентка. 5. Отверженная любовь мистера Джона Дунса. 6. Джентельмены—оборванцы. 7. Смерть пьяницы.— Это такія вещи, которыя мы не въ состояніи достаточно похвалить, и которыя предоставляемъ особенному вниманію читателей.—Сколько искусства въ изображеніи, и, что еще важнѣе, сколько любви къ человеку!

Здѣсь кстати скажемъ, что въ отдѣленіи «Иностранной Словесности» Современника помѣщено краткое жизнеописаніе г. Диккенса и при этой книжкѣ раздастся портретъ его.

Въ отдѣлѣ «Критики» помѣщена какая-то несчастная статья «Русская историческая литература въ 1851 году». Вся историческая литература прошлаго года разобрана на 11 страничкахъ. Какая воздержность!

Не можемъ оставить безъ некоторыхъ замѣчаній разборъ рѣчи г. Грановскаго, произнесенной имъ въ торжественномъ собраніи Московскаго университета. Въ рѣчахъ, произносимыхъ въ торжественныхъ собраніяхъ, говорить рецензентъ, нельзя искать подробнаго разрѣшенія предположенной задачи, исчерпывающаго все относящееся къ предмету; довольно и того, если подобное сочиненіе проводить предъ вами вѣрную и блестящую мысль или займетъ васъ ловкимъ изложеніемъ. Но бывали примѣры, что академическія рѣчи становились выше этихъ условій;—но это уже принадлежность личнаго таланта—соединить дѣльность и важность внутренняго содержанія съ достоинствомъ внѣшняго изложенія. — Къ этому послѣднему ряду произведеній должна быть отнесена рѣчь г. Грановскаго. Оканчивая свой отчетъ, г. рецензентъ обращаетъ вниманіе читателей на языкъ г. Грановскаго.—«На языкъ его (г. Грановскаго), говоритъ онъ, лежитъ свой оригинальный характеръ, въ которомъ глубина мысли постоянно слита съ красотою выраженія. Можно смѣло сказать, что едва ли кто изъ современныхъ нашихъ литераторовъ можетъ *оспоривать это качество* у г. Грановскаго». Чтò значить *оспоривать* у кого-нибудь *качество*—мы не совсемъ ясно поняли; не много лестнаго для г. Грановскаго, что такой дурной стилистъ явился защитникомъ его слога. Чтò касается до насъ, то мы объ языкъ г. Грановскаго нѣсколько иного мнѣнія: въ немъ есть известная красота и какъ будто бы сила, но это такъ кажется больше на первыхъ порахъ; при дальнѣйшемъ знакомствѣ съ нимъ открываешь въ немъ много напыщеннаго, много привычныхъ оборотовъ и словъ, и т. д.—Это постоянное стремленіе придать рѣчи торжественный или страстный тонъ, эта боязнь унижить рѣчь свою ежедневнымъ словомъ,—все это признаки ложной манеры, которую хвалить не слѣдуетъ, а въ писателяхъ, которые имѣютъ вліяніе, должно даже обличать съ крайнею строгостью, для пользы общественнаго вкуса.

Но что́ это за наслаждение—прочитать рецензію Современника на «Полную Русскую Хрестоматию» г. Галахова.—Хрестоматія хороша, а рецензія, кажется, еще лучше; очень жаль, что нельзя писать рецензію на книгу до ея выхода, (хоть и бывали примѣры), а то вотъ бы г. Галахову помѣстить въ свою полную хрестоматию эту рецензію, какъ дивный образецъ возвышеннаго слова и еще болѣе возвышенныхъ мыслей.—«Хрестоматія его (г. Галахова), говоритъ добросовѣстнѣйшій изъ рецензентовъ, *принесла огромную пользу и въ короткое время сдѣлалась настольною книгою учащагося юношества. Мы убѣждены, что ей не суждено остановиться только на пятомъ изданіи, но что, напротивъ того (напротивъ чего?), требованіе на нее будетъ постоянно расти, вмѣстѣ съ новымъ молодымъ поколѣніемъ, ежегодно садящимся за ученическія скамьи». о, г. Галаховъ!—О, другъ дѣтей! «Мы преимущественно, продолжаетъ г. рецензентъ, должны обратить вниманіе публики на третій томъ, дополненный біографіями и характеристиками русскихъ писателей, теоріей и исторіей словесныхъ произведеній». Т. е., первые два тома хороши, а третій—просто, ничего не можетъ быть пріятнѣе. Изъ многочисленныхъ статей г. Галахова публика уже ознакомилась съ манерой его разсматривать каждаго писателя со стороны его жизни и литературной дѣятельности,—манерою, которую можно *упрекнуть развѣ только въ доходящихъ уже до измѣщества точности и добросовѣстности*. Что́, послѣ всего этого происшествія, долженъ подумать о своемъ трудѣ и о самомъ себѣ г. Галаховъ? Онъ, вѣроятно, надѣялся провести остатокъ жизни въ мирной неизвѣстности, вдали отъ литературной и другой славы, не возбуждая ни восторга, ни зависти въ своихъ согражданахъ; вдругъ открывается, что его «Полная Хрестоматія» принесла *огромную пользу*, г. Галаховъ—благодѣтель семействъ и другъ юношества.—Г. Галаховъ самъ не вѣритъ своему счастью, все это представляется ему сладкимъ, но обманчивымъ сномъ, онъ перечитываетъ нѣсколько разъ рецензію Современника, и не понимаетъ, какъ это случилось, думаетъ, ужъ про него ли это.—Такъ точно, про него; вотъ написано: «Полная русская хрестоматія. Составилъ А. Галаховъ. Изданіе пятое съ перемѣнами, въ трехъ частяхъ. Москва. 1852». Но шутки въ сторону. Можно ли такъ неистово хвалить книгу, которой недостатки всѣмъ извѣстны, которая раскупается съ такимъ успѣхомъ единственно по недостатку соперничества? Можно ли такъ соблазнительно увѣрять г. Галахова въ его достоинствахъ? Опъ, можетъ быть, повѣритъ вкрадчивымъ словамъ льстиваго благопріятеля — и возгордится и возмечтаетъ о себѣ. — На комъ же будетъ грѣхъ?*

«Замѣтки и размышленія *Новаго Поэта по поводу русской журналистики*». После весьма скучнаго вступленія, въ которомъ Новый Поэтъ говоритъ о Теофиль Готье, о какихъ-то насѣкомыхъ, о самомъ себѣ и другихъ тому подобныхъ предметахъ, онъ переходитъ къ своимъ замѣткамъ о русской журналистикѣ, и на этотъ разъ начинается съ Москвитянина. — Почему онъ началъ съ Москвитянина, догадаться не трудно: мы перемѣнили обертку нынѣшній годъ, а Новый Поэтъ по этой части знатокъ и любитель. — Прежде всего, какъ и слѣдовало, Новый Поэтъ обратилъ вниманіе на комедію г. Писемскаго «Ипохондрикъ», помѣщенную въ 1-мъ номеръ нашего журнала. Этой комедіи, говоритъ онъ, предшествовали довольно громкія похвалы, возбуждающія обыкновенно преувеличенныя ожиданія, которымъ удовлетворить всегда трудно. Странно!... За тѣмъ слѣдуетъ нѣсколько строкъ истинно драматическихъ; Новый Поэтъ испытываетъ борьбу двухъ чувствъ: съ одной стороны онъ побаивается г. Писемскаго, да и не знаетъ хорошенько, что въ немъ хорошо, что дурно, съ другой стороны уязвленное Москвитяниномъ сердце его жаждетъ мести. «*Очень уважал талантъ г. Писемскаго*, говоритъ онъ, *я скажу откровенно и прямо*, что причина, почему комедія его принята довольно хладнокровно, заключается столько же въ этихъ преувеличенныхъ ожиданіяхъ, сколько въ существенныхъ недостаткахъ (каково это?) новаго произведенія» и т. д. Это новость для насъ, будто «Ипохондрикъ» принять былъ хладнокровно. Къѣмъ же это? По крайней мѣрѣ, у насъ въ Москвѣ онъ понравился всѣмъ, кто понимаетъ дѣло. — Если же кто и принялъ его хладнокровно, такъ кромѣ причинъ, выставленныхъ Новымъ Поэтомъ, могутъ быть другія. — «Лишенная живаго и занимательнаго *дѣйствія*, продолжаетъ Новый Поэтъ, *изъ котораго вытекала бы какая-нибудь завязка*, комедія г. Писемскаго въ частностяхъ имѣетъ, однако, большія достоинства». Стало быть не до конца еще прогнѣвался Новый Поэтъ; должно думать, онъ немножко побаивается, чтобы чего лишняго зря не сказать. — «Мы желали бы всегда строго смотреть на произведенія г. Писемскаго, потому что цѣнимъ его прекрасный талантъ и *возлагаемъ на него надежды*... Здѣсь я говорю мы, ибо вполне убѣжденъ, что редакция «Современника» разделяетъ мой образъ мыслей относительно автора «Тюфяка» и «Комика». — Такъ «Ипохондрикъ», стало быть, хуже «Комика»? Это преступаетъ предѣлы шутки.

Поступивъ столь строго съ г. Писемскимъ, Новый Поэтъ еще съ болѣею строгостью обращается къ г. Григорьеву, порицая его, яко бы за легкомысленное увлеченіе талантомъ Гоголя. Въ особую вину г. Григорьеву поставлено то, что его увлекъ образъ Албанки

Аннунциаты, нарисованный Гоголемъ въ его «Римѣ». Новаго Поэта; изволите видѣть, соблазнили некоторыя выраженія Гоголя въ описаніи красоты Аннунциаты, и дѣло кончилось тѣмъ, что это изображеніе названо *неудачнымъ* эскизомъ Албанки. «И что такое хотѣлъ сдѣлать Гоголь изъ своей Аннунциаты—не извѣстно».... Такъ не извѣстно?... Вы не понимаете?—Ахъ, Новый Поэты! Новый Поэты! до чего вы дошли наконецъ! Вы, должно быть, еще не пришли въ себя отъ пораженія, нанесеннаго вамъ Эрастомъ Благоправовымъ!

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ. Февраль. N 2-й. 1852 года.
 «*Проселочныя дороги*», романъ безъ интриги, Д. В. Григоровича. Въ прошедшій разъ, говоря о первой части этого романа, мы высказали безусловно свое сочувствіе къ новому произведенію талантливаго автора. Изъ этого конечно не слѣдуетъ, чтобы мы не видѣли никакихъ недостатковъ даже и въ первой части «Проселочныхъ дорогъ». Откладывая подробный разборъ романа до его окончанія, мы не хотѣли только на первый разъ портить нашъ отзывъ частными указаніями на замѣченные нами недостатки и ошибки. Мы имѣли передъ собой, по всей вѣроятности, длинный рядъ лицъ и картинъ, въ которыхъ авторъ могъ избѣжать ошибокъ, замѣченныхъ конечно и имъ самимъ въ первой части. Но теперь мы прочли уже вторую часть, и такъ какъ она не поражаетъ тою яркостью красокъ, которою нельзя было не увлечься въ первой части, то ошибки, оставшіяся тѣми же, стали замѣтнѣе, и невольно напрашиваются быть указанными. Хотя и странно нѣсколько ожидать, чтобы авторъ послушался въ наше время совѣтовъ критики, но все таки мы считаемъ своимъ долгомъ указать на главнѣйшія ошибки, которыхъ г. Григоровичъ, можетъ быть, постарается избѣжать при дальнѣйшемъ ходѣ романа. Во-первыхъ, было бы очень хорошо, еслибы г. Григоровичъ освободился отъ наклонности изображать иногда карикатуры вмѣсто лицъ, каковъ на пр. Дрянковъ. Точно также напрасно онъ доводитъ иногда положенія, сами по себѣ комическія, до крайности. Иногда этого нельзя не простить, потому что смѣешься отъ души, поддаваясь увлеченію автора, хотя и чувствуешь самъ, что описывается нѣчто несбыточное. Такова на пр. сцена путешествія Бобохова по саду Балахидова, мимо двухъ дѣвицъ, изъ которыхъ одна ловитъ бабочку. Но по большей части всякое преувеличеніе есть уже не совсѣмъ чистый элементъ въ искусствѣ. Кромѣ этого довольно важнаго недостатка, котораго причина лежитъ отчасти въ природѣ таланта г. Григоровича, но который умѣрять въ его однако си-

лахъ, мы не можемъ не указать на довольно замѣтное подражаніе англійскимъ романистамъ, замѣтное не только въ манерѣ, но даже и въ лицахъ, изъ которыхъ инья, имѣя конечно свои особенности, слишкомъ уже напоминаютъ всѣмъ извѣстныя лица Диккенса. Наконецъ не можемъ не указать г. Григоровичу на слишкомъ широкіе иногда размахи его кисти при изображеніи характеровъ и отношеній, напоминающіе нѣсколько декоративную живопись. Въ извѣстномъ отношеніи эта манера имѣетъ свои достоинства, но иногда весьма желательно бы было болѣе тонкой и мелкой психологической отдѣлки, особенно тамъ, гдѣ характеры рисуются въ отношеніяхъ, а не описаніями или другими способами.—На первый разъ ограничимся этими замѣчаніями, отъ души желая, чтобы они принесли какую-нибудь пользу г-пу Григоровичу, а вмѣстѣ съ тѣмъ пожелаемъ дальнѣйшаго успѣха и самому роману, который, по всѣмъ вѣроятностямъ, долженъ составить интересное явленіе въ нашей литературѣ.

Въ «*Туристъ*», разсказъ г. Воилярскаго, разсказывается очень живымъ и легкимъ слогомъ о томъ, какъ живутъ Русскіе въ Римѣ, и о томъ, какъ одинъ милордъ не могъ застрѣлить своего брата на дуэли, потому что далъ ему слово не стрѣлять, пока думаетъ о голой обезьянѣ, а между тѣмъ, всякій разъ, когда дѣло доходило до дуэли, вспоминалъ непременно объ обезьянѣ.

Исторія Испанской литературы, составленная по Тикноровой книгѣ «*History of Spanish literature*», обѣщаетъ, судя по первой статьѣ, быть интересной; но она могла бы быть еще интереснѣе, еслибы составлена была не по одному Тикнорову сочиненію, но и по другимъ замѣчательнымъ книгамъ, трактующимъ о томъ же предметѣ. Вообще подобнаго рода компіляціи тогда только и имѣютъ настоящій интересъ, когда представляютъ сводъ различныхъ взглядовъ на одну и то же дѣло, и, по возможности, многостороннее его изображеніе.

Но не можемъ не остановиться безъ особаго вниманія на крайне любопытномъ «*Извлеченіи изъ отчета, представленнаго директору Императорской публичной библіотеки, статсъ-секретарю барону Корфу, редакторомъ ученыхъ ея работъ, надворнымъ советникомъ Коссовичемъ.*» Здѣсь заключаются самыя точныя и довольно подробныя свѣденія объ устройствѣ, составѣ и порядкѣ выдачи и обратнаго полученія книгъ въ библіотеку Британскаго музея, одного изъ замѣчательнѣйшихъ учрежденій въ Европѣ. Здѣсь же, хотя и мимоходомъ, г. Коссовичъ даетъ понятіе о публичныхъ библіотекахъ во Франціи: Національной, Городской и Св. Женевьевы. Значительное преимущество отдается имъ безъ сомнѣнія библіотекѣ

Британскаго музея, хотя онъ и не скрываетъ недостатковъ этого послѣдняго. Все это изложено такъ, что, по прочтеніи, вы какъ будто сами побывали въ сказанныхъ библіотекахъ и познакомились не только съ ихъ устройствомъ, но и съ впечатлѣніемъ, выносимымъ изъ нихъ.

Зооморфическія божества у Славянъ: птица, конь, быкъ, корова, змѣя и волкъ,—новая статья г. *Леванасѣва*.

Во второй статьѣ «*Русская литература въ 1851 году*» разбираются и исчисляются сочиненія и статьи по Всеобщей Исторіи, появившіяся въ прошломъ году.

Въ отдѣлѣ критики напечатанъ между прочимъ разборъ «*Племянницы*», не лишенный нѣсколькихъ вѣрныхъ замѣтокъ и положеній, хотя и принадлежащій къ числу тѣхъ, которые ходятъ только около разбираемаго произведенія, мало разъясняя его читателю, и не удовлетворяя того, кто ищетъ отъ критики помощи въ вѣрномъ сгруппированіи собственныхъ впечатлѣній, вынесенныхъ изъ романа. Это обстоятельство не помѣшало впрочемъ составителю статьи называть свою критику *наполющею критикой*, и себя слѣдовательно настоящимъ критикомъ, что во-первыхъ очень не скромно, а во-вторыхъ очень забавно.

Въ *Смѣси* напечатаны вторая статья «*Шхерь*», довольно любопытная, и «*Путешествіе Александра Дюма и компаніи въ Тунисъ, Марокко и Алжиръ*», Здѣсь между прочимъ есть вещи уже давно всѣмъ извѣстныя, какъ напр. анекдотъ о бумажныхъ колпакахъ и восточномъ правосудіи.

Въ *Разныхъ разностяхъ* любопытнѣе между прочимъ отзывъ журнала, издаваемаго г. Краевскимъ, т. е. Отечественныхъ Записокъ, о Петербургскихъ Вѣдомостяхъ, въ которыхъ онъ тоже участвуетъ. «Скажемъ въ заключеніе, говорятъ Отечественныя Записки, что мы, по крайнему нашему разумнію, считаемъ «*Санктпетербургскія Вѣдомости*» лучшею изъ ежедневныхъ русскихъ политико-литературныхъ газетъ.» *Nonny soit qui mal y pense!*

БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНІЯ 1852 ГОДА. № 2, ФЕВРАЛЬ.

На первой страницѣ новаго № читателю встрѣчается вещь, совершенно невѣроятная, именно стихотвореніе г. Долина: *Амурь-Игрокъ*. Если бы мы обладали той необыкновенной охотой шутить, какою отличалась нѣкогда литературная летопись Библіотеки для Чтенія, нынѣ печатающей такія невѣроятныя вещи, то конечно написали бы нѣсколько страницъ по поводу одного стихотворенія

«Амурь-Игрокъ» которое и по языку и по содержанию—такъ старо, что кажется въ наши дни уже новымъ. Представьте себѣ въ самомъ дѣлѣ, что вдругъ посреди обыкновенныхъ причесокъ и одеждъ, вдругъ, совершенно неожиданно, появляются пудренная голова и мушки: таково и дѣйствіе производимое странностью тона и содержанія *Амура-Игрока*, но еще забавнѣй дѣйствіе производимое безотносительными свойствами этого *прелестнаго* аполога, т. е. языкомъ, мыслями и проч. Невѣроятная, поистинѣ неувѣроятная вещь.

На поцѣлуи въ крѣбсь съ красавицей играя
Распро.... игрался купидонъ;
 Колчанъ и лукъ и стрѣлы отдалъ оиъ.
 Съ досады въ хитростяхъ ее подозрѣвая,
 Сорвалъ повязку съ глазъ—и вновь
Игрицы счастье *слѣпое*
 Проводить *зрлчюю* любовь.

Не можемъ не замѣтить здѣсь, что такое постановленіе рядомъ противоположныхъ эпитетовъ весьма похвалается въ риторикахъ и пиитикахъ, какъ въ нѣкоторомъ родѣ пиитическое остроуміе. Собственно говоря, такіа прелестныа украшенія относятся даже не къ вѣку пудренныхъ головъ, а къ вѣку париковъ, къ вѣку Сентъ-Эньяновъ и другихъ поэтовъ, которыхъ память сохранилась, благодаря долговѣчности *Мизантропа*, *Precieuses Ridicules* и *Femmes savantes* Мольера.—Но это въ сторону. Позвольте досказать вамъ словами *изящнаго* подлинника о дальнѣйшихъ судьбахъ *распрои*гравнагося амура.

Рѣшился въ долгъ играть—и проигрался вдвое:
 Сокровище—Венеры поясокъ
 Счастливицѣ достался подъ залогъ!
 Вотъ, неудачами разгоряченъ ужасно,
 На бѣлыхъ голубковъ еще метнулъ—напрасно!
 И залился слезами.... *тайный рокъ*
 Съ усмѣшкою глядѣть на слезы.

Трогательное происшествіе—воскликнули мы, и то же чуть было не залился слезами какъ *распрои*гравшійся Амурь, метнувшій наконецъ на бѣлыхъ голубковъ: мы были вообще на сторонѣ его, а никакъ не на сторонѣ злаго тайнаго рока, который съ *усмѣшкою глядѣлъ на слезы*.... Но такого *пассажа*, который дальше съ *нимъ* случился—мы не предугадывали. Трогательное, такъ сказать, *ожалости подобное* происшествіе:

Вотъ, *переплакавшись*, играть онъ снова сталъ—
 На прелести свои.... Бѣдняжка проигралъ

И полноту лица, и лиліи, и розы,
 И ямочки ланить....
 И хитросладкіе улыбокъ разговоры,
 И бѣглый огонь рѣчей и плутовскіе взоры.

Какъ это все ухитрился проиграть Амуръ, мы недоумѣваемъ, но все-таки имѣемъ право жалѣть объ этомъ несчастномъ господи́нѣ, и въ особенности жалѣемъ о томъ, что онъ проигралъ *хитросладкіе разговоры улыбокъ*, не показавши ихъ напередъ намъ, потому что очень желали бы видѣть такой любопытный предметъ.

Игрица красотой Амура вся блеснеть!
 Съ доспѣхами любви и въ поясъ Венеры,
 Какъ будто только что явилась изъ Цитеры!
 Эротъ, какъ вкопанный предъ ней стоитъ:
 Уныль, и не при чемъ и тяжело вздыхалъ,
 Онъ, *размышляючи*, сказалъ:
Ахъ! для чего, съ красавицей игралъ,
 Повязки на глазахъ своихъ не удержалъ!

Бѣдный, бѣдный Амуръ—подумали мы, оканчивая *сіе* стихотвореніе, въ которомъ такъ искусно переплетены *прелестное, забавное, трогательное* и даже *ужасное*, такъ что съ этихъ поръ, вмѣсто всѣхъ различныхъ стиховъ, цитруемыхъ въ пиитикахъ и реторикахъ, въ примѣръ или прелестнаго, или забавнаго или трогательнаго, или ужаснаго, можно заразъ уже для краткости, которая есть достоинство въ учебной книгѣ, и облегченія памяти учениковъ—выписать это стихотвореніе, и потомъ при изслѣдованіи различныхъ свойствъ *прелестнаго* или *трогательнаго*, ставить только СФ, (*confegas, сирѣчь зри, смотри, собственно снесись*).

Не шутя говоря, Библиотека для Чтенія рѣшилась дивить насъ невѣроятными вещами: съ одной изъ нихъ, съ стихотвореніемъ г. Долина, мы познакомили читателей, но намъ остается еще другая диковинка, продолженіе романа *Самоучки*, и третья диковинка—письма иногороднаго подписчика. Не нарушая порядка, въ которомъ рѣшаемся мы слѣдить постоянно и отчетливо содержаніе журнала, мы, послѣ стихотворенія г. Долина, переходимъ къ «Самоучкамъ».

Это—тоже *невѣроятная* вещь только, къ сожалѣнію, гораздо болѣе длинная, чѣмъ прелестный *рабпроигравшійся* Амуръ г. Долина, и притомъ, поставляющая критика въ пренелѣпное и презатруднительное положеніе. Не говорить о «*Самоучкахъ*» вовсе—нельзя! нельзя именно потому, что эта вещь невѣроятная,—гово-

рять о немъ подробно.... наскучишь читателямъ.... Лучше всего въ такомъ случаѣ, показывать нѣкоторыя изъ находимыхъ нами въ немъ дикувинокъ, отдаваясь произволу случая. Съ однимъ изъ троихъ самоучекъ, а именно съ Клавдинымъ, съ тѣмъ самымъ, который имѣлъ на чердакѣ чувствительное объясненіе съ г-жею Цкевичъ, случилось еще слѣдующее, тоже весьма поэтическое происшествіе. На ловца, говорится, и звѣрь бѣжитъ, и конечно уже намъ съ вами, читатель, людямъ простымъ, не испытать никогда такихъ отраднѣхъ впечатлѣній, а главное—и не высказать ихъ, какъ высказываетъ авторъ Самоучекъ. «Бойкое перо!» скажешь по неволѣ.

Клавдинъ, изволите видѣть, для того, чтобы *дать просторъ* воображенію, забирается въ чужой садъ.

«Утро было *вдохновенно*. Клавдинъ, котораго *сердце всегда было доступно сладостнымъ изліяніямъ природы*» (NB ???! Что разуметь авторъ подъ *сладостными изліяніями природы?*), «посмотрѣлъ вокругъ себя съ безотчетнымъ удовольствіемъ, *приакомился* благоуханіемъ сирени, потомъ раскрылъ книгу и погрузился въ средніе вѣка. Долго сидѣлъ онъ, закрытый роскошною липою; часто отмѣчал карандашомъ на послѣднемъ листѣ книги номеръ «страницы, гдѣ находилъ что-нибудь замѣчательное, и ставилъ на ней легкій крестикъ, чтобы послѣ выписать въ свою тетрадку; часто «предавался созерцаніямъ, опустилъ книгу и устремивъ въ даль неподвижные взоры. Клавдинъ поднялъ глаза и вздрогнулъ; *образъ чудный мелькнулъ вдалекѣ*, еще, тожъ, это не обманъ; онъ протираетъ глаза, и прекрасное личико еще явственнѣе представляется ему, и гдѣ же? *между зелеными куполами деревьев; ихъ верхушки касались ея развѣвавшіеся* локоны; она, то показывалась, то исчезала въ волнахъ зелени; *невинная улыбка, голубыя очи, полуоткрытыя уста* оживлены были необыкновенною радостью, *неизъяснимымъ блаженствомъ*. Невозможность какого-нибудь оптического обмана, при такомъ близкомъ разстояніи, и высота деревъ, надъ которыми *летало* видѣніе, вдругъ воссламенили Сергѣя; онъ бросился на колѣни, простеръ къ очаровательному призраку дрожащія ротъ восторга руки и вскричалъ: очаровательный гений! Все исчезло, явленіе не повторилось!»

Удивительныя дѣла дѣлаются съ нѣкоторыми господами; какъ напримѣръ съ этимъ Сергѣемъ. Съ Яшей тоже происходятъ безпримѣрные происшествія. Этотъ другой герой-самоучка думаетъ изучать народъ и народность же (о! какъ дико между прочимъ и оскорбительно для слуха всякаго русскаго человека говорить у г.

Пожарскаго народъ). Для этого онъ сватается къ дочери купца Молотильщикова, который хочет, чтобы герой-самоучка пошелъ сперва въ прикащики. Дочь Молотильщикова—также описана перомъ, *омоченнымъ въ цвѣты радуги*. Удивительную сцену, гдѣ Яша представляется невестѣ, и гдѣ въ яркомъ свѣтѣ являются доблести г. Молотильщикова, нельзя не выписать. Она столько же принадлежитъ къ числу вещей невѣроятныхъ, сколько и стихотвореніе г. Долина. Для насъ лично, говоря по совѣсти, она не только смѣшна, но и отвратительна, какъ всякая бездарная поддѣлка подъ описанія народнаго быта, подъ народную рѣчь, въ которой спотыкаются иногда даже люди съ дарованіемъ. — Мы распространились бы болѣе на этотъ счетъ, если бы стоилъ того подлежащій разсмотрѣнію предметъ, но чувство отвращенія слишкомъ скоро смѣняется у насъ самихъ чувствомъ смѣха надъ бездарной претензіею.

«Они (т. е. Молотильщикова и Яша) вошли въ залу; посреди нея стоялъ круглый столъ, постланный узорчатою скатертью, за столомъ сидѣли двѣ женщины, одна—молодая купчиха въ длинномъ «сиземъ платкѣ, съ гладко повязанною головою; другая за самоваромъ; *Яша взглянулъ на нее и прикусилъ языкъ*. Что за прелесть, подумалъ онъ. И въ самомъ дѣлѣ Татьяна Петровна была одѣта «къ лицу, или, лучше сказать, *она была просто не одѣта*» (НВ. «то есть какъ же это однако? имѣемъ право спросить.... Не видать, чтобы авторъ совсѣмъ разоблачилъ свою героиню, какъ Гоголь Ивана Никифоровича?») «Голова убрана только ея роскошною темнорусою «коскою; на плеча накинуть голубой бурнусъ, и когда вошли наши «знакомцы въ залу, *она стояла у самовара и поддерживала чайникъ; это положеніе особенно живописно для дѣвицы, которой «рудь полна и граціозна....»*»

Остановимся на минуту, чтобы разъ навсегда сказать, что разумѣемъ мы подъ *грязностью* въ изображеніи. Не предметъ выбранный дѣлаетъ изображеніе грязнымъ—но манера изображенія, или 1) показывающая отсутствіе нравственнаго чувства въ авторѣ, какъ въ нѣкоторыхъ циническихъ произведеніяхъ, или, 2) пошлая—когда авторъ, какъ въ подчеркнутомъ нами изображеніи, и любить говорить *на счетъ клубнички*, но не уметь.... Но, это заключеніе о грязи—опять слишкомъ тяжело для выписываемой нами ради смѣха сцены:

«Отецъ представилъ ей Яшу какъ новаго знакомаго, *любителя «Русской старины* (?!?!); она сначала весело взглянула на него, но потомъ покраснѣла до нельзя и опустила свои черныя рѣсницы.

«Встарину двѣнца поднесла бы гостю кружку зелена вина» (не знаемъ, раздѣляютъ ли съ нами читатели отвращеніе, которое пробуждаютъ въ насъ всѣ подобныя намеки авторовъ на то, о чемъ они сами не имѣютъ ни малѣйшаго, даже первоначальнаго понятія), «а теперь, увы, Татьяна Петровна подала Яшѣ чашку чаю, «руки обоихъ молодыхъ людей дрожали, притомъ же Яша смотрѣлъ не на чашку и плеснулъ кипяткомъ на руку.»

«О душа двѣнца! воскликнулъ про себя поэтъ: ты обвашила мнѣ и сердце и пальцы» (NB.... Не правда ли, читатели, что эта штука—неимоверная)?

Петръ Аванасьевичъ улыбнулся съ самодовольствіемъ, какъ будто слышалъ это восклицаніе молодого человека; онъ поздравилъ себя съ успѣхомъ, зная, что красота есть *аршинъ* любви, которымъ она измѣряетъ (NB. Кто кого?) все прочее....» и т. п.

Продолжать далѣе—значило бы предполагать въ читателяхъ особенную страсть къ чтенію пошлостей, чего мы никакъ не смѣемъ предполагать.... Изъ уваженія къ нимъ, мы навсегда расстаемся теперь съ «Самоучками», и уже не позволимъ себѣ болѣе сказать объ этомъ литературно-неприличномъ произведеніи ни одного слова. На прощанье съ Самоучками слѣдуетъ только пожалѣть о журналѣ, который поставленъ въ печальную необходимость печатать подобныя произведенія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и замѣтить, что по нашему мнѣнію никакая журнальная необходимость не можетъ извинить неуваженія къ читателямъ, высказывающагося весьма ясно въ помѣщеніи «Самоучекъ.» Автору же этаго романа, кажется нечего и совѣтовать, тѣмъ болѣе, что онъ не послушается конечно единственнаго совѣта, который могли бы мы дать добросовѣстно—совсѣмъ не писать.... по крайней мѣрѣ долго, долго....

Разсказъ «Капелья», принадлежащій г. Котляревскому, автору довольно замѣчательнаго очерка *Чабаны*, взятъ такъ же, какъ и сей послѣдній—изъ малороссійскаго быта, весьма хорошо знакомаго автору. Это обстоятельство, т. е. близкое знакомство съ предметомъ, и составляетъ достоинство разсказа «Капелья», достоинство, которому не вредитъ даже явное вліяніе манеры Гоголя. Не всякому дано выработать себѣ особенность и самостоятельность, но отъ всякаго можно и должно требовать прямого отношенія къ дѣйствительности, которое въ глазахъ нашихъ всегда рекомендуетъ прекрасно автора. Произведеніе можетъ и не удовлетворять *вообще* эстетическимъ требованіямъ, но въ немъ должны быть живыя стороны, обличающія работу съ натурой.—Таковъ и разсказъ «Капелья», который прочли мы съ удовольствіемъ и участіемъ.

«И дружба и любовь», разговор для сцены, г-жи Тильцовой. Этот разговор для сцены, по своей формѣ, и даже по содержанию, явнымъ образомъ принадлежитъ къ числу такъ называемыхъ *драматическихкихъ пословицъ* (*proverbes dramatiques*), которыхъ въ послѣдніе года написано довольно много. Въ онѣ, болѣе или менѣе, написаны по образцу таковыхъ же произведеній А. де-Мюссе, и во всѣхъ есть общіе, такъ сказать *физиологическіе* признаки, а именно—сфера жизни въ нихъ берется, по большей части, великосвѣтская, т. е. въ нихъ дѣйствуютъ люди свѣтскіе, которые занимаются различными, нехитрымъ людямъ непонятными дѣлами, какъ-то—держатъ пари на честь женщины, вызываютъ другъ друга на дуэли, или *поколоться*, по наивному выраженію пушкинской капитанши, или люди, хотя и не большого свѣта, но за то разочарованные, такіе разочарованные, что — *и стоялъ свѣтъ и будетъ стоять*, какъ говорить сваха въ «Женидьбѣ», а такихъ разочарованныхъ, не было и не будетъ; женскія лица — тоже барыни свѣтскія, или вообще *развитыя* женщины, которыя занимаются преимущественно тѣмъ, чтѣ называется технически *игрою въ чувство*, дѣломъ хотя конечно и празднымъ, но дающимъ возможность выказывать различныя натуральныя, благопріобрѣтенныя и даже противуестественныя свойства *прекрасной и изящно-развитой* личности. Обыкновенно такъ же—главный герой и героиня (чаще всего—они только двое и на сценѣ) увѣряютъ себя и другъ друга въ невозможности любви вообще и въ своей специальной къ оной неспособности. Главнымъ образомъ, авторы подобныхъ произведеній стремятся къ *тонкости*. Тонкость чувствованій, тонкость разговоровъ, тонкость стана героини, тонкость голландскаго бѣлья и т. д., тонкость повсюду, однимъ словомъ—тонкость такая, что станъ, того и гляди, переломится, разговоръ то и дѣло переходитъ во что-то простому здравому смыслу и невоспитанному чувству непонятное,—чувства, того и жди—совсѣмъ испарятся или улетучатся; тонкость голландскаго бѣлья чуть что не ставится главнымъ признакомъ достоинства человѣческаго. Кончаются тутъ дѣла обыкновенно сознаніемъ героя и героини, что они *могутъ* позволить себѣ любить, или трагически: герой и героиня расстаются *въ безмолвномъ и гордомъ страданьи*. Вотъ общія *физиологическія* черты *драматическихкихъ пословицъ*. Происхожденіемъ своимъ, онѣ, какъ мы сказали уже, обязаны А. де-Мюссе, поэту (спѣшимъ оговориться) съ дѣйствительнымъ, истиннымъ, хотя и не особенно глубокимъ дарованіемъ, но котораго дарованія должно искать не въ «Капризѣ», не въ комедійкѣ, «*Il faut qu'une porte soit ouverte ou fermée*», а

въ другихъ произведеніяхъ, каковы лирическія стихотворенія, драмы «Андрей дель-Сарто» и «Лорензаціо», комедіи «Капризы Марьянны» и «Подсвѣчникъ», повѣсти «Фридрихъ» и «Барнетта Эммелина». У насъ на Руси развелось много такихъ пословиць. Самая удачная изъ нихъ—комедійка г. Тургенева: «Гдѣ тонко, тамъ и рвется», въ которой есть и лица хорошо очерченныя, и чувство, хоть не глубокое, но довольно искреннее; самое неудачное «Первое Апрель»—г-жи Евгени Туръ, произведеніе, совершенно недостойное живо чувствующаго автора «Ошибки» и «Племянницы»—скудное по содержанию, плохое по анализу, и *паче* всего—не выносимое по растянутости.

«И дружба и любовь» г-жи Тильцевой—одна изъ самыхъ плохихъ штукъ въ этомъ родѣ. Содержаніе этого разговора, какъ весьма скудное и до пошлости избитое, мы анализировать не станемъ, но для смѣха выпишемъ послѣднюю заключительную сцену между героемъ Аверинимъ (имя героя взято прямо изъ «Перваго Апрель») и героинею—графинею: Аверинъ, извольте видѣть, занимался писаніемъ портрета съ графини, а между прочимъ и игрою съ ней въ чувство:—онъ, извольте также видѣть, собирается ухватъ:

«Графиня. *(Ставъ шляпу на столъ и взявъ реэстръ)*. Теперь я тотчасъ же примусь за реэстръ».

«Аверинъ. Зачѣмъ эта комедія, графиня? признайтесь, что вамъ нечего выписывать изъ Москвы, а мнѣ пора проститься съ вами».

«Графиня. *(Бросая реэстръ)*. Нѣтъ, этого не будетъ, вамъ схватъ не возможно».

«Аверинъ. *Не возможно*, графиня? Нѣтъ, это не только не невозможно, но необходимо *(береть шляпу)*».

«Графиня. *Невозможно!* Слышите ли, невозможно: погода скверная, дорога скучная, въ Москвѣ вамъ дѣлать нечего, портретъ мой не конченъ, я безъ васъ остаться не могу».

«Аверинъ. Что вы говорите, графиня? *Вы безъ меня?*»

«Графиня. Да, да, *я безъ васъ*; понимаете ли: *я безъ васъ* не могу остаться, потому что... потому что погода... дорога... «портретъ». (NB. Замѣчаете ли вы неимоверную тонкость, читатели? «потому что, однимъ словомъ, теперь только я узнала, какъ я къ вамъ привязалась») *(Вытираетъ глаза)*. Я вамъ говорю, что схватъ невозможно....»

«Аверинъ. *(Взволнованный, подходит къ графинѣ и смотритъ на нее пристально)*. Неужели вы еще шутите?»

«Графиня. Одни мужчины видятъ вездѣ шутки, а я говорю вамъ серьезно—вы не увидите».

«АВЕРИНЪ. (*Недовѣрчиво*). Не вы ли объявили мнѣ сегодня «откровенно, что не любите меня?»

«ГРАФИНЯ. Скажите, Александръ Михайловичъ, знаете ли вы «пословицу: вмѣстѣ тѣсно—порознь тошно».

«АВЕРИНЪ. Знаю... такъ чтожъ?»

«ГРАФИНЯ. *Вотъ мы весь день ссорились, я мучила себя, а когда пришлось разставаться...*»

«АВЕРИНЪ. *Тогда?*»

«ГРАФИНЯ. (*Качая головой и протягивая ему обѣ руки*). «Тогда стало очень, очень тошно».

«АВЕРИНЪ. Графиня! могу ли я вѣрить? или нѣтъ? вы конечно шутите, играете мной... Но (*показывая ей билетъ*) пора все «кончить, мнѣ нельзя терять больше ни минуты.»

«ГРАФИНЯ. (*Беретъ билетъ и улыбаясь рветъ его на части*).»

«АВЕРИНЪ. Что вы дѣлаете?»

«ГРАФИНЯ. Вы видите! не уже ли вы не понимаете!... Вы «молчите? (*протягивая ему руку*).»

«АВЕРИНЪ. (*Цѣлуя ея руку*) Боже мой!.. Не уже ли?»

«ГРАФИНЯ. Да, что дѣлать! пришлось сознаться, что иногда, «какъ вы сами говорили, слово *дружба* прикрываетъ совсѣмъ другое чувство, а я вѣдь долго не вѣрила имъ, что люблю васъ»....

«АВЕРИНЪ. А теперь?»

«ГРАФИНЯ. Теперь? (*показывая на изорванную бумагу*). «*Пошлите за калачами къ гостинному двору, а до московскихъ «не охотница!*»

Не знаемъ, какъ кому, а намъ сцены въ родѣ выписанной нами, кажутся въ высшей степени пошлыми. Впрочемъ—*de gustibus non est disputandum*, и найдутся можетъ быть охотники до всѣхъ подобныхъ тонкостей, до изломанныхъ чувствъ и изломанныхъ отношеній, которыя, слава Богу существуютъ не въ русской настоящей жизни, а въ праздномъ воображеніи авторовъ. Если бы мы вѣрили, что такія отношенія—часты въ дѣйствительности, мы пришли бы точно въ истинное отчаяніе, но теперь, позволяемъ себѣ только посмѣяться надъ ними, и притомъ посмѣяться весьма добродушно. Не смѣяться же—право нѣтъ возможности, и надъ этими условными недоговорками, и надъ этими рутинными жестами, и надъ вопросами о томъ, о чемъ спрашивать не для чего, и надъ отвѣтами, исполненными наитончайшаго кокетства.... «*Изъ чего только люди ломаются!*» вотъ настоящее названіе всѣхъ этихъ *драматическихкихъ пословицъ*.

О «*Гувернантка*» г. Евг. Сю, мы сказали уже несколько словъ, и сказанное нами избавляет насъ отъ обязанности говорить о ея продолженіи, тѣмъ болѣе, что въ этомъ продолженіи не нашли мы такъ же живыхъ сторонъ, какъ и въ началѣ. Вообще, этотъ романъ свидѣтельствуетъ о совершенномъ истощеніи когда-то замѣчательнаго дарованія. Кто помнитъ первые романы Сю, основанные часто на чудовищной мысли, но увлекательные въ высшей степени, романы, блиставшіе яркостью кисти и страстнымъ увлеченіемъ, кто помнитъ Саламандру съ морскими сценами, *La Vigie de Koat ven* съ тяжелыми психологическими вопросами, Парижскія тайны наконецъ,—тому, конечно, больно и неприятно читать Гувернантку, произведеніе фальшивое, растянутое, обличающее безсиліе преждевременной старости таланта. Евгений Сю, какъ многіе изъ современныхъ писателей, забылъ совершенно, что съ словомъ надобно обходиться честно; онъ разбросался на ложные эффекты, растерявъ власть надъ своими силами, и стоитъ теперь въ одной категоріи съ г. Дюма, Маркизомъ де-ла-Польестри.

Минуемъ также «Пенденписа» (Часть VIII), предоставляя себѣ говорить объ этомъ романѣ по его окончаніи.

Англійская поэзія послѣ Лорда Байрона: Робертъ Броунингъ—статья переведенная изъ *Revue des deux mondes*, о чемъ впрочемъ, по общему обычаю нашихъ журналовъ не упомянуто. Нечего и говорить, что знакомить публику съ современной иностранной литературой—дѣло важное и принадлежащее къ числу непремѣнныхъ обязанностей каждаго благоустроеннаго журнала; но мы думаемъ, что ограничиваться въ этомъ случаѣ переводомъ статей иностранныхъ, и вдобавокъ еще французскихъ критиковъ, отличающихся, какъ извѣстно, крайней поверхностностью и устарѣлостью взгляда, едва ли большая заслуга. Самостоятельно должна взглянуть на современную словесность русская критика, разумѣя, конечно, подъ самостоятельностью не претензію на новостъ взгляда, а самобытное изученіе по источникамъ. Кромѣ того, дѣло русскаго критика въ этомъ случаѣ—опредѣлять отношеніе современности европейской къ нашей, русской современности, указать на точки прикосновенія, равно какъ и на точки расхожденія. Пусть такихъ статей будетъ въ журналѣ немного, но пусть будутъ онѣ за то носить на себѣ признаки самозащиты. Посмотрите, напримѣръ, за что французскій критикъ обвиняетъ автора «Парацельса» и другихъ драмъ.

«Болѣе всего, наконецъ, говорить онъ, Броунингъ терять въ своихъ драмахъ—одно изъ *великопльннйшихъ* преимуществъ своей природы: онъ иногда *отчаянно* безпристрастенъ. Дѣло идетъ

«объ особенномъ лицѣ и объ отдѣльномъ дѣлѣ. Чтѣ о томъ думаетъ «поэтъ!... Одобрятъ ли онъ? Порицаютъ ли? Онъ долженъ высказаться, долженъ разсвѣтить свое отличіе своими предпочтеніями или «антипатіями: долженъ рѣшиться на чтѣ-нибудь одно; это-то Броунингъ не всегда дѣлаетъ».

Да вѣдь если это такъ, если критикъ (предполагаемъ, что самъ онъ по крайней мѣрѣ понимаетъ, чтѣ хотѣлъ онъ сказать этимъ чрезвычайно неопредѣленнымъ судомъ) вмѣняетъ въ недостатокъ Броунингу—объективность, т. е. безпристрастіе и прямое отношеніе къ дѣйствительности, то онъ явно и видимо расходится съ настоящими, современными требованіями критики искусства. Если же все это мѣсто написано для *красоты слога*, то русскій переводчикъ обязанъ былъ или вовсе исключить его, или передѣлать. Мы взяли на выдержку на удачу, но если бы стали анализировать въ подробности всю статью, то патолкнулись бы, конечно, на мнѣнія, еще болѣе безосновныя.

Литературная лѣтопись нынѣшняго мѣсяца занимается преимущественно разборомъ книгъ специальныхъ, и именно по части Исторіи всеобщей и Русской, и въ особенности по части естественныхъ наукъ. Съ своей стороны, мы можемъ сказать только, что она составлена искусно и читается легко.

За симъ въ отдѣлѣ Смѣси—мы прочли съ удовольствіемъ 1) Историческія замѣтки о жизни и произведеніяхъ живописца Гране́, г. Рауль-Рошетта, и 2) вторую статью г. Субботича: Очеркъ исторіи сербской литературы. Этотъ отдѣлъ ея особенно интересенъ, по предметамъ, которые въ немъ излагаются; а именно, авторъ дѣлаетъ справедливыя, хотя весьма краткія, замѣчанія о народной поэзіи Сербовъ, о ихъ пѣсняхъ, и затѣмъ о литераторахъ, каковы Раичъ, Вукъ Караджичъ и другіе.

3) Разказъ г. Алекс. Дюма «Женщина съ бархатной кокеткой», и другой 4) разказецъ — «Выздоровленіе»—*обыкновенный* журнальный балластъ. Но за то балластъ, совершенно *не обыкновенный*, составляетъ XXVI письмо Иногороднаго Подписчика. На немъ мы рѣшаемся остановиться въ особенности, рѣшаемся даже говорить съ его авторомъ серьезно. Признаемся откровенно, что сначала, встрѣтивши въ этомъ письмѣ нѣсколько обычныхъ *эксцентрическихъ* мнѣній г. Иногороднаго Подписчика, мы хотѣли было прейти ихъ молчаніемъ, или отозваться о нихъ легко, но предметы, которыхъ касается эксцентричность фельетониста, таковы, что равнодушнымъ къ *легкомысленному* съ ними обращенію оставаться нельзя, и даже, со стороны критика, принимающаго къ сердцу важныя литературныя вопросы, нечестно.

Мы считаемъ впрочемъ совершенно неприличнымъ, въ особенности въ настоящую минуту, подъ гнетомъ того тяжкаго впечатлѣнія, которымъ поразила насъ преждевременная смерть великаго человѣка, защищать противъ г. Иногороднаго Подписчика наше поклоненіе гениальному таланту, высказанное какъ въ возраженіи нашемъ на статью П. Мериме, такъ и во второмъ отдѣлѣ статьи о литературѣ въ 1851 году. Вообще дѣло о Гоголѣ желали бы мы совершенно отдѣлать отъ мнѣнія нашего о письмѣ Иногороднаго Подписчика.

Г. Иногородный Подписчикъ, начинаетъ очень *остроумно* свою выходку, и мы увѣрены, что найдется довольно много иногородныхъ подписчиковъ, читающихъ послѣ обѣда для сваренія желудка, въ которыхъ его остроуміе возбудитъ сочувствіе. Въ самомъ дѣлѣ, съ точки зрѣнія гастрономической или фешенебельной, нѣтъ ничего смѣшнѣе, какъ говорить о чемъ-нибудь не только съ восторгомъ, даже съ увлеченіемъ. Nil admirari—давнишнее правило такого разочарованія. Въ особенности же это правило усвоится г. Иногороднымъ Подписчикомъ который явнымъ образомъ хочетъ быть въ нашей критикѣ представителемъ англійскаго дендизма, и толкуетъ безпрестанно о Т. Маколей и лордѣ Джеффри. Не хвалясь глубокими познаніями по части англійской критики, мы однако же не считаемъ себя и положительными невѣждами, обязанными слушать съ благоговѣніемъ всякое слово, исходящее изъ устъ г. Иногороднаго Подписчика, и рѣшаемся замѣтить ему, что въ Англии, кромѣ разочарованной и фешенебельной критики лорда Джеффри и другихъ, есть критика, неимѣющая претензіи на разочарованіе и фешенебельность, есть, положимъ хоть Колериджъ, чтобы не ходить искать очень далеко.... Но оставя въ сторонѣ англomanію и джентльменство г. Иногороднаго Подписчика, продолжаемъ нашу выписку:

«Вотъ въ чемъ дѣло—говоритъ нашъ фешенебельный и разочарованный критикъ—вотъ откуда взялись и восторгъ и ожесточеніе: Просперу Мериме, замѣчательному и остроумному сочинителю повѣстей, романовъ, историческихъ сценъ, тому самому «Мериме, котораго хроника изъ временъ Карла IX послужила темою «для блистательнѣйшей оперы Мейербера, автору «Коломбы» и «Double Méprise», чьи славянскія пѣсни были переведены нашимъ «Пушкинымъ, захотѣлось поговорить съ европейской публикой «о какомъ-нибудь очень хитромъ предметѣ, высказать нѣсколько «мыслей о человѣкѣ неизвѣстномъ Франціи, отъ беллетрическихъ «произведеній перейти къ критикѣ и даже къ критикѣ самой «трудной, къ оцѣнкѣ произведеній, писанныхъ въ чужомъ государствѣ, на полужнакомомъ языкѣ, имѣвшихъ успѣхъ въ обществѣ,

«совершенно чуждомъ тому обществу, въ которомъ Мериме провелъ всю свою жизнь».

Согласитесь, читатели, что нельзя было насмѣшливѣе отнестись къ Мериме, нежели какъ это сдѣлано г. Иногороднымъ Подписчикомъ, собравшимся защищать его. Признаемся откровенно, что мы не рѣшились бы вывести статью Мериме о Гоголь изъ такихъ побудительныхъ причинъ, изъ какихъ выводить ее такъ нецеремонно г. иногородный подписчикъ. Или можетъ быть праздное желаніе болтать—г. Иногородный Подписчикъ считаетъ весьма законнымъ и даже единственно законнымъ въ литературѣ желаніемъ? Оно должно быть такъ, если судить по всему дальнѣйшему, что говорится въ этомъ письмѣ, и брать въ расчетъ то предшествовавшее, что наговорено уже въ теченіе двухъ лѣтъ г. Иногороднымъ Подписчикомъ. Какъ мало уважаетъ онъ и критику вообще и защищаемаго имъ П. Мериме, показываютъ и тоны и выраженія его апологій: «Мериме»—говоритъ онъ (все дальнѣйшее, гдѣ упоминается великое имя, пропускаемъ) *«закругилъ очень хорошо свои періоды, получилъ изъ редакціи Revue des deux Mondes преизрядную сумму, и за тѣмъ «почилъ на лаврахъ. Все это случается въ мірѣ» (NB. Да вѣдь мало ли что въ мірѣ случается, г. Иногородный Подписчикъ?) «и случается съ людьми, болѣе способными къ критической дѣятельности, нежели Просперъ Мериме, и случается именно потому, «что при нынѣшнемъ состояніи критики, «воззрѣніе» понятное для «Француза, насмѣшить собой Англичанина».*

Просимъ покорно послѣ этого, милостивые государи, спорить съ джентльменомъ-критикомъ! Тутъ нечего спорить, когда критикъ явно показываетъ, что онъ ничего не уважаетъ, что ему изъ критическихъ мнѣній нравятся только мнѣнія *вопиющія*, что въ серьезной англійской критикѣ, онъ подѣлалъ двухъ-трехъ праздныхъ джентльменовъ-эксцентриковъ; просимъ покорно спорить съ нимъ, когда онъ докторскимъ тономъ замѣтитъ напрямъ вскользь, что пѣсни, которыя Шекспиръ вложилъ въ уста Офеліи, вложены поэтому въ эти уста не для какой-либо иной цѣли, какъ для *забавы* публики, просимъ покорно спорить съ нимъ, когда для него нѣтъ неприкосновенныхъ святыхъ въ литературѣ.... Спорить тутъ нельзя, но можно было бы опять придти въ ожесточеніе, если бы великая личность, о которой идетъ дѣло, не отошла уже въ страну вѣчнаго мира....

За эту выходкою, следуетъ у г. иногороднаго подписчика взгляды на «Ипохондрика», г. Писемскаго, взгляды, тоже отличающіяся оригинальностью.

«Положимъ» — говорить критикъ, объявивши напередъ что труды г. Писемскаго возбуждаютъ въ немъ (!!) зависть — «вы сидите по улицъ, полные тихой, безграничной, сладкой задумчивости, встрѣчаете милѣйшаго друга, котораго присутствіе, послѣ долгихъ странствованій, кидаетъ васъ въ океанъ новыхъ удовольствій; только что бѣда ваша завязалась, только что вы коснулись интереснаго предмета и завернули за уголъ... о, ужась! съ вами совершается нечто необыкновенное: толпы народа сбиваютъ васъ съ ногъ, на городскихъ часахъ бьютъ три, солнце свѣтитъ, экипажи мчатся; держа вашего друга подъ руку, вы очутились съ нимъ на Невскомъ Проспектѣ. Боже мой, какъ давно.... Здравствуйте, Иванъ Ивановичъ.... Расскажи мнѣ.... Боже мой, это madame Sophie, надобно подойти къ ней.... Пожалуйста не сердись.... Это кто мнѣ кланяется такъ мрачно? И такъ мы говорили о томъ.... вонъ еще трое господъ и я всѣхъ ихъ долженъ видѣть. Здравствуйте, Петръ Лукичъ, чѣмъ кончилось ваше вчерашнее приключеніе? Создатель мой, на меня двигается пресвиръная дѣва! Уйдемъ отсюда. Но гдѣ ты, о другъ моего сердца? Я погибъ, онъ также подошелъ къ какому-то приятелю. И это называется гуляньемъ, — нельзя поговорить порядочно!» (NB. Каково предисловіе, читатели? и какъ эта милая манера просить, для обозначенія себя по имени, глагола, пущеннаго въ первый разъ въ печать въ похожденияхъ Чернокушничкова, глагола, который мы, люди простые, не дерзаемъ еще до сихъ поръ употребить печатно!) «Тоже самое случилось со мною при чтеніи *Ипохондрика*, съ тою разницею, что съ Невскаго можно убѣжать и увлечь приятеля, а въ журналъ дѣло другое. Каждую минуту я приступалъ къ удовольствію *побесѣдовать съ его авторомъ*, и всякій разъ мнѣ мѣшало одно изъ знакомыхъ и даже любимыхъ лицъ, незамѣтно становившихся между мною и комедіею....»

Останавливаемся на минутку; есть люди, у которыхъ запасъ психологическихъ наблюдений надъ другими весьма скуденъ, а съ другой стороны — самодовольство и желаніе имѣть голосъ развиты въ огромныхъ размѣрахъ. Ко всякой новой личности они приступаютъ съ заготовленными заранее, весьма узкими предположеніями, почерпнутыми изъ весьма ограниченныхъ количествомъ и ничтожныхъ смысломъ наблюдений надъ ихъ знакомыми. Весьма естественно, что кромѣ чертъ своихъ знакомыхъ, они ничего не видятъ въ личностяхъ, что надъ типами они не задумываются, а съ плеча относятъ ихъ къ категоріямъ. Весьма естественно такъ же, что изъ такого созерцанія могутъ выходить только несообразности.

«Ба!—продолжает *критикъ* (!), Подколесинъ, какъ ты сюда «попалъ изъ Женитьбы? Отвяжись пожалуйста, здѣсь не о тебѣ «рвчь. (NB. Какова *смѣлость*—смѣшать Дурнопечина съ Подколесинымъ! но погодите: это—только цвѣточки, ягодки будутъ впереди). «Вотъ еще три *выраженія* сряду.... Кто-то явился еще.—Это Осипъ «изъ Ревизора, и еще съ монологомъ. Какъ хороше этотъ Михайль «Иванычъ, у котораго, какъ у Капернаумова въ моемъ *любимомъ* «романѣ (NB. Согласитесь, что въ наше время несколько непри- «лично и смѣшно сознаваться въ особенной страсти къ роману, въ «которомъ является Капернаумовъ), вѣчно чешутся руки,—только и «у Михайлы Иваныча фигура презнакомая—это старичина Джой въ «русскомъ вкусѣ, побывавшій въ школь Поздрева и другижъ ге- «роевъ (??). Сутягу Дурнопечина тоже я гдѣ-то видѣлъ! Какъ «смѣшаютъ мнѣ всѣ эти люди поближе *побесѣдовать съ авторомъ* «*Ипохондрика*. (NB. Мы недоумѣваемъ, почему такъ хочется г. «Иногородному Подписчику побесѣдовать съ г. Писемскимъ, и о «чемъ бы онъ сталъ съ нимъ бесѣдовать?) «Нежная старая дѣва! и «она гдѣ-то была мною встрѣчена, только не помню, у котораго «автора. Ахъ, если бъ господинъ Писемскій *ужитрился* хотя на «время позабытъ все имъ прочитанное на *русскомъ діалектѣ!*» (NB. Ахъ! если бы, скажемъ мы желаніе отъ себя, г. Иногородный Подписчикъ *ужитрился* тоже, хотя на время, позабытъ все *не- «нужное*, имъ прочитанное на разныхъ *иностранныхъ діалектахъ*, и, съ другой стороны, припомнить многое *нужное*, чтд вѣроятно чи- «талъ онъ когда-то, хоть на одномъ русскомъ языкѣ). «Даже въ «окончаніи, гдѣ вѣроятно автору захотѣлось *пустить въ ходъ не- «зримыя міру слезы*,—есть что-то чужое, унылое по заказу, неловкое «и лишнее потому, что оно чужое.» (NB. Слѣдуютъ за симъ самыя удивительныя совѣты, къ которымъ просимъ въ особенности при- «слушаться читателей) «Отъ чего не позволить Россійской Трот- «вуть — Соломанидѣ Платоновнѣ *разогнать ераговъ Ипохондрика*» (NB. Да видъ она же ихъ разогнала!—а главнаго врага его—болѣзнь не могла прогнать по той весьма простой причинѣ, что съ этой болѣзью и доктора не справятся), «выдержать *новый* поединокъ «съ Джоємъ—Поздревымъ—Каноричемъ (NB. Когда же былъ у нея *старый?*), «спасти Дурнопечина отъ ипохондрии и сдѣлать его «снова человекомъ? Видно, очень понадобились незримыя слезы» (NB. Иногда, они точно же надобны—вотъ хоть бы и въ на- «стоящемъ случаѣ, при чтеніи этого поистиннѣ *плачевнаго* мѣста), «и для нихъ даровитый авторъ расстался съ очень зримымъ и очень «привлекательнымъ смѣхомъ».

Выписанный нами *судь* говорить самъ за себя, и если мы позволимъ себѣ по мѣстамъ его комментировать, то конечно уже не для объясненія настоящаго значенія его публикв а ради смѣха. Если бъ мы принялись за толкованіе, если бъ мы вывели, изъ какихъ темныхъ угловъ личности вышла иронія на незримыя міру слезы, чьему тону и какому направленію слышится тутъ жалкое подражаніе, мы бы кончили весьма зримыми и весьма понятными слезами о горестныхъ судьбахъ русской, или яснѣе сказать, петербургской критики.

Мнѣніе г. иногороднаго подписчика о стихотвореніяхъ г. Щербини, высказанное съ оскорбительною снисходительностью и страннымъ самодовольствомъ, мы оставляемъ пока въ сторонѣ, равно какъ и другія остроумныя выходки великосветскаго критика. Г.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

ОБЗОРЪ ИСТОРІИ ДРЕВНЯГО МІРА. Профессора *Рославскаго*. 2-й выпускъ. Исторія Греціи до начала борьбы ея съ Персами. Харьковъ. Въ универ. тип. 1852. стр. 158. •

Первый выпускъ этого замѣчательнаго сочиненія вышелъ въ прошедшемъ году. Въ настоящемъ выпускѣ излагается исторія Греціи до начала персидскихъ войнъ. Авторъ вездѣ указываетъ на источники и пособія; не забываетъ, гдѣ нужно, упоминать и о сочиненіяхъ нашихъ русскихъ филологовъ: часто встрѣчаются имена Гг. Куторги, Леонтьева, Благовѣщенскаго и другихъ. Изложеніе ясно и отчетливо. Жаль только, что г. Рославскій слишкомъ иногда стѣсняетъ себя спеціальнымъ назначеніемъ его книги: читавшіе первый выпускъ знаютъ, что главная цѣль г. Рославскаго дать конспектъ читаемыхъ имъ лекцій университетскимъ его слушателямъ для удобства при повтореніи. Вообще же намъ понравилось (рѣдкое теперь въ нашихъ ученыхъ) отсутствіе претензій. Г. Рославскій излагаетъ просто только результаты современной науки: нѣтъ въ немъ ни порывовъ отличиться новизною; нѣтъ махерности, аффектированной чувствительности и тому подобныхъ качествъ, такъ часто въ настоящее время портящихъ ученые сочиненія. Передать толковито, вѣрно, добытое другими, — не малое достоинство, и этимъ достоинствомъ отличается книга г. Рославскаго. Потому его слушателямъ и читателямъ не придется впоследствии выметать изъ головы соръ....

Тѣмъ болѣе приходится жалеть о томъ, что конспектная форма книги мѣстами вредитъ изложенію. Не понимаемъ причины, почему г. Рославскій держится этой формы, и притомъ не вездѣ держится. Отъ того читая его книгу, — все идешь плавно, хорошо, и вдругъ выткнешься на мѣсто, въ которомъ, по привычкѣ, ищешь сказуемаго, и не находишь. Вотъ напримѣръ, какъ говоритъ г. Рославскій о Троянской войнѣ (стр. 24): «*Троянская война. Краткій очеркъ исторіи Трои, города, обязаннаго своимъ существованіемъ Пеласгамъ и*

въ теченіи времени распространившаго свое владычество надъ всею западною Мидією. Причины войны: старинная ненависть между Мало-азіатскими Пеласгами и Эллинскими племенами, и оскорбленіе, нанесенное Троянскимъ царевичемъ Парисомъ могущественной фамиліи Атридовъ». Нѣсколько ниже: «Греки открыли войну опустошеніемъ окрестныхъ странъ, а потомъ стали лагеремъ передъ Троею. Читая Иліаду, трудно понять, какія мѣры употребляли они для взятія города: это не была ни правильная осада, ни блокада, все ограничивалось ежедневными стычками и приступомъ на стѣны, гдѣ входъ былъ удобнѣе. Молчаніе Гомера и другихъ ближайшихъ къ нему писателей относительно того, какъ кончилась Троянская война. Стезикоръ, у котораго Virgilій заимствовалъ сюжетъ Энеиды, говоритъ, что Троя была взята и разрушена». Очевидно, что подчеркнутыя нами мѣста могли бы бытъ передавы и обыкновеннымъ образомъ.

Конспектная форма сочиненія г. Рославскаго даже повела къ вѣкторнымъ недомолвкамъ, обмолвкамъ, неточности. Такихъ мѣстъ, конечно, немного, но все-таки они есть. Укажемъ на нѣкоторыя.

Стр. 18. «У Минверма оно (*руно, за которымъ ходили Аргонавты*) названо просто большимъ руномъ (по исправленію Шенеманомъ *метъ* въ *руна*)». Такъ исправилъ еще Брункъ; Шенеманъ только привялъ его исправленіе.

Стр. 55. «Въ Арголидѣ было столько же государствъ, сколько городовъ на сѣверѣ; Аргосъ, Микены, Тиринтъ; на югѣ Епидавръ и Трезенъ. Послѣдніе два постоянно оставались независимыми, но въ 425 году Аргосцы разорили Микены и принудили жителей Тиринта переселиться въ свой городъ». Не совсѣмъ ясно, отъ того, что слишкомъ ужъ сжато сказано.

Стр. 100. «Цѣль (*греческаго*) государства—оно само, т. е. его внутренняя и внѣшняя самостоятельность, а не благосостояніе и безопасность отдѣльныхъ лицъ, о которыхъ столько заботятся новѣйшія правительства, и которыя въ Греціи внѣ общества не имѣли никакого значенія». Опять слито нѣсколько разнородныхъ мыслей, изъ которыхъ и не всѣ справедливы.

Стр. 136. «Притомъ это ученіе (мистерій) сулило всѣ блага только своимъ, т. е. посвященнымъ въ мистеріи, и следовательно (?) поставило главную заслугу человека не въ нравственности, не въ добрыхъ дѣлахъ, но въ совершеніи надъ нимъ внѣшняго обряда».

Стр. 137. «Оракулы, обязанные своимъ происхожденіемъ свойственному человеку желанію, знать будущее и неспособности его удовлетво-

рять этому желанію». Вѣроятно, авторъ хотѣлъ сказать: «неспособности удовлетворить этому желанію *естественнымъ путемъ*», или что нибудь въ родъ этого.

Стр. 138. Сказавъ, что Дельфійскій оракулъ «всегда руководствовался совершеннымъ безпристрастіемъ, нерѣдко продавалъ свое расположеніе за деньги и мѣшался въ домашнія распри народовъ Греціи», авторъ прибавляетъ: «тогда какъ Олимпійскій оракулъ поставилъ себя за правило не давать отвѣтовъ въ *подобныхъ* случаяхъ». Въ какихъ же это случаяхъ? когда подкупали его, или когда впутывали въ домашнія распри? Мѣсто Ксенофонта, на которое ссылается г. Рославскій, относится только къ послѣднему случаю.

Вы видите, всѣ выписанныя нами мѣста страдаютъ однимъ только недостаткомъ, — неточностію. Другихъ недостатковъ мы не замѣтили. Вообще книга г. Рославскаго дзетъ обо всемъ вѣрное и здоровое понятіе; а это дороже иной самобытности. Если бы авторъ въ слѣдующихъ выпускахъ оставилъ конспектную форму, если бы сталъ имѣть въ виду не ограниченное число слушателей, а всю вообще читающую публику: то, мы увѣрены, сочиненіе его было бы весьма полезнымъ приобрѣтеніемъ для нашей литературы. Г. Рославскій съ званіемъ дѣла соединяетъ умѣнье излагать ясно и занимательно. Книга его, даже и въ теперешнемъ, весьма неудобномъ видѣ, читается несравненно легче исторіи Лоренца. Приводимъ для сравненія Лоренца, потому что до сихъ поръ на русскомъ языкѣ лучше его исторіи нѣтъ.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ ОБЪ ИНОРОДЦАХЪ КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Ч. I-я. Замѣтки о Чувашахъ. Соч. В. Сбоева. Казань. 1851. Стр. 272 въ 8 д. л.

Начиная съ Страленберга и Миллера, можно насчитать до двадцати ученыхъ и писателей, которыхъ занимали Чуваши. Извѣстнѣйшій и болѣе подробный изъ трудовъ по этой части есть сочиненіе г-жи Фуксъ: «Записки о Черемисахъ и Чувашахъ,» изданныя лѣтъ десять тому; но, занимательныя по этнографическимъ подробностямъ и какъ легкое чтеніе, «Записки» эти далеко не исчерпали своего предмета. Здѣсь дѣло шло не о какомъ-нибудь почти исчезнувшемъ племени, настоящее состояніе котораго можетъ исключительно занимать любознательность ученаго, но о цѣломъ народѣ, котораго считается слишкомъ до полумилліона душъ, и чье существованіе, не смотря на то, что оно записано въ нашихъ лѣтописяхъ не болѣе какъ за 300 лѣтъ

восходить, без сомнѣнія, ко временамъ болѣе отдаленнымъ. — Г. Сбоевъ, болѣе 25 лѣтъ знакомый съ Чувашиами, представляетъ теперь сочиненіе, которое рѣшаетъ если не всѣ вопросы объ этомъ народѣ, то, по крайней мѣрѣ, большую часть ихъ, — и раскрывая предъ читателемъ современный бытъ его, даетъ вмѣстѣ достаточное понятіе о его прежнихъ вѣрованіяхъ, о его исторіи.

Ориенталисты должны рѣшить, въ какой степени справедливы мнѣнія автора о происхожденіи Чувашей, догадки о ихъ міеологическихъ запутанностяхъ и т. п., — и этого отъзвѣа мы въ правѣ ожидать отъ П. С. Савельева, (*) который, какъ извѣстно, изъ отчетовъ Географическаго Общества, составилъ «Сводъ мнѣній о Чувашихъ.»

Не специалистъ же можетъ только замѣтить, что въ выводахъ г. Сбоева, повидимому, нѣтъ особенныхъ натяжекъ, чему, въ глазахъ читателя, много помогаетъ и форма, выбранная авторомъ для своего предмета, въ видѣ писемъ, безъ притязаній на систематическое изложеніе.

Занимствуемъ изъ книги г. Сбоева одно изъ любопытнѣйшихъ мѣстъ, именно о міеологіи Чувашской, тѣмъ болѣе, что, если вѣрить слухамъ, міеологія начинаетъ у насъ входить въ моду.

Въ языческихъ повѣртіяхъ Чувашей г. Сбоевъ различаетъ два слоя, изъ которыхъ одинъ, первоначальный — довольно чистъ и могъ принадлежать народу образованному; а другой, наносный — грубъ и образовался отъ постепеннаго погруженія массы народа въ невѣжество. Вѣроятно, что у Чувашей первоначально господствовалъ чистый дуализмъ, можетъ быть заимствованный ими отъ послѣдователей древней Зороастровой религіи, или отъ сосѣднихъ некогда Чувашиамъ Хозаръ, исповѣдывавшихъ хотя и Еврейскую вѣру но въ искаженномъ видѣ. Дуализмъ этотъ состоялъ въ поклоненіи двумъ враждебнымъ силамъ: *Торъ* — богу добра и свѣта, и *Шайтану* — богу зла и мрака.

(*) Рецензією его, помѣщенной въ Ж. М. Вн. Дѣль, принуждены мы руководствоваться въ настоящемъ случаѣ, потому что сочиненіе г. Сбоева, отпечатанное въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ и не поступавшее въ продажу, при самомъ выходѣ своемъ сдѣлалось уже библиографическою рѣдкостью. Правда, что «Замѣтки о Чувашихъ» печатались въ Казанскихъ Губ. Вѣд (съ 1845 по 1850 г.); но пятнадцатіе какихъ бы то ни было Губерн. Вѣдомостей оставляетъ тоже рѣдкость.

Въ названіи «Тора» прежніе ученые хотѣли видѣть Скандинавскаго Тора, но г. Сбоевъ, съ гораздо большею основательностію, полагаетъ, что это Монголо-Татарскій *Тегри, Тангри*, (носовой звукъ *ан*, при переходѣ въ Чувашскій языкъ, измѣняется на *о*). Что касается до Шайтана, то это слово семитическаго корня, отъ котораго произошло и Греческое Сатана. — Въ областяхъ какъ добраго, такъ и злаго духовъ, по вѣрованію Чувашей, были духи служебныя. Изъ нихъ Чувашаи, въ послѣдствіи времени, сдѣлали особенныя, самостоятельныя божества; такимъ образомъ изъ одного добраго бога составилось нѣсколько боговъ, изъ которыхъ каждый представлялъ собою одно какое-либо свойство прежняго, единаго добраго божества, и каждый носилъ названіе *тора* (бога), съ прибавленіемъ свойства, имъ представляемаго. Къ этимъ божествамъ присоединились потомъ и боготворимыя силы природы, а за ними, на послѣдокъ, явились боги-покровители полей, домовъ, лѣсовъ, и проч. Наконецъ, въ вѣрованіяхъ Чувашей оказалось до 25 боговъ добрыхъ, которые почти всѣ были семьянины, то есть имѣли женъ и дѣтей. «Высочайшимъ богомъ» былъ *Сюмди-Тара*; съ земнымъ міромъ онъ сообщался лишь чрезъ посредство другихъ боговъ. Отъ него зависѣли, между прочими: *Чонъ-Сюраданъ-Тора*—богъ, дающій младенцамъ души; Чувашаи допускали вредсуществованіе послѣднихъ, и вѣрили, что души человѣческія сотворены высочайшимъ богомъ, и до соединенія своего съ тѣломъ живутъ въ удивительно прелестной сторонѣ, лежащей въ юго-востоку отъ Чувашской земли; *Асла-адій-Тора*—богъ грома и молніи (слово въ слово: «богъ дѣдъ») (*); *Кебе*—Судьба; *Хвель-Тара*—богъ солнца, (**) и др. Между земными добрыми богами главное мѣсто занимали: *Сирди-падша*, *Сирди-падша-амыжъ*, *Сирди-падша-ымыль-земь*, т. е. земной царь, земная царица, дѣти земнаго царя. Язычники Чувашаи боготворили каждого изъ земныхъ своихъ владыкъ, считая ихъ представителями высочайшаго бога и приписывая имъ чисто божественную природу. На торжественныхъ приношеніяхъ, има земнаго царя и его семейства приносилось въ молитвахъ сряду послѣ имени высочайшаго бога, прежде всѣхъ другихъ

(*) Громъ и до сей у Чувашей назывался «дѣдъ» (*асла-адій*). Чувашскія выраженія: *асла-адій аудать* (дѣдъ поетъ, или—слышится), *асла-адій хыда аудать* (дѣдъ громко поетъ), значатъ: громъ гремитъ, сильный громъ гремитъ.

(*) Г. Савельевъ полагаетъ, что *хвель*—древис-Персидское *хоръ* (Несторовъ. *Хоръ*), солнце.

небесныхъ божествъ. Былъ у Чувашей и свой домовый — *Кильранъ-Тора*.

Въ названіяхъ боговъ видно различіе ихъ происхожденія: одни указываютъ на древне-Персидское вліаніе; другіе—чисто Монголо-Татарскія въ Чувашской одеждѣ; третьи—Арабскія и принесены съ исламизмомъ, и т. д.—Добрые боги были одни и тѣ же у всѣхъ Чувашей, а злые, напротивъ, не вездѣ одни и тѣ же. Каждая Чувашская деревня, кромѣ общихъ злыхъ духовъ, признавала еще свои мѣстныя злыя божества, которымъ преимущественно поклонялась. Исчислить ихъ нѣтъ никакой возможности, тѣмъ болѣе, что число ихъ и теперь еще увеличивается, по усмотрѣнію некрещенныхъ. Въ древнемъ вѣроученіи Чувашей злымъ началомъ былъ Шайтанъ. Въ послѣдствіи времени, понятія о немъ, какъ и о Торѣ, распались на нѣсколько частей, и образовалось множество злыхъ боговъ. Шайтанъ и Торъ сдѣлались идеями отвлеченными. Первенствующимъ въ царствѣ злыхъ духовъ очутился *Кереметь* (слово, происходящее вѣроятно отъ Арабскаго *харемъ*, «неприкосновенное»). Кереметью, по преданію, первоначально назывался сынъ верховнаго бога, первенецъ его. Люди, подстрекаемые Шайтаномъ, убили его и сожгли тѣло, а прахъ развѣяли по вѣтру: гдѣ палъ этотъ прахъ, тамъ и повыросли деревья, а съ ними возродился и Кереметь, но уже не въ одномъ лицѣ, а во множествѣ враждебныхъ челоуѣку существъ, привязанныхъ къ землѣ и лишившихся возможности жить съ добрыми небесными духами. Вообще Кереметь есть существо озлобленное, мстящее людямъ за свое убіеніе и разлуку съ добрымъ отцемъ. Всякое бѣдствіе происходитъ отъ Керемети, и если бы не умилоствлять его жертвоприношеніями, то давно бы, по понятію Чувашей, погибъ весь родъ челоуѣчскій. Поэтому, у каждой Чувашской деревни была своя *Кереметь* («неприкосновенное» мѣсто жертвоприношеній Кереметю и злымъ духамъ вообще); въ многолюдныхъ селахъ было ихъ по двѣ, по три и болѣе; были Керемети главныя—для общественныхъ приношеній, и частныя—или семейныя. Въ настоящее время, Чуваши потеряли почти всякую вѣру въ страшныя нѣкогда Керемети, когда увидѣли, что можно безъ малѣйшей опаски гнѣва боговъ рубить эти священныя роши. Суевѣрія и-языческіе обряды ихъ исчезаютъ быстро, уступая мѣсто христіанской вабожности, такъ что нынѣшніе Чуваши во многомъ уже не походятъ на своихъ отцевъ.

«Вступивъ въ предѣлы Чувашской земли, пишетъ г. Сбоевъ, я былъ пріятно изумленъ перемѣною, которую всего меньше надѣялся въ ней встрѣтить. Вообразите: въ Петровки, до есть въ то время, когда

полуязычествовавшая Чувашская земля праздновала одно из важнейших своих торжеств и приносила богамъ наибольшія свои жертвы—въ это время я видѣлъ богослуженіе въ христіанской церкви, видѣлъ значительное число говѣльщиковъ и особенно говѣльщицъ. Въ нѣкоторыхъ селахъ, напримѣръ въ Кошкахъ, почти каждую недѣлю число ихъ простиралось отъ 40 до 60 человекъ. Мнѣ объяснили притомъ, что говѣющіе исполняютъ долгу христіанскій болѣе по произвольнымъ и внутреннимъ, чѣмъ по вѣншимъ побужденіямъ; что во всѣ недѣли Великаго поста въ Чувашскихъ церквахъ совершается непрерывная служба, при чемъ число говѣющихъ бываетъ вдвое болѣе, чѣмъ въ Петровки; къ Госпоживкамъ не приобщавшихся св. тайнъ—на тысячу человекъ остается не болѣе 20 или 30, и, наконецъ, что нынѣ между Чувашиами не бывшій у исповѣди и св. причастія болѣе двухъ лѣтъ считается рѣдкостью, явленіемъ необыкновеннымъ.» Изъ числа 49 говѣльщиковъ, видѣнныхъ авторомъ, только трое были сельскіе; остальные пришли изъ приходскихъ деревень, и на недѣлю размѣстились по квартирамъ у церковнослужителей...

Спошенія съ Русскими, усиленіе торговой и промышленной дѣятельности, также значительно измѣнили понятія Чувашей. Многіе изъ нихъ сами производятъ торговлю, особенно хлѣбомъ, на значительныя суммы. Эти торговцы составляютъ цвѣтъ племени, говорятъ, даже между собою, не иначе какъ по-Русски, и образомъ жизни походятъ на нашихъ крестьянъ; послѣдній предѣлъ ихъ честолюбія составляютъ родственныя связи съ Русскими. Бѣднѣйшіе классы народа, подражая имъ, также стараются сблизиться съ Русскими. Даже вѣрный полкъ, все еще чуждающійся Русскихъ, начинаетъ понимать и говорить по-Русски, хотя съ грѣхомъ пополамъ. Г. Сбоевъ спросилъ однажды чистымъ Чувашскимъ языкомъ у бойкой Чувашки, жены драхлаго старика, сколько ей лѣтъ. Та обидѣлась, что Русскій спрашиваетъ по-Чувашски, и горделиво отвѣчала по-Русски: «полтина лѣтъ поспѣлъ,» т. е. что ей около 50 лѣтъ.

Вторая часть прекраснаго труда г. Сбоева посвящена Черемисамъ, и «Замѣтки о Чувашихъ» ручаются, что она будетъ составлена такъ же занимательно и добросовѣстно, какъ и первая. Смѣемъ только просить автора, чтобы онъ не дѣлалъ изъ своего сочиненія библіографической рѣдкости, тотчасъ по выходѣ его въ свѣтъ: напечатанное въ значительномъ количествѣ экземпляровъ, оно навѣрно не залежится въ книжныхъ лавкахъ.

Таблицы приливовъ для Бѣлаго моря, Лапландскаго берега и нѣкоторыхъ пунктовъ на Ледовитомъ морѣ, во время навигаціи 1851 года. Сост. П. Крузенштернъ. Карlsruэ. 1851. Стр. IV и 16 въ 4 д. л.

Для не моряка какъ-то странно смотрѣть на эти таблицы, состоящія почти изъ однихъ цифръ: для него онъ то же, что логарифмы для незнакомаго съ математикой. Но слѣдуетъ прочесть предисловіе, чтобы оцѣнить ихъ пользу и вообще трудъ составителя, повидимому не обширный. «Лѣто и осень 1850 г., говоритъ г. Крузенштернъ, были необыкновенно бурны въ Бѣломъ морѣ; по всему поморью слышно было о многихъ крушеніяхъ иностранныхъ купеческихъ судовъ, и еще болѣе о погибели нашихъ поморскихъ. Кто видѣлъ, на какихъ судахъ наши поморцы пускаются въ море, тотъ невольно приходилъ въ удивленіе; только Русскій человекъ, по врожденной ему смѣлости, не унываетъ, хотя почти ежегодно много пропадаетъ судовъ, большею частію отъ излишней смѣлости и непростительной безпечности.» Нѣкоторые изъ случаевъ этой погибели произошли единственно отъ незнанія времени прилива, и для устраненія ихъ навѣрно будутъ полезны таблицы г. Крузенштерна. Онъ составленъ для 32 мѣствъ, но могутъ служить и для другихъ, гдѣ приливъ происходитъ въ одно время. Подобныя же таблицы составлены г. Крузенштерномъ для навигаціи 1852 и 53 гг.

Жизнеописаніе на Ю. И. Венелина. Переведено отъ П. Э. Палаузова. Одесса. 1851. Стр. 32 въ 8 д. л.

Имя Венелина останется въ Русской исторической литературѣ, не смотря на крайности его фантастическихъ увлеченій, игравшихъ важную роль въ трудахъ этого даровитаго ученаго; но болѣе почетное, болѣе видное мѣсто займетъ оно въ юной еще пока Болгарской письменности, возрожденію которой онъ много содѣйствовалъ словомъ и дѣломъ. Жизнеописаніе его, переведенное на Болгарской языкъ г. Палаузовымъ, вѣроятно, будетъ съ любопытствомъ прочтено всеми Болгарами, принимающими участіе въ судьбахъ своего роднаго языка. Жаль, что оно не исправлено и оставлено въ прежнемъ весьма недостаточномъ видѣ. Какъ мы слышали, издатель, извѣстный дѣльными трудами, по части исторіи, намѣренъ посвятить вырученныя отъ своей брошюры деньги на новыя изданія, могущія съ такою же пользою служить его соотечественникамъ.

Вспомогательныя таблицы для исчисления процентовъ, по 4 на 100, сост. В. Владыкинымъ. Сиб. 1851. Стр. 53 въ 8 д. л.

Одинъ любитель современной литературы, но никакъ не писатель и не книгопроизводитель, замѣтилъ, что безпрестанное появленіе книгъ, относящихся къ поваренному искусству, къ умѣнью кушать, навѣрно должно свидѣтельствовать о распространеніи въ большинствѣ публики, изящнаго вкуса, применнаго къ житейскимъ потребностямъ, о стремленіи видѣть идеальное въ реальномъ, поэзію мысли въ какомъ-нибудь черепашьемъ супѣ, — словомъ, свидѣтельствовать о прогрессѣ въ той важной наукѣ, постичь которую удалось одной только націи.... Въ параллель этому мнѣнію, человекъ, не слишкомъ богатый земными благами, можетъ сказать, что появленіе книгъ, облегчающихъ умѣнне считать дробы, дѣлающихъ почти ненужными даже первыя четыре правила арифметики, — показываетъ, что въ подобныхъ пособіяхъ является надобность, что, слѣдовательно, число богатыхъ людей въ той землѣ, гдѣ издаются такія книги, растетъ и растетъ. Это мнѣніе будетъ самымъ утѣшительнымъ выводомъ, по крайней мѣрѣ для рецензента, обязаннаго говорить о денежныхъ указателяхъ. Простота, точность въ вычисленіяхъ — непремѣнныя качества въ подобныхъ изданіяхъ — находится на лицѣ и въ «Таблицахъ» г. Владыкина, которымъ поэтому и желаемъ успѣха въ сферѣ счетоводства и денежныхъ оборотовъ.

Черный тюльпанъ. Романъ А. Дюма. Въ четырехъ частяхъ. Москва. Въ типограф. Степановой. 1852. Въ 12 д. л. стр. 128, 158, 141 и 179.

Говоря въ прошлой кн. Москвитянина о романѣ Александра Дюма «*Мертвая голова*,» мы дошли до того результата, что такихъ переводовъ, въ какомъ издана «*Мертвая голова*» читать невозможно; и по этому не могли изложить и ея содержанія. «*Черный тюльпанъ*» мы рѣшились прочесть въ подлинникъ. Результатъ былъ удачнѣе: мы дошли до конца. Вотъ изъ какихъ произшествій составленъ этотъ романъ.

Въ то время, когда Голландія наскучила республиканскими преобразованіями Иоанна де Витта, она рѣшилась избрать въ штатгалтеры Вильгельма Оранскаго. Этотъ принцъ былъ сынъ Вильгельма II-го и внукъ Карла I-го, короля Англійскаго. Воспитатель его, Иоаннъ де Витта и братъ

воспитателя Корнелій де Витта, сильно противились этому избранію; должность штатгальтера по ихъ мнѣнію не должна была существовать въ республикѣ. Народъ, надѣявшійся найти въ этомъ Вильгельмъ достойнаго противника Лудовику XIV, постоянному врагу Голландіи, возненавидѣлъ братьевъ де Виттовъ. Оксветанные ложнымъ доносчикомъ, они были заключены въ тюрьму и осуждены на изгнаніе изъ отечества. Между тѣмъ ненависть къ нимъ черни росла ежеминутно; страшная толпа народа собралась вокругъ тюрьмы въ то время, когда изгнанники должны были оттуда выхъать. Толпа эта бросилась за каретою, увозившею двухъ братьевъ изъ Гаги, остановила ее посреди улицы, и въ неистовой злобѣ умертвила обоихъ де Виттовъ, самымъ злодѣйскимъ образомъ.

Главное, въ чемъ обвиняли де Виттовъ было ихъ дружелюбное расположеніе къ Франціи. Іоаннъ де Виттъ былъ въ дѣятельной перепискѣ съ Лувуа, военнымъ министромъ Франціи. Опасаясь имѣть эти письма при себѣ, онъ запечаталъ ихъ въ одинъ конвертъ и отдалъ на сохраненіе, жившему въ Дортрехтѣ своему племяннику Фан-Берле. Отдавая ему эти письма, онъ не сказалъ ни слова о содержаніи конверта, а просилъ только вѣрнѣе сохранить его. Находясь въ тюрьмѣ и, вспомнивъ, какой опасности подвергнется Фан-Берле, если у него найдутъ эту переписку, Іоаннъ де Виттъ написалъ племяннику, чтобы онъ сей часъ же по полученіи его записки, сжегъ порученный ему конвертъ, не читая того, что въ немъ заключалось. Фан-Берле былъ молодой человекъ лѣтъ двадцати осьми; послѣ отца своего наследовалъ онъ большое состояніе и прекрасный домъ въ Дортрехтѣ. Имѣя природную страсть къ цвѣтамъ, онъ заваялся ими съ особенною любовью, не щадя денегъ на теплицы и оранжереи. Любимымъ цвѣткомъ его былъ тюльпанъ, и отцовскіе доходы сильно терпѣли отъ разныхъ улучшеній этого любимца садовода. Рядомъ съ Фан-Берле жилъ другой любитель цвѣтовъ, Исаакъ Бокстель. Давно занимался онъ цвѣтоводствомъ, вывелъ разные новые цвѣты и между прочими тюльпанъ своего имени. Когда онъ увидѣлъ цвѣтники Фанъ-Берле и убѣдился, что при истинной любви и знаніи, а главное при огромныхъ денежныхъ средствахъ, этотъ послѣдній грозитъ уничтоженіемъ всей прежней его славы, онъ впалъ въ совершенное отчаяніе. Въмѣстѣ со славою Фан-Берле, росла зависть его сосѣда, и превратилась наконецъ въ страшную ненависть. Исаакъ Бокстель проводилъ цѣлые дни у своего забора, разглядывалъ, что дѣлается въ сосѣднемъ саду; купилъ даже подзорную трубу, съ помощію которой

могъ видѣть изъ своего дома мельчайшія подробности того, что дѣлалось въ домѣ Фан-Берле. Главное дѣло въ этихъ наблюденіяхъ было желаніе знать всѣ дѣйствія, всѣ улучшенія по части цвѣтовъ; но однажды наблюдающій Бокстель увидѣлъ Іоанна де Витта входящаго въ оранжерею своего племянника и передающаго ему толстый запечатанный конвертъ. Фан-Берле взялъ этотъ конвертъ изъ рукъ дяди и положилъ въ конторку, въ которую клалъ обыкновенно самыя лучшія, самыя дорогія для него цвѣточныя сѣмена. Передача конверта пришла на память Бокстелю во время суда и умерщвленія де Виттовъ, и онъ воспользовался этимъ обстоятельствомъ, чтобы погубить своего ненавистнаго сосѣда—соперника.

Вражда сосѣдей, покрайней, мѣрѣ со стороны Бокстеля, возрасла до вышней степени съ того времени, какъ Гарлемское общество содоводства предложило премію во сто тысячъ флориновъ тому, кто выведетъ тюльпанъ совершенно чернѣй. Фан-Берле сталъ дѣятельно заниматься воспитаніемъ этого цвѣтка; завистливый Бокстель едва имѣлъ время слѣдить за безпрестанными успѣхами искуснаго садовода. Опытный и страстный къ цвѣтамъ, Фан-Берле близился къ цѣли: постепенно темнѣвшій цвѣтъ его тюльпановъ дошелъ наконецъ до самого темно коричневаго. Въ одно прекрасное утро Бокстель собственными ушами слышалъ, какъ восхищенный сосѣдъ его сказалъ, выкапывая три луковицы отцвѣтшихъ темныхъ тюльпановъ: «Эти луковицы дадутъ мнѣ паколецъ совершенно чернѣй тюльпанъ.» Но въ то же утро казнили де Виттовъ, и Бокстель поспѣшилъ въ Гагу объявить, что у Фан-Берле спрятаны важныя бумаги, принадлежавшія преступникамъ.

Жандармы, отправленные для арестованія Фан-Берле, и слуга де Виттовъ, посланный съ запискою о сожженіи конверта, прибыли въ Дортрехтъ въ одно и тоже время. Озадаченный садоводъ не успѣлъ прочесть записки своего дяди и, завернувъ въ нее свои драгоценныя луковицы, отправился въ тюрьму.

Убійство де Виттовъ удовлетворило злобу народную, и племянникъ ихъ не подвергался уже подобному жаркому преслѣдованію; процессъ его тянулся долго. Онъ объявилъ еудьямъ, что не имѣлъ и понятія о содержаніи конверта; повѣрить этому было трудно, и его осудили на вѣчное заключеніе въ Ловенштейнскую тюрьмѣ, какъ политическаго преступника.

Грифусъ тюремщикъ, смотрѣвшій за политическими преступниками, былъ человекъ самыхъ грубыхъ свойствъ; участіе ко внутреннимъ ему

узникомъ было для него чувствомъ совершенно незнакомымъ. Кромѣ того, очень часто пьяный, онъ былъ истинный бичъ ихъ. У тюремщика была дочь, милая, вѣжная, осьмнатцатилѣтняя дѣвушка. Больно было видѣть ей жестокости отца своего, и иногда, потихоньку отъ него, она утѣшала пѣвниковъ ласковымъ словомъ и взглядомъ. Молодость Фан-Берле, добродушіе и невинность, написанныя на лицѣ его, возбудили къ нему въ Розѣ, такъ звали дочь Грифуса, участіе и сожалѣніе. Слѣдуя своему доброму внушенію, стала она навѣщать новаго своего постояльца, и между ними скоро образовалась самая тѣсная, самая довѣрчивая дружба. Фан-Берле, потерявшій надежду выдти изъ своего заключенія, рѣшился передать Розѣ свои луковицы вмѣстѣ съ наградою, которая ожидала того, кто выведетъ черный тюльпанъ. Единственнымъ условіемъ этого пожертвованія было то, чтобы разцвѣтшій цвѣтокъ былъ названъ именемъ обоихъ друзей (*Rosa Barlaensis*). Длинныя наставленія давалъ онъ дѣвущкѣ о томъ, когда, какъ и въ какую землю посадить первую луковицу, какъ поливать ее, какъ беречь отъ холода и отъ солнца. Для передачи этихъ наставленій требовалось много времени, и Роза иногда долго заставалась у желѣзной рѣшотки садовника. Она слушала его молча; слѣдовательно могла свободно вглядываться въ прекрасныя черты его. Правду говорятъ, что молодость всегда возьметъ свое; такъ было и съ дочерью тюремщика. Фан-Берле изъ друга сдѣлался для нея такимъ существомъ, къ которому и сладко, и болѣзненно просилось ея невинное сердце, видѣть котораго сдѣлалось для нея необходимою потребностью—словомъ она его полюбила. Узникъ съ своей стороны видѣлъ въ Розѣ существо, которое приводило въ исполненіе его надежды на счетъ чернаго тюльпана, цвѣтка, который былъ для него всѣмъ въ мірѣ, мысль о которомъ заставляла его забывать и свое заключеніе и грустную неизвѣстную будущность. Онъ тоже горячо привязался къ дѣвущкѣ, но привязанность къ ней была въ немъ чувствомъ второстепеннымъ: любовь къ тюльпану была главнымъ господствующимъ чувствомъ въ его сердцѣ. — Желая угодить любимцу души своей, Роза принесла ему однажды горшокъ съ землею и возвратила луковицы, говоря, что онъ можетъ возрастить ихъ самъ въ своей комнатѣ. Радость Фан-Берле была чрезмерная, но опасаясь, что недостатокъ свѣта помѣшаетъ растительности, онъ отдалъ назадъ двѣ луковицы Розѣ, прося ея посадить одну изъ нихъ по его наставленію.

Между тѣмъ Дортрехтскій сосѣдъ узника, Исаакъ Бокстель, не удовольствовался сдѣланнымъ имъ доносомъ. Едва Фан-Берле былъ

взлѣ изъ своего дома, какъ онъ, тайкомъ пробрался въ его оранжерею и перерылъ всѣ ящики, всѣ горшки, отыскивая три знаменитыя луковицы. Убѣжденный наконецъ, что ихъ не было въ домѣ, онъ рѣшился преслѣдовать своего соперника въ темницѣ, и какимъ бы то ни было способомъ похитить у него секретъ чернаго тюльпана. Съ этою цѣлю оставилъ онъ домъ свой, и подъ именемъ Жизельса познакомился съ Грифусомъ. Чтобы свискать расположеніе тюремщика, онъ часто вмѣстѣ съ нимъ напивался, угощалъ его и наконецъ успѣлъ вернуться въ его довѣренность. Грифусъ мало по малу привыкъ къ новому своему пріятелю, пригласилъ его къ себѣ въ домъ и позволилъ ухаживать за своей дочерью. Бокстель все болѣе и болѣе подольщался къ тюремщику и, зная чѣмъ угодить ему, старался всячески вооружать его противъ заключенниковъ и сказалъ между прочимъ, что Фан-Берле кромѣ политическихъ преступленій былъ обвиненъ еще и въ чародѣйствѣ, советуя при этомъ дѣлать самыя частыя ему осмотры. Въ одинъ изъ такихъ осмотровъ Грифусъ нашелъ въ темницѣ Фан-Берле горшокъ съ землею и разбилъ его въ мелкіе дребезги. Горсть узника была невыразима. Луковица уже пустила ростки, а теперь была растоптана безчеловѣчнѣмъ Грифусомъ. Огорченный садоводъ былъ до того холоденъ въ этотъ вечеръ съ Розой, что она ушла отъ него въ слезахъ и досадѣ, и цѣлые восемь дней къ нему не являлась. Привыкнуши видѣть ее ежедневно, какъ единственную утѣшительницу своего грустнаго заключенія, и вслѣдствіе этого неволью полюбивши ее, Фан-Берле впалъ въ отчаяніе во время ея отсутствія. Мысль, что онъ не знаетъ, что дѣлается съ луковницею, посаженной Розою блѣднѣла, передъ мыслью, что онъ огорчилъ любимую имъ дѣвушку. — Роза въ его сердцѣ побѣждала тюльпанъ.

Грифусъ, разумѣется, рассказалъ въ тотъ же вечеръ своему пріятелю Жизельсу о сдѣланной имъ находкѣ у Фан-Берле, и не могъ надивиться негодованію, выраженному его гостемъ при разсказѣ о растоптаніи луковицы. Роза тоже плакала, слушая отца, и ея участіе къ узнику заставило Жизельса подозрѣвать, что она знаетъ тайну его соперника и, можетъ быть, дѣйствуетъ съ нимъ за одно. Возьмѣвши это подозрѣніе онъ сталъ внимательно слѣдить за всѣми дѣйствіями дѣвушки. Зная между прочимъ, что у Фан-Берле должны быть еще двѣ луковицы, онъ убѣждалъ Грифуса сдѣлать болѣе подробный обыскъ узнику, осмотрѣть его платье, всѣ вещи, увѣряя, что до него дошли слухи, будто садоводъ замышляетъ огромный заговоръ и находится въ перепискѣ съ заговорщиками. Приводимъ здѣсь эту главу.

«Послѣ нѣсколькихъ дней ненастной погоды, еще больше нагонявшей тоску на Фан-Берле въ его темницѣ, взошло свѣтлое утро и подарило узника лучемъ солнца, прокрывшагося въ тѣсное окно тюрьмы. Проснувшійся Корнелиусъ (имя Фан-Берле) бросился къ этому окну, отворилъ его, и съ жадностью впиталъ въ себя чистую струю свѣжаго воздуха. Небо и земля, казалось, улыбались ему, любовь къ Розѣ золотила всѣ окружающіе его предметы.

Вошедшій Грифусъ засталъ его весело распѣвающего какой-то оперный мотивъ.

— Какъ ваше здоровье сегодня? спросилъ Корнелиусъ.

Грифусъ взглянулъ на него изъ подлѣбья.

— Здорова ли ваша собака, Жизельсъ и наша милая Роза?

Грифусъ продолжалъ коситься.

— Вотъ вашъ завтракъ, сказалъ онъ.

— Очень благодаренъ, мой милый Церберъ, продолжалъ узникъ; завтракъ очень встаті, потому что я умираю съ голоду.

— А! Вы теперь голодны?

— Вамъ это кажется странно?

— Вѣрно заговоръ подвигается впередъ, сказалъ тюремщикъ.

— Какой заговоръ? спросилъ Фан-Берле.

— Ладно! Мы знаемъ, все знаемъ. Но успокойтесь, господинъ садоводъ, у насъ есть глаза и уши.

— Вижу, вижу, господинъ Грифусъ, и они у васъ въ хорошихъ размѣрахъ.

— Посмотримъ, что вы заговорите въ полдень, сказалъ Грифусъ и вышелъ.

— Полдень! чтобы это значило? подумалъ Корнелиусъ. Ну! пождемъ полдня.

Что значило ему дожидаться двѣнадцати часовъ дня, когда онъ ожидалъ до поздняго вечера, прихода Розы.

Въ двѣнадцать часовъ раздались въ коридоръ шаги нѣсколькихъ человекъ. Грифусъ отворилъ дверь темницы, и ввелъ троихъ солдатъ.

— Ну! Ребята, сказалъ онъ, ищите хорошенько.

Солдаты, вмѣстѣ съ тюремщикомъ, обыскали сначала всѣ углы комнаты, переворочали постель Корнелиуса, потомъ оглядѣли его платье, выворотили всѣ карманы, но найти ничего не могли, кромѣ листа бумаги и карандаша, принесенныхъ туда Розою.

Въ шесть часовъ Гриусъ пришелъ опять, но уже одинъ. Фан-Берле заговорилъ было съ нимъ ласково; но въ отвѣтъ на свои любезности услышалъ какое то грозное мычанье.

Въ девять часовъ пришла къ рѣшетчатой двери Роза. Пришла она противъ обыкновенія безъ фонаря, вѣроятно потому, что при свѣтѣ было очень замѣтно, какъ вспыхивали ея розовыя щечки.

О чемъ говорили въ этотъ вечеръ молодые люди? Вѣроятно о томъ, о чемъ говорятъ любовники у двери во Франціи, на балконѣ въ Италіи и подъ терасою на Востокѣ.

Они говорили обо всемъ, кромѣ чернаго тюльпана. (*)

Въ десять часовъ они расгались.

Корнелиусъ былъ счастливъ, но счастливъ настолько, насколько можетъ быть счастливъ любитель тюльпановъ, которому не позволяютъ говорить о предметѣ его обожанія.

Онъ находилъ, что Роза мила, добра, граціозна, прекрасна.

Но зачѣмъ запрещала она говорить о тюльпанѣ.

— Жевщина, созданіе не совершенное, сказалъ онъ вздохнувъ.

До глубокой ночи разсуждалъ онъ самъ съ собой объ этомъ несовершенствѣ, значить мечталъ все о своей любезной.

Заснувши, онъ видѣлъ ее во снѣ.

Но Роза, явившаяся ему въ сновидѣніи, была гораздо совершеннѣе Розы настоящей; она не только позволяла ему говорить о тюльпанѣ, но даже принесла ему этотъ цвѣтокъ, великолѣпный, распустившійся и совершенно чернаго цвѣта.

Первое слово Корнелиуса, при пробужденіи, было:

— Роза! Роза! Я люблю тебя.

Видѣніе, явившееся ему во снѣ, не покидало его цѣлый день.

Да, если бы Роза позволяла говорить о тюльпанѣ, Корнелиусъ предпочелъ бы ее Семирамидѣ, Клеопатрѣ, Елизаветѣ, словомъ всѣмъ красивѣйшимъ Королевамъ міра.

Но Роза запретила этотъ разговоръ, запретила на три дня, три дня, конечно самой чистой любви, но любви безъ тюльпана.

Роза пришла въ обычное время.

За послушаніе своего любезнаго, она позволяла ему цѣловать, сквозь рѣшетку, свои пальчики, свои локоны. Бѣдная! она не знала, что эти вещи для нея гораздо опаснѣе разговора о тюльпанѣ.

(*) Роза ревновала къ тюльпану своего возлюбленнаго, и въ последнее свиданіе взяла съ него слово—три дня не говорить объ этомъ цвѣткѣ.

Она догадалась объ этомъ только дома, когда войдя въ свою комнату увидѣла, что глаза ея полны слезъ, щеки горятъ, а сердце рвется вошь изъ груди.

На другой вечеръ, послѣ взаимныхъ радостныхъ привѣтствій, Роза бросила на Корнелиуса такой нѣжный, такой выразительный взглядъ, который чувствуется сердцемъ, если невидится глазами.

— Онъ выросъ!... сказала она.

— Выросъ!... Кто? что? спросилъ Фан-Берле, не вѣря, что Роза сама сокращаетъ срокъ его испытанія.

— Тюльпанъ, отвѣчала дѣвушка.

— Какъ!... вскричалъ Корнелиусъ, такъ вы позволяете?

— Ну, да, говорила Роза тономъ нѣжной матери, позволяющей порѣзвиться своему ребенку.

— Роза! Роза! повторилъ восторженный узникъ, прикладывая къ рѣшеткѣ губы, въ надеждѣ встрѣтить руку или лобъ дѣвушки.

— Счастливецъ встрѣтилъ ея губки.

— Прямо онъ? спросилъ Фан-Берле, задыхаясь отъ радости.

— Какъ пальма, отвѣчала Роза.

— Высокъ?

— Около двухъ дюймовъ.

— О! Роза, берегите его, ходите за нимъ, и вы увидите, какъ онъ скоро вырастетъ.

— Я только о немъ и думаю, говорила дѣвушка.

— Только о немъ? стало вы обо мнѣ ужъ не думаете.

— Да вѣдь думать о немъ, значитъ думать о васъ. Онъ постоянно въ глазахъ моихъ, я вижу его съ постели; просыпаюсь и гляжу на него прежде всего; засыпая, его послѣдняго теряю изъ виду. Даже подлѣ него работаю; почти не выхожу изъ комнаты съ тѣхъ поръ, какъ онъ растеть у меня.

— Берегите, берегите его, Роза, вы знаете, что я подарилъ его вамъ. Это ваше приданое.

— Да, по милости его я могу выдти за мужъ за человека, котораго буду любить.

— Молчите, злая дѣвушка, говорилъ Корнелиусъ, цѣлуя ея пальцы.

Весь этотъ вечеръ садоводъ былъ счастливъ вполнѣ. Сколько хотѣлъ цѣловать онъ ручки Розы, сколько хотѣлъ говорилъ о своемъ тюльпанѣ.

Съ этой минуты, узнику ежедневно была новая радость; то показались листочки, то распустились, то завязался цвѣтокъ.

При последнемъ извѣстїи, Корнелиусъ былъ въ себя отъ радости, а вопросы его дѣвушкѣ сыпались одинъ за другимъ.

— Завязался? спросилъ онъ.

— Завязался! отвѣчала Роза.

— Боже мой!... воскликнулъ онъ, и долженъ былъ ухватиться за рѣшотку, чтобы не упасть отъ радости.

— Правильнъ ли овалъ? спрашивалъ онъ, переводя дыханіе. Полонъ ли цилиндръ?... свѣжи ли кончики?

На все данъ былъ ему удовлетворительный отвѣтъ.

Эту ночь Корнелиусъ почти не спалъ: съ раскрытіемъ кончиковъ наступала рѣшительная минута.

Черезъ два дня Роза объявила, что бутонъ началъ открываться.

— Началъ!... вскричалъ Корнелиусъ.... Открываться!... Роза!... такъ стало быть.... уже.... можно... видѣть....

И онъ остановился.

— Да, отвѣчала дѣвушка, можно ужъ видѣть внутри цвѣтъ.

— Цвѣтъ?... каковъ же онъ? спросилъ Фан-Берле съ трепетомъ.

— Темный, отвѣчала Роза.

— Синій?

— Темнѣе.

— Темнѣе?... милая Роза!.... темнѣе? какъ же?... стало быть почти....

— Совершенно черный, какъ чернила.

Крикъ торжествующей радости невольно вырвался изъ груди Фан-Берле.

— О!... говорилъ онъ, сложивъ на сердцѣ руки, вѣтъ ангела, Роза, котораго я посмѣлъ бы сравнить съ вами.

— Право? спросила улыбаясь дѣвушка.

— Роза!... Вы столько хлопотали, вы столько для меня сдѣлали.... тюльпанъ мой разцвѣтетъ!... и будетъ совершенно черный!... Роза!... Вы совершеннѣе всего, что только сотворено Богомъ.

— Однакожь, послѣ тюльпана?...

— О!... молчите, молчите, злая дѣвушка, не помрачайте моей радости!... Но вѣдь знаете ли, черезъ два дня онъ совершенно распухнетъ?

— Вѣроятно послѣ завтра.

— И я его увижу! вскричалъ Корнелиусъ, не поцѣлую его, какъ чудо, посланное Творцомъ вселенной; не поцѣлую его, какъ цѣлую ваши ручки, ваши волосы, ваши щечки, Роза!

— Я пожалуй сорву его, сказала Роза.

— Сохрани Богъ! Только, что онъ распухнетъ, поставьте его поскорѣ въ тѣнь и сей часъ же пошлите въ Гарлемъ къ президенту общества садоводства, сказать, что черный тюльпанъ разцвѣлъ. Это далеко, но за деньги можно нанять когонибудь. Есть у васъ деньги?

Роза улыбнулась.

— Есть, отвѣчала она.

— Много?

— Триста флориновъ.

— О! Если у васъ столько денегъ, то повзжайте сами.

— Но въ это время.... цвѣтокъ....

— Возмите его съ собою, не разлучайтесь съ нимъ ни на минуту.

— Да, но не разлучаясь съ нимъ, я разлучусь съ вами, Корнелиусъ, сказала опечаленная дѣвушка.

— Это правда, милая, добрая моя Роза. Боже мой! Какіе злые эти люди! Что я имъ сдѣлалъ? За что лишили они меня свободы? Ваша правда, безъ васъ я не могу жить. Ну, такъ лучше когонибудь пошлите. Черный тюльпанъ такая рѣдкость, что вѣроятно президентъ не полѣвится приѣхать самъ посмотрѣть его.

Но вдругъ онъ остановился, и сказалъ дрожащимъ голосомъ:

— Роза!... ну, а если онъ будетъ не совершенно черный?

— Вотъ завтра или послѣ завтра увидите.

— Но я вѣдь не могу увидѣть его прежде вечера.... я умру отъ нетерпѣнія.... Нельзя ли придумать какойнибудь сигналъ?

— Я это устрою.

— Какже?

— Если онъ разцвѣтетъ ночью, я приду сама сказать вамъ объ этомъ, если же днемъ, то я пройду по корридору и кину вамъ записочку.

— Такъ, такъ, милая Роза, записка отъ васъ и съ этимъ извѣстіемъ, это будетъ двойное счастье.

— Ужъ десять часовъ сказала Роза, мнѣ надо идти.

Роза ушла очень грустная.

Корнелиусъ почти прогналъ ее.

Правда, что онъ посылалъ ее беречь его очарованный тюльпанъ, рѣдкость, которая была не только до тѣхъ поръ неизвѣстна, но считалась не возможною.»

Ночью на другой день тюльпанъ разцвѣлъ и Роза принесла его показать Корнелиусу; радость садовода была неописавная. Онъ былъ

совершенно счастливъ, забылъ свое заключеніе, на колѣнахъ и со слезами благодарилъ Бога за совершившееся чудо, и ужасно торопилъ Розу послать письмо къ президенту общества садоводства въ Гарлемъ.

Жизельсъ или Исаакъ Бокстель, какъ сказано выше, постоянно слѣдилъ за всѣми дѣйствіями Розы, и не будучи въ состояніи проникнуть въ ея комнату, онъ взбирался на чердакъ, и выбралъ для своихъ наблюденій то изъ слуховыхъ оконъ, изъ котораго можно было видѣть окно Розы. Скоро замѣтилъ онъ новый горшокъ на этомъ окнѣ и сей часъ же догадался, что это былъ завѣтный тюльпанъ; эти догадки превратились въ полное убѣжденіе, когда тюльпанъ сталъ расти и наконецъ распускаться. Надо было похитить этотъ цвѣтокъ у Розы, добиться, чтобы черный тюльпанъ назывался не *Tulipa Barlaeensis*, а *Boxtellensis*. Вотъ мысль, которая не давала покоя Бокстелю ни днемъ, ни ночью.

Выходя изъ комнаты, Роза запирала дверь и уносила ключъ съ собою; но подобрать ключъ фальшивый, дѣло не мудрое, и Бокстель успѣлъ въ короткое время это обработать. Преслѣдуя самымъ неутомимымъ образомъ Розу, онъ видѣлъ, какъ понесла она разцвѣтшій тюльпанъ показывать Фан-Берле, какъ вернулась, поставила горшокъ съ тюльпаномъ и вышла вонъ изъ тюрьмы. Едва затворилась наружная дверь за дѣвушкой, какъ Жизельсъ отперъ фальшивымъ ключемъ дверь ея комнаты, схватилъ тюльпанъ и, не теряя ни минуты отправился съ нимъ въ Гарлемъ. Отчаяніе Корнелиуса, когда Роза пришла объявить ему, что тюльпанъ украли, было страшно; но Роза просила его успокоиться и положиться на нее.

Между тѣмъ Бокстель, приѣхавши въ Гарлемъ, пересадилъ тюльпанъ въ другой горшокъ и написалъ къ президенту садоводства, что въ одной изъ гостинницъ оставился любитель тюльпановъ, привезшій съ собою тюльпанъ совершенно черный.

Простившись съ Фан-Берле, Роза рѣшилась, во что бы то ни стало, возвратитъ своему возлюбленному его сокровище. Взявши съ собою свои триста флориновъ и спрятавъ на груди третью луковницу, она наняла себѣ лошадь и отправилась тоже въ Гарлемъ.

Грифусъ, хватившійся черезъ нѣсколько часовъ своей дочери, напрасно искалъ ее; онъ ходилъ къ Корнелиусу, ругалъ его, грозилъ ему, но бѣдный узникъ, казалось, умеръ для всѣхъ оцущеній послѣ поразившаго его несчастія. Отсутствіе Жизельса навело Грифуса на мысль, что онъ похитилъ Розу.

Приѣхавши въ Гарлемъ четырьмя часами позже Бокстеля, Роза сей часъ же отправилась къ Фан-Геризену, президенту Гарлемскаго общества садоводства.— Съ трудомъ допущенная до знаменитаго челоуѣка, она объявила ему, что у нея украли черный тюльпанъ. Президентъ отвѣчалъ ей, что онъ только что сей часъ видѣлъ привезенный въ Гарлемъ черный тюльпанъ, но что этотъ тюльпанъ принадлежалъ Исааку Бокстелю. Имя это было Розѣ не извѣстно; но разспросивъ президента о наружности привезшаго тюльпанъ, она легко узнала въ немъ Жизельса. Фан-Геризенъ не брался однакожъ изслѣдовать этого дѣла, а совѣтовалъ Розѣ обратиться къ Исааку Бокстелю и объяснить ему свою претензію. Напрасно дѣвушка убѣждала его призвать Бокстеля съ тюльпаномъ, напрасно говорила, что награда назначенная за рѣдкой цвѣтокъ можетъ попасть въ руки похитителя и вора; президентъ, занятый составленіемъ рапорта о черномъ тюльпанѣ, не хотѣлъ ее слушать. Какъ вдругъ страшный шумъ на улицѣ заставилъ Фан-Геризена выбѣжать изъ своего кабинета. Каково было его удивленіе, когда онъ увидѣлъ входящаго къ нему штатгальтера въ самомъ простомъ костюмѣ и въ сопровожденіи двухъ только офицеровъ.

Вильгельмъ Оранской объявилъ растерявшемуся президенту, что до него дошелъ слухъ о черномъ тюльпанѣ и что какъ истинный Голландецъ онъ захотѣлъ полюбоваться этою рѣдкостію. Фан-Геризенъ сей часъ же послалъ за Исаакомъ Бокстелемъ, но между прочимъ объяснилъ Вильгельму, что въ его кабинетѣ есть дѣвушка, утверждающая, что тюльпанъ принадлежитъ ей и у нея украденъ. Штатгальтеръ рѣшился самъ разобрать это дѣло, и пошелъ въ кабинетъ президента, запретивъ ему называть себя при дѣвущкѣ настоящимъ именемъ. Вернувшись въ кабинетъ, президентъ назвалъ Розѣ своего посѣтителя членомъ общества садоводства и просилъ повторить все, что она говорила о тюльпанѣ. Надѣясь на правоту своего дѣла и на помощь Провидѣнія, дочь тюремщика рассказала всю истину, не пропуская ни малѣйшей подробности. Фан-Геризенъ поблѣднѣлъ отъ страха, когда Роза говорила о своихъ сношеніяхъ съ государственнымъ преступникомъ; но Вильгельмъ успокоилъ его, сказавъ, что онъ какъ членъ содоводства долженъ заниматься только дѣломъ о тюльпанѣ.

Бокстель явился съ тюльпаномъ; присутствіе Розы сначала его смутило; но онъ скоро преодолѣлъ свое замѣшательство, выслушалъ ея обвиненіе и началъ увѣрять, что имѣлъ неосторожность сообщить Грифусу тайну тюльпана и что Роза, вмѣстѣ съ своимъ любовникомъ Фан-Берле, рѣшилась помѣшать ему получить премію. Имя узника раздра-

жило штатгальтера, и онъ готовъ былъ принять совершенно сторону Бокстеля, когда дѣвушка спросила у Бокстеля, сколько было у него луковицъ, для чернаго тюльпана. Похититель отвѣчалъ, что ихъ было три, что одна не принялась, изъ другой вышелъ тюльпанъ, а третья у него дома. Тогда Роза, узнавша уже въ Вильгельмѣ штатгальтера по титулу Высочества, которымъ назвалъ его Бокстель, взяла хранившуюся на груди ея завернутую въ бумажку третью луковицу и подала ее Принцу Оранскому. Едва развернулъ Вильгельмъ бумажку, какъ глаза его упали на написанныя на ней строки; внимательно сталъ онъ читать, что тутъ было написано и прочелъ слѣдующее;

Любезный племянникъ.

«Сожги конвертъ, который я далъ тебѣ на сохраненіе, сожги его не распечатывая, чтобы содержаніе его осталось тебѣ неизвѣстнымъ : тайны, подобныя въ нихъ заключающейся, гибельны для тѣхъ, кому онъ извѣстенъ. Сожги его для спасенія Юанна и Корнелія де Витта.

Прощай, люби меня.

Корнелій де Виттъ.

20-го августа 1672 года.

Это письмо было вмѣстѣ доказательствомъ невинности Фан-Берле и правъ его на тюльпанъ.

Спрятавъ бумажку въ карманъ, Вильгельмъ удалился, объявивъ присутствовавшимъ, что это дѣло будетъ рѣшено имъ по всей справедливости. Луковицу возвратилъ онъ Розѣ и приказалъ Фан-Геризену задержатъ у себя и дѣвушку и тюльпанъ.

Между тѣмъ Грифусъ, не получая никакого извѣстія ни о Розѣ, ни о Жизельсѣ и, видя ежедневно молчаливаго и сумрачнаго Фан-Берле, вообразилъ, что пропажа его дочери была слѣдствіемъ чародѣйства и что все это устроено ученымъ его узникомъ. Придавъ себѣ смѣлости лишней рюмкой вина и взявши огромную палку, отправился онъ въ темницу Фан-Берле. Между тюремщикомъ и заключеннымъ произошла ужасная драка, перевѣсъ въ которой остался одважью на сторонѣ Корнеліуса. Избитый Грифусъ долженъ быть звать на помощь, и вошедшіе солдаты связали взбунтовавшагося садовода. Обезоруженный Фан-Берле чувствовалъ, что теперь онъ погибъ безвозвратно, и мысленно готовился къ смерти. Черезъ нѣсколько часовъ послѣ случившагося, раздались быстрые шаги въ корридоръ, и жандармской офицеръ велѣлъ Фан-Берле за собою слѣдовать. У воротъ тюрьмы ожидала ихъ карета. Не сомнѣваясь, что его везутъ на казнь, Корнеліусъ сѣлъ въ экипажъ, и въ продолженіе всей дороги не могъ добиться отъ своего спутника ни слова о цѣли ихъ путешествія.

На другой день карета въѣхала въ Гарлемъ.

День этотъ былъ день воскресный, и былъ назначенъ для празднованія открытія чернаго тюльпана. Въ парадномъ, разноцвѣтномъ костюмѣ президента, Фан-Геризенъ открывалъ торжественно шествіе; за нимъ, также разодѣтые, шли члены общества садоводства. Безчисленная толпа запружала улицы, по которымъ совершалось это шествіе. Черный тюльпанъ красовался на носилкахъ, покрытыхъ бѣлымъ бархатомъ съ золотыми кистями. Рядомъ съ носилками шелъ торжествующій Исаакъ Бокстель, герой праздника, неспускавшій глазъ съ несомато однимъ изъ членовъ садоводства огромнаго кошелька, въ которомъ лежали сто тысячъ флориновъ. На одной изъ площадей города было устроено возвышеніе, украшенное деревьями и цвѣтами. На этомъ возвышеніи поставили тюльпанъ, рядомъ съ золотымъ кресломъ, назначеннымъ для штатгальтера.

Громкія, единодушныя рукоплесканія всѣхъ жителей города приветствовали рѣдкой цвѣтокъ и властителя Голландіи.

Запыленная карета, въ которой сидѣлъ бѣдный Фан-Берле, въѣхала въ то же время на площадь. Молчавшій всю дорогу офицеръ, объяснилъ Корнелиусу причину этого торжественнаго сѣборища. Услышавъ, что празднуютъ открытіе чернаго тюльпана, Корнелиусъ едва не лишился чувствъ. Опомнившись, онъ сталъ убѣдительно просить офицера позволить ему поближе посмотреть на этотъ дивный цвѣтокъ. Позволеніе это дано было преступнику съ разрѣшенія штатгальтера. Офицеръ подвелъ его даже къ самому возвышенію, на которомъ стояли носилки.

Приблизившійся Корнелиусъ увидѣлъ это дивное произведеніе природы, увидѣлъ Бокстеля, стоявшаго отъ него въ нѣсколькихъ шагахъ, увидѣлъ Розу въ нарядномъ платьѣ, подаренномъ ей наканунѣ Вильгельмомъ, послѣ откровеннаго разговора о ея отношеніяхъ и чувствахъ къ Левенштейнскому преступнику. Онъ не успѣлъ еще хорошенько сообразить всего, что видѣлъ, какъ штатгальтеръ подошелъ къ Розу и сказалъ ей:

— Тюльпанъ принадлежит вамъ, вамъ за него и награда.

Въ каталогъ цвѣтовъ онъ будетъ записанъ подъ именемъ *Tulipa nigra Rosa Barlaensis*, — а ваше имя, отнынѣ будетъ Роза Фан-Берле.

Сказавши это, Вильгельмъ взялъ за руку дѣвушку и подвелъ ее къ Корнелиусу, уничтоженному удивленіемъ и восторгомъ.

— Вы были несправедливо обвинены, сказалъ онъ ему; вы теперь свободны, и я радъ, что могу заплатить вамъ настоящимъ счастьемъ за прошедшее горе.

Бокстель лишился чувствъ и упалъ къ ногамъ Фан-Геризена. Когда его одняли, онъ былъ уже мертвый.

Грифусъ съ трудомъ помирился съ своимъ зятемъ, но не осмѣлился не показать снисхожденія тому, кому оказывалъ его штатгальтеръ.

Романъ читается легко; довольно оригиналенъ, довольно занимателенъ, но далеко не такъ, какъ первые романы Дюма, о чемъ мы тоже упомянули по поводу «Мертвой Головы». Что же касается до историческаго его значенія—это исторической романъ тюльпана.

Въ русскомъ переводѣ этого романа, по поводу котораго мы пишемъ нашу рецензію на первой страницѣ, встрѣчается слѣдующая фраза:

«20 Августа 1672 года, городъ Гага, столица соединенныхъ Нидерландскихъ Штатовъ, чистенькій, кокетливый, такъ населенный, что можно было принять дни его за ежедневныя воскресенія, съ его тѣнистымъ паркомъ, большими наклоненными деревьями надъ домами готической архитектуры, съ его зеркальной поверхностью широкихъ каналовъ, отражающихъ въ себѣ восточныя куполы колоколенъ, былъ запруженъ волнующимися толпами народа, торопливаго, задыхающагося, бѣгущаго съ ножомъ за поясомъ, съ ружьемъ за плечами или палкой въ рукахъ, по направленію къ Бюнтегофу, крѣпкой темницѣ, которой желѣзныя рѣшетки оконъ еще и донынѣ показываютъ, гдѣ томился Корнель де Виттъ, братъ бывшаго синдика (Ратсъ-Пансіонера) Голландіи, со дня обвиненія его въ покушеніи на смертоубійство, открытаго лекаремъ Тикеласромъ».

Если эта фраза не испугаетъ, на первомъ шагу, любознательнаго читателя, то съ Богомъ; страшнѣе этого ничего ужъ не будетъ, будетъ только забавнѣе, какъ на примѣръ.

«Никто не заботился караулить садъ; домъ и люди были опрокинуты вверхъ дномъ.» (часть II, стр. 41.).

«Теперь мы положили основаніе нашей повѣсти на плодородной почвѣ земли, простирающейся отъ Дортрехта до Гаги, которой послѣдуетъ въ слѣдующихъ главахъ тотъ, кому будетъ угодно» (ч. II, стр. 13).

« . . . И въ этотъ разъ выстрѣлъ размозжилъ ему черепъ: Іоаннъ упалъ, чтобы не встать больше.» (ч. I, стр. 81.).

«Никогда слуга не поставилъ туда дерзкой ноги, какъ сказалъ бы Расинъ, процвѣтавшій въ то время» (ч. II, стр. 8.).

Еслибы Расинъ говорилъ такимъ языкомъ, едва ли бы онъ процвѣталъ когда нибудь.

ЖУРНАЛИСТИКА.

ПАНТЕОНЪ. Журналъ литературно-художественный издаваемый *Θ. Кони*. Томъ 1. Январь. Книжка 1. 1852.

Если бы мы, какъ г. Повый поэтъ, особенно цѣнили внѣшній видъ книжекъ всякаго журнала, то конечно разпространились бы на счетъ тѣхъ очевидныхъ измѣненій, которымъ подвергся Пантеонъ (сi devant Пантеонъ и репертуаръ театровъ) въ этомъ отношеніи. Въ самомъ дѣлѣ, трудно придумать что либо изящнѣе его бумаги, шрифта, обертки и приложений—но этимъ замѣчаніемъ мы только и ограничимся. Для насъ несравненно важнѣе, что Пантеонъ изъ журнала, специально посвященнаго театру и драматургій, сдѣлался журналомъ литературно-художественнымъ, мы даже внутренне порадовались такому расширенію программы, понимая всю трудность, какую представляетъ въ настоящую минуту изданіе чисто драматическаго Сборника: начать съ того, что такіе сборники могутъ имѣть интересъ почти только для такъ называемыхъ театраловъ, и по самому назначенію своему осуждены быть клоаками всего, что сцена даетъ въ настоящую минуту; съ другой стороны, они иногда не выдерживаютъ своего назначенія и принуждены наполнять себя статьями, нисколько не относящимися къ сценѣ и драматургій, и такимъ образомъ являются какими-то амфибіями, т. е. говоря просто, они—ни рыба, ни мясо. И такъ, мы порадовались за Пантеонъ, порадовались тому, что матеріальныя средства журнала, какъ объявляетъ редакція, значительно усилились,—любовались его наружностью и читали съ удовольствіемъ обвѣщанія программы. Одно изъ обвѣщаній въ особенности подѣйствовало на насъ пріятно, и мы желали бы, чтобы оно исполнено было хотя вполнину.

«Главное стремленіе редакціи постоянно будетъ направлено на то, чтобы Пантеонъ можно было читать *отъ первой до послѣдней «страницы»*, чтобы онъ преимущественно наполнялся статьями *оригинальными, написанными въ русскомъ духѣ....*»

Стремленіе похвальное, но—и мы говоримъ это безъ малѣйшаго враждебнаго чувства—весьма трудно выполнимое. Нѣтъ журнала, который можно было бы всякому читать отъ первой страницы до послѣдней, если подѣ чтеніемъ разумѣть занятіе нѣсколько серьезное; статьи же *оригинальныя*, и притомъ *написанныя въ русскомъ духѣ*, въ литературѣ нашей, какъ извѣстно, большая рѣдкость. Но тѣмъ не

менше, хорошо если Пантеонъ постарается выполнить хоть частицу своихъ обещаній. Даже за добрыя намѣренія, имъ изъявленные, мы готовы позабыть весь прошедшій годъ его изданій, мы не помянемъ его лихомъ за прежнее, и не скажемъ даже ни слова о послѣднихъ книжкахъ 1851 года, хотя мы ничего не говорили о нихъ, какъ вѣроятно помнятъ читатели.

На Пантеонъ 1852 года мы хотимъ и будемъ смотрѣть, какъ на явленіе совершенно новое, — и думаемъ, что редакція не постыуетъ на насъ за это.

Между тѣмъ, главнымъ содержаніемъ, такъ сказать зерномъ Пантеона остались все таки драматургія и сцена, т. е. помѣщеніе театральныхъ пьесъ и театральныхъ лѣтописей—его *conditio sine qua non*. Только, въ настоящую минуту, какъ намъ кажется, редакція ошибется, печатая безъ разбора все являющееся на сценѣ. По крайней мѣрѣ—критика, на основаніи самою редакціею высказанныхъ въ программѣ стремленій, въ правѣ требовать отъ нея болѣе серьезнаго взгляда на дѣло и въ этомъ отношеніи.

Переходимъ къ самой дѣйствительности т. е. къ содержанію первой книжки.

На первомъ планѣ Изящная словесность—и въ ней встрѣчаемъ:

1) *Гдѣ медь тамъ и мухи*. Комедія въ пяти дѣйствіяхъ, соч. С. Одинской (Псевдонимъ).

2) *Шихъ-Мансуръ*. Восточный романъ въ 4. Частяхъ части 1 и 2. В. И. Савинова.

3) Повесть г. Колошина: Умная женщина.

Изъ этихъ трехъ произведеній мы будемъ говорить только о комедіи и о повѣсти; романъ же разберемъ, когда онъ будетъ оконченъ.

Комедія! слово съ огромнымъ значеніемъ въ настоящую минуту, — едва ли не полное слово, въка, — по крайней мѣрѣ болѣе его слово, чѣмъ всякое другое: не здѣсь конечно мѣсто входить въ объясненія по этому поводу, да и скоро, вѣроятно, такъ глубоко войдетъ въ сознаніе всѣхъ это слово, что и объяснять будетъ нечего. Велико значеніе комедіи во второй половинѣ XIX вѣка, въ особенности, велико оно теперь и было всегда велико къ русской жизни, — но велики же и требованія наши отъ комедіи, и ко всякому произведенію, являющемуся подъ такимъ титуломъ, эти требованія конечно прилагаются вполне. Намъ нѣтъ дѣла до того, что какой-нибудь авторъ разумѣетъ подъ комедіей; но

мы не обязаны знать этого, и не обязана тоже публика, которая видѣла и читала *настоящія* комедіи.

Да не удивятся поэтому, что съ точки зрѣнія нашихъ требованій мы считаемъ комедію г-жи Одиной—виже всякой критики, ибо не видимъ въ ней ни языка, ни лицъ (хотя ихъ повидимому и много), ни комическихъ положеній. Богатую, умирающую старуху окружаютъ почтениемъ, лестью и происками родственники, имѣющіе претепзію на наследство—тема весьма избитая во французскихъ комедіяхъ (*Les Héritiers* Дювала) и даже въ русскихъ (Богатая старушка, г. Аица)—но нѣтъ такой избитой темы, къ которой нельзя было бы приступить человѣку съ талантомъ. Таланта-то и нѣтъ къ сожалѣнію въ авторѣ *комедіи*. «Гдѣ медъ тамъ и мухи»—найдете вы тутъ все что угодно, и пряничную любовь барышевъ къ гусарамъ,—и пройдоху, который всѣхъ старается обмануть, и поддѣлку подъ языкъ слугъ, и фатовъ, каррикатурныхъ до невозможности, страшную сущію дѣйствія—не найдете только таланта. Чтобы сказать что нибудь болѣе опредѣлительное о *комедіи* г-жи Одиной, мы пожалуй, поговоримъ о quasi—лицахъ пьесы. Лица мужскія съ перваго же раза являются до того пошлыми и избитыми, что говорить о нихъ не стоитъ, но въ лицахъ женскихъ проглядываютъ какъ будто нѣкоторыя изъ опыта почерпнутыя наблюденія. И во-первыхъ, условному лицу богатой старухи, существующей какъ и во всѣхъ рутинерскихъ произведеніяхъ, только для интриги пьесы,—авторъ хотѣлъ повидимому придать кое какія личныя, характерныя черты. Такова у него эта—барыня высшаго тона, которая до старости любитъ наряды и балы: еще больше, она не можетъ простить, что какой-то господинъ женился вмѣсто ся на ея племянницѣ, и не терпитъ его потомства,—но эти черты взяты только съ вѣшной стороны, авторъ не потрудился или не могъ прослѣдить ихъ во всѣхъ ихъ комическихъ послѣдствіяхъ. Самыя эти черты—собственно не личныя, хотя и могли бы сдѣлаться личными, если бы къ нимъ прибавилось нѣсколько другихъ не столько крупныхъ, если бы однимъ словомъ передъ самимъ авторомъ сложился типъ. Есть еще тутъ барыня вѣстовщица и сплетница, съ смѣшными, но тоже избитыми чертами характера, есть еще третья барыня кокетка средней руки, и она наиболѣе, да и то сравнительно, удалась автору. Все остальное—просто вода и даже вода очень мутная.

Удивляемся, что Пантеонъ не вазель, чѣмъ лучше начать свою новую жизнь, и право мы не упрекнули бы его за отсутствіе *сравнительной* пьесы, если такія только оригинальныя пьесы пишутся въ Петербургѣ. Нѣкогда, во второй годъ своего существованія, Пантеонъ, изда-

явпшійся тогда совершенно отдѣльно отъ Репертуара, и даже общавшій въ противоположность этому послѣднему не давать публикѣ:

Драмъ злодѣйскихъ,
Водевильей полицейскихъ,
И куплетовъ изъ лакейскихъ,

начиналъ свою первую такъ же изящно изданную книжку замѣчательнымъ переводомъ «Ромео и Юліи»;—и вотъ въ 1852 году онъ угощаетъ насъ плохую оригинальною комедіею,—не знаемъ, лучше ли это?

Скажемъ нѣсколько словъ б повѣсти г. Колошина «Умная женщина»; это—повѣсть съ водвильнымъ содержаніемъ, и написанная въ водвильной манерѣ, хотя очень хорошимъ языкомъ. Она могла весьма удобно назваться: Умная женщина или исправленный мужъ, быть написана весьма легко, и читаться такъ же, но попасть въ «Изящную словесность» не имѣла ни малѣйшаго права, да и сочинена вѣроятно не съ такою смѣлою надеждою.

Плохъ, какъ видите, отдѣлъ *Изящной Словесности* въ первой книжкѣ Пантеона, плохъ такъ, что по поводу произведеній въ немъ помѣщенныхъ—еще можно что-нибудь сказать; объ нихъ же самихъ совершенно нечего.

Слѣдуетъ за симъ отдѣлъ Исторіи и теоріи искусства, и въ немъ статья г. А. Строва, — *извѣстнаго* сотрудника Современника, которому ни по чемъ всѣ современныя и старыя музыкальныя знаменитости—«Спонтини и его музыка». Еслибъ мы и не знали, что г. Стровъ, *сочинитель* этой статейки, то по приемамъ, обнаруживающимся съ первыхъ же строкъ, воскликнули бы: *Loquela tua manifestum te facit*. Г. Стровъ, какъ музыкальный критикъ, имѣетъ очень много общаго съ иногороднымъ подписчикомъ—критикомъ литературнымъ: только онъ не такъ легко вѣрно обращается съ теоріями искусства, какъ этотъ послѣдній, а напротивъ любитъ подчасъ пустить такое словцо, которое «Богъ его знаетъ, что оно значить», и такимъ образомъ выходитъ тотъ родъ галиматїи, который справедливо назывался галиматїею *сугубою*, но во всемъ остальномъ, въ рѣзкости приговоровъ, въ любви къ парадоксамъ, въ обращеніи за панибрата со всеми заслуженными славами, онъ чрезвычайно сходенъ съ теперешнимъ сотрудникомъ «библіотеки для чтенія—*сi devant* рьянымъ сотрудникомъ Современника.

За тѣмъ слѣдуетъ въ Пантеонѣ *театральная лѣтопись*; этимъ отдѣломъ, какъ кажется, рѣшился завѣдывать самъ редакторъ, и конечно уже отъ этого журналъ много выиграстъ. Г. Кови, человекъ со вку-

сомъ, съ литературною начитанностью, и съ опытностью въ театральномъ дѣлѣ. Мы прочли съ удовольствіемъ его отчетъ.

Еще съ большимъ удовольствіемъ читали мы разборъ оперы г. Даргомыжскаго: «Эсмeральда» г. Юрія Арнольда, разборъ добросовѣстный, написанный не шарлатаномъ, а знатокомъ дѣла. Разбору оперы г. Даргомыжскаго предшествуетъ краткій обзоръ дѣятельности русскихъ оперныхъ композиторовъ, много располагающій въ пользу статьи, и Статья объ итальянской оперѣ въ Петербургѣ г. Кашкарова — то же прекрасная статья, тѣмъ болѣе, что во взглядахъ автора на Донъ Жуана Моцарта и на его же женитьбу Фигаро, не смотря на нѣкоторую претензію на новостъ, встрѣтили мы много общаго со взглядомъ г. Улыбышева, котораго превосходное сочиненіе о Моцартѣ занимаетъ важное мѣсто въ музыкальной критикѣ.

Наконецъ въ первомъ N Пантеона, очень интересенъ отдѣлъ «Смѣси». Вообще, какъ видите, вторая половина книжки (за исключеніемъ статьи г. Сѣрова) совершенно удовлетворительна. О водвилѣ г. Кони: «Бѣда отъ сердца и Горе отъ ума» мы считаемъ совершенно излишнимъ говорить. Мы видѣли этотъ водвилъ на сценѣ — смѣялись много, благодаря игрѣ артистовъ; нечаянное же появленіе его считаемъ фактомъ, не подлежащимъ суду литературной критики.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

ДРЕВНОСТИ РОССИЙСКАГО ГОСУДАРСТВА, изданныя по Высочайшему повелѣнію, Выпускъ V. 77 рисунковъ и 2 тома текста.

ПАМЯТНИКИ ДРЕВНЯГО РУССКАГО ЗОДЧЕСТВА, изд. г. *Рихтера*, текстъ г. *Дубенскаго*.

РЯЗАНСКІЯ ДРЕВНОСТИ, изд. г. *Селивановымъ*.

ПАМЯТНИКИ ДРЕВНЯГО ХУДОЖЕСТВА ВЪ РОССИИ, тетрадь 2, изд. г. *Мартынова*, текстъ г. *Снегирева*.

РУССКАЯ СТАРИНА въ памятникахъ церковнаго и гражданскаго зодчества, изд. г. *Мартынова*, текстъ г. *Снегирева*.

Последнее время было особенно богато великолѣпными изданіями, по части русскихъ Древностей. Къ концу прошлаго года вышелъ V выпускъ Древностей Россійскаго Государства. Въ свое время мы извѣщали уже читателей объ этомъ *драгоценномъ* изданіи и по своей огромности и по превосходству исполненія хромофотографированныхъ рисунковъ, которыхъ теперь уже окончено и выдано, въ пяти выпускахъ, 380; при нихъ три тома объяснительнаго текста, составляемаго гг. Снегиревымъ и Вельтманомъ. Подробный разборъ этого замѣчательнаго изданія мы отлагаемъ до его окончанія. Тогда постараемся познакомить публику съ богатыми пріобрѣтеніями, которыми чрезъ это изданіе обогащается наука Русской Древности.

Столько же важно и замѣчательно, и столько же великолѣпно изданіе, предпріятое г. Рихтеромъ «Памятники Древняго Русскаго Зодчества». Нигдѣ лучше нельзя познакомиться съ нашимъ древнимъ архитектурнымъ богатствомъ, съ красотою памятниковъ, ихъ безконечно разнообразными, замысловатыми и смѣлыми внѣшними украшеніями и орнаментами, которые вполне оцѣнило и поставило себѣ въ образцы наше новое зодчество, въ лицѣ своихъ талантливыхъ художниковъ. До изданія г. Рихтера мы имѣли болѣе или менѣе смутное, неопредѣленное понятіе о нашемъ древнемъ зодчествѣ; не слишкомъ отчетливые чертежи, или простые литографіи, которыми доселѣ мы пользовались, не могли представить въ ясномъ свѣтѣ всѣ сокровища нашей древности въ этомъ отношеніи. И только съ помощію великолѣпныхъ и въ высшей

степени тщательныхъ и точныхъ до самыхъ мелкихъ подробностей, рисунковъ г. Рихтера мы можемъ съ такою же отчетливостію опредѣлить и характеръ нашего древняго зодчества и его судьбы т. е. исторію, или всѣ видоизмѣненія, которымъ оно подвергалось въ теченіи столѣтій. Кромѣ того нужно замѣтить, что изданіе г. Рихтера познакомитъ вполне съ нашею архитектурною древностію и западное искусство: оно послужитъ весьма важнымъ и значительнымъ дополненіемъ для тамошнихъ открытій и изслѣдованій по этому предмету.

Въ двадцати двухъ прекраснѣйшихъ рисункахъ г. Рихтера изображены:

- 1) Церковь св. Георгія въ Юрьевѣ Польскомъ, Владимірской Губерніи.
- 2) Дмитріевскій Соборъ, во Владимірѣ.
- 3) Верхоспасскій Соборъ, въ Московскомъ Кремлѣ.
- 4) Бывшій Потышннй Дворецъ.
- 5) Покровский Соборъ или Церковь Василя Блаженнаго.
- 6) Церковь Успенія Главы св. Іоанна Предтечи въ селѣ Дьяковѣ, близъ Москвы.
- 7) Церковь св. Николая на Берсеневкѣ въ Москвѣ.
- 8) Церковь Ризположенія Пресвятыя Богородицы, въ Москвѣ и 9) Царскія двери соборной Церкви въ монастырѣ преподобнаго Саввы Звънигородскаго.

Не смотря на то, что г. Рихтеръ ограничиваетъ цѣль своего изданія по преимуществу одними только художниками — архитекторами, которымъ собственно и предлагаются эти превосходнѣйшіе во всякъ отношеніяхъ чертежи, — но мы все таки порадуемся и за археологію: она найдетъ здѣсь самую надежную, твердую опору въ своихъ выводахъ и заключеніяхъ и во всякомъ случаѣ, не смотря на такое ограниченіе цѣли, памятники древняго «зодчества» все-таки будутъ принадлежать больше археологіи, нежели собственно искусству. А съ этой точки зрѣнія нельзя не пожелать, чтобы и самый текстъ былъ подробнѣе. Это необходимо и для самыхъ художниковъ; даже можетъ быть необходимое и для археологовъ. Археологи изслѣдователи конечно и сами могутъ заняться подробными розысканіями объ издаваемыхъ памятникахъ, но художники безъ сомнѣнія могутъ потребовать болѣе подробныхъ объясненій, безъ которыхъ изображенія во многомъ не будутъ понятны, какъ слѣдуетъ. Мы не говоримъ однакожь о той полнотѣ, которая происходитъ въ подобныхъ сочиненіяхъ отъ подробнаго указанія всякъ событій, болѣе или мѣнѣе относящихся къ памятнику т. е. мы не говоримъ объ историческихъ воспоминаніяхъ, связанныхъ съ известнымъ памятникомъ, нѣтъ, мы желаемъ; чтобы была по возможности подробнѣе изложена исторія самаго зданія, образъ его постройки, украшенія, обновленія и перестройки. Это очень важно, и всегда будетъ служить и подтвержденіемъ, и дополненіемъ, и поясненіемъ самыхъ чертежей во

всѣхъ ихъ подробностяхъ. Въ противномъ случаѣ какъ же можетъ явиться исторія нашего зодчества? Историческая часть текста, составленная Г. Дубенскимъ слишкомъ кратка, и заключается почти въ однихъ указанихъ годовъ построения зданий. Притомъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ мы замѣтили и недостатокъ критической оцѣнки лѣтописныхъ данныхъ. Такъ напр. при описаніи церкви села Дьякова авторъ говоритъ, что «главный престолъ храма Установленія главы Крестителя, по лѣтописи церковной, совершенъ В. Ки. Васильемъ Иоанновичемъ въ 1529 году, въ память тезоименнства новорожденнаго сына Іоанна, родившагося въ 1530 году, августа 25 дня». Такъ называемымъ церковнымъ лѣтописцемъ, если она писаны въ позднѣйшее время, доверять нельзя: въ нихъ почти всегда встрѣчаются ошибки и несообразности, которые розыскатели стараются обыкновенно только подтвердить въ ущербъ истинѣ, что дѣлаетъ, разумется, и г. Дубенскій, предполагая, что престолъ основанъ по обѣту до Іоаннова рожденія, предсказаннаго Велик. Ки. Еленъ Домитіаномъ юродивымъ, и совершенъ въ 1530 году. По нашему мнѣнію сначала бы нужно было доказать подлинность этой лѣтописи церковной, а потомъ ужъ и подтверждать ея несообразное показаніе. Да притомъ подобныя лѣтописныя свидетельства должно приводить всею и опредѣленною, не ограничиваясь однимъ только упоминаніемъ. Здѣсь любопытно знать, какая это лѣтопись, какого времени, гдѣ, на чемъ она писана? Надпись ли это на камнѣ, или какая записка, приписка и пр. Далѣе, Церковь Ризположенія, по словамъ автора, первоначально заложена св. Митрополитомъ Іоною въ 1449 г. Но этотъ годъ вовсе не относится къ Церкви, изображенной на рисункѣ г. Ратгера, и сохранившейся доселѣ. Въ 1450, а не въ 1449 г. основанъ былъ домовый храмъ свѣтителя Іоны въ его Палатѣ. Двѣстлѣтельная же постройка разсматриваемаго храма авторомъ не означена. Онъ слѣд. не заглянулъ въ лѣтопись, въ которой нашелъ бы, что теперешній храмъ Ризположенія воздвигнутъ Митрополитомъ Героятиемъ въ 1484—1486 году. Замѣтимъ также, что въ описаніи этого храма встрѣчается значительная темнота. «Она, т. е. церковь, говоритъ авторъ, называется также Печерскою, потому что вверху на наружной западной стѣнѣ ея, въ углубленіи, помѣщается образъ Печерской Богоматери, прославившейся чудотвореніями. По этому случаю устроены—входъ снаружи къ иконѣ, предъ нею часовня съ неугасимой лампадою, и положено празднованіе Чудотворной иконѣ 3 мая, какъ установлено церковію въ 1085 году». По какому же случаю все это устроено и даже положено празднованіе? Вообще

периодъ этотъ отличается небрежнымъ сопоставленіемъ совершенно разнородныхъ предметовъ, отчего терлется и настоящий смыслъ рѣчи.

Этими замѣтками, мы нисколько однакожъ не желаемъ нарушать прекраснаго впечатлѣнія, производимаго превосходными, вѣрными и отчетливыми до мельчайшихъ подробностей чертежами. Русское искусство и русская наука должны привѣтствовать изданіе г. Рихтера съ полнымъ сочувствіемъ, какъ предпріятіе, по своему добросовѣстному исполненію, въ высокой степени замѣчательное и прекрасное. Порадуемся также, что и провинціи не отстаютъ отъ столицъ. Такъ Древности области Рязанской нашли себѣ добросовѣстнаго и опытнаго издателя въ г. Селивановѣ, который началъ свое дѣло самымъ блестящимъ образомъ. Въ первомъ выпускѣ онъ представилъ хромолитографированную копию съ древнѣйшей иконы св. Николая Зарайскаго, — копию, которая въ такой степени передаетъ, оригиналъ, что по отзывамъ знатоковъ иконописи, ничего не можетъ быть вѣрнѣе и отчетливѣе, до всѣхъ мелочей. Самый выборъ памятника показываетъ уже опытнаго знатока. Нужно желать только, чтобы г. Селивановъ не останавливался на этомъ первомъ выпускѣ, хотя и должно сознаться, что подобныя предпріятія частнаго человѣка весьма рѣдко окупаются вниманіемъ публики. Текстъ этого перваго выпуска составленъ самимъ издателемъ, добросовѣстно и тщательно.

Послѣ этихъ великолѣпнѣйшихъ изданій мы должны упомянуть и о новыхъ изданіяхъ г. Мартынова. Въ последнее время онъ выдалъ вторую тетрадь «Памятниковъ Древняго искусства», XII тетрадь «Русской старины». и второе изданіе «Русской старины» въ маломъ форматѣ, годъ 3. И Русская старина и памятники древняго искусства составляютъ въ сущности одно и то же, но «Старина» по нашему мнѣнію содержитъ въ себѣ гораздо болѣе любопытнаго, нежели «Памятники»; за то изданіе Памятниковъ несравненно лучше. Текстъ въ обоихъ изданіяхъ составляется г. Снегиревымъ, трудолюбіе и ученость котораго уже достаточно известны публикѣ.

Въ XII. тетради Русской Старины представлены виды и описаніе подмосковнаго села Измайдова. Описаніе любопытно, хотя и не отличается ни чѣмъ особенно новымъ, потому что оно было уже нѣсколько разъ печатаемо авторомъ въ разныхъ прежнихъ журналахъ.

Мы должны однакожъ воздать должную справедливость г. Мартынову за то постоянство, съ которымъ онъ ведетъ свое полезное изданіе. Достойна всякой хвалы также мысль, издать Русскую Старину вторично въ маломъ форматѣ и чрезъ то сдѣлать ее доступнѣе по цѣнѣ.

Два года въ плѣну у горцевъ. Воспоминанія о жизни и походахъ въ Кавказскихъ горахъ штабсъ-капитана Новоселова, рассказанныя В. Савиновымъ. С.-Петербургъ. Въ тип. Карла Крайя. 1851. Въ 8-ю д. л. Стр. 138.

Вотъ что говоритъ издатель въ коротенькомъ предисловіи къ своей книгѣ :

«Новоселовъ, убитый въ дѣлѣ на дребѣ Сенехтѣ, во время Патухайской экспедиціи 1842 г. — въ бытность свою до того въ плѣну у Абазеховъ и горныхъ, или бѣглыхъ Кабардинцевъ, испыталъ, подглядѣвъ и извѣдалъ много любопытнаго и потрясающаго. Возвращенный на родину, въ объятія друзей — онъ оставилъ интересныя записки о своихъ походахъ въ горахъ, которыя (разумѣется записки, а не горы) послѣ его смерти достались мнѣ. Часть ихъ я утратилъ въ 1844 г. при переходѣ 5-го пѣхотнаго корпуса черезъ Сулакъ».

«Не смотря на это, въ памяти моей остались потеряныя страницы его интересныхъ походовъ, которыя я съ нимъ такъ часто перечитывалъ, и потому рѣшаюсь ихъ передать любопытствующимъ, — тѣмъ болѣе, что всѣ тропинки въ горахъ Абхазіи, съ обычаями и правами ихъ обитателей, мнѣ такъ же знакомы, какъ и ему, — ибо я раздѣлялъ одинакую съ нимъ участь, съ тою только разницею, что немного позже. Вотъ эти происшествія, которыя я передаю такъ, какъ бы рассказывалъ ихъ самъ Новоселовъ».

Послѣ этого мы думали, что будемъ читать ни больше ни меньше какъ настоящій дневникъ плѣнника, однообразный, какъ неволя, грустный какъ неволя, но раздрающій душу истинной картиной страданій человека образованнаго, попавшагося во власть варваровъ, заставляющій читателя и трепетать и надѣяться вмѣстѣ съ несчастной жертвой неволи. Много можно было бы представить любопытнаго въ такомъ дневникѣ, по крайней мѣрѣ въ отношеніи психологическомъ, но того, что мы ожидали найти, въ книгѣ г. Савинова вовсе нѣтъ, а есть въ ней романъ, основанный на случайной любви, на случайныхъ встречахъ, на случайныхъ опасностяхъ, на тысячахъ различныхъ родовъ смертей, изъ которыхъ каждый въ свою очередь угрожалъ капитану Новоселову, и отъ которыхъ капитанъ Новоселовъ избавлялся всякой разъ самымъ чудеснымъ образомъ. И всѣ эти удивительныя походы капитана Новоселова описаны подъ самымъ сильнымъ вліяніемъ Марлинскаго: всѣ горцы въ книгѣ г. Савинова говорятъ языкомъ горцевъ Амалать-Бека, всѣ Черкешенки взяты цѣли-

комъ изъ той же повѣсти. Однимъ словомъ книга г. Савинова, какъ записки плѣнника, не имѣетъ никакого достоинства, по отсутствію всякаго вѣроятія; но какъ романъ она довольно занимательна, хотя и при взглядѣ съ этой точки въ ней нѣтъ даже того художественнаго правдоподобія, которое составляетъ необходимое условіе каждаго хорошаго романа.

Разсказывать полное содержаніе такой книги, канва которой, извъ укъ замѣтили мы, отскана изъ невѣроятностей и случайностей, значило бы отнять у нея послѣднее достоинство, и при томъ это было бы и долго и сухо. Приведемъ лучше нѣсколько отдѣльныхъ сценъ, изъ которыхъ многія очень хороши, написаны живо и увлекательно, и кромѣ того доказываютъ, что авторъ действительно изучалъ нравы Горцевъ.

Вотъ сцена взятія въ плѣнъ капитана Новоселова:

«Послѣ двухъ-часовой ходьбы — небольшой отрядъ нашъ раскинулъ пѣшь, и, выбравъ удобное мѣсто въ рошѣ, принялся за порубку дровъ. Вечеръ былъ одинъ изъ тѣхъ прекрасныхъ февральскихъ вечеровъ, какими не рѣдко щеголяетъ голубиная и роскошная природа Абхазіи... и будь я избалованъ любовью, то непременно предался бы кайфу и мечтамъ. Но любовь моя оставалась далеко, къ кайфу я не чувствовала никакого расположенія, а вмѣстѣ съ тѣмъ убѣгая охотнаго шалаша и скуки, я вскинулъ на плечо винтовку и отправился преслѣдовать дичь, которой въ окрестностяхъ Сухума всегда много. Времени было у меня довольно въ запасъ, ибо отряду предполагалось пробить на порубку три или четыре часа, а непріятностей, обидъ и нечаяннаго нападенія со стороны Горцевъ нельзя было ожидать, потому что рошу окружали одни только мирные аулы. Раздвигая стволомъ винтовки густыя вѣтви чинары, я медленно и осторожно подвигался впередъ, боясь спугнуть оплошную курицу, или щегола фазана. Почти цѣлый часъ прошелъ въ напрасныхъ поискахъ. Я зашелъ, какъ видно, далеко, потому что пѣсня реверута и стукъ его топора начинали уже теряться въ отдаленіи, какъ вдругъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня чиркнула какая-то птичка.... Я вздрогнулъ отъ радости, взвелъ курокъ моей винтовки и тише черевахи, осторожнѣе змви номодъ у жорней чинары и мелкаго сѣмшита.... Свистъ повторился, но уже въ противоположной отъ меня сторонѣ. Плохо дѣло, подумалъ я, — будь у меня собака, такъ не прошло бы двухъ секундъ, какъ эта таинственная прыгунья осталась бы на моемъ прицѣлѣ. А между тѣмъ прыгунья, ниритка чрезвычайно заманчиво, все уходила впередъ, да впередъ. Я подвигался за нею, прижимая свою несложность, плохой слухъ и не зоркій

глаз.... Вот уже да мне изнедал звуки топорова, а впереди зарѣдѣла рѣка, — открылъ видѣ на мрачное Гуагуаилаское ущелье, отдѣляемое от нея небольшою поляною. Славно, подумалъ я, сейчасъ выгоду мою мучительницу на поляну, выцѣлю въ нее зарядъ и доходъ мой конченъ. Съ этими мыслями я сталъ насмѣиваться, мнѣ отвѣчали тѣмъ же. Прельзъ нѣсколько минутъ, что-то черное медлительно за кустомъ — и остановился. Съ крикомъ радости я бросился впередъ и осыпалъ кустъ дробью.... Но на выстрѣлъ мой отвѣчалъ только громкій хохотъ, и въ тоже мгновеніе раскѣлъ горюхъ, самой звѣрской наружности, установилъ стволъ своей винтовки въ дрипоръ къ моей груди. Я повалился въ немъ дѣло, и не теряя бодрости, быстро ударилъ по вражескому стволу, готовый отвѣтить недругу прикладомъ, какъ въ этотъ рѣшительный моментъ арканъ горца спуталъ меня по рукамъ и бросилъ на землю. Кричать и просить помощи — было бесполезно: меня бы не услышали, — защищаться я не имѣлъ возможности. Треожно зарылось тогда мое сердце.... мысль о павіахъ, рабствѣ и неизбѣжныхъ мукахъ, меня ожидающихъ, облила его холодомъ отчаянія.... Грудь, сдавленная ногою горца, завыва въ тоскѣ и горѣ. Мутнымъ, бодззненнымъ взоромъ взглянулъ я на хищника и къ удивленію моему узналъ въ немъ одного изъ мирныхъ абэзаконъ, въ которыхъ былъ коротко знакомъ по саговкамъ въ украленіи.

Келимъ — Ухъ, развѣ ты меня не знаешь? сказалъ я задыхаясь отъ пелли, которую онъ затягивалъ на моей шеѣ. — Келимъ улыбулся и еще ярвче сталъ арканъ.

— Разбойникъ, повторилъ я рѣшительно.... Ты долженъ меня зарѣзати или отпустити сейчасъ же.

— Нхе! не думаешь ли капутакъ, что Келимъ глупъ? Небойсь — я за тебя не стану просити выкупу.... Нѣтъ, я тебя упрячу въ такіа руки, изъ которыхъ ты можешь только вырватися въ Джехенемъ, или въ Чехню.

Не коротко, но по крайней мѣрѣ ясно, подумалъ я. Въ эту минуту судьба моя была рѣшена. Я двалъ, что просити было-бы напрасно. Совершивъ преступленіе, горюхъ, по своимъ понятіямъ, не втрить въ прошеніе — потому что всякое зло, или мысль о немъ, по его мнѣнію, требуетъ отплаты. Лишенный надежды на свое спасеніе и выслушавъ Келима, я уже не старался утѣшать себя, рѣшась перевозити звердо все зло, всѣ муки, какія пошлетъ судьба мнѣ на долю.

Между тѣмъ Келимъ, скрутивъ мои руки и сообщивъ арканъ съ петлею, затягивающею гордо, такъ, что при малѣйшемъ движеніи руки,

я долженъ былъ удавить себя, — вывелъ меня на поляну. Здесь хищникъ вспрыгнулъ на сѣдло, ухватилъ меня за воротъ и, легче пера приподнявъ съ земли, поставилъ къ себѣ на стремя.

— Держись капитанъ, примолвилъ онъ весело, дорога не близкая.... Къ тому же конь мой не любитъ постороннихъ наездниковъ.

Съ этими словами горецъ, не выпуская меня изъ рукъ, гикнулъ на коня и чрезъ полчаса мы уже далеко оставили за собою рошу и Гузалакское ущелье».

Примчавъ капитана въ аулъ, горецъ продастъ его Жиду и съ тѣмъ вѣсть разсказываетъ, какъ ему удалось подцѣпить русскаго.

«— Джигитъ! Джигитъ Келимъ.... Умница!... гворитъ еврей похваливая горца.

«— То-то, сердце моего сердца.... на все нужна сварка; не одна отвага кормить удалца *сыскилемъ*.

— Правда, правда, Келимъ.... Ну такъ какъ же мы порѣшимъ дѣло?

— Просто, веселье дней моихъ, — ты отчитаешь мнѣ полъ-шапки абазовъ и возмешь его....

— Полъ-шапки абазовъ! вскричалъ Утри (имя еврея).... Цѣлую пропасть серебра. Не шутишь ты, Келимъ?

— Я шучу только навеселѣ и то развѣ съ женой,...

— Нѣтъ!... нѣтъ.... и еврей, вытянувъ лѣвую руку, уставленную къ носу Келима, прижалъ на ней большимъ пальцемъ свой высохшій мизинецъ и продолжалъ: хочешь, душа моя, пару трапезондскихъ пистолетовъ и пару жирныхъ овецъ, — сочныхъ, какъ июльская виноградина?»

Будь этотъ разговоръ попросту, мы пожалуй бы повѣрили, что капитанъ Новоселовъ дѣйствительно подслушалъ его. Но здѣсь ужъ слишкомъ замѣтно, что всѣ шуточки и сравненія разговаривающихъ взяты у Марлинскаго.

Торгъ между горцемъ и жидомъ конченъ. На другую же ночь Жидъ везетъ капитана въ горы, на продажу. Келимъ-Ухъ долженъ былъ, по условію, проводить жиду до извѣстнаго мѣста. И жидъ и горецъ ѣдутъ верхами; капитана ташутъ пѣшкомъ и онъ наконецъ изнемогаетъ отъ усталости. Но съ ними была еще арба, длинная, крытая повозка. Кто сидитъ въ этой арбѣ, капитану было неизвѣстно; усталого, обезсилѣвшаго ~~жидъ~~ неволь должны были положить туда же, и каковожь было его удавленіе, когда онъ очутился тамъ въ сообществѣ двухъ молоденькихъ и хорошенькихъ женщинъ. Обѣ онъ очень благосклонно приняли бѣднаго *руссыня*, и въ продолженіи ночи успѣли разсказать ему каждая свою исторію. Одна изъ нихъ была Лейла —

Черешенка, другая Чита—Арманка. Лейла улетѣла даже въ эту ночь влюбиться въ Капитана со всеми пыломъ азіатской страсти.

Во время своихъ удивительныхъ походовъ капитанъ нѣсколько разъ разлучается съ ней, нѣсколько разъ снова встрѣчается, и при каждой встрѣчѣ непременно избавляетъ ее отъ какой нибудь опасности или отъ страшной неволи.

Къ концу книги событія становятся вѣроятнѣе. Капитанъ попадаетъ къ Ингушу Сатаю, ремесло котораго состоитъ въ томъ, чтобы провожать караваны турецкихъ торговцевъ невольницами и защищать ихъ отъ нападенія хищныхъ горцевъ. Онъ служитъ Ингушу какъ невольникъ, отсутствуя ему во всѣхъ поѣздкахъ, и въ этомъ однообразномъ ремеслѣ проводитъ семнадцать мѣсяцевъ; кажется, что только одно это мѣсто и взято издателемъ изъ записокъ капитана Новоселова и изъ дѣйствительнаго его плѣна. Но и эти семнадцать мѣсяцевъ однообразной жизни плѣнника не обошлись однакожъ въ книгѣ г. Савинова безъ нѣсколькихъ романическихъ приключеній. Разъ, провожая караванъ турецкаго торговца невольницами, Солимана, капитанъ Новоселовъ встрѣчается въ числѣ его невольницъ Чиху, свою старую знакомку, которую давнымъ давно потерялъ изъ вида; а весь караванъ встрѣчается съ жемчужною Чихи, съ которою разлучила ее неволя. Капитанъ Новоселовъ своимъ вліяніемъ на Ингуша, дѣлаетъ то, что Чиху берутъ у Солимана и отдають страстно-любимому и страстно-любящему жениху. Другое приключеніе еще замысловатѣе; но въ немъ есть прекрасныя сцены, ярко обрисовывающіе нравы горцевъ. Ингушъ Сатай, умирая, даетъ свободу своему невольнику капитану, а казну свою хочетъ передать брату, князю Бейслану, который женился на Лейлѣ, разумѣется, противъ ея воли, потому что страсть Лейлы къ капитану не угадываема во все продолженіе книги. Ночь; у смертной постели Ингуша его мать. Ей хочется сыновніе абазы присвоить себѣ.

«— Дай мнѣ пить, — шепталъ Сатай, силясь приподняться.

— Не дамъ, — говорила старуха.... Скажи, гдѣ твои абазы?

— Баба! (мать!) въ отчаяніи и съ укоромъ повторялъ Сатай.

Я бросился къ нему съ походною фляжкою; но старуха, какъ тигрица оверкая глазами, съ проклятіемъ оставовила мою руку.

Послѣ недолгой борьбы, я успѣлъ оттолкнуть старуху и передать фляжку умирающему Сатаю.

Кайтугана (има старухи) опустила на полъ, и какъ безумная, покачиваясь изъ староны въ другую, дрожащимъ голосомъ запѣла похоронную пѣсню, бросая известъ на лицо Сатая.

— Слышишь! слышишь! — сказал Ингушь. — Отчаяние и ужасъ выражались въ мутномъ взорѣ израненнаго; онъ протянулъ руки къ матери, и, задыхаясь, умоляющимъ голосомъ прошепталъ: «Еана... живъ... спаси меня... больно!»

— Гдѣ твои бабы... Отдай ихъ? отвѣчала старуха и продолжала пѣсню.

— Га! бабамъ!... вскричалъ Ингушь, какъ бы приходя въ себя; — Иванъ... Иванъ! (*) продолжалъ онъ обезсильваясь и махая меня къ себѣ ослабѣвающей рукою... Бѣги къ Безлану... спаси... дойди много... ему...

Капитулана гримасою захохотала и подпрыгнула на мѣстѣ.

— Въ мои! вскричала она. — Безлана вѣтъ! — Красавица звалъ Безлана... Онъ ее билъ; мучилъ... плюнулъ ей въ лицо — и вотъ ужъ скоро два мѣсяца, какъ пропалъ...

— Ничего — спокойно отвѣчалъ Сатай, — придетъ.... Бѣги, Иванъ, за Лейлой... ей... ей отдамъ.... А ты, — продолжалъ онъ, дрожа всѣмъ тѣломъ и взявъ винтовку, — только подожди.... Сатай погрозилъ матери.

Я оставалъ оакию въ то время, какъ старуха снова начала свою пѣсню.

Капитанъ приходитъ къ Лейлѣ. Онъ видитъ ее ужъ не тою рѣзвою, красавою дѣвушкою, дакой была она прежде; но худой, блѣдной, со впалыми глазами, съ страдальческой улыбкой.... Она уговариваетъ его выѣхать съ нею. Капитанъ соглашается взять ее съ собою въ то время, когда умретъ Сатай, но... въ эту минуту (разумается во волѣ автора) является Безланъ мужъ Лейлы.... рѣшетка, оставленная въ окнѣ Лейлиной саими, полетѣла на полъ.... Въ окнѣ сверкнула выстрѣль.... потомъ огонь.... пуля пронизала високъ Лейлы, и кровь и мозгъ ее обрызгали капитана!... Капитанъ, въ свою очередь, убилъ, изъ винтовки же, мужа Лейлы. Гулъ двухъ выстрѣловъ разбудилъ соннаго князя. Въ минуту оакия наполнилась вооруженными горцами.... «Участъ моя рѣшалась, — говоритъ капитанъ, — я уже не видѣлъ теперь никакихъ средствъ къ спасенію!...» По настоящему оно такъ бы и должно быть, но, — какъ ужъ мы сказали, что капитанъ во время пребыванія своего въ плѣну спасался отъ всѣхъ смертей, — то следовательно долженъ былъ спастись и отъ той, которой грозилъ ему разяренная толпа горцевъ. Въ самомъ дѣлѣ, вмѣсто того, чтобъ убить виновника тутъ же на мѣстѣ, горцы только связали его и потащили къ оакию Сатай, желая

(*) Горцы вообще всѣхъ русскихъ, въ особенности солдатъ, называють Иванами.

предоставить возможность врозь Баслама брату его. Сатай хотя и умирающий, кося и любивший своего невольника, но, волею приведенный в бытность тамъ посягнувъ, почему-то желалъ убить его насильемъ, а не при публике. Онъ прицѣливается въ капитана, опускаетъ курокъ, но дромахѣ руни изжитыи ему.... Пуля пролетѣла мимо и ударила въ дверь, — Отъ этого послѣдняго усилія больной въ ту же минуту умеръ, — значитъ въ другой разъ стрѣлять не будетъ, а капитану еще одной смертью меньше; но ему опять грозитъ новая и еще больше страшная. Онъ связанъ; уйтись ему нельзя, а горцы, рано ли поздно ли, непременно придутъ и разтерзаютъ его. Отъ ахой, — не поминимъ которой именно по счету, — смерти избавило капитана корыстолюбіе старухи, Сатаевой матери. Она думаетъ, что капитанъ знаетъ, гдѣ спрятаны Сатаевы абазы и требуетъ, чтобъ онъ указалъ ей. Капитанъ соглашается, хотя ровно ничего не знаетъ, но съ тѣмъ, чтобы она его развязала. Условія кончены; капитанъ развязанъ. Онъ ведетъ старуху въ конюшню, вытаскиваетъ изъ-подъ сѣна кожаный мѣшокъ, на который старуха бросается съ жадностью. Того только и ждалъ капитанъ. Изъ мѣшка вмѣсто абазовъ, сыплется рубленая солома, а капитанъ въ ту же минуту бросаясь на старуху, надѣваетъ мѣшокъ ей на голову, завязываетъ его, беретъ лучшаго Сатаева коня, садится и — быть таковъ!... Но онъ отдался еще не отъ всехъ смертей; ему предстоитъ еще одна впереди. На пути онъ встрѣтитъ опять цѣнку горцевъ и въ числѣ ихъ врага своего Келима.... «Ну, — думаетъ читатель, — какимъ-то чудомъ спасется товарищ капитанъ?» Одною же онъ спасается безъ всякаго чуда, а такъ «по стеченію обстоятельствъ», какъ говорить не помню какое-то дѣйствующее лицо въ какомъ-то романѣ Вальтеръ-Скотта. Мингрелка-Чиха, которой капитанъ успѣлъ оказать такую важную услугу, уговариваетъ своего мужа его выкупить. Выкупъ дають значительный, и Келимъ-Ухъ получилъ ужъ задатокъ. Онъ только за тѣмъ и ищетъ капитана, чтобъ возвратитъ ему свободу и получить деньги, и ищетъ тѣмъ охотѣе, что теперь ужъ возвращеніе капитана въ русскую армию не страшитъ его: продѣлка его открыта, сакля разрушена, — онъ ужъ больше не вирный Черносъ.... Однакожь замѣтите, что и при стеченіи такихъ обстоятельствъ капитанъ еще не совсемъ избавился отъ этой послѣдней смерти: она еще, какъ говорится, на весу у него. Одинъ Келимъ дорожитъ его жизнью, за цѣну выкупа, другіе Горцы хотятъ непременно разтерзать его въ клочки за смерть Баслама; но Келимъ водимается за хитрость: онъ предлагаетъ товарищамъ продать русскаго Каджурскому старшиму,

который, за удовольствие — убивать ему каждый день по одному пальцу, дая за него пять шапок абазовъ. Товарищи находят выдумку прекрасной. Они успокоиваются, засыпаютъ, а Келимъ развязываетъ плавника и бѣжитъ съ нимъ въ Аджи Ерешты, гдѣ ждалъ ихъ мингрель съ выкупомъ, искавшій по порученію Чихи, капитана. Такимъ образомъ плавника освободилъ наконецъ тотъ же самый черкесъ, который взял его въ плавъ. Видно ужъ капитану Новоселову такъ написано было въ великой книгѣ судебъ, какъ говорятъ жители Востока.

Историческія повѣсти для дѣтей. Сочиненіе Евгенія Лунскаго. (С. К.) С.-Петербургъ. Въ тип. А. Дмитриева 1852. Въ 12 д. л. Стр. 268.

Золотыя сѣмена. Нравоучительные и занимательные рассказы для дѣтей отъ пяти до осьми лѣтъ. Съ 18 картичками. Переводъ съ нѣмецкаго. Москва. Въ тип. А. Семена. 1851. Въ 12 д. л. Стр. 101.

Если бы объ эти книжки не предназначались для чтенія дѣтскаго, объ нихъ нечего было бы и говорить. Но такъ какъ онѣ изданы именно для дѣтей, и слѣдовательно входятъ уже въ категорію книгъ педагогическихъ, то мы и считаемъ себя обязанными дать о нихъ сколько можно удовлетворительный отчетъ родителямъ и наставникамъ, имѣющимъ надобность въ дѣтскихъ книгахъ.

Въ книжкѣ г. Лунскаго четыре повѣсти. Въ каждой изъ нихъ разсказана исторія какого-нибудь гениальнаго ребенка, а иногда и двухъ вмѣстѣ. Герои этихъ повѣстей: Лордъ Вельдингъ и сестра его графиня Блессингтонъ; Штраусъ и Ланнеръ; Ванъ-Дикъ и наконецъ... Шекспиръ, — бездѣлица!... Мудрено угоняться за такими дѣтьми обыкновеннымъ дѣтямъ.

Однакожъ шутки въ сторону. Положимъ, что всѣ жизнеописанія всѣхъ великихъ людей, какія только существовали отъ сотворенія міра, не могутъ сдѣлать маленькаго человѣка великимъ даже и въ такомъ случаѣ, если бы онъ выучилъ всѣ эти жизнеописанія наизусть; но сохотѣмъ тѣмъ такое чтеніе чрезвычайно полезно для юношества. Оно развиваетъ зародки добра, вдыхаетъ невольное желаніе слѣдовать, по крайней мѣрѣ, по силѣ и возможности, примѣру тѣхъ

добродетелей, тѣхъ благородныхъ порывовъ, тѣхъ великихъ дѣяній, какими отличаются люди, заслужившіе себѣ уваженіе градущихъ вѣковъ. Слѣдовательно цѣль г. Лувскаго, приравнить подобное чтеніе собственно къ дѣтскимъ понятіямъ, и поставить имъ въ примѣръ не взрослыхъ людей, а такихъ же дѣтей, какъ сами они, очень хороша. Но дѣло въ томъ, что *историческіе* рассказы не слѣдуетъ *сочинять*, какъ это выставлено въ заглавіи книжки, а слѣдуетъ *составлять* на основаніи самыхъ вѣрныхъ историческихъ данныхъ, и притомъ на эти данныя слѣдуетъ указывать;—иначе, если дѣти и повѣрятъ всякой всячинѣ на слово, такъ могутъ не повѣрить родители и наставники, могутъ подумать, что историческіе рассказы дадутъ имъ дѣтямъ не совсѣмъ вѣрное понятіе объ исторіи. Не извѣстно также, для чего авторъ озаглавилъ свои рассказы не именами тѣхъ лицъ, о которыхъ онъ рассказываетъ, а названіями болѣе замысловатыми? Въ рассказъ, который пишется для дѣтей, надобно ужъ все приравливать къ дѣтскимъ понятіямъ, а чѣмъ простѣе объясняться съ дѣтми, тѣмъ лучше. Если бы на примѣръ рассказъ о Ванъ-дикѣ былъ и названъ его собственнымъ именемъ, тогда каждый ребенокъ, прочитавъ его, зналъ бы, что онъ именно читалъ исторію дѣтства этого художника, самое имя котораго тверже бы врывалось въ его памяти; а теперь, когда этотъ рассказъ названъ «*Антверпенской звѣздой*» другое, недогадливое дѣти, никакъ не подозревая, что Ванъ-Дикъ и Антверпенская звѣзда одно и то же, пожалуй еще спроситъ: «да гдѣ же Антверпенская-то звѣзда?» Впрочемъ, авторъ хотѣлъ своими рассказами доставить дѣтямъ двойную пользу: представить имъ хорошіе примѣры и сверхъ того выучить игръ въ синонимы.

Къ каждой изъ четырехъ повѣстей г. Лувскаго приложено по плохой картинкѣ.

Заглавіе другой дѣтской книжечки, поименованной въ началѣ нашей статьи, обѣщаетъ чуть-чуть не золотыя горы для дѣтской любознательности. Во-первыхъ, *Золотыя сѣмена*, во-вторыхъ, *Нравоучительные и занимательные рассказы для дѣтей*, въ-третьихъ съ 18 картинками.... кажется, чего бы лучше? но къ сожалѣнію занимательные рассказы вовсе незанимательны; всѣ *нравоученія*, составляющія результатъ повѣстей, самыя избитыя, дюжинныя; картинки, не смотря на то, что ихъ 18, не стоятъ одной. Мальчики и дѣвочки представлены на нихъ уродцами, деревья вѣнками, яблоки лимонами, виноградъ клюквой.

Собрание арифметических примеровъ и задачъ.
Составилъ и издалъ **Ө. Ожеровскій.** Въ двухъ отдѣлахъ.
С.-Петербургъ. Въ тип. Штаба Военно-учебныхъ заведеній. 1851.
Въ первомъ отдѣлѣ 140, во второмъ 118 стр.

Цѣль и содержаніе этой книги объяснены самимъ авторомъ въ предисловіи къ ней:

«Въ первомъ отдѣлѣ, — говоритъ онъ, — помѣщены примѣры и задачи всѣхъ арифметическихъ дѣйствій, но съ отвлеченными числами, съ прибавленіемъ при концѣ двухъ таблицъ: 1) простыхъ чиселъ отъ 1 до 3001, и 2) квадратовъ и кубовъ цѣлыхъ чиселъ отъ 1 до 1000; второй отдѣлъ заключаетъ въ себя практическіе вопросы съ иммонотными числами, и, такъ какъ я преимущественно имѣлъ въ виду доставить пользу ученикамъ, желающимъ посвятить себя военной службѣ, то и задачи, болѣею частью, составлены мною особобразно съ цѣлю будущаго назначенія упомянутыхъ воспитанниковъ, а именно: задачи о вычисленіи провіанта, фуража, жидовавъ и проч. казенныхъ дѣлъ по положенію; задачи о вычисленіи удѣльнаго вѣса и объема артиллерійскихъ орудій, количества пороха, подвизаемаго въ различныя заряды и т. п.; задачи о важнѣхъ событіяхъ изъ Отечественн. исторіи; задачи изъ Статистики, Математической географіи, Физики, Химіи и т. п.; задачи объ отправленіи и встрѣчѣ курьеровъ, отрядовъ войскъ и командъ, съ обозначеніемъ разстояній между городами и т. п.»

Мы приводимъ здѣсь это мѣсто предисловія съ тѣмъ, чтобы дать объ этой книгѣ сколько можно болѣе удовлетворительное понятіе нашимъ иногороднымъ читателямъ, которые очень часто затрудняются заочнымъ выборомъ учебныхъ книгъ для своихъ дѣтей. Отъ себя мы скажемъ о ней только то, что мысль г. Ожеровскаго, мысль не новая; первый отдѣлъ его книги напоминаетъ намъ что-то подобное, издававшееся за пятнадцать лѣтъ на французскомъ языкѣ; примѣры практическихъ задачъ, помогающіе ученикамъ приобрести лучшіе свѣденія хронологическія, историческія и т. п., употреблялъ еще Вейтковскій; но, во-первыхъ, въ книгахъ подобнаго рода всакая хорошая старина гораздо лучше дурной новизны, а во-вторыхъ, г. Ожеровскій придавъ собранію своихъ примѣровъ современную форму, сдѣлалъ изъ нихъ краткую сводку того, что надобно было отыскивать въ разныхъ книгахъ, а за это нельзя его не поблагодарить.

Объясненіе плановъ Москвы и С.-Петербурга. Составилъ М. Рудольфъ. Изд. Н. Смирновъ. (Объясненіе плановъ, что на картѣ желѣзной дороги). Москва. Въ тип. А. Семена. 1852. въ 16 д. л. Стр. 78.

Въ 1851 году г. Рудольфъ издалъ составленную имъ «Карту направленія желѣзной дороги, шоссе, водяныхъ сообщеній и станцій между С.-Петербургомъ и Москвою.» Теперь эта карта выпла вторымъ изданіемъ, и при ней книжка, заглавіе которой выставлено въ началѣ нашей статьи, и которая служитъ объясненіемъ плановъ Москвы и С.-Петербурга, выгравированныхъ на поляхъ карты. И цѣль и исполненіе карты прекрасны. Цѣль — показать всѣ три путя, соединяющіе Москву съ Петербургомъ: водяной, по шоссе, и по желѣзной дорогѣ — полезна; исполненіе не только хорошо, даже роскошно. На поляхъ карты, кромѣ плановъ Москвы и С.-Петербурга, выгравирована еще, въ маломъ размѣрѣ, карта Европейской Россіи, а орнаменты составлены изъ выѣтокъ, изображающихъ Московскую и С.-Петербургскую станціи желѣзной дороги и поѣздъ, отправляющійся по ней. Жаль только, что выѣтки не слишкомъ роскошно иллюминированы. Карта сдѣлана въ такомъ масштабѣ, что на ней очень ясно и отчетливо можно видѣть не только линіи всѣхъ трехъ путей сообщенія, но и всѣ станціи желѣзной дороги, съ обозначеніемъ, какія именно изъ нихъ принадлежать къ I, II и III классамъ. Подробнаго объясненія къ планамъ Москвы и С.-Петербурга на картѣ помѣстить было невозможно, и поэтому-то объясненіе къ нимъ и приложено теперь въ особой книжкѣ. Жаль только, что и оно слишкомъ коротко и не полно. Изъ него мы видимъ на сколько частей дѣлятся Москва и С.-Петербургъ и какія именно церкви, казенныя зданія, ворота, мосты, площади и наконецъ улицы и переулки заключаются въ какой части. Однимъ словомъ видимъ географическій очеркъ обѣихъ нашихъ столицъ и — ничего больше. А между тѣмъ къ этой дорожной картѣ и къ этому географическому очерку очень бы не мѣшало прибавить еще *Путеводителя*, не съ указаніемъ всѣхъ достопримѣчательностей столицъ, — это ужъ слишкомъ много, — но по крайней мѣрѣ съ указаніемъ всѣхъ вещей, которыя нужно знать каждому путешественнику, отправляющемуся изъ столицы въ столицу. Почему бы не прибавить, на примѣръ, описаніе того порядка и тѣхъ удобствъ, какія находятъ проѣзжающіе на станціяхъ. Тому, кто еще не ѣздилъ по

железной дороги и не имѣть объ этомъ путешествіи подробныхъ свѣденій, можетъ показаться довольно стѣснительнымъ, что ему на чай и на завтракъ дается только по четверти часа, а на обѣдъ и ужинъ по полчаса; но когда онъ узнаетъ, что въ станціонной залѣ его ужъ ждетъ столъ совершенно сервированный, супъ на тарелкахъ, чай и кофе въ стаканахъ, вина всѣхъ сортовъ на столѣ, онъ вѣрно согласится, что назначеннаго срока достаточно для того, чтобы удовлетворить аппетитъ и жажду очень комфортабельно. Станціонная такса обѣдамъ, порціямъ и винамъ такъ же была бы не лишней. Но всего больше *Дорожный путеводитель* одолжилъ бы путешественниковъ, указавъ имъ всѣ гостинницы обихъ столицъ, начиная отъ самыхъ роскошныхъ до самыхъ дешевыхъ, отъ обѣдовъ Дюссо и Шевалье до кухмистерскихъ столовъ въ 30 копѣекъ. Собраніе подобныхъ свѣденій чрезвычайно затрудняетъ пріѣзжающихъ въ первый разъ въ городъ, и часто въ этомъ случаѣ вѣряютъ они судьбу своему первому извозчику, который попадается имъ на станціи железной дороги...

Но пока явится у насъ подобный *Путеводитель*, надобно поблагодарить составителя карты и книжки и за настоящій трудъ его. Книжка, какъ значится на ея заглавномъ листѣ, издана г. Смирновымъ, молодымъ московскимъ книгопродавцемъ. Это какъ кажется первый шагъ г. Смирнова къ княжнѣ дѣятельности. Отдавая ему полную справедливость за то, что онъ на первый разъ принялъ на себя изданіе, имѣющее въ основаніи своемъ цѣль полезную, мы отъ души желаемъ, чтобы этотъ первый шагъ молодого книгопродавца былъ увѣнчанъ полнымъ успѣхомъ и поощрилъ бы его къ дальнѣйшимъ и болѣе обширнымъ предпріятіямъ подобнаго рода.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

ИЗВА. Разсказъ, посвященный воспоминанію Яузскихъ вечеровъ, изд. Горчаковымъ. Москва. 1852. Въ тип. А. Семена. Въ 16 д. л., стр. 137.

Давно уже, очень давно, еще въ тѣ блаженныя времена, когда издавался альманахъ «*Съверныя цѣпты*» и существовалъ въ Москвѣ известный книгопродавецъ Ширяевъ, жила въ той же столицѣ, въ одной изъ отдаленныхъ частей ея, въ небольшомъ, красивомъ домикѣ, окруженномъ почти со всѣхъ сторонъ садами и огородами, нѣкто баронесса Шененталь.

Въ эту-то эпоху нашего книжнаго лѣтосчисления, автору разсказа случилось зайти въ книжную лавку Ширяева, случилось тамъ купить «*Съверныя цѣпты*» 32 года, и случилось встрѣтиться съ баронессой Шененталь.

Баронессѣ тоже вздумалось купить «*Съверныя цѣпты*» 32 года; она спросила ихъ, но Ширяевъ отвѣчалъ: — Да вотъ-съ сейчасъ были-съ, да вотъ они взяли,—и въ это время указалъ на автора.

Авторъ предложилъ баронессѣ свой экземпляръ. Изъ этого завязался разговоръ; и открылось, что авторъ и баронесса, до тѣхъ поръ незнакомые и нигдѣ не встрѣчавшіеся, знаютъ между-тѣмъ очень хорошо другъ друга по наслыжкѣ отъ кузины автора и пріятельницы баронессы—*Натали Ливской*. Баронесса приглашаетъ автора къ себѣ; онъ начинаетъ ѣздить къ ней по вечерамъ. Уединенный домикъ баронессы стоитъ на берегу Яузы;—отсюда, говоря языкомъ историческимъ, — *Яузскіе вечера*.

Съ баронессой живетъ какая-то дальняя ея родственница — Катерина Михайловна, старушка предобрая, прелеселая, препочтенная,—однимъ словомъ, Катерина Михайловна въ отношеніи къ старушкамъ точно то же, что баронесса въ отношеніи къ женщинамъ. У баронессы есть еще маленькая дочка, Саша, пріятный ребенокъ, котораго такъ и хочется разцаловать. Къ баронессѣ ѣздитъ какой-то щеголеватый господинъ, и какая-то госпожа, которую зовутъ Леони-

тиной и которая, хотя была несравненно старше баронессы, но имѣла всѣ приемы и требованія самой молоденькой рзвзушки. Вотъ все общество, присутствовавшее на *Лузскихъ вечерахъ*.

Въ одинъ изъ такихъ вечеровъ малюткѣ Саши вздумалось попросить автора нарисовать ей домижъ; въ тоже самое время Леонтина вздумалось спѣть, подь фортепяно, *Луцинушку*; автору вздумалось нарисовать для Саши, вмѣсто домика, крестьянскую избу, а баронессѣ вздумалось попросить автора, чтобы онъ «описалъ въ рассказѣ какъ строить крестьянскую избу». По поводу всѣхъ этихъ фантазій, рисовальныхъ, музыкальныхъ и описательныхъ, зашелъ разговоръ, въ которомъ Леонтина и щеголеватый господинъ обнаружили свое незнаніе *Руси*. Леонтина сказала, что изба строится обыкновенно изъ *дровъ*; а щеголеватый господинъ замѣтилъ съ важностью, что изъ дровъ ли, изъ бревень ли строить избу, — во всякомъ случаѣ нельзя назвать строеніемъ то, что строится изъ дерева; потомъ онъ прибавилъ, что описанія *котеча*, дома фермера для него понятны потому, что въ нихъ есть жизнь, есть дѣйствіе, но описаніе избы должно непременно или выйдти *тривиально* или вдаться въ *фантазію*. Баронесса, разувьется, не согласилась съ мнѣніемъ щеголеватого господина, который большую часть жизни своей провелъ за границей. Она повторила автору свою просьбу—написать рассказъ объ избѣ, и съ тѣмъ вмѣстѣ подала ему «свою дивную ручку».... Могъ ли послѣ этого авторъ отказать въ чемъ-нибудь баронессѣ!... Въ ту же ночь написалъ онъ «рассказъ о томъ, какъ Макаръ Пахомычъ построилъ избу».

И по скорости, съ какой написанъ этотъ рассказъ, и по самому рассказу видно, что авторъ его не новичекъ въ литературномъ дѣлѣ. Рассказъ очень хорошъ, и заключаетъ въ себѣ полную *исторію* постройки крестьянской избы. Онъ начинается тѣмъ, что мужичекъ, Макаръ Пахомычъ толкуетъ съ своей женой, Ипатьевной, какъ бы имъ построить новую избу. Оба они видятъ, что старая избенка плоха, что и угды отопрѣли, и столбы пошатнулись, и притолки повышермо, и *матца* каши просить, и къ застрѣхъ свѣтятся, да что сдѣлаешь? Ипатьевна тужитъ, что сила не беретъ дѣла ея бабѣ, а Пахомычъ жалуется, что онъ, хотъ и мужикъ, да одинъ, а одному и у каши не споро. Овакожь они *смекаютъ*, сколько имъ надобно на избу лѣсу. Ипатьевна говоритъ, что когда Еремины строились, такъ она одного *стѣногаго* до сотни сочла, а мелкаго на *накатѣ*, да *потолочины* и—ихъ много! Пахомычъ и не думаетъ гнаться за Ереминными, которые срубили, словно барскія хоромы, *влицовъ* двадцати, да рубили—то, скажи ты, все въ *крюкъ*. Онъ хочеть *добиться* избенки хотъ бы попростѣе, срубить въ *лапу*, да кабы эдакъ са-

женей трехъ, да въщцовъ тринадцати — и то гдѣе. Ипатьевнѣ хочется, чтобы на улицу были *красныя* окна, а не *волоковыя*. Пахомычъ рассчитывается, что избу выгоднѣе *срубомъ* купить. Чтобы окончательно посоветоваться и порѣшить дѣло, онъ ждетъ только знакомаго плотника, Алѣху Аргуна; а Алеха легокъ на поминѣ — шастъ въ двери. — Макарь Пахомычъ, Марѣя Ипатьевна, по добрули по здорову — поживаете? Какъ васъ Господь милуетъ? — Да, слава-ти Господи! Алексѣй Карпычъ. — Слава Богу лучше всего. — Поговоря о томъ, о семъ, Пахомычъ спросилъ Алѣху, гдѣ бы эдакъ *срубца* достать, въдашь, ты, подешевле, да покрасивеѣ? Алѣха отъвѣчалъ, съ переминой, что вотъ-де, скажу я тебѣ, въ Никольскомъ погостѣ, у дьячка, заправской срубъ, отмѣнной. Онъ было для себя припасъ, да лошаденка пала, ну, такъ и продаетъ. А цѣны-то, безъ пятка девяносто просить, да чай десятковъ за восемь отдастъ. Убѣжденный Алѣхою, что *срубчикъ* не дорогъ и больно хорошъ, срубленъ аргунами плотно, *пазокъ* въ нитку, изъ сосняка мелкослойнаго, не подстойнаго, Пахомычъ сперва угостилъ Алѣху, такъ кое-чѣмъ по малости, а тамъ запрягъ воронка, да и махнулъ, вмѣстѣ съ плотникомъ, къ Миколѣ торговать срубъ.

«Прошло нѣсколько дней, и около двора Пахомыча собрался народъ, и кого-кого тутъ не было: и бабы, и мужики, и ребятники... народъ гулитъ около двора, какъ пчелы около улья, а Алѣха Аргунъ, съ видомъ знахаря, рассказываетъ съ саженью, смекая и прикидывая, какъ бы ладнѣе, на мѣсто старой избы поставить новую.»

«И вотъ, вырыли семь ямъ, четыре подъ углы, да три подъ *передокъ*; поставили семь столбовъ, положили кое-какъ *обеодку*, присели на нее молча, встали, сотворили молитву, выпили по чаркѣ, кинули нѣсколько грошей въ ту яму, гдѣ быть *переднему углу* — это дары во славу Божию и на счастье хозяйну; потомъ принялись за работу. Напрежъ всего, утвердивъ столбы или стулья и выровнявъ, какъ следуетъ, развалили *столы мѣченныя*, да и почали натаскивать *вѣщцы*, да улаживать. А бабы-то, бабы-то, то и дѣло изъ большой кучи мха накладываютъ кузовки, да подаютъ мужикамъ, а Алѣха-то и кричитъ: — Эй, ребята, въ углы болѣ клади, поболѣ клади, говорю клади, не жалѣй, мохъ некупленный. — Известное дѣло, — отвѣчаютъ нѣсколько голосовъ сверку; — нешто, вѣстимо тещѣ дороже хозяйну, не бошь мать-зима придетъ, такъ спасибо скажется, царь костей не ломить. И то, и то, — прибавляютъ нѣкоторые, и среди общаго говора и гула работа конится.»

«И вотъ еще солнышко не стало наводни, а у Пахомыча изба подъ стропилами, и уже вѣтерокъ по стѣнамъ поигрываетъ,

задвывая космы мха, еще не подобранные, или, забравшись въ самый срубъ, гуляетъ тамъ на просторъ, поднимая пыль стараго подполья, а доброе солнышко и на избу Пахомыча смотритъ ласково и даритъ ее золотыми лучами:

И знатный вельможа, а всякому ласка.»

«И вотъ снова загуляла чарка, и вотъ уже народъ по маленьку расходится, благодаря хозяина за угощенье, желая пожить ему и съ хозяйюшкою сто лѣтъ, да двадцать, да маленькихъ пятнадцать.»

«Хозяинъ тоже благодаритъ за подмогу, «спасибо вамъ, православные — говоритъ онъ, — спасибо, родимые, — спасибо братцы-сударики.—Въ этихъ простыхъ выраженіяхъ, прибавляетъ авторъ, заключенъ глубокий смыслъ народныхъ вѣрованій и соотношеній.» Мы совершенно согласны съ авторомъ.

«Изба совсѣмъ оснащена, да словно заговоренная, — скажи ты, — ни входа, ни выхода: и вотъ Алѣха приступаетъ, благословясь, дверь прорубать; ударилъ разъ, другой да и полно. — А что, хозяинъ, — говоритъ Алѣха Пахомычу, — нѣтъ ли эдакъ того, вѣдашь ты, маленько водицы топоръ поточить? — Догадливый хозяинъ подноситъ чарку; Алексѣй благодаритъ, и съ словомъ: расходись рука, погуляй топоръ—пошла работа. Чась-другой—и дверь прорублена.—Эй, кума! — кричитъ Алѣха, обращаясь къ хозяйкѣ, — подбери *срубы*, что звать-то: пригодятся, можетъ подлаивники выгадаемъ. — Спустилась Ипатьевна по доскѣ въ избу, пооглядываясь, и сердце ея забилось радостію, что у нее изба новая, да и не многимъ развѣ чѣмъ хуже Ереминныхъ. «Слава ти Господи!—говоритъ она:—изба на статуху; вотъ ужъ и вошла, да и выдти какъ знаю. Одно покамѣчь бѣда: ни убогому подойти, ни самой выглянуть некуда-тъ.»

Но и эта бѣда миновала. По желанію Ипатьевны, въ избѣ прорублены *красныя* окна. «Алексѣй не жалѣлъ труда: косяки и подколодники нагналъ ловко; а колоды прикрылъ узорчатыми наличниками. Еще недвѣя—и у Пахомыча изба совсѣмъ на готовѣ, и печь *сбита*. Думали было сдѣлать по *бѣлому*, да раздумали, а затѣмъ раздумали, что по черному для житья больше легкости; конечно, оно кабы подъ силу сдѣлать стряпущую особнякъ, такъ не што; а то все въ одной: и самъ пригрѣйся, да и скотинушку пригрѣй, и платышко посуши, да и щець свари, анъ оно и того: утарь пуще возьметъ, даромъ—что на взглядъ-то было да чисто, да и сырость не свой братъ и въ избѣ дойдетъ.»

Здѣсь мы замѣтимъ, что взглядъ Пахомыча на постройку избы былъ не совсѣмъ современный. Ничто ни одинъ мужичокъ, особ-

ливо въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ для постройки избы можно найти плотника Аргуна (*), не согласится избу свою *сдѣлать по черному*. А ужъ если сдѣлаетъ по черному, то разсудить, что ее не для чего такъ украшать, какъ украсилъ свое новое жилище Пахомычъ, которому Алѣха «сдѣлалъ *поставецъ съ карнизомъ*, передній уголъ убралъ *божницею съ узорами*, отъ *палатныхъ наклесковъ*, провелъ кругомъ полку *съ подзоромъ* въ одинъ рядъ, а около печи, за перегородкою—въ два ряда; а ужъ стѣны какъ выдѣлалъ, такъ на славу: скажи ты, словно точенныя: ни сучка, ни задоринки». Вся эта выдѣлка очень хороша въ бѣлыхъ избахъ, а не въ черныхъ, гдѣ она въ одинъ день должна закоптиться отъ дыму, не смотря даже и на *дымоволокъ съ потягою*, который Пахомычъ устроилъ въ своей избѣ отъ пущей черноты.»

«Рамы Пахомычъ купилъ на базарѣ готовые, избу покрылъ, — до поры, до времени,—до *клязка*, съ *навалъ соломою*, и скрѣпилъ ее жердями на *крюки* стропильные. Когда окна вставили, и внутри избы все осмотрѣли, то Алѣха съ Пахомычемъ снова пошли на улицу посмотреть, поглядѣть, не забыли-ли еще чего; и тутъ Алѣха присудилъ, на *торцы* рѣшетинъ, сдѣлать *тесовыя прибоины*, обыщая украсить ихъ кругами, и звездами, а къ концамъ, безотмѣнно, придѣлать *свѣчи*. Оно хоть и изба, а все-жъ не хорошо, штобъ стоять ей голубушкѣ безъ серегъ, ровно дурочкѣ.»

«И вотъ поспѣла совсѣмъ изба у Пахомыча. Задымилась печь, заварили обѣдъ, зазвали гостей и священника. Помолясь, начали пиръ пировать. Гости пили и ѣли во славу и во здравіе.

Гости пьютъ, ѣдятъ,
Рвчи гуторятъ
Про хлѣба, про покосъ,
Про старинушку;
Какъ-то Богъ и Господь
Хлѣбъ уродитъ намъ,
Какъ-то сѣво въ стени
Будеть зелено.»

Изба Пахомыча произвела въ деревнѣ эффектъ: ее всѣ хвалятъ и не нахвалятся; подгулявшій на новосельѣ у Пахомыча, земскій, въ голубой жилеткѣ, замѣтилъ, что въ избѣ все сдѣлано въ *акуратъ*, подъ *кашберъ*, безъ всякой *марали*; но самое главное, она заставила богатаго мужика Еремину думать, что у Пахомыча есть ко-

(*) Лучшими плотничными мастерами почти во цѣлой Россіи считаются крестьяне Владимірской губерніи, Покровскаго уѣзда, прихода погоста Николаи Аргуна; отчего они вообще и называются Аргунами.

ивьяка, а эта дума навела его на другую,—отдать свою дочь, Акулю, за Макарова сына, Васю, который живетъ въ Москвѣ въ ученѣ, въ которомъ Ипатьевна души не знаетъ и о которомъ всѣ говорятъ, что «де больно смѣшленъ, да и *радыльничъ* такой, что и сказать нельзя.... Многіе парни села заглядывались на желковистую косу Акули, на ея очи съ поволокою, да никто подступитъ не смѣлъ, боясь грубаго отказа чванливаго отца ея, Кузьмы Ермилыча. Но вдругъ Кузьма изменилъ свой обычай; онъ велѣлъ дочкѣ, вырядившись въ алый платъ, да въ шубейку, на улицу ходить, — а на улицѣ и поютъ и играютъ и хороводы водятъ около новой избы Макара Пахомыча». Да съ легкой руки, съ того дня, какъ онъ справилъ новоселье, все село повадилось къ его двору ходить, кто хороводы водить, а кто о праздникѣ и бражки испить, да чуть ли и самъ Кузьма Ермилычъ не навѣдалъ; а что Акуля, нѣтъ-нѣтъ да и приблизитъ къ Ипатьевнѣ; то, тетушка одолжи огонька, то тетушка, не стодилось ли маленько синихъ ниточекъ. — Есть, есть, красавица, — отвѣтитъ Ипатьевна,—да войди, не бось, да возьми! А Акуля то и на руку, ей бы всего этого и ненадобь, всего въ домѣ вдоволь, да она, видишь ты, какъ-то подслушала, что отецъ хочетъ *протытъ* ее за Васю. А Вася ей и давно по сердцу, она его еще съ той поры оглядѣла, какъ онъ лѣтася, о Святой, приходилъ въ побѣжку, да тогда и подумать о немъ было не въ нору, развѣ только сердцу на горе: онъ на сторонѣ, а свекры живутъ себѣ въ лачужкѣ, словно бобылки какіе. Тогда бѣ отецъ и руками и ногами, а теперь, — да, теперь, вѣстимо дѣло иное. Такъ вотъ какъ построилъ Пахомычъ себѣ избу и какъ сталъ жить, да Васю поджидать.»

Когда авторъ прочелъ свой рассказъ на *Лузскомъ вечерѣ*, онъ заслужилъ рукоплесканія баронессы; ей послѣдовали Леонтина и малютка Саша. Катерина Михайловна не аплодировала, но сказала: — славно, батюшка, славно! Одному не надивилось, гдѣ вы всего этого наслушались; я жила по деревнямъ и подолго; такъ слышу и вижу, что все это удивительно вѣрно. — Щеголоватый господинъ также удостоилъ автора своимъ одобреніемъ, но замѣтилъ, что рассказъ его, какъ онъ и предполагалъ, вышелъ простонароденъ. Авторъ совершенно согласился съ нимъ и прибавилъ—«что о народѣ ни думать, ни говорить иначе не должно, какъ *просто-народно*, т. е. безъ всякой привѣсы иноземнаго хлама.»

Баронесса оставила автора ужинать. Къ концу ужина подали шампанское и выпили за его здоровье. Кромѣ этого привѣтствія баронесса намекнула ему, что готоветь для него какой-то сюрпризъ. Послѣ ужина Леонтина спѣла опять *Лучинушку*, и *Перстемечекъ золотой*. За тѣмъ собесѣдники разстались.

Возвратившись домой, авторъ увидѣлъ на письменномъ столѣ своемъ, заложеномъ книгами и бумагами, роскошную вазу съ цвѣтами. Розы и ландыши съ своею зеленою наполнили ее, и между ними былъ вложенъ лоскутокъ бумаги съ надписью: *вотъ вамъ стѣнные цвѣты мои.*

Послѣ того *Яузскіе вечера* опять продолжались, и даже, можно сказать, превратились въ *Яузскіе дни*, потому-что, по собственному сознанию автора, онъ не рѣдко просиживалъ у баронессы по цѣлымъ днямъ. Но вотъ, въ одинъ день, Катерина Михайловна объявляетъ ему, что она, баронесса и Саша скоро, можетъ быть, уѣдутъ въ деревню. Въ этотъ же день баронесса приглашаетъ его войти въ свою *мастерскую*, въ которой онъ еще никогда не бывалъ. «Тройное, венеціанское окно этой комнаты выходило въ садъ, за которымъ видѣлись живописнымъ побережья Яузы. Къ самой рѣкѣ прилежала поляна, на которой, какъ символъ одиночества, стоялъ огромный вязъ, поставленный, какъ и все побережье, лучами заходящаго солнца. Въ самомъ саду, между клумбами цвѣтовъ, играла малютка Саша, одна одиноконька, съ своимъ мячикомъ». И баронесса, и авторъ сильно взволнованы. Они въ грустномъ раздумьи смотрятъ въ окно, любятъ Сашей, любятъ дальнюю поляну съ ея вязомъ, и баронесса дѣлаетъ замѣчаніе, что какъ было бы хорошо подъ этимъ вязомъ выстроить такую избушку, какую авторъ нарисовалъ для Саши, «какъ было бы хорошо пожить тамъ. «Въ эту минуту баронесса была до того очаровательна, что авторъ готовъ былъ кинуться къ ногамъ ея, излить всю свою душу, чтобы вполне высказать, какъ сильно, какъ пламенно онъ ее любитъ. Но выраженіе ея облика до того было торжественно, что она показала ему какимъ-то призракомъ изъ запредѣльнаго міра, живымъ образомъ ангела, недоступнаго земнымъ нашимъ помысламъ.» Притомъ, баронесса дала почувствовать, что она не можетъ уже любить, что она вышла замужъ, не такъ, какъ выходятъ многія, а съ полнымъ убѣжденіемъ сердца, и не въ силахъ измѣнить ему. Вбѣжала Леонтина и прервала этотъ разговоръ. Авторъ, чтобы скрыть свое смущеніе подошелъ къ мольберту, стоящему въ мастерской. На мольбертѣ стояла картина, завѣшанная полотнянымъ покрываломъ; на покрывалѣ было написано: 22 мал. Покрывала снять не позволяли: это была тайна баронессы. Автору только обшарили, что онъ современемъ узнаетъ эту тайну, на основаніи вѣчной истины: что нѣтъ тайны, которая бы не открылась. Но тайна когда-то еще откроется, а между-тѣмъ отъ Леонтины авторъ тутъ же узналъ, что въ городѣ носятъ слухи, будто онъ влюбленъ въ баронессу, будто ихъ сбли-

женіе переходить границы обыкновенныхъ сближеній; что, наконецъ, даже говорить, будто онъ былъ причиною развода ея съ мужемъ, котораго впрочемъ нѣтъ и не было на сценѣ съ самаго начала повѣсти.

Разумѣется, что все это были сплетни, но авторъ совершенно соглашается съ Леонтиной, «что никого не заставишь думать по своему». Баронесса сама подтвердила слова Катерины Михайловны, сказавъ, что она проведетъ нѣсколько дней за городомъ. Все принимаетъ какой-то грозный, печальный видъ. Вечеръ кончился ранѣе обыкновеннаго, и — это былъ послѣдній *Яузскій вечеръ*. Во время отсутствія баронессы авторъ получилъ извѣстіе, по которому долженъ былъ оставить Москву на неопредѣленное время. Онъ скитался внѣ Москвы до глубокой осени, не зная ничего о баронессѣ. Писать къ ней казалось ему опаснымъ, осведомляться о ней отъ другихъ — еще опаснѣе. Наконецъ, въ началѣ зимы, онъ возвратился въ Москву. Первымъ вопросомъ его было: нѣтъ ли писемъ, и ему подали письмо отъ баронессы, которая прислала при этомъ письмо портретъ своей Сашу вмѣстѣ съ разгадкою, что значить 22 мая, написанное на покрывалѣ картины. Дѣло, изволите видѣть, вотъ въ чемъ: авторъ очень любилъ Сашу. Баронесса писала для него ея портретъ, съ тѣмъ, чтобъ онъ вмѣстѣ служилъ ему воспоминаніемъ того дня, въ который авторъ и баронесса встрѣтились въ лавкѣ Ширяева, т. е. 22 мая. Въ письмѣ было еще наговорено *тысячу пріятныхъ вещей*, какъ выражаются французы.

Прошла зима. Баронесса постоянно оставалась въ деревнѣ, и авторъ не только не видался съ ней, но даже не встрѣчался больше ни съ Леонтиной, ни съ щеголеватымъ господиномъ, которые тоже разъѣхались въ разныя стороны. Съ наступленіемъ весны ему вздумалось взглянуть на запустѣвшій домъ баронессы, и чтожъ онъ увидѣлъ: «прежній, скромный домикъ исчезъ подъ горами камней новаго зданія. Вся поляна, на которой красовался вязъ, наряжаясь свѣжей зеленью, была занята огородами. Подлѣ вяза красовалась новая изба съ наскоро и живописно-устроеннымъ дворомъ своимъ. Подлѣ нея, между телятъ, бревенъ и кадокъ играли ребятишки и доплеталъ корзину какой-то парень; молодая женщина, въ синемъ сарафанѣ, повязанная краснымъ платкомъ, мыла шайки. Это было семейство огородника. Парня зовутъ Васильемъ, жену его, молодую женщину въ красномъ платкѣ, Акулиной.... Чтобъ не разочаровывать себя, авторъ не сталъ спрашивать, какъ зовутъ отца Васильева и какъ имя отца Акулины; но онъ живо вспомнилъ свой рассказъ о постройкѣ избы Макаромъ Пахомычемъ, вспомнилъ желаніе баро-

нессы устроить избушку подъ сѣнью вѣза, и ему показалося, что сама баронесса исчезла для него:

Какъ мимолетное видѣнье,
Какъ геній чистой красоты!

Кто написалъ этотъ разсказъ—не знаемъ. Вотъ что говорить издатель о его происхожденіи и о томъ, какъ онъ достался ему.

«Одно предположеніе нѣкоторыхъ составить Сборникъ и издать его въ непродолжительномъ времени, — такъ за словомъ, сказано, сдѣлано—до того одушевило мое желаніе быть сотрудникомъ этого изданія, что я при недостаткѣ собственныхъ статей для напечатанія въ предполагаемомъ Сборникѣ, принялся кое у кого побираться, и вотъ я прошу одного, другаго, и что же? Одинъ говорить: подумаю, другой: постараюсь; но покуда эти господа одинъ думалъ, а другой старался, — никто доброхотный датель предложилъ мнѣ свои услуги, и не только, что предложилъ, но въ тоже время, безъ дальнѣйшихъ размышленій и общаній, подарилъ мнѣ небольшой разсказъ о томъ, какъ Макаръ Пахомычъ построилъ избу.

Изданіе самого Сборника почему-то не состоялось, но разсказъ, по желанію сочинителя, остается по прежнему моею собственностью.

Въ заключеніе долженъ я прибавить, что сочинитель разсказа просилъ меня при печатаніи не обозначать его имени, отчего, почему—это его дѣло; но что этотъ разсказъ благопріобрѣтенный, въ томъ, свидѣтельствую, подписуюсь

«Владиміръ Горчаковъ.»

Награсно авторъ «Избѣ» вставилъ свою идиллію въ такую рамку, арабески которой состоятъ изъ Сѣверныхъ цвѣтовъ, изъ баронессы, изъ Саши, изъ таинственнаго покрывала и изъ другихъ прочихъ лицъ, сюрпризовъ и нѣжностей, не имѣющихъ никакихъ прямыхъ отношеній къ «Избѣ». Не ловко какъ-то видѣть картинку современной школы, — копія ли она, оригиналъ ли, все равно, — въ старой и уже слишкомъ полинявшей рамкѣ.

Къ книжкѣ приложена очень красивенькая виньетка, изображающая крестьянскую избу. Это, вѣроятно, изба Макара Пахомыча, выгравированная съ того самаго рисунка, который авторъ сдѣлалъ для Саши.

**ВАШИНСКИ РУЖЕЙНИКО ОХОТНИКА ОРЕНБУРГСКОЙ ГУ-
БЕРНИИ С. А.—ВА.** Москва въ тип. Степанова. 1852 г.

Давно уже слышали мы о намѣреніи почтеннаго автора записокъ издать въ свѣтъ свои охотничьи наблюденія, съ нетерпѣннѣею ждали появленія ихъ и наконецъ дождались. Разчеты нетерпѣливаго ожиданія нисколько не обманулись, отъ доски до доски и не одинъ разъ, съ полнымъ удовольствіемъ прочитали мы этотъ вполне прекрасный трудъ охотника—литератора и съѣвшимъ познакомить съ нимъ читателей нашего журнала.

Разскажемъ прежде содержаніе книги.

Сначала авторъ говоритъ о технической части охоты. Въ этомъ отдѣлѣ помѣщены описанія и разсужденія о ружьѣ, ружейномъ стволѣ, ложѣ, помполѣ, зарядѣ, порохѣ, дроби, пыжахѣ, пистонахъ и лягавой собакѣ. Говорится еще о прометѣ и прилетѣ дичи и о раздѣленіи ея на разряды. За этия вступленія вся книга раздѣлена на отдѣлы по разрядамъ дичи.

Отдѣловъ такихъ полагаетъ авторъ четыре. (1) Дичь болотная. (2) Дичь водяная или водоплавающая. (3) Дичь степная или полевая и (4) дичь лѣсная.

Въ началѣ каждаго отдѣла есть приступъ къ его описанію, это изображеніе мѣстности: болота, воды, степи и лѣса.

Къ дичи болотной отнесены: бекасъ, дупель, гаршнепъ, болотный куликъ, щеголь, куликъ—сорока, рвчній куликъ, травникъ, поручейникъ, чернышъ, фи—фи, поплавокъ, чернозобикъ, морской куличекъ, зуекъ, песочникъ, куличекъ—воробей, болотный курахтанъ, болотная курица, болотный коростель и чибисъ (*).

Къ дичи водяной или водоплавающей: лебедь, гусь, утка кряквовная, шилохвость, сѣрая утка, свіязь, широконосокъ, чирокъ, нырокъ, чернь, крохаль или гагара, гоголь и лысуха (водяная курица).

Къ дичи степной или полевой: дрофа, журавль, стрепетъ, кроншнепъ, степная пеголица, сѣрая куропатка, сивки, морская ласточка (красноустикъ), коростель полевой или луговой и перепелка.

Къ дичи лѣсной: глухой тетеревъ, тетеревъ березовикъ, рябчикъ, бѣлая куропатка, голуби: вяхирь или витютинъ, клнтухъ, горлица; дрозда, вальшнепъ и зайцы.

Тяжелый трудъ предстоялъ автору. Сколько тутъ породъ дичи, сколько названій, неизвѣстныхъ большей части

(* Въ этомъ же отдѣлѣ говорится о приготовленіи и вкусѣ мяса бекасиныхъ породъ.

Московскихъ охотниковъ и каждая птица описана не поверхностно. Она какъ на картинкѣ является передъ вами, вы видите, какъ она прилетаетъ изъ теплыхъ странъ, какъ понимается, какъ вьетъ гнѣздо, кладетъ яйца и выводитъ дѣтей. Вы видите цвѣтъ и форму яицъ, видите только что начинающихъ жить дѣтенышей, видите, какъ они растутъ, стаятся и наконецъ улетають во свояси, или остаются зимовать, если это птицы туземныя.

Сколько времени, сколько постоянныхъ бдительныхъ наблюдений нужно было автору, чтобы съ точностію изобразить всѣ формы жизни птицы! Сколько насилія надъ волею горячаго охотника, чтобы заставить себя хладнокровно наблюдать природу птицы, когда такъ и хочется положить ее въ якташъ и идти отыскивать другую.—Что все сказанное о природѣ различной дичи достойно полнаго вѣроятія, заключаемъ мы изъ того, что описанія породъ намъ известныхъ вѣрно до мельчайшей подробности.

Перелистуемъ всю книгу съ читателемъ и въ выпискахъ ограничимся только тѣмъ, что совершенно незнакомо нашимъ охотникамъ; потому что, желая выписывать всѣ мѣста замѣчательныя, мы бы должны были переписать всю книгу. Вся она написана прекраснымъ слогомъ и вся проникнута духомъ правды и любви къ описываемому предмету.—Мы позволяемъ себѣ однакожь замѣтить и тѣ немногія мѣста записокъ, гдѣ наши охотничьи мнѣнія разнятся съ мнѣніями автора.

Въ технической части охоты авторъ подробно описываетъ ружье и его принадлежности. Для молодаго охотника прочесть съ большимъ вниманіемъ часть эту необходимо; она наполнена дѣльными совѣтами, несоблюденіе которыхъ часто влечетъ съ собою не только неудачу на охотѣ; но и страшныя несчастія.

Говоря о необходимости стрѣлять самымъ вѣрнымъ зарядомъ, авторъ предлагаетъ сдѣлать мѣрку, которой внутренняя ширина равнялась бы внутренней ширинѣ ружейнаго ствола, а глубина была бы вдвое противъ ширины. Этотъ способъ опредѣленія вѣрнаго заряда можетъ быть пригоденъ только для ружей мелкопульныхъ и длинныхъ, но для стволовъ короткихъ и широкодульныхъ, какіе болѣею частью дѣлаются въ настоящее время, онъ дастъ зарядъ слишкомъ большой. Чтобы неходить далеко, я возьму въ примѣръ ружье Мортимера, съ которымъ постоянно охотусь. Длина стволовъ его съ камерой три четверти съ вершкомъ; яласть, забивающій зарядъ равняется двугривневому. Если взять зарядъ, равный мѣркѣ по предлагаемому способу, то онъ будетъ въ три съ половиною раза болѣе заряда,

мною употребляемаго. Лучшее средство вывзрять зарядъ, какъ говорить и самъ авторъ, есть—вывзрять его по звуку и бою.—Для терпѣливаго же стрѣлка можно еще предложить слѣдующій способъ: взять разстояніе 50 шаговъ и начать стрѣлять съ малаго заряда, потомъ при каждомъ выстрѣлѣ прибавлять его и каждый разъ обращать вниманіе на глубину и кучность пришедшей дроби. Для цѣли же лучше всего употреблять дестъ простой обверточной бумаги. Глубина попадшей дробины сей-часъ же обозначается количествомъ пробитыхъ листовъ. Если зарядъ будетъ употребленъ болѣе надлежащаго, то, во первыхъ, ружье отдастъ, а во вторыхъ, дробь придетъ рѣже, хотя и войдетъ глубже. Въ этомъ случаѣ надо зарядъ уменьшить и остаться при предположенемъ.

Раздѣленіе дроби на номера на стр. 19 будетъ тоже нѣсколько непонятно Московскимъ охотникамъ. Правда, что и продавцы сбиваютъ часто насъ съ толку, перемѣшивая номера дробей; но все таки правиломъ принято у насъ стрѣлять бекаса 10-мъ N, а не 9-мъ, какъ предлагаетъ авторъ. 9-мъ стрѣляютъ иные дупелей, что же касается до меня, то, кромѣ 10-го N, другой дроби я никогда не беру въ болото и бью ею и гаршнепа, и бекаса, и дупеля.

Говоря о дрессированіи собакъ, авторъ предлагаетъ на стр. 27, употреблять куски дерева и даже желѣзныя вещи для приученія собаки къ подаванію поноски. Мы полагаемъ, что напротивъ щенку не нужно давать ничего жесткаго въ зубы, чтобы не притупить ихъ чувствительности. Дѣльный воспитатель собаки, бросая ей даже кусокъ дерева, непременно долженъ обертывать его въ тряпочку или во что нибудь мягкое. Мы сами видели собаку изъ породы французской, отличающейся, какъ известно, въжливостію въ подачу поноски. Собака эта мяла дичь безпощадно, вслѣдствіе того, что щенкомъ приучали ее къ поноску, бросая ей небольшіе камни.

Все же остальное въ технической части охоты полно истинныхъ и полезныхъ замѣчаній, и авторъ нисколько не ошибся, разсчитывая, въ заключеніи этого отдѣла, на сочувствіе ружейныхъ охотниковъ. Конечно, человекъ по природѣ своей никогда и ничемъ недоволенъ, и мы охотно бы прочли мнѣніе такого опытнаго охотника, какъ авторъ разбираемой нами книги: о различіи боя стволовъ, выходящихъ только изъ подъ крупнаго, или мелкаго сверла, или изъ подъ одного шуста,—о различіи боя ихъ при круглой, прямой и конической камерахъ и о различіи спайки стволовъ мѣдью и оловомъ; но сътовать за то, что не удовлетворены всѣ наши желанія человекомъ, представившимъ намъ такую книгу объ охотѣ, которой мы еще на Русѣ не читывали, было бы испросительно.

Въ статьѣ о прилетѣ и пролетѣ дичи, авторъ считаетъ ихъ одновременными т. е. и пролетъ и прилетъ относить къ веснѣ, разумѣя подъ пролетомъ временное пребываніе тѣхъ породъ дичи, которыя для выводковъ летятъ далѣе, а подъ прилетомъ прилетъ тѣхъ породъ, которыя выютъ гнѣзда въ Оренбургской губерніи. При этомъ взглядѣ онъ вполне справедливъ; но мы, Московскіе охотники, называемъ безъ разбора прилетъ всей весенней дичи прилетомъ, а подъ пролетомъ разумѣемъ уже осеннее возвращеніе ея на Югъ. Есть еще у насъ третій терминъ для появленія птицы—это вылетъ. Подъ вылетомъ разумѣемъ мы то время, когда мѣстовые выводки выходятъ изъ крѣпей въ мѣста, удобныя для обстрѣливанія. За то у Г. А.—ва, есть тоже свой терминъ для весенняго появленія дичи. Объяснимъ его словами автора:

«Пролетная птица торопится безъ памяти, спѣшитъ безъ оглядки къ своей цѣли, къ мѣстамъ обѣтованнымъ, гдѣ надо ей принятися за дѣло: вить гнѣзда и выводить дѣтей; а прилетная летитъ ниже, медленнѣе, высматриваетъ привольныя мѣста, какъ будто переговаривается между собою на своемъ языкѣ, и вдругъ, словно по общему согласію, опускается на землю. Тутъ начинаются такъ называемыя у охотниковъ «высыпки», слово весьма знаменательное, употребляемое только для выраженія внезапнаго появленія, во множествѣ, лучшей породы дичи: вальдшнеповъ, дупельшнеповъ, бекасовъ и гаршнеповъ. Вчера проходили вы по болоту, или по размокшему берегу пруда, или по лужамъ на прошлогоднихъ ржаницахъ и яровицахъ, гдѣ насилу вытаскивали ноги изъ разбухшаго чернозема, проходили съ хорошей собакой и ничего не видали; но рано поутру на другой день, находите и болота, и берега разливовъ, и полевыя лужи, усыпанныя дупелями, бекасами и гаршнепами; на лужахъ, въ поляхъ, бываетъ иногда соединеніе всѣхъ породъ дичи, степной, болотной, водяной и даже лѣсной. И такъ слово «высыпка» вполне выражаетъ дѣло.»

За пролетомъ и прилетомъ дичи слѣдуетъ раздѣленіе ея на разряды, сдѣланное съ большою наблюдательностію. Не согласны мы только въ мѣстѣ, даваемомъ сѣрой куропаткѣ, но объ этомъ рѣчь впереди.

Въ приступѣ къ описанію болотной дичи авторъ говоритъ, что онъ давно читалъ, что дупеля называютъ лежанкой и этого названія дать ему не согласенъ. Вполнѣ ему въ этомъ случаѣ сочувствуемъ, тѣмъ болѣе, что мы слышали, что лежанкой зоветъ простой народъ иногда гаршнепа. Этой птицѣ названіе это дать позволительно, потому что никакая дичь не лежитъ такъ крѣпко, какъ гаршнепъ.

Переместившись въ глазахъ, онъ иногда такъ залегаетъ, что нѣтъ средства поднять его даже при помощи собаки; а передъ морозами часто подпускаетъ собаку такъ близко, что она ловить его живаго. Последнее обстоятельство извѣстно мнѣ по, не разъ повторившемуся, опыту. О мионической же перепелкѣ, называемой въ народѣ лежанкою получаемъ мы понятіе только изъ словъ автора.

Прекрасны и вѣрны описанія болота вообще и различныхъ его видовъ.

Сочувствуемъ, вполне сочувствуемъ автору, предпочитающему стрѣльбу бекасовъ стрѣльбѣ всякой другой дичи и особенно весеннюю стрѣльбу его. Перервать молніеподобный полетъ этой небольшой птицы мѣткимъ выстрѣломъ есть высокое наслажденіе. Отъ души завидуемъ охотникамъ, убивавшимъ въ Оренбургской губерніи до 60 бекасовъ въ поле, о такомъ количествѣ мы никогда даже и не мечтаемъ.

За бекасами слѣдуетъ статья о дупеляхъ. Еще разъ повторимся, сказавъ, что мы постоянно отсылаемъ читателя къ самой книгѣ для подробнаго уразумѣнія достоинства каждаго описанія, замѣчая въ нашей рецензій только немногія мѣста. Къ сказанному о токованіи дупелей прибавлю слышанное мною отъ охотника Вологодской губерніи (Н. П. Б.) По словамъ его, дупеля токуютъ тамъ тоже ночью, но на довольно мокрыхъ болотахъ, и токуютъ, перелетывая безпрестанно черезъ мѣста, покрытыя водою. Охотникъ ночью садится за кустъ, передъ одною изъ такихъ лужицъ, и, не цѣлясь, дваетъ каждые полчаса выстрѣлъ по поверхности воды. Дупелей тамъ такое множество, что по утру находятъ до 50 штукъ, убитыхъ около лужи.

Въ статьѣ о гаршнепахъ совершенно сходимся мы съ мыслию автора о загадочномъ местопребываніи ихъ съ половины Іюня до осенняго пролета. До сихъ поръ думали мы, что охотникъ, болѣе насъ неутомимый, отыщетъ мѣсто ихъ выводковъ, и мы отъ кого нибудь услышимъ разрѣшеніе нашего недоумѣнія; но теперь убеждаемся въ истинѣ предположенія, что мѣста гаршнеповыхъ выводковъ во все лѣто не доступны.

Къ описанію приготовленія бекасинныхъ породъ для кушанья прибавимъ мы еще одно сдѣланное нами гастрономическое наблюденіе. Изжаренный въ кастрюлѣ непотрошенный бекасъ или дупель долженъ быть съдаемъ на тарелкѣ, сильно нагрѣтой нарочно за минуту до подачи его на столъ.

За описаніемъ благородной болотной дичи слѣдуетъ описаніе четырнадцати породъ болотныхъ куликовъ. Здѣсь встречаемъ мы

много новаго, такія породы, которыхъ не только никогда не видали, но не знали и по названію. Такъ напр: куликъ сорока, чернышгъ, «ици, чернозобикъ и куликъ морской.

Чрезвычайно любопытно прочесть подробныя наблюденія автора надъ видомъ и жизнью породъ куличьихъ. Есть охотники, которые стрѣляютъ куликовъ и дичь красную съ одинаковымъ удовольствіемъ. Иные даже предпочитаютъ первыхъ последней по легкости стрѣльбы ихъ. Что же касается до насъ, то подивившагося на пути нашемъ въ болотъ кулика въ мѣру мы конечно стрѣлять будемъ; но идти за перемѣстившимся или нарочно его отыскивать не хватаетъ у насъ охоты. Вслѣдствіе такого хладнокровія къ куликамъ, мы сами и не дѣлали надъ ними особыхъ наблюденій. Можемъ прибавить только къ сказанному авторомъ о куликъ-травникъ, что время отлета егѡ совпадаетъ со временемъ отлета дупеля. Какъ бы ни становилась поздно осень, если слышится въ болотъ голосъ травника, мы все еще надѣемся найти дупелей, хотя отсталыхъ. Замолкнетъ этотъ голосъ, улетаютъ и наши надежды. Любопытно бы знать, найдеть ли это мнѣніе оправданіе въ наблюденіяхъ, дѣланныхъ авторомъ записокъ.

Болотные курахтаны (такъ называется ихъ авторъ) у насъ обыкновенно называются турухтанами. Можетъ быть первое названіе вѣрнѣе этимологически, но намъ оно во все незнакомо. Приведемъ изъ книги описаніе пѣтушка турухтана: «Носъ длиною въ полвершка, обыкновеннаго роговаго цвѣта; глаза небольшіе, темные; головка желтовато-сѣро-пестрая; съ самаго затылка начинается уже грива изъ бѣлыхъ, длинныхъ и довольно твердыхъ въ основаніи перьевъ, которыя лежатъ по бокамъ и по всей нижней части хлупа; на верхней же сторонѣ шеи, отступя пальца на два отъ головы, уже идутъ обыкновенныя, сѣренкія, коротенькія перья; вся хлупъ по светло-желтоватому полю, покрыта черными крупными пятнами и крапинами; спина сѣрая, съ темно коричневыми продольными пестринами, крылья сверху темныя, а подбой ихъ бѣлый по краямъ и пепельный подъ плечными суставами; въ коротенькомъ хвостѣ перушки разныхъ цвѣтовъ: бѣлыя съ пятнушками, сѣрыя и светло коричневыя; ножки светло бланжевыя. Гривы осенью пропадаютъ.

Авторъ раздѣляетъ болотныхъ турухтановъ на два вида: на большихъ и малыхъ, но намъ случалось видѣть въ болотъ въ одно и тоже время, осенью, до четырехъ различныхъ величинъ. Конечно эту разницу въ величинѣ можно было бы объяснить разновременностью вывода; но видѣнные нами турухтаны имѣли одинаковій здоровый полетъ.

Болотная курица тоже новость для Московскаго охотника, вотъ ея описаніе: «величиною съ русскаго молодого голубя, цвѣтомъ вся темнозеленая съ весьма красивыми сизоватыми оттънками, изпещрена мелкими бѣлыми крапинами, особенно по нижней части шеи, по зобу и брюшку; спина и вообще верхъ гораздо темнѣе, а низъ свѣтлѣе. Пѣтушокъ ея имѣетъ на головѣ мясистый гребешокъ яркаго пунцоваго цвѣта и такого же цвѣта перевязки, шириною въ палецъ, на ногахъ у самаго сѣдла; остальная часть ногъ зеленоватая. Гребешокъ и перевязки бывають видны только весной.

Болотный карстель, карстелекъ или погонышъ, у насъ называется просто курочкою, даже безъ прилагательнаго болотной. Совершенно согласны съ авторомъ, что чистый и мелодическій свистъ этой курочки, вмѣстѣ съ токованіемъ бекаса и задорнымъ крикомъ коростеля, живущаго часто неподалеку отъ нихъ въ темныхъ лугахъ, придастъ такую жизнь весенней майской ночи, которую гораздо легче чувствовать, чѣмъ описать. Особенно испытываетъ это охотникъ, когда стоитъ на тягъ вальдшнеповъ, хотя впрочемъ эта музыка и мѣшаетъ ему прислушиваться къ карканью ожидаемаго имъ царя лѣсной дичи.

Очень вѣрно описаніе наружности и обычаевъ чибиса или пиголицы; прибавимъ, что они очень крѣпки на рану, хотя и не очень пушисты.

Отдѣлъ водяной дичи начинается лебедемъ. Прекрасно описываетъ его авторъ. Вотъ слова его:

«Лебедь, по своей величинѣ, силѣ, красотѣ и величавой осанкѣ, давно и справедливо названъ царемъ всей водяной, или водоплавающей птицы. Бѣлый, какъ снѣгъ, съ блестящими прозрачными небольшими глазами, съ чернымъ носомъ и черными лапами, съ длинной, гибкой и красивой шеей, онъ невыразимо—прекрасенъ, когда спокойно плыветъ между зеленыхъ камышей, по темно-синей, гладкой поверхности воды. Но и всѣ его движенія исполнены прелести: начнетъ ли онъ пить, и, зачерпнувъ носомъ воды, подниметъ голову вверхъ и вытянетъ шею,—начнетъ ли купаться, нырять и плескаться своими могучими крыльями, далеко разбрасывая брызги воды, скачущающейся съ его пушистаго тѣла,—начнетъ ли потомъ охорашиваться, легко и свободно закинувъ дугою назадъ свою бѣлоснѣжную шею, поправляя и чистя носомъ на спинѣ, бокахъ и въ хвостѣ, смятыя или замаранныя перья,—распустить ли крыло по воздуху, какъ будто длинный косой парусъ, и начнетъ также носомъ перебирать въ немъ каждое перо, провѣтривая и суша его на солнцѣ, — все живописно и великодушно въ немъ.»

Интересны рассказы о стрельбѣ лебеда. У насъ же рѣдкой охотникъ видѣлъ раннею весною или поздней осенью случайно при-
сѣвшаго на какомъ-нибудь разливѣ лебеда.

Дикой гусь тоже дичь незнакомая московскому охотнику; намъ удавалось видѣть и стрѣлять ихъ въ Тульской губерніи, и то въ очень маломъ количествѣ. Вотъ что говоритъ авторъ о способѣ кормленія гусей:

«За часъ до заката солнца, стаи молодыхъ гусей поднимаются съ воды, и, подъ предводительствомъ старыхъ, летать въ поля. Сначала облетать большое пространство, высматривая, гдѣ имъ будетъ удобнѣе расположиться подалеже отъ проважнихъ дорогъ или работающихъ въ полѣ людей, какой хлѣбъ будетъ посылтнве, и наконецъ опускаются на какую-нибудь десятину или загонъ. Гуси предпочтительно любятъ хлѣбъ безъосый, какъ-то: гречу, овесъ и горохъ; но если не изъ чего выбирать, то ѣдятъ и всякій. Почти съ темной ночи изволятъ они продолжать свой долгій ужинъ; но вотъ раздается громкое призывное гоготаніе стариковъ; молодые, которые, жадно глотая сытный кормъ, разбрелись во всѣ стороны по хлѣбамъ, торопливо собираются въ кучу, переваливаясь передами, отъ тяжести набитыхъ не въ мѣру зобовъ, перекликаются между собой, и вся стая съ зычнымъ крикомъ тяжело поднимается, летитъ тихо и низко, всегда по одному направленію, къ тому озеру или берегу рѣки, или верховью уединеннаго пруда, на которомъ она обыкновенно ночуетъ. Прилетѣвъ на мѣсто, гуси шумно опускаются на воду, распахнувъ ее грудью на обѣ стороны, жадно напиваются и сей-часъ садятся на ночлегъ, для чего выбирается берегъ плоскій, ровный, не заросшій ни кустами, ни камышѣмъ, чтобъ ни откуда не могла подкрасться къ нимъ опасность. Гуси завертываютъ голову подъ крыло, ложатся, или, лучше сказать, опускаются на брюхо, и засыпаютъ. Но старики составляютъ ночную стражу и не спятъ поочередно, или такъ чутко дремлютъ, что ничто не ускользаетъ отъ ихъ внимательнаго слуха. При всякомъ шорохѣ сторожевой гусь тревожно загогочетъ, и всѣ откликнутся, встаютъ, выправляются, вытягиваютъ шеи и готовы летѣть; но шумъ замолкъ, сторожевой гусь гогочетъ совсѣмъ другимъ голосомъ, тихо, успокоительно, и вся стая, отвѣчая ему какими же звуками, снова усаживается и засыпаетъ.»

Слѣдуетъ описать стрельбу гусей и перевѣсовъ, которыми ихъ ловятъ. Приведемъ слова автора о сихъ послѣднихъ.

«Перевѣсы не что иное, какъ огромная квадратная сѣть изъ толстыхъ и крѣпкихъ нитокъ, ячеи или петли которой такъ широки, что гуси вязнутъ въ нихъ, а пролѣзть не могутъ. Эта сѣть развѣ-

шивается между двумя длинными шестами, на томъ самомъ мѣстѣ, по которому обыкновенно гусиная стая поздно вечеромъ, почти ночью, возвращается съ полей на ночевку. Къ верхнимъ концамъ шестовъ привинчены желѣзные кольца; сквозь нихъ продѣты веревочки. Посредствомъ этихъ веревочекъ, прикрепленныхъ къ двумъ верхнимъ угламъ сѣти, поднимается она во всю вышину шестовъ; концы же веревочки проведены въ шалапъ или кустъ, въ которомъ сидитъ охотникъ. Сѣть не натягивается, а виситъ, и нижніе концы ея на слаби привязаны къ шестамъ. Когда попадутъ гуси и натянуть сѣть, охотникъ бросаетъ веревочки, и вся стая запутавшихся гусей, вмѣстѣ съ сѣтью, падаетъ на землю.

Описавъ дикаго гуся, авторъ приступаетъ къ дикимъ уткамъ и предлагаетъ читателю десять различныхъ породъ ихъ. Охотники до стрельбы этой дичи найдутъ тутъ много любопытныхъ и полезныхъ для нихъ наблюдений. Сами мы не страстны къ этой охотѣ, и бьемъ утку, какъ и кулика, попавшихся намъ подъ выстрѣлъ, но нарочно за ними не ходимъ. На стран. 182, интересенъ рассказъ о томъ, какъ утка обманываетъ селезня, притворяясь спящею и заставляя его заснуть по ея примѣру, чтобы во время сна его класть яйца въ неизвѣстномъ ему мѣстѣ.

Очень справедливо замѣчаніе на стр. 206, что чирокъ по вкусу мяса превосходитъ всѣ утинныя породы.

Новъ слѣдующій рассказъ о гнѣздѣ гагары:

«Къ сожалѣнію я не знаю коротко нравовъ этой утки, которые непременно должны быть замѣчательны, чему доказательствомъ служить особенность въ плоскости ногъ и въ свиваніи гнѣздъ, плавающихъ по водѣ. Я нашелъ одинъ разъ такое гнѣздо: гагара, сидя на немъ, какъ на лодкѣ, плавала по маленькому озеру, находившемуся по срединѣ огромнаго камыша; увидя меня на близкомъ разстояніи, гагара сползла или свалилась на воду и нырнула».

Любопытно бы знать, какимъ образомъ доводитъ гагара свое пловучее гнѣздо до такой непромокаемости, что вода не проходитъ въ него и не подмачиваетъ яицъ.

Лысуха, названная такъ по бѣлой гладкой бляхѣ на лбу, весьма похожей на большую, очищенную отъ шелухи миндалинку, почти не встрѣчается въ Московской губерніи. Она имѣетъ видъ водяной курицы, но гораздо ея больше. Автору удалось видѣть гнѣздо лысухи: оно было такое же пловучее, какъ у гагары. Только кругомъ искусно и прочно обмазано каломъ лысухи, наподобіе каменной штукатурки, что вѣроятно давало ему возможность быть непромокаемымъ. Сколько труда и кала нужно было для этого лысухѣ!—по чего не видать, о томъ не спорь.

Приступая къ третьему разряду дичи, дичи степной, авторъ описываетъ сначала степь. Очень любопытна картина степныхъ пожаровъ и опаливаній, называемыхъ палы. Стр. 233.

Описание степной дичи начинается дрозою (тудакъ или дудакъ, татарское названіе, оставшееся въ Оренбургской губерніи). Авторъ сознается, что все рассказанное имъ слышано отъ другихъ охотниковъ; мы можемъ подтвердить только истину этихъ рассказовъ, имѣвши случай наблюдать дрозь въ Тульской губерніи и въ Малороссіи.

За дрозою слѣдуетъ журавль. Конечно за нимъ не охотятся, какъ за прочею дичью, а бьютъ иногда, какъ рѣдкую, большую и красивую дичину. До сихъ поръ думали мы, что журавли преимущественно птица болотная, и, хотя видали ихъ и на поляхъ, но никогда съ молодыми. Въ болотахъ же, особенно въ глухихъ, поросшихъ высокою травою и удаленныхъ отъ жилья, встрѣчались они намъ часто, и тутъ бывали такъ смиренны, что подпускали на выстрѣль.

Вотъ описание стрепета:

«Шухъ на тѣлѣ имѣетъ рѣдкій, розовый, и такого же цвѣта пушистые корни всѣхъ перьевъ; голова, шея, носъ, ноги и весь склад стрепета чисто куриный. Весьма трудно передать зеленовато-серую пестроту перьевъ стрепета. Каждое перо по бланжевому полю, испещрено въ разные стороны идущими прямыми и извилистыми полосками, но правильно и однообразно расположенными; всѣ же перья вмѣстѣ на спинѣ представляютъ общую пестроту того же цвѣта съ черноватыми пятнами, которыя происходятъ отъ того, что одно перо складывается съ другими своими темными полосками или извилинками: изъ этого составляются какъ будто пятна; шея также пестрая, съ дольными бѣловатыми полосками, головка черновата, а зобъ и верхняя часть хлупа по бѣлому полю испещрены напротивъ поперечными полосками; остальная хлупъ вся бѣлая, и подъ крыльями подбой тоже бѣлый; въ крыльяхъ три первыя пера сверху темныя, а остальные бѣлыя съ темными каймами на концахъ; хвостъ короткій, весь въ мелкихъ свѣрыхъ пестринкахъ, на каждомъ перѣ, на палецъ отъ конца, лежитъ поперегъ темная узенькая полоска; ноги блѣдно-зеленоватаго цвѣта. Самецъ же отличается тѣмъ, что у него подъ горломъ и на зобу перья темны, и даже кажутся сплошь темными, а поперегъ лежитъ поперечная бѣлая полоска».

За стрепетомъ говорится о кроншнепѣ или степномъ куликѣ. Авторъ присвоиваетъ окончательно эту куличью породу степямъ, допуская въ болотахъ и на берегахъ рѣкъ только пролетныхъ кроншнеповъ. Можетъ быть это и справедливо; тогда слѣдующій фактъ

будетъ исключеніемъ изъ правила. Въ 1844-мъ году позднею весною повхали мы пробовать собаку въ Кожухово болото и напли до трехъ кроншнеповыхъ выводовъ. Старые летали такъ высоко, что были вне выстрѣла, а бѣгавшихъ молодыхъ собака ловила и подавала намъ. Молодые были немного менѣе голубя, и покрыты такимъ свѣтло-сѣрымъ пухомъ, что издали казались бѣлыми.

Кречетка или степная пеголица намъ вовсе незнакома.

Не знаемъ, почему авторъ назвалъ сврую куропатку полевою. Можетъ быть, она имѣетъ эту особенность въ Оренбургской губерніи; но мы привыкли смотреть на куропатку, какъ на дичь, исключительно лѣсную. Правда, что она не водится въ лѣсахъ большихъ, но за то обыкновенно встрѣчается по тѣлѣколосью и кустамъ. Вылетаютъ сврыя куропатки въ поле кормиться, и преимущественно на гречу, но все-таки лѣсъ мѣсто ихъ и вывода и постоянного пребыванія. Мнѣнія же о наружности, нравахъ и стрѣльбѣ сврыхъ куропатокъ у насъ одинаковы съ мнѣніемъ автора. Прибавимъ только, что поднятый выводокъ и разлетѣвшійся сначала въ разныя стороны такъ крѣпко залегаетъ, что въ тихую погоду даже чуткая собака пройдетъ мимо лежащей куропатки, и ее не услышитъ. Такое затанваніе ихъ продолжается иногда около часа, до тѣхъ поръ, пока они не начнутъ перекликаться, и, собираясь въ одну кучу, не дадутъ слѣда.

Любопытенъ слѣдующій разсказъ у автора,—стр. 288:

«Нѣкоторые охотники заказываютъ крестьянамъ приносить къ нимъ крытыхъ куропатокъ живыхъ, и сажаютъ ихъ на зиму въ большія, нарочно устроенныя кѣтки, гдѣ они живутъ очень хорошо, чтобъ весною высадить ихъ для размноженія. Высаживаніе это производится такимъ образомъ: весною, какъ только окажутся проталины, изъ кѣтки, гдѣ куропатки провели зиму, разбираютъ самцовъ и самокъ въ отдѣльныя коробки, наблюдая, чтобъ въ нихъ входилъ воздухъ и чтобъ въ тѣснотѣ куропатки не задохлись; потомъ ищутъ въ избранное для высаживанія мѣсто, для чего лучше выбрать мелкій кустарникъ, гдѣ бы впоследствии было удобно стрѣлять, преимущественно въ озимомъ полѣ, потому что тамъ не пасутъ стада и не вѣздятъ туда для пашни крестьяне, обыкновенно пускающіе своихъ лошадей, во время полдневнаго отдыха, въ близъ лежащій кустарникъ; въ ржаное поле вообще никто почти до жатвы не ходитъ и не мѣшаетъ высаженнымъ куропаткамъ выводиться. Выбравъ такое мѣсто, берутъ пару куропатокъ, самца и самку, сажаютъ ихъ подъ лукошко, къ которому привязана длинная бичевка; кругомъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ насыпаютъ для корма разныя ухвостья, и, отошедъ подальше, осторожно, потихоньку, поднимаютъ лукошко по-

средствомъ бичевки, перекинутой черезъ него. Высаживаемая пара куропатокъ не замедлитъ выбежать изъ-подъ лукошка и начнетъ перекликаться; когда она убежитъ изъ виду, тогда опрокинутое лукошко притягиваютъ къ себѣ и удаляются такъ, чтобы не вспугнуть высаженную пару. Обыкновенно засидѣвшія зимой куропатки не перелетаютъ на дальнее разстояніе, и, находя по близости готовый и знакомый кормъ, остаются и выводятъ дѣтей въ томъ мѣстѣ, гдѣ были высажены.»

Авторъ предлагаетъ стрѣлять куропатку 5-мъ N дроби. Намъ кажется эта дробь крупна для этой дичи. Идя въ лѣсъ, мы беремъ обыкновенно 7-й N, и ограничиваемся ею для всѣхъ породъ лѣсной дичи.

Сивка или ржанка—птица вовсе не замѣчательная, и охотники рѣдко удостоиваютъ ее названія дичи. То же должно сказать и о красноустыкѣ или морской ласточкѣ, описаніе которой советуемъ однако прочесть московскимъ охотникамъ, какъ описаніе птицы, вовсе имъ неизвѣстной.

Говоря о полевомъ коростелѣ, авторъ отличаетъ его отъ коростеля болотнаго или погонныша. Мы уже сказали выше, что погоннышъ и болотная курочка одно и то же, точно такъ, какъ одно и то же коростель луговой, болотный, дергунъ или дергачъ. Преимущественно живетъ онъ въ лугахъ некошеныхъ; отсюда перебирается въ хлѣба, а по снятіи хлѣбовъ въ болота и кусты, гдѣ осенью является иногда въ необыкновенно большомъ количествѣ. Чрезвычайно вѣрно наблюдаемы авторомъ всѣ свойства и характеръ этой птицы, и вполне справедливо мнѣніе о томъ, что молодую собаку по коростелямъ сейчасъ испортишь.

Перепелка по вкусу и быстрому полету конечно имѣетъ право на занятіе мѣста въ якташѣ охотника, но охотиться за нею дозволяется только, когда нѣтъ ничего лучшаго.

Описаніе лѣсной дичи начинается авторъ глухимъ тетеревомъ или моховикомъ. Вотъ изображеніе самца:

«Самецъ или косачъ величиною будетъ съ молодого, годовалаго индѣйскаго пѣтуха, и похожъ на него своей фигурой. Если вытянуть глухаго косача, то отъ клѣва до конца хвостовыхъ перьевъ будетъ полтора аршина. Впрочемъ тѣло его занимаетъ около двухъ четвертей длины, а въ хвостъ и шею съ головой — по полуаршину. Въ хвостъ имѣетъ черныя косицы, менѣе загнутыя, чѣмъ у самца полевика. Клѣвъ толстый, твердый, нѣсколько погнутый къ низу, блѣдно-зеленоватаго костянаго цвѣта, длиною почти въ вершокъ. Глаза темныя, брови широкія и красныя, голова небольшая, шея довольно толстая; издали глухаръ косачъ покажется чернымъ, но это неспра-

ведливо: его голова и шея покрыты очень темными, но въ то же время узорно-сѣрыми перушками; зобъ отливаеъ зеленымъ глянцемъ, хлупъ испещрена бѣлыми пятнами по черному полю, а спина и особенно верхняя сторона крыльевъ, по сврому основанію имѣють коричневыя длинныя пятна; нижнія хвостовыя перья темныя съ бѣлыми крапинками на лицевой сторонѣ, а верхнія, отъ спины идущія, покороче и сѣрыя; подбой крыльевъ подъ плечными суставами ярко-бѣлый съ черными крапинами, а остальной—сизодымчатый; ноги покрыты мягкими, длинными свропенельнаго цвѣта перушками и очень мохнаты до самыхъ пальцевъ; пальцы же облечены какою-то скорлупообразною, светлою броней, и оторочены кожаной твердою бахрамою; ногти темныя, большіе и крѣпкіе.»

Въ Московской губерніи птица эта встрѣчается какъ большая рѣдкость.

Второе мѣсто между лѣсною дичью занимаетъ тетеревъ березовикъ. Жизнь, наружность, характеръ и стрѣльба этой дичи очень удачно и подробно подмѣчены авторомъ. Не желая надоесть читателю безпрестанными выписками, отсылаемъ его къ самой книгѣ. Замѣтимъ только, что самецъ—тетеревъ не зовется у насъ косачемъ, а зовуть его обыкновенно чернышемъ. Интересна, на стр. 351, способъ питанія тетеревоу вишнями. Хороша картина токованія на стр. 354. Дѣльны наставленія при подходѣ къ токующему тетереву на стр. 357.

На стр. 361 въ примѣчаніи авторъ спрашиваетъ, что за удовольствіе убить молодаго тетеревенка, который летитъ какъ шапка, или неподвижно лежитъ на сучкѣ надъ нашею головою. Скажемъ на это, что во первыхъ, садящихся на сучья тетеревиатъ намъ никогда видѣть не удавалось—такъ рѣдки эти случаи до осени, во вторыхъ, летать они довольно быстро, и, такъ какъ дѣло въ лѣсу, то попасть въ него не легко, а въ третьихъ, мясо тетеревенка есть чрезвычайно лакомое кушанье, уступающее развѣ жирному дупельшнѣпу. Признаемся, что стрѣлять тетеревенка мы будемъ всегда съ большимъ наслажденіемъ, нежели кулика или утку.

Замѣчательно огромное количество тетеревоу въ Оренбургской губерніи. Авторъ говоритъ, что въ 1816 году съ исхода сентября до 6-го декабря убили онъ съ подьзда около 500 тетеревоу.

При всемъ желаніи воздержаться отъ выписокъ, не могу не привести слѣдующаго разсказа:

Стр. 374. «Сидѣлъ я однажды въ шалапѣ съ старымъ охотникомъ, который крылъ тетеревоу шатромъ. Тетерева уже подходили, и старикъ, держа въ рукахъ веревку, чтобъ уронить шатеръ, когда подойдетъ тетеревоу побольше, смотрѣлъ въ отверстіе; а я глядѣлъ

въ скважину, которую проковырялъ пальцами. Вдругъ вся стая, какъ будто чѣмъ испуганная, стремительно поднялась. Старикъ выскочилъ изъ шалаша, а за нимъ и я, чтобы посмотреть: кто испугалъ тетеревовъ?.. Что же мы увидѣли? Тетерева летѣли безъ оглядки въ ближній лѣсъ, а одна курочка шла столбомъ вверхъ, будто подстрѣленная. Поднявшись довольно высоко, она упала, и отъ нея отскочила и побѣжала ласка или ласточка: маленькой хищный звѣрокъ, всѣмъ известный, не длиннѣе четверти аршина и немного толще большаго пальца мужской руки. Тетеревъ бился не долго: у него была перекушена жила на шеѣ, подъ горломъ. Какова хищность и отвага! Очевидно, что ласка впилась въ шею тетерева, сидѣвшаго на снѣгу, и поднялась съ нимъ на воздухъ».

За тетеровомъ слѣдуетъ рябчикъ. Охота за этою дичиною считается болѣе промысломъ. Любопытно на стр. 380 описаніе пружковъ, которыми ловятъ рябчиковъ.

Бывую куропатку авторъ относитъ къ лѣсной дичи, между тѣмъ какъ собственнымъ опытомъ и разказами другихъ охотниковъ убѣждались мы, что птица эта попадается большею частію въ сухихъ и моховыхъ болотахъ, часто въ красномъ лѣсу, но непременно на болотистой почвѣ, и никакъ не схожа въ этомъ съ рябчикомъ.

Пропустимъ описаніе голубиныхъ породъ и дроздовъ, отнесенныхъ къ породамъ дичи, вѣроятно только потому, что это не домашняя и не хищная птица. Скажемъ только, что вахирь и витютинъ означаютъ у насъ двѣ различныя породы. Первый гораздо меньше послѣдняго, и вѣроятно замѣняетъ у насъ названіе клинтуха.

Перейдемъ къ вальдшнепу. Говоря о названіи слука, даваемомъ иногда вальдшнепу, авторъ изображаетъ стремительнымъ взлетъ этой дичи. Это едва ли справедливо. Стремительнымъ называемъ мы взлетъ бекаса, вальдшнепъ поднимается только шумно, но вовсе не быстро.

Не согласны мы тоже съ мнѣніемъ автора, что на тягъ летаютъ вальдшнепы для добыванія корма. Вотъ наши основанія мнѣнія, что тянуть надъ лѣсомъ самцы и крикомъ своимъ вызываютъ отвѣтъ самки: 1) Стоить бросить шапку или что-нибудь подобное къ налетѣвшему на васъ вальдшнепу, и онъ въ ту же минуту къ ней опускается. 2) Умѣющіе подражать крику самки охотники быють на тягъ всегда гораздо болѣе другихъ охотниковъ, потому что вальдшнепы сворачиваютъ на крикъ ихъ. 3) При встрѣчѣ на лету, вальдшнепы почти всегда дерутся, испуская особеннаго рода циканье, свидѣтельствующее о раздраженной ихъ ревности. 4) Если бы они тянули только для добыванія корма, то тяга продолжалась бы одинаково во

все лето, а не была бы значительною только весной, до тех пор, пока самки не садутъ окончательно на яйца и. 5) Намъ случилось быть въ Малороссіи въ Полтавской губерніи, — тамъ весной вальдшнепы есть, а тяги нѣтъ. Отчегожъ это? Оттого, что тамъ вальдшнепы почему-то не выводятся, а являются только пролетными осенью.

Объщавшись не двѣать болве выписокъ, скажемъ только, что расходясь въ приведенномъ нами мѣвннн о тягѣ, мы совершенно согласны со всѣмъ остальнымъ, сказаннымъ о вальдшнепахъ опытнымъ охотникомъ.

Зайцы заклопачаютъ собою записки г. А—ва. Улетить дичь болотная, лѣсная станеть недоступною для стрѣльбы съ собакою, и зайцы остаются единственною отрадою горюющему охотнику. Много интереснаго въ статьѣ автора о зайцахъ, любопытенъ особенно на стр. 437 рассказъ о заячьемъ князькѣ. Очень полезны и дѣльны наблюденія надъ стрѣльбою зайцевъ по узеркѣ и порошкѣ.

Въ заключеніе нашего разбора «Записокъ ружейнаго охотника Оренбургской губерніи» скажемъ, что каждый порядочный охотникъ прочтеть ихъ съ большимъ удовольствіемъ и будетъ имѣть ихъ своею настольною книгою. Охотникъ же новичекъ долженъ прочесть не разъ, и узнаеть изъ нихъ то, чего опытомъ добиваться пришлось бы ему очень и очень долго. Мы съ своей стороны находимъ трудъ г. А—ва вполне полезнымъ, дѣльнымъ и въ высшей степени добросовѣстнымъ. Желали бы очень, чтобъ эта искренняя похвала не смѣшалась съ обычными журнальными похвалами специальнымъ книгамъ, разбираемымъ часто людьми, вовсе незнакомыми съ предметомъ.

Достоинства этой книги для натуралистовъ предоставляемъ рѣшить имъ самимъ. Я. В.

Читатели прочли здѣсь рецензію охотника, но для литератора, которому нѣтъ почти дѣла ни до куликовъ, ни до куропатокъ, развѣ на блюдь, другія достоинства книги доставляютъ наслажденіе. Это — правда, это — жизнь, это — природа, это — сердце, которое бьется во всякой строкѣ. Въ цѣломъ репертуарѣ иной сцены, со всѣми ея трагедіями, комедіями, водевилями и балетами, не примешь такого участія, какъ въ судьбѣ пернатыхъ жителей болота, степи и лѣса, описанныхъ авторомъ. Вотъ что значить знать дѣло и любить дѣло: всякая мелочь оживаетъ, и простое описаніе возвышается на степень искусства. Смѣло отнесемъ «Записки ружейнаго охотника» къ числу самыхъ пріятныхъ, самыхъ утѣшительныхъ явленій этого года, который дасть уже «Ипохондрика» Писемскаго и «Бѣдную невѣсту» Островскаго, и назовемъ ихъ пріобрѣтеніемъ литературы. *Ред.*

ЦАРЬ ВОСПОРА КИММЕРИЙСКАГО, преимущественно по современнымъ нѣмъ памятникамъ и монетамъ. Соч. *В. В. Григорьева*. С. Петербургъ, 1851, стр. 136.

Въ последнее время, отечественные ученые дружно принялись за обработку классическихъ древностей Тавриды и южнаго берега Новороссiи: г. *Ашхъ* издалъ три тома своего «Воспорскаго царства», г. *И. Спасскiй* — «Босфоръ Киммерiйскiй» и «Археологическо-Нумизматическiй Сборникъ», г. *Сабатье* — «Керчь и Воспоръ», г. *Кене* — «Исслѣдованiя о древностяхъ Херсониса Маврицкаго», графъ *А. Уваровъ* — первый выпускъ своихъ «Исслѣдованiй о древностяхъ южной Россiи и береговъ Чернаго моря». Не мало статей касательно того же предмета помѣщено въ «Запискахъ Одесскаго Общества Исторiи и Древностей, С.-Петербургскаго Археологическаго Общества, и въ Журналѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. При такомъ обилiи новыхъ матеріаловъ для исторiи киммерiйскаго Воспора, извѣстному нашему ученому и ориенталисту г. *Григорьеву* пришла счастливая мысль — извлечь существенное изъ добытыхъ для исторiи Воспора данныхъ археологiи и нумизматики, провѣрить добытые результаты критически, и такимъ образомъ представить несомнѣнныя археологическо-нумизматическiя данныя, пополняющiя пробѣлы въ исторiи Воспора. Заслуга не маловажная! Въ книгѣ г. *Григорьева*, историкъ, археологъ и нумизматъ найдутъ указанiе на всѣ сочиненiя, писанныя по избранному имъ предмету, и критическую оцѣнку системъ новѣйшихъ изслѣдователей. Нѣкоторымъ изъ нихъ, конечно, не понравятся откровенныя сужденiя автора объ ихъ творенiяхъ, и они будутъ унижать достоинство сочиненiя, смотрящаго на археологiю и нумизматику, какъ на вспомогательныя науки исторiи, а не какъ на забаву собирателей и продавцевъ монетъ, печатающихъ иногда великолѣпныя описанiя своихъ монетъ, чтобы дороже сбыть свои коллекци. Книга посвящена памяти академика *Келлера*, «незамѣнимаго досель изслѣдователя Черноморскихъ древностей», какъ справедливо сказано въ посвященiи. Эпитетъ «незамѣнимый» едва ли понравится новѣйшимъ изслѣдователямъ Воспора; но что же дѣлать, когда оно такъ.

Эзоповы басни на французском и русском языкъ, для наставленія юношества во французскомъ языкѣ, изданныя Жумелемъ, съ картинками. Переводъ со втораго французскаго изданія М. Т. 2 части. Москва, 1850.

Эзоповы басни составляютъ у насъ одну изъ главныхъ учебныхъ книгъ, можно даже сказать, неперемѣнную принадлежность при первоначальномъ обученіи дѣтей французскому языкъ. И дѣйствительно, басни эти, по своей краткости, ясности и простотѣ какъ изложенія, такъ и выводимой изъ нихъ морали, вполне соответствуютъ такому своему назначенію. А потому, книжку эту, которой подлинникъ написанъ, какъ извѣстно, на греческомъ языкѣ, весьма бы желательно у насъ имѣть въ хорошемъ русскомъ переводѣ съ хорошимъ же французскимъ текстомъ. Хорошій французскій текстъ Эзоповыхъ басенъ есть во французской литературѣ не одинъ; все дѣло за хорошимъ русскимъ переводомъ.

На дняхъ мнѣ попались Эзоповы басни на французскомъ и русскомъ языкѣ, изданныя г. Жумелемъ въ Москвѣ въ 1850. Видя, что книги этой напечатано въ 1850 г. второе изданіе,—притомъ, какъ сказано на заглавномъ листѣ, *безъ перемѣлы*, я полагаю навѣрное, что русскій переводъ басенъ сдѣланъ рукою опытной. И какъ же обманулъ я въ своемъ предположеніи! Прочитавъ переводъ, я подивился его безобразности. Переводъ фальшивый иногда до нелѣпости, языкъ нечистый, неправильный, нѣтъ ни ясности, ни простоты; сверхъ того, и во французскомъ, и, особенно, въ русскомъ текстѣ, безпрестанно неправильная разстановка знаковъ препинанія, пропуски словъ, корректурныхъ ошибокъ бездна; нѣтъ почти ни одной басни, переведенной и напечатанной не только какъ должно, но хотя бы сносно. По немногимъ образчикамъ можно судить, что это за переводъ.

Примеры того, какъ правиленъ переводъ:

«Когда тотъ (левъ) *покраснѣлъ* отъ гнѣва». (Б. 56. Левъ и лисица). Каково, левъ *краснѣетъ* отъ гнѣва! Слыхано ли подобное чудо! Г. переводчикъ принялъ *rougissoit* за *rougissait*, и вмѣсто *заревѣлъ*, смѣло черкнулъ *покраснѣлъ*.

«Онъ схватилъ ея уху своими прекрасными зубами». (Б. 57. Мать и дитя воръ). И какъ бы вы думали: этою прелестною фразой передано французское: *Il lui prit l'oreille à belles dents*. Тутъ, какъ вы видите, о *прекрасныхъ зубахъ* и помину нѣтъ, а просто сказано: *Онъ крепко схватилъ ее за уху зубами*.

«Орелъ спустился вдругъ на малютокъ лисенки, похитилъ ихъ и угоститъ ихъ мясомъ своихъ орленюшекъ» (Б. 13). Ай-да орелъ! Ай-да добрый отецъ! вздумалъ угощать лисенятъ мясомъ своихъ дѣтей! Успокойтесь, м. г.; орелъ не такъ глупъ и золь, какъ вы хотите выставить его г. переводчикъ: орелъ просто-за-просто: отдалъ лисенятъ на съденье своимъ орленюшкамъ. Прочитайте и во французскомъ текстѣ: «L'aigle fondit tout-à-coup sur les petits du renard, les enlève, et en fit curées à ses aiglons».

«Они до-тѣхъ-поръ не выходили, пока не вышли медведь изъ берлоги и не пошелъ прямо на нихъ». (Б. 62. Два друга, которые продаютъ медвежью шкуру). А то ли по-французски: *Ils ne furent pas plutôt entrés, qu'un ours sort de sa tanière et vient droit à eux*; — т. е. только-что вошли они, какъ вылезъ изъ берлоги медведь, и прямо на нихъ? — Притомъ, что за языкъ: *аходили, ашшелъ, пошелъ*, почти рядомъ.

«Она (лисица) забавляла только собакъ». (Б. 47. Лисица и кошка). *Amica* переведено забавляла, а следовало сказать: *проводила, обманывала*.

«Споръ завязался до такой степени». (Б. 3. Лягушка, крыса и коршунъ). Сказано *завязался*, вместо того, чтобы перевести: *разгорялся, уошвился*; да и по-французски: *s'échauffa*. Споръ завязался—означаетъ только начало спора; какъ же говорить: завязался до такой степени?

«Такъ для молодости *средны* удовольствій». (Б. 58. Муха). Тутъ рѣчь вовсе не о вредѣ удовольствій, а о томъ, что они *привлекательны, заманчивы* (*l'attrait des voluptés*).

«Онъ взялъ яблоко, которое и не думали *отнять* у него». (Б. 57. Мать и дитя воръ). Опять ошибка, и грубая. По-французски: *Il prit la pomme, et l'on ne pensa point à l'en reprendre*, т. е.: онъ унесъ яблоко, а и не думали *побранить* его за то.

«И мнѣ гораздо *труднѣе* знать», вместо: и мнѣ гораздо *труднѣе*. (Б. 85. Крокодилъ и лисица).

«Бобръ опася своихъ *разсужденіемъ*, въ *благоразуміемъ*». (Б. 94. Бобръ и охотники).

«Сила его лекарство *неизлечима*», вм. дѣйствіе его лекарство *верно* (*infaillible*).

«Одарили его такимъ *сердцемъ*». (Б. 96). Что по-французски сказано *d'un coeur*, а *coeur* значить, большею частію, сердце; то г. М. Г. и фразу: *Il lui ont fait présent d'un coeur*, перевелъ одарили его такимъ сердцемъ; но вѣдь *coeur* значить и *мужество*, и именно въ вышеприведенномъ мѣствѣ. И самое заглавіе этой басни:

La cerf et le fion, надо было перевести: *Старый олень и молодой олень*, а не *олень и молодой олень*.

«Зарпэалэ собакэ (волк)». (Б. 102. Пастухэ и волченокэ) Волкэ зарпэалэ собакэ, вм. загрылэ, вакылэ, гадушилэ!

«Послэ этого Момусэ назоветэ самаго искуснаго изэ двулхэ насэ». (Б. 104. Юпитерэ, Аполлонэ и Момусэ).—Во-первыхэ, не самаго искуснаго изэ насэ, а кто изэ насэ искусныэ, во-вторыхэ, не двулхэ, а двоицхэ.

«Возразилэ пастухэ сварливо». (Б. 130. Пастухэ и овца). Вовсе не сварливо, а высокомерно (*d'un ton hautain*).

«Развэ ты не дьлаешь ему ни малйшаго убытка». (Б. 115. Конюхэ и лошадэ). А надо было сказать: ты дьлаешь ему не менше убытка.

«Общипанною (о лисицэ)». (Б. 105). Вм. окуржуженною, окарпанною (безэ хвоста).

«Привелэ множество уложений», вм. подавалэ множество апеллаций на судебныэ приговоры (*appela de vingt sentences*); и проч., и проч., и проч.

Далэе, полюбуйтэся на чистоту, правильностэ и отчетливостэ языка:

«Должно воздавать (а чьмэ? не извэстно), оказавшимэ намэ, добром». (Б. 141). По-франц. ясно сказано: *la revanche*, т. е., воздавать тьмэ же. — «Какэ легко мнэ уменьшить твою наглостэ: но богамэ не угодно, чтобэ я сердился на труса!» (Б. 9). Аих *dieux* не *plaise* значить не богамэ не угодно, а да сохранялэ менэ божи!

«Городская крыса пригласила другую на другой день». (Б. 10). Какоеэ языкэ!—«Едва начала она (крыса) кушать». (Гамэ же). Крыса кушаетэ!

«Похвалы, которыя они (льстецы) даютэ другимэ». (Б. 12). Кто же говорить давать похвалы! расточать — дело другое.

«Левэ лежащий (настоящ. вм. пропедид.) вэ пещерэ, томился (,) удрученный старостию (и) на порогахэ смерти». (Б. 14). А мы бы сказали: левэ, распростертый вэ пещера, томился, удрученный старостию и находясь при послэднему издыханию. — Чтэ за на порогахэ смерти?—«Ты (,) волкэ (,) не потерялэ то (вм. того).

(Б. 53).—«Виноватэ ли я (,) выражая радостэ», вм. какэ не выражать мнэ радостэ? (Б. 82). — «Ты не подумаешь обэ этомэ» (Б. 86), вм. да ээ своему ли ты умэ. Такой-то ученый; вм. иной ученый. (Б. 89). — «Возвратились назадэ» (Б. 113.), «возвращаетэ назадэ» (Б. 114). Вэрно можно возвращатэся впередэ.—«Покровитель» (Б. 127), вм. другэ мой, и т. д.

А вотэ и примеры простоты и ясности вэ слоге, столь необходимыхэ вэ книгэ для дэтей.

«Я *воспрепятствую* тебѣ собирать жатву», *вм. не дамъ.* (Б. 114.) — *Влечетъ,* *вм. тащитъ.* (Т. же.) Проходить черезъ поле *мстителю,* *вм. черезъ поле того, который хотѣлъ отмстить за овла.* (Т. ж.) — «Коварство часто *упадаетъ на собственнаго избрѣтателя.*» (Т. ж.) Добивайтесь тутъ смысла! — «Онъ *повелѣлъ* своему конюху». (Т. ж.) *Повелѣлъ конюху* — величественно! — И всѣ эти пять красоты находятся не болѣе, какъ въ одной коротенькой баснѣ. — «*Укушенный и обиженный* (волкъ) собаками» (Б. 162), *вм. искусанный и изувѣченный.* — «Когда змѣе люди бываютъ слабы, то *замѣчаютъ* въ нихъ покорность и *прошенье.*» (Б. 168). Хорошъ русский языкъ: замѣчаютъ прошеніе, и кто?

Но довольно! мы выписали только малую часть ошибокъ и нелѣпостей, а все ихъ набралась цѣлая куча.

Прибавьте къ этому, какъ мы сказали уже выше, частые пропуски или неправильныя разстановки знаковъ препинанія, пропуски по нѣскольку словъ, бездну корректурныхъ опечатокъ, и множество другихъ неисправностей, и вы подивитесь, что подобныя книги выходятъ, — вскорѣ за первымъ изданіемъ, — вторымъ, и притомъ, какъ значится на заглавномъ листѣ, *безъ переплыва.*

ж. покровскій.

зооморфическія существа у славянъ: птица, — конь, — быкъ, — корова, — змѣй и волкъ. *Сочиненія Г. Аванасьева, въ Отеч. Записк. 1852 года, NN 1, 2, и 3.*

Мы съ удовольствіемъ увидѣли, что г. Аванасьевъ не только послѣдовалъ совѣтамъ Москвитянина — лучше познакомиться съ сочиненіями Як. Гримма, но, кажется, вслѣдствіе нашей статьи, помѣщенной въ N 24, Іюня 1851 г. Москов. Вѣдомостей, воспользовался указаніемъ Ригъ Вѣды, столь подтверждающимъ его предположеніе о доеніи небесныхъ коровъ. Цитованная нами по сему случаю книга Норка «*Systems der mythologie*» дала, вѣроятно, и поводъ г. Аванасьеву къ его нынѣшнему сочиненію, почему и главные недостатки Норка отозвались отчасти и въ статьяхъ г. Аванасьева. Это небольшое сочиненіе Норка только сборъ фактовъ и программа дальнѣйшихъ его ученыхъ трудовъ, и единственное достоинство этой книги состоитъ въ ученыхъ выводахъ, наполняющихъ большую ея часть. Это наборъ фактовъ, догадокъ и замѣчаній, изумляющихъ громадною ученостію автора, — но безъ всякой системы, послѣдовательности и связи, чего нельзя впрочемъ и требовать отъ собранія отдѣльныхъ замѣтокъ, гдѣ мысль ежеминутно перескакиваетъ отъ одного пред-

мета къ другому, когда, напротивъ, эта нить необходима въ изслѣдованіи, гдѣ факты, какъ доказательства, являются уже на второстепенномъ планѣ.

Желательно было бы встрѣтить больше методы въ разсужденіяхъ г. Аванасьева, такъ что главная мысль не затеривалась бы во множествѣ фактовъ, но управляла бы ими: правильная расстановка матеріаловъ играетъ не мало важную роль въ разсужденіи. Здѣсь сочинителя можно сравнить съ опытнымъ генераломъ, который знаетъ цѣну каждому солдату, и на этомъ знаніи основываетъ расположеніе и движеніе своихъ войскъ на полѣ сраженія.

Обращаясь къ сочиненію о Зооморфическихъ божествахъ Словянъ, мы не находимъ въ немъ ни яснаго изложенія главной цѣли изслѣдованія, ни полнаго воззрѣнія автора на значеніе животныхъ въ мифологіи. Что животныя служили символами и атрибутами боговъ, и сами иногда получали божескія почести у языческихъ народовъ— вещь извѣстная всякому,—это фактъ, но не мысль! Дѣло, следовательно, въ томъ, чтобы опредѣлить значеніе этихъ символовъ и атрибутовъ, и показать путь, которымъ человекъ дошелъ до обоготворенія животныхъ.

Неужели г. Аванасьевъ, постоянно различая земныхъ коней, быковъ и волковъ отъ небесныхъ, можетъ предположить, что человекъ, когда бы то ни было, принималъ свѣтила и стихіи за небесныя животныя и на самомъ дѣлѣ считалъ луну за лысую лошадь, или солнце — за краснаго петуха?

Статьи г. Аванасьева требовали пространнаго предварительнаго объясненія его воззрѣнія на изслѣдуемый имъ предметъ, а нѣсколько словъ объ *эпической выразительности древняго языка* еще ни мало не объясняютъ сущности, потому что здѣсь дѣло не въ одномъ языкѣ, хотя онъ и играетъ иногда весьма важную роль въ символикѣ и іероглификѣ древнихъ народовъ. Самое слово *зооморфизма* есть нововведеніе въ нашу ученую литературу, и не всякій подписчикъ Отечественныхъ Записокъ знаетъ греческій языкъ; почему не лишне было бы для автора объяснить по-русски, что онъ понимаетъ подъ нововведеннымъ имъ словомъ.

Прежде всего, по нашему мнѣнію, практическая наблюдательность человека надъ характерами и свойствами различныхъ животныхъ, соединенная съ частною пользою, отъ нихъ получаемую, заставляла его употреблять имена и образы ихъ, какъ метафорическія выраженія отвлеченныхъ идей, которыхъ человекъ еще не могъ сознавать въ ихъ отвлеченности, и для уразумѣнія которыхъ вообра-

женіе его нуждалось въ вещественной, видимой формѣ символа. Онъ не сравнивалъ идею съ предметомъ, принятымъ за ея выраженіе, но прямо называлъ ее именемъ этого предмета; онъ физическую силу не сравнивалъ съ быкомъ, силу духа—со львомъ, отеческую любовь—съ журавлемъ, и пр., и пр., но прямо выражалъ эти понятія именами и образами быка, льва и журавля (1).

Въ сферѣ мифологіи, отъ чистаго символа обоготворяемой отвлеченности предметъ вскорѣ переходитъ въ олицетвореніе оной, и эта вещественная форма, воплощая въ себя идею божества, сама становится предметомъ обоготворенія, и такимъ образомъ олицетворяющее и олицетворяемое сливаются въ одно общее понятіе.

Впрочемъ значеніе, приписываемое какому-нибудь животному, не всегда имѣетъ свой источникъ въ религіозныхъ вѣрованіяхъ народа и не рѣдко происходитъ изъ сознательнаго сравненія, какъ въ баснѣ, аллегоріи и загадкѣ, гдѣ человекъ вполне уже обладаетъ отвлеченною мыслию и приписываетъ ей сродную форму въ мірѣ вещественномъ, тогда какъ, напротивъ, въ символикѣ человекъ понимаетъ идею постольку, поскольку соответствуетъ ей ея вещественный символъ, который остается для него вѣчно не вполне разгаданной загадкой (2).

Но приступимъ къ первой статьѣ г. Аванасьева.

«Стремительное движеніе *солта*, внезапное появленіе и исчезаніе *тучъ* и *облаковъ*, порывистое дуновеніе *вѣтра*, мгновенно-мелькающій блескъ *молніи* и мгновенно-ниспадающій ударъ *грома*, неудержимое теченіе *воды*, скорый полетъ *птицы*, едва-примѣтная быстрота пущенной *стрѣлы* и рысистый бѣгъ *коня*—все эти столько разнообразныя явленія производили одно впечатлѣніе, которое и отразилось въ мнѣнъ самымъ нагляднымъ образомъ.»

«Птица была некогда священнымъ образомъ вѣтра, молніи и свѣта; стихіямъ этимъ были приписаны свойства птицы, и наоборотъ». Здесь авторъ беретъ слишкомъ обширное понятіе птицы, которое, какъ и понятіе четвероногихъ животныхъ, слѣдовало бы разбить на

(1) Portal symboles egyptiens. Зага и Дюжарденъ принимаютъ 4 рода іероглифовъ: формальные, тропные, эмфатические и советаческіе. Ястребъ, наприкладъ, по первому роду,—изображаетъ эту птицу, по второму роду іероглифовъ, онъ означаетъ высокимъ своимъ полетомъ высоту и возвышенность; въ третьемъ родѣ онъ олицетворяетъ солнце и Горуса, какъ птица, ему посвященная; наконецъ, советачески,—звукъ его имени соединяетъ въ себя названія души и сердца—baeth ястребъ, bai—душа, eth—сердце. (Hogart. 4. 7.)

(2) Гегеля эстетика берлинскаго изданія, 1842 г., стр. 479 и 497.

несколько различных родовъ. Ктому же понятие быстроты полета несколько не принадлежит здѣсь птицѣ, но просто ея крыльямъ, ибо символъ быстроты не есть птица, а крылья. Всякое мнѣнческое существо, одаренное крыльями, становится выраженіемъ быстроты, несколько не дѣлаясь птицей; когда съ другой стороны не по быстротѣ же полета пѣтухъ посвящается солнцу, а утка—водѣ. Въ подтвержденіе своей мысли, г. Аванасьевъ приводитъ разсказъ объ индѣйскомъ царѣ Узинарѣ, изъ котораго, впрочемъ, ровно ничего нельзя заключить, кромѣ того, что когда-то Индра обратился въ ястреба. Но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы ястребъ былъ птицею Индры, точно такъ же, какъ изъ того, что Юпитеръ явился Ледв въ образѣ лебедя, несколько не слѣдуетъ, чтобы лебедь былъ птицею громовержца.

Вообще авторъ закидываетъ насъ множествомъ фактовъ, не идущихъ вовсе къ дѣлу, которые, будучи лишены объясненій, оставляютъ насъ въ полномъ недоуразумѣніи, къ чему они, и что желалъ авторъ доказать ими. Такъ, пролетаютъ мимо насъ—орелъ, посланникъ боговъ, и вороны Одина, собиратели мірскихъ новостей; тутъ же яляется и воронъ нашихъ русскихъ сказокъ, сидящій обыкновенно на дубѣ, что, быть можетъ, авторъ принимаетъ за намекъ на Перуна и вообще на божества *свѣта* и *теплоты*; тогда какъ воронъ, по нашему мнѣнію, зловѣщая птица смерти и силы нечистой, что, естественно, объясняется его цвѣтомъ и его жадностью къ падли. Это прямо противорѣчитъ свѣтлому значенію *быстроты* и *любви свѣта*.

Мы не будемъ также останавливаться на томъ, что въ среднѣе вѣка было повѣрье о тайной связи орла съ вѣтромъ (?), или что утка, несущая золотыя яйца, намекаетъ на стихію свѣта и жаръ-птицу, съ которой авторъ какъ-то связываетъ названіе самаго теплаго времени лѣта *осарами*. Не знаемъ, относится ли также къ мнѣнческому значенію нашей сказочной птицы жара сильно нагрѣтой комнаты, или многочисленнаго рауга? Вообще всякая метафора, каждое риторическое иносказаніе принимаетъ подъ перомъ г. Аванасьева совершенно новое мнѣнологическое и зооморфическое значеніе, такъ напримеръ: мчаться струмою, летѣть на крыльяхъ вѣтра, горѣть пламенной любовью, и пр., и пр. Мы не удивимся, если съ этой точки зрѣнія со временемъ какой-нибудь ученый изслѣдователь отыщетъ языческое значеніе и въ выраженіяхъ: разсыпаться въ комплиментахъ, плавать въ морѣ звуковъ, (выраженіе городской хроники Московскихъ Вѣдомостей), или изъ себя выходить отъ гнѣва, напоминающее шуточный разсказъ объ охотникѣ, который, промахнувшись въ волка, такъ изъ себя вышелъ, что волкъ въ него влѣзъ.

«Одно впечатлѣніе быстроты сблизило стихин съ птицею и съ конемъ,» говоритъ авторъ; почему и начинаетъ показывать намъ коня, какъ олицетвореніе луны во многихъ народныхъ загадкахъ. Но мы не знаемъ, имѣеть ли эта догадка прямое мифологическое подтвержденіе, почему и дозволимъ себѣ почестъ эти загадки за произвольныя аллегоріи ихъ сочинителей. Солнцу, конечно, посвящался конь, но конь *блѣмый*; слѣдовательно, онъ принадлежалъ богамъ свѣта не по роду своему, а по значенію блага цвѣта, какъ *блѣмый* пѣтухъ и *блѣмый* быкъ.

Сближеніе коня съ громомъ основываетъ авторъ на слѣдующемъ:

Сивка-Бурка врякаетъ по туриному, «и это выраженіе указываетъ, говоритъ онъ, на зооморфическій образъ быка, который придавался свѣтиламъ, дождевымъ тучамъ и грому». Положимъ, такъ, но врякнулъ ли Бурка, какъ солнечный или какъ громовой туръ,— авторъ намъ не объясняетъ.

«Конь бѣжить — земля дрожить», и въ какой-то пѣснѣ сказанъ: «громъ грми, се земля тресе»,—да еще къ тому же въ галичкѣй загадкѣ громъ сравнивается съ бѣгомъ 100 коней, — какъ изъ всего этого не заключить, что конь былъ зооморфическимъ образомъ грома! Но если по улицѣ, какъ *молнія* пронесется, съ *громомъ* и трескомъ, тяжелый экипажъ, отъ котораго и земля и всѣ дома трясутся, то эта карета не будетъ ли *армаморфическимъ* образомъ грома? Тѣмъ болѣе, что Перунъ и Донаръ имѣли свои колесницы, о чемъ и упоминаетъ авторъ въ подтвержденіе сближенія коня съ громомъ, хотя донарова колесница была запряжена козлами⁽³⁾, а упряжь перуновой колесницы осталась для насъ неизвѣстною.

Сближеніе коня съ водою гораздо удачнѣе, тѣмъ болѣе, что оно весьма основательно доказано уже Норкомъ⁽⁴⁾. О значеніи быка въ мифологіи, къ сожалѣнію, г. Аванасѣвъ много не досказалъ, а притомъ на 3-хъ страницахъ, которыя онъ посвятилъ этому предмету, сказалъ и много лишняго. Изъ какой-нибудь народной загадки, гдѣ морозъ, рѣка или колодець изображаются подъ видомъ быка, не слѣдуетъ еще, что быкъ былъ зооморфическимъ образомъ мороза, рѣки и въ особенности колодца (*быкъ реветъ, хвостъ деретъ*).

Къ чему также ничего не доказывающій цитатъ о похищеніи Европы? Не скорѣе ли слѣдовало бы упомянуть о быкѣ Абудадѣ, этомъ первобытномъ твореніи (земной материкѣ), содержавшемъ въ

⁽³⁾ Смог. въ мартовской книгѣ От. З. Зоомор. Божества г. Аванасѣва, выноски 5 и 45.

⁽⁴⁾ Стр. 157.

себя начало всего жь лучшего, который, умирая подь ножомъ Митраса, олицетворяетъ собою принципъ матеріальный, побѣжденный духовною силою чловѣка (*)?

Гораздо полнѣе и яснѣе очерченъ нашими народными преданіями образъ огненнаго змѣя, которому г. Аванасевъ посвящаетъ вторую статью зооморфическихъ божествъ. Эта статья отличается отъ первой не только бѣльшею ясностью изложенія и лучшею группировкою фактовъ, но въ ней еще встрѣчается много счастливыхъ догадокъ и въ особенности весьма вѣренъ взглядъ автора на развитіе нашей славянской миеологии, когда онъ замѣчаетъ, что «вглядываясь въ различныя преданія объ огненномъ змѣѣ, нельзя не видѣть въ нихъ соединенія въ одно цѣлое языческихъ вѣрованій, создавшихся въ разныя эпохи, и нужна осторожность, чтобъ отдѣлить черты первоначальныя отъ позднѣйшихъ, потому что всѣ онѣ заключились въ одномъ пластическомъ образѣ».

«Огненный змѣй и Перунъ — миеы тождественныя; и тотъ и другой олицетворяли молнію, но въ разныхъ образахъ, соответствующихъ разнымъ эпохамъ языческаго развитія. Когда язычество стало принимать пластическія формы, то сила небеснаго огня, молніи, первоначально выразилась въ образахъ птицы, быка, коня и огненнаго змѣя, и уже подь конецъ языческаго развитія облеклась въ антропоморфическій образъ Перуна».

«И такъ, изъ животныхъ олицетвореній миеы начиналъ переходить въ форму антропоморфическую, при чемъ составились баснословныя, чудовищныя смѣшенія чловѣка съ змѣемъ и конемъ. На этомъ остановилось развитіе миеа, который еще не успѣлъ вполне усвоить себѣ исключительно чловѣческой образъ. Вотъ одна изъ главныхъ причинъ, почему народъ, забывшій о Перунѣ, очень хорошо помнить и вѣщаго коня—Сивку—Бурку и огненнаго змѣя».

Эти послѣднія слова совершенно сходны съ давно уже высказаннымъ нами мнѣніемъ, что у насъ на Руси языческіе боги не развились до свободной индивидуальности чловѣка, достигнутые кристіанствомъ на степени объективныхъ образностей (*). Странно только намъ слышать эти слова отъ г. Аванасева, постоянно отыскивавшаго въ прежнихъ своихъ сочиненіяхъ затеряныя біографіи и родословныя наники боговъ, когда они, съ нашей точки зрѣнія, никогда не могли имѣть ихъ, потому что славянская миеология не

(*) Guigniaut Relig de l' Antiquité, часть 1, стр. 354. Сравни Гегеля,—Эстетика,—его мысли о персидской символикѣ.

(*) Миеы славян. язычества, стр. 5, и во Временникъ И. О. И. и Др., N 9, начало нашей статьи о родѣ и рожаницѣ.

развилась до личной человеческой жизни божествъ древняго міра (?). Жаль только, что г. Аванасьевъ, увлекаясь болѣе или менѣе удачными сблизженіями и догадками, придаетъ слишкомъ обширное значеніе огненному змѣю, или, — чтобы яснѣе выразить нашу мысль, — жаль, что онъ не обращаетъ довольно вниманія на отдѣльныя значенія различныхъ стихій. стараясь постоянно приводить ихъ къ одному знаменателю божествъ *свѣта и тепла*, мнѳическимъ символомъ которыхъ онъ почитаетъ змѣя.

Мы полагаемъ, что начало всякой мнѳологіи въ первыя времена человечества было, — если не сознательный деизмъ позднѣйшихъ эпохъ, — то по крайней мѣрѣ обоготвореніе единой силы жизни во всѣхъ ея видимыхъ проявленіяхъ. Но какъ только человекъ сталъ жить и наблюдать за природою, онъ замѣтилъ различія явленій, и перенесъ эти различія и въ свою религію; отчего и произошелъ этотъ космогоническій политеизмъ, на которомъ зиждется вся мнѳологія древняго міра. Дѣло философіи отыскивать эту первоначальную точку отправленія человеческой мысли, когда всѣ стихіи, всѣ явленія, всѣ предметы сливались въ одно единое понятіе; но мнѳологу нѣтъ дѣла до той эпохи, когда не было еще и мнѳологіи. Тѣмъ не менѣе результатъ изслѣдованія г. Аванасьева о змѣѣ есть именно это слитіе всѣхъ стихій и предметовъ обоготворенія въ одно единое понятіе *свѣта и теплоты*. Всѣ многообразныя представленія свѣтила, грома, молніи, огня, воды, тучъ, вѣтра, дождя, птицъ, быка, коня, стрѣлы, металловъ, метеора, земной растительности, рожденія, любви, молодости, красоты, силы и здоровья — сливаются въ статьяхъ г. Аванасьева въ одно единое понятіе, тождественное съ представленіемъ огненнаго змѣя. Почему, какъ скоро авторъ встрѣчаетъ въ поговоркѣ, пѣснѣ или загадкѣ одинъ изъ этихъ синонимовъ *огненнаго змѣя*, тотчасъ и полагаетъ уже себя въ правѣ прямо относить это преданіе къ зооморфическому значенію дракона. «Сила небеснаго огня, молній, первоначально выразилась въ образахъ птицы, быка, коня и огненнаго змѣя».

«Лучи солнечные и молнія въ первоначальномъ языческомъ представленіи отождествлялись, оба явленія понимались подъ видомъ небесныхъ стрѣлъ».

Въ природѣ громъ и молнія сопровождаются вѣтромъ и дождемъ».

«Индѣйское повѣріе называетъ молнію дитятею облака (тучи); наша пѣсня поетъ: туча съ громомъ сговаривались».

«Также оплодотворяющая сила (дождя и грома) приписывается звѣздамъ и огненному змѣю».

(?) Въ томъ же N Временника статья г. Аванасьева объ островѣ Буянгъ, стр. 3.

«Выраженіе: идти дождю струями, (въ Словѣ о полку), уподобляет паденіе дождя тому же полету струй».

«Преданія поставляютъ огненнаго змѣя въ близкія отношенія съ водою».

«Тайна рожденія для язычника была неразгаданнымъ дѣломъ боговъ свѣтлыхъ, боговъ жизни, какими представлялись ему солнце и молнія».

«Огненному змѣю народныя повѣрья приписываютъ храненіе золота, серебра и кладовъ; надъ кладами всегда горитъ свѣча. Замѣтитъ ли кто-нибудь свѣчу, увидитъ ли огненнаго змѣя, въ обоихъ случаяхъ долженъ произнести: разсыпся, послѣ чего кладъ рассыпается деньгами, а змѣй — искрами».

«Чувство любви для язычника является дѣломъ боговъ свѣта».

«Оплодотвореніе челоуѣка, выражаемое у язычниковъ любовью огненнаго змѣя къ дѣвицѣ».

«Стрѣла есть символъ молніи и огненнаго змѣя».

«Соединяя съ огненнымъ змѣемъ идею оплодотворенія, народная фантазія послѣдовательно приписала ему и дары здравія, крепости силъ и молодости. Пробужденіе природы и дарованіе красоты и здоровья, поставлены народнымъ повѣріемъ въ самое близкое соотношеніе съ первымъ весеннимъ громомъ и дождемъ; обаятельная красота и богатырская сила змѣя достаточно подтверждаютъ наше положеніе, и пр., и пр.»

Нисколько не отвергая истины многихъ положеній г. Аванасьева, мы не можемъ однакожъ не замѣтить, что между самыми разнородными предметами можно всегда отыскать наконецъ какое-нибудь соотношеніе, почему и охотно беремся сблизить огненнаго змѣя съ любимымъ предметомъ ежедневнаго домашняго быта; доводы всегда найдутся, но уже за качество ихъ не взыщите! Натянутости и шаткости доводовъ и доказательствъ въ статьяхъ г. Аванасьева можно подтвердить многими примѣрами. Что огненный змѣй олицетворяетъ собою и водяную стихію, авторъ доказываетъ, напримѣръ, тѣмъ, что есть рѣчки: Змѣица, Змѣевка, какъ будто эти названія не произошли, просто, отъ извилистаго теченія этихъ ручьевъ, подобнаго змѣю. Во французскомъ языкѣ змѣеобразное теченіе рѣкъ выражается глаголомъ *serpenter*, — это просто эпическое выраженіе, но не воспоминаніе мнѣическаго значенія дракона. Касательно мнѣическаго значенія *молока*, г. Аванасьевъ также совершенно упустилъ изъ виду, что молокомъ кормились простые змѣи, потому что змѣи и ужы любятъ молоко, почему при ловлѣ эхиднъ кипятятъ на полѣ молоко и разливаютъ его по землѣ, чтобы запахомъ его привлечь этихъ

змѣй^(*). Хотя огненный змѣй и летаетъ иногда къ краснымъ дѣвицамъ и къ чародѣйкамъ, но изъ этого не слѣдуетъ еще, чтобы онъ былъ нашимъ славянскимъ купидономъ, и, если любовь называется *горючею*, и въ пѣсни поется:

«Не огонь горитъ, не смола кипитъ,
«А горитъ кипитъ ретиво сердце»,—

то неужели и здѣсь скрывается образъ змѣя? Интересно было бы посмотреть съ этой точки зрѣнія на цыганскія пѣсни, гдѣ огонь любви играетъ всегда такую важную роль.

«И огнемъ горитъ,
И ключемъ кипитъ
Кровь горячая
Молодецкая» —

ужъ не величаніе ли огненного змѣя, на котораго, повидимому, указываютъ здѣсь не только главные стихіи огня и воды, но и выраженіе—*молодецкая*, если основываться на положеніи г. Аванасьева, что молодость и молодечество, въ нашихъ народныхъ сказаніяхъ, олицетворяются огненнымъ змѣемъ, оборачивающимся въ молодого молодца несказанной красоты.

Статью свою о змѣѣ заключаетъ авторъ любимую своею мыслью^(*), что весь злой характеръ огненного змѣя, которымъ пропитаны преданія о немъ, — не только у насъ, но и на западѣ Европы, — только позднѣйшій результатъ христіанскаго воззрѣнія, — съ чѣмъ мы, признаемся, не совсемъ согласны, хотя въ самомъ дѣлѣ въ нашихъ сказкахъ о богатыряхъ, принадлежащихъ уже эпохѣ христіанства, огненный змѣй является аллегорическимъ олицетвореніемъ погибающаго язычества.

Съ этимъ позднѣйшимъ значеніемъ змѣя, авторъ переходитъ къ силѣ нечистой и темной, которой главное олицетвореніе, по его словамъ, зооморфическій образъ волка.

Въ одномъ мѣств Кормчей книги, найденной Миклошичемъ, говорится о вълкодлацахъ (волколаки, врькодлаки), съѣдающихъ луну и солнце.

«Мрачныя тучи и затмѣнія, замѣчаетъ авторъ, какъ бы поведуютъ небесныя свѣтила».

«Выраженіе: дунуль чортъ на небо—и яркія звѣзды потухли, указываетъ на вѣтеръ, который приноситъ тучи, закрывающія собою свѣтила».

^(*) Les derniers pausans, p. E. Souvestre, стр. 179.

^(*) См. критику г. Кавелина на статью: Вѣдунъ и Вѣдьма. От. Зап. 1851 г., гдѣ уже встрѣчается тоже замѣчаніе.

«Затмѣніа солнца и луны, продолжаетъ онъ, у всѣхъ языческихъ народовъ объяснялись враждебнымъ нападеніемъ стихій тьмы на эти свѣтила». Здѣсь объясняетъ намъ авторъ,—почему пугался нашъ народъ при видѣ внезапнаго мрака, происшедшаго отъ полнаго солнечнаго затмѣнія: «Всѣ животныя приходятъ въ страшную тревогу, говоритъ онъ, птицы упадаютъ на землю, домашній скотъ обнаруживаетъ видимое безпокойство», и человекъ, следуя ихъ примѣру, также начинаетъ тревожиться и обнаруживать видимое безпокойство, какъ будто онъ не могъ самъ по себѣ испугаться, необычнаго и ему непонятнаго явленія? Тутъ слѣдуетъ длинная и любопытная выписка изъ нашихъ лѣтописей всѣхъ бывшихъ затмѣній отъ 1063 до 1475 года. Послѣ чего г. Аванасевъ оканчиваетъ свое разсужденіе краткимъ сближеніемъ мифическихъ образовъ волка и огненнаго змѣя (въ его вредномъ значеніи) съ нашими преданіями о Вѣдунахъ, Вѣдьмахъ и чародѣйствіи вообще.

Мы до сихъ поръ ограничивались возраженіями г. Аванасеву на отдѣльныя замѣчанія и сближенія: о птицѣ, конѣ, быкѣ и змѣѣ. Что же касается до волка, намъ нельзя не сказать здѣсь нѣсколько словъ о томъ, какъ мы понимаемъ его мифическое значеніе, прямо противорѣчащее мнѣнію г. Аванасева.

Волкъ у всѣхъ древнихъ народовъ почитался символомъ солнца и свѣта вообще. Латона, мать Аполлона и Діаны, представляется подъ видомъ волчицы; Ликія—страна свѣта и въ то же время страна волковъ. Вспомнимъ Зевса и Аполлона Ликійскихъ, и городъ Ликополисъ, гдѣ обоготворялся свѣтъ въ видѣ волка и посвящался Озирису и сыну его Горусу, т. е. Солнцу. Годъ на греческомъ языкѣ носитъ эпическое названіе *волчьяго года*—*λυκαῖος*, и вообще греческое имя *λυκος* сходно съ названіемъ свѣта *lux*, такъ же какъ и на латинскомъ языкѣ *lupus* и *lux-licht*—лучъ. Вотъ почему волкъ считался вездѣ добрымъ знакомъ. Данай видя, что волкъ бросился на стадо коровъ, принялъ это за предзнаменованіе побѣды и вспоминаетъ объ Аполлонѣ⁽¹⁰⁾. То же значеніе имѣлъ волкъ и у Германцевъ, и у насъ, что объясняетъ намъ вполне приведенное г. Аванасевымъ, какъ оружіе противъ самаго себя, мѣсто изъ лѣтописей: Идущема же има (на битву), стапа нчлѣгу, и яко бысть «полунощи, вставъ Бонякъ, отъѣха отъ вой, и поча выти волчьски, *ми волкъ отвыся ему, и начаша волци выти мнози*. Бонякъ же «пріѣхавъ, поведа Давыдови: *яко побѣда ны есть на Угры заутра*».

(10) Guignaut ч., 2, стр. 106, до 113 Nork-syst. d. hologmytie стр., 164, в Леонтьева, о поклошеніи Зевсу, стр. 102.

Такое значеніе вполне объясняется тѣмъ, что все боги свѣта были воинственны, и оружія постоянныя ихъ атрибуты, почему и Лютыи волкъ легко могъ быть принятъ за символъ грознаго бога войны, ⁽¹¹⁾ и его имя перейти въ любимое прозвище воина или храбраго мужа. Отсюда выраженіе: волкъ мазовецкій—мужъ, отсюда и множественство именъ и прозвищъ словянскихъ и нѣмецкихъ, происходящихъ отъ волка ⁽¹²⁾, какъ: Вольфъ—Вульфъ, Вукъ—Вуколъ и Волкъ Все-славичъ,—герой нашихъ сказокъ, также названія некоторыхъ племенъ, какъ: Волчки или Лютичи ⁽¹³⁾. Въ словъ о полку встрѣчаются нѣсколько разъ выраженія: «Скочи вѣлкомъ до Немичи» или: «Ночь вѣлкомъ рыскаше»,—великому Хръсов—и вѣлкомъ путь прерыскаше», и пр., означая этимъ воинскіе набѣги. Вообще, съ понятіемъ войны соединилось здѣсь и понятіе грабежа и разбоя. Въ готскомъ языкѣ встрѣчается глаголь *vīvaþ*—грабить и *vīva*—грабитель; въ скандинавскомъ *vargr* значить не только волкъ, но и разбойникъ, *воръ*. Во Франціи живетъ донынѣ повѣрье о волчьихъ вождяхъ, т. е. людяхъ, имѣющихъ власть употреблять волковъ, какъ простыхъ гончихъ собакъ ⁽¹⁴⁾. Это повѣрье въ тѣсной связи съ сказаніемъ о людяхъ, обращающихся въ волка *loup-garçon*, вродлаки или волколаки, о которыхъ упоминаетъ уже Геродотъ, по случаю Невровъ, въ чемъ Шафарикъ видитъ аллегорическій намекъ на воинственные набѣги Лютичей и Вильцевъ, жившихъ въ соседствѣ мирныхъ жителей земли Нурской ⁽¹⁵⁾.

Мы надѣемся, что авторъ извинитъ намъ нѣкоторыя замѣчанія, которыя могутъ показаться нѣсколько рѣзкими, извинитъ намъ шутки, невольно вырвавшіяся изъ-подъ пера, и приметъ наши серьезныя возраженія, какъ знакъ истиннаго уваженія къ его трудолюбию, начитанности и таланту. Занимаясь съ авторомъ статьи однимъ и тѣмъ же предметомъ, мы постоянно принимаемъ самое живое участіе въ его новыхъ трудахъ и успѣхахъ, и, постоянно пользуясь для нашихъ изслѣдованій сочиненіями г. Аванасьева, всегда съ особеннымъ удовольствіемъ ссылаемся на нихъ,—что, впрочемъ, не со-всеми случается

⁽¹¹⁾ Ливійскій Зевсъ—богъ грозный и кровавый—*ibidem*, ст. 104.

⁽¹²⁾ Семейство Волковыхъ имѣетъ въ гербу своемъ девизъ: «Храбрые волки». Волкъ посадскій новгородскій и многія географическія названія отъ волка См. II часть Энциклоп. лексикона, изд. Пшчаромъ.

⁽¹³⁾ Статья проф. Буслева, въ 10 N Временника.

⁽¹⁴⁾ Франц иллустрація 1851 г., N 459, статья Жоржъ-Занда: «Les visions de la nuit».

⁽¹⁵⁾ Шафарика Слав. Древн. въ русскомъ переводѣ, часть II книга 1., стр. 325 и слѣдующія.

въ нашей ученой литературѣ, гдѣ часто писатели, следуя правилу Волтера, не только обираютъ какого-нибудь своего собрата, но окончательно убиваютъ его, т. е. не упоминаютъ объ его имени.

Не смотря на многія возраженія, сдѣланныя нами на изслѣдованіе о зооморфическихъ божествахъ, никто болѣе насъ не извинитъ ошибокъ, натяжекъ и не совѣтъ вѣрныхъ выводовъ, неизбежныхъ въ области науки, какова славянская мифологія, отъ которой фактическихъ доказательствъ и строгихъ историческихъ доводовъ почти и требовать не возможно, гдѣ единственный путь, открытый для изслѣдователя—его произвольныя и личныя догадки и предположенія.

Вотъ почему рецензентъ не долженъ терять изъ виду того, что иногда одна дѣльная мысль вполне выкупаетъ десятокъ опрометчивыхъ догадокъ. Но въ то же время, чѣмъ болѣе онъ цѣнитъ достоинство сочиненія, тѣмъ строже онъ къ его ошибкамъ; чѣмъ болѣе уважаетъ талантъ автора, тѣмъ болѣе и требуетъ отъ него. Есть, конечно, у насъ и такіе рецензенты, которые изъ цѣлаго сочиненія вырываютъ только тѣ отдѣльныя фразы, которые подають имъ поводъ къ какому-нибудь красному словцу, какъ есть и друзья-рецензенты, которые пишутъ критику только изъ того, чтобы представить автору возможность одержать надъ ними въ антикритикѣ блестящую и легкую побѣду. Да и мало ли у насъ всякаго рода рецензентовъ? Есть рецензенты, движимые личной враждой и частной завистью къ тому или другому сочинителю; есть рецензенты, вооружающіеся противъ всѣхъ и cadaго вообще и бранящіе сочиненія, даже не читавши ихъ; есть, наконецъ, и авторы, разбирающіе очень снисходительно свои собственныя произведенія, которыя подъ роднымъ перомъ представляются въ самомъ выгодномъ свѣтѣ для нихъ. Но всѣ эти рецензенты—люди, не уважающіе въ душѣ ни труда, ни науки; почему, сознавая свю несправедливость они обыкновенно скрываются подъ скромною личиною анонима. Подобные рецензенты унижаютъ высокое, благородное призваніе критики, которая, нисколько нещады мелкаго авторскаго самолюбія въ его ошибкахъ и промахахъ,—въ то же время отдастъ полную справедливость всему хорошему и дѣльному. И если критика впадетъ иногда въ полемику и доходить до жаркой борьбы, то борьба эта должна всегда оставаться борьбою открытою и благородною, и никогда, мы въ томъ увѣрены, такого рода критика не оскорбитъ человека, который любитъ науку и добросовѣстно ей предается; потому-что въ самой строгости подобной критики онъ увидитъ, какъ мы уже сказали, ясное доказательство уваженія къ сочиненію и сочинителю.

Д. ПИЩИНЪ.

ЖУРНАЛИСТИКА.

ОТЧЕТСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ. 1852 года. № 3, МАРТЬ.

Чужая душа потёмки. Поговорка—*Евгению Турь.* Избывая двусмысленныхъ отзывовъ, скажемъ прямо, что новое произведение г-жи Турь намъ очень не нравится, и не нравится по многимъ причинамъ. Если бы даже подъ этой поговоркой было подписано и другое имя, она все-таки была бы явленіемъ мало утѣшительнымъ въ литературѣ; но видѣть имя, пріобрѣтшее уже значительную извѣстность, подъ такую слабою вещью, какъ «Чужая душа потёмки» неприятно въ особенности. Въ наше время, когда критика, вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ, почти совершенно утратила для публики свое настоящее значеніе, и едва ли имѣетъ вліяніе на ея судь о произведеніяхъ, людямъ, неспособнымъ къ самостоятельной оцѣнкѣ литературныхъ явленій, остается только одно—вѣрить въ имена, почему-нибудь уже получившія право на уваженіе. — Что же будетъ, если и въ этомъ отношеніи ихъ ожидаетъ иногда измена? Это первое. Во вторыхъ, новое произведение г-жи Турь не нравится намъ потому, что въ немъ мы видимъ упорство автора, послѣ замѣчаній критики, стараться ввести въ нашу литературу тотъ легкій родъ произведеній, который даетъ возможность умному автору не отдѣлывать своихъ произведеній, не заботиться объ ихъ художественной формѣ, а бросать публикѣ каждую бѣглую мысль, навѣянную жизнью или разсужденіями, въ той формѣ, какая попалась подъ руку. Извѣстно, что даже пруспѣть въ этомъ родѣ умному и даровитому человеку очень легко, но успѣхъ и ловкость автора въ этомъ отношеніи развиваются на счетъ серьезнаго взгляда, котораго сохраненіе такъ желательно въ нашей литературѣ. Подобная легкость и поверхностность взгляда на жизнь прирождена напр. французамъ, оттого легкія произведенія, въ родѣ пословицъ, тамъ могутъ имѣть приличное мѣсто, и какъ во всякомъ, естественно и безъ натяжки развивающемся родѣ, въ нихъ есть своя блестящая сторона, которой нѣтъ еще пока въ нашихъ подражательныхъ попыткахъ этого рода, да едва ли и будетъ когда. Наконецъ, въ третьихъ, мы считаемъ нужнымъ замѣтить г-жѣ Турь, что по роду ея таланта, ей всего болѣе нужно стараться чтобъ не выпускать въ свѣтъ такіа произведенія, въ которыя, хотя и положена дѣльная мысль, но ни характеры, ни положенія не обрисовались еще съ достаточною ясностью, и самый языкъ дѣйствующихъ лицъ не выра-

ботался до той оконченности, при которой онъ становится настоящимъ разговорнымъ языкомъ, а не языкомъ автора, говорящаго за своихъ дѣйствующихъ лицъ. Слѣдя съ участіемъ за развитіемъ таланта г-жи Туръ, мы въ особенности просимъ ее остановиться на этомъ замѣчаніи, если она думаетъ вмѣстѣ съ нами, что постоянно растущій успѣхъ таланта зависитъ преимущественно отъ выдѣлки тѣхъ сторонъ таланта, которыя не заложены сильно въ самой его природѣ. Мы увѣрены, что богатство мысли и горячности къ вопросамъ жизни никогда не оставитъ уважаемаго нами автора, оттого-то и рекомендуемъ ему съ такою настойчивостью обратить преимущественное вниманіе на ту сторону произведеній, которыя сообщаютъ имъ истинно-художественную форму. Попытки же въ родѣ «перваго Апрѣля» и «Чужая душа потѣмки»—ведутъ не по этой дорогѣ.

Для полноты отзыва намъ, пожалуй, слѣдовало бы замѣтить, что новое произведеніе г-жи Туръ не совершенно лишено достоинства. Въ немъ есть довольно дѣльная мысль, изъ которой можно бы сдѣлать нечто получше. Но эту мысль, въ ея настоящемъ видѣ, можно вынуть изъ той quasi-художественной формы, въ которую она облечена, и сохранить въ памяти для приложенія къ собственнымъ наблюденіямъ надъ жизнью, или для другихъ употребленій, не забывивъ вмѣстѣ съ тѣмъ ни одной подробности, ни одной живой черты изъ самаго произведенія, которое назначено было воплотить ее. Нужно ли говорить, что это значить? Такъ какъ «пословищъ» г-жѣ Туръ не достаетъ даже легкости и живости, единственно доставляющихъ наслажденіе въ произведеніяхъ этого рода, то оно даже и читается скучно. Высказавъ искренно наше мнѣніе, мы считаемъ не нужнымъ оговариваться и извиняться предъ г-жею Туръ, и вообще подслащать чѣмъ-нибудь нашъ отзывъ.

Проселочныя дороги. Романъ безъ интриги Д. В. Григоровича, часть третья. Объ этой третьей части, какъ и о другихъ, до окончания романа мы не будемъ говорить подробно, но, не можемъ не указать на Балахнова, который такъ же хорошъ, какъ и въ первыхъ двухъ частяхъ, на искусно представленныя отношенія Бобохова къ московскому денди—плуту, Тохтамышеву, и на книжную лавку съ ея хозяйномъ, нарисованную бойкою кистью.

Зооморфическія божества у Славянъ, соч. г. Аванасьева, окончились въ этомъ номерѣ статьей третьей и послѣдней. Оставляя ещѣ специалистамъ разбирать достоинство и значеніе въ литературѣ этихъ статей, мы можемъ замѣтить только, что общее впечатлѣніе, оставленное ими въ читателѣ, очень смутно. (См. выше).

Обратимъ вниманіе читателей еще на двѣ статьи въ отдѣлѣ библиографіи, интересныя хотя и въ различныхъ отношеніяхъ. Первая есть разборъ «Каталога восточныхъ рукописей и ксилографовъ, хранящихся въ Императорской публичной библиотекѣ». Онъ написанъ, — профессоромъ С. Петербургскаго университета А. К. Казембекомъ, и замѣчательнъ многими любопытными подробностями о библиотекахъ древнихъ и новѣйшихъ, а также интересными свѣдѣніями о постепенномъ усиленіи богатствъ Императорской публичной библиотеки. Мы советуемъ бы прочесть эту рецензію даже и тѣмъ, кто обыкновенно мало интересуется отдѣломъ библиографіи. Вторая статья есть рецензія на романъ *М. Авдьева* — «Тамаринъ», печатавшійся въ Современникѣ, и теперь вышедшій отдѣльною книгой. Въ этой рецензіи Отечественныя Записки отступаютъ отъ высказаннаго ими прежде мнѣнія о романѣ г. Авдьева, и соглашаются въ сужденіи своемъ съ тѣмъ, что говоритъ самъ авторъ въ предисловіи о цѣли и значеніи своего романа. Цѣль же эта состояла, по его словамъ, въ томъ, чтобы *«показать обществу и челоуку, какъ они добродушно обманывались, и показать разоблаченіе этого обмана»* т. е. открыть и самимъ Тамаринымъ (новой формѣ Печорина) глаза на себя и публикѣ представить ихъ въ настоящемъ свѣтѣ. Мы не потому не довольны этой рецензіей, что видимъ въ ней отступленіе отъ прежде высказаннаго мнѣнія; напротивъ, эта готовность сознаться въ своей ошибкѣ даже нравится намъ. Точно также не можемъ мы порицать и того, что Отечественныя Записки выписываютъ *«оправданіе»* г. Авдьева и выражаютъ свое сочувствіе къ благородной цѣли, руководившей авторомъ при сочиненіи романа. Все это такъ и слѣдовало сдѣлать. Но не нужно было запутывать вопроса, не нужно было отказываться отъ той мысли, что между цѣлью, о которой говорить г. Авдѣвъ въ предисловіи, и исполненіемъ есть большая разница. Мы готовы и съ своей стороны видѣть въ «Тамаринѣ» попытку разоблачить новѣйшихъ Печоринныхъ, но не можемъ не сознаться, что эта попытка мало удачна. Въ этой любви, съ которой авторъ рисуетъ своего героя, много привлекательнаго для неопытныхъ сердецъ, что дѣйствуетъ вредно, и въ чемъ безъ сомнѣнія виноватъ самъ авторъ, не совладавшій съ типомъ, за который взялся и сохранившій ложныя къ нему отношенія, что очень странно при ясно сознанной цѣли.

Притомъ, какъ объяснить такое произведеніе г. Авдьева, какъ «Геръ», которое написано послѣ «Тамарина» и, слѣдовательно, должно бы было сдѣлаться новымъ шагомъ на пути избранномъ авторомъ;

а между тѣмъ страдаетъ еще меньше ясными отношеніями сочинителя къ лицамъ, напоминающимъ собою Тамарина. Все это следовало обдумать критику От. Зап. предсказывая *прочный* успѣхъ «Тамарину». Мы съ своей стороны не желали бы успѣха этому роману въ его настоящемъ видѣ, хотя бы и отъ души желали успѣха автору въ его послѣдующихъ произведеніяхъ, гдѣ *мысль* не будетъ уже въ такомъ разладѣ съ дѣломъ. — Въ заключеніе мы не можемъ не обратить вниманія въ отдѣлѣ журналистики на отзывъ критика Отечественныхъ Записокъ о комедіи г. Писемскаго «Ипохондрикъ». Прежде всего насъ очень неприятно поразила новая манера критики посредствомъ анекдотовъ. Неужели о комедіи г. Писемскаго нельзя было сказать что *нибудь* посерьознѣе? и неужели, остроумно разсказавъ въ смѣшномъ видѣ содержаніе комедіи, прибавить потомъ «завязка новой комедіи г. Писемскаго совершенно à la Потемкинъ. Тѣтушка Соломонида Платоновна вызвала Дурнопечина въ узднѣй городъ рѣшительно для того, чтобы перепрыгнуть только черезъ ипохондрию племянника.» Вѣдь эдакъ и про женитьбу Гоголя можно сказать также, что Кочкаревъ только перепрыгнулъ черезъ нерѣшительность Подколесина. Судите же сами, г. критикъ, какъ бы это было удовлетворительно и добросовѣстно! Не говоримъ уже объ искусствѣ такъ писать отзывы о хорошихъ произведеніяхъ, напечатанныхъ въ другихъ изданіяхъ, что говорится и о несомнѣнномъ талантѣ автора и о другихъ подобныхъ вещахъ, а въ цѣломъ читатель выноситъ очень неблагоприятное разбираемому произведенію впечатлѣніе. Искусство это несомнѣнно принадлежитъ критикамъ Отечественныхъ Записокъ, да вѣдь не всѣ же искусства равно прекрасны!

СОВРЕМЕННИКЪ, МАРТЬ. — Въ отдѣлѣ Словесности въ этой книжкѣ съ удовольствіемъ читается только «Миланъ» г. Яковлева, все же остальное читается съ чувствомъ противоположнымъ. — Особенно неприятно читать стихотвореніе г. Некрасова «Блаженъ незлобивый поэтъ», не потому впрочемъ, что стихъ изъ рукъ вонъ плохъ, (это куда-бъ ужъ ни шло), а потому, что оно написано на *извѣстную* тему и по *извѣстному* поводу. — Не можемъ оставить безъ вниманія странной ошибки въ романѣ г. Писемскаго; на стр. 132, объясняя отношенія степочкиной матери къ матери его невесты, авторъ между прочимъ говоритъ: «Вотъ какъ хорошо пло (что?) между *двумя будущими свекровьями* и т. д.»

«Хроника общественной жизни въ Москвѣ съ половины XVIII столѣтій» статья г. Забѣлина. — Жизнь нашего общества въ прошломъ столѣтій представляетъ разительное смѣшеніе крайнихъ противоположностей; обычаи древне-русскіе, гонимые преобразованиемъ, хранились еще въ значительной части общества и туго уступали европейскимъ формамъ, какъ чуждымъ, и, по ихъ новости, страннымъ. — Даже до сихъ поръ рѣшительное усвоеніе иностранныхъ формъ остается исключительно за высшимъ кругомъ; тамъ только можно встрѣтить безукоризненно вѣрныя парижскому образцу одежды, тамъ въ совершенствѣ сохраняется правильное иностранное произношеніе. Средній классъ только стремится, но не достигаетъ, испытывая «муки Тантала»; нечего и говорить про остальные сословія. — Случается, правда, видѣть изъ молодыхъ купчика: идетъ рядомъ съ французомъ съ Кузнецкаго Моста—никакъ отличить нельзя, «но это уже дѣло личнаго таланта», какъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, выражается «Современникъ». Если и теперь еще дѣло въ такомъ положеніи, что-же должно было быть въ прошломъ столѣтій? На этотъ вопросъ прекрасно отвѣчаетъ статья г. Забѣлина, на которую мы съ особеннымъ удовольствіемъ обращаемъ вниманіе читателя, хотя есть въ ней два-три слова, вызывающія на споръ.... Особенно любопытны извѣстія о нѣмецкихъ *штукмейстерахъ*, англійскихъ *шпрингерахъ*, *балансерахъ*, и т. д.; какъ живо воскресаютъ въ памяти различныя *бельгійскіе великаны*, *увеселительныя самокаты овалнаго движенія* и другія тому подобныя рѣдкостныя представленія, замѣнившія нашему народу хороводъ и пѣсню.

«Нѣсколько словъ о новой комедіи г. Островскаго «Бѣдная Невѣста» г. И. Т.» — Въ другой разъ мы встрѣчаемся съ критикой г. И. Т., и оба раза съ одинаковымъ удовольствіемъ. — Въ январской книжкѣ «Современника» онъ высказалъ свое мнѣніе о «Шлемянницѣ» г-жи Туръ со всей искренностью, какая ему только доступна, не похвалилъ въ ней ничего дурнаго, не оставилъ безъ вниманія ничего хорошаго. — Точно такъ же онъ повелъ себя и въ отношеніи «Бѣдной Невѣсты» г. Островскаго; въ его рецензіи прежде всего бросается въ глаза желаніе сказать правду. — И должно прибавить, что рецензентъ не остался при одномъ желаніи; нѣкоторыя изъ его замѣчаній вполнѣ справедливы, и мы выражаемъ имъ наше сочувствіе, хотя онъ не совсемъ лестны для «Бѣдной Невѣсты». Напр. мы готовы повторить съ г. рецензентомъ, что «психологъ долженъ исчезнуть въ художникъ»; не смотря на всю простоту и извѣстность этого положенія, онъ приходится весьма кстати по отношенію къ

данному случаю. Безпрерывное повтореніе однихъ и тѣхъ же словъ лицами комедіи тоже замѣчено и справедливо осуждено г. И. Т.; только напрасно онъ ищетъ причины этого недостатка въ дробности психологическаго анализа: такія внѣшнія черты не требуютъ ни малѣйшей работы надъ содержаніемъ характера, онъ всегда на виду. — Не относя нашего замѣчанія къ г. Островскому, мы напомнимъ рецензенту, что такія черты схватываются по большей части писателями, для которыхъ душевная область совершенно закрыта и которые этими внѣшними примѣтами стараются замѣнить недостатокъ внутренняго содержанія въ своихъ лицахъ. — Но при всей правдивости рецензента, въ его статьѣ многое вызываетъ читателя на порицаніе; напр. самое начало статьи очень неловко. — Объясняя причину, по которой «Современникъ» въ отдѣлѣ «Критики» говоритъ о комедіи, помѣщенной въ журналъ, рецензентъ замѣчаетъ: «намъ хотѣлось доказать наше вниманіе къ молодому писателю, такъ высоко поставленному *сочинителями московскихъ критикъ, и дѣйствительно* замѣчательному и даровитому». т. е., если *сочинители московскихъ критикъ* ставятъ писателя высоко, такъ это еще ничего незначитъ, а нужно ждать, что скажутъ сочинители петербургскихъ критикъ? — Если на пр. г. И. Т. призналъ писателя дароватымъ, то говорится, что онъ *дѣйствительно* даровитъ. — Что это за секретарская скръпка? Сколько извѣстно, наши журналы никогда не отставали въ своихъ сужденіяхъ объ искусствѣ отъ петербургскихъ, а постоянно противодѣйствовали и ихъ увлеченіямъ, и заблужденіемъ въ понятіяхъ. — И что это за выраженіе: «*сочинители московскихъ критикъ*»? Развѣ рецензентъ не знаетъ, что сочинитель критики называется просто критикомъ? Или это желаніе уколоть? Зачѣмъ серьезному человѣку, говоря о важномъ дѣлѣ, увлекаться такими мелкими побужденіями? Не мало смѣха вызываетъ слѣдующая выходка рецензента: «*талантъ у г. Островскаго есть, и замѣчательный*». Что же это за новость, что у г. Островскаго есть талантъ? Кто сомнѣвался въ этомъ? Самъ же рецензентъ въ концѣ своей статьи говоритъ, что г. Островскій началъ свое поприще *необыкновенно*, а потомъ за новость рассказываетъ, что у него есть талантъ. — Видно, что искренность стоить рецензенту большихъ усилій, что при всемъ желаніи быть правдивымъ, онъ не можетъ еще освободиться отъ дурныхъ привычекъ «Современника». — «Мы *даже* готовы, продолжаетъ онъ, не отказываться отъ нашихъ надеждъ на будущее его (г. Островскаго) значеніе». — Что это за *даже*? Эти замѣчанія относятся только къ привычкамъ рецензента; кромѣ того въ его статьѣ есть некоторыя про-

творчѣя и неправильныя сужденія. — Напр. ояъ упрекаетъ г. Островскаго въ излишество психологическаго анализа, въ изображеніи такихъ чертъ, которыя, хотя не противорѣчатъ дѣйствительности, но въ художественномъ произведеніи не нужны. — Съ этимъ никто не будетъ спорить: наблюденія надъ жизнью не должны входить цѣликомъ въ художественное произведеніе, изъ нихъ берется только то, что способствуетъ раскрытію его идеи. Но какъ же съ этимъ упрекомъ совместить другой совершенно противоположный упрекъ рецензента въ томъ, что «характеры, выведенные г. Островскимъ, *при всей вѣрности дѣйствительности*, показываются намъ ровно на столько, на сколько это нужно ходу дѣйствія»? Что-нибудь одно изъ двухъ: или г. Островскій не довольно подробно рисуетъ свои лица, или слишкомъ подробно; по закону противорѣчія, нельзя въ одно и то же время, при однихъ и тѣхъ же обстоятельствахъ, говорить объ одномъ и томъ же предметъ «да» и «нѣтъ». — И что значатъ слова: «при всей вѣрности дѣйствительности»? Какимъ образомъ вѣрность дѣйствительности можетъ способствовать или мѣшать тому, что характеры показываются намъ на столько, на сколько это нужно ходу дѣйствія?

Мнѣніе рецензента о Марьѣ Андреевнѣ, по нашему мнѣнію, справедливо; ея характеръ удакъ автору менше всѣхъ. — Дѣйствительныхъ, живыхъ чертъ мы не находимъ въ Марьѣ Андреевнѣ; для комедіи нужно только ея положеніе, изъ котораго вытекаетъ все событіе. Но напрасно однако рецензентъ говоритъ: «особенно напряженнымъ и, говоря техническимъ слогомъ, *резонанснымъ, одлланнимъ*» (?) покажется свѣжему человѣку конецъ, въ которомъ Марья Андреевна внезапно взглядываетъ на самое себя съ утилизарной точки зрѣнія, собираясь заняться исправленіемъ Беневоленскаго». Зачѣмъ же принимать буквально слова драматическаго лица? Такъ никогда не дойдешь до настоящаго дѣла. Обыкновенно въ безвыходномъ положеніи человѣкъ, не находя никакихъ дѣйствительныхъ опоръ, хватается за ложныя надежды и ими себя поддерживаетъ. Такъ и Марья Андреевна, потерявши разомъ всѣ надежды на любовь и счастье, принужденная связать судьбу свою съ судьбой человѣка, ей противнаго, насильно скрашиваетъ свое положеніе и создаетъ мечты, которыя, разумется, разлетятся тотчасъ же при встрѣчѣ съ дѣйствительностью. — И, по нашему мнѣнію, дурно дѣлаетъ Меричъ, когда насмѣшливой улыбкой встрѣчаетъ эти мечты; впрочемъ Меричу это простительнѣе, нежели рецензенту. — Въ сужденіяхъ рецензента о Хорьковѣ намъ показалось кое-что не со-

всѣмъ правильнымъ; напр. онъ ставитъ на видъ Хорькову, что онъ, «не смотря на благородство чувствъ своихъ, предлагаетъ Милашину *перехваченныя письма счастливаго своего соперника*». Зачѣмъ колоть ему глаза счастливымъ соперникомъ, когда онъ не оказалъ къ нему ни ревности, ни зависти, когда онъ съ разу оставилъ всѣ свои надежды, и, забывши о себѣ, заботился только о судьбѣ Марьи Андреевны? Вѣдь онъ не о себѣ хлопоталъ, изъ комедіи это ясно; за что же рецензентъ наводитъ сомнѣніе на его честность? Чтò это за условный взглядъ на поведеніе? Девушка гибнетъ, опутанная свѣтами подлаго чловѣка, и ей нельзя подать помощи; неужели же Хорькову, который знаетъ цѣну Меричу, въ подобномъ случаѣ оглядываться съ сомнѣніемъ на свой поступокъ? Ему и въ голову не могло придти, что онъ дѣлаетъ дурно; онъ слишкомъ сильно любилъ Марью Андреевну, и слишкомъ мало любилъ себя. — О свахахъ Островскаго рецензентъ сказалъ, что онѣ хороши, но жаль, что напоминаютъ лицо известной свахи въ «Женитьбѣ». Нужно было бы замѣтить, что свахи занимаютъ въ комедіи г. Островскаго больше мѣста, чѣмъ нужно, что сцена ихъ брани и счетовъ не совсемъ уместна. А касательно того, что въ одной изъ нихъ есть что-то напоминающее сваху «Женитьбѣ», объ этомъ нечего было и замѣчать: это сходство касается одной или двухъ фразъ, след. сходство чисто нечаянное. Зачѣмъ г. Островскому копировать чужихъ свахъ, когда у него у самого есть Устинья Нау-^дмовна? Въ заключеніе опять таки скажемъ рецензенту, что мы встречаемъ его статьи въ другой разъ съ истиннымъ удовольствіемъ, потому что видимъ въ немъ благородныя усилія сказать крайнюю правду. И еще одно замѣчаніе: отчего ни одного слова рецензентъ не сказалъ о Дунѣ? Это чрезвычайно странно! Неужели онъ не даетъ цѣны этому лицу?

Кромѣ того, въ отдѣлѣ «критики» помѣщенъ пристрастный разборъ публичныхъ лекцій г. Грановскаго.

О новомъ поэтѣ сказать нечего въ нынѣшней книжкѣ.

БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНІЯ. Мартъ, № 3-й.

На первомъ планѣ новаго № — «Самоучки», но... мы общались неговорить болѣе ни слова объ этомъ литературно-неприличномъ произведеніи — и сдержимъ наше обещаніе.

За тѣмъ начинаются «Приключенія знатной старушки», повесть въ нѣсколькихъ разказахъ. Изъ всего, что мы прочли — и признаемся, прочли съ большимъ усиленіемъ надъ собою, извлекли мы слѣдующее: какой-то Михайло Михайловичъ Иваничскій прѣзжаетъ изъ-за границы, и не хочетъ остановиться у своей сестры Варвары Михайловны, потому что сердится на нее: сердится же на нее за то, что она не вышла за мужъ за Ростислава Алексѣевича Ольшевскаго, а окружила себя разными ханжами, и *вообразила* себя, что *должна* вѣчно любить покойника своего мужа, котораго при жизни его нисколько не любила. Прибавьте къ этому нѣсколько вводныхъ и никому не интересныхъ лицъ — и вотъ вамъ первая часть «Приключеній знатной старушки», въ отношеніи къ которымъ мы вѣроятно тоже принуждены будемъ употреблять риторическую фигуру умолчанія. Цѣлое, сколько мы его знаемъ по первой части, сильно сбивается на какой-то водевиль, котораго названія мы не припомнимъ — и всѣ отношенія взяты въ водевильной манерѣ.

По высказанной нами разъ причинѣ мы не скажемъ ни слова о «Пенденнискъ», и минуемъ даже «Гувернантку» Е. Сю, какъ произведеніе не носящее на себѣ даже и признаковъ прежняго блестящаго дарованія автора. — Далѣе идетъ въ отдѣлѣ наукъ и художествъ «Джонсонъ и Босвель» — статья третья, г. Дружинина. Вообще эта статья — компиляція, по довольно ловко составленная и относительно-полезная. Статью г. Старчевскаго: «Русская историческая литература въ первой половинѣ XIX вѣка» — мы предоставляемъ специалистамъ. Въ отдѣлѣ промышленности и сельскаго хозяйства — напечатана статья г. Братчикова: «О выгодахъ травосѣянія». Въ критикѣ — оконченъ разборъ сочиненія Неволіна. Объ этомъ разборѣ, сочиненномъ г. Михайловымъ, мы можемъ повторить сказанное нами уже разъ мнѣніе, что считаемъ его и добросовѣстнымъ и во многихъ пунктахъ совершенно правильнымъ.

Литературная летопись — какъ и всегда почти, очень безпѣтна, т. е. не отличается ни большою дѣльностью, ни противуположнымъ

качествомъ. Остроуміе летописцевъ *расходилось* не много, въ разныхъ извѣстіяхъ на счетъ московскихъ переводовъ французскихъ романовъ — да и то какъ-то вяло. Въ видѣ образчика вялаго и такъ сказать вынужденнаго остроумія, мы выписываемъ это мѣсто:

«Отъ важнаго къ смѣшному, говорить *старушка* — *поговорца*, — «одинъ только шагъ, — и точно, за важными дѣльными книгами слѣдуютъ *смѣшныя*, забавныя... Это московскіе переводы французскихъ романовъ, приготовленные въ эту зиму для нижегородской «ярмарки».

«Въ этомъ году московскій литературный товаръ заготовленъ «слишкомъ рано, такъ что книжные спекуляторы рѣшились, благодаря существованію московской желѣзной дороги, послать его предварительно въ Петрополь, авось что-либо продается. — Не будетъ «успѣха — такъ пойдетъ въ Нижній. Когда этого разряда литературныя произведенія попадаютъ въ мои руки, я всегда почти не «могу надивиться телеграфической быстротѣ, съ которой изготовляются въ Москвѣ переводы, ихъ безграмотности, умѣнью аферистовъ «двѣмъ пустѣйшій романчикъ на нѣсколько книжечекъ, цвѣту обертокъ, запаху бумаги и той безсовѣстной дороговизнѣ, по которой «за романъ, состоящій изъ трехъ частей, заключающихъ въ себѣ «всего до 15 печатныхъ листовъ, спрашиваютъ у васъ 2 р. сер. «Помилуйте, милостивые государи! за 2 р. сер. можно купить весьма «сносную книгу... а не переводный романъ, заготовленный исключительно для ярмарокъ.

«Я знаю одного книгопродавца, который, желая показаться человекомъ, знающимъ свѣтскія приличія, имѣетъ обыкновеніе почти «за третьимъ словомъ говорить: съ позволенія сказать.

«Вы пришли въ магазинъ и спрашиваете: вышелъ третій номеръ «*Отечественныхъ*? онъ отвѣчаетъ: нѣтъ, съ позволенія сказать, еще не вышелъ».

«Ну что, хорошъ первый номеръ Пантеона?»

«Весьма изрядный, съ позволенія сказать...»

«Какіе вышли въ Москвѣ новые переводы?»

Вышли, съ позволенія сказать, самые неважные романчики: *Дрожащая скала*, соч. Эли Берте, — *Гревская волшебница*, соч. Поля Феваля, — *Жанъ счастливецъ*, соч. Поля де-Мюссе.

«Вотъ и всѣ тутъ литературныя новости».

Мы сдѣлали эту выписку, чтобы обозначить печальный фактъ совершеннаго упадка остроумія литературной летописи — нѣкогда

потышавшейся надъ семи и оними, надъ *луной, мечтой, дьвой*, — и нынѣ вынужденной прибѣгать къ разсказамъ знакомыхъ книгопродавцевъ.

Другой, еще болѣе печальный и совершенно очевидный фактъ тотъ, — что не о чемъ говорить изъ всего нами прочитаннаго въ довольно толстой и объемистой книжкѣ журнала (кроме нѣкоторыхъ специальныхъ статей). Все — о чемъ до сихъ поръ мы рапортовали читателямъ — такой обыкновенный журнальный балластъ, изъ котораго не выжмешь никакаго сока. Балластъ же и въ смѣси, балластъ — разсказъ г. Александра Дюма «Женщина съ бархатной кокеткой» — балластъ тѣмъ болѣе несносный, что авторъ взялся тутъ совсѣмъ не за свое дѣло, за *фантастическое*, съ которымъ надобно обходиться весьма осторожно, почти такъ же осторожно, или лучше сказать *бережно*, какъ съ народной рѣчью. — Балластъ — и quasi-биографія живописца Рембрандта, изъ которой мы узнаемъ только, что великій Рембрандтъ былъ необычайно скупъ.

Доходимъ наконецъ до «Писемъ Иногороднаго Подписчика», съ надеждою покрайней мѣрѣ хотя въ нихъ встрѣтить что-либо *вопіющее*, — но XXVII письмо оказывается довольно безцвѣтнымъ. Иногородный Подписчикъ *галантерейно* споритъ съ какимъ-то фельетонистомъ С.-Петербургскихъ ведомостей, и защищаетъ женщинъ съ некрасивою наружностью, произноситъ поэтому случаю *спичъ* и т. д.

А! вотъ наконецъ и нѣчто вопіющее: *credite posteri*: — Иногородный Подписчикъ *отдѣлываетъ* «Львовъ въ провинціи» г. Панаева — да еще какъ. Слушайте, читатели:

«Изъ всѣхъ современныхъ прозаиковъ, когда-либо ошибавшихся «въ выборѣ своего направленія» — такъ начинается Иногородный Подписчикъ — «г. Панаевъ, судя по его прежнимъ произведеніямъ и «по его новому роману, ошибался и ошибается едва ли не болѣе «всѣхъ, и вслѣдствіе своей произвольной ошибки не только вредитъ истинѣ своихъ повѣстей и разсказовъ, но даже даетъ въ руки «своимъ многочисленнымъ противникамъ орудіе чрезвычайно вредное, которымъ нѣкоторые изъ нихъ уже воспользовались, забывая, «въ своей западливости, что не всѣ орудія хороши въ спорѣ, хотя «бы и литературномъ. По натурѣ своей (выказывающейся хотя изрѣдка, но очень ясно въ частностяхъ его многочисленныхъ произведеній) г. Панаевъ *чрезвычайно способенъ къ изображенію про- «стыхъ, трогательныхъ, почти идилическихъ событій*» (NB. Любопытно было бы знать, изъ какихъ данныхъ выводить г. Ино-

городный подписчикъ такія умозаключенія на счетъ дарованія г. Панаева: быть можетъ, изъ данныхъ *не печатныхъ*, но въ такомъ случаѣ, мы о нихъ ничего не знаемъ), «характеровъ не многосложныхъ ни не многостороннихъ, т. е. или добрыхъ до чрезвычайности или «смѣшныхъ безъ затѣйливости и претензій. *Воспріимчивый и чрезвычайно мяккій по душѣ*, авторъ *Львовъ въ провинціи*, съ такою-«теплотою описавшій въ этомъ романѣ страданія и смерть старой «няни, увлекается двумя вовсе несродными его дарованію элементами, именно — сатирою и еще развитіемъ какой-то особенной «насмѣшливости на заданную тему, въ которой есть частичка и байронизма и дендизма, а всего болѣе неестественности». (NB. Странно какъ-то слышать изъ устъ г. Иногороднаго Подписчика упреки въ дендизмъ — но тѣмъ не менѣе, замѣчаніе его совершенно правильно, равно какъ и все почти послѣдующее за симъ). «Бѣда говоруну и «писателю, если онъ увлечется насмѣшливостію на заданную тему, «если онъ, принимаясь за перо, или раскрывая ротъ, мыслить такъ: «будемъ смѣяться надъ тѣмъ-то и тѣмъ-то! Рѣчи и труды его, на «первый разъ разсмѣшивъ дѣйствительно, потомъ перейдутъ въ «нѣчто мертвое, унылое посреди шутливости. Отъ того сатира, идущая на переکورъ врожденной мягкости, не основанная ни на «истинно-сатирическомъ настроеніи духа, ни на веселости душевной, ни на понятной мизантропіи, все бросается на поверхность «предметовъ или переходитъ въ карриатуру, а насмѣшливость принимаетъ видъ когда-то моднаго разочарованія, и когда-то любимаго, нынѣ давно уже осмѣяннаго и никому не милаго злоязычія». (NB. Все это, повторяемъ мы опять, чрезвычайно правильно, но согласитесь, что такая правильность взгляда — истинный сюрпризъ въ письмахъ г. Иногороднаго Подписчика, и мы, признаемся откровенно, долго вчитывались въ это мѣсто, спрашивая самихъ себя, не ошиблись ли мы и такъ ли поняли, какъ слѣдуетъ). «Только въ «тѣхъ, къ сожалѣнію, рѣдкихъ мѣстахъ, гдѣ потребна душевная «теплота и мягкосердечное добродушіе, нашъ авторъ оказывается «совершенно въ своей сферѣ, но къ несчастію является въ ней болѣе «шею частію за тѣмъ, чтобы поскорѣе изъ нея выскользнуть, словно «приходя въ краску отъ своего собственнаго достоинства».

Останавливаемся на минуту и замѣтимъ, что мы лично не видимъ въ печатныхъ произведеніяхъ г. Панаева признаковъ того мягкосердечнаго добродушія, о которомъ говорить г. Иногородный Подписчикъ, но вмѣстѣ съ нимъ готовы упрекнуть автора «Львовъ въ провинціи» и другихъ произведеній въ помянутомъ разочаро-

ваніи и въ насмѣшливости на заданную тему... До сихъ поръ впрочемъ, какъ изволите видѣть, г. Иногородный Подписчикъ довольно нѣжно обходится съ г. Панаевымъ.

«Подобно людямъ—продолжаетъ г. Иногородный Подписчикъ,—которые такъ часто приписываютъ свои добрыя качества за слабость и сдѣлать стать передъ зрителями самою темною своею стороною, авторъ «Львовъ въ провинціи» поминутно беретъ за средства, совершенно несомвѣстныя съ лучшими сторонами его трудовъ. Средства эти (я ихъ прошелъ бы молчаніемъ, еслибъ они не вредили произведеніямъ г. Панаева)—очень однообразны и очень неловки; онѣ всѣ заключаются въ странныя для серьезнаго и взрослога человека отступленія, въ дѣтскомъ преклоненіи передъ какими-то особенными условіями, болѣе годными для какого-нибудь молодца и щеголя, чѣмъ для скромнаго писателя, въ безпрестанныхъ толкахъ о дурномъ и хорошемъ тонѣ, въ совершенно лишннихъ и преувеличенныхъ разсужденіяхъ о важности коммента, великомъ значеніи человеческого, особенно мужскаго таланта, въ жизненныхъ дѣлахъ, и наконецъ, въ цѣломъ ряду героевъ, обрисованныхъ только съ наружной стороны, героевъ, изъ которыхъ лучшіе ходятъ непременно въ черныхъ жилетахъ и отлщично повязанныхъ галстукахъ, а худшіе—въ жилетахъ яркаго цвѣта и дурныхъ панталонахъ».

Это называется — не въ бровь, а прямо въ глазъ, и надобно сказать правду, никто до сихъ поръ не представлялъ съ болѣе комической стороны недостатковъ г. Панаева, какъ писателя, и другихъ повѣствователей, имѣющихъ претензію на великосвѣтскость и разочарованіе.

«Словно опасаясь, чтобъ читатель не оставался подъ вліяніемъ пріятнаго впечатлѣнія отъ хорошей страницы, г. Панаевъ спѣшитъ вслѣдъ за нею обрисовать такой характеръ и отпустить такую выходку, послѣ которыхъ остается только на него подосадовать. Такъ и въ новомъ своемъ романѣ, онъ, послѣ очень хорошихъ страницъ, пускаетъ въ ходъ тартинку, въ которой говоритъ отъ своего лица, что ему крайне неловко, даже непріятно идти по улицѣ съ умнымъ, но плохо одѣтымъ человекомъ, у котораго сюртукъ длиненъ и волоса причесаны не гладко».

Неужели всѣ эти дѣльныя и основательныя замѣчанія слышимъ мы отъ Иногороднаго Подписчика, отъ прозелита дендизма? Какъ объяснить это? По нашему разумнію вотъ какъ: г. Иногородный Подписчикъ считаетъ себя настоящимъ денди—и относится къ ав-

тору «Львовъ въ провинціи», какъ къ денди поддѣльному. Это ясно для насъ изъ *доктринерскаго* тона слѣдующаго мѣста, выпискою котораго мы и заканчиваемъ нашу статью:

«Первымъ признакомъ каждаго хорошо воспитаннаго человека, — на *well bread gentleman*, если угодно — есть совершенная терпимость въ дѣлѣ наружныхъ мелочей. Дѣлить людей на существа «хорошаго и дурнаго тона (эти самыя выраженія звучать весьма «неизящно), можетъ только человекъ неловкій и неуверенный въ «своемъ собственномъ достоинствѣ. Безпрестанные толки о туалетахъ «и восхищеніе передъ хорошо повязаннымъ галстукомъ также вредятъ «всякому порядочному человеку, какъ повредило бы ему, если бы «онъ, надевъ очень хорошія перчатки, пустился скакать по городу, упрашивая всѣхъ проходящихъ хоть немножко полюбоваться «на свою гладко обтянутую руку».

ИНОСТРАННЫЯ КНИГИ.

HISTOIRE DE LA RESTAURATION, par M. de Lamartine.
Tom. III, IV. 1852.

Journal des Débats, въ одномъ изъ послѣднихъ NN своихъ, извѣщаетъ о выходѣ двухъ новыхъ томовъ *Истории Реставраціи* Ламартина, и говоритъ, что эти два новые тома имѣли такой же успѣхъ, какъ и два первые. Вотъ отрывокъ изъ этого новаго выпуска, помѣщенный въ *Debats*. Онъ взятъ изъ главы, которая заключаетъ въ себѣ возвращеніе Наполеона съ острова Эльбы, картину Вѣнскаго Конгресса и очеркъ роли, которую въ то время игралъ Талейранъ.

«Вѣнскій Конгрессъ еще продолжался, когда Наполеонъ отправился съ Эльбы во Францію. Ступивъ на песчаный берегъ ея, въ Каннѣ, онъ воскликнулъ: «Вѣнскій Конгрессъ разрушенъ!» Это былъ голосъ его надежды. Онъ былъ увѣренъ, что ужь одно его появленіе потрясетъ Европу, и хотѣлъ, чтобы сказанныя имъ слова разнеслись по Франціи впереди его, и вдохнули бы въ народъ ту же самую увѣренность, которую питалъ онъ. Но эта самоувѣренность обманула его, какъ обыкновенно обманываетъ человѣка всякая самоувѣренность, основанная на однихъ его страстяхъ, а не на существенныхъ вѣроятностяхъ. Подкупленные корреспонденты, которыхъ имѣлъ онъ въ Вѣнѣ, увѣрили его, что союзныя державы неумѣютъ распорядиться своимъ могуществомъ, что народы встаютъ противъ побѣдителей за своевольный раздѣлъ земель, что дворы спорятъ между собою въ этомъ раздѣлѣ завоеваній, что наконецъ его возвращеніе во Францію и восшествіе на тронъ будетъ сигналомъ общаго ужаса и дастъ ему полную возможность выбирать, по своему произволу, союзниковъ изъ числа своихъ враговъ. Онъ также утѣшалъ себя мыслью, что Талейранъ, какъ человѣкъ, который всегда готовъ былъ склониться на сторону успѣха, перейдетъ при первой побѣдѣ на его сторону, и загладитъ тайными услугами въ Вѣнѣ всѣ козни,

которыя дѣлали въ Парижѣ. Онъ хотѣлъ испытать его и при первой возможности послать къ нему какого-нибудь надежнаго человека.

«Никогда еще, съ учрежденія всѣхъ европейскихъ правленій, конституціонныхъ, монархическихъ, республиканскихъ, не собиралось ни въ одной столицѣ и ни на одинъ конгрессъ столько императоровъ, королей, генераловъ, депутатовъ почти всѣхъ націй, какъ на этотъ, потому что сама Европа никогда еще не испытывала такихъ страшныхъ переворотовъ войны и мира, раздѣловъ и передѣловъ, которые теперь требовали окончательнаго устройства. Больше ста тысячъ иностранцевъ, нѣмцы непосредственно участвуя въ дѣлахъ, другіе только изъ простаго любопытства слѣдить за важными вопросами, занимавшими государей, дипломатовъ, а вмѣстѣ съ ними и цѣлыя націи, собралось въ Вѣнѣ и оставалось въ ней съ сентября по мартъ. Всѣ союзные монархи, бывшіе въ Парижѣ, очистивъ Францію отъ своихъ войскъ, прибыли въ Вѣну. Ихъ фамиліи, ихъ министры, ихъ генералы, цѣлые дворы ихъ были вызваны туда, чтобъ раздѣлить съ ними торжество, принять должныя почести, украсить собою блестящіе праздники, слѣдовавшіе одинъ за другимъ по случаю общей побѣды и наступившаго мира. Кромѣ трехъ главныхъ лицъ, занимавшихъ первое мѣсто въ этомъ торжествѣ, Императора Александра, императора Франца и короля прусскаго, тутъ были еще прусскіе принцы Вильгельмъ и Августъ; князь Гарденбергъ и баронъ Гумбольдтъ, одинъ изъ опытнѣйшихъ государственныхъ людей этого двора; король датскій, сынъ той королевы Каролины-Матильды, несчастья которой изумили Сѣверь; король баварскій, виртембергскій и саксонскій, котораго такъ любили подданные, и который былъ наказанъ за свою невѣжливость Наполеону, основанную больше на понятіяхъ чести, чѣмъ на истинной преданности; тутъ были владѣтельныя особы всей Германіи и всей Италіи; первый министръ Англіи лордъ Кастельри; герцогъ Веллингтонъ и Блюхеръ, которымъ было предназначено нанести послѣдній ударъ могуществу Наполеона, уже разъ упавшему; князь Талейранъ, сопровождаемый цѣлымъ корпусомъ французскихъ дипломатовъ, и въ числѣ ихъ герцогомъ Альбергомъ и графомъ Алексисомъ де-Ноалъ. Впослѣдствіи самъ императоръ австрійскій вынужденъ былъ переселиться въ Шенбрунъ, эту сельскую Версаль Вѣны, для того, чтобъ въ своихъ столбчатыхъ дворцахъ и отеляхъ дать помѣщеніе императорамъ, королямъ, высшимъ сановникамъ и дипломатамъ, наконецъ придворнымъ и стражамъ своихъ коронованныхъ гостей.

«Принцъ Евгенийъ Богарне, единственный представитель упавшаго величія Наполеонова дома, былъ также приглашенъ въ Вѣну Импе-

раторомъ Александромъ. Чуждый и неумѣстный въ этомъ побѣдоносномъ кругу царей и полководцевъ, принцъ Евгений высоко цѣнилъ дружбу Александра, который съ своей стороны дорожилъ и привязанностию враговъ. Императора почти ежедневно видали прогуливающимся вмѣстѣ съ принцемъ и очень дружески съ нимъ разговаривающимъ. Это заставляло другихъ государей опасаться, что Александръ расположеть принять на себя ходатайство за Наполеона.

«Чтобы придать празднествамъ и мирнымъ трактатамъ болѣе торжества и воинственнаго блеска, союзные государи удержали въ окрестностяхъ Вѣны двадцати-тысячный гренадерскій корпусъ, собранный изъ соединенныхъ армій. Шестидесятъ тысячъ войска было собрано подъ стѣнами города, для маневровъ. Почетная стража австрійскаго императора и кавалерійскій отрядъ волонтеровъ, составленный изъ дворянства всѣхъ воинственныхъ австрійскихъ областей, окружали его такимъ военнымъ блескомъ, какого Вѣна не видывала со времени войны съ Турками, или со времени Ваграмскаго сѣзда.

«Всѣ огромныя издержки угощенія падали на австрійскаго императора. Министры и военные сановники его каждый день давали пышные обѣды многочисленнымъ своимъ гостямъ. Всѣ театральныя труппы Германіи, Италіи, Франціи были вызваны въ Вѣну. Всѣ знаменитѣйшіе артисты Европы стеклись туда, чтобы увѣковѣчить кистью и рѣзцомъ замѣчательныя личности особъ царственныхъ и не царственныхъ, собравшихся въ столицѣ Германіи со всѣхъ концовъ Европы. Старый принцъ де-Линъ, свидѣтель празднествъ Екатерины II въ Крыму, этотъ воинъ, этотъ государственный человекъ, писатель, поэтъ, — однимъ словомъ, этотъ западный Алкибиадъ, также присутствовалъ на этихъ торжествахъ, снова молодѣлъ въ ихъ шумѣ и блескѣ, прославлялъ ихъ своими письмами, своими стихами, своими острыми выходками. Въ одномъ Вѣнскомъ дворцѣ помѣщались два Императора, двѣ Императрицы, двое наследныхъ принцевъ, пять владѣтельныхъ князей и множество княгинь. Императорскій столъ каждый день становился во сто франковъ съ персоны. Впродолженіи всего конгресса гостепрійство стоило Вѣнѣ до сорока милліоновъ. Семьсотъ министровъ и посланниковъ отъ различныхъ дворовъ и различныхъ націй пользовались угощеніемъ Австріи, возведенной изъ прежняго стѣсненнаго положенія къ такому богатству. Князь Меттернихъ былъ въ это время не только представителемъ Франца II, но представителемъ могущества австрійской аристократіи, практическаго знанія дѣлъ и дипломатической геніальности. Императрица Марія Луиза, призванная въ Вѣну съ отцомъ своимъ и еще не отправившаяся въ

Парму, которая была назначена ей въ вознаграженіе за потерю императорскаго достоинства, не могла присутствовать на этихъ празднествахъ, происходившихъ по случаю низложенія ея супруга. Она уединенно жила съ своимъ сыномъ, королемъ Римскимъ, въ отдаленной части Шенбрунскаго дворца. Другая развѣчанная принцесса, королева неаполитанская Каролина, сестра Маріи Антуанеты, также жила уединенно и въ томъ же самомъ убѣжищѣ. Она пріѣхала на конгрессъ требовать, чтобы ей возвратили неаполитанскій тронъ, который занималъ еще Мюрать, Онъ ужъ былъ наконецъ тайно возвращенъ ей трактатомъ, заключеннымъ между Австрією, Англією и Францією, какъ вдругъ смерть лишила ея опять этого трона уже окончательно. Трауръ по ней сократили, чтобы не прерывать обѣдовъ, прогулокъ на охоту, смотровъ, театральныхъ представленій, которыя всякій вечеръ давались при дворѣ, между тѣмъ какъ ежедневныя совѣщанія уполномоченныхъ постоянно продолжались. Государи, въ доказательство взаимной друбы, взаимно сдавали другъ другу команду надъ своими войсками. Во время прогулокъ верхомъ, они всегда были, по очереди, одинъ у стремени другаго, какъ Фридрихъ Великій у стремени императора Иосифа. Этикетъ служилъ только средствомъ изъявленія друбы.

«Выше мы уже объяснили политическія дѣйствія Конгресса. Въ основанія ихъ были приняты благоразумныя мѣры, необходимыя къ сохраненію равновѣсія въ Европѣ. Во Франціи положено было возстановить правленіе, согласное съ конституціонными идеями націи; въ Европѣ положено было возстановить прежніе царственные домъ и ихъ законное наследственное право, съ нѣкоторыми только изъятіями, какихъ необходимо требовалъ тогдашній порядокъ вещей, а съ тѣмъ вмѣстѣ выгоды и честь первоклассныхъ державъ.

«Такимъ образомъ было рѣшено присоединеніе къ Франціи герцогства Савойскаго, одноплеменнаго съ ней по языку и нравамъ, присоединеніе Генуи къ Пиемонту, и наконецъ присоединеніе герцогства Варшавскаго къ Россіи. Одна только Англія не требовала никакого возмездія за свои издержки и кровь, пролитую при освобожденіи континентальной Европы отъ ига Наполеона. Она, по обыкновенію, удовлетворялась однимъ миромъ, который открывалъ свободный путь ея кораблямъ во всѣ страны свѣта. Это твердое намѣреніе Конгресса, дойти какъ можно скорѣе до *status quo*, безъ новой войны, и признать право древнихъ властей и законность ихъ возстановленія на принадлежавшіе имъ престолы, придавало его дѣйствіямъ характеръ малосложный и сокращало его акты. Только Швеція, оставленная

Бернадоту, въ уваженіе добровольнаго избранія его народомъ, и Неаполь, оставленный Мюрату, въ вознагражденіе за его нейтралитетъ и даже вспомогательство во время послѣдней войны — составляли два важныя противорѣчія этому всеобщему возстановленію наслѣдственной власти. Роптали на самовластное уничтоженіе нѣкоторыхъ второстепенныхъ державъ, соединеніемъ ихъ въ массы болѣе обширныя; но было уже очевидно, что время мелкихъ владѣній и слишкомъ мелкихъ подраздѣленій національности, не имѣющихъ средствъ ни защищать себя собственными силами, ни имѣть своего собственнаго, самостоятельнаго значенія, — прошло безвозвратно. Уже самыя дѣйствія Наполеона, двигавшаго массы противъ массъ, доказали, что каждая національность должна быть какъ можно меньше раздроблена, должна, для собственной безопасности, сливаться, изъ провинцій въ одноплеменные области, изъ областей въ одно цѣлое, одноплеменное государство. До такихъ обширныхъ размѣровъ было уже возведено тогда понятіе о національности, и только въ такихъ размѣрахъ могло оно сохранить свою независимость. Соображенія Конгресса никакъ не клонились къ общей европейской анархіи; онъ стремился только къ общему миру, до котораго нельзя было иначе достигнуть, какъ посредствомъ равновѣсія. Послѣдствія это доказали. Внутреннія революціи, случившіяся потомъ въ нѣкоторыхъ государствахъ, нельзя назвать войной. Когда конституціи и самыя троны были ниспровергнуты въ 1830 и 1848 годахъ, географическое спокойствіе Европы осталось гораздо непоколебимѣе спокойствія умовъ ея, — и основаніе этого спокойствія положено было на Вѣнскомъ конгрессѣ. Талейранъ много тутъ содѣйствовалъ, хотя, изъ приличія, и разыгрывалъ роль побѣжденнаго.

Представивъ въ Парижъ съ ловкостью и рѣшительностью законныя права Бурбоновъ, какъ посредничество между побѣжденной Франціей и побѣдителями, Талейранъ заслужилъ ихъ довѣренность и уваженіе. Этотъ блестящій переходъ отъ политики Наполеона на сторону Бурбоновъ открылъ имъ входъ въ Парижъ. Искусство, съ какимъ онъ умѣлъ, то дерзостью, то хитростью, склонить общее мнѣніе Французовъ отъ имперіи къ временному правленію, отъ временнаго правленія къ сенату, отъ сената къ національной конституціи, отъ національной конституціи къ королевской хартіи, и наконецъ отъ королевской хартіи къ безусловному возстановленію Бурбоновъ, обезпечило ему признательность монарховъ, собравшихся въ Вѣнѣ. Явившись тамъ представителемъ этого древняго царскаго рода и представителемъ неоспоримыхъ правъ его на наслѣдственный престолъ, на возстановленіи которыхъ

и многіе государи, собравшіеся на конгрессъ, основывали свои собственныя надежды, Талейранъ дѣйствовалъ какъ бы за одно съ ними, и во имя общаго дѣла имѣлъ право требовать отъ нихъ всѣхъ уступокъ, необходимыхъ для полнаго достоинства реставраціи, совершившейся въ его отечествѣ. Такимъ образомъ онъ ужь присутствовалъ на конгрессѣ не какъ дипломатъ побѣжденный, а какъ равный другимъ. Система, принятая имъ, ввела его на это время въ царственный кругъ, и скоро онъ присвоилъ себѣ въ совѣтъ то первенство, которое всегда умѣлъ брать въ дѣлахъ, требующихъ ума свѣтлаго и тонкаго.

«Нисколько не затруждаясь своимъ положеніемъ, поставившимъ его лицомъ къ лицу съ уполномоченными торжествующихъ европейскихъ державъ, онъ говорилъ имъ: «я внесъ въ вашъ совѣтъ то, чего у васъ не было: идею права неварушимаго. У васъ есть только силы, я даю вамъ законъ о неприкосновенности короны, о святости короны, о непреложности наследственныхъ правъ на престолъ.» Въ Парижѣ Талейранъ дѣйствовалъ вліаніемъ Императора Александра на австрійскаго Императора противъ предполагаемаго регентства Маріи Луизы до совершеннолѣтія ея сына; въ Вѣнѣ онъ дѣйствовалъ вліаніемъ австрійскаго Императора и Англіи на Александра, противъ благосклонности этого великодушнаго государя къ бонапартистамъ; наконецъ, опасаясь могущества Россіи, которое могло опереться въ Германіи на Австрію, а на Востокъ на Англію, онъ нарочно преувеличивалъ его, и старался поставить Меттерниха и лорда Кастельри противъ всѣхъ ея требованій, относящихся до Франціи. Впослѣдствіи такая двуличность, въ сожалѣвію, уже поздно замѣченная Императоромъ Александромъ, раздражила его. «Талейранъ, сказалъ онъ, представляетъ здѣсь изъ себя министра Лудовика XIV.»

«Въ это время Талейранъ достигъ тѣхъ лѣтъ, когда умъ, упражняющійся въ занятіяхъ важныхъ, сохраняетъ еще всю силу свою, и когда прожитые годы приносятъ человѣку еще большее уваженіе и большую оцѣнку. Ему было тогда шестьдесятъ два года; но здоровье его еще цвѣло, имя было въ полномъ блескѣ. Легкое, насмѣшливое презрѣніе, которое онъ выказывалъ къ общимъ предразсудкамъ, избавляло его отъ непріятности краснѣть передъ общимъ мнѣніемъ объ измѣчивости его мыслей. Онъ самъ явно говорилъ о прошедшихъ своихъ дѣйствіяхъ, для того, чтобы отнять возможность у другихъ упрекнуть себя ими. Онъ выказывалъ себя такимъ человѣкомъ, который не преданъ никакому правленію, потому что не онъ долженъ былъ искушать своей славы и почестей въ какомъ бы то ни было правленіи; а каждое

правление должно было искать своего спасенія въ немъ. И въ самомъ дѣлѣ возстановленіе величія и могущества падающей имперіи опиралось еще на него, и въ немъ видѣли попеременно то добраго, то злаго гения Наполеона. Жители стѣра и юга, собравшіеся на Вѣнскомъ конгрессѣ, съ уваженіемъ смотрѣли на этотъ обломокъ монархіи разрушенной, который давалъ совѣты монархіямъ древнимъ. Беззаботность о своемъ положеніи, свобода ума, легкость, съ которой онъ трактовалъ о самыхъ важныхъ вещахъ, привлекательность его фізіономіи, простота, прикрывающая хитрость, глубокомысленность словъ, умышленное молчаніе, заставляющее нетерпѣливо ожидать слова, почти царская изысканность въ образѣ жизни, любовь къ искусствамъ и литературѣ, избранное общество въ салонѣ, баснословная роскошь, великолѣпно убранный домъ, изысканный столъ, самое могущество, моды — все это вмѣстѣ придавало представителю Франціи огромный авторитетъ въ глазахъ народовъ, у которыхъ еще царствовалъ духъ подражанія всему французскому. На Талейрана смотрѣли, какъ на законодателя политики и на законодателя вкуса.

«Первый министръ и вмѣстѣ посланникъ, онъ самъ составлялъ для себя инструкціи, которыя представилъ Лудовику XVIII передъ отъѣздомъ изъ Парижа. Этотъ государь не любилъ его, но боялся. Подданный, который поднесъ своему королю корону, — подданный непріятный. Не смотря однакожъ на то, что сердце Лудовика XVIII съ давняго времени не лежало къ Талейрану, умы короля и министра очень хорошо понимали другъ друга, и неволью удивлялись другъ другу, при взаимной недовѣрчивости. Оба они были одинаковыхъ свойствъ и почти одинаковыхъ способностей: оба были пропитаны аристократизмомъ, впрочемъ нѣсколько умѣреннымъ революціей и началами философіи осьмнадцатаго вѣка; оба подъ личиною любезности и уступчивости скрывали глубокой эгоизмъ; оба желали вправдѣ, но для того только, чтобы пріобрѣсть власть. Оба люди ученые, гордящіеся тѣмъ, что понимаютъ другъ друга лучше толпы, они никакъ не хотѣли однавожъ сблизиться: король изъ опасенія, что умъ министра возьметъ надъ нимъ верхъ, министръ изъ опасенія, что онъ долженъ будетъ уступить власти короля.

«Издали эти двѣ личности не тѣснили другъ друга. Взаимное желаніе блеснуть другъ передъ другомъ, привлечь къ себѣ, дѣлаетъ ихъ переписку хорошо обработанной, дружеской, анекдотической. Король любилъ писать, потому что онъ былъ мастеръ на эти легкія, короткія письма, гдѣ умъ можетъ блеснуть не обнаруживаясь, до какой степени

глубокъ онъ. Талейранъ съ готовностью поддерживалъ эту переписку въ угодность короля. Столько же лѣнивый дѣйствовать руками, сколько былъ дѣятельнъ умомъ, и принявъ за правило никогда не писать самому своихъ депешъ, потому что всѣ достоинства и недостатки видѣе въ бумагахъ, писанной чужой рукой, чѣмъ собственной, онъ употреблялъ для этого своихъ секретарей и повѣренныхъ, и въ числѣ ихъ преимущественно г. де-ла-Бенадиера. Ему-то диктовалъ онъ свои секретныя письма къ королю, письма, исполненные портретовъ, характеровъ, анекдотовъ обо всѣхъ главныхъ особахъ, собравшихся на конгрессъ. Это болѣе журналъ частной жизни всѣхъ европейскихъ дворовъ, чѣмъ журналъ происходившихъ политическихъ переговоровъ. Лудовикъ XVIII, съ помощью глазъ и ума одного изъ проицательнѣйшихъ людей Европы, какъ бы присутствовалъ самъ при всѣхъ этихъ переговорахъ, празднествахъ и интригахъ собравшагося въ Вѣнѣ общества.

«Отчужденіе отъ Мюрата неаполитанскаго престола составляло самый главный предметъ политической переписки Талейрана съ тюрлерійскимъ кабинетомъ. Король Фердинандъ Бурбонскій, лишенный сицилійскаго трона, прислалъ отъ себя на конгрессъ ходатаевъ за свои права. Мюратъ съ своей стороны поручилъ князю Куріати, герцогу Кампо Шіози, герцогу Рокка-Романа и генералу Филангieri слѣдить за повѣренными Фердинанда, и напомнить конгрессу условія, предложенныя имъ союзникамъ, и обѣщанное за то вознагражденіе. Но король, созданный побѣдой, и возведенный рукою Наполеона на мѣсто короля законнаго, слишкомъ рѣзко противорѣчилъ принятой системѣ права наследственнаго, выгодамъ Австріи и гордости Бурбонскаго дома, царствующаго во Франціи и Испаніи. Чашъ Мюрата пробили въ мнѣніи большинства собранія; уполномоченнымъ его не могли подать никакой надежды на успѣхъ, и рѣшительный отказъ медлили сдѣлать только изъ опасенія протестаціи Императора Александра. Ожидали только разѣзда конгресса, чтобы предоставить Франціи и Англіи визверженіе съ трона Мюрата. Этотъ пунктъ разногласія между соперничающими державами, споры о раздѣлѣ Саксоніи, Польши, объ уменьшеніи или увеличеніи войскъ Россіи, Австріи и Пруссіи, начинали волновать умы. Уже открыто поговаривали о войнѣ, какъ о слѣдствіи этого конгресса, составленнаго для общаго мира. Одинъ только Талейранъ вислолько не тревожился этими предвѣстниками грозы. Составивъ союзъ съ Австріею и Англіею, онъ привелъ дѣла въ такое положеніе, что всякій раздѣлъ Европы былъ благопріятенъ

для Франціи, исключенной до тѣхъ поръ изъ общины европейскаго материка.

«Безпокоились также слишкомъ близкимъ мѣстопробываніемъ Наполеона къ Франціи, и прискивали для него другое убѣжище въ моряхъ болѣе отдаленныхъ. Но вопросы, возникшіе о Неаполѣ, о Саксоніи и Польшѣ, отвлекли общее вниманіе отъ этого предмета.

«Въ такомъ положеніи были дѣла конгресса, готоваго развѣхаться и можетъ быть кончиться войной, когда ночью, курьеръ изъ Ливорно, прыскакавшій съ депешей на имя лорда Кастельри, привезъ въ Вѣну первую вѣсть о бѣгствѣ Наполеона съ острова Эльбы на трехъ легкихъ судахъ. Въ Ливорно еще не знали, къ какому мѣсту направить онъ свои суда. Вообще предполагали, что онъ выйдетъ на берегъ или въ Италіи или въ восточной части Франціи.

«Талейранъ совершенно не зналъ этой новости. Онъ только что всталъ съ постели. Слѣдуя примѣру французскихъ королей въ соблюденіи этикета, припятаго ими при вставаніи, онъ дѣлалъ свой утренній туалетъ въ кругу своего семейства и своихъ секретарей посольства, когда его племянница, молодая и прекрасная принцесса Курляндская, любимица и украшеніе всего его дома, вбѣжала въ страшномъ смущеніи, и подала ему секретную записку отъ Меттерниха. Талейранъ, руки котораго были орошены благовоніями, и котораго въ это время чесали и пудрили два парикмахера, попросилъ племянницу распечатать и прочесть записку. Она пробѣжала ее глазами и поблѣднѣла. «Боже мой!» вскричала молодая дѣвушка, гораздо больше тревожась о прекращеніи праздниковъ, на которыхъ она блистала своей красотой, чѣмъ о нарушеніи спокойствія Европы, — «Бонапарте ушелъ съ Эльбы! вѣрно разстроитъ сегодняшний балъ!»

«Талейранъ съ обыкновеннымъ своимъ безстрастіемъ, которое выравниваетъ, такъ сказать, душу съ важностью событій, не показалъ ни малѣйшаго признака удивленія, ни малѣйшаго измѣненія въ лицѣ, во взглядѣ, въ улыбкѣ. «Не безпокойся, моя милая, — сказалъ онъ обыкновеннымъ своимъ важнымъ, растаянутымъ тономъ, которымъ умѣлъ убѣждать почти столько же, сколько и своимъ краснорѣчіемъ, — не безпокойся, твой балъ не разстроится.» Талейранъ вминуто сообразилъ, что Наполеонъ обманулся въ расчетъ, что онъ скорѣй увлекся нетерпѣніемъ, чѣмъ вѣроятностью успѣха, и что Европа, утомленная уже его игомъ и побѣдами, не дастъ ему въ другой разъ овладѣть собой. Весь церемоніаль Талейранова туалета тоже нисколько не разстроился отъ этого извѣстія, и кончился своимъ обыкновеннымъ

порядкомъ. Но въ то время, когда государи, министры, дворы и городъ съ ужасомъ и негодованиемъ разсуждали о трехъ легкихъ судахъ, которыя несли на себѣ, неизвѣстно еще къ какому берегу, будущия судьбы Европы, Талейранъ, запершись въ кабинетъ съ Меттернихомъ и лордомъ Кастельри, провелъ въ совѣщаніи съ ними часть дня, и успѣлъ узнать сокровенныя мысли этихъ двухъ представителей двухъ могущественныхъ державъ.»

Приводя этотъ отрывокъ, *Journal des Débats* прибавляетъ еще нѣсколько похвалъ многосторонности Ламартинова таланта, который умѣетъ проявляться съ равнымъ успѣхомъ то въ мелкихъ стихотвореніяхъ, то въ повмахъ, то въ романахъ, то наконецъ въ сочиненіяхъ историческихъ.

NEUE LEBEN (Новая жизнь), романъ *Ауэрбаха*, 3 час.

Въ этомъ романѣ встрѣчаются всѣ особенности, которыми отличается г. Бертольдъ Ауэрбахъ, и которыя ставятъ его въ ряду первыхъ современныхъ пѣмецкихъ романистовъ. Герой романа—типъ германскаго общества, въ его настоящемъ состояніи, которое колеблется между уваженіемъ къ прошедшему и мечтами о будущемъ, между искренностію и безпокойствомъ, между энтузіазмомъ и ироніей. Полныя свѣжести и проникнутыя глубокой вѣрностію картины обрисовываютъ главное лице романа, и составляютъ для него какъ будто живописный комментарий. Этотъ простой и трогательный разсказъ даетъ видѣть въ г. Ауэрбахѣ талантъ, болѣе и болѣе увѣренный въ самомъ себѣ, — одинъ изъ тѣхъ счастливыхъ умовъ, которыя попали на свою дорогу, и которымъ, для пріобрѣтенія успѣха, надо только держаться избранной дороги.

NAMENLOSE GESCHICHTEN (Безыменные исторіи) г. Гаккленера, 3 ч.

Г. Гакклендеръ пріятный разсказчикъ; но иногда юморъ его переходитъ за границы художественности, и своей наклонности къ смѣшному, странному часто онъ жертвуетъ натуральностію картинъ; нельзя однакожь отнять у него живости представленій и глубоко-наблюдательнаго таланта. Его *Безыменные исторіи* представляютъ собою рядъ эпизодовъ, которые поддерживаютъ интересъ отъ начала до конца. Онъ имѣетъ замѣчательный даръ и довольно рѣдкій особенно въ Германіи — безъ всякаго усилія соображать и раскрывать всѣ пружины обширной интриги, выставлять на видъ въ стройномъ порядкѣ всѣ частности сложнаго разсказа. Будь у г. Гаккленера немножко побольше этой тонкости ума и этого такта, которыя характеризуютъ истиннаго писателя, — онъ заслужилъ бы извѣстность не одной способностью забавлять, — способностью, которая несомнѣнно ему принадлежитъ, но которою мы не совѣтовали бы ему довольствоваться.

ИНОСТРАННЫЯ КНИГИ.

ЛОРДЪ ГЕОРГЪ БЕНТИНКЪ.

Lord George Bentinck a political biography, by B. Disraeli,
member of parliament; 1 vol, London, 1859.

Никто не пользовался такимъ парламентскимъ могуществомъ, какъ сирь Робертъ Пиль въ концѣ засѣданій 1845 года. Выборы 1841 года дали главѣ охранительной системы, въ Нижней Палатѣ, большинство почти 100 голосовъ. Виги предводительствуемые лордомъ Джономъ Росселемъ, были явно отвергнуты націей, и видѣли, что ихъ число, ихъ силы, ихъ надежды съ каждымъ днемъ убываютъ. Вопросы экономическіе были общими вопросами цѣлой Англіи; масса интересовъ существенныхъ, на которыхъ основано народное богатство, двигала главныя колеса ея политической жизни. Интересы земледѣлія, интересы промышленности, интересы торговли морской и сухопутной, интересы колоніальные отстаивали каждый свои права, и таможенный тарифъ былъ ихъ общимъ оружіемъ. Сирь Робертъ Пиль не имѣлъ себѣ соперника въ искусствѣ управленія финансами. Никто, кромѣ его, не умѣлъ составить бюджета такого ловкаго и такого удачнаго; никто не умѣлъ съ такой тонкостью разпутывать сложности отвлеченныхъ вопросовъ банка; никто, при измѣненіи тарифа, не умѣлъ соблюсти такой точный и вѣрный балансъ между выгодами таможи и противоположными ей. Вся Англія стремилась въ то время составить изъ себя одинъ огромный торговый домъ и поручить управленіе этимъ домомъ сирю Роберту Пилю. Министръ не встрѣчалъ себѣ противорѣчій въ своей политикѣ внутренней. Система, которой онъ дѣйствовалъ въ Ирландіи, удалась. Эта система была въ одно время и строга и не стѣснительна для народа: съ одной стороны, предавъ О'Коннелля суду присяжныхъ, онъ утишилъ волненіе, произведенное О'коннелевымъ воззваніемъ; съ другой онъ удовлетворялъ католиковъ поддержкой семинаріи Майнота. Его отношенія къ иностраннымъ дворамъ еще больше усиливали его

могущество, и его обаяніе на другихъ. Державы твердой земли, слѣдующія охранительной системѣ, привѣтствовали избраніе сира Роберта Пилля въ 1841 году, какъ эпоху прекращенія всѣхъ революціонныхъ смуть, которыя волновали Европу съ 1830 года. Сиръ Робертъ Пилль въ Англии, князь Меттернихъ въ Австріи, король Лудовикъ Филиппъ во Франціи подали другъ другу руку на утвержденіе спокойствія въ Европѣ. Этихъ знаменитыхъ людей сблизило поразительное сходство ихъ свѣтлыхъ умовъ, ихъ опытности, ихъ благоразумія, ихъ умѣренности. Въ отношеніи къ благой цѣли своей, они служили другъ для друга взаимнымъ обезпеченіемъ, и ихъ власть уважаемая соотечественниками, казалось, должна была прекратиться только съ ихъ жизнью. Таково было положеніе сира Роберта Пилля въ 1845. Какъ вдругъ нечаянный случай далъ толчокъ его политикѣ и разрушилъ всѣ соображенія, всѣ надежды, которыя основывались на ней.

Неурожай, грозившій Англии, осенью 1845 года, всеми своими бѣдствіями, былъ началомъ цѣлаго ряда тѣхъ золъ, которыя и до сихъ поръ еще колеблють политику Европы. Страхъ этихъ бѣдствій нарушилъ то равновѣсіе, которое сиръ Робертъ Пилль такъ искусно возстановилъ между общественными интересами различныхъ сословій Англии. Тарифъ покровительственной системы стѣснялъ свободный ввозъ хлѣба въ Соединенныя королевства, и этотъ то покровительственный законъ, уже въ продолженіи четырехъ лѣтъ, раздѣлялъ, на двѣ противныя партіи, мнѣнія парламента и мнѣнія цѣлаго королевства. Съ одной стороны виги вмѣстѣ съ экономистами и съ владѣльцами обширныхъ мануфактуръ были противъ хлѣбнаго закона. Въ последнее время къ нимъ присоединилось еще многочисленное общество образовавшееся въ Манчестерѣ, предводитель, котораго фабрикантъ Кобденъ, сдѣлавшійся потомъ членомъ Нижней Палаты, такъ блистательно и горячо отстаивалъ тамъ свое дѣло. Эта лига, составившаяся противъ хлѣбнаго закона, клонилась однакожь къ разрушенію, не смотря на то, что минута для нея была самая благоприятная, потому что общій страхъ голода сильно дѣйствовалъ на воображеніе народа и сильно стоялъ за нее. Съ другой стороны стояли за хлѣбный законъ владѣльцы земель, фермеры и всѣ приверженцы охранительной системы. Въ 1841 году балотировали вопросъ о свободномъ ввозѣ хлѣба. Виги подняли тогда знамя свободной торговли; торіи, служившіе органомъ сира Роберта Пилля и министровъ его партіи, избрали своимъ девизомъ систему покровительственную. Такимъ образомъ значительное большинство націи было на сторонѣ сира Роберта Пилля, и побѣдъ торіевъ обяжанъ онъ

тою властью, которую такъ славно и счастливо поддерживалъ въ продолженіи четырехъ лѣтъ.

Общее любопытство народа, уstraшеннаго перспективой голода, съ безпокойствомъ сосредоточивалось на одномъ вопросѣ: какія мѣры приметъ правительство? Что министры горячо заботились о способахъ продовольствія, въ этомъ небыло ни какого сомнѣнія, потому что въ первыхъ числахъ ноября, въ продолженіи одной недѣли, у нихъ было четыре кабинетныхъ совѣщанія; но что происходило тамъ, какія мѣры хотѣли принять они — это оставалось въ неизвѣстности: Совѣтъ разошелся не объявляя ничего о своихъ намереніяхъ. Лордъ Джонъ Россель желая воспользоваться этою наружною недвѣтельностью сира Роберта Пила, попробовалъ нанести ему рѣшительный ударъ и возстановить могущество партіи виговъ. Онъ былъ въ то время въ Единбургѣ, и оттуда, безъ предварительныхъ совѣтовъ съ своими друзьями, опираясь только на свое уполномочіе начальника партіи, послалъ, съ чрезвычайной поспѣшностью, въ формѣ письма къ своимъ лондонскимъ сообщникамъ, имѣвшимъ избирательные голоса, воззваніе, въ которомъ требовалъ настоятельно непосредственнаго уничтоженія всѣхъ законовъ, стѣсняющихъ ввозъ хлѣба. Письмо лорда Росселя было отъ 22 ноября. Сиръ Робертъ Пилъ снова поспѣшилъ собрать совѣтъ, но таже таинственность продолжала еще покрывать его дѣйствія, какъ вдругъ, 6 декабря, была объявлена перемена министерства. 8-го королева приказала призвать лорда Джона Росселя, бывшаго еще въ Единбургѣ. Лордъ Джонъ привѣхалъ 11, и съ обыкновенною своею рѣшительностью, принялъ сдѣланное ему предложеніе: составить министерство. Совѣщанія продолжалось восемь дней; но не въ силахъ будучи убѣдить нѣкоторыхъ друзей своихъ въ томъ, чтобы лордъ Пальмерстонъ оставался въ министерствѣ, лордъ Джонъ Россель кончилъ тѣмъ, что отказался отъ своего предпріятія. Снова призвали сира Роберта Пила, который и вступилъ опять въ должность со всѣми своими прежними товарищами, исключая одного лорда Станлея, бывшаго министра колоній въ предшествовавшемъ министерствѣ, а нынѣ перваго министра, извѣстнаго подъ именемъ лорда Дерби.

Во время этихъ чрезвычайныхъ переворотовъ, оставившихъ въ недоумѣніи всю Англію и цѣлую Европу, вотъ что происходило:

Въ совѣтъ, бывшемъ 1 ноября, 1845 года, сиръ Робертъ Пилъ обратилъ его вниманіе на необходимость принять быстрые мѣры къ отвращенію угрожающаго голода, и въ особенности принять ихъ противъ бѣдствія Ирландіи, гдѣ обнаружилась болѣзнь картофеля. По его мнѣнію два средства представлялись правительству: или от-

измѣнить на время законъ о запрещеніи ввоза хлѣба, постановленіемъ совѣта, или собрать, въ продолженіи пятнадцати дней, парламентъ и предложить ему это измѣненіе закона. Сиръ Робертъ Пиль прибавилъ, что онъ предпочитаетъ первое, и всю ответственность въ этомъ случаѣ готовъ принять на себя. Онъ объявилъ потомъ своимъ товарищамъ, что мнѣнія его на счетъ коммерческой политики Англіи переѣнились, что онъ самъ отрекается отъ покровительственной системы и предпочитаетъ ей свободу торговли. Рѣчь его заключалась тѣмъ, что если хлѣбный законъ разъ отмѣнится, какимъ бы то ни было изъ предложенныхъ имъ способовъ, то его ужъ не возможно будетъ никогда возстановить. Это признаніе сира Роберта Пила было принято холодно всеми министрами, а противъ предложенія его сильно возсталъ лордъ Станлей. Споры по этому случаю составляли весь результатъ четырехъ совѣщаній, бывшихъ въ первыхъ числахъ ноября. Большинство министровъ пристало къ мнѣнію лорда Станлея, и на сторонѣ сира Роберта Пила остались только трое изъ нихъ: лордъ Абердинъ, сиръ Джемсъ Грагамъ и г. Гладстонъ. Согласились только, до закрытія засѣданія, принять нѣкоторыя предварительныя мѣры на счетъ Ирландіи, но съ тѣмъ вмѣстѣ подождать больше вѣрныхъ свѣдѣній о дефицитѣ ея неурожая, который, какъ это впоследствии и дѣйствительно оказалось, могъ быть преувеличенъ паническимъ страхомъ ея жителей. Послѣ письма лорда Джона Росселя, сиръ Робертъ Пиль повторилъ министрамъ свое предложеніе настойчивѣе. Онъ говорилъ, что его политическая репутация затронута; что онъ иначе не можетъ остаться на своемъ посту, какъ съ условіемъ, немедленно созвать парламентъ и предложить ему единодушно, отъ всего совѣта, отмѣну хлѣбнаго закона. На этотъ разъ сопротивленіе лорда Станлея ни въ комъ не нашло себѣ отголоска; но ему казалось, что честь запрещаетъ ему отступить отъ той системы коммерческой политики, которая одержала побѣду надъ вигами и преобразовала министерство. Все, что соглашался онъ допустить, въ уваженіе опасности, грозившей народу, это временное отмѣненіе хлѣбнаго закона. Такой уступки было недостаточно сирю Роберту Пилю, и его министерство было отстранено. Но когда покушенія лорда Джона Росселя, составить министерство изъ виговъ, разрушилось, сиръ Робертъ принялъ опять правленіе уже съ диктаторскою властью.

Въ эту минуту,—когда намѣренія Сира Роберта Пила были уже извѣстны Англіи и цѣлой Европѣ,—что ожидало приверженцовъ покровительственной системы, если бы они вздумали ее отстаивать? Какой ударъ могли они нанести министру, который

продолженіи шестнадцати лѣтъ былъ ихъ полнымъ руководителемъ? Оставшись теперь безъ его помощи, могла ли сама собой существовать ихъ партія? Между ними и министрами было разстояніе страшное! На сторонѣ сира Роберта было согласіе его товарищей, наконецъ убѣжденных имъ; благосклонность двора; уваженіе Европы; довѣренность дѣловыхъ людей; одобреніе защитниковъ свободной торговли, возгласы которыхъ казались голосомъ всего народонаселенія Англии,—и наконецъ безсиліе его политическихъ противниковъ, которые, уступивъ сирѣ Роберту Пиллю прежнюю власть его, ясно доказали этимъ свѣту, что она была передана въ ихъ руки только случайно и безъ всякой пользы. Неудовольствіе прежнихъ его друзей для него ничего незначило. Безъ него партія протекціонистовъ была ничто; онъ и безъ нея былъ все. Изъ чловѣка партіи, онъ сдѣлался чловѣкомъ Англии и чловѣкомъ необходимымъ. Напротивъ приверженцы покровительственной системы потеряли съ нимъ всю свою силу. Отказавшись отъ прежней своей коммерческой политики, сиръ Робертъ Пиль и его товарищи, составлявшіе цвѣтъ партіи, отзывались объ остальныхъ ея приверженцахъ какъ о смешныхъ чудакахъ, зараженныхъ старинными предрасудками, погрязшихъ въ старинной рутинѣ. У нихъ не было даже ораторовъ, которые по своей извѣстности, могли бы защищать дѣло ихъ съ успѣхомъ, потому что все, что только было въ этой партіи знаменитаго, опытнаго, дѣльнаго, краснорѣчиваго—отложилась отъ нихъ вмѣстѣ съ сиромъ Робертомъ Пилемъ. Изъ прежнихъ министровъ остался имъ вѣренъ одинъ только лордъ Станлей, первый, правда, спорщикъ въ дѣлѣ Англии, котораго сиръ Е. Больверъ такъ удачно называлъ княземъ Рупертомъ споровъ; но сиръ Робертъ Пиль имѣлъ благоразуміе помѣстить его въ палату лордовъ, и такимъ образомъ удалить изъ нижней палаты—этой единственной арены, на которой бы еще могъ биться съ нимъ его единственный противникъ. Протекціонисты точно такъ же плохо могли защищаться, какъ и нападать, потому что вмѣстѣ съ предводителями ихъ перешло въ руки правительства какъ наступательное такъ и оборонительное ихъ оружіе. Такимъ образомъ положеніе торіевъ, которыхъ считали врагами новой политики министра, было только предметомъ насмѣшекъ для free traders. Г. Кобденъ, въ послѣдніе митинги лиги, убѣждалъ ихъ самымъ забавнымъ тономъ покориться необходимости. Больше всего смѣялись надъ жалкими лицами этихъ контр-дженгельменовъ въ ту минуту, когда они увидѣли себя побѣжденными въ своей собственной палатѣ, въ которую вошли съ видомъ побѣдителей, и побѣжденными своими собственными министрами, которымъ сами же они

предоставили власть. И министры смѣялись еще первые надъ ихъ безсильной злобой. «Мы имѣемъ дѣло,—говорилъ одинъ министръ одному изъ искусныхъ дипломатовъ,—съ стадомъ жирныхъ бычковъ. Протекціонисты не въ состояннн выдержать преній и въ продолженнн двухъ засѣданій.»

Два человека смотрѣли между тѣмъ съ негодованіемъ на политическій оборотъ сира Роберта Пилля и втайнѣ обдумывали планъ громкой мести за свою партію. Одинъ изъ нихъ былъ г. Дизраэли, другой лордъ Георгъ Бентинкъ.

Упомянувъ прежде всего о самомъ г. Дизраэли, мы пополнимъ пропускъ, который онъ сдѣлалъ въ книгѣ имъ изданной, закрывъ себя ужъ съ излишней скромностью живою фигурой лорда Георга Бентинкъ. Г. Дизраэли былъ одинъ изъ тѣхъ не многихъ членовъ партіи тори, которые не увлеклись переименованіемъ сира Роберта Пилля. Всякая связь между ними и безъ того была ужъ разорвана въ продолженнн двухъ лѣтъ. *Кенингзби*, романъ-памфлетъ, изданный г. Дизраэли въ 1844 году и имѣвшій огромный успѣхъ, есть не что иное какъ ѣдкая сатира, не только на политику, но и на всю личность сира Роберта Пилля. Никто не изучалъ такъ внимательно характеръ и умъ этого великаго государственнаго человека, никто не подмѣтилъ съ такой тонкой наблюдательностью его слабыя стороны, никто наконецъ не выказалъ его недостатковъ въ чертахъ такихъ яркихъ и подробныхъ. Г. Дизраэли упрекаетъ сира Роберта Пилля въ томъ, что ни въ основаннн его политики, ни въ основаннн его партіи, никогда не было началъ высокихъ и прочныхъ, и что онъ, полагалъ всю свою славу въ искусствѣ дѣйствовать на умы и во временномъ успѣхѣ, а не въ соображенняхъ глубоко-обдуманыхъ, откровенно обнародованныхъ и вѣрно исполненныхъ. Онъ говоритъ, что первый министръ имѣлъ привычку во всю свою жизнь присвоивать себѣ мнѣнія и системы своихъ противниковъ и отвергать выгоды и законы своего отечества. Г. Дизраэли написалъ такую критику, которая останется на всегда, обрисовалъ каррикатуры сира Роберта Пилля чертами карандаша незгладимага. Онъ сказалъ, на пр. что сиръ Робертъ засталъ виговъ въ банѣ и унесъ ихъ платье. При концѣ засѣданій 1845 года, г. Дизраэли предсказалъ, что покровительственная система, находясь въ рукахъ перваго министра, подвергается такой же опасности, какой, въ 1828 году, подвергалось дѣло протестантизма наканунѣ обнародованія акта эмансипаціи и онъ наименовалъ, такъ называемую, охранительную политику «систематическимъ лицемѣрнмъ».

Во время волнений кабинета, происходившихъ въ ноябрь и декабрь 1845 года, г. Дизраэли находился въ Парижѣ, гдѣ, до совершения кризиса, онъ предполагалъ провести всю зиму. Г. Дизраэли имѣлъ честь приблизиться къ королю Лудовику Филиппу, къ которому всегда питалъ искреннюю привязанность и уваженіе. Онъ могъ видѣть вблизи, какое впечатлѣніе производили на короля лондонскія событія: Удаленіе отъ должности сира Роберта Пила глубоко его тронуло. Увидѣвъ власть въ рукахъ лорда Пальмерстона, онъ съ той быстротой взгляда, которую скорѣй можно было приписать въ немъ инстинкту, чѣмъ слѣдствію-размысленій, уже предсказывалъ въ будущемъ цѣлую перспективу войны и революцій. Лордъ Пальмерстонъ тотчасъ же сообщилъ въ Парижѣ мирныя увѣренія; это нѣсколько уменьшило опасенія короля, но онъ не прежде успокоился вполне, какъ узнавъ о пораженіи виговъ и о возвращеніи министерства сирѣ Роберту Пилу. Тогда онъ заключилъ, что всѣ эти обстоятельства, такъ сильно его встревожившія, были не что иное, какъ искусная тактика сира Роберта Пила, посредствомъ которой онъ приготовилъ себѣ новое торжество. Онъ думалъ, что королева, парламентъ и цѣлая нація согласились предоставить ему уполномочіе Г. Дизраэли замѣтилъ королю почтительно, что мнѣніе его не совсемъ справедливо. «Не думаете ли вы, спросилъ его король, что сирѣ Робертъ Пилъ не достигнетъ до этого?»

— Да, государь.

— Хорошо! а потомъ?

— Потомъ, онъ будетъ низвергнутъ.

— Ктожь его низвергнетъ? Власть была предложена лорду Джону Росселю, но онъ отказался отъ нея. Я могу васъ увѣрить, что лордъ Веллингтонъ ручается за прочность настоящаго министерства. Я помню, прибавилъ король съ улыбкой доверчивости, то время, когда говорили, что Питтъ не удержится и на шесть недѣль; а онъ былъ министромъ двадцать лѣтъ».

Г. Дизраэли и на этотъ разъ былъ отгадчикъ проникательный. Онъ тотчасъ же уѣхалъ въ Лондонъ, чтобъ содѣйствовать своимъ присутствіемъ исполненію своего предсказанія.

Но одинъ г. Дизраэли былъ противникъ не слишкомъ опасный: оружіе избранное имъ для мести, только слегка царапало сира Роберта Пила. Чтобы возстановить партію торіевъ, нуженъ былъ человекъ, который бы съ силой таланта, съ энергіей характера, и съ горячностью къ своему дѣлу, соединялъ еще вліяніе высокаго ар-

стократическаго положенія въ свѣтъ. Этотъ человекъ напелся тамъ, гдѣ министерство меньше всего ожидало его встрѣтить: то былъ лордъ Георгъ Бентинкъ.

Будущій атлетъ скрывался въ Нижней Палатѣ, молчаливый и никѣмъ незамѣченный въ продолженіи цѣлыхъ осмнадцати лѣтъ. Младшій сынъ герцога Портлендскаго, лордъ Георгъ происходилъ отъ Голланда Бентинка, товарища и повѣреннаго Вильгельма III, о посольствѣ котораго къ Лудовику XIV рассказываетъ намъ Сень Симонъ, и который былъ основателемъ одного изъ аристократическихъ домовъ Англии, составившихъ себѣ богатство и могущество революціей 1688 года. Лордъ Георгъ Бентинкъ еще въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ поступилъ въ должность частнаго секретаря къ Каннингу. Не возможно было найти лучшей школы для публичной карьеры. Потомъ лордъ Георгъ заступилъ въ Нижней Палатѣ, какъ представитель городка Кингсъ-Линнъ, мѣсто своего дяди лорда Вильяма Бентинка, бывшаго генераль-губернатора Индіи. Это было начало многообещающее. Между тѣмъ, отъ того ли, что ранняя и скоростяжная смерть Каннинга отвратила его отъ политики, или самыя его склонности не соответствовали этому занятію, только онъ не захотѣлъ идти слишкомъ ревностно этимъ путемъ, и въ продолженіи нѣкотораго времени испытывалъ военную службу. Потомъ, постоянно сохраняя между тѣмъ свое парламентское мѣсто, — посвятилъ свою жизнь національнымъ англійскимъ занятіямъ и въ томъ числѣ скачкамъ. У него былъ превосходный конный заводъ. Онъ былъ мастеръ и смѣльчакъ держать пари, и первенствовалъ на скачкахъ. Палата, въ которой онъ рѣдко присутствовалъ, была для него чѣмъ-то въ родѣ клуба, гдѣ свѣтскому человеку необходимо бывать изъ приличія. Онъ привозжалъ туда только въ дни важныхъ засѣданій, и то къ концу ихъ, вечеромъ, и при томъ всегда въ блонъ пальто, изъ подъ котораго виднѣлась красная охотничья куртка. Между тѣмъ онъ имѣлъ и тамъ значительное вліяніе, потому что въ числѣ членовъ палаты всегда много *спортингъ-меновъ*, а въ числѣ *спортингъ-меновъ*, у него было много товарищей и приятелей, которые признавали надъ собой его превосходство. Все действительно обозначало въ Бентинкѣ человека двательнаго и способнаго повелевать: живость ума, здравыя сужденія, быстрота соображеній, откровенность, чистосердечіе, твердость характера, отвага, пылкость дружбы и ненависти. Наружность его служила вѣрнымъ изображеніемъ этой энергической и могучей натуры. Онъ былъ высокъ ростомъ и имѣлъ видъ величественный; лобъ возвышенный, бѣлый; носъ орлиный; верхнюю губу нѣсколько короче

нижней; вѣчная внутренняя жизнь отъняла благородное лицо его легкимъ румянцомъ; его черные блестящіе глаза, полные ума и души, бросали такой свѣтлый, такой гордый, такой пронизательный взглядъ, который не могъ ни обмануть другихъ ни самъ въ чемъ-либо обмануться. Этотъ взглядъ служилъ ручательствомъ, что такой человекъ вездѣ, гдѣ только захочетъ употребить свои способности, займетъ одно изъ первыхъ мѣстъ.

И такъ политическая карьера лорда Георга Бентинка ограничивалась только безмолвнымъ участіемъ въ балотировкѣ, и голосъ его основывался всегда на тѣхъ политическихъ началахъ, какіе занимствовалъ онъ отъ Каннинга. Онъ отстаивалъ свободу католицизма и билъ о реформѣ; поддерживалъ министерство лорда Грея, составленное изъ виговъ, въ которое вступили многіе изъ прежнихъ товарищей Каннинга, и въ которомъ самъ онъ отказался отъ мѣста, ему предложеннаго. Впоследствии онъ перешелъ къ противной партіи, на сторону сира Роберта Пила, въ то время, когда лордъ Станлей, другъ его, отказался отъ виговъ. Неумѣя ничего дѣлать вполнину, лордъ Георгъ сдѣлался самымъ жаркимъ партизаномъ сира Роберта Пила. Онъ вполне вѣровалъ въ этого государственнаго человека. Въ концѣ засѣданій 1845 года, когда г. Дизраэли осмѣлился предсказать близкое измѣненіе въ политикѣ министра, лордъ Георгъ Бентинкъ горячо возсталъ противъ этого мнѣнія, называлъ его клеветой и отзывался довольно обидно о зловѣщемъ предсказателѣ. Дѣйствительная перемена сира Роберта Пила поразила своей неожиданностью и умъ и сердце лорда Георга; могутъ посудить какое впечатлѣніе должна была произвесть такая измѣнчивость на человека прѣдлага и пылкаго. Онъ узналъ объ этомъ событіи въ деревнѣ, и следуя одному собственному меченію, рѣшился возстать противъ новой политики министра, противной по его соображеніямъ выгодамъ націи, рѣшился отмстить за честь своего отечества, преданнаго, какъ думалъ онъ, въ жертву подлой измѣны.

Прежде, чѣмъ увидимъ мы эту борьбу, о которой думали только г. Дизраэли въ Парижѣ, да лордъ Георгъ Бентинкъ въ одной изъ провинцій Англій, кажется не лишнимъ будетъ напомнить сущность тѣхъ общаній, которые сиръ Робертъ Пилъ давалъ своимъ друзьямъ, по поводу покровительства земледѣлія. Мы не можемъ иначе дать точнаго понятія о первоначальномъ политическомъ ввроисповѣданіи сира Роберта Пила, какъ сказавъ только то, что всегдашнимъ его правиломъ было прибѣгать къ собственнымъ своимъ же словамъ. Прочтите напримѣръ, этотъ отрывокъ, выбранный имъ изъ двадцати его же рѣчей, выражавшихъ одинъ и тотъ

же духъ; это возраженіе противъ *free trade* (свободной торговли), защищаемой въ то время вигами: «Даже и въ такомъ случаѣ,—говорилъ онъ,—еслибъ вы могли мнѣ доказать, что истинныя начала торговли требуютъ отъ насъ покупки хлѣба болѣе дешевой, и выпуска изъ Англій капиталовъ, которые оплодородили собственную почву нашу, и которые по вашему мнѣнію должны оплодородить теперь тощія равнины Польши, мы и тогда еще будемъ колебаться. Мы съ грустію будемъ вспоминать о смѣющейся картинѣ, которую хотите вы уничтожить; съ сожалѣніемъ будемъ смотрѣть, какъ наше земледѣліе сойдетъ съ вершинъ холмовъ, на которыхъ развилось подъ вліяніемъ покровительственной системы, и откуда радостно созерцаетъ оно свое благоденствіе. Если вы убедите насъ, что всѣ ваши блестящія надежды осуществляются, что эта земля сдѣлается огромнымъ рынкомъ цѣлаго свѣта, что всѣ предсказанныя вами блага исполнятся,—даже и тогда не забудемъ мы, что сдѣлала покровительственная система для нашего земледѣлія, осѣненной ею, въ продолженіи двухъ сотъ лѣтъ. Она осушила наши болоты, улучшила народное здоровье, сдѣлала жизнь вообще продолжительнѣе,—и все это дѣлалось не пособіемъ промышленности, а только по мѣрѣ этого удивительнаго развитія земледѣлія. Если бы вы, со всѣми властями Соединенныхъ королевствъ, предложили намъ отказаться отъ покровительственной системы на основаніяхъ дѣльныхъ и важныхъ, мы и тогда были бы глухи къ словамъ вашимъ; но вы представляете намъ только причины частныя, факты противорѣчащія. И такъ мы рѣшительно отказываемся измѣнить наше мнѣніе и вѣрить покровительственную систему игрѣ случайнаго узаконенія. Сиръ Джемсъ Грагамъ, который, говорятъ, имѣлъ сильное вліяніе на перемѣну сира Роберта Пила въ пользу *free trade*, тоже произнесъ въ 1841 году рѣчь за покровительственную систему, не менѣе витѣватую и еще болѣе патетическую. Самымъ гибельнымъ слѣдствіемъ свободной торговли казался ему неизбежный переходъ земледѣльцевъ въ промышленники, переселеніе въ города сельскихъ жителей. Одинъ взглядъ на такую будущность заставлялъ его проливать слезы. «О! говорилъ онъ, пусть палата размыслитъ хорошенько прежде, чѣмъ предприметъ измѣненіе, которое поведетъ за собой перемѣщеніе работъ. Здѣсь не берутъ въ соображеніе тѣхъ горестей и страданій, какіе должны будутъ перенести эти спокойные волны народа, когда мы станемъ измѣнять ихъ тихое ложе. Здѣсь не имѣютъ понятія, какъ тяжело перемѣнять привычки, жилище, нравы, образъ жизни. Бѣдный земледѣлецъ долженъ будетъ отказаться отъ свѣжаго, деревенскаго утра, и встрѣчать его

подъ унылый звукъ фабричнаго колокольчика, призывающаго къ работѣ; промѣнять свои поля, свой цвѣтущій садъ, свои зеленѣющіе дуга на мрачный подвалъ многолюднаго города; невинныя удовольствія воскресныхъ сельскихъ прогулокъ, на буйный разгулъ городской толпы! Какой моралистъ не подастъ своего голоса противъ такихъ ужасныхъ послѣдствій мѣры, которую намъ предлагаютъ? И это будетъ первый шагъ, посредствомъ котораго хотятъ превратить Англію въ всемірный рынокъ! Я надвюсь, что такое предложеніе будетъ отвергнуто; и если бы оно было принято, тогда Англія сдѣлалась бы для меня последней землей, въ которой бы я захотѣлъ когда-нибудь жить». Эти слова и тысячи другихъ подобныхъ воззваній, отзывались еще въ ухахъ представителей земледѣлія. Надобно согласится, что торіи, отдавъ власть въ руки такихъ людей, которые въ 1841 году говорили подобныя рѣчи, могли быть увѣрены въ прочности, поддерживаемой ими системы. И теперь, въ 1845 году, недалше какъ черезъ четыре года послѣ того, тѣ же самые люди уступили поле битвы ихъ врагамъ!

Роковой часъ, когда охранительная партія должна была узнать свою участь, насталъ наконецъ. Парламентъ собрался 22 Января 1846 года. Между членами партіи торіевъ не было никакихъ предварительныхъ сношеній; нѣкоторые изъ нихъ пріѣхали въ Лондонъ не далше какъ наканунѣ собранія. Лордъ Георгъ Бентинкъ пріѣхалъ даже въ самый тотъ день. Можно было сказать, что онъ какъ можно больше хотѣлъ отдалить минуту сцены, въ которой непредвидѣлъ ничего кромѣ уничтоженія своей партіи и потери своего дѣла. Необходимость, заставлявшая многихъ вступить въ борьбу съ друзьями, ими же возведенными къ министерской власти, и составлявшими гордость ихъ политической жизни, дѣлала большую часть членовъ собранія мрачными и печальными. Болѣе раздраженные видѣли только конечное разстройство своей партіи, и потому въ будущемъ только рядъ запутанностей, недоразумѣній, безсилія. Нѣкоторые еще надвѣялись, что сиръ Робертъ Пиль не совершенно откажется отъ интересовъ земледѣлія и отъ мпѣній, которыхъ держался въ продолженіи всей своей жизни. Въ началѣ этого перваго засѣданія положеніе протекціонистовъ не представляло ничего больше, кромѣ внутренняго волненія, а на лицахъ безмолвнаго любопытства.

Когда адресъ былъ предложенъ и поддержанъ двумя приверженцами министерства, сиръ Робертъ Пиль всталъ; наступила страшная, гробовая тишина, которая предшествовала его первымъ словамъ. Рѣчь министра была очень длинна. Онъ разсуждалъ о столькихъ различныхъ предметахъ, съ такими подробностями и съ такими

измѣненіями самой интонаціи, что въ продолженіи двухъ часовъ протекціонисты попеременно испытывали различныя чувства. Самые первыя слова возбуждѣли въ нихъ нѣкоторую надежду. Сиръ Робертъ отвергалъ всѣ сужденія, сдѣланныя о немъ прежде времени, какъ дерзость незаслуживающую вниманія. Но этотъ отблескъ надежды былъ не продолжителенъ: онъ объявилъ, что неурожай есть только случайный предлогъ къ той мѣрѣ, которую предлагаетъ онъ, и что его мнѣнія въ отношеніи къ покровительственной системѣ и свободной торговлѣ совершенно измѣнились. Министръ хотѣлъ потомъ оправдать такую перемѣну своихъ мнѣній анализомъ обще-философическихъ началъ свободной торговли, который однако жъ выходилъ изъ рода его краснорѣчія, и отъ котораго пробѣжалъ ропотъ негодованія въ рядахъ протекціонистовъ. Пытаясь доказать превосходство вновь принятой системы передъ прежней, онъ умерилъ однакожъ нѣсколько свои чувства; притихъ и занялъ вниманіе своихъ слушателей безконечными мелочами. Онъ исчислялъ тѣ статьи тарифа, которыя освобождались отъ пошлинъ; разсматривалъ статистику ввоза свиного сала и соленаго свиного мяса, такъ что вся важность вопроса, занимавшаго партію и націю, терялась въ этихъ подробностяхъ, какъ рѣка въ пескахъ. Потомъ сиръ Робертъ Пиль перешелъ къ настоящему неурожаю; вывелъ всю его исторію, привелъ его смѣту и прочелъ огромную кипу писемъ, полученныхъ имъ по этому случаю отъ своихъ агентовъ. Отсюда онъ склонилъ свою рѣчь на кризисъ, происшедшій въ министерствѣ,—и наконецъ добрался до заключенія. Въ эту минуту и въ лицѣ и въ голосѣ его произошла замѣтная перемѣна. Онъ началъ тономъ ласковымъ, скромнымъ, почти покорнымъ, и кончилъ гнѣвомъ, и угрозами противъ всѣхъ своихъ прежнихъ товарищей, которые бы вздумали обвинять его. Онъ съ гордостію вызывалъ ихъ къ испроверженію своей власти, выставялъ себя какъ усмирителя политическихъ смутъ, требовалъ довѣрія къ своей опытности государственнаго человѣка, напомнивъ при томъ, что онъ служилъ четыремъ государямъ. Наконецъ, онъ объявилъ, и это было последнее его слово, «что управлять государствомъ, основаннымъ на правахъ старинной монархіи, высокой аристократіи и нижней палаты, вновь составленной—задача трудная.» Это значило, что такую задачу могъ выполнить только одинъ онъ, и что торіи должны были позволить все единственному министру, который могъ ихъ спасти отъ революціи.

Тотчасъ послѣ сира Роберта Пила началъ говорить лордъ Джонъ Россель. Въ продолженіи довольно длинной рѣчи его, въ которой онъ

разсказывалъ исторію, умершаго при самомъ рожденіи, своего министерства, волненіе, произведенное послѣдними словами министра на скамьяхъ торіевъ, успѣло утихнуть, и до этой минуты вся партія протекціонистовъ не показывала никакого признака жизни. Еслибы засѣданіе такъ кончилось, еслибы никто не рѣшился высказать свое мнѣніе и обвинить министра въ его поведеніи, еслибы, говоримъ мы, партія осталась безмолвной подъ вліяніемъ оскорбительнаго и гордаго слова сира Роберта Пила, всѣ должны были бы заключить, что она сама соглашалась на свое уничтоженіе. Г. Дизраэли понялъ это въ одну минуту — и схватился за случай.

Ни при какихъ другихъ обстоятельствахъ подобной важности слова г. Дизраэли не были бы такъ кстати, и никогда еще не было минуты болѣе выгодной, и для сущности его рѣчи, и для самой блестящей стороны его таланта. То что неподражаемо въ литературной оригинальности г. Дизраэли, это его сатирическая манера. Онъ самъ описываетъ въ *Контарини Флемингъ*, одномъ изъ своихъ любопытнѣйшихъ романовъ, странные припадки сатирической веселости, которымъ подверженъ онъ. «Бываютъ минуты, говоритъ Контарини, когда я нахожусь подъ вліяніемъ какого то чувства, которое можно назвать веселой дерзостью. Это смѣсь беззаботности съ доверчивостью, которая удивительно дѣйствуетъ на мой организмъ. Въ эти минуты я никогда не думаю о послѣдствіяхъ, все мнѣ кажется хорошо и я совершенно доволенъ своимъ положеніемъ. Все представляется мнѣ съ смѣшной стороны; вездѣ я вижу только шутовскіе образы. Я смѣюсь надъ людьми безъ всякой причины, забавляюсь всѣмъ, что попадется мнѣ подъ руку, пожимаю плечами и говорю только эпиграммами». Г. Дизраэли именно былъ въ такомъ духѣ сатирической веселости, когда онъ всталъ, чтобы отвѣчать первому министру. Сиръ Робертъ Пилъ перемѣной своихъ мнѣній, своимъ самохвальствомъ и тѣмъ тономъ, которымъ были сказаны послѣднія слова его, открылъ, какъ говорится, «лангъ» своему безпощадному противнику. Онъ насмѣялся надъ своей партией, онъ очевидно пожертвовалъ ею и ея интересами возстанію Кобдена и Манчестерской лиги, а между тѣмъ приписывалъ себѣ усмиреніе политическихъ смуть; наконецъ онъ говорилъ съ своими прежними друзьями тономъ полураздраженнымъ и полуторжественнымъ. Отъ высокаго до смѣшнаго одинъ только шагъ; отъ торжественности и напыщенности этотъ шагъ къ смѣшному еще короче, и притомъ нѣтъ предмета болѣе выгоднаго для насмѣшки, какъ человекъ, который сердится, — вотъ сколько выгоды представлялось сатирическому духу г. Дизраэли. До сихъ поръ онъ нападалъ на

сиръ Роберта Пилля только какъ наездникъ; теперь онъ былъ уврѣнъ, что его подкрѣпитъ сильный отрядъ, который будетъ сочувствовать каждому его слову и будетъ одобрять его. Въ самомъ дѣлѣ онъ былъ очень въ хорошемъ положеніи.

Важный уцербъ, которымъ грозили дѣйствія сира Роберта Пилля со стороны точки зрѣнія парламентскихъ основаній, и нѣкоря смѣшныя мелочи о его особѣ и рѣчи были изложены очень увлекательно и отчетливо въ смѣлой импровизаціи г. Дизраэли. Каждая фраза заключала въ себѣ доказательство сильное, то одиозное въ комическомъ образѣ, то приправленное какой нибудь ѣдкой остротой. Эти противоположности, эта непрерывная смѣсь важной сущности съ комической формой, придаютъ этой рѣчи чрезвычайную оригинальность въ отношеніи художественномъ. Сиръ Робертъ Пилль объявивъ себя въ пользу *free trade*, доказывалъ, что всѣ нападки на свободную торговлю ложны.

«Я желалъ бы знать,—отвѣчалъ прежде всего г. Дизраэли,—почему высокопочтенный *джентлеменъ*, который, кажется, уже въ полной зрѣлости лѣтъ, не принялъ этого мнѣнія въ то время, когда составлялось настоящее министерство. Что должны мы думать о великомъ государственномъ человѣкѣ, который продолжая службу свою при четырехъ государяхъ, бывъ призываемъ нѣсколько разъ къ управленію государствомъ, въ случаяхъ важныхъ и опасныхъ, счелъ необходимымъ сдѣлать измѣненіе въ такомъ предметѣ, о которомъ не дальше какъ за три года назадъ думалъ совсѣмъ иначе, и который между тѣмъ имѣлъ время изучать въ продолженіи цѣлой четверти вѣка? Я согласенъ, что такой министръ, можетъ быть знающимъ, но нахожу, что онъ очень несчастливъ. Я скажу также, что онъ меньше, чѣмъ кто нибудь, имѣетъ права обращаться къ своей партіи съ угрозами. Я очень легко могу найти въ исторіи примѣръ, который можно примѣнить къ настоящему положенію почтеннаго джентлемена. Первый, который попадаетъ мнѣ, это изъ послѣдней войны въ Левантѣ, приведенной къ концу искусной политикой благороднаго лорда (лорда Пальмерстона). Когда эта великая борьба началась, дѣло пошло о существованіи цѣлой турецкой имперіи. Послѣдній султанъ, человѣкъ энергическій, рѣшился вооружить огромный флотъ. Экипажи были снабжены людьми отличными, офицеровъ взяли самыхъ искусныхъ, какихъ только могли найти, и всѣ, и офицеры и солдаты были награждены прежде кампаніи. (Смѣхъ). Никогда еще, со временъ Салмана Великаго, подобное вооруженіе не выходило изъ Дарданелловъ. Султанъ присутствовалъ лично при отправленіи флота; всѣ мусульмане молились объ успѣхѣ экспедиціи. Флотъ поплылъ

но каковожь было смущеніе султана, когда оказалось, что Капуданъ-Паша вошелъ прямо въ неприятельскую гавань! (Взрывъ смѣха и рукоплесканій). Капуданъ-Пашу по этому случаю много клеветали! (смѣхъ и рукоплесканія). Онъ такъ же былъ названъ измѣнникомъ и такъ же оправдывался. «Правда, — говорилъ онъ, — что я былъ начальникомъ этой великой *армады*, правда, что мой государь ввѣрилъ мнѣ ее, и всѣ муфти молились объ успѣхъ экспедиціи, но я былъ противъ войны (смѣхъ); я не находилъ никакой пользы продолжать ее, и для того только согласился принять начальство, чтобы кончить эту войну измѣной моему государю».

Зала затряслась отъ рукоплесканій послѣ этихъ словъ. Скорбь, негодованіе, гнѣвъ торіевъ нашли наконецъ себѣ исходъ. Волненіе чувствъ, говоръ одобренія, смѣхъ оживили собраніе, до тѣхъ поръ мрачное и молчаливое, и прекращались во все продолженіе рѣчи оратора, который не переставалъ поражать сира Роберта Пиль. Онъ поставилъ на видъ, что сиръ Робертъ Пиль въ 1846 году точно такъ же уступилъ волненію Манчестерскому, какъ въ 1829 году уступилъ онъ возстанію католиковъ, предводительствуемыхъ О'Коннелемъ; поставилъ на видъ, что сиръ Робертъ Пиль, достигнувъ власти съ помощію своей партіи, забывъ всѣ личныя увѣренія, которыя дѣлалъ ей, забывъ всю святость узъ, которыя связываютъ начальника съ подчиненными, употребилъ эту же самую власть во вредъ своей партіи и въ пользу прежнихъ своихъ противниковъ. «Что касается до меня! — воскликнулъ г. Дизраэли, — я имѣю совершенно другое понятіе о великомъ государственномъ человѣкѣ. Я называю великимъ государственнымъ человѣкомъ того, кто представляетъ какую-нибудь великую мысль, мысль, которую осуществляетъ онъ въ самомъ себѣ, которую можетъ и долженъ вдохнуть въ духъ великаго народа, и по превосходству которой долженъ стать въ главѣ его; но какое мнѣ дѣло до человѣка, у котораго никогда не было ни какой оригинальной идеи, который измѣняется вмѣстѣ съ погодой и ищетъ только того, какъ бы ему стать подъ вѣтеръ. Такой человѣкъ можетъ быть министромъ очень могущественнымъ, но никогда не можетъ назваться великимъ государственнымъ человѣкомъ, точно такъ же, какъ лакей, который ѣздитъ за каретой, не можетъ назваться великимъ кучеромъ. (Рукоплесканія и взрывъ смѣха). Итакой министръ, и такой лакей только еще учатся прогрессу, и можетъ быть, оба имѣютъ хорошія мѣста, — вотъ что общаго между ими». Г. Дизраэли возвратился опять къ обязанностямъ политическаго человѣка въ отношеніи къ его партіи. «Какъ члены Нижней Палаты и подданные такого государства, гдѣ правленіе народное, продолжалъ онъ, мы имѣемъ

право и даже обязаны спросить, какими средствами высокопочтенный джентельменъ достигъ той степени, которую теперь занимаетъ, и съ высоты которой такъ презрительно относится къ своимъ прежнимъ союзникамъ. Мы очень хорошо помнимъ,—и помнимъ можетъ быть краснѣя теперь за самихъ себя,—какія усилія употребляли мы для того, чтобъ доставить ему мѣсто, которое онъ теперь занимаетъ. Кто не помнитъ тогдашней политики высокопочтеннаго джентельмена, отстаивавшаго святое дѣло покровительственной системы? дѣло, за которое осмѣлились идти противъ королевской власти, распустить парламентъ и провести цѣлый народъ! (рукоплесканія и смѣхъ). Намъ конечно очень пріятно слышать, какъ почтенный джентельменъ исчислялъ государей, которымъ служилъ; онъ ѣздилъ съ визитами къ королеви! но какая бы королева пригласила къ себѣ почтеннаго баронесса, еслибы онъ, въ 1841 году не стоялъ въ главѣ джентельменовъ Англій, въ званіи, которое какъ всѣмъ извѣстно, всегда пользуется преимущественной довѣренностью царствующихъ особъ и двора. Что касается собственно до меня, я не могу потерпеть, чтобы кто нибудь пришелъ сюда и сказалъ: «я буду управлять не обращая вниманія на партіи, хотя и самъ я возведенъ въ мой санъ посредствомъ партій; и я не буду обращать никакого вниманія на ваши сужденія, потому что я жду потомства». Не многія достигаютъ потомства, милостивый государь, и кто изъ насъ достигнетъ его? Покрайней мѣрѣ я не предрекаю его себѣ. Потомство собраніе немногимъ доступное. Число членовъ его не больше числа планетъ. Но очевидно пока только то, что вмѣстѣ съ измѣненіемъ торговой системы, намъ грозитъ чрезвычайная опасность перемены въ самой политикѣ нашего правленія. Я призываю всѣхъ васъ, какого бы кто ни былъ мнѣнія о свободной торговлѣ, возстать противъ введенія свободной политики. Хорошо ли, дурна ли она, каждый долженъ отстаивать тѣ правила, въ которыхъ воспитанъ онъ, долженъ удержать ихъ или пасть вмѣстѣ съ ними. Такой министр, который находится въ положеніи высокопочтеннаго джентельмена, не вправе отменять *corn laws* (хлѣбный законъ). Репутація большинства этой палаты зависитъ отъ сохраненія нашихъ парламентскихъ постановленій, а не отъ продолжительности министерства. Если вы видите, что важное лицо измѣняетъ свои мнѣнія, не рукоплещите ему, не дайте ему такъ легко поощренія къ политическому крючкотворству. Поддерживайте твердо всю линію границъ между партіями, потому что только сохраненіемъ независимости партій, вы можете сохранить честность политическихъ людей и вліяніе самаго парламента.—Г. Дизраэли смѣлъ, а рукоплесканія продолжались еще нѣ-

сколько минутъ: Торги оживились. Ихъ вывозъ на бой былъ брошенъ. Собрание разошлось съ шумнымъ волненіемъ.

Для того, чтобъ разсказать подробную исторію сопротивленія торіевъ, стоить только перевести книгу г. Дивраэли. Мы ограничимся только разсказомъ о томъ, какъ устроилось это сопротивленіе, на какіе доводы и на какія главныя выгоды охранительной политики опиралось оно, и какія были его послѣдствія.

Когда сиръ Робертъ Пиль объяснилъ подробно принимаемыя имъ мѣры, самые важныя и значительныя протекціонисты занялись устройствомъ своей партіи. Лордъ Георгъ Бентинкъ, разумеется, принялъ въ этомъ устройствѣ дѣятельное участіе. Онъ былъ убѣжденъ, что твердое сопротивленіе, противопоставленное мѣрамъ сира Роберта Пила, въ палатѣ, массой партіи консерваторовъ, пробудитъ сочувствіе всѣхъ ихъ приверженцевъ по цѣлому государству. Члены партіи собрались въ обществѣ покровительства земледѣлія; разобрали роли для перваго пренія, которое предстояло; условились въ тактикѣ; сообразили свои силы, и всѣ свои выгоды и невыгоды; пересчитали своихъ членовъ, и увидѣли, что они имѣютъ еще всѣ средства партіи могущественной. Оставалось только выбрать предводителя, *leader*, и глаза всѣхъ обратились на Лорда Георга Бентинка.

Во Франціи не умѣютъ составить себѣ понятія, что значить *лидеръ*, въ нижней палатѣ. Это лицо, необходимое въ игрѣ системы представительной, никогда не выходило на сцену въ нашихъ собраніяхъ. Ничто не доказываетъ такъ ясно какъ недостатокъ у насъ этого лица, до какой степени наши парламентскія постановленія еще не полны. *Лидеръ* партіи, составляетъ ея центръ, душу, вербовщика, кормчаго и оратора во всѣхъ преніяхъ. *Лидеру* необходимо имѣть ту силу, врожденную или пріобрѣтенную, которая невольно привлекаетъ къ себѣ и внушаетъ уваженіе; для него необходимы знаніе людей и искусство управлять ими; сила воли непоколебимая, безъ которой непременно надовсть и опротивѣетъ ему непрерывная борьба, неизбежная въ политической жизни; нужны обширныя политическія свѣденія, умъ всеобъемлющій, но съ тѣмъ вмѣстѣ способный дробиться на мелочи, и больше всего находчивый,—нужна необыкновенная способность обнимать и сосредоточивать всѣ вопросы, какіе только могутъ встрѣчаться въ засѣданіяхъ, на которыхъ онъ обязанъ присутствовать каждый день, и почти каждый день говорить; нуженъ наконецъ талантъ оратора, который отъ самаго простаго изложенія, могъ бы доходить, въ случаяхъ важныхъ, до высокаго краснорѣчія, потому что въ Англии *лидеръ* партіи то же, что начальникъ другаго правленія. Онъ несетъ на себѣ почти ту же

ответственность и выказывается въ глазахъ націи почти такъ же рельефно, какъ и первый министръ. Отъ него требуютъ, чтобы онъ всякую минуту и на всякой вопросъ могъ сказать мнѣніе дѣльное; онъ долженъ при каждомъ удобномъ случаѣ, поддерживать своимъ искусствомъ и ученостью вліяніе и народность своей партіи, и своими собственными политическими актами доказывать недостатки той политики на которую нападаетъ. Однимъ словомъ это такой человѣкъ, которому нѣтъ ни отпуска, ни умолку, ни отдохновенія. После этого легко понять, что въ Англии безъ *лидера* ни одна партія не можетъ имѣть прочнаго существованія.

Лордъ Георгъ Бентинкъ долго колебался принять эту роль; она казалась ему свыше силъ его. Обстоятельства еще болѣе увеличивали ея важность. Если трудно предводительствовать партіей уже составленной, то еще труднѣе было ему руководить партіей новой, или точнѣе такой, которую еще надобно было создавать. Вопросъ, за который предстояла битва, дѣлалъ ее слишкомъ опасной: это былъ одинъ изъ самыхъ обширныхъ и сложныхъ вопросовъ экономическихъ; для этого нужны были глубокія статистическія свѣденія, огромная память, и та способность къ коммерческой бухгалтеріи, которой обладалъ въ высшей степени сиръ Робертъ Пиль. И при томъ надобно было выдти на судъ публики опытной, которая не пропуститъ ни одной неловкости, ни одной ошибки; стать лицомъ къ лицу съ людьми государственными, практически изучившими дѣла, съ ораторами искусившимися въ преніяхъ объ экономіи. Лордъ Георгъ Бентинкъ страшился сначала этихъ обстоятельствъ, столько новыхъ для него на этой новой сценѣ, и своей неопытности въ дѣлѣ ораторскомъ. Еще прежде открытія преній ему пришла странная мысль: выбрать въ члены Нижней Палаты какого нибудь даровитаго адвоката, который бы могъ покрайней мѣрѣ смѣло изложить то, что надобно было сказать за покровительственную систему, и котораго онъ, Георгъ Бентинкъ, хотѣлъ поставить вмѣсто себя. Онъ ужъ былъ готовъ заключить такое условіе съ однимъ очень известнымъ адвокатомъ, но это дѣло случайно разстроилось, и Лордъ Георгъ Бентинкъ рѣшился дѣйствовать самъ. Привычку и опытность замѣнилъ онъ необыкновенной силой воли и чрезмѣрнымъ, неутомимымъ трудомъ. Посредствомъ обширной переписки и непрерывныхъ разговоровъ съ земледѣльцами, съ негоціантами, съ экономистами, онъ собралъ всѣ нужныя матеріалы для обсужденія вопросовъ о тарифѣ, за который предстояла ему борьба, и такъ хорошо изучилъ и усвоилъ себѣ этотъ сухой языкъ статистики, цифры, что впоследствии легкостью, избыткомъ и неожиданностью выводовъ, служащихъ въ пользу

его дѣла, и составленныхъ съ необыкновеннымъ умомъ и соображеніемъ, изумилъ своихъ противниковъ. Въ нѣсколько недель онъ сдѣлался таинимъ же знатокомъ въ тарифѣ, какимъ прежде былъ въ собакахъ и лошадахъ. Отказавшись сначала отъ званія *лидера*, потомъ онъ принялъ его, и работалъ въ сутки девятнадцать часовъ. Первый призжалъ онъ въ Палату; принималъ дѣятельное участіе въ мелочныхъ занятіяхъ комитета, распорядился ими, ободрялъ и подстрекалъ своихъ товарищей, наблюдалъ противниковъ, и отъ этихъ занятій переходилъ каждый вечеръ къ преніямъ, то нападавъ, то защищаясь,—въ продолженіе тѣхъ утомительныхъ засѣданій, которыя часто тянулись за полночь, а иногда и до четырехъ часовъ утра. По возвращеніи изъ Палаты, лордъ Георгъ Бентинкъ ужиналъ, и этотъ ужинъ былъ вивствъ и его обвдомъ: для того, чтобъ не впасть въ летаргическую лѣнность, свойственную его темпераменту, и сохранить всю ясность и свѣжесть ума, столько необходимую для негоа онъ наложилъ на себя постъ. Вотъ къ какой жизни, по принятой имъ обязанности, приговорилъ себя этотъ человекъ, привыкшій, въ продолженіе пятнадцати лѣтъ, жить привольно, на открытомъ воздухѣ, въ полѣ, на конѣ. Лордъ Георгъ Бентинкъ, *лидеръ* партіи, представляетъ собой неподражаемый образецъ силы воли и нравственной энергіи.

Такъ какъ лордъ Георгъ Бентинкъ не былъ честолюбивъ, то очевидно, что онъ возсталъ проти въ новой политики сира Робертъ Пилля, по одному только чувству справедливости. Я не хочу входить въ разсмотрѣніе экономическаго вопроса, заставившаго перваго министра отдѣлиться отъ торіевъ. Полезнѣе ли для политической экономіи свободная торговля, чѣмъ покровительственная система, съ благоразуміемъ и кстати примѣняемая? Необходимо ли было при особенномъ положеніи, мануфактурной промышленности Англии, въ 1846 году, земледѣльческій интересъ принести въ жертву мануфактурному?—эти вопросы не разрѣшены еще окончательно и въ самой Англии, потому, что спустя шесть лѣтъ послѣ реформы сира Роберта Пилля, управленіе снова переходитъ въ руки протекціонистовъ. Быть можетъ, иностранецъ не законный судья въ этомъ дѣлѣ но иностранецъ можетъ оцвнить политическія причины, лежавшія въ основѣ оппозиціи лорда Бентинка и партіи торіевъ. Консерваторы утверждаютъ, что Робертъ Пилль, отказавшись отъ покровительственной системы, сдѣлалъ разомъ три революціонныхъ поступка. Во первыхъ, онъ былъ причиною перемещенія богатствъ и работъ, а следовательно и политическаго вліянія отъ одного класса къ другому; во-вторыхъ, уступивъ демократическому волненію, онъ

подавъ дурной примѣръ, имѣвшій дурныя послѣдствія для консерва-тивныхъ правительствъ; въ-третьихъ, онъ нарушилъ обязательства, связывавшія его съ партіею торіевъ, и тѣмъ ослабилъ начала парламентскаго управленія. Что уничтоженіе хлѣбныхъ законовъ повлекло за собою перемѣщенія богатства и труда въ другія руки, это доказано теперь фактами: вслѣдствію извѣстно, что землевладельцы Англіи понесли въ послѣднее время большой убытокъ въ своихъ доходахъ, а Ирландія, населеніе которой съ 1846 года уменьшилось двумя милліонами, очевидно доказываетъ, что и работа перешла въ другія руки. Что сиръ Робертъ Пиль, уступивъ революціонному волненію, нанесъ вредъ интересамъ охранительной политики, это также доказано опытомъ, если не въ Англіи, то по крайней мѣрѣ въ остальной Европѣ и въ особенности во Франціи. Исторія нашего времени не скроетъ, что примѣръ, поданный сиромъ Робертомъ Пилемъ, нанесъ роковой ударъ европейской охранительной партіи. Революціонеры всѣхъ странъ Европы неустаютъ восхвалять этого министра за то, что онъ такъ называемую отсталую партію принесъ въ жертву реформѣ, которой требовали демагоги. Поступокъ Роберта Пила они ставили въ примѣръ всѣмъ охранительнымъ правительствамъ, и мы, Французы, не можемъ забыть, что успѣхъ Кобдена, которому сиръ Робертъ Пиль воздалъ такую странную похвалу, подавъ сигналъ къ ряду банкетовъ, произведшихъ революцію 1848 года. Наконецъ нельзя отвергать и того что Робертъ Пиль, нарушивши обязательства, связывавшія его съ партіею торіевъ, подвергъ опасности начала англійскаго парламентскаго управленія. Представительное правленіе—это правленіе большинства, но большинство въ собраніи тогда только можетъ быть твердою опорой власти, когда оно само покоится на прочномъ основаніи интересовъ и правилъ, характеризующихъ извѣстную партію, и когда люди, представляющіе эту партію, остаются вѣрными ея интересамъ и принципамъ. Какъ же скоро эти условія вѣрности, связывающія партіи и ихъ предводителей, нарушены, постоянное большинство исчезаетъ, уступая мѣсто большинству временному (*majorité flottante*). Но при временномъ большинствѣ не можетъ быть твердаго правительства. Когда же представительныя учрежденія не могутъ дать странѣ такого правительства, они скоро теряютъ довѣріе и погибаютъ. Все это мы узнали по опыту, гораздо лучше, чѣмъ Англичане. Впрочемъ, съ 1846 года, Англіи грозитъ та же опасность. Разрывъ сира Роберта Пила съ его прежнею партіею произвелъ то, что въ англійскомъ парламентѣ до сихъ поръ не могло образоваться однороднаго и стройнаго большинства, чѣмъ и объ-

яняется безсиліе, которымъ страдалъ хворый кабинетъ лорда Джона Росселя во все время своего существованія, и паденіе этого кабинета.

Эти то три-поступка, о которыхъ мы говорили: безразсудное перемѣщеніе богатства и вліянія изъ одного класса въ другой, потворство революціонистамъ и нарушеніе обязательствъ партіи, повлекли за собою одинъ и тотъ же результатъ: они сблизили англійскую конституцію съ демократіею. Эта то опасность, а не эгоизмъ и не собственныя выгоды, и воодушевила лорда Георга Бентинка и другихъ знаменитыхъ представителей партіи торіевъ. Противъ этого то и возстали они. Они были убѣждены, что англійская конституція, погибнетъ въ тотъ день, когда она поддастся вліянію демократіи. Ошибались ли они? На это отвѣтить утвердительно только слѣпцы, нисколько не понявшіе современныхъ революцій, и не знающіе, что демократія есть форма, подъ которою теперь, какъ и въ древности, скрывается упадокъ образованныхъ обществъ.

Тактика лорда Георга Бентинка и торіевъ во все продолженіе преній о мѣрахъ, предложенныхъ сиромъ Робертомъ Пилемъ, была чрезвычайно упорна, энергична и искусна. Лордъ Георгъ и его друзья поняли, что при парламентскомъ устройствѣ первая обязанностью партіи, угрожаемой въ ея существованіи, состоитъ въ томъ, чтобы говорить, точно такъ, какъ обязанность солдата, состоитъ въ томъ, чтобы сражаться. Вотъ еще правило, которому у насъ, во Франціи, слишкомъ мало слѣдовали. У насъ обыкновенно говорятъ, что парламентская форма правленія лишилась во Франціи довѣрія отъ излишней болтливости. Эта несправедливо: недомолвки и осторожность дипломатическаго молчанія повредили ей гораздо больше, нежели рѣчи. Если бы торіи молчали въ 1846 году, то теперь они бы не существовали. Вотъ почему они говорили много, они обратились къ разсудку, къ интересамъ, къ страстямъ. При этомъ руководствовались они тою системою, чтобы по возможности отсрочить время окончательнаго рѣшенія. Известно, что были въ Англии подвергаются троекратнымъ преніямъ. Выше я уже привелъ слова одного изъ министровъ, который отзываясь о торіяхъ, какъ о жирныхъ быкахъ, сказалъ, что они не выдержатъ преній и въ продолженіи двухъ засѣданій. Пренія, начатыя по поводу перваго чтенія, продолжались три недѣли. Лордъ Георгъ Бентинкъ длилъ ихъ, чтобы дожидаться развязки частныхъ выборовъ, долженствовавшихъ усилить его партію. Целью его было—воспрепятствовать министерству получить большинство во 100 голосовъ. При собираніи голосовъ въ первый разъ, оно дошло до 97. Торіи получили 242 голоса;

изъ прежнихъ друзей сира Роберта Пила только 100 подали голоса въ его пользу, и изъ нихъ 40 были членами кабинета или правленія. Большинство его состояло преимущественно изъ виговъ и радикаловъ.

Послѣ этого результата лордъ Георгъ Бентинкъ старался только о томъ, чтобы билль не былъ принятъ нижнею палатою прежде Пасхи. Для достиженія этой цѣли, онъ пользовался всеми возможными случаями; онъ отстаивалъ позицію шагъ за шагомъ.

Во время преній о статьяхъ закона, измѣнявшаго весь таможенный тарифъ, онъ по поводу каждой статьи провозносилъ рѣчи, исполненныя фактовъ касательно тѣхъ отраслей промышленности, интересы которыхъ подвергались опасности. Цѣлью его было—склонить на свою сторону какъ можно болѣе интересовъ; выказать силу партіи торіевъ, которую не считали способною къ такому упорному сопротивленію; ослабить министерство, затрудняя его ходъ, и пользоваться, получая отсрочку за отсрочкою, выгодами обстоятельствъ. Во все продолженіе этихъ маневровъ, рѣчи его были задирчивы, смѣлы, исполнены энергіи и самоуверенности. Вотъ какъ, на примѣръ, кончилъ онъ рѣчь, произнесенную имъ при вторичномъ чтеніи билля: «Я помню, какъ въ 1841 году статсъ-секретарь (сиръ Джемсъ Грагамъ) упрекалъ благороднаго лорда (лорда Джона Росселя) и его старинныхъ товарищей въ томъ, что они разжигаютъ народныя страсти. Я помню, какъ онъ сравнивалъ ихъ съ пиратами, которые скорѣе взорвутъ корабль на воздухъ, чѣмъ сдадутъ его неприятелю. Я спрашиваю моихъ почтенныхъ друзей, составляющихъ министерство, что они теперь думаютъ о самихъ себѣ? Не пираты ли также и они? Не похитили ли они свои теперешнія теоріи, доводы и рѣчи у лиги противъ хлѣбныхъ законовъ? Но я, господа, не могу вамъ сказать, чтобы и вы обладали дьявольскимъ мужествомъ пиратовъ, которые рѣшались скорѣе потопить корабль, чѣмъ сдать его неприятелю. Не могу сказать и того, что вы остались на своемъ корабль до тѣхъ поръ, пока онъ могъ держаться на морѣ. Нѣтъ, вы оставили его во мракъ ночи, забывъ, что вы обязались привести его въ гавань невредимымъ. Вы привели его къ берегу, открытому для ветравъ, и посадили на мель. Вы подвели его подъ огонь неприятельскихъ баттарей, между тѣмъ, какъ вашъ вѣрный экипажъ спокойно отдыхалъ въ каютахъ. Вы обезснастили корабль и похитили компасъ; вы тайкомъ свали въ шлюпку и перешли къ неприятелю, въ надеждѣ, что вашъ храбрый экипажъ будетъ для него легкою добычею; но вы судили о мужествѣ экипажа по вашей собственной трусости, и хотя мы на минуту смутились, но мы не

упали духомъ и не замедлили придти въ себя отъ минутнаго потрясенія. Мы сумеемъ вывести наше корабль изъ подъ ветровъ и привести его въ гавань невредимымъ.» На этотъ разъ министерство получило большинство только 88 голосовъ.

Это вторичное преніе ознаменовалось эпизодомъ, значеніе котораго не было понято въ то время. Мы упоминаемъ о немъ потому, что политическія послѣдствія, которыя онъ долженъ былъ породить, начали обнаруживаться только теперь. Лордъ Пальмерстонъ принадлежалъ тогда къ партіи виговъ, которая требовала рѣшительнаго уничтоженія всякой пошлнны на ввозъ хлѣба. Однако же въ концѣ рѣчи, пріобрѣтшей громкое одобреніе приверженцевъ свободной торговли, онъ сказалъ слѣдующія слова въ пользу опредѣленной, неизмѣняемой хлѣбной пошлнны. «Мнѣ кажется, сказалъ онъ, что нѣтъ причины думать, чтобы свободная торговля хлѣбомъ была выгоднѣе для страны, чѣмъ свободная торговля всякимъ другимъ товаромъ; но подъ свободною торговлею я не разумю торговли, освобожденной отъ всякой таможенной пошлнны. Мы должны, какъ я уже сказалъ, получать ежегодно значительные доходы; мы обязаны, слѣдовательно, дѣлать тяжелые налоги. Но самый нечувствительный и разумный налогъ—это налогъ косвенный; слѣдовательно, таможенные пошлнны необходимы. Поэтому, когда я говорю о свободной торговлѣ, я не разумю торговли свободной отъ пошлннъ, налагаемыхъ въ значеніи государственнаго дохода; не соответствуя этой цѣли, онъ должны быть умѣренны и не тягостны для торговых дѣлъ. И такъ, я думаю, что нѣтъ никакой причины, чтобы торговля хлѣбомъ была въ этомъ отношеніи исключеніемъ изъ общаго правила. Я подаю голосъ въ пользу умѣренной и постоянной пошлнны. Мои благородные и почтенные друзья, сидяще подле меня, одного со мною мнѣнія, и позвольте мнѣ сказать: это мнѣніе не было принято нами,—какъ сказалъ въ послѣднемъ засѣданіи благородный лордъ (лордъ Георгъ Бентинкъ),—въ то время, когда послѣднее министерство, по его выраженію, было *in articulo mortis*; оно принято нами въ 1839 году, въ эпоху, когда мы не имѣли никакой причины думать, что скоро мы принуждены будемъ кончить наше политическое поприще. И такъ, повторяю, я бы желалъ, чтобы на ввозъ хлѣба была наложена пошлнна умѣренная и неизмѣняемая. Мнѣ кажется, что пошлнна въ 4 или 5 шиллинговъ не возвыситъ чувствительнымъ образомъ цѣны на хлѣбъ въ нашемъ отечествѣ, что она ни для кого не будетъ тягостна, что она доставитъ казны не незначительный доходъ, и что всего важнѣе, она доставитъ намъ возможность совершить великую реформу, безъ оскорбленія чувствъ и предразсудковъ землевладельцевъ.»

Какъ скоро лордъ Пальмерстонъ окончилъ эти слова, представитель одного лондонскаго округа, который до тѣхъ поръ рукоплескалъ ему, съ изумленіемъ обратился къ своему сосѣду и громко сказалъ: «онъ испортилъ капитальную рѣчь. Что это ему вздумалось предложить опредѣленную таксу?» «Дальновидный представитель столицы, замѣчаетъ Дизраэли въ своей книгѣ, — да развѣ декларация, которая вамъ такъ не понравилась, не была главною цѣлью этой рѣчи!» Рѣчи имѣютъ также свою дипломатию. Лордъ Пальмерстонъ, устремивши свой опытный глазъ въ смутныя стѣихи Нижней Палаты, уже тогда предугадалъ важность, которую торіи должны были снова приобрести въ будущности. Съ того времени случилось два факта.

Во-первыхъ, торіи усвоили себѣ мѣлоу лорда Пальмерстона, и лордъ Станлей объявилъ, что если они возобновятъ пошлину на хлѣбъ, то эта пошлина не будетъ выше 4 или 5 шиллинговъ съ квартера. Наконецъ, недаліе, какъ за восемь дней до настоящаго времени, лордъ Пальмерстонъ ниспровергъ вигское министерство, изъ котораго онъ принужденъ былъ выйти, и королева поручила лорду Станлею, сдѣлавшемуся теперь графомъ Дерби, образовать министерство. И первымъ дѣломъ графа Дерби было обратиться прежде всего къ г. Дизраэлю, а послѣ него къ лорду Пальмерстону. Изъ этого можно заключить, что лордъ Пальмерстонъ не далекъ отъ мысли вступить въ торістское министерство, или что во всякомъ случаѣ онъ помнитъ, что онъ былъ некогда товарищемъ и другомъ Каннинга, и что новое министерство не должно считать его своимъ противникомъ. Простодушный лондонскій депутатъ и не предвидѣлъ, какіе плоды можетъ принести капитальная рѣчь дипломата.

Третье чтеніе билля сира Роберта Пилья происходило, согласно съ желаніемъ лорда Георга Бентинка, послѣ празднича Пасхи. Это было успѣхомъ. Такое продолжительное сопротивление обнаружило живенность новой консервативной партіи и слабость кабинета. Сиръ Робертъ Пиль чувствовалъ неудобства положенія, къ которое онъ привелъ всѣ партіи; онъ уже болѣе не имѣлъ однороднаго и прочнаго большинства; онъ располагалъ только ста голосами, и ему было неловко между его старинными противниками — вигами и радикалами, которые сдѣлались его временными друзьями, и его старинными друзьями — протекционистами, которые сдѣлались его вѣчными врагами. Этотъ знаменитый человекъ сдѣлалъ все возможное, чтобы выйти изъ своего неприятнаго положенія; но онъ былъ раненъ въ сердце: онъ чувствовалъ, что изъ его рукъ ускользало управление Нижнею Палатою, которая такъ долго ему повиновалась, и на которой онъ, по выраженію Дизраэли, недавно еще игралъ какъ на старой скрипкѣ.

Его гордость не всегда скрывала его уныніе. Однажды состояніе его души проявилось въ странной разсѣянности. Погрузившись, вслѣдствіе одного бурнаго засѣданія, въ глубокую задумчивость, онъ продолжалъ сидѣть на своей лавкѣ, не замѣчая, что засѣданіе уже кончилось. Было уже очень поздно, и зала быстро пустѣла. Многіе изъ его товарищей проходили мимо его; но зная раздражительность, развившуюся въ его характеръ вслѣдствіе недавно претерѣнныхъ имъ несприятностей, и не желая выслушать отъ него грубость, они не осмѣливались его беспокоить, и выходили въ свою очередь. Сиръ Робертъ Пиль остался одинъ: уже стали тушить лампы. Великій человекъ былъ выведенъ изъ задумчивости швейцаромъ, который обыкновенно осматриваетъ залу, прежде чѣмъ запираетъ двери.

Драма прошла еще черезъ имброджію 4-го акта, прежде чѣмъ достигла развязки пятаго.

Въ началѣ преній министерство представило билль, вызванный бѣдственнымъ состояніемъ Ирландіи. Это было нѣчто въ родѣ военнаго закона; лордъ Георгъ Бентинкъ прозвалъ его закономъ гашенія огня (*couvre feu*). Этотъ билль, поспѣшно принятый Палатою Лордовъ, рано перешелъ въ Нижнюю Палату. Протекціонисты имѣли совѣщаніе касательно положенія, которое имъ слѣдовало принять въ отношеніи къ этому биллю. Дизраэли думалъ, что его надо отвергнуть; ибо, такъ какъ этотъ законъ былъ закономъ исключительнымъ, то, значить, министерство требовало отъ Палаты *доверія* (*vote de confiance*). Мнѣнія его не разделялъ почти никто. Законъ этотъ имѣлъ цѣлью положить конецъ революціоннымъ безпорядкамъ; поэтому консерваторы не желали его отринуть. Лордъ Георгъ Бентинкъ предложилъ принять билль, если правительство признаетъ его безотлагательнымъ, и дать ему первенство передъ хлѣбнымъ закономъ,—и отвергнуть его, если сиръ Робертъ Пиль отложитъ пренія о немъ до окончательнаго рѣшенія о хлѣбномъ законѣ; потому что тогда, законъ этотъ становится уже не безотлагательнымъ, а слѣдовательно и не необходимымъ въ глазахъ правительства. Съ другой стороны имѣ, радикалы, члены Манчестерской школы, ирландскіе представители, т. е. значительнѣйшая часть большинства, поддерживавшаго экономическую политику сира Роберта Пила, возставали противъ самаго начала, внушившаго ирландскій законъ. Сиръ Робертъ Пиль выбралъ путь, который не удовлетворилъ ни протекціонистовъ, ни либераловъ. Первое чтеніе ирландскаго билля онъ назначилъ послѣ втораго чтенія хлѣбнаго билля, что возбуждало неудовольствіе въ либералахъ; второе же чтеніе перваго

закона онъ отложилъ до окончательнаго рѣшенія вопроса о свободной торговлѣ. И такъ, легко было предвидѣть, что ирландскій билль возстановитъ наконецъ противъ себя и либераловъ и протекціонистовъ.

Когда въ Нижней Палатѣ началось второе чтеніе ирландскаго билля, въ Палатѣ Лордовъ было уже рѣшено уничтоженіе хлѣбныхъ законовъ. Вся партія и въ особенности торія, находилась въ критическомъ положеніи: если при второмъ чтеніи, билль пройдетъ съ ихъ помощью, то министерство не встрѣтитъ болѣе препятствій, засѣданія кончатся, и Робертъ Пиль останется министромъ, — что тогда станетъ съ партіею торіевъ, новое устройство которой стоило такихъ тяжелыхъ усилій, сила которой проявилась въ столь многочисленныхъ дѣйствіяхъ, и существованіе которой было такъ необходимо для охранительныхъ интересовъ и равновѣсія партій? Вотъ какія размышленія занимали лорда Георга Бентинка и пылкихъ нѣсколькихъ его друзей; но они не могли скрыть отъ себя, что ирландскій билль имѣлъ много приверженцевъ между торіями. Расположеніе торіевъ было такъ сомнительно, что въ тотъ день, какъ должно было начаться преніе, лордъ Георгъ Бентинкъ и Дизраэли отправились въ палату, еще ни на что не рѣшившись.

Прежде всякаго рѣшенія, лордъ Георгъ Бентинкъ хотѣлъ дождаться свидѣній о настроеніи умовъ въ партіи торіевъ. Эти свидѣнія долженъ былъ доставить ему во время засѣданія одинъ изъ его друзей, знавшій очень хорошо многихъ представителей этой партій. Пренія уже начались; лордъ Георгъ долженъ былъ отвѣчать на запросъ либераловъ, онъ былъ уже почти вызванъ на бой однимъ министромъ, когда пришелъ этотъ человекъ сказать ему, что онъ можетъ дѣйствовать смѣло. Лордъ Георгъ Бентинкъ немедленно бросился въ схватку съ своею обыкновенною запальчивостью, и въ слѣдующихъ словахъ формально объявилъ министерству войну: «Чѣмъ скорѣе мы ниспровергнемъ министерство, сказалъ онъ, тѣмъ лучше будетъ для всѣхъ партій. Если эти пренія окончатся пораженіемъ министровъ, то, надѣюсь, они поймутъ, что имъ пора выходить въ отставку. Почтенный баронетъ, стоящій въ главѣ правительства, обыкновенно говаривалъ, что онъ никогда не согласится быть министромъ, только что терпимымъ (*ministre par tolerance*). Если же онъ теперь не замѣчаетъ, что онъ самъ ни болѣе, ни менѣе, какъ только терпимъ Палатою, то, значитъ, онъ не видитъ, что кругомъ его дѣлается (громкое одобреніе). Онъ поочередно обращается съ просьбою о помощи, то къ той, то къ другой сторонѣ собранія, то къ членамъ оппозиціи, то къ моимъ друзьямъ (одобреніе). Онъ лишился довѣрія Палаты, и теперь его поддерживаютъ одни

только вѣрные его янычары (члены администраціи), и семьдесятъ съ небольшимъ ренегатовъ, которыхъ половина краснѣетъ отъ стыда, что подаетъ голоса въ его пользу (одобреніе и смѣхъ). Если же таково положеніе министерства, положеніе, которое имъ вполне заслужено, то пусть оно выходитъ въ отставку».

Эта откровенная и рѣзкая выходка сдѣлала послѣднія сцены борьбы необыкновенно живыми и интересными. Лордъ Георгъ Бентинкъ съ горечью напомнилъ Палатѣ о Каннингѣ, своемъ родственникѣ и учителѣ. Послѣднія минуты Каннинга, говорятъ, были отравлены несправедливою и глухою оппозиціею сира Роберта Пила. Лордъ Георгъ Бентинкъ, казалось, мстилъ за своего друга. Эти обвиненія внушили Дизраэли мысль слѣдующимъ образомъ заключить рѣчь, которую онъ произнесъ, чтобы выручить лорда Георга Бентинга. «Я не удивляюсь, сказалъ онъ, что мой благородный другъ, бывшій въ тѣсныхъ связяхъ съ Каннингомъ, выразился такъ, какъ вы слышали. Высказанныя имъ чувства, разделяются всеми, знавшими Каннинга. Я видѣлъ Каннинга только разъ, когда я еще не имѣлъ никакой надежды сдѣлаться членомъ этой Палаты; но я помню, какъ будто бы это было вчера, тотъ день, когда я слышалъ замиравшій голосъ этого знаменитаго мужа; я помню молнію, ослѣпительную молнію его взгляда, и величіе его чела. Когда мы увидимъ другаго Каннинга, этого мужа, который такъ правилъ палатою какъ Александръ Буцефаломъ (кто-то смѣется), о которомъ говорили, что неизвестно, кто болѣе гордился: всадникъ ли конемъ, или конь всадникомъ. Благодаря того почтеннаго члена, который улыбулся. Національныя сердца уже не бьются теперь такъ сильно какъ прежде. Я знаю, что прежняя пылкость и смѣлость Палаты остыли; но я этому не удивляюсь; «потому что теперь коршунъ господствуетъ тамъ, гдѣ прежде царствовалъ орелъ». Почтенный баронетъ говорилъ некогда, что болѣе всего его затрудняетъ Ирландія. Я спрашиваю, почему же Ирландія его затрудняетъ, и жаловался ли бы онъ на это, если бы въ 1825 году онъ былъ добросовѣстенъ въ отношеніи къ Каннингу. Но теперь, когда мы готовимся дать рѣшеніе ирландскому вопросу, рѣшеніе, которое можетъ нанести ударъ его могуществу, онъ долженъ чувствовать, что оно будетъ содержать въ себѣ приговоръ Немезиды.»

Этѣ оскорбительныя личности, казалось, послужили сначала къ пользѣ министра. Такъ называемые расчетливые люди, которыхъ всегда много бываетъ во всякой партіи, были расположены помириться съ кабинетомъ подъ тѣмъ предлогомъ, что уже нельзя было воспрепятствовать уничтоженію хлѣбныхъ законовъ. Эти лицемеры

громко порицали запальчивыя выходки вождей протекціонистовъ. По окончаніи этихъ жаркихъ засѣданій они преспокойно закуривали свои сигары, и выходили изъ Палаты подъ руку съ янычарами и ренегатами, надъ которыми смѣялся лордъ Георгъ Бентинкъ. Благодаря имъ, министерство снова ободрилось. Въ связи съ нѣкоторыми коноводами старинной партіи торіевъ, оно затѣяло интригу, и подготовило театральнѣйшій ударъ, которымъ надвѣялись произвести большой эффектъ въ послѣдній день преній. Сынъ герцога Боккингема, одного изъ приверженцовъ партіи протекціонистовъ, маркизь Чандосъ, молодой человекъ 21 года, вступилъ въ Нижнюю Палату. Герцога упросили приказать сыну произнести рѣчь въ пользу министерства, — которое было твердо увѣрено, что эта манифестація заставитъ многихъ торіевъ оставить сторону лорда Георга Бентинка. Какъ задумано, такъ исполнено. Преніе приближалось къ концу; мистеръ Шейнъ, знаменитый ирландскій ораторъ, прочиталъ послѣднюю рѣчь, произнесенную имъ въ Нижней Палатѣ. Было уже за полночь. Въ ту минуту, когда и государственные люди не рѣшаются взойти на кафедру, въ ту минуту, какъ должна была рѣшиться, среди лихорадочнаго волненія, участь перваго политика Англіи, съ самой возвышенной лавки той части залы, въ которой сидѣли протекціонисты, всталъ блѣдный молодой человекъ: это былъ маркизь Чандосъ. Юный патрицій произнесъ простымъ и твердымъ голосомъ свою первую рѣчь, свою, какъ говорятъ Англичане, двѣстленную рѣчь, которая въ то же время была манифестомъ части аристократіи и послѣднею надеждою нѣкогда столь могущественнаго министерства. Министры и ихъ друзья усердно рукоплескали маркизу Чандосу. Приступили къ перечисленію голосовъ. Скоро распространился слухъ, что будто бы министерство имѣетъ противъ себя большинство 73 хъ голосовъ; при этомъ извѣстіи шопотъ недоверія послышался на лавкѣ министровъ: «Говорятъ, что мы поражены большинствомъ 73 голосовъ!» шепнулъ сиръ Джемсъ Грагамъ сирю Роберту Пилу. Тотъ не отвѣчалъ ничего, и только высунулъ впередъ подбородокъ, что онъ дѣлалъ всегда, когда былъ не въ духѣ и не хотѣлъ отвѣчать. На другой день министерство подало въ отставку.

Какъ далеки отъ насъ эти величественныя сцены. Съ тѣхъ поръ прошло шесть лѣтъ, и двое главныхъ участниковъ въ этой замѣчательной борьбѣ министерства съ его партіею, уже не существуютъ. сиръ Робертъ Пиль и лордъ Георгъ Бентинкъ умерли; но партія торіевъ осталась, и правая рука Бентинка, г. Дизраэли, имѣетъ теперь счастье и честь раздѣлять успѣхъ политической партіи, которая въ 1845 году была такъ презираема.

Цѣлью этихъ страницъ было изложить интересы, и даже страсти, содѣйствовавшія преобразованію партіи торіевъ во время перелома, отъ котораго она едва не погибла. Я не имѣлъ намѣренія судить великаго человѣка, причинившаго этотъ кризисъ. Сиръ Робертъ Пиль, умирая, вручилъ двоимъ изъ своихъ друзей, сирѣ Джемсу Грахаму и г. Голберну свои политическія бумаги, и возложилъ на нихъ обязанность издать его записки и исторію его жизни. Когда его политическіе душеприкащики исполнять его послѣднюю волю, тогда я добросовѣстно оцѣню права этого великаго человѣка на уваженіе и удивленіе современниковъ. Если меня стануть обвинять въ томъ, что я встаю противъ акта, положившаго конецъ его политическому поприщу, если я слишкомъ безцеремонно противорѣчу благопріятному сужденію, котораго удостоился послѣдній его политическій дѣяніи, въ особенности въ чужеземныхъ государствахъ, то я отвѣчу, что тѣ, которые судятъ о немъ, по участию, принятому имъ въ уничтоженіи хлѣбныхъ законовъ, не понимаютъ, въ чемъ состоитъ истинная слава этого великаго человѣка. Политическое поприще сира Роберта Пила объемлетъ 30 лѣтъ (1815—1846); справедливо ли и разумно ли считать въ такой продолжительной карьерѣ одинъ только послѣдній годъ, и притомъ такой, который заключаетъ въ себѣ отрицаніе всѣхъ предыдущихъ годовъ? Знаете ли, въ чемъ состоитъ слава сира Роберта Пила? Поприще его совпало съ замѣчательною и великою эпохою въ исторіи Англій. Съ 1815 года Англія неуклонно идетъ по стезѣ мира. Съ одной стороны она старается, не уничтожая своихъ древнихъ учреждений, примѣнить ихъ къ нравамъ и понятіямъ времени посредствомъ такихъ преобразованій, каковы, напр. знаменитая католическая и парламентская реформа; съ другой она согласила свою финансовую систему съ характеромъ и потребностями различныхъ классовъ общества, содѣйствующихъ ея матеріальному благосостоянію и могуществу. Въ этой двойной работѣ сиръ Робертъ Пиль нашелъ счастливое и обширное упражненіе для своихъ способностей; но, можетъ быть, онъ слишкомъ далеко зашелъ и не сумѣлъ во время остановиться. Сиръ Робертъ Пиль, принесъ въ жертву тому, что онъ считалъ за матеріальное улучшеніе, такой высокой политической интересъ, какъ единство и существованіе своей партіи, поступилъ, какъ будто бы думалъ, что времена не мѣняются. И дѣйствительно система свободной торговли можетъ быть философски истинна только въ такомъ случаѣ, если мы допустимъ гипотезу вѣчнаго мира. И Кобденъ, который, распространивъ силу свободной торговли, посвятилъ свое время мирнымъ интересамъ, поступилъ послѣдовательно. Продолжительное спокойствіе Европы приближалось къ концу въ то

время, когда Пиль дѣйствовалъ такъ, какъ будто бы оно никогда не должно было прекратиться. Такимъ образомъ, онъ также, какъ и Папа Пій IX, сдѣлался предвѣстникомъ 1848 года, открывшаго эру революціонной реакціи. Такимъ образомъ, онъ также виноватъ въ томъ, что Европа сдѣлалась похожею на того пьянаго челоуѣка, сидящаго на лошади, съ которымъ Монтанъ сравниваетъ душу челоуѣка, и который падаетъ на правую сторону, если его толкаютъ въ лѣвую, и на лѣвую, если его толкаютъ въ правую. Да и сама Англія не похожа-ли теперь нѣсколько на этого челоуѣка? Теперь уже не таможенные законы, которые такъ любилъ сиръ Робертъ Пиль, причиняютъ паденіе министерства, но законы милиціи. Говорятъ, что всѣ негоціанты хотятъ сдѣлаться грабителями (*riflemen*). Да и кто поручится, что свободная торговля Кобдена не кончится когда нибудь тѣмъ же самымъ, чѣмъ во Франкфуртѣ и парижѣ кончились мирные конгрессы? Лордъ Георгъ Бентинкъ имѣлъ неопредѣленное предчувствіе этихъ переворотовъ, которыми такъ богата исторія: онъ ставилъ выше экономическихъ теорій интересъ существованія великой народной партіи, т. е. сохраненіе политическихъ силъ своего отечества. Въ самыя трудныя минуты, когда возстановленіе партіи торіевъ казались наиболее сомнительнымъ, этотъ мужественный челоуѣкъ говаривалъ: «я умру за работою или достигну цѣль». Лордъ Георгъ умеръ, и дѣло его увѣчалось успѣхомъ уже послѣ него. Онъ кончилъ свою дѣятельную жизнь въ 1848 году. Онъ равно извѣдалъ и горечь пораженія и торжество успѣха. Чтобы воспрепятствовать распространенію свободной торговли на колоніальный сахаръ, лордъ Георгъ Бентинкъ добился отъ Нижней Палаты учрежденія комитета для изслѣдованія этого вопроса. Какъ президентъ, онъ съ изумительнымъ искусствомъ, дѣятельностью и прилежаніемъ управлялъ обширными занятіями этого комитета, но онъ не могъ убѣдить своихъ товарищей согласиться съ его мнѣніемъ. На другой день послѣ того, какъ онъ претерпѣлъ эту неудачу, г. Дизраели встрѣтился съ нимъ въ библіотекѣ Палаты. Лордъ Бентинкъ казался скучнымъ. Наканунѣ въ Ипсомѣ была скачка, и *Сюрлейкс*, одна изъ лошадей завода, который Георгъ Бентинкъ продалъ, чтобы исполнить посвятить себя неблагодарнымъ обязанностямъ политической жизни, выиграла призъ Дерби. Онъ не скрылъ отъ Дизраели своей горести.

—Я для этого завода трудился всю жизнь, сказалъ онъ, и вотъ чему я имъ пожертвовалъ.—г. Дизраели старался его утѣшить.

—Вы не знаете, что такое Дерби, со вздохомъ спросилъ Лордъ Георгъ.

—Нѣтъ, знаю; это голубая левта скачекъ.

— Это голубая лента, проворчалъ Лордъ Георгъ и погрузился въ чтеніе фоліанта.

Но черезъ четыре дня спустя тотъ же самый вопросъ поступилъ на обсужденіе Палаты; голоса раздѣлились по ровну, и Лордъ Георгъ Бентинкъ, который въ этотъ день председательствовалъ въ Палатѣ въ качествѣ президента Комитета, склонилъ всѣхъ въ пользу заключеній своего доклада. Въ себя отъ радости онъ забылъ о голубой лентѣ. Эту минуту онъ не отдалъ бы за всѣ призы весеннихъ и осеннихъ скачекъ. «Мы спасли колоніи, сказалъ онъ; онѣ спасены. Мы нанесли смертельный ударъ свободной торговлѣ». Спустя нѣсколько мѣсяцевъ этой могучей и откровенной натуры не стало. Лордъ Георгъ Бентинкъ умеръ отъ удара еще въ полной силѣ (ему не было и пятидесяти лѣтъ), отправляясь въ гости къ одному изъ сосѣдей. Этотъ человекъ, который царствовалъ на скачкахъ и волновалъ парламентскія собранія, умеръ совершенно одинъ, въ открытомъ полѣ, въ полъ-миля разстоянія отъ своего наследственнаго замка.

По смерти лорда Георга Бентинка, предводителемъ партіи торіевъ сдѣлался г. Дизраэли. Въ концѣ засѣданія 1849 года я имѣлъ удовольствіе его видѣть. Онъ сидѣлъ тогда на первой лавкѣ, по лѣвую сторону отъ председателя, на обыкновенномъ мѣстѣ предводителя оппозиціи. Въ послѣдніе три года парламентская жизнь уже не была обуреваема тѣми волненіями, которыя мы описали выше. Но если спокойныя эпохи не доставляютъ блистательныхъ успѣховъ, то они благоприятствуютъ изученію обязанностей предводителя партіи (leader). Въ этомъ отношеніи эти послѣдніе года были очень полезны для Дизраэли. Они дали ему время привыкнуть ко всякаго рода практическимъ преніямъ, и онъ приобрѣлъ опытность въ изложеніи финансовыхъ и экономическихъ подробностей, достоинство, которое пользуется особеннымъ уваженіемъ въ англійскихъ палатахъ. Какъ тактикъ онъ обнаружилъ талантъ замѣчательный. Онъ постепенно увеличилъ вліяніе своей партіи, такъ что въ послѣдній годъ, по поводу земледѣльческаго вопроса, онъ низвелъ большинство лорда Джона Росселя до 14 голосовъ, и поколебалъ министерство, которому онъ вмѣстѣ съ своими друзьями теперь наследовалъ. Впрочемъ успѣху партіи торіевъ содѣйствовали многія обстоятельства. Въ выборахъ 1847 года земледѣльческіе классы не принимали горячаго участія; потому что благодаря господствовавшему тогда неурожаю, вслѣдствіе котораго хлѣбъ удержался въ прежней цѣнѣ, они еще не испытали вліянія послѣднихъ мѣръ сэра Роберта Пилля. Но потомъ они извѣ-

дали горькія ихъ послѣдствія, и съ жаромъ пристали къ торіямъ. Сверхъ того событія 1848 года произвели въ Англіи, какъ и въ остальной Европѣ, реакцію въ пользу охранительныхъ идей и интересовъ. Эта реакція была полезна и для вновь образовавшейся аристократической партіи. Наконецъ возстановленію новаго торизма содѣйствовали и упадокъ партіи виговъ.

И дѣйствительно, нельзя ничего представить себѣ болѣзненнѣе и печальнѣе положенія, въ какомъ въ послѣднее время находилось министерство Росселя. Англія рѣдко имѣла такое слабое правительство, и рѣдкое министерство имѣло менѣе поддержки въ общественномъ мнѣніи. Эта постоянная слабость и это паденіе зависѣли отъ многихъ общихъ причинъ. Первая причина заключается въ разстройствѣ, нанесенномъ всемъ партіямъ Нижней Палаты послѣдними дѣйствіями сэра Роберта Пила. Вслѣдствіе этого разстройства лордъ Джонъ Россель могъ получить только большинство случайное и непостоянное, которое немогло имѣть прочнаго парламскаго основанія, составляющаго необходимое условіе всякаго сильнаго правительства. Второй недостатокъ кабинета лорда Джона Росселя—заключался въ духъ исключительности, господствовавшей въ самомъ составѣ министерства. Известно, что виги суть не что иное, какъ аристократическая конфедерація, находящаяся въ главѣ либеральныхъ кліентовъ; они всегда отличались предрасудками касты и были еще менѣе торіевъ доступны для знаменитыхъ плебеевъ. Достопамятный примѣръ этой аристократической исключительности представляетъ Бурке, котораго она никогда не допускала до министерства. Лордъ Джонъ Россель развилъ до крайности это направленіе своей партіи. Три родственныя фамиліи: Грей, Елліоты, Россели, исключительно занимали значительнѣйшія должности въ министерствѣ. Для того, чтобы быть министромъ, какъ говорили это въ шутку, достаточно было происходить отъ прабабушки лорда Джона Росселя. Это была уже не аристократія, а олигархія. Такою исключительностью виги совершенно удалились отъ народа; они лишили себя содѣйствія живыхъ силъ и сочувствія отечества. Третья и глубокая причина упадка виговъ заключается въ преклонныхъ лѣтахъ ихъ предводителей. Въ теченіи двадцати лѣтъ эта партія ни разу не обновлялась; она лишилась многихъ талантливыхъ людей, которыхъ она никакъ не замѣнила. Только ряды торіевъ безпрестанно пополнялись молодыми людьми. Вигское министерство было правительство, не имѣвшее ни энѣргіи, ни силы, ни свѣжести; между тѣмъ, какъ предводительство партіей требуетъ избытка воли и дѣятельности, что свойственно только

юности. Вот еще урок, за который мы дорого заплатились; старики, берущиеся за управление партий, сообщают этим партиям свою хворость, и отнимают у них недостающія имъ самимъ силу и надежду на будущность.

Но главная причина успѣха торіевъ заключается въ героическихъ усилахъ, благодаря которымъ они вышли невредимыми изъ кризиса 1846 года. Возстановленіе торизма было торжествомъ парламентскаго ученаго вѣрности партий, предводителей и солдатъ, своимъ началомъ и наследственнымъ интересамъ. Тогда одни только торіи были защитниками этого начала; вотъ они и наслаждаются теперь плодами своихъ усилій. Съ 1846 года въ Нижней Палатѣ собственно большинства не было, но торіи имѣли то преимущество надъ обломками противостоявшихъ партий, что они были многочисленнѣе всѣхъ другихъ и составляли однородное и стройное цѣлое, всѣ части котораго равнымъ шагомъ шли къ одной и той же цѣли. Хвосты либеральной партіи весьма далеки отъ этого. Довольно любопытно исчислить противорѣчащія стихіи, изъ которыхъ составлялось большинство лорда Джона Росселя. Здѣсь были и чистые вишн, и старинные друзья сэра Роберта Пила, и Манчестерская школа, и радикалы и ирландскіе либералы. Эти пять партий были согласны только насчетъ свободной торговли; уже одно изчисленіе ихъ даетъ чувствовать слабость большинства, которое изъ нихъ составлялось. Это была коалиція, которою, какъ и всѣми другими коалиціями, управлять было трудно. Только партія торіевъ имѣла единство и представляла прочное основаніе для большинства. Инстинктъ страны это чувствуетъ. Вотъ уже нѣсколько лѣтъ частные выборы благоприятны торіямъ. Это есть вѣрное предвѣстіе тѣхъ выгодъ, которыхъ торіи должны ожидать отъ распушенія теперешней палаты и предстоящихъ въ этомъ году новыхъ выборовъ.

Вотъ какіе уроки и свидѣнія можно почерпнуть изъ любопытной книги, въ которой Дизраэли рассказываетъ первые подвиги новой партіи торіевъ, и жизнь человека, бывшаго героемъ и мученикомъ этой партіи.

Теперь для г. Дизраэли и его партіи сцена перемѣняется и открывается новая эра: Дизраэли теперь министръ англійской королевы, канцлеръ казначейства, предводитель новой партіи правительства въ Нижней Палатѣ. Роли, какъ видите, разнообразны; всѣ ли выполнить онъ съ одинаковымъ успѣхомъ? Вопросъ интересный, когда дѣло идетъ о будущности такого человека, писателя, оратора и предводителя партіи, какъ Дизраэли!

Трудности его новыхъ обязанностей конечно велики. Разумѣется главная доля ответственности въ мѣрахъ правительства падаетъ на Лорда Дерби, какъ на главу министерства; но Лордъ Дерби членъ палаты лордовъ, онъ не имѣетъ доступа въ Нижнюю Палату, этотъ театръ великихъ прений и истинной войны партий. И такъ на Дизраэли падаетъ вся тяжесть защиты правительственныхъ мѣръ въ палатѣ народныхъ представителей. Онъ одинъ долженъ будетъ излагать общія и частныя цѣли англійской политики, планы и виды министерства касательно вопросовъ финансовыхъ, коммерческихъ, колониальныхъ, дипломатическихъ. Если онъ не душа кабинета, то онъ самый замѣчательный ораторъ его. Блескъ этого высокаго положенія даетъ понятіе объ его великихъ трудностяхъ — находится въ виду самыхъ опытныхъ и красноречивыхъ мужей всѣхъ партий, быть защитникомъ древней и гордой аристократіи, преданія и интересы которой тѣсно связаны съ жизнью великаго народа, и все это въ то время, когда революціи угрожаютъ Европѣ, и, можетъ быть, Англии, невиданными опасностями; исправлять ту же самую должность, которую по очереди исправляли Питтъ, Фоксъ, Каннингъ и Пиль — это упометьно, но въистѣ и страшно.

Враги и завистники уже злобно глядятъ на новаго канцлера казначейства. Они разглашаютъ, что онъ не имѣетъ правительственной опытности, что онъ не имѣетъ довольно быстрой рѣчи, что бы могъ за разъ отражать всѣ удары, и Богъ знаетъ, что еще? Въ особенности же они возставаютъ противъ него предрасудокъ, который такъ долго возставляли противъ Бурке, Каннинга и Лорда Джона Росселя, грубый предрасудокъ, который уже Таллеману-де-Рео впушилъ мысль, что *un jean de lettre est un animal mal idoine à toute autre chose* (литераторъ—это животное, неспособное ни къ чему другому). Но, что бы опровергнуть всѣ эти клеветы, достаточно бросить взглядъ на прежнюю карьеру Дизраэли: его прошедшее ручается за его будущее. Дизраэли уже съ молодости отличается двумя свойствами, которыя можно назвать могучими крыльями таланта, и которыя всегда означаютъ твердую натуру: смѣлостью ума или оригинальностью, и силою воли или постоянствомъ. Этой оригинальности, составляющей отличительную черту его таланта, этой твердости характера, обязанъ онъ тѣмъ, что досихъ поръ умѣлъ принаровляться къ вещамъ, которыя не согласны съ его призваніемъ. Дизраэли—это одна изъ натуръ, наиболее способныхъ къ совершенствованію; онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ привилегированныхъ людей, которые возвышаются сообразно съ занимаемымъ

нами положением и которые имеют способность молодеть, всегда нужно. Чтобы показать, какого рода его воля и на какія чудеса она способна, напомнимъ случай, ознаменовавший его ораторскій дебютъ.

Дизраэли вступилъ въ Нижнюю Палату въ 1837 году. Ему было тогда не много болѣе тридцати лѣтъ. Новый ораторъ, увлекаемый юношескою смѣлостью, захотѣлъ безъ отлагательства произнести свою двѣдвенную рѣчь (*maiden speech*). Рассказываютъ, что въ засѣданіи произошла странная сцена, и всякій другой на мѣсто Дизраэли не оправился бы отъ такой неудачи. Туманный и растянутый лиризмъ его рѣчи до такой степени забавлялъ слушателей, что каждую фразу сопровождалъ всеобщій смѣхъ, который наконецъ заставилъ оратора прервать рѣчь въ самой серединѣ; но сядя на мѣсто, Дизраэли произнесъ слова, которые конечно стоили отличнѣйшей рѣчи. Это былъ пророческій вопль оскорбленной гордости. «Я брался за многое; воскликнулъ онъ съ едва скрытымъ гнѣвомъ, и часто достигалъ цѣли. Теперь я сажусь, но придетъ время, когда вы меня будете слушать.»

Англія и Европа видятъ, что Дизраэли сдержалъ слово; но кто бы сказалъ въ 1837 году, что забавный ораторъ сдѣлается впоследствии царемъ насмѣшек! Кто бы сказалъ, что острейшій своего саркастическаго слова онъ никогда ранитъ въ сердце парламентскій авторитетъ самый сильный какой когда-либо существовалъ въ Англіи, авторитетъ сира Роберта Пила? Кто бы сказалъ наконецъ, что сила воли возведетъ Дизраэли на мѣсто этого самаго Пила, и что черезъ 15 лѣтъ освистанный дебютантъ 1837 года сдѣлается предводителемъ торіевъ и ораторомъ правительства въ министерствѣ лорда Станлея?

Одинъ только Дизраэли могъ ожидать подобнаго счастья, ибо воображеніе его неуступало его волѣ, и онъ, будучи еще 20 лѣтъ отъ роду, обратилъ то и другое на политику. Для мыслящаго человека будетъ интересно замѣтить, а любопытному, забавляющемуся передъ магическимъ фонаремъ современной исторіи, покажется страннымъ и смѣшнымъ, что Дизраэли всегда предсказывалъ и предвидѣлъ, что онъ будетъ министромъ; романы его, *Вивіанъ Грей*, *Контарини Флемингъ*, *Кеннингзби*. были его воздушными замками. Послѣ политическихъ романовъ, онъ въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, то по доброй волѣ, то по обстоятельствамъ, былъ политикомъ фантастическимъ, и теперь, когда онъ достигъ власти, можно сказать, что онъ увѣнчалъ побѣдоносною развязкою свой самый лучший романъ, романъ своей политической жизни. Но теперь Дизраэли оставляетъ романъ и переходитъ на сцену исторіи. Надѣюсь, что здѣсь онъ сыграетъ свою

роль съ такими же успѣхами, какъ и тогда. Притомъ же, каковы бы ни были достоинства Дизраэли, какъ министра, его ораторскій талантъ будетъ всегда выше всѣхъ неудачъ и переменъ счастья. Литературное изящество, грація и красноречивая энергія его слова, всегда будутъ вырывать рукоплесканія, потому что даже и въ поздній вечерній часъ засѣданія, когда въ Палатѣ замѣтно уже общее утомленіе, и всѣ члены ея сплывать разойдутся, одинъ Дизраэли бодрствуетъ, красноречіе не оставляетъ его и невидимо при немъ присутствуетъ, какъ тотъ игрокъ на флейтѣ, который сопровождая юнаго Гракха въ трибуналъ, давалъ ему модуляціи гармоническихкихъ фразъ, вылетающихъ изъ устъ оратора и восхищавшихъ толпу.

(Статья Е. Форсаде).

ИНОСТРАННЫЯ КНИГИ.

ПУТЕШЕСТВІЕ МОРИЦА ВАГНЕРА ПО КОЛХИДѢ И НѢМЕЦКИМЪ КОЛОНИАМЪ по ту сторону Кавказа, съ замѣчаніями касательно этнографіи и естественной исторіи За-кавказскаго края (1850 г.).

Морицъ Вагнеръ — это идилъ изъ замѣчательнѣйшихъ путешественниковъ новаго времени. Познанія, фантазія, врожденная страсть къ путешествіямъ, ясность и здравость разсудка, мужество, любовь къ отечеству и наукѣ, и живое сочувствіе ко всему современному, вотъ свойства, отличающія его передъ многими туристами. Мы съ великимъ наслажденіемъ прочли его путешествіе по За-кавказскому краю, и спѣшимъ познакомить читателей съ содержаніемъ этой книги.

Второй аргонавтъ, Вагнеръ, отправляется въ Колхиду для завоеванія золотого руна — познаній, въ Колхиду, древнюю родину вина и прекрасныхъ женщинъ, первобытное мѣстопробываніе магіи, самоотверженной любви и мщенія, дивную страну, вдохновлявшую нѣкогда пѣвцовъ Эллады. Въ Тифлисъ онъ останавливается. Этотъ городъ лежитъ между высокими, голыми, довольно крутыми горами, въ котловинѣ, которая на востокъ образуетъ узкое отверстіе для истоковъ Куры, а на сѣверъ расширяется въ обширную равнину, открывающую великолѣпный видъ на высокую, альпическую цѣпь Кавказа. Тифлисъ по красотѣ окрестностей превосходитъ величественную Прагу, съ которою онъ имѣетъ нѣкоторое сходство. На площадяхъ его кишитъ чрезвычайно разнородное населеніе. Здѣсь вы встрѣтите и Армянина, и Грузина, и Татарина, и Оссета, и Персіянца, и Лезгина, и Русскаго, наконецъ и нѣмецкаго колониста. Здѣсь вы услышите всѣ возможные языки, не исключая даже звучнаго испанскаго, на которомъ обыкновенно говорятъ восточные Евреи. Домовъ въ Тифлисъ насчитываютъ до 3662, число жителей простирается до 26.000. Они состоятъ по большей части изъ Грузинъ и Армянъ. Грузинское дворянство вълѣдствіе бракосочетаній и государственной службы, почти обрусѣло; многіе представители его, какъ папр. Багратіоны, Дадьяны, Аргутинскіе, прослави-

лись на поляхъ битвы въ Европѣ и на Кавказѣ. Тифлискихъ женщинъ Вагнеръ имѣлъ случай видѣть на военныхъ парадахъ въ Ново-Тифлисъ. Онѣ ему не очень понравились: онѣ находятъ, что румяна и слишкомъ большіе носы затмѣваютъ остальные прелести ихъ огненныхъ глазъ, жемчужныхъ зубовъ, черныхъ волосъ и благородныхъ формъ тѣла, притомъ же лица ихъ лишены всякой выразительности. По этому поводу нѣмецкій путешественникъ замѣчаетъ слѣдующее: «Молва о чрезвычайной красотѣ Грузинокъ, господствующая не только на Востоку, но и на западѣ, основывается отчасти на всеобщемъ заблужденіи, что будто бы прекрасныя одалыки турецкаго гарема вывозятся по большой части изъ Грузіи и Черкесіи. Всѣ прекрасныя невольницы, которыхъ повнскіе корабельщики привозятъ въ Константинополь изъ Батуна, Сухумъ-Кале и Трапезонта, выдаются за Грузинокъ. Но мы лично слышали отъ турецкихъ купцовъ, занимающихся торговлею невольниковъ, что большую часть этихъ несчастныхъ они издавна покупаютъ у народовъ Лазистана, Гуріи и Мингреліи, слѣдовательно у жителей собственно Колхиды; Колхидяне же дѣйствительно лучше Грузинъ, и между всѣми за-кавказскими народами пальма первенства въ этомъ отношеніи безспорно принадлежитъ обитателямъ прекрасной Гуріи. Съ востока, гдѣ цвѣтутъ мирты и кипарисы, изъ страны кедра и винограда, оливъ и лимона, синяго неба, зеленыхъ полей и темнаго моря, дѣвы которскія похожи на розы, изъ которыхъ онѣ плетутъ вѣнки, авторъ вдругъ переноситъ насъ въ нѣмецкую колонію Ново-Тифлисъ. Эта колонія лежитъ на лѣвомъ берегу Кура, за четверть мили отъ Тифлиса. Какъ всѣ нѣмецкія поселенія по ту сторону Кавказа, Ново-Тифлисъ представляетъ видъ довольно уютный и пріятный. Жители его по большой части выходцы изъ Швабіи. Они переселились въ Грузію въ 1815 году и основали здѣсь колоніи Маріенфельдъ, Петерсдорфъ, Ново-Тифлисъ, Александрсдорфъ, Елизабетполь, Катариненфельдъ, Анненфельдъ и Геленендорфъ. Большая часть этихъ колонистовъ оставила Вюртембергъ по религіознымъ причинамъ. Это такъ называемые сепаратисты, которые утверждаютъ, что въ ихъ отечествѣ религіозное чувство и богобоязненность ослабѣваютъ. Поэтому они и отправились на Востокъ, чтобы невдалеку отъ Святаго гроба ожидать прішествія Христова. Нѣкоторыя изъ этихъ колоній, какъ напр. Катариненфельдъ, во время персидской войны 1826 года, были разрушены хищническими шайками Курдовъ и Татаръ. Но съ этихъ норъ онѣ снова оправились. Вообще нельзя сказать, чтобы нѣмецкія колоніи по ту сторону Кавказа находились въ цвѣтущемъ положеніи; по тѣмъ

присовокупило къ своему отказу, что оно приметъ за объявленіе войны всякое нападеніе Турокъ на христіанскую Абиссинію. Но что эта прибавка не можетъ имѣть никакого значенія, это понятно всякому, кто только знаетъ, что въ Абиссиніи магометанскія и христіанскія племена совершенно перемѣшаны другъ съ другомъ. Турки это очень хорошо понимаютъ, и потому не перестаютъ грозить Абиссиніи. Въ настоящее время они не скрываютъ своихъ видовъ на соляную равнину, находящуюся въ приморской Абиссиніи. Изъ этой равнины Абиссинія извлекаетъ свои главные богатства; ибо находящаяся здѣсь въ большомъ изобиліи каменная соль ходитъ за монету и вывозится во внутренность Африки. Отсюда ясно, какимъ огромнымъ несчастіемъ будетъ для нея утрата этой равнины.

Второго союзника расъ Али нашелъ себѣ въ Англіи. Не обращая ни малѣйшаго вниманія на то, что расъ Али возмущенъ противъ законнаго государя, и что онъ готовъ пожертвовать для своихъ выгодъ христіанскими интересами, англійское правительство ни мало не усомнилось принять его подъ свое покровительство. Такая политика Англіи еще болѣе запутала внѣшнія отношенія Абиссиніи, и повторяемъ — только съ помощью европейскихъ государствъ можетъ она выйдти изъ своего затруднительнаго положенія.

Аугсбургскіе издатели прославляютъ книгу доктора Зейдлера: *Begim-Mung der jungfrau und ihr Verhalthiss als Geliebte und Brant.* (Назначеніе дѣвicy, и ея отношенія какъ возлюбленной и невѣсты). Четвертый выпускъ этой драгоценной книги заключаетъ въ себѣ указаніе, какъ дѣвушка должна держать себя въ отношеніи къ юношѣ, какъ обходиться съ мужчинами и приготовляться къ званію супруги и воспитательницы. Здѣсь собраны всѣ правила, нужныя для усовершенствованія дѣвицъ въ общественномъ обращеніи. Совѣтуемъ родителямъ взрослыхъ дочерей, доставить имъ эту книгу, которой разошлось уже 3500 экзем.

Пиронъ оставилъ нѣсколько своихъ мелкихъ, неизданныхъ еще, сочиненій своему родному брату, который, умирая, завѣщалъ ихъ своимъ родственникамъ. Теперь наследники намѣрены издать ихъ. Эта спекуляція врядъ ли будетъ имѣть успѣхъ въ наше время, когда легкіе литературные труды вовсе потеряли вѣсъ; даже фельетонный романъ рѣшительно погнчилъ дни свои. Самые ревностные поставщики этого умствен-

наго продовольствія, покинули не прибыльные подряды, по безмерной дешевизнѣ объявленных на торгахъ цѣвъ, на этотъ вышедшій изъ моды товаръ. Да и пора. — Въ послѣдніе пятнадцать лѣтъ, разработка этой богатой мины принесла *романо-промышленникамъ* болѣе милліоновъ, нежели цѣлый восемнадцатый вѣкъ всѣмъ тогдашнимъ литераторамъ. Пришлось приниматься за другую, не менѣе прибыточную отрасль литературной промышленности — за драмму; эта новая промышленность, мало чѣмъ разнится отъ первой. Вообще можно сказать, что французская феллетристика, если еще и не испустила послѣдняго дыханія, то сильно хвораетъ. Литературная извѣстности почти все разѣхались изъ Парижа. Г. Ламартинъ, покинулъ перо *народнаго совѣтника*, (журнала *Conseiller du Peuple*), убѣжалъ въ Сень-Пуанъ, и дописываетъ тамъ *Исторію реставраціи*, свою лебедию пѣснь. Альфредъ де Виши удался въ Менъ-Жиродскій замокъ, и тамъ его плодотворное воображеніе для него одного создаетъ повмы, которыхъ друзья его никогда не дождутся. Евгеній Сю-Марій современнаго романа, лѣниво усѣлся на берегахъ Женевскаго озера, какъ тотъ Марій на развалинахъ Кароагенз. Ода, Жоржъ-Зандъ, неутомимая Зандъ, работаетъ для театра Гуппаса, между тѣмъ какъ Александръ Дюма перетаскилъ свой верстакъ въ Бельгію, гдѣ ежедневно заключаетъ новые контракты съ книгопродавцами, которые отреклись отъ литературнаго пиратства и рѣшились провозить товаръ мысли, подъ его собственнымъ флагомъ. Парижъ будетъ теперь получать Дюма — изъ вторыхъ рукъ. — Г. Марселлюсъ (*Mr. de Marcellus*) бывшій полпомѣчный министръ, — сочинитель прекрасной книги: *Souvenirs d'Orient*, издалъ *Греческія народныя пѣсни* (*Chants du peuple en Grèce*). Журналы съ большою похвалою отзываются объ этомъ восточномъ подаркѣ европейской любознательности.

не менѣе онѣ наслаждаются благосостояніемъ, въ особеннѣости тѣмъ, гдѣ онѣ находятъ легкій сбытъ своимъ продуктамъ. Впрочемъ все производство ихъ ограничивается только хлѣбомъ, овощами, картофелемъ, плодами и виномъ.

Изъ Тифлиса мы переходимъ въ Имеретію. Вагнеръ описываетъ намъ Мцхетъ, древнюю резиденцію грузинскихъ царей, Гори и Кутаисъ съ его монастыремъ.

Не далеко отъ Кутаиса находится могила славянскаго естествоиспытателя Щовича, которому Вагнеръ воздвигъ въ своей книгѣ прекрасный памятникъ. Щовичъ почти всю жизнь свою провелъ въ первобытныхъ мѣстахъ Имеретіи, гдѣ онъ занимался охотою и собираніемъ растений. Вотъ что писалъ онъ о своей жизни къ одному изъ пріятелей, жившихъ въ Крыму: «Вы въ своихъ степяхъ не можете представить себѣ величіе первобытныхъ лѣсовъ Колхиды, вы не можете вообразить себѣ этихъ могучихъ деревьевъ съ растеніями, обвивающимися вокругъ ихъ стволовъ, этой почвы, совершенно устѣпной цвѣтами. Ахъ, если бы ты могъ видѣть хижину, которую я выстроилъ себѣ на опушкѣ лѣса. Буки и лавровыя деревья—вотъ моя кровля и стѣны, цвѣты и мягкая трава—вотъ мой полъ. Этотъ пріютъ я раздѣляю съ варакушками и снегирами. Когда солнце восходитъ надъ необозримымъ лѣснымъ царствомъ, я приветствую его вмѣстѣ съ ними.» Въ этой-то хижинѣ и умеръ Щовичъ, и когда Вагнеръ бродилъ по берегу Фазиса, въ окрестностяхъ Кутаиса, «когда классическія воспоминанія о странѣ Колховъ, о Аргонавтахъ и золотомъ рунѣ, о Язонѣ и Медеѣ парили въ его воображеніи, и синева воды и зелень лѣсовъ улаждали его взоры,—тогда онъ отыскалъ также и плачущую иву подъ которою покоится бѣдный Щовичъ».

Вагнеръ продолжаетъ свое путешествіе по Имеретіи, направляясь къ странѣ низяго Фазиса. Здѣсь путешественникъ не увидитъ ни одного камня, ни одной скалы, ни одного обнаженнаго мѣстечка. Молодые свѣжіе ростки, однолѣтнія травы и цвѣты, пробиваются вездѣ, гдѣ только могутъ. Деревья представляютъ здѣсь зелень во всевозможныхъ оттѣнкахъ, начиная отъ темной зелени ели, тамаріна и кипариса, до блестящихъ листьевъ лавровой вишни, до серебристой зелени колхидскихъ тополей, и вокругъ всего этого обвиваются полузрѣлыя пурпуровыя кисти виноградныхъ лозъ. Берега фазиса перѣдко представляютъ прекраснѣйшіе ландшафты. Здѣсь все тихо и спокойно. Гдѣ же 140 мостовъ Страбона? Гдѣ некогда было мѣстопребываніе Культуры, тамъ теперь снова царствуетъ дикая красота природы.

Нашъ путешественникъ достигаетъ Мингрелии, страны имѣющей красивое, но весьма немногочисленное населеніе. Здѣсь посѣщаетъ онъ Редуткале и Поти. Описаніемъ этихъ двухъ городовъ Моритцъ Вагнеръ заключаетъ разсказъ о своемъ путешествіи. Но читатель не безъ интереса прочтетъ приложенный къ книгѣ этнографическій очеркъ, въ которомъ авторъ доказываетъ сходство кавказскихъ племенъ съ германскими. Это сходство онъ приписываетъ не общему происхожденію двухъ народовъ, но одинаковому положенію населяемыхъ ими странъ. Одинаковыя причины вездѣ производятъ одинаковыя дѣйствія.

АБИССИНІЯ И ДОКТОРЪ ВИЛЬГЕЛЬМЪ ШАМПЕРЪ.

Въ прошедшемъ году докторъ Вильгельмъ Шамперъ, правитель провинціи Анчитшо въ Абиссиніи, прислалъ австрійскому генеральному консулу въ Александрію письма, въ которыхъ онъ сообщаетъ свѣденія, проливающія яркій свѣтъ на современное состояніе Абиссиніи.

Но прежде, нежели мы подѣлимся съ читателемъ этими свѣденіями, скажемъ нѣсколько словъ о самомъ Шамперѣ.

Онъ родился въ Баваріи и съ ранняго возраста посвятилъ себя естественнымъ наукамъ. Въ 1830 году вюртембергское общество путешествій отправило его на Югъ для ученыхъ изысканій. Онъ отправился въ Алжиръ, а оттуда въ Египетъ, потомъ онъ посѣтилъ скалистую и счастливую Аравію, гдѣ въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ собиралъ флору горы Синая, Мекки и Таифа.

«Съ 1837 года, пишетъ онъ, я нахожусь въ Абиссиніи, гдѣ своимъ терпѣніемъ я побѣдилъ недовѣрчивость туземцевъ къ европейцамъ». И дѣйствительно, благодаря его усиліямъ, страна эта сдѣлалася для европейцевъ гораздо доступнѣе, нежели прежде. Абиссинцы вознѣгли къ нему такое довѣріе, что въ 1843 году онъ получилъ въ Аръ провинцію Анчию, содержащую въ себѣ 18 мѣстечекъ и населеніе въ 4 т. душъ.

Обратимся теперь къ свѣденіямъ, которыя Шамперъ сообщаетъ намъ о своемъ новомъ отечествѣ.

«Абиссинія, говоритъ онъ, есть одна изъ рѣдкихъ странъ, въ которыхъ почти до нашего времени сохранились государственныя формы давно минувшаго времени». Золотой вѣкъ Абиссиніи онъ сравниваетъ съ состояніемъ Германіи во время имперіи: «здѣсь, какъ и тамъ, различныя элементы государства были соединяемы феодальною системою и управляемы императоромъ (Негусомъ), первымъ помощникомъ

котораго былъ *major-domus* (расъ).» Подъ этимъ управленіемъ Абиссинія долго благоденствовала. Но за двѣсти лѣтъ до нашего времени начался ея упадокъ: причины этого упадка Шамперъ видитъ въ смѣшеніи народностей, слишкомъ рѣзко отличающихся другъ отъ друга. Названіе Ефіопія превратилось въ Габещъ, Габессинію, Абиссинію, что значитъ «страна смѣшенія». Императоры стали удаляться отъ государственныхъ дѣлъ, и расы получили надъ ними перевѣсъ. Последній расъ, Али, болѣе десяти лѣтъ находится въ открытой войнѣ съ императоромъ. Шамперъ увѣряетъ, что жалче абиссинскихъ императоровъ нельзя ничего себѣ представить. Они хотя и сохраняютъ титулъ Святаго, но тѣмъ не менѣе лишены всякаго вліянія и живутъ въ ужаснѣйшей бѣдности. Уже болѣе ста лѣтъ грязная хижина служитъ для нихъ дворцомъ; налогъ на масло, продающееся на рынкахъ города Гондара, и жатва нѣсколькихъ полей составляютъ ихъ единственные доходы, не превышающіе 300 талеровъ въ годъ. Но несмотря на все это, Абиссинскій народъ питаетъ глубокое уваженіе къ законной династіи, изъ которой выбираютъ повелителей Гондара. По словамъ Шампера, только одно это и служить ручательствомъ за будущность.

Господствующая религія въ Абиссиніи католическая. Но католическій элементъ во многихъ мѣстахъ вытѣсняется господствомъ Контговъ. Язычники, Евреи и Магометане имѣютъ здѣсь также своихъ представителей. Конты, и въ особенности ихъ епископъ, молодой египтянинъ, происходящій изъ одной священнической фамиліи въ Каирѣ, отличаются ужаснымъ фанатизмомъ и ветерпимостью. Последній сверхъ того играетъ роль въ политикѣ: онъ безпрестанно разжигаетъ войну, свирѣпствующую между императоромъ, узурпаторомъ расомъ Али и вассалами имперіи, такъ называемыми дедшесмаджи. Эти вассалы употребляютъ всѣ возможныя усилія, чтобы сдѣлаться независимыми и подорвать могущество раса, которое по преимуществу основывается на связяхъ его съ родственными ему магометанскими племенами Галласа. Призванные расомъ Али помогать ему въ его войнахъ, Галлосы воспользовались этимъ, чтобы утвердиться въ владѣніяхъ своихъ союзниковъ, и тѣмъ проложили въ Абиссинію, нѣкогда столь мирную и счастливую, путь Туркамъ. Всѣ эти безпорядки грозятъ Абиссиніи совершеннымъ распаденіемъ, если Европа не поспѣшитъ подать ей помощь.

Абиссинія—страна превосходная. Она предназначена, какъ говоритъ Шамперъ, для счастья жителей. Здѣсь вы найдете всѣ возможные климаты, начиная отъ 40° тепла до 6° холода (по Реомюру). Послед-

дня температура господствует на высотах 14000 ф. над поверхностью моря; здесь теплота не превышает 6°, между тем какъ въ приморскихъ равнинахъ она нередко доходитъ до 40°. На высотахъ отъ 6000 до 7000 ф., гдѣ сосредоточена большая часть абиссинскаго населенія и гдѣ находится также провинція Анчитшо, господствуетъ температура отъ 10 до 28° тепла. Въ прохладныя декабрьскія и январскія ночи термометръ часто спускается до +4°. Самые жаркіе мѣсяцы суть май и сентябрь; въ юнѣ и юль жары смягчаются дождями, ежедневно выпадающими между 2 и 5 часами пополудни. Растительность Абиссиніи роскошна; почва ея въ особенности благоприятна для земледѣлія. Густые лѣса покрываютъ даже холмы, возвышающіяся на 11,000 ф. надъ поверхностью моря, а луга, покрытые богатѣйшею зеленью, попадаются и на высотахъ 8000 ф. надъ морскимъ уровнемъ. Но теперь Абиссинія представляетъ печальный видъ опустошенія; почва ея покрывается непроницаемыми чащами, которыя все болѣе и болѣе суживаютъ пространства, удобныя для населенія. И дикіе звѣри до такой степени размножились, что скорѣе возникнетъ формальная война между ними и человѣкомъ. Въ ночное время жилища человека отъ нихъ не безъопасны, и нередко пѣлые караваны бывають подвержены ихъ нападеніямъ.

И все эти бѣдствія причинены войною, которая до сихъ поръ не перестала еще раздражать Абиссинію. Слабый, угнетенный императоръ нашель себя сильнаго и дѣятельнаго защитника въ лицѣ дедшесмаджи Убіе, который покорилъ себя многихъ абиссинскихъ князьковъ и вознамѣрился съ ихъ помощію возвратитъ императору его прежнее величіе и могущество. Но Убіе встрѣтилъ сильнаго противника въ расѣ Али, который пользуется своими связями съ соседственными Галисами для достиженія своекорыстныхъ цѣлей. Въ 1841 году между ними возгорѣлась война. До сихъ поръ Убіе съ успѣхомъ сопротивлялся расѣ Али и его хищнымъ союзникамъ. Но теперь ему угрожаютъ враги болѣе сильныя, противъ которыхъ онъ едва ли устоитъ, если не найдетъ союзниковъ.

Уже болѣе шести лѣтъ онъ находится во враждебныхъ отношеніяхъ съ Оттоманскою Портою, принявшею подъ свое покровительство раса Али.

Эти неудовольствія возникли вслѣдствіе того, что, когда Туркіи грозили ворваться въ городъ Гаркико, лежащій на берегу Чермваго моря, Убіе прибѣгнулъ къ покровительству французовъ. Правда, французское министерство заблагоразсудило ему въ этомъ отказать, но темъ не менѣе оно вступило съ нимъ въ тайныя переговоры, и

ИНОСТРАННЫЯ КНИГИ.

ФРАНЦУЗСКІЯ ЖЕНЩИНЫ XVIII СТОЛѢТІЯ.

HISTOIRE DE M. DE MAINTENON, PAR M. LE DUC DE NOAILLES.

Woman in France during eighteenth century, by Julia Kavanagh.

«Исторія г-жи де Ментенонъ», герцога де-Ноаль, и книга миссъ Каваньякъ «О вліяніи женщинъ на духъ XVIII столѣтія во Франціи», писанныя совершенно съ различной цѣлью, служатъ однакоже какъ бы продолженіемъ одна другой. Онѣ напоминають читателямъ лица, давно забытыя, и уже тѣмъ самымъ приобретающія некоторую новизну.

Размышленія, на которыя наводитъ насъ тогдашнее время, не позволяютъ намъ судить о немъ снисходительно. Отдавая полную справедливость миссъ Каваньякъ за трудъ ея, мы не увлечемся однакоже—ни блескомъ пороковъ, которые старается она прикрыть, ни всеми признанною любезностью французскаго общества, стоявшаго тогда на высшей точкѣ этой любезности, ни ослѣпительными искрами его ума, ни изящностью салоновъ, ни этимъ разговоромъ, легкимъ и узорчатымъ какъ шитье à jour, гладкимъ какъ грань стекла, радужнымъ какъ отливъ шелковаго платья, сверкающимъ какъ вороненый клинокъ шпаги, разнообразнымъ и прихотливымъ какъ рѣзьба тогдашней мебели, этимъ разговоромъ, который составлялъ тогда науку, необходимую потребность, и приобрѣлъ себѣ извѣстность европейскую, доставшуюся впоследствии на долю литературъ. Судь нашъ этому обществу не будетъ основанъ на свѣтской вѣжливости, а напротивъ на строгой справедливости, какой требуетъ историческая критика. Мы будемъ судить его не за то, какимъ было оно или какимъ казалось, а за то, что породило оно. Полезное растеніе распознается отъ вреднаго не по свѣжести листьевъ, не по благоуханію цвѣтовъ, а по плодамъ его.

Справедливоли говорить миссъ Каваньякъ, что женщины имѣли вліяніе на духъ XVIII вѣка и были причиною страшнаго политическаго переворота? Не думаемъ, и даже,—принимая вопросъ въ общемъ смыслѣ,—мы совершенно противоположнаго мнѣнія. Конечно многія изъ тѣхъ женщинъ, на которыхъ указываетъ она какъ на женскіе типы того времени, принимали участіе въ современныхъ порокахъ и заблужденіяхъ; но если онѣ могли и осмѣливались стремиться къ какому-нибудь политическому значенію, такъ это именно потому, что общество, потрясенное уже въ самомъ своемъ основаніи,

быстро клонилось къ окончательному упадку. Миссъ Каваньякъ приняла свидѣніе за причину, — что нередко случается съ историками.

Нельзя также согласиться съ нею и въ томъ, что Франція имѣла всегда господствующее вліяніе на Европу. Безспорно, что цивилизація многимъ обязана ей въ отношеніи нравственномъ и политическомъ, но не всегда же шла она впереди, и не всегда была путеводительницей другихъ народовъ въ ихъ развитіи. Не тамъ ли видимъ мы, послѣ смерти Ришелье, дворянство униженнымъ, почти совершенно уничтоженнымъ, народъ угнетеннымъ? Не есть ли все это признаки запоздалости? Мазаринъ посреди безпорядковъ фронды, посреди испорченности нравовъ, къ которой вела она, продолжалъ дѣло Ришелье. Наконецъ изъ хроники Сень-Симова видно, что при Лудовикѣ XIV благородный духъ дворянства упалъ окончательно. Знатнѣйшіе владыцы добивались мѣсть изъ корысти, и преклоняли колѣна передъ раздавателями королевскихъ милостей. То, что должно было требовать почета, дошло до униженія.

Примѣръ Лудовика XIV, его блескъ, его роскошь, его могущество, имѣли вліяніе и на многія второстепенныя державы Европы. На сѣверѣ короли польскій и прусскій, а также и нѣкоторыя духовныя власти Германіи, на западѣ короли сардинскій и неаполитанскій, задумали, такъ же, какъ онъ, побѣдить природу, воздвигнуть великолѣпныя зданія, перенести цѣлые лѣса въ свои парки, провесть въ нихъ цѣлыя озера воды для роскошныхъ фонтановъ. Этого мало: забывъ все разстояніе, отдѣляющее ихъ отъ него, они пустились подражать и всѣмъ его заблужденіямъ, которыя де-Ноаль называетъ «слабостями великаго короля»; но къ сожалѣнію очень не многіе изъ нихъ умѣли, по примѣру своего образца, скрыть эти слабости подъ личиною достоинства, и еще больше не многіе обладали тѣми высокими качествами, которыми надѣляла его природа. Лудовикъ XIV отличался глубокимъ религіознымъ чувствомъ, которое никогда не угасало въ немъ, силой воли надъ самимъ собой, и наконецъ тѣмъ благороднымъ самолюбіемъ, которое могло бы исцѣлить его отъ всѣхъ недостатковъ, если бы не стеклись противныя обстоятельства. Расинъ прославлялъ его страсти нѣжно и скромно; Лафонтенъ съ бѣльшимъ жаромъ и не съ такой скромностью. Самъ Мольеръ — прочтите его «*Princesse d'Elide*» — старался соединить раздражительное очарованіе музыки съ очарованіемъ поэзіи для того, чтобъ еще больше воспламенить зараждающуюся въ немъ любовь къ г-жѣ де-ла-Вальеръ. Казалось весь міръ былъ въ заговоръ — ослѣпить лестью этого гордаго властителя и заставить его забыть о той огромной отвѣтственности, которая лежала на немъ.

Одна только женщина умѣла побѣдить этого челоуька, и ея вліяніе, прїобретенное временемъ, стараніемъ и тонкой хитростью, никогда уже не поколебалось. Но чего стоило сохранить ей это вліяніе? Г. де-Ноаль очень вѣрно, и совершенно согласно съ безошаднымъ Сень-Симономъ, описываетъ характеръ г-жи Ментенонъ. Изъ этого описанія мы видимъ, что она была женщина холодная, расчетливая, ужьющая очень искусно скрывать свою власть, избгяющая всякаго противорвчія королю. Если она когда и оказывала услуги своимъ друзьямъ, такъ въ такихъ только случаяхъ, когда это ничего ей не стоило; но истинное несчастье никогда не находило въ ней покровительства. Расину и Фенелону, впавшимъ въ немилость, она не оказала никакой защиты, и даже самъ кардиналъ де-Ноаль, которому угрожала та же участь, былъ спасенъ другими, а не ею. Что касается до ея участія въ Нантскомъ эдиктѣ, его легко объяснить, хотя оно и не совсемъ извинительно.

Эта мѣра, совершенно противная духу народа, безъ сомнвнїа составляла большую ошибку уже дряхлвющаго короля, но г-жа Ментенонъ не могла въ то время смотреть на нее тѣми глазами, какими теперь смотримъ мы, и тѣмъ еще болѣе, что была умечена фанатизмомъ тогдашняго духовенства, вообще одобрявшаго такое постановленіе, даже вопреки мнвнїю Иннокентїа XI, папы умнаго и челоуьколюбиваго, который смотрѣлъ на этотъ эдиктъ болѣе съ точки политической, чѣмъ религіозной. Какъ всѣ новообращенные, г-жа Ментенонъ предалась съ слѣпой горячностью новопринятому ей исповѣданію, но не смотря на то, все еще не могла прїобрѣсти благосклонности іезуитовъ, первыхъ виновниковъ эдикта; а между тѣмъ король, очень несвѣдущій теологъ, и даже мало знакомый съ исторїею церкви, вполне подчинился наставленїямъ своего духовника, ревностнаго поборника іезуитскаго ордена. Опасаясь какихъ-нибудь неблагопрїятныхъ навѣтовъ съ его стороны, на счетъ своей набожности, г-жа Ментенонъ всеми мѣрами, — можетъ быть нѣсколько и тяжелыми для нея, — старалась найти себѣ опору въ этомъ хитромъ челоуькѣ, исключительно овладѣвшемъ умомъ короля. Но и всѣ эти старанія не спасли ее отъ подозрвнїи Лудовика XIV въ недостатокъ благочестїа: когда она, изъ челоуьколюбїа ли, или можетъ быть изъ одной ненависти къ Лувуа, начала оуждать его за жестокое обращеніе съ гугенотами, король ей замѣтилъ: «я боюсь, чтобы вѣра вашей молодости совершенно не угасла въ вашей душѣ.»

Характеръ этой необыкновенной женщины можно изучить очень опредѣлительно, и изъ анекдотовъ, которыми ее прославляли,

и изъ многочисленныхъ сатиръ, которыми старались унижить ее. Дюкло говоритъ, что она цѣльй вѣкъ себя приневоливала; сначала для того, чтобъ существовать, потомъ для того, чтобъ возвыситься, и наконецъ для того, чтобы царствовать. Она никогда не была счастлива, и не заслуживала ни ѣдкихъ сатиръ, ни чрезмѣрныхъ похвалъ, которыхъ была предметомъ. Аббатъ Оже говоритъ въ свою очередь, что пріобрѣтеніе знаменитости было цѣлью всѣхъ ея дѣйствій. Замѣчаніе тонкое и съ тѣмъ вмѣстѣ глубокое, справедливость котораго, не смотря на всю ея скрытность, подтверждаетъ сама она въ дружескомъ письмѣ къ одной изъ воспитанницъ Сень-Сира. «Желаніе сдѣлаться извѣстной, — пишетъ она, — было всегда моею страстью.» Но она не сознается въ томъ, — хотя можетъ быть сама хорошо это видѣла, — что ея чрезмѣрное тщеславіе часто доводило ее до смѣшнаго, какъ это обыкновенно бываетъ со всѣми притворщиками, которые, достигнувъ собственной цѣли своей, и дѣйствуя по своему произволу, хотять между тѣмъ казаться жертвами необходимости и чужаго эгоизма.

Никогда и ни съ кѣмъ не была она откровенна, и эта скрытность, укоренившаяся въ ней отъ времени, была слѣдствіемъ бѣдности, въ которой провела она свою молодость. Возьмемъ на примѣръ ея замужство съ Скаронемъ. Ясно, что оно было для нея единственнымъ средствомъ спасенія отъ нищеты; но она старалась приписать это своему ангельскому состраданію; и не смотря на то, что Скаронъ никогда не напоминалъ ей о ея бѣдности, а напротивъ окружалъ ее всевозможнымъ уваженіемъ, которое старался внушить къ ней и своимъ друзьямъ, она, послѣ смерти его, вмѣсто всякой благодарности, отзывалась о немъ только съ презрѣніемъ, и иначе не называла его, какъ «жалкимъ калекою, послѣдніе дни котораго рѣшилась она усладить». Здѣсь видна та же самая женщина, которая, объясняя причину своего замужства, говорила: «Всякое замужство казалось мнѣ лучше монастыря». А между тѣмъ она была обязана Скарону не только избавленіемъ отъ монастыря и отъ тягостной зависимости своей скупой родственницы, г-жи де-Нельянь, но и всѣми своими познаніями, которыя имѣла въ послѣдствіи (*), и которыя потомъ были главною причиною ея возвышенія.

Оставшись вдовой молодой и хорошенькой, въ бѣдности, для которой всегда такъ много искушеній, и наконецъ посреди общества,

(*) Она была его послушной школьницей. Училась по-итальянски, по-испански и даже по-латынѣ, и получила образованіе обширное и основательное. Г-жа Менгемъ, говоритъ Сегре, обязана своимъ умомъ Скарону, и это она очень хорошо знаетъ. *Histoire de Madame de Maintenon, par M. de Noailles.*

правы котораго были не слишкомъ строги, она однакожъ такъ скромно вела себя, что самые злые ея порицатели никогда не могли представить положительныхъ доказательствъ ея вѣтренности. Самая шутка Ниноны, сказанная на счетъ г-жи Ментенонъ, уже во время ея владычества, тоже не заключаетъ въ себя ничего достовернаго. Когда Нинону спросили, считаетъ ли она г-жу Ментенонъ безукоризненной, она отвѣчала съ улыбкой: «Не знаю; но я часто уступала мою желтую комнату ей и Вилларсо». Остается еще узнать, что говорилъ самъ Вилларсо, выходя изъ желтой комнаты, а объ этомъ исторїя умалчиваетъ. Что же касается до неприличныхъ насмѣшекъ, которыми язвили г-жу Ментенонъ Регентъ и его друзья, онъ разумеется не стѣялъ того, чтобы ихъ оспаривать. Но съ другой стороны нельзя же повѣрить буквально и тому портрету, который г-жа Ментенонъ списала съ самой себя, въ назиданіе сень-сирскимъ воспитанницамъ: въ этомъ портретѣ она изображаетъ себя именно въ эпоху первыхъ лѣтъ своего вдовства.

«Женщины любили меня, говорить она, потому, что въ обществѣ я была тиха, и гораздо больше занималась другими, чѣмъ собой. Мужчины ухаживали за мной, потому что тогда я была молода, хороша, привлекательна. Но они скорѣе чувствовали ко мнѣ дружбу, чѣмъ любовь; а я съ своей стороны не хотѣла быть любимой кѣмъ-нибудь однимъ исключительно, — я хотѣла быть любимой всеми.»

Своей дальновидности и скрытности характера обязана она, что и г-жа Монтеспанъ и Лудовикъ XIV выбрали ее наставницей къ своимъ дѣтямъ. Та же дальновидность обнаруживается и въ самыхъ ея условїяхъ, заключенныхъ при вступленіи въ новую должность. Въ нихъ видны и тактъ ея и самолюбіе. Всегдашнее желаніе выставить недостатки другихъ для того, чтобы ярче выказать свои собственные совершенства, кладетъ темное пятно на добросердечіе г-жи Ментенонъ.

Могло ли все это соединиться съ истинной набожностью?—Объ этомъ мы не будемъ судить; но мы покрайней мѣрѣ не сомнѣваемся въ томъ, что г-жа Ментенонъ, если не была истинной христіанкой, такъ покрайней мѣрѣ была ревностной католичкой, и именно по обстоятельствамъ, ее окружающимъ. Если нѣкоторое время она слѣдовала ученію г-жи Гюнь и Квїетистовъ, это просто по незнанію, что эти ученія отклоняются отъ православїя. «Я заблуждалась, говорить она, не подозревая опасности; но увидѣвъ ее, я поспѣшила присоединиться къ истинной паствѣ и умоляла духовныхъ наставниковъ просвѣтить мой умъ.» Такая безпрекословная покорность

едва ли могла бы быть при убвденіяхъ болѣе твердыхъ и менѣе подчиненныхъ личнымъ выгодамъ.

Мы желали бы, вмѣстѣ съ миссъ Каваньякъ, приписать благо-честію г-жи Ментенонъ преобразованіе, последовавшее постепенно въ удовольствіяхъ двора, и уменьшеніе разорительной роскоши; но исторія ничѣмъ этого не подтверждаетъ. Вотъ что говоритъ объ этомъ Дюкло: «Она всячески старалась, но напрасно, развлекать короля концертами, прологами оперъ, наполненными похвалами ему, отрывками изъ комедій и т. п., приказывая все это разыгрывать въ своихъ комнатахъ придворнымъ музыкантамъ и внутренней придворной прислугѣ». Несправедливо также и то, будтобы она усилила въ немъ набожность. Это чистая выдумка нѣкоторыхъ его биографовъ.

Во времена регентства безнравственность дошла до высшей степени; религія открыто была отвергнута, и женщины, вмѣсто того, чтобъ противодействовать этому явному, дерзкому безпутству, еще старались превзойти въ немъ мужчинъ, желая черезъ то приобрести больше власти надъ ними. Между тѣмъ очень не многія женщины, какъ на примѣръ г-жа Теньсенъ, вмѣшивались въ политику. Большая часть ихъ, какъ г-жа де-Параберъ, какъ герцогиня Беррійская, безъ всякой политической цѣли бросались въ грязный потокъ, увлекавшій испорченное общество. Испорченность нравовъ отразилась въ самомъ разговорѣ, — «въ этомъ прекрасномъ искусствѣ, — какъ называетъ его г. де-Ноаль, — правила котораго не преподаются, а изучаются навыкомъ и природнымъ чувствомъ изящнаго, — гдѣ и простота, и тонкая вѣжливость, и самый этикетъ, и умѣнье жить въ свѣтѣ, и разнообразіе тона и предметовъ, и столкновеніе различныхъ идей, и рассказы остроумные и занимательные, острые слова, лукавство, находчивость, блескъ, внезапность — непрерывно перемѣшиваются и составляютъ одно изъ величайшихъ наслажденій для утонченнаго ума» (1).

Таково, можетъ статья, дѣйствительно было «это прекрасное искусство» въ голубомъ салонѣ d'Arthenice, гдѣ, какъ говорятъ, и родилось оно; но не такимъ сдѣлалось въ салонахъ г-жи Рамбулье и дю-Дефанъ. Входя постепенно въ высшее общество, ученые внесли въ него свой умъ, но изгнали изъ него ту утонченную вѣжливость, которой тяготились сами. Самъ Вольтеръ, не смотря на превосходство его ума, часто оскорблялъ чувство благодарности. Даже г-жа дю-Дефанъ, которую нельзя упрекнуть въ излишней набожности, жаловалась на его слишкомъ наглое безбожіе, и герцогъ Дегильонъ, считавшій за честь переписываться со всеми ли-

1) *Histoire de madame de Maintenon*, tome I, page 91.

тературными знаменитостями того времени, ронталъ иногда *подъ сурдиной* на «дурной тонъ» его грубыхъ шутокъ.

Въ то время, къ которому мы теперь приблизились, дворъ нисколько не былъ виноватъ въ развратѣ парижскаго общества. Но вскорѣ послѣ того юный король замѣтилъ, что совершенная его покорность совѣтамъ старыхъ своихъ наставниковъ нисколько не приобрятаетъ ему народнаго уваженія; напротивъ безпорядочная жизнь, которой предался онъ потомъ, ни въ комъ и нигдѣ не встрѣтила себѣ порицателей. День, въ который дали ему названіе *Возлюбленнаго*, былъ тотъ, когда застигла его тяжкая болѣзнь среди самыхъ необузданныхъ излишествъ. Это подстрекнуло его еще къ болѣе безнравственности, которую одобряло не только высшее парижское общество, но которой потворствовали даже самыя блестящія свѣтила того времени: писатели и философы. Руссо читалъ свои краснорѣчивые софизмы въ будуарѣ г-жи Помпадуръ. Вольтеръ, увлекаясь соревнованіемъ, расточалъ передъ ней самую тонкую лесть въ формѣ различныхъ посвященій. Онъ величалъ Лудовика XV именемъ Траяна, тогда какъ король былъ гораздо больше похожъ на безпечнаго Сарданапала. Сравненіе было ужъ черезъ чуръ неумѣстно и заслужило презрѣніе даже самаго короля (1). Вся жизнь Вольтера протекла среди общества безнравственнаго, которому никакое другое чтеніе не могло доставить столько удовольствія, сколько доставляло чтеніе тѣхъ его поэмъ, гдѣ вольность, выходящая изъ всѣхъ границъ, въ настоящее время не могла бы быть терпима. Женщины лучшаго круга читали вслухъ отрывки изъ его *Двѣстленицы*, — и эта поэма даже напечатана съ манускрипта, сохранившагося у одной аристократки самаго высшаго круга.

Замѣтимъ, что въ недрахъ, такъ называемой тогда, *Философской церкви*, царствовали тѣ же самыя низкія страсти, которыми часто увлекались и недостойные пастыри церкви христіанской. Та же нетерпимость, та же зависть и взаимная ненависть вовсе не были чужды философамъ. Вольтеръ насмѣхался надъ Мопертюи и былъ въ вѣчной враждѣ съ Руссо. Руссо во многомъ не соглашался съ Гриммомъ. Философскія ссоры Вольтера съ королемъ прусскимъ забавляли современниковъ, и еще больше забавны теперь. Что же касается философской нетерпимости, о которой упомянули мы, са-

(1) Послѣ перваго представленія *Храма Славы*, Вольтеръ, при выходѣ изъ театра, сталъ на томъ мѣстѣ, черезъ которое долженъ былъ проходить король, и рѣшился первый заговорить съ нимъ, что было противно этикету: — *Доволенъ ли Траянъ?* — спросилъ онъ. Король бросилъ на него недовольный взглядъ, и прошелъ не сказавъ ни слова.

мымъ лучшимъ ея доказательствомъ служить то, что г-жа Жофрень, боясь ихъ насмѣшекъ, осмѣливалась ходить только къ ранней обѣднѣ и видѣлась съ своимъ духовникомъ не иначе, какъ тайно. О завидности великихъ умовъ говорить самъ Вольтеръ, когда, по милости г-жи Помпадуръ, его сдѣлали вдругъ членомъ французской академіи и историографомъ Франціи:

«Завидуя моему счастью, всѣ мои собратія возстали на меня съ тою ненавистью и съ тѣмъ озлобленіемъ, какія обыкновенно чувствовали они къ каждому человѣку, награждаемому по заслугамъ». — *Memoires de ma vie.*

Какъ женщинамъ XVIII столѣтія нельзя приписать прямого вліянія на тогдашнюю философію, такъ точно нельзя приписать и тогдашнимъ философамъ прямого вліянія на общество. Эти мнимые путеводители общества искали прежде всего успѣха; поэтому они присвоивали себѣ мнѣнія уже готовые и были только ихъ органами, болѣе или менѣе народными. Изданія, продолжавшіяся по нѣскольку лѣтъ — какъ на примѣръ *Энциклопедія*, — служатъ яснымъ доказательствомъ, что философы изменяли свое ученіе согласно съ измѣненіемъ общественнаго мнѣнія, этого самовластнаго законодателя тѣхъ писателей, которые для успѣха готовы жертвовать всѣмъ.

Что не писатели имѣли вліяніе на общественное мнѣніе, а общественное мнѣніе на писателей, это доказывается еще и тѣмъ, что ни одинъ изъ философовъ не предвидѣлъ бѣдствій, которыми грозила обществу революція. Иногда они конечно нападали на гражданскую власть, но нападали случайно, по прихоти фантазіи, а никакъ не на основаніи системы обдуманной и созрѣвшей. Истинное зло заключалось не въ нихъ, но въ общемъ неудовольствіи и въ враждебномъ духѣ одного сословія противъ другаго. Миссъ-Каваньякъ опредѣляетъ причину этого зла довольно верно.

«Французскій Парламентъ, — говоритъ она, — завидовалъ правамъ Нижней Палаты Англіи. Дворянство оскорблялось униженіемъ, до котораго было оно доведено, высшее духовенство съ неудовольствіемъ подчинилось власти свѣтской; среднее сословіе и мѣщанство ненавидѣли дворянъ и духовенство за то именно, что они, при всемъ своемъ ничтожествѣ, пользовались еще правами и преимуществами выгодными. Будь высшіе классы общества могущественнѣе и дѣятельнѣе, тогда ихъ неравенство съ классами низшими не казалось бы этимъ послѣднимъ столько оскорбительнымъ, и переносилось бы ими легче. Здравый смыслъ говорить людямъ, что всякое преимущество должно быть пріобрѣтено заслугой и силой существенной; но во Франціи въ то время всѣ преимущества были на сторонѣ безнравственности и порока. Это была

та же феодальная система, но основанная не на истинномъ могуществѣ, а только на неравенствѣ состояній».

При такихъ обстоятельствахъ вліяніе письменности можетъ быть только второстепенной причиною революціи. Прямое вліяніе писателя на духъ народа чувствуется только тогда, когда онъ пересиливаетъ общественное мнѣніе, даетъ надлежащее направленіе его необдуманнѣмъ порывамъ, сдерживаетъ необузданныя его страсти. Такіе примѣры видѣли мы иногда въ Англіи. Такъ Буркъ своимъ возстаніемъ противъ Французской революціи увлекъ за собой множество прозелитовъ; такъ Каннингъ искрами своего насмѣшливаго ума, докончилъ то, что началъ Буркъ силою торжественнаго своего слова. Напротивъ писатель, увлекающійся потокомъ общественнаго мнѣнія, не можетъ быть причастенъ ни славы, ни ответственности въ событіи, въ которомъ онъ остается только простымъ участникомъ.

Но возвратимся къ женщинамъ XVIII столѣтїя. Справедливо ли заслужили онѣ и своимъ поведеніемъ и злоупотребленіемъ своихъ талантовъ ту дурную славу, которая на нихъ падаетъ, — вотъ въ чемъ вопросъ?

Одна изъ замѣчательнѣйшихъ между ними была г-жа дю-Дефанъ. Въ ней находили умъ, здравый разумокъ, вкусъ, и между тѣмъ все эти качества очень мало замѣтны въ ея письмахъ. Да и развѣ только гениальный талантъ могъ бы придать занимательность этимъ письмамъ, по большой части наполненнымъ изъясненіями въ любви слѣпой старухи, т. е. ея собственной любви, — къ человеку холодному, къ фату, который былъ моложе ея тридцатью годами, и которому она только надобдала своей перепиской.

Впрочемъ и тѣ письма ея, въ которыхъ она говоритъ о другихъ предметахъ, не отличаюся большими достоинствами. Рассказы ея сухи и безцвѣтны; стихи, которыми она пестритъ свои страницы, принадлежать не ей; сужденія ея о современникахъ пристрастны и неосновательны; ея литературныя критики не заслуживаютъ никакого вниманія. Можетъ быть она могла бы еще возбудить къ себѣ участіе своей слѣпотой, но кажется, что все ея жалобы, весь ропотъ на судьбу происходили не столько отъ потери зрѣнія, сколько отъ потери молодости и красоты.

Ея знаменитая любимица, двѣица де-Леспинасъ, не смотря на особенное къ ней расположеніе миссъ Каваньякъ, тоже не болѣе замѣчательна. Ея несчастное рожденіе, отчужденіе отъ нея ея безчувственныхъ родителей, униженіе, которому подвергалась она въ своей молодости — все это очень хорошо объясняетъ странность ея образа мыслей. Свѣтъ встрѣтилъ ее враждебно, и она съ своей стороны не могла подчиниться его законамъ; но, при ея отношеніяхъ,

къ г-жв дю-Деффанъ, ей нельзя простить, что впоследствии она умышленно и рассчитанно сдѣлалась соперницей своей покровительницы, и затѣяла съ ней ссору, которая наконецъ разорвала все сношенія между ними. Еще виноватѣе она передъ Даламберомъ, который взялъ ее къ себѣ, когда она не имѣла пристанища, оказывалъ ей самыя нѣжныя и безкорыстныя попеченія, и которому она такъ дурно заплатила. Мы бы очень желали, но къ сожалѣнію не можемъ, согласиться въ тѣхъ остроумныхъ извиненіяхъ, которыми миссъ Каваньякъ старается оправдать въ этомъ отношеніи дѣвицу Леспинасъ, увѣряя, вопреки всемъ ея біографамъ, (а въ томъ числѣ и послѣднему, г. Жюль Жанену), что любовь къ ней Даламбера была чисто-платоническая, и что онъ имѣлъ природное отвращеніе къ супружеству, между тѣмъ какъ дѣвица Леспинасъ очень желала выдти за мужъ. Эта страсть къ замужству, заставившая ее въ то время, когда она жила у Даламбера, ободрять исканія маркиза Мора, а потомъ заставившая броситься въ объятія маркиза Гибера, минутнаго идола моды, кажется намъ не совсемъ извинительной, — тѣмъ болѣе, что, отдавшись Гиберу, она не имѣла даже терпѣнія дожидаться Мора, который былъ страстно влюбленъ въ нее и скакалъ изъ Испаніи нарочно за тѣмъ, чтобъ на ней жениться. Сдѣлавъ неверность маркизу Морѣ, дѣвица Леспинасъ не долго наслаждалась своимъ новымъ счастьемъ. Въ это время ей ужъ было около сорока лѣтъ, и притомъ оспа лишила ее остатка красоты, увѣдѣвшей отъ времени. Гиберъ, никогда не любившій ее истинно, а только увлеченный на минуту прихотью, самолюбіемъ и тщеславіемъ, скоро охладѣлъ къ ней совсемъ; и тогда оставленная любовница начала преслѣдовать его бесполезными упреками и ни къ чему неслужащими жалобами. Говорятъ, что въ этихъ жалобахъ много жара и краснорѣчія. Миссъ Каваньякъ того же мнѣнія, но мы разсматриваемъ здѣсь только женщину, и при томъ скажемъ откровенно, что жалобы сорока-лѣтней пастушки, на покинушаго ее пастушка, едва ли могутъ возбудить въ насъ участіе. Что касается до самаго Даламбера, онъ въ этой тройной интригѣ игралъ довольно странную роль. Самъ онъ съ удивительной снисходительностью былъ повѣреннымъ въ любви дѣвицы Леспинасъ къ Морѣ; самъ ходилъ за его письмами на почту, и принося ихъ еще до ея пробужденія, клалъ подъ изголовье обожаемаго имъ предмета, нисколько между тѣмъ не подозрѣвая, что у него былъ еще другой соперникъ. Эту тайну узналъ онъ только послѣ смерти своей возлюбленной, и миссъ Каваньякъ говорить, что это открытіе сильно огорчило его. — Очень неудивительно.

Чудное было это общество XVIII вѣка. Всѣ женщины одинаково уступчивы и слабы, всѣ мужчины одинаково тщеславны, тѣ

другіе одинаково непостоянны. Мужья обыкновенно оставались друзьями и даже повѣренными тѣхъ, которые заступали ихъ мѣсто у женъ. Любовники въ свою очередь, едва успѣвая пріобрѣсть побѣду, тотчасъ замѣнялись другими; и если какое-нибудь угрызение и закрадывалось въ сердце измѣнницы, то ужъ никакъ не въ отношеніи къ мужу, съ которымъ связывала ее священный союзъ, а въ отношеніи къ легковѣрному любовнику, котораго ловко и искусно умѣла она обмануть. И всѣ эти мѣны дѣлались очень хладнокровно, безъ всякаго увлеченія страсти, даже почти безъ ревности. Сходились, расходились, иногда сходились опять — и все и всегда безъ любви. Таково-то было это общество, которое восхвалялъ Вольтеръ не за умъ его и за увлекательное обращеніе, доказательства которыхъ очевидны, но за добродѣтели, которыя онъ старался приписать ему. Онъ первый началъ защищать развратъ двора и свѣта противъ сильныхъ увѣщаній епископа Сенецкаго (*).

Но Вольтеръ самъ не заслуживаетъ ли того, чтобы сказать несколько словъ о его связи съ г-жей дю-Шатле, одной изъ тѣхъ женщинъ, которую миссъ Каваньякъ съ особенной любовью старается возсоздать и поставить, какъ говорятъ, въ этуодъ? Въ прекрасной Эмили, — какъ называла ее Вольтеръ — смѣшивались, въ равной степени, педантизмъ, гордость, и еще одна наклонность, которую мы не можемъ назвать настоящимъ ея именемъ, но которую легко отыскать въ словарѣ человѣческихъ слабостей. Бывши довольно высокаго происхожденія, она вышла, въ самой ранней молодости, за челоуѣка гораздо старѣе ея лѣтами и еще болѣе знатнаго, который и далъ ей почетное мѣсто въ свѣтъ. Тридцати лѣтъ отъ роду, и уже послѣ многихъ предварительныхъ похожденій, она вошла въ связь съ Вольтеромъ, которая, прерываясь по временамъ, продолжалась однакожъ до самой ея смерти, последовавшей пятнадцать лѣтъ спустя. Миссъ Каваньякъ говорить объ этой женщинѣ съ какимъ-то уваженіемъ: такъ высоко ценить она ея постоянство. Мы съ своей стороны постараемся взглянуть на это обстоятельство безъ особеннаго увлеченія.

Въ Сире, куда Вольтеръ часто сопровождалъ г-жу дю-Шатле и ея мужа, особая, роскошно-убранная комната была назначена для его философскихъ диспутовъ съ хозяйкой дома. Мужъ въ это время удалялся отъ нихъ и довольствовался занятіями не столько важными. Большую часть времени г-жа дю-Шатле употребляла на свой туалетъ, стараясь разными прикрасами замѣнить недостатокъ прелестей, которыми не слишкомъ щедро одарила ее природа; а въ сво-

(*) См. *La Correspondance de Grimm*, vol. VIII, page 491.

бодное отъ этого главнаго занятія время училась математикѣ и астрономіи. Все это очень забавляло Вольтера, который называлъ свою задушевную пріятельницу Ньютонъ-Ротронъ. Другіе современники тоже смѣялись надъ неловкимъ кокетствомъ г-жи дю-Шатле и надъ ея дурнымъ вкусомъ въ нарядахъ. Пока она сидѣла за туалетомъ, Вольтеръ писалъ свои остроумныя сказки и мѣлкія стихотворенія, которыя тогда съ такимъ восторгомъ читались всѣми. Не смотря на то, что г-жа дю-Шатле предпочитала философскія системы и религиозные споры поэзіи, она удостоивала однакожъ прослушать иногда одну или двѣ пѣсни *Дьястеницы*, которой удивлялся тогда весь избранный кругъ, составившійся для оцѣнки этой поэмы, только что вышедшей. Но для г-жи дю-Шатле были необходимы развлеченія и другаго рода—и въ эти-то минуты заставляла она Вольтера жаловаться на ея несносный, вздорный характеръ и на вѣчныя придирки къ нему. Въ этой связи было что-то особенное и непонятное, потому что иначе она не могла бы существовать такъ долго. Каждый день любовники ссорились, упрекали, оскорбляли другъ друга; г-жа дю-Шатле обвиняла философа въ тщеславіи, въ эгоизмѣ, и онъ, выходя изъ терпѣнія, часто говорилъ вслухъ, что былъ бы очень счастливъ, если бы судьба избавила его отъ этой «домашней фурии».

И наконецъ часъ освобожденія наступилъ. Г-жа дю-Шатле, на сорокъ пятомъ году, умерла родами. Говорятъ, что Сень-Ламберъ, призванный къ ней, былъ виноватъ въ этомъ случаѣ. Мы знаемъ изъ Мармонтеля, какъ выразилась объ этой потерѣ горестъ Вольтера, которой миссъ Каваньякъ сочувствуетъ отъ чистаго сердца.

— Я лишился ея! — вскричалъ Вольтеръ, когда авторъ *Инокъ* вошелъ къ нему; — я лишился моего знаменитаго друга!.. Я въ отчаяніи, мнѣ нѣтъ теперъ утѣшенія!..

И два великіе писателя смѣшали свои слезы. Мармонтель осмѣялся сдѣлать однакожъ нѣсколько вопросовъ.

— Этотъ живодезь уморилъ ея! — отвѣчалъ знаменитый философъ, прибавивъ еще одну фразу, которую мы не осмѣливаемся здѣсь привести, боясь оскорбить англійскую скромность. (*)

Тутъ доложили о новомъ посѣтителѣ, и горестъ Вольтера приняла другое направленіе. У пріѣзжаго былъ въ карманѣ какой-то забавный анекдотъ. Черезъ нѣсколько минутъ неутѣшный любовникъ плакалъ — отъ смѣха.

Чтобъ дополнить картину, надобно прибавить, что въ эту же самую минуту г. дю-Шатле, толкуя съ Сень-Ламберомъ, рѣшительно отстранялъ себя отъ всякаго участія въ этомъ дѣлѣ, такъ несчастно кончившемся. — «Дѣлаетесь какъ знаете между собой, сказалъ онъ Вольтеру и Сень-Ламберу.... Мнѣ тутъ не въ чемъ себя упрекнуть».

(Окончаніе въ слѣд. книжкѣ).

(*) Статья эта писана англійчиномъ.

СОВРЕМЕННЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ.

Концерты Эрнста и Герца въ Парижѣ. — Эрнстъ и Паганини; Эрнстъ и Шопень. — Берліозъ въ Бреслау и Берліозъ въ Москвѣ. — Новая пьеска дѣвица Клаусъ. — Балъ у французскаго военнаго министра. — Военное убранство отеля. — Балъ у президента. — Его дамы въ мазуркѣ. — Частные и публичные балы Парижа. — Бетховень и его опера Фиделіо. — Театры. — Исполнискій органъ. — Письма Наполеона. — Френель. — Калифорнія. — Доходы и расходы Англии. — Некрологъ Томаса Мура.

Теперь, когда для Москвы начался сезонъ концертовъ, мы также концертами начнемъ заграничныя извѣстія. Недавно въ Парижѣ былъ концертъ, который можно считать эпохою въ музыкальной жизни этой столицы.

Знаменитый скрипачъ Эрнстъ долго отказывался играть передъ парижскою публикою; но наконецъ уступилъ настоятельнымъ просьбамъ тамошнихъ *dilletanti*. Многочисленная и избранная публика, богатый сборъ, громкія рукоплесканія, неоднократные вызовы, слезы, крики удивленія, — все было на этомъ праздникѣ искусства, и публика въ одинъ разъ издержала весь избытокъ восторга, скопленнаго въ десять или одиннадцать лѣтъ упорнаго молчанія г. Эрнста, котораго она такъ давно не слыхала, и за успѣхами котораго слѣдила только по превосходнымъ его сочиненіямъ.

Эрнстъ игралъ свой концертъ *fa dièze mineur*, написанный имъ, лѣтъ пять тому назадъ, въ Вѣнѣ. Это произведеніе замѣчательно какъ по достоинству симфоническаго сочиненія, такъ и по специальному примѣненію искусства къ скрипкѣ. Необъятныя трудности этого концерта вовсе не похожи на трудности, или скорѣе, на *затрудненія*, расточаемыя современными компонистами въ подобнаго рода сочиненіяхъ; трудности г-на Эрнста поражаютъ, а не возбуждаютъ безстрастнаго удивленія, какъ многіе музыкальные фокусы. Авторъ побѣдилъ эти трудности, какъ артистъ увѣренный въ своемъ искусствѣ, съ тѣмъ

драматическимъ, восторженнымъ увлеченіемъ, которое порождаетъ сочувствіе публики, — необходимое условіе успѣха. Последний пассажъ октавами, гдѣ звучность двухъ струнъ должна усиливаться по мѣрѣ приближенія соло къ взрыву оркестра, произвелъ на слушателей ту лихорадочную дрожь удивленія, которую возбуждаетъ только смѣлость доведенная до дерзости, и неожиданная, изумительная удача въ исполненіи.

Фантазія на маршъ и романсъ изъ *Отелло* извѣстна цѣлой музыкальной Европѣ, и многіе знаменитые артисты играли эту пьесу почти во всѣхъ столицахъ; но кто не слышалъ Эрнста, тотъ не можетъ составить себѣ и приблизительнаго понятія о силѣ, легкости, оригинальности его игры. Какимъ глубокимъ чувствомъ, какою томительною страстію дышетъ смычокъ Эрнста въ романсъ *del salice*; какъ безутышно рыдаетъ его *Скрипка—Дездемона*, когда безотрадная грусть выливается въ упительныхъ звукахъ. Безсмертный Шекспиръ предугадалъ, что жертва ревниваго Мавра будетъ пѣть *the Willow* въ предсмертной агоніи своей послѣдней ночи. Говорятъ, что одна изъ знаменитыхъ кантатристъ, слушая въ Вѣнѣ, какъ Эрнстъ *пѣлъ* на своей очарованной скрипкѣ романсъ изъ *Отелло*, въ порывѣ безсильной зависти изорвала перчатку на лѣвой рукѣ и даже до крови изцарапала себѣ руку.

Та же сила, то же искусство въ выраженіи, примѣняемыя къ болѣе тихой, но и болѣе глубокой грусти мужчины, видны были въ исполненіи прекраснаго *andante* Эрнста: Элегія. Эта пьеса написана для одной скрипки, безъ оркестра; въ ней нѣтъ ни эффектныхъ контрастовъ, ни трудностей, кромѣ трудности высокаго, обнаруживающейся въ каждой мысли, въ каждомъ звукѣ, неустанной, проникнувшей цѣлую пьесу съ начала до конца, трудности, которую виртуозъ побѣждалъ безъ усилія. Рукоплесканія артистовъ и любителей музыки не умолкали, а раздирающіе вопли Дездемоны до слезъ тронули слушателей.

Послѣ этой фантазіи Эрнстъ игралъ свое *рондо-папагено*. Въ этой пьесѣ онъ завладѣлъ пятью нотами, которыя Папагено Моцарта беретъ на свирѣли Пана, въ оперѣ *Волшебная флейта*. Флажолетъ оркестра передаетъ артисту мотивъ. Испестривъ самыми обворожительными узорами эту диатоническую ткань, онъ уступаетъ тему каждому изъ инструментовъ оркестра поочередно, и наконецъ смычокъ виртуоза, васкучивъ своею игрушкой, совсѣмъ бросаетъ ее оркестру, и улетаетъ на крыльяхъ фантазій, рисуя въ полетѣ своемъ самыя прихотливыя арабески, чудные, новые, не заботясь болѣе объ аккомпаниментѣ

своихъ товарищей, которые внимательно слѣдятъ полеть его, и въ тихихъ аккордахъ поютъ ему гимнъ удивленія.

Что сказать о варіаціяхъ на *Венеціанскій карнавалъ*. Это фантазія, въ которой капризы сочинителя переплетены самыми эксцентричными чудесами механизма, такъ что послѣ этой пьесы ничто не можетъ уже удивить слушателя. На этой выставкѣ самыхъ изумительныхъ трудностей, Эрнстъ исполнилъ ихъ безъ усилія, даже съ тою небрежностью спокойной самоувѣренности, которая всегда увлекаетъ публику въ игрѣ этого артиста.

Увѣряютъ, что г. Эрнстъ собирается снова посѣтить Россію; вотъ что побудило насъ въ подробности передать нашимъ читателямъ мнѣніе Берліоза объ игрѣ этого артиста.

Эриста сравниваютъ съ Шопеномъ. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ сравненіе это нѣсколько основательно, но во многихъ другихъ оно вовсе не вѣрно. Шопень съ трудомъ подчинялъ себя законамъ мѣры; онъ даже иногда слишкомъ далеко увлекался ритмическою независимостью. Эрнстъ, позволяя себѣ разсудительныя вольности съ мѣрою, допускаемыя искусствомъ и вынуждаемыя иногда страстнымъ увлеченіемъ, выходитъ изъ правильности мѣры только для того, чтобы сильнѣе дать почувствовать ея могущество, когда онъ снова въ нее возвращается. Чтобы оцѣнить его въ этомъ отношеніи, его надобно слышать въ квартетахъ Бетховена.

Въ сочиненіяхъ Шопена интересъ сосредоточенъ въ партіи фортепьяно. Оркестръ въ его концертахъ составляетъ только холодный, почти излишній акомпаниментъ. Сочиненія Эрнста отличаются совершенно противоположнымъ достоинствомъ. Все, что онъ написалъ, запечатлѣно искусствомъ, которое долго считали невозможнымъ — согласовать блестящій механизмъ главнаго инструмента съ неослабнымъ достоинствомъ симфоніи. Передать полное господство инструменту—соло, не въ ущербъ оркестра, вотъ проблема, которую впервые разрѣшилъ Бетховень, а за нимъ Эрнстъ. Бетховена еще можно упрекнуть, что у него часто преобладаетъ оркестръ; система Эрнста устанавливаетъ безужоризненное равновсіе.

Берліозъ признаетъ Эрнста превосходнымъ юмористомъ, первокласснымъ скрипачемъ, и великимъ музыкантомъ. Онъ одаренъ (говоритъ Берліозъ) неизмѣрною силою помысла и способностью выполнять *не ощутио* (*sans latonemens*) нѣмъ созданное. Его музыкальный языкъ выразителенъ, могучъ и сладокъ. Шопень былъ музыкантомъ гостиныхъ, артистомъ дружескаго круга; Эрнстъ не боится толпы; ему

привольно въ большой залѣ, въ театрѣ, и какъ Листъ, онъ дѣлается истинно могучь, когда ему надобно овладѣть нѣсколькими тысячами слушателей.

Эрнстъ родился въ 1814 году, въ Брюннѣ (въ Моравіи). Онъ полюбилъ скрипку, прислушиваясь къ урокамъ своихъ братьевъ. Когда ему минуло девять лѣтъ, ему случайно попала въ руки метода для скрипки Леопольда Моцарта (отца сочинителя Донъ-Жуана), и это обстоятельство много способствовало развитію его таланта. Одиннадцати лѣтъ онъ поступилъ въ вѣнскую консерваторію, гдѣ поучившись полгода у Бема, получилъ первую премію. Вскорѣ появленіе Паганини и произведенный имъ переворотъ въ игрѣ на скрипкѣ еще болѣе раздражили рвеніе и самолюбіе молодаго артиста. Желая достойнымъ образомъ явиться предъ знаменитымъ виртуозомъ, неутомимый ребенокъ имѣлъ терпѣніе, вота въ вота, выучить всѣ этюды Паганини, тогда какъ въ то время эти этюды казались даже искуснымъ игрокамъ почти неисполнимыми задачами. Ошибшись въ смыслѣ слова *fautato*, написанномъ сверху на этюдѣ въ *mi majeur*, Эрнстъ вообразилъ, что пьесу эту слѣдуетъ играть двойными флажолетными нотами (*en doubles sons harmoniques*), и такъ ее выучилъ. Когда онъ игралъ этотъ этюдъ передъ Паганини, великій артистъ, не вѣри своимъ ушамъ, вскричалъ: «E un diavoletto!» Въ 1829 году Эрнстъ пустился путешествовать. Въ 1831 году, въ Парижѣ, когда онъ появился на сценѣ Итальянскаго театра, его встрѣтили свисткомъ. Артисты оркестра, негодуя на эту несправедливость, всѣ вдругъ поднялись съ своихъ мѣстъ и оглушительными рукоплесканіями старались ободрить дебютанта. Эрнстъ игралъ удачно, и публика отдала полную справедливость его таланту. Послѣ четырехлѣтняго дѣятельнаго уединенія, г. Эрнстъ съ блескомъ снова появился въ Парижѣ, и выѣхалъ оттуда въ Голландію, гдѣ былъ принятъ съ такимъ восторгомъ, что въ три мѣсяца далъ семьдесятъ концертовъ. Слава Эрнста упрочена въ Лондонѣ, въ С.-Петербургѣ, въ Вѣнѣ, въ Швеціи, въ Даніи, въ Бельгіи и другихъ странахъ Европы. Ничье имя не пользуется такою популярностію въ музыкальномъ свѣтѣ. Этой популярности недоставало ему только въ Парижѣ, и теперь онъ снискалъ ее въ полной мѣрѣ.

За два дня предъ концертомъ Эрнста, давалъ концертъ Генрихъ Герцъ, возвратившійся изъ своего заатлантическаго путешествія. Сколько прекрасныхъ ручекъ его молодыхъ ученицъ аплодировали счастливому пѣявисту; сколько гармоническихъ голосковъ кричали ему

браво! Этотъ радушный привѣтъ вѣроятно заставитъ его забыть соблазнительныя привѣтствія красавицъ Лимы и Квито, несмотря на то, что одни рассказы объ этихъ обольстительныхъ привѣтствіяхъ, путешественниковъ, посѣтившихъ страны за хребтомъ Андозъ, приводятъ въ изступленіе нашихъ европейскихъ охотниковъ до привѣтствій.

Говоря объ этихъ концертахъ, г. Берліозъ рассказываетъ про себя два смѣшные случая:

Въ Бреслау, одинъ почтенный отецъ семейства настоятельно требовалъ отъ Берліоза, чтобы онъ давалъ его сыну уроки на скрипкѣ. Напрасно увѣрялъ Берліозъ, что онъ сроду не держалъ въ рукахъ смычка,—старикъ не хотѣлъ вѣрить.—На какомъ же инструментѣ вы играете, спросилъ онъ его наконецъ,—вѣдь вы даете завтра концертъ.—Я играю на оркестрѣ,—отвѣчалъ маэстро,—и если вы пожалуете на мой концертъ, вы въ этомъ удостовѣритесь. Только на другой день послѣ концерта, чадолюбивый старикъ повѣрилъ, что можно давать концертъ, не играя ни на одномъ инструментѣ.

Въ Москвѣ, г. Берліозъ просилъ позволенія дать свой концертъ въ залѣ Благороднаго Собранія. По установленному порядку, каждый, кто занимаетъ для концерта эту залу, обязанъ дать другой концертъ для членовъ Собранія; это неизмѣнное условіе. Наемъ оркестра обходился г. Берліозу въ 750 р. сер.—что составляло слишкомъ большую плату за наемъ залы для дароваго концерта. Къ счастью для него, Москва издавна славится гостепріимствомъ для талантовъ, и для *виртуоза на оркестрѣ* сдѣлали исключеніе изъ общаго правила;—иначе онъ потерялъ бы издержки на путешествіе и лишился бы 2 т. р. сер., которые, по словамъ его, привнесъ ему чистый сборъ съ его концерта.

Еще музыкальная звѣзда.... Пьянистка, 17-ти-лѣтняя дѣвица Клаусъ, къ прелестямъ своей свѣтлорусой юности присоединяетъ полную зрѣлость пониманія и совершенство въ механизмѣ, которая дѣлаютъ для нея доступною музыку всѣхъ стилей; она все исполняетъ съ необыкновеннымъ искусствомъ. За то и на афишѣ ея вы увидите имена: Бетховена, Шопена, Гальберга, Скарлати, Листа, Баха. Эта юная артистка, не смѣлая въ свѣтѣ, отважная въ искусствѣ, есть истинно феноменальное явленіе, даже въ нашемъ вѣкѣ, который замѣчательнѣе избыткомъ музыкальныхъ знаменитостей.

Балы продолжаютъ. Одинъ изъ самыхъ блестящихъ балъ недавно у военнаго министра, генерала де-Сентъ-Арно. Число посѣтителей простиралось до 5 т. Чтобы облегчить сообщеніе, на всемъ про-

тяжени балльных покоевъ пристроена близъ галлерей; но не смотря на эту предосторожность, тѣснота была такъ велика, что почти невозможно было пройти. Впрочемъ это всегдашняя участь *блестящихъ баловъ*, неисправимая ошибка хозяевъ, которые приглашаютъ гостей болѣе, нежели могутъ помѣстить въ своемъ домѣ. Не будь тѣсноты на балѣ,—скажутъ, что никого не было. Это обычай, а всѣмъ извѣстно, какъ трудно измѣнять обычай. *Se serait pourtant si beau, un bal où l'on pourrait danser!* говорятъ Парижане.

Не смотря однакоже на тѣсноту, балъ у военнаго министра былъ изъ самыхъ блестящихъ; кромѣ того онъ имѣлъ особенный характеръ, и вовсе не походилъ на официальные праздники, осужденные на вѣчное, неизбѣжное сходство между собою, однообразіемъ элементовъ и мѣстностей. Домъ военнаго министра не напоминаетъ помѣщеній другихъ министровъ, гдѣ неизбѣжно встрѣтите: шелковые обои, золоченую мебель, хрустальныя люстры, бронзовые часы и нѣсколько картинъ, по неволѣ купленныхъ государствомъ на выставкахъ. Здѣсь совсѣмъ не то: двѣ залы зданія военнаго министерства имѣютъ специальный характеръ, который бросаетъ своеобразный колоритъ на цѣлый праздникъ. Это два арсенала. Стѣны украшены арматурами, звѣздами, лучами, составленными изъ разнаго оружія. Снизу зала окружена блестящимъ строемъ ружейныхъ стволовъ. По угламъ трофеи, пирамиды изъ ружей, пикъ, касокъ. Штыки, сабли и копья образуютъ блестящія солипы. вмѣсто колоннъ при дверяхъ—пушки; панели составлены изъ пистолетовъ, архитравы изъ трубъ. Штандарты, знамена, кивера, каски,—все это пестрѣетъ предъ изумленнымъ взоромъ, все лучится, все блещетъ. Но звѣзда этой очарованной залы—это средняя люстра. Безчисленное множество пылающихъ лампъ сплотилось въ одно солнце, лучи котораго составлены изъ полированныхъ мушкетныхъ стволовъ. На каминѣ вмѣсто часовъ уставлена пирамида ядеръ, вмѣсто вазъ—двѣ мортиры, вмѣсто зеркала—блестящій крестъ почетнаго легіона изъ бѣлаго оружія. Теперь представьте себѣ, подъ этимъ воинственнымъ наметомъ, среди блестящаго арсенала, толпу генераловъ всѣхъ націй, въ шитыхъ золотомъ мундирахъ, въ ордевахъ цѣлой Европы, сотни прекрасныхъ женщинъ, съ изящнымъ станомъ, обвитымъ драгоценными тканями, безцвѣтными кружевами, съ жемчужною улыбкой, съ алмазнымъ взоромъ,—вообразите себѣ всю эту роскошь, всю полноту жизни, и вы поймете, что впечатлѣніе этого бала во сто разъ обольстительнѣе всѣхъ волшебныхъ грезъ Шехеразеды.

Съѣздъ былъ назначенъ къ девяти часамъ; въ восемь уже съѣзжа-

лись. Въ одиннадцать нельзя было пройти отъ тѣсноты;—въ четыре еще танцевали. Въ продолженіи трехъ первыхъ часовъ съѣзда, военный министръ и его супруга, при входѣ въ залы, принимали посѣтителей. Г-жа Сентъ-Арно—очень молодая и прекрасная собою женщина. Весь дипломатическій корпусъ, вся знать столицы и значительнѣйшіе иностранцы были на этомъ балѣ; число дамъ простиралось до 1500.

9-го февраля былъ балъ у президента. Приглашено было только 300 особъ; президентъ танцевалъ мазурку съ двумя польскими дамами: г-жею Пршездецкою и г-жею Швейковскою.

Балы: маркиза Тюрго, министра финансовъ, министра полиціи и Г. Персивьи, также принадлежать къ числу замѣчательныхъ праздниковъ.

Кромѣ того въ программу парижскихъ увеселеній входятъ публичныя балы, начиная съ Большой оперы, до призаставныхъ трактировъ, и много праздниковъ по особымъ случаямъ, какъ на примѣръ, балъ артисто-литературный въ театрѣ Французской комедіи, музыкальный вечеръ у г-жи Рашель, критико-лирико-хореографическій праздникъ у г-на Рокеплана, балъ и ужинъ у тенора Роже и проч. Публичныхъ баловъ, приглашеніемъ на которые служить афишка, очень много въ этомъ году. Вотъ одна изъ любопытныхъ афишекъ о такомъ балѣ: *Folies Mayer; aujourd'hui grand bal paré et masqué, bal amusant et non fatigant!* Развѣ тамъ сидя танцуютъ? прибавляетъ фельетонистъ газеты *Indépendance Belge*;—*ce sera quelque bal à dormir de bout...*

Есть также *des reunions intimes* — и ихъ очень много; и дешево и весело!... Маркиза *de P...* напечатала на своихъ визитныхъ карточкахъ прекурьюзное приглашеніе: *Madame etc. reste chez-elle tous les vendredis soir. On prend le thé sans cérémonie.* Это напечатано на фарфоровыхъ билетахъ.

Итальянскій театръ давалъ оперу Бетховена: *Фиделио*. Скажемъ нѣсколько словъ о сочинителѣ, прежде нежели будемъ говорить о сочиненіи.

Славный музыкальный юбилей, создавшій, нѣсколько тому лѣтъ, въ городокъ Бонъ всю музыкальную Европу, напомнилъ ей, что Лудвигъ фонъ Бѣтховенъ родился въ этомъ городѣ въ 1770 году. Отецъ его былъ теноромъ въ капеллѣ придворной церкви курфирста, и дарованія знаменитаго композитора развились подъ покровительствою эрцъ-герцога Максимилиана австрійскаго. Едва вступивъ въ юношескій возрастъ, Лудвигъ Бетховенъ былъ назначенъ органистомъ курфирста, и продолжалъ учиться у Гайдна, а вскорѣ и самъ обнаружилъ способности ге-

ніяльнаго музыканта. Въ Вѣнѣ ему удивлялись, какъ первоклассному пианисту; онъ нашелъ тамъ другаго покровителя, князя Лихновскаго. Въ этотъ безмятежный періодъ жизни народовъ, великіе люди повсюду встрѣчали опору и покровительство, столь рѣдкія въ наши времена смуть и тревогъ.

Бетховенъ, въ первыхъ схваткахъ съ искусствомъ, обнаружилъ стремленіе къ мистической сторонѣ его. Какъ только онъ ознакомился съ теоріею музыки и достаточпо овладѣлъ инструментомъ, чтобы импровизировать, онъ увлекся врожденною склонностію къ мрачному и таинственному; гений его сбросилъ съ себя узы земныхъ страстей, и изъ предѣловъ горнихъ вызывалъ вдохновеніе небесное, часто непостижимое для смертныхъ. Глаголь небесь, высокій, невнятный для толпы, часто звучалъ въ его восторженной рѣчи. Внутренняя жизнь его отдѣлилась отъ жизни міра, и если бы братья его не заботились о вѣщественныхъ потребностяхъ, и не окружали его попечительнымъ вниманіемъ родственнаго участія, бѣдная плоть его изнемогла бы въ разлукѣ съ духомъ, умчавшимся въ область выспревняго искусства. Изливъ волненія и мечты души своей во множество музыкальныхъ сочиненій, которыхъ родъ создалъ Гайднъ и развѣлъ Моцартъ, и въ которомъ Бетховенъ достигъ недосягаемой для другихъ высоты, онъ рѣшился наконецъ, побуждаемый вліяніемъ вѣдшихъ обстоятельствъ, написать свою первую оперу.

По смерти курфирста Максимилиана, тогда какъ война волновала цѣлую Германію, Бетховенъ вынужденъ былъ покинуть свою родину и поселиться въ Вѣнѣ; на театрѣ этой столицы рѣшился онъ поставить свою оперу. Поема этой пьесы была ему, такъ сказать, навязана. Это была лирическая драма, представленная, въ 1795 году, подъ названіемъ: *Леопора или супружеская любовь*. Бетховенъ взялся за дѣло, и партія вскорѣ была готова. Зейфридъ, историкъ Бетховена и его другъ, говоритъ, что менѣе нежели въ два года, кромѣ *Фиделіо*, онъ написалъ: ораторію *Спаситель на Масличной горѣ*, симфоніи *pastorale* и *héroïque*, симфонію въ *ut mineur* и три концерта на фортепьяно: въ товь *sol*, въ *mi bemol* и въ *ut mineur*.

Опера *Фиделіо* принята не совсѣмъ благосклонно въ первое ея представленіе; исполненіе было вовсе неудовлетворительно. Композиторъ передѣлалъ нѣкоторыя партіи для второй попытки въ Прагѣ, сочинилъ новую увертюру въ *mi majeur*, и опера, сокращенная въ два дѣйствія, пошла лучше. По смерти Бетховена, опера *Фиделіо* сдѣла-

лась классическою въ Германіи, и соотечественники великаго маэстро находятъ въ ней красоты, недоступныя, съ перваго представленія, меломанамъ парижской комической оперы.

Впрочемъ *Фиделіо* играли уже въ Парижѣ, лѣтъ двадцать тому назадъ, нѣмцы, теноръ Гейтцингеръ и г-жа Шредеръ-Девриенъ, двѣ звѣзды за-рейнскаго лирическаго неба. Эта труппа, прекрасно исполнявшая прекрасныя произведенія великихъ маэстро, не имѣла въ Парижѣ того усѣха, котораго вправѣ была ожидать отъ образованной публики. Г. Лумей, угостившій уже этою оперою Англичанъ, которые на слово удивляются всѣмъ образцовымъ твореніямъ, признаннымъ таковыми, и не довольно искренни, чтобы звать, слушая непонятныя для нихъ высокія музыкальныя произведенія, — г. Лумей рѣшился представить парижскимъ *dilletanti* единственную оперу *колосса* симфоніи. Журналы, говорившіе уже о возобновеніи нѣмецкаго *Фиделіо* съ итальянскимъ текстомъ, приписывали эту мысль Софѣ Крувелли, которая, какъ родомъ нѣмка, хорошо знакомая съ нѣмецкою музыкою, надѣялась мастерски исполнить роль героини оперы; но эти господа забыли, что Софья Крувелли нѣмка только по происхожденію, и что ея музыкальное образованіе чисто итальянское. Постановку *Фиделіо* на сценѣ итальянскаго театра скорѣе можно приписать влиянію знаменитаго маэстро, дирижирующаго оркестромъ итальянской оперы въ Парижѣ, Берліоза.

Либретто *Фиделіо* не имѣетъ собственнаго достоинства. Дѣйствіе происходитъ въ Испаніи. Фернандъ, государственный преступникъ, содержится подъ арестомъ, подъ вѣдѣніемъ своего врага Пизарро. Леонора, жена Фернанда, проникаетъ, переодѣтая, въ крѣпость, въ надеждѣ спасти своего мужа. Она старается привлечь къ себѣ Рокко, тюремщика, и Марцелину, дочь его, которые оба не знаютъ, что она женщина. Пользуясь ихъ расположеніемъ, Леонора задумываетъ проникнуть въ темницу Фернанда. Между тѣмъ Пизарро, губернаторъ той крѣпости, узнаетъ, что военный министръ скорѣе пріѣдетъ въ крѣпость. Желая сбыть съ рукъ Фернанда, онъ уговариваетъ Рокко убить его; но Рокко отказывается, и Пизарро рѣшается сдѣлать это самъ. Онъ приказываетъ тюремщику очистить древнюю питерну, находящуюся въ темницѣ, чтобы бросить туда трупъ убитаго. Рокко проситъ Фиделіо (Леонору) помочь ему въ этой работѣ. Во второмъ дѣйствіи, Фиделіо въ темницѣ Фернанда, и когда губернаторъ приходитъ туда, чтобы совершить свое злодѣаніе, Фиделіо останавливаетъ его заряженнымъ пистолетомъ; въ это время раздается звукъ трубъ. Министръ пріѣхалъ; — Фернандъ освобожденъ.

Глубокое, совершенное знаніе инструментовки во всемъ блескъ проявляется въ партіи Бетховена. Это достоинство, главнѣйшее, можетъ быть, въ этой оперѣ, не можетъ поразить, при первомъ представленіи, слухъ, привыкшій ожидать отъ оркестра только акомпанимента пѣнію. Въ *Фиделіо*, голоса—инструменты, а инструменты—голоса. Они смѣшиваются, вопрошаютъ другъ друга, отвѣтствуютъ, и производятъ эффектъ грандіозный, страстный, смѣлый, неожиданный, который въ первый разъ можетъ показаться до того страннымъ, что и самое удивленіе не отдастъ ему должной справедливости. Но мало по малу мысль освобождается изъ этого мнимаго хаоса, и начинаетъ понимать и мятежныя выходы инструментовъ, и пѣжные звуки голосовъ, и страстные порывы соло, и заботливую неотвязность акомпанимента.... Наконецъ довѣрчивое вниманіе слушателя приноситъ ему впечатлѣніе сладкое, поражающее, невыразимое. Во второмъ, самомъ драматическомъ, дѣйствіи пьесы, когда *Фиделіо* роетъ могилу для своего мужа, слезы невольно лились у слушателей. Въ три представленія *Фиделіо*, театръ былъ въ буквальномъ смыслѣ половъ; это дѣлаетъ честь парижскимъ меломанамъ.

Театръ *De la porte Saint-Martin* давалъ *La Poissarde*, драмму въ пяти дѣйствіяхъ, гг. Дюпети, Деландъ и Бурже; въ *Ambigu* давали *La dame de la Halle*, гг. Анисе Буржуа и Мишеля Массонъ.

Въ Парижѣ есть царство незыблемое, власть неколебимая, на которыхъ ни время, ни политическіе перевороты не оставили слѣдовъ своихъ. Эта область лежитъ въ центрѣ города, занимая огромное пространство между улицемъ Севъ-Дени, Пале-роялемъ, рынкомъ Сентъ-Оноре и площадью Якобинцевъ. *La Fontaine des Innocens*, мастерское произведеніе Іоанна Гужона, составляетъ средоточіе этой страны, повиனுющейся законамъ болѣе древнимъ, чѣмъ династія Бурбоновъ. Около фонтана, встрѣчаете вы, въ живописныхъ группахъ, дары и дани всѣхъ царствъ природы. Здѣсь, въ подогрѣтомъ климатѣ теплицы, зрѣетъ вожирардскій персикъ, тамъ цвѣтной горошекъ прозябаетъ на январскомъ солнцѣ, далѣе добыча истинно царской ловли, олень, лежитъ рядомъ съ кабаномъ; красныя и бѣлыя куропатки дружно покоятся на воролѣ перелетныхъ перепелокъ; куликъ и стрый фазанъ смѣшались съ вереницей дроздовъ; а вотъ быстроногая серна, угрюмый гусь, поросенокъ, дитя грязи, и золотой фазанъ, сынъ южнаго солнца. Добыча, потребность и прихоть человѣка, каждое утро собирается въ эту область, на выборъ расточительнаго сибарита и трудолюбиваго ремесленника.

Въ этомъ государствѣ княжить безусловно рыночная торговка (*la dame*

de la Halle) (*), и вѣрьте, что самовластный жезлъ ея никогда не превратится въ слабое веретено. Она царствуетъ надъ всѣми этими произведеніями щедрой природы, и какъ новая церера, твердою рукою держитъ неистощимый рогъ изобилія, который каждое утро наполняется промышленными жителями парижскихъ окрестностей. Съ первымъ лучемъ утренней зари рыночная торговка приходитъ въ свое царство. Завялся день, и толпы покупателей начинаютъ сходиться. Зоркимъ глазомъ слѣдитъ она за прищельцами, и напередъ знаетъ, кому что надобно, кому что подать. Она разгадаетъ въ своемъ покупателѣ и метръ-д'отеля княжескаго дома, и повара зажиточнаго горожанина, и эсторатора, и няньку небогатаго семьи, и самую хозяйку, которая въ этомъ лабиринтѣ припасовъ ищетъ дешевыхъ лакомствъ.

Среди этой торговли, игры, комедіи, драмы, неутомимая торговка пригоршнями сыплетъ бисеръ своихъ сатирическихъ мыслей и соль своихъ оригинальныхъ поговорокъ. Горе неразумному, который предлагаетъ цѣну, меньшую стоимости, — онъ пройдетъ сквозь строй замысловатыхъ метафоръ, подъ огнемъ энергическихъ выражений мѣстнаго словаря. Это царство имѣетъ то общаго съ другими государствами міра, что въ немъ говорятъ особымъ нарѣчіемъ, только ему принадлежащимъ. Тамъ свой словарь, своя грамматика, свои галлицизмы.

Рыночная торговка имѣетъ свою генеалогію. Происхожденіе ея теряется во мракъ незапамятной древности. Она уже существовала при короляхъ первородныхъ. Она звала кумомъ Генриха IV, и добрый король *Ventre Saint gris* безъ отвращенія прикладывалъ иногда свой кудрявый усь къ розовымъ устамъ торговки, окаймленнымъ роскошнымъ чернымъ пухомъ. Рыночная торговка говорила свое *слово правды*, въ эпоху, когда въ цѣломъ королевствѣ одинъ король имѣлъ право говорить громко; она повиновалась своей независимой волѣ, когда защитники этой воли погибали въ пламени костровъ. Ни одинъ изъ дофиновъ не явился на свѣтъ, чтобы она первая тому не порадовалась. Ни одинъ король Франціи не вступилъ на престолъ безъ того, чтобы первый взоръ его не упалъ на летучую фалангу парижскихъ торговкокъ. Онѣ привѣтствуютъ французскихъ королей, онѣ встрѣчаютъ почетныхъ начальниковъ, онѣ носятъ трауръ какъ придворныя дамы. Въ смутную годину, когда желѣзная рука конвента тяготѣла надъ цѣлою Франціей,

(*) *Poissarde*, какъ известно нашимъ читателямъ, тоже рыночная торговка, играющая въ Парижѣ важную роль; но *poissarde* составляетъ только видъ обширнаго рода *dame de la Halle*.

торговки смѣло возстали изъ преступленіе и заботливымъ участіемъ окружали царствешныя жертвы. Не разъ говорили онѣ: возьмите, возьмите цвѣтъ семей нашихъ; мы охотно отдаемъ ихъ королю, дофину, королевѣ. Только въ области торговыхъ можно найти типъ древнихъ Галловъ, какъ только въ предметяхъ Рима можно отыскать древнихъ Римлянъ.

Порывшись въ этихъ матеріалахъ, нетрудно было бы собрать комедію или драму, когда героиня уже совсѣмъ готова. Въ ней есть весь этотъ вѣщій блескъ, котораго ищутъ комическіе поэты, есть и внутренній волненіе, въ которыхъ зарождаются драмы. Съ большими пороками соединяетъ она рѣдкія добродѣтели. Прибавьте еще особенную черту къ этой личности: совершенное отсутствіе обычныхъ страстей женщины—бездѣлья, кокетства и любви.

Жалко, что потребность сильныхъ ощущеній, потребность заоблачныхъ небывлицъ, и привычка оканчивать неизбѣжнымъ сюрпризомъ каждое дѣйствіе драмы, заставили сочинителей исказить прекрасный типъ пуасарджи.

La dame de la Halle тоже не удачѣе. Сочинители этой пьесы нашли, что для успѣха нѣтъ ничего лучше, какъ то, что уже имѣло успѣхъ, и потому они взялись передѣлывать старыя пьесы, свои, а иногда и чужія. Пропавшій безъ вѣсти сынъ маркиза, отысканный впоследствии, украденное завѣщаніе, добродѣтельный водовозъ, мошенникъ управитель, вотъ всегдашніе матеріалы подобныхъ пьесъ. Возьмите маркиза, бѣжавшаго со страху въ 1693 году, оболыщенную дѣвушку, добродѣтельнаго ремесленника, предателя слугу, — и покинутое дитя; смѣшайте все это, вылейте въ полную форму выпѣшней драмы, вскипятите на огнѣ какой-нибудь неистовой страсти, и вы получите лакомое блюдо для парижской публики, какъ увѣряютъ лучшіе тамошніе фельетонисты.

Въ церкви Saint-Vincent-de-Paul поставили новый органъ, — превосходный инструментъ, который можетъ состязаться съ органомъ церкви Св. Магдалины, и который побѣдилъ органъ Фрибургскій. Въ этомъ органѣ шесть тысячъ четыреста трубъ!... Онъ не только подражаетъ всѣмъ существующимъ инструментамъ, не исключая сельскаго рожка, но имѣетъ еще регистръ трехъ голосовъ: басъ, теноръ и сопрано, которые производятъ чрезвычайно выразительный эффектъ. Это работа г. Кавайе (сына), который взялъ за свой инструментъ 55 т. фр. Недавно была проба въ присутствіи малочисленнаго, но избраннаго общества. Одинъ изъ извѣстнѣйшихъ въ Вѣнѣ импровизаторовъ на органѣ, г. Кавало, теперешній органистъ церкви Saint-Vincent-de-Paul,

игралъ на немъ съ немовѣрнымъ искусствомъ. Эта огромная музыкальная машина, этотъ лѣсъ трубъ, гдѣ попеременно раздаются и бури и вздохи звуковъ, въ продолженіи цѣлаго часа неустанно владѣла вниманіемъ слушателей. Когда громадныя волны звуковъ, поражающія какъ звуки трубы небесной, начали постепенно утихать, когда гармоническіе аккорды приготовили слухъ къ тихому торжественному пѣнію, присутствовавшіе, пораженные превосходнымъ подражаніемъ человѣческимъ голосамъ, пришли въ неописанный восторгъ. — Трудно себѣ вообразить, какъ близко въ этихъ голосахъ искусство подкралось къ природѣ.

Въ бумагахъ покойнаго генерала Ла-Поипъ (La Poype) нашли два собственноручныхъ письма Императора Наполеона, писанныя, когда онъ былъ еще лейтенантомъ. Въ одномъ изъ нихъ молодой офицеръ проситъ ходатайства генерала о томъ, чтобъ ему дозволили участвовать въ экспедиціи, которую въ то время намѣревались предпринять къ Каромандельскимъ берегамъ.

Г. Френель оставилъ Африку и переселился въ Азію (въ Моссулъ) съ тѣмъ, чтобы заступить мѣсто своего друга Ботты въ обществѣ г. Блонделя. Френель предложилъ своему правительству объѣхать на паровомъ ботѣ рѣку Чаду, которую до сихъ поръ принимали за рукавъ Нигера, но которая по всемъ вѣроятностямъ должна быть главною рѣкою; ибо существующее по всей Африкѣ преданіе о томъ, что источники Нила и Нигера (и слѣдовательно Чады) принадлежать одной системѣ, и предположеніе Птолемея, что Нилъ вытекаетъ подъ 40° на югъ отъ линіи, получаютъ, благодаря новѣйшимъ изслѣдованіямъ, большой вѣсъ. Очень умна и правдоподобна гипотеза Френеля о томъ, что объ упомянутыя рѣки, подобно Амазонской и Оренко, или, чтобъ не выходить изъ предѣловъ Африки, подобно Сенегалу и Гамбії, соединены одна съ другою при истокѣ.

Вотъ что пишетъ одинъ путешественникъ изъ Калифорніи:

Труки-Риверъ, дорога эмигрантовъ. Я провелъ на этой страшной дорогѣ цѣлый мѣсяцъ, въ продолженіи котораго былъ свидѣтелемъ всяческихъ человѣческихъ страданій и бѣдствій, и даже отчасти испыталъ ихъ самъ. Очень часто случалось мнѣ видѣть, какъ семейства, по всемъ признакамъ выросшіи среди роскоши, ѣли мясо дѣлкихъ быковъ. Капитанъ Дунканъ изъ Мичигана говорилъ нѣсколько дней тому назадъ, что лучшее блюдо, какое онъ ѣлъ въ послѣдніе 16 дней, была вѣрная собака, вывезенная имъ изъ отечества, которую онъ шадилъ пока могъ, но наконецъ, понуждаемый

голодомъ, убили и раздѣлили между 20 человѣками. Я встрѣчалъ сотни людей, до того блѣдныхъ и слабыхъ, что они шатались и падали на ходу. Назадъ тому нѣсколько дней я видѣлъ въ Сень-Луи на р. Гумбольдта человѣка, сраженнаго голодомъ, лежавшаго на дорогѣ въ послѣдней борьбѣ со смертію. Я вѣрхалъ въ это мѣсто послѣ десятидневнаго путешествія вверхъ по рѣкѣ Гумбольдта, и нашелъ здѣсь множество людей, не имѣвшихъ ни одного фунта провизіи, хотя они и находились еще въ разстояніи болѣе 400 англійскихъ миль отъ Сакраменто-Сити. Состояніе ихъ тѣмъ отчаяннѣе, что они до того ослабли отъ голода, что едва могутъ передвигать ноги. Эти люди ограблены Индѣйцами, которые не оставили имъ даже одѣялъ, не смотря на то, что ночи холодны и морозны. Надобно два или три одѣяла, чтобы спать спокойно, и многіе изъ нихъ не имѣютъ ни одѣялъ, ни сюртуковъ. Враждебные Индѣйцы очень многочисленны, дерзки и производятъ ежедневныя убійства. Они скрываются въ кустахъ и канавахъ, и стрѣляютъ по эмигрантамъ, лишь только они показываются. Тѣ, которые путешествуютъ пѣшкомъ, такъ слабы, что не могутъ держать ружья и дѣлаются легкою добычею дикихъ. Индѣйцы отняли у эмигрантовъ большое количество скота, и удалились въ слѣдствіе этого въ горы; они хорошо вооружены, благодаря огнестрѣльному оружію, которое побросали слабые и усталые, а слѣдовательно теперь страшнѣе, чѣмъ прежде. Многіе думаютъ, что ими предводительствуютъ бѣлые, вознамѣрившіеся овладѣть стадами эмигрантовъ.

Вотъ обзоръ государственныхъ доходовъ и расходовъ Англіи за 1851 годъ, окончившійся 5 января: Общій приходъ (т. е. чистый приходъ, за вычетомъ издержекъ, пошедшихъ на сборы) состоялъ изъ 25 м. ф. стер., расходъ простирался до 50 м. ф. стер.; въ остатокъ $2\frac{1}{2}$ м. ф. стер. Главныя статьи сборовъ: съ таможенъ 20 м., акцизъ 14 т., штемпель $6\frac{1}{2}$ м., прямыя помощи слишкомъ 4 м., налогъ съ имущества 5 м., почта 820 т., доходовъ съ коронныхъ земель 150 т. и проч. Доходъ съ Остъ-Индской Компаніи и пр.

Издержки: процентъ отверженнаго долга 27 м., проценты съ ассигнацій 400 т., расходы королевскіе около 40 т., проценты съ займовъ и пенсіоны для морскихъ, военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ, около 400 т., должностное жалованье около 300 т., дипломатія со включеніемъ пенсіоновъ 160 т., судебныя мѣста слишкомъ 1 м., различныя налоги на *fons consolidés* больше $\frac{1}{2}$ м., армія $6\frac{1}{2}$ м., флотъ $6\frac{1}{2}$ м., артиллерія $2\frac{1}{2}$ м., различныя назначенія суммъ парламентомъ около 4 м.

28 января 1652 г., въ мѣстечкѣ Слоспертонъ, близъ Devizes, умеръ Томасъ Муръ. Уже нѣсколько лѣтъ знаменитый поэтъ жилъ одною физическою жизнію. Съ нимъ было то же, что съ Вальтеромъ Скоттомъ и Сутгеемъ: его тѣло пережило его духъ.

Съ Томасомъ Муромъ исчезла послѣдняя связь, которая соединила настоящее поколѣніе съ яркимъ созвздіемъ гениальныхъ людей, прославившихъ Англію въ началѣ этого вѣка. Какъ долго будетъ жить слава Мура? Отгадать трудно. Не лзя отрицать того, что многія изъ его поэтическихъ твореній, какъ прихотливыя произведенія фантазиі болѣе яркой и жеманной, чѣмъ требуетъ современный вкусъ, въ наше время далеко не возбуждаютъ того интереса и удивленія, какое возбуждали тридцать лѣтъ назадъ; но, тѣмъ не менѣе, въ извѣстномъ кругу и въ ученomъ мѣрѣ, Томасъ Муръ будетъ жить такъ же долго, какъ и самый англійскій языкъ.

Муръ родился 28 мая 1780 г., въ Дублинѣ, гдѣ отецъ его, жаркій римскій католикъ, торговалъ пряностями и духами. Говорятъ, что въ дѣтствѣ Муръ былъ замѣчательнъ по красотѣ; но молодость и зрѣлый возрастъ не сдержали обѣщаній дѣтства. Онъ былъ малъ ростомъ; имѣлъ лице выразительное, но не красивое, которое однакожь загаралось какимъ-то особеннымъ блескомъ, когда онъ принималъ участіе въ одушевленной бесѣдѣ, или пѣлъ свои баллады. Образование свое получилъ онъ въ Дублинѣ, и съ раннихъ лѣтъ приобрѣлъ нѣкоторую извѣстность на публичныхъ театрахъ. Будучи воспитанникомъ въ коллегіи св. Троицы, онъ не могъ получить здѣсь никакой степени, потому что былъ католикъ; но онъ и здѣсь выказалъ свой талантъ, и одна его пьеса «*Путешествіе Анахарсиса*,» написанная англійскими стихами, которую онъ представилъ на экзаменъ вмѣсто обыкновеннаго латинскаго сочиненія, доставила ему особенную награду. Когда вспыхнуло послѣднее возмущеніе Ирландцевъ, въ 1798 г., будущій поэтъ естественно принялъ сторону Эмметовъ и О'Конноровъ; но его политическія сочиненія въ прозѣ и въ стихахъ, довольно дерзкія, какъ замѣтила ему его сестра, не вызвали однакожь со стороны правительства никакого неудовольствія противъ молодаго и пылкаго поборника ирландской независимости. Впрочемъ не одна политика вдохновляла его музу: бывши четырнадцати лѣтъ, онъ напечаталъ свои стихотворенія въ одномъ изъ дублинскихъ журналовъ, и вскорѣ за тѣмъ написалъ еще нѣсколько пьесъ полу-поэтическихъ, полу-забавныхъ.

Въ двадцать лѣтъ, отказавшись навсегда отъ республиканскихъ мнѣній, Муръ отправился въ Лондонъ для изученія права, а вмѣстѣ

и для того, чтобы издать тамъ въ свѣтъ свой переводъ, или лучше, свою передѣлку Анакреона. Легко понять, что онъ съ большимъ усердіемъ изучалъ греческихъ писателей, чѣмъ правовѣденіе, и позволеніе, полученное имъ по ходатайству лорда Моира, — посвятить свой трудъ принцу регенту, открыло ему доступъ въ высшій кругъ общества. Парафразъ Анакреона имѣлъ самый блестящій успѣхъ, и въ слѣдъ за тѣмъ, въ 1804 г., явились *Поэмы и пѣсни Томаса Литтля*.

Регентъ очень любилъ поэзію и покровительствовалъ поэтамъ. Муръ, получивши должность страпчаго при адмиралтействѣ Бермудскихъ острововъ, отправился къ мѣсту своего назначенія, поручилъ тамъ дѣла своему повѣренному, — а самъ посѣтилъ Соединенные Штаты, и потомъ возвратился въ Англію. Тогда издалъ онъ въ свѣтъ свои *Путевыя очерки* и *Очерки за-Атлантическаго общества*, написанные стихами въ героическомъ родѣ, сатиру рѣзкую, но не очень смысловую съ политической точки зрѣнія. Спустя нѣсколько времени, слишкомъ жесткая статья, помѣщенная въ *Revue d'Edimbourg*, по поводу новаго изданія *Писенъ Томаса Литтля*, была причиною знаменитой дуэли между Томасомъ Муромъ и Жеффеомъ, въ Гемпшидѣ, — дуэли, въ которой знаменитый шотландскій критикъ, впоследствии лордъ Жеффеи, выказалъ рѣдкое хладнокровіе, по свидѣтельству лорда Байрона. Дѣло однакожъ уладилось, благодаря вмѣшательству Рожерса, и у него-то вскорѣ послѣ этого Муръ познакомился съ Байрономъ и Кампбеллемъ. Пѣтъ нужды припоминать читателямъ о тѣсной дружбѣ, связывавшей впоследствии Мура съ Байрономъ. Около этой-то эпохи Муръ женился на миссъ Дайкъ, женщину съ глубокимъ чувствомъ и характеромъ, и столько же прекрасной, сколько любезной. Муръ имѣлъ горестъ пережить всѣхъ дѣтей, родившихся отъ этого брака.

Потомъ Муръ напечаталъ кой-какія политическія сатиры; но онѣ не имѣли большаго успѣха. Сатира *two Penny Post Bag* (Письменный ящикъ легкой почты), имѣла напротивъ необыкновенный успѣхъ, и до сихъ поръ остается очень популярною. Эта сатира проникнута безумной веселостію. Пародія *Синій Чулокъ*, которую вскорѣ послѣ того Муръ ставилъ на сценѣ Лицейскаго театра, была освящена.

За тѣмъ слѣдовали *Ирландскія Мелодіи*, едвали не самое общезвѣстное изъ всѣхъ произведеній Мура. Въ 1812 г. онъ задумалъ написать поэму, предметъ для которой хотѣлъ заимствовать изъ быта Индійцевъ. Мистеръ Перрей, издатель *Morning Chronicle*, препроводилъ Мура къ гг. Лонгманъ, которые обязались заплатить за рукопись

3,000 гиней (19,687 р. 50 к. сер.); но Муръ не написалъ ни одного стиха для этой поэмы. Онъ удалился тогда въ Майфильдъ, почти совершенно пустынное мѣстечко въ графствѣ Дерби, откуда, послѣ трехлѣтняго уединенія и трудовъ, снова явился въ свѣтъ, и издалъ *Lalla Rookh*. Успѣхъ этой поэмы былъ необыкновенный, и авторъ достигъ черезъ нея апогея своей славы.

Послѣ путешествія по материкамъ, Муръ написалъ свой, остроумный и популярный, сатирический романъ въ стихахъ, *Fudge Family*. Въ слѣдующемъ году, онъ встрѣтилъ въ Италіи лорда Байрона, и тогда-то авторъ Чайльдъ-Гарольда поручилъ ему издать въ свѣтъ свои *Записки*. Муръ продалъ ихъ книгопродавцу Мурраю за 2,000 гиней (13,125 р. сер.); но тутъ открылись кой-какія неудобства; Муръ возвратилъ гиней, взявъ рукопись назадъ и уничтожилъ ее. Финансовое разстройство, зависѣвшее больше всего отъ плутовства бермудскаго повѣреннаго, заставило Мура убѣжать на нѣсколько лѣтъ въ Парижъ. Онъ съ восторгомъ принятъ былъ тамошнимъ обществомъ, которое впрочемъ и самъ очень любилъ, и въ Парижѣ написалъ свою поэму *Любовь Ангеловъ*, о которой и теперь еще говорятъ иногда, но которая читается вообще очень мало.

Въ 1825 г. Муръ провелъ нѣсколько времени у Вальтера-Скотта, въ Абботсфордѣ. Въ одинъ вечеръ они оба вмѣстѣ пришли въ Единбургскій театръ. Ихъ приходъ почти не былъ замѣченъ; вниманіе публики было исключительно поглощено присутствіемъ герцогини Сеяль-Альбанъ, знаменитой актрисы миссъ Меллонъ; но когда публика узнала ихъ, то сдѣлала имъ самый лестный пріемъ, который въ Томасъ Муръ оставилъ такіа глубокія воспоминанія, что онъ съ удовольствіемъ говорить объ этомъ въ предисловіи къ одному изъ своихъ сочиненій.

Около этого времени Муръ снова поселился, благодаря своему старинному и благородному другу, маркизу Лансдоуну, въ Слупертонѣ, гдѣ и провелъ остатокъ дней своихъ, и гдѣ испустилъ послѣдній вздохъ. Здѣсь онъ началъ заниматься біографическими трудами, и однѣ за другими написалъ *Записки* лорда Эдуарда Фитцгеральда, лорда Байрона и Шеридана. Передъ тѣмъ издалъ онъ свой первый трудъ въ прозѣ, *Капитанъ Рокъ*, грустную и проникнутую живымъ сочувствіемъ картину управленія Ирландіи Англією; она ярко выказываетъ ту горячность, которою увлекаются всѣ Ирландцы, даже самые умѣренные, когда говорятъ о своей странѣ. Потомъ онъ издалъ *Путешествія Ирландскаго джентльмена, ищущаго религіи*, — произведеніе, въ которомъ хочетъ доказать, что ученіе и

обряды католической церкви восходятъ къ первымъ временамъ христіанства. Последнее прозаическое твореніе Томаса Мура, которое преимущественно пользовалось вниманіемъ публики,—это Эпикуреецъ. По всей вѣроятности однакожь слава этого творенія не удержится въ потомствѣ.

Миръ поэту! Его жизнь была долга, пріятна, счастлива. Его поэтическій гений происекалъ не изъ слишкомъ глубокаго вдохновенія и держался не на очень твердыхъ убвжденіяхъ; онъ написалъ нѣсколько книгъ даже во вредъ Ирландіи, и за это получилъ мѣсто въ Англии. Всюду привѣтны и ласкаемы свѣтомъ, онъ особенно чувствовалъ себя въ своей сферѣ, когда находился въ высшемъ аристократическомъ обществѣ виговъ. Главной чертой его характера было желаніе забавлять и располагать другихъ къ шуткамъ и веселости.

Счастливы почти во 'всѣхъ своихъ литературныхъ предпріятіяхъ, онъ считался однимъ изъ самыхъ остроумныхъ собесѣдниковъ, такъ же какъ однимъ изъ великихъ поэтовъ; былъ знаменитъ какъ пѣвецъ и какъ авторъ своихъ балладъ. Вообще не многимъ удается прожить свой вѣкъ такъ, какъ прожилъ Томасъ Муръ, т. е. чтобы жизнь ихъ совершенно гармонировала съ ихъ желаніями и наклонностями.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

ТРИ НЕДЕЛИ ВЪ ОДЕССѢ, ЛѢТОМЪ 1851 ГОДА.

Яже видѣлъ очима моима грѣшныма, тако и написахъ.

Въездъ въ Одессу.—Баня.—Купанья.—Лѣтній костюмъ.—Улицы, дома и мостовыя.—Постройка домовъ.—Лучшія мѣста въ городѣ.—Бульварь, набережная и гавани.—Таможни и порто-франко.—Карантинъ и чума.—Примѣчательнѣйшія зданія.—Церкви и кладбище.—Синагоги и евреи.—Вышняя жизнь Одессы.—Греческое.—Кофейня Стефана.—Торговое движеніе на улицахъ.—Торговля.—Объѣдъ.—Окрестности.—Молдаванка.—Большой фонтанъ.—Монастырь и маякъ.—Вода.—Лустдорфъ.—Лиманы.—Ботаническій садъ.—Хуторъ гр. Ланжеронъ.—Лучшее время года.—Театръ.—Жизненные вопросы.—Общество.

Въ іюль прошлаго 1851 года, часу въ восьмомъ вечера, подъѣзжалъ я къ Одессѣ. У насъ на сѣверѣ такъ много говорятъ и толкуютъ о ней, что я съ особеннымъ любопытствомъ спѣшилъ увидѣть «столицу Новороссійскаго края», какъ хвастливо называетъ себя подчасъ юный городъ, конечно, впрочемъ одинъ изъ значительнѣйшихъ въ нашей имперіи. Давно уже слышалъ я, что множество иностранцевъ разныхъ націй, живущихъ въ Одессѣ, сообщаютъ и населенію ея особый характеръ въ образѣ жизни и въ нравахъ, слышалъ, что городъ внѣшнимъ видомъ не похожъ на другіе русскіе города. Это удвоивало мое любопытство, и я утѣшался, что, въ ожиданіи парохода, на которомъ долженъ былъ отправиться изъ одесскаго порта къ обитованнымъ мѣстамъ, я проживу въ Одессѣ около мѣсяца, и стало быть успѣю съ нею ознакомиться.

Вечеръло. Солнце склонялось къ западу. Мы вѣхали пересыпью, т. е. песчанымъ перешейкомъ между моремъ и двумя лиманами, которые были у меня вправѣ. Эти лиманы, своего рода соленистыя озера, какъ думаютъ, были некогда продолговатыми морскими заливами, въ которыя и теперь еще, кажется, текутъ какія-то рѣчки. Пересохшее дно отдѣляетъ лиманы отъ моря, и въ народѣ очень вѣрно названо пересыпью. Въ самомъ дѣлѣ, лиманы какъ бы пересыпаны отъ моря песчаной полосой. Влѣвъ отъ меня былъ морской заливъ, виднѣлись гавани съ кораблями и городъ на длинномъ прибрежномъ возвышеніи. Все это, даже море, виднѣлось только, а не было видно, потому что все, и заливъ, и гавани, и городъ, было покрыто густымъ туманомъ. Этотъ туманъ не былъ однако похожъ на обыкновенный: въ немъ не было ничего влажнаго, да и сѣрый цвѣтъ его совсѣмъ не соответствовалъ синеватому цвѣту настоящаго тумана.

— Что это, туманъ что ли? — спросилъ я у ямщика. «Пыль», сухо отвѣчалъ онъ мнѣ, и прикрикнулъ на лошадей: «ну, вы, варвары, разбойники!» Это недружелюбное обращеніе къ четверкѣ, усердно тащившей мою коляску по шоссе, изрытому ямами и ухабами, показалось мнѣ довольно оригинально. Съ перваго раза замѣтилъ я, что здѣсь многое не похоже на вашъ, велико-русскій бытъ. — Самъ ты откуда? — «Изъ Акермана», отвѣчалъ ямщикъ такъ же сухо. Акерманъ уездный городъ Бессарабской области, которая только въ 1812 году присоединена къ Россіи, и населена молдаванами, цыганами и жидами; а ямщикъ мой свиду былъ чистый русской. — Какъ же ты попалъ сюда? — «Отецъ и мать изъ Расей, а я ужъ здѣшній». Я понялъ, что онъ былъ изъ семейства, какихъ много, лѣтъ за тридцать предъ этимъ, переселилось изъ Великой Россіи въ этотъ край и приписалось къ разнымъ городскимъ мѣщанскимъ обществамъ. Подобныхъ переселенцевъ встрѣчаешь здѣсь на каждомъ шагу, но, конечно, отъ этого переселенія, мой мужикъ утратилъ велико-русскую словоохотливость и веселость. Между тѣмъ я вхалъ въ непроницаемой пыльной тучѣ: пыль облегла густымъ слоемъ весь экипажъ, чемоданы, ящичка, всего меня, и врывалась внутрь коляски, такъ что тяжело было дышать. Прибавьте къ этому безпрестанные толчки отъ выбоевъ и опасенія, что ежеминутно переломится ось или лопнетъ рессора, и вы поймете мое положеніе.

Желая однако видѣть окрестности Одессы, я не опускалъ шторъ и продолжалъ глядѣть въ обѣ стороны. Дорога, огороженная перилами, шла плантаціей. Эту плантацію разсадилъ бывшій градоначальникъ Одессы, А. И. Левшинъ. Деревья, не смотря на песчаную почву и на удушливую жару и пыль, поднялись довольно высоко. Теперь, бѣдные, они поблекли и похожи были на кулисные деревья между театральнымъ хламомъ. Эта плантація, какъ послѣ узналъ я, избавила Одессу отъ большой бѣды: до нея, съ пересыпи и черезъ заливъ, съверо-западный вѣтеръ наносилъ на городъ цѣлыя облака песку. Минуть черезъ сорокъ медленной тѣды, подѣхали мы къ таможенѣ. Она называется Херсонской. Черезъ нея вѣдутъ изъ великой Россіи, изъ Харькова и Москвы, изъ Кіева и Петербурга. Это довольно красивое зданіе, съ перваго взгляда обличающее свое назначеніе. Мы въѣзжали въ городъ, а потому насъ не осматривали. За таможеней находится предмѣстье Пересыпь, названное такъ по мѣстности. Оно не велико, бѣдно и неопрятно, хотъ и есть въ немъ нѣсколько двухэтажныхъ домовъ.

Провѣхавъ Пересыпь, взобрался я на гору и въѣхалъ въ самый городъ. Тутъ вниманіе мое обратили на себя громадныя, четырех-этажныя

магазины для пшеницы. Много их разсыяно по всему городу, но таких исполнинскихъ, какъ эти, встречалъ я потомъ не много. Не зная одесскихъ гостиницъ, я приказалъ ямщику везти меня въ лучшую, какую онъ знаетъ. Онъ повезъ меня въ «Новороссійскую». Это огромное, трех-этажное зданіе съ подваломъ. Въ верхнемъ этажѣ отвели мнѣ двѣ сносненькія комнаты съ свѣями для слуги, и взяли по 2 р. с. въ сутки, увѣряя, что это еще очень дешево и что всѣ другіе номера заняты. Нечего было дѣлать, я остался здѣсь, заранѣе наслышавшись объ одесской дороговизнѣ. Еще сундуки и чемоданы мои не были внесены въ комнату, какъ съ предложеніемъ услугъ всякаго рода явился ко мнѣ жидъ-факторъ, существо совершенно мѣстное, одесское. Это нѣчто въ родѣ прислужника и комиссіонера вмѣстѣ. Подобные фактора есть здѣсь въ каждой гостиницѣ. Мой, по знанію мѣстности и всѣхъ обстоятельствъ одесской жизни, оказался мнѣ очень полезенъ. Но въ эту минуту внесли свѣчи, я взглянулъ на себя въ зеркало и ужаснулся: на лицѣ моемъ не было образа человѣческаго. Оно покрылось пылаю и почернѣло до того, что я самъ не узнавалъ себя. Разумвется, первое, что пришло мнѣ въ голову послѣ этого, была благотворная русская баня. Но факторъ тутъ же слеталъ за извозникомъ и повезъ меня въ турецкую, которая носитъ названіе Константинопольской. Она возбудила мое любопытство, и я остался доволенъ этимъ неожиданнымъ открытіемъ, тѣмъ болѣе, что главное дѣло было обмыться, а гдѣ и какъ,—все равно. Минуту черезъ десять я былъ уже въ банѣ. Тутъ, въ передбанникѣ—большой, грязный диванъ, на которомъ раздѣваются. Внутренность бани каменная. Она устроена устьченнымъ конусомъ; сверху продвѣнаны окошечки. Полъ въ одномъ углу покатый для стока нечистой воды. Пологи у всѣхъ стѣнъ, очень низкіе, изъ мрамора. Воду холодную и теплую пускаютъ изъ крановъ. Пролежавъ, или, лучше сказать, провалившись съ четверть часа, на пологѣ, который, впрочемъ, не былъ всадъ одинаково тепелъ, я все-таки не могъ вспотѣть, какъ бы желалъ. Тутъ явился грекъ-банщикъ съ предложеніемъ «растереть и размять» меня. Чтобъ узнать, въ чемъ дѣло, я согласился. Онъ сталъ тереть мнѣ пальцами грудь и ребра, — я молчалъ; потомъ, сложивъ руки мои на крестъ, началъ придавливать ихъ, такъ что они захрустѣли; тоже дѣлалъ онъ и съ другими составами, — я перенесъ и эту операцію. Но когда грекъ перевернулъ меня на животъ и принялся ципать косточки позвоночнаго хребта, это ужъ мнѣ не понравилось, и я приказалъ скорѣе мыть себя. Онъ вытеръ всего меня мокрой суконкой, вымылъ голову и провелъ по всему тѣлу мягкой разобранной мочалкой изъ варенаго финиковаго корня, которая развѣ

дена была въ теплой мыльной пѣнѣ. Это произвело въ моихъ костяхъ, «размятыхъ и растертыхъ», самое пріятное ощущеніе. Наконецъ онъ обдалъ меня раза два водою—на нее скупаются здѣсь, какъ видно,—и дѣло кончилось. Одеваясь, я узналъ, что въ Одессѣ, кромѣ подобныхъ турецкихъ, есть еще нѣсколько русскихъ бань. Не мѣшаетъ прибавить ко всему этому, что за баню взяли съ меня рубль серебромъ. Здѣсь счетъ на ассигнаціи, кажется, давнымъ давно конченъ. Простой народъ иначе не говоритъ, какъ «10 к.», разумья подъ этимъ серебромъ.

На другой день я проснулся часовъ въ 7. Жара начиналась уже, и я не могъ спать. Въ это время слуга доложилъ мнѣ, что факторъ—еврей поджидаетъ меня. Онъ явился съ тѣмъ же предложеніемъ услугъ, какъ и вчера.

Между тѣмъ жара и духота въ воздухѣ усиливались, а потому я съ удовольствіемъ принялъ его предложеніе и повхалъ купаться. Въ послѣдствіи я дѣлалъ это каждый день, потому что утренняя ванна въ самомъ морѣ очень пріятна.

Купанья въ морѣ составляютъ важный предметъ лѣтней жизни въ Одессѣ. Безъ нихъ, я право не знаю, что стало бы съ бѣдными жителями, принужденными дышать удушливо-тяжелымъ воздухомъ, который самъ по себѣ, быть можетъ, и не былъ бы удушливъ и тяжелъ, хотя и переходитъ здѣсь въ иные дни лѣтомъ за $+30^{\circ}$ по реомюру въ тѣни, если бы не былъ растворенъ самою мелкою каменистаго свойства пылью. Объ этой жарѣ и пыли во всей остальной Россіи, кромѣ развѣ Севастополя, который видѣлъ я еще прежде, и понятія составить себѣ не могутъ. Потому-то, говоря объ Одессѣ, и твердишь о нихъ безпрестанно. Понятно, что, промучившись дневнымъ зноемъ, къ вечеру все спѣшить въ купальни. Оттого число купающихся по вечерамъ восходитъ въ нихъ иногда до нѣсколькихъ сотъ, и въ помещеніи бываетъ чрезвычайно-тѣсно. Для купанья пріѣзжаетъ на лѣто въ Одессу большое число помещичьихъ и вообще иногородныхъ семействъ изъ соседнихъ губерній. Съ непривычки странно и не совсѣмъ пріятно встрѣчать въ купальняхъ неопрятныхъ евреевъ вмѣстѣ съ людьми, по крайней мѣрѣ, порядочно одѣтыми. Но въ Одессѣ евреи пользуются особымъ почетомъ. Вообще же простой народъ купается въ другихъ мѣстахъ, часто на открытомъ воздухѣ. По утрамъ купаются немногіе, по большей части больные, а въ предобѣденное время—еще меньше. Часовъ до 10 утра, купанье въ Одессѣ пріятно до поэтическаго восторга. Тогда вода не успѣла еще согрѣться до приторности, и видъ на море и гавани ясенъ и дышетъ свѣжестью. Вечеру этотъ видъ, воздухъ

и самый сводъ небесный поглощены необъятнымъ, густымъ облакомъ пыли, занесшейся съ города. Купальни устроены по набережной, подъ бульваромъ. Это очень красивыя деревянныя зданія, раздѣленныя на двѣ половины, мужскую и женскую. Они устроены со всеми удобствами, и купаться въ нихъ прекрасно.

Съѣздивъ купаться, и тутъ же кончивъ весь свой туалетъ, я отправлялся пить кофе; но лѣтній туалетъ одесскихъ жителей—зимняго я не знаю—стѣдить того, чтобы я остановилъ на немъ вниманіе читателя. Это туалетъ фантастическій, совершенно, впрочемъ, объясняемый условіями той же пыли и жары. Голову прикрываетъ или соломенная шляпа съ большими полями, или инаго рода мягкая шляпа съ вогнутымъ верхомъ на бекрень, или наконецъ соломенная фуражка съ кистью наверху,— все это у каждого по своему, все это привезено изъ-за границы, и каждый годъ, какъ сказывали мнѣ, мѣняется свой фасонъ. Шею повязываютъ легкимъ цветнымъ, батистовымъ или шелковымъ, галстучкомъ. Платокъ былъ бы уже обременителенъ. Жилетовъ, также какъ и помочей, очень многіе лѣтомъ вовсе не носятъ. Панталоны, цветистыя, полотняныя, обыкновенно очень широки. Спортукъ, не то *таинъ* изъ трико, прикрытъ зефирнымъ шелковымъ плащикомъ желтоватаго цвѣта съ капишономъ назади. Иные надеваютъ *таины* изъ подобной матеріи, и такимъ образомъ обходятся безъ всякаго другаго верхняго платья. Ботинки также полотняныя съ кожанымъ ободкомъ у подошвы. Необходимая принадлежность ко всему этому трость или тросточка. Много народу также съ эспаньолками и усами, — это иностранцы. Вотъ вамъ въ общихъ чертахъ лѣтній костюмъ одесскихъ жителей, измѣняющій, впрочемъ, тысячи особенностей. Я, какъ человекъ ни съ кѣмъ здѣсь незнакомый, преобразился въ него со всею охотою, на другой же день моего пребыванія здѣсь, и, щеголяя въ немъ, не разъ дивился самому себѣ.

Кофе пилъ я у Замбрини въ пале-ройяль, или въ другихъ кондитерскихъ, которыя, впрочемъ, всѣ хуже первой. Тутъ же читалъ я разныя иностранныя газеты, Journal d'Odessa, и, по середамъ и субботахъ—Одесскій Вѣстникъ; потомъ отправлялся осматривать городъ, магазины и, такъ называемыя, «достопримѣчательности».

Обѣдалъ я около двухъ часовъ, потомъ ѣздилъ за городъ, ввечеру успѣвалъ еще иногда купаться и пройтись по бульвару, а наконецъ бывалъ въ театрѣ. Въ первый же день моего пребыванія въ Одессѣ, досталъ я Новороссійскій календарь, издаваемый отъ здѣшняго лица. Этотъ календарь, впрочемъ, за какой-то старый годъ, и былъ моимъ путеводителемъ. Остальное дополнялъ я разспросами, свидѣніями, собранными за обздомъ въ гостинницахъ, а въ иныхъ

случаяхъ словами моего фактора. Но въ порядкѣ здѣшней жизни моей, постараюсь описать и ея впечатлѣнія.

Одесское градоначальство дѣлится на три части, на городъ собственно, предмѣстія и городскую землю. Городъ собственно не великъ. Едва ли будетъ онъ болѣе московскаго замоскворѣчья. Со стороны материка, онъ окруженъ бульварами, ровомъ, и, за нимъ, маленькимъ валомъ. Въ этомъ тѣсномъ пространствѣ, до 1829 года кажется, заключено было одесское порто-франко. Теперь оно обнимаетъ собою и предмѣстія. Двѣ бывшія по этой чертѣ таможи, маленькія зданія, обращены въ сѣзжіе дома.

Улицы въ городѣ и въ предмѣстіяхъ прямы въ струнку и шириною все малымъ чѣмъ уже Шевскаго Проспекта. Особенно пріятный видъ придаетъ имъ то, что почти каждый домъ имѣетъ свой особый, не рѣдко свой изящный, архитектурный характеръ, и еще то, что во многихъ мѣстахъ, вдоль ихъ, посажены акаціи и тополи, которые, впрочемъ, годъ отъ году болѣе и болѣе блекнутъ. Дома, по большей части въ два, въ три и даже въ четыре этажа. Улицы, которыя ближе къ предмѣстіямъ, не мощены. На остальныхъ шоссе, по способу Макъ-Адама. Шоссе это состоитъ изъ мелкаго известняка, добываемаго въ окрестностяхъ самой Одессы и дробимаго на мелкіе куски. Плотнѣйшій сортъ этого известняка, какъ сказывали мнѣ, дороже. Онъ идетъ на постройку домовъ; обыкновенный—на мостовыя, но для этого онъ слишкомъ мягокъ. Мелкіе куски этого камня легко растираются подъ колесами и превращаются въ пыль, которая и составляетъ настоящую атмосферу Одессы. Удивляюсь, какъ здѣсь не встрѣтилъ я ни одного большаго глаза: значить одесская пыль безвредна въ этомъ отношеніи. Мягкость известняковаго щебня служитъ причиною, что въ Одессѣ, какъ сказывали мнѣ, перемашиваютъ каждый годъ то ту, то другую улицу. Въ самомъ дѣлѣ, съ перваго дня вниманіе мое поразили огромныя кучи щебню, назаваленныя въ два ряда, по обѣимъ сторонамъ улицы, а въ иныхъ мѣстахъ и на троттуарахъ, и приготовленныя для мостовой. Это съ непривычки бросается въ глаза. Вообще ничего нѣтъ оригинальнѣе одесскихъ улицъ. Въ нихъ есть множество, какъ говорится, пустопорожняго мѣста. Такovy, напримѣръ, пространства: одно между троттуарами и домами; а другое—между троттуарами и мостовой. На этомъ послѣднемъ, впрочемъ, по обѣимъ бокамъ улицъ, идутъ широкіе, открытые ры для стока грязи, которая здѣсь, какъ говорили мнѣ, бываетъ по временамъ чрезвычайно обильна, хотя, по причинѣ шоссе, не вязка.

Замѣчу еще одно обстоятельство, касательно одесскихъ улицъ. Въ самыхъ названіяхъ многихъ изъ нихъ видны слѣды разнаціональнаго заселенія города. Здѣсь есть улицы: Польская, Еврейская, Арнаутская, Греческая, Итальянская,—малолюдная, но одна изъ самыхъ красивыхъ. Есть еще въ самомъ городѣ двѣ нѣмецкія колоніи, населенныя по большей части нѣмцами-ремесленниками, но оффиціально носящія другое названіе. Молдаванка тоже напоминаетъ Молдавію.

Дома въ Одессѣ все безъ исключенія каменные, по весьма простой причинѣ: дѣсовъ въ Херсонской губерціи нѣтъ, а дрова, которые здѣсь довольно дороги, привозятъ изъ Бессарабіи, Крыма и даже изъ Малой Азіи. Дома эти, какъ упомянулъ я выше, построены изъ известняка, который имѣетъ два вида, мягкій и плотный. Мягкій рѣжется пилою, какъ дерево, и изъ него вырѣзываются для построекъ правильные четырехгранники. Въ немъ болѣе раковинъ, нежели въ первомъ, что показываетъ его позднѣйшее, въ сравненіи съ этимъ послѣднимъ, морское происхожденіе. Онъ отличается нѣкотораго рода скважинчатостію, что когда-то подало поводъ остроумному барону Брамбеусу замѣтить, что онъ, сидя въ одесскомъ карантинѣ, видѣлъ изъ одной комнаты, черезъ стѣну, что дѣлалось въ другой. Постройки изъ этого камня начинаются верстъ за полтора отъ Одессы по московской дорогѣ. Само собою разумѣется, постройки эти не могутъ быть теплы зимою. Плотный известнякъ не колется, а при постройкахъ складывается кусками и скрѣпляется известью. Онъ болѣе сохраняетъ теплоту, и изъ него, въ последнее время, почти исключительно начали строить дома.

Лучшая часть города заключена между Преображенской и Херсонской улицами. Эта часть всей сѣверо-восточной стороною прилегаетъ къ морскому обрыву, гдѣ съ сѣвера бульваръ, а къ востоку портовая таможня и карантинъ. Изъ этой части лучшія мѣста примыкаютъ къ бульвару и театру. Мѣста эти суть: самый бульваръ, называемый приморскимъ, театральная площадь, небольшая, но очень красивая,—особую щеголеватость придаетъ ей колоннада театральнаго портика,—далье, пале-ройаль, или четырехугольная галерея для магазиновъ съ асфальтовымъ троттуаромъ и съ садикомъ, или, говоря вѣрнѣе, съ «опыткомъ садика» въ серединѣ. За нѣсколько лѣтъ назадъ, какъ говорили мнѣ, полковая музыка привлекала въ это мѣсто многочисленныхъ посѣтителей. Наконецъ де-Рибасовская улица, названная такъ по имени перваго строителя Одессы, адмирала де-Рибаса, напоминаетъ, хоть и слабо, миланскій *corso di porta orientale*. Приморскій бульваръ въ Одессѣ есть, конечно, одинъ изъ лучшихъ въ Россіи. Онъ расположенъ на закраинѣ прибрежнаго обрыва, который

склоняется къ набережной и морскому заливу, не великъ, длиною въ полверсты, и очень не широкъ. Тылъ его образуетъ величественная линия двухъ и трехъ-этажныхъ домовъ. Всѣ они стройны и прекрасны. Съ одного бока эта линия замыкается домомъ князя М. С. Воронцова, построеннымъ въ саду, а съ другаго биржею—плотнымъ зданіемъ, но которое своей двойной колоннадой составляетъ основу прекрасной перспективы съ бульвара. Съ четвертой, какъ-бы лицевой стороны бульвара, представляется далекій и прекрасный видъ: на лѣво—Пересыпь, прямо, вдали—противоположный берегъ залива, у ногъ, передъ глазами—рейдъ съ кораблями и пароходами, вправо—открытое море. По срединѣ бульвара стоитъ статуя герцога Ришелье въ римской тогѣ. Тутъ же—двѣ кондитерскія лавки, существующія, впрочемъ, только лѣтомъ. Le beau monde гуляетъ на бульварѣ передъ обѣдомъ. Остальная публика толпами посѣщаетъ его по вечерамъ только въ тѣ дни, когда играетъ на немъ полковая музыка. Тогда особенно пріятно видѣть множество столиковъ, которые разставлены возлѣ кондитерскихъ и за которыми посѣтителы сидятъ группами, пьютъ чай, пуншъ, ѣдятъ мороженое и ведутъ бесѣду. Это напоминаетъ загородныя гулянья за границей. Разница только въ растительности, которая здѣсь слаба и безжизненна, да въ духотѣ воздуха, и въ этой, подумаетъ, баснословной пыли, которая не минуетъ и бульвара, не смотря на то, что улицу между нимъ и рядомъ домовъ каждый день поливаютъ. Въ числѣ костюмовъ я не встрѣтилъ, вопреки своему ожиданію, ни одного восточнаго. Зато южныя фюзіоміи мужчинъ и женщинъ, между которыми, впрочемъ, не видѣлъ я ни одной настоящей красавицы, попадаются на каждомъ шагѣ. Мнѣ гулянье на бульварѣ понравилось всего болѣе въ лунныя ночи, которыя здѣсь восхитительно-прекрасны. Пыль спала, лазуревый сводъ неба ясенъ, какъ Божія риза....

.... Вся блистая,
 Знаменуя вешній пиръ,
 Чаша неба голубая
 Опрокинута на мѣръ....

Луна во всемъ блескѣ бросаетъ полосу золотистаго цвѣта на волны, море шумитъ, душѣ легко, и гений доверчивой мечты судитъ отраду жизни....

Съ бульвара къ набережной ведетъ, можно сказать, исполинская лѣстница, устланная плотнымъ, кремнистымъ камнемъ. Къ сожалѣнію, она еще не отдѣлана. Эта лѣстница имѣетъ колоссальную величину и едва ли во всей Европѣ есть другая, ей, въ этомъ отношеніи,

равная. Внизу, вправо и влево от нея, вдоль по скату возвышенія, на которомъ находится бульваръ и весь городъ, сооружаютъ теперь террасы, подпираемыя, въ нѣсколько уступовъ, стѣнами. Мнѣ сказывали, что эти террасы, какъ и самая лѣстница, должны служить подпорой для бульвара и предохранять его отъ обвала. Подъ лѣстницей, у самаго берега, будетъ построена часовня въ память Всѣхъ Святыхъ русскихъ. Это какъ-то радуеть русское сердце.

Набережная, расположенная подъ бульваромъ, ведетъ отъ подножія его лѣстницы къ двумъ гаванямъ. Одна изъ нихъ,—сойдя съ бульвара вправо къ карантину и портовой таможнѣ,—называется купеческою, или карантинною. Она служитъ для иностранной торговли и константинопольскихъ пароходовъ. Возлѣ нея есть еще небольшая пристань. Она называется Платоновскою, и устроена для лодокъ, съ которыхъ пшеница и другіе товары перегружаются на суда, находящіяся въ карантинномъ положеніи. Другая гавань, — сойдя съ бульвара по лѣстницѣ влево,— военная или практическая, т. е. не-карантинная, назначена для каботажной торговли и внутреннего пароходства. Теперь она идетъ отъ берега двумя разными вѣтвями, которыя, поворачивая одна къ другой, смыкаются и оставляютъ только проходъ для судовъ. Отъ этого они безопасно могутъ стоять въ ней. Вообще одесскій портъ не совсѣмъ благоприятенъ для судоходства, потому что открытъ для всѣхъ вѣтровъ, кромѣ сѣверо-западнаго. Отъ него суда заслонены довольно высокимъ берегомъ, на которомъ построенъ городъ. Вотъ почему прочныя гавани необходимы для Одессы, и заботливое правительство предусмотрѣло и предупредило это. Тѣмъ не менѣе нѣкоторые суда, особенно иностранныя, приходящія изъ Константинополя, выжидая трехдневнаго обсервационнаго срока для входа въ карантинную гавань, принуждены оставаться въ открытомъ рейдѣ. Для нихъ-то особенно опасны равноденственныя бури. Не рѣдко случается, что въ мартъ и сентябрь волны выбрасываютъ на берегъ даже большія, трехмачтовые суда. Напрасно «спасительный баркасъ» спѣшитъ подвезти имъ во время бури снасти, веревки и якоря, и спасти людей. Ничто не помогаетъ: корабли гибнутъ. Въ обѣихъ гаваняхъ бываетъ обыкновенно довольно много судовъ и пароходовъ, но на этихъ гаваняхъ какъ-то мало движенія и оживленности. На нихъ, какъ и на набережной, все пустынно и мертво. Сама набережная не чиста, завалена камнями и соромъ, а это сообщаетъ ей видъ пустаго мѣста, покрытаго развалинами. Пыль на ней, еще болѣе, нежели гдѣ-либо здѣсь, престрашная. Нѣтъ сомнѣнія однако, что и она со временемъ устроится. Теперь городъ еще слишкомъ молодъ, и многое въ немъ по неволѣ носитъ слѣды недавняго происхожденія.

Внизу же, около карантинной гавани, находится здание портовой таможни для товаровъ, привозимыхъ изъ-за границы и отправляемыхъ туда. Прежде съ привозимыхъ товаровъ взималась одна пятая часть, теперь взимается съ нихъ двѣ или три пятыхъ — не помню, — той пошлины, которую Петербургъ, Рига и другіе порты платять вполнѣ. Въ этомъ-то и состоитъ значеніе Одессы, какъ порто-франко. Существуетъ также сборъ съ пшеницы и другихъ товаровъ, вывозимыхъ въ чужіе края. Этотъ сборъ поступаетъ въ пользу города и составляетъ главный его доходъ. Въ иные года, какъ въ 1847, онъ простирается до высокой шфыры. Зданіе портовой таможни прекрасно. Это большой, двух-этажный домъ, въ которомъ помѣщается и пароходная экспедиція. Отъ этой таможни, какъ отъ центра, идутъ рогатки. По чертѣ ихъ караулами разставлена таможенная стража. Онѣ оглабають всю черту одесскаго порто-франко и препятствуютъ контрабандному провозу заграничныхъ товаровъ въ имперію. Съ нею Одесса сообщается чрезъ двѣ сухопутныя таможни — Херсонскую, чрезъ которую я въѣхалъ изъ Курска, и Тираспольскую, ведущую въ Бессарабію, въ Молдавію, Валахію и Австрію. Кромѣ этихъ сухопутныхъ таможенъ, есть еще три таможенныя заставы, одна у практической гавани, и двѣ другія, ведущія въ ближайшія окрестности. Заставы эти имѣють самыя ограниченныя, въ таможенномъ отношеніи, права.

За таможей, саженяхъ во ста, находится одесскій карантинъ. Онъ помѣщается въ разныхъ домахъ, расположенныхъ въ нѣсколькихъ дворикахъ. Дорога въ карантинъ, какъ и въ таможню, идетъ по продолженію набережной, подъ горою. Пробѣхавъ первые ворота, ѣдешь далѣе мимо длинныхъ, одно-этажныхъ товарныхъ магазиновъ. За вторыми воротами, на лѣво у самаго берега, находится парлаторія, а на право — зданіе для карантиннаго правленія и жилья помѣщенія Парлаторія очень понравилась мнѣ и заинтересовала. Это галерея, отдѣляющаяся отъ моря двойнымъ рядомъ рѣшетокъ, къ которымъ пристають на лодкахъ; изнутри къ ней прилегаеть небольшой, но прекрасный садикъ. Парлаторія служитъ мѣстомъ свиданія для людей простаго класса. Здѣсь шкипера и матросы иностранныхъ кораблей и наши гвардіоны, находящіеся за карантинной линіей, въ купеческой гавани, видятся со своими семействами, родными и знакомыми изъ города. За третьими воротами, куда пускають уже по билетамъ, налѣво, — дорога въ гавань, гдѣ своя ресторація и всѣ удобства, но куда проникнуть нельзя; далѣе опять товарный кварталъ — кажется для товаровъ, неочищенныхъ по карантиннымъ правиламъ, — а направо дорога на гору, въ пассажирскій и чумный кварталъ.

Пассажирскій кварталъ раздвѣляется на номера. Это длинное, одноэтажное зданіе, передъ которымъ находится аллея изъ акацій и большой дворъ. Со стороны двора сдѣлана стѣна съ рѣшетками, противъ оконъ самага квартала. Эти окна также съ рѣшетками. Тутъ-то городскіе жители говорятъ съ пассажирами, «выдерживающими карантинъ». Вещи же передаются и принимаются по карантиннымъ правиламъ черезъ служителей. За пассажирскимъ находится чумный кварталъ. Онъ обведенъ высокою, четырех-угольною стѣною, и недоступенъ для посещенія. Снаружи, изъ-за стѣнь, видно лишь нѣсколько крышъ. Чума въ Одессѣ свирѣпствовала въ 1812 году. Съ того времени она прорывалась черезъ одесскій карантинъ только два раза: въ 1828 году, когда пробралась она между ранеными въ турецкомъ походѣ солдатами нашими, и въ 1837 г., когда зачумленное, мертвое тѣло, привезенное на какомъ-то кораблѣ, не было признано опаснымъ, и схоронено по обыкновенному обряду, какъ свидѣтельствуеть объ этомъ г. докторъ Андреевскій въ своей книгѣ по этому предмету. Въ эти годины вся Одесса находилась въ карантинномъ положеніи. Нынѣ опасенія касательно вторженія чумы уменьшились, и карантинный срокъ, въ обыкновенное время, т. е. когда въ Константинополь нѣтъ чумы, сбавленъ съ 10 дней на четыре. При карантинѣ состоитъ и своя стража, имѣющая свой особый мундиръ.

Я уже упомянулъ, что въ Одессѣ есть множество прекрасныхъ, даже великолѣпныхъ частныхъ домовъ. Изъ общественныхъ и казенныхъ всѣхъ лучше и величественнѣе показались мнѣ городова больница, съ небольшою церковью при ней, и зданіе присутственныхъ мѣстъ—на бульварѣ. Оно какъ биржа, но отличается особымъ изяществомъ. Въ немъ помѣщается и здѣшняя публичная бібліотека. Къ сожалѣнію, я зашелъ въ нее слишкомъ рано, такъ что самого бібліотекаря еще не было. Казармы, въ которыхъ помѣщается квартирующій здѣсь полкъ и арестантская рота, окружаютъ въ разныхъ мѣстахъ почти весь городъ. Въ сооруженія ихъ еще замѣтна мысль укрѣпить Одессу отъ какого-нибудь непріятельскаго вторженія изъ степи, что совершенно будетъ понятно, если вспомнимъ, что Бессарабія присоединена къ Россіи отъ Турціи только въ славномъ 1812 году, по бухарестскому миру, и что дотогъ граница съ Портою была только отъ города въ 30 верстахъ. Теперь сооружаютъ домъ для сердобольныхъ сестеръ на одномъ изъ внѣшнихъ бульваровъ. Говорятъ,—и нельзя не повѣрить,—что онъ будетъ прекрасенъ въ своемъ родѣ. Наконецъ—зданіе искусственныхъ минеральныхъ водъ. Оно имѣетъ всѣ удобства для пьющихъ воды, и, между прочимъ, красивую крытую галерею.

Зданіе это помѣщается въ городскомъ или казенномъ саду, который чугунною рѣшеткою выходитъ на де-Рибасовскую улицу. По утрамъ, для развлеченія больныхъ, въ саду играетъ полковая музыка. Теперь тутъ происходятъ какія-то преобразованія: пилятъ деревья, проводятъ новыя дорожки, строятъ большую гостинницу. Русская ресторація уже есть въ этомъ саду. Прежде, какъ сказывали мнѣ, въ немъ бывали гулянья по вечерамъ и играла музыка.

Зданіе лица ветхо и похоже на какую-нибудь московскую фабрику. Оно построено на одной изъ лучшихъ улицъ, возлѣ палеройяля, и имѣетъ два этажа, но фасадъ его, среди котораго находятся ворота съ надписью, состоитъ изъ одноэтажнаго флигеля, крытаго, помнится, черепицей, и не имѣетъ оконъ на улицу; въ этомъ флигелѣ помѣщаются службы. Заботливое правительство приступаетъ теперь къ построенію новаго зданія для этого учебнаго заведенія, которое служить, конечно, средоточіемъ образованности въ Новороссійскомъ краѣ. Въ Одессѣ есть и два ученыхъ общества: Общество Сельскаго Хозяйства, и другое—Исторіи и Древностей. Последнее имѣетъ свой особый музей, помѣщаемый въ особомъ зданіи, возлѣ биржи. Въ музей этомъ, кромѣ камней съ надписями, найденныхъ въ разныхъ мѣстахъ Новороссійскаго края, есть много вазъ и разныхъ древностей, изъ Ольвіи, Пантикапей и Херсониса, равно какъ и разной запорожской старины. Залу музея украшаютъ портреты всѣхъ государей и сановниковъ, участвовавшихъ въ образованіи Новороссійскаго края, начиная съ царевны Софіи Алексеевны. Сторожъ, отставной унтеръ-офицеръ, мастерски показалъ и объяснилъ мнѣ почти все въ музеумѣ.

Церквей въ Одессѣ не много. Замѣчательнѣйшія изъ нихъ: соборная—огромный храмъ, который теперь перестраиваютъ; Срѣтенская, построенная въ Византійскомъ стилѣ, и Михайло-Архангельская, при дѣвичьемъ училищномъ монастырѣ этого же имени. Въ лицейской понравилось мнѣ особое благочестіе служенія и предстоящихъ. Изъ иновѣрческихъ церквей лютеранская щеголяетъ своей стрѣльчатой башней и стройнымъ видомъ. Реформатскую строятъ теперь недалеко отъ собора. Католическая и греческая церкви построены на Ришельевской улицѣ, которая въ Одессѣ вообще имѣетъ то же значеніе, какъ и Невской Проспектъ въ Петербургѣ. Я былъ и на городскомъ кладбищѣ. На немъ множество великолѣпныхъ мраморныхъ памятниковъ свидѣлствуютъ о богатствѣ города, а густыя деревья и аллеи изъ стройныхъ высокихъ тополей могли бы одѣвать его прекраснымъ гульбищемъ.

Между католической и греческой церквами, на Ришельевской же улицѣ, вскорѣ начнутъ строить огромное зданіе еврейской синагоги. Я былъ очевидцемъ ея закладки. Сѣченіе народа, особенно «потомковъ Израиля», было необыкновенное. Торжественность была самая полная: говорили рѣчи, пѣли гимны. Мѣстныхъ начальства присутствовали при торжествѣ. Вообще въ Одессѣ евреи играютъ не послѣднюю роль. Они раздѣляются здѣсь на три класса. Первый классъ составляетъ аристократія, т. е. нѣсколько богатѣйшихъ, купеческихъ семействъ, капиталистовъ и банкировъ. Мужчины изъ этого класса одѣты по-европейски, а женской полъ является иногда въ ложахъ перваго яруса въ театрѣ и на балахъ въ биржевой залѣ. Второй, средній классъ составляютъ хозяева лавокъ, домовладѣльцы, врачи, изъ которыхъ нѣкоторые пользуются здѣсь извѣстностію, конторщики въ купеческихъ домахъ и ученое сословіе здѣшнихъ еврейскихъ училищъ. Въ этомъ классѣ встрѣчаются уже по временамъ отступленія отъ европейскаго костюма въ пользу юдоизма. Таковы борода и длиннополый кафтанъ. Главное однакожъ—физиономія и особый выговоръ европейскихъ звуковъ: ихъ ни во что не перерядишь. Оба эти класса имѣютъ и свою синагогу. Я былъ въ ней, и нашель, что она довольно свѣтла и опрятна. Наконецъ третій классъ составляютъ простолюдины евреи — «скидки», какъ говорятъ здѣсь, фактора, мѣнялы, пересѣвальщики пшеницы, извозчики, портные и проч. Одеждой они также отличаются уже отъ польскихъ и малоросійскихъ жидковъ, особенно тѣмъ, что не носятъ ни ермолки, ни большой, вислouxой шапки, ни пейсиковъ. У женщинъ извѣстнаго, жемчужнаго головнаго убора также не встрѣчается. Этотъ классъ имѣетъ нѣсколько синагогъ. Главнѣйшая на Ришельевской, на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь строится новая. Я завернулъ въ нее. Своимъ мрачнымъ видомъ, глухимъ шумомъ и криками молящихся она приводитъ на мысль онемѣніе религіозной мысли въ древнемъ Востокѣ. У этой синагоги Ришельевскую улицу пересѣкаетъ Еврейская. Она не чиста и съ утра до ночи кѣшитъ іудинимъ племенемъ.

Отъ одесскихъ жидовъ самый естественный переходъ къ внѣшней жизни Одессы, потому что они попадаютъ здѣсь на каждомъ шагѣ. Жизнь эта сосредоточена въ трехъ мѣстахъ, на «Греческомъ» и на двухъ рынкахъ, Старомъ и Новомъ, называемыхъ здѣсь базарами. Старый огромень, и по немъ можно судить, какъ великъ городъ. Новый—меньше его. Оба они въ сторонѣ отъ лучшей части города. Описывать ихъ не зачѣмъ: они во всей Россіи одинаковы; особенность здѣшнихъ составляетъ множество жидовъ. «Греческое», или, по официальному выраженію, «Греческій форштатъ» есть часть

города, примыкающая къ театральной площади. Конѣцъ Ришельевской улицы, ведущей прямо къ театру и пале-ройялю, и пересѣкающая ее де-Рибасовская и Греческая улицы составляютъ ея средоточіе. Здѣсь бокалейныя и разныя другія лавки; здѣсь, по Ришельевской, лучшіе магазины; здѣсь мелочная торговля въ разносъ; здѣсь выставлены и продаются константинопольскіе, крымскіе и вообще лучшіе плоды, устерсы и другія диковины; здѣсь дѣятельность кипитъ, и народъ движется съ утра до ночи. Здѣсь и конторы маклеровъ, нотаріусовъ, и десятка два зеленыхъ столиковъ, за которыми сидятъ жидаы и жидовки и мѣняютъ монету. Все показываетъ, что въ этой части города деньги безпрестанно переходятъ изъ рукъ въ руки. Сюда и *le beau monde* заходитъ гулять передъ обѣдомъ; да и нельзя прелестному полу обойтись безъ *M-me Томазини*, которая, какъ говорятъ, зарабатываетъ въ Одессѣ баснословныя суммы ежегодно, особенно въ годъ, когда торговля идетъ хорошо,—безъ англійскаго базара, *Ваннера*, безъ магазиновъ *Петрокино*, *Штифеля*. Притомъ, тутъ же возмъ и пале-ройяль съ магазиномъ *Страцъ* и сладостями *Замбрини*. Словомъ, здѣсь собрано все, чтобы удовлетворить самую изысканную и своенравную прихоть. Нѣтъ предмета, или вещи, относящейся къ прямой пользѣ, удобствамъ и роскоши, которыхъ нельзя было бы получить въ этихъ магазинахъ. Причиной этому служатъ частыя торговыя сношенія съ Лондономъ, Парижемъ и особенно съ Вѣной. Прибавить можно, что на все это цѣны очень высоки и не ниже петербургскихъ, хоть въ Петербургѣ взимается полная пошлина. Вообще, эта часть города имѣетъ очень оживленную, веселую физиономію.

На «Греческомъ» и кофейня *Стефана*. Въ ней и подлѣ нея, на троттуарѣ, съ утра до ночи, толпятся промышленники, фактора, музыканты и артисты втораго разбора, кой-какіе чиновнички, иностранцы, живущіе «маленькими» процентами съ небольшого капитала и, разумется, ничего не дѣлающіе; здѣсь и официанты, предпочитающіе *il dolce farniente* постоянному занятію, и только ожидающіе бала или большаго обѣда, чтобы, получивъ за услуженіе при немъ плату, было чѣмъ прокормиться; тутъ и жидаы съ мелочною продажей. Въ кофейнѣ закурево страшно; играютъ въ карты на столѣнкахъ безъ сукна, и много мастеровъ на билліардѣ. У *Стефана*, впрочемъ, и лучшій кофе и лучшее мороженое во всемъ городѣ.

На приважаго «Греческое» оставляетъ самое пріятное впечатлѣніе. По крайней мѣрѣ такъ было со мною. Надобно прибавить, что въ городѣ есть нѣсколько возвышенныхъ мѣстъ, отдѣляемыхъ низменностями и оврагами, или по здѣшнему, *балками*. Тамъ, гдѣ овраги эти крутъ, черезъ нихъ устроены мосты. Греческое лежитъ на од-

ной из подобныхъ возвышенностей, такъ что съ него открывается прекрасный видъ на заливъ, на купеческую гавань, на карантинъ и на соседнія улицы.

Вообще на вѣнности Одессы, особенно лучшей ея части, той, которую означилъ я выше, лежитъ печать богатаго, промышленнаго города. Разумѣется, главныя торговыя операціи совершаются шопотомъ на биржѣ, по понедѣльникамъ и пятницамъ, до 2 часовъ, т. е. за часъ предъ отходомъ экстра-почты, и потомъ безмолвно въ конторахъ, гдѣ неумимые коми, стоя за попятрой, крѣпко работаютъ. Всего этого не увидишь, тѣмъ болѣе, что во многихъ конторахъ и окна задѣланы желѣзными рѣшетками. Движеніе одесской торговли можно скорѣе подмѣтить снаружи. Вотъ длинный рядъ повозокъ, запряженныхъ волами, которые съ усиленіемъ везутъ клажу. Это пшеница, идущая въ Одессу. Иногда этими возами улица заставлена такъ, что проѣхать нельзя. Вотъ на троттуарѣ, разостлапы огромныя ревертухи, и на нихъ грудами насыпана пшеница. Нѣсколько человекъ, въ исподнемъ платьѣ, но безъ рубахъ, подбрасываютъ ее лопатками вверхъ,¹ и такимъ образомъ просушиваютъ. Это называется «пересѣвать» пшеницу. Иныя рабочіе выносятъ мѣшки съ непересѣянной пшеницей изъ магазиновъ на троттуары, другіе—вносятъ уже пересѣянную. Дѣло кипитъ. Тамъ, даже, грузятъ пшеницу изъ магазиновъ на повозки, и какъ магазины разбросаны по всему городу, то ряды повозокъ съ пшеницей, въ хорошіе годы, безпрестанно несутся и скачутъ по всему городу, перевоза ея на Платоновскую пристань, для перегрузки на корабли. Вотъ еще красивое, прекрасно расположенное внутри зданіе. Это почта. Подойдите къ ней въ дни прихода экстра-почты. Вы увидите порядочно одѣтую толпу; это коми изъ купеческихъ конторъ. Они сидятъ на крыльцѣ, стоятъ, ходятъ по троттуару, но всѣ ждутъ, пока разберутъ чемданы и начнется раздача писемъ. О приходѣ экстра-почты знаютъ заранее, а письма торопятся получить затѣмъ, что всякое извѣстіе изъ-за границы можетъ имѣть вліяніе, иногда важное, на биржевыя дѣла. Само собою разумѣется, что все это придаетъ городу особую торговую физиономию, которую дорисовываютъ факторы, маклера, нотаріусы, коммисіонеры. Всѣ они, разумѣется, не мѣшкаютъ, а скачутъ и бѣгутъ по дѣламъ.

Одесса служитъ вмѣстѣ складочнымъ мѣстомъ сбыта пшеницы, шерсти и другихъ предметовъ, отправляемыхъ отсюда за границу. Пшеницу привозятъ сюда изъ Бессарабіи, изъ губерній Херсонской, Волынской, Кіевской, и наконецъ Подольской, одной изъ плодороднѣйшихъ во всей имперіи. Помѣщики этихъ губерній присылаютъ пшеницу въ

Одессу на руки своимъ комиссіонерамъ, которые сберегаютъ ее въ магазинахъ до той поры, когда требованія на нее за границу увеличатся, и когда, стало быть, цѣны подымутся. Мелкіе помѣщики и крестьяне изъ сосѣднихъ мѣстъ привозятъ пшеницу на базары. Здѣсь промышленники своего рода скупаютъ ее у нихъ, и также, въ ожиданіи цѣны, складываютъ въ магазины. Отсюда нужда въ магазинахъ. Потому рѣдкій домъ въ Одессѣ не имѣетъ при себѣ магазина. И тутъ, однако, не обходятся безъ спекуляцій, на выдумку которыхъ изобретательный умъ здѣшнихъ промышленниковъ удивительно гибокъ. Хозяинъ магазина, не рассчитывая на повышение цѣны въ пшеницѣ или шерсти, желаетъ имѣть вѣрный доходъ съ него. Спекулянты, рискуя своимъ капиталомъ, думаютъ иначе. Они начинаютъ, въ благоприятное время, по сходнымъ цѣнамъ, нѣсколько, дюжину или полторы, магазиновъ, сначала перебиваются съ ними кое-какъ, а при увеличеніи количества пшеницы въ городѣ, подымаютъ цѣны уже шибкою рукой. Разумѣется, для этого нуженъ расчетъ, смѣлность и знаніе обстоятельствъ, но за всемъ этимъ недостатка здѣсь нѣтъ. Наконецъ цѣны поднялись. Тогда комиссіонеры богатыхъ помѣщиковъ, сами помѣщики и спекулянты перепродаютъ свой «продуктъ» въ торговые дома, ведущіе иностранную торговлю. Изъ этихъ рукъ пшеница уже грузится на корабли и пересылается за границу. Около всего этого фактора роятся какъ пчелы, но зарабатываютъ не они одни. Капиталы, переходя изъ рукъ въ руки, расходятся на мельчайшія вѣтви, по рукамъ повѣренныхъ, конторщиковъ, разсыльныхъ, сушильщиковъ пшеницы, ея пересѣвальщиковъ, мѣрятьщиковъ,—уже назначаемыхъ отъ конторъ, потому что болѣе или менѣе сильнымъ размахомъ лопаты можно «намѣрять», смотря по надобности, болѣе или менѣе «продукту»,—слугъ, сторожей, извозчиковъ, людей спивающихъ и клеймящихъ мѣшки, и проч. и проч.—до бѣдныхъ бабъ и дѣтей, собирающихъ пшеницу, просыпавшююся на улицахъ, а за немѣнемъ ея, воловій пометь. Его слѣвливаютъ въ круглые куски, высушиваютъ и употребляютъ на топливо, называемое «кзизикомъ». Все это питается и живетъ благодатной торговлей. Мало того, болѣе или менѣе отдаленнымъ образомъ, но въ отрасли общественной дѣятельности находятъ здѣсь свою частіцу. Чтобы понять это, не надобно цитатъ изъ политической экономіи. Кромѣ пшеницы, уже не столь важными предметами сбыта служатъ шерсть, мука, сало, кожи и т. д. Важность одесской торговли опредѣляется тѣмъ, что въ 1847 г., впрочемъ самомъ цвѣтущемъ, оборотъ ея превышалъ 30 милліоновъ рублей сереб. Въ этомъ числѣ сбыта внутреннихъ произведеній было болѣе,

нежели на 20 мил. (*). При этой цифрѣ понятной становится причина, по которой Одесса, въ какіе-нибудь 56 лѣтъ своего существованія, изъ жалкой турецкой крѣпостцы (Хаджи-бея) сдѣлалась городомъ, считающимъ въ себѣ до 100,000 жителей (**).

Но послѣ утреннихъ прогулокъ, результатъ которыхъ я передалъ вамъ, настаетъ пора обѣда. Внутри Россіи, кромѣ Петербурга и отчасти Москвы, не принято обѣдать въ гостинницахъ и въ ресторацияхъ. Холостые люди имѣють свои кухни. Въ Одессѣ этого нѣтъ: всѣ не семейные люди, иногда даже пріѣзжія дамы, обѣдаютъ въ ресторацияхъ, которыя находятся при каждой гостинницѣ. Есть еще много русскихъ трактировъ, гдѣ также обѣдаетъ множество народа. Эти трактиры съ своими неизбежными половыми и «кожанымъ» бифтексомъ, совершенно тоже, что и въ Рязани и въ Орлѣ. Въ первый день моего житія въ Одессѣ, я поторопился обѣдать у «знаменитаго» Отона, прославленнаго нѣсколько Пушкинымъ, а также и одесскими литераторами. Что жъ вышло? столовое бѣлье оказалось нечисто; прислуга невнимательна и лѣнлива; за сухую котлетку съ картофелемъ заплатилъ я 20 коп. сер., такъ что весь обѣдъ

(*) Въ истекшемъ 1851 г. виды одесской торговли были, въ общихъ чертахъ, слѣдующіе. *Отпущено за границу моремъ:* пшеницъ на 7,295,144 р. с., ржи на 430,310 р. с., кукурузы на 693,171 р. с., муки пшеничной на 201,243 р. с., льнянаго смени на 569,077 р. с., сала скотскаго на 513,540 р. с., шерсти овецъ разныхъ сортовъ на 2,374,512 (въ томъ числѣ болѣе, нежели на 2 мил. мерносовой), монеты золотой и серебряной на 466,787 р. с., и проч.; всего на 13,192,900 р. с. *Привезено изъ-за границы моремъ и сухимъ путемъ:* виноградныхъ винъ на 284,178 р. с., (въ томъ числѣ французскихъ на 190,673 р. с., греческихъ на 111,507 р. с., молдавскихъ на 19,200 р. с.); портеру на 121,765 р. с., рому на 41,794 р. с., сахару рафинаду на 584,240 р. с., кофе на 191,987 р. с., чаю на 72,480 р. с., фруктовъ свѣжихъ на 138,297 р. с., табаку курит. лист. на 492,516 р. с., масла дерев. на 396,610 р. с., каменнаго угля на 263,493 р. сер., разныхъ мануфактурныхъ и фабричныхъ издѣлій на 1,666,269 р. с., монеты золотой и серебр. на 646,556 р. с., и проч., а всего на 7,710,023 р. с. Въ томъ же году *ввезено изъ имперіи въ Одессу:* пшеницы 1,789,016 четвертей, кукурузы 221,691 четв., сала 242,527 пудъ, шерсти 206,464 пуда, желѣза 89,284 пуда, соли 866,774 пуда. *Вывезено въ имперію изъ Одессы иностранныхъ товаровъ:* винъ на 365,612 р. с., портеру на 69,755 р. с., рому на 43,989 р. с., фруктовъ сухихъ на 599,095 р. с., свѣжихъ на 122,122 р. с., табаку турец. курит. на 499,754 р. с., матеріаловъ для фабрикъ и рукодѣлья на 1,416,914 р. с., мануфактурныхъ и галантерейныхъ издѣлій на 153,682 р. с., и проч.; всего на 5,750,556 р. с. (См. Одес. Вѣст. 1851 г. NN 4 и 5) *Авторъ.*

(**) О населеніи Одессы упоминаю съ точностію въ прибавленіи къ этой статьѣ, помѣщенной въ концѣ ея. *Авторъ.*

съ простымъ виномъ и кофе, котораго прождалъ я ровно полчаса, обошелся мнѣ въ полтора рубли серебр., и я всталъ, едва утоливъ голодь. Съ тѣхъ поръ я уже не возвращался къ этой одесской знаменитости. Гораздо лучше и прятѣе дешевле обѣдаютъ у Каруты, на бульваръ, въ Лондонской гостинницѣ, хотъ и здѣсь столовое бѣлье грязно и съ прорѣхами; а еще лучше въ Петербургской. У Косты, въ Новороссійской гостинницѣ, гдѣ я жилъ, обѣдъ имѣеть греческій оттънокъ; а у Демише, въ Парижской,—италианскій. Въ последней, гдѣ, какъ и у Косты, порціи по 10 к. сер., обѣдалъ я всего чаще со своими московскими знакомыми, которыми, замѣчу мимоходомъ, обязанъ многими сообщенными здѣсь свѣдѣніями. Главную прелесть одесскаго обѣда лѣтомъ составляютъ плоды, привозимые на пароходахъ изъ Крыма и Константинополя, а отчасти получаемые и въ здѣшнихъ садахъ. Я въ туть чудесныя груши, дыни, свѣжіе финики, персики, абрикосы и гранаты. Понравился мнѣ пель-компотъ изъ айвы, особаго благовоннаго плода, у насъ мало извѣстнаго. Омары, огромные морскіе раки, привозимые сюда изъ Константинополя, показались мнѣ приторны и тяжелы. Устерсы, въ то время, когда я былъ здѣсь, были нехороши. Обыкновенныхъ морскихъ (паукообразныхъ) раковъ, и каракатицъ, особаго морскаго животнаго, любимаго Греками, я не пробовалъ. Есть еще маленькіе морскіе рачки. Они приторны, точно также, какъ «турецкая халва», особаго рода сладсть. Надобно замѣтить, впрочемъ, что на одесскихъ рынкахъ въ каждое время года, кромъ зимы, бывають свои особые плоды, которые въ другое время, если и можно достать, то вялые и невкусные. Это оттого, что здѣсь все зависитъ отъ привоза, а впрокъ ничего не оставляють. То же относится и къ устерсамъ и омарамъ. Столовое вино въ Одессѣ вещь самая обыкновенная, но хорошія вина дороги. Лучшіе сорта лафита и сотерна продаются въ магазинахъ по 2 р. 10 к. сер. за бутылку; въ ресторацияхъ дороже. За бутылку хорошаго хереса надобно заплатить 1 руб. 50 к. сер. Портеръ дешевле.

Послѣ обѣда вздѣлъ я обыкновенно за городъ. Омнибусы регулярно ходять только на лиманъ Андреевскаго, и то лѣтомъ. Замѣчательно, что едва выйдешь изъ города, за внѣшніе бульвары, уже характеръ степи бросается въ глаза: однообразная равнина, малая населенность и бѣдность растительности. Хорошій садъ въ Одессѣ есть сушая рѣдкость. О предмѣстїи Пересыпь я говорилъ уже. Другое предмѣстїе—Молдаванка ни чѣмъ не лучше. Дома на ней построены хотя по кварталамъ, но какъ-то разбросаны и представляють какъ бы первыя начала гражданственности. Видно, что въ

нихъ поселилось население пришлое и еще недавнее. Маленькіе, одноэтажные дома, большіе дворы, низкіе, полуразвалившіеся заборы, сложенные изъ камня, мельницы, кое-гдѣ огороды, изрѣдка акации и плодовые деревья, — вотъ и все. Въ немногихъ мѣстахъ только встрѣчаешь церковь, порядочный домикъ и садъ. То же самое, но еще въ меньшей мѣрѣ, должно сказать и объ остальныхъ урочищахъ городской земли, о Холодной балкѣ, о Нерубайскихъ, Усатовыхъ хуторахъ, Куяльникѣ, Большомъ фонтанѣ и друг. На послѣднемъ изъ нихъ лежитъ Успенскій мужской монастырь, въ которомъ настоятельствуетъ ректоръ здѣшней семинаріи. Въ пустынной мѣстности, на высококомъ прибрежьи, монастырь этотъ, своими куполами, бѣлой оградой, трапезой и кельями, представляетъ самое отрадное зрѣлище. Въ двухъ шагахъ отъ него, надъ крутизною прибрежнаго обрыва, сооруженъ маякъ, въ ночное время дающій знать кораблямъ о поворотѣ въ одесскій заливъ. Въ сосѣдствѣ съ монастыремъ, маякъ этотъ, кажется, назначенъ припоминать жителямъ суетливой Одессы, что вѣра есть единственный камень спасенія въ коловратностяхъ жизни.

Урочище это названо фонтаномъ, или, какъ говорятъ здѣсь, фонталомъ, потому что возлѣ него изъ прибрежной крутизны, прѣсная вода течетъ въ море. Теперь нѣсколько частныхъ лицъ взяли себѣ прѣвести отсюда воду въ городъ. Бассейны, водоподъемныя машины и водопроводы устроены уже, и дѣло далеко подвинуто впередъ. Кромѣ этого большаго, есть еще такіе же, средній и малый фонтаны. Они ближе къ городу. Съ послѣдняго изъ нихъ возятъ воду бочками въ городъ. Она довольно пріятна. Городъ кромѣ того снабжается водою изъ многочисленныхъ колодцевъ, находящихся въ его предмѣстьяхъ и въ окрестностяхъ, но во многихъ изъ нихъ вода имѣетъ солоноватый вкусъ. По недостатку прѣсной воды, въ разныхъ домахъ, въ послѣднее время, устроены систерны. Вообще говоря, вода составляетъ важный предметъ въ здѣшней жизни....

Чтожъ? это не большое горе,

Особенно, когда вино

Безъ пошлнны привезено.

Кстати, вы помните описаніе Одессы, сдѣланное Пушкинымъ въ его Онегинѣ. Въ этомъ описаніи съ удивительною вѣрностію схваченъ мѣстный колоритъ. Колоритъ этотъ не изгладился и до сихъ поръ.

Въ двухъ верстахъ отъ большаго фонтана находится нѣмецкая колонія Лустдорфъ. Въ ней лѣтомъ нѣсколько городскихъ семействъ находятъ убѣжище отъ жары и пыли. Колонія эта, впрочемъ, ничѣмъ

не замѣчательна, кромѣ купанья въ открытомъ морѣ, пріятнаго и видимо укрѣпляющаго, и кромѣ прекраснаго фруктоваго сада, вблизи разведеннаго какимъ-то колонистомъ. Садъ этотъ показываетъ, что и одесскую степь трудолюбіе можетъ обратить въ плодоносный вертоградъ.

Въ окрестностяхъ Одессы наиболее замѣчательны лиманы, ботаническій садъ и дача графини Ланжеронъ.

Что такое лиманы, я уже замѣтилъ выше. Ихъ два—Хаджибейскій и Кульницкій или лиманъ Андреевскаго. На первомъ, при которомъ помѣщается отдѣленіе здѣшней городской больницы, я не былъ, да и заведенія на немъ скуднѣе и рѣже, нежели на второмъ, на который отправился я, въ одинъ прекрасный день, въ омнибусъ. Со мною ѣхало двѣ жидовки, толстый карантъ, — каранты—турецкіе евреи, не признающіе талмуда,—какая-то пожилая дама, да еще какой-то господинъ, вѣроятно особа изъ чиновнаго класса. Здѣсь, въ общей бесѣдѣ,—что случалось, впрочемъ, и прежде,—привелось мнѣ слышать особенности здѣшняго русскаго языка, какъ-то: «карбованецъ» (цѣлковый), «пожилыць» (жильцы), «повстрѣчали», «взять за жену» (жениться), и т. д., но это дѣло постороннее. Дорога на Кульницкій лиманъ идетъ Пересыпью. Она скучна и неровна. На лиманѣ заведенія и постройки находятся еще въ младенческомъ состояніи, не смотря на то, что пользоваться его грязями и водяными ваннами пріѣзжаетъ сюда множество иногородныхъ семействъ, не говоря уже о живущихъ здѣсь.

Грязи и воды эти цѣлительны особенно противъ золотухи. Вода чрезвычайно густа, имѣетъ почти сѣрый цвѣтъ, и упругій, солонистый вкусъ. Она наполнена червячками и рачками, которые кусаютъ, какъ только въ водѣ остаешься въ спокойномъ положеніи. Цѣлебное свойство лимана открыто докторомъ Андреевскимъ, который всѣхъ прежде устроилъ на берегу его ванны, теплыя и холодныя, и помѣщенія для больныхъ (особый домъ съ садикомъ, рестораціей и кофейней). По имени доктора онъ и называется теперь Андреевскимъ.

Ботаническій садъ, который находится въ полуверствѣ отъ города, и въ окружности котораго есть нѣсколько другихъ садовъ, довольно обширенъ и имѣетъ густыя деревья и цвѣтникъ. Не будучи ботаникомъ, я и въ подробности входить не буду. Замѣчу только, что въ саду есть домъ для директора и школа садоводства, прекрасныя и удобныя строенія. При мнѣ гуляющихъ въ ботаническомъ саду было немного. Не понимаю причины, а гулянье въ его густыхъ аллеяхъ изъ акацій особенно пріятно. Это дерево, весной, издаетъ самый благовонный запахъ, котораго, сказывали мнѣ, пылъ не позволяеть обонять въ городѣ.

Наконецъ, дача или «хуторъ» графини Ланжеронъ, вдовы генерала, известнаго эмигранта, управлявшаго Одессою послѣ герцога Ришелье, прекрасна, но очень мала. Она также близехонко отъ города. Едва съ «Греческаго» поворотите вы налево и пройдете съ четверть версты по Почтовой улицѣ, какъ передъ вами открывается небольшое поле, слегка возвышающееся до бульваровъ. Налево у васъ Михайловскій, училищный монастырь; направо подалѣе, рвы и валы крѣпости, съ часовыми наверху. Эта крѣпость, теперь упраздненная, обращена въ карантинъ, и въ ней-то находится пассажирскій кварталъ, о которомъ я упомянулъ выше. Вы идете по полю, вверхъ по дорогѣ, новорачиваете, мимо нѣсколькихъ дачъ, на лѣво, по вѣшнему бульвару, проѣзжаете мимо Чумнаго квартала, и вотъ—передъ вами открытое море, а внизу, подъ спускомъ съ прибрежнаго возвышенія, у самаго берега, хуторъ Ланжеронъ. Здѣсь густой садикъ изъ акацій, кофейна, павильонъ, стрельба въ цѣль, и, не много подалѣе, купальни. Пестрая толпа гуляетъ, сидитъ за столиками, пьетъ чай, вино, портеръ; курить и курить безконечно папиросы, сигары, сигареты всѣхъ сортовъ, и наслаждаются прекраснымъ видомъ на море, на идущіе по немъ корабли, на облака, которые золотятся лучемъ заходящаго солнца. Гулянья на этомъ хуторѣ бываютъ каждый день; но въ известные дни, когда на немъ играетъ оркестръ немецкихъ музыкантовъ, и когда за входъ платятъ по 25 коп. сер., гулянья эти многочисленнѣе. Отъ дачи Ланжеронъ, вдоль по берегу, идетъ нѣсколько другихъ, также принадлежащихъ частнымъ лицамъ.

Лучшими временами года считаются въ Одессѣ совсѣмъ не весна и не лѣто. Жары начинаются здѣсь иногда съ апрѣля, не то—бываетъ холодно. Холодъ наносится сюда сѣвернымъ и сѣверо-восточнымъ вѣтромъ. Безъ того въ Одессѣ всегда бываетъ тепло. Самая благодатная погода бываетъ здѣсь въ сентябрѣ, октябрѣ, иногда въ ноябрѣ, и даже въ декабрѣ; январь и февраль почти всегда холодны.

Но солнце заходитъ. Девятый часъ близокъ. Вотъ и зарева н ушка раздалась. Гуляющіе начинаютъ развѣзаться.

Ихъ ожидаетъ—театръ. Въ Одессѣ есть двѣ труппы: русская и итальянская. Русская играетъ три раза въ недѣлю, но, не смотря на превосходную игру и дарованіе гг. Воробьева и Толченока, особенно перваго, не смотря на увлекательную прелесть гг. Медвѣдской и Левкеевой, на игру гг-жъ Боченковой и Шубертъ, русскія представленія посѣщаются мало. Театръ освѣщенъ слабо, одною лампой, — въ оперѣ горитъ, кроме того, свѣчи у ложъ перваго яруса, что завели, впрочемъ, недавно. Кресла и ложи на русскихъ представленійхъ

почти пусты, что, при общей здѣшней меломаніи и при повтореніи однихъ и тѣхъ же водевилей, очень понятно. Замѣчательно, что, при недостаткѣ балета, здѣсь и самая обыкновенная испанская, русская, казачья пляска возбуждаетъ восторгъ, и рукоплесканіямъ конца нѣтъ. Не то съ оперой; по крайней мѣрѣ въ то время, когда я былъ въ Одессѣ, театръ всегда полонъ, а если оперу даютъ въ первый разъ, биткомъ набить. Восторгу, рукоплесканіямъ, вызовамъ, букетамъ, нѣтъ ни мѣры, ни счету, ни конца. При мнѣ въ первый разъ давали «Луизу Миллеръ оперу Верди. Надобно было позаботиться о билетѣ заранее. Въ самомъ дѣлѣ, въ конторѣ театра (въ пале-ройяль) была настоящая давка за билетами, но я, при помощи своихъ великорусскихъ плечъ, легко пробрался впередъ и добылъ хорошее мѣсто. Изъ «знаменитостей» играли только примадонна Терезина Брамбилль и бась Ронкони, кажется, братъ известнаго. Опера понравилась мнѣ, но публика съ ума сходила отъ восторга. Гораздо болѣе однако одесситы принимаютъ участія въ игрѣ и въ пѣніи двухъ другихъ примадоннъ: Жозефины Брамбилль, сестры предъидущей, и Басседжію. Обѣихъ ихъ видѣлъ по нѣскольку разъ, и, признаюсь, обѣ очень понравились мнѣ. Но въ Одессѣ, какъ видно, любовь къ оперѣ безмѣрна. Въ прошломъ году, когда Терезины еще не было, двухъ другихъ одарили браслетами, брошами, часами, и не знаю чѣмъ; еще, писали, печатали и бросали стихи на всѣхъ языкахъ, какими только говорятъ въ Одессѣ,— не знаю, были ли еврейскіе;—подарки имъ продолжаютъ и теперь еще; и теперь еще забрасываютъ ихъ букетами и стихами; имъ— «восторгъ и жертвоприношенье», говоря словами Языкова, за нихъ перепалка въ русской и французской газетѣ, обѣ нихъ вѣчные споры и пренія, за нихъ даже ссорятся не на шутку. Дѣло въ томъ, однако, что составъ одесской труппы мѣняется почти ежегодно, и только двумъ теперешнимъ звездамъ ея посчастливилось остаться два года въ Одессѣ, что, сказывали мнѣ, случается не всегда. Не знаю, всегда ли бываетъ здѣсь такой восторгъ къ примадоннамъ и такая «междоусобная война» за нихъ, но теперь, кажется, восторгъ этотъ и эта война достигли своего *ultimum*. Причиной этому быть можетъ и то, что въ настоящее время торговля идетъ слабо, а на досугъ нечего другаго дѣлать.

Какъ бы то ни было, по всему видно, что въ одесской жизни два главныхъ жизненныхъ вопроса: Это «карбованцы» и опера. И то, и другое рѣшительно составляетъ главный предметъ общаго интереса. Иногда случалось мнѣ прислушиваться къ разговорамъ людей, попадавшихся мнѣ на встрѣчу, или шедшихъ возле меня по «Греческому». Безъ преувеличенія скажу, что безпрестанно попадались мнѣ въ уши

эти завѣтные карбованцы. На бульварѣ же и за обѣдомъ въ гостиницѣ, то и дѣло, что слышимъ: Басседжіо да Брамбилли, съ прилагательными: Нодень, Ронкони, Гверини, Панкони.

Что сказать вамъ наконецъ объ одесскомъ обществѣ? Тутъ я по неволѣ долженъ довольствоваться чужими словами, а потому ограничусь немногими замѣчаніями. Оно составлено изъ семействъ, принадлежащихъ самымъ различнымъ націямъ. Особенно много здѣсь грековъ; менѣе ихъ, но также много итальянцевъ; много поляковъ изъ сосѣднихъ губерній, съ Волыни и Подоліи; много, какъ и вездѣ, нѣмцевъ; есть нѣсколько французскихъ и англійскихъ домовъ, есть испанцы, шведы, молдаване, но надъ всемъ этимъ рѣшительно преобладаетъ великорусское начало, такъ что дѣти водворившихся здѣсь иностранцевъ русьютъ понемногу. Само собою разумвется, что между этимъ разнороднымъ населеніемъ не можетъ быть ни единства, ни полнаго общенія. Всякій якшается со своими и живетъ въ своемъ кругу. Съ чужими же знакомъ и видится на улицѣ, въ кофейнѣ, въ театрѣ, на бульварѣ, словомъ, въ домашняго очага. Все это общество сходится только въ оперѣ, да на балахъ въ биржевой залѣ, подъ новыи годъ и объ масляной. Здѣсь толпа холостежи и перерзлыхъ дѣвъ. Такъ называемый *le beau monde* сосредоточивается въ немногихъ русскихъ семействахъ, но онъ не великъ. Князь М. С. Воронцовъ теперь въ Тифлисъ, и по всему этому, въ коммерческомъ казино и въ кофейняхъ по вечерамъ всегда множество народа. Въ англійскомъ клубѣ, имѣющемъ свой собственной, прекрасный домъ возлѣ бульвара, я, къ сожалѣнію, по недостатку знакомаго члена, который бы могъ записать меня, не былъ.

ИЗВѢСТІЕ МЛАДЕНЦЕВЪ.

Мы съ своей стороны считаемъ не лишнимъ присовокупить къ статьѣ г. Младенцева извѣстіе объ Одессѣ, перепечатанное въ Одесскомъ Вѣстникѣ (№ 6, 19 января, 1852 г.) изъ Новороссійскаго календаря за текущій годъ.

Одесса, портовый и уездный городъ Херсонской губ., пользующійся правами порто-франко, на возвышенномъ берегу Чернаго моря,—каедрa архіепископа Херсонскаго и Таврическаго, и мѣсто-пробываніе генералъ-губорнатора, градоначальника и другихъ начальствующихъ надъ отдѣльными частями.— Жителей постоянныхъ, со включеніемъ предмѣстій, до 90,000; въ томъ числѣ, кромѣ христіанъ разныхъ исповѣданій, каритовъ 226 и евреевъ до 10,000 (*); зданій

(*) Къ этому должно присоединить до 30-ти тысячъ временно-проживающихъ иностранцевъ и каботажныхъ матросовъ, до 14-ти тысячъ занимающихся работами только во время лѣта, и до 3-хъ тысячъ путешественниковъ.

6, 100; монастырей 2 (мужеск. и женскій училищный), церквей православныхъ въ городъ и предмѣстьяхъ 23, католич. 1, лютеран. 1, армяно-григоріан. 1, молитвен. домъ реформат. 1, часовня раскол. 1, еврейскихъ синагогъ 10, караимская синагога 1; 2 пристани съ 4-мя молами; мостовъ: каменныхъ 53, деревянныхъ 14, плотинъ 2, лѣстницъ къ морю 2; публичныхъ мѣстъ и рынковъ 8; улицъ 64; переулковъ 16; лавокъ: съ разными товарами 1,530, книжныхъ 6, табачныхъ 38; питейныхъ домовъ 174; погребовъ 554; чайныхъ трактировъ 102, кофейнь 3, кондитерскихъ 9, гостинницъ 8, постоялыхъ дворовъ 74, ресторацій 7, харчевень 18, торговыхъ бань 24, цирюлень 49, мастерскихъ 462, театръ 1, типографій 3, литографій 4, казино 5, пристаней 3, лѣсная 1, торговыхъ мѣстъ и площадей 17, купальня морскихъ и лиманныхъ 26, аптекъ 8, рундуковъ и подвижныхъ лавочекъ 205, спусковъ къ морю 7, общественныхъ садовъ 6, бульваровъ 6, сетернь 862, колодцевъ 230, фонтановъ 4, каменоломней 353, конторъ страховыхъ 5, маклерскихъ 29, торговыхъ домовъ 26; заводы: стеариновыхъ свѣчей 1, мукомольный 1, макарон. 8, пряничныхъ 2, канатн. 1, свѣчи. 3, салотопен. 3, кожевен. 3, шляпн. 1, табачн. 3, черепичн. 8, кирпичн. 16, горшечн. 2, медоварен. и пивоварен. 1, литейн. 2, огородовъ 39, садовъ 159, ветрян. мельницъ 121, паровая мельница 1. Учебныя заведенія: Ришельевскій лицей съ гимназіею, пансіономъ и восточнымъ институтомъ, вторая Одесская гимназія, духовная семинарія съ училищами, институтъ благородныхъ дѣвицъ; училища: уѣздное, дѣвичье, эллино-греческое, католич., лютеранск., реформат., армянск., 2 сиротскихъ—муж. и женск., глухонемыхъ, садоводства, 2 еврейскихъ—муж. и женск., караимское; частныя пансіоны: для мальчиковъ 4, для дѣвушекъ 11, школь 2, дѣтскій пріютъ 1, частныхъ еврейскихъ небольшихъ школь 1,014; городская публичная бібліотека, городкой музеумъ, музеумъ Общества исторіи и древностей, купеческая биржа, Одесскій клубъ, лечебница для приходящихъ, заведеніе минеральныхъ водъ; 2 больницы—городская и еврейская; богадельня. Зданія публичныя: домъ присутственныхъ мѣстъ, домъ вѣртовой таможи, городская больница, биржа, клубъ, заведеніе женскаго благотворительнаго общества, домъ дѣтскаго пріюта и зданія карантинна. Памятникъ дюку де-Ришелье; колоссальная лѣстница съ бульвара къ морю, дѣв гавани, приморскій «Александровскій бульвары и бульваръ вокругъ города, городской садъ, морскія купальни. Въ окрестностяхъ: къ сѣверо-западу отъ города два лимана съ купальнями и цѣлебными грязными ваннами, къ западу—каменоломни, а къ югу—ботаническій садъ съ училищемъ садоводства; приморскіе хутора; малый и большой фонтаны, маякъ,

Успенскій второ-классный монастырь и Нѣмецкая колонія «Люстдорфъ». Градоначальство одесское, кромѣ г. Одессы, заключаетъ въ себя два предмѣстья: Пересыпь и Молдаванку, 12 деревень: Дальникъ, Татарку, Сухолиманскіе-хутора, Усатовы-хутора, Куяльникъ, Нерубайскіе-хутора, Омины-хутора, Холодные-хутора, Гниляково, Кривые-хутора, Бурлацкіе-хутора и Большой-фонтанъ, да сверхъ того 611 хуторовъ или дачъ. Во всѣхъ этихъ деревняхъ жителей до 12 т. д. обоего пола.

Вотъ еще замѣчательныя одесскія новости.

Одинъ изъ жителей Новороссійскаго края, г. Толомузи, подалъ благоую мысль объ устройствѣ желѣзной дороги отъ Днѣстра, у Парканъ, въ Одессу. Высокія цѣны за доставку не позволяютъ теперь имѣть въ Одессѣ постоянно значительныхъ запасовъ зерноваго хлѣба, для удовлетворенія заграничнымъ требованіямъ; отъ этого, ни увеличивающійся отпускъ хлѣба, ни высокія цѣны его на заграничныхъ рынкахъ, не приносятъ производителямъ желанныхъ выгодъ. Для торговаго же сословія дороговизна провоза и возвышеніе цѣвъ въ портѣ служатъ главнымъ препятствіемъ къ большому развитію оборотовъ. Последствіемъ высокіхъ цѣвъ на мѣстныхъ произведенія, по затруднительности и небврности доставки—было открытіе новыхъ источниковъ производства за границей, угрожающихъ на будущее время нашей хлѣбной торговлѣ. При томъ же доставка на подводахъ производится только два раза въ годъ: весною, когда бываетъ уже достаточный подножный кормъ, и послѣ жатвы; требованія же заграничныя открываются осенью, когда нѣтъ уже возможности, безъ особенныхъ потерь, усилить доставку изъ внутреннихъ губерній. Употребленіе воловъ для перевозки имѣетъ еще то большое неудобство, въ этой малонаселенной части имперіи, что отнимаетъ отъ земледѣлія множество людей и скота, въ то самое время, когда земледѣліе наиболее имѣетъ въ нихъ нужду. Известно, что нигдѣ въ Европѣ произрастаніе хлѣба не обходится такъ дешево, какъ у насъ; но за всемъ тѣмъ, мы можемъ продавать его дешево только на мѣстѣ производства. Сколько уже лѣтъ, какъ въ Парканахъ, Тирасполѣ и Маякахъ, въ лѣтнее время, берега Днѣстра покрываются барками, нагруженными пшеницею и другими хлѣбами; но, не смотря на огромную плату за провозъ, нельзя бываетъ найти тамъ достаточнаго количества подводъ для перевозки хлѣба въ-время въ Одессу, а это, естественно, уничтожаетъ почти всѣ выгоды, которыхъ можно бы ожидать отъ успѣха судоходства по Днѣстру. Такое неблагоприятное положеніе вещей еще болѣе усиливается развитіемъ, которое ежегодно

приобрѣтаетъ вывозъ хлѣба по Дунаю и чрезъ порты Болгаріи и Румелии. Вся показанная неудобства могутъ быть устранены посредствомъ предполагаемой желѣзной дороги, и одесскимъ капиталистамъ слѣдуетъ обратить свое вниманіе на мысль, обещающую несомнѣнныя выгоды имъ самимъ и цѣлому краю....

Въ Одессѣ, кромѣ «Новороссійскаго календаря», только одна литературная новость. Крымъ—эта такъ называемая Одесская дача—привлекаетъ путешественниковъ не только своею природою, но и памятниками. Кто хотя нѣсколько дней проведетъ тамъ, странствуя верхомъ въ горахъ, тотъ конечно помнитъ, какъ онъ не разъ оставалъ коня передъ живописными развалинами, разукрашенными крымскою растительностью, выслушивая мудренныя толкованія про-водника-Татарина. Богатый предметъ для пера поэта и кисти художника, эта страна не разъ была предметомъ изысканій и для ученыхъ путешественниковъ. Но время идетъ, памятники, разрушаясь, гибнутъ, и кто и что скажетъ объ нихъ, потомъ историку и археологу, когда они исчезнутъ? Эта мысль побудила г. Вильнева (жителя Феодосіи) сохранить съ помощью рисунка и пера все, что остается замѣчательнаго между развалинами Крыма, и приступить къ изданію «Историческаго и живописнаго альбома Тавриды». Здесь помѣщено будетъ множество рисунковъ, досель еще не изданныхъ. Развалины среднихъ вѣковъ, планы Кафы и Солкота, развалины времени Византійской имперіи, монастыри, церкви, дворцы, синагоги, мечети, гробницы, бани, фонтаны, башни, крѣпости, произведенія VI, XIII, XIV, XV вѣковъ, барельефы, древнія вазы, генуэзскіе гербы, надписи, находящіяся въ музеумѣ Феодосійскомъ, — все это воспроизводится для «Альбома» съ особеннымъ тщаніемъ. Кромѣ того въ немъ, для связи минувшаго съ настоящимъ, будутъ изображены памятники Казарскаго, Долгорукова, виды, Орианды, Алупки, Ливадіи и проч. «Альбомъ Тавриды» будетъ состоять изъ 25 выпусковъ, съ 4 рисунками при каждомъ; текстъ состоитъ изъ историческаго обзора генуэзскихъ колоній въ Тавридѣ, разсказа о путешествіи г. Вильнева по этой странѣ въ 1851 г., и объясненія рисунковъ. Выпуски будутъ выходить чрезъ каждые 2 мѣсяца. Цѣна за полное изданіе, 100 рисунковъ съ текстомъ, 50 р. с., за каждый выпускъ отдѣльно 2 р. сер.

Ко всемъ этимъ свѣденіямъ объ Одессѣ мы прилагаемъ въ концѣ книжки видъ ея.

МОГИЛА ГОВАРДА. (Изъ Ньюжина). Гдѣ погребень Говардъ? гдѣ его могила?—Всѣ убѣждены, что онъ погребень около Херсона, на бывшемъ хуторѣ купца Дофине. Объ этомъ недавно еще была въ Москвитянинѣ (N 1, 1852,) статья, извлеченная изъ Херсонскихъ Губернскихъ Вѣдомостей. Тамъ, надъ его могилой, стоитъ и памятникъ. Все это такъ, но гроба съ остатками Говарда нѣтъ въ Херсонской могилѣ: онъ украденъ оттуда, и погребень въ другомъ мѣстѣ. Вотъ какъ это было: Говардъ умеръ въ 1790 году. Въ то время Вольны и Подоль еще принадлежали къ польской Рѣчи посполитой. Польскіе магнаты не хотѣли знать надъ собой никакой управы и жили въ своихъ маестностяхъ, своевольствуя на чемъ свѣтъ стоитъ; не возможнымъ для нихъ ничто не казалось. Въ восьми верстахъ отъ мѣстечка Немирова (Подольской губерніи, Брацлавскаго уѣзда) въ селѣ Ковалѣвкѣ, имѣлъ свою резиденцію, какъ тогда говорили, графъ Щенской (Феликсъ) Потоцкій. Жена графа (жаль, забылъ ея имя) была сантиментальная дама и большая филантропка. Сантиментальность, вздохи и слезы были тогда въ великой модѣ во всей Европѣ. Графиня Потоцкая питала къ имени Говарда такое noctenie, которое доходило почти до обожанія. Вотъ, какъ въ Ковалѣвкѣ получено было извѣстіе о смерти и погребеніи Говарда въ Херсонѣ, чувствительная графиня со слезами пристала къ своему мужу Щенскому Потоцкому, чтобы гробъ съ остатками филантропа непременно былъ перевезенъ въ Ковалѣвку. Его мосць не могъ противиться слезамъ супруги,—велѣлъ приготовить нѣсколько краковскихъ брикъ, наполнилъ ихъ своими надворными казаками, вооруженными съ головы до ногъ, и послалъ ихъ къ Херсону, съ приказаніемъ, чтобы они ночью тихонько подѣхали къ указанному мѣсту, т. е. къ хутору, на которомъ погребень Говардъ; чтобы безъ всякаго шума разрыли могилу его, вынули гробъ, и потомъ чтобы зарывши могилу по-прежнему, какъ можно скорѣе поспѣшили съ украденнымъ мертвецомъ въ Ковалѣвку. Для скорѣйшей ѣзды, во многихъ мѣстахъ были приготовлены подставные кони. Такъ все и сдѣлалось. Новороссійскій край былъ тогда еще пустынею; около Херсона была та же пустыня; никто въ Херсонѣ не зналъ, да и теперь, вѣжеться, никто не знаетъ объ этомъ похищеніи.

Когда гробъ Говарда былъ привезенъ въ Ковалѣвку, его съ великимъ парадомъ и церемоніей передали землѣ въ прекрасномъ графскомъ саду, на острову среди озера. Вскорѣ за тѣмъ графиня Потоцкая надъ этою новою могилою филантропа устроила богатый памятникъ, который и теперь стоитъ тамъ, обнесенный густыми деревьями.

Теперь село Ковалёвка, где почётъ вѣчнымъ снова добрый Говардъ, принадлежит г. почетному попечителю немировской гимназии, графу Болеславу Станиславовичу Потоцкому. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что ежелибы редакция Москвитянина отнеслась къ графу, то онъ доставилъ бы ей рисунокъ съ настоящей могилы Говарда, и съ памятника, съ прекрасною мѣстностью, его окружающею. Помню, что на памятникъ была какая-то надпись, которую также графъ Болеславъ Станиславовичъ могъ бы доставить въ редакцію Москвитянина.

И КУЛЖИНСКИЙ.

АНЕКДОТЪ О ПРЕОСВЯЩЕННОМЪ АВГУСТИНѢ. (Изъ ТАРЫ).
Въ началѣ 1817 года, въ Москвѣ, на Рогожской улицѣ, недалёко отъ Андроньева монастыря, встрѣтился дьячекъ съ мѣщаниномъ. Оба были не совсѣмъ въ нормальномъ положеніи. Дьячекъ, зная, что мѣщанинъ придерживается раскола, пригрозилъ ему карою отъ св. Дмитрія Ростовскаго; мѣщанинъ отвѣчалъ слишкомъ грубою хулою. Дьячекъ не выдержалъ, и началась драка; явился квартальный поручикъ, и началось дѣло по «преступленію противу веры». Уголовная Палата приговорила мѣщанина къ наказанію кнутомъ и ссылкой въ каторжную работу. Когда эта сентенція была представлена на утвержденіе гр. Александру Петровичу Тормасову, тогдашнему московскому военному генералъ-губернатору, то онъ ужаснулся. «Это жестоко; я не могу на это согласиться»—сказалъ онъ прямо отъ сердца. Рѣшеніе было законно, и не лзя было не представить его въ Правительствующій Сенатъ. Графъ рѣшился воспользоваться присутствіемъ въ Москвѣ Государя, и на другой день, при утреннемъ рапортѣ, поднесъ Его Величеству докладную записку. Государь изволилъ отозваться, что совершенно согласенъ съ его чувствами и мнѣніемъ, но какъ это обстоятельство нежелательное, то Его Величество поручилъ графу узнать напередъ мнѣніе преосвященнаго Августина. Графъ, по возвращеніи домой, тотчасъ же послалъ своего правителя кашедаря. Едва посланный успѣлъ объяснить преосвященному, въ чемъ дѣло, какъ онъ всталъ и съ живостью сказалъ: «Очень ясно, что все преступленіе въ невѣжествѣ и пьянствѣ. Доложите графу: пусть его (мѣщанина) приплютъ къ намъ; мы его выпшолимъ». Посланный откланялся, принявъ благословеніе, и готовъ былъ уже выйти изъ гостиной, какъ пресвященный воскричалъ ему въ слѣдъ: «постойте, постойте! Вотъ еще что скажите отъ меня графу: я думаю, ежели бы Святитель Дмитрій былъ въ живыхъ, онъ самъ первый былъ бы ходатаемъ за этого невѣжду.» Такое мнѣніе архипастыря доведено было до свѣдѣнія Государя на другой же день, и графъ Тормасовъ имѣлъ удовольствіе объявить Правительствующему Сенату Высочайшую волю о помилованіи преступника, котораго, вместо положеннаго наказанія, повелѣно было предать церковному покаянію, по усмотрѣнію духовнаго начальства.

С. ДУМАНОВСКИЙ.

МОСКОВСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

КОНЧИНА ГОГОЛЯ.

21 февраля, въ четвергъ, поутру, безъ четверти въ восемь часовъ, умеръ Гоголь.

Публика требуетъ подробностей о кончинѣ своего любимца; въ городѣ ходятъ разные слухи и толки.

Скрыва сердце, приступаю къ исполненію журнальной обязанности, которая никогда не была для меня такъ тягостна.

Чѣмъ онъ былъ боленъ? На этотъ вопросъ можно отвѣчать только то, что онъ страдалъ, страдалъ много, страдалъ тѣломъ и душою, но въ чемъ именно заключались его страданія, какъ онъ начался, — никто не знаетъ, и никому не сказывалъ онъ объ нихъ ничего, даже своему духовнику.

Съ котораго времени, по крайней мѣрѣ, оказалась въ немъ роковая перемена? Кажется, недѣли за три до кончины.

А за мѣсяцъ онъ былъ, по видимому, здоровъ, принималъ еще живое участіе въ изданіи своихъ сочиненій, которыя печатались вдругъ въ трехъ типографіяхъ, занимался корректурами, заботился объ исправленіяхъ въ слогъ, просилъ замѣчаній.

Автомъ же читалъ многимъ главы, (до семи), изъ второго тома «Мертвыхъ душъ», и самъ попросилъ напечатать извѣстіе въ журналѣ о скоромъ его изданіи вмѣстѣ съ умноженнымъ первымъ.

По соображеніямъ оказывается теперь, что въ последнее время онъ уклонялся подъ разными предлогами отъ употребленія пищи, въ чемъ однакожъ учесть было его невозможно. Во вторникъ на масленицѣ онъ пріѣзжалъ къ своему духовнику, живущему въ отдаленной части города, извѣстить, что говѣеть, и спросить, когда можетъ пріобщиться. Тотъ посоветовалъ было дождаться первой недѣли поста, а потомъ согласился и назначилъ четвергъ.

Въ четвергъ явился онъ въ церковь еще до заутрени, и исповѣдался. Передъ принятіемъ святыхъ даровъ, за обѣденою, плакалъ много и много плакалъ. Былъ уже слабъ и почти шатался. Вечеромъ пріѣхалъ онъ опять къ священнику, и просилъ его отслужить благо-

дарственный молебень, упрекая себя, что забылъ исполнить то поутру. Изъ церкви завхалъ по соседству къ одному знакомому, который при первомъ взглядѣ на него замѣтилъ въ лицѣ болезненное разстройство, и не могъ удержаться отъ вопроса, чтѣ съ нимъ случилось. Ничего, отвѣчалъ онъ, я нехорошо себя чувствую. Просидѣвъ нѣсколько минутъ, онъ всталъ,—въ комнату сѣдло двое постороннихъ,—и сказалъ, что сходить пока къ домашнимъ, но остался у нихъ еще менѣе.

Въ субботу, на масленицѣ, онъ посѣтилъ также нѣкоторыхъ своихъ знакомыхъ. Никакой особенной болезни не было въ немъ замѣтно, не только опасности; а въ задумчивости его, молчаливости, не представлялось ничего необыкновеннаго.

Съ понедельника только обнаружилось его совершенное изнеможение. Онъ не могъ уже ходить, и слѣгъ въ постель. Призваны были доктора. Онъ отвергалъ всякое пособіе, ничего не говорилъ, и почти не принималъ пищи. Просилъ только по временамъ пить, и глоталъ по нѣскольку капель воды съ краснымъ виномъ. Никакія убѣжденія не дѣйствовали. Такъ прошла вся первая недѣля. Въ четвергъ сказалъ: надо меня оставить, я знаю, что долженъ умереть.

Въ понедельникъ на второй недѣлѣ духовникъ предложилъ ему пріобщиться и пособороваться масломъ, на что онъ согласился съ радостію, и выслушалъ всѣ евангелія въ полной памяти, держа въ рукахъ свѣчу, проливая слезы.

Вечеромъ уступилъ было настояніямъ духовника принять медицинское пособіе, но лишь только прикоснулись къ нему, какъ закричалъ самымъ жалобнымъ, раздрающимъ голосомъ: оставьте меня, не мучьте меня! — Кто ни приходилъ къ нему, онъ не поднималъ глазъ, приказывалъ только по временамъ переворачивать себя, или подавать себѣ пить. Иногда показывалъ нетерпѣніе.

Во вторникъ онъ выпилъ безъ прекословія чашку бульону, поднесенную ему служителемъ, чрезъ нѣсколько времени Другую, и подалъ тѣмъ надежду къ переменѣ въ своемъ положеніи, но эта надежда продолжалась не долго.

Въ среду обнаружались явные признаки жестокой нервической горячки. Употреблены были всѣ средства, коихъ онъ, кажется, уже не чувствовалъ, изрѣдка бредилъ, восклицая: поднимите, заложите, на мѣльницу, ну-же, подайте! Ночью дышалъ тяжело, но къ утру затихъ,—и скончался.

Изъ разспросовъ объ участи его сочиненій оказалось:

Въ воскресенье, передъ постомъ, онъ призывалъ къ себѣ одного изъ друзей своихъ, и, какъ бы готовясь къ смерти, поручалъ ему отдать нѣкоторыя свои сочиненія въ распоряженіе духовной особы, имъ уважаемой, а другія напечатать. Тотъ старался ободрить его упавшій духъ, и отклонять отъ него всякую мысль о смерти.

Ночью, на вторникъ, онъ долго молился одинъ въ своей комнатѣ. Въ три часа призывалъ своего мальчика, и спросилъ его: тепло ли въ другой половинѣ его покоевъ. Свѣжо, отвѣчалъ тотъ. Дай мнѣ плащъ, пойдемъ: мнѣ нужно тамъ распорядиться. И онъ пошелъ, съ свѣчей въ рукахъ, крестясь во всякой комнатѣ, чрезъ которую проходилъ. Пришедъ, велѣлъ открыть трубу, какъ можно тише, чтобъ никого не разбудить, и потомъ подать изъ шкафа портфель. Когда портфель былъ принесенъ, онъ вынулъ оттуда связку тетрадей, перевязанныхъ тесемкой, положилъ ее въ печь, и зажегъ свѣчей изъ своихъ рукъ. Мальчикъ, догадавшись, упалъ предъ нимъ на колѣни, и сказалъ: баринъ, что вы это, перестаньте! Не твое дѣло, отвѣчалъ онъ, молись. Мальчикъ началъ плакать и просить его. Между тѣмъ огонь погасалъ, послѣ того какъ обгорѣли углы у тетрадей. Онъ замѣтилъ это, вынулъ связку изъ печки, развязалъ тесемку, и уложилъ листы такъ, чтобъ легче было приняться огню, зажегъ опять, и сѣлъ на стулъ передъ огнемъ, ожидая, пока все сгоритъ и истлѣетъ. Тогда онъ, перекрестясь, воротился въ прежнюю свою комнату, поцѣловалъ мальчика, легъ на диванъ и заплакалъ. Иное надо было сжечь, сказалъ онъ, подумавъ, а за другое помолились бы за меня Богу; но, Богъ дастъ, выздоровѣю и все поправлю.

Путру онъ сказалъ гр. Т.: вообразите, какъ силенъ злой духъ! Я хотѣлъ сжечь бумаги, давно уже на то определенныя, а сжечь главы «Мертвыхъ душъ», которыя хотѣлъ оставить друзьямъ на память послѣ своей смерти.

Вотъ что до сихъ поръ известно о погибели неопытнаго нашего сокровища!

Было-ль это дѣйствіе величайшимъ подвигомъ христіанскаго самоотверженія, самую трудною жертвою, какую можетъ только принести наше самолюбіе, или таился въ немъ глубоко сокрытый плодъ тончайшаго самообольщенія, высшей духовной прелести, или, наконецъ, здѣсь дѣйствовала одна жестокая душевная болѣзнь?

Во всѣхъ трехъ, возможныхъ и ввроятныхъ, случаяхъ, онъ имѣетъ равное право на наше человѣческое участіе? Всѣ они одинаково вы-

зываютъ насъ къ размышленію, глубокому, въ наше время, исполненное чудныхъ явленій и въ обществахъ и въ людяхъ.

Можно утвердить только то, что это была натура особливая, которая по кончинѣ сдѣлалась еще таинственнѣе и еще мудренѣе для уразумѣнія, чѣмъ была при жизни, и которую судить простою мѣркою, по обыкновеннымъ нашимъ понятіямъ, нельзя и не должно. Чтѣ принадлежало въ немъ его физиологіи, его національности, его воспитанію, его опыту, чтѣ было ему врождено, что имъ приобретено, чтѣ въ немъ выработалось безъ его вѣдома, всего этого разобрать едва ли достанетъ въ комъ силы.

Можетъ быть духъ, который былъ условіемъ его созданій, и который сообщалъ имъ ту, ни съ чѣмъ несравненную, для насъ любезность и прелесть, ту силу удивительную, которой ничто не противилось, былъ вмѣстѣ и условіемъ его такой жизни, его такой смерти, его такого образа дѣйствій: если бы онъ не умеръ такъ, можетъ быть онъ не могъ бы и жить такъ, и не живя такъ, не могъ бы и писать такъ. Все это вѣдать единому Сердцевѣду....

И на что намъ разбирать источники плачевнаго событія? Больше ли мы должны благоговѣть передъ христіаниномъ, чѣмъ сострадать несчастливцу, или священно-трепетать о человѣкѣ?

Друзья и братья! человѣкъ еще ближе всѣхъ къ намъ.

Оставимъ же бесполезныя изслѣдованія и неверныя догадки. Оплачемъ горькими слезами то, чтѣ потеряли, и возблагодаримъ сторицею за то, чтѣ осталось! Будемъ удивляться великому художнику, и молиться, кто можетъ, о слабомъ человѣкѣ.

Ж. П.

4-го Марта.

Р. С. Торжественныя, умиленные похороны Гоголя, приносящія столько чести Москвѣ и ея начальству, описаны въ нашихъ газетахъ. Въ роковую недѣлю меня не было въ Москвѣ, какъ будто въ наказаніе, что я въ последнее время позволялъ себѣ питать разныя подозрѣнія на счетъ его, и не вривалъ вполнѣ его искренности. Шевырева также не было: тотъ самъ лежалъ больной въ постель.

Шкапъ покойнаго запечатанъ и будетъ разобранъ по истеченіи шести недѣль. Можетъ быть найдется еще что-нибудь тамъ, или въ другомъ неожиданномъ мѣстѣ.

СОВРЕМЕННЫЯ ИЗВѢСТІЯ

ЗАТРАНИЧНЫЯ

Панорама Парижа.—Новая политическая звезда.—Новая система первоначальнаго обученія.—Парижская Академія Наукъ.—Парижскія женщины.—Балы у Мецской заставы.—Балъ у пѣвца Понсара.—Циръ у министра бразильскаго императора.—Оригинальный паспортъ.—Парижскіе и повскіе *тодресы*.—Парижская Опера.

Опять Парижъ и всегда Парижъ! скажутъ читатели. Но гдѣ же искать новостей, какъ не въ Парижѣ, въ этомъ вогнутомъ зеркалѣ, въ которомъ отражаются событія цѣлаго міра, всѣ успѣхи, всѣ неудачи, всѣ попытки, всѣ промахи, всѣ интересы, всѣ стремленія, всѣ страсти. Парижъ есть средоточіе изящнаго и ужаснаго, высокаго и смѣшнаго, прекраснаго, граціознаго, живописнаго, страннаго, уродливаго, невозможнаго и безсмысленнаго. Покуда Парижъ останется тѣмъ, что онъ есть: окомъ наблюдателя, мыслию міра, комментариемъ человека, человечествомъ, превращеннымъ въ городъ,—до тѣхъ поръ въ этомъ городѣ всегда найдутся матеріалы для изысканій философа, для наблюденій моралиста, для кисти Рембранта, для карандаша Гогарта и Гаварни, для драмы, для книги, для фельетона. Скорѣе можно передать на полотно, на бумагу, на металлическій листокъ дагерротипа, измѣнчивыя формы волнъ бурнаго моря, нежели схватить на лету образы этого океана личностей, очерки безотчетныхъ всплесковъ моды, фантазій, страстей, многообразныхъ, какъ помыслы природы, измѣнчивыхъ и непостоянныхъ, какъ ея прихоти, непонятныхъ и невыразимыхъ, какъ ея тайны.

Парижане—и ты плохо знаешь свой родной городъ. Охотникъ за слонами, въ два года, вытвердить на память всю мѣстность большой и малой Капрія, а парижанинъ, умирая на семидесятомъ году безыгвадной изъ города жизни, все еще не знаетъ многихъ улицъ, урочищъ, кружалъ и притоновъ своей родины. Когда туристъ утопчетъ всѣ тропинки Алтайскаго хребта, спекулантъ промоетъ всѣ росыпи Калифорніи и Австраліи, естествоиспытатель обойдетъ всѣ оазисы Саары, и морякъ-промышленникъ переловитъ всѣхъ тюленей на вѣчныхъ льдахъ южнаго полюса, и тогда еще древняя Лютесція найдетъ чѣмъ утолить любознательную жажду классиче-

скаго бродяги, зѣваки-наблюдателя, и мудреца-теоретика. Много занимательнаго и поучительнаго найдутъ они въ гостинныхъ великолѣпнаго дворца и подъ кровлей смиренной лачужки, въ рабочей художника и въ харчевнѣ простолюдина, въ вертепахъ разврата и разгуля, и въ катакомбахъ, на рынкахъ и гульбищахъ, на бульварахъ, на площадяхъ, на улицахъ и въ безвыходныхъ переулкахъ этой обвѣтованной земли открытій, этой вселенной въ двѣнадцать лье окружности, этого чудеснаго Вавилона, окаймленнаго со всѣхъ сторонъ любовью, желаніями, ненавистью, умомъ, страстію, безразсудствомъ, талантами, бездарностію, и — укрѣпленіями. Пока останется хотя одна метафора въ языкъ человѣческомъ, одна капля въ чернильницѣ литератора, стеклянка кислоты на рабочемъ столѣ гравера, карандашъ и кисть на мольбертѣ живописца, на долю Парижа достанется все лучшее изъ произведеній этихъ толковниковъ мысли. Для него, для Парижа, краснорѣчивый писатель разработаетъ неистощимую руду словосочетанія новаго, необычнаго, наберетъ фалангу иносказаній; для него ученый зароется въ прахъ вѣковъ, граблѣнхъ гравера не перестанетъ бороздить металлъ и дерево, карандашъ марать бумагу, кисть пестрить полотно, а солнце, — этотъ запоздалый, послѣдній изъ артистовъ, — узорить бромій, и укладывать на металлическія пластинки обломки своихъ перегорѣвшихъ лучей.

Но все уже описано, все сказано, возразитъ читатель. Много говорено, отвѣчаемъ мы, — но мало сказано. Имена Мерсье и Дюлоръ (*) еще носятъ на волнахъ этого бурнаго моря, но сколько именъ поглотили его бездонныя пучины. Для многихъ писателей, историковъ и біографовъ Парижа, этотъ городъ былъ только собраніемъ дворцовъ и памятниковъ. Они ощущали тѣло, и не заглянули въ душу. — Правда, что другіе, по примѣру хромоногаго асмодея, вскрыли кровли домовъ, и пытались указать намъ тысячу драмъ семейнаго быта, тысячу случаевъ этой жизни характеристической, своеобразной, такъ сказать, личной, но многіе ли успали въ этой смѣлой попыткѣ? Бальзакъ посвятилъ этимъ трудамъ двадцать лѣтъ жизни и двадцать своихъ образцовыхъ произведеній. Многіе пытались подражать ему, и его герои до сихъ поръ служатъ моделями романистамъ, драматургамъ, комористическимъ писателямъ и рассказчикамъ анекдотовъ. Преступленія высшаго круга, вѣчныя, классическія добродѣтели жителей чердаковъ, усилія генія, — здѣсь, чтобы заработать милліоны, — тамъ, чтобы вырвать у нужды насущный кусокъ хлѣба, — золотое существованіе банкировъ и тяжкая нищета об-

(*) Сочинителя опасавій Парижа.

тателей мрачныхъ и постыдныхъ кварталовъ, гдѣ укрываются убійцы и воры, гдѣ гнѣздится безстыдный развратъ и робко ютятся честная бѣдность,—все изслѣдовано, все извѣдано, все прошло черезъ руки демона описаній и анализа, — и все еще многое неизвѣстно, многое требуетъ изслѣдованій и изысканій, многое даже не почато, многое ждетъ пытливаго взгляда наблюдателя, физиологическаго изслѣдованія мысли, и краснорѣчиваго пера остроумнаго рассказчика.

Хотите ли взглянуть на физиономію этого неизмѣримаго города, хотите ли, чтобы онъ у ногъ вашихъ развернулъ разнообразную панораму своего вѣшняго величія? Взберитесь на верховой конецъ улицы Мучениковъ, на ступени Пантеона, на кладбище Père-Lachaise. Изорванная пелена стрыхъ облаковъ заволокла солнце; кое-гдѣ проглядываетъ блѣдно-голубое парижское небо; горизонтъ окрестностей неясной, изломанной чертою тянется вокругъ васъ, отороченный узорчатой бахрамою тумановъ. Проблѣски свѣта яркими пятнами падаютъ на одноцвѣтное дно картины. Громадный городъ улегся въ обширной рамѣ своихъ бастионовъ, сдавливая гранитными берегами свѣтлую ленту Сены, перехваченную безчисленными мостами. Стекланные куполы, аспидъ и гладкая черепица крышъ, блестятъ какъ свѣтлые гребни исполинскихъ волнъ этого гранитнаго океана. Но это морѣ не однообразно, какъ гладкая, безпредѣльная равнина океана. На немъ разсыяны зеленющіе острова, живописные оазисы этой многолюдной пустыни. Тюльери, Люксембургъ, ботаническій садъ, Елисейскія поля, привѣтливо манять взоръ, утомленный разнообразіемъ картины. Величественные монументы причудливо ломаютъ черту далекаго горизонта. Здѣсь стрѣлы готическихъ башенъ, тамъ массивныя зданія, незапамятной старины, далѣе—огромный куполь, прозрачная колоннада. Храмы Св. Іакова, Св. Евстафія, Парижской Богоматери, и другіе памятники среднихъ вѣковъ; Пантеонъ, зданіе биржи, церковь Св. Магдалины, и этотъ рядъ дворцовъ, эта архитектурная кайма свѣтлой Сены: Лувръ, площадь Согласія, дворецъ Бурбоновъ, домъ Инвалидовъ, красиво выдаются на этой разнообразной смѣси храмовъ и зданій, площадей и улицъ. Если вы взглянете на эту картину ночью, вы увидите подъ звезднымъ сводомъ неба, другое небо, усѣянное звездами, болѣе многочисленными, болѣе яркими, которыя воды Сены отражаютъ вмѣстѣ съ звездами небесными. Повсюду пылаетъ газъ въ ожиданіи восхода электрическаго солнца, которое, можетъ быть, скоро воцаритъ въ Парижъ вѣчный день.

Но поминемъ карандашъ пейзажиста и обратимся къ душѣ этого огромнаго тѣла. Посмотрите на эту толпу, вѣчно движущуюся,

вѣчно шумную, какъ разгульное море. Какая кисть можетъ изобразить это пестрое скопище, какой языкъ, изъ всѣхъ шарвчій разсыянныхъ сыновъ Ноя, въ состояніи описать этотъ муравейникъ, этотъ приливъ человечества? Все, что гений челоуѣка и прихоть женщины, эти двѣ творческія силы, могли произвести оригинальнаго, стройнаго, разногласнаго, привлекательнаго, отвратительнаго; все, что живетъ подъ какимъ-либо участкомъ неба, прислало свои образчики на этотъ челоуѣчскій базаръ, на эту всемірную сходку животныхъ, которыхъ Бюффонъ поставилъ между обезьяною и существомъ все-совершеннымъ. Вотъ челоуѣкъ, удушенный узкимъ галстукомъ и рогаткою крѣпко-накрахмаленнаго воротничка, съ взерошенными бакенбардами, въ тѣсномъ пальто, бѣдный, блѣлый, худой,—это англичанинъ; рядомъ съ нимъ длинная и тощая какъ волосатикъ леди, нѣжно зацѣпилась за сложенную прямымъ угломъ руку своего высокороднаго сожителя. Далѣе, клочковатые, скатанные въ войлокъ волосы, приторно-бѣлое и румяное лицо, длиннополый фракъ, и короткіе, по шиколочку, панталоны, обличаютъ пылкаго мечтателя туманной Германіи; за нимъ слѣдуетъ обтянутый узкимъ сюртукомъ, приземистый франтъ, съ шляпою на затылкѣ, съ густыми, но короткими, котлетообразными бакенбардами, съ ухватками парижскаго зѣваки,—но это не сынъ Галліи, не французъ,—это дитя Марсели, совершенно отличный отъ прочихъ французовъ нравами, обычаями, привычками. Возлѣ него, смѣло и сильно раздвигаетъ толпу костлявый, смуглый мужчина, съ кудрявою головою, съ усами въ крутой завитокъ,—онъ родился между моремъ и стѣной Пиринейскаго хребта.—Другой, также смуглый, бородастый, курчавый, съ фальшивыми драгоценными камнями на пальцахъ и на груди,—уроженецъ классической Италиі. Греки, въ красныхъ фескахъ, съ мужественными и гордыми чертами; сыны востока въ національной одеждѣ, хладнокровные и невпечатлительные, даже въ Парижѣ, какъ вѣрные поклонники пророка; русскіе, лучшіе подражатели французской изящной щеголезатости, — все движется, какъ образы неустанной фантазмагоріи, оставляя наблюдателю или урокъ, или добрый совѣтъ.

Въ этой хаотической смѣси личностей, особенно примѣчательна одна,—это парижанинъ. Эскимось менѣе привязанъ къ своей ледяной лачужкѣ, дикій менѣе любитъ свою родимую хижину, чѣмъ парижанинъ свои бульвары, свои набережныя, свой Пале-рояль. Поговорите съ нимъ о далекихъ странахъ, о путешествіяхъ кругомъ свѣта; попытайтесь тронуть его одиссейми палубы, гостиницы, каравана и пароходовъ,—вы увидите, съ какимъ презрѣніемъ будетъ васъ слушать этотъ челоуѣкъ, не выдавшій ничего, кромѣ сѣраго клочка парижскаго

неба, грязныхъ улицъ, нечистыхъ заставъ, садовъ и загородныхъ гульбищъ, раскрашенныхъ, стьсенныхъ,—этой уродливой пародіи на роскошную, разнообразную, творческую природу, на великія дѣла Создателя всего сущаго. Но путешественники всѣхъ видовъ, заключающихся между Александромъ Гумбольдомъ и Александромъ Дюма, между высокою наукою и высокою фантазіею, ничего не могутъ возразить противъ вѣчнаго, неутомимаго праздношатательства парижанина, праздношатательства безцѣльнаго, безнамѣреннаго, но всегда поучительнаго, оживленнаго, богатаго впечатлѣніями, воспоминаніями, уроками. Вы совершали путь вокругъ свѣта, о пилигримы науки! а онъ развѣ не обошелъ, развѣ не обходитъ ежедневно цѣлый міръ? Для него Китай и Японія услужливо втѣснились въ магазинъ на бульварѣ; Перу и Индія блестятъ на выставкахъ ювелировъ и золотыхъ дѣлъ мастеровъ. Фантастическія охоты новѣйшихъ Немродовъ и Циклопскіе лѣса романистовъ новаго свѣта, найдетъ онъ въ очарованной странѣ Сень-Денисской долины, въ дикомъ уединеніи Фонтенебло. Попробуйте удивить его диковинками лѣтоисей мореплаванія: Сена для него царица рѣкъ, первые мореходцы,—аньерскіе лодочники; онъ лично видѣлъ, какъ спускали въ Пельи фрегатъ—модель! что же для него, послѣ этого, трехдечный корабль? Онъ не разъ любовался регатами и борьбою на водѣ,—что за диво для него, послѣ этого, морское сраженіе! Парижъ вмѣщаетъ въ себѣ контрибуцію съ цѣлаго міра, и парижанинъ, проведя сорокъ лѣтъ въ тѣсномъ округѣ своей общины, напрасно пустился бы путешествовать: онъ увидѣлъ бы только блѣдные снимки съ того, что онъ уже видѣлъ, наблюдалъ въ самомъ цвѣтѣ, во всей славѣ, въ полномъ совершенствѣ.

И кчему ему путешествовать, ему, сыну и любимцу энциклопедической столицы, который привыкъ слоняться по своему городу съ малолѣтства,—для котораго праздношатательство есть призваніе, оклонность, страсть,—который каждый день присутствуетъ на смотрѣ всевозможныхъ произведеній нашей подлунной отчизны? Цѣлый міръ путешествуетъ для него, цѣлый міръ собираетъ все рядкое, все изящное, чтобы заслужить его одобреніе, чтобы польстить его прихотливому вкусу. У него всегда передъ глазами все, что создаетъ природа, что производитъ искусство, что создаетъ золото, рѣзецъ и кисть художника,—образцовыя произведенія литературы, поэзіи, музыки. Не для него ли живетъ, движется, работаетъ все, въ чемъ проявляется жизнь, движеніе и дѣятельность? Все, что обширный міръ можетъ показать ему, онъ видитъ дома, и кроме, того только дома можетъ онъ видѣть то, чего нѣтъ въ цѣломъ мірѣ, что исключительно принадлежитъ одному Парижу.

Что же принадлежит Парижу преимущественно предъ цѣлымъ міромъ?—Это гений искусствъ, который сдѣлалъ этотъ городъ родиной изяшнаго, граціознаго, щеголеватаго во всѣхъ родахъ; это неподражаемый вкусъ во всемъ, что создается въ Парижѣ; это неутомимое прилежаніе, которое сдѣлало Парижъ мануфактурнымъ, какъ Лионъ и Манчестеръ, торговымъ, какъ Суттамптовъ и Марсель, промышленнымъ, какъ англійскій желѣзный заводъ, ученымъ, какъ университетъ Германіи, артистическимъ, какъ... какъ самый Парижъ. Любите вы науку, философію, литературу,—васъ ожидаютъ профессора на своихъ кафедрахъ, начиная съ прозектора, анатомирующаго трупъ въ клиникѣ, до метафизика, что разлагаетъ въ Сорбоннѣ субъективное и объективное *я*, до филолога, что анализируетъ въ Collège de France стихъ Виргилія, до ориенталиста, съ точностію опредѣляющаго вамъ время существованія знаменитаго преобразователя Будахъ-Муни, о которомъ никто до тѣхъ поръ и не слыхивалъ. Какъ опять не сказать ни слова объ этой модѣ, изменяющейся поминутно, единственно по ненависти ко всему, похожему на постоянство? Ни одно перо не въ состояніи описать всѣхъ странныхъ, неслыханныхъ, неизъяснимыхъ, невозможныхъ помысловъ женской прихоти, которые можно видѣть осуществленными на тѣсномъ пространствѣ между храмомъ св. Магдалины и площадью Бастиліи.

Что принадлежит исключительно Парижу?— Это населеніе, смѣшанное, разнородное и оригинальное, въ которомъ больше видовъ, нежели личностей, въ которомъ есть типы неподражаемые; это промышленность, въ которой господствуетъ изобрѣтательность самой изобрѣтательной въ мірѣ націи. Словомъ, все то, что взялся пересказать намъ г. Эдмондъ Тексъ въ своей книгѣ «Tableau de Paris», которой первый выпускъ поступилъ въ продажу 16 минувшаго февраля, Г. Тексъ обѣщаетъ описать Парижъ 1852 года, какъ Мерсье описалъ Парижъ до-революціонный. Изданіе будетъ украшено 2,000 гравюръ. Въ книгахъ Мерсье и Тексъ будетъ общаго только заглавіе и предметъ; въ шестьдесятъ лѣтъ, сколько измѣненій совершилось и въ цѣломъ и въ частностяхъ Парижа!

Картина Парижа составитъ два тома въ четверть листа и выйдетъ въ 200 выпусковъ, по четыре странички каждый, или въ 20 серій, по десяти тетрадей въ серіи. Цѣна 15 сантимовъ за выпускъ, или 1 фр. 50 сантимовъ за серію, 7 р. 50 коп. сер. на наши деньги, за два тома, безъ пересылки.

Но все таки это старое, а хотите ли видѣть новую политическую звезду? вотъ она: это г. Бильбо, теперешній президентъ Законодательнаго Собранія.

Г. Бильё прежде былъ адвокатомъ въ Нантскомъ округѣ. Въ 1834 году,—ему было тогда тридцать два или тридцать три года,—онъ избранъ былъ депутатомъ отъ Нижне-Луарскаго департамента. Носились слухи, что за нѣсколько лѣтъ до этого, г. Бильё женился на одной не очень богатой и не очень молодой женщинѣ, но за которой, вмѣсто приданого, ему обвѣщено было министерство. Вступивши въ Палату Депутатовъ, онъ присталъ къ умеренной оппозиционной партіи, которая известна была подъ названіемъ *левой стороны*, и главою которой былъ г. Тьеръ. Трудолюбивый, дѣятельный, обладавъ вполнѣ даромъ слова, г. Бильё касался очень многихъ политическихъ вопросовъ. Онъ написалъ нѣсколько разсужденій о политикѣ, которыя приобрѣли ему громкую известность; особенно же были замѣчательны его сочиненія о вопросахъ коммерческихъ и о желѣзныхъ дорогахъ. При устройствѣ кабинета, составившагося 1-го марта 1840 г., онъ получалъ, по представленію г. Тьера, мѣсто помощника секретаря въ министерствѣ земледѣлія и торговли.

Послѣ паденія этого кабинета, г. Бильё перешелъ къ оппозиціи, подѣ начальство г. Тьера. Онъ принималъ кромѣ того очень жаркое участіе въ преніяхъ—о правѣ осмотра кораблей и въ дѣлѣ г. Причара, но, черезъ нѣсколько лѣтъ, оставилъ сторону г. Тьера. Слишкомъ честолюбивый и слишкомъ увѣренный въ своихъ собственныхъ силахъ, г. Бильё пытался было, но безъ успѣха, замѣнить собой Тьера въ главѣ оппозиціонной партіи; онъ забывалъ, что для этого мало одного желанія, а нужны еще известность и значеніе въ политическомъ мірѣ. Здѣсь не мѣшаетъ замѣтить, что почтенный глава левой стороны обращался съ членами своей партіи слишкомъ самовластно, повелительно и сухо, чѣмъ оскорбилъ и удалилъ отъ себя многихъ политическихъ людей, державшихъ его сторону, между которыми особенно замѣчательны г. Паси и г. Дюфоръ. Г. Бильё сошелся съ ними въ этомъ шаткомъ положеніи, между оппозиціей и министерствомъ. Сбитый съ своего новаго поприща, и видя безуспѣшность попытокъ привлечь кого-нибудь на свою сторону, г. Бильё сталъ болѣе и болѣе сближаться съ Дюфоромъ, и, потому, по случаю довольно щекотливаго и труднаго вопроса объ испанскихъ бракахъ, оба они пристали къ политическимъ мнѣніямъ г. Гизо.

Такимъ образомъ г. Бильё въ 1848 г. находился въ значительномъ отдаленіи отъ конституціонной оппозиціи, считавшей между своими членами гг. Огиллона Барро, Тьера, Ремюза, Мальвиля, Бомона (де-ла-Сомъ), Эрнеста де-Жирардена, Дювержье де-Горань, Бароша и множество другихъ.

Послѣ 24 февраля всѣ эти государственные люди, при видѣ опасности, перемѣнили тактику, и присоединились къ партіи порядка, рѣшившись мужественно поддерживать борьбу. Г. Бильйо, напротивъ, быстро шелъ совершенно другимъ путемъ, приближаясь къ партіи радикаловъ и даже къ границамъ партіи социалистической. 10-го декабря, политическое положеніе г. Бильйо было таково, что его вовсе не предвидѣлъ и г. Одилонъ-Барро: — онъ принялъ участіе въ первомъ министерствѣ принца Людовика Наполеона. Спустя нѣсколько времени, когда распространился слухъ, что министерству угрожаетъ кризисъ, президентъ, въ продолженіе цѣлаго мѣсяца, узнавалъ и изучалъ всѣ политическія партіи, всѣхъ значительныхъ людей, бывшихъ членами учредительнаго собранія. Въ этомъ изученіи людей и тогдашняго положенія дѣлъ показалъ онъ рѣдкую проникаемость. Г. Бильйо, послѣ перваго свиданія съ принцемъ, очень ему понравился. Много разъ потомъ призывали его къ принцу, когда министерство уже готово было окончательно пасть; однако онъ не могъ достигнуть того, чтобы снова возстановить кабинетъ.

Г. Бильйо не обладалъ никогда большимъ краснорѣчіемъ, но онъ умѣлъ отчетливо разбирать судебныя путаницы, рѣшилъ множество дѣлъ, и въ политическихъ преніяхъ отличался особеннымъ безпристрастіемъ и силою. Въ самой его личности есть именно что-то привлекательное. Онъ небольшого роста, и голову держитъ нѣсколько на правую сторону; но у него правильныя и пріятныя черты лица, глаза большіе, живые и хитрые, голосъ мягкій и нѣжный, рѣчь свободная и ласковая. Играя второстепенную роль, онъ былъ дурной подчиненный, по своему нетерпѣливому и заносчивому характеру, но можно думать, что, ставши главою членовъ законодательнаго собранія, онъ своими пріятными манерами заставитъ полюбить себя. Онъ обладаетъ такимъ умомъ, безпристрастіемъ и твердостью, что, безъ сомнѣнія, будетъ въ силахъ прекращать все споры... если только споры къ настоящему времени могутъ возникнуть тамъ.

Жалованья президенту законодательнаго собранія назначено по 100 т. фр. въ годъ, такъ же, какъ и министрамъ. Кроме того онъ будетъ жить въ прежнемъ зданіи палаты депутатовъ и пользоваться всеми выгодами, съ этимъ соединенными. Декретъ, которымъ назначается это жалованье, уже подписанъ.

Вамъ не нравится всѣ известныя системы первоначальнаго обученія, и вамъ нужна, для дѣтей или воспитанниковъ вашихъ, система болѣе удобная, болѣе понятная, — новая система г-на Тома къ вашимъ услугамъ. Вотъ ея преимущества:

Самое большое затрудненіе въ первоначальномъ обученіи дѣтей востояло въ необходимости овладѣть вниманіемъ ребенка, въ искусствѣ сосредоточить на одномъ предметѣ всѣ его способности, привычныя проявлять свою дѣятельность, въ одно и тоже время, на различныхъ предметахъ. Необходимость обуздать эту безпокойную, видоизмѣняющую дѣятельность, породила много системъ, но должно сознаться, что всѣ онѣ только обманывали ребенка, не приводя наставника къ желаемымъ результатамъ. Во всѣхъ извѣстныхъ системахъ приманка скоро утрачиваетъ для ученика свою привлекательность; въ этомъ могли убѣдиться всѣ употреблявшіе *историческія азбуки, азбучные пасьянсы и другія подобныя азбуки-игры.*

Г. Толоза представляетъ публикѣ совершенно новую систему, которая имѣетъ преимущественное предъ другими достоинство, употребляетъ въ одно дѣло всѣ способности ученика. Даже *подвижность*, это нетерпѣливое, энергическое свойство малолѣтства, г. Толоза умѣлъ, какъ далѣе увидимъ, употребить съ пользою, и изъ недостатка сдѣлалъ вспомогательное для себя средство. Мы сказали, что это новая метода, но правильнѣе, это собраніе новыхъ примененій. Метода г. Толозы заключается въ употребленіи подвижныхъ буквъ, а этотъ способъ, въ примененіи къ обученію читать, принадлежитъ самой отдаленной старинѣ. Г. Перреймонъ, въ сочиненіи своемъ *о чтеніи*, упоминаетъ, что еще св. Іеронимъ совѣтовалъ начертывать буквы на отдѣльныхъ досечкахъ, изъ дерева или слоновой кости, для первоначальнаго обученія чтенію, и г. Толоза только занялъ эту методу. Самая мысль соединить эти буквы въ ящикъ, давно уже осуществилась въ типографіяхъ. Но что исключительно принадлежитъ г. Толозѣ,—это сочетаніе, комбинація этихъ элементовъ, для всеобщаго обученія. Г. Толоза учитъ этими подвижными буквами не только читать, но преподаетъ по своей методѣ грамматику, правописаніе, ариметику и географію.

Касса, или ящикъ, въ которомъ помѣщаются буквы, и который г. Толоза называетъ слога-наборщикомъ (*syllabaire-compositeur*), есть вмѣстѣ и книга и маленькая типографія. Въ немъ хранятся всѣ знаки письма, изображенные на маленькихъ кубическихъ деревяшкахъ, которыя можно произвольно уставлять въ колѣн доски, расположенныя прямолинейно, и даже на самыя стѣнки колѣн, устроенныя въ деревяшкахъ пазами. Механизмъ очень простъ; но не довольно изобрѣсти снарядъ, надобно было придумать систему обученія, и въ этомъ случаѣ г. Толоза доказалъ, что онъ зрѣло и глубоко обдумалъ свою методу.

При каждом столѣ помѣщаются только три ученика; средній ученикъ повѣряетъ труды своихъ соседей. Передъ каждымъ ученикомъ стоитъ небольшой *слово-наборникъ* съ пульпитромъ. Учитель имѣетъ также подобный снарядъ большаго размѣра, помѣщенный такъ, чтобы былъ виденъ всемъ ученикамъ. Наставникъ складываетъ изъ отдельныхъ буквъ слоги и слова, — ученики дѣлаютъ то же на своихъ таблицахъ. Это занятіе требуетъ отъ воспитанниковъ большаго вниманія, посѣпшности и смѣтливой ловкости, и занимаетъ въ одно время ихъ слухъ, зрѣніе и понятливость. Порывистая дѣятельность ребенка обуздана и удовлетворена: онъ смотритъ, онъ слушаетъ, онъ дѣйствуетъ. Знаніе проникаетъ въ него всеми чувствами, и сверхъ того, онъ привыкаетъ къ понятіямъ о порядкѣ, о классификаціи, о геометрическихъ очертаніяхъ и размѣрахъ. Вотъ удобства и преимущества методы г. Толозы; успѣхъ ея несомнѣненъ.

Хотите новостей въ ученомъ свѣтѣ,—слушайте: парламентское краснорѣчіе—въ отставку, а легкая поэзія убралась на покой; другими словами: гг. Берье и А. де Мюссе поступили въ Академію. Побѣда новыхъ избранниковъ тѣмъ блистательнѣе, что состязавшихся было много, и всѣ люди достойные. За исключеніемъ г. Филарета Шаля, заслуженнаго критика и доктора *in utroque*, всѣ соперники выросли подъ тѣнью драматическаго лавра. Ими были гг. Лидьеръ, Понсаръ, Ожье, Мазеръ, и въ особенности г. Легуве, *alter ego* г-на Скриба, сотрудникъ въ его послѣднихъ, и чуть ли не лучшихъ сочиненіяхъ. Если бы владыка современной трибуны не былъ въ числѣ кандидатовъ, можетъ быть, что г. Легуве и занялъ бы мѣсто въ креслѣ N 32, которое занималъ покойный его отецъ, прежде Александра Дювала и Баланша, и послѣ маршала Ришелье, такъ славнаго своими автографами, безъ орфографіи, какъ на примѣръ: «*On veut te fer de l'academy, zela te va come une bag o doit*». День торжественнаго принятія новыхъ членовъ еще не назначенъ. Говорятъ, что г. Гизо, которому поручено написать отвѣтъ на рѣчь г. Берье, послалъ къ нему попросить полнаго изданія его сочиненій, забывъ, что знаменитый ораторъ былъ *писателемъ только на словахъ* (*estivian parlé*). Увѣряютъ также, что Академія, еще взволнованная эффектомъ безпокойной рѣчи Монталамбера, пригласила вновь поступающихъ членовъ ограничиться академическою похвалою ихъ предшественникамъ гг. Дювата и гр. Сень-При.

Хотите ли видѣть, не славу красавицъ, но пригожихъ, милыхъ, гризетныхъ женщинъ,—ступайте на любое парижское гульбище. Тамъ ошійная зима вовсе не такъ сурова, какъ кажется, и привѣтливо приняла посвятившую ее, хотя и не вовремя, желанную гостью—весну.

Теплый февраль пригналъ, Богъ вѣсть откуда, рязный рой пестрыхъ бабочекъ. Дернъ начинаетъ зеленѣть; скромная фйлка беззвучнымъ бальзамическимъ вздохомъ приветствуетъ весеннее солнце; олеандръ собирается цвѣсти. Подъ благотворнымъ вліаніемъ этого ранняго тепла, парижскіе жители толпою стекаются на публичныя гульбища, отдыхать послѣ вчерашняго бала, послѣ тяжкихъ трудовъ ранняго утра, послѣ бессонной ночи за письменнымъ столомъ. Какое почетное мѣсто занимаетъ гулянье на лѣстницѣ парижскихъ наслажденій! Древняя и новая исторія подтверждаютъ эту истину. «Государь,—сказалъ одинъ робкій министръ Лудовику XIV, по случаю какого-то памятнаго эдикта,—добрый парижскій народъ начинаетъ роптать: что дѣлать? *par la zambleu*,—отвѣчалъ великій король,—*il faut les envoyer promener*». И парижане загуляли свое горе.

Итакъ, если хотите любоваться пригожимъ личикомъ, стройнымъ, гибкимъ станомъ, красивою ножкой, если хотите видѣть улыбку, отъ которой часто приходится горько поплакать, если желаете заглянуть въ темныя очи, отъ которыхъ свѣтлѣетъ на сердце, встрѣтить пламенный взглядъ, отъ котораго кипитъ кровь, и слышать эти *demi-mots*, эти полу-слова, что полнѣе парламентской рѣчи высказываютъ тайную мысль оратора,—ступайте, повторяю вамъ, ступайте на публичныя гулянья: вы встрѣтите тамъ—парижанку, типъ всѣхъ сносныхъ добродѣтелей и привлекательныхъ слабостей. Въ ней гармонія достоинствъ и недостатковъ составляетъ всю прелесть; отнимите тѣ или другіе,—и цѣлое испорчено. Не исправляйте парижанки: болѣе совершенная, она была бы хуже. Она прекрасна—недостаткомъ классической красоты; она умна, не глубиною мысли, а игривымъ ея всплескомъ, рязвой струей остроумія; она нѣжна не порывомъ жаркой страсти, а вспышкой привѣтливаго, теплаго чувства; всю мудрость свѣта, всѣ знанія, замѣняетъ ей *умилье*, этотъ *тактъ*, подъ который идетъ музыка жизни. Теперь, въ эпоху поста, молитвы, благотворительныхъ концертовъ и баловъ, лоттерей, базаровъ и пріятельскихъ вечеровъ, парижанка дѣлаетъ чудеса; ея дѣятельность успѣваетъ повсюду,—она является вездѣ: спѣшитъ и на веселый зовъ утѣхъ, и на повелительный призывъ тяжкой обязанности. Голосъ покаянія звучитъ въ душѣ ея вмѣстѣ съ грѣшнымъ говоромъ свѣта; попеременно квесторка и танцорка, она съ одинаковымъ самоотверженіемъ посвящаетъ себя утомительнымъ трудамъ благотворительности и тяжостнымъ испытаніямъ жескаго туалета. Съ января начинается преобразование деваши, чистостей, атрибутовъ мещанины. Дѣло не въ томъ, чтобы казаться столь возможно прекраснѣе и любезнѣе,—надобно уметь

согласовать въ своей личности двухъ вѣчныхъ тирановъ женщины, *modus* и *ratio*. Только при этомъ условіи можно прослыть женщиною со вкусомъ, только за эту цѣну можно попасть въ почетъ моднаго круга. Природа не всегда расточительна на прелести, на грацію,—искусство гораздо щедрѣе природы; но дѣло трудное—съ умньемъ приправлять искусствомъ скудные дары природы. Не въ одномъ нарядѣ, не въ бѣлилахъ и румянахъ дѣло: при нарядѣ, даже при красотѣ, нужна осанка, нужна поступь, соответственный языкъ, приличные приемы, а нарядъ, осанка, поступь, языкъ, приемы—все должно изменяться въ женщинѣ съ лѣтами,—съ каждымъ годомъ. Намъ и въ умъ не придуть всѣ взыскательныя требованія парижской прихоти, а парижанка безропотно имъ покоряется.

Теперь хотите ли видѣть грязную сторону Парижа, хотите ли видѣть парижанку на послѣдней ступени нравственнаго униженія; жалкое существо, которое совѣстно назвать женщиною:—посѣтите одинъ изъ призаставныхъ публичныхъ баловъ въ послѣдніе дни карнавала. Положимъ, вы попали къ Менской заставѣ, *barriere du Maine*, подъ вывеску *Le bon drille*. Въ выбѣленной известью залѣ, съ фестономъ паутины по стѣнамъ, при свѣтѣ четырехъ газовыхъ огней безъ стеколъ, на сбитомъ изъ земли полу, толпа ремесленниковъ и чернорабочихъ танцуетъ подъ разногласицу пяти пьяныхъ музыкантовъ. Дамы,—но какъ назвать дамами эти облоски времени и распутства, которыя приносятъ сюда свои обветшалыя прелести, чтобы вымолить у простодушнаго работника милостивую участія и вырвать у пьянаго разврата кружку вина, чашу пунша изъ сженой водки, или тарелку отвратительной пищи,—чтобы въ шумѣ неистоваго разгуля, забыть свое жалкое положеніе, и струею хмѣльной леты угомонить докучную память, эту неумолимую, болтливую совесть отпѣвшихъ лоретокъ;—эти женщины бываютъ здѣсь не царицами, а рабами бала. Царь этихъ вакханалій—мужчина; онъ платитъ,—онъ и царствуетъ. Но несчастныя твари привыкли къ своей зависимости, и безропотно переносятъ униженіе, ласки и презрѣніе своихъ властителей;—какихъ страшныхъ сценъ бываютъ онѣ свидѣтельницами, а часто и причиною! Вотъ два каменщика сложились, чтобы угостить подслащеннымъ виномъ одну изъ этихъ несчастныхъ. Послѣ перваго глотка одинъ изъ аматрюоновъ повелъ свою собесѣдницу танцовать, между тѣмъ оставшійся товарищъ выпилъ всю винную сыту, которую они величаютъ бишевомъ, и танцующая пара, возвратясь, не нашла въ чашѣ ни одной капли оставленнаго нектара. Кулаки пошли въ дѣло, но посѣтители розняли соперниковъ и вывели ихъ на улицу, гдѣ единоборство дозволено. Толпа любопытныхъ

окружила ихъ, и они готовы уже были снова вступить въ бой, когда явился высокой, плечистый посредникъ, и обратясь къ слабѣйшему изъ случайныхъ враговъ, сказалъ: Куда тебѣ съ нимъ возиться, любезный,—онъ тебя сразу пришибетъ; дай мнѣ двадцать су,—и посмотри, какъ я его отдамъ.—Изволь, отвѣчалъ обрадованный каменщикъ, по рукамъ.—Давай деньги.—Вотъ и деньги.—Теперь выходи, крикнулъ наемный Голясъ, и по другому удару коварный лакомка лежалъ уже на мостовой, а побѣдитель, какъ новый Гекторъ, топталъ ему лицо своими подкованными башмаками, приговаривая, что онъ хочетъ честно заработать условленную плату.

Какъ длинна череда этихъ притоновъ разврата и праздности, начиная съ блестящихъ баловъ *Большой оперы*, до описанной нами харчевни! Въ послѣдніе дни карнавала, Парижъ каждый вечеръ давалъ болѣе осмидесяти баловъ по афишкамъ, и вдвое больше этого безъ объявленій. Какая постепенность безнравственности на этой длинной лѣстницѣ, по которой порокъ и необузданныя страсти ведутъ человѣчество къ униженію и гибели! Но отворотимся отъ этой мрачной картины и заведемъ на балъ, гдѣ радушный пріемъ хозяевъ, искренняя веселость гостей и милая ихъ непринужденность въ обращеніи развеселятъ унылую душу любопытнаго наблюдателя нравовъ, бѣжавшаго съ бала Менской заставы. Мы говоримъ о балѣ извѣстнаго пѣвца Понсара, данномъ имъ парижскимъ артистамъ въ томъ самомъ домѣ, который пострадалъ отъ гранатъ 2 декабря. Балъ этотъ не отличался ни пышностію угощенія, ни великолѣпіемъ убранства, ни дорогимъ изяществомъ костюмовъ, но за то это былъ веселый праздникъ ровнаго, образованнаго общества, оживленный любезностію дамъ, остроумнымъ разговоромъ кавалеровъ; словомъ, балъ, на который тѣздыть натапцовать до усталости и отдохнуть душою, уставшею отъ принужденной, подложной веселости большаго свѣта, отъ маскарадныхъ улыбокъ, неискреннихъ пожатій руки и утомительно-притворной лести,—обряднаго служенія идоламъ свѣта.

Еще два слова о гастрономическомъ праздникѣ, заключившемъ рядъ карнавалныхъ пиршествъ. Во вторникъ, вечеромъ, большая *красная зала* (названная такъ по пѣвцу занавѣсокъ и дверныхъ пологовъ), въ рестораци *Братъевъ Провансаловъ* (Frères provençaux), въ Шале-рояль, заблестала безчисленными огнями. Уполномоченный министръ императора бразильскаго, кавалеръ Лисбоа, давалъ банкетъ избранному обществу своихъ соотечественниковъ, находящихся въ Парижѣ. Кромѣ знатнѣйшихъ подданныхъ императора дона Педро, на этотъ пиръ были приглашены значительнѣйшіе члены диплома-

тического корпуса, знаменитый артистъ, отправляющійся въ Рио, г. Тальбергъ, и известный писатель г. Шарль Ребо. Всѣхъ собесѣдниковъ на этомъ праздникѣ (который надолго останется предметомъ парижскихъ толковъ и займетъ почетное мѣсто въ кухонныхъ лѣтописяхъ заведенія) было сорокъ. Когда уполномоченный министръ бразильскій, окредитованный прежде при брюссельскомъ, а потомъ при лондонскомъ дворѣ, прибылъ по новому назначенію въ Парижъ, бывшіе въ Парижѣ Бразильцы давали ему пиръ, за который онъ великодушно отблагодарилъ ихъ въ послѣдній вторникъ карнавала. Особы, бывшіе въ числѣ приглашенныхъ на этомъ пиршествѣ, которому позавидовали бы Камбасересъ и Брильѳа—Саваренъ, надолго сохранять въ памяти лукулловскую роскошь этого обѣда.

Префектъ Сенскаго департамента также давалъ пиръ для политическихъ, литературныхъ и артистическихъ знаменитостей. Угощеніе было скорѣе царское, нежели республиканское.

Послѣ гастрономическихъ затѣй расскажемъ одинъ изъ забавныхъ случаевъ, которые такъ часты въ Парижѣ:

Какой-то знатный иностранецъ, отъѣзжая изъ Парижа въ Австрію, обратился къ своей миссіи, для полученія паспорта. Съ нимъ отправлялись лакей и лошадь.—Съ человекомъ хлопотъ немного, сказалъ казначей посольства, но въ отношеніи къ лошади нужно соблюсти нѣкоторыя формальности.—Какія? спрашиваетъ секретарь знатнаго путешественника, которому поручено было это дѣло.—Не важныя, но необходимыя: въ Австрію не пропускаютъ лошадей безъ того, чтобы ихъ примѣты не были прописаны въ паспортъ хозяина. Какая ваша лошадь?—Я право не знаю, отвѣчаетъ секретарь, но я пришлю вамъ конюха.—До свиданія...

Простая съ секретаремъ, казначей присѣлъ къ столу и принялся заполнять пробѣлы паспортнаго бланкета: *чрезвычайный посланникъ и проч., военное и гражданское начальство благоволило чинить свободный и безпрепятственный пропускъ (такому-то) сподрующему съ своимъ камердинеромъ (такимъ-то) и лошадей, а равно оказывать..... въ случаѣ надобности, законную помощь...* Здѣсь возникло затрудненіе. Въ бланкетѣ паспорта, между словомъ *оказывать* и выраженіемъ *въ случаѣ надобности*, оставленъ маленький пробѣлъ для вписанія: *ему, ей, или имъ*; казначей подумалъ, и написалъ *имъ*, не считая справедливымъ исключать лошадь изъ ходатайства о помощи. *За симъ* представилъ онъ паспортъ къ подписанію министра, и передавалъ его потомъ канцелярскому чиновнику, сказавъ: *когда придетъ конюха, и расскажетъ вамъ примѣты лошади,*

впишите ихъ въ паспортъ. Пришелъ конюхъ: чиновникъ, взглянувъ въ паспортъ и видя, что графа съ заглавіемъ: *примѣты*, не заполнена, какъ это обыкновенно бываетъ въ паспортахъ извѣстныхъ и значительныхъ лицъ, началъ прописывать примѣты коня-путешественника въ слѣдующемъ порядкѣ: *лѣта — четыре года; ростъ — двухъ аршинъ четырехъ вершковъ; волосы — сѣрые въ лблкахъ; глаза — на выкатъ; носъ — съ переломомъ, ноздри широкія; ротъ — съ оскаломъ; борода — не имѣетъ; особыя примѣты — лопухій, сѣдлится, на лѣвомъ окорокъ тавро N. P.*

Путешественникъ отправился въ дорогу, не заглянувъ въ паспортъ. На границѣ, австрійскій жандармъ, неизмѣнно-вѣрный своимъ обязанностямъ и слѣпой исполнитель инструкціи, сличая примѣты, нашелъ ихъ невѣрными и задержалъ путешественника. Къ счастью, сѣрый меренъ, слѣдовавшій вмѣстѣ съ своимъ хозяиномъ, могъ лично вразумить недогадливаго жандарма.

Une histoire ne vient jamais seule, говорятъ французы; вотъ и другой случай изъ парижской уличной жизни:

На дняхъ, часу въ осьмомъ вечера, женщина въ лохмотьяхъ, съ груднымъ ребенкомъ на рукахъ, прислонясь къ двери одного дома, въ улицѣ *Пти-фреръ*, просила милостыни, и жалобнымъ голосомъ разсказывала проходящимъ, что она уже третій день ничего не вѣла, что молоко пересохло въ груди и бѣдный ребенокъ едва живъ. Тронутые несчастнымъ положеніемъ нищей, сострадательные парижане бросали ей мелкія деньги. Это продолжалось полчаса, и голодная мать набрала уже достаточно на сытный ужинъ. Вдругъ плотный, здоровый малой кидается на несчастную, вырываетъ у ней ребенка и бросаетъ его подъ колеса мчавшагося мимо кабриолета. Парижскіе кабриолеты кровожаднѣе нубійскихъ львовъ и бенгальскихъ тигровъ; они востребляютъ гораздо болѣе народа, нежели эти животныя. Ребенокъ попалъ подъ колесо головою, — и даже не пикнулъ. Предстоявшіе сначала ахнули, — потомъ бросились на изверга, который хладнокровно поднялъ ребенка и показалъ толпѣ связку тряпья, обернутаго въ пеленки. Хватились мнимой матерю; — ея и слѣдъ простылъ. Французы и это называютъ промысломъ.

Этотъ подложный ребенокъ привелъ намъ на память подобную продѣлку варшавскихъ жидовъ. — Въ Варшавѣ, почти всѣ статьи потребленія на откупѣ, и главная изъ нихъ, хлѣбное вино, вдвое дешевле за чертою города. Жиды вообще промышляютъ контрабандою, а въ особенности тайнымъ провозомъ спирту, какъ самой

прибыльной статьи. Занимающихся этимъ промысломъ Евреевъ называютъ Варшавяне *Тодресами* (*), и вотъ почему дано имъ это прозваніе:

Большая часть Евреевъ, промышляющихъ мелкою, разносною торговлею, по дороговизнѣ квартиръ въ еврейскихъ *резиргахъ* (кварталахъ города, гдѣ исключительно живутъ евреи; въ другихъ частяхъ города жительство имъ воспрещается), живутъ за заставами, и приходятъ въ городъ только на день, а на ночь уходятъ домой.—Черезъ Вольскую заставу, проходила каждый день въ городъ еврейка съ ребенкомъ на рукахъ. Ребенку было года полтора,—его звали *Тодресомъ* (Феденькой). Находявшіеся при заставѣ чиновники консумціоннаго управленія хорошо знали и еврейку и ребенка, и пропускали ихъ безъ задержанія. Иногда мать пронесла дитя свое спящимъ, и если мальчикъ плакалъ, убаюкивала его словами: *Schluf Todres, stille Todres.* (Спи Феденька, молчи Феденька). Между тѣмъ лазутчики откупа дали знать, что эта еврейка покупаетъ за заставою значительное количество спирта; ее остановили, осмотрѣли, и оказалось, что она часто, вмѣсто настоящаго ребенка, пронесла жестяную куклу, наполненную спиртомъ, съ придѣланною къ ней пищалкою, подражающею дѣтскому плачу. Съ тѣхъ поръ ревизоры при заставахъ, осматривая провѣжающихъ, или проходящихъ, спрашивали въ насмѣшку, нѣтъ ли при нихъ *Тодреса*, и водочныхъ контрабандистовъ прозвали *Тодресами*.

Но мы заговорились, а еще ни слова не сказали о театрахъ. Парижская *Большая опера* все еще готовить своего *Вѣчнаго Жида*, которому давно бы пора взять свой странническій посохъ и пуститься по блуду свѣту. Публику заставляютъ дожидаться, а между тѣмъ собираютъ по десяти тысячъ франковъ за каждое представленіе *Вильгельма Телля*, въ которомъ г. Гемаръ рѣшился пѣть и безъ груднаго *ut*—по неизменію онаго, какъ выражаются дворовымъ слогомъ. Милая, очаровательная пріора танцуетъ *Сильфиду*, балетъ, который относится ко всемъ прочимъ балетамъ, какъ опера *Донъ Жуанъ* къ другимъ операмъ. Большая опера въ модѣ. Фойе этого театра сдѣлался нейтральною землею всѣхъ партій, и политическія знаменитости, недоступныя въ своихъ кабинетахъ, собираются въ эту залу въ междудѣвствія своихъ занятій и оперы.

(*) Тодресъ на жидовскомъ или испорченномъ немецкомъ языкѣ, значитъ *Феденька*.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

ДИКАНЬКА. (Изъ путевыхъ записокъ). Кто не знаетъ нынче Диканьку, или кто, по крайней мѣрѣ, хоть разъ въ своей жизни не слышалъ объ ней? Кто не читывалъ увлекательныхъ повѣстей Стараго Пасичника? И, можетъ быть, въ долгій зимній вечеръ, заслушиваясь его, невольно приходило въ голову: «чтожь-то должно быть въ самой Диканькѣ, когда на хуторахъ, да такъ сладко рассказываютъ? Признаюсь, мнѣ не разъ приходилъ въ голову подобный вопросъ, и я давно уже хотѣлъ побывать въ Диканькѣ, но разныя обстоятельства удерживали меня. Теперь же съ удовольствіемъ я узналъ, что она лежитъ по дорогѣ моего путешествія. Для этого я нарочно выѣхалъ пораньше изъ Полтавы (*), чтобъ до захода солнца поспѣть туда; но, къ несчастію моему, не успѣлъ я отъѣхать нѣсколько верстъ, какъ полился сильный дождь, дорога вскорѣ стала такъ грязна, — къ этому присоединилась еще глинистая почва, — что лошади мои едва могли передвигать ноги, и несмотря на все мое желаніе, я пріѣхалъ уже довольно поздно. Огни были уже давно погашены, когда я въѣхалъ въ деревню, и свѣтлая украинская ночь заступила мѣсто недавней грозы. Будить мнѣ никого, не хотѣлось, и потому я расположился подъ навѣсомъ постоялаго двора. Тихо и безмолвно было все вокругъ меня; только раздавались медленные шаги церковнаго сторожа, изрѣдка постукивающего о мѣдную доску, и потомъ снова дѣлалось все тихо и безмолвно. Также тихо и величественно стояли деревья въ какомъ-то чудномъ полусвѣтѣ, едва-едва покачивая своими верхушками; но вотъ, вдругъ, повѣялъ вѣтерокъ, верхушки ихъ покачнулись сильнѣе, и алмазныя капли свѣтлаго дождя съ шумомъ сыпались на землю; то вдругъ фыркнуть усталая лошадь какого-нибудь богомольца, или старуха пролепечетъ сквозь сонъ: «охъ, Господи, помилуй мя грѣшную»; и снова тихо, и снова безмолвно. Долго пролежалъ я такъ, не смыкая глазъ; но вотъ показался вдали огонекъ, потомъ все ближе и ближе, — то дьячекъ пришелъ съ фонаремъ; слышится шумъ отпирющейся двери, вслѣдъ за тѣмъ раздастся первый благовѣстъ къ заутрени... Громко и величественно повторило его эхо въ ближайшемъ лѣскѣ; потомъ перенесло дальше, повторило слабѣе и слабѣе, и наконецъ

(*) Диканька находится въ двадцати пяти верстахъ отъ Полтавы:

совершенно исчезло въ дальнемъ полѣ.... Раздался другой ударъ колокола, такъ же величественный, какъ и первый, затѣмъ третій, четвертый.... вдругъ все зашевелилось: тутъ старуха, охая и нашептывая въ полголоса молитву, спѣшила поскорѣе одѣться и отправиться въ церковь; тамъ молодой парень развязывалъ *хустку* (*), въ которой спрятано было нѣсколько мѣдныхъ денегъ для свѣчъ; а вотъ старикъ, опираясь на палку и поддерживаемый своими впучками, спѣшилъ туда же, и не прошло и пяти минутъ, какъ вся церковь была биткомъ набита народомъ....

Къ числу главныхъ примѣчательностей Дикашки, конечно, долженъ быть отнесенъ чудотворный образъ Святителя Николая, рѣдко кто не сходитъ, хотъ разъ въ годъ, на поклоненіе святому Угоднику Божию. Въ особенности же большое стеченіе богомольцевъ бываетъ въ постъ Петра и Павла; вы встретите тутъ, кромѣ Малороссіянгъ и русскихъ мужичковъ, не рѣдко даже обитателей отдаленной Сибири. Преданіе говоритъ, что этотъ образъ былъ найденъ однимъ изъ людей Кочубея, который, охотившись въ лѣсу, нечаянно набрелъ на эту икону; она стояла на пнѣ срубленнаго дерева. Обрадовавшись и вмѣстѣ даже испугавшись такой находки (преданіе говоритъ, что отъ нея распространялось большое сіяніе), онъ поспѣшилъ донести объ этомъ тамошнему священнику; и священникъ, сопутствуемый многочисленнымъ народомъ, перенесъ ее въ церковь; но на другой день, ко всеобщему удивленію, ее не нашли на новомъ мѣстѣ. Бросились искать, и увидѣли, что она находится на томъ же мѣстѣ, гдѣ явилась; ее снова принесли въ церковь; но на другой день повторилось то же самое. И это повторялось до тѣхъ поръ, пока не выстроили новой церкви, въ которую ее и поставили; и теперь еще въ алтарѣ видны остатки того дерева, на которомъ, по увѣренію, ее увидѣли въ первый разъ. Церковь эта довольно красивой архитектуры; но главное, ее краситъ мѣстоположеніе. Не доѣзжая нѣсколькихъ верстъ до станціи, вы сворачиваете влѣво на узкую проселочную дорогу, по обѣимъ сторонамъ которой тянутся неизмѣримыя поля ржи и пшеницы; проѣхавши версты три или четыре, въѣзжаете въ густую аллею пирамидальныхъ тополей, которые тянутся до самой площади, гдѣ находится церковь, окруженная со всѣхъ сторонъ густымъ лѣсомъ. 9 мая здѣсь бываетъ храмовой праздникъ, на который съезжаются нерѣдко и городскіе жители, и сосѣдніе помѣщики, услужливыя торговки разбиваютъ свои лавочки, а поселяне ближнихъ деревень приносятъ туда масло, сыръ, яйца и прочія домашнія про-

(*) Платокъ.

изведенія, и такимъ образомъ импровизируется небольшая ярмарка. Надобно видѣть, съ какою дикою радостію молодыя крестьянскія дѣвушки, одѣтыя по этому случаю въ самыя лучшія свои платья, съ огромными *пидмистами* на шѣхъ, и съ множествомъ разноцвѣтныхъ лентъ въ косахъ, бросаюцца на кольца, серьги, ленты и прочіе мелкіе товары. Но съ другой стороны и самая природа не хочетъ уступить деревенскимъ красавицамъ: деревья обыкновенно только что покрываются свѣжими листьями къ этому времени, а на поляхъ вы видите безчисленное множество красныхъ, желтыхъ, бѣлыхъ, и въ особенности голубыхъ цвѣтовъ, которые издали представляются какъ огромное голубое море (1). По прямой аллеѣ отъ церкви можно пройти къ дому князя Кочубея; при домѣ находится превосходный садъ, который сдѣлалъ бы честь многимъ изъ губернскихъ городовъ. Садомъ этимъ завѣдываетъ отличный садовникъ—чехъ, нарочно для того выписанный, который, кромѣ того, въ свободное время дѣлаетъ разныя наблюденія надъ малороссійскими зелями (или, какъ ихъ здѣсь называютъ, гадюками), кои находятся въ изобилии въ этихъ мѣстахъ.

Этотъ день особенно былъ замѣчателенъ въ Диканькѣ, потому что сборъ сѣна долженъ былъ сегодня окончиться: молодыя дѣвушки старались одѣться почище еще съ ранняго утра, а парни захватывали съ собою балабайки, и всѣ работали прилежно, чтобъ поскорѣе окончить и пораньше возвратиться въ деревню. Я остался до вечера, чтобъ посмотреть на эту церемонію. Часу въ седьмомъ пополудни, показалось огромное облако пыли, которое приближалось все ближе и ближе къ деревнѣ, и когда оно вдвинулось въ улицу, тогда только можно было рассмотреть, что тамъ происходило: впереди ѣхали возы, нагруженные бочками, казанками (2), почвами (3) и другими снарядами, необходимыми для приготовления strawy (4); позади же шли дѣвушки и парни, громко распѣвая пѣсни, приличныя этому случаю. Вотъ нѣкоторые отрывки, которые мнѣ удалось разслушать.

(1) Нигдѣ я не встрѣчалъ такого множества голубыхъ и синихъ цвѣтовъ, какъ въ Диканькѣ. Обыкновенно ихъ называютъ—*пролиски*, вѣроятно, оттого, что они растутъ по большой части въ лѣсахъ.

(2) Небольшой видный котелъ, въ которомъ обыкновенно чумаки варятъ себѣ кашу; онъ очень часто употребляется и въ полѣвыхъ работахъ для приготовления щипы. (3) Деревянные лотки, изъ которыхъ обыкновенно вѣдятъ щипу во время сбора сѣна или хлѣба. (4) Strawa отъ глагола *травить*, т. е. какъ бы, расправлять, раздражать желудокъ; означать вообще всякую пищу.

Современныя извѣстия.

Катылося барылечко (1)
 Съ гирки до комирки,
 Люблю того козаченька,
 Що не пье горилки.

Винь горилочки не пье,
 Люлечки (2) не тягне,
 А якъ выйде на улицу,
 Василечкомъ пахне.

* *

Ой чья жъ то колясочка,
 Та съ поля бижить,
 А въ тѣй же колясыци,
 Маруся смидить.

Яки й очи, таки й брови,
 Така й голова,
 Полюбмла козаченька,
 Та якъ сокола.

И мнѣго есть еще подобныхъ куплетовъ, которые въ разныхъ мѣстахъ измѣняются на свой ладъ.—Эти пѣсни продолжаютъ, пока не въвдуть въ самую деревню; тутъ начинаютъ разбирать свои имущества, и разбродятся по домамъ, а дома, заботливыя матери успѣли уже приготовить сытный ужинъ для своихъ работниковъ; и чего ужъ тамъ не бываетъ приготовлено? и голушки (3) разныхъ сортовъ, и *зубцы*, и *кваша*.... да всего и не перечесть.... Поужинавши же, снова выходятъ на улицу, и тутъ пѣсни и пляски продолжаютъ далеко за полночь.... А тамъ, когда батько и маты давно уже спать мертвецкимъ сномъ, нерѣдко назначается какое-нибудь романическое свиданіе на огородъ между *солнычниками* (4) и пахучими *звездыками*. (Последнія сдѣлались необходимыми принадлежностями каждой молодой дѣвушки. Онѣ стараются насвятъ

(1) Круглый деревянный сосудъ, употребляемый для воды. Здѣсь «катылося барылечко» означаетъ то, что оно ужъ теперь больше ненужно—полевая работа окончена.

(2) Трубка.

(3) Я думаю, что теперь и въ Россіи имѣютъ понятіе о малороссійскихъ голушкахъ: это тѣсто, сваренное въ водѣ. Оно обыкновенно дѣлается изъ пшеничной или гречневой муки, а иногда даже изъ ржаной, смотря по зажиточности хозяина. По большей части ихъ ѣдятъ, надѣвши на небольшую деревянную палочку, заостренную на концѣ—«настромивши на спичку». Зубцы же и кваша также довольно часто употребляются въ Малороссіи; последняя (т. е. кваша) готовится изъ муки различныхъ сортовъ, въ которую наливаютъ воды и даютъ въ некоторое время вскиснуть. При приготовленіи ея, сверхъ того, наблюдается то, чтобъ не смотрѣлъ никто изъ постороннихъ, *щобъ не наврочили* (огласили), а то кваша выдетъ дурная.

(4) Подсолнечникъ.

ихъ всѣхъ возможныхъ сортовъ, заботятся о нихъ въ продолженіе цѣлаго лѣта, и скорѣе упустятъ изъ вида капусту или пшеничку (5), или другое какое-нибудь огородное растеніе, но ужъ гвоздики у нихъ всегда чудныя. И Боже сохрани, если узнаетъ какая-нибудь Маруся, что такой-то парень сказалъ, что у Насти *квитки* (6) лучше, чѣмъ у нея. Она и ночи не доспитъ, заработаетъ денегъ, и на слѣдующій годъ у ней явятся такіе же цвѣты, если еще не лучшіе. Надобно посмотреть на головы молодыхъ дѣвушекъ въ праздни-
кѣ: тутъ у ней и гвоздика, и васильки, и кручины панычи (7), и все, что только можетъ доставить богатая малороссійская флора. А къ вечеру каждая обыкновенно награждаетъ ими своего любовника, соединяя при этомъ нерѣдко и другаго рода награжденія....)

Диканька, какъ извѣстно, принадлежитъ князю Кочубею. Родъ Кочубеевъ происходитъ отъ крымскихъ князей, выѣхавшихъ въ Украину въ XVI вѣкѣ. Она богата историческими воспоминаніями. Тутъ и Карлъ XII проходилъ съ своими полчищами, идучи къ Полтавѣ; тутъ жилъ Василій Леонтьевичъ Кочубей (8), пока безчестіе его дочери не побудило его ѣхать въ Москву. Тутъ и несчастная его дочь говорила эти слова своему любовнику: «*Же хотъ такъ сякъ, хотъ такъ буде, а любовь межи нами не одмянитъ ся. Нехай Богъ неправдыаго карае; а я, хочъ любишь, хочъ не любишь мене, до смерти тебѣ, подлугъ слова свого, любиты и сердечне кохаты не перестану, на злость моимъ ворогамъ*» (9). Удивительно, какъ могъ до такой степени хитрый Мазепа плѣнить молоденькую дѣвушку, будучи самъ уже въ преклонныхъ лѣтахъ? — Не могу удержаться, чтобъ не разказать здѣсь одно преданіе, относящееся къ этому случаю, переданное мнѣ одной почтенной старушкой, живущей въ Полтавѣ. Она увѣряетъ, что живо помнитъ все это происшествіе; но, вѣроятно, что отъ старости лѣтъ она смѣшала многіе рассказы своей матери и другихъ людей съ собственными воспоминаніями, что доказы-
ваютъ и ея годы: ей было тогда не болѣе пяти или шести лѣтъ, слѣдовательно не возможно, чтобъ она удержала въ памяти даже всѣ мелочи. Очень можетъ быть, что мать ея и была при этомъ, потому что и теперь существуетъ небольшой домикъ, не далеко отъ церкви Спаса Нерукотвореннаго Образа, въ которой, какъ извѣстно, Петръ Великій приносилъ благодарственный молебенъ послѣ побѣды

(5) Кукуруза. (6) Цвѣты. (7) Мѣстное названіе цвѣтовъ. (8) Кромѣ Диканьки у него были еще и другія деревни, изъ которыхъ нѣкоторыя доставались ему за доносъ на гетмана Самуйловича, изъ нѣвнїи этого же гетмана. Но «награжденный за не-правду, за правду онъ погибъ». (9) Исторія Малороссїи, Николая Маркевича, томъ 2-й. (Отъ XLIII до XLVII главы)

надъ Шведами; но дѣло не въ томъ, дѣйствительно ли она сама это видѣла, или слыхала отъ кого-нибудь. И вотъ ея простой рассказъ:— «Вотъ, какъ Богъ помогъ намъ разбить и отогнать проклятыхъ басурманъ отъ Полтавы, то Царь велѣлъ собраться всему народу подлѣ церкви Св. Спаса; чтобы служить благодарственный молебенъ. Вотъ, народъ и собрался *видимо-не-видимо*: тутъ и генералы разные были, и полковники, и другіе важные чины, просто тьма тьмущая, да и только. Стою я ни жива ни мертва, боюсь и пошевелиться: какъ вдругъ раздалось: «вдѣтъ, вдѣтъ!» Народъ разступился съ почетомъ, и священникъ съ крестомъ пошелъ ему на встрѣчу. Вотъ, смотрю я, встаетъ съ лошади высокій мужчина, — такой весь черный, глаза какъ огонь, волосы подняты вверхъ, — подошелъ сперва къ кресту, а потомъ поклонился на всѣ четыре стороны. Тутъ же сейчасъ началось и служеніе; когда служба отошла, то Государь вошелъ на возвышеніе, нарочно для этого устроенное, и началъ благодарить народъ за усердіе. Я уже ничего не могла слышать, что онъ тамъ говорилъ, только и слышала, какъ онъ сказалъ: «А теперь прощайте, братцы». Тутъ къ нему подошла какая-то барыня, вся въ черномъ, и долго съ нимъ объ чемъ-то разговаривала; та все плакала, такъ что даже и у самого Царя показались слезы. Послѣ я узнала, что это была жена Василія Леонтьевича Кочубея, которому проклятый Мазепа, чтобы ему на томъ свѣтѣ царствія небеснаго за это не было, отрубилъ голову. Государь подарилъ ей много деревень, въ томъ числѣ и Диканьку (*), вотъ, гдѣ теперь образъ Николая святаго угодника Божія». — При этомъ она посмотрѣла на кивотъ съ образами, стоящій въ углу ея комнаты, и произнесла: «Господи, прости мои согрѣшенія!», вздохнула, и снова принялась за свою всегдашнюю работу — чулокъ. Но я еще, въ другомъ мѣстѣ, постараюсь покороче познакомить васъ съ этой старушкой, съ ея скромнымъ, уютнымъ домикомъ, съ ея всегдашнимъ радушіемъ и гостеприимствомъ. Какъ теперь я вижу ее у окна (въ огромныхъ синихъ очкахъ) съ вѣчною своею работою, и нашептывающую что-то въ подголоса—то она читаетъ псалмы Давида! Но теперь не нашептываетъ она уже молитвъ, нѣтъ ужъ больше чистоты и порядка въ ея маленькомъ домицѣ, не ожидаетъ васъ въ немъ радушіе и радостный пріемъ, не надѣйтесь ужъ въ немъ найти вкусный и славный обѣдъ—нѣтъ, теперь онъ стоитъ пустъ и сыръ, ставни забиты, дворъ не выметать, и только одна старая собака осталась вѣрна ему!...

Наконецъ, Александръ Благослованный, путешествуя по Россіи,

(*) Диканька, какъ известно, городо прежде этого принадлежала уже Кочубею.

посвятилъ Диканьку; въ память ему сдѣланы чугунные ворота, напротивъ почтовой станціи. Отъ этихъ воротъ идетъ большая прямая аллея черезъ лѣсъ прямо къ дому князя Кочубей.—Смотря на этотъ чудный садъ, на эти огромныя поля, изобильныя хлѣбомъ, на эти густыя лѣса, невольно воскликнешь:

Богатъ и славенъ Кочубей,
Его поля необозримы,
И табуны его коней
Пасутся вольны, не хранимы!

Въ 5 верстахъ отъ Диканьки находится дѣвичій монастырь, окруженный со всѣхъ сторонъ горами; видъ съ этихъ горъ чудный; вдали сверкаетъ Ворскла, дальше тянутся, въ огромной перспективѣ, лѣса, деревни, поля, покрытыя хлѣбомъ, и все это подернуто туманной синевой. Въ особенности живописна тропинка между горъ, ведущая прямымъ путемъ къ Диканькѣ. Въ семи же верстахъ лежитъ мѣстечко Великія Будини. Вообще все мѣста кругомъ Полтавы носятъ на себѣ какое-нибудь историческое воспоминаніе о Шведахъ; такъ и въ Будинахъ, еще недавно помазывали домъ, въ которомъ будто-бы была главная квартира Карла XII предъ осадой Полтавы, а теперь и слѣдовъ его не замѣтно. Что дѣйствительно въ Будинахъ была главная квартира Шведовъ, то объ этомъ говоритъ и Ригельманъ: «Потомъ, въ апрѣль, когда извѣстно стало, что деташаментъ шведскій при мѣстечкѣ Будинахъ стоялъ, и въ ономъ была главная ихъ квартира, гдѣ и Мазепа, измѣнникъ, былъ, оныхъ войско российское, подъ предводительствомъ генерал-маіора Шаумбурга и полковника Кромотова, изъ укрѣпленія ихъ выгнало, присланную отъ короля помощь разбило, въ колонъ многихъ побрало, и невольниковъ, жителей тамошнихъ, Черкасъ, несколько сотъ отъ нихъ освободило».—Повторяю, что въ простонародіи существуетъ вообще много преданій, (которыя скорѣе можно назвать сказками), относящихся къ этому важному событію. Такъ, (*) объ шведской могилѣ, которая, какъ извѣстно, находится на седьмой верствѣ отъ Полтавы, существуетъ повѣріе, что въ ней зарыты большія богатства, но что достать ихъ нельзя никакими человѣческими силами: многіе ужъ пробовали, говорятъ они, но едва разрывали до половины, какъ тотчасъ же и умирали.

Будини числятся теперь въ Зеньковскомъ уѣздѣ. Въ нихъ около десяти церквей, и живетъ довольно значительное число помѣщиковъ въ сравненіи съ другими мѣстечками, хотя старожилы и говорятъ, что прежде здѣсь было веселье, и помѣщиковъ жилось вдвое болѣе про-

(*) Ихъ надо все собрать и огласить. Ред.

тивъ теперешняго. Но *zunt sine*: прежде, можетъ быть, и больше здѣсь жило, и веселѣ проводили время, за то, теперь можно указать на одно обстоятельство, которое дѣлаетъ большую честь Будищамъ,—я говорю о пансіонѣ. Назадъ тому лѣтъ одиннадцать, двѣ благородныя дѣвицы З*..., побуждаемыя любовью къ просвѣщенію, рѣшились открыть небольшой пансіонъ для дѣвицъ, по большей части, дочерей сосѣднихъ помѣщиковъ. Одна изъ нихъ приняла на себя распоряженіе учебной частью, а другая—хозяйственной; кромѣ того здѣшній протоіерей преподаетъ правила Закона Божія.—Пансіонъ въ мѣстечкѣ: явленіе неслыханное до тѣхъ поръ въ здѣшнихъ мѣстахъ! Можете представить себѣ изумленіе жителей: «Что ужъ можетъ быть хорошаго въ пансіонѣ въ мѣстечкѣ», говорили многіе. Но вотъ прошло нѣсколько лѣтъ, и начали выходить оттуда молодыя дѣвицы, конечно, нельзя сказать, что получившія образованіе въ полномъ смыслѣ этого слова, но можно смѣло сказать,—получившія прекрасную нравственность, выучившіяся порядочно читать и писать (для первоначальнаго времени и этого было довольно!), и приобретшія необходимыя познанія въ нѣкоторыхъ наукахъ,—и нерасположеніе жителей нѣсколько измѣнилось. Хотя и теперь, къ сожалѣнію, нужно сказать, что труды этихъ двухъ дѣвушекъ, такъ великодушно пожертвовавшихъ собою, почти совсѣмъ не вознаграждаются: нормальной платы не возможно положить, потому, что большая часть помѣщиковъ, пріѣзжающая отдавать дочерей своихъ въ пансіонъ, почитаютъ за необходимую обязанность торговаться за каждую копейку, а онѣ по своей деликатности почти всегда уступаютъ....

Жители какъ Диканьки, такъ и Будищъ занимаются хлѣбопашествомъ, какъ и вообще большая часть Малороссіянъ; скотоводство же составляетъ вторую степень промышленности, развѣ можно указать только на огромные овечьи заводы князя Кочубея, разсѣянные, впрочемъ, почти во всей Полтавской и другихъ губерніяхъ.—Да, кромѣ того, въ Будищахъ выдѣлываются глиняные горшки (составляющіе, конечно, незначительную степень торговли); они продаются обыкновенно на ближайшихъ окрестныхъ ярмаркахъ. Если вы встрѣтите огромный возъ съ плетенымъ изъ хвороста высокимъ ящикомъ, запряженный парю круторогихъ воловъ — то это «будищскій гончаръ»....

И. ТР.....

Извѣстія о казанскихъ событіяхъ нынѣшняго года я начну мчисленіемъ наградъ, полученныхъ воспитанницами Казанскаго Родионоваго института, во время экзаменовъ, бывшихъ 11, 12 и 13 января. *Золотое сѣнцелое изображеніе* имени Ея Императоръ,

скаго Величества Государыни Императрицы получила штатная воспитанница Екатерина Грацинская; *серебряное вензелевое изображение*—частная пансіонерка Софья Жукова; *браслетъ* отъ щедротъ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы—воспитанница Варвара Загоскина; *медали*: золотую—частная пансіонерка Анна Миллеръ; серебряную—штатная воспитанница Надежда Осипова и сверхъ-штатная пансіонерка Надежда Веретенникова.

Нынешній выпускъ есть *четвертый* отъ основанія института; всѣхъ воспитанницъ выпущено 31.

14-го февраля происходило засѣданіе казанскаго Общества Любителей Отечества Слоvesности. Въ этомъ засѣданіи дѣйств. членъ *Н. М. Благовѣщенскій* прочиталъ свою статью «*Bair*», содержащую въ себѣ описаніе этого замѣчательнаго города Счастливой Кампаніи, краткій очеркъ исторіи его во время Римской республики и имперіи, и въ особенности полную картину жизни Римлянъ на водахъ, составленную по современнымъ свидѣтельствамъ Сенеки, Горація и другихъ римскихъ писателей.—Послѣ этого, дѣйств. членъ *М. Я. Киттары* читалъ «Отрывки изъ дневника, веденнаго имъ въ Лондонъ, во время посѣщенія прошлогодней Всемирной Выставки». Занимательность и форма изложенія этого дневника, безъ сомнѣнія, вамъ знакомы по тѣмъ статьямъ, которыя помѣстилъ г. Киттары въ Отечественныхъ Запискахъ.

Кстати: г. Киттары приступаетъ нынѣ къ изданію своихъ «Публичныхъ Лекцій Технологіи». Курсъ нынешняго года составитъ четыре выпуска слѣдующаго содержания: I, Салотопленіе и свѣчно-сальное производство; II, Стеариновое и восковое производство; III, Мыловаренное производство; IV, Приготовленіе и очищеніе растительныхъ маслъ.—Каждый выпускъ будетъ состоять не менѣе какъ изъ пяти печатныхъ листовъ, средняго шрифта, и украсенъ необходимыми чертежами и рисунками. Надобно замѣтить, что содержаніе этихъ выпусковъ касается преимущественно важнѣйшихъ видовъ казанской промышленности, и, кромѣ изложенія технической части каждаго производства, заключаетъ въ себѣ и краткій историческій очеркъ и статистическія числа для каждаго. Точно въ такомъ же видѣ будутъ излагаться и послѣдующіе курсы.

Заговоривши о дѣлахъ книгопечатанія, считаю нужнымъ извѣстить о появленіи въ здѣшнихъ книжныхъ лавкахъ «Краткой Исторіи города Казани», соч. *Михаила Рыбушкина*, 2 части in 8°. На заглавныхъ листахъ выставленъ 1849 годъ, на оберточныхъ 1850-й, а явилась въ продажѣ только 1852.—Г. Рыбушкинъ, бывшій некогда

адъюнктомъ университета и издателемъ «Заволжскаго Муравья», издалъ свою исторію въ первый разъ въ 1834 году, и по тогдашнему времени она была довольно хороша; но явленіе ея въ настоящую пору, спустя 15 лѣтъ, въ теченіе которыхъ и Казань во многомъ измѣнилась, и для исторіи ея много явилось документовъ въ изданіяхъ Археографической Коммиссіи, — явленіе ея нынѣ похоже на анахронизмъ. Конечно, нѣкоторыя свѣдѣнія доведены до 1840-хъ годовъ, но все это далеко не полно, далеко не точно. На повѣрку выходитъ, что первое изданіе лучше нынѣшняго. Однако, предметъ содержанія этой книги столь важенъ, что требуетъ не такого краткаго отзыва, и потому я намеренъ вашему Москвитянину въ непродолжительномъ времени сообщить болѣе подробный разборъ. Угодно ли принять?

Довольно о литературѣ. Масляница наша, по обыкновенію, была шумна, а противъ обыкновенія, отличалась тѣмъ, что на Черномъ Озерѣ были устроены горы. — Особенныхъ веселостей, кромѣ нѣсколькихъ маскарардовъ, не было.

А. АРТЕМЬЕВЪ.

ВѢСТЕ ИЗЪ ЖИВА.

Открытие Кадетскаго Корпуса. — Литературная новость и производительность въ прошедшемъ году. — Губ. Вѣдомости за октябрь, ноябрь и декабрь 1851 г. — Временной театр. — Пензенскія обряды. — Прошедшіе праздники. — Клубы. — Святочные обычаи Малороссіи. — Состояніе погоды. — Контракты. *Необходимая египетская.*

Новый годъ начался у насъ чрезвычайно отрадною новостью — открытіемъ Неранжированнаго Владимірскаго Кіевскаго кадетскаго корпуса, въ составъ двухъ ротъ.

И въ литературномъ отношеніи онъ начался чрезвычайно-замѣчательною новостью: вышелъ 3-й томъ *Памятниковъ*, издаваемыхъ Временною Коммиссіею для разбора древнихъ актовъ. Въ этомъ томѣ помѣщены: а) акты Львовскаго братства, б) акты объ устройствѣ помѣщичьихъ имѣній ю.-з. Россіи въ XVI вѣкѣ, и в) матеріалы для исторіи Малороссіи. Январь мѣсяць только и представилъ намъ одну эту новость, но она одна стоить многихъ. Впрочемъ, есть нѣсколько новостей, близкихъ къ выходу; объ нихъ будетъ сказано въ свое время. Теперь только замѣтимъ, что въ настоящемъ году, касательно литературныхъ новостей, ожиданія наши болѣе богаты, надежды болѣе отрадны и велики, чѣмъ въ предшествовавшіе годы. Говорю такъ, судя по многимъ даннымъ, благопріятствующимъ успѣшному развитію мѣстной литературы, судя по началамъ этого развитія, уже блистательно обнаружившимся. Въ ожи-

дани будущих отрядных явлений, представляю здесь перечень всех книг, вышедших в Киев, в прошлом году. Этот простой перечень, и числом и достоинством данных своих, послужит доказательством значительнаго процветанія литературы в Киев; онъ же доказываетъ, что литературная дятельность Кіева въ прошедшемъ году была значительнѣе дятельности въ годы предшествовавшіе. Поставимъ на первомъ планѣ труды Коммиссіи, Высочайше учрежденной для описанія губерній Кіевского учебнаго округа. Такъ какъ труды членовъ Коммиссіи издаются отдельными выпусками, то я считаю нужнымъ упомянуть о каждомъ трудѣ особо. И во-первыхъ:

- 1) Планъ статистическаго описанія губерній Кіевск. учеб. окр.: Кіевской, Волынской, Подольской, Полтавской и Черниговской, составленный *Дм. Журавскимъ*.
- 2) О растительно-географическихъ округахъ Европейской Россіи, статья *Р. Траутфеттера*.
- 3) Животныя млекопитающія, статья профессора *Кесслера*.
- 4) Птицы воробьиныя, статья его же.
- 5) Птицы хищныя и куриныя, ст. его же.
- 6) О горскихъ и мѣловыхъ осадкахъ Кіевской губерніи, статья проф. *Феофилактова*.
- 7) О кристаллическихъ породахъ губерній Кіевской, Волынской и Подольской, ст. его же.
- 8) Лѣтопись событій въ Юго-западной Россіи, *Самуила Велички*, томъ 2-й.
- 9) Черниговскаго намѣстничества топографическое описаніе, съ краткимъ историческимъ и статистическимъ описаніемъ Малой Россіи, изъ частей коей оное намѣстничество составлено, сочиненіе, написанное въ 1786 году *Аванасіемъ Шафонскимъ*.
- 10) Руководство къ анатоміи, 2 части, соч. проф. *Вальтера*.
- 11) Краткій историческій очеркъ древней греческой литературы, соч. проф. *Деллена*.
- 12) О кредитѣ, соч. адъюнкта *Бунге*.
- 13) Пастырское богословіе, часть 1-я, сочин. ректора Кіевск. духов. академіи, архимандрита *Антоніа*.
- 14) Духовныя псалмы, іеромонаха Печерской лавры *Владимира*.
- 15) Нѣмецкая грамматика для русскихъ, изложенная по взглядамъ новѣйшихъ грамматиковъ и въ сравнительномъ отношеніи къ русскому языку. Текстъ на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Сочиненіе учителя губернской гимназій, *Августа Сивиньгуда*.

- 16) Галерея польскихъ писателей: «Будникъ», пов. Крашевскаго, и
- 17) «Осторожнѣй съ огнемъ», пов. его же, переводъ Аванасьева.
- 18) Русскій солдатъ, рассказы въ стихахъ, Аванасьева.
- 19) Русскій солдатъ, изд. второе.
- 20) Стихотворенія дѣвицы Е. С.
- 21) Стихотворенія Альфреда фонъ-Юнка.
- 22) Oubliez le bout de votre nez, farce fantastique en tableaux.
- 23) Geschichte von Bachmann.

Если прибавить сюда многое множество перепечатаваемыхъ учебныхъ руководствъ и нѣсколько польскихъ книгъ, вышедшихъ въ Кіевъ въ прошломъ году, о которыхъ умалчиваю я, по недостатку точныхъ свѣдѣній, то получится полное извѣстіе о литературной дѣятельности Кіева за прошлый годъ. Характеръ этой дѣятельности, какъ самъ читатель можетъ видѣть,—большею частію ученый, изслѣдовательный, полный современности и интереса для большинства образованныхъ людей.—Разсматривая этотъ перечень, выводимъ то преимущественно-отрадное слѣдствіе, что литературная производительность Кіева, не богатая числомъ, богата достоинствомъ своихъ проявленій. Правда, появляются шевелы и на нашемъ литературномъ полѣ; но во-первыхъ ихъ такъ мало, сравнительно съ числомъ выходящихъ въ Кіевъ сочиненій, а во-вторыхъ, гдѣ ихъ нѣтъ? Зато значительно-большая часть сочиненій, вышедшихъ въ Кіевъ, представляетъ собою достойные вклады въ общую сокровищницу русской мысли и русскаго слова!

За послѣдніе три мѣсяца 1851 года, Кіевскія Губернскія Вѣдомости были не богаты оригинальными статьями. Это явленіе довольно странно въ отношеніи ко множеству пишущихъ и свѣдущихъ Кіевлянъ, не принимающихъ никакого участія въ издашіи газеты: статьи, присылаемыя въ редакцію,—дѣло рѣдкое и случайное. Вотъ содержаніе Кіева Губ. Вѣдомостей за послѣднее трехмѣсячіе 1851 года.

Сказаніе о гетманѣ Петрѣ Сагайдачномъ, NN 40, 42 и 43; Висячій мостъ въ Кіевѣ, N 47; хроника Кіева, NN 40 и 51; хроника Умани; О солнечномъ затмѣніи, о засухѣ отъ іюля до конца октября и о прочемъ, NN 45, 47 и 51.

12 декабря открытъ въ Кіевѣ временной театр стараніями одного изъ актеровъ разсѣявшейся труппы Новицкаго, и преимущественными стараніями ревнителя просвѣщенія въ Кіевѣ П. П. Должикова. Театръ помѣщается на большой Крещатицкой улицѣ, въ домѣ генеральши Бринкенъ, противъ Hôtel d'Angleterre. Зала театра вмѣщаетъ въ себѣ до 100 кресель, партеръ человекъ на 30, и, рядомъ съ нимъ, галерею, безъ скамеекъ, тоже человекъ на 30. Зала эта очень скромна, безъ всякихъ украшеній, но съ достаточнымъ освѣ-

щеніемъ и тепла. Благодаря съезду на контракты, она бываетъ почти полна. Труппа оказалась чрезвычайно бѣдною и числомъ и достоинствомъ дѣйствующихъ; къ празднику и къ контрактамъ она нѣсколько увеличилась. Представленія давались два раза въ недѣлю, а теперь— въ контракты—они даются всякій день. Что сказать объ игрѣ актеровъ? Замѣчу, что Кіевляне мало жалуютъ открывшійся театръ, и отзываются объ немъ рѣзко и безпощадно, не безъ достаточныхъ причинъ. Но строго и правдиво разбирая дѣло, можно ли быть придирчивымъ и требовательнымъ тамъ, гдѣ не обнаруживается притязаній на что-нибудь особенно-замѣчательное? И потому, въ сужденіяхъ о нашемъ театрѣ, не будемъ строги и взыскательны. Сознаемъ, что иной вечеръ все-таки пріятнѣе провести въ театрѣ, нежели проскучать дома, окончивъ привычныя занятія. Правда, труппа наша скудна и незавидна; но будемъ признательны по крайней мѣрѣ за посильныя старанія гг. актеровъ, ревностно исполняющихъ свое дѣло. Будемъ довольны хоть тѣмъ, что въ труппѣ нашей существуетъ ensemble, что нѣтъ рѣзко-выдающихся личностей, которыя бы по этому обнаруживали всѣ недостатки остальныхъ членовъ труппы, и что пьесы (водевили и маленькія комедіи) идутъ вообще ровно, легко, и иной разъ сопровождаются взрывомъ хохота, рукоплесканіями и вызовами даже изъ кресель. Чего же болѣе? Если нѣтъ въ нашихъ актеряхъ всесторонняго пониманія своего дѣла, искусства создавать характеры, за то есть, по крайней мѣрѣ, постоянный трудъ, усердіе и большее или меньшее знаніе сцены. Въ спектакль, состоящемъ изъ трехъ пьесъ, рѣдкій актеръ не участвуетъ во всѣхъ трехъ. Если онъ бываетъ однообразенъ, нельзя его осудить, потому что онъ иногда занимаетъ, по недостатку труппы, роль не своего ампуа; но его постоянное участіе, его посильная игра, во всякомъ случаѣ заслуживаютъ снисхожденія и одобренія.

Продолжая свою хронику кіевской жизни сообразно теченію времени, я упомяну теперь о прошедшихъ праздникахъ; но прежде замѣчу, что предъ праздникомъ Р. Хр. у многихъ изъ Кіевлянъ ведется обычай—посѣщать Печерскую лавру и другія святыни благословеннаго Кіева. Это время избирается потому, что оно наиболѣе свободно отъ иногородныхъ богомольцевъ, и потому еще, что молитва при концѣ поста, предъ торжественнымъ праздникомъ, какъ-то приличнѣе и необходимѣе, чѣмъ въ другое время. Усердные поклонники являются преимущественно въ св. пещеры на раннія обѣдни, которыя начинаются тамъ въ 6, 6½ и 7 час. утра.—Трудно передать словами то благоговѣйное настроеніе духа, тѣ священныя чувства и мысли, которыя обильно рождаются въ умиленномъ духѣ и сердцѣ

при совершеніи этихъ обѣдъ въ пещерахъ. Присутствуя въ подземельномъ тускло-освященномъ храмѣ, едва вмѣщающемъ 20 человекъ, невольно вспоминаешь первые вѣка христіанства, когда вѣрные тайно собирались въ подземельяхъ и единодушно пѣли славу Богу. Не хотите ли познакомиться съ видомъ и устройствомъ нашихъ пещерныхъ храмовъ? Представьте себѣ, между множествомъ узкихъ проходовъ, по бокамъ которыхъ, въ углубленіяхъ, лежатъ св. мощи, пространство въ пять шаговъ длины, во столько же ширины и въ три аршина высоты,—вотъ вамъ наглядная мѣра каждаго храма! Два наивѣстнѣйшихъ образа и два боковыхъ, царскіе врата и сѣверныя двери, и все это въ уменьшенномъ видѣ,—вотъ вся внутренность пещерныхъ храмовъ св. лавры! Алтарь, разумется, еще болѣе тѣсенъ, чѣмъ мѣсто для народа, такъ что вокругъ престола есть мѣсто только для обхода. Два столба между алтаремъ и собственно-церковію подпираютъ свообразный потолокъ. Стѣны храмовъ выложены камнемъ, гладки, выкрашены темной краской, и всегда сухи, такъ что воздухъ въ пещерахъ постоянно легокъ и безвреденъ. Да и можетъ ли онъ быть тяжелымъ и нездоровымъ, когда освящается такимъ множествомъ св. мощей, негнѣнно почивающихъ болѣе восьми вѣковъ въ ископанныхъ святыми же руками пещерахъ? Во всякомъ храмѣ, по сторонамъ, находятся мощи; и это видимое и вмѣстѣ таинственное присутствіе святыхъ при богослуженіи, простая обстановка храма, тихое и близкое для зрителя совершеніе таинства, еще болѣе усиливаютъ святую важность обѣдни, и невольно возбуждаютъ молитвенныя думы и благоговѣйныя изліянія сердца. Раннія обѣдни совершаются каждый день и въ *Ближнихъ* и въ *Дальнихъ* пещерахъ (*), и всякій день бывають въ нихъ благочестивые поклонники. И въ самомъ-дѣлѣ эти пещерныя обѣдни полны особенныхъ, невыразимыхъ преимуществъ и привлекательной силы, такъ что, посѣтивъ ихъ, невольно останешь молиться отъ чистаго сердца; посѣтивъ ихъ разъ, захочешь и опять помолиться въ нихъ какъ можно скорѣе....—Послѣ обѣдни, набожные поклонники отправляются къ св. мощамъ, и обходятъ ихъ, такъ что въ 9 часу оканчиваются всѣ молитвенныя дѣйствія, и остальное время дня употребляется всецѣло на житейскія дѣла, которыя, будучи освящены утренней молитвой, легко и успешно совершаются вврующему.

Рождественскіе праздники прошли шумно и весело, благодаря

(*) Въ *Ближнихъ* пещерахъ, или пещерахъ св. Антонія, находятся 3 церкви, во имя св. Антонія, игумена Варлаама и Введенія Пресв. Богородицы. Въ *Дальнихъ*, или св. Θεодосія, пещерахъ также 3 церкви, во имя Благовѣщенія, св. Θεодосія и Рождества Христова.

разнообразнымъ удовольствіямъ, которыми были богаты частые вечера въ клубахъ и частныхъ домахъ. Дворянскій клубъ ожилъ и разцвѣлъ: собранія въ немъ стали чаще и многочисленнѣе, роскошнѣе и веселѣе, чѣмъ въ прошедшіе годы. Собранія купеческаго клуба въ этотъ сезонъ начались съ 14 октября, и продолжались съ такой же обстановкою, многолюдствомъ, блескомъ и веселостью, какъ въ прошломъ году. 31 декабря и 6 января были въ немъ маскарады, вполне и по всему удачные. Уже замѣчена была довольно интересная особенность нашихъ клубовъ отъ клубовъ столичныхъ,—именно то, что за рубль сереб., который заплатите вы за право входа въ клубъ, вамъ предлагаютъ здѣсь въ немъ чай, фрукты, конфекты, оршадь, лимонадъ и мороженое; и всѣмъ этимъ угощаютъ васъ по нѣскольку разъ, щедро, радушно, а главное—безмездно. Какъ видите, клубы наши въ этомъ случаѣ имѣютъ характеръ (какъ справедливо уже было замѣчено) семейный, отличаются радушнымъ, славянскимъ гостепріимствомъ. Клубы до такой степени удовлетворяютъ всѣмъ разнообразнымъ требованіямъ прихотливой массы посѣтителей, что наши частные вечера стараются быть вѣрнымъ отраженіемъ клубовъ, чтобы вполне доставить удовольствіе гостямъ. Вотъ почему и на частномъ вечерѣ у насъ можно видѣть особъ полтора ста, двѣсти гостей, хоръ музыки, пышное освѣщеніе, свѣжіе изящные наряды, шумную веселость, роскошное угощеніе, и пр. и пр. Только на такомъ вечерѣ бываетъ всѣмъ пріятно, только о такомъ вечерѣ говорятъ съ удовольствіемъ и вспоминаютъ долго! Правда, такіе вечера рѣдки, и очень понятно, почему: не всякій же можетъ ихъ давать, а главное, не всякій можетъ ихъ удачно устроить. Какъ бы то ни было, но дѣло въ томъ, что прошедшіе праздники промелькнули для Кіевлянъ очень пріятно. И въ клубахъ, и въ частныхъ домахъ было прѣвесело; но порой, среди самыхъ затѣйливыхъ удовольствій, невольно приходило грустное сожалѣніе, что теперь уже совершенно исчезла прежняя обстановка святокъ рождественскихъ—гаданья, святочныхъ игры, пѣсни и пр. и пр., о чемъ съ такимъ удовольствіемъ читаешь гдѣ-либо былыя замѣтки, о чемъ въ грустнѣешь невольно, при однообразномъ разнообразіи настоящихъ вечернихъ развлеченій. Во всѣхъ нашихъ удовольствіяхъ, все прежнее, родное, замѣняется новымъ, иноземнымъ. Я нисколько не осуждаю нововведеній въ нашихъ удовольствіяхъ и принадлежностяхъ святочныхъ вечеровъ; но все какъ-то грустно видѣть, что мало-по-малу выходитъ изъ употребленія и даже изъ памяти многое и многое изъ прекрасныхъ, плѣнительныхъ обычаевъ нашей старины. Возьмемъ, напримеръ, канунъ праздника Р. Хр., такъ называемый *сочельникъ* или *«богату кутью»*, какъ говорятъ въ Малороссіи. Во многихъ

домахъ Кіева, вечеромъ этого дня, появляется ёлка, дѣтскій праздникъ, обычай *нѣмецкай*, довольно крѣпко вкоренившійся у насъ и выполняемый весело, игриво и шумно. Слова нѣтъ, что этотъ обычай хорошъ, занимателенъ и—коли хотите, полезенъ; но отчего же исчезъ нашъ мѣстный трогательный обычай въ этотъ день—вечерняя, семейная молитва и общій столъ для господъ и домочадцевъ. Очень можетъ быть, что обычай, о которомъ я напоминаю, уже многимъ неизвѣстенъ; и потому позвольте мнѣ рассказать его такъ, какъ онъ совершается еще въ некоторыхъ мѣстахъ Малороссіи, позвольте сохранить отъ забвенія благуя черту нашей доброй, патриархальной старины (*).

Этотъ день называется въ Малороссіи, какъ я уже сказалъ, *богатою кутьею*. *Кутьею* онъ называется потому, что за вечернимъ столомъ въ этотъ день занимаетъ важное мѣсто кутья, а богатою—вѣроятно, въ честь праздника, богатаго благими слѣдствіями для всѣхъ людей, или еще и потому, что въ этотъ день нѣтъ особаго поста, и столъ бываетъ обилень всякими благами. Я ужъ не говорю о томъ, что кутья выходитъ изъ употребленія за столомъ у многихъ въ этотъ вечеръ,—замѣна кушанья еще мало значить, (хотя церковь и установила его на этотъ день); но важно то, что, вмѣстѣ съ упраздненіемъ этого кушанья, упразднился благой обычай, которымъ сопровождался прежде вечерній столъ этого дня. Я сейчасъ расскажу его, но предварительно замѣчу, что *на кутью* въ Малороссіи не обѣдаютъ, готовя всѣ кушанья на ужинъ. Впрочемъ позволяется ѣсти, и приготовляемое тогда значительное количество пироговъ заставляетъ забыть отсутствіе обѣда. Пироги эти дѣлаются съ различной начинкой: изъ грушъ, яблокъ, маку, каши, капусты, варенья и пр. Нѣкоторые не ѣдятъ до восхода первой звезды, т. е. до вечера. Какъ только свечерветъ, вдругъ по улицамъ начинается разноска *вечерей* изъ дому въ домъ. *Вечери* эти разносятся только по домамъ родныхъ и близко знакомыхъ, и притомъ такъ, что меньшіе и благодѣтельствованные посылаютъ старѣйшимъ и благодѣтелямъ своимъ, которые, въ свою очередь, чрезъ принесшаго *вечерю* отвѣчаютъ такою же *вечерею*, въ нѣсколько меньшемъ составѣ. *Вечеря* состоитъ изъ пяти-шести пироговъ различной начинки, одного или двухъ ко-сышей (куличей), нѣсколькихъ кусковъ жареной рыбы, по немногу куты и узвару (**) на особыхъ тарелкахъ. Такая *вечеря*—самая бо-

(*) Этотъ обычай хотя и упоминается въ некоторыхъ описаніяхъ святокъ, но онъ рассказанъ тамъ кратко, не послѣдовательно, и, какъ видно, не очевидно и не участникомъ.

(**) Узваръ, приготовляемый изъ сушеныхъ плодовъ: яблокъ, грушъ, сливъ, вишенъ, и пр., сваренныхъ въ водѣ.

гатая; чаще посылаются только три-четыре пирога, да кусочка два рыбы. Принесшаго *вечерю* дарят деньгами и потчиваютъ водкою. Что значить этотъ обычай? Когда онъ начался? Я не сумью вамъ сказать, я только передаю его съ подробностію и вѣрностію самовидца. Такія же *вечери*, еще въ большемъ составѣ, рассылаются въ тотъ день многими въ тюрьмы, и рассылаются часто какъ бы отъ неизвѣстнаго лица. Къ сожалѣнію, этотъ благой обычай—прямое дѣло любви къ ближнему — мало по малу выходитъ изъ употребленія, равно какъ и разноска *вечерей* по домамъ родныхъ и знакомыхъ. Часу въ 9-мъ вечера, когда уже всѣ *вечери*, отъ кого слѣдуетъ, получатся,—начинаютъ накрывать на столъ. Прежде всего ставятъ на столъ желтыя восковыя свѣчи, которыя, въ другое время, никогда не ставятся за ужиномъ. Потомъ ставятъ все вмѣстѣ: и борщъ съ грибами или съ рыбою (если этотъ день — не понедѣльникъ, среда и пятница), и супъ съ изюмомъ и грибами, и жареную рыбу, и кутью съ сытою (растворъ меду), и взваръ, и наконецъ, множество пироговъ (*). Конечно, въ иныхъ домахъ этотъ ужинъ еще болѣе разнообразится, но означенныя кушанья вездѣ появляются.—Въ то время, когда все это устанавливается на столъ и когда всѣ разнородныя хлопоты по хозяйству окончены, старшій членъ дома зажигаетъ предъ образами, въ жилыхъ комнатахъ, лампы и восковыя тоненькія свѣчи, и кадитъ во всѣхъ комнатахъ ладаномъ или смирною, сначала предъ образами, потомъ столъ, исполненный всякихъ благъ, и наконецъ членовъ семейства. Послѣ этого все семейство собирается въ главную комнату, гдѣ только сверкаетъ лампада и горятъ маленькія свѣчи, и начинаетъ молиться Богу. Здѣсь каждый про себя благоговѣнно шепчетъ молитву, и, движимый умиленіемъ, кладетъ земные поклоны. Едва ли есть особенныя молитвы на этотъ случай—всякій молится, какъ говоритъ ему сердце, благодарить Бога за то, что Онъ сподобилъ дожить до праздника, молить у Него радостной встрѣчи правдника и разныхъ благъ себѣ въ теченіе его. Молитва длится не болѣе пяти минутъ; но рѣдкость такого явленія, бываемаго два раза въ годъ, но эта торжественная тишина и кроткій полусвѣтъ, эта общая, семейная молитва, олицетворяющая собою церковь въ маломъ видѣ, гдѣ всѣ члены связаны искренней любовью, единодушіемъ и неразрывными узами родства,—все это трогаетъ душу, все это дѣлаетъ такой обычай невыразимо-сладостнымъ, и заставляетъ пожа-

(*) Преимущественно въ простонародіи, кутью и взваръ ставятъ въ переднемъ углу подъ образами, на свѣѣ, въ память рожденія Спасителя въ ясляхъ, и не принимаютъ оттуда до окончанія святокъ—7 января.

леть, что оны выходятъ изъ употребленія. Затѣмъ все собираются въ столовую и садятся за большой круглый столъ. Ужинъ совершается въ спокойствіи, благоговѣніи и тихой радости (*). Кутью и взваръ ѣдятъ послѣ всего. Прежде, бывало, за столъ садились все слуги, все домочадцы благочестиваго хозяина, и не только въ этотъ день являлась такая общая, семейная трапеза, но еще 5 января и на Светлый праздникъ. Теперь, не знаю, остался ли гдѣ-либо этотъ патриархальный обычай. Послѣ ужина мирно расходятся спать, принимая мѣры, чтобы встать во-время къ заутрени торжественнаго праздника, начинающейся во 2-мъ часу ночи.

Подобный же ужинъ бываетъ еще 5 января. День этотъ называется *голодною кутьею*, вроятно, по причинѣ поста, заповѣданнаго въ этотъ день церковію, въ воспоминаніе поста нашего Спасителя, совершеннаго Имъ предъ Своимъ крещеніемъ. И поэтому, все до освященія воды, а иныя и до вечерней зари, ничего не ѣдятъ. Гдѣ же обычай, та же постепенность соблюдается и въ этотъ день, какъ въ сочельникъ. Разница въ столъ только та, что теперь ни въ какомъ случаѣ не ѣдятъ рыбы. *Вечерей* въ этотъ день не разносятъ.

Такъ какъ я уже рассказалъ нѣкоторые обряды праздничныя въ Малороссіи, мало по малу выходящіе изъ употребленія, то прибавлю, кстати, еще нѣсколько словъ о другихъ обычаяхъ. Такъ на пр. веселья, многочисленныя партіи молодежи, каждаго пола отдѣльно, появляются на улицахъ въ вечеръ перваго дня праздника Р. Хр. *колядовать*, а въ вечеръ 31 декабря—*щедровать* подъ окнами домовъ. Последний день называется *щедрикомъ*, вроятно, въ честь празднуемой тогда св. Меланіи-Римлянки, расточившей все свои богатства на храмы и на бѣдныхъ. Съ 5 до 12 часа вечера снуютъ по улицамъ пестрая толпа, разумется, изъ простаго сословія, бѣгая отъ дома къ дому и громко испрашивая позволенія у хозяевъ: «*благословите колядовать*» или «*благословите щедровать!*» Позволеніе большею частію дается охотно и скоро, и вслѣдъ за тѣмъ начинаются веселья и разнообразныя пѣсни, въ которыхъ величаютъ праздникъ, славятъ хозяевъ (**). За пѣсни хозяева щедрою рукою

(*) Въ селахъ и деревняхъ, вообще между простолюдианами, подобный ужинъ бываетъ и 31 декабря. Но рассказываемые мною обычай, въ своемъ совершеніи, взяты изъ средняго сословія, которое празднуетъ только двѣ кутьи.— 31 декабря, въ простомъ же сословіи, бываетъ еще другой обычай предъ ужиномъ. Смотри объ немъ во многихъ сочиненіяхъ о святкахъ.

(**) Нѣсколько колядокъ и щедровокъ помѣщено въ 3-й книгѣ Очерковъ Россіи, въ статьѣ «*Малороссійскія Селѣхы*» В. Пасоска, и въ сочиненіи А. Терещенко «*Быль Русской Жизни*». Томъ VII.

раздаютъ деньги, пироги, колбасы, сало, паляницы, и пр. и пр. Отказъ въ позволеніи не возбуждаетъ негодованія въ этихъ хорахъ; торопливо и рѣзво бѣгутъ они къ слѣдующему дому, чтобы не предупредили ихъ другіе подобныя отряды. Въ вечеръ праздника Р. Хр. ходятъ еще *со звездою* по домамъ, испросивъ позволеніе, поютъ историческія пѣсни о путешествіи и поклоненіи волхвовъ, объ Иродѣ, о рожденіи Спасителя, поклоненіи пастырей и пр. Звѣзда эта чрезвычайно велика, изъ раскрашенной бумаги; лучи ея составлены стѣнками; между лучами, по срединѣ, горитъ свѣча, скрытая отъ зрителей; звѣзда придѣлана къ палкѣ, на которой носится она и вертится постоянно во время пѣнія. Во время святокъ, по вечерамъ, ходятъ съ *вертепомъ*, довольно большимъ ящикомъ, представляющимъ сцену театра. Онъ раздѣленъ на двѣ части: вверху представляются религіозныя сцены: явленіе ангеловъ при рожденіи Спасителя, поклоненіе пастырей и волхвовъ, бѣгство Спасителя въ Египетъ, смерть цари Ирода; а внизу — простыя житейскія сцены изъ святочнаго народнаго быта, импровизируемыя искуснымъ владѣльцемъ вертепа иногда довольно весело и замысловато, а иногда и не совсемъ-то прилично. Но эта живая импровизація, убранство и освѣщеніе вертепа, маленькія куклы, движимыя незамѣтно для простаго глаза на проволокахъ, — все это чаруетъ, восхищаетъ и наполняетъ долгимъ удовольствіемъ непритотливыхъ зрителей. Со звездою и вертепомъ ходятъ только по вечерамъ.

На новый годъ мальчики въ разсыпную являютъ утромъ въ дома, съ мѣшечкомъ, полнымъ ржи, пшеницы и проч., и разсыпаютъ эти зерна по комнатамъ, не зря кидая рукою, поздравляя съ новымъ годомъ и приговаривая желанія всѣхъ благъ хозяину дома. 5 января, послѣ того какъ священникъ окропитъ домъ св. водою, при чемъ дьячекъ пишетъ на стѣнѣ въ каждой комнатѣ *иордань*, хозяинъ дома обходитъ всѣ свои службы, кропитъ ихъ св. водою, и пишетъ мѣломъ кресты на дверяхъ и на окнахъ.

Вотъ что счелъ я нужнымъ спасти отъ недолжнаго забвенія, и внести въ вашъ журналъ, какъ въ сокровищницу всего русскаго, рѣдкаго, замѣчательнаго. Обращусь теперь къ прерванному разсказу о кievской жизни.

Рядъ удовольствій, серьезныхъ дѣлъ и разныхъ проявленій людской жизни очень часто зависитъ болѣе или менѣе отъ погоды; съ этой точки зрѣнія мнѣ никогда не кажется смѣшною сознательная рѣчь о погодѣ, о ея неожиданныхъ проявленіяхъ, качествахъ, постоянствѣ, измѣчивости и проч. Вотъ почему въ свои замѣтки

всегда вношу я слово о погоде; не принимая на себя труда быть истолкователемъ всѣхъ ея измѣненій, я ограничиваюсь только простымъ рассказомъ. Лѣтъ 10, много 15 тому назадъ, въ Кіевѣ совершался кругооборотъ времени года совершенно въ другія времена, нежели теперъ. Свѣжо помнится, какъ въ 30-хъ и даже въ 40-хъ годахъ въ Кіевѣ наступала зима еще въ началѣ ноября. День Архистратига Михаила (8 ноября), храмовой праздникъ здѣшняго Михайловскаго монастыря, бывало, всегда наступалъ среди сильныхъ морозовъ и глубокаго снѣгу. Зима безъ рѣзкихъ переизмѣнъ длилась до конца февраля; много холодныхъ дней было и въ мартѣ; много разъ порывался снѣгъ послѣ ряда весеннихъ дней. Теперъ совсѣмъ не то. Я уже замѣтилъ въ предъидущемъ письмѣ (Москв. N 1-й), какъ хороша была прошедшая осень въ Кіевѣ, вплоть до декабря. Такая же тихая и теплая погода продолжалась во весь декабрь, за исключеніемъ двухъ-трехъ морозныхъ дней въ двадцатыхъ числахъ. Между тѣмъ, на разстояніи не болѣе 70 верстъ отъ Кіева, стояла совершенная зима съ обильнымъ снѣгомъ. Въ Кіевѣ хотя и попархивалъ было снѣгъ, но на улицахъ онъ скоро исчезалъ, только коегдѣ по горамъ бѣлѣлся онъ, какъ будто кто его разсыпалъ; а на капуиѣ праздника Р. Х. пошелъ дождь. Къ утру праздника подморозило, и въ первые три дня его стояла такая чудесная, тихая и свѣтлая погода, что рождественскіе праздники можно было почестъ Свѣтлыми. Порою только рѣзкій вѣтеръ нарушалъ эту благодатную погоду, дивящуюся до первыхъ чиселъ января. Днѣпръ нѣсколько разъ замерзалъ и потомъ снова освобождался отъ льду, наконецъ, сталъ 4 января, такъ что можно было въ слѣдующіе дни переправляться по немъ. А до тѣхъ поръ много и много обозовъ стояло по двѣ и по три недѣли по ту сторону Днѣпра, въ ожиданіи свободнаго перѣезда чрезъ него. 5 января выпалъ снѣгъ, удобный для сапной тѣды, и улицы города скоро покрылись зимними экипажами, полными гуляющихъ. 6 января поднялась было вьюга, но она скоро утихла. Появилось нѣсколько морозныхъ дней, потомъ опять настала оттепель, такъ что снѣгъ совершенно исчезъ, а на другой день снова начались морозы и выпалъ значительный снѣгъ, пролежавшій до конца мѣсяца. И такъ, постоянной зимы у насъ не было: морозы, сильные вѣтры, то холодные, то теплые; рѣзкая оттепель, потомъ опять вѣтеръ и холодъ—постоянно смѣняли другъ друга. Зима у насъ отличалась болѣе вѣтрами, чѣмъ морозами, такъ что по справедливости можно сказать, что зима у насъ была непостоянная и *вѣтряная*. Во время оттепели солнце иной разъ свѣтило такъ сильно, что воздухъ дышалъ весенней свѣжестью. И замѣтно было, что зима у

насть, едва начавшись, уже близка къ концу: снѣгъ таетъ такъ, что скоро становится какого-то темнубураго цвѣта, съ крышъ каплетъ, мокро, грязно... И это въ концѣ января! Съ 1-го февраля опять начались легкіе морозы, смѣняемые оттепелью; снѣгу почти нѣтъ. До 25 января были морозы въ 12 и 15 градусовъ, снѣгъ обильно покрывалъ улицы и изрѣдка попархивалъ по утрамъ, такъ что, благодаря этимъ обстоятельствамъ, наступившіе контракты отличались чрезвычайнымъ движеніемъ, шумомъ, многолюдствомъ. Экипажи въ непрерывномъ порядкѣ, одинъ за другимъ, мчались по улицамъ Подола, преимущественно по главной изъ нихъ—Александровской. Товаровъ, пріѣзжихъ, концертовъ и разнаго рода развлеченій—чрезвычайное множество. Но говорить о концертахъ подробно (*) я буду въ слѣдующемъ письмѣ, въ слѣдующей же книгѣ Москвитянина.

Въ статьяхъ своихъ я всегда и преимущественно старался о правдивости и полнотѣ извѣстій; и мнѣ казалось, что въ этомъ отношеніи статьи мои непогрѣшимы, но... Согласитесь, что очень трудно и почти невозможно одному усмотрѣть и замѣтить хорошенько всѣ обстоятельства, всѣ замѣчательныя новости въ жизни такого города, какъ Кіевъ, и потому извините меня, если отъ статей моихъ ускользаетъ иногда кака-нибудь мѣстная новость, стоящая вниманія, или, если появляется въ нихъ что-либо, чуждое совершенной точности, хотя все подобное и говорится мною, какъ *предположеніе*, повторенное многими.—Такіе невольные промахи особенно легко могутъ случиться теперь, когда жизнь Кіева такъ шумна, суетлива и богата разнородными проявленіями. И потому, хотя настоящія мои вѣсти, какъ мнѣ кажется, очень полны своимъ содержаніемъ, но легко можетъ быть, что я не упомянулъ еще о чемъ-либо, по той именно причинѣ, что не зналъ объ немъ. Притомъ многіе, которые имѣютъ болѣе средствъ, чѣмъ я, знать замѣчательныя новости Кіева, и, слѣд. могли бы сообщить мнѣ что-либо достойное вниманія, обнаруживаютъ или тупое равнодушіе и къ кіевской жизни и къ моимъ просьбамъ, или—забавную корысть, требуя за сообщеніе каждаго новаго извѣстія *по полтиннику*. Впрочемъ, различныхъ недосмотровъ въ моихъ статьяхъ найдется за цѣлый годъ, одинъ, два—не больше. Тѣмъ не менѣе я счелъ нужнымъ сдѣлать эту оговорку, для оправданія себя въ мнимой небрежности къ замѣчательнымъ явленіямъ кіевской жизни. **II. С.**

(*) Покороче, покороче просимъ любезнаго корреспондента о концертахъ, и подробнѣе вечеряхъ, щедрикахъ, и прочихъ любезныхъ народныхъ обычаехъ. *Ред.*

ПРИДѢЛЬ ВЪ ЧЕСТЬ КОЗЬМЫ МИНИНА. (Изъ Нижняго Новгорода). 26 февраля преосвященный Іеремія освятилъ въ нижней соборной церкви придѣль Козьмы и Даміана въ честь Козьмы Минина. Придѣль устроенъ на лѣвой сторонѣ, т. е. на той, гдѣ погребень Мининъ. Во время ярмарки будутъ освящать придѣль Дмитрія Селунскаго въ честь князя Пожарскаго (съ правой стороны).

Въ церковь приготовляются усердіемъ вновь избраннаго градскаго главы В. К. Мичурина: три иконы Іакова епископа (празд. 21 марта,—день выступленія рати Пожарскаго изъ Нижняго), Самуила пророка (20 августа—день прибытія къ Москвѣ), Казанской Богородицы (22 октября—день сдачи Москвы).

Справочная цѣна на хлѣбъ во время воззванія Минина была 1 р. за четверть. Монастыри платили на ополченіе князя Пожарскаго, который хлѣбомъ, который деньгами.

А до того точно такой же былъ сборъ для ополченія к. Рѣпинна, что былъ подъ Москвою съ Ляпуновымъ.

Февралл 28 была первая *публичная лекція* господина Розова (учитель Александровскаго дворянскаго института), въ залѣ института, о литературѣ отъ временъ Михаила Федоровича до Петра Великаго.

Еще—въ январь открытъ въ Нижнемъ Маріинскій институтъ благородныхъ дѣвицъ.

П. МЕЛЬНИКОВЪ.

МОСКОВСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Февраля 15, скончался докторъ, бывший профессоръ Московскаго Университета Алексѣй Григорьевичъ Терновскій. Заимствуемъ любопытныя извѣстія о добродѣтельной его жизни изъ прекрасной біографіи, напечатанной г-мъ С. въ М. В.

Покойный былъ сынъ священника, учился въ Московской Славяно-Греко-Латинской Академіи, а потомъ съ 1814 г. въ Университетѣ, гдѣ въ 1821 г. выдержалъ экзамень на степень доктора Медицинскихъ наукъ. Въ 1827 г. препоручено ему было преподаваніе анатоміи, въ званіи адъюнкта при знаменитомъ Лодерѣ. Лѣтъ десять читалъ онъ лекціи... Но послушаемъ скорѣе почтеннаго біографа: «Въ то же время поступилъ въ университетъ по части анатоміи любимый ученикъ Лодерова, молодой Эйбродтъ, котораго славный анатомикъ Европейскій готовилъ себя въ преемники. При немъ г. Терновскій увидѣлъ себя излишнимъ, и въ 1836 году за реформою уволенъ изъ университета.

Такимъ образомъ онъ вынужденъ былъ промѣнять профессорскую кафедру на странническую жизнь частнаго врача и оставить любимыя имъ ученныя занятія, коимъ могъ посвящать только кратковременный свой досугъ и отдыхъ отъ дневныхъ трудовъ. Предметами его заботъ долженствовало быть и страждущее человечество, и родное семейство. Но могъ ли на этомъ поприщѣ найти себѣ существенныя выгоды человекъ скромный до застычивости, твердый въ своихъ строгихъ правилахъ до неимовѣрности, мало знакомый съ условіями свѣта, приходившій къ больному пѣшкомъ, въ поношенномъ платьѣ и съ озабоченнымъ, мрачнымъ лицомъ? Его достоинства могли огнѣнить только тѣ, которые предпочитали внутреннія качества внѣшнимъ приличіямъ, которые понимали его; но и самъ Алексѣй Григорьевичъ былъ неискателемъ и пренебрегалъ тѣми мелкими средствами, коими выигрываютъ другіе и славу и богатство въ свѣтъ, гдѣ болѣе «по платью встрѣчаютъ». Следуя же влеченію добраго и гнѣпаго сердца, руководствуясь духомъ Евангелія, онъ былъ безмезднымъ врачомъ, истиннымъ другомъ бѣдныхъ, хотя никогда и не выдавалъ себя за филантропа, постояннымъ труженикомъ въ теченіи тридцатилѣтней практики своей; нерѣдко ему случалось обходить по Москвѣ пѣшкомъ (скажемъ безъ преувеличенія) верстъ по 30 въ день, не смотря ни на какую погоду и дорогу, отъ ранняго утра до поздней ночи. Повидимому, такая дѣятельность должна бы его обогатить. Но что могли ему дать больные, томившіеся на холодныхъ чердакахъ, или въ сырыхъ подвалахъ и лачугахъ, — больные безпомощные, неимущіе, которые не только не въ состояніи были заплатить врачу за визитъ, но и въ аптеку за лекарство? Великодушный Терновскій, не смотря на отдаленность разстоянія, посѣщалъ ихъ безъ всякаго возмездія, иногда по два раза въ день, раздѣлялъ съ ними свой послѣдній рубль, ходилъ за ними, какъ сердобольный братъ, по слову Евангельскому, *послужилъ* въ лицѣ ихъ самому Христу; съ терпѣніемъ, снисходительностію и любовію обмывалъ и перевязывалъ ихъ раны, дѣлалъ примочки и припарки. Участь каждаго больнаго составляла предметъ особенной его заботы и попеченія; угрожала ли опасность кому, онъ тревожился до чрезвычайности; подавалъ ли кто надежду къ выздоровленію, — искренно радовался. Каждому больному открыто было его сострадательное сердце, какъ сердце лучшаго друга. Сколько отъ мнительнаго его характера, а болѣе изъ опасенія вредныхъ слѣдствій онъ иногда нерѣшителенъ былъ въ выборѣ лѣкарства, предпочитая слабыя сильнѣйшимъ, героническимъ, развѣ когда не мнимая, предполагаемая, но очевидная, дѣйствительная опасность требовала послѣднихъ. При безкорыстномъ

его служенія страждущему человечеству ему встрѣчались разныя искушенія его добродѣтели отъ невѣжества, грубости, закостнѣнія, упрямства и неблагодарности; но неистощимая его любовь все терпѣла и терпѣніемъ все побѣждала. Проведя цѣлый день въ подвигахъ человеколюбія, нередко онъ приходилъ домой съ пустымъ карманомъ, чтобы видѣть нужду своего семейства. Ему неизвѣстны и чужды были тѣ развлеченія внѣ семейства, какія позволяютъ себѣ люди должностные послѣ трудовъ своего званія. У него однѣ заботы смѣнялись другими: какъ нѣжный отецъ, онъ былъ вмѣстѣ и наставникомъ своихъ дѣтей, которымъ охотно удѣлялъ часы своего отдыха.

Въ концѣ тридцатилѣтняго своего служенія страждущему человечеству, на 60 году жизни, Алексѣй Григорьевичъ сталъ чувствовать упадокъ силъ, который увеличивали заботы, нужды и прискорбія; но не преставалъ помогать бѣднымъ, отыскивая и навѣщая ихъ не только въ сосѣдствѣ своемъ, но и на краю Москвы. Плохая зимняя одежда худо защищала труженика отъ простуды въ сырую и холодную погоду; онъ сильно занемогъ; тщетна была помощь врачей. Чувствуя приближеніе смерти, а съ ней вмѣстѣ и покоя отъ земныхъ трудовъ, онъ исповѣдывался и приобщился Св. Таинъ, былъ освященъ Св. елеемъ; потомъ благословивъ жену и шестерыхъ дѣтей своихъ, мирно почилъ вѣчнымъ сномъ, февраля 15-го, въ 10 часу ночи.

По предсмертному желанію покойнаго, тѣло его погребено на 5-й день послѣ кончины; два родные его брата, магистры богословскихъ наукъ, Сергѣй и Николай Терновскіе, совершили надъ нимъ отпѣваніе въ приходской церкви преподобнаго Сергія въ Пушкаряхъ, гдѣ отецъ Алексѣя Григорьевича былъ священникомъ. Церковь была полна бѣдныхъ, которыхъ онъ лѣчилъ, большею частію, безмездно; ихъ слезы душевной скорби были данью ихъ благодарности ихъ другу и врачу. Тѣло его погребено на Лазаревомъ кладбищѣ подлѣ могилы его отца.

СОВРЕМЕННЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ.

Юная Англія.—Исторія постройки новой церкви въ Брюссель.—Историческій дождь.—Словарь подлоговъ и поддвокъ.— Парижскіе театры.— Концерты: игра г. Леменса на органѣ церкви Saint Vincent de Paul.— Концертъ г. и г-жи Леонаръ.—Музыкальные вечера дѣвицы де Мальвиль.—Квартеты Бетховена.—Новая родословная Гёте и Канта.—Бюстъ Шеллинга.—Гибель Корвета Маріанна.

Въ дополненіе къ статьѣ о теперешнемъ Англійскомъ Министрѣ Финансовъ Дизраэли, помѣщенной въ прошломъ номерѣ Москвитянина, сообщаемъ нѣкоторые свѣдѣнія о существовавшемъ въ Англіи обществѣ: *Юная Англія*, котораго Г. Дизраэли былъ некогда блестящимъ представителемъ.

Юная Англія никогда не составляла партіи, въ общепринятомъ значеніи этого слова. Ея господствующія идеи не имѣли достаточной опредѣленности, чтобы образовать ученіе, и она производила болѣе вліянія на умы, на воображенія, нежели на дѣла. Мы говоримъ объ этомъ обществѣ, какъ о дѣлѣ прошедшемъ, потому что отъ него дѣйствительно осталось одно воспоминаніе; но слѣды его глубоки и можно сказать благотѣльны, говоритъ *Journal des Debats*. Молодые люди, бывшіе членами этого собранія, всѣ принадлежали къ верхнему слою общества, или по рожденію, или по богатству, или по образованію. Большая часть ихъ вступила теперь на политическое поприще и засѣдаетъ въ обѣихъ палатахъ или занимаетъ мѣста въ высшихъ управленіяхъ. Они-то наиболѣе споспѣшествовали внушить новому поколѣнію понятія о важнѣйшихъ, преобладающихъ, общественныхъ вопрсѣсахъ и заохотить къ ихъ изученію. Если Юная Англія и не имѣла другаго достоинства, то и одного этого достаточно, чтобы искупить безразсудство, принужденность и даже ребячество, въ которыхъ ее упрекаютъ.

По исповѣданію, Юная Англія принадлежала къ новой оксфордской школѣ. Много было говорено объ этомъ богословскомъ движеніи, которое, въ послѣдніе пятнадцать лѣтъ, такъ глубоко измѣнило характеръ вѣроисповѣданія въ Англіи. Это противудѣйствіе протестантизму возникло, такъ сказать, въ нѣдрахъ древняго протестантскаго университета. Встревоженные возрастающими успѣхами раціонализма и совершающимся разсединеніемъ и разложеніемъ въ церквахъ послѣдовавшихъ реформъ, оксфордскіе богословы рѣшились спаять распавшуюся цѣпь апостольскихъ преданій, и снова прикрѣпить къ ней церковь Англіи. Они-то пытались доказать, что Англійская церковь была настоящимъ хранилищемъ этихъ преданій и истинною послѣдовательницею Католическаго универсальнаго ученія, отъ котораго римская церковь отпала. Англо-католическая церковь, какъ ее тогда называли, отрекалась отъ всякой общности съ началомъ и даже именемъ протестантизма, и предавала анаѣмъ реформацію, которая, въ ея мнѣніи, была тѣмъ же раціонализмомъ. Но даже люди ума безтрепетнаго, не могли устоять безъ головокруженія на этомъ высокомъ коромыслѣ равновѣсія. Движеніе противудѣйствующее свободному изслѣдованію и толкованію пидвидуальному, необходимо должно было увлечь умы къ средоточію авторитета и преданія. Оксфордская покаторость видимо клонилась къ Риму, и какъ, обыкновенно падаютъ на ту сторону, къ которой обращена наклонность, то многіе изъ адептовъ Англо-католической церкви, упали на лопу церкви Римской. (*)

Англо-католики должны были отвергать революцію, уже потому, что отвергали реформацію. Казнь Карла 1-го была въ глазахъ ихъ преступленіемъ, по которомъ Англія должна была носить вѣчный трауръ, а окончательное изгнаніе Стуартовъ было другимъ преступленіемъ, не менѣе важнымъ какъ первое. По истеченіи двухъ вѣковъ, послѣ паденія Стуартовъ, эта историческая чувствительность не возбуждала болѣе опасеній, и рассказы Вальтеръ-Скотта не могли вредить царствующей династіи. Это двойственное стремленіе къ возстановленію релігіозному и роялистскому, было характеристическою чертою Юной Англіи, и оно проявляется во всѣхъ произведеніяхъ этой школы. Десять лѣтъ тому г. Дизраэли издалъ свой прекрасный романъ *Coningsby*. Въ послѣдствіи романнстъ сдѣлался главою сильной политической партіи, и потомъ министромъ, и могъ измѣнить мнѣніи своей юности; но книга его осталась любопытнымъ и драгоцѣннымъ памятникомъ

(*) Многіе выражаютъ сочувствіе къ православной церкви. *Ред.*

попытки возрожденія, котораго вліаніе на умы было тѣмъ обширнѣе, чѣмъ самое движеніе было безотчетнѣе и неопредѣленнѣе. Какъ мы уже сказали, Юная Англія не имѣла ни стрѣйной системы, ни опредѣленнаго ученія; она скорѣе имѣла инстинктъ и чувство. Она не хотѣла пристать ни къ одной изъ политическихъ партій, которыя доискивались власти, и герой романа г. Дизраэли, Кѣнингсби, говорилъ друзьямъ своимъ:

«Устраняйтесь отъ партій, которыя, по естественному порядку вещей, утратили свои отличительныя правила, и сдѣлались сборищами заговорщиковъ. Подождите,—можетъ быть, съ терпѣніемъ, съ честію, съ энергіею, съ христіанскою вѣрою, а пригомъ съ твердою волею согласоваться съ пользою общественною, болѣе чѣмъ съ личными выгодами, вы найдете великое начало, которымъ мы будемъ руководствоваться, которому мы вѣрно послѣдуемъ, и которому, если оно заключаетъ въ себѣ истину, послѣдуютъ и всѣ другіе».

Кѣнингсби не принадлежитъ ни къ одной партіи; по его мнѣнію ни одна партія не имѣетъ истинныхъ основаній. Съ счастливою неопытностію и великодушнымъ простосердечіемъ юности, онъ гонится за призракомъ *безусловнаго начала*. Охранительная партія, по его мнѣнію, охраняетъ только внѣшнія формы.

«Я, говоритъ онъ, знаю партію, которая приняла за правило не соглашаться ни на какое измѣненіе, доколѣ это измѣненіе не требуется голосомъ публики, и тогда она съ поспѣшностію уступаетъ; но это скорѣе правила уступки, чѣмъ охраненія. Эта партія обращается съ нашими учрежденіями, какъ мы съ фазанами: она бережетъ ихъ, чтобы потомъ убивать. Но есть ли въ средѣ этой партіи государственный мужъ, который указалъ бы намъ догматъ въ руководство, или великую истину, которую мы могли бы отстаивать? Этотъ консерватизмъ есть безсмыслица, уродливое неудачное произведеніе, что-то въ родѣ формы, которая сама ничего не зарождаетъ.»

Эту горькую сатиру на котсервативную партію, г. Дизраэли повторялъ не разъ, въ особенности тогда, какъ нападалъ въ палатѣ на Сира Роберта Пили, упрекая его въ томъ, что онъ имѣетъ одностороннія идеи. Въ Кѣнингсби есть разговоръ, который сводитъ лицомъ къ лицу два поколѣнія, старое и новое. Лордъ Монмутъ, аристократъ старой школы, требуетъ, чтобы внукъ его Кѣнингсби подалъ себя кандидатомъ какого-то полусогнившаго мѣстечка; молодой человекъ отвѣчаетъ ему:

«Я боюсь, что я еще не вполне приготовленъ, чтобы принять на себя ту большую отвѣтственность, которая лежитъ на членахъ нижней палаты»

— Отвѣтственность! сказалъ Лордъ Монмутъ улыбаясь. О какой отвѣтственности говорите вы? Одно лицо, предъ которымъ вы можете быть въ отвѣтственности, это то, которое способствовало вашему назначенію; а я полагаю, что между нами не можетъ возникнуть недоразумѣній... Эта отвѣтственность не тяжела: ваше дѣло будетъ только подавать голосъ, вмѣстѣ съ вашею партіею....

«Вы вѣроятно говорите о консервативной партіи, сказалъ Кеннингсби.. Къ сожалѣнію я долженъ сказать, что не могу подавать голоса за одно съ нею.»

— Я васъ не хорошо понимаю М. Г. сказалъ Лордъ Монмутъ довольно сухо. — «Я объяснюсь откровеннѣе, отвѣчалъ Кеннингсби. Я хотѣлъ сказать, что я давно уже вижу, что консервативная партія измѣнила своимъ правиламъ....

.... Можетъ быть вы и правы, проговорилъ Лордъ Монмутъ. Но зачѣмъ вспоминать прошлое? Пылъ человекъ нужный; онъ необходимъ нашему времени; по крайней мѣрѣ надобно стараться такъ думать. Мы сами же виноваты, упустивъ власть изъ рукъ нашихъ. Никто бы этому не повѣрилъ во времена вашего правдѣ М. Г. Тогда, если и случалось допустить кого изъ нижней палаты къ министерскому портфелю, то онъ бывалъ только министромъ, такъ сказать, трудовымъ, то есть для работы, но этой работою руководствовалъ учрежденный при немъ тайный комитетъ, изъ знати 1688 года.—

Разговоръ продолжается въ этомъ тонѣ; Кеннингсби излагаетъ свои мнѣнія о политической вѣрѣ, о религіи, о верховной власти, о взаимныхъ отношеніяхъ труда и собственности; старый Лордъ слушаетъ, не понимая новыхъ идей Юной Англіи, и наконецъ лишаетъ сына пастьдства, чтобы исправить его отъ излишней *саггитментальности*.

Натурально, что къ партіи виговъ Кеннингсби еще большее имѣлъ отвращеніе. Въ его глазахъ аристократія Виговъ была родъ преторіанской лиги, которая держала корону въ опекѣ, и которая дѣлала изъ Монархіи Венеціанскую республику.

«Большая цѣль предводителей партіи Виговъ, говоритъ онъ, начиная отъ Гемпдена до революціи 1688, состояла въ томъ, чтобы учредить въ Англіи аристократическую республику, по образцу Венеціанской, которой удивлялись тогда всѣ политическіе философы. Прочтите Гаррингтона и Альджерисна Сиднея, и вы увидите, что умы всѣхъ

начальниковъ политическихъ партій семнадцатаго вѣка были пропитаны венеціанскимъ типомъ. Наконецъ они успѣли... Вильгельмъ III разгадалъ ихъ, и сказалъ вигамъ: «Я не хочу быть Дожемъ...» Царствование Анны ознаменовано борьбою Венеціанской системы съ Англійскою. Два высокорожденные виги, Аржилъ и Соммерсетъ, достойные заступать въ Советъ Десяти, принудили свою Государыню, на смертномъ ея одрѣ, измѣнить кабинетъ. Они достигли своей цѣли. Они водарили новую династію, которой предписывали условія. Георгъ 1-й былъ дожемъ; Георгъ II былъ также дожемъ; они были тѣмъ, чѣмъ не хотѣлъ быть Вильгельмъ III. Георгъ III пытался не быть дожемъ, но онъ не былъ въ силѣ разорвать свои оковы. Онъ могъ сбѣжать съ рукъ виговъ — патрициевъ, но не могъ освободиться отъ Венеціанской Конституціи, и эта Венеціанская Конституція управляла Англією до 1832 года».

Юной Англій раздолье на подѣ критики; ей не трудно доказать, что ни виги, ни консерватисты не имѣютъ ни основательныхъ правилъ, ни основательнаго ученія; но и ей трудно было бы отвѣчать, какими она сама руководствуется правилами, какому слѣдуетъ ученію. Она дѣйствительно имѣетъ только стремленія; она исповѣдуетъ аристократическій социализмъ; ком. низмъ въ палевыхъ перчаткахъ и лакированныхъ сапогахъ. Ея идеи о правѣ на содѣйствіе, — неопредѣленны; она требуетъ равенства сословій, и приходская конституція кажется ей гораздо важнѣе государственной. Здѣсь видна ребяческая сторона Юной Англій, которую можно назвать готическою стороною. Она впадаетъ, какъ это случилось и во Франціи, въ идеи среднихъ вѣковъ и проповѣдуетъ сантиментальную политику *луннаго сіднія*. Она вѣритъ, что можно преобразовать общество, заставляя его плясать подѣ буколическимъ вѣжомъ; что можно сдѣлать народъ счастливымъ идилиями и эклогами. Это похоже на маію прежнихъ Маркизовъ и Маркизь, которые наряжались пастушками и пастухами, напудривъ волосы, облебя лицо мушками, и взявъ въ руки пастушій посохъ, обвитый розовыми лентами. Теперь не пора на эти затѣи взрослыхъ дѣтей. Теперешнее общество уже подросло и его нельзя поить молокомъ изъ рожа.

Но, воздавъ по заслугамъ за эти приторныя выходки, нельзя не сознаться, что Юная Англія имѣла также смѣлыя, благородныя и возвышенныя идеи, которыя произвели благотворное вліаніе. Они служили равновѣсомъ утилитарному стремленію умовъ того времени, они умѣрили ненасытность политической экономіи, угрожавшей поглотить все. Въ странѣ, гдѣ необычайное развитіе промышленности могло увлечь

общество въ матеріализмъ, они стерегли и сохранили священный огонь *духовности*.

Нельзя читать Кёнингсби безъ грустнаго впечатлѣнія. Вся лица этого романа, сколько современныхъ личностей, исполнены жизни, рвенія, увлеченій и мечты. Въ концѣ книги они все выступаютъ на политическое поприще, и авторъ, прощаясь съ ними, говорить:

«Теперь они на порогѣ общественной жизни. Какая ожидаетъ ихъ участь? Сохранять ли они въ народныхъ собраніяхъ и въ высшихъ должностяхъ великія истины постигнутыя ими въ уединеніи и въ трудѣ. Не утомится ли ихъ отвага въ борьбѣ? не охладѣетъ ли ихъ восторженность подѣ ледянымъ дыханіемъ бездушной насмѣшки? Не искусятъ ли, не погаситъ ли низкая приманка властолюбія ихъ великодушныхъ влеченій? или сохранять они мужество, простоту и истину? не преклонять выи предѣ призракѣмъ и не будутъ поклоняться фразамъ. Сумѣютъ ли они соразмѣрять свои обязанности съ положеніемъ ихъ въ общества, и ратоборствовать съ холодными теоріями вѣка общности (*un siècle generalisateur*) истребившаго индивидуальность чловѣка?..»

Десять лѣтъ протекли надъ этими страницами; что случилось съ юношами, такъ беззаботно вступившими на дорогу жизни? что случилось съ ихъ весенними мечтами? Авторъ Кёнингсби теперь министромъ финансовъ; онъ изучаетъ науку чиселъ; но вступая въ управленіе министерствомъ, онъ не привнесъ съ собою, ни правила, ни идеи, ни ученія, ни вѣрованія, и врядъ ли найдетъ онъ все это въ вѣрренной управленію его кассѣ.

Чтобъ показать, до какой степени изказились, изуродовались, повредились, все понятія, самыя высокія у многихъ изъ нашихъ современниковъ, помѣщаемъ съ нашими замѣчаніями статью А. Дюма, изъ *Indep. Belge*; она называется:

ХРАМЪ БОГОМАТЕРИ ВЪ ВРЮССЕЛЬ, КОНЦЕРТЪ МАРИИ ПЛЕЙЕЛЬ. (Можетъ ли что быть не приличнѣе такого заглавія! Но это только начало. Статья начинается священными словами Спасителя):

Спаситель сказалъ: аще имате вѣру, и речете горѣ: преиди отсюду тамо, и преидетъ, и ничто же возможно будетъ вамъ.

Когда турецкія ядра разгромили монастырь во имя Пресвятой Дѣвы Маріи, на горѣ Кармель, итальянскій монахъ задумалъ, на этихъ развалинахъ, возсоорудитъ разрушенный монастырь и сдѣлать его обширнѣе, великолѣпнѣе, гостепримнѣе прежняго. Этотъ монахъ не имѣлъ въ своемъ распоряженіи другихъ средствъ, кромѣ тѣхъ, которыя онъ

надъялся приобрести отъ добродотныхъ вкладовъ и подаванія благочестивыхъ христіанъ.

Монахъ этотъ назывался Жанъ-Батистъ. Съ тогоже дня пустился онъ собирать подаванія. Онъ совершилъ семнадцать путешествій въ Европу, переплывая Средиземное море въ первомъ суднѣ, которое соглашалось принять его, не обращая вниманія въ состояніи ли оно выдержать море. Онъ шелъ во имя Господа, коему подвластны и вѣтры и волны, чье слово воздымаетъ и укрощаетъ бури.

Въ эти семнадцать путешествій онъ собралъ семьсотъ тысячъ франковъ. Каждый, видя твердость души и неослабное рвеніе неутомимаго странника, охотно содѣйствовалъ, по возможности, совершенію неомвѣрнаго предпріятія. Наконецъ, по прошествіи двадцати двухъ лѣтъ мечты брата Жана-Батиста осуществились и онъ могъ отдохнуть подъ тѣнью высокихъ стѣвъ, въ которыхъ каждый камень былъ подаваніе.

Подвигъ этотъ совершила вѣра!

Та же вѣра (!?) одушевляла достойнаго приходскаго священника церкви Богоматери Шербекской, г. Триста, когда онъ предпріялъ трудъ не менѣе огромный, который съ помощію Бога и усердствующихъ христіанъ приведетъ онъ къ успѣшному окончанію, какъ привелъ свое предпріятіе братъ Жанъ-Батистъ.

Надобно сказать, что первая мысль о постройкѣ теперешаго храма представилась воображенію основателей не въ тѣхъ огромныхъ размѣрахъ, которые она приняла впоследствии. Прихожане, въ своемъ смиреніи, желали въ 1839 году, то есть въ то время, когда составилъ первый проектъ зданія, построить простую кирпичную церковь, не памятникъ, — а пріютъ вѣры.

Исполненіе было поручено особо учрежденному комитету.

Къ несчастію, или лучше къ счастью, случай хотѣлъ, чтобы комитетъ составленъ былъ изъ артистовъ.

По осмотру мѣстности, члены комитета увидѣли, что церковь, которую предположено строить, замыкаетъ Королевскую улицу, одну изъ лучшихъ въ Брюссель и что жѣлко было бы поставить тамъ храмъ не соответствующій великолѣпію ведущей къ нему дороги. (Хорошо побужденіе къ основанію храма!)

Тогда въ душѣ священника приходскаго зародилась самолюбивая мысль (!?). Поспѣшимъ сказать, что это самолюбіе стремилось ко славѣ имени Господня. Ему мерещились храмы: Св. Софіи въ Константинополѣ, Парижская Богоматерь и Св. Петръ въ Римѣ.

Мечта эта овладѣвала мало по малу членами комитета.

Никто не смѣлъ высказывать громко то, что думалъ втайнѣ; каждый старался выпытать мысли другаго, каждый сочувствовалъ общей надеждѣ.

Наконецъ робко выразилась общая мысль и никого не удивила; она уже давно таилась въ душѣ каждаго. Три дня спустя послѣ, какъ вырвалось первое слово, всѣ уже находили весьма естественнымъ желаніе подарить свой городъ, уже богатый зданіемъ ратуши и храмомъ св. Гудулы, новымъ образцовымъ произведеніемъ искусства (!!!).

Мнѣніе комитета сообщено молодому архитектору, г-ву Ванъ Оверстрэтену, и ему поручено представить планъ.

Планъ вскорѣ былъ представленъ. Это былъ Византійскій храмъ въ стилѣ періода отъ пятаго до седьмаго вѣка, съ пятью выступами. По смѣтѣ, постройка этого храма должна была стоить милліонъ пятьсотъ тысячъ франковъ.

Комитетъ не имѣлъ ни одного лундора.

Это не помѣшало приходскому священнику рѣшить, что церковь будетъ построена. Честной отецъ имѣлъ болѣе всѣхъ сокровищъ въ мірѣ, — онъ имѣлъ вѣру (!!).

Двѣ юныя артистки Тереза и Марія Миланоло, сподобившіяся въ первый разъ приобщиться Святымъ Тайнамъ въ временной часовнѣ, въ которой и до сихъ поръ совершается богослуженіе для прихожанъ, предложили дать концертъ, который Король и Королева обѣщали почтить своимъ присутствіемъ.

Концертъ этотъ былъ данъ 23 Сентября 1844 года. Сборъ составилъ отъ шести до семи тысячъ франковъ.

Это была первая сумма поступившая въ распоряженіе комитета.

(Концертъ на основаніе церкви! церкви, которой священникъ имѣлъ вѣру !!).

Искусство всегда готовое на великія дѣла, (!) принесло первую лепту на сооруженіе громаднaго зданія, которое оно уже провидѣло, и которое оставалось невидимымъ для мірянъ.

Шесть тысячъ франковъ было собрано для постройки храма въ полтора милліона.

Съ тѣхъ поръ ничто не казалось невозможнымъ. Когда подъ жезломъ Моисея заструилась вода изъ скалы, томимые жаждою Израильтане не думали, что источникъ можетъ изсякнуть (!!!).

Комитетъ, подъ предсѣдательствомъ г. Девандра, одного изъ ревностѣйшихъ покровителей исполнителскаго предпріятія, обратился къ тогдашнему Министру Юстиціи Барону д'Атенау, человѣку умному,

благородному и вполне достойному выслушать исповѣдь этого высокаго безумія; онъ съ участіемъ выслушалъ членовъ комитета, пришедшихъ предложить ему дѣло, которое всякому другому показалось бы невозможнымъ. Онъ повѣрилъ ихъ безкорыстію, онъ вѣровалъ въ чудеса вѣры, онъ издалъ воззваніе къ христіанскому милосердію и разрѣшилъ заемъ въ шестдесятъ тысячъ франковъ. Подаянія и заемъ доставили комитету 400,000 ливровъ; работы начались и доведены до настоящаго ихъ положенія.

Надобно сказать, что къ строительному комитету присоединился другой: комитетъ *квесторскъ*, составившійся изъ Брюссельскихъ дамъ.

Теперь, когда первый комитетъ истощилъ свои средства, второй заступилъ его мѣсто, и создаетъ ему средства новыя. Третья часть храма построена; построятся еще двѣ трети, а Богъ сдѣлаетъ остальное.

Дамскій комитетъ постановилъ разыграть великолѣпную томболу, въ пособіе на постройку храма пресвятой дѣвы Маріи Шербекской.

Принцесса Шарлота прислала для томболы шитый по бархату столовый коврикъ.

Королева Марія-Амалия пожаловала сдѣланную Ею душистую подушечку для платковъ (*un sachet à mouchoir*); Инфанта Испанская подарила богатое кресло.

Графиня де Меродъ-Вестерло дорогой чайный сервизъ.

Герцоги, принцы, графы и бароны послѣдовали благому примѣру, и вскорѣ составилось 905 выигрышей, въ 50,000 фран. Выставка этихъ вещей устроена въ домъ, при Королевской улицѣ, неподалеку отъ строящагося храма. (Томбола для построения церкви!)

Но еще недоставало того, чего не могли дать ни герцоги, ни принцы, ни графы, ни бароны; — того, что должно считать началомъ всѣхъ произведеній, Альфой и Омегой всѣхъ созданий человѣческихъ: недоставало поэзіи, искусства и генія.

По счастью и это было подъ рукою, въ ста шагахъ отъ храма, насупротивъ выставки выигрышей.

Поэзія, искусство и геній, въ образъ женщины.

Эта женщина была Марія Плейель.

Понятно было, что Марія Плейель обладала несмѣтными сокровищами, что ей стоитъ опустить свои прекрасныя руки на клавиатуру фортепьяно, и рѣка неистощимаго богатства потечетъ къ ногамъ ея.

Помните ли красавицу Тысяча и одной ночи, у которой, при каждомъ словѣ падалъ изъ устъ драгоценный алмазъ? — Это не сказка...

Марія Плейель жила въ маленькомъ домику, скромно и уединенно, когда одно ея слово, одинъ взглядъ, одна улыбка, могли ей доставить палаты въ Петербургъ, дворецъ въ Вѣнѣ, виллу въ Неаполѣ — и тронъ въ Парижѣ.

Члены комитета застали ее, какъ всегда, при ея роляхъ; возлѣ нея стояла ея дочь, восхитительный 14-ти лѣтній ребенокъ; рѣзвая, дикая и тихая вмѣстѣ, гордая и добрая. Имя ея Марія, какъ имя Маріи Дорваль, Маріи Малибранъ, Маріи Плейель; имя избранницъ искусства.

Знаменитая пѣвица давно отрелася отъ публичныхъ одобреній; среди нихъ протекла ея первая молодость. Она давно не играетъ для публики.

Иногда она бываетъ расточительна на свой талантъ, и тогда играетъ для друзей.

Иногда она дѣлается эгоисткою, — и тогда играетъ для себя.

Члены комитета робко высказали свою просьбу. Съ первыхъ словъ просителей она встала, протянула къ нимъ свои гармоническія руки и сказала: *я готова*.

Кто пойдетъ слушать Марію Плейель, тотъ сдѣлаетъ Богоугодное дѣло, и въ возмездіе будетъ слышать небесныя звуки. Господь, которому храмъ вы сѣждаете, соизволяетъ, чтобъ въ этомъ мірѣ вы получили повѣстіе о концертахъ небесныхъ (!!!!).

Такъ заключаетъ Дюма свое воззваніе, которое никому изъ его читателей, ни духовнымъ, ни свѣтскимъ, ни знатымъ, ни низкимъ, не кажется страннымъ; напротивъ одобряется и восхваляется всеми.

Прихожане придумываютъ выстроить церковь, чтобъ скрасить улицу, священникъ (съ вѣрою) хочетъ, чтобъ она явилась на славу.

Первый камень кладутъ двѣ пѣвицы, давая концертъ въ пользу церкви. Потомъ слѣдуетъ лоттерей — томбола, въ которой принимаютъ участіе всѣ знатныя дамы, и наконецъ Марія Плейель обѣщается сыграть на фортепіано и что-то пропѣть, а Александръ Дюма приглашаетъ въ концертъ на богоугодное дѣло, и ставитъ въ заглавіи своей повѣсти, что вѣра можетъ передвигать горы! И все это отъ чистаго сердца, искренно и наивно.

Не станемъ прилагать болѣе никакихъ замѣчаній. Дѣло говоритъ само о себѣ. Чувствуете ли читатели разницу между благочестіемъ Восточнымъ и Западнымъ?

Туча времяяъ разразилася надъ Франціей; ливнемъ хлынулъ дождь историковъ. Всѣ пишутъ исторію, всѣ продаютъ исторію, всѣ читаютъ исторію!...

Бѣдная Клію сдѣлалася пошлою музою, грязнымъ синимъ чулкомъ. Она сошла съ священной горы и шляется теперь по городскимъ площадямъ и глухимъ закоулкамъ....

Ожидаль, отецъ греческихъ лѣтописцевъ, утверждаетъ, что для историческаго сочиненія нужно десять лѣтъ времени и труда.

Теперь сочиняютъ десять томовъ въ три мѣсяца.

Викторъ Гюго восклицаетъ гдѣ-то: (*Litterature et philosophie mêlées*) «не дозвѣряйте людямъ, которые, съ лорнеткою въ глазъ, слоняются по улицамъ, говорятъ: я пишу исторію». Это пустяки, друзья бытописатели, пустяки, гг. фразныхъ-дѣлъ-мастера; не вѣрьте этому, — всѣ книжныя лавки завалены лѣтописями.

Менѣе чѣмъ въ шесть лѣтъ, г. Ламартинъ написалъ: *Исторію Жирондистовъ, Исторію 1 еволюціи 1848 года, Исторію Реставраціи*, и теперь пишетъ *Исторію учредительнаго собранія 1789 г.* (*l'Histoire des Constituants*).

Рвчистый г. Тьеръ, которому теперь не зачѣмъ сочинять рѣчи, прислѣлъ за исторію и кое-какъ доплелся до одиннадцатаго тома *Консульства и Имперіи*.

Г. Ашиль де Волабель, отшельникъ Паваринской улицы, оканчиваетъ *Исторію двухъ реставраціи*.

Г. Гизо, съ 1849 года отдѣлялъ заново, одну за другою, *Исторію цивилизаціи въ Европѣ, Исторію Вашингтона и исторію Монка*.

Г. Луи Бланъ приготовляетъ въ Левенѣ продолженіе *Исторіи Делати лѣтъ*.

Г. Гранье де Касаньякъ издаетъ въ фельетонахъ *исторію Директоріи*, въ которой толкуетъ только о парижской общинѣ.

Г. Баравъ издаетъ каждые шесть мѣсяцевъ по одному тому *Исторіи Конвента*.

Г. Мишеле продолжаетъ тихомолкомъ *Исторію революціи 1789 года*.

Г. Эдуардъ Флери пріѣхалъ изъ провинціи для изданія исторій *Камилля Демуленъ и Сенъ-Жюста*.

Г. Арманъ Марра (*Armand Marrast*) въ промежутки продолжительной болѣзни задумалъ написать *Исторію Отпозиціи* (*).

Г. Шарль Роме (*Romeu*) пишетъ девятый томъ своей прекрасной

(*) По послѣднимъ извѣстіямъ Арманъ Марра умеръ въ Парижѣ 10 марта с. г.

Исторію Испанскаго государства, и всѣ упрекаютъ его въ медленности.

Гг. Мишеле и Дарго только что издали, каждый по *Исторію Маріи Стюартъ*.

Г. Фалу, возвращаясь къ частной жизни, намѣренъ посвятить свои досуги составленію *Исторію 9-го Термидора*.

Г. Альфонсъ Эскиросъ окончить въ Брюсселѣ *Исторію Монтаньяровъ* (первобытныхъ).

Г. Эмиль Жирарденъ, какъ всѣмъ извѣстно, написалъ *Исторію налоговъ*.

Вы думаете на томъ и конецъ? — нѣтъ, погодите. Въ глуши Дромскаго департамента, въ Саонскомъ лѣсу, въ своемъ помѣстьѣ, живетъ кудрявый адвокатъ, бывшій некогда народнымъ представителемъ, по имени Кремье. Каждый день получаетъ онъ письма съ приглашеніемъ возвратиться въ Парижъ, гдѣ его ожидаютъ пирамиды тяжѣбныхъ дѣлъ Г. Кремье ничего не видитъ и не слышитъ. Онъ воплотился въ Тацитъ, и подъ тѣнью своихъ безлистныхъ вѣтовъ пишетъ *Исторію временнаго правленія*.

Итого: шестнадцать писателей, которые официально *работаютъ* исторію, не считая главнаго редактора *Moniteur Universel*.

Замѣтьте, что здѣсь и въ поминѣ нѣтъ провинціальныхъ историковъ и Титовъ—Ливіевъ академіи.

Не во гнѣвъ имъ будь сказано, а Монтень говоритъ правду, что когда размножится историковъ, разведутся въ свѣтъ и сказки.

Воры, разбой! закричитъ бѣдный читатель французскихъ журналовъ, попавъ на статью г-на Латура, въ похвалу вновь изданной г-мъ Шевалье книги: *Dictionnaire des altérations et falsifications des substances alimentaires, médicamenteuses et commerciales, avec l'indication des moyens de les reconnaître*.

Въ этой книгѣ, говоритъ г. Амеде Латуръ, обнаружены всѣ сокровенныя тайны величайшаго, глубокаго, невыразимаго зла, распространившаго свое пагубное вліяніе на всѣ источники благосостоянія: на съѣстные припасы, напитки, одежду, медикаменты. Это зло, порожденное нашимъ вѣкомъ, называется *поддѣлка*.

Не ужасна ли мысль, что нужно было цѣлый словарь, чтобы изчислить всѣ подлоги и поддѣлки, которыхъ мы ежедневно бываемъ жертвою; что ихъ такъ много, что надобно было привести ихъ въ алфавитный порядокъ, чтобы не заблудиться въ этомъ лабиринтѣ мошеннической промышленности.

Но къ чему знать способъ открывать подлогъ и поддѣлку, когда невозможно ихъ избѣгнуть. Развѣ каждый изъ насъ имѣетъ средства запастись всѣми нужными для того химическими противудѣтелями; развѣ можно ихъ носить съ собою въ каждую лязку? Г. Шевалье далъ намъ въ руки микроскопъ, чтобы видѣть инфузоріи въ каплѣ воды; но чтобы не глотать этихъ отвратительныхъ инфузорій, подобно не пить воды. Что же молчать правосудіе? если не достаточно ему въсовъ Ѳемиды, — у него есть мечъ. Съ мечемъ въ одной рукѣ и съ дисконеромъ г. Шевалье въ другой, пусть нападетъ оно на безсовѣстныхъ торговцевъ и промышленниковъ; пусть страхъ казни остановитъ злоупотребленіе. Если ядъ поддѣлки убиваетъ медленнѣе нежели ядъ гр. Бокарме, развѣ отъ того перестаетъ онъ быть ядомъ?

Однако нельзя не отдать заслуженной похвалы несомнѣнному достоинству книги г. Шевалье и его гуманной благонамѣренности. Онъ подаетъ намъ средства избѣгать зла; воспользоваться этими средствами, — наше дѣло. Но кто, о праведный Боже, спасетъ насъ отъ подлога въ литературныхъ трудахъ, отъ фабрикованныхъ сочиненій Байрона, Шекспира, Мура; отъ посмертныхъ записокъ великихъ умовъ, въ которыхъ они не участвовали? Кто вознаградитъ бѣднаго библіофила, купившаго за дорогую цѣну на лондонскомъ аукціонѣ, поддѣльныя письма Шелли, за которыя онъ заплатился можетъ быть здоровьемъ, нѣсколькими лѣтами жизни, убѣдившись въ ихъ неподлинности? О времена, о вора!

Въ театрахъ новостей довольно, но замѣчательныхъ мало.

Въ *Итальянской оперѣ* появился снова *Лаблашъ* въ *Севильскомъ цирюльничкѣ*; *Софья Крувелли* поетъ партію Розины. *Отелло* готовъ былъ выступить на сцену, но отъѣздъ *Гуаско* разстроилъ всѣ планы дирекціи и надежды новой Дездемоны на новое торжество. Итальянцы мнѣе какъ въ четыре мѣсяца, давали: *Лукрецію Борджіа*, *Луиис*, *Норму*, *Семирамиду*, *Эрнани*, *Дочь втораго полка*, *Женицую Дунастикъ*, *Марію Роганъ*, *Любовный напитокъ*, *Навуходоносоръ*, *Италянку въ Алжиръ* и *Фиделію*, а теперь даютъ: *Il Barbiere*. Нельзя быть дѣятельнѣе; за то съ преставленій *Fidelio* и *Paviso*, театръ втотъ всегда полонъ.

Въ театрѣ *Français*, *Діана*, новое торжество г-жи Рашель, идетъ поочередно съ дѣв. *де ла Сельеръ*, которая въ шестьдесятъ представлений всегда доставляла полный сборъ. — Въ Одсовѣ играютъ драмму Гозлапа: *Les cinq minutes du Commandeur*. Въ *Комической оперѣ* даютъ новую

оперу *Grizara Le Carillonneur de Bruges*, въ которой дебютировала новая кантатриса, воспитанница консерваторіи, дѣвица *Вертеймбергъ*. Музыка оперы и дебютантку парижскіе журналы очень хвалятъ. Въ водевилѣ царствуетъ *La Dame aux Camélias*, въ *Variete Paris qui dort*; словомъ театры процвѣтають, и послѣдніе дни карнавала сзывали туда многочисленную публику.

На другой день послѣ перваго представленія пьесы Гризара *le Carillonneur de Bruges*, на сценѣ Национальной Оперы давали двѣ пьесы въ одинъ вечеръ: *les Fiançailles des roses*, либретто г. Дели, музыка г. Вильбланшъ, и *la Poupée de Nuremberg*, слова гг. де Левена и Боплана, музыка Адама. Первая, по очереди, пьеса представляетъ намъ два неизвѣстныхъ имени и мы не должны быть слишкомъ взыскательны. Венгерская легенда, изъ которой передѣлана эта пьеса, могла бы быть замысловатѣе обработана для сцены. Композиторъ также недовольно изучилъ спеціальную, исключительную форму музыки въ комическихъ операхъ. Впрочемъ, сквозь ошибки неопытности, въ новомъ маэстро проглядываетъ талантъ. Въ *Poupée de Nuremberg* г. Адамъ и сочинители либретто хотѣли написать только карнавальную пьесу и вполне въ этомъ успѣли. Приключеніе этой куклы и ея Пигмалиона, фабриканта игрушекъ, чрезвычайно забавно. Этотъ фабрикантъ, по имени Корнелиусъ, нѣсколько лѣтъ работаетъ автомата и довелъ его до такого совершенства, что ему недостаетъ только языка, чтобы быть совершеннымъ подобіемъ чловѣка. Корнелиусъ не только фабрикантъ игрушекъ, но притомъ поклонникъ мистическихъ наукъ и надѣется вдохнуть въ свою куклу душу, произнеся въ извѣстное время извѣстныхъ кабалистическихъ слова. Молодой племянникъ Корнелиуса Мюллеръ собирается въ послѣдній вторникъ карнавала въ маскерадъ, вмѣстѣ съ своею возлюбленною Бертою. Онъ нарядился чортомъ, а не найдя костюма для Берты, рѣшился снять для нее на этотъ вечеръ богатое платье съ механической куклы. Приварядившись такимъ образомъ любовники сѣли ужинать. Вдругъ слышны шаги Корнелиуса и другаго его племянника, двоюроднаго брата Мюллера. Что дѣлать? Какъ скрыть отъ строгаго дяди вылазку въ маскерадъ и произвольный заемъ платья. Мюллеръ прячется въ трубу каминъ, а Берта въ шкапъ гдѣ стоитъ кукла. Въ этотъ вечеръ погода была самая мрачная. Тучи нависли не небъ, а сильный вѣтеръ уныло затягивалъ свою однообразную пѣсню. Корнелиусъ выбралъ этотъ вечеръ, чтобы произнести три магическія слова, долженствующія одушевить новую Галатею. Между тѣмъ братъ Мюллера разводитъ огонь къ каминъ. По третьему

заклинаю Корнелиуса, Мюллеръ, полузадушенный дымомъ, падаетъ изъ трубы; его принимаютъ за настоящаго чорта; Мюллеръ пользуется этимъ заблужденіемъ, даетъ знать Бертъ и она появляется, какъ будто покорная заклинаніямъ чародѣя. Сцена эта очень забавна; развязку разгадать не трудно.

Музыка весела, игрива, своевольна какъ капризное дитя, но послушна всей строгости правилъ искусства, покорна самымъ взыскательнымъ требованіямъ вкуса. Съ первыхъ фразъ увертюры замѣтно, что это произведеніе опытнаго пера, ученаго Симфониста, ловкаго музыкальнаго фразера. Пьеса была сыграна прекрасно и имѣла большой успѣхъ.

Музыки много. Зала Герца нанята слишкомъ на пятьдесятъ концертовъ. Постъ начался для любителей музыки очень пріятно.

Въ среду, первый день поста, профессоръ Брюссельской консерваторіи, извѣстный органистъ Лемменсъ игралъ, для избранныхъ любителей музыки на органѣ церкви *Saint-Vincent de Paul*, и въ числѣ другихъ пьесъ, нѣкоторыя изъ своего превосходнаго сочиненія: *Nouveau journal d'orgue, a l'usage des organistes du Culte Catholique*. Изъ множества концертовъ наиболее замѣчательнъ концертъ г. и г-жи Леонаръ.

Г. Леонаръ, одивъ изъ первостепенныхъ скрипачей, былъ очень внимательно принятъ парижскою публикою и вполне оправдалъ молву о пріобрѣтенной имъ славѣ въ Лондонѣ, Стокгольмѣ и другихъ столицахъ Европы. Его сочиненія для скрипки отличаются высокимъ стилемъ, такъ рѣдкимъ въ сочиненіяхъ современныхъ композиторовъ. И не мудрено, высокое не всѣмъ доступно. Не всякій можетъ возвратиться къ изящной формѣ приданной концертамъ гениемъ Крейцера и Виотти. Чтобы идти по слѣдамъ великихъ учителей, недостаточно совершенное знаніе механическихъ возможностей инструмента, для котораго пишется сочиненіе; нужно еще глубокое знаніе музыки, а о немъ многіе изъ нашихъ отличныхъ солистовъ не имѣютъ настоящаго понятія, и потому разница между исполнителемъ и музыкантомъ, въ полномъ значеніи этого слова, чрезвычайно велика. Г. Леонаръ принадлежитъ къ числу музыкантовъ; это доказалъ концертъ его сочиненія, которой онъ игралъ въ этотъ вечеръ. Характеръ каждой части этого концерта очертанъ ясно и отчетливо. Первая часть торжественно—грандіозна; вторая исполнена страсти и выраженія; треть игрива и причудливо—своеобразна. Оркестровка богата гармоніею и эффектами. Въ слѣдовавшихъ за тѣмъ пьесахъ: *Воспоминаніе о Гретри* и *фантазія на мотивъ Гайдна* видны были все разно-

образіе, вся гибкость, вся индивидуальность таланта сочинителя. Вѣрность интонаціи, простота, пѣжность пѣвучести и изящный вкусъ музыкальной фразеологіи, при совершенномъ механизмѣ, — вотъ отличительныя качества таланта г. Леонара. Трудности аликатуры и штриха г. Леонаръ побѣждаетъ безъ усилій. Въ одной изъ вариаций на тему Гайдна, скрипка г. Леонара пѣла дуетъ, не обычнымъ способомъ, то есть не простыми двойными нотами, но въ два совершенно отдѣльные голоса, изъ которыхъ одинъ издавалъ полный непрерывный звукъ, волнуемый мелодическими модуляціями, — а другой сопровождалъ его внятными ритмомъ діатоническихъ узоровъ. Трудно понять, какъ смысленый смычокъ умѣлъ разнообразить штрихъ свой на одной струнѣ, не прерывая необходимаго соприкосновенія съ другою. Эти чудеса похожи на чары.

Г-жа Леонаръ въ этомъ концертѣ подѣлилась славой съ своимъ супругомъ, и ее Парижъ слышитъ не въ первый разъ. Съ любовью встрѣтилъ онъ въ ней юную, очаровательную дѣвицу *Антонію де Менди*, дебютировавшую тому лѣтъ пять въ этой столицѣ. И какъ забыть восхитительные дуэты, которые пѣла дѣвица Менди, теперешняя Г-жа Леонаръ, съ родственницею своею г-жею Віардо. Со времени дебюта, кантатриса эта сдѣлала большіе успѣхи. Въ аріяхъ изъ *Ченерентомы* и *Сомнабулы* она была невыразимо прекрасна. Казалось, что безсмертная Малибранъ завѣщала однокровной соперницѣ свои любимыя звуки, свои волшебныя гаммы.

Музыкальные вечера дѣвицы *де-Мальвилль*, въ гостепыхъ Плейель, очень любимы публикою. Классическая, правильная, добросовѣстная игра этой пьянистки и разборчивый выборъ пьесъ, вполне оправдываютъ это предпочтеніе публики.

ГГ. Моренъ, Шевильяръ, Масъ и Сабатье играютъ по пятницамъ въ залахъ *Cercl de la librairie* квартеты Бетговена. Желаніе ихъ познакомить публику съ высокими, хотя часто и странными красотоми этихъ сочиненій, заслуживаетъ искреннюю благодарность. На эти музыкальныя утра създается такое множество меломановъ, что не только въ залахъ, но даже и въ передвигахъ бываетъ тѣсно, изъ чего можно заключить, что суетные Парижане способны цѣнить и серьезныя музыкальныя произведенія.

Одна Шведская газета сообщаетъ довольно любопытное извѣстіе, что Эммануилъ Кантъ и Волфгангъ Гете, — родомъ Шведы. Извѣстно, что Гердеръ написалъ однажды къ Гете въ шутливой эпиграммѣ: «*Den du stammst von Gothen.*» — Скопскія вѣдомости доказываютъ теперь,

что «величайшій и именитѣйшій скальдъ нашего времени» потомокъ Магнуса Ганса Гозандера, бывшаго пасторомъ въ Остготландѣ. Этотъ священникъ имѣлъ сына Самуила, ассессора надворнаго суда, бывшаго посломъ въ Россіи въ 1698, который возведенъ въ дворянское достоинство, и получилъ фамилію Гёте. Его племянникъ былъ Іоаннъ Фридрихъ Ф. Гете, бывшій генераль-маіоромъ въ Шведской службѣ, потомъ генераль-лейтенантомъ въ Польской и наконецъ въ Прусской службѣ. Въ послѣдствіи наследовалъ онъ фамилію дяди, былъ пожалованъ въ фрейгеры и вступилъ въ Прусское подданство. Его сынъ былъ отецъ поэта Гёте. Напротивъ того по собственнымъ словамъ Гёте (*Wahrheit und Dichtung*, стр. 60, послѣдняго изданія), его отецъ былъ содержателемъ трактира *Weidenho*, во Франкфуртѣ на Майнѣ; а дѣдъ переселенецъ изъ графства Мансфельдскаго, и занимался тѣмъ же ремесломъ, каковымъ и «*rauvre et vieux grand-père*» французскаго поэта. Справедлива ли эта родословная, объ этомъ безъ сомнѣнія можно узнать изъ церковныхъ франкфуртскихъ метрикъ; но если Гёте и не Шведъ, то Карлъ Иммерманнъ все-таки былъ потомокъ, хотя не генерала, но шведскаго вахтмистра, оставшагося въ Германіи послѣ тридцатилѣтней войны.—Эммануилъ Кантъ, если вѣрить тому же извѣстію, происходитъ изъ Упланда, гдѣ одинъ изъ его предковъ былъ солдатомъ.

Король Максимилианъ Баварскій заказалъ профессору Гальбигу Мюнхенскому бюстъ Шеллинга; профессоръ Раухъ получилъ тоже порученіе отъ короля прусскаго.

Наконецъ вогъ еще довольно печальная новость.

4 Марта (н. с.), въ 7 часовъ утра, императоръ Австрійскій отправился изъ Венеціи въ Триестъ, моремъ. Опытѣйшій шкиперъ тѣхъ мѣстъ представлялъ, что погода слишкомъ дурна и пуститься въ море опасно; но офицеры, составлявшіе военный совѣтъ императора, отвергли это представленіе и рѣшили возможность поѣздки. Экипажъ императора состоялъ изъ трехъ пароходныхъ корветъ: *Вольта*, *Зес-Мёвъ* и *Маріанны*. *Зес-Мёвъ* открывала шествіе; за нею слѣдовали *Вольта* и *Маріанна*. *Вольта* скоро отдѣлилась отъ прочихъ судовъ, и, въ 5 часовъ утра на другой день, съ большимъ трудомъ пристала къ берегу въ Ровиньо. На ней находились: императоръ, эрцъ-герцогъ Фердинандъ, герцогъ Пармскій, графъ Грюнпъ, адъютантъ императора, генераль Вимпфенъ и главнокомандующій морскими силами. Въ Ровиньо они высадились на берегъ и оттуда доѣхали до Триеста уже сухимъ путемъ. *Зес-Мёвъ* успѣла придти назадъ, въ Венеціанскую

гавань, но въ самомъ бѣдственномъ положеніи. О *Маріаннѣ* до сихъ поръ нѣтъ никакихъ положительныхъ, официальныхъ извѣстій, но всѣ вообще считаютъ ее погибшею, вмѣстѣ съ экипажемъ. Австрійскій журналъ, *Ллойдъ*, питаетъ еще надежду, что экипажъ ея могъ спастись, только кажется это надежда тщетная; пароходъ *Санта Лучія*, посланный для отысканія *Маріанны*, привезъ свѣденія, что онъ видѣлъ только плавающіе обломки разбитаго корабля, и что не подалеку отъ Чюкии найдено около сорока труповъ, выкинутыхъ моремъ. Кроме того одинъ морской офицеръ пишетъ изъ Триэста, что по направленію къ Анконѣ видѣли верхнюю часть карабельной кормы *Маріанны*, съ надписью ея имени, и что изъ 90 матросовъ, 5 офицеровъ и 40 пассажировъ, составлявшихъ ея экипажъ, не спасся ни одинъ человекъ.

17 числа, на биржѣ, разнесся слухъ, будто бы телеграфическая депеша извѣщаетъ, что экипажъ *Маріанны* спасся у береговъ Албаніи, но этотъ слухъ ничѣмъ не оправдывается.

Въ числѣ офицеровъ погибшей корветы находился сынъ барона Кюбекъ, президента государственнаго совѣта Австріи. Императоръ лично постылилъ его, чтобъ изъявить ему свою скорбь о несчастіи, постигшемъ его сына.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

МѢСТНЫЯ ОЦѢРКИ НОВГОРОДА. Многие у насъ опасались, что нынѣшній годъ обойдется вовсе безъ зимы; опасенія эти, къ вѣщней радости любителей регулярности даже въ явленіяхъ самой природы, не оправдались: зима отдежуриваетъ положенный ей срокъ съ должною аккуратностію, и уже готовится уступить свой постъ пріятнѣйшему времени года, веснѣ. Чтобы не остаться передъ нами въ долгу, она преусердно всякій день сыплетъ на наши нивы пушистый снѣгъ; дворники и другія должностныя при расчисткѣ снѣгу лица негодуютъ на нынѣшнюю зиму за такое увеличеніе своей дѣятельности, безъ всякой надежды на приличное вознагражденіе, — напротивъ того, люди дальновидныя, коммерческія, весьма ей за то благодарны и уже заблаговременно рассчитываютъ, — на сколько футовъ прибудетъ воды въ Волховскомъ бассейнѣ, и сколько времени простоятъ водополюе, разумеется, при всѣхъ благопріятныхъ къ тому обстоятельствахъ; сколько, примѣрно, можно будетъ совершить оборотовъ на суднѣ въ вмѣющую открыться навигацію, и какіе пріобрѣтутся барыши при удачномъ теченіи дѣлъ и вѣды. Что бы тамъ ни говорили газетные фельетонисты и герои велико-свѣтскихъ романовъ, будто бесѣды о состояніи погоды принадлежать къ разряду общихъ мѣствъ и не заслуживаютъ вниманія образованнаго человѣка, большинство людей считаетъ этотъ предметъ очень тѣсно связаннымъ со своими интересами и благосостояніемъ, и потому охотно имъ занимается; тѣмъ не менѣе однакожь, есть еще между нами много такихъ наблюдателей природы, которые, обладая очень ограниченными свѣдѣніями въ метеорологіи, стараются показать себя, при удобномъ случаѣ, глубокими знатоками въ объясненіи атмосферическихъ явленій природы и обладателями нѣкотораго рода предвѣденія, послѣ двухъ или трехъ лѣтнихъ поверхностныхъ наблюденій надъ климатомъ какого-нибудь клочечка земной поверхности. Такъ, нашлись у насъ наблюдатели, которые, благодаря позднему наступленію настоящей зимы, вывели заключеніе, будто климатъ Новгородской и сопредѣльныхъ съ нею губерній въ послѣднее время улучшился и даже рѣшительно сталъ теплѣе по причинѣ увеличивающагося населенія, истребленія полезныхъ лѣсовъ, осушки болотъ и т. п.; но была и такія, которые вывели

совершенно противоположное заключеніе о предстоящей зимѣ, именно, что она будетъ очень холодна и безснѣжна; эти послѣдніе метеорологи-любители опирались на весьма извѣстный *непогрѣшимый* авторитетъ Брюсова календаря, въ которомъ предсказана зима настоящаго года *весьма студеною*. Какъ бы то ни было, однакожъ, нынѣшняя зима можетъ быть названа *среднею*: почти не было оттепелей, не было и большихъ морозовъ; термометръ рѣдко переходилъ за 150. Волховъ, къ общему нашему удивленію, съ начала января почти весь покрылся льдомъ, такъ что по немъ провозилась безопасная ѣзда; толщиною ледъ былъ болѣе аршина. Пространство по рѣкѣ между Славною улицею и Троицкою слободою было цѣлый день, а иногда и значительную часть лунной ночи, устѣно мальчишками, съ истиннымъ наслажденіемъ предававшимся своей любимой забавѣ, катанью на конькахъ; между ними происходили здѣсь по временамъ какія-то боевыя состязанія, напоминавшія собою старинныя *кулачныя бои*. Эти боевыя потѣхи нашихъ предковъ происходили встарину въ Новгородѣ болѣею частію зимою на Волховѣ, около Городища и Славна; состязалась, само собою разумется, Софійская сторона съ Торговою, высылая иногда только своихъ представителей на единоборства, бывали и общія схватки, кончавшіяся не всегда хорошо для побѣжденныхъ. Кулачныя бои бывали и въ нынѣшнее столѣтіе; многіе изъ здѣшнихъ старожиловъ ихъ еще помнятъ.

Кстати, скажу нѣсколько словъ объ особенностяхъ р. Волхова. Въ Новгородскихъ лѣтописяхъ неоднократно упоминается какъ особенно важное, необъяснимое явленіе природы, что Волховъ нѣсколько дней сряду имѣлъ обратное теченіе, т. е. въ озеро Ильмень, изъ котораго беретъ свое начало. Это сверхъ-естественное по мнѣнію нашихъ предковъ явленіе случается иногда и въ настоящее время: обратное теченіе Волхова бываетъ не кажущееся только, а дѣйствительное, и происходитъ обыкновенно весною, когда ледъ идетъ густыми и большими массами изъ Ильменя въ Ладожское озеро. Въ нижнихъ частяхъ своихъ Волховъ имѣетъ пороги, которые задерживаютъ идущій ледъ, скопляющійся по этой причинѣ въ этомъ мѣстѣ и налегающій другъ на друга такъ, что естественное теченіе рѣки на нѣкоторое время замедляется; свѣрвые весенніе вѣтры гонятъ, стало быть, воду въ ея первобытное вмѣстѣлище, въ Ильмень, что, по причинѣ незначительнаго угла паденія Волхова, и совершается на самомъ дѣлѣ. Извѣстно, впрочемъ, что подобное явленіе природы бываетъ и въ другихъ рѣкахъ, напр. въ Сухонѣ. **КУШР.**

СТАВРОПОЛЬСКІЙ ТЕАТРЪ. Ставрополь до 1837 года походилъ на бѣдный, заброшенный уздѣный городишка; граждане заботились объ устройствѣ для себя жилищъ, а потому имъ нѣкогда было думать о театрѣ; многіе можетъ быть, и не слыхивали объ немъ ни когда, а другіе представляли себѣ чѣмъ-то сверхъестественнымъ. Лучшія удовольствія города состояли въ мелочныхъ забавахъ.

Съ магическаго 1837 года городъ началъ быстро строиться. Вся почти бывшіе на большой (Николаевской) улицѣ полуразрушенныя деревянныя дома замѣнены теперь каменными зданіями. Граждане стали зажиточнѣе. Прѣжнія удовольствія начали казаться скучными и однообразными. Въ 1840 г. заговорили о театрѣ, но рѣшительнаго ничего еще не было, въ виду споровъ и затрудненій, откуда выписать актеровъ, гдѣ и въ какомъ объемѣ построить театръ? Наконецъ явился человекъ, который принялъ на себя обязанность основать въ Ставрополѣ театръ. Это былъ нѣкто Яценко, безъ вѣсти исчезнувшій потомъ изъ нашего города.

Въ 1841 г. Яценко отправился набирать труппу, а граждане принялись за постройку незатѣдливаго театра, который былъ оконченъ къ 1842 г. и походилъ во многомъ на лубочный балаганъ. Въ этомъ же году явился съ актерами и Яценко. Начались спектакли. *Publica* съ какою-то особенною энергіею стремилась въ театръ, слушала все со вниманіемъ, но мало вникала въ игру актеровъ; на первый разъ она нравилась; во взглядахъ и вкусахъ не замѣтно было разнообразія; немногіе только не одобряли игру нашихъ лицедѣевъ, зато остальные все стояли за нихъ горой. Казалось, чего же болѣе желать ставропольскимъ артистамъ, если къ нимъ привязана такъ горячо бѣдшая часть гражданъ? Не тутъ-то было, — вкусы начали измѣняться.

— Что это значитъ, — говорили, — въ театрѣ такъ мало народа и публика такъ хладнокровно начала смотреть на игру актеровъ?

— Однообразіе, однообразіе, — было отвѣтомъ, — не стоить смотреть и тратить деньги на какіе-нибудь пустые водевили, къ тому же еще неудачно разыгрываемые; да и на самую наружную театральную и внутреннее устройство его стало какъ-то приторно глядѣть.

Требованіе публики было, въ этомъ отношеніи, совершенно справедливо, потому что городъ богатъ, и у многихъ гражданъ были средства для постройки хорошенькаго театра. *Publica* предлагала имъ объ этомъ, но все почти отказались строить для театра каменное зданіе, кромѣ одного только З., принявшаго это предложеніе.

Наконецъ въ 1845 г. явился въ Ставрополѣ новый каменный театръ, удовлетворившій на первый разъ требованіямъ публики. Дѣйствительно, по наружному и внутреннему устройству, ставропольскій театръ можетъ поспорить со многими театрами нашихъ лучшихъ губернскихъ городовъ, но не въ состояніи только поддерживать себя относительно искусства и похвалиться хорошими актерами.

По окончательномъ въ 1845 г. устройствѣ театра, учреждена была дирекція надъ преже-бывшими актерами. Граждане вначалѣ не жалели денегъ, но скоро снова посѣтители театра начали

радѣть; наружность не привлекала ихъ. Наконецъ дирекція уничтожена, и ставропольскіе лицедеи разбрелись. Городъ опять остался безъ театра; но такъ какъ общественныхъ развлеченій, лѣтъ семь тому назадъ, въ Ставрополѣ было не слишкомъ много, граждане начали скучать, пустое театральное зданіе наводило какое-то уныніе.

Скучавшіе непритворно о театрѣ увидѣли наконецъ въ 1846 г. на сценѣ ставропольскаго театра труппу Зелинскаго, существующую у насъ и до настоящаго времени, только въ жалкомъ положеніи. Въ первый разъ, Зелинскій блеснулъ съ своими артистами, изъ числа которыхъ дѣйствительно заслуживали вниманія и уваженія комикъ Алексеевъ и трагикъ Рыбаковъ. Съ 1846 по 1849, пока эти артисты держались на ставропольской сценѣ, дано было довольно много дѣльныхъ представленій. Мы видѣли и восхищались игрою Алексеева въ *„Горь отъ ума“*, *„Ревизоръ“* и пр., хвалили Рыбакова въ *Гамлетѣ*, *„Разбойничка“* и *Шиллера* и другихъ замѣчательныхъ драмахъ и трагедіяхъ. Даже пустые водевили было пріятно смотреть.

По отъѣздѣ этихъ двухъ талантливыхъ актеровъ, труппа Зелинскаго постепенно начинаетъ клониться къ упадку.

Вотъ образчикъ афишъ, которыми иногда приглашаетъ Ставропольскій театръ своихъ зрителей.

«Съ дозволенія начальства, въ Воскресенье 10-го Февраля 1852 года, на иллюминированномъ театрѣ, для закрытія онаго по случаю Великаго поста, на бенефисъ К. Зелинскаго, пьесы, избранныя на этотъ спектакль, смѣло ручаюсь, что доставятъ почтеннѣйшей публикѣ желаемое удовольствіе вполне, отъ начала и до самаго конца. — Выполненіе пьесъ, обстановка ихъ, а равно и декораций, будутъ отданы въ точности. Последняя фантастическая картина, при разныхъ огняхъ, дѣйствительно покажется волшебною, а фейерверкъ дополнитъ великолѣпіе. Представлено будетъ русскими актерами, въ первый разъ: 24 Февраля или страшна казнь Божія! трагедія въ 1-мъ дѣйствіи, соч. Захарія Вернета, а переводъ А. Струговщикова. Въ первый разъ: Двушка морякъ, или сваха въ новомъ родѣ. Шутка водевилъ въ 1-мъ дѣйствіи, соч. Т. и Б. По возобновленіи. Барабанщикъ. Водевилъ въ 1-мъ дѣйствіи, переводъ съ Французскаго И. Н. Руссо. Въ первый разъ. Черный день на черной рѣчкѣ, или чемъ на 35-ти лѣтней жениться, да лучше за живо утопиться. Водевилъ въ 1-мъ дѣйствіи, сочиненія Н. Яковлева. Бѣда отъ нежнаго сердца, или лишь-бы деньги, а невестъ не перечесть. Комедія-водевилъ въ 1-мъ дѣйствіи, соч. Г. В. Сологуба. Маскерадъ (пупури) или послѣдній день провинціальныхъ музъ, предъ постомъ. Интермедія въ 1-мъ дѣйствіи, съ танцами, куплетами, пѣніемъ, плясками, хорами и разными группами. Лица замаскерованныя: Султанъ Солиманъ 2-й. Царь Иродъ. Испанскій Франтъ. Придворный шутъ. Роллонъ Венеціанскій бандитъ. Петрошкинъ, бѣдный содержатель. Сумасшедшій. Приказная строка. Езопъ. Алеско цыганъ. Китаецъ 1-й. Китаецъ 2-й. Сулалеръ. Любаша, молод-

дая цыганка. Лизбета, нвейцарка. Роксолана, турчанка. Крестьянка Параша. Старая нямка. Русская баба. Армянка. Мадамъ Тру Тру. Француженка. Краковячка. Полька. Разные маски женскаго и мужскаго пола. Определеіе танцевъ и пвнїа: № 1.) Польской общїи. 2.) Русская. 3.) Арія въ Дезертира. 4.) Качуча. 5.) Польскїи общїи съ фигурами. 6.) Па-де-де Китайское. 7.) Куплетъ Паскаль на дровъ. 8.) Казакъ. 9.) Куплеты сумасшедшаго. 10.) Польскїи общїи. 11.) Комическая полька. 12.) Куплеты приказной строки. 13.) Французскїи кадрилъ въ 4-ре пары. 14.) Г-жа Горская будетъ пть Грозный мужъ. 15.) Г-жа Горская и г. Ленге будутъ танц. Цыганку. 16.) Комическїи общїи галлопадъ. 17.) Г. Патрошкинъ объявить секретъ. Царство генїевъ или волшебнo-фантастическая картина. Очаровательный храмъ великолѣпно освѣщенный: колонада вся переплетена гирляндами, по сторонамъ купидоны и статуи; въ срединѣ облаковъ на заднемъ планѣ, сквозь легкїи воздухъ вдали, въ глубинѣ виденъ Генїи Любви и Генїи Согласїа; по бокамъ между колонами Генїи, составляющие сниту Амура; вверху держать купидоны въ транспарантъ эмблему, означающую благодарность публикѣ; внизу жертвенники, въ которыхъ пылаетъ разноцвѣтное пламя. Впослѣдствїи картина разсїлетъ отъ разныхъ огневъ, а въ концѣ великолѣпнаго спектакля, всю сцену покроетъ блестятельный фейерверкъ. Генїи: Генїи Любви. Генїи Согласїа. Генїи Добродѣтели. Генїи Міра. Генїи Красоты. Генїи Супружества. Генїи Покровительства. Генїи Мудрости. Вотъ уже 8-й годъ, какъ я постоянно служу публикѣ на Кавказѣ, и по силамъ моимъ, а равно и доходамъ, всегда старался рачительно оправдывать себя и труппу мою; въ послѣднїи день предъ Великимъ постомъ, я ежегодно давалъ въ пользу свою бенефисъ, который почтеннѣйшая публика въ теченїи этихъ лѣтъ, никогда не оставяла своимъ посщенїемъ, а потому и теперь всепочтительнѣйше прошу обратить на меня свое вниманїе и облегчить наступающїи Великїи постъ, за что живнїишая моя благодарность, съ послѣдними минурами жизни моей, будетъ унесена со мною вмѣстѣ. К. З. Цѣна мѣстамъ: Бель-этажъ 5 р., Бенуаръ 4 р., Кресло 1 р. 50 к., Партеръ 80 к., Галлерей 60 к. серебромъ. Начало въ 5-ть часовъ непремѣнно.

Что касается до литературной дятельности Ставрополя, въ этомъ отношенїи надобно откровенно сказать, что Ставрополь городъ не литературный. Изъ губернской типографїи до настоящаго времени, кромѣ вѣдомостей и аеишъ, еще ничего не выходило. Неофициальная часть Губ. Вѣд. нынѣшняго года печатаетъ Біографическіе очерки бѣдннхъ гражданъ.

МОСКОВСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Непростительную вину принялъ бы на себя Москвитянинъ, еслибъ не посвятилъ, хотя сколько-нибудь, словъ въ память о *Князѣ Андрѣ Петровичѣ Оболенскомъ*. Отсутствіе редактора было причиною ихъ замедленія,—по возвращеніи онъ думалъ о собраніи нужныхъ свѣдѣній, какъ появилась въ *Вѣдомостяхъ* прекрасная статья г. Свербеева. Собрать свѣдѣнія оказалось теперь совершенно ненужнымъ: ничего нельзя собрать и сказать вѣрнѣе, лучше, къ сердцу-успѣшнѣе. Мы украсимъ нашу лѣтопись слѣдующимъ отрывкомъ изъ статьи:

«Мирно скончался, исполненный дней, князь Андрей Петровичъ 19-го февраля 1852 года, на 83-мъ году своей доброй жизни. Болезнь онъ былъ недолго: дней пять, шесть—не болѣе. До самаго послѣдняго дня занимался текущими дѣлами и заботами о своемъ семействѣ. Еще наканунѣ кончины, уже болѣзненный, и какъ бы внезапно одряхлѣвшій, принималъ онъ родныхъ, всегда близкихъ его сердцу, и разспрашивалъ съ любовью о ихъ собственныхъ семейныхъ отношеніяхъ. Жена, сыновья, дочь, зятья и братья, не оставляли его ни на одну минуту. Для нихъ,—для того, чтобы не возбудить въ нихъ преждевременныхъ за себя опасеній,—видимо боролся онъ съ болѣзнію, и не уступалъ ей, сколько могъ. Со страхомъ Божиимъ, вѣрою и любовью принялъ онъ Святые Тайны, съ живою вѣрою въ неистощимое милосердіе Божіе, окруженный чистою и пламенною къ нему любовью супруги, дѣтей и братьевъ, тихо переселился къ отцамъ своимъ.—Почти послѣднія слова его были: «какъ сладко мнѣ быть больнымъ: сколько любви меня окружаетъ.»

Еще при жизни своего родителя—князя Петра Александровича, сынъ его князь Андрей Петровичъ получилъ преемство полнаго старшійшинства надъ своими пятью братьями и четырьмя сестрами. Отецъ князя, по смерти своей жены, а его матери, урожденной княжны Вяземской, будучи еще въ порѣ мужества и силы, рѣшился всю оставшую жизнь свою посвятить самому строгому уединенію; отказался отъ свѣта, перешелъ въ отдаленный уголокъ своего дома, передавъ старшему сыну хозяйство и управление дѣлами, самъ пребывая въ тишинѣ и молитвѣ. Съ любовью по временамъ принималъ онъ своихъ дѣтей и умножавшихся внуковъ; но принималъ только у себя, въ своихъ небольшихъ комнатахъ, и не всѣхъ вмѣстѣ, чтобы не возмутить своего молитвеннаго покоя.

даже и семейнымъ не безшумнымъ веселіемъ. Онъ уже не садился за благословенную семейную трапезу, на которую сходились его потомки: въ его мѣсто былъ тамъ другой старшій—князь Андрей Петровичъ.

Такъ просто началось это старшійшинство, продолжавшееся болѣе полувѣка. Молитвенный родоначальникъ скончался тихо, какъ бы незаметно, оплаканный дѣтьми своими: мѣсто его давно было занято. И вотъ, съ того самаго времени, за пятьдесятъ лѣтъ, до дней послѣднихъ собирается благословенная семья въ отеческомъ домѣ, за благословенную трапезу, въ великіе дни святыхъ праздниковъ; въ веселые дни семейные—зимою въ Москвѣ на Рождественку, лѣтомъ въ подмосковное село Троицкое. Начинаетъ рѣдѣть старшее поколѣніе: постигаютъ неизбежныя, раннія утраты и второе: прибываетъ новое третье и занимаетъ убыль мѣста. Князь Андрей Петровичъ бодро и весело остается на своемъ, встрѣчая радушнымъ привѣтомъ и добрымъ словомъ новыхъ гостей—своихъ внуковъ, приходящихъ въ возрастъ и представляемыхъ ему прежде вступленія ихъ въ общественную жизнь. Всѣхъ онъ любитъ, и всѣ его любятъ и уважаютъ *въ отца мѣсто*. Старшіе по немъ этому уваженію и этой любви подаютъ примѣръ, которому такъ легко, такъ пріятно слѣдовать среднимъ и младшимъ членамъ семейства. Братья его и сестры, изъ коихъ меньшему и меньшей теперь близъ 70 лѣтъ, передъ нимъ какъ нѣжные и послушные сыновья и дочери. Ничего важнаго не начинается ни въ одной изъ боковыхъ линій безъ его совѣта и благословенія.

Такъ жила эта семья, и такъ собиралась она (въ полномъ своемъ собраніи доходившая до 80 человекъ во второмъ поколѣніи, и до 150 въ третьемъ) подъ кровъ этого дома. И всегда неизмѣнно одинакова была ласковая встрѣча всѣмъ и каждому отъ старшійшины семейства. Нужно ли послѣ этого говорить, что каждый изъ этихъ 80 членовъ благовременно и безвременно могъ приходить къ князю А. П. за добрымъ совѣтомъ и утѣшеніемъ, за покровительствомъ и помощію. И всякій выходилъ отъ него съ пособіемъ, наставленіемъ, утѣшеніемъ.

Московское общество не могло равнодушно смотреть на такую семью, и князь Андрей Петровичъ былъ часто призываемъ на совѣты людьми посторонними. Многіе вѣрили ему судьбу своихъ сиротъ, и ему же поручали по смерти значительныя суммы для дѣлъ тайной благотворительности.

И вотъ тамъ, гдѣ бывало такъ долго и часто трапезовала,—собралась она, вся эта семья и стѣснилась около его гроба, съ

горькими о немъ слезами, съ горячими о немъ молитвами; потомъ проводила его 22-го февраля до мирной Довской обители, опустила въ могилу, засыпала землею. Крестьяне подмосковныхъ селъ князя отвесили туда на рукахъ своего добраго помѣщика.

Да! правдивы были послѣднія слова твои, добрый, милый нашъ старецъ: сладко было тебѣ быть и больнымъ. Столько любви тебѣ окружало!

Будемъ желать одного: чтобы память о князѣ Андрей Петровичѣ не оставляла благословенную эту многовѣтвистую семью; чтобы его добрая жизнь и тихая кончина была для ней союзомъ взаимной любви, и надолго осталась для всехъ примеромъ семейныхъ добродѣтелей.

Послѣднія строки (онѣ начинаются впрочемъ почти съ начала) мы желали бы перепечатать золотомъ въ своемъ журналѣ, котораго любимая мысль, заветная цѣль, самое горячее желаніе, всегда было, есть и будетъ — возбуждать, питать, развивать воспоминанія объ этой семейности, искренности, задушевности, патріархальности, которая составляла искони драгоценнѣйшее отличіе и украшеніе Русской Исторіи и Русской жизни. Намъ всегда казалось (неужели мечталось?), что мы можемъ сохранить, удержать, это священное наследіе предковъ, этотъ Богомъ дарованный плодъ русскаго сердца, легкаго, добраго, живо-бьющагося, — нисколько не отказываясь отъ плодовъ европейской такъ называемой цивилизаціи. Намъ всегда казалось, что небольшое усиліе и движеніе, вполне почтительное, изъподъ ея бремени, что малое желаніе прияти въ себя, не дѣлаться, ни Французами, ни Нѣмцами, ни Англичанами, ни Турками, принесло бы много пользы, оказало-бъ много добра, прибавило-бъ много радости, и въ нашей домашней, и въ нашей общественной, и въ нашей государственной жизни.

Читатели могутъ теперь судить, съ какимъ удовольствіемъ мы помѣстили у себя изображеніе лица, въ извѣстныхъ отношеніяхъ живаго представителя нашихъ началъ, почтеннаго гражданина, который, не бывъ министромъ, полководцемъ, писателемъ, прослужилъ всю долговременную жизнь свою отечеству и человечеству, — честно, полезно, благородно, безобидно, въ кругу своей семьи, родныхъ и вѣрныхъ его попеченію меньшихъ братьевъ.

Я не выписалъ изъ некролога К. О. словъ, относящихся къ его управленію Московскимъ университетомъ, потому что самъ, кончивъ курсъ въ гимназій, и прошедъ весь курсъ, достигши магистерской степени, подъ его начальствомъ, могу о немъ здѣсь засвидѣтельствовать, желая университету всегда такихъ *добрыхъ* начальниковъ, какъ покойный князь Андрей Петровичъ Оболенскій. *М. П.*

СОВРЕМЕННЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ.

Земскія кредитныя общества во Франціи. — Каламбуры. — Un concert-lion et un chien de concert. — Музыкальное нашествіе на Парижъ. — Концертъ нѣмецкаго благотворительнаго общества. — Четыре увертюры для одной оперы. — Отзывъ Софьи Крувелли. — Балъ у г. Виксіо. — Балъ портнаго Гебера. — Переписка Папена съ Лейбницемъ. — Открытіе Еврейскаго храма въ Парижъ. — Французская журналистика. — Записки Дюма. — Историческій романъ въ 500 томовъ. — Паденіе кроваваго романа и торжество эколога. — Изданіе Шафарика.

Декретомъ 28 февраля учреждены во Франціи *Земскія кредитныя общества*, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ правительства.

До сихъ поръ учрежденіе это не было извѣстно во Франціи, и потому правительство признало нужнымъ обнародовать подробныя свѣдѣнія о системѣ земскаго кредита и о благотворныхъ дѣйствіяхъ учреждаемыхъ обществъ. Мы заимствуемъ нѣкоторыя подробности объ этомъ учрежденіи изъ Монитера:

По справкамъ, произведеннымъ государственнымъ совѣтомъ въ 1850 году, оказалось, что проценты съ суммъ, взятыхъ подъ недвижимости, по долговымъ обязательствамъ, составляютъ среднимъ числомъ $\frac{7}{100}$ въ годъ, принимая въ расчетъ пошлины и прочія издержки по составленію нотаріальныхъ актовъ, по отбѣткѣ уплатъ, перезалогамъ и по снятію запрещеній. Собранныя въ генеральныхъ совѣтахъ свѣдѣнія привели къ тѣмъ же числамъ.

Долгъ, съ залогами недвижимостей, во Франціи простирается до 14 т. милліоновъ франковъ, а за исключеніемъ уплачиваемыхъ долговъ, условныхъ временныхъ обязательствъ, запрещеній по тяжбынымъ дѣламъ, по подрядамъ казнѣ и другимъ законнымъ причинамъ, составляетъ 8 т. милліоновъ, съ которыхъ уплачивается процентовъ 640 милліоновъ.

Капиталъ этого долга возрастаетъ, считая среднимъ числомъ, 600-ми милліонъ въ годъ, т. е. почти полною суммою процентовъ.

Президентъ республики, пользуясь ввѣренною ему временною законодательною властію, успѣшилъ принять единственную мѣру, которая могла успѣшно подѣйствовать въ настоящихъ обстоятельствахъ,

учредивъ земскія кредитныя общества, которыхъ выгоды доказываетъ почти столѣтнее существованіе ихъ въ Германіи. Національное собраніе почитало невозможнымъ издать декретъ о земскомъ кредитѣ до преобразованія залоговъ, а это преобразование представляло множество затрудненій, хотя известнѣйшіе юрисконсульты болѣе двухъ лѣтъ изучали прѣокътъ и обдумывали способъ исполненія.

Земскія кредитныя общества, на основаніи присвоенныхъ имъ привилегій, вполне обезпечиваютъ капиталы, употребленные на обороты общества.

Кредитныя общества не могутъ выпускать въ обращеніе облигацій или закладныхъ билетовъ болѣе чѣмъ на сумму сдѣланнаго займа. Для точнаго исполненія этого условія постановлено, чтобы нотариусъ, у котораго совершёнъ и хранится заемный актъ, свидѣтельствовалъ выпускаемыя по этому займу кредитныя облигаціи или закладные билеты; за засвидѣтельствованіе билетовъ на превышающую заемъ сумму, означенный нотариусъ подвергается законной ответственности.

Общества эти ни въ какомъ случаѣ не подвергаются потерѣ или убыткамъ, потому что сумма займа обезпечена на недвижимости, стоящей почти вдвое болѣе. Выдача займа не можетъ быть сдѣлана иначе, какъ по очисткѣ имѣнія отъ частныхъ займовъ и по снятіи запрещеній.

Въ случаѣ замедленія уплаты срочныхъ годовыхъ взносов, общества имѣютъ право секвестровать заложенную недвижимость, и даже продать ее, соблюдая установленныя, вовсе не замедлительныя и не убыточныя формальности.

Уплата займа будетъ производиться слѣдующимъ образомъ:

Процентъ съ долга	4 $\frac{1}{2}$ пр. на 100.
На издержки установленія и управленія обществъ	$\frac{1}{2}$ пр. на 100.
На погашеніе займа	1 пр. на 100.

И того 6 пр. на 100.

Положимъ, что владѣлецъ недвижимости въ 100 т. фр. сдѣлаетъ частный заемъ въ 50 т.

Теперь онъ платитъ, считая по 8% включительно съ исчисленными выше издержками, 4 т. фр. въ годъ, и по истеченіи срока обязанъ заплатить полную сумму займа, или лишиться имѣнія.

Если же этотъ владѣлецъ обратится къ земскому кредитному обществу, то получить отъ него 50 т. фр., съ которыхъ будетъ вносить только 3 т. фр. въ годъ, и не обязанъ возвращать капиталъ займа, который въ теченіи сорока лѣтъ погашается.

Мы сказали выше, что долгъ Франціи, обезпеченный на недвижимостяхъ, простирается до 8 т. мил. франк. и что процентъ съ него составляетъ 640 милліоновъ.

Земскій кредитъ погаситъ этотъ долгъ въ 40 лѣтъ и уменьшаетъ процентъ 160-ю милліонами ежегодно.

Эта послѣдняя сумма равняется почти тремъ вѣтвямъ итога годовой поземельной подати, составляющей 280 мил. фр.

Если бы декретъ президента республики обнародовалъ Франціи, что поземельная подать уменьшена болѣе чѣмъ вдовану, съ какою радостію было бы принято это благодѣтельное постановленіе. Тотъ же результатъ пріобрѣтается учрежденіемъ земскихъ кредитныхъ обществъ, какъ только они установятся во всѣхъ департаментахъ.

Мы прибавимъ, что эта система процентнаго погашенія — совершенно та же, что въ нашемъ Опекунскомъ Совѣтѣ.

Вниманіе публики въ особенности теперь обращено на декреты правительства, на рѣчи президента республики, сенаторовъ и членовъ законодательнаго собранія. Ни одно слово не проронено, каждое взвѣшено, перетолковано. Но ни важность обстоятельствъ, ни важность предлагаемыхъ и обсуживаемыхъ вопросовъ не мѣшаютъ французамъ острить и каламбурить. Когда г. Менаръ, председатель сената, говорилъ рѣчь къ своимъ сочленамъ, и началъ словами: *Le suffrage universel a inauguré une ère nouvelle*, г. Дюпенъ замѣтилъ: *cette ère nouvelle est un air bien vieux*.

Вотъ еще каламбуръ, сказанный въ засѣданіи сената: «Какимъ образомъ, спросилъ кто-то, умѣлъ президентъ замѣнить гальскаго пѣтуха наполеоновскимъ орломъ?—Parbleu, отвѣчалъ другой, очень просто: *il l'a de—creté*».

Этотъ каламбуръ напоминаетъ намъ карриатуру, помѣщенную въ одномъ изъ парижскихъ иллюстрированныхъ журналовъ, во время толковъ по вопросу о наследіи престола графомъ Парижскимъ и о регентствѣ герцога Немурскаго. Лудовикъ Наполеонъ изображенъ верхомъ на орлѣ, а герцогъ Немурскій верхомъ на пѣтухѣ. «Вспомните, что я для моего племянника, говоритъ герцогъ принцу, — не забудьте, что я племянникъ моего дяди, отвѣчаетъ принцъ».

Прибавимъ и мы, что *Journal des Debats* пора прозвать *Journal des Decrets*, потому что: *ci—devant il y avait des debats sur les decrets, et à present il n' y a que des decrets sur les debats*.

Гроза смерти и гроза звуковъ носятя надъ Парижемъ: эпидемія апоплексическихъ ударовъ продолжается, — концерты не умолкаютъ.

Жертвамъ смерти современники платятъ дань сожалѣнія некрологами; — жертвы плохихъ концертовъ еще сами платятъ за смертельную скуку. И по дѣломъ имъ, — они заслужили свою участь. Два *concerts-lions* носятъ поверхъ этой музыкальной растопили. Одинъ вспылъ на струи парижской Леты, благодаря огромному успѣху, другой — по милости огромнаго *fiasco*....

Успѣхъ достался на долю известнаго Александра Батта; фiasco — въ удѣлъ итальянцу Гордиджіани. Все высшее общество было на этихъ концертахъ, на одномъ, — чтобы аплодировать; на другомъ, — чтобы звать.

Александръ Батта не шарлатанизму обязанъ за успѣхъ; — успѣхъ для него былъ въ порядкѣ вещей. Синьоръ, напротивъ того, еще за пятнадцать дней до концерта обгѣпилъ всѣ перекрестки афишами, наполнилъ журналы похвалами самому себѣ. Братство соотечественниковъ также вмѣшалось въ дѣло, и парижская знать отвѣчала на воззванія. Годъ или два тому, переселившаяся въ Парижъ гурьба итальянскихъ выходцевъ, оставившая отечество по поводу или подъ предлогомъ смятеній, принялась покровительствовать маэстру Гордиджіани, бывшему когда-то чудо-ребенкомъ, который во время своего дѣйствительнаго малолѣтства написалъ какую-то оперу, и поставилъ ее на флорентинскомъ какомъ-то *Огуречномъ* театрѣ (*Sosopeto*). Впрочемъ парижскую репутацію синьора Гордиджіани сдѣлало не эхо театра Кокомеро, а нѣсколько тетрадей канцонетъ, баркароль, романсовъ, которые хотя и отзываются *луннымъ сіяніемъ*, имѣють однакоже несомнѣнные достоинства и прелесть. Сначала эта музыкальная мелочь была благосклонно принята по рекомендаціи, потомъ сохранилась въ репертуарѣ гостинныхъ за мелодію и изящную простоту выраженія. Словомъ, тосканскій маэстро вошелъ въ моду, и по примѣру другихъ задумалъ дать концертъ. До сихъ поръ, кажется, нѣтъ большой бѣды, — но вотъ въ чемъ сдѣлалъ онъ ошибку: вмѣсто того, чтобы явиться предъ публикою съ граціознымъ запасомъ новыхъ мелодій и романсовъ, гдѣ *bianca luna* такъ сладко и такъ вѣчно рифмуется съ *laguna*; вмѣсто того чтобы принести на свой музыкальный базаръ *издѣлія* известнаго уже публикѣ таланта, славолюбивый маэстро бросился въ высокій стиль, и составилъ свою программу изъ десяти нумеровъ духовной музыки, изъ десяти *torceaux sacrés*, какъ скавано было въ программѣ. Это заглавіе также не посчастливилось бѣдному маэстро; послѣ двухъ первыхъ пьесъ остряни-дилетанты измѣнили порядокъ этихъ словъ и произносили прилагательное прежде существительнаго.

живеть теперь въ Брюссель), неутомимый писатель заготавливает цѣлыя покладныя герои и героини, и готовится привести въ исполненіе свое намѣреніе: написать свою *исторію Франціи*, или исторію Франціи *по своему*. Г. Дюма замѣтилъ, что теперь кромѣ романовъ ничего не читають, и какъ человекъ благомыслящій, вздумалъ воспользоваться господствующимъ вкусомъ публики, и подать *плоды поды цѣпкомъ*,—исторію поды вымысломъ. Рѣшившись на это, г. Дюма начнетъ съ легкой руки кроить французскія лѣтописи, кромсать прошедшее полотнищами въ двѣнадцать или осемнадцать печатныхъ полосъ, и укладывать историческія факты, украшенные прихотливыми арабесками мечты, на прокрустово ложе *продолженія въ слѣдующемъ номерѣ*. Эпоха Меровинговъ уже готова; авторъ оканчиваетъ теперь времена Карловинговъ, и чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ смѣло шагнетъ въ эру Капетинговъ. Г. Дюма полагаетъ, что въ десять лѣтъ онъ успѣетъ соорудить эту пирамиду въ пять-сотъ томовъ, которая превзойдетъ размѣрами историко-романической памятники, который г-жа Скудери пыталась воздвигнуть въ честь Мидянь, Вавилонянъ и Персовъ.

Но не одинъ Дюма строить планы и готовить въ строй армію вымышленныхъ лицъ. Всѣмъ, кто умѣетъ показывать куколъ на путаницѣ фактовъ, сдѣланы заказы. За отсутствіемъ политики, журналы бросаются на безконечныя исторіи, и мы скоро будемъ читать трогательную и всѣмъ известную исторію любви и похождения Арлекина и Коломбины. Женится Арлекинъ на Коломбинѣ, или нѣтъ, вотъ основа интереса этихъ повѣстей. Люди, имѣющіе входъ на литературныя фабрики, увѣряютъ, что черный романъ, романъ страшный, кровавый, вовсе не въ ходу, и что *аршинную* литературу будутъ теперь разводить на козьемъ молокѣ. *Constitutionnel* предвидѣлъ этотъ позовъ читающей *умственности* къ литературной простоквашѣ, когда, съ мѣсяцъ тому, сказалъ устами мудраго доктора Верона, что писатели, удостоенные чести сотрудничества въ этомъ журналѣ, должны сообразоваться съ *правопріемъ* его идей. Тайны алькововъ, сцены въ диванныхъ, и сватба, на слово, наивныхъ крестьянъ, уступать мѣсто описаніямъ заката осенняго солнца. Дѣвы нынѣшнихъ романовъ, рыжія и ражія дѣвы, полныя чувства и чувственности, затмятъ красавицами юными, слабогрудыми, и по мѣрѣ силъ и возможности—добродѣтельными. Писатели, еще не извѣстившіеся объ этомъ нововведеніи, благоволятъ настроить свои лютни и явиться въ редакцію журнала *Constitutionnel*, гдѣ прозвучитъ имъ камертонъ чувства. Того и гляди, что элегическій Дюкре-Дюмениль воскреснетъ въ прежней славѣ, да и поразитъ...

Утверждают, что парижскіе журналы потеряли съ 2-го декабря болѣе пятой части своихъ подписчиковъ, и что число ихъ, чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, уменьшится вдвое. Теперь, какъ утверждаютъ въ *Independance Belge, Constitutionnel* имѣеть 28 т. подписчиковъ, *le Sіecle* 23 т., *la Presse* 16 т., *le journal des Debats* 14 т. (по 80 фр.), *le Pays* отъ 12 до 13 т., *l'Estafette* 12 т., *l'Assemblée nationale* 9 т., *l'Union* 5 т.; — о числѣ подписчиковъ на прочіе журналы, по незначительности, не стоить упоминать.

15 апрѣля появится въ свѣтъ новый журналъ: *Revue Contemporaine*, который, какъ полагають, займетъ почетное мѣсто въ литературномъ свѣтѣ. Журналъ этотъ не будетъ помѣщать политическихъ статей и будетъ издаваться 1 го и 15 го числа каждого мѣсяца книгами отъ 10—15 печатныхъ листовъ каждая. [Миркизь Беллеваль есть основатель и директоръ этого журнала. Г. Альфредъ Неттеманъ приметъ дѣятельное участіе въ редакціи. Къ числу прочихъ редакторовъ принадлежать: г. Гизо, г. де-Марселлюсь, г. Вите, котораго статья о Луврѣ будетъ помѣщена въ первомъ номерѣ; г. Мериме, г. Рауль-Рошетъ, гг. Мери, Жюль Сандо, Леонъ Гозланъ, и г. Эмиль Ожье; онъ обѣщаетъ напечатать свою комедію въ 5 дѣйствіяхъ, въ стихахъ, написанную не для сцены, и которая не будетъ играна; г. Жомаръ, статьи котораго о Калифорніи исполнены занимательности; г. де-Калоннъ будетъ писать о театрахъ и изящныхъ искусствахъ; графъ Понмартенъ оставляетъ редакцію *Journal de deux mondes*, чтобы исключительно посвящать свое остроумное и щегольское перо журналу *Revue Contemporaine*, гдѣ онъ будетъ завѣдывать отдѣленіемъ литературной критики. Графъ Понмартенъ обѣщаетъ поднять литературную критику, упавшую и забытую во Франціи со времени установленія конституціоннаго правленія, которое отвлекло вниманіе публики на политическія пренія. Въ первой своей статьѣ онъ будетъ разбирать записки Александра Дюма.

Шмарикъ, уведомляя объ изданномъ имъ первомъ выпускѣ Изборника югославянскихъ достопамятностей, прибавляетъ: «когда будутъ издавать у васъ что-нибудь изъ вашихъ древнихъ сокровищъ. Слезы надо проливать, смотря на то, какія сокровища есть у васъ и у другихъ въ Россіи, оставшіяся въ неизвестности, при вашихъ богатыхъ средствахъ, — если бы слезами можно было помочь».

Неутомимый Миллюшъ издаетъ сравнительную Словянскую Грамматику. Вуковъ Сербскій Словарь уже вышелъ.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

ТУРУХАНСКІЙ ТРОИЦКІЙ МОНАСТЫРЬ.

(Отрывокъ изъ писемъ о Туруханскомъ краѣ.).

Я вполне увѣренъ, что вамъ хорошо известны тѣ затрудненія, которыми сопровождается плаваніе по здѣшнимъ рѣкамъ. По этому я не стану утомлять васъ описаніемъ моего грустнаго плаванья по Енисею, отъ Енисейска до Туруханска. Оно было такъ однообразно, такъ бѣдно радостными впечатлѣніями, природа окружавшая меня, была такъ пустынна, такъ дика, — что мнѣ по неволѣ взгрустнулось о Красноярскѣ.

Отъ Енисейска до Туруханска я ровно ничего не встрѣтилъ замѣчательнаго, если исключить изъ этаго Туруханскій Троицкій монастырь. Свѣтлые кресты его какъ-то особенно ясно блистали на горизонтѣ пустыни, когда мы подплывали къ монастырю; звонъ его колокола какъ-то особенно привѣтливо звалъ насъ остановиться у высокаго берега. Церковь въ пустынь — имѣетъ необъяснимо радостное вліяніе на душу.

Объ этомъ монастырѣ вы найдете нѣсколько свѣденій у Пестова и Степанова; но они очень кратки, и, вѣроятно, далеко не въ состояніи удовлетворить вашу любознательность. Я постараюсь, сколько могу, дополнить эти свѣденія, хотя предупреждаю васъ, что они очень и очень скудны. Вся монастырская бібліотека заключается въ церковныхъ книгахъ, и то не старопечатныхъ, въ одной свѣтской и въ одной небольшой рукописи, о которой я упомяну ниже. По этому, заимствовать объ этомъ монастырѣ болѣе подробныхъ свѣденій здѣсь, въ Туруханскѣ, мнѣ пока не изъ чего.

Туруханскій Троицкій 3-го класса мужской монастырь находится на правомъ берегу Енисея, близъ самаго устья нижней Тунгузки, или, какъ ее называли въ старину, верхней Тунгузки, потому что нижней, какъ видно изъ атласа 1745 г., называлась Ангара. Находящееся тутъ-же селеніе Троицко-монастырское, состоящее изъ десяти или пятнадцати бѣдныхъ и неопрятныхъ лачужекъ, раскинуто по обрыву большой песчаной горы, одѣтой

тощими елами и соснами. Отъ Туруханска до-сюда по Енисею версть 25 или 30; сухопутнаго сообщенія нѣтъ. Когда основанъ Туруханскій Троицкій монастырь—положительнаго свидѣнія я нигдѣ не могъ найти, хотя нѣкоторые относятъ это къ 1660 году,—следовательно не долго спустя послѣ того, какъ основано и самое зимовье Туруханское, переименованное впоследствии въ городъ. Основателемъ его былъ нѣкто Тихонъ, человекъ, прославившійся святостію жизни и тяжелыми иноческими подвигами. Преданіе говоритъ, что вскорѣ послѣ его смерти монастырь заключалъ въ своихъ стѣнахъ уже около 15 человекъ иноковъ. Въ то время Туруханскій край былъ несравненно богаче и несравненно многолюднѣе теперешняго. Частыя посвященія монастыря усердными богомольцами, которые стекались сюда не только изъ Енисейска, но изъ Тобольска, изъ Березова и другихъ отдаленныхъ городовъ Сибири, давали ему хотя скудные, но все-таки безбидныя средства къ существованію. Иноки этого монастыря, какъ рассказываютъ то же преданіе, преимущественно подвизались въ обращеніи въ христіанство Остяковъ и Тунгусовъ, которые окружали ихъ со-всѣхъ сторонъ. Вѣроятно, не одна жертва пала тогда въ борьбѣ христіанства съ язычествомъ. Казаки, плавающіе ежегодно съ казеннымъ хлѣбомъ по нижней Тунгускѣ, для снабженія имъ иногородцевъ, рассказываютъ, что верстахъ въ двухъ-стахъ отъ Троицкаго монастыря, надъ этой рѣкою высится огромная скала, середина которой выпукло и весьма ясно представляетъ изображеніе монаха въ черномъ клобукѣ. Ни одинъ Остякъ, ни одинъ Тунгусъ не проплыветъ и теперь еще мимо этой скалы безъ того, чтобы не пустить въ нее стрѣлу. Не прежнее ли ненависть язычества къ распространителямъ Слова Божія управляетъ этими дѣйствіями дикихъ, необразованныхъ дѣтей лѣсовъ, изъ которыхъ нѣкоторые уже давно христіане? Отъ казаковъ я ничего не могъ добиться объ этомъ, а Тунгусовъ и Остяковъ съ нижней Тунгуски не спрашивалъ потому, что не видалъ еще ни одного изъ нихъ. Но продолжаю сообщать те свидѣнія о Туруханскомъ Троицкомъ монастырѣ, какія мнѣ удалось собрать.—Еще около 1640 г., одинъ промышленникъ, по имени Тимофей, открылъ на берегу рѣчки Манзы (нынѣ Усолка, въ Канскомъ округѣ, впадающая въ р. Тасеву) богатѣйшіе соляные ключи. Въ послѣдствіи времени, онъ устроилъ тутъ солеваренный заводъ, и, по духовному завѣщанію, передалъ его во владеніе Троицкаго монастыря. Это, разумется, какъ нельзя лучше увеличило благосостояніе монастыря. Добывавшаяся соль снабжала въ продолженіи многихъ

леть большую часть народонаселения нынѣшней Енисейской губернии, а вырученныя за нее деньги поступали въ монастырскую кассу. Изъ старыхъ дѣлъ Красноярскаго архива видно, что въ 1700 годахъ монастырь имѣлъ въ Красноярскѣ свое подворье, гдѣ жилъ постоянно одинъ изъ братіи, который распоряжался продажей соли, заключалъ контракты на поставку ее въ казну и т. п. Распоряженіями относительно выварки соли въ самомъ заводѣ завѣдывали также монахи. Около того же времени, когда въ виденіе Троицкаго монастыря поступилъ солеваренный заводъ, Царь Алексѣй Михайловичъ прислалъ туда священническую фелонь и пятидесятипудовой колоколь, который и теперь виситъ на колокольнѣ. Хотя онъ ни чѣмъ въ особенности не замѣчателенъ, но я все таки постараюсь снять съ него рисунокъ и переслать его къ вамъ. Что касается до фелони, то она сгорѣла въ бывшій въ монастырѣ пожаръ, но когда именно случился этотъ пожаръ, я никакъ не могъ узнать. Въ 1764 г. солеваренный заводъ поступилъ во владѣніе казны, и съ этого времени число братіи въ монастырѣ стало постепенно уменьшаться... Теперь въ немъ считается только одинъ монахъ и одинъ настоятель.

Я приплылъ къ Троицкому Туруханскому монастырю 9 іюня, въ воскресенье, въ 10 часовъ утра, ровно мѣсяць спустя послѣ того, какъ оставилъ Красноярскъ. День былъ ясный и жаркій. Въ воздухѣ носилась туча мошекъ и комаровъ. Вышелъ на берегъ, я прямо отправился къ монастырю. Селеніе троицко-монастырское мнѣ показалось совершенно безлюднымъ.

Обѣдня уже окончилась, и изъ церкви на встрѣчу мнѣ вышло человекъ пять дряхлыхъ стариковъ,—все наличное населеніе въ ту пору Троицко-монастырскаго селенія; все, кто былъ помоложе, ушли ловить рыбу. Я остановилъ одного старика, и спросилъ—гдѣ настоятель. Онъ былъ еще въ церкви и разоблачался, когда я вошелъ въ нее. Въ такой пустынь, въ какой суждено ему жить, всякое новое лицо—давно желанный гость. Добрый старикъ обрадовался мнѣ какъ старинному, давно ожидаемому знакомцу. Долго онъ разспрашивалъ меня, откуда я родомъ, давно ли въ Сибири, за чѣмъ плыву въ Туруханскъ, долго ли тамъ пробуду и т. п. Потомъ, по просьбѣ моей, онъ съ удовольствіемъ показалъ мнѣ монастырскую церковь, не очень давно перестроенную, и ризницу, не заключающую въ себѣ ничего достопримѣчательнаго. Церковь (во имя живовначальныя Троицы съ придвломъ Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы) самой простой архитектуры, очень не велика и бѣдна. Въ ризницѣ на полкѣ, между старыми кадильницами и цѣпами отъ нихъ,

лежало нѣсколько книгъ, покрытыхъ густымъ слоемъ пыли. Достопочтенный старецъ очень серьезно объявилъ мнѣ, что это монастырская бібліотека. Изъ любопытства я взялъ одну книгу, закапанную во многихъ мѣстахъ воскомъ: она оказалась изъ числа богослужебныхъ; другія пять или шесть—тоже. На вопросъ мой, есть ли тутъ какія-либо свѣтскія книги или рукописи, настоятель объявилъ, что есть одна книга, и именно Словцова Историческое обозрѣніе Сибири, и рукопись, составленная какимъ-то монахомъ этого монастыря о жизни Василя Мангазейскаго. Рукопись заключала въ себѣ три или четыре листа, и я попросилъ позволенія прочесть ее, пока пробуду въ монастырѣ.

Василій Мангазейскій, остатки котораго и теперь покоятся у лѣваго клироса главной монастырской церкви, былъ, какъ говорить рукопись, ярославскій уроженецъ, сынъ тамошняго мѣщанина Федора. Занимаясь торговлею, онъ поступилъ въ прикащики къ какому-то купцу и отправился торговать его товарами въ городъ Мангазею, находившійся некогда на р. Тазѣ, близъ того мѣста, гдѣ теперь находится селеніе Тазовское у часовни. Съ ранней молодости Василій отличался кротостью, благонаравіемъ и благочестіемъ. Одинъ разъ, въ самую заутреню въ Свѣтлое Христово Воскресенье, когда онъ находился въ церкви, воры выломали двери его лавки и покрали всѣ товары. Хозяинъ, полагая, что тутъ дѣло не могло обойтись безъ содѣйствія самого Василя, подалъ на него жалобу мѣстному начальству. Въ это время, говоритъ рукопись, въ Мангазеѣ былъ воеводою нѣкто Савлукъ Пушкинъ (*). Онъ приказалъ сей-часъ же взять Василя, привести въ связную избу, и при хозяинѣ сталъ пытать его. Василій ни въ чемъ не сознавался, хотя муки были такъ жестоки, что онъ нѣсколько разъ падалъ замертво. Считая его молчаніе упорствомъ, озлобленный хозяинъ, державшій въ это время связку ключей отъ своей обокраденной лавки, размахнулся и ударилъ ими Василя въ високъ. Онъ тяжело вздохнулъ и закрылъ глаза. Когда же его снова подняли на дыбу, то увидѣли, что онъ уже скончался. Желая какъ-нибудь скрыть это непріятное происшествіе, воевода приказалъ не соблюдать при похоронахъ Василя никакихъ церемоній, а просто положить его тѣло въ грѣбъ и бросить въ болотистое мѣсто по-

(*) Изъ краткаго показанія о Сибирскихъ воеводахъ, напечатаннаго въ Толбоскѣ въ 1792 г., видно, что Влукъ Евстаѣевичъ Пушкинъ вместе съ княземъ Василіемъ Михайловичемъ Мосальскимъ—Кольцовымъ были воеводами въ Мангазеѣ въ продолженіи 1601 и 1602 годовъ.

для самой съезжей избы, въ которой онъ замученъ. Приказъ воеводы, разумется, былъ исполненъ въ точности; а чтобы гробъ какъ можно глубже погрузился въ болото, то чрезъ него положили доску для прохода въ съезжую избу просителей, стрѣльцовъ и десятниковъ. Но, не смотря на это, въ 1652 г. (слѣдовательно при воеводѣ Игнатіи Стефановичѣ Корсаковѣ, который управлялъ Мангазеею съ 1652 по 1656 г.) гробъ Василя, ввроятно подпираемый водою, показался снова изъ тины и грязи. Вскорѣ молва припомнила народу, какою мученическою смертію онъ умеръ и какъ благочестиво онъ жилъ. Гробъ былъ вынуть, перенесенъ въ другое, болѣе удобное мѣсто, зарытъ, и надъ нимъ выстроена часовня. Въ мартъ мѣсяцъ 1670 г. іеромонаху Троицкаго Туруханскаго монастыря Тихону приснился сонъ, что какой-то молодой человекъ, съ бѣлокурыми волосами, безъ бороды, въ бѣлой одеждѣ, будить его, заставляетъ идти въ Мангазею и перевести тѣло его въ монастырь, объявляя, что онъ тотъ самый Василя, о которомъ такъ много говорится въ народѣ и который замученъ воеводою Пушкинымъ. Тихонъ немедленно отправился въ Мангазею, или, лучше сказать, на то мѣсто, гдѣ она некогда стояла, и 10 мая того же года привезъ тѣло Василя въ монастырь. Въ память этого событія, въ день его, въ монастырѣ и теперь отправляется ежегодно соборная всенощная. За тѣмъ, въ рукописи слѣдуетъ извѣстіе о нѣкоторыхъ лицахъ, призывавшихъ въ своихъ молитвахъ имя Василя Мангазейскаго и получившихъ исцѣленіе отъ болѣзней; о томъ, какъ прибылъ въ монастырь преосвященный Филоеи Лещинскій, митрополитъ Тобольскій и Сибирскій (род. 1650 г., ум. 1727 г.), какія трудности перенесъ онъ въ пути и т. п.

Дополню это сказаніе еще нѣкоторыми свѣдѣніями, собранными на мѣстѣ:

Версть за восемьсотъ на сѣверо-западъ отъ Туруханска, верстахъ въ двѣнадцать на сѣверъ отъ селенія Тазовскаго, на берегу тихаго, величественнаго Таза, покрытомъ мѣлкимъ, но густымъ лѣсомъ, видна и теперь еще мѣстность, гдѣ находилась Мангазея, сгорѣвшая въ 1661 г. Во многихъ мѣстахъ видны ямы, гдѣ были погреба жителей, во многихъ мѣстахъ лежатъ груды угля и кирпичей. Все это заглохло и поросло до того тальникомъ и жалкими низенькими, кривыми соснами, что лѣтомъ туда не безъ затрудненій можно пробраться. Берегъ Таза въ этомъ мѣстѣ плоскій и тундристый: Тутъ же находится и вѣтхая часовня, въ которой некогда похороненъ былъ Василя Мангазейскій. Въ этой часовнѣ вы во всякомъ

время года найдете нѣсколько звѣриныхъ шкуръ, изъ которыхъ многія уже истлѣли. Это привошенія бродящихъ вблизи Юраковъ Тазовской орды и другихъ инородцевъ, случайно заходящихъ въ эту глушь. Они свято чтуть память Василя, и отправляясь на ловъ звѣрей или послѣ удачной охоты, всегда приходятъ къ часовнѣ и оставляютъ въ ней какую-нибудь шкуру. Русскіе жители ближайшаго селенія Тазовскаго считаютъ святотѣтствомъ взять оттуда что-нибудь. Въ часовнѣ находится нѣсколько образовъ, лики которыхъ отъ сырой мѣстности давнымъ давно помяли.

Впрочемъ, память Василя чествуютъ не одни инородцы, но и русскіе населенцы туруханскаго края. У многихъ изъ нихъ есть даже изображенія его, которыхъ начало относится еще къ 1679 году. Здѣсь, въ Туруханскѣ, я видѣлъ два такихъ изображенія, представляющихъ Василя въ разныхъ положеніяхъ. На одномъ онъ является свѣжимъ, бѣлокуромъ юношею, безъ бороды, въ бѣлой рубашкѣ, не подпоясаннымъ, а съ боку представлено истязаніе его при купцѣ и воеводѣ. На другомъ изображенъ Туруханскій Троицкій монастырь, а надъ нимъ, на горѣ, молящійся Василій, также въ одной рубашкѣ и безъ обуви (*).

Я пробылъ въ монастырѣ часа четыре. Добрый настоятель ни за что не хотѣлъ отпустить меня безъ обѣда. На-скоро приготовлена была уха изъ свѣжей стерляди, поданы копченныя сельди. Во время трапезы, старикъ разсказывалъ мнѣ объ истинно пустыньческомъ своемъ житьѣ-бытьѣ, и бѣдность монастыря. Провожая меня, онъ чуть не плакалъ.

Оканчивая письмо мое о Туруханскомъ Троицкомъ монастырѣ, я не могу не припомнить одного обстоятельства, вслѣдствіе котораго ему предстояла блестящая участь—распространить сѣмена Евангелія между инородцами Туруханскаго края посредствомъ ихъ же самихъ. Богу угодно было, чтобы это предположеніе не осуществилось.

11 августа 1805 г., отъ бывшаго томскаго гражданскаго губернатора Хвостова послѣдовало къ г. министру Внутреннихъ Дѣлъ донесеніе слѣдующаго содержанія:

» Въ бытность мою нынѣ въ Туруханскѣ, имѣлъ я случай сдѣлать посильное краю сему добро, въ память искреннаго моего усердія къ его благу. Нашедъ въ семьъ городѣ у разныхъ людей пять мальчиковъ изъ Тунгусовъ и Остяковъ, отданныхъ на воскормленіе безъ возврата отъ бѣдныхъ родителей, считавшихъ себѣ

(*) Прошу оба эти изображенія для моего музея. П.

отягощеніемъ прочитать несчастныхъ младенцевъ, по случившимся худымъ промысламъ звѣря и рыбы,—рѣшился я взять ихъ на мое содержаніе. Сообразивъ бѣдное состояніе и самихъ воспитателей, и не предвидя, кромѣ присвоенія, иной цѣли въ участи сихъ несчастныхъ дѣтей, не трудно мнѣ было убѣдить ихъ, чтобъ они мнѣ ихъ поручили. Я прибѣгнулъ съ просьбою къ Игумену Троицкаго Туруханскаго монастыря, въ 35-ти верстахъ отъ города при устьѣ Тунгуски лежащаго, прося его Преподобіе, чтобъ онъ согласился на слѣдующее мое предложеніе: взять въ монастырь для содержанія пищу, одеждою и обувью сихъ пять мальчиковъ съ тѣмъ, чтобъ ихъ обучить читать, писать и начальнымъ основаніямъ закона. Сей, по истинѣ достойный званія своего Игуменъ, на сіе согласился тѣмъ паче, когда получилъ онъ къ сему и Архипастырское Начальниче ему подтвержденіе,—о чемъ и просилъ я Его Пресвященство, Архіепископа Тобольскаго и Сибирскаго. На содержаніе сихъ мальчиковъ дано отъ меня 200 р. съ тѣмъ, что обязался я письменно Начальству сей обители вносить каждагодно къ 12 числу Марта таковую сумму по смерти моею, предоставляя попеченію монастыря содержать непрерывно пять сиротъ изъ ясапныхъ края сего народовъ; при чемъ просилъ, чтобъ, по довольномъ наученіи всѣхъ или приготова нѣсколькихъ, отнестись въ Томскій Приказъ Общественнаго Призрѣнія.

» Я осмѣливаюсь всепокорнѣйше испрашивать исходатайствованія Высочайшаго повелѣнія, чтобъ Томскому Приказу Общественнаго Призрѣнія поставлено было обязанностію о устроеніи участи прочной сямъ воспитанникамъ; Губернскому же начальству, чтобъ къ отысканію подобныхъ несчастныхъ сиротъ изъ ясапныхъ Туруханскаго края къ дополненію впредь вакансій дѣлало оно нужная распоряженія».

По всеподданнѣйшему докладу объ этомъ Его Императорскому Величеству г. министра Внутреннихъ Дѣлъ, послѣдовалъ слѣдующій Высочайшій рескриптъ:

» Господину Дѣйствительному Статскому Совѣтнику, Томскому Гражданскому Губернатору Хвостову.

«Изъ представленія вашего къ Министру Внутреннихъ Дѣлъ съ удовольствіемъ Я видѣлъ похвальный вашъ поступокъ въ призрѣніи дѣтей изъ Тунгусовъ и Остяковъ, оставленныхъ въ городѣ Туруханскѣ. Человѣколюбіе есть одно изъ существенныхъ свойствъ вашего званія. Мнѣ пріятно видѣть опыты его во всѣхъ состояніяхъ, но наипаче въ начальникъ края: примѣръ его есть наилучшее къ добру побужденіе.

«Я одобряю предположеніе ваше, чтобъ дальнѣйшее устройство участи дѣтей, благотворительнымъ распоряженіемъ вашимъ въ монастырѣ воспитываемыхъ, состояло на понеченіи и точной обязанности Приказа Общественнаго Призрвнія, и чтобъ Губернское Начальство избирало и наполняло число воспитанниковъ, вамъ определенное, изъ ясашныхъ сиротъ Туруханскаго края».

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою написано: **АЛЕКСАНДРЪ.**

Мѣстечко Пулава 3 Октября 1808 года.

Доброе дѣло было начато; оставалось только продолжать его. Предположено было, чтобы дѣтей, оказавшихъ способности, посылать для окончанія курса наукъ въ семинарію, а потомъ тѣхъ изъ нихъ, которые пожелаютъ вступить въ духовное званіе, посылать священно-и церковно-служителями въ туруханскій край, преимущественно въ тѣ мѣста, близъ которыхъ бродятъ Остяки и Тунгусы. Въ 1810 году, по окончаніи переписки между духовнымъ и гражданскимъ начальствомъ, — бѣдные сироты были помѣщены въ монастырѣ и пробыли тамъ два года. Но въ декабрѣ м. 1812 г. Томская Духовная Консисторія отнеслась въ Томское Губернское Правительство, чтобы эти мальчики были взяты изъ монастыря, потому что они остаются тамъ «безъ всякаго призрвнія и обучать ихъ некому». Последнее обстоятельство было совершенно справедливо. Дѣлать было нечего: бѣдные сироты взяты изъ монастыря; но куда потомъ дѣвались, неизвѣстно.

Сколько подобныхъ прекрасныхъ начинаній остается иногда безъ послѣдствій!

КН. КОСТРОВЪ.

НОВОСТИ И СЛУХИ. (*Письмо изъ Петербурга*). Мы только что возвратились съ прогулки по лѣсамъ и галереямъ *Исакиевскаго Собора*, и спѣшимъ подѣлиться съ вами тѣмъ, что мы видали.

Входъ въ зданіе *Исакиевскаго Собора* открытъ по билетамъ, которые можно получать отъ внимательнаго и обязательнаго строителя, г. Монферрана. Работы внутри Собора еще далеко не кончены, и потому зданіе его, загроможденное лѣсами подмостокъ, еще не имѣетъ настоящаго своего вида. Тѣмъ не менѣе и теперь, въ-чернѣ, оно представляетъ что-то необыкновенное, поэтическое. Перекрещающіяся стропила, лѣстницы, столбы, канаты, медленно-

поднимающіе огромныя массы камня и дерева, звонъ молотовъ, шипящіе пилы, смѣсь дневнаго свѣта съ краснымъ блескомъ фонарей рабочихъ, которые, какъ блуждающіе фантастическіе огоньки болотъ, мелькаютъ въ массѣ деревянныхъ временныхъ построекъ— все это дышетъ чѣмъ-то страннымъ и удивительнымъ. Жизнь и трудъ кипятъ здѣсь въ каждомъ уголкѣ, надъ каждымъ кускомъ камня и дерева, здѣсь трудится ежедневно до *полуторы тысячи рабочихъ*.

Переходимъ къ другимъ петербургскимъ новостямъ. Здѣсь вышелъ на дняхъ второй выпускъ альбома каррикатуръ подъ названіемъ «*Дебютанта*». Такъ какъ это уже дѣло оконченное и выпущенное въ свѣтъ, то мы о немъ имѣемъ право поговорить подробнѣе и отчетливѣе.

О первомъ выпускѣ «*Дебютанта*», изданномъ въ началѣ августа 1851 года, въ Москвитинѣхъ не было вовсе говорено, и потому мы обсудимъ его вмѣстѣ со вторымъ выпускомъ.

Въ 1-мъ выпускѣ говорится прежде всего о *дачахъ* и *дачникахъ*, какъ о принадлежности петербургскаго лѣтняго сезона. Вы видите: 1) дачу съ сюрпризами—комнату, въ которой съ потолка льетъ ручьемъ дождевая вода; 2) Иванъ Ивановичъ беретъ на дачу самое нужное—дрова; 3) Иванъ Ивановичъ далъ себѣ слово встрѣтить восходъ солнца. (Онъ спитъ, а на часахъ, которые передъ нимъ, уже скоро десять часовъ); 4) Сельское увеселеніе, для котораго можно бы и не переселяться на дачу (сраженіе за зеленымъ столомъ); 5) Несчастный день понедѣльникъ! не было ни одного русака! (Иванъ Ивановичъ спитъ подъ деревомъ, окруженный зайцами); 6) Дичь сдѣлалась необыкновенно ручна! (У Ив. Ив. ворона похищаетъ на пути картузь); 7) Какъ пріятно пользоваться на дачѣ твнюю! (Толстый господинъ бросаетъ твню на тощаго.)—Потомъ выступаетъ уже прямо *Иванъ Ивановичъ*, герой Дебютанта, человекъ не то, чтобы толстый, однакоже и не то, чтобы совсемъ тонкій. а) *Обищя правила*: 8) Ив. Ив. утромъ (спитъ); 9) Ив. Ив. вечеромъ (спитъ); 10) Ив. Ив. въ полдень (спитъ); 11) Ив. Ив. ночью (спитъ): словомъ, вѣчно спитъ въ разныхъ положеніяхъ; въ послѣднемъ его даже держать за носъ миленькая ручка его половинны.... б) *Исключенія*: 12) Впрочемъ Ив. Ив. занимается и литературою (спитъ, на груди книгъ); 13) А въ свободное отъ этихъ занятій время не прочь и послужить (тоже дремлетъ, сидя безъ дѣла, за служебнымъ столомъ.) 14)—*Обищій выводъ*: Ив. Ив. вопреки приказаніямъ докторовъ, не знаетъ отдыха и продолжаетъ трудиться.... Наконецъ выступаютъ *Маменьки*: 15) Выгодный же-

нихъ! (толпа маменокъ съ няжностями окружаетъ молодого человека); 16) Сто душъ, да и ты перезаложены! (толпа маменокъ съ негодованіемъ отвертывается отъ молодого джентльмена съ длиннымъ носомъ);—и *Петербургскія улицы*: 17) Европа, гостинница для прѣзжающихъ, и человекъ, пріобрѣтшій европейскую извѣстность! (дворникъ заведенія «Европа» кланяется одному проходящему....) 18) Не мѣсто красить человека, а человекъ красить мѣсто! (Маляръ мажетъ краскою уголь забора); 19) Но случается, что и мѣсто красить человека! (Идетъ съ гирею и съ метлою трубочистъ, замаранный сажею).

Во 2-мъ выпускѣ является прежде всего *вступленіе*: 1) Дебютантъ расходится! Недавно одинъ молодой человекъ, изъ любви къ искусству, купилъ разомъ 100 экземпляровъ. Оказалось, что это былъ самъ авторъ! (Портретъ автора, покупающаго дебютантъ, очень удачно сдѣланный, прилагается). 2) *Пословицы въ шпалѣ*: Хоть тресни, а ползай! (Толстякъ лѣзетъ въ карету); 3) Суженаго конемъ не объѣдешь! (Толстякъ ужаснаго объема идетъ съ дѣвницею подъ вѣнецъ); 4) Не въ свои сани не садись! (Представлены сани, которыя везетъ покойный *Ералашъ* и въ которыя садится авторъ *Дебютанта*); *Замѣтки о маскарадахъ*: 5) Маска съ претензіями на таинственность! (Маска съ носомъ, который не прикроется никакою маскою); 6) Два слова на ухо! (маска величиною съ мизинецъ, и господинъ, котораго увидишь съ одного конца Невскаго проспекта на другомъ); 7) Цѣль маскарадной интриги! (бутылка шампанскаго и два тоненькихъ бокала); 8) Мой пріятель, котораго никто не интриговалъ, начинаетъ самъ интриговать... *буфетъ!*—9) Интересъ маскараднаго разговора: «Я тебя знаю!»—«Нѣтъ не знаешь!»—«Нѣтъ знаю!»—«Нѣтъ не знаешь!»... *Любителямъ пльня*: 10) Горныя вершины спать во тьмѣ ночной! (Господинъ съ двумя гигантскими бородавками спать въ безднѣ подушекъ); 11) Слышишь, мой сердечный другъ! (Одинъ господинъ говоритъ другому, глухому, въ слуховую трубу); 12) На зарѣ ты его не буди! (Пьяный спитъ на тротуарѣ, будочникъ подходитъ къ нему съ алебардою); 13) Въ минуту жизни трудную, тѣснится ль въ сердце грусть! (Господинъ, съ волненіемъ стоящій передъ штофомъ настойки); 14) Вотъ взошла луна золотая! (Лысина уму неностижимаго размѣра); 15) Я пойду, пойду косить! (Представлена *коса* пивца); 16) Ты не повѣришь, какъ ты мила! (Господинъ съ физиономіею обезьяны глядится въ зеркало); *Падѣши*: 17) Именительный—я! (Господинъ съ изумленіемъ узнаетъ себя въ зеркалѣ); 18) Родительный—меня! (Господинъ кулаками

гонять, какъ говорятъ, въ-зашей); 19) Дательный—мнѣ! (Господишь съ жадностію догадывается, что ему подносятъ настойку); 20) Творительный—мною! (Господина запрягла красавица въ уздечку и править имъ); 21) Предложный—на мнѣ! (На господишь вдесть верхомъ юбка); 22) Звательный—меня! (зовуть).—(Изображенъ господишь и вдалькѣ пастухъ трубить, сзывая коровъ);—*Нѣчто изъ географіи:* 23) Всѣ планеты обращаются вокругъ солнца, получая отъ него жизнь, свѣтъ и тепло; (Толпа разнообразныхъ физиономій обращается вокругъ мѣшка съ надписью: 1,000,000!) 24) Ученымъ никогда не случалось видѣть такого полного затмвнн! (Слѣпые астрономы окружаютъ телескопъ); 25) Приливъ! (Толпа жаждущихъ движенія билетовъ и театральная касса).

Вотъ содержаніе двухъ тетрадей *Дебютанта*. Читатель самъ увидитъ, какъ оно интересно и разнообразно. Тетради продаются по *рублю серебромъ*: цѣна неизмовѣрно дешевая, сравнительно съ прочими нашими иллюстрированными изданіями и съ достоинствомъ рисовки, бумаги, даже обертки. Выполненіе прекрасное. Въ первомъ выпускѣ шесть большихъ листовъ, и на каждомъ по двѣ, по три и по пяти каррикатуръ; во второмъ столько же. Въ первомъ подъ каррикурами кое-гдѣ поставлена подпись буквою *D*; во второмъ, подъ каррикурою съ подписью «слышишь, мой сердечный другъ!» уже выставлена полная фамилія автора: *Даниловъ*. Слѣдовательно мы имѣемъ полное право теперь сказать, что г-ну Данилову мы обязаны наследіемъ остроумнаго *Ералаша*. Первый выпускъ *Дебютанта* былъ нѣсколько бедноватъ по содержанію и каррикатурной вѣкости; во второмъ обнаружено много комическихъ сторонъ нашего общества, и злая сатира, прикрытая насмѣшкою, проглядываетъ почти въ каждомъ рисункѣ. Что же касается до остроумія каррикатуръ и подписей ихъ, то изъ одной нашей выписки оглавленій картинокъ, и прибавленія нашихъ объясненій, въ скобкахъ, читатель можетъ замѣтить, какъ эти картинки остроумны и игриво задуманы. Публика петербургская приняла дебюты *Дебютанта* довольно благосклонно... Но, для того, чтобы подобное изданіе могло быстро расходиться и давать автору средства издавать скорѣе выпускъ за выпускомъ, чтобы это изданіе было какъ можно современнѣе, живѣе, веселѣе и даже моднѣе—нужно, чтобы ваша петербургская публика и публика московская взяли г. Данилова подъ свое покровительство, какъ взяли некогда г. Неваховича... Сравнивая первыя тетради *Дебютанта* и *Ералаша*, мы, полага руку на сердце,

говоримъ, что первый заставляетъ насъ ожидать многого отъ карикатурнаго карандаша г. Данилова... Желаемъ ему успѣха и побольше охоты трудиться! Пока мы оставимъ въ сторонѣ замѣчанія о нѣкоторыхъ его недостаткахъ: второй выпускъ показалъ, какъ можетъ быть наблюдательность его остроумна, разнообразна и зла. Надѣмся, что въ третьемъ выпускѣ она появится еще въ болѣе блестящемъ видѣ!

О другихъ новостяхъ Петербургскихъ мы не много скажемъ. Публичныя увеселенія поста (?!) теперь кончились: концертовъ было мало и выступали изъ нихъ только концерты двѣицъ *Дулькенъ*, съ игрою младшей на концертино или по-просту на гармоникъ; за то фокусниковъ или профессоровъ волшебной магіи и гимнастики здѣсь было цѣлыхъ шесть. Изъ нихъ въ короткое время сдѣлался кумиромъ публики *Германъ*, брюнетъ, молодой французъ, ловкій и веселый, съ братомъ шестилѣтнимъ Сашею, какъ его здѣсь звали: онъ вынималъ изъ одной и той же шляпы столько вещей, что ихъ и на телѣгѣ не помѣстишь, бросалъ въ Большомъ театрѣ со сцены обыкновенныя карты во всѣ ложи, кресла и даже въ раекъ 5-го яруса; заставлялъ брата съ завязанными глазами со сцены угадывать, что онъ держитъ изъ вещей, подаваемыхъ ему въ креслахъ, — часъ и минуты часовъ, нумера бумажныхъ денегъ и т. д.; наконецъ изъ одной бутылки разливалъ по рюмкамъ въ рукахъ зрителей по десяти сортовъ ликеровъ и подражалъ пѣнію соловья, канареекъ, перепеловъ, крику утки, визгу пилы, собаки, и жужжанію мухи.—Онъ ѣдетъ въ Москву....

МОСКОВСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

ПОМЯНОВЕНІЕ ПО ГОГОЛЬ.

(Отрывокъ изъ письма въ Петербургъ).

... А вотъ я пишу къ Вамъ и еще . Вчера, въ сороковый день, отслужили мы заупокойную обѣдню и панихиду на могилѣ Гоголя. Случалось ли когда-нибудь Вамъ слышать ихъ на Святой недѣль? Выше, глубже, сильнѣе, умильнѣе, торжественнѣе этого священнослуженія я не знаю ничего. Молитвы объ успѣшѣмъ смѣняются или лучше прерываются безпрестанно пѣснями Воскресенія....

.....

Никакими словами нельзя передать ощущенія этихъ удивительныхъ славословій, полныхъ силы, восторга, увлеченія, звучащихъ изъ гроба, изъ ада, съ неба и со всѣхъ концевъ земли.

.....

Изъ церкви благоговѣйной толпою мы вышли на могилу—могила вся въ цвѣтахъ: яркіе, свѣжіе, веселые, прекрасные, распускались они и благоухали среди молодой зелени, а вокругъ снѣгъ, ледъ и зима! Опять знаменія жизни, этой вѣчной побѣдительницы надъ временнымъ и случайнымъ врагомъ своимъ смертью.

По окончаніи панихиды началась трапеза. Внизу приготовленъ былъ столъ для нищей братіи. Вверху, съю насъ за другой столъ человекъ пятьдесятъ. Прежде всего прочтено было письмо Гоголя, послѣднее изъ всего того, что онъ напечаталъ: о праздникъ свѣтлаго Христова Воскресенія въ Россіи. Можете себѣ представить, какую силу получило каждое его слово, само по себѣ сильное, теперь послышавшееся изъ могилы, скрѣпленное великой печатью смерти—и безсмертія.

Кто задумался, кто умилился, кто унесся мыслию въ прошедшее, кто въ настоящее, кто въ будущее, о себя, объ отечествѣ, о человечествѣ, всѣ плакали.

.....

А эти черты художника, комическаго писателя, эти судороги смѣха, которыя невольно, насильно среди высокихъ и глубокихъ размышленій, вырывались изъ его груди, стѣсненной даже до смерти, онѣ возбуждали грустное чувство другаго рола...

Начали говорить о надгробномъ памятникѣ, о надписяхъ... Одна получила полное одобреніе, выражая вѣрно жизнь покойника: Изъ пророка Іереміи, гл. 8, ст. 20: «Горькимъ моимъ словомъ посмѣюсь».

Послѣ трапезы, по обычаю, принесена была такъ называемая заупокойная чаша. Архимандритъ произнесъ молитву, мы взяли стаканы, гласы надгробные и воскресные раздались снова. По странному случаю, пѣвчіе ошибались безпрестанно; вмѣсто воскресной пѣсни, заводили надгробную, потомъ, вдругъ, вспомнивъ порядокъ, останавливались на срединѣ стиха, начинали вновь другимъ напѣвомъ вопіять вмѣсто смерти о жизни, потомъ опять вмѣсто жизни о смерти, съ новыми ошибками, и эти ошибки и это смѣшеніе было лучше всякой правильности! Не жизнь ли есть смерть, и не смерть ли есть жизнь!

Вотъ какъ помянули мы нашего Гоголя. Прибавлю еще,—и можетъ быть здѣсь-то заключается самая лучшая, самая пріятная жертва его памяти,—какое-то расположеніе къ миру примѣчается у насъ вездѣ по его кончинѣ. Люди враждовавшіе, не расположенные или недовольные между собою, между его знакомыми, подають, не другъ другу, а недругъ недругу, руку, забываютъ взаимныя обиды. Доказательство, самое убѣдительное и сильное, что въ основаніи его сочиненій и дѣйствій была любовь, которая теперь магнитически разливается и сообщается. Дай Богъ, чтобъ это святое чувство сохранялось и умножалось во всѣхъ, вездѣ, и всегда.

.....

М. П.

Р. С. И за мысль объ этомъ поминованіи и за исполненіе ея мы обязаны Шевыреву.

ЛѢТОПИСЬ МОСКОВСКАГО ТРАТРА

А. Григорьева.

ОГРАНИЧЕНІЕ ЗЕМЛЕВЪДѢЛЕНІЯ (СЕЗОНА).

Ограничивать содержаніе лѣтописи замѣчаніями объ однихъ только новыхъ представленіяхъ, и, съ другой стороны, вносить въ нее все безъ разбора новыя явленія потому только, что они—новыя, едва ли не значило бы писать исторію театральныхъ афишъ. Многое новое является и исчезаетъ на сценѣ, такъ, что едва можно уловить слѣдъ его эфемернаго существованія. Разсуждать съ важностію о томъ, что въ бенефисъ г. N. давалась такая-то пьеса, сочиненіе (то есть переводъ, да и то плохой) г. Z.,—замѣчать, что такую-то роль въ этой пьесѣ г. NN. *создалъ* слабо или совершенно неудовлетворительно, когда о пьесѣ забыли на другой день даже тв-господа, которые неистово вызывали ея автора, когда г. NN и не думалъ ни мало *создавать* роли, а просто вытвердилъ ее, или даже съ помощью суфлера прочелъ передъ публикой въ *своей* или чужой бенефисъ,—да и не могъ ничего изъ нея сдѣлать, по той простой причинѣ, что въ ней самой ничего нѣтъ,—Боже мой! какъ мелко было бы въ такомъ случаѣ значеніе театральныхъ рецензій, какъ мало приходилось бы говорить въ нихъ о настоящемъ дѣлѣ, и какъ много вздорныхъ содержаній, вздорныхъ пьесъ пришлось бы разсказывать! между тѣмъ, такъ обыкновенно ведутся театральныя хроникки, такъ случалось нѣкогда вести ихъ и автору этихъ статей, пока не убѣдился онъ горькимъ опытомъ, что заниматься подобнымъ дѣломъ значитъ въ ступѣ воду толочь, что искусству нѣтъ никакого дѣла до разныхъ пошлыхъ штукъ,—что, избѣгая харибды великосвѣтскаго равнодушія къ русскому театру, впадаешь въ сциллу общихъ мѣстъ о вздорѣ никому не нужномъ и позабываемомъ зрителями....

Что же, спрашивается, остается дѣлать рецензенту, поставленному между двухъ крайностей, какъ между двухъ огней? прижмнуться ли къ гордому меньшинству, которое посвящаетъ театръ только въ бенефисы Щепкина, и, съ другой стороны въ представленія, въ которыхъ участвуетъ m-lle Вуато: оно, конечно, раздѣлять взглядъ съ гордымъ меньшинствомъ и легко и прилично,

какъ всякій отрицательный взглядъ,—легко потому, что недостатки можно видѣть во всемъ, а прилично потому, что съ однимъ отрицаніемъ нельзя попасть въ просакъ: что за беда сказать напри- мѣръ, что игра такого-то известнаго русскаго артиста или такой-то известной артистки—не удовлетворяетъ васъ: этимъ вы себя не скомпрометируете—будьте недовольны сколько угодно, это будетъ только оригинально, и многимъ покажется даже умно.... Но, что касается до насъ лично, то мы стыдились бы гораздо болѣе впасть въ такого рода оригинальность, чѣмъ въ педантизмъ, въ крайность противоположную: послѣдній только смѣшонъ подѣ-часъ, но оригинальничанье и вредно и постыдно, какъ всякая не знающая мѣры претензія личности.

Во всякомъ случаѣ, сила и харизма для рецензента оче- видны, остается ему избѣгать ихъ. Слѣдуетъ говорить только о замѣчательномъ, дѣльномъ и имѣющемъ какое-либо значеніе въ иску- ствѣ, т. е., въ отношеніи къ пьесамъ, обращать вниманіе только на такія, которыя чѣмъ-либо выдвигаются изъ ряда повседневностей; въ отношеніи же къ играмъ артистовъ—отмѣчать только дѣйстви- тельное ея усовершенствованіе или уклоненіе, дѣйствительные шаги на сценическомъ поприщѣ. Для избѣжанія повтореній, мы рѣшились подвести наши разнообразныя впечатлѣнія подъ известныя катего- ріи, разбить ихъ на группы, и каждую группу разсматривать порознь.

На первомъ мѣствѣ мы поставимъ впечатлѣнія, вынесенныя нами изъ пьесъ классическихъ, т. е. такихъ, которыя имѣютъ въ иску- ствѣ значеніе серьезное, которыя, такъ сказать, принадлежать театру, и которыя посѣщаются всегда не многочисленною, но постоянною публикою. Такихъ пьесъ, какъ известно, въ настоящее время на сценѣ весьма немного: это—комедія Гоголя и «Горе отъ ума». Повторивъ впечатлѣнія, вынесенныя изъ этихъ представленій, можно уже обратиться къ обыденнымъ явленіямъ, привязывая ихъ къ личностямъ сколько-нибудь замѣчательныхъ артистовъ, ибо такія обыденныя явленія не имѣютъ сами по себѣ значенія, а получаютъ такое только при хорошемъ исполненіи артистами.

Однимъ словомъ, мы рѣшились представить публикѣ обзоръ различныхъ сценическихъ явленій зимней поры въ слѣдующемъ порядкѣ:

I) О представленіяхъ комедій Гоголя и «Горе отъ ума» въ продолженіе зимней театральной поры.

II) Объ артистахъ и артисткахъ драматическихъ и о ихъ за- мѣчательныхъ роляхъ въ теченіе этого времени.

III) Объ артистахъ и артисткахъ комическихъ и водеvilныхъ.

IV) Объ артистахъ—гостяхъ на Московской сценѣ.

I.

**ПРЕДСТАВЛЕНІЯ КЛАССИЧЕСКИХЪ ПРОИЗВЕДЕНІЙ РУССКОЙ
ДРАМАТУРГІИ.**

Я рѣшаюсь начать съ комедій Гоголя—и прежде всего съ «Ревизора», тѣмъ болѣе, что въ эту зиму въ роли Хлестакова являлся три или четыре раза г. *Шумскій*.

Есть много мнѣній, которыя, будучи справедливы сначала, становятся несправедливы вполнѣдствіи, и между тѣмъ повторяются вѣсти по старой привычкѣ, такъ что мнѣніе объ известномъ предметѣ существуетъ само по себѣ, а предметъ—тоже самъ по себѣ, и приступающій къ предмету съ слышаннымъ отъ другихъ мнѣніемъ—часто бываетъ пораженъ такою разладцею. Обыкновенно, если мнѣніе укоренилось, то пораженный его несостоятельностью—смолчить, или даже, чаще всего, самого себя увѣрить насильственно въ его справедливости. Къ числу такихъ, укоренившихся и принимаемыхъ на веру или даже насильственно навязываемыхъ, мнѣній, принадлежатъ мнѣніе о совершенствѣ исполненія на нашей сценѣ «Ревизора». Стоить только взглянуть на представленіе «Ревизора» безъ составленнаго заранее мнѣнія, чтобы разубѣдиться въ этомъ совершенствѣ... Кто хорошъ въ «Ревизорѣ»?—Не *Хлестаковъ*, конечно, потому что настоящаго Хлестакова не случилось намъ видать ни въ одномъ изъ артистовъ (со включеніемъ даже г. *Шумскаго*), выполнявшихъ эту трудную и полную глубокаго значенія роль; не случилось видать ничего, даже подходящаго къ образу Хлестакова. Не *судья* тоже, ибо артисту (впрочемъ весьма почтенному и даровитому), играющему эту роль, недостаетъ самоувѣренности тона и самодовольства чловѣка, который «собственнымъ умомъ дошелъ до того, чтобы толковать о разныхъ высокихъ предметахъ; не *Бобчинскій* и *Добчинскій*, опытные какими-то шутами (NB. Въ послѣднія представленія они были одѣты впрочемъ менѣе каррикатурно, хотя все-таки съ претензіями на забавность), производящіе эффектъ скороговоркою, въ которой теряется всякая комическая соль ихъ рѣчей, и размахиваніемъ рукъ, совершенно противоположнымъ. Не *Земляника*, потому что артистъ, играющій эту роль, играетъ не личность гоголевскаго Артемія Филипповича,—и больше всего, не гости и гостыи..., однимъ словомъ, взглянувши на исполненіе «Ревизора» съ совершенно безпристрастной точки зрѣнія, мы принуждены сознаться, что въ этомъ исполненіи—есть слабыя стороны, кидющіяся прямо въ глаза, и что съ другой стороны въ немъ

нѣтъ главнаго, существеннаго достоинства, безъ котораго не мыслимо художественное совершенство представленія классической пьесы, нѣтъ цѣлости, той цѣлости, которая заставляетъ васъ позабыть о театральныхъ подмосткахъ, и отдаться вполнѣ очарованію, производимому искусствомъ, цѣлости невозможной, когда слышишь суетлеръ въ пьесѣ, въ которой его присутствіе составляетъ только вредную роскошь... Я не думаю, чтобы кому-либо, даже самимъ артистамъ, могло показаться оскорбительнымъ выраженіе подобнаго недовольства со стороны нашихъ, какъ истинныхъ доброжелателей искусства,—которые, съ другой стороны, видятъ въ комедіяхъ Гоголя честь родной земли, заветные памятники роднаго гения и роднаго слова... Да позволять же быть намъ до придирчивости строгими къ исполненію нѣтъ на оценѣ.

Собственно въ «Ревизорѣ», съ котораго начинаю я рѣчь,—нѣтъ главныхъ лицъ, ибо все лица—главныя, отъ Хлестакова и городничаго до квартальнаго Держиморды и мѣщаники Пошлепкиной, но надобно сказать, что есть два лица особенно ярко выдающіяся, это—городничій—преступленіе (въ комическомъ смыслѣ) и Хлестаковъ—наказаніе (въ такомъ же комическомъ смыслѣ). Одного поражаетъ комическая Немезида чувствительнѣе и больнѣе, нежели всѣхъ другихъ,—черезъ посредство другаго она дѣйствуетъ.

И такъ, въ первомъ актѣ—городничій. Знаменитый артистъ такъ понялъ ея комическій паеосъ, такъ вошелъ въ сокровеннѣйшіе изгибы совѣсти градоправителя, что инаго Сквозника-Дмухановскаго почти нельзя себя вообразить. Не поддѣльный паеосъ, одушевляющій комика, заставляетъ зрителя забывать даже, что средства начинаютъ измѣнять артисту, хотя нельзя конечно совершенно скрыть отъ себя это обстоятельство, съ которымъ невольно соединяется печальный вопросъ: *кто для Москвы можетъ замѣнить въ этой роли М. С. Щепкина?* Увы! на этотъ вопросъ покаместъ еще нѣтъ сколько-нибудь удовлетворительнаго отвѣта, и даже, все попытки сыграть городничаго иначе, нежели играетъ его Щепкинъ, оказывались въ нашемъ мизанію до сихъ поръ чрезвычайно слабыми. И очень ясно, почему это такъ: когда известная роль—только изучена и отдѣлана артистомъ, тогда не трудно изучить ее такъ же и отдѣлать иначе, но, когда вся личность отлита за разъ, цѣльно, полно,—тогда, только равное гениальное дарованіе можетъ отважиться на пересозданіе. А городничій въ полномъ смыслѣ отлить за разъ Щепкинскимъ, отлить, какъ отлиты даже имъ самимъ немногія роли, какъ Михайло Чупрунъ въ «Москвѣ чаривникѣ»,

как *Утѣшительный* въ «Игрокахъ», какъ *Гарпагонъ* въ Мольеровскомъ «Скупомъ». Часто случалось мнѣ слышать различныя мнѣнія насчетъ выполненія роли городничаго, слышать напримвръ, что вотъ въ такомъ-то мѣствъ Щепкинъ слишкомъ суетится, въ другомъ недостаточно проникнуть поразившимъ его ударомъ; часто самому мнѣ казалось это: но едва только пытался я представить себя, какъ бы могло быть иначе, — умственное представленіе сливалось подъ конецъ съ тою же игрою Щепкина. Иные замѣчали напримвръ, что онъ съ слишкомъ большимъ жаромъ упрекаетъ себя за то, что далъ себя обмануть Хлестакову, — онъ, тотъ самый городничій, который провелъ двухъ начальниковъ, — что энергія въ немъ должна исчезнуть при первомъ же разоблаченіи правды, — но пусть попыгается другой артистъ выразить ту же нравственное обезсиленіе, вмѣсто порыва бѣшенства, — что же останется тогда для последней сцены? однимъ словомъ, намъ кажется, что до появленія новаго *гениальнаго* же таланта въ роли Сквозника-Дмухановскаго, вы въ Москвѣ не отдѣляетесь отъ образа, сложившагося въ васъ подъ вліяніемъ игры Щепкина. Въ немъ — городничій какъ будто совсѣмъ живетъ передъ вами всей своей *натурой*, во всѣхъ своихъ привычкахъ. Нельзя рассказывать проше о двухъ видныхъ во снѣ крысахъ, которыя «пришли, понюхали — и опять ушли», — нельзя съ бѣльшею искренностью завидовать Тяпкину-Ляпкину, что уздвнй судъ — такое благодатное мѣсто, въ которое никогда никто не заглядывалъ... Нельзя съ бѣльшимъ сознаніемъ своей правоты и моральнаго превосходства укорять Тяпкина-Ляпкина въ вольнодумствѣ, нельзя такъ же болѣе отъ души давать обѣщаніе поставить пудовую свѣчку. Все живетъ тутъ и осязательно является передъ зрителями, что хотѣлъ сказать великій поэтъ, — и лицемѣріе, и преступность, и загрублость нравственная, и злость чловѣка, который, не прибѣгая къ нелозволеннымъ законамъ пыткамъ, кормить купцевъ селедкой... Щепкинъ такой же великій толкователь личности Сквозника-Дмухановскаго, какимъ по нашему мнѣнію былъ Мочаловъ для личности Ричарда III. Всѣ эти замѣченныя нами мѣста врѣзались въ нашей памяти и каждый разъ дѣйствуютъ на насъ одинаково. А второй актъ? Трусовость передъ Хлестаковымъ, — отвѣтъ: «по неопытности», — вся эта фигура грознаго для купцовъ градоправителя, совершенно потерявшагося, дрожащаго всеми членами, и тотчасъ же послѣ того, какъ дыма пошли, по его мнѣнію, иначе, — обращающагося въ смиреннѣйшаго и честнѣйшаго въ мнрѣ чловѣка. Иногда то, иногда другое удается лучше Щепкину, т. е. выдается рѣзче и комичнѣе, но цѣлость

нравственнаго процесса передаетъ онъ здѣсь всегда одинаково вѣрно. Въ третьемъ дѣйствіи, въ игрѣ его есть повидимому нѣкоторые пробѣлы, которые преимущественно проявляются въ излишней суетливости городничаго, такъ что бѣготня по театру съ женою и дочерью въ сценѣ съ Осипомъ, кажется иногда фарсомъ,—но и въ оправданіе этой суетливости можно сказать, что городничій, только что, по мнѣнію его, выпутавшійся изъ самаго опаснаго положенія, находится постоянно въ напряженномъ, даже лихорадочномъ состояніи. Припомните, что онъ боится еще жалобы купцовъ, хотъ и препоручилъ квартальнымъ не допускать ихъ до его гостя, что онъ не совсѣмъ еще спокоенъ на счетъ выстѣпной унтеръ-офицерской вдовы, что тутъ дѣло идетъ, по его мнѣнію, «о жизни человѣческой». Посмотрите на него въ пятомъ дѣйствіи, въ сценѣ съ купцами. Тутъ уже не прежній городничій, мокрая курица передъ воображаемымъ ревизоромъ, а Прометей, настоящій Прометей!—и тутъ, конечно, еще не совсѣмъ прошла лихорадка, только это—лихорадка радости превыше всѣхъ надеждъ. Какъ же этому человѣку, наслаждавшемуся вполне радостію мщенія и успокоившемуся на воображаемыхъ лаврахъ, человѣку полному грубой и дикой энергіи своего рода—вдругъ уничтожиться совершенно при чтеніи письма Хлестакова? лихорадочное состояніе возобновилось, и тутъ опять мѣсто комическому паѳосу. Предсталъ наконецъ законъ во всемъ своемъ грозномъ величій, и «пряткій воевода» сраженъ какъ громомъ.

Каковъ же долженъ быть и каковъ на самомъ дѣлѣ *Хлестаковъ*, комическая Немезида такого городничаго? все, до сихъ поръ писанное о характерѣ Хлестакова, приводится къ одному—къ замѣчаніямъ о характерѣ Хлестакова, сдѣланнымъ самимъ поэтомъ. Хлестаковъ—собственно гипербола, хотъ въ высокой степени истинная. Разумѣется ни одинъ извѣстный вамъ и мнѣ Хлестаковъ не заврется до сочиненія Фенеллы—но, между тѣмъ, какъ хорошо и истинно это сочиненіе Фенеллы! Дилеттантизмъ хвастни, разрастающійся до невѣроятныхъ размѣровъ, отзывается даже ироніей въ рассказъ объ управленіи министерствомъ.... Поэтъ въ такія минуты упоенія собственнымъ хвастовствомъ—Хлестаковъ, во всѣ другія минуты,—*свищъ*, и притомъ свищъ до невообразимой пустоты. Чѣмъ пустѣе, глаже, безцвѣтнѣе будетъ Хлестаковъ на сценѣ въ его обыкновенномъ, не лирическомъ состояніи, тѣмъ вразумительнѣй будетъ для васъ цѣлое комедіи, тѣмъ ярче выступитъ наружу ея глубокій смыслъ, тѣмъ строже явится Немезида надъ беззаконіями города. Хлестаковъ, какъ мыльный пузырь, надувается подъ влі-

яніемъ благоприятныхъ обстоятельствъ, растутъ въ собственныхъ глазахъ и въ глазахъ чиновниковъ, становится все смѣлѣе и смѣлѣе въ хвастовствѣ... Но придайте Хлестакову хоть немного расчета въ хвастовствѣ,—и онъ перестанетъ уже быть Хлестаковымъ. Поборы съ чиновниковъ онъ долженъ собирать съ тою же самой безмозглою вѣтренностью, съ какою онъ позволилъ обыграть себя провѣзшему офицеру. Ему все ни почемъ, все-травя-травя.

Ни одному изъ артистовъ, видѣнныхъ мною до сихъ поръ въ этой роли, не удалось выразить натуры Хлестакова ни цѣльно, т. е. и въ ея лиризмѣ хвастни и безоглядочности, ни половинно, т. е. какую-либо даже одну ея сторону. Пустоту и безцѣльность Хлестакова еще лучше всѣхъ, какъ мнѣ казалось всегда, выражаетъ г. Максимовъ (на петербургской сценѣ), но ни г. Ленскій, ни г. Самаринъ 1-й въ этой роли не подлежатъ суду критики, ибо оба стоятъ ниже этого суда, ибо оба не понимаютъ настоящаго дѣла. Г. Ленскій только хорошо вѣсть въ трактирѣ и сердится на молодого, а г. Самаринъ дѣлаетъ изъ Хлестакова постоянно какого-то фата: ни тотъ, ни другой не даютъ вамъ того Ивана Александрыча, у котораго въ головѣ *посвистываетъ*, и который *вмѣстѣ съ тѣмъ сочинилъ* Фенеллу. Въ самой сценѣ гиперболической хвастни—г. Ленскій очень *натурально*, а г. Самаринъ очень *искусственно* представляютъ оба опьянѣвшаго человека—и только.

Нынѣшній годъ, г. Шумскій рѣшился взяться за эту роль. Мы свидѣтельствовали печатно свое уваженіе и симпатію къ таланту и добросовѣстности молодаго артиста, который изъ средствъ, данныхъ ему природою, дѣлаетъ все, чтѣ можно только сдѣлать. Вмѣстѣ съ тѣмъ, мы сказали, что онъ не способенъ къ творенію типовъ или образовъ заразъ, *цѣльно*, а слагаетъ ихъ по частно,—а Хлестаковъ—одна изъ такихъ ролей, которыя должны быть созданы цѣльно, по непосредственному вдохновенію. Г. Шумскій могъ понять Хлестакова, особенно вслѣдствіе толкованій самаго автора пьесы,—но не могъ создать лица. Конечно, мы не станемъ сравнивать его умной, добросовѣстной игры съ игрою г. Самарина 1-го или Ленскаго, ибо *сравнительно* должны назвать его игру превосходною,—но мы смотримъ на нее безъотносительно. Хлестакову г. Шумскаго недостаетъ весьма важнаго качества—отсутствія задней мысли. Она мѣшаетъ артисту быть настоящимъ Хлестаковымъ—проглядываетъ вездѣ, даже въ сценѣ, когда Хлестаковъ отъ пустоты въ желудкѣ; а паче того, отъ пустоты душевной, принимается насвистывать арію. Нѣтъ! не такую плутоватую физиономію воображаемъ мы въ настоящемъ Хлестаковѣ въ эту минуту. Кроме того, видно было

какъ-то, что не самостоятельно понята и создана г. Шумскимъ сцена гиперболическаго хвастовства—и часто въ ткани созданія роли проглядывали, такъ сказать, бѣлыя нитки: видно было, что г. Шумскій работаетъ, даже передъ публикою еще работаетъ надъ ролью Хлестакова... Скажутъ вѣроятно многіе, что г. Шумскій, можетъ быть, освоить эту роль.... Скажемъ откровенно—не думаемъ. Есть существенный порокъ, есть фальшь въ самомъ созданіи, фальшь, обусловленная натурою самаго артиста. Между внутренностью фатовъ, обыкновенно представляемыхъ г. Шумскимъ въ разныхъ водвиляхъ, и безоглядностью, пустотою Хлестакова большая разница. Повторяемъ опять—эта роль можетъ быть создана только заразъ, по вдохновенію, хотя, конечно, публика обязана благодарностью къ г. Шумскому за его добросовѣстный трудъ въ этомъ дѣлѣ.

Переходимъ теперь къ другимъ лицамъ комедіи, минуя покаместъ *Осипа*, о которомъ, какъ о самой блестящей сторонѣ сценическаго выполненія, будемъ говорить въ заключеніе...

Возьмите на примѣръ *Городничиху*.... Вглядитесь въ ея натуру попристальнѣе, и въ этой смѣшной, имвующей претерзію на галантерейное обращеніе барынь, вы увидите можетъ быть нѣчто такое, что поразитъ васъ невольнымъ ужасомъ. Не одна только праздность, суетность, чванство и грубое кокетство—пороки *Городничихи*; нѣтъ—она зла и высокомерна, она скорѣе отвлечетъ человека отъ всякаго добраго помысла, нежели наведетъ его на такой. Замѣтьте, какъ въ пятомъ дѣйствіи въ торжествѣ своего мнимаго величія упрекаетъ она мужа, что онъ все и всемъ готовъ обшачать. Передъ ней—даже Сквозникъ-Дмухановскій—добрый человекъ! Вотъ эту черту грубой злости и зазнавшейся или впособной сознаться грубой гордости, превосходно подмѣчала г-жа Львова-Синецкая и недостаточно воспроизводитъ г-жа Степанова, ибо двѣ эти артистки попеременно играютъ *Городничиху*. Нельзя сказать, чтобы эта послѣдняя артистка была дурна въ роли «*Городничихи*,»—вся смѣшныя стороны лица, т. е. внешность—передаетъ она довольно хорошо, хотя желательно было бы видѣть поменьше утрировки въ поклонахъ, въ припрыгиваніи и въ самомъ жеманствѣ; соперничество грубаго кокетства съ дочерью выражается также довольно недурно г-жей Степановой,—но невидать въ этой *Городничихѣ* достаточно злости и наглости; уродство внутреннее приносится все въ жертву уродству внешнему,—и лицо, представляемое г-жей Степановой, способно только смѣшить подъ-часъ,

какъ разныя провинціалныя барыни, являющіяся въ нашихъ во-
девляхъ, а не производить впечатлѣніе нѣсколько поглубже, ка-
кое производитъ г-жа Львова-Синецкая, понимающія, какъ ка-
жется, гораздо лучше значеніе своей роли. Не говорю уже о
множествѣ частныхъ чертъ, которыя пропадаютъ въ игрѣ г-жи
Степановой, и выступаютъ довольно рельефно у г-жи Синецкой.
Къ числу ихъ отношу я—слова къ дочери въ концѣ третьяго
акта, слова: «какія только ты, Антоша, слова говоришь», въ сценѣ съ
купцами, и весь разговоръ о сватовствѣ Хлестакова въ пятомъ актѣ...
Однимъ словомъ, представленію о Гоголевской «Городничихѣ»
гораздо-болѣе соответствуетъ г-жа Синецкая, нежели г-жа
Степанова.

Что касается до *Добчинскаго* съ *Бобчинскимъ*, то самъ поэтъ
жаловался въ письмѣ своемъ по поводу представленія «Ревизора»
на каррикатурность выполненія этихъ лицъ—кругленькихъ, толстень-
кихъ, приличныхъ по его замыслу —и въ высшей степени не при-
личныхъ на сценѣ. Въ послѣднее время въ особенности, манера
выполненія Добчинскаго и Бобчинскаго перешла всякія границы—
и всего страннѣе то, что одного играетъ артистъ весьма дарови-
тый, г. Никифоровъ, а другаго—артистъ тоже не безталанный
и даже добросовѣстный, г. Турчаниновъ! Г. Никифоровъ видимо
старается только смѣшать —и притомъ смѣшать одними вышними
средствами, а г. Турчаниновъ недурень только въ сценѣ, когда
проситъ Хлестакова за сына, *рожденнаго до брака, но все равно
какъ бы въ бракъ*: тутъ умѣстны и сладкій тонъ и баранье выра-
женіе физиономіи. Значитъ *гоголевскихъ* Бобчинскаго и Добчинскаго
нѣтъ, какъ нѣтъ Хлестакова и Городничихи, тѣмъ болѣе, что г.
Никифоровъ въ своей скороговоркѣ говоритъ часто не гоголев-
ское, а собственное —и размахиваніемъ рукъ обращаетъ комичес-
кую сцену разсказа въ первомъ актѣ —въ шутство.

Судья такъ же мало удовлетворитъ требованіямъ того, кому
бросилась въ глаза его особенность, его оригинальная черта въ
комедіи Гоголя. Гдѣ самодовольство въ отвѣтъ на упреки въ воль-
нодумствѣ: «собственнымъ умомъ дошелъ», —гдѣ значительность
тона въ цитатѣ изъ Іоанна Масона? Надобно полагать, что роль
эта совершенно не по натурѣ г. Степанова, потому что иначе
этотъ умный и добросовѣстный артистъ отбывалъ бы ее удовле-
творительнѣе.

Артеміи Филиповичъ Земляника. Г. М. Соколовъ, играющій
эту роль, принадлежитъ къ числу актеровъ, которые твердо учатъ

свои роли и говорить со смысломъ, сообщая словамъ надлежащее значеніе—но то-то и беда, что одни «словъ, слова и слова» слышать отъ нихъ зритель: въ самомъ тонѣ чувствуется что-то мврвое, что-то похожее на стукъ маятника, въ высшей степени вррный и правильный, но крайне утомительный. Г. М. Соколовъ, играющій всевозможныя роли и не портящій ни одной—не можетъ конечно сдѣлать ничего изъ гоголевскаго Земляники. Въ одномъ мѣстѣ только онъ не дурень, въ доносѣ Хлестакову на судью,—да и тутъ является не Артемій Филиповичъ, а общій типъ наущника.

Совсемъ другое—однофамилецъ М. Соколова, г. В. Соколовъ, съ незапамятныхъ временъ играющій роль купца Абдулина. Артистъ далеко не даровитый, хотя и полезный,—онъ въ этой роли хранитъ неизменно преданіе—и многое, какъ напримвръ слова по поводу пытки сеledками, удается ему прекрасно. Наружность его и манера соответствують представленію о купцѣ Абдулинѣ.

Г-жа Дмитріева, замѣнившая г-жу Божановскую въ роли мещанки Пошлепкиной, хотя и держится тона своей предшественницы—но не вошла, и, кажется, не войдетъ въ свою небольшую, но энергическую роль, какъ г-жа Божановская. Нѣтъ ожесточенной злости въ проклятіяхъ Городничему, нѣтъ этого жалобнаго, болезненно двѣствующаго, дребезжащаго тона, который рѣшительно необходимъ въ этой сценѣ.

Квартальный Держиморда (г. Живокини 2-й) и другіе полицейскіе чиновники хороши по старому, не смотря на нѣкоторую каррикатурность.

Почтмейстера играетъ г. Дмитревскій—и это почти единственное лице, которое удалось создать г. Дмитревскому до сихъ поръ. Г. Дмитревскій внушаетъ невольную симпатію своими постоянными усиліями. Въ почтмейстерѣ ему удалось прекрасно уловить черту сентиментальной пустоты.

Таковы, въ сценическомъ выполненіи, лица Гоголевой комедіи. Мы съ намтреніемъ не говорили объ одномъ лицѣ, именно объ Осипѣ. Осипъ, созданный Садовскимъ, не только стоитъ въ уровень съ Городничимъ, но даже задуманъ и выполненъ едва ли не проще и непрадивѣе. Щепкинъ, не смотря на поразительныя по необыкновенной вррности черты своей игры, еще какъ будто бы говоритъ иное для публики, еще позволяетъ себѣ иногда нѣкоторую форсировку, впрочемъ для того, можетъ быть, чтобы яснѣе

дать понять то, что онъ самъ такъ глубоко и вѣрно понимаетъ, однимъ словомъ, допускаетъ еще лиризмъ въ своей игрѣ. Садовскій весь отданъ роли—говорить ли, молчать ли, чистить ли сапоги, уносить ли съ жадностью жалкіе остатки супа, входитъ ли сказать барину, что городничій пришелъ. Съ перваго монолога Осипа и до послѣдней минуты, вездѣ—это сама истина; ничто не выдается въ этой игрѣ особенно,—не выдаются даже выраженія перваго монолога, которыми бы артистъ посредственный старался непременно смѣшнить публику, нѣтъ въ игрѣ рвзкихъ минутъ, а если и есть нѣчто похожее на комическое вдохновеніе, какъ напримѣръ сцена входа съ объявленіемъ о приходѣ городничаго, уговариваніе барина ѣхать и т. д., то во первыхъ эти минуты только—художественно-совершенны и не рвзки, во вторыхъ—онѣ являюся тамъ, гдѣ вы ихъ не ждете,—онѣ, такъ сказать—дополненіе мысли комическаго поэта. Чтобы такъ сказать о приходѣ Городничаго, такъ обрадоваться шамъ и кашѣ, и такъ подойти къ Хлестакову уговаривать его ѣхать—надобно совсѣмъ отрѣшиться отъ своей личности, влѣзть въ натуру Осипа, даже, кажется, думать и чувствовать въ эту минуту, какъ Осипъ или Осипы думаютъ и чувствуютъ. Отъ этого-то, когда на сценѣ Осипъ—все живеть передъ вами, и безъ него какъ-то пусто, и вѣрится даже, что онъ и за сценой, и тогда, когда его нѣтъ передъ вашими глазами, такъ же живеть и дѣйствуетъ. Иголочки нельзя подпустить подъ эту маску—того и гляди коснешься живаго тѣла: такъ срослась маска съ тѣломъ. *Осипъ* заслоняетъ все остальное, заслоняетъ даже, когда онъ на сценѣ, и *Городничаго*. Совершенно спокойное, правдивое до совершенства воспроизведеніе личности со всеми тончайшими психологическими чертами, и во всей, соответствующей этимъ чертамъ, вѣщности—вотъ игра Садовскаго. Мы не рѣшимъ вопроса, кто болѣе артистъ—Щепкинъ ли, играющій по большей части страсти, взятыя отвлеченно отъ лицъ, или Садовскій, играющій лица,—но не можемъ не признать того, что игра Садовскаго дѣйствуетъ на насъ несравненно глубже, что Садовскій—артистъ, такъ сказать, болѣе современный, болѣе соответствующій нашимъ требованіямъ.

Мнѣ могутъ замѣтить, что, начавши за упокой, я свелъ за здравіе,—что я, собиравшійся говорить о недостаткахъ сценическаго выполненія *Ревизора*, до сихъ поръ указалъ только на немногія пятна и кончилъ даже восторгомъ.... Но—восторги въ сторону,—они относятся къ игрѣ Садовскаго и Щепкина, а не къ исполненію целой комедіи. Что же остается въ результатѣ?—Только

два истинных таланта являются въ пьесѣ, и два или три артиста играютъ добросовѣстно. Остальные—или сочиняютъ рѣчи отъ себя, или представляютъ водевильныя лица. Цѣлости, въ настоящемъ смыслѣ этого слова, не существуетъ. Подъ цѣлостію разумію я такую общую гармонію игры всѣхъ артистовъ, участвующихъ въ какой-либо пьесѣ, которая дѣлаетъ сцену художественнымъ воспроизведеніемъ жизни. При цѣлости въ такомъ значеніи не мыслимо ни одно движеніе, которое напоминало бы о настоятельной необходимости суфлера, ни одна постановка стула, которая имѣла бы цѣлю близость къ суфлеру, не говоря уже о рутинныхъ интонаціяхъ, изъ которыхъ даже одна, раздавшись вдругъ среди теченія естественной рѣчи,—можетъ испортить все дѣло. Такая цѣлость есть конечно идеальная,—но нѣчто подходящее къ ней мнѣ случилось видать на французской Михайловской сценѣ, гдѣ все такъ удивительно слажено, что смотришь, бывало, съ невольнымъ участіемъ нелѣпѣйшую штуку въ родѣ: *L'homme au masque de fer*, *Stella* и т. п. На русской же сценѣ настоящей цѣлости мнѣ видать не случилось даже въ исполненіи классическихъ пьесъ,—ибо все, сказанное мною объ отсутствіи цѣлости въ «Ревизорѣ», равномерно относится къ «Женитьбѣ», и только нѣсколько меньше къ «Игрокамъ» и къ «Горѣ отъ ума».

Обратимся къ частнымъ замѣчаніямъ о выполненіи этихъ пьесъ. Что касается до «Женитьбы»,—то о Садовскомъ я говорить не стану. Онъ въ роли Подколесина—художникъ истинный, благородно-добросовѣстный, съ каждымъ новымъ представленіемъ идущій впередъ. Въ одно изъ недавнихъ представленій ему, въ последнемъ мовологѣ Полколесина, удалось почти наглядно, осязаемо дать понять психическій скачокъ въ душѣ героя, выражающійся подъ конецъ въ скачекъ физическомъ. Вообще Садовскій доводитъ постепенно этотъ тонко обработанный комикомъ типъ—до невѣроятной ясности и осязаемости.

Что касается до другихъ лицъ, то хорошъ только экзекуторъ Яичница (г. П. Степановъ), а всѣ остальные, не исключая даже глубоко уважаемаго нами М. С. Щепкина, не соответствуютъ нашимъ представленіямъ о лицахъ Гоголевской комедіи. Въ *Кочкаревѣ* проявляется слабая сторона высокаго таланта нашего комика: отмеченно, Кочкаревъ понять имъ прекрасно, но личности не выходитъ. Всякое слово, взатое въ отдѣльности, произнесено правильно, прекрасно, въ высшей степени комично,—но типа не выходитъ изъ этихъ разнородныхъ чертъ—и Кочкаревъ у Щепкина является не

лицемъ, а рычагомъ дѣйствія, между тѣмъ какъ у него есть своя личность, имѣющая право на художественное воспроизведеніе. Въ этомъ отношеніи г. Живокина, хотя и прибѣгалъ къ фарсамъ,—но обозначалъ типъ гораздо яснѣе, и, благодаря силѣ своего непосредственнаго дарованія, угадывалъ самъ и давалъ чувствовать другимъ—нѣкоторымъ, и даже многія стороны настоящаго Кочкарева. Г. Шумскаго, явившагося разъ въ Кочкаревъ, мы не видали, но по общему суду—онъ былъ слабъ въ этой роли.

Изъ *Жевакина* г. Никифоровъ, артистъ хоть и безспорно даровитый, и даже иногда способный къ созданію (конечно не мудреныхъ) типовъ (какъ напр. въ водевиляхъ: Цыганка, Ярославцы въ Бременѣ), но большею частію отдающійся своимъ натуральнымъ средствамъ,—дѣлаетъ лице, ничѣмъ не отличающееся отъ Бобчинскаго. Овцерь Ходилкинъ выходитъ каррикатуренъ у г. Турчанинова; *сваха* лучше другихъ лицъ, но далеко не типична; *мать* и *тетушка*—постоянно впадаютъ въ фарсъ или въ аффектацію.

Что касается наконецъ до «Игроковъ», то здѣсь опять заслоняетъ всѣхъ Садовскій въ маленькой роли Замухрышкина—всѣхъ, кромѣ М. С. Щепкина, превосходнаго въ роли Утѣшительнаго. Остальныя роли выполняютъ весьма слабо,—но въ цѣлости пьесы больше подходящаго къ жизни, чѣмъ въ цѣлости «Женитьбы» и «Ревизора» лучше какъ-то все сложено, хотя гармонія впечатлѣнія и нарушается подчасъ аффектированнымъ пафосомъ съ одной стороны и рутиннымъ тономъ съ другой.

Такъ идутъ у насъ пьесы Гоголя.—Ввроятно наши замѣчанія, строгія до придирчивости, но во всякомъ случаѣ—смѣемъ думать—честныя, не оскорбятъ даже самихъ гг. артистовъ, участвующихъ въ представленіи, и понимающихъ важное значеніе совершаемаго ими подвига.

«Частое повтореніе высоко-драматическихъ сочиненій»—говоритъ великій авторъ Ревизора (Переп. съ друзьями, стр. 101),—т. е. тѣхъ истинно классическихъ пьесъ, гдѣ обращено вниманіе на природу и душу человека, станутъ—необходимо укрѣплять общество въ правилахъ недвижныхъ, заставятъ нечувствительно характеры болѣе устояваться въ самихъ себѣ, тогда какъ все это наводненіе пустыхъ и легкихъ пьесъ, начиная съ водевилей и недодуманныхъ драмъ, до блестящихъ балетовъ и даже оперъ, ихъ только разбрасываетъ, разсвѣваетъ, ставитъ общество легкимъ и вѣтренымъ.»

Многозначительными словами Гоголя мы заключаемъ наши замечанія о сценическомъ выполненіи его комедій. Переходимъ теперь къ другому, завѣтному же кладу драматургіи, къ «Горю отъ ума» и къ его представленіямъ.

Говорить о значеніи «Горя отъ ума» въ нашей драматургіи, было бы совершенно излишне послѣ столькихъ статей объ этой комедіи. Неизлишнимъ считаемъ впрочемъ сказать нѣсколько словъ въ защиту ея героя, которому многіе критики отказывали даже въ опредѣленно-выразившейся личности. Мы смѣемъ думать, что критики были не совсѣмъ справедливы, и упрекая Чацкаго въ заносчивости, въ нѣкотораго рода донъ-кихотизмъ, требовали отъ него (какъ бываетъ часто) больше, гораздо больше, нежели сколько были бы въ состояніи сами выполнить. Чацкій золъ на языкъ—это отчасти его недостатокъ, притомъ недостатокъ личный,—но, хотъ и не всегда, злость его эпиграммъ находитъ совершенно достойные предметы. Кромъ того что Чацкій золъ на языкъ—онъ исполненъ настоящаго стремленія къ правдѣ; правды упорно добивается онъ отъ всего его окружающаго, правды *quand même*, не боясь ни прослыть за сумасшедшаго, ни даже,—что всего ужаснѣе для великосвѣтскаго господина—не боясь сдѣлаться смѣшнымъ. Да и смѣшенъ онъ только развѣ въ глазахъ Софьи, да нѣкоторыхъ критиковъ, которымъ непонятнымъ кажется, какъ человекъ пристаеъ къ свѣтской двушкѣ съ требованіями правды. Дѣйствительно, съ великосвѣтской точки зрѣнія смѣшно, что Чацкій, на балѣ не въ силахъ совладѣть съ своими впечатлѣніями, передаетъ ихъ въ самыхъ жесткихъ формахъ:

Чтобъ истребилъ Господь нечистый этотъ духъ
Пустаго, рабскаго, слѣпаго подражанья...

Чтобъ умный, добрый нашъ народъ

Хотя бъ по языку насъ не считалъ за вѣмцевъ....

Но войдите въ его положеніе, вспомните, что не за долго говорилъ онъ Софьѣ:

Но что теперь во мнѣ кипить, волнуеъ, бѣсится,

Не пожелаю я лютившему врагу, —

вспомните, что онъ еще вѣрить въ нее—въ эту Софью, что онъ еще по старому весь на распашку передъ нею.... Вспомните кромъ того, что вмѣстѣ съ этою любовью въ немъ съ юныхъ лѣтъ росло и зрѣло еще другое, противоположное чувство—ненависть къ условнымъ формамъ, что въ эту минуту, какъ любовь, такъ и не-

ненависть накали въ этой энергической душѣ... вспомните наконецъ, что въ подобныхъ натурахъ личныя вражды и привязанности носятъ всегда на себѣ печать общественныхъ интересовъ, и вы будете сочувствовать въ эту минуту желанію перенять кое-что у Китайцевъ. Чацкій еще врится въ Софью, т. е. въ ея натуру, но не можетъ не видѣть изъ только что бывшаго и предшествовавшихъ разговоровъ, что эта натура—повреждена, испорчена—къмъ или чѣмъ? отвѣчать не трудно. Отвѣтъ найдете вы и въ этомъ монологе Чацкаго, и въ сказкѣ князя Одоевскаго: *о томъ, какъ опасно дѣвушкамъ ходить толпою по Невскому Проспекту.*

Вообще критики, упрекающіе Чацкаго въ отсутствіи определенной личности—раздвѣляютъ, какъ намъ кажется, взглядъ на жизнь съ Софьей Павловной или съ Французикомъ изъ Бордо.

Замѣьте, что *смѣшенъ* Чацкій только Софьѣ Павловнѣ. Для Фамусова онъ—человѣкъ опасный, Молчаливъ по свойственной ему подлости, даже не доверяетъ возможности такихъ требованій отъ жизни. Сколозубу онъ страшенъ, другимъ такъ-же,—Репетиловъ чувствуетъ къ нему

влеченье—родъ недуга....

Одной Софьѣ—онъ смѣшенъ, потому что она знаетъ свое вліяніе надъ этой сильною натурою... смѣшенъ потому, что любить его она не въ силахъ. Въ ней уже все до тла испорчено, все выворочено, и не осталось ни одного живаго чувства. Различно думаютъ вообще о Софьѣ: одни приписываютъ ей и богатую натуру и глубину чувства (въ возможности), основываясь на ея послѣднихъ словахъ, обращенныхъ къ Молчалину,—другіе полагаютъ, что природа ея сама по себѣ бѣдна и ничтожна. Первые не видятъ, кажется, что ея угрозы рассказать все самой отцу, не оправдываются на дѣлѣ, ибо она молчитъ на упреки Фамусова, предполагающаго тайное свиданіе съ Чацкимъ,—и что о будущихъ отношеніяхъ ея къ Молчалину можно скорѣе предполагать съ Чацкимъ:

«Вы помиритесь съ нимъ по размышленіи зрѣломъ!»

Другіе—забываютъ, что нѣтъ столько бѣдной и ограниченной натуры, которой было бы отказано въ пониманіи человѣческаго достоинства. Дѣло въ томъ, что мы не видимъ натуры Софьи Павловны, не знаемъ этой натуры, видимъ только *извращеніе* натуры, извращеніе полное, неизлечимое, которое доходитъ до самаго равнодушнаго незнанія чего-нибудь повыше суетности. Ей одной, повторяемъ мы, Чацкій кажется не человѣкомъ опаснымъ, какъ другимъ, а человѣкомъ смѣшнымъ,—ибо она представляетъ собою крайнюю

грань обмеленія человеческой личности. И это-то существо любить Чацкій, человекъ въ полномъ смыслѣ слова, съ любовью къ правдѣ, съ враждою ко лжи.... Такое неестественное отношеніе, само по себѣ трагическое, должно однако же принять и въ дѣйствительности комическія формы, какія приняло оно въ произведеніи Грибоедова.

Выполненіе «Горя отъ ума» на московской сценѣ отличалось издавна необыкновенною цѣлостію,—да и нельзя быть иначе: «Горе отъ ума»—совсѣмъ *московское* произведеніе—и притомъ оно все разошлось на пословицы и поговорки, такъ что *никому* изъ артистовъ не позволительно не знать его наизусть. И такъ, цѣлостъ въ представленіи комедіи Грибоедова—почти идеальная:—въ особености въ третьемъ актѣ пріездъ гостей и толки о Чацкомъ, въ четвертомъ разъездъ ихъ—со многими весьма наблюдательно уловленными чертами общественной жизни въ постановкѣ (сюда принадлежать, напримѣръ—появленіе Арапки, извозчикъ Загоріцкаго, который служить вмѣстѣ и лакеемъ для своего вздока)—все это, доходить до настоящаго очарованія.

Обращаясь же къ частному анализу выполненія,—мы должны сказать, что художественно исполняются только двѣ роли: роль *Фамусова*—М. С. Щепкинымъ, и нѣмая роль кн. *Тугоуховскаго*—г. П. Степановымъ. Не задолго передъ этимъ сошла со сцены г-жа Божановская—и комедія Грибоедова лишилась третьяго художественно же выполняющагося лица—глухой няньки.

Что касается до *Щепкина* въ роли *Фамусова*, то мы не будемъ распространяться объ этой высокой даже въ недостаткахъ своихъ игрѣ,—ибо недостатки есть дѣйствительно, недостатки, зависящіе вообще отъ субъективности таланта, недостатки щепкинскіе, какъ были недостатки мочаловскіе,—но самые недостатки, т. е. излишнія вспышки *толкующаго* комизма—намъ дороги, и такъ сказать, милы.

Минуя пока *Чацкаго* и *Собяку*, перечислимъ другія лица пьесы.

1) *Молчалина* играетъ г. Колосовъ и дѣлаетъ изъ него какого-то простака.

2) Роль *Скалозуба* выполняютъ попеременно то г. *Ольгинъ*, то г. *Нямчиновъ*. Ни одинъ изъ нихъ—не настоящій Скалозубъ, но каждый по мѣрѣ силъ трудится добросовѣстно надъ ролюю—только г. *Нямчиновъ* имѣетъ слабость прибѣгать въ некоторыхъ мѣстахъ къ *форенроужу*, каррикатурности и фарсамъ, а г. *Ольгинъ* напротивъ черезъ чуръ уже ровень и однообразенъ.

3) *Репетилова* игралъ прежде даровитый г. Живокини—и хотя не былъ настоящимъ Репетиловымъ, какъ напримѣръ г. Со-сницкій, но все-таки былъ лицомъ живымъ и понятнымъ. Теперь играетъ Репетилова г. Ленскій, игравшій прежде съ гораздо болѣ-шимъ успѣхомъ роль Молчалива.

4) Изъ *Загорыцаго* г. Шумскій сдѣлалъ обыкновеннаго вод-вильнаго фата, весьма забавнаго пожалуй, но не похожаго на на-стоящій типъ, утраченный съ смертію г. В. Степанова.

За тѣмъ—чета *Горичей* выполняется довольно недурно г. В. Соколовымъ и г-жею Рыкловой, хотя послѣдняя никакъ не мо-жетъ отдѣлаться отъ своей несчастной манеры произношенія; не-дурны также старухи и забавенъ г. Никифоровъ въ роли г. Н.—Роль Лизы, горничной, играютъ многія начинающія артистки, но хорошей Лизы намъ давно не случалось видѣть.

Слѣдуетъ говорить о главныхъ лицахъ, т. е. о *Чацкомъ* и *Софьѣ*. Мнѣ случалось видѣть многихъ артистовъ въ роли Чацкаго, а именно: покойнаго Мочалова, г. Максимова на петербургской сценѣ, г. Самарина I, обыкновенно играющаго эту роль на мос-ковской сценѣ, и наконецъ г. Полтавцева. По нашему мнѣнію, печего и говорить о Мочаловѣ *сравнительно* съ исчисленными мною артистами: игра его, какъ намъ кажется—въ всякихъ срав-неній, и убѣжденіе наше,—что развѣ только отчаянные поборники великосвѣтскости могли говорить, что роль Чацкаго къ нему не шла. Точно—онъ не рисовался картинно на стульяхъ или крес-лахъ,—но за то въ каждомъ словѣ его слышались рзкій озлоб-ленный умъ и энергическое чувство. Послѣ него, только г. Пол-тавцевъ въ двѣ или три минуты роли, а въ особенности въ монологи

Въ той комнатѣ незначущая встрѣча,—

былъ тѣмъ-то дѣйствительно похожимъ на Чацкаго, и мы думаемъ, что, проникнувшись глубже ролью, и главное, отрѣшившись отъ рутинны и начитаннаго тона, г. Полтавцевъ можетъ съ успѣхомъ играть Чацкаго. Точно то же можно сказать и на счетъ игры г-жи Васильевой въ роли Софьи Павловны.

Таково исполненіе классическихъ произведеній русской драма-тургии на нашей сценѣ.—Нельзя не замѣтить здѣсь, что представ-ленія комедій Гоголя и «Горя отъ ума» имѣютъ свою, постоянную, даже довольно многочисленную и всегда внимательную публику, которая строга и взыскательна къ ихъ исполненію, потому что знаетъ наизусть и «Ревизора» и «Женитьбу» и «Игроковъ» и «Горе

отъ ума». Такая строгость должна нѣкоторымъ образомъ и ободрять артистовъ, сообщая имъ увѣренность, что трудъ ихъ въ отношеніи къ этимъ пьесамъ, въ какой бы второстепенной или даже третьестепенной роли онъ ни выказался, будетъ вполне замѣченъ и оцененъ. Публика до сихъ поръ еще помнитъ, какъ Садовскій, гениальный художникъ въ роли Подколесина, игралъ некогда въ этой же самой «Женитьбѣ» роль отставнаго офицера Ходякина, и былъ въ ней изумительно хорошъ.

Переходимъ теперь отъ этихъ постоянныхъ капиталовъ сцены къ явленіямъ ежедневнымъ и ежедневно смѣняющимся. Здѣсь о драматургіи не можетъ быть рѣчи: здѣсь драматургія—искусство подчиненное сценѣ,—и впечатлѣнія наши мы по неволѣ должны приковывать къ личностямъ артистовъ 1) драматическихъ и 2) комическихъ.

С Н Ъ С Ъ.

МЫСЛИ И ЗАМѢЧАНІЯ,

вызванныя картинами учениковъ Императорской С.-Петербургской Академіи Художествъ, бывшими на выставкѣ въ 1851 году.

Въ продолженіи осени и зимы въ кружкахъ петербургскаго образованнаго общества главнымъ предметомъ разговоръ обыкновенно бываетъ итальянская опера; но нынѣшнею осенью, въ продолженіи всего октября и въ началѣ ноября не мало занимала насъ также выставка Академіи Художествъ. Въ наше время сказать, что я не люблю музыки, значить отдать себя на общее вещадное осмѣяніе. Впрочемъ я не скажу этого не изъ боязни быть осмѣяннымъ, а потому, что убѣжденъ въ сильномъ и прекрасномъ влияніи музыки на сердце человѣка и вкусъ общества; но при всей глубокости этого убѣжденія — пусть назовутъ меня варваромъ, вандаломъ! — я долженъ по совѣсти сказать, что итальянская опера, среди шумныхъ восторговъ отуманенной публики, часто производитъ во мнѣ какое-то грустное ощущеніе. Наша опера — не наша; она создана чужимъ гениемъ, исполняется чужими талантами, передается намъ на чужомъ языкѣ. Нѣтъ! лучше погуляемъ по Академіи Художествъ. — «Тамъ русскій духъ, тамъ Русью пахнетъ!» Да, между многими отраслями умственной дѣятельности, кажется, ни одна не даетъ намъ столько правъ и поводовъ гордиться своими успѣхами, какъ художества, — а съ ними нераздѣльно связана слава Академіи. И надобно признаться, что народъ русскій сочувствуетъ этимъ успѣхамъ. Посмотрите, какое множество народа всѣхъ званій стекается на академическія выставки; послушайте, какіе толки, какіе жаркіе споры вездѣ идутъ объ искусствахъ! Но скажутъ намъ: «да эти толки и вкось и вкривь.» — Нужды нѣтъ! Пусть толкуютъ криво, — скоро будутъ толковать прямо. Помните, кто у насъ говорилъ объ изящныхъ искусствахъ за 25 лѣтъ назадъ; они составляли предметъ разговора только маленькаго исключительнаго кружка людей; а все-таки толки объ нихъ

не были прямѣ теперешнихъ. Вспомнимъ при этомъ, давно ли жилъ пашъ первый основатель русской школы живописи—Угрюмовъ? Давно ли тѣсный кругъ живописцевъ ограничивался только непосредственными его нѣсколькими учениками? А теперь мы уже видимъ многочисленную семью, такъ сказать, правнуковъ его по искусству, которые съ каждымъ годомъ множатся, растутъ и укрѣпляются; мы давно уже видимъ не попытки живописи, ваянiя и зодчества, а такія созданiя, которыя могутъ стоять рядомъ съ произведенiями тѣхъ странъ, гдѣ искусства вѣками утверждали свое владычество. И это не фразы, не хвастовство голословное. Нѣтъ! мы можемъ указать на дѣйствительную быль, свидѣтелями которой еще не давно были всѣ жители Петербурга и даже многіе иностранцы. Прошедшею весной мы два мѣсяца разсматривали и сравнивали произведенiя скульптуры и живописи всѣхъ школъ.

Странное дѣло! Когда въ Петербургъ разнесся слухъ, что въ Академіи Художествъ предполагено открыть выставку рѣдкостей, что между этими рѣдкостями будутъ поставлены многія картины русскихъ живописцевъ на ряду съ произведенiями знаменитѣйшихъ художниковъ Италіи, Испаніи, Голландіи и Франціи;—тогда и конца не было толкамъ самымъ страннымъ. Всякій, разумѣется, толковалъ по своему; но всѣ вообще кричали: какъ можно ставить рядомъ произведенiя нашихъ художниковъ съ знаменитыми художниками; это убьетъ нашихъ ваятелей и живописцевъ. Но когда увидѣли выставку, разсмотрѣли ее, то эти толки приняли другой видъ, другой характеръ; приговоры приходили въ большее равновѣсіе, и наконецъ образовалось, почти общее, мнѣніе такое, что наши художники въ этомъ славномъ бою не упали; но я позволяю себѣ думать, что они даже много выиграли отъ этого сравненiя. Здѣсь конечно рѣчь идетъ не о превосходствѣ тѣхъ или другихъ художниковъ; такое сравненiе показало бы незнаніе исторiи. Кажется, нѣтъ надобности доказывать, что каждый періодъ исторiи искусствъ имѣетъ свое направленіе, свой характеръ, свои преимущества и свои недостатки, которые естественно проистекаютъ изъ господствующихъ идей и характера вѣка, и каждый художникъ имѣетъ свои особенности. Такъ, напримѣръ, современная живопись не всегда можетъ выдержать сравненiе съ старыми школами въ изображенiи лицъ и дѣйствій священныхъ и религіозныхъ: намъ не дается міръ идеальный;—конечно здѣсь, какъ и во всемъ, есть исключенiя;—за то новая школа лучше понимаетъ и изображаетъ міръ дѣйствительный. Короче, эта выставка и это сравненiе доказали, что наши русскіе художники заняли то мѣсто во всеобщей исторiи изящныхъ искусствъ, которое указано

нимъ въкомъ. Надо однако замѣтить, что на этой выставкѣ не было ни одного изъ тѣхъ колоссальныхъ созданій, которыя, можно сказать, составляютъ нашу народную гордость, какъ, напримѣръ: *Взятіе на небо Божіей Матери*, что въ Казанскомъ соборѣ, *Распятіе*—что въ Петропавловской лютеранской церкви, *Послѣдній день Помпеи*—Брюлова; *Моленіе о Чашѣ*, *Покровъ* и *Мѣдный змій*—Бруни; *Иисусъ въ вертоградъ съ Магдалиной*—Иванова, и многія другія. При всемъ томъ надо было видѣть эту непроходимую тѣсноту передъ многими русскими картинами, чтобъ понять тотъ восторгъ, какой онѣ производили. Я не говорю о Брюловѣ, Айвазовскомъ и другихъ любимцахъ всего образованнаго общества, которые давно уже завладѣли вниманіемъ любителей искусства; вѣтъ, мы все помнимъ и не можемъ забыть ни *Читателей газетъ*—Кипренскаго, ни *Плачущей женщины*—Капкова, ни *Двушки передъ образомъ*—Михайлова, ни *Портретовъ*—Зырянки, ни *Мертваго моря*—Воробьева, ни *Сиротъ на могилѣ родителей*—Маркова.

Впрочемъ настоящая выставка далеко не имѣетъ, да и не можетъ имѣть, такой высокой важности; она имѣетъ совсѣмъ другаго рода важность и занимательность; потому что она, если не исключительно, то, по крайней мѣрѣ, по преимуществу, ученическая; слѣдовательно, представляетъ ручательство будущихъ успѣховъ надеждъ молодаго поколѣнія. Для людей, уже пожившихъ на свѣтѣ, видѣвшихъ и знающихъ прошедшее, пріятно и весело разсматривать будущее въ зародышахъ его. Въ этомъ отношеніи они имѣютъ большое преимущество передъ тѣми, у которыхъ вѣтъ еще или очень мало прошедшаго. Такъ Провидѣніе вознаграждаетъ убытокъ жизни и упадокъ физическихъ силъ. Вотъ уже болѣе тридцати лѣтъ смотрю я на дѣятельность Академіи Художествъ, и двадцать шесть лѣтъ прошло, какъ судьба доставила мнѣ счастье быть участникомъ въ образованіи юныхъ художниковъ, когда при Академіи было воспитательное заведеніе; съ тѣхъ поръ живо помню всѣхъ талантливыхъ ея питомцевъ. Многіе изъ нихъ уже прельзуются извѣстностію и громкою славою; многіе, подобно пчеламъ, работаютъ въ счастливой тиши на пользу обществу. Съ любовью оглядываюсь на прошедшее, съ любовью смогру на настоящее и съ радостью заглядываю въ будущее.

Можетъ быть, нѣкоторымъ изъ читателей спросить: что радуетъ меня въ будущемъ?—Очень многое! Когда знаменитые наши художники были, для дальнѣйшаго изученія искусствъ, въ Италиі—отечествѣ художествъ, прежде всего подавали о себѣ вѣсь прекрасными копіями превосход-

ныхъ образцовъ, этими точными переводами безсмертныхъ творений. Какъ они оправдывали и оправдываютъ тѣ надежды, которыя возбуждали этими переводами въ любителяхъ изящныхъ искусствъ, вѣтъ известно. На послѣдней выставкѣ мы также видѣли три копии, присланныя молодыми художниками изъ Италіи: 1-я съ фрески Рафаэля Санціо д'Урбино: *Законовъденіе*, писанная г. Деладвезомъ; 2-я съ картины Тиціана: *Убіеніе Св. Петра Доминикина*, писанная г. Борнепольцемъ, и 3-я съ картины Перуджино: *Богоматерь съ Предвѣчными Младенцами*, писанная г. Шаповаленко. Будущее впереди, и мы не можемъ видѣть его ясно, въ опредѣленныхъ видахъ; но нельзя не радоваться, смотря на эти копии, нельзя не признать въ нихъ замѣчательнаго искусства; въ нихъ такъ много особенностей, что зритель, не зная оригиналовъ, готовъ ручаться за сходство ихъ. Такая передача гениальныхъ произведеній не удастся людямъ безъ замѣчательныхъ дарованій и твердаго искусства. Чтобъ опредѣлить, которая изъ этихъ копій выше и которая ниже другихъ, для этого надобно имѣть налицо подлинники, и при томъ нужно было бы посвятить такому сравненію особую и большую статью, потому что характеры этихъ картинъ совершенно различны, такъ что каждая изъ нихъ имѣетъ свое особенное значеніе въ исторіи искусства; а о произведеніяхъ знаменитыхъ художниковъ нельзя судить безъ опредѣленія ихъ историческаго значенія.

Пропустимъ рядъ портретовъ, писанныхъ учениками профессоровъ Маркова и Бруви, не потому, чтобъ они не заслуживали вниманія и обсуживанія. Нѣтъ! нѣкоторые изъ нихъ обнаруживаютъ замѣчательную талантливость и возбуждаютъ пріятныя ожиданія и надежды, и увѣнчаны академическими наградами. По моему личному мнѣнію первое мѣсто между ними принадлежитъ *Жницъ*—г. Бранта; это превосходный образецъ восточной красоты. Но подождемъ большаго утвержденія молодыхъ художниковъ въ искусствѣ. Обратимся теперь къ тѣмъ картинамъ, которыя написаны на данныя темы или программы. Я намѣренъ поговорить объ нихъ нѣсколько подробнѣе, во-первыхъ, потому, что столкновеніе людей съ желаніями, убѣжденіями и стремленіями всегда пробуждаетъ въ насъ живое участіе, и пробуждаетъ въ художникѣ духовную дѣятельность несравненно сильнѣе, нежели отдѣльныя лица, находящіяся въ покоѣ, и особенно лица встрѣчныя; во-вторыхъ, я намѣренъ это сдѣлать по личной моей слабости, которая вѣроятно происходитъ отъ долговременной привычки учить: виновать, люблю, когда молодой человѣкъ хорошо понимаетъ предлагаемые ему вопросы, и умѣетъ отвѣчать на нихъ ясно и отчетливо, особенно, ежели онъ,

подчиняя дѣятельность своего ума чужой мысли, съумѣетъ сохранить силу и характеръ своего самомышленія; мнѣ кажется, такимъ образомъ онъ пріучается узнавать и соразмѣрять свои силы и примѣнять ихъ къ требованіямъ общества. Такой человекъ, сдѣлавшись въ послѣдствіи самостоятельнымъ производителемъ, творцемъ, и даже, ежели Творецъ небесный далъ ему достаточныя для того силы, двигателемъ своего искусства, не отдѣлится отъ того общества, въ которомъ ему суждено жить и дѣйствовать; онъ никогда не будетъ чуждъ этого общества, всегда будетъ повягень, какъ бы ни былъ высокъ. — Каждый изъ насъ прежде всего человекъ и гражданинъ, а потомъ уже художникъ, медикъ, учешій, ремесленникъ и т. п. Отъ чего часто люди даровитые, или только воображающіе себя даровитыми, становятся въ какое-то ложное враждебное отношеніе къ людямъ, которые неодинаково съ ними думаютъ? — Отъ того, что они не прилажены къ обществу; имъ не дано такой грани, которая бы приходилась къ этимъ извилистымъ условіямъ общежитія; они слишкомъ рано отдѣлились отъ мысли, которая должна руководить каждаго во всѣхъ дѣлахъ, мысли самой простой и естественной, что всѣ мы члены одного организма — общества; словомъ: они не воспитаны. Главный отличительный признакъ такихъ людей — неумѣнье разговаривать. Они, пожалуй, могутъ говорить много и даже хорошо и связно; но слушать, отвѣчать — не ихъ дѣло. Однако пора и о картинахъ сказать что-нибудь.

Начнемъ съ той, содержаніе которой не такъ близко къ намъ: *Римлянка грудью кормитъ отца своего, осужденнаго на голодную смерть*. Эта картина написана ученикомъ профессора Бруни г. Волковымъ, который удостоенъ за нее 2-й серебряной медали. Подобныя картины всегда производятъ на зрителя двойное дѣйствіе: какъ эпизодъ изъ исторіи и какъ созданіе художника. Первое пробуждаетъ въ насъ историческія воспоминанія; второе или радуется насъ своими совершенствами, или огорчаетъ недостатками. Смотри на картину г. Волкова, невольно увлекаешься патриархальною простотою римскихъ нравовъ, когда дѣти почитали священными свои отношенія къ родителямъ, и, при всей ихъ строгости, охотно, со всею готовностію, съ любовью и съ самоотверженіемъ принимали на себя такія обязанности, къ которымъ никто не могъ неволить ихъ. Дочь, которая сама уже мать, лишая свое дитя естественной его пищи и подвергалась опасности, тайно кормитъ отца собственной грудью. Это такое высокое, нравственное явленіе, которое можетъ умиливать самое черствое сердце! И молодой художникъ (ученикъ), кажется, глубоко прочувствовалъ свой предметъ

и сильно воодушевился имъ. На картинѣ его голодный старикъ съ жадностію втягиваетъ въ себя и съ поспѣшностію глотаетъ спасительную пищу; онъ съ какою-то изступленною благодарностію смотритъ на нѣжную дочь; во взорѣ его видна каная-то смѣсь зѣвски-алчной радости проголодавагося и высокой нѣжной любви отца, который гордится такою дочерью. — Молодая женщина одной рукой придерживаетъ полную грудь, нажимая ее, чтобъ молоко скорѣе изливалось, потому что она боится, что, ежели ее подстерегутъ, то лишатъ возможности исполнять это святое дѣло — питать отца, умирающаго голодною смертію. Она съ надеждою и страхомъ смотритъ на дверь; на лицѣ ея выражается какое-то неопредѣленное сладко-мучительное напряженіе; она радуется, она нетерпѣливо желаетъ, чтобы молоко быстро лилось изъ груди; она съ боязнію смотритъ и слушаетъ, надѣется и страшится. Не смотря, такъ сказать, на изношенность этого содержанія, молодой художникъ умѣлъ найти въ немъ занимательность, потому что онъ чувствовалъ. Эта молодая женщина, прелестная по своимъ формамъ, увѣнчана такою высокой нравственной красотою, которая заставляетъ зрителя задуматься о могуществѣ и превосходствѣ женскаго сердца.

Картина, изображающая *Юдию при выходѣ изъ городскихъ воротъ* — г-на Пльшанова, какъ произведеніе ученика, имѣетъ свои достоинства, и при другихъ обстоятельствахъ могла бы имѣть болѣе успѣха; но жаль, что въ этой картинѣ замѣтенъ недостатокъ чувства: въ лицѣ собственно Юдиинѣ нѣтъ той восторженной рѣшимости, которая должна была одушевлять ее; лица, окружающія Юдию, холодны и неопредѣленны.

Картина, представляющая *Одиссея, возвратившагося въ домъ свой и узнаннаго кормилицею*, написана Г. Бровниковымъ, ученикомъ профессора Маркова. Паллада, постоянно покровительствовавшая и хранившая Одиссея во всѣхъ опасностяхъ, превратила его въ старика для того, чтобъ никто не узналъ его дома, но видно и богиня мудрости не всегда предусмотрительна; она забыла о старой ранѣ на ногѣ Улисса. Онъ дома, и никѣмъ не узнавъ; а это ему очень нужно было. Старуха, по обычаю древняго гостепріимства, посадивъ его покойно, моетъ ему ноги; и вдругъ видитъ на лѣвой ногѣ знакомый рубецъ отъ старой раны. — Она съ испуганною радостію смотритъ въ лице гостя, и узнаетъ въ немъ своего паря; встревоженный Улиссъ быстрымъ движеніемъ руки запрещаетъ ей говорить, и въ то же время въ испугѣ устремляетъ тревожный взоръ на женщину, по видимому хозяйку, сидящую въ сторонѣ. Выраженіе этихъ двухъ лицъ превосходно. Зритель читаетъ на нихъ все, что должны были чувствовать эти люди,

которые были некогда столь близки, которые не видались многие годы, и, можетъ быть, потеряли уже надежду видѣться, и вдругъ встрѣтились такъ странно. Этотъ молчаливый, но исполненный живыхъ движеній сердца, разговоръ поразительно ясенъ и отчетливъ! Надо однако же замѣтить, что Улиссъ и въ естественномъ своемъ видѣ долженъ быть старше того, какимъ онъ изображенъ на картинѣ; Омиръ описываетъ его и подъ стѣнами Иліона опытнымъ, мудрымъ совѣтникомъ; теперь прибавьте къ тому годы его странствованія, прибавьте превращеніе его въ старика, сдѣланное богиней Палладой, и онъ будетъ *маститый старецъ*. А на картинѣ г-на Бронникова мы видѣли мужчину среднихъ лѣтъ. Но кто эта молодая женщина? Неужели это Пенелопа, мать Телемака? Нѣтъ, эта молодлица не можетъ быть матерью юноши, уже развернушагося въ своихъ силахъ! Да притомъ греческіе обычай едва ли могли позволить ей присутствовать при этомъ обрядѣ гостепріимства? Для художника недостаточно изобразить выраженіе чувствованій и страстей дѣйствующихъ лицъ; онъ долженъ изучить ихъ эпоху, ихъ жизнь, личное значеніе, состояніе, положеніе и отношенія; короче: истина есть первое основное начало всякаго изящнаго произведенія, а ея-то здѣсь и недостаетъ. Ежели этотъ недостатокъ есть простое естественное слѣдствіе незнанія или неполнаго изученія предмета, то это зло еще не слишкомъ опасно; отъ него, такъ же какъ и отъ молодости, легко избавиться. Но ежели это манера, то есть, умышленное направленіе жертвовать истинною внѣшней красотъ, щегольству, то чувство истины и любовь къ изящному заставляютъ меня сказать жестокою правду, что нерѣдко замѣчательные и сильные таланты очень много теряютъ во всѣхъ родахъ искусствъ отъ этого ложнаго направленія.

Снятіе съ дерева св. Севастіана, узвѣннаго стрѣлами, писали трое изъ учениковъ г-на профессора Маркова и одинъ г-на профессора Бруни. Не знаю, въ какой мѣрѣ я правъ или не правъ въ томъ убѣжденіи и мнѣніи о выборѣ предметовъ для молодыхъ художниковъ, которыя намѣренъ высказать теперь кстати; но во всякомъ случаѣ, ежели мнѣ докажутъ неосновательность ихъ, я готовъ сознаться въ ошибкѣ. Мнѣ кажется, что эта тема или программа есть самая приличная для учениковъ, еще не утвердившихся въ искусствѣ; потому что содержаніе ея не можетъ быть слишкомъ сложнымъ, и притомъ не представляетъ соблазна къ изысканной, напряженной поразительности (эффектамъ); однако такіа задачи заставляютъ ученика задуматься, какъ надъ самымъ сочиненіемъ картины, такъ и надъ выраженіемъ; но вмѣстѣ

съ тѣмъ здѣсь нѣтъ ничего недоступнаго для молодого человѣка; здѣсь нѣтъ надобности въ глубокомъ изученіи страстей, которое часто бываетъ необходимо при изображеніи историческихъ лицъ и дѣйствій; не нужна и та священная восторженность, которая дается немногимъ, равно какъ для многихъ недосыгаема идеальность, необходимая для изображенія божественныхъ лицъ. Правда, художникъ, представляющій подобнаго рода картины, проигрываетъ въ мнѣніи любителей сильныхъ ощущений; его замѣтятъ и поймутъ не многіе; но истинное искусство дается только тому, кто любитъ его безъ всякихъ постороннихъ условий и отношеній, кто находитъ отраду въ совершенствахъ своего произведенія независимо отъ того, понято оно или непонято. Такой художникъ не довольствуется удачнымъ созданіемъ произведенія; онъ заботится, такъ сказать, воспитать его, чтобъ оно свидѣтельствовало предъ обществомъ образованнымъ о чистомъ вкусѣ, о высокомъ нравственномъ чувствѣ и уваженіи къ челоуѣчеству его творца. Для созданія картины нуженъ даръ или талантъ; а для такою воспитанія его нужна любовь къ искусству, любовь горячая и при томъ разумная. Конечно мы всѣ любимъ свои произведенія; но мы любимъ ихъ потому, что они наши, потому что мы себя любимъ; а истинный художникъ и себя самого любитъ и жизнь свою цѣнитъ болѣе и выше съ тѣхъ поръ, и потому и для того, что онъ создалъ и впредь будетъ создавать прекрасное. Онъ скорбитъ и страдаетъ за недостатки своего созданія; отъ того иногда долго дѣлаетъ свою мысль, какъ бы боясь съ нею разстаться; и когда наконецъ рѣшается дать ей формы, то съ какимъ-то страхомъ заботится о правильности и стройности ихъ, подчиняетъ ихъ законамъ природы, законамъ духа челоуѣческаго, нравственнымъ законамъ общества и законамъ вкуса. Законы моды и условныя или случайныя увлеченія, временныя требованія могутъ покорить только такого художника, который не имѣетъ силы воли и твердаго характера, или такого челоуѣка, который увлекается болѣе тщеславіемъ или разсчетами, нежели любовію къ искусству. — Ученики, написавшіе св. Себастіана, всѣ болѣе или менѣе поняли данную мысль, но поняли ее не одинаково, и выполнили не ровню. Мнѣ кажется, г. Мартыновъ удачнѣе всѣхъ исполнилъ свое дѣло.

Картина, представляющая *блудницу предъ Іисусомъ Христомъ*, исполненная г. Тютрюмовымъ, ученикомъ г. профессора Басина, и другая, *Воскресеніе Христова*, написанная г. Ксенофонтовымъ, ученикомъ г. профессора Бруни, будучи далеко не равны по достоинствамъ своимъ, обѣ обнаруживаютъ одинъ общій недостатокъ, который очевн

естественно происходитъ отъ того, что содержаніе картинъ не по силамъ молодымъ людямъ, еще не утвердившимся въ дѣлѣ искусства. Конечно, при изображеніи божественныхъ лицъ, вѣра есть главный источникъ вдохновенія; она возвышаетъ душу до того высокаго созерцанія предметовъ невидимыхъ, подъ вліяніемъ котораго художникъ представляетъ Божество въ образѣ челоуѣка, такъ сказать, обожествленнаго. Но чтобы образъ, созданный художникомъ, имѣя вещественныя формы челоуѣка, одареннаго всеми внѣшними совершенствами, былъ свободенъ отъ присутствія страстей, не бывши холоднымъ; чтобы строгое, величественное спокойствіе лица и всей постановки изображенія не напоминало безчувственнаго равнодушія и не противорѣчило божественному пламени благодатной любви ко всему созданію, — это съ одной стороны есть завидный удѣлъ весьма немногихъ счастливицевъ, одаренныхъ силою творческаго генія, который сближаетъ челоуѣка съ Божествомъ; съ другой — это пріобрѣтается долгимъ, терпѣливымъ, глубокимъ изученіемъ геніальныхъ образцовъ и многого, что относится къ законамъ искусства, особенно исторіи предмета. Картина можетъ имѣть правильный рисунокъ, естественный колоритъ, и соответствовать всемъ условіямъ техники искусства, и при всемъ томъ можетъ отзываться посредственностію; она даже можетъ имѣть выраженіе, высказывать все, что мы находимъ въ природѣ челоуѣка; но нисколько не напомнитъ собою божественнаго назначенія своего. Можетъ быть, я и ошибаюсь, но таково мое убѣжденіе. Можно ли терпѣливо смотрѣть на актера, когда онъ, не довольствуясь своими скромными ролями, которыя выполняетъ съ желаемымъ совершенствомъ, беретъ роль выше своихъ силъ и средствъ? Само собою разумѣется, что тогда самыя усилія его, похвальныя въ другомъ случаѣ, будутъ непріятны, тягостны.

Вотъ двѣ картины, которыя болѣе всѣхъ другихъ останавливали и занимали посѣтителей Академіи; передъ ними каждый день отъ начала и до конца выставки безпрестанно была непроходимая тѣснота, и всегда мнѣнія раздѣлялись въ пользу той и другой. Здѣсь не было ни толковъ, ни споровъ о недостаткахъ картинъ; здѣсь спорили только о превосходствѣ той или другой. И эти споры были умѣстны, сравненія очень кстати; обѣ картины одинаковаго содержанія, написаны на одну тему, но выполнены совершенно различно. Эти картины представляютъ первыхъ мучениковъ въ Россіи за вѣру христіанскую, св. Феодора и св. Иоанна. Г. Тимошевскій кончилъ свою картину вполне, и она удостоена награды 1-ю золотою медалью; г. Сорокинъ представилъ

свою картину не оконченною: нѣкоторыя лица на ней только подмалеваны; но при всемъ томъ выраженіе ихъ и значеніе или участіе въ общемъ дѣлѣ событія ясно обозначены. Одно изъ главныхъ различій между этими картинками, которое прежде всего бросается въ глаза—разность школь, къ которымъ хотять принадлежать будущіе художники: г. Тимошевскій при соблюденіи условій, которыхъ требуетъ современное состояніе искусствъ, хочетъ удержать классическую строгость внѣшней отдѣлки; потому онъ представилъ всѣ фигуры, составляющія картину, въ довольно богатой, по времени происшествія, одеждѣ, и въ такихъ положеніяхъ, которыя, не противорѣча отношеніямъ ихъ къ событію, не оскорбляютъ самаго взыскательнаго вкуса. Жертва изувѣрства, христіанинъ отецъ, пожилой мужчина, но здоровый и сильный, готовый на мученическую смерть, закрываетъ собою сына; вышитая рубаха его отъ ворота до пояса разодрана изступленными мучителями, которые влекли его къ костру; онъ видитъ, что на него уже направлены послѣдніе неизбѣжные удары орудіи смерти; но безстрашенъ стоитъ со взоромъ полнымъ вѣры и устремленнымъ къ Богу вѣчному. У ногъ его лежитъ его сынъ, едва вышедшій изъ отроческихъ лѣтъ, который, видя опасность отца, простираетъ къ нему правую руку, хватаетъ его за подолъ и усиливается увлечь изъ-подъ смертельнаго удара рогатины, занесенной на мученика отца. Выраженіе лица юнаго мученика не чуждо ужаса; но въ этомъ ужасѣ нѣтъ ни малѣйшаго слѣда малодушной робости; онъ знаетъ и вѣритъ, что смерть не конецъ жизни: она отворяетъ ему входъ въ жизнь вѣчную; его ужасъ есть послѣдняя дасть чувствамъ сердца, связямъ земнымъ; ибо онъ видитъ: съ одной стороны ужасная рогатина подпята на его отца, а съ другой отчаянная мать, желая спасти его, подвергается опасности. Фигура этой женщины прекрасна и трогательна. При другихъ обстоятельствахъ и условіяхъ можно бы было въ ней замѣтить и даже осудить излишнее, по видимому, спокойствіе для жены и матери, которая видитъ неизбѣжную гибель мужа и сына; но она вѣрующая христіанка, которая въ мученической смерти мужа и сына видитъ не гибель, а торжество вѣры; а потому сердце ея скорбитъ, разрывается, но духъ, возвышенный вѣрою, бодрствуетъ. Молодой художникъ не искалъ средствъ поражать и ужасать зрителя. Лица убійцъ задуманы и выполнены глубже и выше, нежели можно требовать отъ ученика. Взгляните, на примѣръ, на этого свирѣпаго и сильнаго мужика, который занесъ рогатину на мученика—отца; съ какою холодною злобою и съ какою увѣренностію въ своей силѣ онъ опускаетъ свое

орудіе! Вы видите, что ему не нужно ни напрягать силы свои, ни повторять ударъ. Г. Сорокинъ стоитъ ближе къ, такъ называемой, натуральной школѣ: онъ изобразилъ обоихъ мучениковъ обнаженными; они лежатъ полуживые, полумертвые; на лицахъ обоихъ видно глубокое страданіе; старикъ уже смертельно раненъ ножемъ, изъ него течетъ кровь; онъ слабъ и изнуренъ; юноша, какъ слабая готовая жертва, безъ сопротивленія и безъ движенія ждетъ съ ужасомъ послѣдняго удара поднятаго на него топора. Убийцы, вооруженные ножами и топорами, представлены разъяренными фанатическимъ изступленіемъ. Смотря на эту картину, кажется, слышишь неистовый крикъ свирѣпой пыльной черви.

Посѣщая часто академическую выставку, я всегда останавливался передъ этими двумя картинами, и нерѣдко бывалъ невольнымъ слушателемъ сравненій ихъ. Въ сравненіяхъ показались мнѣ очень странными два обвиненія, — которыя впрочемъ гдѣ-то высказаны и печатно, — противъ г. Тимошевскаго; одно относилось къ общему характеру картины его, а именно: «зачѣмъ живописецъ далъ страдальцамъ это величавое спокойствіе?» другое: «зачѣмъ онъ ввелъ въ свою картину женское лице?» — «Эта, по словамъ судей-сравнителей, неумѣстная строгость лицъ, находящихся въ страдательномъ положеніи, *отзывается школьною заученностію*, а женщина, отвлекая зрителей отъ главныхъ лицъ, *поглощаетъ все ихъ вниманіе*, такъ что это вводное лице дѣлается какъ бы главнымъ. Тогда какъ въ картинѣ г. Сорокина все просто и естественно, у г. Тимошевскаго во всемъ видна заботливость, слѣдовательно работа». Странное дѣло! У насъ такъ рано родилась и такъ быстро развивалась критика, что опередила и науку искусства; а между тѣмъ мы доселѣ еще не научились находить и указывать достоинства ни въ литературныхъ, ни въ художественныхъ произведеніяхъ, правящихся намъ, не унижая другихъ, которыя не имѣли счастья намъ понравиться. Ежели мы рѣшаемся что-нибудь похвалить, — что впрочемъ бываетъ нечасто, — то эта похвала или выливается въ безотчетныхъ лирическихъ восторгахъ, такъ что мы послѣ длинныхъ, длинныхъ, ничего необъясняющихъ предисловій, въ которыхъ говорится обо всемъ, кромѣ того предмета, о которомъ общались говорить, прокричимъ: превосходно, чудесно, неподобно, божественно, и все тутъ; или, для показанія и истинныхъ и мнимыхъ достоинствъ какого-либо произведенія, ставимъ его въ паралель съ другимъ, которое по нашему мнѣнію заслуживаетъ осужденіе, и говоримъ: такой-то господинъ этого не понялъ, этого не сдѣлалъ, въ

втомъ ошибся; слѣдовательно хвалимое нами произведеніе хорошо. Конечно, на повѣрку выходитъ только то, что на безлюдь и Ома дворяннѣ; но намъ какое дѣло? мы свое сдѣлали, и правы. Ужь ежели одна лишняя правда сорвалась съ пера, такъ пусть и другая идетъ за ней. Вѣдь всѣмъ извѣстно, что наши критики болѣе сердятся, бранятся, нежели ласкаютъ и одобряютъ; по этому бы можно было заключить, что мы, по крайней мѣрѣ, большіе мастера бранить. Казалось бы такъ, но дѣло не ладитъ съ логикой: мы и тутъ безъ опоры на не уместныя сравненія не далеко идемъ. Хотимъ ли, напримѣръ, поругаться надъ костями какого-нибудь стараго писателя,—до чего мы охотники страстные,—мы сравниваемъ его съ Пушкинымъ, съ Гоголемъ и знать не хотимъ, что они принадлежатъ къ разнымъ періодамъ и различнымъ школамъ. Хотимъ ли потазать современнаго сочинителя, который пришелъ не по праву намъ, тотчасъ поставимъ его рядомъ съ какимъ-нибудь авторитетомъ; а коли на этотъ случай не достало своего, схватимъ какого-нибудь знаменитаго нѣмца, француза, или англичанина, да и давай давить неосторожнаго земляка всею тяжестью заграничной знаменитости.— Впрочемъ дѣло не въ томъ. Ежели картина г. Сорокина хороша, то слѣдуетъ ли изъ этого, что другая, отличающаяся отъ нея, дурна? Постараемся обѣимъ отдать справедливость, не основывая своихъ сужденій на сравненіи ихъ по чертамъ.

Въ картинѣ г. Тимошевскаго дѣйствительно замѣтны тщательность, заботливость и терпѣливая обработка; но давно ли всѣ эти условія сдѣлались недостатками въ искусствѣ? Во-первыхъ, все это выражаетъ вообще любовь къ своему дѣлу, которая почти всегда ручается за будущій успѣхъ; во-вторыхъ, молодой живописецъ не рассчитывалъ въ своемъ произведеніи на одну только тщательную отдѣлку внѣшней стороны; нѣтъ! въ картинѣ его много чувства, душевной теплоты, много правды, много творческой силы.—А ежели всѣ эти свойства согрѣты любовію художника къ совершенству своего созданія, то они составляютъ самую высокую похвалу его. И притомъ смѣю надѣяться, и даже вполне увѣренъ, что намъ не могутъ доказать, чтобъ можно было назвать недостаткомъ или порокомъ въ ученикѣ строгое исполненіе законовъ науки или требованій школы; хорошая школа, чуждая предразсудковъ и ложныхъ началъ,—самое вѣрное ручательство за твердость въ искусствѣ. Въ наукѣ и въ искусствахъ такъ же, какъ и въ жизни, есть законность, есть и беззаконность; и кажется нѣтъ, надобности доказывать, чему ученикъ долженъ слѣдовать. Ежели въ худож-

никъ есть истинное дарованіе и призваніе къ искусству, то онъ сумѣетъ, когда разовѣетъ свое самосознаніе и утвердится въ исполненіи задачъ, освободиться отъ буквальности правилъ, не нарушая смысла задачи и законовъ искусства. А кому не надо столько силъ, чтобъ быть самостоятельнымъ художникомъ, тому нѣтъ надобности и освобождаться отъ требованій школы. Такимъ образомъ, смотря на картину г. Тимошевскаго, нельзя не замѣтить того очень важнаго обстоятельства, что онъ и теперь уже, строго сохраняя условія, лежащія на ученикѣ, сумѣлъ выказать свою самостоятельность: онъ въ лицѣ матери молодаго мученика ввелъ прекрасный трогательный эпизодъ картины. Зритель читаетъ въ ея лицѣ, въ ея движеніяхъ тайныя муки материнскаго сердца и борьбу связей земныхъ, кровныхъ, съ союзомъ небеснымъ, съ вѣрою! И этотъ эпизодъ не только не замедляетъ хода общаго дѣйствія, не развлекаетъ вниманія, не отнимаетъ занимательности, какъ утверждали нѣкоторые, но всему этому много содѣйствуетъ. Присутствіе женщины вноситъ въ картину нѣжность и мягкость—эти необходимыя стихіи жизни, безъ которыхъ она не имѣетъ полноты и стройности, и такимъ образомъ избавляя мужчину отъ исполненія стремленій сердца, предназначенныхъ женщиной самимъ Творцемъ, даетъ ему возможность быть вполнѣ мужчиной, каковымъ здѣсь представленъ отецъ-мученикъ; онъ поставленъ въ положеніе сильнаго; онъ закрываетъ сына, еще слабаго, своимъ твердымъ тѣломъ, и не уклоняется отъ роковаго удара, направленнаго на него, и, не могши спасти свою жизнь, отдаетъ ее не на жертву идолу, а въ руки Божественнаго Мученика, въ котораго онъ твердо вѣритъ, возносясь къ Нему духомъ. Женщина по самому уже этому своему значенію не развлекаетъ вниманія, а приковываетъ его къ общему страданію, которое она раздѣляетъ всею силою материнскаго сердца и всею любовію жены и христіанки. Она тогда только можетъ *поглощать* и *развлекать* вниманіе зрителя, когда трогаетъ не чувствительность, а чувственность его. Не помню, кто-то высказалъ такую мысль: *если бы мы, вмѣсто отца и матери, имѣли двухъ отцевъ, т. е. если бы женщина и чувствовала и думала точно такъ же, какъ мужчина; то мы не могли бы быть ни добрыми, ни счастливыми.* Что же касается до исторической стороны вопроса о возможности присутствовать женщинамъ при столь общественномъ событіи, то, не принимая на себя рѣшать такой важный вопросъ, смѣю думать, что затворничество женщинъ было у насъ (если было), татарскимъ подаркомъ. — Нѣтъ! молодой живописецъ не рассчитывалъ на сильныя, но ложныя впечат-

ленія. Смотри на эту картину, какъ на произведеніе ученическое, мы видимъ новый поводъ для нашей Академіи Художествъ гордиться своими учениками.

Г. Сорокинъ далъ больше простора своему дарованію, отъ того онъ больше успѣлъ обнзружить силу чувствованій; отъ того онъ и больше сдѣлалъ промаховъ, хотя картина его сильнѣе дѣйствуетъ на чувства зрителя, нежели картина г. Тимошевскаго. Когда взглянете на его картину, то она такъ сильно поражаетъ взоръ и сердце, что невольно увлекаетесь благоговѣйнымъ состраданіемъ къ этимъ беззащитнымъ св. мученикамъ, которые дѣйствительно овладѣваютъ нераздѣльно всѣмъ вашимъ вниманіемъ. Вы всматриваетесь въ ихъ лица, видите ихъ страданія, и тогда-то лице мальчика исторгаетъ у васъ невольный стопъ и слезы; вы не можете наглядѣться на него; въ немъ все есть: и страданіе плоти немощной, и молитва вѣры, и сила духа, вѣрующаго и превышающаго его возрастъ; онъ уже не думаетъ о жизни, а весь отдается Богу. Во взоръ его хотя еще не совсѣмъ исчезъ страхъ, внушенный свирѣпостію мучителей; однако въ немъ уже замѣтно прозрѣніе въ будущую жизнь. Это та самая минута, когда онъ готовится сказать, подобно Небесному Учителю: «Отче! въ рудъ твои предаю духъ мой!» слѣдовательно, когда онъ видитъ уже конецъ страданіямъ плоти и начало торжества духа, потому что надъ нимъ виситъ послѣдній роковой ударъ одного изъ самыхъ свирѣпыхъ его мучителей. Да, для изображенія такого лица надо имѣть сильный талантъ и неподдѣльное вдохновеніе. Оно такъ хорошо, что убиваетъ собою фигуру отца, которая сначала кажется такъ поразительна. Теперь этотъ старикъ кажется слишкомъ слабымъ, въ немъ замѣтно что-то похожее на уныніе или грусть какъ будто съ паденіемъ силъ тѣлесныхъ въ немъ падаетъ и сила духа, чего при первомъ взглядѣ нельзя было замѣтить. Можетъ быть, это чувство вносится въ картину и самимъ созерцателемъ, который, увлекшись беззащитнымъ положеніемъ мучениковъ, видитъ ихъ слабыхъ, однихъ, оставленныхъ всѣми, окруженныхъ только жестокими мучителями; при нихъ нѣтъ ни души сочувствующей. Будь этотъ старикъ нѣсколько сильнѣе, то, вѣроятно, мы не нашли бы въ немъ этого упадка душевныхъ силъ. Впрочемъ общее положеніе мучениковъ превосходно; оно уничтожаетъ всякое сомнѣніе въ невозможности разлучить ихъ; зритель ясно видитъ, что они вмѣстѣ умрутъ и примутъ вѣнецъ мученической. Но въ положеніи нѣкоторыхъ мучителей не лзя не замѣтить натянутой гиперболы: такъ напримѣръ, зачѣмъ этотъ человекъ, у котораго въ лѣвой рукѣ

окровавленный ножъ, такъ усиленно тянется черезъ перила, когда ему нужно сдѣлать только два шага, чтобъ обойти ихъ и схватить старика, къ которому онъ съ напряженіемъ протягиваетъ руку? А этотъ силачъ, чтѣ стоитъ на противоположной сторонѣ, и занесъ огромный топоръ надъ головой отрока, зачѣмъ съ такимъ ужаснымъ напряженіемъ всего своего жилистаго тѣла усиливается нанести ударъ полумертвому мальчику, когда достаточно только опустить это тяжелое орудіе, чтобъ разрубить его пополамъ? Впрочемъ и здѣсь есть фигуры, которыя поразительно хороши: напримѣръ, этотъ человѣкъ въ красной рубашкѣ, съ чудомъ на головѣ, который тащитъ молодаго мученика; какъ вѣрна его постановка! какъ отчетливо его лице, выражающее слѣпое изувѣрство, съ которымъ онъ исполняетъ свое дѣло! На этомъ лицѣ вы читаете не столько ожесточеніе или свирѣпство, сколько довольство собою и ревность угодить жрецу, который стоитъ позади мучениковъ и отдаетъ приказанія. Направо отъ этой фигуры, впереди толпы, стоитъ такой человѣкъ, о которомъ всякій скажетъ, что онъ гдѣ-то видалъ его. Хотя этому лицу не дано окончательной отдѣлки; однако не лѣзя узнавать въ немъ уличнаго любопытнаго зѣваку, и вмѣстѣ съ тѣмъ отчаяннаго труса; глаза его, кажется, хотятъ выскочить, чтобъ все видѣть, а на лицѣ его и во всей постановкѣ такъ много страха, что онъ какъ будто бы сію минуту собирается бѣжать; онъ весь въ тревогѣ. Это человѣкъ, который готовъ во все вмѣшаться и отъ всего отречься, сплестись; это, кажется, одинъ изъ Петровъ Ивановичей Гоголя въ «Ревизорѣ».

Предполагая только подѣлиться съ читателями Москвитанина личными моими впечатлѣніями и опущеніями, я никакъ не думалъ входить въ подробный разборъ картинъ и въ сужденія объ нихъ, предоставляя это дѣло людямъ болѣе знакомымъ съ искусствами; но чтѣ дѣлать? Увлекся молодыми талантами, такъ много общающимися, и нехотя заговорился; учительская натура высказалась противъ желанія. Такъ какъ мы далско еще не дошли до половины академической выставки и обозрѣли только меньшую часть картинъ, находившихся на ней, а между тѣмъ эта статья приняла уже объемъ довольно значительный; то подробный отчетъ объ всемъ видѣнномъ на выставкѣ могъ бы дать ей размѣръ слишкомъ большой. Вотъ почему я постараюсь окончить мои замѣчанія и размысленія только простымъ указаніемъ тѣхъ картинъ, которыя болѣе другихъ обращали на себя вниманіе посѣтителей Академіи. Конечно не лѣзя сказать, чтобы вниманіе публики было такою окончательною мѣрою внутреннихъ достоинствъ картины, противъ ко-

торой не лѣзя уже спорить; оно иногда увлекалось вѣдшимъ блескомъ, рѣзкими особенностями картины и т. п.; однако надо сознаться, что большею частію оно выбирало такія произведенія, достоинства которыхъ несомнѣнны. Въ залѣ Рафаэля труднѣе всего было пробраться къ двумъ картинамъ: *Караулъ*—г. Сверчкова, и *Обрученіе*—г. Чернышова. Первая, при отличномъ составѣ группъ, особенно поражаетъ зрителя своимъ освѣщеніемъ; другая всѣхъ занимаетъ своимъ содержаніемъ, которое молодой художникъ умѣлъ оживить тонкою удачною наблюдательностію и теплою простаго, неподдѣльнаго чувства семейной и родственной радости и счастья молодой четы.—Въ слѣдующихъ за тѣмъ залахъ много хорошаго и даже прекраснаго; но особенное вниманіе обращали на себя и заслуживаютъ подробнаго и дѣльнаго разбора знатоковъ: *Виды* гг. Чернецовыхъ, отличающіеся такой перспективой, которая обманываетъ взоръ; *Цыганка*—г. Алексѣева, въ которой такъ много огня, жизни и природы; *Итальянская двушка*—г-жа Шаповаленко, которая такъ рельефно выходитъ изъ рамы со всѣми округлостями формъ, и такъ заманчиво смотритъ своими невинно-плутовскими глазками; *Сапожникъ* и *Цыганскій таборъ* г. Рипцова, который нѣсколько лѣтъ сряду восхищалъ насъ своими простыми и естественными изображеніями повседневной жизни людей низшихъ слоевъ общества; оставаясь вѣрныя своему направленію, онъ теперь обнаружилъ попытку разсчитывать на эффектъ огня; желательно, чтобы это осталось только попыткой; *съ огнемъ плохія шутки!*—*Снятіе со Креста*—г. Дузи, такое произведеніе, о которомъ нельзя говорить мимоходомъ, вскользь; оно требуетъ глубокаго разбора. Но о другихъ его картинахъ можно сказать вообще: въ нихъ много прелести, шегольства, точности въ отдѣлкѣ, но мало истины; такъ, напримѣръ, сильна и красива *Венеціанская водоноска*; но эти бѣлыя, нѣжныя и прозрачныя плечи, открытыя для знойнаго солнца и давимыя коромысломъ съ двумя тяжелыми ведрами, и эти мягкія руки, держащія толстую веревку, представляютъ вопіющее противорѣчіе съ занятіемъ этой женщины.

Въ заключеніе статьи остается отъ души пожалѣть, что этимъ важнымъ и достойнымъ особеннаго вниманія дѣломъ не занялись люди, болѣе досужіе и болѣе свѣдущіе. **В. ПЛАКСИНЪ.**

Эта статья нѣсколько запоздала по своему содержанію, но она заключаетъ въ себя столько достоинствъ, не зависящихъ отъ времени, и столько общихъ замѣчавій, совершенно соответствующихъ правиламъ Москвитянина, что мы помѣщаемъ ее съ особеннымъ удовольствіемъ. *Ред.*

ФОРМУЛЫ ПРИВѢТСТВІЙ У РАЗЛИЧНЫХЪ НАРОДОВЪ.

Авторъ этой статьи, которую можно назвать вполонину серьезной, вполонину юмористической, англичанинъ. Онъ старается доказать, что въ привѣтственныхъ формулахъ каждаго народа ясно выражается весь его характеръ, его исторія и даже природа, его окружающая. Нельзя не согласиться, что мысль автора до нѣкоторой степени справедлива; но онъ ужъ слишкомъ далеко увлекается ей, и мѣстами взглядъ его ошибоченъ, въ особенности ошибоченъ до смѣшнаго, въ отношеніи къ нашему славянскому племени и нашимъ русскимъ привѣтствіямъ. Вообще статья любопытна, и мы передадимъ ее съ нѣкоторыми замѣчаніями по поводу ложныхъ выводовъ автора.

«Лафатеръ утверждаетъ, что характеръ челоѣка можно видѣть по самымъ обыкновеннымъ его приемамъ, по тону голоса, по манеру нюхать табакъ или чинить перо, такъ же ясно, а можетъ быть даже и яснѣе, чѣмъ по его дѣйствіямъ въ случаяхъ важныхъ, и именно такихъ, гдѣ онъ находится подъ вліяніемъ сильныхъ страстей, заставляющихъ его выходить изъ своего нормальнаго состоянія. Согласившись, что эти, по видимому, незначительныя подробности могутъ дѣйствительно дать понятіе о характерѣ людей, мы думаемъ, что онѣ должны доставить намъ и самыя вѣрныя признаки національных характеровъ; а на основаніи этой аналогіи, можемъ сказать почти утвердительно, что исторія каждаго народа находится въ словарь его языка. Возьмемъ, напримѣръ, особый родъ словъ и идиотизмовъ, — родъ, впрочемъ обыкновенный и ограниченный, заключающій въ себѣ общія формулы привѣтствій, — мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что въ немъ можно найти множество характеристическихъ чертъ, отраженныхъ, какъ-бы въ дагерротипѣ.»

«Обратите вниманіе на преобладающій тонъ этихъ привѣтственныхъ формъ на Востокѣ: какъ онѣ дышатъ первообразною простотою, и какъ ярко отражаются въ нихъ и внѣшняя природа, и состояніе общества. Въ нихъ видна даже политическая неподвижность этихъ народовъ, потому что эти короткія фразы повторяются почти въ тождественной формѣ на огромномъ пространствѣ земли и съ незапамятныхъ временъ. Почти все онѣ основаны на религіозномъ чувствѣ, и выражаютъ въ видѣ молитвы желаніе, чтобы лице, къ которому обращены онѣ, наслаждалось миромъ, составляющимъ въ тѣхъ странахъ и при тамошнихъ условіяхъ жизни высочайшее благо, первую потребность и главнѣйшее желаніе каждаго. Миръ, это неотъемлемое благо

для народа въ одно и тоже время пастушескаго и воинственнаго, составляетъ во всей Библии основаніе привѣтствій: *Салемъ!* Даже самое имя *Иеру-салима* свидѣтельствуетъ для нѣкоторыхъ объ этой преобладающей идее. Очевидно, что этотъ народъ во время образованія своего языка жилъ въ разладѣ со всѣмъ человѣческимъ родомъ: Бедуины нашего времени представляютъ намъ тотъ же характеръ, выражаемый той же привѣтственной формою. Въ нѣкоторыхъ привѣтственныхъ выраженіяхъ Евреевъ видны слѣды матеріальныхъ, чувственныхъ потребностей; кажется такъ и видишь подъ этими легкими формами фигуральнаго языка сожалѣніе объ египетскихъ луковницахъ и о потокахъ меда и млека.»

«Исламизмъ, вѣроятно, ввелъ нѣкоторыя измѣненія въ привычки племени, между которыми онъ былъ распространенъ вначалѣ; потому что въ слѣдующихъ фразахъ мы находимъ религіозный тонъ съ легкой примѣсью фатализма: «Желаю тебѣ добраго утра!» говоритъ Арабъ. «Можетъ быть ты будешь счастливъ!» «Да ниспошлетъ тебѣ Богъ Свои милости!» «Ты здоровъ, если это Богу угодно». «Если Богу угодно» — здѣсь фаталистъ даже не рѣшается обращаться съ мольбою: онъ просто выражаетъ то, что есть. «Если Богу угодно, *всѣ члены твоего семейства пусть будутъ въ добромъ здоровьѣ.*» Здѣсь ясно выражено затворничество женщинъ.»

Съ послѣднимъ выводомъ автора едва ли можно согласиться, и мы никакъ не понимаемъ, отчего въ словахъ: «Если Богу угодно, всѣ члены твоего семейства пусть будутъ въ добромъ здоровьѣ» онъ ясно видитъ затворничество женщинъ. По нашему мнѣнію эти слова могутъ точно такъ же относиться къ *незатвореннымъ* членамъ семейства, какъ и къ *затвореннымъ*.

«Гордость, важность и лаконизмъ Турка также отражаются съ неменьшею вѣрностію въ его привѣтствія, которыя обыкновенно заключаютъ въ себя какую-то осторожность, напр. въ словахъ: «если Богу угодно», или тому подобныхъ фразахъ, которыя въ то же время показываютъ и твердую увѣренность въ успѣхъ выраженнаго желанія».

Здѣсь также надобно остановиться и замѣтить, что слова «если Богу угодно» дѣйствительно выражаютъ осторожность, преданность, но никакъ не выражаютъ твердой увѣренности въ успѣхъ выраженнаго желанія. Да и почему же авторъ въ той же самой формулѣ, въ которой у Арабовъ находить даже дерзительность фаталиста обратиться съ мольбою, видитъ у Турковъ увѣренность?

«Турки имѣютъ высокую идею о Провидѣніи, и постоянно стараются благоухивать свой обыкновенный разговоръ, вводя въ него самыя важныя мѣста изъ Корана. Но и изъ фразы кажутся безцвѣтны и холодны въ сравненіи съ потокомъ гиперболическихъ комплиментовъ, расточаемыхъ словоохотливымъ и плодовитымъ Персіаниномъ. Единственный признакъ теплаго, поэтического чувства въ длинномъ исчисленіи турецкихъ привѣтствій, находимъ мы въ слѣдующемъ выраженіи: «Твои посѣщенія рѣдки, какъ ясные дни». — Очевидно, что эта формула ведетъ свое начало задолго до переселенія Турковъ на прекрасные берега Румелии. «Да не удалится никогда тѣнь твоя отъ головъ нашихъ! Да не уменьшится никогда твоя тѣнь!» Конечно эти безпрестанные намеки на тѣнь не есть дѣло чистой случайности: вѣроятно Фриландецъ, дрожащій отъ холода и сырости, не можетъ встрѣтить своего сосѣда словами: «Да не уменьшится никогда твоя тѣнь!» Это живописное выраженіе обрисовываетъ игучія страны, гдѣ передъ глазами челоуѣка, съ колыбели до могилы, безпрестанно палящее солнце и густыя тѣни, гдѣ вѣтеръ и зонтъ сдѣлались принадлежностями и знаками отличія высшаго класса. Замѣьте также, мимоходомъ, ту огромную роль, которую играетъ на Востокъ понятіе о родствѣ, понятіе, восходящее къ колыбели образованія обществъ и распространенное такъ далеко Евреями. Нѣкоторыя племена и націи заимствуютъ даже отъ этого понятія о родствѣ свои собственные имена: тамъ челоуѣкъ называется не сыномъ, а отцемъ такого-то.»

«Привѣтствія Египтянъ прекрасно изображаютъ ихъ лихорадочный климатъ: «Какова у васъ испарина?» «Хорошо-ли вы потѣете?» И въ самомъ дѣлѣ испарина составляетъ жизнь подъ этимъ огненнымъ небомъ.»

«Привѣтствія Китайцевъ чисто гастрономическія: «Кушали ли вы свой рисъ? Хорошъ ли у васъ желудокъ?» Только одни скромные обитатели «Небесной Имперіи» и могли придумать подобную формулу. Вѣроятно это никогда не придетъ въ голову жителю Эбердина или Кентуку.»

«Всѣ эти фразы вѣроятно были частнымъ достояніемъ прежде, чѣмъ сдѣлались общественною собственностію, и прежде выражали дѣйствительность, чѣмъ обратились въ простыя условныя формы; короче, онѣ изобрѣтались, при каждомъ особенномъ случаѣ, какимъ-нибудь гениальнымъ челоуѣкомъ, и теперь выражаютъ мысли и понятія того времени. Очень справедлива пословица: «умъ одного, премудрость многихъ». Собственно такъ называемый «воровской языкъ» (argot),

столько живой, энергической, цвѣтистой, вѣроятно имѣет такое же точное происхождение.»

«Древнее привѣтствіе Грековъ было слово: *Χαίρε*—«наслаждайся». Да, конечно, каждая минута жизни древняго Грека была полна веселья и наслажденія. По нашему мнѣнію это одно слово «наслаждайся» лучше знакомить насъ съ этимъ народомъ, чѣмъ всѣ книги, написанныя о немъ. У Гомера привѣтствія очень однообразны: всѣ его герои, какъ будто бы узнающіе другъ друга во время сшибокъ, всегда разговариваются, при личныхъ встречахъ, какими-нибудь оскорбительнымъ привѣтствіемъ, выраженнымъ однакоже такимъ лязкомъ, который и въ самомъ разгарѣ битвы не утрачиваетъ своего величественнаго характера. Что же касается до новѣйшихъ Грековъ, они, не имѣя своей отличительной національности, не сохранили ничего истинно оригинальнаго и въ своемъ языкѣ, перешедшемъ въ разнородныя нарѣчія, въ которыхъ впрочемъ остались слѣды древняго языка, еще ощутительнѣе показывающіе его упадокъ. Очевидно, что ихъ теперешнее привѣтствіе «*Τὴ καλῆς*» («что ты дѣлаешь»)? не могло получить своего начала у нихъ самихъ, народа болѣе болтливаго, чѣмъ трудолюбиваго.»

«Привѣтствія первобытныхъ Римлянъ, такъ же, какъ и ихъ общественный характеръ, ихъ нравы и ихъ увеселенія, были основаны на понятіяхъ о тѣлесной силѣ, мужествѣ и ловкости: *Salve! vale!* «будьте здоровы, будьте сильны!» Конечно это такой же выразительный портретъ народа, какъ и *Χαίρε*, какъ и *Салемъ*. Какою величавою откровенностью, какой воинственной суровостью дышетъ древній языкъ Римлянъ! Но замѣтьте, какъ привѣтствія ихъ ставовятся замысловатѣе, по мѣрѣ удаленія отъ этой суровой простоты «*barbata simplicitas.*»

«*Quid agis, dulcissime rerum?*

—*Suaviter, ut nunc est, inquam, et cupio omnia, quae vis*»

(«Милочка! какъ поживаешь? (что подѣлываешь?»).

— По тиховьку, пока, и желаю всего, чего ты хочешь.

«Эта милочка есть поразительное доказательство того, какъ выродились Римляне. Если бы димлянинъ времени Камилла заговорилъ такимъ языкомъ, его повели бы къ цензору и наказали, какъ развратителя нравовъ. Привѣтствіе «*quid agis?*» how do you do, гораздо древнѣе, и носитъ истинный отпечатокъ національной откровенности и дѣятельности. «Потиховьку, отвѣчаетъ Гораций, и желаю всего, чего ты хочешь.»— эта послѣдняя фраза прекрасно придумана для того, чтобъ отдѣлываться отъ несноснаго чловѣка; но она во всѣхъ отношеніяхъ есть произведеніе распространившейся цивилизаціи.»

«Тотъ же отпечатокъ находимъ и въ языкахъ, происшедшихъ отъ Латинскаго. *Sanità e guadagno* «здоровья и выигрыша!» говорили Генуэзцы среднихъ вѣковъ, — форма, прекрасно изображающая соединеніе двухъ элементовъ ихъ характера; но итальянцы переродились со времени этихъ князей-торговцевъ и Золотой книги.... Пока они опять не сдѣлаются Латинянами, ихъ надобно разсматривать, какъ они есть, обратя вниманіе на *crescite in santità* «ростите въ святости» набожнаго Неаполитанца, и на «я вашъ невольникъ» вольномыслящаго Піэмонца. Это же самое рабство находимъ мы во многихъ итальянскихъ формулахъ, въ книжныхъ посвященіяхъ, письменныхъ подписяхъ и проч. Въ «*come sta?*» видны два противоположные элемента, служащіе основаніемъ характера итальянцевъ — чрезвычайная, раздражительная дѣятельность, выраженная въ «*come*», и совершенная бездѣйственность, *far niente* — въ «*sta*». Существованіе въ такой предѣстной странѣ есть уже само по себѣ величайшее наслажденіе, потому что жизнь течетъ тамъ безопасно; человекъ работаетъ только для того, чтобъ достать себѣ необходимое количество холодной воды и макаронъ. Подъ нашимъ стѣрнымъ небомъ, гдѣ работа есть непрерывное условіе жизни, фраза, подобная «*come sta*» выражающая каждымъ словомъ изнеможеніе человека, безопасно лежащаго подъ тѣнью буковаго дерева, не можетъ имѣть никакого значенія.

«У Испанцевъ находимъ, кромѣ неподвижности и лѣни итальянцевъ, еще отблескъ вадѣвной важности и древней кастильской гордости».

Донъ Гермогенъ. — *Buenas tardes, senores* (Добрый вечеръ, синьоры).

Донъ Педро. — *A la orden de S. V.* (Къ вашимъ услугамъ, синьоръ).

Донъ Антоніо. *Felicissima* (благополучныхъ дней), *amigo Don Hermogenes*.

«Выраженіе: *vada con Dios, senor caballero* «ступайте съ Богомъ, синьоръ кавалеръ» показываетъ смѣсъ самоуваженія съ религіознымъ чувствомъ, и даетъ высокое понятіе о характерѣ, преобладавшемъ въ прежнія времена при дворѣ католическихъ королей. «Дай Богъ, чтобъ вы жили многія лѣта», «*tuchos anos*», — это слѣды Мавровъ. Жизнь матеріальная, взятая въ отвлеченномъ смыслѣ, дѣлится менѣе подъ туманнымъ небомъ и при восточныхъ вѣтрахъ Англіи, чѣмъ въ Испаніи, и потому желаніе многихъ лѣтъ никогда не будетъ обще-принятымъ привѣтствіемъ на берегахъ Темзы и Сены. Мы употребляемъ его при торжественныхъ случаяхъ, такъ на пр: Да здравствуетъ король! Да здравствуетъ королева! Надобно также замѣтить въ испанскомъ языкѣ частое употребленіе сокращенія титула *vuestra mer-*

ced, въ *usted* въ разговоръ, и въ *V. S.* въ письмѣ. Оно ясно выражаетъ кичливую въжливость дона, которому угрожаетъ мяжаль за малѣйшее отступленіе отъ принятыхъ формъ учтивости; и можно себя представить, какъ часто повторялась эта избитая фраза, если ужъ сокращеніе ея пайдено необходимымъ даже въ той странѣ, гдѣ вовсе не дорожатъ временемъ, судя по напыщенному и растянутому языку, по въяному брянчанью гитаръ и безконечнымъ романсамъ.

«*Comment vous portez vous?*» «Какъ вы себя посите, чувствуете?» — эта маленькая фраза заключаетъ въ себя сущность характера Французовъ и всю исторію страны. Французъ говоритъ *какъ*, а не *что*, потому что онъ заботится о формѣ и внѣшности вещей; — это «какъ вы себя чувствуете?» повторяемое пятьдесятъ разъ на день, есть рѣзкая черта его любопытства поверхностнаго, мимолетнаго и никакъ не прочнаго. Такъ и видишь существо впечатлительное, живое, пламенное, всегда готовое любить, и запѣвать національную пѣсню: *Mourir pour la patrie*; такъ и видишь народъ тщеславный и легковѣрный, на который и малыя и великія вещи производятъ одинаково сильныя и одинаково мгновенныя впечатлѣнія, народъ, который обыкновенно смѣется надъ всѣмъ, кромѣ пустяковъ, и который наконецъ никогда не бываетъ такъ невыносимо смѣшонъ, какъ въ то время, когда онъ хочетъ быть серьезнымъ. Въ этомъ «*comment vous portez-vous?*» видѣвъ тотчасъ же весь его театральный характеръ, мгновенное сліяніе лица говорящаго съ слушателемъ. Да и весь-то французскій языкъ, не есть ли живое изображеніе народа? — каждая фраза его наполнена множествомъ маленькихъ частицъ, измѣняемыхъ, бѣглыхъ, какъ самый французскій умъ. Въ цѣломъ же онъ составляетъ неподражаемую рѣчь, не для поэзіи, не для краснорѣчія, но для легкаго разговора, въ которомъ Французы первенствуютъ».

Не дѣлая никакихъ собственныхъ возраженій автору противъ его приговора, который онъ такъ рѣшигельно произноситъ надъ характеромъ Французовъ и ихъ языкомъ по одному слову «*comment vous portez-vous?*», мы приведемъ здѣсь только слова Амедея Пишо, сказанныя имъ по поводу этой выходки: — По портрету Французовъ, говоритъ онъ, который мы видимъ въ этой статьѣ, легко догадаться, что ее писалъ тори. Опровергать подобныя вещи не стоитъ труда. Что же касается до языка Расина, Боссюэта, Монтескьё и Руссо, (не исчисляя именъ новѣйшихъ писателей), то подобныя сужденія сами собою обвиняютъ того, кто ихъ произноситъ.

«Французскій языкъ среднихъ вѣковъ носитъ отпечатокъ однообразія

и сильно развитого религіознаго чувства: «Adieu, vous die, messire Gauvain, mon chier et doux ami!» читаемъ мы въ Мерлианъ волшебнякъ. Въ новѣйшія разнообразныя, сокращенныя и фамилярныя формы, какъ-то: «comment ça va-t-il? comment vous portez-vous?» и другія тому подобныя, была бы несомнѣнно съ духомъ, того времени. Гасконцы говорятъ теперь на своемъ нарѣчій, болѣе похожемъ на латинскій языкъ, чѣмъ нарѣчіе парижское, «souito vas?» и эта простая форма ясно выражаетъ разницу между парижаниномъ и безпечнымъ жителемъ Юга. Сущность обѣихъ фразъ одна и та же: но Гасконецъ не любитъ затруднять себя многорѣчіемъ и выражаетъ ее двумя словами, тогда какъ парижанину нужно ихъ пять, изъ которыхъ большая часть не что иное, какъ частицы невзначущія и почти вовсе невужшыя для смысла предложенія. Можетъ быть покажется страннымъ, что слово adieu удержалось у народа, давно потерявшаго всякое религіозное чувство; но это остатокъ римскаго католицизма, сохраняющагося гораздо долѣе въ нравахъ и привычкахъ, чѣмъ въ понятіяхъ. Притомъ же удобство самаго слова и трудность перемѣнить его, — потому что въ сущности нѣтъ ничего неизмѣняемаго языка, вещи, по видимому, самой гибкой и удобной для измѣненія, — удержали его неизмѣняемымъ.»

«Обыкновенное привѣтствіе Нѣмцевъ, при утренней встрѣчѣ на прогулкѣ въ Kartoffel-Gasse или на Amalienstrasse, «wie geht's?», «каково идетъ», выражаетъ совершенную отвлеченность: здѣсь спрашиваютъ не во второмъ лицѣ и не въ третьемъ, а какъ будто относясь къ кому-то идеальному, неопредѣленному. Замѣтите также дружескую простоту, выражаемую этимъ словомъ, простоту, совершенно согласную съ нравами добрыхъ Нѣмцевъ, у которыхъ одинъ классъ общества мало отличается отъ другаго и языкомъ, и манерами, и образомъ мысли. То же можно замѣтить и о прощальной формѣ добраго нѣмца, съ его взъерошенной прической и съ его доброй, открытой физиогноміей. «Leben sie wohl!» «живите хорошо!» говоритъ онъ, приподнявъ свой картузь, и надѣвая его опять не прежде, какъ черезъ нѣсколько минутъ. И въ самомъ дѣлѣ существованіе нѣмца въ отношеніи къ вѣшной сторонѣ жизни есть совершенно матеріальное, а между тѣмъ, Богъ знаетъ, какіе фантастическіе образы, какія странныя видѣнія системъ политическихъ, религіозныхъ и общественныхъ мелькаютъ передъ нимъ въ струяхъ табачнаго дыма, выходящаго изъ его никогда неугасаемой трубки, украшенной портретомъ Мартина Лютера, Фридриха Великаго, Жени Линдъ, эрцгерцога Іоанна, г. Влума или наконецъ Бава Елачичъ.»

«Привѣтствіе Голландцевъ: Poes vaart's-ge? «Какъ вы путешествуете?»

прекрасно выражает коммерческій духъ въ высшей степени практическаго народа, занятаго дѣлами и предпочитающаго интересъ чувству. Это «какъ вы путешествуете?» совершенно согласно съ характеромъ и Исторією древней Голландіи, пропитанной запахомъ правостей, привезенныхъ съ отдаленныхъ острововъ Индійскаго Океана, черезъ малоизвѣстныя моря, гдѣ ея огромныя корабли съ трудомъ противустояли пассатнымъ вѣтрамъ. Подобная формула никогда не придетъ въ голову нѣмцу, неподвижному домосѣду; его корабли плаваютъ только между мысами сѣверныхъ странъ, а его живописцы довольствуются морскими видами Бакхаузена.»

«Шведы, независимо отъ обще-принятой формы: *god dag*, «здравствуйте» или «добрый день» прибавляютъ еще: *hur mår är?*—что значитъ буквально: «какъ вы можете?» т. е. проворны-ли, сильны-ли вы? Еще говорятъ они: *gad sei läv!* «слава Богу!»; а прощальное привѣтствіе ихъ: *far väl!* «будьте здоровы!» замѣняется у Датчанъ формою: *leu-vel*, «живите хорошо,» которая выражаетъ ихъ болѣе мирныя нравы.»

«Англичане, образовавшіеся изъ смѣси многихъ различныхъ племенъ, заимствовали у каждаго изъ нихъ по нѣскольکو выраженій; но отъ этого ихъ коренной языкъ нисколько не утратилъ своей оригинальности, а напротивъ сдѣлался отъ того еще сильнѣе и обильнѣе. Степень красоты и богатства языка всегда доказывается разнообразіемъ его грамматическихъ и синтаксическихъ правилъ. Замѣтьте, что этого разнообразія гораздо больше въ греческомъ языкѣ, чѣмъ въ латинскомъ; въ итальянскомъ, французскомъ и исландскомъ, чѣмъ въ ирландскомъ или таитскомъ».

«Что можетъ быть лучше привѣтствій Джонъ Була «how do you do?» «какъ вы дѣлаете» и «how are you?» «какъ вы существуете?» Одно слово *дѣлать* заключаетъ въ себѣ всю эссенцію жизни производительной, національной и индивидуальной; это теорія и практика жизни, это сама жизнь. Глаголь *дѣлать* такъ обще-принятъ у Англичанъ стараго и новаго свѣта, что они не спрашиваютъ, подобно Нѣмцамъ, «что ты дѣлаешь» «*Was machst du?*», но «какъ ты дѣлаешь,» Само собою разумѣется, что человекъ *что-нибудь* да дѣлаетъ, но надобно знать: какъ онъ дѣлаетъ. И потомъ прислушайтесь къ фразѣ «how are you?» какъ она сильна, практична и многообъемлюща. «Какъ вы существуете?» это главнѣйшій вопросъ, вопросъ по преимуществу; это вкратцѣ всѣ науки и всѣ человѣческія познанія, потому что всѣ усилія его разума, мысли и воображенія имѣютъ только одну цѣль—узнать, что такое наше существованіе.»

«Не дая не замѣтить въ шотландскомъ привѣтствіи, *ho's a'wile?* каково у васъ все въ домѣ?» соединенія дружелюбнаго гостепрѣимства съ національною осторожностью; тутъ ясно видѣвъ челоѣкъ, готовый угощать васъ обѣдомъ три раза въ недѣлю; но онъ же самъ дважды посмотритъ на подпись вашего векселя прежде, чѣмъ выдастъ вамъ по немъ деньги. Такъ же выразительны слова ирландскаго поселенца: «долгой жизни вашей милости», «желаю вамъ счастливаго брака!» Здѣсь изображается нѣкоторая восторженность народа, одареннаго живостию ума и особенною впечатлительностью, ограниченныхъ однакожь вліаніемъ религіи, болѣе принятой его чувствами и воображенію, чѣмъ разсудку.»

«Не надо терять изъ виду, что всѣ формулы привѣтствій составились изъ молитвъ, слѣды которыхъ сохранились и повны въ самой расстановкѣ словъ; но впоследствии эти формулы сдѣлались простымъ изъясненіемъ желанія. Это служитъ доказательствомъ, что челоѣческая природа все больше и больше обращается къ свѣтскости.»

«Народы, которые, вслѣдствіе своего географическаго положенія, правленія, или другихъ причинъ, остановились на одной точкѣ своего умственнаго развитія, сохранили свои древнія формы молитвъ въ ихъ первоначальной чистотѣ; доказательствомъ чему служатъ безчисленные обращенія къ Аллаху на всемъ Востокѣ.

«Если мы вникнемъ въ точный смыслъ, который имѣютъ у протестантовъ слова: «Богъ васъ благословитъ, прошайте!», то увидимъ, что сохраняя молитвенную форму, онѣ совершенно утратили религіозный смыслъ, и теперь значатъ не болѣе, какъ: «вашъ покорный слуга», поставленный въ концѣ какого-нибудь неприятнаго письма, или вызова на дуэль.»

«Иногда это превращеніе смысла есть плодъ маѣи — сокращать слова; Англичане не довольствуются уничтоженіемъ буквъ и слоговъ, они уничтожаютъ даже цѣлыя слова въ рѣчи, такъ что со временемъ ихъ языкъ можетъ сдѣлаться своего рода стенологіей или алгебраическимъ сокращеніемъ мысли.»

«Древняя формула обще-принятаго привѣтствія въ Англии, вѣроятно, была: *save you, sig?* «да будетъ вы сохранены, сэръ!» Изъ видимаго уничтоженія въ этой формулѣ слова *God* (Богъ), ясно, что въ началѣ это была чистая форма молитвы, которая потомъ, подъ вліаніемъ пуританизма въ началѣ 17-го столѣтія, обратилась въ простое выраженіе желанія. Надобно замѣтить, что обще-принятое теперь

англійское привѣтствіе «какъ вы дѣлаете»? ведетъ свое начало отъ Платангенетовъ, и слѣдовательно доказываетъ, что Англія рано достигла той степени умственного развитія, которое поставило ее въ главѣ образованныхъ народовъ.»

«Племя Славянское, кажется, всегда страдало недостаткомъ оригинальности. По своей переимчивости и склонности къ подражанію, оно имѣетъ сходство съ младшей отраслью міронаселенія—Китайцами, Малайцами и т. п. Обыкновенное привѣтствіе Славянъ: *миръ!* (вамъ), взято прямо и безъ всякаго измѣненія отъ библейскаго *Салемъ!* Въ настоящее же время во всей обширной Русской имперіи привѣтствуютъ другъ друга словами: *здравстуйте!* т. е. будьте здоровы. Не нужно, кажется, говорить, что племя, которое довольствуется формулой столько безцвѣтной и не выражающей никакого особаго характера, не могло и произвесть ничего своего собственнаго. Оно все взяло: сначала отъ Византійцевъ, потомъ, во времена позднѣйшія, отъ Германцевъ, Французовъ и Англичанъ.»

«Въ формѣ старинныхъ письменныхъ документовъ Славянъ видны: религиозное чувство, глубокое уваженіе къ власти и наконецъ склонность къ блеску и роскоши. Въ письмахъ они подписывались: *рабъ вашъ* (твой) *холопъ вашъ* (твой). Но самое любопытное измѣненіе смысла представляетъ намъ ихъ привѣтствіе (?) «*Богъ съ тобой*», которое безъ всякаго сомнѣнія вначалѣ имѣло значеніе религиозное, а теперь значить почти то же самое, что слова: «*ступай, убирайся!*»

На счетъ мнѣнія автора о томъ, что Славянское племя не могло произвесть ничего собственнаго и самобытнаго, можно сказать то же самое, что сказалъ Амедей Пишо, т. е. что оправдывать подобное мнѣніе не стоитъ труда. Но какъ же авторъ не понялъ, что наше привѣтствіе «миръ вамъ» непременно должно было перейти къ намъ, прямо изъ Библии, не по страсти нашей къ подражанію и переимчивости, а просто какъ необходимое послѣдствіе принятой нами христіанской религіи, и соотвѣтственнаго ей собственнаго, внутренняго чувства? И почему не находить оное никакого значенія въ нашемъ привѣтствіи «здравстуйте», тогда какъ находить самый обширный смыслъ въ англійскомъ привѣтствіи «какъ вы существуете»? Въ желаніи «здравствовать» можно подразумѣвать всѣ возможныя желанія, благопріятныя для человѣка: желаніе долгой жизни, желаніе здоровья, и наконецъ желаніе всѣхъ благъ, какъ необходимыхъ помощниковъ здоровья и жизни. Не менѣе значительно и наше прощальное привѣтствіе «прощайте!»; въ немъ видны и такая: то грустная безнадежность на свиданіе новое, и религиозное чувство, заставляющее насъ,

при разставанъ, просить прощенія у ближняго въ умысленныхъ или неумысленныхъ оскорбленіяхъ, нанесенныхъ ему. Авторъ статьи не сказалъ объ этой формулѣ ни слова впрямую по невѣденію. Наконецъ всего смѣшивъ то, что наше выраженіе: «Богъ съ тобой», англичанинъ тоже относитъ къ числу привѣтствій. Конечно онъ правъ, что это слово имѣетъ у насъ, и то иногда, почти одинаковое значеніе съ словами: «ступай, убирайся!», но дѣло въ томъ, что онъ принялъ за формулу *привѣтствія* формулу *выпровожденія*. Это почти тоже, принять *прощайте* за *здравствуйте*.

Въ заключеніе статьи авторъ разбираетъ привѣтствія Поляковъ. Вотъ что говорить онъ объ нихъ.

«Поляки, кромѣ того, что принадлежать тоже къ Славянскому племени, имѣли еще, вродожденіи многихъ вѣковъ, такія близкія сношенія съ западной Европой, что у нихъ не лзя и искать ничего самобытнаго. Но въ сношеніяхъ ихъ мелкой шляхты съ большими панями, которые должны быть чтимы какъ *non plus ultra* полувосточнаго славянскаго величія, употребляется привѣтствіе: *do nog upadam*, «падамъ до ногъ!» Между классомъ болѣе высокимъ принято привѣтствіе, имѣющее характеръ религіозный. Тамъ обыкновенно обмѣниваются словами: *Niech będzie pan Bóg pochwalony!* «благословенъ Господь Богъ» — *na wieki wiekoto, amen!* «во вѣки вѣковъ, аминь!» Они говорятъ еще: *czy wesol?* «что веселье?» Эта формула кажется намъ странной болѣе всѣхъ вышеприведенныхъ.»

Намъ, напротивъ, кажется, что это привѣтствіе должно было бы имѣть въ глазахъ автора статьи точно такой же смыслъ, какъ и греческое привѣтствіе «наслаждайся!» Поляки тоже любя и любятъ разгульную жизнь, и ихъ *паненки* очень хорошо умѣютъ придать этой жизни еще больше одушевленія. Привѣтствіе, «падамъ до ногъ» тоже очень хорошо выражаетъ національный характеръ Поляковъ, т. е. гордость, или, говоря ихъ собственнымъ выраженіемъ, ихъ *гоноръ*. Что же касается до формулы: «благословенъ Господь Богъ, во вѣки вѣковъ, аминь!», то она употребляется только въ простонародіи, а отнюдь не въ высшемъ классѣ.

СМЕРТЬ ПОСЛѢДНЯГО СЫНА МИРАБО.

«Въ 1783 году Мирабо усыновилъ ребенка, родившагося за годъ назадъ. Онъ оказывалъ ему самую нѣжную попеченія; постоянно держалъ при себѣ, бралъ съ собой во всѣ путешествія и разстался съ

нимъ только въ минуту смерти. Умирая, онъ передалъ его своимъ друзьямъ; но какъ будто предвидя, что эти друзья ограничатся только гнѣмымъ и бесплоднымъ удивленіемъ къ его памяти, а никакъ не защитятъ ее отъ ненависти партій, онъ ввѣрилъ эту защиту ребенку, который еще не могъ его понимать, а ребенка ввѣрилъ г-жѣ Селлявъ, съ просьбою, заступитъ ему мѣсто матери и исполнять въ этомъ отношеніи все, что только могло отъ нея зависѣть.»

Этотъ ребенокъ былъ г. Люка де-Монтинья, умершій на дняхъ; вначалѣ нашей статьи мы привели собственныя его слова, изъ книги, къюгда имъ изданной, о которой мы сей часъ скажемъ.

Сынъ Мирабо былъ воспитанъ сестрою великаго оратора, г-шею де Селлявъ, со всей должной вѣжностью и заботливостью. Пришедъ въ совершенный возрастъ, онъ получалъ всѣ бумаги, оставленныя ему отцомъ, и въ 1824 году надалъ ихъ, въ восьми томахъ, подъ заглавіемъ: *Біографическія, литературныя и политическія воспоминанія о Мирабо, писанныя имъ самимъ, его отцомъ, его дядею, и пріемнымъ сыномъ.*

Эта книга, какъ легко можно понять, есть не что иное какъ оправданіе Мирабо; но подлинныя документа, на которыхъ она основана, дѣлаютъ ее чрезвычайно любопытною. Еще за долго до того времени, когда принцъ Аренбергъ передалъ г. де-Бакуру подлинную переписку Мирабо съ графомъ де-ла-Маркомъ, (*) который былъ посредникомъ между Мирабо и Дворомъ, Люка де-Монтинья видѣлъ ее у принца и читалъ, но не имѣлъ права снять съ нея копіи. Все, что онъ могъ сдѣлать, это объявить, въ одномъ изъ томовъ, имъ изданныхъ, о ея существованіи. Это извѣстіе, служившее какъ бы объявленіемъ о выходѣ книги, возбуждало въ свое время живѣйшее любопытство. А потомъ и самое изданіе г. де Бакура, какъ изданіе замѣчательное, о которомъ мы уже говорили въ нашемъ журналѣ, обратило на себя полное вниманіе, и простыхъ читателей, и ученыхъ, и политиковъ.

Въ самомъ дѣлѣ это изданіе добросовѣстное, гдѣ издатель далъ полную волю говорить только своему герою, не дѣлая отъ себя никакихъ комментаріевъ, никакихъ возгласовъ. Книга г. Монтинья съ своей стороны имѣетъ то достоинство, что хотя и не разказываетъ такъ ясно той эпохи жизни Мирабо, которая обнаруживается въ изданіи Г. де-Бакура, но за то обхватываетъ всю жизнь перваго нашего оратора, и разсматриваетъ его, какъ частнаго

(*) Смотр. Москв. N N 3 и 4, отд. VI.

человѣка, какъ литератора, какъ писателя политическаго, какъ законодателя, и, наконецъ, какъ государственнаго человѣка. По настоящее время у насъ вышло четыре сочиненія, въ которыхъ старались раскрыть всю глубину великой души Мирабо, подавленной слабостями и пороками: *Воспоминанія* г. Монтиньи, оправдательныя, по составленнымъ съ искренностью и добросовѣстностью; *Собраніе сочиненій Мирабо*, изданное г. Межанъ, — книга, писанная съ увлеченіемъ и напыщенностью, соответствующими времени ея изданія; *Воспоминанія* Этьена Дюмонъ, задумчиваго мыслителя, который, кажется, придавалъ Мирабо много собственныхъ идей. Дюмонъ былъ, нѣкоторымъ образомъ, вторымъ Меланктономъ этого политическаго Лютера. И наконецъ, *Переписка*, изданная г. де-Бомуръ, которая такъ ярко обрисовываетъ политическій умъ Мирабо.

Рядомъ съ этими изданіями и какъ бы въ заключеніе ихъ, надобно будетъ поставить подлинную переписку Лудовика XVI и Маріи Антуанетты, изданіе которой обвѣщано намъ г. Фелье де-Кошль, этимъ литературнымъ собратомъ Поля Луи Курье, обладающимъ однимъ изъ знаменитѣйшихъ автографическихъ собраній въ Европѣ.

Но обратимся къ сыну Мирабо. Г. Люка Монтиньи принадлежалъ не къ числу тѣхъ людей, жизнь которыхъ можно рассказать въ трехъ словахъ: «родился, жилъ и умеръ». Онъ былъ человѣкъ умный, покладный, практической, который своей блигоразумною опытностью, во время революціи 1848 года, оказалъ важныя заслуги Сенской префектурѣ, гдѣ былъ въ то время совѣтникомъ. Временной членъ всего, что только было тогда временнаго, г. Сезаръ удостоилъ г. Монтиньи избрать своимъ зятемъ. Страстно любившій исторію и безъ сомнѣнія имѣвшій способъ изучать ее уже по самому назначенію, которое завѣщало ему его знаменитый отецъ, онъ собралъ превосходную бібліотеку и значительную коллекцію автографическихъ документовъ. И то и другое всегда было открыто имъ, съ самой любезной обязательностью, для любителей и ученыхъ людей. Кромѣ этого богатаго собранія, стоившаго ему большихъ денегъ, говорятъ, будто бы онъ употребилъ еще до ста тысячъ франковъ на отысканіе и приобретеніе секретныхъ бумагъ, касающихся отца его. Не желая, чтобы эти бумаги были изданы, онъ сжегъ ихъ. Дѣйствіе благочестивое, но на которое исторія должна жаловаться.

Люка Монтиньи былъ человѣкъ любезный и съ прекрасными качествами. Умъ и выдержка много способствовали его огромной учености. Лицомъ онъ чрезвычайно былъ похожъ на Мирабо. Сынъ г. Монтиньи

составилъ прекрасную партію, женившись на дѣвицѣ де-ла-Ферте, фавориткой которой принадлежала къ такъ называемому, избранному королевскому кружку, между тѣмъ какъ ит. Люка де-Монтиньи жилъ всегда въ высшемъ кругу. Смерть его составляетъ горькую утрату для всѣхъ парижскихъ знаменитостей, для академиковъ, для артистовъ, для писателей, для дипломатовъ, однимъ словомъ для всего этого братства, которое любило и уважало его, и которое составляетъ одну дружескую цѣпь, дорожащую каждымъ звѣномъ своимъ.

Въ дополненіе къ этимъ строкамъ, отзывающимся тономъ грусти, я расскажу одно происшествіе изъ жизни г. Монтиньи, которое можетъ дать понятіе о его характерѣ и веселомъ расположеніи духа.

За нѣсколько лѣтъ назадъ, Люка Монтиньи, съ однимъ товарищемъ изъ того избраннаго круга, о которомъ сказали мы, совершилъ путешествіе въ Лондонъ. Возвращаясь однажды изъ Вобурнскаго аббатства, они остановились въ Лингтонъ-Буссаръ, и осматривая окрестныя фабрики, запоздали. Ихъ захватила темная, ненастная ночь. Дождь пробилъ ихъ насквозь, не смотря на все старанія укрыться подъ деревьями, которыми обсажена дорога. Темнота и буря завели ихъ на перекрестокъ, гдѣ сходились пять дорогъ. Отыскивая каждый для себя подъ деревьями пріюта сколько можно больше удобнаго, путешественники разбились и потеряли другъ друга. Они начали кричать, кликать одиъ другаго, но голоса ихъ замирали въ завываніи бури, и ни тотъ ни другой не знали, куда имъ идти.

Это было въ субботу, въ тотъ самый часъ, когда работники, пошавшись, идутъ съ фабрикъ, кто домой, кто въ церковь, кто въ кабакъ. Не встрѣтится ли кто-нибудь нашимъ путешественникамъ, чтобы проводить ихъ на станцію? Очень вѣроятно. По крайней мѣрѣ Монтиньи, замѣтивъ, что дождь сталъ переставать, рѣшился идти, куда глаза глядятъ, прямо наудачу, какъ будто бы надвись, что послѣ этого новаго потопа явится и ему кака-нибудь путеводная голубица.

И вотъ въ самомъ дѣлѣ онъ замѣчаетъ впереди что-то бѣлое.... Онъ хочетъ приблизиться, предметъ удаляется по мѣрѣ его приближенія; наконецъ онъ бѣжитъ и достигаетъ его: это была дѣвочка лѣтъ шестнадцати, которая вела мальчика лѣтъ девяти или десяти, повидимому, своего брата. — Что вы здѣсь лѣстаете? — спросилъ Монтиньи. — My good gentleman.... замерзаю. — Но куда жъ вы идете? — Въ Лингтонъ-Буссаръ, къ матери. — О, въ такомъ случаѣ и я иду вмѣстѣ съ вами. Я надѣюсь, что у вашей матери найду что-нибудь поужинать, и ночлегъ, гдѣ могу обсушиться.

Дѣвочка, повидимому, не совсѣмъ была довольна сообществомъ незнакомца, наружности котораго дождь и буря въ самомъ дѣлѣ придали не слишкомъ привлекательный видъ. Весь мокрый, выпачканный въ грязи, въ шляпѣ, которую исковеркала упавши нѣсколько разъ, г. Монтиньи гораздо больше походилъ на мошенника, чѣмъ на джентльмена, имѣющаго возможность заплатить за ночлегъ и ужинъ. Еще къ большому довершенію ужаса дѣвочки, г-ну Монтиньи послышалось, что его кличутъ товарищъ; онъ началъ прислушиваться, потомъ самъ началъ кричать.... Нисколько не сомнѣваясь болѣе, что это дѣйствительно мошенникъ, поджидающій свою шайку, дѣвочка пустилась бѣжать.... Монтиньи, боясь съ своей стороны потерять въ темнотѣ этотъ единственный маякъ, который могъ привести его къ ужину и ночлегу, пустился бѣжать за ней.... Такимъ образомъ, одна спасаясь, другой преслѣдуя, влетѣли они въ хижины матери, о которой шла рѣчь.

Тамъ наконецъ все объяснилось; но и жещина и хижина ея были до того бѣдны, что путешественникъ не могъ найти у нея ни ужина, ни спокойствія. Въ этихъ критическихъ обстоятельствахъ, онъ началъ спрашивать, кто живетъ въ окрестности, и между именами прочихъ жителей услышалъ имя сэра Вильяма Ватервортъ, которое что-то ему напомнило. — Гдѣ живетъ сэръ Вильямъ? — Вьонцѣ деревни. — Монтиньи выходитъ изъ хижины, и скоро достигаетъ дома владѣльца, въ окнахъ котораго блистали огни. Убранство сѣней и лѣстницы доказываетъ, что тутъ живетъ истинный джентльменъ. Монтиньи позвонилъ.

Выходятъ слуга въ ливрейномъ фракѣ. — Сэръ Вильямъ у себя? — Not at home! — Этотъ отвѣтъ значить въ Англии, что хозяинъ или дома нѣтъ, или онъ не принимаетъ. Богатое освѣщеніе доказывало, что первое несправедливо. — Баринъ не принимаетъ, повторилъ Монтиньи; отнеси же ему мою карточку.

Эти слова были сказаны такимъ тономъ самоуверенности, что лакей тотчасъ же исполнилъ приказаніе. Карточка отдана, но лакей опять выходитъ съ отвѣтомъ: — Г. иностранецъ, сэръ, приказалъ вамъ сказать, что онъ васъ не знаетъ. — Онъ меча не знаетъ! — повторилъ Монтиньи, вступая рѣшительно въ пріемную; — такъ поди же скажи ему, что онъ мнѣ долженъ, и что я пришелъ требовать долгъ.

Слуга опять повинуется, и на этотъ разъ выходитъ уже самъ хозяинъ, сэръ Вильямъ, своей собственной персоной, взбѣшенный, взволнованный. Смѣривъ дерзкаго взглядомъ, онъ сказалъ, плохимъ французскимъ нарѣчіемъ: Какъ вы смѣете говорить, что я вамъ долженъ: я васъ никогда не видалъ? — Сказавъ эти слова, онъ сдѣлалъ знакъ

своимъ людямъ, чтобъ они слѣдовали за нимъ, какъ будто бы для защиты внутреннихъ комнатъ отъ наглеца, осмѣлившася ворваться въ жилище почтеннаго лорда. Монтини въдѣлъ, что минута была рѣшительная. Онъ принялъ свой величавый видъ сына Мирабо, и сказалъ:

— Stop a little! Вы сейчасъ увидите, милордъ, что вы меня знаете и что я вашъ кредиторъ. Пять лѣтъ назадъ, одинъ джентльменъ, бывшій въ то время въ Парижѣ, хотѣлъ перейти черезъ известный мостъ, pont des Arts. Его оставили для уплаты мостовыхъ денегъ, но съ нимъ были только банковые билеты, а мелочи для расплаты не было. Мнѣ помнится, милордъ, что англичанину очень не хотѣлось воротиться и обойти другой дорогой: по этой шла молдая дама.... но я оставлю его обогатиться....

Сэръ Вильямъ начиналъ слушать внимательно, и красна негодования сходила съ его лица.

— Прохожій помялъ его затрудненіе и заплатилъ за него мостовую пошлину. Англичанинъ вынулъ изъ своего портфеля, изъ котораго былъ ужъ готовъ выбросить собирателю пошлины банковый билетъ, вынулъ карточку, подалъ ее прохожему и поспѣшно сказалъ: Я желалъ бы имѣть случай расплатиться съ вами у меня въ домъ, милостивый государь!— На карточкѣ было написано: *Вильямъ Ватерсортъ, Лингтонъ Буссаръ*. Я эту карточку очень хорошо помню, потому что сохранилъ ее по оригинальности происшествія.

— Какъ! такъ это вы?— вскричалъ англичанинъ.

— Да, милордъ, это я, вашъ кредиторъ, а вы мой должникъ. Вы должны мнѣ одно су, и я явился за долгомъ.

Вроятно никогда и ни въ чьемъ лицѣ не бывало еще такого быстрого и комическаго измѣненія, какое представляло въ эту минуту лице благороднаго лорда. Пальцы сэръ Вильяма, до тѣхъ поръ сжатые чуть чуть не въ лапу жаренаго каплуна, распустились, и его рука дружески протянулась къ нечаянному гостю. Таково свойство Англичанъ, доходящихъ до крайности какъ въ грубости, такъ и въ привѣтливости. *Все или ничего*—это девизъ одного изъ ихъ величайшихъ людей. Монтини былъ введенъ въ отдѣленіе милорда, гдѣ камердиреръ приложилъ самое старательное попеченіе о томъ, чтобы путешественникъ могъ показаться въ приличномъ видѣ обществу. Когда сядили за столъ, онъ ужъ былъ сорванъ готовъ. Происхожденіе Монтини обратило на него общее вниманіе. Онъ былъ принятъ дружески; миледи была прелестью, и анекдотъ на мосту, рассказанный за столомъ, про-

извелъ чудесный эффектъ. Только смѣтливый Монтинья разсказалъ его съ пропускомъ нѣкоторыхъ обстоятельствъ, потому что, (онъ очень хорошо понималъ это,) дама, которую преслѣдовалъ милордъ, и которая чуть-чуть не заставила его бросить за одно су значительный банковый билетъ, была вовсе не леди Ватервортъ.

Люка Монтинья умеръ семидесяти лѣтъ. Продажа его библиотекы и собранія автографическихъ документовъ обратитъ вниманіе всей политической, дипломатической и ученой Европы.

ИСТОРИЧЕСКІЙ РАЗВОРЪ

КАРТИНЫ ФРАНЦУЗСКАГО ЖИВОПИСЦА ИВОНА

«Куликовская Битва.»

(сообщено).

Часто самымъ вѣрнымъ судьей въ дѣлѣ искусства — бываетъ внутреннее, невольное сочувствіе къ художественному произведенію. Такъ въ поэзіи, такъ въ музыкѣ, такъ и въ живописи. Если картина оставитъ васъ, доставитъ наслажденіе вашему взору гармоніей сочиненія, рисунка, колорита, если сверхъ того она заставитъ васъ улыбнуться или задуматься, пробудитъ какую-нибудь новую мысль или напомнитъ забытую, — цѣль художника достигнута. Но все это только въ ландшафтѣ, въ портретѣ, въ картинахъ изъ частной жизни (*tableaux de genre*). Что же касается до живописи исторической, тамъ этихъ условій недостаточно. Приступая къ изображенію историческаго событія, художникъ непременно долженъ перенестись въ тѣ времена, изъ которыхъ онъ беретъ его, долженъ изучить нравы и обычаи лицъ, которыхъ онъ изобразитъ, ихъ типическія отличія, ихъ одежду, вооруженіе, даже самую мѣстность, гдѣ случилось происшествіе. Безъ того, и при соблюденіи всѣхъ художественныхъ условій, о которыхъ сказали мы, картина его будетъ блѣдна и безцвѣтна. Онъ представитъ намъ только вообще событіе того или другаго рода, но гдѣ и когда случилось оно — этого мы не разгадаемъ. Самый выборъ момента, изображаемаго исторической картиной, долженъ обуславливаться выборомъ сколько можно больше значительныхъ эпизодовъ событія, и притомъ такихъ, которые составляютъ существенное его отличіе отъ другихъ событій подобнаго рода.

Сказавъ въ прошлой книгѣ Москвитянина объ исторической картинѣ г. Мясоѣдова «Куликовская битва», мы уже видѣли, до какой степени нашъ русскій художникъ успѣлъ выполнить всѣ эти требованія; но есть

другая картина, изображающая ту же самую битву, писанная известнымъ французскимъ живописцемъ Ивономъ. Теперь любопытнѣе, чѣмъ когда-нибудь, узнать сужденіе о ней французскихъ журналовъ, чтобы посредствомъ этихъ сужденій поставить ее, хотя приблизительно, въ параллель съ картиной г. Мясоедова.

Вотъ что говоритъ о картинѣ Ивона *L'Indépendance Belge* (N 60, 1851): «г. Ивонъ въ своемъ произведеніи измѣнилъ вообще принятое правило батальной живописи—выставлять на первомъ планѣ побѣдителя. Въ его картинѣ лицо, которое привлекаетъ на себя главное вниманіе и занимаетъ первый планъ, не побѣдитель, а напротивъ побѣжденный татарскій ханъ, убѣгающій съ поля битвы. Однимъ словомъ, г. Ивонъ изобразилъ не побѣду русскихъ, а пораженіе татаръ, сдѣлавъ героемъ своей картины не Дмитрія, а Мамая.» Далѣе, въ томъ же журналѣ, хвалятъ бѣлую лошадь хана.

Въ *Illustration* (8 февр. 1851), напротивъ, называютъ героя на бѣломъ конѣ Дмитріемъ. Такое разногласіе двухъ журналовъ ясно доказываетъ, что г. Ивонъ не только не сохранилъ типическаго различія лицъ двухъ разныхъ племенъ, но даже не сохранилъ и настоящаго различія въ ихъ одеждѣ. Въ томъ же N *Иллюстраціи* есть и рисунокъ съ картины Ивона, но оттискъ его такъ дурень, что по немъ очень трудно рѣшить разногласіе журналовъ. Всего вѣрнѣе назвать первенствующее лице въ картинѣ Ивона Александромъ Македонскимъ, взятымъ съ картины Лебреня.

И такъ, по рисунку *Иллюстраціи* рѣшительно невозможно судить о картинѣ Ивона въ отношеніи художественномъ; но по немъ все-таки можно видѣть ея истину историческую.

Прежде всего скажемъ, что если бы не было подъ рисункомъ подписи, мы никакъ бы не угадали, что онъ изображаетъ Куликовскую битву. Съ чего взялъ г. Ивонъ, что 8 сентября, день, въ который происходила эта битва, былъ подобенъ ночи. Автопись говоритъ, что хотя въ этотъ день рано утромъ и былъ туманъ, но онъ, съ восходомъ солнца, сталъ рѣдѣть, и нисколько не помѣшалъ Дмитрію, стоявшему на возвышенномъ мѣстѣ, смотрѣть на стройные, необозримые полки свои, и видѣть, какъ «хоругви у богатырей, аки живы пашутся; шеломы на головахъ ихъ, аки утренняя заря; доспѣхи же, аки вода сильна колеблюща; еловицы же шеломовъ, аки поломя огненное пашутся, развѣваемые вѣтромъ.» Къ вечеру день сталъ еще лучше. Въ третьемъ часу пополудни, восточный вѣтеръ подулъ въ тылъ засад-

наго полка, и совершенно разогналъ остатки кое-гдѣ бродившихъ облачковъ, позлащенныхъ яркимъ осеннимъ солнцемъ.

Линія мѣстности очеркнута вѣрно, и это доказываетъ, что г. Ивонъ былъ на Куликовскомъ полѣ, и изучилъ мѣстность, но къ сожалѣнію только въ настоящемъ ея видѣ, а не въ томъ, въ какомъ она была во время битвы. На картинѣ его представлена широкая, раздольная степь, между тѣмъ какъ изъ исторіи извѣстно, что на этомъ мѣстѣ были тогда вѣковые лѣса. Даже нѣтъ на картинѣ той знаменитой дубравы, изъ-за которой, при восклицаніи князя Волынскаго: «*Приспѣлъ часъ!*», ринулся засадной полкъ, на утомленныхъ трехчасовою битвою Татаръ. Непростительно художнику забыть такое важное историческое обстоятельство, которое рѣшило участь Куликовской битвы, и которое составляетъ самый главный, отличительный ея эпизодъ. И теперь еще на Куликовскомъ полѣ, близъ рѣчки Смолки, сохранилось нѣсколько заповѣдныхъ дубовъ, оставшихся отъ этой достопамятной дубравы; у г. Ивона нѣтъ ихъ.

Выше мы уже замѣтили, что типическаго различія между племенемъ славянскимъ и монгольскимъ не возможно найдти даже въ главныхъ лицахъ картины г. Ивона; слѣдовательно о лицахъ второстепенныхъ въ этомъ отношеніи нечего и говорить. Типы лошадей точно такъ же не схвачены съ натуры, какъ и типы людей. Во всей картинѣ нѣтъ ни одной лошади ни татарской ни русской, а есть только снимки съ лошадей, изображенныхъ на картинахъ среднихъ вѣковъ, когда художники, устремивъ все свое вниманіе на человѣка, не обращали ровно никакого на остальные предметы, его окружающіе.

На лѣвой сторонѣ перваго плана картины видна группа, названная французскими журналистами «боемъ Монгола съ русскимъ воеводой.» Объ этой группѣ можно сказать только то, что намъ очень было бы любопытно узнать, на основаніи какихъ источниковъ г. Ивонъ облекъ русскаго воеводу XIV вѣка въ венгерку нынѣшнихъ гусаръ, а не въ латы и кольчугу, которые были такъ необходимы въ тѣ времена, когда еще не знали огнестрѣльнаго оружія, и ограничивались однимъ рукопашнымъ боемъ?

На правой сторонѣ перваго же плана изображенъ Монголъ въ энергической позѣ, у ногъ котораго видѣнъ монахъ съ крестомъ въ рукѣ. Иллюстрація объясняетъ, что это одинъ изъ двухъ монаховъ, посланныхъ св. Сергіемъ, для поддержанія бодрости духа въ русскомъ войскачѣ. Но исторія говоритъ намъ, что св. Сергіемъ посланы были не монахи, а схимонахи, Пересвѣтъ и Ослябя, которые были прежде бо-

ярами и служили въ войскахъ, и изъ которыхъ первый считался богатыремъ. Священно-витязи сражались въ наголовьяхъ схимонаховъ, а не въ клобукахъ, какъ на картинѣ Ивона. Изъ Никоновской лѣтописи видно даже, что Пересвѣтъ, заступивъ въ передовомъ полку мѣсто Димитрія, и призвавъ на помощь Бога и св. Сергія, вступилъ въ бой съ новымъ Голяѳомъ — татарскимъ богатыремъ Челубеемъ; что отъ тяжелыхъ ударовъ копій оба противника пали мертвыми, и «яко землѣ потрястися (подъ ними).» Судя по этой лѣтописи, священно-витязи дѣйствовали оружіемъ, а не крестомъ, какъ изображено у г. Ивона.

Въ группахъ сражающихся мѣстами видны фигуры полунагія. Вѣроятно г. Ивонъ хотѣлъ блеснуть художественно-академическимъ исполненіемъ природы. Но въ этомъ случаѣ онъ напрасно не принялъ въ соображеніе, что кочующіе азіатскіе народы, даже въ самыя сильныя жары, никогда не разставались съ своей теплой мѣховою одеждою; — тѣмъ менѣе могли они съ нею разстаться въ Россіи, въ сентябрь мѣсяцъ.

Исчисливъ всѣ эти частныя историческія погрѣшности картины г. Ивона, перейдемъ снова къ главнымъ лицамъ ея.

Если, согласно съ мнѣніемъ *L'Indépendance Belge*, всадникъ на бѣломъ конѣ, составляющій главную фигуру картины, есть дѣйствительно Мамай, въ такомъ случаѣ мы должны отдать справедливость г. Ивону въ томъ, что мысль его нова и оригинальна, но опять не вѣрна исторіи, которая именно говоритъ, что Мамай съ тремя своими сановниками не принималъ участія въ битвѣ, а только смотрѣлъ на нее съ высоты *Краснаго холма*, и увидѣвъ гибель и пораженіе своихъ подчиненъ, со стономъ воскликнулъ: «*Великъ Богъ христіанскій!*» Если же мы, по мнѣнію Иллюстраціи, примемъ того же всадника за Димитрія, тогда это будетъ новая и еще болѣе важная историческая погрѣшность. Известно, что Великій Князь Димитрій Іоанновичъ, окончивъ смотръ войскъ, призвалъ друга своего, боярина Михаила Александровича Брѣвка, «ниже любимъ былъ паче мѣры,» возложилъ на него княжескую одежду свою, посадилъ на коня своего, и повелѣлъ стать на свое мѣсто, въ большомъ полку, подъ чернымъ великокняжескимъ знаменемъ; что самъ онъ потомъ бился какъ рядовой воинъ, нанося тяжелыми ударами своей могучей руки смерть и ужасъ; что наконецъ онъ былъ раневъ, и послѣ сраженія найденъ подъ деревомъ, лежащій безъ чувствъ.... По какому же случаю, при концѣ битвы, когда уже татары дрогнули, могъ онъ быть на томъ мѣстѣ, гдѣ изображенъ у Ивона всадникъ на бѣломъ конѣ?

ПОПРАВКИ ОШЕЧАТОКЪ ВЪ РЕЦЕНЗИИ «ИЗВѢСТІЙ» ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.

(Письмо къ редактору).

М. Г. М. П.! Въ 4-мъ номерѣ вашего журнала, при обзорѣ «Извѣстій Императорской Академіи Наукъ по отдѣленію русскаго языка и словесности», помѣщено нѣсколько моихъ замѣчаній по поводу рецензіи г. Срезневскаго на сочиненіе Ф. Миклошича «*formentlehre der Altslovenischen Sprache*». По обстоятельствамъ, я не держалъ корректуры, вслѣдствіе чего въ мои замѣчанія вкрались опечатки, отнимающія у читателя возможность понять то, что я хотѣлъ сказать. — Буква, не важная въ другихъ случаяхъ, въ дѣлѣ Филологіи имѣетъ большое значеніе: на ней часто, какъ и въ настоящемъ случаѣ, держится весь смыслъ. — Не приписывая большой важности моимъ замѣчаніямъ, я все-таки желалъ бы, чтобы онѣ дошли, какъ до читателей, такъ и до г. Срезневскаго, въ ихъ истинномъ видѣ. — Такъ какъ онѣ займутъ не много мѣста, то я просилъ бы васъ покорнѣйше, если вы только найдете это возможнымъ, перепечатать ихъ въ будущемъ номерѣ Москвитянина въ слѣдующемъ видѣ:

1. На 16-ой стр. «Извѣстій» г. Срезневскій говоритъ: «Оцъ» нашелъ Миклошичъ только въ Болгарской рукописи Марк. IX. 47.; но онъ могъ бы найти это окончаніе и въ Остромиров. Еванг. Mat. VII. 4.» Но Миклошичъ говоритъ о двойственной формѣ *оцъ*, ибо у Марк. IX. 47. читаемъ: «неже двѣ *оцъ* имущу» и т. д.; а г. Срезневскій указываетъ ему въ Остр. Еванг. на форму предложнаго падежа ед. числа: «се бървьно въ *оцъ* твоемъ».

2. На той же 16 стр. г. Срезневскій говоритъ: «*цръкви* и *смокви*» есть уже позднѣйшее измѣненіе вмѣсто древняго «*цръкзи* и *смокзи*». Формы «*цръкви* и *смокви*» по крайней мѣрѣ современны съ формами «*цръкзи* и *смокзи*»; съ другой стороны въ этимологическомъ смыслѣ онѣ совершенно тождественны съ ними: — буква *з*, входящая въ составъ *зи*, черезъ свое родство съ буквой *ж*, можетъ явиться въ формѣ согласной *в*; (*) вслѣдствіе чего *зи* уравнивается съ *ви*, и слѣд. *цръкзи* = *цръкви*.

3. На стр. 18, разсуждая о системѣ спряженій Миклошича, г. Срезневскій находитъ несообразнымъ то обстоятельство, что глаголы «*ковати*» и «*куповати*» отнесены авторомъ къ различнымъ классамъ;

(*) См. диссер. г. Каткова «О форм. и элем.» ст. 29: мед-ъ, мѣѠ-ѡ, медв-вдъ.

по его мнѣнію, какъ тѣ, такъ и другіе глаголы принадлежать къ одному классу, гдѣ *оу* превращается въ *ов*, *ю* въ *ев* или въ *юв*. Что касается до спряженія тѣхъ и другихъ глаголовъ, то разницы въ нихъ, дѣйствительно, никакой не найдемъ; но если взять въ расчетъ образованіе неопредѣленного наклоненія, то увидимъ въ нихъ существенное различіе. Глаголь *ковати*, съ ему подобными, образуетъ неопредѣленное наклоненіе, черезъ вставку между корнемъ и окончаніемъ буквы *а*; глаголь же *куповати* черезъ вставку *ова*; иными словами: *ов* въ глаголь *ковати* коренное, а въ глаголь *куповати* вставочное. — И такъ, если обратить вниманіе на точку дѣленія, принятую Миклошичемъ, то нельзя не согласиться, что справедливость на его сторонѣ.

4. На стр. 15. г. Срезневскій говоритъ: «въ склоненіи прилагательнаго *божи* творительный единственнаго числа, кажется, правильнѣе было бы *божи-имъ* вм. *божи-емъ*». Въ Остромировомъ Евангеліи впрочемъ творительный единственнаго и датальный множественнаго числа прилагательнаго этого рода имѣютъ на — *емъ*.

Примите, М. Г., и пр. ♣.

мѣлочкѣ. Въ текущемъ году, въ Россіи (кромѣ Царства Польскаго и Финляндіи) издается 98 газетъ и 60 журналовъ; въ томъ числѣ: на русскомъ языкѣ 442, на французскомъ 7, на нѣмецкомъ 30, на англійскомъ 3, на итальянскомъ 4, на польскомъ 2, на латышскомъ 2, на грузинскомъ 2. Новыхъ изданій противъ предшествовавшаго года 3: «Извѣстія II Отдѣленія Академіи Наукъ», «Вѣстникъ естественныхъ наукъ», который предположило издавать Московское Общество Испытателей Природы, и «Сельскій Строитель.» Въ Петербургѣ выходитъ 67 изданій, въ Москвѣ 43, въ Ригѣ 8, въ Одессѣ 5, въ Тифлисѣ, Дерптѣ и Митавѣ по 4, въ большей части прочихъ губернскихъ городовъ по 4.

— Изъ числа 458 періодическихъ изданій, *четыре* посвящены *модѣ* (Ваза, Гирлянда, Мода, Магазины моды и рукодѣля, издаваемый г-жею Кошелевскою и лучшій изъ модныхъ журналовъ). Кажется, для такой специальности и достаточно; но что значить это число передъ количествомъ модныхъ журналовъ французскихъ, которыхъ въ одномъ Парижѣ издается до *тридцати!* Пересматривая ихъ списокъ, нельзя не согласиться, что Парижъ имѣетъ право считать себя законодателемъ въ дѣлѣ моды и вкуса. Тутъ есть модные журналы для семействъ, для дамъ, для дѣвицъ и даже для дѣтей; есть спеціальныя изданія для шитья и вышиванья, для бѣлошвейскъ, для шляпочницъ; есть ежемѣсяч-

ные указатели требований моды для мебельщиковъ, для компаныхъ живописцевъ и драпировщиковъ, даже для парикмахеровъ. (Удивительно, почему забыты повара). О портныхъ, этихъ профессорхъ швейнаго искусства, какъ они сами себя величаютъ, и говорить нечего: для нихъ издается три журнала, изъ которыхъ одинъ носитъ такое громкое заглавие: *Progrès, journal des veritables intérêts de l'art du tailleur*. Вотъ куда попалъ почтенный *прогрессъ!*...

— Впрочемъ, какихъ журналовъ не придумаетъ французская изобретательность! Странно, отчего не впадетъ ей на мысль издавать журналъ для гаданья, которое могло бы быть нѣсколькихъ родовъ: простое, на картахъ или на бобахъ, гаданье, возведенное на степень науки, à la Ленорманъ, гаданье магнетическое, симпатическое (въ родѣ улитковаго телеграфа), гаданье по черепу, по рукамъ, по рту и проч. и проч. Известно однако, что магнетическое гаданье процвѣтаетъ въ Парижѣ. Вотъ, напримѣръ, сколько объявленій объ этомъ встрѣтили мы въ одномъ изъ номеровъ *Débats*: «Знаменитая ясновидящая *Mlle de Fontaine*»... «Ясновидящая *Mlle Henriette*»... «Ясновидящая 43 лѣтъ. Достоверность безъ малѣйшаго шарлатанства»... «Новая сивилла *Mlle Monguel*, которой блестящія магнетическія способности столь известны, даетъ предсказанія каждадневно»...

— Въ Новомъ Свѣтѣ пошли, однако, дальше ихъ по части «спекулятивной индустрии». Къ эксцентричности Англичанъ Сѣверо-Американцы присоединили особаго рода отвагу, свои странности, и очень нерѣдко Янки отличатся такой штукой, кака и во свѣ не снилась Джонъ-Булю. Человѣкъ, какимъ-нибудь несчастнымъ случаемъ, лишился ноги: что остается ему дѣлать? прибѣгнуть къ пособию медицины, снабдить себя деревяшкой и утѣшиться философически. Но Американцу этого мало. Нѣкто г. Пальмеръ имѣлъ несчастіе лишиться ноги. Бѣдѣ надобно было пособить чѣмъ-нибудь, и Пальмеръ пособилъ какъ нельзя лучше. Онъ сдѣлалъ себѣ такую удивительную ногу, которая заставила его забыть о потерѣ природной. По его словамъ, ходьба съ искусственной ногой даже легче, чѣмъ съ своей собственной; только танцовать не ловко. Но не въ танцахъ дѣло, а въ томъ, что Пальмеръ завелъ фабрикацію искусственныхъ ногъ, и началъ издавать для своихъ кліентовъ журналъ, посвященный трактатамъ о членахъ человеческого тѣла, въ особенности о ногахъ, и о возможности, съ чрезвычайнымъ удобствомъ, замѣнять ихъ искусственными, которыя имѣютъ то важное удобство, что, сдѣланныя по мѣркѣ, будутъ гораздо красивѣе, строй-

нве, чѣмъ природныя. Если природа обидѣла кого-нибудь въ отноше-
ніи ногъ, дала одну короче, другую длиннѣе, или наградила кривыми:
пусть оиъ сдѣлаетъ себѣ ампутацію, отброситъ негодный членъ и замѣ-
нитъ его искусственнымъ, пальмеровскаго изобрѣтенія, и ошибка
природы будетъ исправлена. Такъ, по крайней мѣрѣ, увѣряетъ г.
Пальмеръ....

— Извѣстно, что фабрикація искусственныхъ глазъ дошла также до
удивительнаго совершенства: по наружности, фарфоровый глазъ почти
нельзя отличить отъ естественнаго. Но журналы для чтенія искус-
ственно-зрячимъ промышленность едва ли станетъ издавать, по очень
простой причинѣ: читать будетъ нечѣмъ. Да и никто, разумется, не
захочетъ промѣнять свои природныя глаза, какого бы цвѣта они ни
были, на искусственныя, будь эти послѣдніе удивительною красоты.
Здѣсь не поможетъ никакое изобрѣтеніе въ родѣ пальмеровскаго, и
фарфоръ останется фарфоромъ, дающимъ жизнь однѣмъ кукламъ. Пло-
хое зрѣніе — а есть оно, и слава Богу. Но говорятъ, что можно со-
хранить зрѣніе до самой глубокой старости, — и хотя рѣдко,
но случается видѣть людей лѣтъ въ 70, которые и не знаютъ, чѣмъ
такое очки.... Въ прошломъ году, въ одной изъ провинціальныхъ га-
зетъ напечатано было извѣстіе о чрезвычайно простомъ способѣ со-
хранять зрѣніе. Извѣстіе это было перепечатано потомъ въ другихъ
изданіяхъ, но, кажется, не дошло до столичныхъ, или эти послѣднія
не обратили на него вниманія. Рѣшаемся передать этотъ способъ,
подлинными словами автора статьи въ Воронежскихъ Губ. Вѣд. «До
1807 г. жилъ въ Нарвѣ докторъ медицины Яковъ Ивановичъ Сандерсъ,
105-лѣтній старецъ, добродѣтельный, извѣстный своимъ искусствомъ.
Къ нему пріѣзжали лечиться даже изъ ганзейскихъ городовъ. Ста-
рецъ Сандерсъ былъ набоженъ, сострадательнъ, кротокъ нравомъ; въ
бесѣдахъ слушали его какъ мудреца, очень испытаннаго по жизни и
просвѣщеннаго многими науками. Бѣдные граждане получали отъ него
помощь безъ платы, воздавая ему сердечною благодарностію предъ Бо-
гомъ. Этотъ старецъ, въ одинъ лѣтній вечеръ, шелъ по Ивангород-
скому форштату мимо дома статскаго совѣтника Щельскина, и, увидя
его сидящаго у открытаго окна и читающаго газеты въ очкахъ, сказалъ
ему: «Вижу, что и ты, Петръ Алексѣевичъ, подражаешь модѣ большаго
свѣта.» — Какая тутъ мода, батюшка Яковъ Ивановичъ: надобно
благодарить людей, изобрѣтшихъ способъ видѣть и намъ старикамъ. —
«Согрѣшаешь, согрѣшаешь, проговорилъ Сандерсъ: нашъ Создатель
даровалъ намъ очи прочныя, но мы сами портимъ ихъ разными случа-

ими, ослабляя всякими снадобьями. Какъ же я на 105 году не знаю очковъ, читая почти непрерывно, потому что стараюсь слѣдить за ходомъ науки?—Что же вы дѣлаете для этого?—«А вотъ я сейчасъ объясню тебѣ.» — Сандерсъ вошелъ въ домъ къ Щеблыкину, велѣлъ подать глиняную чашку такой величины, чтобы могло въ нее помѣститься лицо, налилъ ее холодною водою, и училъ Щеблыкина смотрѣть открытыми глазами въ водѣ, вода ими во всѣ стороны и моргая вѣками, и советовалъ повторять это мытье каждое утро по нѣскольку минутъ. Щеблыкинъ послѣдовалъ этому наставленію, и, будучи 85 лѣтъ, читалъ и писалъ безъ очковъ до самой кончины. Другъ и сослуживецъ мой, покойный генераль-маіоръ А. А. Тургеневъ тоже употреблялъ этотъ способъ, и на осьмомъ десяткѣ годовъ жизни читалъ книги безъ очковъ при огнѣ, сидя далеко отъ свѣчей, потому что близкій свѣтъ находилъ тягостнымъ для глазъ. Наконецъ я самъ, 70-лѣтній инвалидъ, употребляя то же средство, не нуждаюсь въ очкахъ.» — Желательно, чтобы медицина сказала свое мнѣніе объ этомъ простомъ средствѣ.

— Случайно попался намъ «Указатель предметовъ лоттерей-томболовъ», которая была разыграна Обществомъ посѣщенія бѣдныхъ. Въ числѣ 2000 выигрышей находится и нѣсколько книгъ: иллюстрированныя изданія сочиненій Мольера, Расина, Шатобриана, карикатуры Гаварни, Путешествія по Индіи, Персіи, Швейцаріи, Исторія Франціи, Венеціи, англійскіе кипсеки и т. п., всего до 30 нумеровъ. Изъ русскихъ книгъ мы встрѣтили только одну: Собраніе сочиненій русскихъ авторовъ, издаваемое Смирдинымъ, и пожалѣли, что наши художники какъ будто считаютъ неблагодарнымъ трудомъ брать сюжеты для своего карандаша изъ сочиненій отечественныхъ писателей. Ни Пушкинъ, ни Гоголь, ни Лермонтовъ не вдохновляютъ еще ихъ.... Посчастливилось одной «Душенькѣ» Богдановича, которую, въ художественныхъ очеркахъ, передалъ намъ графъ Толстой....

— Не такъ давно, въ Петербургѣ, на Александринскомъ театрѣ, давали драму: «Блокада (?) крѣпости (!) Костромы въ 1608 году.» Добрые русскіе люди! неужели вы еще въ началѣ семнадцатаго вѣка говорили «смѣсю французскаго съ нижегородскимъ»? Ужъ не была ли и Кострома укрѣплена по системѣ Вобана? Не посылали ли осажденные парламентаровъ, которые, съ вадлежащимъ респектомъ, титуловали шефа блокадной арміи: «Monsieur le général!» — а этотъ послѣдній не требовалъ ли отъ нихъ сатисфакціи за нарушеніе милитерныхъ артикуловъ?... Бѣдный русскій языкъ!

— Извѣщаются любители охоты, что *сборноо воскресеніе* (говори

технически), т. е. торговля разными принадлежностями охоты въ этотъ день, переведена изъ Охотнаго ряда на Лубянскую площадь. Мы видѣли «сборное воскресенье» на новомъ мѣстѣ, и не замѣтили почти никакой перемѣны въ обстановкѣ его. Но любители спорта говорятъ, что эта перемѣна невыгодно подѣйствовала на торговлю «сборнаго воскресенья.» Можетъ быть.... Въ утѣшеніе, мы расскажемъ имъ кое-что объ охотѣ на тигровъ, этихъ рѣдкихъ гостей въ двухъ-трехъ краяхъ Россіи. Въ Киргизскихъ степяхъ истребляютъ тигровъ двумя способами. Первый состоитъ въ томъ, что на лазу или тропѣ, по которой тигръ ходитъ за добычей, ставятъ орудіе въ родѣ нашихъ капкановъ, состоящее изъ дуги въ видѣ лука, которая выпуклою частью укрѣпляется въ землю, концы же обращены къ верху. Къ концамъ этимъ, раздѣвленным по росту обыкновеннаго тигра, приделываются острые кинжалы, и весь механизмъ такъ устроенъ, что едва тигръ ступить лапой на эту западню, какъ вдругъ кинжалы поражаютъ его съ боковъ. Другой способъ истребленія тигровъ очень опасенъ, потому что человекъ идетъ здѣсь прямо къ звѣрю, въ пещеру или въ скалу, гдѣ тигръ во время полудня скрывается отъ зноя. Охотникъ беретъ особенное оружіе—въ видѣ пилы, широкую и острую съ одного конца, какъ бритва, стальную полосу. Придя къ пещерѣ, гдѣ лежитъ тигръ, охотникъ ударяетъ объ камень этимъ оружіемъ, и тотчасъ же ставитъ его при выходѣ изъ отверстія тигровой норы такъ, чтобы оно какъ разъ пришлось остриемъ подъ брюхо вылезшему наружу звѣрю, которому тутъ и бываетъ конецъ, потому что едва тигръ высунется до половины, охотникъ перерѣзываетъ ему всѣ внутренности. Говорятъ, что звукъ, производимый ударомъ объ камень, наводитъ на тигра какой-то ужасъ: онъ встаетъ и вылезаетъ изъ пещеры съ такою робостью и медленностью, что охотникъ имѣетъ довольно времени приготовиться къ встрѣчѣ съ нимъ....

Въ редакціи получены повѣсти, кои въ слѣд. книгахъ будутъ напечатаны: *Натурщица, Н. С. Ковалевскаго*; *Сумасшедшая актриса, А. П. Архипова*; *Красильниковы, А. Печерскаго*; *Деревья и городъ, Н. В. Берга*; *Дареджана; трагедія г. Полонскаго*; *Горцы Абрупцо, Н. И. Невьдомскаго.*

М О Д Ы.

— Роскошь шелковых матерій доходить до невѣроятности. Онѣ напоминаютъ намъ и своею плотной тканью и богатствомъ колеровъ и узоровъ великолѣпныя матеріи, въ которыя одѣвались красавицы двора Людовика XV и XIV. — Вы согласитесь съ нами, любезныя читательницы, если посмотрите на нывѣшніе муары-антикъ, муары-шине и затканые муары, наконецъ на лампасы, брокары и дрогеты для бальныхъ платьевъ, гдѣ шелкъ перемѣшанъ съ серебромъ и золотомъ.

— Тафта, съ гирляндами заткаными въ край оборокъ и яркими полосками, до сихъ поръ еще очень употребительна. — Весеннихъ матерій еще мало видно, однако говорятъ, что будутъ много шить весеннихъ платьевъ изъ папелину *d'Irlande* и шерстянаго папслину.

— Утреннія платья дѣлаются постоянно съ бочками, округляемыми или четверугольными. Съ жилетами надѣваютъ лифа, въ видѣ кофточекъ, съ тальей, которые шьются отдѣльно отъ юбокъ. Если же, напротивъ, не хотятъ надѣвать жилетъ, то дѣлаютъ платье съ высокимъ воротникомъ, съ гладкимъ лифомъ, отдѣленнымъ перетяжечками изъ лентъ или бархатцу, и нерѣдко съ рядомъ бавтиковъ, въ видѣ бабочекъ, посрединѣ. Форма рукавовъ до крайности разнообразна; ихъ дѣлаютъ или просто широкіе скругленные, или разрываемые до локтя. Иногда пришиваютъ широкій отворотъ, напоминающій рукава мушкатерскихъ кафтановъ.

— Опять начинаютъ носить лифа съ круглыми мысами, особливо за-просто, длинныя остроконечныя мысы теперь дѣлаютъ только на большихъ платьяхъ. Оборки пришиваются почти вгладь, особливо кружевыя, которыя, какъ и всегда, въ большой модѣ. Кружево *Chantilly* предпочитаютъ вѣсмъ другимъ. Въ послѣднее время зимы, на балахъ рѣдкое платье появлялось безъ оборокъ или тюника изъ этого кружева. Особенно хорошо было платье, въ этомъ родѣ, появившееся на одной изъ первыхъ красавицъ Парижа, какъ пишутъ

Французскіе журналы. Оно было изъ тафты гласе розоваго цвѣта, съ чернымъ тюникомъ изъ кружева Chantilly, узоръ котораго былъ великолѣпнѣе до нес plus ultra. Лицъ былъ также отдѣланъ чернымъ кружевомъ въ видѣ V. Черное кружево, сквозь которое эффектно сквозилъ пунцовый цвѣтъ гласѣ, такъ выказывало бѣлизну плечъ красавицы, что зтогъ, въ сущности, очень простой нарядъ, казался лучшимъ и производилъ болѣе эффекту, чѣмъ всѣ другіе, залитые золотомъ.—Головной уборъ къ этому платью составлялъ вѣнокъ изъ вѣтокъ красной смородины, чернаго винограда и какихъ-то мелкихъ золотыхъ ягодокъ.

—Форма шляпъ не измѣнилась, но онѣ, съ наступленіемъ весны, дѣлаются какъ-то легче, прозрачнѣе: бархатъ замѣняютъ атласомъ, перемѣшаннымъ съ газомъ-лиссъ и блондой. Вѣроятно приготавливаютъ и весеннія шляпы, но эти приготовления еще секретъ, до котораго трудно добраться.—Говорятъ, будто соломенные шляпы будутъ въ большой модѣ. Ихъ будутъ дѣлать болѣею частью ажурныя или съ аграмантомъ, прашивочками и оборочками изъ конскаго волоса. Впрочемъ объ этомъ еще рано; до слѣдующаго нумера.

ОПИСАНІЕ КАРТИНКИ.

—Платье атласное, обшито лентой, въ видѣ оборочки, и стеклярусовой тесьмой; шемизетка и подрукавники кружевные; шляпа атласная, съ перомъ.—Бальное платье матерчатое, затканное на подолѣ узоромъ въ видѣ бѣлой атласной ленты; сорти-де-балъ бѣлый атласный, украшенный широкой муаровой тесьмой и широкой блондовой оборкой.

С Ж Ъ С Ъ.

ПОДМОСКОВНАЯ ОХОТА.

КУЗНЕЦЪ МИШКА.

Въ послѣднихъ числахъ августа мѣсяца, забѣхалъ ко мнѣ одинъ мой знакомый охотникъ, по имени Иванъ Петровичъ Клейковъ. Лѣтъ пятидесяти отъ роду, средней полноты, усы, сѣдоватые волосы и высокій ростъ — вотъ его наружность. Страсть къ охотѣ, неутомимость къ ходьбѣ, любовь къ красному словцу и непремѣнное желаніе показать, что ему знакома всякая мѣстность, вотъ что извѣстно мнѣ изъ внутренней стороны его. Я еще спалъ, когда онъ пріѣхалъ, и, по короткости нашей, вошелъ ко мнѣ прямо въ спальню.

— Пора вставать, — сказалъ онъ своимъ нѣсколько гусливымъ голосомъ.

— А который часъ? — спросилъ я, открывая глаза.

— Который?... Ужъ я въ Суцово съѣздилъ, небось часовъ десять.

Я посмотрѣлъ на часы, было только семь часовъ.

— Раненько поднимаешься, Иванъ Петровичъ, — сказала я. — Да развѣ у тебя нѣтъ часовъ, что тебѣ кажется десять, когда только семь?

— Нешто ты моихъ часовъ не видалъ? — отвѣчалъ онъ. — Забылъ вчера завести, а легли мы рано, что-то не поспалось. Да не въ томъ дѣло: всю ночь шелъ дождь, не поѣхать ли куда пострѣлять?

— Отчего жъ и не поѣхать, — сказалъ я; — напьемся сначала чаю, и потолкуемъ, въ какую сторону лучше отправиться.

Самоваръ былъ уже готовъ, мы закурили сигары и стали перебирать замѣчательныя подмосковныя болота.

— Ну куда жъ, Иванъ Петровичъ? — спросилъ я.

— Да мнѣ все равно, — отвѣчалъ онъ, — хорошо бы въ Дмитровскую губернію. Такъ обыкновенно называлъ онъ Дмитровскій уѣздъ.

— Это далеконько, — сказалъ я; — не лучше ли въ Ликову?

— Тамъ ничего нѣтъ. У меня вчера былъ оттуда мужикъ съ сѣномъ; говоритъ, Ванька выходилъ всѣ мѣста, убилъ одного дупеля.

Хотя я былъ почти увѣренъ, что мужика съ сѣномъ изъ Ликовы никакого не было, но промолчалъ.

— Въ Мытищи тоже ѣхать не зачѣмъ, — продолжалъ Клейковъ, — въ Сушовѣ сегодня встрѣтился мнѣ Грачевъ.

Встрѣча эта была тоже подозрительна.

— Ну что жь? — спросилъ я.

— Вездѣ, говоритъ, пересохло.

— Развѣ поѣхать по Владимиркѣ подъ Лосинный, — сказалъ я. — Мѣста хорошия, а тебѣ еще незнакомыя.

— Вотъ выдумалъ, — сказалъ Клейковъ, обидѣвшись; — да я тамъ много разъ бывалъ. Вѣдь это на Москвѣ рѣкѣ?

— То есть на Клязьмѣ.

— Да, бишь на Клязьмѣ. Сколько мы дупелей тамъ бивали съ покойнымъ Иваномъ Силычсмъ!

— Подъ Лосиннымъ дупелей очень мало, — замѣтилъ я; — есть дупелиныя мѣста за дорогой, отъ рѣки верстъ пять.

— А прежде и тутъ бывали, — говорилъ Клейковъ. — Какъ теперь помню, смѣху-то что было, какъ у Ивана Силыча дупель изъ акташа улетѣлъ.

— Такъ ѣдемъ подъ Лосинный заводъ, — сказалъ я. — Кстати у меня тамъ натаскивается Шамилька, посмотримъ, каково онъ работаетъ.

— Кто тебѣ его натаскиваетъ?

— Кузнецъ Мишка.

— За сколько?

— Да что дамъ, тѣмъ и будетъ доволенъ. Отдалъ безъ уговора.

Собирались мы не долго; Клейковъ непременно хотѣлъ, чтобъ я полюбовался его новокупленной пристяжной, и уговорилъ ѣхать на его лошадахъ. Для этого онъ отправился домой и черезъ часъ за мною заѣхалъ. Хваленая пристяжная была лихая казанка, грива по земь, хвостъ трубою. Клейковъ всю дорогу правилъ ею самъ.

Тридцать пять верстъ по шоссе проѣхали мы очень скоро. Дорога была самая пріятная; шедшій ночью дождь прибилъ пыль, въ воздухѣ была нѣкоторая свѣжесть, предвѣщающая осень. Народу встрѣчалось довольно: то почтовая тройка, то подгородный помѣщикъ на дрожкахъ, то запоздавшій купецъ съ Нижегородской ярмарки. Клейковъ потѣшался проворствомъ своей тройки.

— Обгони-ка, Васька, эту коляску, — говорил онъ своему кучеру и самъ подстегивалъ пристяжныхъ.

Бѣжавшую впереди коляску обгоняли, тоже было и съ другими экипажами, попадавшимися на дорогъ. — Иногда видѣлись въ нихъ интересныя женскія личики въ соломенной шляпкѣ или бѣленькомъ чепчикѣ, иногда толстая усатая физиономія съ огромнымъ янтаремъ въ зубахъ; послѣдняя сейчасъ же скрывалась за густымъ облакомъ дыма, потянутого изъ пенковой трубки гигантскаго размѣра.

Всю дорогу Клейковъ вспоминалъ разныя охоты, говорилъ о многихъ болотахъ въ отдаленныхъ губерніяхъ, въ которыхъ вѣроятно никогда не бывалъ; но описывалъ каждую мѣстность такъ подробно, что слушавшій его въ первый разъ непременно бы ему повѣрилъ. — Я давно привыкъ къ его обычаю украшать свои рассказы, и охотно пропалъ ему эту слабость, потому, что кромѣ этого недостатка, онъ былъ славный товарищъ на охотѣ. Устанетъ послѣ всѣхъ, ѣсть и пить безъ претензій, и дѣло понимаетъ какъ слѣдуетъ. Иногда однакожъ позволялъ я себѣ и остановить порывы его фантазіи; но это его не исправляло: попавшись въ просакъ, онъ скоро забывалъ это, и принимался за прежнее.

Однажды собралось насъ нѣсколько человекъ охотниковъ, говорили съ жаромъ, каждый рассказывалъ какой-нибудь замѣчательный случай; но объ какомъ бы мѣстѣ ни заговорили, оказывалось, что оно известно Клейкову. Гдѣ вспоминалъ онъ лѣсъ, гдѣ гору, гдѣ оврагъ, гдѣ рѣку,

— Да вы чуть ли всѣ болота въ имперіи не знаете, — сказалъ ему одинъ изъ насъ.

— Пошатался таки, — отвѣчалъ онъ съ самодовольной улыбкой.

— Ну, а въ Понтійскихъ болотахъ бывали? — спросилъ я его нарочно скоро.

— Еще бы, — отвѣчалъ онъ; — еще тутъ на право лѣсъ, и къ лѣсу-то куда какой кочарникъ.

— Да въ эти болота въ Италиі, — сказалъ я, смѣясь.

— Въ Италиі? — говорилъ Клейковъ, смутившись.... Ну такъ я не вслушался.... Ты ихъ какъ называлъ?

— Понтійскія.

— Ну гдѣ не былъ, такъ не былъ, — продолжалъ онъ, краснѣя, — а мнѣ послышалось Епифанскія.

Смѣху было довольно.

Около вечеренъ мы въѣхали въ деревню Шилово, принадлежащую одному хорошему моему знакомому. Усадьба его въ сторонѣ отъ боль-

шой дороги, и хлѣбосоль хозяинъ всегда снабжаетъ насъ покойнымъ помѣщеніемъ и сытнымъ столомъ. Прежде нежели свернули мы на вашу штабъ-квартиру, захотѣлось мнѣ взглянуть на мою собаку, и я попросилъ остановиться у кузницы, находившейся при самомъ въѣздѣ въ деревню. Въ этой кузницѣ жилъ воспитатель моего Шамилки, хорошій кузнецъ и дѣльный охотникъ, по имени Михаилъ Пимеконъ. Неизвѣстно почему, но его звали всѣ больше полуименемъ: осталась ли эта привычка отъ молодыхъ лѣтъ, или смиренный его характеръ внушалъ къ нему мало уваженія; но извѣстенъ былъ онъ болѣе подъ именемъ кузнеца Мишки, не смотря на давно стукнувшій ему четвертый десятокъ.

Остановившаяся среди дороги тройка и вдругъ смолкнувшіе бубенчики обратили на насъ вниманіе Мишки, работавшаго въ это время въ кузницѣ. Завидѣвши меня, онъ оставилъ свой молотъ и торопливо подошелъ къ намъ. Наружность его не слишкомъ замѣчательна. Невысокой ростъ, очень длинныя свѣтлорусые волосы, рѣдкая короткая борода и какая-то простодушная доброта въ глазахъ, дополнялись синей рубашкой и во многихъ мѣстахъ просоженнымъ кожанымъ фартукомъ.

— Съ прїездомъ честь имѣю поздравить, — сказалъ онъ, кланяясь.

— Есть ли дичь у васъ? — спросилъ я его.

— Мало-съ, — отвѣчалъ онъ; — нешто вчерашній дождичекъ.

— Да ты когда былъ въ полѣ?

— Вчерашняго числа всю дачу обошелъ.

— И чтожь?

— Такая оказія, ни одной птицы поднять не могъ-съ.

Это извѣстіе насъ мало порадовало, но бывшій ночью дождь подавалъ надежды. Клейковъ нѣсколько насупился.

— Ну, а Шамилка гдѣ? — спросилъ я кузнеца.

— Грѣться изволить, — отвѣчалъ онъ, улыбаясь. — Такой вѣжливый, все при себѣ держу.

Слово «изволить» было любимымъ словомъ Мишки; хотѣлъ ли онъ высказать имъ свою учтивость, или просто звукъ этого слова ему нравился, но, какъ увидать ниже читатели, онъ часто повторялъ его.

— Позови-ка его сюда, — сказалъ я.

— Эй! Шанихъ!... — закричалъ Мишка.

— Какой Шанихъ? — спросилъ я.

— А то какъ же-съ?

— Да вѣдь я тебѣ говорилъ, какъ звать его: Шамиль, — это просто.

— А мнѣ показалось Шанихъ, — отвѣчалъ кузнецъ. — Шанихъ, кажись, лучше.

На зовъ Мишки вышла изъ кузницы моя собака. Еслибъ я встрѣтилъ ее въ другомъ мѣстѣ, я сталъ бы держать пари, что это не мой Шамилька, до того вмѣстѣ съ именемъ измѣнилась и его наружность. Вмѣсто полной веселой собаки, безъ усталы гонявшейся за каждой птичкой по полю, я увидѣлъ худаго, поджараго пса, судорожно расправлявшаго свои ноги.

— Вѣрно ты не кормишь его? — сказалъ я кузнецу.

— Самъ изволить мало ѣсть, — отвѣчалъ онъ, — ибжная собака. А хожу-то я съ нимъ не лѣнюсь, все съ однимъ, своихъ и не беру.

— Поправится, — сказалъ Клейковъ; — ну, а ищеть? — спросилъ онъ у Мишки.

— Вотъ завтра увидите, — отвѣчалъ кузнецъ съ самоувѣренностію, только бы найдти что.

— Ну, хорошо, — сказалъ я; — сегодня ужъ поздно выходить въ поле; а завтра съ разсвѣтомъ приходи на барской дворъ, и пойдемъ на охоту вмѣстѣ. Приводи Шамильху, и себѣ собаку захвати.

— Какую бы взять, — говорилъ кузнецъ въ раздумьи, — Баронка не стоитъ, Хорошка залѣжался; развѣ жолтенькую.

Баронка—собака очень замѣчательная. Мишка увѣряетъ, что мать его была лягавой породы, но наружность собаки нисколько этого не подтверждаетъ. Баронка больше ничего, какъ чернопѣгой, теплой, дворной песь съ короткимъ хвостомъ, стоячимъ всегда вертикально и имѣющимъ на концѣ такую густую и длинную шерсть, что при взглядѣ на него я невольно каждый разъ вспоминаю повозки гуртовщиковъ. Видѣвшіе ихъ припомнятъ, что на будкѣ всегда прикрѣпляется палка, на которой развѣвается пукъ ковыля (степная трава). Чутье у Баронки необыкновенно далекое и вѣрное, но стойки нѣтъ вовсе. Хорошка—красивая маркловская собака, добытая гдѣ-то щенкомъ. Названіе это придумано настоящимъ ея хозяиномъ. Собака, извѣстная полъ названіемъ жолтенькой, какой-то выродокъ изъ польскихъ собакъ, вся курчавая и необыкновенно малаго роста; имѣетъ хорошее чутье, но гонить безпошадно.

— Нѣтъ ужъ отъ жолтенькой избавь, — сказалъ я кузнецу, — возьми лучше Хорошку; я, кстати, не видалъ его въ полѣ.

— Слушаюсь, — отвѣчалъ Мишка, и мы поѣхали въ усадьбу.

Не буду говорить о радушномъ приѣмѣ хсзяина и о весьма пріятно проведенномъ нами вечерѣ. Послѣ ужина отправились мы въ отдѣль-

ный флигель. Клейковъ сталъ начинять патроны, при себѣ покормилъ свою собаку, и, завалившись на постель, сейчасъ же заснулъ. Прочта по обыкновенію какую-то статью во взятомъ у хозяина журналѣ, предался и я отдохновенію, необходимому передъ охотой.

Заря только что занялась, какъ тяжелые шаги на крыльцѣ разбудили меня. Я всталъ, отворилъ пришедшему охотнику и растолкалъ крѣпко спавшаго своего товарища.

— Я раза три просыпался, — сказалъ Клейковъ, — да думалъ — рано, и пожалѣлъ будить тебя.

Вооруженный коротенькимъ двуствольнымъ ружьемъ, въ синемъ полукафтанѣ, съ мѣдными патронами за поясомъ, вошелъ Мишка въ нашу комнату. Шамильку впустилъ напередъ себя и сейчасъ же притворилъ дверь, говоря оставшейся въ сѣняхъ собакѣ:

— И тамъ полежишь, не барыня... на дворѣ свѣжо, такъ продрогнуть изволила.

Слова эти относились къ Хорошкѣ, скорчившемуся отъ довольно свѣжей утренней росы.

— Пусти его сюда, — сказалъ я.

— Ничего-съ, незамай, привыкаетъ.... Дѣло мужицкое, — отвѣчалъ Мишка.

Въ началѣ осени, когда, не смотря на прохладное утро, среди дня бываетъ иногда очень жарко, охотники дорожатъ временемъ, удобнымъ для охоты. Мы торопились одѣться, и, не пивши чаю, отправились. Шамильку я приласкалъ, и онъ охотно пошелъ со мною.

Усадьба стояла на самомъ берегу Клязьмы, и намъ нужно было переправляться черезъ рѣку, чтобы попасть въ болото. Солнце еще не всходило, роса густымъ туманомъ медленно поднималась съ болотистыхъ мѣстъ противоположнаго берега, въ воздухъ было необыкновенно тихо; только водяная курочка, досвистывавшая ночную пѣсню свою, и дворовыя утки, полоскавшіяся на рѣкѣ, прерывали эту повсемѣстную тишину. — Мишка отвизалъ причаленную къ берегу небольшую лодку, и, упираясь шестомъ въ дно, перевезъ насъ на другую сторону. Собака Клейкова переплыла за лодкой, Хорошка и Шамилька жались у берега и не рѣшались идти въ воду.

— Вы чего ждете, нѣженки? — закричалъ на нихъ кузнецъ.

— Да, ходитъ ли Шамилька въ воду? — спросилъ я.

— Помилуйте-съ, всему изволилъ учиться, — отвѣчалъ Мишка.

— Эй! Хорошка! — кричалъ онъ собакамъ, — ты у меня не хитри и

Шаниха не балуй. У меня, братъ, въ якташъ плетка есть, Извольте идти,—прибавилъ онъ, обращаясь къ намъ,—догонять.

И въ самомъ дѣлѣ, едва забрались мы на гору, какъ услышали, что собаки плыли, покорные убѣдительному воззванію своего наставника.

Лугъ, на который мы вышли, обыкновенно заливается весь рѣкою во время половодья. Входя въ берега, рѣка оставляетъ воду въ нѣкоторыхъ углубленіяхъ луга. Вода эта иногда совершенно пересыхаетъ къ осени, иногда же остается и образуетъ такъ называемыя глушицы или заводи. Въ осоку, растущей обыкновенно по берегамъ этихъ глушицъ, часто держатся дупеля и бекасы. Иногда глушицы эти довольно велики, проявившія мѣста около нихъ часто покрыты кочками и мелкимъ кустарникомъ.

— Обойдемъ глушицы, да и подъ Оборино,—говорилъ кузнецъ,—а то упредить лосинскіе. Просто одолѣваютъ; ужъ такой народъ мошенникъ.

Между работниками Лосиннаго завода, находящагося не далеко отъ описываемыхъ нами мѣстъ, очень много охотниковъ. Нѣкоторые изъ нихъ ходятъ стрѣлять отъ нечего дѣлать, другіе же промышляютъ поставкою дичи въ Москву. Иногда, а особенно въ праздники, выходятъ они большою артелью. Народъ буйный, не стоворчивый; отъ природы смиренный кузнецъ ихъ не жаловалъ.

— Вотъ намѣднись,—говорилъ онъ, — вышелъ я въ подъ-Оборино съ Шамилькой, встрѣчается мнѣ лосинской Терентій.

— Ты что тутъ ходишь?... говорить.

— А вамъ, молъ, что за дѣло?—сказалъ я.

— Не смѣй стрѣлять.... говорить.

— Да что вы болота развѣ заказали? — спросилъ я;—вѣдь болота оборинскія.

— Ну добро, добро, убирайся покуда цѣль. — Да ружьемъ-то такъ и машеть. Собаку, говорить, застрѣлю. Чтожъ съ нимъ будешь дѣлать. Народъ азарной.... Поворотилъ я и пошелъ вонъ изъ болота. Ужъ совсѣмъ къ берегу подошелъ, глядь, а Шамилька-то стоять изволилъ. Вскочилъ дупель, я его съѣкъ, и хочу класть въ якташъ, а Терентій какъ тутъ и былъ.

— Почемъ выпалилъ?—спросилъ онъ меня.

— По дупелю,—отвѣчалъ я, и показалъ ему птицу. Онъ у меня изъ рукъ душеля взялъ, да такъ таки къ себѣ въ суму и положилъ.

— Не стыдно ли будетъ, Терентій Ивановичъ? — молвилъ я, а ему и горя мало, побрелъ себѣ въ болото. Нечего говорить, азариинъ народъ.

Все это рассказалъ Мишка чрезвычайно наивно и съ приличными жестами.

— Ты больно смиренъ, — замѣтилъ я ему.

— Помилуйте-съ, — отвѣчалъ онъ быстро, — собака господская-съ, долженъ беречь-съ.

На обходъ глушницы употребили мы не много времени. Клейковъ убилъ пару бекасовъ, мы съ Мишкой по дупелю. Шамилька ожилъ въ болотѣ, искалъ прекрасно, и очень крѣпко стоялъ надъ дупелемъ. За добросовѣстное обученіе я выразилъ наставнику свою признательность.

— А повличился я съ нимъ, — сказалъ Мишка, — изволить бывало по-ситься, ничѣмъ не остановишь.

— А сколько ты убилъ изъ-подъ него личи? — спросилъ я.

— Да паръ сорокъ будетъ, — отвѣчалъ онъ.

Перейдя небольшое поле, мы вошли въ деревню Оборино, полъ которой начинается большое болото. Лежитъ оно по самому берегу Клязьмы и имѣетъ почти круглый видъ; одна сторова примыкаетъ къ рѣкѣ, другая къ нагорному полю. Болото почти все чисто, только около одного края, подошедшаго къ деревнѣ Бездѣдову, растутъ довольно частые кусты и затрудняютъ нѣсколько стрѣльбу. — Мѣсто такъ обширно, что десять человѣкъ охотниковъ могутъ проходить здѣсь цѣлое поле (*), не мѣшая другъ другу.

Солнце уже было высоко надъ горизонтомъ, когда мы всѣ трое сошли на берегу болота. Дичи подняли мы довольно, стрѣляли такъ и сякъ. Клейковъ раза два наказывалъ свою собаку за ея горячность, Мишка что-то ворчалъ, подходя къ намъ.

— Ну чѣмъ недоволенъ? — спросилъ я. — Вѣдь штукъ пять убилъ?

— Убить-то убилъ-съ, — отвѣчалъ онъ, — да Хорошка балуется.

— А что?

— Нѣтъ-съ, намъ онъ не годится, надо какому-нибудь барину подарить.

— То-есть, какъ подарить?

— Цѣлковенькихъ за десять надо отдать, — говорилъ Мишка. — Это собака не кормилица.

— Чѣмъ жер? — спросилъ я.

(*) Цѣлемъ называютъ иногда время, употребленное на охоту.

— Уставать скоро изволить, — отвечал онъ. — Ну много ли мѣста выходили, языкъ высунула. Ужь побить хотѣлъ.

— Ну этимъ ты не освѣжишь ее.

— Освѣжу-съ, — говорилъ Мишка, улыбаясь. — Унасъ и все такъ. Отстаеть, ее плеткой.... По неволѣ впередъ поидеть... не домой же ей бѣжать. Нынче ужь на меня годъ такой, собаки пастоящей нѣтъ, да и ружье что-то отказывается, слабо бить стало. Ужь коли вскочить птица далеко, своей не зови, а коли и падеть, такъ съ глазъ скростся, и не найдешь. Былъ я на Спасъ Преображенья въ Москвѣ, жалился шурину. Онъ этому дѣлу мастеръ, живетъ у Красныхъ воротъ, у хозинна; обѣщался стволы полечить. «Мы, говоритъ, съ ними справимся, у насъ бить будутъ». Да вотъ все идти некогда, а птица опять въ ходъ пошла, всякой день дорожъ.

Воротившись домой, мы пообедали, и такъ какъ московскому охотнику время дорого, то сейчасъ же послѣ обѣда отправились опять на охоту. Верстахъ въ четырехъ отъ нашей стоянки надѣялись мы найти дупелей на одномъ лугу, называемомъ Бутырскимъ. Мишка сопровождалъ насъ уже съ другой собакой; сзади сзади нашего экипажа, онъ то посвистывалъ, то грозилъ арапникомъ Баронкѣ, бѣжавшему въ отдаленіи.

— Ты у меня только подумай домой вернуться, — говорилъ онъ, — такъ отваяю, что съ мѣста не встанешь. — Ленивая собака, продолжалъ Мишка, обращаясь къ намъ, все бы ей лежать. За то хорошая караульщица, всю ночь голосъ отъ голосу не отводитъ. Вотъ нынче по зимѣ зашли было къ намъ ночью солонину воровать, такъ такъ заревѣла, что мы всѣ выскочили.

— И поймали вора? — спросили мы.

— Нѣтъ, не поймали; долго не выходили, а онъ вѣрно услышалъ, что въ избѣ-то завозились. Одну только бычью голову успѣлъ схватить, да и ушелъ; за то ужь Баронка похватила его, пол-овчины отъ шубы у погреба наши.

Бутырской лугъ чрезвычайно удобенъ для обстрѣливанія; глубокая канава раздѣляетъ его на двѣ части, правая сторона представляетъ совершенно ровное, чистое пространство почти на версту длиною. Ни одного деревца, ни одного кустика, чтобы помѣшать выстрѣлу или глазу охотника, слѣдшему за перемѣстившеюся птицей. На лѣвой сторонѣ есть низенькіе кусты, но довольно рѣдкіе; мѣстами впрочемъ есть кочки, затрудняющія ходьбу.

— Какъ идти? — спрашивалъ Клейковъ, когда мы подошли къ лугу.

— Извольте идти по правой сторонѣ, — отвѣчалъ Мишка, — а я пойду кустами; можетъ на васъ что выпугну.

Только что пустили мы собакъ своихъ, и еще оправляли давишіе пистоны, какъ громкій зовъ кузнеца заставилъ насъ обратиться въ его сторону. Глазамъ нашимъ представилась интересная группа. Мишка сидѣлъ верхомъ на Баронкѣ и лъвою рукою крѣпко держалъ его за шею, правую же рукою бережно махалъ взведеннымъ ружьемъ, приглашая кого-нибудь изъ насъ перейти на его сторону. Я перескочилъ канаву и подошелъ къ нему.

— Что съ тобой? — спросилъ я.

— Извольте стрѣлять, — сказалъ онъ.

— Что стрѣлять?

— Должно быть дупель, — продолжалъ онъ, не перемѣняя своей забавной позы. — Баронка пожалуй прогонитъ, а какъ мало найдемъ, такъ и одного жалко.

— Да почему ты знаешь, что тутъ дупель? — спросилъ я.

— Ужь тутъ, навѣрно тутъ. Баронка сталъ прихватывать, а даромъ съ нимъ этого не бываетъ. Извольте пускать собаку.

Я подозвалъ Шамильку, и сейчасъ увидѣлъ, что кузнецъ былъ правъ. Юный его воспитанникъ скоро почуялъ слѣдъ, быстро, но осторожно пошелъ впередъ и шагахъ въ сорока остановился.

— Извольте видѣть, — сказалъ Мишка, — вотъ оно что. Стрѣляйте, я своего дурака-то еще не выпущу.

Взлетѣвшій дупель былъ убитъ.

— Вотъ такъ-то лучше, — сказалъ Мишка и выпустилъ Баронку, усердно, но напрасно бросившагося по свѣжему дупелиному слѣду.

Часа въ два обошли мы весь лугъ и убили четыре пары дупелей. При самомъ выходѣ изъ луга Мишка еще разъ потѣшилъ насъ своимъ Баронкой. Отдѣлился онъ отъ насъ довольно далеко, хотя по ровному мѣсту всѣ движенія его и его собаки были намъ хорошо видны. Баронка почуялъ дупеля и по обыкновенію отправился на рыскахъ поднимать его. Зная, что собака не остановится надъ птицей, Мишка поспѣшилъ за нимъ тѣмъ же алюромъ. Дупель часто имѣетъ обыкновеніе много гулять по болоту; и, что называется, петлять слѣдъ свой. Вѣрно причуявшій Баронка носился въ право и въ лѣво по слѣду птицы, Мишка не отставалъ отъ него ни на шагъ, и чрезвычайно смѣшно прыгивалъ, держа ружье постоянно наготовѣ. Дупель вскочилъ наковедъ изъ-подъ морды собаки, Мишка приостановился и выстрѣлялъ.

Дупель упалъ, и охотникъ бросился къ нему со всѣхъ ногъ. Собака и онъ вмѣстѣ подоспѣли къ убитой птицѣ, но Мишка очень скоро и ловко схватилъ дупеля и подержилъ въ якташъ.

Съ Бутырскаго луга черезъ лугъ Аюнасьевскій лежала намъ дорога къ рѣчкѣ Шиловкѣ, по болотистымъ берегамъ которой встрѣчаются часто бекасы. По этому направленію и пошли мы.

— Что ты такъ бросился къ дупелю? — спросилъ Клейковъ у Мишки.

— Помилуйте-съ, — отвѣчалъ онъ, — дичь испортить-съ, покусаетъ. Кому она помятая-то годится?... Вотъ съ ихнимъ Шапихомъ что у меня возни-то было. Собака горячая, какъ изволить схватить птицу, такъ вонъ да вонъ кишки. Ужь я все носилъ съ собой иголку съ ниткой. Какъ подасть, бывало, я кишки-то вправлю, да и зашью, оно и не замѣтно. Дичь-то я поставлялъ на кухню въ Горенки, такъ и то поваръ сердиться изволилъ: «господа, говорить, бранять, что все нитки въ жаркомъ попадаютъ».

Дойдя до Шиловки, мы перешли ее въ бродъ, при чемъ кузнецъ съ самоотверженіемъ шелъ впереди, и, зачерпнувъ полные сапоги воды, утѣшалъ насъ, говоря, что въ наши длинные сапоги вода не залетитъ. Перейдя рѣчку, мы разошлись по берегу. Можно было бы зайти въ одно хорошее мѣстечко, извѣстное подъ названіемъ Чернаго ручья, но ужъ вечерѣло, и намъ не хотѣлось стемнѣть въ болотѣ. При всемъ однакожъ нашемъ желаніи за-свѣтло окончить охоту, сдѣлать этого мы не успѣли. Солнце уже давно съло и борьба дневнаго свѣта со мракомъ клонилась на сторону послѣдняго, когда, проходя ивнягами (ивовые кусты по лѣвую сторону рѣки), замѣтили мы, что собаки приискиваютъ. Давеча намъ было бы это очень пріятно, а теперь даже досадно; поднимется дупель, — какъ стрѣлять его: почти ничего не видно. Хорошо еще, если полетитъ на зорьку, а то и пѣлика не разглядишь, какъ слѣдуетъ. Собака Клейкова уже остановилась, когда Шамилька, подвявши на вѣтеръ морду, осторожно приблизился къ тому же мѣсту. Баронка на всякой случай былъ прихваченъ Мишкой за шиворотъ.

— Вѣдь не убьешь, — говорилъ Клейковъ, стоя рядомъ со мною около самыхъ собакъ.

— Пожалуй что такъ, — отвѣчалъ я. — Кто его разглядитъ, и вскочитъ — не увидишь.

Въ эту минуту Шамилька повернулъ морду въ лѣво, а въ лѣво была совершенно чистая лужайка. Я сталъ внимательно глядѣть по

направленію носа собаки, и увидѣлъ небольшую черную массу, тихо двигавшуюся между травкой....

— Я его вижу, — сказалъ я Клейкову нарочно громко, чтобы поднялась птица.

Дупель вскочилъ, я очень проворно выстрѣлилъ, соблюдая только направленіе его полета. Удача помогла выстрѣлу, и собаки принесли дупеля убитаго.

Охота была кончена, Шамилька найденъ мною достаточно образованнымъ, и Мишка получилъ возмездіе за добросовѣстные труды свои.

— Пойду завтра съ своими гонялками поднимать тетерю, — сказалъ онъ, прощаясь съ нами. — Стуловской мужичекъ сказывалъ, что два раза поднималъ выводокъ на поруби.

— Да вѣдь они у тебя его угонять, — замѣтилъ Клейковъ.

— Только бы найдти извоили, — отвѣчалъ Мишка, — а то мы знаемъ, какъ распорядиться; обѣихъ поодаль приважемъ, а самъ подкачу весь выводъ духомъ, ни одинъ не уйдетъ.

Рано утромъ, на другой день, отправились мы въ Москву. Когда выѣзжали изъ Шилова, сидѣвшій въ тарантасѣ Шамилька рванулся было къ кузницѣ. Признательная привязанность къ наставнику, мнѣ очень понравилась въ собакъ. Мишка стоялъ безъ шапки на порогѣ кузницы, и, поклонившись намъ, съ улыбкой крикнулъ:

— Прощай, Шашихъ.

В. В.

О Н Ъ.

(Изъ дневника угъздной барышни).

Языкъ любви первоначальной....

Огаревъ.

I.

10 мая.

Мы условились съ Анетой Куропаткиной вести ежедневный журналъ.... Какъ это должно быть хорошо! Будемъ перечитывать каждый мѣсяць вмѣстѣ.... Сегодня и она начинается.

Я начну свой стишками:

«Кого-то нѣтъ, кого-то жаль,

Къ кому-то сердце мчится вдаль!»

Какъ Пушкинъ чувствительно писалъ!

11 мая.

Папенька сегодня былъ пьянъ.... Сердитый такой! Маменьку заперъ въ чуланъ.

Пришолъ въ гостинную. Я была тамъ съ сестрой Евичкой и читала ей книжку, романъ *Два призрака*, французскаго сочинителя Фанъ-Дима.... Пришолъ и книжку вырвалъ, и говорить :

— Дура!

Впрочемъ, книжка такая страшная, ничего не поймешь хорошенько. Должно быть дурной переводъ.

Мы съ Еней цѣлый день и не одѣвались.... Мимо прошолъ онъ; я спряталась за геранью, онъ меня и не видалъ.... А смотрѣлъ на окна.

18 мая.

Сегодня мое рожденье: мнѣ исполнилось семнадцать лѣтъ:

Вечеромъ у насъ были гости; былъ и онъ.

Я съла у окна въ залъ и гляжу на звѣзды. Онъ подошолъ и говорить:

— Которая ваша звѣзда?

— Вонъ та.

— А моя вонъ та.

Какой онъ милый!... Ахъ, какъ хотѣлось бы разцѣловать его!

Я ему сказала, что вышью ему сувенирчикъ — закладку въ книгу, съ его вензелемъ.

20 мая.

Скука смертельная!... Маменька все на кухню гоняетъ.

II.

1 июля.

Папенька сегодня опять заперъ маменьку въ чуланъ; а я ушла съ Евичкой въ садъ. Онъ насъ искалъ, да не нашелъ.

Я говорила тамъ съ ней объ *немъ*. Она влюблена въ Пьера Мошкина, и все говорить:

— Ахъ, Катя, Катя! какъ онъ хорошъ !

3 июля.

Онъ написалъ мнѣ стишки въ альбомъ — акростихъ. Когда читаешь начальныя буквы каждой строчки, выходитъ мое имя.

«Какъ душа моя страдаетъ!

Адъ въ груди моей кипитъ!

Та, кого люблю, молчитъ!

Ядъ мнѣ въ сердце проливаетъ.»

Ахъ, какъ хорошо онъ сочиняеть! А страдаетъ, бѣдненькій! Что же онъ не признается, вѣдь и я люблю его!... Да правда, маменька вѣчно при насъ торчитъ.

6 іюня.

Маменька все бранить меня, что я дѣломъ не занимаюсь, рѣдко па кухню хожу. У нея одна пѣсня!

10 іюня.

Къ папенькѣ прѣвзжалъ знакомый какой-то господинъ Коврижнинъ: онъ здѣсь служить будетъ.... Старый, и такой страшный: безпрестанно табакъ нюхаетъ и пришепетывается, и ко всякому слову говорить «напмѣръ», то-есть «на-примѣръ», да еще «таперича».

Папенька послѣ рассказывалъ, что онъ человекъ богатый, — а по виду нельзя этого сказать; фракъ старый и въ пятнахъ, и жилетка потертая.

Папенька его ужасно хвалить.

— Вотъ, говоритъ, человекъ! И уменъ, и богатъ, а ужъ какъ заговорить — просто любо-дорого; ужъ развѣсишь, заслушаешься.

Что онъ хорошаго въ немъ нашолъ? Только и слышишь, что «таперича» да «напмѣръ».

— Женишкомъ больше! — сказала маменька.

Ужъ я не знаю, кому эдакое пугало въ женихи годится.

12 іюня.

Я была цѣлый день у Куропаткиныхъ; тамъ и обѣдала. — Вечеромъ пришолъ онъ и Мошкинъ.

Мы все пошли въ садъ. Мошкинъ все увивался около Саши Куропаткиной.... Противный! Хорошо, что Ени не было.

Я отстала отъ другихъ, зашла въ темную аллею, сѣла на скамейку и стала мечтать.... Вдругъ слышу:

Что вы дѣлаете здѣсь однѣ, мамзель Катринъ?

Я такъ и обмерла. Онъ сѣлъ около меня, началъ говорить о томъ, какъ хорошо мечтать въ уединеніи, потомъ о Пушкинѣ, о Бенедиктовѣ.... и вдругъ взялъ меня за руку. Я вспыхнула, хотѣла отвять; но мнѣ стало жаль его.

— Что вы, говорю, дѣлаете, мосьё Мишель?

А онъ мнѣ:

— Какъ я счастливъ! говорить: — такъ вы не пенавидите меня?

Я не знала, что дѣлать, что говорить; а онъ наклонился и поцѣловалъ меня въ щеку. Я вскочила и ушла поскорѣе, чтобы насъ не застали.

Пишу, а свѣчка сейчасъ догоритъ. Маменька никогда, изъ экономіи, не даетъ цѣльной: вѣчно огарокъ, и то весь оплывшій.

Голова въ огнѣ, а руки холодныя, какъ ледъ. Я, кажется, не усну сегодня. И волненіе, — да и клопы развелись.

17 іюля.

Вчера папенька былъ гдѣ-то въ гостяхъ. — Сегодня онъ что-то нездоровъ; цѣлое утро его тошнило. Опъ чаю напился, думалъ, что пройдетъ, — опять стошнило; водки выпилъ, — опять. Даже слегъ.

18 іюля.

Онъ далъ мнѣ прочесть тетрадку своихъ стиховъ. Я хочу всё списать.

20 іюля.

Вчера вечеромъ стала я списывать его стихи, а маменькѣ пришла фантазія придти къ намъ въ комнату. Увидала, что я стихи переписываю, — раскричалась.

— Тебѣ, говорить, умѣе ничего въ голову нейдетъ. Отъ чего Еня вотъ ужъ спитъ давно?

И свѣчку погасила.

Скорѣе ложитесь спать, а то какъ бы опять крику не нажить!

Мишель! Мишель!

27 іюля.

Я ужъ почти всю тетрадку списала, да насъ маменька изъ комнаты выгнала: изъ кроватей вывариваетъ клоповъ и всё стѣны мыломъ вымазала.

III

2 іюля.

Онъ былъ у насъ вечеромъ; все сидѣлъ со мной въ залѣ, и за руку держалъ. Какъ я счастлива!

6 іюля.

Онъ былъ у насъ эти дни каждый вечеръ, — и какъ-разъ у маменьки на ту пору гости. Я такъ рада была. О чемъ, о чемъ мы не говорили!

— Прочли ли вы мою тетрадку? — спросилъ онъ.

— Не только прочла, даже списала, — отвѣчала я.

— Неужели всю?

— Всю.

Ужъ какъ онъ благодарилъ меня! И руки у меня цѣловалъ.

8 июля.

У папеньки что-то растеть животъ. Съ каждымъ днемъ все больше. Маменька говорить: водянка.

9 июля.

Не знаю, куда спрятать мнѣ *его* стишки. Только что возьму ихъ въ руки, маменька тутъ какъ тутъ, и пойдетъ бранить: чего-чего не приговариваетъ. И ему достается, бѣдняжкѣ!

11 июля.

Вчера рѣшилась я спрятать тетрадку въ саду. Насилу придумала, какъ.

Сама вырыла ямку въ землѣ, и прикрыла ее дерномъ, и дернъ въ видѣ креста. Только нѣ во что тетрадку положить: такой коробочки нѣтъ. Впрочемъ, въ ящикъ отъ сигаръ можно.

12 июля.

Спрятала, — и очень довольна! А то маменька все сжечь хотѣла. Даже вчера по всѣмъ ящикамъ искала.

Мишель! Мишель! на что я не рвшусь для тебя?

17 июля.

Повадился къ намъ Коврижкинъ. Почти каждый день бываетъ. Мнѣ ужасно надоѣлъ.

Какъ только стану я чай наливать, онъ все приговариваетъ:

— Хозяйка вы, напмъръ, хозяйка, Катерина Васильевна.

Такой гадкѣй!

19 июля.

Былъ онъ, и въ сумеркахъ, когда мы были одни, взялъ меня за руку и подалъ записочку. Вотъ она:

«Любовь выше силъ моихъ. Вы не отвергаете меня, ангель души моей! Приходите завтра въ садъ въ семь часовъ вечера и отоймите калитку на пустырь!»

Скоро ли придетъ завтра?

20 июля.

Руки у меня дрожать; я насилу пишу.

Въ семь часовъ пошла я въ садъ, отперла калитку, и жду. Онъ скоро пришолъ; сначала сталъ передо мной на колѣни, потомъ всталъ и сказалъ:

— Сидемте въ бесѣдкѣ!

Мы пошли туда и съли. Онъ началъ меня обнимать и цѣловать.

Я такъ испугалась, что бросилась опрометью изъ саду. А онъ все звалъ меня назадъ.

— Не буду, право, не буду, мамзель Катринъ!

И теперь какъ будто чувствую я его объятія.

21 іюля.

Цѣлый день читала господина Бенедиктова сочиненія. Какъ тамъ хорошо про любовь описано!

27 іюля.

Пріѣхали сюда какіе-то Груздевы. Двѣ барышни есть невѣсты. Онъ съ ними познакомился.

29 іюля.

Пришолъ онъ вечеромъ. Свѣчей еще не подавали. Маменька ходила смотреть, какъ огурцы солятъ. Я стояла съ нимъ въ залѣ, подъ плюшемъ. Онъ меня все обнималъ. Какъ обнимежь, я вся горю.

Вдругъ вошла маменька, а мы и не видали. Начала кричать и бранить и меня, и его. Папенька услышалъ и выбѣжалъ изъ кабинета.

Его выгнали, и сказали, чтобъ не смѣлъ къ намъ ни ногой.

О, какъ я несчастна!

30 іюля.

Я все плакала. Папенька разсердился и заперъ меня въ чуланъ.

IV.

12 августа.

Сколько времени не писала я ничего въ своемъ дневникѣ! Я все плакала и тосковала.

Говорятъ, онъ женится на младшей Груздевой. О мужчины, мужчины! вотъ какова ваша любовь!

14 августа.

У насъ былъ Коврижинъ. Весь вечеръ со мной сидѣлъ.

Мнѣ на него смотреть тошно.

16 августа.

Папенька сегодня за обѣдомъ рассказывалъ, что его выгнали отъ Груздевыхъ: будто онъ что-то тамъ надѣлалъ.

Чего здѣсь не сплетутъ!

20 августа.

Я хочу бросить дневникъ. Когда не видишь его, такъ и писать рѣшительно не о чемъ.

23 августа.

Сегодня маменька позвала меня въ кабинетъ къ папенькѣ. Тамъ сидѣлъ Коврижинъ.

Папенька сказалъ мнѣ:

— Вотъ, Катя, Матвѣй Спиридонычъ дѣлаетъ намъ честь — просить руки твоей.

Я залилась слезами. Меня выслали.

24 августа.

Весь день проплакала. Маменька все меня бранила.

Еничка тоже плакала: Мошкинъ на Сашѣ Куропаткиной женится.

28 августа.

Онъ помнить я любить меня. Я часто вижу, какъ онъ проходить мимо нашихъ оконъ.

Вчера зашла къ намъ кривая торговка Фоминишна (шляпку она чью-то продаетъ), и какъ вышла я къ ней въ двичью, она потихоньку сказала мнѣ, что онъ велѣлъ мнѣ кланяться.

— Правда ли это, — спросила я, что онъ на Груздевой женится?

— И вовсе нѣту, — отвѣчала Фоминишна. — Кто это узоры съ воды сымаетъ?

Мнѣ кажется, я еще больше прежняго люблю его.

V.

1 сентября.

Я все плакала всѣ эти дни, а маменька меня все уговаривала. Вчера я согласилась.

2 сентября.

Прощай, моя радость!

Этимъ оканчивается тетрадка дневника, случайно попавшая мнѣ въ руки. На полѣ послѣдней страницы есть еще нѣсколько строкъ, которыя для полноты приведу здѣсь. Эти строки написаны карандашомъ, вѣрно на черво:

«Приходи въ садъ въ восемь! Я жду тебя. Меня отдають за Коврижина. Черезъ двѣ недѣли сватъба. Твоя на вѣки, К.»

М. МИХАЙЛОВЪ.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ ПО ПОВОДУ ПѢВЦІВЪ ВЪ РОССІИ. (*)

Ничего не можетъ быть пріятвѣе, какъ слушать хорошее пѣніе; за то и ничего не можетъ быть труднѣе, какъ выучиться или выучить пѣть хорошо. Первое извѣстно всѣмъ; второе знаютъ, собственно, только тѣ, которые учатъ или учатся пѣнію. Въ самомъ дѣлѣ, сколько терпѣнія, сколько осторожности, знаній и ума требуется для того, чтобъ образовать хорошаго пѣвца или сдѣлаться имъ въ полномъ смыслѣ! Хотя этотъ тезисъ примѣняется ко всѣмъ вообще наукамъ и искусствамъ, однакожъ не трудно доказать, что онъ въ особенности относится къ искусству пѣнія артистическаго. Это, между прочимъ, подтверждается и тѣмъ, что несравненно чаще являются истинные артисты въ другихъ родахъ искусства, т. е. живописцы, скульпторы, актеры и пр., чѣмъ пѣвцы драматическіе. Всѣхъ замѣчательныхъ пѣвцовъ и пѣвицъ не только нашихъ, русскихъ, но даже и европейскихъ можно перечестъ по пальцамъ; но это было бы неудобно сдѣлать относительно всѣхъ вообще, и нашихъ и иностранныхъ поэтовъ, музыкантовъ, романистовъ, ученыхъ и т. д. Все это, конечно, не ново; но, — какъ сказалъ Шарль Ноддѣ, — въ наше время одно только нечѣпое можетъ быть новымъ. Объявлять притязанія на новизну, — продолжаетъ тотъ же ученый, — есть наша общая слабость, которая была извѣстна еще во времена Сократа; но идеи, подходящія къ истинѣ, не мѣшзеть и повторять.» А нашъ Сенковскій весьма остроумно замѣтилъ, или повторилъ кстати, что «ново только то, чтѣ хорошо забыто.» Все это правда, правда и правда! Но, увы! сколько есть правдъ на свѣтѣ, признаваемыхъ всѣми, и которымъ, однакожъ, слѣдуютъ не все? Извѣстно, напримѣръ, что терпѣніе, устойчивость, упорство при одолѣніи трудностей составляютъ основу всякаго простаго успѣха, и что эти качества въ особенности необходимы пѣвцу и музыканту, даже съ огромными природными способностями; извѣстно также и то, что русскій народъ, руководствуясь своимъ здравымъ смысломъ, своею врожденною смѣтливостью, понялъ цѣну терпѣнія и составилъ пословицу: «Терпѣніе города беретъ.» Но не смотря на это, характеръ русскаго человѣка вообще отличается нетерпѣливостью, горячностью,

(*) Эта статья служитъ дополненіемъ той, которая помѣщена во 2-мъ N Москвитянина за 1852 г. подъ заглавіемъ «Нѣсколько словъ о музыкѣ и о методѣ музыкальнаго ученія въ Россіи.»

желаніемъ дѣлать все поскорѣе, хоть *на авось*, только чтобъ поскорѣе, тогда какъ.

...русское авось

На штурмъ—чудеса, а ужъ въ дому—хоть брось! сказалъ Шаховской. Мы имѣемъ право прибавить, что этому роковому *авось* Россія, между прочимъ, отчасти обязана и тѣмъ, что въ ней нѣтъ, или почти нѣтъ своихъ драматическихъ пѣвцовъ и пѣвицъ, хотя у насъ и очень часто попадаются голоса сильные и гибкіе. Впрочемъ, должно замѣтить въ миллионный разъ, что страсть быстро, такъ сказать, сломи голову дѣтить къ цѣли своихъ занятій, есть девизъ всѣхъ европейскихъ народовъ девятнадцатаго столѣтія. Попробуйте, напримѣръ, внушить терпѣніе русскому талантливому человѣку, даже человѣку умному, который и самъ понимаетъ всю важность этой мирной добродѣтели, попробуйте, и вы увидите, что, сдѣлавъ нѣкоторую гримасу, онъ отвѣтитъ вамъ: «Все это такъ; со всѣмъ этимъ я согласенъ вполне; да только чтожъ мнѣ дѣлать, если я отъ природы не награжденъ терпѣніемъ? Съ природой бороться трудно, и на подобную борьбу у меня нѣтъ ни силы, ни времени.» Относительно наукъ и искусствъ оправданіе такого рода есть парадоксъ; но корень этого парадокса, должно сознаться, вросъ такъ глубоко въ характеръ русской націи, что вырвать его вполне могутъ только время и успѣхи общественной цивилизаціи. Одна смѣтливость, одна способность быстро понимать предметы и осваиваться съ ними, дѣйствуя нѣкоторымъ образомъ вмѣсто терпѣливости, спасаютъ русскаго человѣка во всѣхъ его дѣлахъ.

Недостатокъ въ пѣвцахъ и пѣвицахъ у насъ, обыкновенно, оправдываютъ причинами климатическими. Это, конечно, справедливо относительно нашихъ сѣверныхъ губерній, да и то справедливо не вполне. Что жъ до южныхъ губерній Россіи, то ихъ климатъ и (по утверженію очевидцевъ) обиліе встрѣчаемыхъ въ нихъ голосовъ рѣшительно не допускаютъ никакихъ возраженій. Нѣсколько лѣтъ назадъ, г. Зотовъ печатно предложилъ мысль объ учреженіи консерваторіи въ Малороссіи. Эта мысль въ основаніи своемъ достойна вниманія; но она неудобноисполнима, если основанію консерваторіи не будетъ предшествовать учреженіе такъ называемыхъ элементарныхъ школъ музыки, въ которыхъ было бы необходимо обучать малороссійскихъ юношей не только музыкѣ и пѣнію вообще, но даже и русскому языку, какъ нарѣчію общепотребительному въ нашемъ отечествѣ и на нашихъ сценахъ. Это учреженіе избавило бы малороссійскихъ пѣвцовъ и пѣвицъ (*)

(*) Въ настоящее время на нашей сценѣ вовсе нѣтъ пѣвицъ изъ малороссіянокъ.

отъ тѣхъ утомительныхъ и даже часто безплодныхъ усилій, которыя они должны употреблять, добиваясь чистоты русскаго произношенія. Известно, что малороссъ скорѣе можетъ усвоить акцентъ французской, нѣмецкой или итальянской, чѣмъ акцентъ чисто русскій. Кто не согласится, что ничего не можетъ быть на сценѣ неприятыя, какъ ломаный или неправильный выговоръ, который не только вредитъ сценическимъ эффектамъ, но стѣсняя артиста, даже производитъ въ публикѣ смѣхъ на его счетъ; конечно, смѣхъ невинный и невольный, но отъ этого не менѣе поразительный для актера, потому что подобный смѣхъ можетъ заставить его сбиться съ роли, сконфузиться, и чрезъ это насмѣшить публику еще больше. Языкъ, особенно если нужно являться съ нимъ передъ публикой, должно изучать съ малолѣтства, чтобъ привыкнуть ко всемъ его формамъ какъ въ отношеніи правильности и выразительности, такъ и въ отношеніи интонаціи. Если уже русскіе актеры и пѣвцы, какъ впрочемъ и всѣ иностранныя драматическіе артисты, единогласно признають, что говорить *на сценѣ* совсемъ не то, что говорить *въ комнатѣ*, то что же долженъ чувствовать, напримѣръ, малороссъ, котораго судьба выведетъ на русскую сцену, и который не имѣлъ возможности смолоду привыкнуть къ нашему выговору и ко всемъ тонкостямъ и отгѣнкамъ нашего языка? Это легко понять, но трудно объяснить.

И такъ, у насъ есть и хорошіе голоса, и губерніи съ хорошимъ климатомъ, благоприятнымъ для сохраненія этихъ голосовъ; следовательно, съ этой стороны мы не имѣли бы права извиняться въ недостаткѣ русскихъ пѣвцовъ. Причину этого недостатка мы осмѣливаемся, между прочимъ, предполагать болѣе *во взглядъ* нашихъ общественныхъ, особенно, зажиточныхъ классовъ на театръ вообще и на званіе актерское въ особенности. У насъ еще до сихъ поръ не искоренилися, недѣшныя, смѣшныя и, даже, вредныя для искусства предубѣжденія противъ актеровъ и актрисъ, т. е. собственно, противъ ихъ званія. Всего удивительнѣе, что подобными предубѣжденіями увлекаются даже и люди умные, образованные, способные понимать и цѣнить какъ самая искусства, такъ и ихъ цѣль. По видимому, кому всего удобнѣе подготовить себя къ артистическому поприщу, кому болѣе всего представляется средствъ къ вѣрному успѣху на этомъ поприщѣ, кому болѣе всего является возможность обогатить себя разнообразными, необходимыми для искусства познаніями, кому, говоримъ, какъ не человѣку съ состояніемъ, человѣку обезпеченному со стороны всѣхъ житейскихъ нуждъ? Но къ несчастію, это не бываетъ такъ: у насъ, по обыкновенію, спе-

ціально займаються искусствами только тѣ, кому нечѣмъ жить. Известно, что люди богатые, къ какому бы классу они ни принадлежали, зачастую, просто, *не смѣютъ* поступать на театръ, хотя и обладаютъ несомнѣнными сценическими талантами. Если же, увлекшись непреодолимою страстью къ искусству, богатый человекъ пренебрежетъ общественнымъ мнѣніемъ или, лучше сказать, общественными предразсудками, и поступитъ въ актеры, то его родственники, оскорбленные со стороны своей шепетливой гордости, хоромъ поють ему паннахиду, какъ человеку погибшему, какъ человеку рѣшившемуся показываться публично за деньги, какъ ослушнику воли родственниковъ и какъ осквернителю ихъ фамиліи. О женщинахъ съ достаточнымъ состояніемъ и природными дарованіями и говорить нечего: онѣ стѣснены еще больше. По этому и теперь, по прежнему, недостаточность состоянія есть одна изъ главѣйшихъ побудительныхъ причинъ появленія замѣчательныхъ, особенно, сценическихъ артистовъ и артистокъ. И послѣ этого можно ли хоть нѣкоторыхъ изъ нихъ упрекать необразованностью, неблаговоспитанностью и т. п.? Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ! Собственно говоря, никто самъ себя врагомъ быть не можетъ, и особенно со стороны ума, и многіе изъ артистовъ желали бы быть образованными, по крайней мѣрѣ, хоть на столько, чтобы не казаться ниже такъ называемыхъ людей свѣтскихъ; но на это у нихъ часто нѣтъ возможности, и они покоряются по неволѣ своей судьбѣ. А если же нѣкоторые изъ нихъ и пріобрѣтають, наконецъ, эту возможность, то по большей части весьма поздно... Мы думаемъ, что съ нами согласится всякій, кому хорошо известны дѣла подобнаго рода....

Если матеріальныя средства необходимы вообще всѣмъ артистамъ, то онѣ еще болѣе необходимы пѣвцу, потому что ничто не требуетъ такой попечительности, такой вѣжной заботливости, какъ голосъ: малѣйшая простуда, малѣйшее отступленіе отъ нормальнаго состоянія нашего организма дѣйствуютъ прежде всего на легкія, на грудь, следовательно, и на голосъ, къ чему преимущественно расположены люди, посвятившіе себя пѣнію. Для нихъ, болѣе чѣмъ для кого-нибудь, необходимы теплая, сухая квартира, хорошій питательный столъ, удаленіе отъ различныхъ житейскихъ невзгодъ, однимъ словомъ, для нихъ, болѣе чѣмъ для кого-нибудь, необходимъ такъ называемый комфортъ. А многіе ли изъ нихъ, особенно при началѣ своего артистическаго поприща, пользуются всѣми этими жизненными благами? Эти блага бывають, обыкновенно, только результатами ихъ успѣховъ передъ публикой; а чтобы добиться подобныхъ, успѣховъ многимъ изъ моло-

дыхъ артистовъ приходится вытерпѣвать такіа стѣсненія, о которыхъ мы умалчиваемъ.... Но обратимся снова къ главному нашему предмету, т. е. къ пѣнію и пѣвцамъ русскимъ.

Квинтилианъ, въ своемъ разсужденіи о воспитаніи, говоритъ, между прочимъ, что «впослѣдствіи бываетъ чрезвычайно трудно искоренять недостатки, приобретенные ученикомъ отъ плохихъ учителей», и что, «еслибъ подобныя наставники передавали какъ слѣдуетъ свои небольшія познанія, то дѣло все-таки пошло бы какъ должно; но, къ несчастію, они учатъ какъ попало.» Эта цитата доказываетъ, что и въ древности часто дѣлалось то же, что дѣлается въ наше цивилизованное время.

Дѣйствительно, взгляните, какъ у насъ, по большей части, учатъ или учатся, напримѣръ, пѣнію? Конечно, и въ этомъ дѣлѣ, какъ во всякомъ другомъ, есть исключенія: есть благоразумные, добросовѣстные наставники, и умные, смѣтливые ученики; но число ихъ весьма ограничено, такъ что въ большинствѣ они почти вовсе незамѣтны; а мы именно подразумеваемъ здѣсь большинство учащихся и учащихся. Въ большинствѣ же это дѣлается вотъ какъ. Учителю, разумѣется, иностранцу, даютъ учениковъ и ученицъ съ голосами, съ музыкальнымъ слухомъ, словомъ, со всеми способами для возможно вѣрныхъ успѣховъ въ ихъ искусствѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ говорится, не знающихъ ни бальмеса въ дѣлѣ музыки. Послѣ этого, какъ вы думаете, съ чего начинаютъ у насъ иные учителя, желающіе уклониться отъ скучной и, подѣ-часъ, несносной обязанности начинать ученіе, такъ сказать, съ первой буквы искусства? Эти учителя просто начинаютъ свое дѣло съ конца, вѣрнѣе предполагая сами и заставляя предполагать своихъ учениковъ, что за концомъ начало придетъ уже само собою, безъ всякой помощи съ ихъ стороны, по шучьему велѣнью, и что, дескать, послѣ труднаго уже весьма удобно, если не бесполезно, заниматься легкимъ. По этому вмѣсто того, чтобъ начать ученіе пѣнію, напримѣръ, хоть съ «ABC musical» Пансерона, подобныя учителя сразу заставляютъ своихъ учениковъ и ученицъ надрывать горло и ломать голову надъ экзерсисами Бордоньи и др. экзерсисами, доступными только вполнѣ образовавшимся пѣвцамъ; заставляютъ своихъ учениковъ надрывать надъ аріями, написанными для Рубиня, Маріо, Каталани, Віардо, Гризи, и т. п.! Да этого мало: эти учителя, не умѣя сами *сопифеджировать* экзерсисы, привуждаютъ своихъ бѣдныхъ учениковъ и ученицъ *вокализировать* ихъ съ самаго перваго урока; не умѣя транспони-

ровать, подобные господа обязывают учащихся пѣть арии, дуэты и проч. въ тѣхъ самыхъ тонахъ, въ которыхъ эти пьесы написаны для известнѣйшихъ европейскихъ пѣвцовъ и пѣвицъ!... Воля ваша, а поступать такимъ образомъ въ дѣлѣ пѣнія все равно, что, обойдя, напримѣръ, арифметику, приниматься прямо за высшую математику.... Это сравненіе еще весьма слабо, потому что при рѣшеніи математическихъ задачъ работаетъ только одинъ умъ, т. е. способность наиболее упругая, устойчивая при всевозможныхъ на нее нападеніяхъ; тогда какъ во время пѣнія, по необходимости, работаютъ вмѣстѣ и умъ, и слухъ, и вкусъ, и горло, и легкія, и вообще вся душевная сторона человѣка. Скажите же на милость, есть ли какая-нибудь человѣческая возможность, не вредя своему здоровью, сразу покорить условіямъ искусства такую сложность нашихъ способностей?... Миѣ, пожалуй, возразить: «Да вѣдь учатся же и выучиваются пѣть такимъ образомъ? Вѣдь не всѣ же хвораютъ или умираютъ отъ подобной методы? у насъ есть много примѣровъ этому». У насъ есть, правда, примѣры того, что послѣ такого ученія ученики остаются не только живы, но, благодаря крепости своего организма, даже и здоровы; но за то рѣшительно нѣтъ, да и быть не можетъ, примѣровъ, чтобъ подобная метода образовала искусныхъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, здоровыхъ пѣвцовъ и пѣвицъ драматическихъ, потому что для этого не было бы достаточно даже и лошадиныхъ силъ....

Кромѣ того, эта ложная метода, способная производить только мнпутные и обманчивые эффекты быстрыхъ успѣховъ, и то при хорошихъ природныхъ способностяхъ учащихся, можетъ поселать и поселаетъ въ нихъ преждевременное фальшивое о себѣ мнѣніе, основанное на врожденномъ каждому человѣку самолюбіи, особенно, когда оно не будетъ сдерживаемо здравымъ смысломъ, умственнымъ тактамъ. Весьма часто случается, что не пропѣвъ, а только прокричавъ какую-нибудь трудную арію, ученикъ или ученица, въ особенноти не получившіе надлежащаго образованія, воображаютъ, что они уже сдѣлались пѣвцами, т. е. артистами своего дѣла, жрецами искусства.... Невѣжество, дѣйствительно, удивляется всегда и подобнымъ учителямъ, которые образуютъ пѣвцовъ въ какіе-нибудь полгода, въ годъ, и подобнымъ ученикамъ, которые въ такое короткое время достигаютъ того, что могутъ распѣвать, часто даже на непонятномъ для нихъ языкѣ, арію Россини, Довизетти, Беллини, Верди и пр. Смѣшно и жалко!...

Но всею больше должно удивляться при этихъ случаяхъ наивности даже взрослыхъ, — но не имѣющихъ настоящей идеи о методѣ пѣнія, —

учениковъ и ученицъ, вмѣстѣ съ ихъ родителями или родственниками, наивности, — говоримъ, — съ которою они благоговѣнно внимаютъ жи какаго-нибудь шарлатана-учителя, имѣющаго дерзость и безстыдство увѣрять ихъ, что подобная-то метода и есть метода образцовая, что она-то и принята вездѣ за границей, что держать ученика по вѣскольку лѣтъ на однѣхъ сольфеджахъ и вокализаціяхъ, не разучивая съ нимъ въ то же время ви арій, ни дуэтовъ, ни другихъ сценическихъ пьесъ, есть метода устарѣвшая, уже всѣми брошенная, потому что она чрезъвычайно утомительна и способна отбивать у ученика всякую охоту къ учебю; что никакъ не слѣдуетъ стѣснять молодыхъ силъ, которыя всегда требуютъ чего-нибудь живаго, волнующаго, увлекательнаго, способнаго доставлять удовольствіе самому ученику; что аріи есть тѣ же экзерсисы, но только сопровождаемые словами; что къ нимъ-то и нужно привыкать съ самаго начала; что не поступать такимъ образомъ значитъ терять время по пустому и зарывать добровольно, хотя и на время, свой талантъ въ землю, и т. п. Такими фальшивыми и хитрыми доводами можно, въ самомъ дѣлѣ, сбить съ надлежащаго пути къ истинѣ не только неопытнаго ученика, но и весьма многихъ взрослыхъ людей, даже обладающихъ нѣкоторыми практическими музыкальными познаніями, но склонныхъ вѣрить во всемъ на-слово каждому пріѣзжему шарлатану, и нетерпѣливо ожидающихъ, чтобъ ихъ Сашеньки и Катеньки поскорѣ что-нибудь пѣли, хоть «На зарѣ ты ее не буди», или «Тройку», или «Casta diva», или что-нибудь въ этомъ родѣ, «а то помняуйте, — прибавляютъ они съ нѣкоторою ироніей, — все *sol* да *sol*: это вѣдь скучно!» Послѣ чего, иногда, повторяются заветные, переходящіе изъ родъ въ родъ, каламбуры на *sol* и соль.... Дѣло кончается смѣхомъ: обѣ стороны бывають утѣловорены; чего же больше? и какъ же не веселиться этому? Это, дѣйствительно, очень забавно!... Но пусть бы такъ дѣлалось дѣло со стороны учителя, напримѣръ, въ домахъ частныхъ, гдѣ учатся пѣнію только для собственнаго удовольствія, такъ сказать, отъ скуки, а то вѣдь подобныя продѣлки совершаются даже съ людьми бѣдными, которые изъ своего ученья надѣются извлекать средства къ жизни, и которые вполне довѣряются своимъ учителямъ. Слѣдствіями этой слѣпой, хотя и не предосудительной довѣрчивости бывасть то, что даже смѣлые, дѣятельные и звучные голоса весьма часто слабѣють прежде времени, теряють свою бархатность, особенно у мужчинъ, и именно у теноровъ. Дождавшись такой печальной катастрофы своихъ, иногда весьма прилежныхъ, занятій, и понявъ наконецъ всю ошибочность подобной метода, основанной на

одномъ напряженіи или насилуваніи голоса, ученики начинаютъ прокли-
нать и свою оплошность, и шарлатанство учителя, но уже поздно: дѣло
поправить не возможно! Разбитые, изнасилованные и ослабѣвшіе голоса
почти никогда уже не являются въ прежнемъ своемъ блескѣ, сколько
бы имъ ни было дано времени для отдыха и выздоровленія. Ко всему
этому должно еще прибавить и то, что по окончаніи подобнаго курса
ученикъ съ ужасомъ замѣчаетъ весьма часто, что онъ не приобрѣлъ
даже и чисто-теоретическихъ музыкальныхъ познаній, что онъ не въ со-
стояніи съ увѣренностью разучить нотъ безъ помощи учителя, потому
что этотъ послѣдній въ продолженіе пяти, шести лѣтъ училъ его только
по слуху, т. е. наигрывая ему на инструментѣ мотивы пройденныхъ
имъ пьесъ, не трудясь вовсе объяснять ни правилъ дѣленія, ни зако-
новъ ритма и каданса, не говоря уже о законахъ модуляціи, транспо-
нированія, построевія аккордовъ, употребленія такъ называемыхъ
проходящихъ нотъ, различныхъ музыкальныхъ украшеній, и т. д.
Учить такимъ образомъ значитъ, предоставлять все дѣло только
одному слуху, не помогая ему умомъ. Конечно, вѣрный слухъ и тонкій
умъ могутъ осваиваться даже и съ тѣмъ, что *не будетъ объяснено
вовсе*; но кто же не согласится, что мы еще скорѣе и лучше можемъ
осваиваться съ тѣмъ, что намъ *будетъ объяснено вполне*? Музыка,
какъ извѣстно, составляетъ въ одно и то же время и науку и искусство.
Какъ искусство,—она воспроизводится и чувствуется душою; какъ
наука,—она повивается умомъ, вооруженнымъ хотя даже посредствен-
ными знаніями. А у насъ очень часто не передаются музыкальными
учителями даже и эти знанія. И вотъ грустный, хотя и не преувели-
ченный очеркъ того, что у насъ весьма часто считается музыкальною
методой, музыкальнымъ курсомъ, музыкальнымъ образованіемъ! У насъ
не шутя очень многіе думаютъ, что тотъ, кто поетъ—*умиеть пѣть*;
тогда какъ это значитъ, что онъ только *можетъ*, или, если захочетъ,
можетъ умиеть пѣть. Онъ поетъ, иногда даже очень хорошо,
только потому, что у него есть легкій голосъ и музыкальный слухъ,
поетъ совершенно инстинктивно, т. е. такъ, какъ онъ говоритъ на
своемъ родномъ языкѣ; но кому же не извѣстно, что человекъ гово-
рящій даже очень хорошо на своемъ родномъ языкѣ, можетъ совер-
шенно не знать этого языка, т. е. не знать его коренныхъ законовъ.
Это всѣмъ извѣстно, но на это какъ-то мало обращаютъ у насъ вни-
манія. Повторяемъ, что наши слова относятся къ большинству людей-
занимающихся пѣніемъ или музыкой вообще, и что у насъ, какъ вездѣ,
есть въ этомъ случаѣ исключенія, хотя и весьма рѣдкія. Но на исклю-
ченія опираться нельзя.

Если у насъ еще нѣтъ консерваторій; если у насъ еще не учреждены повсемѣстно даже теоретическо-практическіе, элементарные классы музыки и пѣнія, то это еще можно кое-чѣмъ объяснить; но не понятно только то, что, не смотря на страсть къ музыкѣ, общую всѣмъ нашимъ классамъ, у насъ до сихъ поръ еще не издано ни одного общепонятнаго сочиненія объ этомъ искусствѣ, ни переводнаго, ни оригинальнаго, сочиненія, въ которомъ были бы кратко объяснены всѣ основныя начала музыки въ обширномъ ея смыслѣ; гдѣ были бы изложены самымъ простымъ языкомъ всѣ свѣденія, необходимыя каждому порядочному человѣку, музыканту или не музыканту (*). У насъ подобная книга была бы насущною потребностью для всѣхъ тѣхъ, которые не имѣютъ возможности пользоваться французскими, нѣмецкими, англійскими и итальянскими сочиненіями этого рода. Что же касается до статей о музыкѣ, помѣщаемыхъ въ нашихъ журналахъ, то при всѣхъ своихъ положительныхъ или отрицательныхъ достоинствахъ, онѣ все-таки не составляютъ того, чѣмъ необходимо для русской публики въ настоящее время, потому что въ этихъ статьяхъ высказываются только личныя мнѣнія театральныхъ рецензентовъ, или отрывками, безъ всякой связи, повторяются мысли о музыкальномъ искусствѣ, выхваченныя изъ иностранныхъ журналовъ и газетъ. Для театраловъ, или для людей, интересующихся только оперными спектаклями, успѣхами и неудачами главнѣйшихъ ихъ дѣятелей, вообще сценическими новостями, такія статьи, безспорно, имѣютъ свою цѣну, потому что такъ ли, иначе ли, но онѣ удовлетворяютъ общественному любопытству. Это удовлетвореніе имѣетъ, конечно, свою хорошую сторону; но рядомъ съ статьями подобнаго рода можно было бы помѣщать и что-нибудь положительно-дѣльное, полезное какъ для простаго диллетанта, такъ и для музыканта по обязанности; однимъ словомъ, что-нибудь такое, чѣмъ удовлетворяло бы не одному праздному любопытству, но и уму и любознательности. Есть множество русскихъ музыкантовъ, которые за подобныя вещи сказали бы издателямъ журналовъ искреннее русское спасибо.

Кромѣ того, въ настоящее время подобныя услуги можно бы скорѣе всего ожидать именно отъ нашихъ литературныхъ журналовъ, которые теперь вполне завладѣли вниманіемъ читающей публики и которымъ рѣшится на такую попытку гораздо удобнѣе и безопаснѣе, чѣмъ лицу частному, желающему печатать что бы то

(*) Мы съ своей стороны предполагаемъ доставить въ редакцію «Москвитинина» рядъ статей этого рода, составленныхъ по лучшимъ иностраннымъ источникамъ.

ни было на свой счет. У насъ есть журналы, которые носятъ названіе «журналовъ словесности, наукъ и искусствъ.» Но развѣ музыка не искусство, даже не самое любимое искусство въ наше время? Развѣ въ нашихъ журналахъ разсматривается какъ слѣдуетъ музыка въ смыслѣ науки и искусства? Развѣ нѣкоторыя фелетонныя фантазіи, очень часто наполняемые только изъясненіями личныхъ ощущеній, произведенныхъ театральными представленіями и игрою различныхъ артистовъ, могутъ называться музыкальными критиками, хотъ онѣ и величаютъ себя этимъ титуломъ? Развѣ подобныя статьи могутъ обогатить умъ молодаго русскаго музыканта, желающаго, но не имѣющаго возможности заpastись необходимыми и правильными знаніями, относящимися къ его искусству?

Мы очень хорошо знаемъ, что журналъ издается для большинства, и что онъ обязанъ удовлетворять всѣмъ требованіямъ и вкусамъ своихъ подписчиковъ и вообще всей читающей публики; слѣдовательно, и нынѣшнія статьи о музыкѣ могутъ составлять принадлежность каждаго журнала; но почему же издатели журналовъ, пользующіеся всѣми средствами печатать серьёзные трактаты объ этомъ искусствѣ и чрезъ это распространять въ обществѣ положительныя понятія о законахъ и требованіяхъ музыки, почему,—говоримъ,—эти издатели ограничиваются только тѣмъ, что мы до сихъ поръ встрѣчали въ ихъ журналахъ? А встрѣчали мы въ нихъ до сихъ поръ только *ничто*, а этого знаменитаго *нѣчто* вовсе недостаточно при нынѣшнемъ развитіи искусствъ и при нынѣшней страсти русскихъ къ музыкѣ. Пынче всякій, занимающійся какимъ-нибудь искусствомъ, хочетъ знать, по возможности, и исторію этого искусства, и его философію, и его эстетику, и вообще всѣ современныя отъ него требованія. Изъ какихъ же источниковъ (*) почерпнуть подобныя свѣденія русскій музыкантъ по должности или, простой любитель музыки, если они не знаютъ иностранныхъ языковъ? А вѣдь такихъ музыкантовъ и любителей музыки у насъ очень много, скажемъ даже, что они-то именно и составляютъ то большинство, о которомъ такъ хлопчутъ всѣ наши журналисты, и которое смотритъ на нихъ какъ на сводъ всѣхъ современныхъ знаній. Извѣстно, что кромѣ «Исторіи музыки» Стаффорда, переведенной съ французскаго перевода г. Вороновымъ, у насъ нѣтъ, или почти нѣтъ, ничего полнаго по части музыкальной литературы. Чтожъ касается до такъ называемыхъ музыкальныхъ учебниковъ или школъ, составляемыхъ для раз-

(*) У насъ, какъ извѣстно, даже нѣтъ полнаго энциклопедическаго лексикона.

личныхъ инструментовъ и пѣнія, имѣющихъ большія или меньшія достоинства во время практическихъ занятій музыкой, то ихъ никакимъ образомъ не должно смѣшивать съ чисто-литературными сочиненіями, относящимися къ этому же искусству, не смотря на то, что къ нѣкоторымъ изъ этихъ учебниковъ присоединены не только словесныя наставленія о томъ и о семъ, но даже исторія и теорія музыки, т. е. собственно не теорія, и не исторія, а только бесполезное и всѣмъ надоевшее *нѣчто* изъ теоріи и исторіи музыки. Въ этихъ курьезныхъ *нѣчто* очень часто толкуется о томъ, о чемъ можно умалчивать, особенно въ практическихъ учебникахъ, и не объясняется того, что необходимо знать каждому музыканту. Однимъ словомъ, при этихъ учебникахъ необходимъ учитель *знающій основательно и умѣющій объяснять* теоретическіе законы музыкальнаго искусства, безъ которыхъ въ наше время не долженъ бы обходиться ни одинъ порядочный артистъ, и къ которымъ непремѣнно должно привыкать съ самаго начала музыкальнаго образованія. А что прикажете дѣлать ученику, желающему приобрести подобныя познанія, если и самъ его учитель не обладаетъ ими, или, если и обладаетъ, то не умѣетъ объяснять ихъ какъ слѣдуетъ и сообразно съ степенью умственного развитія своего ученика? Прикрываясь различными хитростями, учителя этого сорта, конечно, могутъ обманывать своихъ учениковъ и отдѣлываться отъ нихъ одною практикой; но подобная хитрая уклончивость отъ исполненія учительской обязанности, подобное желаніе замаскировать свои сомнительныя знанія или свое неумѣнье объясняться вразумительно, должны или печалить, или раздражать каждого человѣка, хотя немного знакомаго съ требованіями искусства.

Всѣмъ извѣстно, что лучшіе наши, русскіе композиторы и компонисты вовсе не пишутъ статей о музыкѣ. Сожалѣя объ этомъ, невольно спрашиваетъ себя: «Да кому же и удобнѣе всего быть у насъ законодателями музыкальнаго вкуса и судьями музыкальнаго искусства, какъ не нашимъ любимымъ композиторамъ: Глинкѣ, Верстовскому, Львову, Даргомыжскому, т. е. кому, какъ не людямъ, пользующимся у насъ популярностью и авторитетомъ?» Пиши ояи, и остальные всѣ наши музыкальные критики были бы припуждены или умолкнуть вовсе, или удовольствоваться только переводомъ статей, написанныхъ извѣстнѣйшими европейскими учеными музыкантами, что было бы и пріятно и полезно какъ свѣтскимъ людямъ, такъ и людямъ спеціально посвятившимъ себя этому искусству, потому что въ этихъ статьяхъ столько же ума, сколько и положительныхъ знаній и таланта. Въ нашъ вѣкъ,

въ вѣкъ всеобщаго анализа, въ вѣкъ умственной пылкости, каждый порядочный человекъ желалъ бы наслаждаться искусствами не безотчетно, но разумно, т. е. отдавалъ себѣ отчетъ во всѣхъ впечатлѣннѣхъ, которыя производятся ими. По этому, еслибъ который-нибудь изъ упомянутыхъ нами композиторовъ, особенно двое первыхъ, приняли на себя трудъ разобрать и оцѣнить критически наши народныя пѣсни, наше церковное пѣніе, наши русскія оперы, т. е. приняли бы на себя такую работу, къ которой у насъ не приступалъ еще никто какъ слѣдуетъ, то этимъ они ввели бы нѣсколько новыхъ и неуваждаемыхъ листовъ въ вѣнокъ своей извѣстности, и заслужили бы признательность отъ всѣхъ, кто дорожить и восхищается своимъ роднымъ искусствомъ, и радуется его развитію и распространенію.

Правда, что А. Н. Верстовскій началъ было когда-то писать статьи о музыкѣ, но это было такъ давно, что труды его по этой части трудно отыскать; по крайней мѣрѣ, намъ это еще не удалось до сихъ поръ. . . . Слѣдствіемъ этого несправедливаго равнодушія или невниманія къ обработкѣ теоріи и исторіи русской музыки было, между прочимъ, и то, что русскій музыкальный языкъ у насъ крайне бѣденъ, формы его не установились, хотя самая музыка принялась и развилась у насъ весьма быстро. Впрочемъ это ни мало не удивительно: чтобъ наслаждаться и заниматься практическою частью музыки, достаточно природныхъ къ ней способностей и страсти, которыми русскій народъ обладаетъ съ поконъ-вѣка и въ высочайшей степени; но для того, чтобъ изучать законы этого искусства и изобрѣсти языкъ для уясненія подобныхъ законовъ, нужны еще трудъ и терпѣніе, т. е. нужны предметы, живущіе въ постоянной борьбѣ съ отвращеніемъ русскихъ къ черезъ-чуръ кропотливымъ занятіямъ всякаго рода, особенно къ упорнымъ трудамъ чисто-умственнымъ. Доказательствомъ послѣднему служитъ то, что у насъ есть знаменитые національные поэты, живописцы, скульпторы, музыканты, искусные романисты и повѣствователи, но нѣтъ ни одного знаменитаго національнаго философа. . . .

И такъ, мы видимъ, что у насъ еще многое не сдѣлано и не дѣлается до сихъ поръ относительно музыкальной литературы, чего нельзя сказать о западной Европѣ, гдѣ литература этого рода уже утвердилась на прочныхъ основаніяхъ и подарила свѣту множество прекрасныхъ сочиненій, относящихся ко всѣмъ родамъ и видамъ музыкальнаго искусства. По этому, если представители нашей народной музыки до сихъ поръ не берутся за перо критиковъ и не обогащаютъ

насъ своими оригинальными статьями, то намъ, неизвѣстнымъ труженникамъ или любителямъ искусства, остается одно: переводить цѣликомъ, безъ искаженій, передѣлокъ и сокращеній, или, по крайней мѣрѣ, только съ необходимыми по чему-нибудь передѣлками и сокращеніями, труды европейскихъ писателей, и, довольствуясь этою скромною ролей, способствовать, по мѣрѣ силъ, популярности точныхъ музыкальных свѣденій въ нашемъ отечествѣ и доставлять нашимъ музыкантамъ вѣрныя и легкія средства, необходимыя для уразумѣнія всѣхъ отраслей ихъ искусства. Если же намъ возразятъ, что для этой цѣли у насъ нужно было бы издавать журналъ спеціально-музыкальный, и что подобныя статьи можно бы печатать, напримѣръ, въ «Нувелистѣ», и т. п.; то мы отвѣтимъ, что «Нувелистѣ», дѣйствительно могъ бы принять это дѣло на себя, какъ журналъ вполне музыкальный, и что онъ отъ этого выигралъ бы много; но «Нувелистѣ» не располагаетъ такими средствами, и не въ такомъ ходу, какъ журналы литературныя; слѣдовательно, подобный трудъ для него одного былъ бы слишкомъ обременительнымъ. Кромѣ того, главная цѣль этого единственнаго, по качеству, музыкальнаго журнала, издаваемаго въ Россіи, состоитъ въ томъ, чтобъ наиболѣе способствовать развитію практической части музыки и знакомству съ замѣчательнѣйшими произведеніями какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ композиторовъ и компонистовъ. Съ этой стороны онъ достаточно оправдываетъ свою программу, и дѣлаетъ то, за что взялся, и что позволяютъ ему его средства. Обиліе же иностранныхъ музыкальных источниковъ таково, что имъ могли бы пользоваться всѣ наши журналы въ продолженіе многихъ лѣтъ, вполне предоставивъ фельетоны о театрахъ газетамъ и ежедневнымъ листкамъ, или, по крайней мѣрѣ, значительно уступивъ имъ это поле....

Конечно, подобное знакомство большинства нашей публики съ европейскою музыкальною литературой было бы весьма невыгодно для нѣкоторыхъ нынѣшнихъ журнальныхъ сотрудниковъ по части музыки; но вѣдь журналы издаются для публики, а не для рецензентовъ, слѣдовательно и заботиться больше всего слѣдуетъ объ интересахъ публики.... За то приобрести это знакомство, она смѣлѣе и охотнѣе отдавала бы должную справедливость и оригинальнымъ русскимъ статьямъ о музыкѣ, еслибъ онѣ были написаны безъ вычурности, съ полнымъ знаніемъ дѣла и съ неподдѣльнымъ талантомъ. Но, повторяемъ, подобныя сочиненія, какъ переводныя, такъ и оригинальныя, могутъ нынче пользоваться у насъ нѣкоторою извѣстностью и обезпечивать труды ихъ авторовъ и переводчиковъ только при помощи нашихъ журналовъ,

потому что книгопродавцы въ настоящее время вовсе не рѣшаются, какъ мы убѣдились на опытѣ, рисковать своими интересами въ дѣлахъ этого рода.

Читатель, если вы сами русскій, если вы музыкантъ или пѣвецъ, если вы молоды и желаете обогащать себя теоретическими и историческими музыкальными познаніями, если вы хотите наслаждаться музыкой разумно, и если для васъ дороги успѣхи этого искусства въ нашемъ отечествѣ, то вы, конечно, порадовались бы вмѣстѣ съ нами, когда осуществилась бы у насъ хоть половина того, о чемъ бѣгло упомянуто въ этой статьѣ, и что до сихъ поръ остается у насъ въ какомъ-то непонятномъ и незаслуженномъ пренебреженіи.... А будь въ Россіи вполне извѣстно все то, что относится къ музыкальной литературѣ, и чѣмъ уже давно пользуются и гордятся западные европейцы, нѣтъ сомнѣнія, что число русскихъ искусныхъ музыкантовъ и композиторовъ удесятирилось бы въ короткое время; пробудились бы спящія подъ спудомъ дарованія; исчезло бы въ обществѣ множество предразсудковъ и старовѣрскихъ преданій, относительно обученія музыкѣ и пѣнію; уничтожились бы тѣ наивныя, исполненныя иногда благоговѣнія, а иногда какого-то страха, но всегда смѣшныя мнѣнія на счетъ *сочинителей* и *сочинительства* музыки, мнѣнія, переходящія, обыкновенно, отъ родителей къ дѣтямъ, которые съ досаднымъ смиреніемъ очень часто повторяютъ: «*Ужъ гдѣ намъ? Ужъ куда намъ?*» и т. п. Какъ ни пошлы, какъ ни нелѣпы подобныя фразы кажутся съ перваго взгляда, но замѣчая, такъ сказать, ихъ вседѣйствительность, поневолѣ приходишь къ грустнымъ размышленіямъ, потому что подобныя мелочи, подобное самоуниженіе очень часто, если не вовсе уничтожаютъ, то значительно ослабляютъ благородную гордость, благородную самоуверенность, благородное довѣріе къ природнымъ способностямъ ума и души; словомъ, подобныя вещи, которыя сначала кажутся пустяками, истребляютъ или обезсиливаютъ въ чловѣкѣ именно то, что даетъ жизнь искусствамъ и наукамъ и подвигаетъ ихъ къ совершенству. Конечно, предразсудки всегда, во всемъ и у всѣхъ народовъ были, есть и будутъ; борьба съ ними, подобно борьбѣ со страстями, есть единственная нескончаемая борьба. Объ этомъ можно сожалѣть; но это, однакожъ, нисколько не обязываетъ насъ къ тому, чтобъ мы постоянно и спокойно смотрѣли на нихъ и не употребляли противъ нихъ такихъ средствъ, которыя могутъ находиться въ нашей власти, и для пріобрѣтенія которыхъ не должно жалѣть ничего.

И. З.

Февраля 1852 года.

ПИСЬМО КЪ ФРАНЦУЗСКОМУ ЖИВОПИСЦУ ИВОНУ (*)

М. Г. Вы намѣрены написать намъ Куликовскую битву, и желаете, чтобъ я сообщилъ вамъ нѣкоторыя историческія подробности. Признаюсь, мнѣ очень жаль, что ни одинъ изъ отечественныхъ живописцевъ не предупредилъ васъ, — эти господа никакъ еще не могутъ выйти изъ развалинъ Колизея и переступить границы заколдованнаго круга Ватиканскаго. *Que le bon Dieu les benisse!* Скрѣпя сердце, развертываю лѣтописи, и предлагаю вамъ находимое.

Есть три момента въ битвѣ Куликовской: начало, середина и конецъ. Вы избираете средину. Первымъ лицомъ долженъ быть В. К. Дмитрій. Какъ изобразить его, чтобъ онъ онъ составилъ средоточіе картины, и чтобъ зритель тотчасъ остановилъ на немъ свое вниманіе? Затрудненіе состоитъ въ томъ, что онъ сражался въ одеждѣ простаго ратнина. Лѣтопись представляетъ намъ одно счастливѣйшее обстоятельство для живописи: это моментъ, когда Дмитрій обороняется отъ четырехъ татаръ, со всѣхъ сторонъ на него нападающихъ. Доспѣхи его всѣ избиты; раненая лошадь подлѣ. Недалеко дерево, береза, подъ которое онъ спасается. Одинъ молодой князь Стефанъ Новосильскій, увидѣвъ его опасность, спѣшитъ къ нему на помощь, но не можетъ пробраться чрезъ наваленныя трупы. Его стараются остановить Татары. Двухъ онъ убилъ, а третій побѣжалъ отъ него, но издали спѣшать къ нему еще многіе. Близъ Дмитрія должно представить поверженное тѣло любимаго его боярина Бренка, который одѣтъ былъ въ княжеское платье. Это вмѣстѣ и покажетъ зрителю, что князя должно искать не въ княжеской одеждѣ, т. е. обратить его къ описанной сценѣ. Здѣсь же должно развѣваться и великокняжеское черное знамя въ рукахъ у рынды. Есть извѣстіе, что знамя было подсѣчено; мнѣ кажется, можно воспользоваться и этимъ извѣстіемъ, — это самая критическая минута, въ которую является Владимиръ и рѣшаетъ дѣло. Вообще можно изобразить натискъ Татаръ къ знамени, которое едва могли оборонить Русскіе. Вотъ центръ картины.

На одной сторонѣ, *на пригоркѣ*, вы представите Князя Владимира Андреевича и боярина Волинскаго, которые по данному *симъ послѣднимъ* звуку изъ-за лѣса устремляются къ сражающимся рѣшить битву, —

(*) Лѣтъ пять тому назадъ г. Ивонъ былъ въ Москвѣ, и прожилъ у меня свѣдѣній о Куликовской битвѣ. Я написалъ къ нему тогда это письмо, которое теперь отыскалъ въ своихъ бумагахъ; можетъ быть любопытно будетъ прочесть его читателямъ, знакомымъ съ картинами г. Ивона и г. Мясоедова. М. П.

доставить побѣду русскому воинству. Вѣтеръ былъ имъ благопріятель. А на другой сторонѣ *долженъ стоять предводитель Татаръ Мамай* съ пятью вельможами, который, замѣтивъ движеніе русской *подмоги*, предается отчаянію. Ближайшіе полки татарскіе, разумѣется, испугались. На другихъ *можетъ быть изображена усталость*.

Въ числѣ дѣйствующихъ лицъ непременно должно представить Ослабу, монаха въ схимнической одеждѣ съ крестомъ на шлемѣ. Товарищъ его Пересвѣтъ съ татарскимъ богатыремъ, начавшіе сраженіе поединкомъ, должны лежать поверженные другъ подлѣ друга.

(Онъ же даде имъ оружіе (Св. Сергій) крестъ Христовъ нашить на схимахъ, и сіе повелѣ имъ вмѣстѣ шоломовъ возлагати на главы).

Сраженіе было въ началѣ осени, 8 сентября, но «двѣи солдечни и свѣтли сіяюще и теплота велиа».

Изъ *оружія* упоминаются, кромѣ мечей, щитовъ, копій: стрема златокованное. Злаченные колантыри (доспѣхи). Колчари (копья) золоченныя. Байданы (значки). Корды (кривыя татарскія сабли). Златые шеломы. Еловцы (гребни на шлемы). Трубы. Рекомендую вамъ прекрасное изданіе г. Висковатова. Въ нашей Оружейной палатѣ вы видѣли многія вещи въ натурѣ. Въ Археографической Коммисіи есть нѣсколько лѣтописей въ лицахъ. Къ исторіи Димитрія Донскаго относится, кажется, картинъ 50. Начальство ея вѣрно доставить вамъ всѣ средства воспользоваться ими, и вы найдете тамъ богатое собраніе костюмовъ.

Мѣстность вы обозрѣли сами, и знаете, лучше всѣхъ, чѣмъ можно воспользоваться.

Преданіе говоритъ о волкахъ, вранахъ, орлахъ, гусяхъ, лебедахъ, уткахъ, которыхъ вы можете пустить по землѣ и воздуху.

Въ добычу достались многія стада коней, *верблюды, волы, аргичныя овцы великія*,—и оружіе ихъ и доспѣхи и порты и товары безъ числа много.

О наружности Донскаго мы знаемъ вотъ что: отъ рода ему было около 30 лѣтъ, «крѣпокъ зѣло и мужественъ, и тѣломъ великъ и широкъ, и плечистъ, и чреватъ вельми и тяжекъ собою зѣло, брадою же и власы чернъ, взоромъ же дивенъ зѣло».

Желаю вамъ отъ души успѣха, хоть этотъ успѣхъ и причинитъ намъ стыдъ (*). М. И.

(*) Отъ этого стыда избавляетъ насъ теперь отчасти кистъ г. Мясоздова.

издочк. Въ 27 N Московскихъ Вѣдомостей напечатана статья : 52 годѣ въ лѣтописяхъ Русской исторіи. Объ ней я не сталъ бы говорить, если бѣ она, помѣщенная въ, самой распространенной нашей газетѣ, не подавала повода къ толкамъ. Жаль, что подъ нею встрѣтили мы имя, которое привыкли видѣть надъ хорошими трудами.

Автору, г. Смирнову, хочется, чтобъ все пятьдесятъ вторые годы были у насъ особенно примѣчательны, и онъ втягиваетъ, украшаетъ и путаетъ событія, изъ всѣхъ силъ, но, разумѣется, все понапрасну, а именно:

852 годъ онъ считаетъ годомъ основанія государства, вопреки наслѣдованіямъ, о коихъ умалчиваетъ.

О 952 году извѣстій никакихъ нѣтъ, — такъ можно догадываться, говоритъ онъ, что въ это время В. К. Ольга занималась учрежденіемъ перевозовъ и построеніемъ селъ по Днѣпру и Деснѣ, и приготовлялась къ принятію св. крещенія. (!!)

Къ 1052 году онъ по своему изслѣдованію приурочиваетъ рожденіе Владимира Мономаха, не зная, что есть положительное извѣстіе Нестора объ его рожденіи въ 1053 году.

Къ 1152 году онъ относитъ происшествія, совершенно обыкновенныя, въ ряду нашихъ междоусобныхъ войнъ, одинакія съ предыдущими и послѣдующими...

Продолжать скучно—читатели, даже мало знакомые съ Исторіей, могутъ вспомнить, что много происшествій, болѣе примѣчательныхъ, случилось въ другіе годы, и пятьдесятъ вторые не имѣютъ никакого преимущества передъ третьими, четвертыми и пятыми. Ужъ если обращать вниманіе на что либо въ этомъ родѣ, то годомъ гораздо болѣе знаменательнымъ представляется 62-й: въ 862 году прибылъ Рюрикъ, и чрезъ 600 лѣтъ въ 1462 году вступилъ на престолъ Іоаннъ III, первый государь въ полномъ смыслѣ слова.

Василій Назаровичъ *Каразинъ* писалъ первый проектъ Харьковскаго Университета, принималъ дѣятельное участіе въ его основаніи и открытіи, убѣдилъ харьковское дворянство принести большія пожертвованія въ его пользу,—но г. Костыръ, при открытіи Благороднаго собранія въ Харьковѣ, вспомнилъ не о харьковскомъ Каразинѣ, а о московскомъ или лучше всероссійскомъ Карамзинѣ, (котораго когда-то университетъ приглашалъ къ себѣ на кафедру, хоть и безуспѣшно), и написалъ о томъ въ своей статьѣ. Москвитянину показалось воспоминаніе о Карамзинѣ вмѣсто Каразина забавною типографскою опечаткою, которую онъ и замѣтилъ у себя въ смѣси, но теперь г. Костыръ оправдываетъ совершенно нашего корректора, и свидѣтельствуетъ,

что онь, г. Костыр, въ харьковскомъ собраніи вспоминалъ точно Карамзина, а не Каразина. Москвитянинъ ничего не имѣеть сказать противъ этого свидѣтельства, и разумѣется спорить съ г. Костыремъ не можетъ, который напрасно даже принималъ на себя трудъ рыться въ архивной пыли для усиленія своихъ доказательствъ: это его личное дѣло; онь могъ вспомнить, кого хотѣлъ, и никто не имѣеть даже права сомнѣваться въ его утвержденіи; мы не понимаемъ впрочемъ, за что онь сердится на Москвитянина, который говоря о «забавной ошибкѣ» очевидно не думалъ обвинять его, и теперь, получивъ объясненіе, долженъ удивиться только, какъ прихотливо иногда возбуждаются наши воспоминанія: все окружающее напримѣръ твердитъ вамъ о Каразинѣ, а вамъ приходятъ въ голову Карамзинъ. Другому, (или даже другимъ, потому что теперь многіе занимаются у насъ исторіей) непремѣнно надо было бы вспомнить о Карамзинѣ, а у него вертятся на умѣ либо Конфуцій, либо Зороастръ! Major e longinquo reverentia!

Въ послѣднихъ нумерахъ Московскихъ вѣдомостей напечатана большая рецензія г. Калачева на Исторію Россіи, г. Соловьева. Заключение г. Калачева почти совершенно сходится съ моими заключеніями, печатанными нѣсколько лѣтъ тому назадъ, и въ последнее время. Нѣкоторыя возраженія, особенно юридическія, принадлежатъ вполне ему, другія имъ усилены и объяснены, такъ что я не имѣю почти ничего противъ его статей (слѣд. и онь противъ моихъ). Рецензія г. Калачева, равно какъ и рецензія г. Кавелина, представляютъ даже доказательства моихъ наблюденій психологическихъ.

Но неужели нѣтъ никакого различія между моими рецензіями и рецензіями г. Калачева? Есть — вотъ оно: его рецензія пересыпана розами, (роза — слабый цвѣтъ!), а мои — полынью. Какъ наша у меня полынь для этого употребленія, толковать здѣсь не мѣсто, но я могу сказать только то, что эта полынь гораздо горьче мнѣ самому, чѣмъ кому нибудь другому. Я не буду отвѣчать на послѣднюю статью Московскихъ вѣдомостей, прошу извиненія даже у рецензента Москвитянина, что не напечатаю окончанія его отвѣта на тамошнюю антикритику: надо же пожалѣть публику и прекратить этотъ шумъ *изъ пустяковъ*, какъ говорить Шекспиръ, — вотъ вдали грозятся еще Гг. Буслаевъ съ элементами всѣхъ языковъ, со всѣми этимологіями, со всѣми азбуками и лексиконами, — и г. Аѳанасьевъ, въ сонмѣ духовъ добрыхъ и злыхъ, чистыхъ и нечистыхъ, со всѣми орудіями жертвоприношеній, со свитою всѣхъ животныхъ зооморфическихъ. Цѣлая экспедиція! Довольно, господа, пощадите! **М. П.**

Печатать позволяется. Москва, Марта 15 дня, 1852 г.

Цензоръ Д. Ржевскій.

С И Ъ С Ъ.

Р Е В Н И В Е Ц Ъ.

П О В Ъ С Т Ъ.

I.

Это было въ Баденъ-Баденъ; день клонился къ вечеру; праздные счастливыцы, слегка больвые, и искатели приключеній обоего пола, которыхъ приманка удовольствій ежегодно привлекаетъ въ этотъ очаровательной уголокъ свѣта, толпились передъ великолѣпнымъ зданіемъ Куръ-зала, освѣщеннымъ какъ волшебный замокъ. Роскошно одѣтыя дамы, сопровождаемыя влюбленною молодежью, прогуливались вдоль аллеи, уставленной померанцовыми деревьями; здѣсь, группа игроковъ, съ звѣрскимъ выраженіемъ на лицѣ, рассказывала о неслыханномъ счастьѣ какого-то Англичанина, который девятнадцать разъ сряду провель *черную* и сорвалъ банкъ; тамъ, вокругъ маленькихъ столиковъ, на которыхъ горѣли свѣчи въ хрустальныхъ тюльпаначъ, сидѣли цѣлыя семейства иностранцевъ; иные пили чай или шоколадъ; другіе, послѣ знойнаго дня, прохлаждались мороженымъ, — и все было такъ оживлено, такъ весело, такъ разнообразно, что никто бы не могъ себѣ представить, что въ этой нарядной, улыбающейся толпѣ, кроется столько же тайныхъ страданій, обманутыхъ надеждъ и грязныхъ страстей, какъ и между нами грѣшными!...

Одинъ, какъ будто всѣми отвергнутый, сидѣлъ передъ пустымъ столомъ молодой человекъ, угрюмый и пасмурный: то былъ баронъ Эрнестъ Фрейбергъ. Богатый, знатный, красивый собою, онъ только за годъ передъ тѣмъ женился на прекрасной шестнадцати-лѣтней дѣвухѣ, получилъ мѣсто секретаря посольства въ Парижѣ, и долженъ былъ считать себя однимъ изъ счастливыхъ нашего вѣка, еслибъ

мнительный и ревнивый характеръ , не отравляя всѣхъ благъ , которыми такъ щедро одарила его судьба.— Въ слѣдствіе этой слѣпой, безразсудной страсти, которая придаетъ видъ существенности всякой тѣни и имѣетъ даръ увеличивать важность самыхъ ничтожныхъ обстоятельствъ , какъ микроскопъ увеличиваетъ объемъ предметовъ , Фрейбергъ вздумалъ, безъ всякаго основанія, приревновать жену къ одному изъ своихъ пріятелей, и не взирая ни чему кромѣ своей ревности , увезъ ее изъ Парижа, и поселилъ въ деревнѣ у тещи, въ самой мрачной сторонѣ Шварцъ-Вальдена. Совершивъ этотъ достохвальный подвигъ, нашъ герой, успокоенный на счетъ своей ревности, но еще страдающій отъ претерпѣнныхъ тревогъ и безсонницъ, вздумалъ; возвращаясь къ своему посту, проѣхать по Рейну и провести нѣсколько времени въ Баденѣ, чтобъ разсѣянностью тамошней жизни отвлечь отъ своего сердца воспоминаніе прошедшаго, и, скажемъ правду, угрызение настоящаго, потому что какъ ни была жестока страсть, имѣ владѣющая, онъ однакожь не могъ видѣть, безъ нѣкотораго угрызения совѣсти, это прекрасное, исполненное жизни существо, въ той безотраднѣйшей темницѣ, въ которую онъ заключилъ его какъ тиранъ времени феодальныхъ. Не думайте, впрочемъ, чтобъ Эрнестъ очень былъ влюбленъ въ свою жену,—конечно , онъ на ней женился потому , что она ему нравилась больше другихъ, но онъ вовсе не былъ къ ней страстенъ. Онъ ее ревновалъ просто потому, что былъ ревнивъ, и что люди, одержимые этой несчастной болѣзнью души, видятъ соперника во всякомъ мужчинѣ, вѣ увѣрены, что всѣ мѣтятъ на женщину, которая ближе къ ихъ сердцу,—какое непрерывное страданіе должны испытывать эти безумцы! но за то какова же участь и жертвъ обреченныхъ имъ судьбой! Что можетъ быть несноснѣе, какъ жить съ человекомъ, который своимъ присутствіемъ охлаждаетъ всѣ наши радости, котораго мнительный характеръ отравляетъ не только наши слова, но самыя невинныя помысленія, и гнусными подозрѣніями оскорбляетъ до униженія ту, которую можетъ быть всякой другой боготворилъ бы на его мѣсть. Вотъ каковъ былъ Фрейбергъ къ своей женѣ, умной, веселой прекрасной молодой женщинѣ, гораздо больше похожей на Испанку нежели на Нѣмку, и которой весь Парижъ любовался. Такъ какъ она была на счету самыхъ модныхъ женщинъ въ обществѣ, то всѣ желали видѣть ее у себя, и Эрнестъ часто тяготился безпрестанными приглашеніями, которыя получалъ отовсюду. Но вельзя же было ссориться съ тѣми, которые дѣлали ему вѣжливость, и лишать Елену, это было имя его жены, удовольствій свойственныхъ ся лѣтамъ.

За то, какъ тщательно изыскивалъ онъ средства отравить ея удовольствіи! Передъ тѣмъ, какъ вѣхать на какой-нибудь званый вечеръ или обѣдъ, онъ ей цѣлые полчаса читалъ лекцію на счетъ обращенія, которое она должна имѣть въ обществѣ, безпрестанно повторяя, что надо стараться свискивать благосклонность пожилыхъ людей, потому что ихъ мнѣніе, а не одобреніе сорванцовъ и волокитъ, составляетъ репутацію молодыхъ женщинъ. Входя въ гостинную, онъ обыкновенно подводилъ жену къ какой-нибудь старухѣ, возлѣ которой она должна была провести большую часть вечера. Это правда, что и мужчины, которымъ было за пятьдесятъ, имѣли право свободно съ ней говорить, а такъ какъ она была единственная красавица, которая посвящала имъ цѣлые часы, то они всѣ толпились вокругъ нея. Кроткая, веселая и наивная какъ ребенокъ, Елена находила средства не скучать и въ ихъ обществѣ; на прекрасныхъ ея устахъ всегда играла улыбка; и черные, исполненные огня глаза ея, также блистали въ разговорѣ съ старикомъ, какъ и съ молодыми людьми. Эрнестъ самъ удивлялся этой неизмѣнной веселости, и придумывалъ для нея небывалыя причины. Другой бы, убдившись нѣсколько въ несправедливости своихъ подозрѣній, устыдился наконецъ самого себя, и пересталъ бы мучить слабую женщину, но Фрейбергъ былъ не таковъ; онъ въ самыхъ качествахъ своей жены изыскивалъ причины къ ея осужденію. Вѣроятно, думалъ онъ про себя, герцогъ д'Омонъ забавляетъ ее разсказами о своемъ племянникѣ, который извѣстенъ какъ шалуни и волокита, а маркизъ Даркуръ, забывши свои сѣдины, еще въ состояніи передавать ей свои собственныя чувства; онъ что-то черезъ чуръ съ ней любезничаетъ и крѣпко пожимаетъ ея руки, называя ее *mon enfant*; чтоже касается до графини Вальривъ, то я всякой день больше и больше убвждаюсь, что она хлопочетъ за своего сына. Зачѣмъ я познакомился съ этой дурной женщиной? (Которая между прочимъ была одна изъ самыхъ почтенныхъ дамъ Севъ-Жерменскаго предмѣстія); и въ слѣдствіе этихъ глубокомысленныхъ предположеній, Елена получала приказаніе обходиться гораздо холоднѣе съ тѣми, которые намекали на себя его подозрѣніе. Ей ни съ кѣмъ не было позволено веселиться, но и скучать она могла только съ тѣми, которыхъ мужъ избиралъ для ея общества. За то, бѣдная страдалница, съ такимъ восторгомъ вѣхшая въ Парижъ, начинала такъ тяготиться жизнью, которую тамъ вела, что даже часто хотѣла отказываться отъ дѣланыхъ ей приглашеній; но и въ этомъ она не была свободна потому, что Эрнестъ, по своему положенію въ свѣтѣ, поиммалъ, что ему нельзя было преры-

вать свои сношенія съ обществомъ; а жену оставить дома, одну на цѣлый вечеръ, ему казалось невозможнымъ. И такъ Елена частехонью слѣдовала за нимъ съ слезами на глазахъ. Съ ужаснымъ біеніемъ сердца всегда входила она въ гостинную, въ особенности если шла на балъ, потому что она знала, что въ продолженіи всего вечера, Фрейбергъ будетъ стоять передъ нею подобно карающему привидѣнію, будетъ слѣдить за каждымъ ея движеніемъ, ловить каждое ея слово, и что по окончаніи бала, какъ скоро они сядутъ въ карету, все будетъ перетолковано къ ея осужденію, и начнется длинный рядъ упрековъ и угрозъ, отъ которыхъ обыкновенно ей придется проплакать до тѣхъ поръ, пока утомленная таянцами и слезами, она не заснетъ чистымъ, дѣтскимъ сномъ, возлѣ своего недремлющаго тирана.

Фрейбергъ ревновалъ къ женѣ графа Вальрива, который питалъ къ Еленѣ одну братскую любовь, основанную на уваженіи къ ея качествамъ, и на сожалѣніи объ ея участи. Когда Эрнестъ, отыскивая строгаго ментора для своей жены, познакомился съ графиней, тогда сынъ ея былъ въ отсутствіи, и Фрейбергъ, не подозревая его существованія, слѣпо поручилъ Елену ея покровительству. Она часто проводила у нея по цѣлымъ днямъ, всегда съ удовольствіемъ, потому что г-жа Вальривъ, умная, веселая и очень образованная женщина, умѣла соединять съ строгостью мыслей, приличной ея лѣтамъ, всю свѣжесть, гибкость и прелесть молодого воображенія. Мужъ и жена были равно довольны этимъ знакомствомъ, какъ вдругъ появился Евгений Вальривъ, возвратившійся изъ путешествія по Италіи. Представьте же себѣ отчаяніе Фрейберга, когда онъ въ немъ увидѣлъ прекраснаго молодого человека, и чувствовалъ, что онъ, такъ сказать, самъ далъ ему поводъ объявить себя рыцаремъ его жены! На балахъ, онъ обыкновенно танцевалъ съ ней первый вальсъ или мазурку; если встрѣчался съ ней на гуляньи, онъ ее провожалъ до кареты, подавалъ руку при выходѣ изъ театра, дарилъ конфетами и цвѣтами. Но всякой другой могъ бы замѣтить, что въ его вниманіи къ ней не было ни малѣйшаго отбѣнка страсти; Евгенийъ былъ совершенно равнодушенъ къ красавицамъ того круга, въ которомъ онъ жилъ. Правда, что изъ всѣхъ женщинъ, къ которымъ онъ былъ равнодушенъ, Елена ему нравилась больше другихъ — вотъ и все. Разумѣется, что Фрейбергъ судилъ иначе; онъ видѣлъ въ немъ соперника, врага, и всякой день изыскивалъ новые способы отъ него избавиться. Но это было не легко, Евгенийъ велъ себя такъ скромно, что, не смотря на все желаніе ревнивца

всадить ему пулю или шпагу въ грудь, не къ чему было придаться, а графиня Вальривъ стояла такъ высоко и пользовалась такимъ уваженіемъ въ обществѣ, что съ ней рассориться было еще мудренѣе. И такъ, Фрейбергъ въ отчаяніи, изтерзанный своей ревностью, исхудавшій отъ потери сна и не имѣя силъ выносить долѣе своего мнимаго несчастья, рѣшился взять шестимѣсячный отпускъ и отвести Елену въ деревню къ ея матери, возлѣ которой, какъ онъ зналъ, за сорокъ верстъ кругомъ, не было ни одного помѣщика. Успокоенный мрачнымъ видомъ этого жилища, которое его теща купила послѣ смерти любимого ею мужа, и въ которомъ она будто хотѣла себя схоронить заживо, Эрнестъ поселилъ тамъ свою жену, но самъ, бывши не въ силахъ долго выдержать тоски этой удивенной, однообразной жизни, отправился путешествовать по Рейну. Вотъ почему, въ началѣ нашего повѣствованія, мы нашли его угрюмымъ и пасмурнымъ. Онъ долго смотрѣлъ въ даль, ничего не видя, и курилъ давно погасшую сигарку, — но вдругъ, неожиданное явленіе какъ электрическимъ ударомъ вывело его изъ размышленій. Къ столу, передъ которымъ онъ сидѣлъ, подошло нѣсколько дамъ и кавалеровъ, и пока мужчины побѣжали заказать мороженое, дамы расположились вокругъ столика, продолжая въ полголоса начатой прежде разговоръ, и поглядывая съ боку на Фрейберга, какъ будто желая чрезъ то дать ему почувствовать, что онъ лишній между ними. Эрнестъ и самъ понималъ, что изъ учтивости онъ долженъ былъ удалиться; но онъ сидѣлъ какъ прикованный на своемъ мѣстѣ, и не могъ свести глазъ съ одной изъ дамъ; то была высокая, стройная молодая женщина, съ большими голубыми глазами, съ вѣжной близкой лица; длинныя, блондурыя локоны, вившіяся вокругъ ея щекъ, придавали такую прелесть ея чертамъ, и такъ чудно согласовались съ ея тоннымъ взглядомъ, что еслибъ она встрѣтилась Рафаэлю, онъ бы взялъ ее за образецъ для своей лучшей картины. Эрнестъ смотрѣлъ на нее съ восторгомъ, — но наконецъ, чувствуя неприличіе своего присутствія между незнакомыми, онъ рѣшился удалиться, и замѣтивъ пустой стулъ позади себя, бросился на него, и сѣлъ немного поодаль, но все-таки въ виду красавицы. Спусти нѣсколько времени и опороживъ нѣсколько рюмокъ мороженнаго, вся компанія вошла въ салонъ. Эрнестъ, машинально, пошелъ за ними; онъ до того былъ очарованъ незнакомкою, что послѣдовалъ за нею въ садъ. Въ продолженіи вечера, онъ успѣлъ узнать, что это была г-жа Серве, жена французскаго негодяива, и что она живетъ въ *Hotel de Zabringen*. Собравъ эти свѣденія, нашъ герой, на другой же день, расплатился съ англійской гостиницей, и поселился

подъ однимъ кровомъ съ предметомъ своей новой страсти. Къ его счастью, она всегда обѣдала за общимъ столомъ, и Фрейбергъ удержалъ для себя мѣсто противъ нея. Къ обѣду г-жа Серве пришла безъ шляпки, и онъ вполнѣ могъ налюбоваться прозрачностью ея кожи, густотою ея золотистыхъ волосъ и прекрасной формой ея рукъ. Но больше всего былъ онъ обвороженъ скромностью ея обхожденія, тихимъ звукомъ ея голоса, и полными достоинства взглядами, которые она изрѣдка бросала на окружающихъ ее мужчинъ и на самого его. Зачѣмъ не она жена моя? думалъ онъ про себя, она бы излечила меня отъ ревности. Кто посмѣетъ посягнуть на нее? Вотъ женщина, которую мнѣ представляло мое воображеніе, когда я полагалъ, что счастье можно найти только въ супружествѣ. Зачѣмъ не встрѣтилъ я ее прежде или зачѣмъ узналъ ее теперь? На другой день Эрнестъ дерзнулъ предложить ей блюдо стоящее передъ нимъ, налилъ ей раза два воды, и наконецъ рѣшился отвести ей свою визитную карточку. Какова же была его радость, когда встрѣтившись съ нимъ вечеромъ на балконѣ Куръ-зала, она подошла къ нему. «Это вы, Баронъ, сдѣлали мнѣ удовольствіе, оставить у меня вашу карточку?» сказала она. — Точно такъ, сударыня, не зная никого кто бы могъ меня «вамъ представить, я рѣшился самъ. . . «Вы сдѣлали мнѣ много чести, и я надѣюсь что это не будетъ вашъ послѣдній визитъ.» Много чести! думалъ онъ про себя въ восторгъ; можно ли ей такъ говорить? она дѣлаетъ мнѣ честь своимъ присмомъ... Какая скромность! Какъ мало цѣнить она свои совершенства! И пользуясь лестнымъ приглашеніемъ, онъ на слѣдующее же утро явился къ г-жѣ Серве. Это свиданіе довело его до безумія, потому что онъ нашелъ въ ея обращеніи ту же скромность, но смѣшанную съ какой-то нѣгой въ тѣлодвиженіяхъ, и романтизмомъ въ рѣчахъ, которые придавали ей очаровательную прелесть; Эрнестъ былъ внѣ себя отъ восторга, но онъ не ощущалъ къ ней тѣхъ чувствъ, которыя внушаетъ обыкновенная красота, — нѣтъ, онъ трепеталъ передъ нею, онъ не дерзнулъ бы прикоснуться къ ней, и готовъ былъ наказать смертью всякаго, кто бы при немъ осмѣлился изъяснить сомнѣніе на счетъ ея добродѣтели. Да и въ самомъ дѣлѣ, нельзя было найти совершеннѣе идеала для изображенія дѣвственной чистоты, подъ чертами прекраснѣйшей изъ женщинъ.

Г-жа Серве занимала, въ нижнемъ этажѣ гостинницы, большую комнату, раздѣленную на двѣ ровныя половины шелковою занавѣскою, за которою стояла ея постель и туалетъ, а изъ остальнаго пространства

она устроила родъ cabinet-salon, котораго главнымъ украшеніемъ было множество цвѣтовъ; ея письменный столъ, убранный съ большими вкусомъ, былъ окруженъ различными растеніями.

Я обожаю цвѣты и ароматы, сказала она Фрейбергу, и всегда сожалею, что ихъ нельзя употреблять въ пищу вмѣствъ съ фруктами. — Представьте себѣ, продолжала она съ улыбкою, какая была бы прелесть компотъ изъ персиковъ съ гіацинтами, или салатъ изъ розъ и жасминовъ съ аванаснымъ сокомъ! Это было бы лучше отвратительныхъ росбефовъ или бараньихъ жиго, которыми насъ здѣсь кормятъ. — Хотя Фрейбергъ и не раздѣлялъ ея мнѣнія, потому что, какъ добрый нѣмецъ, обладалъ отличнымъ аппетитомъ и умѣлъ вполне цѣнить достоинство хорошаго росбефа, онъ однакожъ не могъ не слушать ее безъ восхищенія, и самая оригинальность ея мыслей еще больше утверждала его во мнѣніи, что она была сверхъестественное существо. — Въ кабинетъ г-жи Серве было два окна, выходящія въ садъ; въ простѣянкѣ находилось зеркало; у противоположной стѣны стоялъ диванъ, передъ нимъ столъ, а за диваномъ была дверь, которая выходила во внутренніе комнаты. Во время своего довольно продолжительнаго визита, Эрнестъ замѣтилъ, что въ одной половинкѣ дверей была не вездѣ ровная, но въ нѣкихъ мѣстахъ довольно широкая трещина; онъ вздумалъ воспользоваться этимъ обстоятельствомъ, и выходя отъ г-жи Серве, тотчасъ же послалъ за оберъ-кехлеромъ, и объявилъ ему, что намѣренъ перемѣнить квартиру. Узнавъ отъ него, что 15-й N^o, то есть тотъ, въ который выходила дверь, никѣмъ не занятъ, онъ хотѣлъ въ ту же минуту перейти въ него, но служитель отвѣчалъ, что это не возможно, потому что 16-й и 17 N^o передѣлываются, и что на это время вся мебель, которая въ нихъ стояла, и много другой негодной, перенесена въ 15-й, изъ котораго сдѣлали родъ кладовой. — Фрейбергъ нахмурился, но не оставилъ своего намѣренія, и вышима наполеондоръ, подалъ его келнеру. — Послушай, сказалъ онъ ему, если въ этой комнатѣ нельзя жить, то ты, по крайней мѣрѣ, долженъ мнѣ доставить способъ входить иногда въ нее. — Это дѣло другое, ключъ отъ этой комнаты у меня, и я, пожалуй, вамъ отдамъ его. — Ну, мнѣ только того и надобно, вскричалъ нашъ влюбленный; — и съ помощію услужливаго слуги, онъ могъ, въ тотъ же вечеръ, начать свои наблюденія. Фрейбергу хотѣлось знать, какъ этотъ ангелъ живетъ на землѣ, каковы его привычки, чѣмъ она занимается, и еслибъ онъ дерзнулъ заглянуть въ ея спальню, то это было бы только для того, чтобъ посмотреть, какимъ спомъ она почиваетъ. Возвратясь изъ Куръ-зала, откуда онъ нарочно

ушелъ прежде г-жи Серве, Эрнестъ въ сопровожденіи своего повѣреннаго, который помогъ ему взгромоздиться на комодъ, довольно покойно расположился за дверью, и съ трепетомъ сердца ожидалъ возвращенія красавицы. Вотъ, черезъ полчаса, проведеннаго Эрнестомъ въ потемкахъ, шелкнулъ замокъ, отворилась дверь, горячая вошла со свѣчами, и г-жа Серве, передъ зеркаломъ, сняла шляпу, мантилью и перчатки. — Эрнестъ едва переводилъ дыханіе, ему стало совѣстно передъ нею, и еслибъ она не пошла раздѣваться за занавѣску, онъ бы закрылъ глаза, такъ велико было почтеніе, которое она ему внушала. Не много погодя, красавица вышла въ бѣломъ пенюарѣ, съ голубымъ бавтомъ на груди, отворила окошко, потомъ, какъ будто въ предосторожность отъ вечерней сырости, накинула голубой шарфъ на голову, и сѣла на окно, возведя прекрасные глаза свои къ небу. — Но тутъ ужъ Фрейбергъ не могъ слѣдовать за нею, потому что окно было съ боку, а трещина выходила на самую средину комнаты. Онъ какъ-то ухитрился черезъ скважину, которая находилась между дверью и косякомъ, поймать на минуту ея образъ; но скоро, она опять скрылась отъ его глазъ, и соскучась сидѣть въ темнотѣ, ничего не видя, онъ рѣшился, на цыпочкахъ, съ помощію потайнаго фонаря, выйдти изъ своей обсерваторіи. — На слѣдующій день, Эрнестъ повторилъ свои наблюденія, но какъ г-жа Серве опять утѣлась на окно, то онъ рѣшился сойдти въ садъ, чтобъ взглянуть на прекрасное ея лице, освѣщенное луннымъ свѣтомъ и обрамленное черною кружевною косыкою. — Прокравшись тайкомъ между кустами, чтобъ не быть замѣченнымъ, онъ скоро очутился подъ ея окнами, возлѣ которыхъ росло множество розъ и воздушныхъ жасминовъ. — Но каково же было его удивленіе, когда онъ увидѣлъ, на исѣсокъ отъ ея квартиры, лорда Веллиса, только наканунѣ пріѣхавшаго, облокотившагося на перилы своего балкона, безъ галстука и фрака. Держа сигару во рту, онъ дерзко смотрѣлъ на красавицу. — Фрейбергъ былъ до того оскорбленъ его невѣжливостью, что схватилъ было камень, и чуть имъ не пустилъ въ Англичанина, но минутное размышленіе дадо ему почувствовать все неприличіе такого поступка, и онъ опустилъ руку, а видѣ г-жи Серве, которая очень граціозно оперла свою головку на оконный косякъ и очень спокойно смотрѣла на лорда, до того его изумилъ, что онъ не зналъ, какъ истолковать себѣ ея равнодушіе. — Нельзя же, думалъ онъ, чтобъ она не знала, что мушинъ не позволительно показываться въ такомъ видѣ передъ посторонней женщиной, и что ей не прилично сидѣть противъ этого неуча.

Въ эту минуту на городскихъ часахъ пробило двѣнадцать; англичанинъ пошелъ къ себѣ, заперъ за собой бадконъ, и пять минутъ спустя, г-жа Серве тоже скрылась. — Боже мой! подумалъ съ отчаяніемъ Эрнестъ, неужели и она кокетка? — Всю ночь онъ видѣлъ ненавистнаго англичанина; ему грезилось, будто она съ нимъ пересмѣивалась, будто онъ бросилъ ей букетъ, который она поймала на лету, и пробужденный этимъ ужаснымъ сновидѣніемъ, онъ всталъ и открылъ окно, чтобъ освѣжить свою горящую голову. — Было шесть часовъ утра; трактирная прислуга ужъ суетилась на дворѣ, и почтальоны, присвистывая, закладывали дорочную коляску. Черезъ четверть часа коляску подвезли къ подъѣзду; лордъ Веллисъ сѣлъ въ нее и поехалъ по франкфуртской дорогѣ, въ Висбаденъ. Фрейбергъ вздохнулъ свободнѣе, по тому, воспоминаніе прошедшаго снова отемнило его воображеніе. Ужели итъ ли ни одной безпорочной женщины? думалъ онъ съ отчаяніемъ, и чтобъ избавиться отъ этой мучительной мысли, онъ снова бросился на постель, и освѣженный утреннимъ воздухомъ, проспалъ до 9-ти часовъ. Напившись кофе и прочитавъ безъ малѣйшаго вниманія нѣсколько журнальныхъ листковъ, онъ послалъ за верховою лошадей; ему нужно было заглушить душевную тревогу тѣлесною усталостью, и вѣроятно тоже кого-нибудь помучить. За то и досталось бѣдному животному! онъ его шпорилъ, хлысталъ, манежилъ, — то скакалъ во весь карьеръ, то, распуская поводья, ѣхалъ тихимъ шагомъ, ничего вокругъ себя не видя и не замѣчая. Нанявъ лошадей на два часа, онъ проѣзжалъ три, и когда пришло время обѣда, онъ пошелъ къ Шаберу, потому что, разсерженный на г-жу Серве, не хотѣлъ ее видѣть. За то вечеромъ, ужъ немного успокоенный, онъ не преминулъ отправиться въ салонъ, зная, что она всегда тамъ оканчивала день, но къ его удивленію, красавицы не было; онъ обошелъ всѣ залы, заглянулъ во всѣ группы дамъ, сидящихъ въ саду, обыскалъ всю террасу, но нигдѣ не нашелъ ее, и хотѣлъ только идти домой, чтобъ о ней освѣдомиться, какъ услышалъ разговоръ двухъ молодыхъ людей, собиравшихся на вечеръ къ г-жѣ Вивье. Это была короткая пріятельница г-жи Серве, и Фрейбергъ повѣлъ, что она должна быть за туалетомъ и что онъ ее не увидитъ; печальный, онъ воротился въ Куръ-залъ и сѣлъ за Rouge et Noire, чтобъ убить въ игрѣ остатокъ вечера. Разумѣется, что онъ игралъ очень разсѣянво, но счастье ему такъ благопріятствовало, что онъ невольно вспоминалъ известную поговорку *heureux au jeu, malheureux en amour*. Разстроенный этой мыслию, нашъ герой всталъ, и тихими шагами пошелъ домой въ двѣнадцатомъ часу. Въ Hotel de Zähringen

было два входа: одинъ съ улицы, другой черезъ садъ: Эрнестъ выбралъ послѣднюю дорогу, чтобъ пройти мимо оконъ г-жи Серве, и къ большому удивленію, увидѣлъ ихъ освѣщенными. Боже мой! она вѣрно больна, подумалъ уже обезоруженный любовникъ—хоть, правду сказать, не худо бы было ей схватить хорошій флюсъ за вчерашнюю продѣлку.— Не смотря на эту выходку, онъ поспѣшилъ въ свой потаенный кабинетъ, и услышалъ говоръ въ комнатѣ г-жи Серве; это былъ голосъ мушны.— Такъ и есть, вѣрно докторъ, подумалъ Фрейбергъ, и поспѣшво привикъ къ дверной щели.... Но вообразите себѣ его ужасъ, когда онъ увидѣлъ ее въ своемъ бѣломъ пелюурѣ, прохаживающуюся по комнатѣ съ черноволосымъ высокимъ мушныю, въ щеголеватомъ халатѣ, вовсе не похожемъ на тамошняго доктора, и который, въ одной рукѣ держа сигару, другою обвивалъ стройный станъ ея. Г-жа Серве, предъ этимъ, сказала ему, что ея мужъ по торговымъ дѣламъ уѣхалъ въ Америку; слѣдственно онъ не сомнѣвался, чтобъ это не былъ соперникъ, но къ несчастью не могъ рассмотреть его лица, потому что въ ту самую минуту счастливая чета ушла на диванъ, стоящемъ за дверью.— Фрейбергъ хотѣлъ бѣжать,— но въ глазахъ его зеленѣло, ноги его тряслись, и онъ былъ вынужденъ слышать ихъ нѣжные разговоры, и звукъ ихъ поцѣлуевъ, который очень ясно доходилъ до него. Представьте себѣ его терзаніе! Наконецъ, собравшись съ силами, но съ лицомъ покрытымъ холоднымъ потомъ, нашъ герой, въ видѣ Гамлета, когда ему является тѣнь убитаго отца, дотащился до своей комнаты, и упалъ почти безъ чувствъ на постель. Камердинеръ явился было, чтобъ раздѣть его, но онъ его прогналъ, и снявъ только верхнее платье, проходилъ большую часть ночи по своей комнатѣ.— На разсвѣтъ онъ позвалъ своего челоуѣка и велѣлъ готовиться къ отъезду. Уложивъ свои бумаги и дорожную шкатулку, онъ только что вышелъ въ коридоръ, чтобъ потребовать свой счетъ, какъ къ довершенію досады увидѣлъ предъ собою Евгенія Вальривъ. Въ расположеніи духа, въ которомъ онъ находился, эта встрѣча не могла не довести его до крайности. Вспыхнувъ отъ гнѣва, и не сдѣлавъ графу никакого привѣтствія, онъ подошелъ къ нему и дерзкимъ тономъ сказалъ:— А! вы укъ здѣсь, милостивый государь!— Удивленный этимъ обращеніемъ, Вальривъ очень сухо ему отвѣчалъ:— Почему же нѣтъ?— Я бы очень желалъ знать, зачѣмъ вы выѣхали изъ Парижа.— А я не желаю отвѣчать на вашъ вопросъ, сказалъ Вальривъ. Взбѣшенный этимъ отвѣтомъ, Фрейбергъ, который твердо былъ увѣренъ, что графъ искалъ и преслѣдовалъ его жену, подошелъ къ нему съ сверкающими

отъ гнѣва глазами, и схвативъ его за воротъ, сказалъ:—Вы безнравственный наглець, и я заставлю васъ заплатить дорого за вашу дерзость!—Вальривъ оттолкнулъ его отъ себя и вскричалъ съ запальчивостью: Я вамъ только со шпагою въ рукахъ позволю коснуться до себя; но замѣтивъ, что эта сцена начинала привлекать зрителей, онъ взялъ Эрнеста за руку и втащилъ въ свою комнату, которую заперъ за собой на ключъ.—Мы здѣсь можемъ объясниться безъ свидѣтелей; скажите, какое избираете вы оружіе и гдѣ будетъ встрѣча? Фрейбергъ молчалъ, краснѣлъ и не отвѣчалъ ни слова, потому что взошедъ въ комнату, онъ замѣтилъ на креслѣ тотъ самый халатъ, который видѣлъ наканунѣ у г-жи Серве. Наконецъ, опомнившись, онъ сказалъ Евгенію съ учтивостью, что такъ какъ онъ обиженный, то ему и слѣдуетъ избирать оружіе.—Я буду согласенъ на все, продолжалъ онъ, съ видимымъ замѣшательствомъ. Вальривъ замѣтилъ его внезапную перемену, и видя, что онъ сталъ покойнѣе, спросилъ: отчего ему взумалось обойтись съ нимъ такъ безразсудно.—Общайтесь отвѣчать мнѣ откровенно, сказалъ Фрейбергъ, и я вамъ все объясню.—Общаю, если это не будетъ противно моей чести.—Вопросъ, который я долженъ вамъ сдѣлать, довольно щекотливъ, но я даю вамъ клятву свято хранить вашу тайну.—Говорите.—Васъ ли я видѣлъ вчера вечеромъ у г-жи Серве? Вальривъ смѣшался и запинаясь отвѣчалъ, что онъ иногда бываетъ у нея... но что вчера не былъ.—Этотъ халатъ однакожъ мнѣ знакомъ, продолжалъ Фрейбергъ съ извѣтельной улыбкой.—Евгеній вспыхнулъ до ушей.—Признайтесь же, что это были вы?—Если вы знаете, отвѣчалъ съ замѣшательствомъ Вальривъ... зачѣмъ же вы спрашиваете у меня то, о чемъ я не долженъ говорить?—Довольно, прервалъ Фрейбергъ, теперь еще одинъ вопросъ: давно ли вы знакомы съ г-жею Серве?—Я съ ней встрѣтился въ Италиі.—И вы пріѣхали сюда для нея?—Точно такъ.—Ну, такъ прошу у васъ прощенія въ моей запальчивости, графъ, недоразумѣніе ввело меня въ заблужденіе, извините меня, и будемъ по прежнему друзьями.—Вальривъ, который очень понималъ, что онъ ревновалъ его къ своей женѣ, хотя часто за это негодовалъ на него, протянулъ ему руку; миръ былъ заключенъ чистосердечно; разговоръ сдѣлался откровеннѣе, и изъ него Эрнестъ узналъ двѣ вещи: первую, что г-жа Серве вовсе не заслуживаетъ той страсти, которой запыдало было къ ней его сердце, и вторую, что жена его вовсе не заслуживаетъ той ревности, которой онъ мучился съ самаго дня своей сватбы. Въ Парижѣ Вальривъ былъ по-вѣреннымъ многихъ молодыхъ людей, напрасно старавшихся обратить

на себя вниманіе Елены. Онъ привелъ ревнивому мужу нѣсколько примѣровъ, которые такъ ясно доказывали ея добродѣтель, что Фрейбергъ наконецъ совершенно успокоился, и выхода отъ Евгенія, приказалъ своему камердинеру послать за почтовыми лошадьми. Черезъ полчаса, онъ зашелъ къ Вальриву уже въ дорожномъ платьѣ; дружески простился съ нимъ, и чрезвычайно довольный, поскакалъ за женой, чтобъ опять, вмѣстѣ съ ней, ѣхать въ Парижъ. Быдо лѣто, но ему вмѣнно и хотѣлось употребить это время на осмотръ окрестностей города и на изученіе его достопримѣчательностей, потому что до тѣхъ поръ онъ не видалъ въ немъ ничего, кромѣ салоновъ и театровъ, куда постоянно слѣдовалъ за Еленой, какъ тѣнь ея.

Желаемъ вашему ревнивцу счастливаго пути и совершеннаго изцѣленія отъ его страсти.

Ц.

Давно уже нашъ ревнивецъ не испытывалъ того спокойствія духа, того безпечнаго счастья, которымъ было наполнено его сердце на пути въ Фрау. Слова Вальрива безпрестанно приходили ему на память, и, вспоминая разныя обстоятельства прошедшаго, онъ болѣе и болѣе убѣждался въ ихъ справедливости. — Погода была чудесная. Онъ проѣзжалъ самую живописную страну Германіи, и во всю дорогу восхищался всѣмъ, блаженствовалъ, и — наконецъ понималъ свое счастье. — На другой день, вечеромъ, онъ ужъ былъ у крыльца своей тещи. Домъ показался ему освѣщеннымъ болѣе обыкновеннаго; изъ-за оконъ видѣлись пунцовыя драпри, которыхъ онъ прежде не замѣтилъ; дворъ былъ чисто выметенъ и обнесенъ живой ссеновой изгородью, тщательно подстриженной, и все какъ будто измѣнилось съ его отъѣзда. — Что бъ это значило? думалъ онъ. Пока онъ разсуждалъ самъ съ собою, одинъ изъ служителей, замѣтивъ, что онъ весь въ пыли, схватилъ вѣникъ и началъ его обметать.

Вдругъ раздались звуки музыки. Фрейбергъ узналъ фантазію, которую играла Елена; но за клавикордами была слышна и скрипка; — кровь хлынула къ его вискамъ. — Что это? спросилъ онъ съ безпокойствомъ, развѣ есть гости? — Никакъ нѣтъ, отвѣчали ему, это г-нъ Вилькссъ. — Г-нъ Вилькссъ, подумалъ онъ про себя, — очень забавно! — Въ эту минуту послѣдовала пауза; скрипачъ пересталъ играть, чтобы замѣтить Еленѣ, что она ошиблась, и пропѣлъ прелестнымъ теноромъ пассажъ, который она не вѣрно исполнила. Эрнестъ вздрогнулъ. — Боже мой! часъ отъ часу

хуже! хорошъ Вальривъ съ своими разсказами! а я, безумный, и повѣрилъ ему!—Услужливый слуга уже обмелъ его съ ногъ до головы, а Фрейбергъ все еще стоялъ на мѣстѣ, какъ будто страхась того, что его ожидало; наконецъ, съ судорожной торопливостью онъ пошелъ въ гостинную, слуга отворялъ ему дверь—и чтожъ онъ увидѣлъ: Елену за клавикордами, возлѣ которыхъ сидѣлъ, со скрипкою въ рукахъ, католическій священникъ, почтенной наружности, съ сѣдыми волосами, лежащими по плечамъ;—поодаль, передъ пальцами, ея мать, и кромѣ ихъ, рѣшительно никого. Вошедъ къ комнату и увидѣвъ своюшибку, онъ остался, какъ вкопанный, у дверей.—Еслибъ въ эту минуту кто-нибудь могъ заглянуть въ его сердце, онъ увидѣлъ бы, что наконецъ нашъ безумецъ устыдился самого себя и почувствовалъ раскаяніе. Г-жа Крюгеръ, изъ-подъ своихъ сляхъ очковъ, первая его замѣтила.—Эрнестъ! вскричала она. Услышавъ имя своего мужа, Елена обернулась, и увидя его, вскочила съ своего стула.—Какъ такъ скоро, что это значитъ? спросила она, идя къ нему на встрѣчу; но Эрнестъ, въ восторгѣ, вмѣсто отвѣта, бросился къ ней на шею, страстно цѣловалъ жену, и наконецъ, выговорилъ, что соскучившись безъ нея, онъ пріѣхалъ съ намѣреніемъ увезти ее съ собою въ Парижъ.—Возможно ли, теперь? вскричали вмѣстѣ мать и дочь! Что двѣать лѣтомъ въ городѣ?—говорила Елена; глотать пыль и жариться на солнцѣ?—Деревня теперь такъ хороша! продолжала г-жа Крюгеръ, которая, услышавъ намѣреніе своего зятя, тоже встала съ своего мѣста и подошла къ нему;—нѣтъ, воля твоя, ты мнѣ привезь дочь на шесть мѣсяцевъ и хочешь отнять послѣ трехъ недѣль! Это ужъ слишкомъ жестоко!—Конечно такъ, маменька въ правѣ меня не пускать, она для меня сдѣлала пропасть издержекъ, весь домъ перевернула вверхъ дномъ, выписала изъ Штутгарта обояшника, садовника, пропасть цвѣтовъ, и купила этотъ прекрасный рояль; неужели всѣ эти хлопоты и издержки были для трехъ недѣль? Ты увидишь мой кабинетъ—это прелесть! А съ этой стороны, какой мы развели цвѣтникъ, ты удивишься! Я сама съ саловникомъ сажала, сѣяла, поливала какъ работникъ, и чрезвычайно пристрастилась къ садоводству. Сверхъ того, я имѣла счастье найти въ г-нѣ Вильксѣ прекраснѣйшаго музыканта, подъ руководствомъ котораго надѣюсь сдѣлать большіе успѣхи.—Елена всю эту тираду выговорила съ такимъ жаромъ, что ея щеки разгорѣлись какъ розовые листы, глаза блистали, губы немного тряслись отъ сильной тревоги души; она въ эту минуту была очаровательно хороша!—Но Фрейбергъ замѣтилъ только ея волненіе и нахмурилъ брови. Г-жа Крюгеръ, увидѣвъ его неудовольствіе,

прервала этотъ разговоръ.—Ну довольно теперь объ этомъ, сказала она, утро вечера мудренѣе; завтра мы устроимъ это дѣло, а теперь, Леночка, вели подавать ужинъ. Гдѣ же ты былъ, съ тѣхъ поръ какъ мы съ тобою растались, спросила она у Эрнеста, чтобъ прогнать облако, которое набѣжало на его воображеніе?—Я объѣхалъ берега Рейна, остановился на нѣсколько дней въ Франкфуртъ, былъ въ Баденѣ, и, скучая вездѣ безъ жены, воротился къ ней.—Но Елена приняла этотъ комплиментъ съ самой холодной улыбкою, и чтобъ перемѣнить разговоръ, подвела г-на Вилькса къ своему мужу.—Рекомендую тебѣ моего любезнаго учителя, и прошу полюбить его, какъ мы его любимъ.—Фрейбергъ довольно ласково пожалъ его руку и не могъ не спросить у него: какъ съ такимъ талантомъ, съ такимъ голосомъ онъ не избралъ другой карьеры? Вы бы могли приобрести огромное состояніе и европейскую славу.—Я вѣкъ этимъ пренебрегъ, отвѣчалъ г-нъ Вильксъ съ тихимъ вздохомъ. Есть въ жизни горести, которыя дѣлаютъ человека равнодушнымъ ко всемъ благамъ міра, и обращаютъ его мысли исключительно къ Богу! Я испыталъ такое горе и, съ тѣхъ поръ, простился съ свѣтомъ и посвятилъ себя молитвѣ и утѣшенію страждущихъ. Развѣ мой голосъ слишкомъ хорошъ, чтобъ воспѣвать хвалу Богу? пробавилъ онъ съ томной улыбкой, и опустилъ голову.—Тутъ, Елена, съ своей обыкновенной живостью, рассказала мужу, что г-нъ Вильксъ былъ воспитанъ въ вѣнской музыкальной консерваторіи, изъ которой вышелъ первымъ ученикомъ; что въ продолженіи двухъ лѣтъ давалъ концерты и уроки и что его таланты внушили такую сильную страсть одной молодой двушкѣ знатнаго происхожденія, которая была его ученицею, что ея родители были принуждены согласиться на ихъ свадьбу; видя, что эта любовь ведетъ ее ко гробу, они рѣшились ѣхать въ Италію и тамъ обвѣчать и поселить молодыхъ супруговъ; но сильное волненіе счастья, которымъ было исполнено сердце Амаліи, изнурило эту слабую натуру, также какъ и претерпѣнное горе; медленная лихорадка, которой она была одержима, всякій день усиливалась; однако она хотѣла непременно выѣхать изъ Вѣны, въ надеждѣ, что климатъ Италіи продлитъ, хоть нѣсколько, ея жизнь. Но ужъ было поздно, дорога истощила ея послѣднія силы и, не доѣзжая еще до Инспрука, она умерла въ объятіяхъ отчаянной матери и неутѣшнаго жениха.—При этихъ словахъ двѣ крупныя слезы скатились по блѣднымъ щекамъ старика,—тридцать лѣтъ не могли изгладить изъ его памяти этого ужаснаго воспоминанія, и утолить его горе!—Разумѣется, что и добрая Елена прослезилась, глядя на своего

учителя, и крѣпко пожала его руку. — Вотъ что насъ сдружило, сказала со вздохомъ г-жа Крюгеръ, оба мы оплакиваемъ потерю дорогихъ предметовъ, и оба не хотимъ искать себѣ въ мѣрѣ утѣшенія! — Я знала г-на Вилькса еще въ домѣ родителей моихъ, и по примѣру ихъ, всегда его уважала; но потомъ, выхавъ изъ Мюнхена съ мужемъ, потеряла его изъ виду въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, какъ вдругъ, прошлаго года, встрѣтилась съ нимъ на освѣщеніи церкви женскаго монастыря. Разсказавъ ему свое несчастье и узнавъ отъ него, что онъ священникомъ въ Сегендорфѣ, я сейчасъ же написала къ своему дядѣ епископу Вормскому, и просила его перевести г-на Вилькса въ нашъ приходъ, что было очень скоро исполнено. Съ тѣхъ поръ онъ живетъ у меня. Его пріятная бесѣда улаживаетъ мое горе, а примѣръ повиновенія волѣ Божіей, который онъ подаетъ мнѣ своимъ смиреніемъ, укрощаетъ мое отчаяніе. — Почему же я не видала г-на Вилькса, когда прѣзжалъ сюда, спросилъ Фрейбергъ? — Онъ въ это время былъ въ объѣздѣ, отвѣчала г-жа Крюгеръ, потому что много сосѣднихъ деревень приписаны къ нашему приходу. — Тутъ подали ужинъ, который былъ молчаливъ, потому что никто не смѣлъ пустыми рѣчами нарушать воспоминаній священника, и, вставъ изъ-за стола и пожавъ его руку съ особымъ участіемъ, все разошлись по своимъ комнатамъ. На другой день утромъ, передъ завтракомъ, Елена повела Эрнеста въ свой кабинетъ. Она остановилась у дверей и сказала мужу: — Прошу тебя восхищаться всѣмъ, что ты увидишь, потому что все это моя выдумка и сдѣлано подъ моимъ руководствомъ! — И чтожъ тутъ было такого, чего всякій не сдумалъ бы выдумать? Небольшая комнатка, оклеенная свѣтло-ликой атласной бумагой; по стѣнамъ полочки съ книгами на розовыхъ шпуркахъ; на окошкахъ кисейныя занавѣски, такого же цвѣта, съ дикимъ аграмантомъ; мебель, покрытая розовымъ коленкоромъ; очень обыкновенной коверъ и письменный столъ, впрочемъ нынѣшняго фасона съ полочками, на которыхъ стояли прекрасные цвѣты. Но что всего больше восхищало Елену, это была кушетка окруженная высокими растѣніями въ горшкахъ, на которой лежала подушка подъ батистовой наволочкой, съ кружевами. У противоположной стѣны стоялъ столъ съ часами, которые казались Еленѣ большой драгоценностью, по своему старинному фасону: она считала ихъ рѣдкостью, а надъ столомъ поперечное зеркало, передъ которымъ, надо признаться, наша маленькая кокетка часто любовалась своей прекрасной наружностью. — Каково? спросила она съ торжествующимъ видомъ у Эрнеста? —

Прекрасно, отвѣчалъ онъ съ полуудѣлкой, по не лучше твоего кабинета въ Парижѣ. — Конечно, отвѣчала недовольная Елена; но тамъ все такъ богато, такъ золотисто, что не только лечь, но не смѣешь почти сѣсть на эту дорогую мебель! Не правда ли, какъ хороша этотъ письменный столъ? — Развѣ ты забыла, что твой почти въ этомъ же родѣ, только что у тебя, вмѣсто глиняныхъ горшковъ, стоятъ фарфоровыя вазы. — Съ батистовыми цвѣтами, прервала съ насмѣшкой Елена; какъ пріятно! цвѣты безъ запаха! Теперь пойдѣмъ въ нашъ цвѣтникъ. Чтобъ усилить удивленіе мужа, она ему напомнила, что на этомъ мѣстѣ, тому три недѣли, росли кусты терновника и репейникъ. — Пришедъ туда, Фрейбергъ не могъ удержать своего смѣха; да и невозможно было, съ такими малыми средствами, сдѣлать что-нибудь порядочное въ такое короткое время. Это правда, что мѣсто было разчищено, что были сдѣланы очень плохія дорожки, и посажено или постлано множество цвѣтовъ и кустовъ, но ничто еще не разраслось; нивы растенія не вовсе взошли, другія не принялись на новой почвѣ, и этотъ хваленый цвѣтникъ былъ чрезвычайно похожъ на твои сады, которые разводять дѣти съ помощію нянекъ или гувернантокъ. — Ахъ ты ребенокъ! сказала Эрнестъ, цѣлуя свою жену. — Неужели же это не хорошо? спросила Елена съ видимымъ неудовольствіемъ; посмотри, каковы эти гвоздики, эти рожи, а эти желтыя розы такъ рѣдки, что ты и въ Тюильери не найдешь такого куста. — Ты профанъ и не любишь цвѣтовъ. — Въ эту минуту послышался колокольчикъ, который приглашалъ къ завтраку, и наша молодая чета рука въ руку вошла въ столовую, гдѣ ужъ ихъ ожидали г-жа Крюгеръ и почтенный г-нъ Вилькессъ. — Эрнестъ подошелъ къ своей тещѣ. — Не цѣлуйте его, маменька; онъ этого не стбитъ, потому что насмѣхается надъ моимъ цвѣтникомъ, сказала Елена, бросаясь на шею своей матери, которую она разцѣловала ото лба до пальцевъ. — Я признаюсь, душенька, иногда и сама смѣюсь тайкомъ надъ тобою, и молю Бога, чтобъ онъ сохранилъ надолго въ тебѣ эту чистоту сердца, это спокойствіе духа, которые позволяютъ тебѣ находить во всемъ удовольствіе. — Вы правы, прибавилъ Фрейбергъ, я самъ часто удивлялся этой неизмѣнной веселости. — Тутъ бѣдная Елена, вздохнула, вспомнивъ, сколько слезъ, напротивъ того, она пролила въ Парижѣ, — но не способная долго останавливать свою мысль на печальныхъ предметахъ, она побѣжала на свое обычное мѣсто, передъ самоваромъ, и начала разливать чай. — Ну расскажи мнѣ пожалуста, продолжалъ ее мужъ, какъ ты здѣсь проводишь время? Есть ли здѣсь у васъ сосѣди, ѣздите ли вы въ гости? — Разумется,

отвѣчала съ улыбкой Елена, г-нъ Вилькссъ доставалъ мнѣ множество новыхъ знакомствъ, мы часто дѣлаемъ визиты въ его кабриолетъ, которымъ онъ учитъ меня управлять, и вотъ уже скоро явятся наши утренніе посѣтителы. — Эрнеста какъ будто кольнуло въ сердце. — Не вѣрьте ей, прервала г-жа Крюгеръ, она говоритъ вздоръ; мы ничего не знаемъ и не видимъ, да кажется и во всемъ околѣдѣ ни одного нѣтъ помѣщика. — По крайней мѣрѣ я не слыхалъ ни о комъ, отвѣчалъ г-нъ Вилькссъ. Эрнестъ снова принялся за кофе. — Чтожъ ты болтаешь, шалуни? сказала онъ ей, чрезвычайно въ хорошемъ расположеніи духа. — Вольно же маменькѣ мнѣ противорѣчить, отвѣчала Елена, развѣ г-нъ Вилькссъ не познакомилъ меня съ своими бѣдными, развѣ мы ихъ не посѣщаемъ, развѣ они не ходятъ сюда всякое утро, кто за милостыней, кто за супомъ, кто за лекаствомъ? Ахъ, ты не знаешь, что я учусь медицинѣ: нашъ добрый другъ, продолжала она, указывая на священника, большой гомеопатъ, и подъ его руководствомъ, я тоже припалаю лечить, то есть, я служу ему подлекаремъ; ты увидишь, какая у насъ практика! Однакоже тебя вѣроятно удивляетъ, что я такъ много вѣмъ! Съ тѣхъ поръ какъ я здѣсь, у меня страшный аппетитъ. — Я это и замѣчаю, отвѣчала съ улыбкой ея мужь, видя, что она беретъ третій ломоть хлѣба съ масломъ. — Кушай на здоровье, мой ангелъ, прервала г-жа Крюгеръ, здѣшній воздухъ чрезвычайно хорошъ, и ты ужъ очень поправила съ своего пріѣзда. — Я и самъ это нахожу, сказалъ Фрейбергъ, глядя съ нѣжностью на свою жену. — Въ эту минуту вошелъ человекъ и что-то сказалъ въ полъ-голоса г-ну Вильксу, который всталъ. — А, вотъ начинается наша аудіенція, не хочешь ли ты присутствовать на консультаціи, спросила Елена и побѣжала за своимъ учителемъ. Фрейбергъ послѣдовалъ за ними; передняя была полна больныхъ. Все эти люди блѣдые, худые, съ чертами обезображенными грипомъ, который тогда свирѣпствовалъ во всей силѣ, въ рубишкѣ, босикомъ, внушилъ бы одинъ страхъ или отвращеніе многимъ даже добрымъ женщинамъ ея круга; — но Елена къ нимъ чувствовала одно состраданіе; она говорила со всѣми, разспрашивала о дѣйствиіи лекарствъ, утѣшала страждущихъ, и Фрейбергъ, который никакъ не подозрѣвалъ въ этомъ слабомъ существѣ такой высокой добродѣтели, былъ готовъ пасть къ ея ногамъ, такъ глубоко было почтеніе, которое она ему внушала. Между тѣмъ, занятая своимъ дѣломъ, она нисколько не замѣчала впечатлѣнія, которое на него производила; толковала съ г-мъ Вилькссомъ, отсыпала въ бумажки гомеопатическія крупинки и по нѣскольку разъ повгоряла каждому больному, какъ должно при-

мать ихъ. Наконецъ, когда всѣ были удовлетворены, и эта компанія хромыхъ, кривыхъ и больныхъ разошлась, г-нъ Вильксъ, смѣнивъ докторскую шапку на священническую ризу, пошелъ служить обѣдню, и всѣ вошли въ домовую церковь. Разумѣется, что главная цѣль этой ежедневной службы была молитва за упокой души г. Крюгеръ, и когда г. Вильксъ назвалъ его имя, вдова прослезилась, какъ будто бы онъ умеръ только наканунѣ. Почтенный священникъ трепещущимъ голосомъ помянулъ также Аделаиду, а Елена, которая стояла на коленяхъ возлѣ матери и брала такое участіе въ скорби этихъ двухъ страждущихъ сердецъ, съ поднятыми къ небу глазами слѣдовала душою за ихъ молитвой. — Эта картина была и живописна и трогательна, но Фрейбергу, который не имѣлъ чувствительности своей жены, она не казалась такъ хороша. Обѣдня утомила его. Наконецъ, служба отошла, и онъ было надѣялся провести нѣсколько времени съ Еленою въ ея любимомъ кабинетѣ; но она, не сказавъ ему ни слова, пробѣжала мимо его въ свою спальню, — онъ послѣдовалъ за нею и увидѣлъ, что она ужъ надѣла шляпку и готовится идти со двора. — Куда ты собралась, спросилъ онъ не совсѣмъ весело? — Это время маменькиной прогулки, и я обыкновенно её провожаю; не хочешь ли идти съ нами? Пойдемъ, я тебя поведу къ чудеснѣйшему каскаду, котораго ты еще не видалъ. — Пожалуй, отвѣчалъ Фрейбергу, и взявъ фуражку; дѣлать было нечего. Выходя изъ своей комнаты, онъ встрѣтилъ свою тещу уже одѣтую для гулянья, такъ все было правильно устроено въ ихъ образѣ жизни. На дворъ, къ нимъ присоединился г. Вильксъ; Эрнестъ завелъ съ нимъ рѣчь о разныхъ интересныхъ предметахъ, а г-жа Крюгеръ прислушивалась къ ихъ разговору, или слѣдила глазами за своей милой дочерью, которая, съ живостью ребенка, то рвала полевые цвѣты, то, увидѣвъ въ оврагѣ ягоды, отважно въ него спускалась и выбѣгала вся раскраснѣвшись съ букетомъ земляники или куманики, который дѣлила между своими тремя спутниками. Мать бранила ее за неосторожность, но Елена вмѣсто отвѣта, цѣловала ее, и опять пускалась бѣжать вдаль. Желая показать мужу самыя живописныя мѣста ихъ страны, она завела его такъ далеко, что ужъ былъ второй часъ, когда они возвратились съ гулянья. Пришедъ домой, г-жа Крюгеръ свла за пальцы; а Елена, сбросивъ свою шляпку въ гостиной, взяла свою работу и просила Эрнеста замѣнить ее на этотъ разъ и почитать вслухъ начатое наканунѣ прекрасное сочиненіе Дезобри: *Voyage d'un Gaulois à Rome sous*

le regne d'Auguste. — Въ три часа подали обѣдать; послѣ стола Елена предложила мужу прогулку верхомъ; у г-жи Крюгеръ были двѣ верховныя лошади, оставшіяся послѣ ея мужа и которыя въ его память, получали двойную порцію. На ту, на которой онъ ѣздилъ самъ, позволялось садиться одной только Еленѣ, потому что и отецъ страстно любилъ ее, на другой же ѣздилъ тотъ самый конюшій, который служилъ ему. Наша молодая чета поскакала по дорогѣ, указываемой Еленою, которая уже знала всякую тропинку этого живописнаго края. Услышавъ топотъ ихъ лошадей, крестьяне выбѣгали изъ своихъ домовъ и громко ее привѣтствовали. — Вотъ наша добрая госпожа! говорили одни, вотъ наша красавица! повторили другіе. — А вотъ мой мужъ, отвѣчала Елена, указывая на Эрнеста. — Вишь, какова молодца подхватила, кричали бабы, дай вамъ Богъ дѣтушекъ въ себя. — На дорогѣ, Елена останавливалась и разговаривала со многими знакомыми ей крестьянами; она спрашивала у одного, нашлась ли потерянная корова? у другаго, купилъ ли онъ лошадь, на которую ея мать дала деньги? хотѣла знать, хорошо ли цвѣтетъ виноградъ, ходятъ ли мальчики въ школу, и тому подобное. Всѣ эти вопросы чрезвычайно надѣлали Эрнесту, и онъ очень былъ обрадованъ, услышавъ отъ жены, которая никогда не разставалась съ часами, что пора воротиться домой. Когда они пріѣхали, то чайный столъ уже былъ готовъ, и Елена, снявъ только длинную юбку изъ темнаго коленкора, которую она надѣвала сверхъ бѣлаго платья, съ высокимъ воротомъ расположилась передъ самоваромъ. — Когда чай отпили и всѣ досыта наговорились и напились, Елена съ улыбкой объявила своему мужу, что она его приглашаетъ на концертъ; — вошли въ гостиную. Елена села за клавикорды, предупредивъ Эрнеста, что концертъ начнется съ самаго худшаго, чтобы оставить лучшія пьесы для *букета*. Она, однакожъ, сыграла очень порядочно довольно мудреную фантазію Талберга; потомъ г. Вилькессъ пропѣлъ несравненную каватину Лучи, съ такимъ талантомъ и такимъ голосомъ, что Фрейбергъ былъ въ восторгъ; г-жа Крюгеръ, по слабости своихъ нервъ, была тронута до слезъ выраженіемъ даннымъ имъ этой меланхолической мелодіи. Елена торжествовала, а старикъ, молча, качалъ головою какъ будто думая про себя: къ чему мнѣ это послужило? Чтобы сдѣлаться несчастнѣйшимъ изъ людей! За каватиною последовалъ извѣстный Фгешою Берію; тутъ опять новый восторгъ, новое удивленіе! Музыка, натурально, навела разговоръ на современнѣхъ сочинителей и артистовъ, который занялъ остатокъ вечера. Въ 10 часовъ подали ужинъ, и всѣ разошлись. — На другой

день, было точно тоже, только вмѣсто верховой вѣды, Эрнестъ казался съ Еленой въ кабриолетѣ, и такъ какъ онъ правилъ самъ, то не останавливался для разговоровъ съ мужиками; музыка также была другая. — На третій, Фрейбергъ ужъ не пошелъ къ обѣднѣ; и послѣ стола, во время обыкновенной прогулки, легъ спать; но Елена, которая никогда ничѣмъ не скучала, поскакала верхомъ, въ сопровожденіи своей матери и г-на Вильксса, которые слѣдовали за нею въ кабриолетѣ. Эрнестъ проснулся только отъ звона колокольчика, который приглашалъ къ чаю, — такъ тяжелъ былъ его сонъ! Входя въ столовую, онъ нашелъ ужъ трехъ друзей за первой чашкою; эта аккуратность взбѣсила его. Можно ли, подумалъ онъ, жить подобно машинамъ, которыя безъ сопротивленія слѣдуютъ направленію, разъ имъ данному мастеромъ; ничѣмъ не увлечься, и знать напередъ, что будешь дѣлать въ такомъ-го часу черезъ шесть мѣсяцевъ? Я бы здѣсь умеръ въ три недѣли отъ скуки. — Къ довершенію его неудовольствія программа концерта была составлена изъ извѣстныхъ уже ему пьесъ, которыя Елена перемѣшала сколько могла, чтобъ представить ихъ въ новомъ видѣ; — за то, во время ея фантазіи онъ читалъ изподтишка книгу, которая лежала передъ нимъ на столѣ, и очулся только тогда, какъ она окончилась. — Г-на Вильксса, конечно, можно было слышать съ удовольствіемъ, не три раза, а тридцать, — но Фрейбергъ зналъ наизусть весь репертуаръ Итальянской музыки, будучи абонированъ въ Парижской оперѣ, гдѣ слышалъ первѣйшихъ пѣвцовъ въ мірѣ; къ тому же, въ его характерѣ былъ совершенный недостатокъ той гибкости, мягкости, благосклонности, которые насъ заставляютъ принимать участіе во всемъ касающемся до тѣхъ, которые насъ окружаютъ; и какъ будто сродняютъ насъ съ ихъ радостями и печалями. Онъ былъ пылкій, страстный человекъ, какъ вообще всѣ ревнивцы, — но въ немъ не было ни нѣжности, ни снисходительности, ни даже состраданія. Еслибъ Елена была внимательнѣе къ нему, онъ бы въ этотъ разъ безъ ума въ нее влюбился, и сдѣлалъ бы ее еще счастливѣе; — но замѣчая ея къ нему холодность, онъ не далъ развиться своему пламени, и, не будучи въ состояніи вздыхать по ней какъ отринутый любовникъ, раздѣлять ея занятія и входить въ мелочныя подробности, изъ которыхъ составлялось ея существованіе, онъ рѣшился ей объявить на другой день, что намѣренъ возвратиться въ Парижъ и что увезетъ ее съ собою. — Пришедъ къ концу обѣдни, онъ сталъ у дверей, и ожидалъ, чтобъ Елена вышла изъ церкви. Когда она прошла мимо его, онъ взялъ ее подъ руку и сказалъ ей въ полголоса, что хочетъ съ ней

переговорить наединѣ. Встревоженная этими словами, Елена сначала послѣдовала молча за мужемъ, но потомъ вспомнивъ, что мать будетъ ее дожидаться, она побѣжала предупредить ее, что не можетъ идти вмѣстѣ съ нею, и воротилась къ Эрнесту, блѣдная и съ ужаснымъ биеніемъ сердца. Фрейбергъ замѣтилъ ея волненіе и вздохнулъ; но скрывая свое неудовольствіе, онъ принялъ, сколько могъ, спокойный видъ и придвинулъ кресло къ ея письменному столу; Елена сѣла противъ него. — Я хочу завтра возвратиться въ Парижъ, сказалъ онъ, и надѣюсь, что ты — послѣдуешь за мною. — Нѣтъ, я не поѣду, вскричала она съ отважною отчаяніемъ; оставь меня здѣсь, ради Бога, оставь до зимы, прибавила она, сложа руки съ такимъ умоляющимъ видомъ, что Эрнестъ испугался, понимая, что въ эту минуту происходило въ ея душѣ. — Да ты сама не знаешь, чего просишь, отвѣчалъ онъ; черезъ мѣсяцъ ты такъ соскучишься этою уединенною, однообразною жизнью, что рада будешь уйдти пѣшкомъ отсюда. — Ни мало, прервала Елена. — Вѣдь это однакожъ смѣшно, сказалъ съ сердцемъ Эрнестъ, что ты хочешь меня увѣрить, что здѣсь веселѣе, нежели въ Парижѣ! — Я никогда этого не говорила, отвѣчала Елена, опустивъ глаза, — и очень понимаю, что Парижъ можетъ быть.... раемъ.... для многихъ другихъ, но мнѣ.... гораздо пріятнѣе здѣсь! — Эрнестъ понялъ этотъ скромный упрекъ, и сердце его облилось кровью. Однакожъ, онъ еще не хотѣлъ окончить этого разговора. — Тутъ кроется какаибудь тайна, сказалъ онъ, пристально вглядываясь въ ея лице. — Никакой тайны въ этомъ нѣтъ, спокойно отвѣчала ему Елена, моя жизнь открыта и чиста передъ Богомъ, какъ передъ людьми; я хочу остаться съ маменькой, потому что я здѣсь любима и спокойна, — а этого достаточно для моего счастья! — При этихъ словахъ, Эрнестъ поблѣднѣлъ и затрясся, потому что они открыли ему ужасную тайну, которую онъ до сихъ поръ не хотѣлъ понять — то есть, что Елена была съ нимъ несчастлива. — Сдѣлалось минутное молчаніе, во время котораго она едва переводила духъ, какъ преступникъ, который ожидаетъ приговора изъ устъ своего суди, а Фрейбергъ, замѣтивъ, что она опустила глаза на шитые своего носоваго платка, чтобъ скрыть слезы, которыя дрожали на ея рѣсвицахъ, всталъ во избѣжаніе дальѣйшихъ объясненій. — Ну, оставайся здѣсь, коли хочешь, сказалъ онъ трепещущимъ голосомъ, и вышелъ отъ нея. — Душа его была разтерзана, онъ узналъ истину, которая должна была отравлять всю его будущность, и на которой, въ первый еще разъ, остановилась мысль его. — Исключительно занятый своимъ собственнымъ благополучіемъ, онъ никогда не помышлялъ о счастіи своей

жевы, никогда не вздумалъ онъ спросить у себя: исполняетъ ли онъ обѣтъ, данный Богу и обществу покровительствовать, защищать, лѣлѣять какъ свое тѣло, слабое существо, которое ввѣрило ему свою судьбу; никогда не считалъ онъ ея вздохомъ, не обращалъ вниманія на ея слезы,—и вдругъ все это пришло ему на умъ! Онъ видѣлъ, что она его не любитъ и, вспомнивъ свое съ нею обхожденіе, онъ понималъ, что она не можетъ любить его. Последнія слова Елены вонзились въ его сердце, какъ ножъ,—онъ безпрестанно повторялъ ихъ про себя, ходя большими шагами передъ домомъ: «Я здѣсь любима и спокойна!» Стало быть она, которая имѣетъ столько права на счастье, не находитъ даже спокойствія со мною? Стало быть она, избавованная общимъ вниманіемъ, не думаетъ даже, чтобъ я любилъ ее? И что мудренаго, я поступалъ съ нею, какъ тиранъ, и потому что она съ ангельскимъ терпѣніемъ переносила мои несправедливыя нападенія, я не обращалъ вниманія на ея страданія!—и она неправидитъ меня! Она, внимательная, ласковая ко всемъ, она, столько вѣжшая съ своею матерью, она чуждается меня какъ злодѣя!—Эрнестъ въ ужасномъ волненіи продолжалъ ходить взадъ и впередъ по одной дорогѣ, въ надеждѣ, что Елена, успокоенная его согласіемъ, поспѣшитъ увѣдомить о томъ свою мать; онъ хотѣлъ броситься къ ея ногамъ, просить у нея прощенія, но она не выходила. Тогда онъ рѣшился пройти мимо ея окошкѣ, и увидѣлъ ее на томъ же мѣстѣ; опершись обоими локтями на столъ, она закрыла свое прекрасное личико руками и горько плакала.

Не правда ли, что какъ бы ни были трогательны слезы женщины, слезы муцинь гораздо болѣе внушаютъ состраданіе? Отъ чего? оттого что онъ имъ не свойственны; оттого что мы знаемъ, что твердость ихъ характера и упругость нервовъ не доводятъ ихъ до такой слабости, если они не уязвлены до глубины души. Потому-то и видъ плачущей Елены привелъ ея мужа въ отчаяніе. Онъ сто разъ смотрѣлъ хладнокровно на ея слезы; но тогда онъ былъ волнуемъ своею страстью и полагалъ ее виновною; теперь же, напротивъ, онъ былъ убѣжденъ въ ея добродѣтели, въ ея ангельской чистотѣ, а потому увидѣвъ этого веселаго, безпечнаго ребенка, въ такомъ глубокомъ огорченіи, онъ прѣслезился самъ, и поспѣшилъ войти въ свою комнату, которую заперъ за собой на ключъ. Бросившись на диванъ и перебирая въ своей памяти всѣ обстоятельства своей жизни, со времени своей женитьбы, онъ вспомнилъ первые мѣсяцы, послѣдовавшіе за ихъ свадьбою, и проведенные съ нею въ деревнѣ; онъ вспомнилъ, какъ доверчиво она предалась ему, какъ страстно его любилъ, какъ счастливъ

онъ былъ въ ея объятіяхъ! Онъ вспомнилъ изъ прогулки по Шекеру при серебристомъ свѣтѣ луны, балкоу украшенный цвѣтами, на которомъ они проводили вечера, прислушиваясь къ пѣнію соловья; онъ вспомнилъ, какъ, утомленная долгой прогулкою, она дремала на его плечѣ, держа его руку въ своихъ рукахъ и часто произносилъ его имя во снѣ. — И чѣмъ все это кончилось? Чѣмъ отплатилъ онъ ей за счастье, которымъ она его дарила? Эрнестъ строго отвѣчалъ себѣ на этотъ вопросъ, и жестоко укорялъ себя. — Пылкій нравъ, который всегда доводилъ его до крайности, и въ эту минуту довелъ его отчаяніе до высшей степени; онъ плакалъ какъ ребенокъ, катался по дивану и тщетно старался заглушить свои рыданія въ подушкахъ. Этотъ кризисъ продолжался до совершеннаго истощенія его физическихъ силъ. Послѣ получаса такого страданія, онъ впалъ въ нѣкоторый родъ изнѣможенія или дремоты, въ которой пролежалъ почти до обѣда. Увидѣвъ, что часы показываютъ половину третьяго, и зналъ, что въ этомъ домѣ все должно повиноваться установленному порядку, онъ всталъ чтобы пригладить свои волосы и, подойдя къ зеркалу, испугался своей блѣдности. Но дѣлать было нечего, надо было рѣшиться, выйти изъ своей комнаты. Когда онъ вошелъ въ гостиную, Елена сидѣла противъ своей матери съ книгою въ рукахъ, спиною къ двери. Эрнестъ подошелъ къ ея стулу, взялъ ея лице въ свои руки и поцѣловавъ ее въ лобъ, сказалъ сколько могъ шутивымъ тономъ: вы знаете, матушка, что Елена, остается съ вами; эта жестокая отпускаетъ меня одного. — При этихъ словахъ Елена покраснѣла и молча поднесла его руку къ своимъ губамъ, а г-жа Крюгеръ съ восторгомъ благодарила зятя за сдѣланную ей жертву, и обѣщала привезти къ нему жену послѣ сбора винограда. За обѣдомъ она одна, довольная, занимала компанію разговорами; Эрнестъ ничего не ѣлъ, и Елена была молчалива, потому что чувствовала, что нарушала свои обязанности не слѣдуя за мужемъ, а г. Вилькссъ, который ужъ научился читать въ этомъ откровенномъ сердцѣ, съ живѣйшимъ участіемъ слѣдовалъ за ея мыслию и прислушивался къ ея тихимъ вздохамъ,

Послѣ стола она осталась дома, хотя мужъ ея легъ спать подѣ предлогомъ головной боли, а г-жа Крюгеръ, приписывая ея печаль его отъѣзду, не тревожила ее пустыми вопросами и старалась ее утѣшить своими ласками. — Вечеръ прошелъ пасмурно, музыки не было; но Фрейбергъ старался скрыть сколько могъ тревогу своего сердца и очень свободно говорилъ о Парижѣ, о Французахъ, о современныхъ знаменитостяхъ, о политикѣ, о театрахъ; а г. Вилькссъ, умный и

ученый человекъ, съ большимъ удовольствіемъ слушалъ его вѣрныя и острыя сужденія о всѣхъ этихъ предметахъ. На другой день послѣ обѣдни Эрнестъ со слезами на глазахъ раздѣловалъ свою жену, и дружески простившись съ тещею и съ добрымъ священникомъ, отправился въ Парижъ. Елена провожала его верхомъ; онъ видѣлъ, что густое облако грусти лежало на ея челѣ, и когда они пріѣхали на границу имѣнія ея матери, и остановились, чтобъ еще разъ проститься надолго, — у доброй и великодушной Елены полились изъ глазъ слезы. Въ эту минуту она забыла всю его несправедливость и даже жестокость, и видѣла только то, что въ угожденіе ей, онъ пробудетъ одинъ въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Эти слезы пали, какъ цѣлебный бальзамъ, на сердце ея мужа; онъ не могъ выпустить ея руки, которую десять разъ прижималъ къ губамъ своимъ, и десять разъ повторялъ: *до скорого свиданья!* Наконецъ, надо было разстаться, но прежде, Эрнестъ привсталъ въ своей коляскѣ, и облокотясь на ея сѣдло, сказалъ ей въ полголоса: — *Общай мнѣ, если я умру безъ тебя, что ты простишь меня.... Я знаю, что я много виноватъ передъ тобою, что не достоинъ твоей любви.... Но тутъ волненіе души прервало его голосъ, и видя, что при этихъ словахъ Елена зарыдала, онъ бросился въ коляску и велѣлъ кучеру вѣхать. Она, однакожъ, долго стояла на своемъ мѣстѣ и провожала его глазами. Ласки мужа, отъ которыхъ она такъ давно отвыкла, до того ее растрогали, что еслибъ только онъ сказалъ ей слово, она бы прыгнула съ своей лошади и ускакала-бы вмѣстѣ съ нимъ; но Эрнестъ все болѣе и болѣе удалялся, и Елена, потерявъ его почти изъ виду, рѣшилась воротиться домой. Онъ еще сидѣлъ углубленный въ размышленія, которыя породили въ немъ предшествующія обстоятельства, какъ раздался звукъ охотничьяго рога. Фрейбергъ высунулся изъ коляски и увидѣлъ ѣдущую къ нему на встрѣчу большую кавалькаду мушкетъ, между которыми было много молодыхъ людей, на прекраснѣйшихъ лошадяхъ и въ щеголеватыхъ охотничьихъ платьяхъ. — Кто эти господа? — спросилъ онъ съ безпокойствомъ у почтальона. — Должно быть гости князя Л., у котораго охотничій замокъ въ двухъ миляхъ отсюда. Туда собирается каждый годъ все дворянство здѣшняго края; — только они нынче что-то рано пріѣхали; обыкновенно князь проводятъ лѣто въ Бадень, а сюда пріѣзжаютъ только къ осени. — А, э, подумалъ тотчасъ Фрейбергъ, вотъ почему здѣсь такъ весело! — и взглянулъ назадъ. Увидѣвъ, что Елена остановила свою лошадь: — стой, закричалъ онъ почтальону, и всталъ въ коляскѣ, направилъ себѣ лорнетъ на нее;*

по разстояніе, которое ихъ раздѣляло, не позволяло ему хорошо разобрать предметы. — Посмотри, пожалуйста, сказалъ онъ кучеру, что сдѣлалось съ моей женой; у тебя, быть можетъ, зрѣніе лучше моего! Почтальонъ, прищурившись и прикрывъ глаза руками, чтобъ собрать всѣ зрительныя лучи въ одну точку, объявилъ, что конюхъ подтягивалъ подругу. — Понимаемъ, подумалъ Фрейбергъ, продолжалъ лорнировать Елену; известная хитрость: надобно же какъ-нибудь дать себя замѣтить!

Подумавъ съ минутою, несчастный ревнивецъ велѣлъ воротиться. Воображеніе его опять стало разыгрываться. Скука и однообразіе жизни, которую вели въ замкѣ, исчезли теперь для него; ему опять предстояло занятіе чрезвычайно пріятное... подсматривать за своей женой!...

СВѢДАНІЕ ЛАМАРТИНА СЪ СУЛТАНОМЪ АБДУЛЬ-МЕДШИДОМЪ.

Вотъ что рассказываетъ Ламартинъ о разговорѣ своемъ съ султаномъ, который подарилъ ему въ малой Азіи участокъ земли.

Главною, или, лучше сказать, единственною цѣлью моего путешествія въ Константинополь было, видѣть молодаго султана, Абдуль Медшида, и поблагодарить его за лестное гостепрѣимство, оказанное мнѣ въ его государствѣ.

Тотчасъ по пріѣздѣ моемъ въ Константинополь, я просилъ великаго визиря Решидъ Пашу, котораго я зналъ еще прежде, представить меня его властителю. Паша былъ такъ обязателенъ, что представилъ мою просьбу султану, и онъ, три дня спустя, велѣлъ мнѣ сказать, что желаетъ принять меня въ императорскомъ кіоскѣ, известномъ подъ названіемъ Фланнуръ-кіоска (липовый кіоскъ), находящемся въ прекрасной долинь, того же имени, на европейской сторонѣ, за селеніемъ Арнауткени.

Въ назначенный день отправился я во дворецъ французскаго посланника, гдѣ насъ ожидали султанскія кареты, чтобъ вести на аудіенцію. После довольно продолжительной ѣзды по дорогѣ въ Перу, экипажъ остановился на перекресткѣ, и когда мы вышли, нашъ проводникъ повелъ насъ по аллеѣ, къ площадкѣ, въ концѣ которой мы увидѣли маленькій четырехъ-угольный домикъ съ плоскою крышею и однимъ окномъ, почти въ родѣ тѣхъ домиковъ, которые занимаютъ бѣдные сельскіе священники въ деревняхъ Южной Франціи. Три ступени съ простыми рѣзными перилами, выкрашенными зеленою краскою, вели къ террасѣ,

осѣненной плодовитыми деревьями; пять или шесть липъ склоняли вѣтви свои надъ крышею дома и совсѣмъ закрывали ее. Маленькій фонтанъ меланхолически журчалъ передъ дверью павильона, отъ которой другая лѣстница съ шестью ступенями вела въ маленькій огорождъ. Онъ былъ осѣненъ европейскими плодовитыми деревьями, посаженными вдоль дорожекъ, и въ немъ, какъ почти во всѣхъ маленькихъ огородахъ, были овощи, служащіе скудною пищей простолюдину. Шагахъ въ двадцати отъ кіоска стояла хижина, жилище турецкаго садовника, который спокойно прохаживался между своими грядами, какъ будто въ собственныхъ владѣніяхъ. Хотя все это представляло видъ бѣдности и простоты, но было любимымъ мѣстопребываніемъ султана, куда этотъ властитель Европы, Азии и Африки, отъ Вавилона до Бѣлграда, отъ Фивъ до древняго Стамбула, уединяется, чтобъ заниматься науками или отдыхать отъ трудовъ своихъ. Мы стояли у его дверей, и мнѣ казалось, что я стою передъ порогомъ пустыни, живущаго уединенно среди лѣсовъ.

Когда мы вошли въ кіоскъ, я глазами искалъ султана, который сидѣлъ въ самомъ темномъ углу залы. Я поклонился ему почтительно, и подходя къ нему и садясь между имъ и великимъ визиремъ, успѣлъ хорошо разглядѣть его. Первое впечатлѣніе было пріятно. Абдуль Медшидъ молодой человекъ лѣтъ двадцати семи, но кажется не много старше; онъ высокъ, строенъ и граціозенъ; держитъ голову съ такимъ благородствомъ и гибкостью, которой мы удивляемся въ греческихъ статуяхъ, и которое происходитъ отъ прекраснаго склада шеи и правильнаго овала лица. Черты у него правильныя и кроткія, чело возвышенное, глаза голубые, брови имѣютъ полукругъ кавказскаго племени; носъ прямой, губы полуотверсты, а подбородокъ—этотъ главный признакъ человѣческаго характера—имѣетъ красивую форму. Паружность его благородна и горда, но смягчена кротостію, которая какъ будто хочетъ не поразить но внушить любовь.

Въ его взорахъ какая-то юношеская робость, въ чертахъ лица что-то меланхолическое, въ походкѣ какъ-то усталость, какъ у человека, начавшаго страдать и мыслить преждевременно. Но господствующее выраженіе—какое-то задумчивое, мыслящее спокойствіе человека, на которомъ лежитъ бремя правленія, и который совѣстливо несетъ это бремя, сознавая святость своего призванія. При совершенномъ отсутствіи юношескаго легкомыслія въ лицѣ, онъ больше похожъ на молодаго первосвященника, чѣмъ на молодаго монарха.

Таковъ Абдуль-Медшидъ, и такимъ изобразилъ бы намъ его Ванъ-Дякъ, если бы еще былъ живъ. Это лицо внушаетъ какую-то сладостную

началь, и невольно говорить о себѣ: это человекъ назначенный для верховной власти; онъ молодъ, прекрасенъ, могущественъ и безъ сомнѣнія будетъ великимъ, но никогда не будетъ свободнымъ, беззаботнымъ, счастливымъ; невольно сожалѣешь о немъ и любишь его, потому что въ своемъ величїи онъ видимо чувствуетъ отвѣтственность своего сана. Всякому въ его царствѣ, кромѣ его самого позволено быть юношей; тронъ похитилъ его юность еще въ колыбели.

Одежда его была проста, скромна, но внушала уваженіе, какъ и его особа. Тюника изъ коричневаго сукна, безъ складокъ, спускалась до коленъ, шея была открыта, холстинные шальвары въ широкихъ складкахъ спускались сверхъ черныхъ полусапоговъ; нарядъ довершала сабля безъ всякихъ украшеній. Только чело его доказывало его санъ.

Это впечатлѣніе, которое я теперь разбираю на досугѣ, было тогда быстро; его взоръ поразилъ меня какъ молнія. Меня что-то влекло къ нему, или лучше сказать, я чувствовалъ меланхолю въ самомъ его величїи.

Онъ поклонился мнѣ съ прїятливою улыбкою, и подошелъ очень близко, какъ будто побуждая меня начать рѣчь. Я взглянулъ на Решидъ Пашу, чтобъ дать ему знакъ переводить мои слова, и снова поклонившись султану, сказалъ:

«Я переплылъ черезъ мора и совершилъ 500 миль, чтобъ до отъѣзда въ Смирну, принести Вашему Величеству должную дань благородности; я не имѣлъ никакого другаго права на гостепрїимство, оказанное мнѣ въ Вашемъ государствѣ, кромѣ любви къ Востоку и его благороднымъ, великодушнымъ обитателямъ. Но Ваше Величество вспомнили, что въ древнїи времена этого гостепрїимства было достаточно, чтобы прославить чье нибудь правленіе. Этотъ годъ прославленъ въ исторїи Вашего царствованїи великодушнымъ гостепрїимствомъ, оказаннымъ чужестранцамъ, и будетъ названъ годомъ гостепрїимства и щедрости Абдуль-Медшида.

Я ужъ посѣщалъ разъ эту прекрасную страну; я прїѣтствовалъ тогда Вашего славнаго родителя и видѣлъ Васъ еще ребенкомъ подле него; онъ имѣлъ рѣдкое счастье обладать такимъ сыномъ, который послѣ него продолжаетъ его смѣлыя и мудрыя преобразованїя.

Я долженъ сказать Вашему Величеству, почему я нынѣшній годъ пробуду очень недолго въ государствѣ, гдѣ я намѣренъ поселиться. Въ моемъ отечествѣ сдѣлалась революція, о которой я рѣшительно ничего не зналъ заранѣе, хотя ложныя извѣстія въ листкахъ, написанныя моими врагами, доходили даже сюда. Но когда аппарїя

грозила погубить мое отечество, я былъ однимъ изъ первыхъ, желающихъ возстановить порядокъ. Быть можетъ я принесъ тогда пользу Франціи и Европѣ, прекративъ революцію и предупредивъ тѣмъ всеобщую войну. Но конечно навлекъ тѣмъ на себя неудовольствіе и гнѣвъ тѣхъ, замыслы которыхъ я тогда разстроилъ.

Это обыкновенная участь людей, которые жертвуютъ собою для общаго блага; я не жалуясь; но это положеніе вынуждаетъ меня еще не на всегда покинуть Францію. Меня удерживаютъ и друзья и враги: друзья, чтобы услужить имъ, враги, чтобы имъ противодействовать.

На мнѣ лежитъ большая отвѣтственность за прежнее время; да не подумаетъ никто, что я убѣгаю отъ нея; я долженъ принять ее на себя со всеми послѣдствіями, иначе я согрѣшилъ бы передъ отечествомъ и предъ самимъ собою. Возвышенная душа Вашего Величества пойметъ мои чувства: они называются «достоинствомъ» у Оттомановъ, и «честью» у Европейцевъ.

Но какъ скоро кончится этотъ кризисъ, (а я надѣюсь, что онъ кончится прежде двухъ лѣтъ), я навсегда поселюсь въ помѣсть, дарованномъ мнѣ великодушною щедростію одного изъ просвѣщеннѣйшихъ государей, добродѣтели котораго благословляетъ вся нація; и я не перестану молить Отца всѣхъ народовъ земли, продлить дни его, защитить границы его владѣній и благословить его преобразованиемъ.

Я произнесъ эту краткую рѣчь медленнымъ, тихимъ голосомъ, но такъ явственно, какъ только могъ, чтобы Абдуль-Медшидъ, который меня слушалъ внимательно, могъ понять смыслъ словъ моихъ изъ голоса, изъ выраженія моего лица, и могъ постигнуть чувствомъ темное значеніе чуждаго ему языка.

На его лицѣ отражались всѣ выраженія моей рѣчи; оно изображало то гордость, когда я былъ гордъ, то покорность, когда я былъ покоренъ, то печаль, когда я былъ печаленъ.

Кончивъ рѣчь, я слегка поклонился, чтобы показать, что я сказалъ все. Султанъ повялъ меня, приподнялъ голову, закрылъ на минуту глаза, чтобы собраться съ мыслями, и отвѣчалъ мнѣ въ томъ же родѣ, въ какомъ я говорилъ. При концѣ каждаго періода онъ останавливался, а великій визирь, поклонившись ему до земли, обращался тогда ко мнѣ и переводилъ мнѣ слова Абдуль-Медшида. Рѣчь его была почти такого же объема, какъ моя, но я не осмѣлюсь передать ее здѣсь по памяти, чтобы не вложить въ уста властителя словъ, которыя не были имъ произнесены. Достаточно сказать, что эти слова, произнесенныя съ достоинствомъ, были свисходительны; ласковы, мудры. Онъ сказалъ

мнѣ, что вполне понимает мой образъ мыслей и сочувствуетъ ему; хвалилъ меня, что я принялъ на себя трудъ возстановить миръ въ кризисѣ революціи, въ которой, какъ онъ самъ знаетъ, я не принималъ участія до ея начала. Далѣе онъ сказалъ, что и въ своемъ царскомъ санѣ свято чтить тѣ обязанности, которыя чту я въ моемъ званіи гражданина, что онъ считаетъ себя въ отвѣтъ передъ Богомъ за каждую каплю крови, пролитую имъ изъ честолюбія, и что никогда не приобрететъ столько добродѣтелей, сколько нужно для высокаго сана, назначеннаго ему Богомъ. Умолкнувъ, онъ устремилъ на меня свои спокойные, задумчивые взоры, а я, думая, что онъ кончилъ рѣчь свою, отступилъ отъ него на нѣсколько шаговъ. Но онъ тихо сказалъ что-то Решидъ Пашѣ, который, взявъ меня за руку, объяснилъ, что султанъ хочетъ еще бесѣдовать со мною. Разговоръ возобновился, но ужъ не въ такомъ торжественномъ тонѣ, какъ прежде. Онъ былъ серьёзенъ, искрененъ и касался разныхъ предметовъ. Когда онъ заговорилъ о трудности управлять различными народами, которые находятся въ его огромномъ государствѣ, я сказалъ ему:

«Ваше Величество посите два вѣнца: одинъ на чель — знакъ верховной власти, другой на сердце — знакъ душевной доброты».

Онъ улыбнулся и велѣлъ великому визирю повторить мои слова. Я убѣдился, что удачно постигъ восточный слогъ, и что выраженіе истиннаго чувства, хотя и въ простой оболочкѣ, понравилось султану, потому что соответствовало его чувствамъ.

ГЕТЕ ВЪ КАРЛЬСБАДѢ.

Гёте, изъ времени своего пребыванія въ Карльсбадѣ, очень комически рассказывалъ слѣдующій анекдотъ:

Прогуливаясь по моему обыкновенію взадъ и впередъ по улицамъ, я въсколько дней сряду встрѣчался съ 80-ти-лѣтнимъ старикомъ, который, опираясь на палку съ золотымъ набалдашникомъ, ходилъ такъ же взадъ и впередъ по тѣмъ же улицамъ. Я узналъ, что онъ былъ нѣкогда очень заслуженный австрійскій генералъ, древней, знаменитой фамиліи. Нѣсколько разъ замѣчалъ я, что старикъ посматривалъ на меня внимательно, останавливался и провожалъ меня взорами, когда я проходилъ. Меня это впрочемъ ни мало не удивляло, потому что со мною часто случалось подобное. Однажды, на прогулкѣ, я немного свернулъ въ сторону, чтобы разсмотрѣть поближе не помню какой-то

предметъ. Старикъ ласково подошелъ ко мнѣ, слегка приподнялъ свою шляпу, на что я конечно отвѣтилъ ему тѣмъ же, и началъ со мною слѣдующій разговоръ:

— Если не ошибаюсь, вы господинъ Гёте ?

— Точно такъ, — отвѣчалъ я.

— Изъ Веймара ?

— Такъ точно.

— Вѣдь вы сочиняете книги ?

— Да.

— И стихи также ?

— Также.

— Говорятъ, они очень хороши ?

— Гм!

— Вы много писали ?

— Да, такъ довольно.

— А что, чай трудно писать стихи ?

— Да, па-порядкачъ.

— Я думаю, что это зависигъ отъ расположенія духа, и отъ того, какъ поѣшь и попьешь, не правда ли ?

— Да, оно почти такъ.

— Ну, то-то же; вамъ не слѣдуетъ оставаться въ Веймарѣ, а надо отправиться въ Вѣну.

— Я самъ объ этомъ думалъ.

— Ну, то-то же; въ Вѣвѣ гораздо лучше: тамъ хорошо ѣдятъ и пьютъ.

— Гм!

— Да; люди подобные вамъ, если ведутъ себя хорошо и умѣютъ жить, то находятъ себѣ доступъ въ самыхъ лучшихъ домахъ.

— Гм!

— Такъ побывайте-ка у меня; — я имѣю знакомство, родныхъ и вѣсь; распишитесь только: «Гёте изъ Веймара, Карльсбадскій знакомецъ». Это нужно мнѣ для памяти, потому что у меня много знакомства.

— Буду непременно.

— Но скажите, что вы написали ?

— Кое-что; отъ Адама до Наполеона, отъ Арарата до Блоксберга, отъ кедровъ до крапивы.

— Говорятъ, что ваши сочиненія получили большую извѣстность ?

— Да:

— Жаль, что я ничего не читалъ изъ вашихъ сочиненій и не слышалъ объ нихъ прежде. Есть ужъ повья, исправленные изданія?

— Какъ же.

— И вѣроятно будутъ и еще?

— Надѣюсь.

— Ну, такъ я не куплю вашихъ сочиненій. Я покупаю только сама послѣднія изданія, а то рискуешь всегда имѣть дурную книгу, или надобно ту же книгу покупать въ другой разъ. И потому, чтобъ не ошибаться, я всегда покупаю сочиненія уже послѣ смерти автора. Ужь это мое правило и я не могу измѣнить его для васъ.

— Гм!

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПИСЬМА ВАРНГАГЕНА.

То, что вы пишете мнѣ о распространяющейся наклонности русскихъ вельможъ и ученыхъ къ отечественной исторіи и древностямъ, возбуждаетъ во мнѣ живѣйшее участіе. Если даже эти занятія у нѣкоторыхъ происходятъ отъ моды или подражанія, то все—таки онѣ вызываютъ другихъ къ прекрасной и плодотворной дѣятельности; духъ народный получить отъ этого величайшую пользу, не говоря уже о томъ, чего должна пасться наука, и что распространится за предѣлы государства: пространное поприще общаетъ добычу несмѣтную; географія, этнографія, философія, должны ожидать чрезвычайнаго обогащенія. Если поэзія и изящная словесность нѣсколько отдыхаютъ теперь, то не слѣдуетъ еще болѣе за нихъ будущность. Тамъ, гдѣ гевій достигъ такой высоты, а языкъ такого развитія, какъ у васъ, будущіе успѣхи обезпечены. Впрочемъ и теперь у васъ есть поэты и стихотворенія. Сердечно благодарю васъ за прекрасныя строфы Хомякова. (Мы родъ избранный, говорили и проч.) Стихи прекрасны и, какъ вы справедливо отзываетесь о нихъ, особенно благозвучны....

звѣлочкѣ. Въ отчетъ отдѣленія Русской и Славянской Археологіи С.-Петербургскаго Археографическаго общества читаемъ: «Въ отдѣленіи «переданъ былъ рисунокъ, будто бы святой съ фресковъ Новгородской «Нередицкой церкви. Сходство этого рисунка съ извѣстнымъ заглавнымъ «листомъ Святославова сборника, невольно указываетъ на сомнѣніе. «Отдѣленіе обратилось къ Старорусскому Преосвященному Антонію, и «просило его увѣдомить о дѣйствительности существованія этихъ «фресковъ. Преосвященный, со всею внимательностію, изслѣдовалъ это

дѣло и сообщилъ намъ, что «въ Передвицкой церкви находятся древнія «рески; но такихъ, какія изображены на рисунокъ, ему присланномъ, рѣшительно нѣтъ!» — Эта новая мистификація археологовъ показываетъ, какъ осторожно слѣдуетъ принимать извѣстія разныхъ корреспондентовъ. Подобные обманы должно обнаруживать и клеймить ихъ, придавая имъ гласность. Археологическое Общество поступило слишкомъ деликатно, не упомянувъ имени своего корреспондента (*).

— Просматривая С.-Петербург. Полиц. Вѣд., мы нашли тамъ довольно любопытное объявленіе, которое стѣбитъ того, чтобы его перепечатать: «4-й Адмиралтейской части, 5 кв., возлѣ стараго Никольскаго моста, квартира отдается въ бельэтажѣ, 41 комната, съ принадлежащими къ ней службами, цѣна въ годъ 1000 р. с. *Въ этой квартирѣ жилъ, во время пребыванія въ столицѣ, генералиссимусъ Россійскихъ войскъ, князь Италійскій графъ Суворовъ-Рымникскій. Дома N 30.* (Спб. Полиц. Вѣд. N 272). Такое объявленіе можетъ пригодиться для будущихъ біографовъ Суворова едва ли меньше, чѣмъ для занимающихъ домъ.

(*) Умолчимъ и мы, хоть имѣемъ вѣрныя свѣдѣнія! Стыдно и грѣшно!

Печатать позволится. Москва, Апрѣля 4 дня, 1852 г.

Цесарь Д. Ржевскій.

въ ТИПОГРАФІИ В. ГОТЬЕ И СТЕПАНОВОЙ.

М О Д Ы.

— Что будутъ носить? что будетъ въ модѣ?— вотъ вопросы, которые занимаютъ всѣхъ въ настоящее время. Отвѣтить на эти вопросы и легко и трудно, потому, что не все носить, что появляется, но что принято, а что будетъ принято, покажетъ время; легко — потому, что никогда мода не была такъ своенравна, такъ неумовимо разнообразна какъ теперь: все носить, все въ модѣ!

— Вообще въ весеннихъ нарядахъ, какъ и въ зимнихъ, замѣтенъ какой-то оригинальный, самобытный, фантастическій характеръ, какое-то подражаніе востоку въ яркихъ краскахъ тканей и въ любви ко всему блестящему. Судите сами, по описанію нѣсколькихъ весеннихъ шляпъ, замѣчательныхъ сколько по изыскству столько и по смѣлому и оригинальному вкусу:

— Шляпа, тулья которой, въ видѣ косыночки *fanchon*, сдѣлана изъ голубаго пу-де-суа, вышита звѣздами, соломкой, и обшита чернымъ кружевомъ, изъ конскаго волоса, также вышитымъ звѣздами, соломкой. Поля состоятъ изъ двухъ большихъ буфъ, покрытыхъ черными кружевными воланами изъ конскаго волоса, вышитыми соломкой; крайній воланъ немного длиннѣе полей и образуетъ граціозный фестонъ. Капотъ изъ голубаго пу-де-суа также обшитъ чернымъ волосянымъ кружевомъ. Подъ полями разноцвѣтныя Бенгальскія розы.

— Шляпа вся составлена изъ мелкихъ буфъ зеленаго флорансу, отдѣленныхъ одна отъ другой сѣрымъ шелковымъ аграмантикомъ. Съ каждой стороны полей по большому банту, составленному изъ газovýchъ лентъ двухъ цвѣтовъ, зеленыхъ подъ цвѣтъ флорансу и сѣрыхъ *à jour*, въ pendant аграманту. Подъ полями крупныя бутоны розъ, перемѣшанные съ сѣрыми лентами *à jour*.

— Шляпа *Camargo*; поля ея сдѣланы изъ широкаго чернаго кружева *Chantilly*, образующаго сзади большой капотъ, изъ-подъ котораго видѣнъ еще другой изъ пу-де-суа сризоваго цвѣта. Два банга украшаютъ эти капоты, одинъ приколотый на черный кружевной капотъ, другой совершенно исчезающій подъ нижнимъ капотомъ изъ сризоваго

пу-де-суа, изъ-подъ котораго выпадаютъ только длинныя концы его.— Край полей состоитъ изъ соломеннаго кружева, перемѣшаннаго съ сризovýmъ бархатомъ. Туля сдѣлана изъ буфочекъ сризоваго пу-де-суа, раздѣленныхъ соломеннымъ аграмантикомъ. Подвязушки изъ широкихъ сризovýchъ лентъ, съ палевымъ краемъ *à jour*, подходящимъ къ аграмантику. Подъ полями цвѣты и колосья изъ соломки, перемѣшанные съ бантами сризovýchъ лентъ.

— Съ весной появляются опять кашемиры, великолѣпныя индѣйскія кашемиры, которыхъ никогда не оставляютъ. Пыльнѣе кашемиры особенно великолѣпны; они большею частью затканы яркими небольшими арабесками и пальмами по одноцвѣтному полю. Лучшими и самыми модными считаются кашемиры *Fathma* пурпуровыя, черныя и бѣлыя, затканныя золотомъ. Конечно такія роскошныя шали носятъ не всѣми и не всегда.

— Для гуляній вышли еще совершенно новыя и очень красивыя мантильи изъ бархатнаго гипюру, на атласномъ подбоѣ, съ широкимъ кружевомъ въ край или широкой бахромой.—Мы видѣли двѣ такихъ мантильи, которыя непременно появляться въ первый ясный день.

— Одна изъ нихъ была изъ арабесокъ лиловаго бархату, положенныхъ на лиловый же атласъ, обшитая бахромой, составленной въ половину изъ кисточекъ, въ половину изъ крученаго шелку. Другая, изъ синяго бархату, образующаго косоугольники на синемъ же атласѣ. Она была отдѣлана двумя великолѣпными воланами изъ кружева Chantilly.

Картина модъ еще не получена. Она приложится къ слѣд. книгѣ.

С И Ъ С Ъ.

МЕЗЗОМАТТО.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ О СИЦИЛИИ.

Повѣсть Поля Мюссе (*).

I.

Названіе *mezzo-matto*, которое очень употребительно въ Сициліи, и которое собственно значить *полуумный*, вовсе не считается тамъ названіемъ обиднымъ. Его даютъ каждому, кто только увлечется какой-нибудь одной страстью, какой-нибудь исключительной идеей. Собиратели коллекцій, охотники до картинъ, разсѣянные, влюбленные, юмористы, ревнивыя, и проч., все это *mezzi-matti*. Если бы названіе это принималось только въ такомъ смыслѣ, тогда оно, разумѣется, составляло бы огромную семью, разсѣянную по всему земному шару; но къ числу *mezzi-matti* принадлежатъ еще такіе оригиналы, которыхъ нигдѣ нельзя встрѣтить, кромѣ Сициліи. При 38° градусахъ жара, голова легко воспламеняется, и каждая страсть, каждая странность, каждая смѣшная сторона чловѣка, живущаго въ такомъ климатѣ, очень скоро доходитъ до крайности. Ревность сицилійца переходитъ въ бѣшенство, любовь въ сумасшествіе, задумчивость или веселость его выражаются чертами слишкомъ рѣзкими. Отсюда, можетъ быть, происходитъ, что чувство комизма нигдѣ не развито такъ сильно, какъ въ Италіи и Сициліи. Для обозначенія какой бы то ни было преувеличенной вещи нужно и соответствующее ей, преувеличенное названіе; и если названіе *mezzo-matto*, разъ изобрѣтенное, дается иногда людямъ и не заслуживающимъ его, такъ за то, въ той же Сициліи, много такихъ сумасшедшихъ, для которыхъ оно еще не совсѣмъ

(*) Когда эта статья печаталась уже въ 8 кн. Москвит., она появилась въ Современникѣ. Не смотря на то, мы считаемъ эту статью не лишней въ нашемъ журналѣ не только для тѣхъ читателей, которые не получаютъ Современника, но даже и для тѣхъ, которые получаютъ его.

достаточно. Наконецъ, иные нарочно принимаютъ его на себя съ тѣмъ, чтобы свободнѣе высказывать свои мысли, свободнѣе жить и свободнѣе смѣяться надъ свѣтскими обычаями или презирать ихъ.

Когда я отправился обозрѣвать Этну, меня проводили къ ученому и обязательному г-ну Джемелларо, опытность и познанія котораго служатъ для туристовъ лучшими помощниками въ этомъ трудномъ путешествіи. Г. Джемелларо, котораго мѣстные жители называютъ *докторомъ Этны*, живетъ въ Николози, самой дальней деревнѣ изъ поселенныхъ на склонѣ горы, и за которою уже начинается хаотическое царство льда и огня, вѣчно спорящихъ между собою. Докторъ посвящаетъ всю свою жизнь изученію волкана, и полюбилъ его, какъ будто бы онъ составлялъ его собственность. Онъ знаетъ всѣ его тропинки, всѣ пропасти, всѣ пункты, съ которыхъ открываются лучшіе виды; онъ толкуетъ путешественникамъ, какой дорогой безопаснѣе взобраться на гору, сообразно съ погодой и временемъ года, и если при восторгѣ на волканѣ случается съ кѣмъ-нибудь несчастье, г. Джемелларо сокрушается въ душѣ за репутацію своей милой Этны. На столѣ доктора стоятъ рельефная модель этой горы, сдѣланная имъ самимъ, съ соблюденіемъ всѣхъ малѣйшихъ подробностей. Между тѣмъ какъ я и мои дорожные товарищи удивлялись точности и терпѣнью, съ какими сдѣлана эта модель, г. Джемелларо сказалъ намъ съ самой добродушной улыбкой: «я *mezzo-matto*».

Еще прежде того, въ одной кофейной, въ Катанѣ, я услышалъ, какъ кто-то, разгорячившись, закричалъ въ толпѣ: «Не смѣйте меня оскорблять! я *mezzo-matto* и могу вамъ наговорить неприяностей». И дѣйствительно этотъ человекъ началъ осыпать своихъ противниковъ самыми дерзкими насмѣшками, на которыя никто не смѣлъ возражать послѣ его ораторскаго вступленія и изъ уваженія къ объявленному имъ имени. Въ другой разъ, въ Сиракузахъ, мнѣ случилось видѣть дѣвушку, которая сидѣла на плоской кровлѣ дома и горько плакала. «Вотъ, сказалъ мнѣ мой проводникъ, эта дѣвушка *mezza-matta* отъ любви». Изъ этихъ трехъ совершенно различныхъ примѣровъ видно, какъ щедро и до какой степени справедливо или несправедливо раздается въ Сициліи названіе *mezzo-matto*. Теперь, когда опредѣленіе слова сдѣлано, остается только между этими разнообразными личностями отыскать такой типъ, который не можетъ встрѣтиться нигдѣ, кромѣ Сициліи, и не можетъ назваться никакимъ другимъ именемъ, кромѣ *mezzo-matto*.

На одной изъ площадей Мессины мнѣ посчастливилось встрѣтить такой образецъ: это былъ человекъ лѣтъ сорока, худой, костлявый, немного сгорбленный, съ густыми, черными бровями, съ блестящимъ взоромъ, съ рѣзкими и тонкими чертами лица. По его безпрерывно измѣняющейся физиономіи можно было заключить, что и мысли въ головѣ его мѣняются такъ же быстро, какъ тѣни въ волшебномъ фонарѣ: То улыбка пробѣгала по губамъ его, то вдругъ онъ принималъ какой-то комически плачевный видъ. Волненіе и спокойствіе, веселость и грусть, кротость и раздражительность выражались на лицѣ его такими быстрыми переходами, что глядя на него почти невозможно было удержаться, чтобъ не подражать его гримасамъ. Когда я его увидѣлъ въ первый разъ, онъ былъ въ черныхъ панталонахъ, въ холстинномъ камзолѣ, въ широкой соломенной шляпѣ, безъ галстука и жилета; не смотря однакожъ на этотъ костюмъ и на измятое бѣлье, по которымъ его можно было принять за чудака изъ крестьянскаго быта, я тотчасъ же замѣтилъ, что этотъ человекъ принадлежитъ къ высшему обществу. Что-то привлекательное и благородное просвѣчивалось сквозь эту, падѣтую имъ на себя, маску Пасквино. Посреди улицы онъ говорилъ самъ съ собой, какъ будто бы приготовляясь сказать какую-то патетическую рѣчь, и въ то же время пожималъ плечами съ такимъ горестнымъ выраженіемъ лица, что мнѣ очень хотѣлось ему сказать: «Не мучьте себя такъ сильно: вы увидите, что все это устроится.» Черезъ минуту онъ какъ будто бы нашелъ фразу, которой искалъ, и которая, казалось, была удовлетворительна для его краснорѣчія. Онъ вдругъ остановился и сложилъ руки съ торжествующимъ видомъ.

Различные толки ходили по всей провинціи Этвы объ этомъ чудацкѣ, очень хорошо тамъ извѣстномъ. Мессинскіе негоціанты упрекали его въ томъ, что онъ глупымъ образомъ расточилъ свое состояніе; богатые владѣльцы Катаны сожалѣли о немъ, какъ о своемъ сосѣдѣ, который такъ плохо управляетъ имѣніемъ, что долженъ былъ наконецъ его продать. Одни говорили, что это былъ человекъ ума обширнаго, другіе, что это былъ пустой человекъ; но всѣ бѣдные и всѣ несчастные, на пространствѣ, заключающемся между Мессиною и Ното, имѣли въ немъ самага добраго и внимательнаго покровителя; всѣ они, въ дверяхъ своихъ бѣдныхъ лачугъ, встрѣчали его словами: «Богъ васъ посылаетъ къ намъ.» Всѣ эти толки придавали лицу, о которомъ говорю я, какую-то таинственность, и такъ какъ не было почти человека, который бы не рассказалъ какого-нибудь анекдота объ этомъ фанта-

стическомъ лицѣ, то у меня очень скоро собралось достаточное число матеріаловъ для составленія его біографическаго очерка, котораго впрочемъ вся достоверность основывается на однихъ только народныхъ разсказахъ и убѣжденіяхъ.

Маркизь Джермано *** былъ однимъ изъ лучшихъ учениковъ іезуитской коллегіи въ Неаполь. Семнадцати лѣтъ онъ возвратился въ отцовскій домъ съ тою страстью къ наукѣ, которая къ первоначальному образованію присоединяетъ еще дополнительное, и можетъ быть еще больше полезное, посредствомъ чтенія и размышленій. Онъ вошелъ въ кругъ ученыхъ и литераторовъ обывка Сицилій: маркизь Гаргалло, профессоръ Меллони, знаменитый Галуппи, любили его и видѣли въ немъ своего будущаго преемника, подававшаго самыя блестящія надежды. Любимымъ его занятіемъ была зоологія, и преимущественно разысканія греческихъ и римскихъ древностей. Двадцати пяти лѣтъ онъ лишился отца и сдѣлался обладателемъ значительнаго имѣнія. Послѣ небольшого путешествія по Италіи, предпринятаго для разсвѣтленія, молодой маркизь возвратился въ Неаполь, гдѣ его предупредили, что если онъ желаетъ поступить ко двору, такъ ему будетъ оказана протекція и дана должность; но онъ отвѣчалъ, что не имѣетъ честолюбивыхъ видовъ, и подъ предлогомъ ученыхъ занятій удалился въ свою виллу Джермана, лежащую между Мессины и Галидуро. Полагали, что единственный потомокъ богатой фамиліи непременно долженъ жениться какъ можно раньше, и предложили ему блестящую партію. Маркизь не хотѣлъ и слышать о женитьбѣ, и попросилъ принявшихъ на себя сватовство оставить его въ покоѣ.

Приглашенія были разосланы изъ виллы Джермана къ ученымъ, къ артистамъ, къ поэтамъ Сициліи, и скоро они собрались къ маркизу со всѣхъ концовъ этого острова, всегда изобилующаго пѣснями и стихами. Даже самыя ученѣйшіе изъ гостей любопытствовали знать о занятіяхъ молодаго мудреца, и ожидали, что изъ кабинета его выйдетъ въ свѣтъ какой-нибудь трудъ замѣчательный; но каково-жъ было ихъ удивленіе, когда маркизь объявилъ, что онъ никогда не имѣлъ и намѣренія печатать своихъ трудовъ; что науками онъ занимается собственно для своего удовольствія, и что истинный философъ долженъ находить гораздо больше наслажденія въ добрыхъ дѣлахъ, чѣмъ въ успѣхѣ своихъ фоліантовъ. Вопреки обыкновенію всѣхъ ученыхъ, которые съ каждымъ днемъ все больше и больше пристращаются къ своимъ занятіямъ, маркизь постепенно отставалъ отъ геологій и древностей; чернила высыхали въ его чернилицѣ. Друзья упрекали его, что онъ оставилъ

науки, но онъ отвѣчалъ, что съ лѣтами надобно быть разсудительнѣе, знать лучше цѣну времени, и какъ можно сокращать часы отдохновенія. Друзья едва могли удерживаться отъ смѣха, видя, что маркизь каждое утро проводитъ въ своемъ саду, гдѣ очень важно разсуждаетъ съ садовникомъ, и вмѣстѣ съ нимъ, своими собственными руками обрѣзываетъ кустарники и поливаетъ самые простые цвѣты.

Въ одинъ день синьоръ Джермано велѣлъ запречь свой дорсжый берлинъ и везти себя по вѣсѣмъ своимъ помѣстьямъ. У него были фермы въ Таормино, значительные виноградники на склонахъ Этны, дома въ Катанѣ. Восемь дней употребилъ онъ на осмотръ всѣхъ этихъ мѣстъ, на разспросы служителей, на замѣчанія. Возвратившись въ Мессину, онъ призвалъ своего управляющаго и сказалъ ему съ величайшей кротостью: «Я давно знаю, что ты меня обкрадываешь, но я не хотѣлъ сгонять тебя до тѣхъ поръ, пока не увѣрился, что тебѣ есть чѣмъ жить. Такъ какъ я хотѣлъ показать надъ тобой примѣръ всѣмъ мошенникамъ, послѣ котораго тебя ужъ никто не возьметъ, то и ждалъ, чтобы ты успѣлъ сдѣлать порядочный запасъ. Теперь украденный тобою капиталъ простирается до шести тысячъ дукатовъ; этимъ ты можешь, на старости лѣтъ, прожить безбѣдно, если только будешь соблюдать должный порядокъ въ дѣлахъ. Слѣдовательно я могу тебя выгнать и сказать тебѣ, что ты воръ.» Управитель, испуганный такими подробными свѣдѣніями своего господина, и съ тѣмъ вмѣстѣ чрезвычайно довольный его снисходительностью, сознался чистосердечно во всѣхъ своихъ плутовствахъ, и отправился; а синьоръ Джермано съ того времени сдѣлался самъ своимъ управляющимъ. Тѣмъ, которые говорили съ нимъ о примѣрномъ его поступкѣ съ бездѣльникомъ, онъ отвѣчалъ: «Философія была бы вещь совершенно бесполезной и даже вредной, еслибы она не допускала насъ заниматься своими собственными дѣлами и заботиться объ участи ближнихъ.»

Привавъ на себя управленіе своимъ имѣніемъ, маркизь началъ вставать рано, и каждое утро, до завтрака, проводилъ часа по три или по четыре въ полѣ. Ему сѣдали мула, приученаго къ тамошнимъ труднымъ дорогамъ, и на этомъ надежномъ животномъ маркизь далеко углублялся въ Каландорскія горы, страну дикую и живописную, гдѣ удивительная растительность природы, за недостаткомъ рукъ, дѣлаетъ мѣстность еще болѣе глухой и непроходимой. Синьоръ Джермано не проѣзжалъ ни одной фермы, ни одной хижины безъ того, чтобы не зайдти въ нее и не посмотреть, какъ въ ней живутъ; если онъ находилъ тамъ бѣдность и уныніе, онъ подавалъ несчастнымъ помощь и совѣты,

побуждая ихъ тѣмъ и другимъ къ дѣятельности. Въ одну изъ тѣхъ утреннихъ прогулокъ, маркизъ встрѣтилъ на берегу ручья, разливашагося отъ весеннихъ дождей, высокую, красивую дѣвушку лѣтъ восемнадцати, которая искала удобнаго мѣста для перехода черезъ воду. Вся одежда ея состояла изъ длинной рубашки, и она ужъ готова была опустить босую ногу свою въ ручей, по увидѣвъ, что кто-то ѣдетъ, остановилась. — Я надѣюсь, моя милая, сказалъ всадникъ, что ты не рѣшишься идти черезъ эту воду, которая холодна какъ ледь.

— Отчего же, синьоръ маркизъ, отвѣчала дѣвушка. Если ваше сіятельство поѣдете впередъ, я буду на той сторонѣ вслѣдъ за вами.

— Но ты легко можешь простудиться, моя красавица. А такъ какъ ты меня знаешь, то садись позади меня, на моего мула, и поѣдемъ вмѣстѣ.

Не заставляя себя долго просить, дѣвушка поставила босую ногу свою на ногу маркиза, схватилась за заднюю сѣдельную луку и мигомъ вспрыгнула на крупъ мула. Прикрывъ ноги длинной рубашкой своей, какъ юбкой амазонки, она оперлась рукой о плечо синьора Джермана, и привычный мулъ пошелъ черезъ ручей. Когда они переправились, маркизъ сказалъ своей спутницѣ: — Тебѣ гораздо покойнѣе сидѣть на мулѣ, чѣмъ идти по камнямъ босыми ногами. Я доведу тебя до дому. Ты отдохнешь, и между тѣмъ расскажешь мнѣ, чѣмъ занимается твой отецъ, какъ его зовутъ, много ли у него дѣтей и хорошо ли вы живете.

— Мой отецъ, отвѣчала дѣвушка, бѣдный Маттео, фермеръ вашего сіятельства. Часто говоритъ онъ мнѣ: «Цита, нат-ка, отвеси эти яйца и молоко въ видлу Джермана.» И я, изъ окна кухни, имѣла честь не одинъ разъ видѣть ваше сіятельство, когда вы прогуливались въ саду. Семейство наше не велико. У меня нѣтъ ни братьевъ, ни сестеръ. Отецъ все бранилъ мою мать за то, что она не родила сына, который бы помогалъ ему работать; но наконецъ я его успокоила, сказавъ, что и силой моей и работой замѣню ему всякаго сына и никогда не пойду за-мужъ. Я держу мое слово. Вечеромъ, когда я скликаю козъ, мой голосъ слышенъ на цѣлую милю; донести на головѣ четыре снопа ржи отсюда до Галлидиро — мнѣ ни почемъ. Руки мои не велики, но я взброшу ими на тележку какую угодно вязанку соломы не хуже мужчины. Отецъ видитъ это, и не бранитъ больше мать.

Говоря эти слова, Цита показала маркизу свою хорошенькую руку, которая еще не успѣла загорѣть отъ весенняго солнца.

— Ты таскаешь вязанки соломы, сказалъ маркизъ, а между тѣмъ форма твоихъ рукъ такъ изящна, что у самой Венеры Сиракузской онъ не лучше твоихъ.

— Этого мнѣ не нужно и знать, вселенца. Если эта сиракузская госпожа не имѣетъ надобности работать, тѣмъ лучше для нея. Но я общала не выходить за мужъ, такъ для меня все равно, хороша ли я или дурна. Я же чувствую, что если я полюблю кого-нибудь, тогда ужъ мое обѣщаніе меня не удержитъ; отъ того-то я и убѣгаю мужчинъ.

— Твое обѣщаніе ровно ничего не значитъ, возразилъ маркизъ. Такія хорошенькія дѣвушки, какъ ты, должны непремѣнно выходить замужъ и дать вашей умирающей Сициліи какъ можно больше дѣтей. Нѣтъ ли у тебя здѣсь въ горахъ какого-нибудь молодца, такого же браваго, какъ ты сама, который бы тебѣ нравился?

— Что касается до того, какъ мы живемъ, продолжала Цита, отвѣчая на прежніе вопросы маркиза, но не отвѣчая на послѣдній, мы довольны и тѣмъ, если сыты. Когда куры перестаютъ нестись, а козы убавять молока, отецъ сердится, а мать тужить; однакожъ Пресвятая Богородица хранитъ насъ, и мы всегда сводимъ концы съ концами.

— Забота сводить концы съ концами старѣетъ людей, сказала маркизъ; а состарѣвшись, становятся неспособными къ работѣ. Когда же твой отецъ и мать будутъ не въ силахъ работать, тогда пройдетъ и твоя пора дать имъ зятя.

— Зять захочетъ, чтобъ жена жила у него.

— Это глядя по его ремеслу. Неужто въ здѣшней сторонѣ ты не найдешь себѣ мужа по сердцу? отвѣчай мнѣ какъ другу.

— Такіе простые люди, какъ мы, отвѣчала Цита, должны считать за счастье всякую милость нашего сіятельства. Мы желаемъ только, чтобы вы не продали вашихъ помѣстьевъ какому-нибудь другому владѣльцу, который не будетъ оказывать намъ никакого снисхожденія.

Рядъ кактусовъ, на которыхъ сушилось развѣшанное бѣлье, возвѣстилъ близость жилья.

— Вотъ нашъ домъ, сказала Цита. Я побѣгу сказать отцу о пріѣздѣ вашего сіятельства, и нарвать лимоновъ для лимонада.

Дѣвушка проворно соскочила съ муда и побѣжала съ быстротой лани. У порога фермы маркизъ былъ встрѣченъ своимъ арендаторомъ съ знаками глубочайшаго уваженія. Бѣдность съ перваго взгляда бросалась въ глаза въ этомъ скромномъ жилищѣ, состоящемъ изъ большой спальной комнаты, чердака и амбара. Козій хлѣвъ отдѣлялся отъ комнаты одной перегородкой. Двѣ кровати, кое-какъ смощенныя изъ досокъ и покрытыя мѣсистой соломой, составляли постели. Дверь и слуховое окно безъ стеколъ служили единственными отверстіями, черезъ которыя

проходилъ свѣтъ. Образъ Мадонны, безъ рамки, и букетъ цвѣтовъ были единственными украшеніями этого мрачнаго жилища, которое однакожъ чрезвычайно оживлялось молодостью, красотой, веселостью и свѣжимъ голосомъ Циты. На привономомъ столѣ поставили, для *tinfrresco* (*), медь, апельсины, лимоны и свѣжую ключевую воду. Между тѣмъ какъ маркизъ оказывалъ честь этому скромному угощенію, фермеръ, съ своимъ колпакомъ въ рукѣ, и жена его, облокотившаяся на плечо дочери, удивлялись ловкости и пріятности, съ какими онъ очпшалъ кожу съ плодовъ. Поговоривъ о наступающей жатвѣ, о цѣнахъ на овесъ и о посѣвѣ сарачинскаго пшена, сивьоръ Джермано обратился наконецъ къ дѣвушкѣ, которая не спускала съ него своихъ большихъ глазъ и слѣдила за всѣми его движеніями.

— Теперь мы поговоримъ съ тобой, Цита, сказалъ онъ. Я хочу, чтобъ ты вышла за мужъ.

— Ваше сіятельство изволите говорить правду, сказала мать. Я думаю, что на насъ будетъ *грѣхъ*, если нашъ родъ прекратится?

— Онъ не прекратится, возразилъ маркизъ. Послушай, Цита: дорогой ты отвѣчала мнѣ не на всѣ вопросы; но теперь, передъ отцомъ и матерью, ты должна признаться во всемъ: влюблена ты, или нѣтъ?

Цита подняла глаза къ небу, что значило, по сицилійскому обыкновению, *нѣтъ*.

— Хорошо, продолжалъ сивьоръ Джермано, я тебѣ даю пятнадцать дней сроку для присканія жениха, по твоему собственному выбору. Смотри только на его наружность и характеръ. Я хочу, чтобъ онъ былъ молодъ, хорошъ собой и уменъ, остальное все я беру на себя.

— Мнѣ не хотѣлось отдавать ее за-мужъ, сказалъ отецъ; но если ваше сіятельство все изволите принимать на себя, такъ это дѣло другое.

— Да, я беру на себя все рѣшительно. Если Цита въ продолженіи пятнадцати дней не съищетъ себѣ мужа, я самъ съищу ей его; и обещаю по пятидесяти дукатовъ ежегоднаго пансіона на каждаго ея ребенка, для того, чтобъ поощрить ее имѣть какъ можно больше дѣтей.

Тутъ маркизъ допилъ свой лимонадъ, взялъ свою шляпу, хлысть, и велѣлъ подвести мула. Слѣдуя туземному обычаю, фермеръ и его жена поцѣловали руку своего господина; Цита хотѣла сдѣлать тоже, но маркизъ взялъ ее за подбородокъ, и поцѣловавъ въ лобъ, сказалъ: — Пусть это вразумитъ тебя, что ты можешь нравиться мужу. Хотя вѣтъ ничего милѣе, какъ быть хорошенькой, вовсе не думая о своей красотѣ, но надобно же, чтобъ теперь это кончилось. Прощай, моя милая. Черезъ пятнадцать дней мы закажемъ твое свадебное платье.

(*). Прохлажденіе.

II.

Впродолженіи пятнадцати дней маркизъ каждое утро пріѣзжалъ на ферму, полакомиться медовымъ лимонадомъ, приготовленнымъ Цитой, при чемъ трактовалъ о выкормкѣ козъ и нѣскости куръ съ такимъ жаромъ и увлеченіемъ, какъ будто бы дѣло шло о какомъ-нибудь міровомъ переворотѣ. Такая короткость съ простыми людьми, во Франціи могла показаться бы странной, но въ Сициліи, гдѣ сохранилось больше патріархальности въ нравахъ, она очень обыкновенна. Общество, собравшееся въ виллѣ Джермана, нисколько этому не удивлялось, и маркизу только по одному этому случаю никогда бы не дали названія *mezzomatto*, если бы въ немъ не оказались другія странности.

Пятнадцать дней прошли, и синьоръ Джермано спросилъ у Маттео, съискалъ ли онъ зятя?

— Я ожидаю, отвѣчалъ отецъ, что ваше сіятельство мнѣ его назначите; я замурившись приму всякаго, кого вы пожелаете, да и всѣ мы будемъ ради ему.

— Мой выборъ ужь сдѣланъ, сказалъ маркизъ. Завтра я привезу человека, котораго назначаю въ мужья Цитѣ, и если онъ ей понравится, мы тотчасъ же и кончимъ.

Возвращаясь домой, синьоръ Джермано шагомъ спускался по узкой, извилистой тропинкѣ, какъ вдругъ услышалъ, что его кто-то кличетъ чистымъ, серебристымъ голосомъ контръ-альто. Онъ остановилъ мула, чтобы посмотреть, откуда доносится этотъ голосъ. Черезъ пять минутъ показалась женщина, сбѣгающая съ горы; скоро стали слышны шаги ея босыхъ ногъ, отзывающіеся на каменистой тропинкѣ, и Цита, пробѣжавшая безъ отдыха цѣлую милю, остановилась передъ маркизомъ, едва переводя духъ.

— Экселенца, сказала она, я думала, что ваше намѣреніе выдать меня замужъ—была только шутка. Но такъ какъ вы непременно этого хотите, то я должна вамъ признаться: я люблю, но боюсь сказать объ этомъ отцу. Нельзя ли вамъ сдѣлать такъ, какъ будто вы сами выбрали этого человека, за котораго я пойду гораздо охотнѣе, чѣмъ за всякаго другаго.

— Скрытная дѣвчонка! сказалъ маркизъ, для чего ты не говорила объ этомъ до послѣдней минуты, и когда ужь я составилъ на тебя свои виды? Тотъ, кого любишь ты, молодъ ли по крайней мѣрѣ,

ловокъ ли, хорошъ ли собой, хороша ли сложень? Никогда не соглашусь я тебя выдать за какого-нибудь больного урода.

— О, пѣть, эксценца, это малый двадцати одного года, который насъ обоихъ сшибетъ однимъ кулакомъ. Онъ уменъ и сочиняетъ такія прекрасныя пѣсни, что я бы желала его слушать съ утра до ночи; но не подумайте, чтобъ это былъ лѣнivecъ, который только и дѣлаетъ, что поетъ. Онъ исправляетъ должность почтальона между Таормино и Рандацо, и два раза въ недѣлю пробѣгаетъ черезъ эти горы, развозя письма къ фермерамъ. Я часто встрѣчаюсь съ нимъ, когда пасу моихъ козъ. Сама не знаю, какъ это сдѣлалось, только сначала я замѣтила, что онъ мнѣ немножко понравился, потомъ больше, а потомъ ужъ совсѣмъ. Онъ ничего и не знаетъ объ этомъ, потому что про любовь я съ нимъ не говорю. Боюсь, что можетъ быть я не правлюсь ему такъ, какъ онъ мнѣ.

— Сицилианка! сказалъ маркизъ. Какъ зовутъ твоего любезнаго?

— Карло, эксценца; Карло, къ вашимъ услугамъ.

— Увѣрена ли ты, что точно его любимъ?

— Увѣрена какъ нельзя больше, эксценца. Не правда ли, что всего скорѣе полюбишь того, кого часто видишь? Я увидѣла, узнала его, и полюбила. Когда я подумаю о замужствѣ съ другимъ, у меня сжимается сердце, а когда думаю о Карло, онъ мнѣ кажется такъ хорошъ, такъ хорошъ!...

— Бездѣльникъ! ворчалъ маркизъ, она его въ самомъ дѣлѣ любитъ! и у него будетъ жена—образецъ красоты! какіе глаза! какая талія! прима какъ свѣча!... И какой голосъ!... чисто стальная грудь! о Сицилія, ты приносишь плоды чудные, но къ несчастью они не изобильны! Будь покойна, Цита, ты выйдешь за своего Карло. Я пошлю за нимъ въ Таормино, и завтра же представлю его твоему отцу. Ступай домой и спи спокойно, *figglia mia*. Я хочу, чтобъ ты была счастлива.

Поговщикъ муловъ, Карло, имѣлъ свою конюшню въ деревнѣ *Садахъ*, лежащей на большой дорогѣ изъ Мессины въ Катану, у подножія каменистой скалы, господствующей надъ древнимъ *Таороментемъ*. Лакей въ ливрѣ явился къ нему, и объявилъ, что маркизъ желаетъ поговорить съ нимъ о важномъ дѣлѣ. Его посадили, рядомъ съ кучеромъ, на козлы деревенскаго фургона, и пара добрыхъ лошадей въ два часа увезла его за двѣнадцать миль отъ его деревни. Карло разинулъ ротъ, когда увидѣлъ въ концѣ яворовой аллеи мавританскій фасадъ виллы Джермана, фонтаны и бассейны съ бронзовыми нимфами, и украшенную сквознымъ, узорчатымъ перистилемъ чугунную лѣст-

нищу, на которую можно было въехать на лошади. Внутреннее убранство комнат удивило его еще больше: вездѣ только и было, что бархатъ да золото. Вовсе испортить мозаиковый полъ, Карло хотѣлъ снять башмаки, и если бы маркизъ не былъ извѣстенъ въ околѣдкѣ за благочестиваго христіанина, погонщика, по множеству книгъ, разбросанныхъ въ его кабинетъ, и по узорчатому шлафороку, непременно бы принялъ его за колдѹна. Сильоръ Джермано, съ своей стороны, тоже разсматривалъ жениха Циты съ неменьшимъ любопытствомъ.

— Чортъ возьми, говорилъ онъ, какой молодецъ! что за плечи, что за грудь! Поди-ка сюда, мой любезный; вотъ сюда къ зеркалу,—посмотримъ, кто изъ насъ съ тобой выше. Эге, да ты выше меня на цѣлый футъ. Чудесно! Цита принадлежитъ тебѣ по всемъ правамъ.

— Ваше высококомочіе изволите знать, отвѣчалъ Карло, что на наружность не всегда можно положиться. Человѣкъ съ виду очень здоровый часто бываетъ дрянной мозглякъ. Плечи и грудь ничего не значатъ, если желудокъ плохъ. Что же касается до этой Циты, о которой вы изволите говорить, я не знаю никакой Циты.

— Вижу, перебилъ маркизъ, что ты начинаешь ложью и недоверчивостью. Но я самъ здѣшній житель, и знаю, какъ Сицилійцы хитры и скрытны. Будемъ говорить коротко: ты любишь дочь моего фермера, Маттео; я принимаю участіе въ этомъ семействѣ. Если ты хочешь жениться на Цитѣ, я тебя предупреждаю, что даю ей тысячу дукатовъ въ приданое, и ежегодный пансіонъ въ пятьдесятъ дукатовъ на каждаго ея ребенка. Можешь отказаться, потому что я нисколько не хочу тебя принуждать, и очень легко съищу ей другаго мужа, который тоже не будетъ жаловаться желудкомъ.

— Не согласиться на предложеніе вашего сіятельства было бы слишкомъ дерзко съ моей стороны, отвѣчалъ Карло. Въ угодность вашу положимъ, что я люблю Циту и принимаю предложеніе.

— Твоя вѣжливость глубоко меня трогаетъ; за то, что ты въ одну минуту согласишься полюбить свою любовницу и взять за ней приданое, о которомъ никогда и не воображалъ, мы сей-часъ же поѣдемъ вмѣстѣ къ Цитѣ, и я представляю тебя ея семейству.

Добрѣкъ Маттео, который совершенно не зналъ, какъ сдѣлалось дѣло, одобрилъ предложеннаго ему зятя, и старался носкорѣй получить согласіе своей дочери.

— Одно только беспокоитъ меня, сказалъ онъ: Карло, навѣрное, захочетъ взять жену въ Таормино.

— Ужь конечно, отвѣчалъ маркизь. Да я и жениу ихъ не съ тѣмъ , чтобъ они жили розво. Тебѣ же я дамъ работника, который замѣнитъ тебѣ дочь.

Это обѣщаніе устранило и послѣднее затрудненіе; женихъ и невѣста поцѣловались. Положили свадьбу съиграть въ Галлидоро, въ понедѣльникъ на Святой. До тѣхъ поръ Карло получалъ позволеніе видаться съ своей невѣстой , и пользуясь этимъ, онъ все свободное время отъ своей должности посвящалъ ей. Когда Цита работала , онъ помогалъ ей, или пѣлъ, съ гитарой, пѣсни, слова и музыка которыхъ были сочинены имъ. Слуга маркиза явился на ферму за единственнымъ платьемъ Циты , которое въ первый разъ со времени своего существованія было вынута изъ сундука не въ воскресный день : по немъ мессинская швея приготовила для невѣсты полный вѣнчальный нарядъ. Его надобно было примѣрить. Одѣтая въ шолкъ , украшенная вуалемъ , обутая въ бѣлые башмаки , Цита едва не лишилась чувствъ , увидѣвъ сама, какъ она хороша. Слезы катились изъ глазъ ея , и ей казалось , что она еще втрое больше любитъ своего благодѣтеля и своего жениха , которымъ была обязана всѣми этими удовольствіями.

Вдругъ неожиданное происшествіе разстроило все. Однажды вечеромъ Карло дожидался курьера, который, проѣзжая изъ Мессины въ Катану, долженъ былъ отдать ему письма въ Равдацо и въ горныя деревни ; услышавъ звонъ бубенчиковъ и хлопанье бича, онъ вышелъ на улицу, но къ крайнему его удивленію почта проѣхала мимо его не остановившись, и курьеръ не обратилъ на него никакого вниманія. Карло понималъ, что ему оказываютъ презрѣніе, какъ челоуѣку впаавшему въ немилость. Онъ побѣжалъ за каретой , которая остановилась наконецъ у небольшой локанды (*). — Развѣ нѣтъ у васъ бумагъ для меня? спросилъ онъ курьера.

Не отвѣчая ни слова и какъ будто вовсе не вида его , курьеръ открылъ ящикъ и вынулъ изъ него множество пакетовъ. Челоуѣкъ , одѣтый въ новое платье, съ серебрянымъ галуномъ на шляпѣ, вышелъ изъ гостинницы, взялъ пакеты съ надменнымъ видомъ , и началъ говорить по-неаполитански съ курьеромъ.

— Эти пакеты, сказалъ Карло, должны быть отданы мнѣ. Если вы заняли мою должность , такъ сдѣлайте же одолженіе, покажите вашъ патентъ на нее, потому что я не получилъ еще моей отставки.

Неаполитанецъ въ Сицилія , не смотря на то , что онъ наследовалъ

(*) Родъ гостинницы или постоялаго двора.

тамъ только тѣнь власти, все еще хочетъ показать, что онъ можетъ распоряжаться, какъ въ странѣ завоеванной. Чѣмъ ничтожнѣе его должность, тѣмъ больше онъ старается придать себѣ важности и манерами и грубостью разговора. Карло, очень хорошо понимая, что двое неаполитанцевъ смѣются надъ нимъ, и стараются унижить его, смиренно ждетъ объясненія, но объясненіе было ненужно. Пакеты, переданные курьеромъ новому должностному лицу, ясно высказывали все. Неаполитанцы вошли въ трактиръ подкѣрпиться; между тѣмъ перемѣняли лошадей; пассажиры сѣли по своимъ мѣстамъ; утолившій жажду курьеръ вскочилъ на козлы, почталіонъ хлопнулъ бичемъ, и карета покатилась. Оставшись одинъ на улицѣ, Карло долго еще прохаживался взадъ и впередъ передъ *локандой*. Знакомая ему трактирная служанка вышла за водой, и отъ нея онъ узналъ наконецъ, что нѣкто донъ Франческо, пріѣхавшій въ тотъ самый день, много хвасталъ своей случайностью при мессинскомъ почтамтѣ, и объявилъ, что ему поручена должность разнощика писемъ между Таормино и Радацо. Карло посоветовался немпожко съ своей трубкой. Разсудивъ, что покровительство маркиза и любовь Циты составляютъ единственное его счастье на землѣ, онъ взялъ лучшаго своего мула, и къ ночи пріѣхалъ въ виллу Джермана.

— Другъ мой, сказалъ маркизъ, выслушавъ его, я совершенно согласенъ съ тобой, что подобныя примѣры у насъ не рѣдки; но подобно думать, что какое-нибудь непредвидѣнное обстоятельство задержало присылку къ тебѣ твоего увольненія. Твоя кротость и терпѣніе очень похвальны, но ты имѣлъ бы полное право, со всей должной вѣжливостью, настоять, чтобы твой преемникъ показалъ тебѣ свой патентъ, и безъ того не допускать его къ полученію бумагъ.

— О, какъ я сожалею, что не сдѣлалъ этого! вскричалъ Карло. Потеря моего мѣста, страхъ, что отъ этого можетъ разстроиться моя свадьба, пренебреженіе ко мнѣ и самоувѣренность этихъ людей, — все это совершенно меня отуманило. Что мнѣ теперь дѣлать, эксценца, безъ должности, безъ работы, съ двумя мулами на рукахъ и съ наемной для нихъ конюшней?

— Стыдись, сказалъ маркизъ, въ твои лѣта такъ отчаяваться и изъ такихъ пустяковъ. Всѣ эти жалобы ни къ чему не ведутъ; надобно дѣйствовать. Становись на площадяхъ, въ гостиницахъ, предлагай своихъ муловъ путешествующимъ англичанамъ. Однимъ словомъ, если ты хочешь сохранить мое покровительство, такъ въ эту-то минуту и покажи мнѣ свою бодрость и дѣятельность. Я не люблю людей, которые умѣютъ только плакать да жаловаться.

Карло вышелъ отъ маркиза пристыженный тѣмъ , что онъ показалъ себя до такой степени слабымъ и ненаходчивымъ. Онъ легъ на песчаномъ помостѣ двора, и цѣлый часъ лежалъ неподвижно, думая о своей ошибкѣ. Вдругъ ему пришла мысль , что Франческо не выведетъ изъ Таормино прежде разсвѣта ; что онъ еще успеетъ встрѣтить его на дорогѣ къ Франкавилла , взять у него бумаги волей или неволей, и такимъ образомъ въ послѣдній разъ исполнить свою должность. Не сказавъ никому о своемъ намѣреніи, Карло задалъ овса своему мулу, и пустился въ горы. Зная каждую тропинку, онъ такъ сократилъ свой путь, что за долго еще до восхожденія солнца бытъ ужъ на томъ мѣстѣ, черезъ которое непременно долженъ былъ провѣзжать Франческо.

Черезъ нѣсколько минутъ въ самомъ дѣлѣ онъ показался. По крутой, каменистой тропинкѣ онъ велъ своего мула ; навьюченнаго почтовымъ чемоданомъ, въ поводу, и тотчасъ же замѣтилъ Карло, одѣтаго точно такъ же, какъ онъ, въ форму почталіона. Появивъ всю опасность этой встрѣчи , Франческо попробовалъ приступить къ разговору съ дипломатической уловкой. — Здравствуйте, донъ Карло, сказалъ онъ ласково. Вы нынче рано встали, и , кажется , мнѣ первому пришлось пожелать вамъ добраго утра.

— Вчера вы что-то были не такъ разговорчивы , замѣтилъ Карло; видно вашъ языкъ въ продолженіи ночи развязался лемножко. И такъ какъ я вижу васъ въ хорошемъ расположеніи духа , то сдѣлайте милость, покажите мнѣ бумагу объ опредѣленіи вашемъ на мое мѣсто.

— Неужели же вы думаете, отвѣчалъ неаполитанецъ , что я занялъ ваше мѣсто самопроизвольно.

— Я ничего не думаю, а только хочу видѣть патентъ.

— Ну такъ знайте же, что писецъ почтоваго вѣдомства въ Мессинѣ крестилъ у моей двоюродной сестры. Онъ мнѣ сказалъ : « Франческо, ты долженъ вступить въ наше министерство. » Я не имѣлъ никакого желанія , но мнѣ надобно шпаться по кофейнямъ , и я привалъ эту ничтожную должность въ ожиданіи лучшей.

— Совершенно согласенъ , что вы человекъ случайный, достойный , могущественный , имѣющій связи , однимъ словомъ превосходящій изъ смертныхъ , какъ всѣ вообще неаполитанцы ; но мнѣ все таки надобно посмотреть вашу бумагу.

— Я оставилъ ее въ Таормино.

— Это очень нехорошо для васъ. Пока я не получу формальнаго увольненія, я могу и обязанъ исполнять мою должность. Не угодно ли вамъ отдать мнѣ всѣ посылки и пакеты?

— Прежде поговоримъ еще минутку, какъ друзья и соотечественники, сказалъ неаполитанецъ. Я люблю сицилійцевъ. ..

— Да, прервалъ его Карло, рано утромъ, въ горахъ, гдѣ нѣтъ ни души христіанской, но въ городѣ это дѣло другое. Я никогда не былъ твоимъ другомъ, да едва ли былъ когда-нибудь и соотечественникомъ. Хоть и плохо я знаю географію, но мнѣ кажется, что мы всегда жили на клочкѣ земли, окруженномъ водою, который, сколько могу припомнить, называется островомъ.

— Отдаю полную справедливость твоей памяти и твоему уму, возразилъ неаполитанецъ; но я такъ-же, кстати, скажу, что люди изобрѣли машины, на которыхъ они плаваютъ по морю и могутъ переплывать съ твердой земли на эти клочки ея, окруженные со всѣхъ сторонъ водою. Эти машины, кажется мнѣ, называются кораблями.

— Ты очень твердо помнишь названіе этихъ проклятыхъ машинъ; но несмотря на всѣ твой познаніи и на всѣ твои увертки, отдай-ка мнѣ мои бумаги.

— Люди, возразилъ Франческо, изобрѣли еще одно орудіе, которое называется ножикъ и которое служитъ имъ къ защитѣ отъ разбойниковъ, встрѣчающихся на дорогѣ... — Тутъ неаполитанецъ въ самомъ дѣлѣ выхватилъ изъ кармана ножъ; но прежде, чѣмъ успѣлъ принять оборонительное положеніе, Карло схватилъ его за руку и сдвинулъ ему горло.

— *Мо! то!* кричалъ Франческо, возьми свои бумаги и дѣлай съ ними, что хочешь.

Карло бросилъ ножъ въ кусты, мигомъ переложилъ чемоданъ съ одного мула на другаго, и повхалъ съ крикомъ радости. Торжество его было однакожъ не продолжительно. Франческо, отправившись въ Таормино, рассказалъ тамъ, что разбойникъ Карло, съ цѣлой шайкой товарищей, вооруженныхъ съ головы до ногъ, напалъ на него, прицѣлился изъ мушкета, и что онъ, послѣ упорнаго сопротивленія, долженъ былъ однакожъ уступить насилию и числу воровъ, отнявшихъ у него бумаги. Когда Карло возвратился въ *Сады*, тамъ ужъ его дождался сержантъ съ жандармомъ, которымъ вѣрно было привести его въ Таормино. Повинуясь безпрекословно этому приказанію, онъ только подзвалъ къ себѣ своего пріятеля и товарища по ремеслу — погонщика муловъ. — Николо, сказалъ онъ, синьоры жандармы ведутъ меня къ синьору комисару, чтобы разсудить насъ съ моимъ преемникомъ. Пожалуста отнеси эти пакеты на вочту. Да прошу тебя, присмотри за моими мулами. — Говоря эти слова, Карло успѣлъ показать своему товарищу знакомъ, что дѣло идетъ объ освобожденіи его отъ жандармовъ.

— Хорошо, сказалъ Никола, подмигнувъ ему лѣвымъ глазомъ. Только смотри не ошибись, братъ, дорогой. Тутъ столько тропинокъ и пропастей, что какъ разъ собьешься. Не спускай съ глазъ бѣлой верхушки Этвы, которая стоитъ надъ горами, какъ свѣдой старикъ надъ ввучатами. Будь надъ тобой благословеніе ея и мое. О мулахъ своихъ не заботься.

Впродолженіи пути до Таормино, Карло усердно молился святой Агатъ Катанской и святой Розалин Палермской, чтобъ онъ помогли ему избавиться отъ его несчастнаго положенія. Между тѣмъ, сохраняя наружное спокойствіе, онъ терпѣливо ждалъ, чтобы проводники его начали съ нимъ разговоръ.

— Дѣло твое, сказалъ наконецъ старый сержантъ, не такъ хорошо, какъ, повидимому, оно тебѣ кажется.

— Можетъ статься, отвѣчалъ Карло. Если меня осудятъ не выслушавъ моихъ оправданій, такъ конечно будетъ плохо.

— Хочешь ли, я скажу тебѣ средство, какъ избавиться отъ бѣды?

— Два средства всё таки лучше одного, пробормоталъ Карло. Сдѣлайте милость, прибавилъ онъ, скажите.

— Ты молодецъ, хорошо сложенъ, проворенъ; изъ тебя выйдетъ славный солдатъ. Просись въ солдаты охотой. Вѣдь вы, Сицилійцы, избавлены отъ конскрипціи, но по моему это чистое несчастіе для васъ. Вы теряете тутъ много выигрышей, которые могли-бы сдѣлать въ лотерей жизни. Вотъ, примѣрно сказать, хотъ бы я, — да не будь у меня такой страсти къ войнѣ и къ службѣ, я бы ужъ десять разъ могъ жениться на самыхъ богатѣйшихъ невѣстахъ, которыя просто влюблялись въ одинъ мой мундиръ. А потомъ походы туда и сюда, разные приключенія, — увидишь все, а самое главное — увидишь Неаполь.

— О Неаполь! сказалъ другой жандармъ; какой городъ, какая толпа народу на улицахъ! *Che pompa! Che lusso!* Ночью двадцать тысячъ огней безъ свѣтиленъ просто бьютъ изъ маленькихъ трубочекъ, вдѣланныхъ въ стѣны, и освѣщаютъ столицу не хуже солнца. Кареты скачутъ, а въ окнахъ магазиновъ товары просто ослѣпляютъ глаза. *Che pompa! Che lusso!*

— Какая роскошь! какое богатство! повторилъ Карло, покачивая головой.

— А знаешь ли ты, перебилъ старый сержантъ, какими преимуществами пользуются военные въ Неаполь? Мундиръ голубой, галуны серебряные, на киверѣ витишкеты — ну просто, можно сказать между нами, что поставитъ рядомъ съ военнымъ штатскаго все равно; какъ поставитъ салютную свѣчу передъ солнцемъ. Послушайся, братецъ, ступай.

— Я бы очень желалъ, отвѣчалъ Карло; но то горе, что меня не примутъ, какъ сицилійца!

— Примутъ. Тебя знаютъ съ хорошей стороны, ты ужъ занималъ должность, да и притомъ ты объяви, что непримѣнно желаешь служить охотой.

Тутъ Таорминское ущелье, по которому шли путешественники, дѣлилось на двѣ тропинки.

— Господа служивые, сказалъ Карло, я немогу принять вашего совета. Слава хороша, да за то опасна; въ какомъ нибудь сраженіи какъ разъ влѣпятъ пулю. Я рѣшительно остаюсь въ Сициліи. Что касается до синьора комисара, онъ, къ несчастью, предубѣжденъ противъ меня моимъ врагомъ, и по этому я его не увижу. Вотъ ваша дорога, по которой вы можете отправляться къ нему; а я ужъ пойду по другой. Желаю вамъ счастливаго пути.

Карло оттолкнулъ локтями обоихъ своихъ проводниковъ, и пустился бѣжать какъ заяцъ. Старый сержантъ приказывалъ ему остановиться, грозя застрѣлить изъ *terzetta*. Но прежде, чѣмъ карманный пистолетъ былъ вынутъ и заряженъ, Карло скрылся уже за уголокъ скалы. Жандармъ погнался за нимъ съ обнаженной саблей, но пробѣжавъ шаговъ сто, былъ остановленъ грудой развалинъ и множествомъ развѣтвившихся въ разныя стороны тропинокъ. Встрѣтивъ дѣвочку лѣтъ четырехъ, онъ спросилъ ее, въ какую сторону ушелъ человекъ въ курткѣ и красномъ поясъ погонщика муловъ. Дѣвочка, услышавъ неаполитанское нарѣчіе, не отвѣчала ни слова и побѣжала отъ чужеземца, дразня его языкомъ. На каменной скалѣ сидѣлъ доминиканскій монахъ, и спокойно созерцалъ отблескъ лучей заходящаго солнца на снѣжныхъ вершинахъ Этны.

— Святой отецъ, спросилъ жандармъ, преступникъ убѣжалъ отъ насъ, — не проходилъ ли онъ здѣсь?

Святой отецъ, не поднимъ даже глазъ на жандарма, продолжалъ перебирать свои четки и читать свои молитвы. Къ жандарму подоспѣлъ и сержантъ, бѣжавшій вслѣдъ за нимъ. Они опять пустились преслѣдовать бѣглеца, но скоро снова были остановлены плотной шпалерой аловыхъ деревьевъ, колючіе листья которыхъ уставились противъ нихъ точно острія обнаженныхъ кинжаловъ. Между тѣмъ какъ они отыскивали мѣсто, гдѣ имъ пройти сквозь эту преграду, они увидѣли Карло, не дальше какъ на два ружейныхъ выстрѣла; но онъ показался на вершинѣ крутой скалы, по которой карабкался какъ кошка. Сержантъ положилъ свой *terzetta* въ карманъ, жандармъ вложилъ свою саблю въ ножны, и оба они отправились въ Таормино, проклятая дѣвочка, монахъ, аловыя листья и всю Сицилію.

III.

Маркизь, заботившійся объ устройствѣ Карло, началъ заботиться и о томъ, чтобы выручить его изъ бѣды. Онъ велѣлъ заложить карету и поѣхалъ въ гостиницу, въ которой помѣстился новый разносчикъ писемъ, Франческо. Когда синьоръ Джермано объявилъ свое имя и знаніе, неаполитанецъ рассыпался въ учтивостяхъ; съ низкими поклонами подалъ онъ ему стулъ, и самъ сталъ въ почтительномъ отдаленіи.

— Твой доносъ, сказалъ ему маркизь, мнѣ кажется ужъ черезъ чуръ преувеличенъ. Карло не такой человекъ, чтобы дѣлать грабежи на дорогахъ, да и тутъ давно ужъ никто не слышитъ о разбойникахъ. Я пріѣхалъ кончить это дѣло миролюбиво и попросить тебя, чтобы ты показалъ правду.

— Экселенца, отвѣчалъ Франческо, Карло въ самомъ дѣлѣ отнял у меня пакеты насильственно и кромѣ того жестоко оскорбилъ меня. За минуту назадъ ничто не могло уничтожить во мнѣ жажду мести, и, еслибы онъ сталъ валяться у меня въ погахъ, я и тогда не простилъ бы его. Но при одномъ словѣ вашего сіятельства я ужъ чувствую, что смягчаюсь и готовъ согласиться на ваше желаніе.

— Ты, я думаю, тѣмъ скорѣе долженъ согласиться со мной, что я не милости у тебя прошу, а требую истины.

— Экселенца, возразилъ Франческо, я вполне умѣю цѣнить честь, которую вы изволили мнѣ сдѣлать, и въ угодность вашу покажу все, что вы прикажете. Я возьму назадъ мою жалобу, скажу, что не Карло отнял у меня пакеты, а кто-то другой.

— Боже тебя сохрани, вскричалъ маркизь, покрывать одну ложь другой. Я тебя говорю, что мнѣ нужна только правда, и ты долженъ сказать ее, какъ слѣдуетъ честному человеку.

— Въ такомъ случаѣ сама судьба благопріятствуетъ вашему сіятельству, заставляя имѣть дѣло со мной. Я именно честный человекъ и терпѣть не могу никакой лжи.

Тутъ Франческо сдѣлалъ полукругъ по комнатѣ, и, проходя мимо маркиза, протянулъ къ нему, изъ-за спины, руку, требующую *далиа*: — Не благоугодно ли будетъ, сказалъ онъ, благородному, великодушному и щедрому синьору маркизу, въ задатокъ вашей миролюбивой сдѣлки, почтить меня какимъ нибудь ничтожнымъ знакомъ своего благоволенія.

Подставленная рука пошевелила пальцами, какъ бы подтверждаю

просьбу о ничтожномъ званіи, который долженъ былъ послужить задаткомъ миролюбивой сдѣлки. Потомъ Франческо прибавилъ уже не такимъ сладкимъ и вкрадчивымъ голосомъ:—Процессъ во всякомъ случаѣ дѣло неприятое. Жаль, очень жаль, если мнѣ не удастся освободить бѣднаго Карло отъ рукъ правосудія.

Подставленная рука Франческо по прежнему оставалась пуста, и онъ сказалъ:—Да, ограбить почту преступленіе важное!

—Ложное показаніе еще преступнѣе, возразилъ маркизь. Ты ужь кругомъ виноватъ, что не показалъ бумага о своемъ опредѣленіи тому, чье мѣсто ты заступилъ; это дурной поступокъ. Если Карло будетъ осужденъ и приговоренъ къ наказанію, такъ процессъ можетъ пойти дальше. Правда свѣтлѣе солнца, и рано-ли, поздно-ли непременно обнаружится. Изъ уваженія къ ней, я не дамъ ни одного *grano* чловѣку, который такъ нагло ее оскорбляетъ. Ты самъ назвалъ себя чловѣкомъ честнымъ, и слѣдовательно самъ же и долженъ взять свое ложное показаніе. Прощай, г. честный чловѣкъ.

Оставивъ свой экипажъ въ *Садахъ*, маркизь, желая переговорить съ комисаромъ, который долженъ былъ производить слѣдствіе по дѣлу Карло, пошелъ въ Таормино пѣшкомъ, потому что въ каретѣ проѣхать туда было невозможно. Комисаръ принялъ синьора Джермано со всемъ должнымъ уваженіемъ, и выслушала его очень внимательно.

—Теперь я вижу дѣло совѣтъ въ другомъ свѣтъ, сказалъ комисаръ. Паглость Франческо служить оправданіемъ отѣвленному почтальону, тѣмъ болѣе, что всѣ пакеты очень исправно доставлены по принадлежности. Я думаю такъ же, какъ и вы, синьоръ, что и разбойники и мушкетъ чистая выдумка. Мы постараемся прекратить это дѣло.

—Ваше обѣщаніе, сказалъ маркизь вставая, совершенно меня успокоиваетъ. Премного вамъ благодаренъ....

—Синьоръ, подхватилъ комисаръ, не забыли ли вы чего нибудь у меня на столѣ?

—Кажется ничего. Я взялъ и перчатки мои и трость.... всё.

—Положеніе законоослушника всегда довольно опасно, продолжалъ комисаръ, вдругъ перемѣнивъ тонъ; и если процессъ начать *закономъ* порядкомъ, то ходъ его ужь трудно остановить.

Это ужь слишкомъ нагло, сказалъ маркизь. Если дѣло пойдетъ въ ходъ, я самъ явлюсь въ судъ свидѣтелемъ, и обнаружу такія подробности, которыя будутъ не выгодны для *законоискусниковъ*. Вашъ покорный слуга, г. комисаръ.

Когда маркизъ ушелъ, комисаръ послалъ къ черту этого джаря, ровно ничего не понимающаго въ порядкѣ судебного дѣлопроизводства. Онъ бы очень желалъ придѣлаться опять къ сладствію, еслибы не боялся, что маркизъ въ самомъ дѣдѣ обнаружитъ его корыстолюбіе, и задумалъ отплатить ему за это новыми кляузами. Маркизъ съ своей стороны ни какъ не хотѣлъ прибѣгать въ справедливомъ дѣлѣ къ тѣмъ средствамъ, какія предлагали ему, и рѣшился защищать его всѣми силами. Карло скрывался между тѣмъ въ кустарникахъ, разбросанныхъ по склонамъ Этны, и, подлѣ опасеніемъ ареста, не смѣлъ выходить оттуда иначе, какъ тайкомъ, потому что маркизъ ничего не могъ для него выхлопотать, кромѣ отвѣтовъ самыхъ темныхъ и неопредѣленныхъ. Маттео и жена его, воспитанные въ страхъ Божіемъ и въ страхъ къ своимъ завоевателямъ, жителямъ Карфагенскаго полуострова, объявили прямо, что они не смѣютъ отдать свою дочь, за чловѣка, который еще не знаетъ, будетъ ли онъ обвиненъ или оправданъ судомъ. День, назначенный для свадьбы прошелъ. Цита, вздыхая поглядывала на свой въичальный нарядъ; Карло трепеталъ при одномъ видѣ жандарма, и синьоръ Джермано выходилъ изъ себя отъ всѣхъ этихъ обстоятельствъ, замедляющихъ свадьбу прекрасной парочки и препятствующихъ умноженію народонаселенія Сициліи.

Въ это же самое время окружной ижеперъ, объѣзжая свой округъ, замѣтилъ, что деревянная застава, замыкающая въѣздъ въ виллу Джермано, вышла за линію маркизова владѣнія, и вдалась въ черту большой дороги, идущей изъ Мессины въ Катану. Произвели слѣдствіе, и маркизъ получилъ предписаніе отодвинуть заставу на три шага. Такая строгость была тѣмъ несправедливѣе, что дорога, худо содержанная и изрытая горными потоками, не могла имѣть определенной черты, и по временамъ суживалась, по временамъ расширялась глядя потому, гдѣ накатывали себѣ слѣдъ экипажи, провзажающіе вдоль морскаго берега. Маркизъ отправился самъ на мѣсто, сдѣлалъ повѣрку и нашелъ, что застава дѣйствительно вышла за черту—только на одинъ шагъ, а не на три. При себѣ онъ назначилъ новыя мѣста для столбовъ, и тотчасъ же приказалъ перенести заставу на настоящую черту. Ему снова подтвердили, чтобы онъ исполнилъ вѣрнее предписаніе въ точности и отодвинулъ заставу на три шага. Онъ не послушался, и изъ этого начался процессъ. Дѣло было поручено съ его стороны искуснѣшему адвокату. Въ тотъ день, когда адвокатъ защищалъ его въ судѣ, синьоръ Джермано сидѣлъ подлѣ навѣсомъ одной мессинской кофейной и пилъ лимонадъ. Толпа любопытныхъ собралась вокругъ него. Капу-

цивильнй монахъ, часто находившій гостепрїимство въ виллѣ Джермана, подсѣлъ къ нему и сказалъ потихоньку:

— Сынъ мой, не ужели это правда, что вы, котораго считаютъ самымъ умнымъ и ученымъ, человекомъ во всей Сициліи, тягаетесь за простую деревянную околицу?

— Отецъ мой, отвѣчалъ маркизъ, я далеко не такъ уменъ, какъ обо мнѣ думаютъ, и пора ужъ выдти всемъ изъ этого заблужденія. Ахъ, еслибъ вы знали, сколько глупыхъ мыслей заноситъ въ мою голову злойный Сирокко! Скажите мнѣ, можно ли считать умнымъ человека, который, влюбившись въ дочь своего фермера, хлопочетъ только о томъ, чтобы выдать ее за мужъ за простаго погонщика муловъ, — не потому, чтобы онъ пересталъ любить ее, но потому, что онъ любить еще сильнѣе, чѣмъ эту дѣвушку, другую вещь, любить не чувствами любовника, но чувствомъ сына къ своей отчизнѣ? Какъ вы думаете, умно это?

— Можетъ быть и умно, отвѣчалъ капуцинъ; объ этомъ нельзя судить поверхностно и не зная вполнѣ всѣхъ вашихъ мыслей. Но что значитъ для васъ два шага земли и дрянная застава? Стоитъ ли изъ-за этого тягаться и давать поводъ къ толкамъ цѣлому городу?

— Въ этомъ отношеніи то же надобно знать вполнѣ мою мысль, чтобы судить о томъ, какъ важна для меня эта деревянная застава, сказалъ маркизъ. Отъ рѣшенія этого процесса зависить все мое состояніе, мои будущія отношенія къ людямъ и, можетъ быть, самая моя свобода. Но вотъ и мой адвокатъ. Мы сей часъ узнаемъ, чѣмъ рѣшилась моя судьба.

Адвокатъ объявилъ, что его клиентъ приговоренъ къ штрафу въ шестнадцать *tari* (около восьми франковъ).

— Шестнадцать *tari*! вскричалъ маркизъ, это ужъ слишкомъ много! Гдѣ-жъ я возьму шестнадцать *tari*? О Боже мой, что же я стану дѣлать? Я разоренъ, я лишенъ пристанища, я теперь настоящій Сициліецъ! Мнѣ остается только прибѣгнуть къ моему другу, князю ***. Только его огромное богатство и его великодушіе могутъ вывести меня изъ этого ужаснаго положенія, въ какомъ я никогда еще не бывалъ.

Всѣ присутствующіе считали это шуткой, которая смѣшила ихъ. Но маркизъ, пробывъ довольно долго у князя ***, возвратился опять въ ту же кофейную, сѣлъ въ углу, и началъ говорить самъ съ собой, сопровождая свой разговоръ жестами, обличающими сильное внутреннее волненіе. Его спросили шута, успѣлъ ли онъ сдѣлать заемъ въ шестнадцать *tari*?

— Я хлопоталъ объ этомъ, обдумывалъ, отвѣчалъ онъ, совѣтовался

съ княземъ, и то, что я предвидѣлъ, сбылось : я не въ состоянiи заплатить штрафъ и всѣ издержки процесса. Очень знаю, что это можетъ показаться невѣроятнымъ, но я объясню дѣло отцу капуцину, и, когда онъ меня выслушаетъ, тогда всѣ любопытные могутъ обратиться къ нему. А мнѣ предстоитъ много хлопотъ.

Въ продолженiи пяти-минутнаго разговора, капуцинъ, казалось, совершенно появлялъ тайну словъ и поступковъ маркиза. Съ важнымъ видомъ онъ сказалъ всѣмъ присутствующимъ: — Сивьоръ Джермано не шутитъ, и совершенно правъ въ томъ, что не можетъ заплатить шестнадцати *tari*. погодите судить о немъ прежде времени.

— Понимаю ! вскричалъ одинъ молодой человекъ, бывшiй въ кофейной; тутъ ровно нѣтъ никакой тайны : маркизъ просто *mezzo-matto*.

И черезъ часъ разнеслось по всему городу, что сивьоръ Джермано *mezzo-matto*.

IV.

На другой день послѣ проигрыша своего дѣла, маркизъ очень учтиво простился со всѣми своими гостями, сдѣлавъ имъ прощальный обѣдъ, который былъ подавъ на простомъ фаянсѣ. Ножи и вилки тоже были ужъ не серебряныя, а съ простыми деревянными черенками. Онъ говорилъ, что разоренiе, грозившее ему, заставляетъ его совершенно перемѣнить образъ жизни. Послѣ обѣда, который однакожъ былъ ни чѣмъ не хуже прежнихъ, всю кухонную и столовую посуду уложили въ повозку и увезли изъ виллы. Потомъ въ продолженiе цѣлой недели телеги и повозки проѣзжали по ночамъ изъ виллы Джермана въ Галлидоро. Когда маркизу объявили приказъ объ уплатѣ штрафа и о перемѣщенiи заставы, онъ рѣшительно отвѣчалъ, что ничего не исполнить, и этотъ отвѣтъ усилилъ еще важность дѣла. Въ одно утро явились комисары для описи движимости; камердянеръ отперъ имъ двери, и лица чиновниковъ вытянулись : они во всей виллѣ не нашли ни мебели, ни посуды, ни бѣлья, ни платья, ни лошадей, ни экипажей, — ничего, кромѣ голыхъ стѣнъ. Даже полки и шкафы библиотекъ исчезли вмѣстѣ съ книгами. Койка, повѣшенная на двухъ гвоздяхъ, служила постелей хозяину дома. Въ Мессинѣ очень рѣдко можно найти предметъ для общаго разговора. Въствъ о бесполезной поѣздкѣ комисаровъ, оживила жителей этого дремлющаго города, и рассказы объ этой поѣздкѣ составили вторую главу въ исторiи маркизова процесса. Люди догадливые ужъ узнавали въ палацо князя *** картины и другiя произведенiя ис-

кустѣвъ, украшавшія прежде виллу Джермана, а на рукахъ и галстукъ того же князя узнавали перстни и бриліантовую булавку маркиза. Всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали новыкъ эпизодовъ изъ этой маленькой войны, и когда *mezzo-matto*, въ своемъ холстинномъ камзолѣ, въ своей крестьянской шляпѣ и въ башмакахъ, подбитыхъ гвоздями, показывался на улицахъ Мессины, его слова ловили на подхватъ, какъ нѣкогда въ Аѳинахъ ловили слова Тимопа мизантропа. Онъ обѣдалъ въ самой простой *trattoria* за самую дешевую цѣну, ночевалъ въ трактирѣ, и изъ одного *grano* готовъ былъ торговаться цѣлый часъ. Несмотря на то его прежніе служители не искали однакожь себѣ новыкъ мѣстъ, и постоянно были у него въ разсылкахъ. Въ одинъ день передъ кофейной, которая служила главнымъ мѣстопребываніемъ маркиза, увидѣли двухъ муловъ, приведенныхъ погонщикомъ Карло. Дагадывались, что сеньоръ Джермано собирается въ дорогу, и это взволновало наблюдателей. Толпа народа собралась около *mezzo-matto*. Въ корзины выючного мула онъ положилъ свою вислячую койку и дорожную блузу, которую недавно купилъ; на другаго мула сѣлъ самъ и раскладывая съ честной компаніей.

— *Signor marchese*, сказалъ ему одинъ весельчакъ, намъ безъ васъ будетъ скучно. Съ человѣкомъ въ шестнадцать *tari* удалется веселье изъ Мессины.

— Очень сожалѣю, отвѣчалъ маркизъ, но я ужъ довольно долго забвлялъ васъ; теперъ пора позабавить жителей Катаны.

— Какъ, вы отправляетесь въ Катану! Охота же вамъ вѣзть туда на мулѣ, тогда какъ курьеръ доведетъ бы васъ въ девять часовъ, въ покойномъ шарабанѣ!

— Да это было бы очень хорошо, еслибы я не проигралъ моей тяжбы, сказалъ маркизъ; но человѣкъ разоренный долженъ довольствоваться и муломъ или *леттигой*, которые составляютъ способъ путешествія чисто сицилійскій, немножко медленный, это правда, за то безопасный и дешевый. При томъ же мнѣ будетъ не скучно съ такимъ товарищемъ, какъ другъ мой Карло; онъ славный малый и артистъ между погонщиками. Мы совершимъ препятное путешествіе.

— Поздравляю васъ, подхватилъ весельчакъ, вы прїѣдете въ Катану черезъ мѣсяцъ, а пожалуй и раньше, только я не поручаю вамъ никакихъ комиссій. Не оттого ли вы выбираете безопасный способъ путешествія, что боитесь одѣвки вашей головы? Шестнадцать *tari*, сумма огромная.

— Когда я буду такъ-же жевать и такъ-же прощать, какъ ты, тогда, можетъ быть, и къ моей головѣ что-нибудь прибавится. А твоя голова дорога тамъ, гдѣ хороши цѣны на чурбаны. Одинокомъ мнѣ никогда; надобно поспѣть къ ночи въ Таормино.

Синьоръ Джермаю стегнулъ своего мула и пустился въ путь, распустивъ надъ собою ветхій зонтикъ, въ защиту отъ солнца. Когда онъ проѣзжалъ мимо своей виллы, онъ увидѣлъ привратника, сидящаго на обломкахъ разрушенной заставы. — Здорово, Пиппо, сказалъ маркизъ; исполнилъ ли ты мои приказанія?

— Въ совершенной точности, ваше сіятельство. Я отпустилъ работниковъ, которые отдѣлывали терасу. Многія мѣста еще не залиты мастикой, и дождь скоро пройдетъ въ комнаты. Двери и окна все еще растворены; вѣтеръ перебилъ ужъ половину стеколъ. Садовникъ не поливаетъ цвѣты и не полетъ клумбы. Коровы сосѣда Джакомо ходятъ по газону; козы объедаютъ кустарники. Если вашему сіятельству угодно будетъ на минутку зайти, вы можете статья прикажете остановить эти опустошенія.

— Дѣлай, что я тебѣ велѣлъ, Пиппо. Я знаю, что одна изъ фонтанныхъ статуй шатается: не тронь ее, пускай упадетъ въ бассейнъ. А когда она заслонитъ стокъ воды, пускай вода разольется по двору.

— Какъ угодно вашему сіятельству; только, право, у меня сердце не на мѣсть.

— Какъ быть, мой другъ, вотъ и застава наша не на мѣсть. Изломанная застава только и годится для разореннаго имѣнія.

— Понимаю, сказалъ привратникъ.

— Экселенца, прибавилъ Карло, потупивъ голову, все это дурное предвѣщаніе для моей любви.

— Другъ мой, возразилъ маркизъ, со временемъ ты узнаешь, что твоя свадьба и моя застава, твоя любовь и мой процессъ совершенно одно и то же дѣло. Если я теперь ѣду, такъ именно за тѣмъ, чтобы однимъ разомъ поправить твою и свою бѣду.

— Вашей милости больше знать. Куда вы, туда и мы.

— И прекрасно дѣлаешь, мой другъ. — Прощай, Пиппо, смотри же, до самаго моего возвращенія устроивай здѣсь все такъ, какъ тебѣ приказано.

Синьоръ Джермаю во время этого путешествія, имѣлъ полную возможность, вблизи и во всѣхъ подробностяхъ, насладиться живописными видами, которыми окружена дорога отъ Мессины до Катаны, и которыхъ онъ никакъ бы не могъ такъ хорошо обозрѣть изъ окна кареты.

Дорога эта, лежащая между горной цѣпью Этны и берегомъ Ионическаго моря, представляетъ на каждомъ шагѣ картины удивительныя. Въ окрестностяхъ Форцо передъ маркизомъ открылась извилистая дорожка, въ концѣ которой, на вершинѣ скалы, точно птичье гнѣздо, лежится Таормино.

— Теперь, сказалъ путешественникъ, пріятель Карло споетъ мнѣ что-нибудь. Въ этомъ мѣстѣ и къ концу нашего перѣзда музыка будетъ очень кстати.

Карло взялъ свою гитару, сыгралъ длинную прелюдію и заоралъ во все горло, звучнымъ и чистымъ голосомъ, протяжный романсъ своего сочиненія, который имѣлъ огромный успѣхъ и повторялся на всѣхъ дорогахъ Сициліи. Онъ былъ въ родѣ той безконечной сказки, которую Санчо Панхо, испуганный ночью стукомъ мѣльничной толчен, рассказывалъ своему знаменитому *mezzo-matto*, Рыцарю Печальнаго Образа. Только тамъ дѣло шло, помнится, о счетѣ козь, а здѣсь о счетѣ червонцевъ. Постараемся представить, по возможности, образчикъ этого произведенія сицилійскаго погонщика. Романсъ начинался такъ:

Ты продалъ мнѣ мула
Косаго и криваго,
И хромаетъ онъ одной ногой.
Червонецъ за тобой.

Чтобы дать время своему слушателю обсудить хорошенько это прекрасное вступленіе, пѣвецъ повторялъ на гитарѣ вразнужную меланхолическую ритурнель, и продолжалъ:

Онъ очень спотыкнулся,
Проклятая скотина;
Я полетѣлъ съ него долой.
Другой червонецъ за тобой.

— А до сколькихъ червонцевъ, спросилъ маркизъ, дойдетъ требованіе?

— До ста, отвѣчалъ Карло, ударяя по струнамъ гитары.

— О, сказалъ синьоръ Джермано, это долгая пѣсня.

Пѣвецъ продолжалъ:

Твой мулъ меня завезъ
Къ красавицѣ Лизетъ.
У ней добра-суддукъ пустой.
Такъ три червонца за тобой.

— Послушай, Карло, сказалъ маркизъ, если ты выкинешь ритурнель, такъ я гораздо скорѣе узнаю конецъ твоей пѣсни.

— Карло видя, что любопытство его слушателя возбуждено, не отвѣчалъ ни слова и продолжалъ и ритурнель и пѣсню.

Синьоръ Джермано, не прерывая болѣе пѣвца, какъ будто бы и самъ соглашался, что звуки гитары нисколько не отнимаютъ прелести у этой поэзіи большихъ дорогъ, и что дорожный маэстро, по своему вѣрному художническому чувству, умѣетъ въ одно и то же время дѣйствовать на слухъ и на воображеніе. Рядъ приключеній, виновникомъ которыхъ былъ уродливый мулъ, развивался какъ цѣпь, связанная изъ ста колець. Маркизь слушалъ эту эпопею очень внимательно, и когда они привѣхали въ Таормино, насчитавъ въ пѣснѣ еще только пятьдесятъ червопѣвъ, онъ очень жалѣлъ, что вѣхалъ слишкомъ скоро. Въ небольшой *locanda* подали для *mezzo-matto* порцію макаронъ съ говядиной, изъ которой и Карло получилъ свою долю.

— Никогда, сказалъ маркизь, не обѣдалъ я съ такимъ удовольствіемъ въ то время, когда у меня было на кухнѣ шесть поваровъ. Теперь подумаемъ о ночлегѣ. Ночь будетъ тепла. Повѣсь мою койку на дворѣ, подъ навѣсомъ, а тамъ чудесно усну.

Сколько ни хвалилъ трактирщикъ чистоту своихъ постелей и свое *biancheria* (*), маркизь никакъ не хотѣлъ разстаться съ своей койкой и съ навѣсомъ, гдѣ въ самомъ дѣлѣ заснулъ такъ крѣпко, что Карло съ трудомъ разбудилъ его угрозомъ. Солнце, поднимавшееся изъ моря во всемъ блескѣ своихъ лучей, предвѣщало самый звонный день. Путешественники снова отправились въ дорогу. Вторая половина романа *во сто червопѣвъ* служила имъ пріятнымъ занятіемъ на цѣлое утро. Въ Ачи-Реале соснули часика два, и на колокольнѣ свѣтой Агаты еще не благовѣстили къ вечерней молитвѣ, когда маркизь вѣхалъ уже на *Corso* славнаго города Катаны, самаго обширнаго и самаго богатаго, послѣ Палермо, во всей Сициліи. На *Corso* было множество народа. Благородныя дамы вѣхали въ открытыхъ коляскахъ къ морю; мѣщанки, одѣтыя въ черныя домино, чинно шли, какъ монахини въ процессіи, и закрывались своими капюшонами отъ нескромныхъ взоровъ студентовъ. Маркизу встрѣчалось много знакомыхъ, такъ что онъ безпрестанно раскланивался. Нѣкоторые удивлялись, что такой знатный и богатый человекъ путешествуетъ на мулъ. Но въ Катанѣ мало охотниковъ до пересудовъ и до злословія, и каждому полная свобода жить, какъ ему угодно. Заключили, что маркизь избралъ этотъ родъ путешествія именно для удобнѣйшаго обозрѣнія живописныхъ видовъ.

Синьоръ Джермано нанялъ очень скромную комнатку въ трактирѣ подъ вывѣскою *Короны*. При первомъ же своемъ выходѣ на улицу, онъ показался въ крестьянскомъ костюмѣ. Въместо кареты, нанялъ

(*) Бѣлье.

себя осла, какъ человекъ бѣдный, и на немъ сдѣлалъ нѣсколько визитовъ исключительно ученымъ и бенедиктинскимъ монахамъ. У него было много друзей и въ палацахъ Катаны, но тамъ онъ вовсе не показывался. По этому странному образу жизни думали, что онъ имѣетъ какую-нибудь причину сохранять маленькое инкогнито, или, что въ Катану завела его какая-нибудь любовная интрига. Ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ нити не хотѣлъ его стѣснять и беспокоить. Но наконецъ прїѣзжіе изъ Мессины объяснили загадку. Исторія деревянной заставы и шестнадцати *tari* развѣслась мало по малу по городу. Люди добросовѣстные и скромные, которые не хотѣли беспокоить человека влюбленнаго или занятаго дѣлами, ни сколько не совѣстились обращаться съ вопросами къ *mezzo-matto*. Скоро маркизъ очутился именно въ томъ положеніи, въ которое самъ желалъ себя поставить.

Однажды, по выходѣ отъ вечера, синьоръ Джермано заглядѣлся, вмѣстѣ съ другими, на хорошенькихъ *toppatelle*, — какъ называютъ тамъ женщинъ въ черныхъ домино. — Подъ портикомъ церкви, толпа молодыхъ дѣвушекъ обратила вниманіе на *mezzo-matto*. Смѣясь, начали онѣ между собой толковать о немъ. Но одна изъ нихъ, не принимая участія въ общемъ разговорѣ, отдѣлилась отъ болтливой толпы, и проходя мимо синьора Джермано, бросила на него такой пѣжный, сострадательный взглядъ, который, вмѣстѣ съ ея необыкновенной красотой, привлекъ къ ней любопытство маркиза.

— Синьорина, сказалъ онъ, отчего же вы не хотите позабавиться надъ человекомъ въ шестнадцать *tari*?

— Увы! сказала топателла, я вовсе не имѣю охоты смѣяться надъ кѣмъ бы то ни было. Я сама *mezza-matta* отъ горя.

— Фортуна слишкомъ сурова, если она вооружилась противъ такого существа, какъ вы. Замѣтно, что ваши прекрасные глаза сгораютъ или отъ слезъ или отъ ночной работы.

— Вы не ошибаетесь, синьоръ; я и плачу и работаю.

— Вы знаете, что встрѣча съ сумасшедшимъ такого рода, какъ я, приноситъ счастье. Отпиройте мнѣ ваше горе.

— Въ моемъ горѣ хоть то хорошо, сказала топателла что я могу его рассказать въ короткихъ словахъ и при томъ не краснѣя. Шестнадцати лѣтъ я лишилась отца и матери. Старая, бѣдная родственница приняла меня къ себѣ въ домъ; но старость сдѣлала ее брызгливой, и она безпрестанно попрекала мнѣ своимъ благодѣніемъ. Однажды, когда я ее провожала къ вечеру, она съ такимъ сердцемъ

меня бранила, что я не могла удержаться отъ слезъ и рыданій среди улицы. Молодой человекъ, шедшій за нами, все это слышалъ. Въ церкви онъ сѣлъ подлѣ меня и сказалъ мнѣ на ухо: «Кармина, я знаю, что съ вами обращаются дурно, и что вы много терпите. Подите за мужъ, и васъ не будутъ бранить. Я предлагаю вамъ мое сердце, независимость, отъ чужаго угла, и спокойствіе. Ни у васъ, ни у меня ничего нѣтъ, но мы молоды, и при томъ когда любишь, трудъ и работа становятся удовольствіемъ.» Я смотрѣла съ признательностью на говорящаго мнѣ эти слова; это былъ красивый молодой человекъ; доброта выражалась въ его глазахъ. Въмѣсто отвѣта, я подала ему руку, а онъ, возвратившись изъ церкви, тотчасъ же сказалъ моему родственницѣ, что желаетъ на мнѣ жениться. Старуха была очень рада избавиться отъ меня. Я вышла за Антоніо Алечи, и мы были счастливы до тѣхъ поръ, пока онъ былъ со мной, мой бѣдный Антоніо! Онъ работалъ на карточной фабрикѣ. Къ году у меня родился ребенокъ, который составляетъ теперь единственное мое утѣшеніе. На нашу гибель, мужу моему пришла несчастная мысль провѣдать своего двоюроднаго брата, живущаго въ Сиракузахъ; мнѣ очень не хотѣлось, чтобы онъ шелъ туда; сердце мнѣ предвѣщало недоброе. Но онъ не послушался, и черезъ три дня я получила отъ него письмо, что онъ поступилъ въ матросы. Сиракузскій родственникъ извѣстилъ меня потомъ, что мой Антоніо былъ извѣстенъ вербовщику матросовъ какъ мастеръ управлять веслами, и какъ отличный смѣльчакъ на морѣ; что вербовщикъ его заманилъ къ себѣ, и частію обманомъ, частію угрозою и побоями получилъ отъ него согласіе вступить въ службу.

— Милосердый Боже! вскричалъ маркизъ, развѣ здѣсь позволенъ насильственный наборъ въ матросы?

— Иногда дѣлается и то, что не позволено.

— Надобно было противиться, кричать....

— Съ каждымъ днемъ я изпураюсь все больше и больше, продолжала Кармина. Моему ребенку только шесть мѣсяцевъ; чтобы накормить его, мнѣ самой нужна пища, а здѣсь не щедры на подаваніе. Когда я черезъ силу работаю, мое молоко иссыхаетъ. Мнѣ надобно спать, а горе гонитъ отъ меня сонъ. Я плачу, и сама проклинаю мои слезы. Пока сосѣдка взялась посматрѣть за моимъ ребенкомъ, я ходила поставить свѣчу святой Агаты, — какъ же могла я, выходя оттуда, смѣяться надъ моимъ ближнимъ?

Проводивъ Кармину до ея дома, маркизъ попросилъ ее показать ему своего ребенка, на что она очень охотно согласилась. Онъ обо-

шелъ вокругъ колыбели, приподнялъ покрывало дитяти и съ удовольствіемъ смотрѣлъ на его свѣжія щечки и полныя ручки: — Славный мальчикъ! говорилъ онъ потирая руки. Не много найдешь такихъ дѣтей. Если онъ умретъ, это будетъ большая потеря для Сициліи. Чтобъ его сберечь, надобно прежде всего позаботиться о его матери.

Голосъ сеньора Джермано разбудилъ ребенка. Онъ открылъ глаза и громко заплакалъ. Сила его легкихъ еще больше увеличила восторгъ маркиза. Кармина, убаюывая малютку, съела за работу, но едва успѣла она сдѣлать нѣсколько стежекъ иглой, ей опять надобно было качать дитя и пѣть колыбельную пѣсню.

— Не беспокойтесь, сказалъ маркизъ; пойте за своей работой, а я буду качать колыбель.

Кармина запѣла пѣсню, которой каждый куплетъ оканчивался припѣвомъ: *Dormi puviriddu*. Мягкость сицилійскаго произношенія придавала этимъ словамъ особенную прелесть. Ребенокъ ужъ съ четверть часа спалъ очень покойно, а маркизъ все еще качалъ колыбель. Мать повернувъ къ нему голову черезъ плечо, пропѣла съ улыбкой: «Если бы увидѣли, что эксценца занимаетъ должность няньки, его бы назвали *mezzo-matto*.

Спи бядняжка мой прекрасный,
 Баньки, баю,
 Знатный баринъ самъ качаетъ
 Колыбель твою.
 Dormi puviriddu!

V.

Оттого ли, что встрѣча съ *mezzo-matto* дѣйствительно приноситъ счастье, оттого ли, что маркизъ имѣлъ особенную способность нянчить дѣтей, только и ребенку и матери со времени своего съ нимъ знакомства было очень хорошо. Глаза Кармины снова заблестали прежнимъ огнемъ, щеки загорѣлись прежнимъ румянцемъ, и сосѣди, замѣтившіе появившееся довольство въ домѣ, не знали чему приписать эту перемену. Въ одинъ вечеръ, сеньоръ Джермано объявилъ Карминѣ, что важныя и одному только ему известныя дѣла заставляютъ его ѣхать въ Сиракузы, и наменуль ей, что отъ этого путешествія зависить благосостояніе всей Сициліи. Потомъ онъ прибавилъ, что и вдали, точно такъ же какъ и вблизи, онъ будетъ заботиться о ней и о ея ребенкѣ. При этихъ словахъ игла, которой шила Кармина, вытала у нея изъ рукъ.

— Да вы вовсе сошли съ ума, сказала Кармина съ живостью; развѣ можно издали присылать тѣ утѣшенія, ту дружбу и ту заботливость, которыми вы ежеминутно поддерживаете во мнѣ бодрость, надежду и веселость? Мнѣ не столько нужна помощь, сколько ваше присутствіе.

— Чтобы не разставаться съ тѣми, кого мы любимъ, надобно за ними слѣдовать, отвѣчалъ маркизъ.

— А развѣ есть у меня средства слѣдовать за вами съ шестимѣсячнымъ ребенкомъ, и при томъ еще въ такомъ положеніи, когда я совершенно не знаю, живъ или нѣтъ мой бѣдный Антоніо.

— Это-то и должно заставить тебѣ еще скорѣе вѣхать вмѣстѣ со мной. Невидимая связь существуетъ между похищеніемъ твоего Антоніо и моимъ собственнымъ дѣломъ. День, въ который я выиграю его, будетъ днемъ тройнаго торжества. Карло, погонщикъ муловъ, этотъ силачъ съ желѣзными руками, женится на Цитѣ, красавицѣ съ стальной грудью; твой мужъ будетъ возвращенъ тебѣ, а я сброшу съ шеи этотъ несносный долгъ въ шестнадцать *tari*, который тяготѣетъ на мнѣ, какъ несносное бремя; заставляетъ меня скитаться и даже быть ослушникомъ законовъ. Деревянная застава моя опять станеть на свое мѣсто, и если, по несчастью, окажется, что твой Антоніо Алея погибъ въ морѣ, я тебѣ тотчасъ же сыщу другаго мужа, столько же нѣжнаго и любящаго, потому что твой маленькій молодецъ непременно долженъ имѣть какъ можно больше братьевъ и сестеръ. Иначе мы поссоримся, и ты не увидишь меня никогда. Это дѣло конченное: ты ѣдешь со мной въ Сиракузы.

— Вы говорите какъ *mezzo-matto*, и я ровно ничего не понимаю изъ вашихъ словъ. Но я вполне полагаюсь на васъ, и готова за вами слѣдовать хоть на край свѣта.

Чтобы доставить матери и ребенку нужное спокойствіе во время дороги, маркизъ прибавилъ къ своему поѣзду еще одного мула. Мальчика помѣстили въ одну корзину; мать сѣвши на мула, поставила ноги въ другую, и такимъ образомъ могла ухаживать за своимъ ребенкомъ и кормить его грудью во время самой дороги. Карло былъ въ восторгѣ, что служить проводникомъ такой прекрасной компании. Чтобы избѣжать наблюденій празднующейся толпы, караванъ пустился въ путь на разсвѣтѣ. Онъ выѣхалъ въ ворота Фердинанда, и былъ уже далеко, когда въ Катанѣ узнали, что *mezzo-matto* отправился вмѣстѣ съ своими странностями въ другое мѣсто. Карло своей гитарой и своими пѣснями сокращалъ время пути. На другой день

около четырех часов по полудни подковы муловъ застучали по древнему каменному помосту, устроенному Герономъ, и взорамъ путешественниковъ предетавилась могила Архимеда, посреди пустыни, усѣянной мраморными обломками. Тутъ были вѣкогда тѣ Сиракузы, которые считались великолѣпнѣйшимъ и многочислнѣйшимъ городомъ въ цѣломъ свѣтѣ. — Друзья мои, сказалъ синьоръ Джермано, у насъ еще есть свободное время. Городскія ворота запирають не прежде, какъ чъезъ часъ по захожденіи солнца, и мы можемъ здѣсь отдохнуть.

Стоя на развалинахъ Экзапилонскихъ воротъ, маркизь, скрестивъ руки, обозрѣвалъ огромное пространство, занимаемое вѣкогда Эпиполисскимъ кварталомъ. — Пустыня на три мили кругомъ, сказалъ онъ съ чувствомъ; пустыня, на которой нѣтъ ничего, кромѣ развалинъ, — а между тѣмъ мы въ Сиракузахъ, на томъ самомъ мѣстѣ, на которомъ когда-то было собрано полтора миліона людей! Привѣтствую тебя, великолѣпная столица, достойная соперница Аѳинъ и Рима! Какаа толпа на твоихъ приморскихъ гульбищахъ и рынкахъ, какое движеніе въ твоей гавани! Любуйтесь этими храмами, этими дворцами, этими образцовыми произведеніями искусства, этими безчисленными парусами, мелькающими на морѣ! Удивляйтесь этой цвѣтущей торговлѣ, этой неустрашимой арміи, которая побѣдила Альцибіада, Пикіаса, и Демосфена! О, Сиракузы! Ни въ какомъ другомъ мѣстѣ земнаго шара жизнь не можетъ быть такъ хороша и привольна, какъ подъ твоимъ свѣтлымъ, благодатнымъ небомъ! Что же удивительнаго, что такое огромное народонаселеніе кишитъ, какъ муравейникъ, въ стѣнахъ твоихъ! И кто же бы могъ повѣрить, что цивилизація перейдетъ отсюда къ грубымъ и варварскимъ народамъ Сѣвера, въ эти неплодныя страны снѣговъ, куда Цезарь отправлялъ ссыльныхъ на смерть сухоткою? Какаа нелѣпая мысль!... Спросите ученаго Архимеда, возможна ли она!... О Сиракузы! что случилось съ вами?... Вы превратились въ развалины, въ обломки развалинъ!...

Маркизь, замѣтивъ, что его дорожные товарищи смотрять на него съ безпокойствомъ, умолъ и закрылъ лицо руками. Постепенно онъ приходилъ въ какое-то изнеможеніе, какъ бы совершенно убитый тайной, безотрадной мыслью; онъ сѣлъ и наконецъ, скрестивъ на груди руки, легъ лицомъ къ землѣ. Тяжелые вздохи вырывались изъ груди его и онъ цѣловалъ древніе камни Эпиполисскихъ воротъ. Карло счелъ за нужное вспомнить своему благодѣтелю, что срочный часъ Ангелуса приближается. Маркизь всталъ, и веселость возвратилась къ нему, тогда только, когда они вѣхали на подъемной мостъ новѣйшихъ Сиракузъ,

которая есть не что иное, как древній кварталъ Ортигіа. Въ гостиницѣ *del Sole*, синьоръ Джермано завялъ очень хорошую комнату, и пошелъ пышкомъ осматривать городъ. Черезъ полчаса Карло отыскалъ его у фонтана Арегузы, гдѣ онъ, облокотясь на парапетъ, вступилъ въ шутивый разговоръ съ толпой женщинъ, моющихъ бѣлье и стоящихъ по колѣна въ водѣ.

Mezzo-matto, имѣвшій очень мало знакомыхъ въ Сиракузахъ, ужъ по этому самому нисколько не стѣснялся тамъ своей прежней репутаціей человека умнаго, ученаго и знатнаго, которую онъ рѣшился замѣнить репутаціей сумасшедшаго. Его тотчасъ же и приняла за то, чѣмъ хотѣлъ онъ казаться. Его школьническія выходки, его несвязныя рѣчи, и эта цыганская свита, которую онъ таскалъ за собой, забавляли всѣхъ. Продавецъ лимонада въ улицѣ Маестранца, въ лавку котораго приходили собирать всѣ новости о *mezzo-matto*, выручилъ по милости его много денегъ. Въ одно утро искуснѣйшій медикъ города разсказалъ въ этой кандитерской лавкѣ, что одинъ корабельный работникъ умеръ съ признаками очень похожими на холеру. Эта вѣсть встревожила всѣхъ, и навела разговоръ на прежнее посѣщеніе этого страшнаго бича человечества. Вспомнили, что въ 1837 году въ Палермо вымерла цѣлая треть народонаселенія, и что въ самыхъ Сиракузахъ убили тогда до двадцати человекъ, вѣроятно подозрѣваемыхъ въ отравленіи. Поговоривъ обо всѣхъ этихъ вещахъ, общество собравшееся въ кандитерской разошлось, и каждый въ свою очередь пошелъ разносить тревожныя вѣсти по городу.

Не за долго до того на улицахъ Сиракузскихъ появился бѣдный неаполитанецъ, странствующій музыкантъ. Онъ игралъ на *zampogna* (родъ волюнки) передъ гостиницами и тракторіями, и въ тотъ самый вечеръ, когда по городу разнесся слухъ о холерѣ, ему случилось играть передъ гостиницей *del Sole*. Маркизь, удивленный мастерской игрой этого человека, и пріятными звуками, которые онъ умѣлъ извлекать изъ своего неблагодарнаго инструмента, подошелъ къ окну послушать музыку и посмотреть на физиономію странствующаго виртуоза. Онъ увидѣлъ въ его лицѣ образецъ той мужской, классической красоты, которая часто встрѣчается въ Неаполѣ, и которой ни бѣдность, ни лишенія, ни загаръ, ни даже самая неопрятность не могутъ обезобразить. Неаполитанецъ присловившись къ стѣнѣ, заложивъ ногу одну на другую, и очень граціозно окинувшись драпировкой изтасканнаго плаща, надувалъ свою *zampogna* съ легкостью и искусствомъ опытнаго артиста. Его кроткій и покорный видъ, его стараніе правиться и забавлять возбуждали въ мар-

кизъ самоѣ живое участіе. Вдругъ музыкантъ прервалъ свою музыку на самомъ лучшемъ пассажѣ, съ ужасомъ обратилъ взоръ на толпу черни, показавшуюся изъ-за угла улицы, опрометью вбѣжалъ въ трактиръ и заперъ за собою дверь. Вслѣдъ за нимъ, съ дикими криками, подступила къ дверямъ трактира толпа, вооруженная вилами и палками. Предводитель этой неистовой шайки требовалъ, чтобъ ему выдали отравителя, для надлежащей расправы.

—Здѣсь нѣтъ никакого отравителя, сказалъ маркизъ съ балкона; а я вижу только трусовъ и невѣждъ. Не троньте бѣднаго неаполитанца.

—Намъ надобенъ *zaprognato*, и мы съищемъ его, кричала старуха, размахивая метлою. Онъ подосланъ изъ Неаполя подсыпать ядъ въ уаши фонтаны.

—Поди же, привнеси мнѣ воды изъ фонтана Аретузы, сказалъ маркизъ; если я умру отъ нея, тогда возьмите неаполитанца.

Карло, прогуливавшійся не вдалькѣ, по городскимъ укрѣпленіямъ, прибѣжалъ на шумъ. Онъ растолкалъ толпу и взошелъ на ларужное крыльцо трактира. —Слушайте того, кто съ вами говоритъ, сказалъ онъ. Это природный сициліецъ и при томъ знатный господинъ. Когда онъ приказываетъ вамъ идти, такъ ступайте.

Эта рѣчь не произвела бы никакого дѣйствія на взволнованную толпу, еслибъ Карло не прибавилъ еще, засучивъ рукава своей рубашки, что онъ раздѣляется съ ослушниками посвойски. Неустрашимость и здоровые кулаки оратора были гораздо убѣдительнѣе его краснорѣчія; толпа притихла. Воспользовавшись этой минутой нерѣшимости, маркизъ своими совѣтами и увѣщаніями окончательно утишилъ бунтъ, къ крайнему прискорбію старухи съ метлою. Во все продолженіе этой сцены, неаполитанецъ, забившійся въ уголь, стоялъ на коленяхъ и читалъ молитвы. Онъ заранѣе готовился къ неизбежной смерти и считалъ уже себя *ammazzato* (*).

—Теперь боюсь нечего, сказалъ ему маркизъ, толпа разошлась. Ты можешь остаться при мнѣ и пользоваться моимъ покровительствомъ во все время, пока пробудешь въ Сициліи.

При этихъ словахъ *zaprognato* вскочилъ на ноги не кончивъ своей молитвы, и спросилъ, почему въ мѣсяцъ сиююрь положить ему жалованья. Маркизъ предложилъ ему два піастра, столъ и квартиру.

—Экселеща, отвѣчалъ неаполитанецъ, *zaprogni* прекрасный инструментъ, но она очень тяжела для груди. За игру на ней утромъ и вечеромъ, безъ торгу, надобно положить по три піастра.

(*) Зарѣзаннмъ, убитымъ.

— Я тебѣ дамъ пять, когда прїѣду въ Мессину, сказала маркизъ, но только не иначе, какъ на отплатѣ твое въ Неаполь. Ты, я вижу, такой человѣкъ, что если поживешь съ нами подолье, такъ, пожалуй еще, всѣхъ насъ сдѣлаешь шутами.

Каковъ ни былъ однакожъ *zampognaro*, но его присутствіе еще больше оживило цыганскую жизнь маркиза. Карло, несмотря на частые споры съ *проклятымъ* неаполитанцемъ, жилъ однакожъ съ нимъ довольно дружно. Кармина, у которой былъ прїятный голосъ, выучивала его народныя пѣсни, а патрона своего онъ забавлялъ своими *lazzis*. Въ одинъ вечеръ, послѣ прогулки по окрестностямъ, маркизъ возвращался въ Сиракузы со всей своей свитой. Кармина пѣла подъ аккомпаниментъ гитары и цампоны, ребенокъ, укачиваемый ровными шагами мула, спалъ въ своей корзинѣ, какъ вдругъ раздался звонъ бубенчиковъ и колокольчиковъ. Патронъ приказалъ прервать музыку, и возобновилъ тишину въ своей свитѣ. Около морскаго берега вѣхала *леттига* (*), съ коновоемъ кавалеристовъ. Карло, какъ знатокъ въ путешествіяхъ, объявилъ, что *леттига* везетъ или знатную даму или какого-нибудь вельможу, тѣмъ болѣе, что она ѣдетъ изъ Ното, главнаго города провинціи.

— Стой! закричалъ маркизъ. Вотъ то, чего я ищу.

Lettiga, украшенная разноцвѣтной бумагой и прицѣпленная къ двумъ статнымъ муламъ, быстро приближалась. Толпа прогуливающихъ раступилась, чтобъ дать ей дорогу. Старикъ, въ генеральскомъ мундирѣ, почтеннаго вида и красивой наружности, выглянулъ въ дверцы. Поравнявшись съ синьоромъ Джермано, онъ улыбнулся въ свои сѣдые усы, и поклонился ему съ прївѣтливостью человѣка, желающаго вступить въ разговоръ. Маркизъ отвѣчалъ на поклонъ и направилъ своего мула къ экипажу.

— Не съ синьоромъ ли маркизомъ Джермано имѣю и честь говорить? спросилъ путешественникъ.

— Точно такъ, генераль.

— Очень радъ, что имѣю удовольствіе встрѣтиться съ вами, синьоръ маркизъ. Я знаю, что люди недалековидные считаютъ васъ за *mezzomatto*, но то, что я слышалъ объ васъ, сдѣлало бы честь самому умѣйшему человѣку. Мы поговоримъ объ этомъ въ Сиракузахъ, гдѣ я надѣюсь засвидѣтельствовать вамъ мое почтеніе. Слухъ о холерѣ и о случившемся здѣсь смятеніи заставилъ меня вѣхать сюда, но я еще

(*) Родъ *портшеза*, или нашей *качки*, которая прицѣпляется къ шеѣ двухъ лошадей, такъ что одна лошадь ѣдетъ впереди экипажа, а другая позади его.

въ Ното узналъ, что, благодаря вашему мужеству и благоразумію, мнѣ не много здѣсь будетъ хлопотъ.

— Ахъ, вскричалъ маркизъ, еслибы вы имѣли время меня выслушать, я бы рассказалъ вамъ много другихъ вещей, для исправленія которыхъ ваша власть была бы очень полезна! сколько слезъ могли бы отереть вы, сколько несчастныхъ могли бы сдѣлать счастливыми!

— Говорите, прошу васъ, сказалъ генераль. Встрѣчу съ вами я считаю для себя особеннымъ счастьемъ. Я стараюсь узнавать истину, и лаской, и розысками и угрозами; но изъ недоброжелательства ли, изъ страха ли, или изъ лести, только ее всегда отъ меня скрываютъ. Славу Богу! я нашелъ наконецъ человѣка прамаго, нашелъ друга.

— Я тоже долженъ благодарить Бога, что нахожу наконецъ справедливую и великодушную. Давно ищу я ихъ, странствуя изъ города въ городъ, и для того именно хотѣлъ обратить на себя вниманіе моими странностями, чтобы привлечь ихъ къ себѣ. Мнѣ не надобно ходить далеко, генераль, чтобы открыть то, что отъ васъ скрываютъ. Посмотрите на мою дорожную свиту, которую собралъ я съ памѣреніемъ. Вотъ несчастная женщина, мужа которой насильно завербовали въ матросы. Шесть мѣсяцевъ прошло съ тѣхъ поръ, и она не знаетъ даже, живъ ли онъ; а между тѣмъ безъ мужа ей плохо. Не сдѣлайся я сумасшедшимъ, — она непременно бы умерла съ голоду вмѣстѣ съ своимъ ребенкомъ. А вотъ этотъ молодой и широкоплечій погонщикъ муловъ, который держитъ въ рукахъ гитару, занималъ должность почтальона. Его лишили мѣста для того, чтобы передать должность эту неаполитанцу, па что конечно имѣли полное право, — но ему не прислали отставки, а преемникъ, смѣняя его, не хотѣлъ даже показать бумаги о своемъ опредѣленіи. Карло, при всемъ своемъ добросердечіи, не могъ равнодушно перенести такого презрѣнія, онъ отнялъ у него письма, и еще разъ исполнилъ свою должность, которая ужъ не принадлежала ему. Его арестовали; онъ ушелъ отъ жандармовъ, и вотъ съ тѣхъ поръ не могу я добиться, чтобы мнѣ сказали опредѣлительно: обвиненъ онъ или оправданъ судомъ. Я держу его постоянно при себѣ, потому что отъ меня его не смѣютъ взять по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, которыя объясню я вамъ послѣ. Между тѣмъ Карло готовился къ свадьбѣ съ прекрасной дѣвушкой, и эта свадьба отложена теперь на неопредѣленное время. Какъ же вы хотите, чтобы Сицилія имѣла шесть милліоновъ жителей, какъ во времена Страбона, когда у такой молодой и красивой женщины мужъ плавзеть по морю, а такой здоровый молодецъ не смѣетъ показаться къ своей невѣстѣ?

— Маркизь, сказалъ генераль, я вижу слезы на вашихъ глазахъ; впрошу васъ успокоиться. Мы уладимъ дѣло такъ, что и мужъ возвратится къ женѣ, и женихъ къ невѣстѣ. Но я желалъ бы знать, чѣмъ недоволенъ еще одинъ человекъ: я говорю о великодушномъ сивьоре Джермано, который, заботясь о другихъ, забываетъ о самомъ себѣ, и который спасъ *zampogaro*?

Маркизь подѣхалъ еще ближе къ экипажу генерала, и долго говорилъ съ нимъ, но такъ тихо, что никто не слышалъ его словъ. Надобно думать, что онъ разсказывалъ ему что-нибудь чрезвычайное и ужасное, потому что старшій воинъ кусалъ свои усы и грозно хмурилъ брови.

— Такъ вотъ какъ поступаютъ здѣсь! вскричалъ онъ наконецъ;— да они въ самомъ дѣлѣ думаютъ, что на нихъ ужъ нѣтъ суда и расправы! Какъ хорошо я сдѣлалъ, что пріѣхалъ сюда. Я соберу здѣсь драгоценные документы, и мы вмѣстѣ составимъ чрезвычайно любопытный рапортъ.

— погодите немного, возразилъ маркизь; однихъ словъ и жалобъ *mezzo-matto* недостаточно. Надобно собрать ясныя доказательства. Полное слѣдствіе будетъ дѣйствительнѣе моихъ показаній.

— Ненужно ни какого слѣдствія, отвѣчалъ генераль. Отъ меня, пожалуй, опять скроютъ истину. Вы сами будете диктовать мнѣ, а я буду записывать. Съ одними только вами буду совѣтоваться я въ этомъ дѣлѣ. Въ мои лѣта не ошибаются въ людяхъ, и я вижу, что одинъ только *mezzo-matto* заслуживаетъ мою довѣренность. Дайте мнѣ вашу руку; я васъ уважалъ прежде, чѣмъ встрѣтился съ вами; теперь я васъ люблю. Когда все зло, которое вы открыли мнѣ, будетъ исправлено, когда ваши молодые люди будутъ счастливы, дайте мнѣ слово возвратиться въ вашъ замокъ, собрать снова около себя ученыхъ и артистовъ, и примириться съ своимъ вѣкомъ и съ своими соотечественниками.

— Генераль, сказалъ маркизь, вы прямо попали въ пунктъ моего сумасшествія. У меня одна только слабость, одна только страсть— это любовь къ Сициліи. Я представляю ее себѣ прелестной жемчужной, одѣтой въ лохмотья. И чѣмъ бѣднѣе она, тѣмъ больше я люблю ее. Если вы, какъ Дюгея, ницете съ фонаремъ безумца, готоваго умереть въ неизвѣстности, отказавшись отъ славы, отъ богатства, отъ почестей, лишь бы только возвратить ей хоть частичку той жизни, той торговли,

того изобилія, которыми пѣвла она во времена прошедшія, — если, говорю, вы ищете такого человѣка, — вы нашли его.

— Вы будете жить, отвѣчалъ генераль, и положеніе Сициліи улучшится. Я ѣду въ Сиракузы и ожидаю васъ тамъ. Возвратитесь къ вашимъ несчастливцамъ и скажите имъ, что старый солдатъ принимаетъ въ нихъ живое участіе. До свиданія, мой любезнѣйшій Джермано. Минута моего перваго свиданія съ вами никогда не изгладится изъ моей памяти.

Впродолженіи трехъ дней генераль и маркизь занимались вмѣстѣ, въ канцеляріи вице-интендента. Наконецъ они обіялись и разстались. Одинъ отправился въ Палермо, и оттуда въ Неаполь, съ огромнымъ рапортомъ; другой, достигнувъ наконецъ давно желаемой цѣли, отвезъ Кармину въ родной ея городъ, и оттуда возвратился въ Таормино, объявивъ своему пріятелю Карло, что теперь онъ смѣло можетъ смотрѣть въ глаза всѣмъ жандармамъ на свѣтъ. Красивый погонщикъ, обмундированный съ головы до ногъ въ новенькое платье, повелъ наконецъ въ Голлидорскую церковь свою невесту, разраженную во всѣ прекрасныя вещи, которыхъ она ужъ никогда не надѣялась и надѣтъ на себя. Сердце Циты сильно трепетало подъ шелковымъ лифомъ ея вѣнчального платья. Когда маленкій золотой браслетъ, свадебный подарокъ синьора Джермано, сжалъ ея руку, ей казалось, что это рука самой фортуны схватила ее такъ крѣпко, чтобы вести къ алтарю. Нарядъ ея привелъ въ изумленіе всѣхъ сосѣдей и знакомыхъ; даже самому маркизу она, подъ своимъ свадебнымъ вуалемъ, показалась такъ хороша, что у него невольно вырвалось восклицаніе зависти, которое Карло принялъ однакожь за шутку, особенно когда маркизь, потирая отъ удовольствія руки, прибавилъ, что черезъ девять мѣсяцевъ онъ непременно надѣется крестить ребенка еще больше красиваго и здороваго, чѣмъ ребенокъ Кармины. Свадебный пиръ былъ въ деревенскомъ трактирѣ; танцы на берегу моря. Оркестръ, которымъ управлялъ *zampognaro*, состоялъ изъ волюнокъ и гитаръ. Когда совсѣмъ смерклося, старый работникъ съ пушечнаго завода пустилъ двѣ ракеты, которыя привели всѣхъ въ восхищеніе и въ трепетъ. Гомерическій обѣдъ былъ поданъ на открытомъ воздухѣ, и наконецъ тельжка, украшенная зеленью и сопровождаемая танцами и музыкой, отвезла новобрачныхъ домой.

Черезъ мѣсяць маркизь получилъ отъ генерала письмо, изъ котораго онъ прочелъ своимъ друзьямъ только слѣдующее: «Вы не можете себя вообразить, любезнѣйшій Джермано, какъ трудно сдѣлать самое малѣйшее добро, и какъ много людей, которые не любятъ добра.

Гораздо лучше и безопаснѣе молчать, чѣмъ говорить правду. Одна-кожъ надѣйтесь и ждите.» Зная благородный характеръ и громкую, заслуженную извѣстность своего знаменитаго друга, маркизь довр-чиво ожидалъ минуты торжественнаго возобновленія своей деревянной заставы и упавшей въ бассейнъ нимфы. — Онъ ждалъ; но почтовая лодка не привозила ему ничего больше.

По морскимъ бережьямъ Сициліи часто бродитъ *mezzo-matto* съ своимъ муломъ и съ своей койкой, иногда говоря какъ Сократъ, иногда какъ Пасквино. Не смотря однакожъ на кочующую жизнь его, первый ребенокъ Циты съ точностью получилъ назначенный ему пансіонъ въ пятьдесятъ дукатовъ. Мужъ Кармины возвратился въ ней, по окончаніи срока своей службы. А между тѣмъ маркизь Джермано, сначала притворившись только помѣшаннымъ, помѣшался наконецъ въ самомъ дѣлѣ, какъ принцъ Гамлетъ, и письмо генерала, которое разрѣшить возобновленіе заставы, вѣроятно придетъ уже въ то время, когда его станутъ обливать холодной водой.

жвлочж. Съ особеннымъ удовольствіемъ извѣщаемъ о выходѣ второй части Прописевъ. Этотъ дѣльный, полезный, прекрасный сборникъ, изда-ваемый г. Леонтьевымъ, поддерживаетъ свое достоинство. Исчислимъ новыя его статьи. Эдипъ Царь, трагедія Софокла, переводъ съ грече-скаго въ стихахъ, С. Д. Шестакова. Объ Эдипѣ-Царѣ Софокла, опытъ анализа П. Н. Кудрявцева. Софоклъ и его значеніе въ грече-ской трагедіи, С. Д. Шестакова. О началѣ Римской комедіи, Н. М. Благовѣщенскаго. Римскія жевщины по Тациту (Агриппина Младшая), П. Н. Кудрявцева. Древнія Римлянки. Вѣшняя обстановка древнихъ Римлянокъ: женское отдѣленіе въ римскомъ домѣ; одежда римлянокъ, обувь, наряды, украшенія, румяны, уборка волосъ прислуга и проч. П. В. Тихоновича. Мионическая Греція и Италия: I. Crote History of Creese. Т. I., II. *рецензія* П. М. Леонтьева. II. Gerlach und Vaschhofen Geschichte der Römer Bd. 1.—*рецензія* П. М. Леонтьева. Последнее время греческой независимости: I. Бабста «Государственные мужи древней Греціи въ эпоху ея распада», *рецензія* Н. М. Кудрявцева. Н. Стасюлевича «Ликургъ Аонійскій», *рецензія* П. М. Леонтьева. Германъ, статья *Ото Яна*.

Другая не менѣе интересная новость—*бюстъ Гоголя*, исполненный известнымъ скульпторомъ, академикомъ *Н. А. Рамазановымъ*. Это новое произведеніе нашего художника вполне достойно его истиннаго таланта. Голова бюста наклонена къ плечу, или, лучше сказать, поникла на грудь, что, въ некоторымъ образомъ, придаетъ задумчивость и мысль *физиономіи* великаго писателя, и вмѣстѣ съ тѣмъ выражаетъ его племенной отъзвонъ, какъ малороссіянина.

Много художественнаго такта можно замѣтить въ положеніи, постановкѣ частей бюста и игрѣ линий лица. Не смотря на то, что искусство ваянія, по сущности своей, лишено того важнаго средства выраженія, чѣмъ владѣетъ живопись, именно—глазъ, въ которыхъ высшимъ образомъ выражается внутренняя *физиономія*—душа человека, нашъ даровитый художникъ постановкою бюста, положеніемъ частей его, игрою линий, тонкостью отъѣлки въ частяхъ и цѣломъ и полной ихъ гармоніей умѣлъ выразить не только лагерротипную вѣрность и сходство формъ и чертъ лица Гоголя, но и эту, по-видимому, неуловимую, неопредѣленно проявляющуюся душу, которая сквозитъ въ чертахъ человека и опредѣлительно понимается только художникомъ. Эта-то внутренняя *физиономія* Гоголя и передана со всею артистическою точностію *Н. А. Рамазановымъ*.

Главнымъ матеріаломъ для воспроизведенія бюста служила художнику необыкновенно вѣрная маска, снятая имъ-же съ Гоголя въ первый день его кончины. Художникъ зналъ лицо покойнаго поэта и въ памяти своей запечатлѣлъ незабвенныя черты его. Кроме того, для своихъ техническихъ соображеній, при изваяніи бюста, *Н. А. Рамазановъ* имѣлъ предъ собою портретъ, написанный съ Гоголя въ Италіи живописцемъ *Ивановымъ*, принадлежащимъ *М. П. Погодину*. Гоголь, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда онъ жилъ въ Италіи, какъ говорятъ, вполне былъ схожъ съ этимъ портретомъ; но въ последнее время, вѣроятно, въ слѣдствіе болѣзни, его *физиономія* нѣсколько изменилась. Оттого-то *бюстъ* Гоголя, изваянный *Н. А. Рамазановымъ*, всякому, видѣвшему Гоголя, покажется болѣе схожимъ и вѣрнымъ, чѣмъ всѣ портреты, какимъ онъ и есть въ дѣйствительности.

Маска, снятая съ Гоголя *Н. А. Рамазановымъ*, уже известна московской публикѣ, и публика, надѣмся, будетъ ждять съ нетерпѣніемъ объявленія въ Московскихъ газетахъ о выпускѣ въ продажу *бюста Гоголя*, чтобы поспѣшить приобрести его.

Полученныя рецензіи Диссертациі г. Бибикова (*профессора Лешкова*), 2 тома Автописи Малороссійской Величка, (*А. С. Клеванова*), О новыхъ западныхъ романахъ (*г. Староврова*), повесть Райма (*А. П. Архипова*), Письмо изъ Новгорода о Губ. Вѣдомостяхъ (*Г. Купрілюва*), Кіевскіе контракты (*С. П.*), помѣщены будутъ въ слѣдующихъ книгахъ. Въ 9 номерѣ начнется печатаніемъ новый романъ г. Писемскаго.

Повесть «Ревнивецъ» будетъ окончена въ слѣдующемъ номерѣ; по непростительной ошибкѣ подъ двумя первыми ея главами, помѣщеннымъ въ 7 номерѣ, не выставлено было: окончаніе впродъ.

Объявленіе. Присылаемыя для напечатанія стихотворенія изъ Редакціи не возвращаются.

Ни въ какую переписку Редакція съ присылающими статьи не входятъ, кромѣ случаевъ, въ коихъ сама сочтетъ то нужнымъ.

Возвращенія статей, равно какъ и объясненій разнаго рода, Редакція на себя не принимаетъ, кромѣ случаевъ, въ коихъ также сама сочтетъ то нужнымъ.

На присылаемыхъ въ Редакцію статьяхъ должны быть опредѣлительно назначены требуемыя авторомъ или переводчикомъ условія, равно какъ и адресъ его.

Условія могутъ быть: авторъ желаетъ получить за всю свою статью или за печатный листъ, столько-то; также: авторъ, безъ платы, желаетъ получить столько-то оттисковъ; или отдаетъ статью безъ условій на благоусмотрѣніе редакціи; или наконецъ платы получить не желаетъ.

Статьи, присылаемыя безъ вышеписанныхъ означеній, причисляются къ послѣдней категоріи.

Статьи доставляются въ контору редакціи, (на Дмитровскъ, въ домъ Живаго, противъ Дворянскаго клуба), откуда, чрезъ два недѣли по доставленіи, авторы и переводчики, и ихъ повѣренныя, могутъ получать отвѣты, касательно помѣщенія и проч. Извѣстія о напечатаніи статей помѣщаются и въ журналъ. Редакторъ лично статей ни отъ кого не принимаетъ.

Контора Москвитинна мнѣется своимъ изданіемъ со всеми журналами и газетами, издаваемыми въ Россіи, на какомъ бы то ни было языкѣ, въ столицахъ и губернскихъ городахъ, по подписнымъ цѣнамъ, то есть дополняя плату, слѣдующую ей за свое изданіе, если вымѣняемое изданіе дороже ея собственнаго, или получая дополненіе, если его подписная цѣна ниже.

Губернскимъ ведомостямъ контора уступаетъ свое изданіе вмѣсто 16 р. 50 коп. сер. за десять, съ условіемъ—печатать имъ у себя полныя оглавленія всѣхъ выходящихъ книгъ Москвитинна. Если же какая редакція можетъ выслать конторѣ полное собраніе своихъ ведомостей съ начала изданія, то дополненія десяти руб. сер. не требуются.

Въ редакціи полученъ переводъ новаго романа Пола Феваля (Caritaine Simon), который беретъ преимущество предъ прочими произведеніями этого повѣствователя. Онъ будетъ напечатанъ немедленно, при первой возможности.

Въ N 6-й Москвитинна за 1852 г. въ Сизисѣ, въ статьѣ «Нѣсколько словъ по поводу мнѣія въ Россіи» напечатано: на стр. 61, въ строкъ 7 снизу, *простаго* вмѣсто *прочаго*; на стр. 67, въ строкъ 5 снизу, *сильныя* вмѣсто *силныя*; на стр. 68 въ строкъ 10 снизу, *лескія* вмѣсто *злбкія*; на стр. 69, въ строкъ 3-й, *но неволя не вѣ. по страню*; на стр. 70, въ строкъ 6-й снизу, *журналисты* вмѣсто *журналы*; на стр. 73, въ строкъ 18, *по качеству* вмѣсто *по количеству*.

Въ стихотвореніи Д. И. Сергіевскаго: «Цезарь», (N 7), напечатано *Барбароля*, вмѣсто *Барбароза*, и *золотомудрый* вмѣсто *золотокудрый*.

М О Д Ы.

(П А Р И Ж С К І Я).

— Золото и серебро мало того, что въ модѣ,—они производятъ истинный фуроръ; вы ихъ найдете на всемъ, на платьяхъ, а особенно на куафюрахъ. Это напоминаетъ не много мишуру и галуны полишинелей, и блески театральнѣхъ героевъ. Пора бы солнышку взглянуть на насъ и яркими лучами пристыдить этотъ женскій мишурный блескъ.

— Только молодыя дѣвицы избѣгли этой эпидеміи, и если не въ платьяхъ, то въ прическахъ и головныхъ уборахъ царствуетъ совершенная простота. Мы не говоримъ, чтобъ истинный вкусъ требовалъ совершеннаго отсутствія всякаго блеска; мы же первые скажемъ, что ничего не можетъ быть лучше къ чернымъ волосамъ гирлянды металлическихъ листьевъ, но отъ умѣреннаго употребленія до этой номаніи ко всему блестящему очень далеко. Я опишу нѣсколько простыхъ и прекрасныхъ головныхъ уборовъ для молодыхъ дѣвицъ, имѣвшихъ большой успѣхъ.

— Дѣвицы высшаго круга не дѣлаютъ даже взбитыхъ бандо, которыя, впрочемъ, мало согласуются съ скромностью и простотой—первымъ украшеніемъ молодой дѣвушки; оны предпочитаютъ мелкіе локоны на лбу. На балъ причесываются въ бандо, поверхъ которыхъ дѣлаютъ корону изъ косы.

— Бальныя платья шьютъ изъ органди, тарлатану, газу, тюлю, на шелковыхъ юбкахъ свѣтлыхъ цвѣтовъ.

— Я видѣла двухъ молодыхъ дочерей одной аристократки, которая сама недавно еще была царицей баловъ, но которая теперь отказалась отъ нихъ и живетъ успѣхами своихъ красавицъ—дочерей. Врѣтъ костюмы ихъ на балъ одной англичаики, прожившей всю эту зиму въ Парижѣ:

— Платье бѣлое тафтяное, покрытое двумя газовыми бѣлыми же юбками, обшитыми поверхъ рубца узенькимъ серебрянымъ галуномъ.—

Лифъ *busqué* (т. е. на два вершка длиннѣе талии), гладкій съ двойной бертой, обшитой галуномъ. Верхняя юбка подобрана живой бѣлой камеліей, съ ея блестящей темной зеленью. Другой камеліей застегнута берта. Третья была приколота къ волосамъ, съ лѣвой стороны.

— Другая сестра была въ розовомъ тафтяномъ платьѣ, покрытомъ тремя юбками розоваго тюлю, образующими огромныя оборки. Въ рубецъ этихъ юбокъ была продернута розовая лента; лифъ былъ сборчатый, въ видѣ вѣера, съ длиннымъ поясомъ, завязаннымъ сзади. За этимъ поясомъ былъ букетъ розъ и бѣлаго вереску. На головѣ гирлянда розъ и вереску, вплетенная въ волосы.

— Теперь перейдемъ къ другимъ нарядамъ, видѣннымъ на томъ же балѣ. — Платье изъ блѣдно-голубаго крепу-лиссъ, съ тремя кружевными оборками, приподнятыми въ нѣсколькихъ мѣстахъ бантами голубыхъ лентъ съ серебрянымъ отливомъ. Лифъ съ крутой бертой, приподнятой спереди и на плечахъ бантами тѣхъ же лентъ. За поясомъ букетъ мелкихъ махровыхъ розъ. Тѣ же цвѣты въ волосахъ, за пышными бандами.

— Другое платье изъ бѣлаго крепу-лиссъ, съ однимъ огромнымъ кружевнымъ воланомъ, пришитымъ къ платью, подъ узенькой гирляндой голубой павлинки, съ серебряными листьями. Вѣнокъ тѣхъ же цвѣтовъ на головѣ, перемѣшанныхъ съ брилліантами. Эти два наряда были на прехорошенькихъ дамахъ не болѣе двадцати лѣтъ.

— Слѣдующій костюмъ принадлежалъ молодой бельгійкѣ, не болѣе мѣсяца появившейся въ нашихъ салонахъ: — платье изъ свѣтло-сѣраго муару-антикъ, затканное букетами золотого цвѣта. Юбка двойная обшита соломеннымъ аграмантомъ. Лифъ à la Louis XI украшенъ букетомъ бутоновъ пунцовыхъ розъ. Два букета тѣхъ же пунцовыхъ бутоновъ въ черныхъ волосахъ красавицы. Этотъ немного смѣлый парадъ былъ очень граціозенъ.

— Появляются опять платья шитыя соломкой. Вотъ еще одно замѣчательное платье, замѣченное на балѣ рождественницы президента, оживленномъ его личнымъ присутствіемъ. Оно было изъ бѣлаго муара, съ кружевными оборками, оканчивающимися у передняго полотнища, сдѣланнаго въ видѣ фартука изъ атласу ярко-лиловаго цвѣта, къ которому опъ присоединялись букетами фіалокъ, пристегнутыми брилліантовыми застѣжками. На лифѣ и въ волосахъ живыя фіалки.

— Мы видѣли нѣсколько новыхъ матерій, которыя попробуемъ описать: — Первое платье, черное тафтяное, съ серизовыми атласными полосками на оборкахъ. Другое, болѣе оригинальное, было ярко-голубое,

съ клетчатыми пестрыми оборками. Далѣ платье сѣрое, съ полосами зеленого и розоваго цвѣта, и наконецъ платье свѣтло-зеленое, съ голубыми и червыми полосками.

— Между нарядными платьями мы замѣтили платье изъ гро-д'атену темнаго цвѣта съ букетами *à la Watteau*, штыми шелками. Въ-сто всякихъ украшеній огромная шитая же оборка. Вообще мало носятъ гладкихъ и одноцвѣтныхъ шелковыхъ матерій; все съ полосками, клѣтками, цвѣточками, разводами. Мало заботятся о согласіи колеровъ, соединяютъ напр. зеленый цвѣтъ съ голубымъ вопреки всѣмъ законамъ гармоніи. Оригинальность—вотъ общая цѣль. Мы видѣли напр. такое:—лифъ, рукава и верхъ юбки лиловыми полосками по бѣлому полю, которыя на оборкахъ превращаются въ крупныя клѣтки.

— Не знаемъ, для кого было сдѣлано слѣдующее платье, которое мы видѣли у одной модистки.

— Платье это называлось *robe d'Empire*. Оно было синее бархатное; лифъ очень открытый, круглый и короткій, шитый золотомъ, какъ прежде шили лифа амазонскихъ платьевъ; короткіе рукава такъ же вышиты. Юбка очень узкая, такъ, что едва есть нѣсколько складокъ на бокахъ. Сзади шлейфъ. Подбой бѣлый атласный.

— Лучше и полезнѣе будетъ поговорить о весеннихъ платьяхъ, видѣнныхъ нами въ томъ же магазинѣ:— платье бѣлое пу-де-суа, съ яркими клѣтчатыми полосками на оборкахъ, затканными атласомъ и бархатомъ; каждая оборка обшита аграмантомъ подъ цвѣтъ полосокъ. Кофточка подобная юбкѣ. Жилетъ бѣлый муаровый, съ пуговицами изъ чернаго хрусталя.

— Другое платье изъ зеленого гро-д'атену, съ бѣлыми атласными разводами. Лифъ *à la Watteau* со вставкой изъ той же матеріи, украшенной нѣсколькими бантами бѣлыхъ лентъ, съ бахромой изъ бѣлаго стекляруссу. Рукава разрѣзаны четверугольно и оканчиваются бантомъ лентъ съ стеклярусной бахромой; воротъ обшитъ рюшемъ бѣлыхъ лентъ.

— Вотъ прекрасный нарядъ для визитовъ для дамы пожилыхъ лѣтъ: шляпка изъ синихъ атласныхъ и бархатныхъ лентъ, пришитыхъ оборочками на черный тюль. Рюшь изъ черной блонды обрамливаетъ лице; мармотки—цвѣты волюбилису, сдѣланные изъ синяго бархату, съ шелковой сердцевиной. Подвязушки синія тафтяныя съ бархатными разводами. Рединготъ изъ синей тафты, шитый стеклярусомъ. Лифъ высокій открытый спереди, съ вышитыми и фестонированными отворотами. Рукава прямые, не длинныя и широкіе, шитые стеклярусомъ. Юбка съ

глубокими складками, украшенная тремя фестонированными и шитыми оборками, поверхъ которыхъ идетъ широкое шитье шелкомъ и стекларусомъ.

— Модести составленное изъ множества рядовъ узенькаго кружева, образующаго мѣшокъ на груди. Подрукавники также кружева, съ буфами, раздѣленными прошивками и оканчивающіяся кружевной манжетой, упадающей, какъ старинныя манжеты, на кисть руки.

— Въ заключеніе нарядъ для званаго объѣда, для молодой дамы:

— Бѣлый тарлатановый рединготъ, шитый *en application* розовымъ гласе; юбка распашная, лифъ высокій и совершенно открытый спереди, рукава разрываемые; подрукавники и шемизетка кружевные; чахломя изъ бѣлой тафты, затканной бѣлыми же атласными цвѣточками. Волосы приподняты *à la Chambord* мысомъ спереди; небольшая наколка *à la Marie Stuart*, вся составленная изъ бѣлаго рюша *illusion*, приколотая съ одной стороны букетомъ мелкихъ розъ, а съ другой бантомъ розовыхъ лентъ.

Вещи—малахитовый уборъ, оправленный въ золотъ, въ видѣ небольшихъ камней. Перчатки желтыя. Въ рукахъ большая махровая роза, стель которой терется въ кружевахъ платка.

ОБЪЯСНЕНІЕ КАРТИНКИ.

— Платье изъ матеріи *albanaise*, съ затканными пестрыми оборками; кофточка одинаковая; жилетъ пике; чепчикъ кружевной.

— Вечерній нарядъ—платье тюлевое, шитое и отдѣланное бархатцемъ; головной уборъ изъ цвѣтовъ и лентъ, затканныхъ золотомъ.

Печатать дозволяется. Москва, Апрѣля 15 дня, 1852 г.

Ценсоръ Д. Ржевскій.

ВЪ ТИПОГРАФИИ В. ГОТЪЕ И СТЕПАНОВОЙ.

СЕЛЬСКІЙ ПРИХОДЪ.

РОШАЦЪ

ИЗЪ ШВЕЙЦАРСКИХЪ ПРАВОВЪ.

Соч. Родольфа Шенфера.

КНИГА ПЕРВАЯ.

=

Бываютъ минуты въ жизни, когда благоприятное стеченіе обстоятельствъ какъ будто намѣрено упорочить за нами счастье. Отсутствіе страстей и тревогъ располагаетъ насъ къ наслажденію; и если ко внутреннему довольству присоединяется еще довольство матеріальное, тогда часы проходятъ самымъ пріятнымъ образомъ, и жизнь обрисовывается самыми яркими красками.

Въ такомъ именно расположеніи находились три существа, бывшія у меня передъ глазами. Въ фیزیономіи ихъ не обнаруживалось ни заботы, ни безпокойства, ни упрека совѣсти; напротивъ въ легкихъ сборкахъ шемъ усматривалось будто законное право гордости — слѣдствіе умственного довольства, въ важности поступи — независимость сердца и нравственное направленіе мысли; даже въ ту минуту, когда, пригрѣтый солнышкомъ, они заснули, — казалось, что отъ сна ихъ вѣетъ чуднымъ благоуханіемъ мира и невинности.

По всегданней склонности человѣка къ дурному, я ужъ съ минутой прицѣплялся въ нихъ камнемъ; наконецъ, сильно подстрекаемый, пустилъ ихъ въ прудъ, какъ разъ возлѣ... въ ту же секунду три головы показались изъ-за крыльевъ.

Я совѣтилъ и забылъ сказать, что это были три утки... Онѣ тамъ отдыхали, а я мечталъ, расположившись на берегу того же самаго пруда, и почти столько же счастливый, какъ и мои мирные товарищи.

Въ поляхъ полуденный часъ посвященъ тишинѣ, отдыху и размышленію. И люди, и животныя прекращаютъ труды въ то время, когда солнце лучами своими распяляетъ землю; вѣтеръ затихаетъ, трава склоняется, одни насѣкомыя не перестаютъ жужжать въ воздухѣ, оглашая его какъ бы отдаленною музыкой...

О чемъ я не думалъ! и о маломъ, и о великомъ, о вещахъ, не касавшихся меня, объ вылыхъ моему сердцу. То прислушивался къ жужжанью сверчковъ; то, лежа на спинѣ, слѣдилъ за превращеніями облаковъ, то ложился лицомъ къ землѣ и рассматривалъ въ дуплѣ нвы свѣжій мохъ, усеянный микроскопическими цвѣтами; скоро въ этомъ маломъ мірѣ я открывалъ горы, долины, тѣнистыя тропички, по которымъ прогуливалось какое-нибудь золотистое насѣкомое или неутомимъ

мый муравей. Ко всѣмъ этимъ предметамъ въ умѣ моемъ присоединялась идея таинственности и величія, и нечувствительно возносила меня отъ земли къ небу; тогда сердце сильно ощущало присутствіе Творца и внушало ему высокія мысли.

Когда же пытливый взоръ мой останавливался на горахъ, я думалъ о томъ, что за ними, объ отдаленныхъ странахъ, о песчаныхъ берегахъ, о необозримыхъ моряхъ; если же случалось на половинѣ пути наткнуться на какую-нибудь новую мысль, — я никакъ не отклонялся отъ нея, и такимъ образомъ отъ конца океана внезапно перескакивалъ на сосѣдній дугъ или на рукавъ своего платья.

Часто поглядывалъ я и на старинную приходскую церковь, шагахъ въ пятьдесятъ отъ пруда, позади меня. Какъ только, бывало, часовая стрѣлка приближается къ часу, глаза мои ужъ тутъ какъ тутъ, и съ каждой минутой поджидаютъ, что вотъ-вотъ изъ-за старинной арки колокольни отбѣится черный молотъ на лазури неба и ударится объ мѣдь. Я любилъ особенно слѣдить за звонкимъ трепетаніемъ колокола послѣ послѣдняго удара, прислушивался къ ослабѣвающимъ волнамъ звуковъ до тѣхъ поръ, пока ихъ постепенная гармонія не замирала въ тишинѣ воздуха.

Тогда я возвращался къ приходу и прихожанамъ, къ Луизѣ, и, склонивъ голову на руку, блуждалъ въ мірѣ воспоминаній, извѣстныхъ одному моему сердцу.

Возвращался къ играмъ, утѣхамъ, развлеченіямъ нашего дѣтства. Бывало, мы вмѣстѣ обрабатывали садикъ, воспитывали птичекъ, разводили огонь въ лугу, выгоняли въ поле скотину, катались на ослѣ, сбивали орѣхи, прятались въ сѣнѣ. Каждое вишневое и персиковое дерево между тѣми, которые съ юга заслоняли церковную ограду, отличалось для насъ ото всѣхъ деревьевъ на свѣтѣ тысячею воспоминаній, вмѣстѣ съ плодами возобновлявшихся для насъ съ каждымъ годомъ. Бывало — когда ребенокъ не ваклоненъ къ дурному! — я для нея таскалъ первые плоды отъ богатыхъ сосѣдей; за нее бывали у меня дѣла съ собакой и съ полевымъ сторожемъ: пока Луиза любила новинки, я былъ неисправимъ. Въ то время весь въ настоящемъ, я такъ рѣзвился, такъ неумоимо бѣгалъ и лазилъ; у меня — безпечнаго — не было тогда ни думъ, ни раздумья — развѣ иногда о полевои сторожѣ.

Но въ тотъ день, объ которомъ говорю, не полевой сторожъ занималъ меня. Прежяго ужъ и на свѣтѣ не было, а поступившій на его мѣсто былъ обо мнѣ весьма выгоднаго мнѣнія, потому что заста-

валъ меня чаще одинокимъ на берегу пруда. Этотъ человекъ очень благородно разсудилъ, что въ предпочтеніи моемъ къ пустымъ берегамъ пруда не должно быть ничего общаго съ той страстью къ плодамъ, которую онъ обязанъ былъ обуздывать. Въ самомъ дѣлѣ, я чувствовалъ какое-то необыкновенное влеченіе къ этому маленькому прудочку, не смотря на неблагоприятное безплодіе его узкихъ береговъ, и его единственную, лишнюю вѣтвей, иву. Мало по малу я присвоивалъ его въ свое владѣніе, увѣренный, что въ полдень не встрѣчу на немъ никого, кромѣ трехъ утокъ, которыхъ тихое сообщество мнѣ очень нравилось съ тѣхъ поръ, какъ ощущеніе ихъ присутствія слилось съ прелестью моихъ думъ.

Надобно сказать, что съ нѣкотораго времени, въ слѣдствіе необыкновенной во мнѣ перемены, мнѣ стало пріятнѣе думать о Луизѣ, нежели быть съ нею. Не знаю, какимъ образомъ это сдѣлалось. Казалось, что мы оставались все тѣми же дѣтьми, которые инстинктомъ отыскивали другъ друга для того, чтобъ вмѣстѣ поболтать, побѣгать, поиграть. Иногда только я замѣчалъ, что Лумза краснѣла; прежняя безпечная веселость и дѣтская наивность замѣнились большею робостью, болѣе серьезной улыбкой, болѣе задумчивымъ взглядомъ и какою-то стыдливостью. Эта таинственная перемена отозвалась и на мнѣ, — и мнѣ, хотя я зналъ Луизу съ давнихъ поръ, казалось, что я только недавно узналъ ее: отсюда рождалась какая-то робость въ обхожденіи съ нею. Около этого-то времени я началъ посѣщать прудъ, гдѣ, неразлучный съ образомъ Луизы, забывался на дѣлѣ часы. Тутъ мнѣ особенно пріятно было заглядывать въ прошедшее и прежнія воспоминанія скрашивать прелестью новыхъ ощущеній. Съ наслажденіемъ и любовью я припоминалъ всѣ случаи нашей простой сельской жизни, перебирая ихъ одно за другимъ до самыхъ отдаленныхъ, и примѣняя къ каждому настоящія свои впечатлѣнія.

Между тѣмъ меня посѣтилъ гость — воробей, перелетѣвшій на иву. Я люблю покровительствовать воробьямъ — это геройская роль для того, кто живетъ въ поляхъ, гдѣ никто терпѣть не можетъ эту птицу, и всякой умышляетъ на ея злодѣйскую жизнь, а преступленіе воробья ежедневно, какъ и потребность питаться зернами.

Я зналъ этого, и еще трехъ или четырехъ другихъ, съ которыми мы, въ свою очередь, вооружались противъ людскаго эгоизма. Хлѣба созрѣли, и на серединѣ поля водруженъ былъ огромный шестъ, накрытый продыравленной шляпой, служившей головой развѣвавшихся лохмотьевъ. Какъ ни манили воробьевъ жирныя золотистыя колосья; но они за всѣ зерна въ мѣрѣ не осмѣлились бы прикоснуться ни къ одному

изъ нихъ въ глазахъ важнаго досмотрщика. Пробираясь поленъ къ пруду, я каждый разъ не только безъ упрека совѣсти, но даже съ тайной радостью, срывалъ съ дюжину колосьевъ, разсыпалъ ихъ вокругъ себя, и любовался на воробьевъ, когда они слетались съ соседнихъ вѣтвей на эту скудную пищу и даже клевали изъ моихъ рукъ.... Возвращаясь назадъ, я не безъ гордости проходилъ мимо пугала.

Воробей, послѣ минутнаго присѣста на деревѣ, слетѣлъ къ одному изъ колосьевъ, упавшихъ возлѣ утокъ. Утки любятъ быть у себя полными хозяйками, и не потерпятъ, чтобъ ихъ обезпокоилъ какой-нибудь воробей. Сердито вытянули онѣ шею, и съ крикомъ выступали противъ легкой птицы;—та свилась уже въ воздухъ, и, съ колосомъ въ клювъ, весело влетала въ свое гнѣздышко, подѣ самымъ носомъ страшища.

Крикъ утокъ.... Переходъ думъ моихъ приписываю не столько негодованію, сколько могущественному дѣйствию сближенія нашихъ мыслей. Сильные голоса моихъ трехъ товарищей невольно перенесли мысль мою на органиста. Я не охотно думалъ объ этомъ человѣкѣ, и потому самому увѣренъ, что не одна злое намѣреніе привело меня къ этому сравненію. Я всегда, по возможности, исключалъ его изъ своихъ воспоминаній, потому что мысль о немъ тревожила меня. Въ самомъ дѣлѣ, органистъ познакомилъ меня со страхомъ, со стыдомъ, съ негодованіемъ, даже съ ненавистью и съ другими страстями, которыхъ, можетъ быть, безъ него я долго бы еще не зналъ.

Во мнѣніи многихъ онъ слылъ справедливымъ и строгимъ; мнѣ же казался жестокимъ и злымъ, хотя одна личная причина заставляла меня находить въ немъ эти свойства. Долгъ справедливости не разъ заставлялъ его доносить объ моихъ продѣлкахъ почетнымъ лицамъ округа, полевому сторожу, даже моему покровителю; онъ ославилъ меня какъ негодяя, и не всегда ограничивалъ строгость свою однимъ упрекомъ: случалось, что къ упреку онъ присоединялъ наказаніе, и тогда я испытывалъ силу его мышицъ и звонкій ударъ широкой ладони. Если бы я жилъ съ нимъ однимъ, то, можетъ быть, привыкъ бы къ такому обращенію, и, сознавая вину свою, смотрѣлъ бы на его поступки какъ на послѣдствіе справедливаго гнѣва. Но передо мной былъ другой примѣръ;нисходительность другаго человѣка составляла противоположность, передъ которой добродѣтель органиста не могла не оттолкнуть отъ себя. Такимъ образомъ для меня существовали двѣ справедливости, двѣ добродѣтели: одна суровая, гнѣвная, лишенная любви; другая —нисходительная, кроткая, достойная безцѣдельной привязанности.

Но другая, сильнѣйшая причина возстановляла меня противъ органиста. Съ тѣхъ поръ, какъ я пересталъ быть ребенкомъ, онъ не прибѣгалъ къ прежнимъ исправительнымъ мѣрамъ; но негодование его высказывалось въ сильныхъ упрекахъ и въ оскорбительной — отчасти заслуженной мною — недовѣрчивости. Не считая обязанностью быть откровеннымъ съ органистомъ, когда другому извѣстны были все мои поступки, какъ бы разрѣшенный въ собственныхъ глазахъ отъ упрека въ неправдѣ, я любилъ иногда помучить его упорствомъ. Разсердивши его однажды такимъ образомъ, я навлекъ на себя жестокое наказаніе, заставилъ органиста произнести пагубное слово, которое доказало мнѣ оскорбительное намѣреніе этого человѣка, и въ тоже время навсегда нарушило мое спокойствіе.

Однажды, когда я далъ ему понять, что не боюсь его, противопоставляя его вспышкамъ вроткое терпѣніе моего благодѣтеля: — «Господинъ Преверь слишкомъ добръ для подкидыша!» отвѣтилъ онъ мнѣ.

Я остолбенѣлъ, и поспѣшилъ отойти, чтобъ укротить волненіе, произведенное во мнѣ этими словами.

Съ тѣхъ поръ я бѣгалъ отъ него, и дни, въ которые сельскія занятія отъзывали органиста изъ дому, были для меня самыми пріятными. Съ самаго утра я ощущалъ тогда какое-то отрадное спокойствіе, придававшее особенную прелесть всемъ моимъ предпріятіямъ; тогда забывались даже роковыя слова....

Иногда, вспоминая, что этотъ человѣкъ отецъ Луизы, я начиналъ чувствовать къ нему невольное уваженіе, которому не препятствовала самая грубость органиста. Напротивъ, чѣмъ болѣе онъ меня отталкивалъ, тѣмъ лестнѣе было мнѣ наполнить раздѣлявшее насъ разстояніе преданностью, вниманіемъ, пожертвованіями; уступая требованіямъ своего сердца, я видѣлъ впереди дни свѣтлыя, безъ ненависти, и въ душѣ полюбилъ уже суроваго Рейбаса.

Все думая объ органистѣ, я перевернулся на спину, и отъ солнца надвинулъ на лицо шляпу. Лежа такимъ образомъ, я почувствовалъ легкій зудъ, который съ оконечности большого пальца медленно переходилъ вверхъ по моей правой рукѣ. Въ одиночествѣ все кажется событіемъ. Я приподнялся, и увидѣлъ маленькаго жука прекраснаго яркаго цвѣта съ черными пятнышками, изъ тѣхъ, которыхъ у насъ называютъ *пернетами*. Жучекъ шелъ изучать достопримѣчательности моей руки, добрался до перваго сгиба, и бодро продолжалъ путь. Мнѣ захотѣлось принять гостя

съ честию: замѣтивъ, что онъ не рѣшается ползти по изгибамъ кожи, я досталъ другою рукою соломенку, и перекинулъ изъ нея мостъ между большимъ и указательнымъ пальцами; — уничтоживъ преграду, я съ неизяснимымъ удовольствіемъ смотрѣлъ, какъ жучекъ пошелъ по мосту, не смотря на глубину страшной пропасти, какую должны были представляться ему внизу складки платья. Не замѣтно было однакожь, чтобъ голова у него закружилась. Но тутъ случилось несчастье — мостъ рухнулъ и увлекъ съ собою прохожаго. Со всевозможной осторожностью я поправилъ бѣду; гость мой скоро взошелъ на противоположный берегъ, и по немъ продолжалъ путь до оконечности указательнаго пальца, запачканнаго чернилами.

Чернильное пятно остановило мое вниманіе и перенесло мысли на моего покровителя.

Г. Преверь (*) былъ безвѣстный пастырь небольшого стада, разсѣяннаго по полямъ около старыхъ приходскихъ стросній. Когда я былъ ребенкомъ, то называлъ его отцомъ; потомъ узналъ, что прозванія наши не одинаковы, и вмѣстѣ со всѣми звалъ его г. Преверомъ. Когда же слова органиста открыли мнѣ истину, и когда я съ недавнихъ поръ началъ разсуждать объ ней, тутъ г. Преверь явился мнѣ совсѣмъ другимъ человекомъ — онъ сдѣлался для меня болѣе, нежели отцомъ. Съ тѣхъ поръ къ довѣрчивой любви и короткости, которую мнѣ внушала его доброта, присоединилось болѣе робкое чувство уваженія. Я безпрестанно представлялъ себѣ, какъ г. Преверь — самъ бѣдный — приютилъ брошеннаго ребенка; какъ онъ, позднѣе, извинялъ мои шалости, улыбался на мои игры, то снисходительно научалъ меня, то приводилъ къ раскаянію грустнымъ взглядомъ и видимою скорбью сердца; при всякомъ случаѣ, вниманіемъ и нѣжными заботами старался въ глазахъ постороннихъ возвысить меня съ той низкой ступени, на которую я поставленъ несчастнымъ рожденіемъ. Мысль, что въ продолженіи столькихъ лѣтъ онъ не обнаружилъ тайны этого рожденія и не пользовался правомъ моею благодарности, глубоко трогала меня и переполняла сердце любовью и уваженіемъ.

(*) При оригиналѣ, въ предисловіи отъ издателей, сказано: «образцовымъ типомъ для лица г. Препера — послужилъ г. Селлеръ, бывшій пасторомъ въ Сатпльи, близъ Женевы, проповѣди котораго, напечатанныя многими изданіями, очень извѣстны французскимъ протестантамъ. Этотъ достойный человекъ недавно умеръ (изданіе 1847 года) 82-хъ лѣтъ, что и позволяетъ намъ сдѣлать извѣстнымъ обстоятельство, объ которомъ должны бы были умолчать, чтобъ не оскорбить его скромности.»

Чѣмъ болѣе я привязывался къ г. Преверу, тѣмъ затруднительнѣе становилось для меня изъясненіе этой привязанности. Нѣсколько разъ я готовъ былъ броситься въ его объятія, предоставляя волненію и слезамъ пояснить то, чего бы не сумѣлъ или не посмѣлъ сказать, и — всякой разъ присутствіе его удерживало меня. Подлѣ него я становился неловкимъ, молчаливымъ и, по наружности, холоднымъ болѣе обыкновеннаго. Тогда, недовольный собою, я чувствовалъ необходимость возвратиться къ своему уединенію. Тутъ я вымышлялъ тысячу случаевъ, по поводу которыхъ могъ бы говорить съ нимъ, и вскорѣ, прибравши приличный языкъ, я, вслухъ, адресовалъ къ нему самыя нѣжныя рѣчи. Часто воображеніе принимало до того странный оборотъ, что я представлялъ себя опасно больнымъ, призывающимъ къ изгодовью г. Превера: съ особеннымъ чувствомъ, въ ожиданіи близкой и преждевременной смерти, я просилъ у него прощенія въ прошлыхъ проступкахъ, благословлялъ его за всѣ заботы и благодѣянія, трогательно прощался съ нимъ, и, изливая въ словахъ возрастающее волненіе, утѣшался мыслию, что слезы его смѣшиваются съ моими слезами.

Я думалъ было прибѣгнуть еще къ одному способу, такъ же странному и равно далекому отъ цѣли — рѣшился писать къ человѣку, котораго видѣлъ каждый день, съ которымъ могъ говорить каждую минуту. Мысль эта сначала показалась мнѣ необыкновенно удачною. Запершись въ своей комнатѣ, я сочинялъ множество писемъ; выбиралъ изъ нихъ то, которое мнѣ больше нравилось, и бралъ съ собою въ карманъ, чтобы самому вручить при первомъ удобномъ случаѣ. Но, съ письмомъ въ карманѣ, я всячески старался уже избѣгать г. Превера; если встрѣчалъ его одного — мѣшался, краснѣлъ, и покуда онъ разговаривалъ, въ глубинѣ кармана происходила работа: мялось и уничтожалось то самое письмо, въ которомъ высказана была тяготившая меня задуманная мысль.

Что же касается до запачканнаго чернилами пальца, то онъ носилъ на себѣ слѣды письма ниваго содержанія. Вотъ что я написалъ къ г. Преверу въ то же самое утро, и что прішель перечитывать къ пруду:

»Господинъ Преверъ!

Осмѣливаюсь на бумагѣ сказать вамъ то, чего не могъ рѣшиться передать изустно. Я нѣсколько разъ готовъ былъ повѣрить вамъ все, что у меня на сердцѣ, но не находилъ словъ.

Боюсь, не запоздалъ ли я признаніемъ и не слишкомъ ли часто огорчалъ васъ, господинъ Преверъ, своею разсѣянностью, небрежностью,

перадвѣиентъ. Скажу вамъ, что съ тѣхъ поръ, какъ шесть мѣсяцовъ тому назадъ, мы, вмѣстѣ съ Луизой, возвращались съ поздней прогулки по горамъ, — я совершенно замѣнился — кромѣ Луизы ничто не занимаетъ меня. Увѣрю васъ, господинъ Превьеръ, что переживанія эта не произвольная: я дѣлалъ надъ собою усилія, и все таки одна и та же мысль возвращается ко мнѣ непрерывно съ тысячью другихъ, которыя я вамъ сообщу, и которыя вы, безъ сомнѣнія, найдете безумными и достойными порицанія. Послѣ этого признанія, я чувствую, что бодрѣе отвѣчу на ваши вопросы.

Шарль-с

Я читалъ и перечитывалъ это письмо, съ твердымъ намѣреніемъ отдать его въ тотъ же день.

Проедшею осенью, мы, какъ-то вечеромъ, отправились вдвоемъ съ Луизой, навѣстить двухъ приходскихъ коровъ, которыя на лѣто обыкновенно отсылались къ горнымъ шалахамъ на полускляеыя горы. Дорогу мы выбрали черезъ лѣсъ; болтали безъ умолку, шалили, останавливались при малѣйшемъ предметѣ. Въ одной прогалинѣ, между прочимъ, заставили эхо кричать за нами; но по мѣрѣ того, какъ мы прислушивались къ таинственному голосу, выходившему изъ-за чаши, страхъ началъ забирать насъ; мы молча переглядывались — такъ и казалось, будто кто третій съ нами въ лѣсу.... Тогда, послушные одному общему побужденію, мы пустились бѣжать дальше, чтобъ поспѣяться потомъ надъ своимъ испугомъ.

Такимъ образомъ мы подходили къ ручью: перейти черезъ него, не замочивъ ногъ, было трудно. Я тотчасъ предложилъ Луизѣ — перенести ее на другой берегъ, что уже дѣлывалъ сто разъ. Она отказалась.... Я подивился, посмотрѣлъ на нее. Луиза покрасѣла.... Какое-то безсознательное ощущеніе заставило покрасѣть и меня.... Оба мы опустили глаза отъ стыда, до тѣхъ поръ намъ неизвѣстнаго. Я придумывалъ уже, какъ бы соорудить для нея мостъ изъ большихъ камней, но, замѣтивъ по замѣшательству и движенію ея намѣреніе разуться, долженъ былъ тотчасъ идти впередъ.

Я слышалъ за собою шелестъ ея шаговъ, но стыдъ и боязнь встрѣтиться съ ея взглядомъ, помѣшали мнѣ обернуться. Она какъ будто поняла меня, и предупредила, поровнявшись со мною; мы продолжали путь молча, не думая болѣе объ шалахахъ, оставленныхъ влѣвъ, и пошли по дорожкѣ, которая вела въ приходъ.

Между тѣмъ ночь постепенно разстилалась по равнинѣ и звѣзды засвѣтились на небѣ; вечерняя тишина прерывалась время отъ времени

то отдаленнымъ шумомъ, то однообразнымъ гукашемъ кукушки надъ нашимъ головами. Тамъ, гдѣ лѣсъ не былъ такъ частъ, луна показывалась изъ-за вѣтвей; далѣе и далѣе становилось все темнѣе и темнѣе, такъ что едва можно было отличить тропинку отъ темнаго дерева ея краевъ. Луиза шла возлѣ меня; въ кустарникѣ послышался шорохъ, и она какъ бы невольно схватилась за мою руку. Тотчасъ бодрость смѣнилась безпокойствомъ, которое я начиналъ уже раздѣлять съ нею, и сердце забилось нежданномъ наслажденіемъ.

Минута была благоприятная: она помогала намъ выдти изъ взаимнаго замѣшательства и сулила сладость примиренія; сюда еще присоединялась отрадная для меня мысль, что Луиза могла имѣть нужду въ моемъ покровительствѣ, а я могъ бы быть ея опорой. Пользуясь темнотой, которая не позволяла Луизѣ замѣтить моего волненія, я безпрестанно обращалъ глаза въ ея сторону, хотя и не могъ ее видѣть, но такъ я живѣе чувствовалъ ея присутствіе.

Наконецъ мы дошли до опушки; сводъ неба открылся передъ нами, луна насъ освѣтила, и я впалъ въ новое замѣшательство. Мнѣ казалось, что не къ чему болѣе идти объ руку съ Луизой, а между тѣмъ, если я отпущу руку, не обнаружу ли холодности или принужденности? Въ эту минуту я отъ всего сердца желалъ, чтобъ она сама освободила свою руку. Я дѣлалъ различные выводы изъ едва ощутительныхъ ея движеній пальцами, и терялся, когда моя рука слегка вздрагивала. По счастью, тутъ случилась изгородка, черезъ которую надобно было перескочить, и я тотчасъ же оставилъ руку Луизы послѣ столькихъ сильныхъ и новыхъ впечатлѣній.

Черезъ нѣсколько минутъ мы были дома.

Между тѣмъ какъ я перечитывалъ свое письмо, шумъ отворяемаго окна заставилъ меня обернуться — я увидѣлъ г. Превера, наблюдавшаго за мной изъ окна своей комнаты, и въ ту же минуту уничтожилъ письмо.

Г. Преверь не звалъ меня, но скрестивши руки, смотрѣлъ своимъ провинцательнымъ, и для насъ съ Луизой краснорѣчивымъ взглядомъ. Принѣтивши, что онъ надѣлъ шляпу и то платье, въ которомъ обыкновенно выходилъ, я рѣшился на своемъ мѣстѣ выждать, пока онъ не отойдетъ отъ окна: такъ неловко мнѣ было отъ его взгляда; но я все таки не хотѣлъ уйти, чтобъ не дать ему этого замѣтить.

Къ счастью — другъ, который часто выручалъ меня изъ бѣды, помогъ и на этотъ разъ.

Другомъ этимъ была приходская собака Дуракъ. Онъ не щеголялъ красивой наружностью, но имѣлъ понятливую фizioномію, — свободное и прямое обращеніе, заставлявшее дорожить его привязанностію. Въ щетинистой головѣ его блещали два глаза, которыхъ дикой взглядъ смягчался для меня одного выраженіемъ ласки и покорности. Сильный и заносчивый, онъ нерѣдко попадался въ бѣду. Прошедшею осеңью, нѣсколькими днями поздиѣ описанной мною прогулки, онъ возвратился изъ горъ съ цѣлымъ стадомъ, но съ однимъ ухомъ, за что и собралъ достойную дань удивленія и похвалъ всего селенія.

Я всталъ, чтобъ приласкать Дурака, и, какъ будто съ намѣреніемъ не разставаться съ нимъ, ушелъ искать себѣ другаго пріюта.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ пруда, стѣна поддерживала родъ насыпи, на которой возвышалась церковь и домъ пастора, въ зеленіи липъ и орѣшника. Мхи и разные поросты служили ковромъ этой древней стѣнѣ, и приступъ къ ней былъ загороженъ множествомъ деревьевъ и кустарниковъ, беспорядочно росшихъ въ этомъ отдаленномъ уголкѣ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ земля не такъ глубока, на поверхности росла одна трава, и такимъ образомъ въ тѣнистой зеленіи образовывались маленькія площадки.

На одной изъ такихъ площадокъ я нашелъ себѣ убѣжище. Собака бѣжала впередъ, обнюхивала землю и сгоняла птицъ, укрывавшихся въ зеленіи. Какъ только я расположился, Дуракъ присѣлъ противъ меня, и глядѣлъ пристально, какъ бы желая угадать по моимъ глазамъ, что мы будемъ дѣлать.

Я самъ не рѣшилъ еще, что мы будемъ съ нимъ дѣлать, какъ вдругъ, вблизи, послышался легкой шумъ. Я тотчасъ всталъ, отклонилъ иѣшавшія мнѣ гибкія вѣтви, и увидалъ — органиста, который наслаждался послѣобѣденнымъ отдыхомъ, лежа лицомъ къ землѣ.

Какое-то любопытство заставляло меня остановиться передъ нимъ на нѣсколько минутъ. Только на спавшаго Рейбаса я могъ глядѣть прямо и доврчиво, и пользуясь случаемъ, рассматривалъ его съ особеннымъ вниманіемъ. При видѣ его мирнаго сна сердце мое облегчалось, — нелюбовь къ человѣку терялась въ чувствѣ уваженія къ его покою. Я тихонько отошелъ, и еще тише подошелъ опять, подстрекаемый непреодолимымъ любопытствомъ.

Органистъ носилъ короткое полукафтанье изъ толстаго чернаго сукна съ двумя широкими карманами снаружи. Я замѣтилъ, что изъ одного кармана выходила до половины бумага, сложенная письмомъ. Въ

умѣ моемъ родилось странное предположеніе близкаго отношенія между этимъ письмомъ и задумчивымъ видомъ г. Превера. Неопредѣленная эта мысль послужила предлогомъ моему любопытству.

Во второй разъ я подкрадывался къ органисту уже какъ виновный: дрожалъ при малѣйшемъ шумѣ, то поднималъ глаза къверху, чтобы убѣдиться, не смотритъ ли на меня кто изъ-за деревьевъ, то быстро опускалъ ихъ, чтобы не потерять изъ вида органиста. Его короткіе черные волосы, крѣпкая шея, большія морщинистыя руки, поддерживавшія суровую и загорѣлую голову — все это внушало мнѣ страхъ, и мысль о возможности его пробужденія пугала меня.

Между тѣмъ Дуракъ, обманутый моимъ ожиданіемъ и волненіемъ, стоялъ на сторожѣ, съ поднятыми къверху ушами и лапой.... вдругъ, услышавъ шелестъ ящерицы, пробравшейся подъ сухими листьями, онъ сдѣлалъ большой скачокъ и шумно припалъ на листья.... Я стоялъ неподвижно, весь въ холодномъ поту.

Страхъ мой былъ такъ великъ, что я готовъ былъ немедленно удалиться, еслибъ новое обстоятельство не возбудило въ сильной степени моего любопытства: на письмѣ я узналъ почеркъ Луизы. Къ тому же, увѣренный, что Дуракъ нисколько не потревожилъ органиста, я оправился отъ испуга и приободрился. Оставалась одна сильная досада на Дурака, которому я угрожалъ разными краснорѣчивыми знаками, чтобы заставить его сидѣть смирно; но, замѣчая, что онъ принимаетъ дѣло въ шутку, я покончилъ свои убѣжденія, видя, съ величайшимъ прискорбіемъ, что онъ готовъ ужъ вскочить и залаять на меня.

Я подошелъ еще на шагъ.... Письмо было помято и не совсѣмъ сложено. Органистъ, вѣроятно, только прочелъ его, о чемъ свидѣтельствовали и очки, лежавшія возлѣ — на травѣ.

Но какова была моя радость, каково было мое удивленіе, когда на наружной сторонѣ письма я прочелъ написанное рукою Луизы: «Шарлю.» Мнѣ пришло на мысль взять письмо какъ мою собственность, какъ драгоцѣннѣйшее мое достояніе; но, разсудивши о послѣдствіяхъ, поколебался, и наконецъ совсѣмъ раздумалъ, когда залѣзшая въ ноздрю органиста муха заставила его пошевелинуться. Я ограничился стараніемъ прочесть что-нибудь внутри письма, между листочками, не переставая надзирать за мухами.

Одна особенно приводила меня въ отчаяніе: я спонялъ ее съ виска, она перелетала на носъ, потомъ на бровь. Дуракъ, видя мои усилія

сировадять ее, привсталъ , готовый на нее наскочить. Я долженъ былъ оставить муху, и возвратился къ письму, не упуская изъ виду и Дурака.

Чтобы отдѣлять листки , я дулъ между ними, и такимъ образомъ могъ разсмотрѣть слова, которыми оканчивались строки. Первыя , прочтенныя мной , при всей своей неясности , очень удивили меня. Вотъ они:.... «это письмо, вы будете уже далеко отъ....»

Тутъ кончалась строчка. Не ошибся ли я? кто будетъ далеко? отъ чего, отъ кого далеко? я терялся въ предположенiяхъ. Въ надеждѣ, что слѣдующiя строки откроютъ мнѣ что-нибудь, я снова приваялся за свое занятiе, и еще съ меньшимъ успѣхомъ, потому что отъ складокъ на бумагѣ концы строкъ становились еще короче, и на послѣдней я могъ различить только одно слово.

Эти отдѣльныя слова, отрывки фразъ, не пояснявши мнѣ ничего, сильно растревожили меня.

Я продолжалъ свое занятiе, и по мѣрѣ того, какъ разбиралъ, въ томъ же порядкѣ, слѣдующiя строки на внутреннемъ оборотѣ листка, переходилъ къ самымъ радостнымъ восторгамъ. Смыслъ не былъ половъ, но я видѣлъ уже довольно, чтобъ самому пополнить скрытое.

«Да, Шарль, писала она, теперь я упрекаю себя въ этомъ, но тѣмъ болѣе я привязываюсь къ вамъ, тѣмъ, казалось, упорнѣе непреодолимыя препятствiя мѣшали мнѣ обнаружить тайну сердца. Но, другъ мой, сегодня, такъ какъ....»

При этихъ словахъ я не могъ удержать слезъ, и на нѣсколько минутъ долженъ былъ прервать чтенiе; потомъ взялъ оба листка за углы, чтобы раздѣлить ихъ и прочесть далѣе.... и что же? какъ будто въ этотъ день все должно было содѣйствовать осуществленiю самыхъ завѣтныхъ моихъ мечтанiй, — я увидалъ локоны ея волосъ....

Тутъ органистъ приподнялъ голову.... я упалъ навзничь.

Испугъ лишилъ меня чувствъ: я не глядѣлъ и не дышалъ. Дуракъ, удивленный моимъ паденiемъ, подошелъ и началъ лизать мнѣ лицо: я такъ сильно ударилъ его по мордѣ, что онъ завизжалъ. Стыдъ и страхъ совершенно овладѣли мною; на всякой случай я притворился спящимъ.

Но закрывши глаза, я не осмѣливался уже раскрыть ихъ. Хотя тишина и возстановилась, я не предполагалъ, чтобъ органистъ заслулъ снова; воображенiе представляло мнѣ его на колѣняхъ, подлѣ меня, — вотъ онъ наклонился надо мной, и подозрительный взглядъ его готовъ подстеречь мою хитрость и уличить меня, какъ только я открою глаза.

Я видѣлъ его поднятую руку, мнѣ слышался его грубый голосъ, такъ что, прикованный этииъ грозными видѣніемъ, я оставался съ закрытыми глазами, и подъ совершенной неподвижностью тамъ величайшее волненіе.

Наконецъ, съ неимовѣрными усліемъ, я полураскрылъ глаза, тотчасъ же закрылъ ихъ опять, потомъ раскрылъ совсѣмъ и обернулъ голову.... Органистъ переѣнилъ положеніе и спалъ такъ же крѣпко.

Я собрался уже тихонько приподняться, какъ съ дороги послышался скрипъ телеги. Дуракъ, только что почувалъ чужаго, сильно равнулся впередъ, перескочивъ черезъ органиста. Я снова погрузился въ глубокой сонъ.

Потревоженный органистъ проворчалъ что-то, сквозь зубы, на собаку.... я ждалъ своей очереди; однакожъ, по ослабѣвавшему его голосу, началъ уже надѣяться, что бѣда миновала, какъ вдругъ что-то сильно ударило меня по ногѣ.

Новый страхъ заставлялъ меня еще крѣпче сомкнуть глаза, но не мѣшало дѣлать предположенія.. уже и теплота отъ близости страшнаго становилась ощутительною, ужасъ мой возрасталъ до крайняго предѣла, я открылъ глаза ... по ногѣ моей небрежно раскинулось длинная рука съ ея морщинистого кистью.

На этотъ разъ я рѣшительно попался какъ въ западню, не могъ сдѣлать ни малѣйшаго движенія ни впередъ, ни назадъ. При всемъ страхѣ, видя органиста въ той же неподвижности, я собрался съ силами, чтобы хладнокровно подумать, какъ бы выдти изъ такого незавиднаго положенія, какъ бы какой-нибудь искусственной подпорой замѣнить ногу, высвободить ее и убѣжать. И мысленно я бѣжалъ уже со всѣхъ ногъ, когда съ террасы послышался голосъ: г. Преверьъ звалъ меня.

Въ ту самую минуту, Дуракъ такъ же поспѣшно возвращался черезъ кустарникъ прямо ко мнѣ, задѣлъ органиста и огласилъ воздухъ лаемъ.

Органистъ всталъ, и я тоже. Первымъ движеніемъ его было убѣдиться взоромъ и осязаніемъ, что письмо на мѣстѣ; послѣ чего мы посмотрѣли другъ на друга.

— Вы здѣсь! вскричалъ онъ.

— Шарль! отозвался опять г. Преверьъ. Голосъ этотъ удержалъ органиста; онъ только что прибавилъ: «видите, скоро все кончится!»

Я освободился, дрожа какъ въ лихорадкѣ.

Лицо мое было въ такомъ безпорядкѣ, что я не смѣлъ показаться г. Преверу, и чтобы выиграть нѣсколько минутъ, пошелъ дальнимъ обходомъ. Но г. Преверъ стоялъ уже передо мной, когда я выходилъ изъ кустарника.

— Шарль, я тебя искалъ, сказалъ онъ мнѣ. Гдѣ твоя шляпа? пройдемся.

Слова эти озадачили меня: шляпа осталась подлѣ органиста; мнѣ страшно было снова подвергаться суровому взгляду, отъ котораго я только что избавился; не желая однакожъ показаться нерѣшительнымъ, вошелъ въ кустарникъ, и едва удержался на ногахъ.... подъ деревомъ, изъ-за вѣтвей, органистъ подсматривалъ за нами. Онъ подошелъ ко мнѣ, и подавая шляпу, тихимъ голосомъ сказалъ: »вотъ она, возьмите.«

Я взялъ и ушелъ, еще болѣе удивленный этимъ непривычнымъ умѣреннымъ тономъ и почти кроткимъ взглядомъ.

Я нагналъ г. Превера, и мы пошли дальше. Страхъ мой поемному разсѣявался; но по мѣрѣ того, какъ волненіе затихало, новое безпокойство возрождалось въ душѣ. Обращеніе со мной органиста, грустный видъ г. Превера, эта неожиданная прогулка — все вмѣстѣ, представившись въ умѣ, соединилось въ немъ таинственнымъ образомъ, и роковое ожиданіе удерживало мысль, нетерпѣливо порывавшуюся къ писью Луизы.

Г. Преверъ все шелъ молча. Я украдкой взглянулъ на его лице, и замѣтилъ на немъ родъ замѣшательства; въ слѣдствіе чего обычная робость моя исчезла, и я надѣялся поговорить съ нимъ наконецъ, какъ мнѣ давно хотѣлось. Я становился смѣлѣе при мысли, что, можетъ быть, и этотъ достойнѣйшій человекъ имѣетъ какую-нибудь тайную скорбь, и, можетъ быть, сдѣлаетъ меня участникомъ въ ней.

— Вы грустны, какъ я замѣчаю, г. Преверъ, сказалъ я ему, краснѣя; удостоите ли вы меня своей довѣренности.

— Да, Шарль, отвѣчалъ онъ мнѣ, ты не ошибся,—у меня есть скорбь, я повѣрю ее тебѣ, и такъ много надѣюсь на тебя, что на твоей твердости основываю свое утѣшеніе. Но пойдѣмъ дальше, прибавилъ онъ.

Эти слова меня смутили. Тысяча предположеній переплелись въ умѣ моемъ, но къ волненію присоединилось и чувство гордости, потому что слова г. Превера возвысили меня въ собственныхъ глазахъ.

У подошвы горы г. Преверъ остановился.

— Побудемъ здѣсь, сказалъ онъ, мы тутъ одни.

Ограда, образовавшаяся изъ стѣнъ старинной каменоломни, вѣстѣ съ нѣсколькими орѣшниками, освѣтляла это мѣсто прохладною тѣнью. Отсюда открывались дальнія деревни, то раскинутыя на ровномъ пространствѣ, отдѣленные одна отъ другой безчисленными плетнями, то на горахъ, то окруженные лѣсомъ и орошаемыя Роной. Еще дальше нѣсколько колоколенъ обозначали селенія, а ближе къ намъ, паслись въ лугахъ разрозненные стада. Тутъ мы съѣли.

— Шарль, спокойно сказалъ г. Преверь, если ты сколько-нибудь разсуждалъ о своемъ возрастѣ, ты не такъ удивился тому, что я хочу тебѣ сказать. Дѣтство твое кончилось, а будущность зависитъ отъ того, какъ ты употребишь свою молодость. Нужно теперь дать развитіе твоему характеру въ знакомствѣ со свѣтомъ, въ сношеніяхъ съ тебѣ подобными; надобно пополнить твое ученье новыми свѣдѣніями, усовершенствовать твои способности, чтобы мало по малу, сообразно съ усиліями, дарованіями и честнымъ поведеніемъ, приступить наконецъ къ выполненію той обязанности, которую Провидѣніе назначить тебѣ на землѣ.... Но, другъ мой, не здѣсь, не въ этой деревнѣ ...

Я со страхомъ посмотрѣлъ на него.

— Не подлѣ меня, Шарль, ты можешь найти эти новыя средства.... намъ надобно разстаться.

При послѣднихъ словахъ г. Преверь понизилъ голосъ, и замолчалъ на нѣсколько минутъ, между тѣмъ какъ я, въ борьбѣ съ самимъ собою, стоялъ неподвижно. Онъ вскорѣ продолжалъ:

— Обязанности, которыя удерживаютъ меня здѣсь, не позволяютъ мнѣ сопутствовать тебѣ и направить путь твой въ свѣтъ, какъ бы я желалъ; но можетъ быть для своего же блага, Шарль, ты попадешь въ болѣе способныя руки: другой употребить съ пользою для тебя познанія и твердость, которыхъ бы у меня не достало, и я порадуюсь на то, что онъ можетъ сдѣлать, и не упрекну въ томъ, чего бы не сумѣлъ сдѣлать самъ. Человѣкъ этотъ, котораго ты будешь уважать, — одинъ изъ моихъ друзей: онъ живетъ на моей родинѣ, въ Женевѣ, и приметъ тебя къ себѣ въ домъ. Тамъ ты будешь руководствоваться высокими примѣрами добродѣтели, которыхъ не нашель бы здѣсь, гдѣ при простотѣ и безстрастїи сельской жизни самыя благородныя свойства часто остаются безъ примѣненія. Очень трудно мнѣ, добрый другъ, разстаться съ тобою; но, какъ я уже сказалъ тебѣ, грусть моя облегчится, если ты, вѣстѣ со мной, убѣдишься въ необходимости этой разлуки. Не обманывай себя, не останавливайся при настоящихъ желаніяхъ и наклонностяхъ, смотри дальше, и не забывай никогда, что мы непре-

явно должны будемъ отдать отчетъ, соразмѣрно съ средствами, въ упущеніи собственнаго усовершенствованія и блага ближняго.

Въ то время, какъ г. Преверь говорилъ,—сожалѣнія, несбывшіяся надежды болѣзненно сжимали мое сердце до тѣхъ поръ, пока оно не тронулось скромностью его выражений и благородствомъ послѣднихъ словъ; но я не въ состояніи былъ ничего сказать, и глядя въ-землю, молча подавляя слезы. Онъ замѣтилъ мое волненіе, и продолжалъ:

— Впрочемъ, Шарль, мы разлучимся только на вѣсколко лѣтъ, по прошествіи которыхъ ты самъ изберешь себѣ дорогу. Тогда, испытавъ свои силы, ты будешь воленъ выбирать между блестящимъ положеніемъ, какое можетъ доставить тебѣ служба въ городѣ, и простымъ сельскимъ образомъ жизни, подобнымъ моему. Надѣюсь, что позднѣе Провидѣніе сблизитъ насъ, и еслибы сердце твое почувствовало влеченіе къ тому же нутю, по которому иду я, то небольшая, расположенная къ тебѣ, паства могла бы перейти прямо изъ моихъ рукъ въ твою.

Послѣднія слова радостно отозвались въ моемъ сердцѣ: въ нихъ я предугадывалъ исполненіе моего пламеннаго желанія; въ слѣдъ за ними, отчаяніе замѣнилось восторгомъ и энергіей. Новое честолюбіе овладѣло мною: мнѣ захотѣлось разлуки, трудовъ, лишеній; казалось, слишкомъ легко перенести все это, чтобъ сдѣлаться достойнымъ Луизы, чтобъ возвратиться къ ней и ей посвятить жизнь свою.

— Г. Преверь, началъ я тогда, ободренный этой мыслию; если я васъ хорошо понялъ, то слова ваши предупреждаютъ мои желанія. Но какъ вы думаете, съ исполненіемъ всѣхъ предстоящихъ обязанностей, могу ли я надѣяться, чтобъ Луиза современемъ соединила свою судьбу съ моею, и чтобъ мы могли не разлучаться съ вами? О, г. Преверь, еслибы я былъ увѣренъ въ послѣдствіяхъ моихъ трудовъ, — вѣсколко лѣтъ ничего бы не стоилъ мнѣ для достиженія цѣли, и назвалъ ли бы я жертвой то, чтѣ съ нынѣшняго дня сдѣлалось бы для меня свѣтымъ залогомъ будущаго счастья!....

Я не успѣлъ еще досказать этихъ словъ, какъ замѣтилъ уже скорбное выраженіе на лицѣ г. Превера. Тягостенъ былъ ему отвѣтъ, и онъ съ трудомъ рѣшился на него: ѡвѣтъ, сказалъ онъ мнѣ съ выраженіемъ глубокаго сочувствія, я не хочу обманывать тебя, Шарль.... надобно удалить эти мысли.... Бодрись, дитя мое.... Луиза то же самое сказала бы тебѣ. Неужели ты захочешь затруднить ее въ выборѣ между тобой и повиновеніемъ отцу?....

— Отецъ ея!.. — Тутъ страшный свѣтъ озарилъ меня, и разомъ пояснилъ все, и грусть г. Превера, и выраженіе лица органиста, и все содержаніе письма, и какъ этотъ подозрительный челоуѣкъ динилъ меня

даже утѣшениі своей дочери. — Отецъ ея! повторилъ я съ горестью, ахъ! онъ всегда ненавидѣлъ меня!

— Шарль, прервалъ г. Преверь, уважимъ его волю, права его священиы. Особенно, добрый другъ мой, остережемся ослѣпленія страсти; чтобы не приписать отцу Луизы чувствъ; ему чуждыхъ. Не станемъ добираться до причинъ; онъ могутъ быть неосновательны и вѣсть съ тѣмъ справедливы.

— Я знаю эти причины, вскричалъ я при этомъ новомъ лучѣ свѣта; я ихъ знаю! Ахъ, г. Преверь! благодѣтель, отецъ; единственный мой другъ на землѣ, — знаю, что я несчастный заброшенный ребенокъ! Тутъ я упалъ на колѣни и обѣими руками старался прикрыть безпорядокъ лица и заглушить рыданіе; скоро я почувствовалъ, что другія слезы смѣшались съ моими, и ощутилъ сладость въ самомъ отчаяніи.

Мы долго не говорили ни слова. Отчаяніе мое перешло въ болѣе тихую грусть, а видъ г. Превера заставилъ забыть о самомъ себѣ.

Прекрасное лицо его выражало скорбь до того глубокою, что она; казалось, превозмогла сильную власть его надъ собой; казалось, что слова мои лишили его плода постоянныхъ стараній о томъ, чтобы не допустить до меня и тѣни униженія; внезапно пораженный моимъ открытіемъ, онъ съ раздирающей горестью оплакивалъ участь юноши, котораго давно любилъ по челоуѣчеству, и тѣмъ нѣжнѣе, чѣмъ труднѣе становились подвиги его добродѣтели. Въ эту минуту онъ готовъ былъ даже прибѣгнуть къ изобрѣтательности; и цѣною истины, которую такъ любилъ, купить мое спокойствіе. Горсть его глубоко тронула меня; тѣмъ болѣе, что я-самъ вызвалъ ее своими необдуманннми словами — Г. Преверь, сказалъ я ему тогда со всей теплотой чувства, г. Преверь, простите, что я не воспользовался единственннмъ случаемъ доказать вамъ свою преданность. Простите меня. Раскаяніе мое докажется вамъ моимъ поведеніемъ. Я употреблю всѣ силы, чтобы воспользоваться средствами, которыя вы мнѣ предлагаете. Я полюблю вашего друга; г. Преверь.... ежедневно буду благословлять Бога за то, что Онъ поручилъ меня вашимъ попеченіямъ и сдѣлалъ меня счастливѣйшимъ изъ дѣтей. Я постараюсь забыть Луизу; полюбить ея отца. Хочу вѣхать сегодня же вечеромъ.

Покуда я такъ говорилъ, скорбь моего благодѣтеля видимо уменьшалась, и слабый лучъ радости заблестѣлъ сквозь слезы, повисшія на его рѣсницахъ. Благодарность моя вызвала на его блѣдныя щеки краску сирениости; когда волненіе прервало мой голосъ, онъ взялъ мою руку

и сжалъ ее съ чувствомъ уваженія и довольства. Потомъ имъ молча встали и грустно повернули къ приходскому дому.

Мнѣ хотѣлось встрѣтить Луизу, но мы ее не видали; ориантъ не показывался, дворъ былъ пустъ. Одинокъ только я — какъ видно было — не зная, что меня ожидало. Я вошелъ въ свою комнату, чтобы приготовить кое-что изъ платья, остальное должны были переслать мнѣ потомъ; снялъ со стѣны рисунокъ, данный мнѣ незадолго передъ тѣмъ Луизой — съ изображеніемъ пруда, его окрестности, съ нвой и съ пугаломъ, и перэгнулъ его на двое, чтобы вложить въ Библию, подаренную мнѣ г. Преверомъ въ день перваго моего причащенія: эти два предмета должны были напоминать мнѣ все, что я любилъ.

Г. Преверъ вошелъ. Мы оба были до того взволнованы, что будто по взаимному согласію откладывали минуту прощанья, растягивая время въ обыкновенныхъ разговорахъ. Наконецъ онъ подаль мнѣ что-то завернутое въ бумагу — то были два лундора и еще кое-какая монета. Онъ обнялъ меня, слезы наши смѣшались, и мы долго оставались въ объятіяхъ другъ у друга.

Было около семи часовъ, когда я выходилъ изъ прихода. Ясность вечера увеличивала мою тоску. Проходя мимо пруда, я взглянулъ на него — онъ показался мнѣ мрачнымъ; позавидовалъ тремъ уткамъ, которыя тихо успокоивались съ солнечнымъ закатомъ, увѣренныя въ свое ненарушимое счастье, и, припоминая пріятные часы, проводимыя въ ихъ обществѣ, отъ души пожалѣлъ о прошломъ. Скоро я вышелъ на дорогу.

Тогда только почувствовалъ я, что удалился отъ роднаго края, и одинъ на свѣтѣ. Отчаяніе не замедлило смѣнить болѣе сносныя чувства сожалѣнія и герести. Оставляя за собой воспоминанія, надежды, все, съ чѣмъ до тѣхъ поръ связана была жизнь моя, — я направлялся къ новому для меня свѣту, къ многолюдному городу, которому бы тысячу разъ предпочелъ самую безлюдную пустыню. Сердце не обнаруживало ни малѣйшей жизни. Что было ему мило, съ тѣмъ оно простилось; что ждало его впереди, къ тому оно чувствовало отвращеніе. Вокругъ меня даже всѣ безжизненные предметы — заборы, плетни, луга, черезъ которые проходилъ, измѣнили прежній видъ; вскольско не жалѣя объ нихъ, я спѣшилъ нати далѣе, въ надеждѣ, что мнѣ легче будетъ въ сторонѣ менѣ знакомой. Мнѣ слѣдовало проходить селеніемъ, но, увидавши нѣкоторыхъ поселянъ, наслаждавшихся у своихъ домовъ вечерней прохладой, я пошелъ по другой тропинкѣ, которая уже за селе-

нiемъ соединялась съ большой дорогой, и даже обошелъ — паспaгоса на лугу приходскаго осла.

Видъ этого стараго служителя, столько разъ возившаго Луизу подъ моимъ надзоромъ, и отблескъ заходящаго солнца на живыхъ краскахъ осенняго ландшафта — взаимнымъ дѣйствиемъ на воображенiе, затронули во мнѣ прежнiя впечатлѣнiя, и постепенно наполняли душевную пустоту, сперва неясными далекими воспоминанiями, потомъ и недавними, наконецъ довели и до утра того самаго дня, до мечтанiй у пруда, до г. Превера, до органиста и до письма, въ которомъ Луиза высказала свое сердечное признанiе. При одной мысли объ этихъ строкахъ я трепеталъ отъ радости; въ продолженiи нѣсколькихъ минутъ мнѣ казалось, что я еще счастливъ; я забывалъ, что съ каждымъ шагомъ удалялся отъ дѣвушки, въ которую перешла вся жизнь моя.

Съ пригорка я еще разъ взглянулъ на домъ и церковь, скоро готовые совсѣмъ скрыться изъ виду. Солнце, передъ закатомъ, золотило пурпуровой полосой вершины деревьевъ и стрѣлчатая верхушка старой церкви, а снѣговая тѣнь темными отливами накрывала долину, отдѣлявшую меня отъ милыхъ мѣстъ. При наступавшей вечерней свѣжести, трава склонялась, наскомья утихали, и ночныя птицы начинали уже порхать около темнаго кустарника. Вдали кое-гдѣ то пѣнiе, то мычанiе коровы, то скрипъ телѣги, возвѣщая конецъ дневныхъ трудовъ, будто заманивали на покой и приготавливали къ величественному безмолвию ночи. Дневной свѣтъ нечувствительно удалялся, и разнообразныя цвѣта луговъ исчезали въ сумеркахъ. Сердце не могло равнодушно выдержать этого зрѣлища. Я присѣлъ на краю дороги. Была какая-то трогательная прелесть въ этихъ впечатлѣнiяхъ; каждое изъ нихъ особеннымъ языкомъ говорило мнѣ о прошломъ, и усыпляло мою скорбь, навѣвая на душу какiя-то грустно-прiятныя грѣзы.

На приходскихъ часахъ пробило восемь. Подготовленные прежнимъ расположенiемъ, при этомъ знакомомъ звукѣ мысли мои перенеслись исключительно на дорогахъ мнѣ особъ. Мнѣ казалось, что я между ними, что мы расположились на старинной террасѣ, гдѣ обыкновенно сживали въ прекрасные лѣтнiе вечера, проводя ихъ иногда въ прiятныхъ разговорахъ; въ простой и возвышенной бесѣдѣ съ г. Преверомъ, иногда въ молчаливомъ благоговѣнiи передъ необозримымъ величiемъ небесъ. Я особенно любилъ эти минуты съ тѣхъ поръ, какъ новое чувство дало серьезное направленiе моимъ мыслямъ, въ таинственныхъ

сѣзяхъ которыхъ образъ Бога, полного щедротъ, часто сливался съ образомъ дѣвушки ангельской чистоты и невинности. Въ эти минуты, подъ прикрытіемъ сумерекъ, мы становились свободнѣе, смѣлѣе; если случалось, бывало, очутиться другъ воздѣ друга, то въ темнотѣ никто не могъ замѣтить ни стыда нашего, ни удовольствія; то складки ея платья раскидывались на моей рукѣ, то дыханіе ея доходило до меня — и я не могъ вообразить бѣдшаго счастья на землѣ.

Телѣга, вѣзжавшая на пригорокъ, вывела меня изъ задумчивости. Было уже поздно. Я всталъ, чтобъ идти дальше; но едва скрылась изъ виду церковь съ окружавшими ее предметами, какъ сердце мое начало надрываться отъ горести. Я обошелъ телѣгу, но когда, обернувшись, увидалъ, что и она сейчасъ исчезнетъ, и я останусь одинъ, то не могъ удержать слезъ: сошелъ съ дороги на лугъ, бросился на траву, и горько зарыдалъ. При образѣ Луизы, которой лишился навсегда, отчаяніе вырывало у меня несвязные крики: «Луиза! Луиза, ты, которая меня любила.... Ахъ, зачѣмъ я узналъ тебя!... А вы, господишъ Преверь!...» Потомъ я на время умолкалъ, разныя безразсудныя предположенія представлялись уму, и удерживали слезы до тѣхъ поръ, пока не разбивались о непреодолимую преграду уваженія моего къ самымъ предметамъ моихъ мыслей.

Когда я всталъ, ночь давно уже покрыла деревню, и чуть слышались только одно отдаленное журчаніе рѣки. Оставалось еще двѣ миля до селенія, въ которомъ мнѣ слѣдовало переночевать, по назначенію г. Превера, у одного изъ его пріятелей. Запоздавши такъ, я бы не засталъ ужъ никого на ногахъ, и долженъ бы былъ перебудить людей, нѣдъ которыхъ вообще былъ для меня невыносимъ. Отъ чего бы — думалъ я — не провести ночь здѣсь? Завтра воскресенье, я пустился бы въ путь чѣмъ свѣтъ, и пришелъ бы въ городъ къ вечеру, не имѣя дѣла ни съ кѣмъ.... Это намѣреніе, тѣшившее меня въ грусти, тотчасъ же было рѣшено, и я отошелъ къ загородкѣ, чтобъ около нея выбрать себѣ мѣстечко поуютнѣе.

Озабоченный ночлегомъ, я придумывалъ, не лучше ли бы было подойти еще поближе къ дому; но вспомнилъ, что обманулъ бы г. Превера, и тотчасъ отказался отъ этой новой мысли. Между тѣмъ самъ машинально вышелъ на дорогу и потихоньку отходилъ назадъ до вершинны пригорка. Подвигаясь впередъ, я какъ будто хитрилъ самъ съ собою, и хотя страхъ и совѣсть ежеминутно побуждали меня остановиться, я все таки прибавлялъ шагъ за шагомъ; наконецъ очутился у пруда.

Какъ все здѣсь перемѣнилось! Вмѣсто воображаемаго очарованія, которымъ жаждалъ насладиться еще хоть нѣсколько минутъ, я ощутилъ здѣсь только то горестное сознаніе, что я здѣсь чужой. Все смотрѣло такъ холодно; предметы, на которые, бывало, я такъ заглядывался, оскорбляли меня теперь. Я снова рѣшился удалиться, не зная, что мнѣ съ собой дѣлать.

Вернулся ужъ было назадъ, какъ вдругъ замѣтилъ слабый свѣтъ, падавшій на деревья; подошедши поближе, увидалъ, что свѣтъ выходилъ изъ Луизиной комнаты, и не могъ оторвать глазъ отъ тѣни ея, рисовавшейся на стѣнѣ; между тѣмъ отъ близкаго ея присутствія все одушевлялось во мнѣ и вокругъ меня.

Луиза сидѣла передъ маленькимъ столикомъ противъ окна, должно быть писала, и, можетъ быть, ко мнѣ: надежда эта утѣшила меня; но, между тѣмъ какъ я старался уловить каждое движеніе Луизиной тѣни, передо мной явилась сама Луиза. Трогательная красота ея какъ будто въ первый разъ поразила меня; сердце мое сильно забилося, и чувство нѣжности слилось съ приятными впечатлѣніями, оставленными ея письмомъ. Грустное лицо Луизы выражало одну общую намъ скорбь. Обернувшись къ зеркалу, которое висѣло надъ столомъ, Луиза выпула изъ косы гребень, и прекрасные волосы рассыпались по плечамъ. Я никогда не видалъ ее въ этой небрежной красотѣ, и ощутилъ что-то новое — и удовольствіе и стыдъ.

Въ ту минуту, какъ, подъ вліяніемъ новаго, тревожно-приятнаго чувства, я отступалъ подлѣ лампы, — дверь во дворъ открылась, и показался органистъ со свѣчей въ рукѣ. Я хотѣлъ бѣжать, но страхъ обезсилялъ меня, и я кое-какъ добрался до низенькой стѣны, огораживавшей кладбище, перелѣзъ черезъ нее, и за ней притаился, не совсѣмъ увѣренный, что не былъ замѣченъ органистомъ.

Рейбасъ постоялъ сперва подлѣ окна Луизы, будто для того, чтобъ удостовѣриться, что она еще не легла; потомъ, привлеченный, можетъ быть, шумомъ моихъ шаговъ, пошелъ впередъ. Свѣтъ мелькнулъ по верхушкамъ церковныхъ стрѣлокъ, я догадался, что органистъ подходитъ, и доползъ по травѣ до церковной двери, которую тиховько и затворилъ за собой.

Тутъ только я вздохнулъ свободно. Въ сиважины старой двери мнѣ можно было видѣть, что происходило снаружи: органистъ загасилъ свѣчу и шелъ въ потьмахъ, оглядываясь во всѣ стороны и прислушиваясь къ малѣйшему шороху; онъ медленно удалялся, и вскорѣ, по шуму, который послышался съ той стороны церкви, гдѣ жилъ орга-

нисть, я заключилъ, что онъ возвратился къ себѣ. За тѣмъ послѣдовала глубокая тишина, кромѣ меня все селеніе наслаждалось сномъ; опасность миновала.

Но страхъ мой былъ еще слишкомъ свѣжъ; я не осмѣливался выйти, да и не зналъ бы, куда идти. Такимъ образомъ я рѣшился провести въ церкви часа два, три, чтобы до разсвѣта пуститься въ дорогу. Пробило часъ. Я пошелъ съестъ на Луизино мѣсто. Усталость до того изнурила меня, что, черезъ нѣсколько минутъ, я принужденъ былъ лечь на скамью, гдѣ тотчасъ же заснулъ.

Сильный звукъ разбудилъ меня — звонъ колокола, съѣвавшей прихожанъ къ обѣдѣ. Я вскочилъ и началъ мѣтаться по церкви какъ потерянный, не зная куда мнѣ скрыться. За звономъ послѣдовала страшная тишина. Ключъ щолкнулъ въ замкъ со стороны ризницы. Я выбѣжалъ на хоры и спрятался за органъ.

Вошелъ Рейбасъ для назначенія пѣвчимъ стиховъ и для приготовленія кафедръ. Изъ отворенной двери слышно было, какъ прихожане собирались уже подъ липами; когда органистъ вышелъ туда же, я вспомнилъ, что въ это воскресенье на органѣ играть не будутъ, потому что онъ испорченъ, и спрятался въ немъ между выпуклостью клавишей и боками инструмента; разломанный стулъ приладилъ прямо противъ скамеекъ, и, загородивши себя такимъ образомъ, рѣшился тутъ выжидать своей участи, сожалья тысячу разъ, что не послушался тайнаго голоса, который еще вовремя совѣтовалъ мнѣ воротиться.

Скоро начали входить прихожане, сперва по немногу, потомъ вся галерея вокругъ меня наполнилась народомъ. Къ увеличенію моего безпокойства, собраніе оказалось многочисленнѣе обыкновеннаго; но любопытство заглушило во мнѣ тревогу, какъ скоро я слышалъ, что было предметомъ общихъ разговоровъ.

Вокругъ меня говорили о моемъ отъѣздѣ, о г. Преверь, объ органистѣ. Никто не осуждалъ послѣдняго, многіе жалѣли Луизу, другіе находили, что г. Преверь дурно сдѣлалъ, что воспиталъ меня у себя. Одинъ голосъ прибавилъ: «отъ дурной яблоньки и яблочко дурное».

— Дѣло извѣстно, подхватилъ другой голосъ, онъ родился отъ нищихъ, которые не знали, куда съ нимъ дѣться, да и подбросилъ. Г. Преверь могъ бы узнать ихъ, если бъ захотѣлъ: Клодъ, когда возвращался изъ горъ, видѣлъ мать въ дѣсу, но г. Преверь не велѣлъ ее преслѣдовать, такъ ребенокъ и остался на его рукахъ.

— «Онъ прекрасно сдѣлалъ, отозвался новымъ голосъ.—Богъ посылаетъ мнѣ его, сказалъ себѣ г. Преверь. Неужели мнѣ возвратить ребенка бродягамъ, чтобъ они забросили его въ колодезь? — Онъ его и приарѣлъ. Что жъ, развѣ дурно сдѣлалъ? По мнѣ, такъ хорошо. Правда, что у Шарля нѣтъ ни отца ни матери, и я не отдалъ бы за него своей дочери.... все таки хоть однимъ нащимъ меньше на свѣтѣ. А вѣдь, впрочемъ, надобно правду сказать — Шарль былъ добрый мальчикъ!» И эти самые поселяне, которыхъ эгоизмъ и предразсудки въ первый разъ обнаруживались передо мной, такъ охотно хвалили меня другъ передъ другомъ, что я вѣрилъ имъ, хотя и удивлялся, не зная еще до тѣхъ поръ, что и добрая душа можетъ виѣщать въ себѣ самые оскорбительные предразсудки. Слова ихъ, однакожъ, тронули меня и нѣсколько обогрѣли больное сердце.

Вошла Луиза, а нѣсколько минутъ спустя — г. Преверь. Тотчасъ разговоры прекратились, настала необыкновенная тишина. Пока г. Преверь всходилъ по ступенямъ каеэды, взоры всѣхъ устремлены были на него, съ него перешли на органиста и на Луизу. Луиза, всегда застѣнчивая, стояла наклонивши голову; поля ея шляпки скрывали отъ постороннихъ взглядовъ ея краску и волненіе.

Г. Преверь прочелъ на литургіи прекрасную молитву, которой каждое воскресенье начинается обрядъ служенія; потомъ началось пѣніе псалмовъ. Противъ обыкновенія, голоса его не было слышно; онъ сѣлъ и казался очень грустнымъ; нѣсколько разъ взглядывалъ на опустѣвшее мѣсто, на которомъ привыкъ видѣть меня, потомъ сострадательный взоръ его обращался и на Луизу, но изрѣдка, когда не опасался развлечь прихожанъ. Пѣніе кончилось, и послѣ второй молитвы; нѣкоторыя выраженія которой возбудили особенное вниманіе, г. Преверь открылъ Библію, и прочелъ эти слова: *«Кто принимаетъ единого отъ малыхъ смѣхъ, во имя Моё, Меня принимаетъ.»* Потомъ говорилъ такъ:

«Любезные прихожане!

Позвольте прервать на этотъ разъ обычный порядокъ нашихъ бесѣдъ. Надобно вамъ высказать истины, объ которыхъ нельзя болѣе молчать. Выслушайте ихъ со вниманіемъ, а я постараюсь передать ихъ безъ горечи и пристрастія.

Семнадцать лѣтъ тому назадъ, на самомъ приходскомъ дворѣ, часовъ въ одиннадцать вечера, послышался дѣтскій плачь, и мы на него поспѣшили. Это случилось при васъ, Пьеръ и Жозефъ, вы это помните. Бѣдное созданье, обернутое въ лохмотья, ооченьло отъ холода.

Мы его взяли, отогрѣли и стали искать кормилицу между приходскими матерями.... Ни одна не отказалась, ни одна не пришла; и съ той самой ночи коза наша, да, братія, — наша коза питала его своимъ молокомъ!

Милосердію Божію угодно было, чтобъ бѣдное животное передало оставленному ребенку крѣпость и здоровье; но онъ лишентъ былъ нѣжныхъ заботъ, такъ необходимыхъ въ этомъ возрастѣ; вмѣсто ласкъ, которыя вы расточаете вашимъ дѣтямъ, колыбель его стерегло неблагонамѣренное любопытство, и едва онъ вступалъ въ жизнь, какъ уже жестокой предразсудокъ тяготѣлъ надъ его невинной головою. Не правъ ли я? Или вы не помните, какъ трудно было найти между вами человѣка, готоваго передать свое имя этому дитяти и быть его воспріимникомъ при крещеніи?...

Онъ выросъ. Прекрасныя и благородныя его свойства, милый характеръ, должезъ были пріобрѣсть ему ваше расположеніе. И вы его любили, охотно призывали къ себѣ, ласкали его, и мое признательное сердце всякой разъ благословляло васъ за это.... Увы! я ошибался. Вы любили его, но не забывали пятна его рожденія.... Вы любили его, но онъ все таки былъ для васъ *подкидышемъ*.... Такъ вы называли его, и пренебрегали имъ въ гордости сердецъ вашихъ; такимъ образомъ онъ узналъ то, что такъ надобно было скрывать отъ него; вслѣдъ за этимъ униженіе омрачило его юность и отравило лучшіе дни его. Да, вы его любили, но если бъ Богу угодно было, чтобъ этотъ юноша въ нашихъ мѣстахъ снискалъ себѣ новую семью — чего бы я желалъ отъ всей души, — тогда, братія, можетъ быть, ни одинъ изъ васъ не отдалъ бы за него своей дочери!...

Я предчувствовалъ это, продолжалъ г. Проверъ смущеннымъ голосомъ, и долженъ былъ его удалить. Прибавлять ли мнѣ, что, разлучаясь съ тѣмъ, чье присутствіе облегчало для меня грустное приближеніе старости, я остаюсь одинокимъ? Такъ угодно было Богу. Я лишился избранной подруги, потерялъ единственное дитя, которое Богъ далъ мнѣ.... И на послѣднее благо мнѣ не слѣдовало рассчитывать болѣе, нежели на первыя....

Довольно объ немъ и обо мнѣ, братія. Мое упованіе въ небѣ, и его надежды обратятся туда же. Не здѣсь источникъ моей скорби и сокрушеній.... Гдѣ я? Что сдѣлалъ для васъ?... Куда привелъ васъ? Какой отчетъ отдамъ Тебѣ, Боже мой, если, послѣ двадцатилѣтняго служенія, вѣрныя мнѣ души преисполнены гордости, заглушающей въ нихъ самыя естественныя и пріятныя обязанности состраданія къ ближнему? Какъ воззрѣмъ на Тебя, Иисусе? Что отвѣтимъ Тебѣ? Гдѣ то

милосердіе, чрезъ которое мы познаемъ Тебя и ради котораго Ты обѣщала такъ много. Благодѣнь Твоя поручила попеченіямъ любящихъ Тебя одного изъ малыхъ сихъ, — и не нашлось для него между нами ни матери, ни друга: обижанный, увядлый — онъ долженъ между чужими людьми искать того, въ чемъ ему отказали свои! Найдеть ли онъ это тамъ? Увы! если несчастнаго отвергнули бѣдные деревенскіе жители; видѣвшіе его дѣтство, знавшіе и любившіе его; судите же сами, что можетъ ожидать его въ городахъ, посреди общественныхъ отлчій, у чужихъ, которые не знаютъ, подобно вамъ, его добрыхъ качествъ, но слишкомъ скоро узнаютъ объ его происхожденіи.... Ты, Господи, Ты одинъ защитишь его, мы же могли, но не хотѣли....

Милосердіе! смиреніе! чудныя добродѣтели! вы слишкомъ прекрасны для земли! Не вознеслись ли вы вмѣстѣ съ Спасителемъ въ небесную обитель! Было время, когда въ городахъ многолюдныхъ случалось находить избранныхъ, посвящавшихъ себя на служеніе вамъ.... И рѣдкіе примѣры эти заставляли меня съ болѣею надеждою обращаться къ мирной сельской жизни, полагая, что тутъ уготованъ пріютъ вамъ.... Горькое заблужденіе!... И здѣсь вы чужды, забыты, и здѣсь, какъ ни близко къ поселянину, земледѣльцу, къ праху, къ землѣ, отъ нея же взять, онъ такъ же высоко цѣнитъ свое рожденіе и презираетъ дѣтя за преступленіе родителей....

Пусть же бѣдный идетъ въ другой приходъ, пусть стучится у другихъ дверей! Здѣсь счастливый отталкиваетъ несчастнаго, богатый не принимаетъ бѣднаго, семьянинъ безсемеинаго.... Ахъ, братія, любезные братія! Такъ мало времени намъ дано на землѣ, и мы не хотимъ знать его употребленія. Такъ рѣдки случаи для добродѣтели, и мы пропускаемъ самые отрадѣйшіе для души.... Божественный Учитель такъ милостиво приподнимаетъ прелюбодѣйную жену, а ничтожныя смертныя такъ гордо, такъ жестоко унижаютъ честнаго и невиннаго юношу!...

.....

Я слишкомъ строго говорилъ съ вами, любезные прихожане, я — такой же грѣшникъ, какъ вы. Простите мнѣ. Слова, сдерживаемыя въ продолженіе столькихъ лѣтъ, срываются неумѣренно.... Вы плачете... плачете, плачете: слезы ваши не будутъ безплодны, а для меня онѣ пріятны — онѣ смываютъ съ сердца моего горечь многихъ скорбей, перенесенныхъ безъ участія, и оставляютъ въ немъ надежду, что впередъ, въ покинутомъ ребенкѣ, въ каждомъ бѣдномъ и несчастномъ вы узнаете друга Христа, дорогаго гостя, котораго Онъ вамъ посылаетъ, дѣтя, которое поручаетъ любви вашей.

.....

Если бы таковы были плоды моихъ словъ, то я не постѣговалъ бы на ихъ суровость, а напротивъ благословлялъ бы Бога, даровавшаго мнѣ спасительную силу слова. Тогда, увѣрившись, что награды, ожидающія милостивыхъ, упрочены и для васъ, я съ меньшимъ прискорбіемъ ждалъ бы своей кончины.... О много-любезные прихожане! Вступимъ безъ отлагательства на стезю спасенія, употребимъ съ пользою остатокъ дней нашихъ; приближаясь къ могилѣ, потщимся обогащаться добрыми дѣлами, чтобы, по истлѣніи тѣлъ нашихъ, Верховный Судія принялъ насъ на доно Свое,—васъ за преобразование сердецъ, меня — за приведеніе къ нему стада, предмета нѣжнѣйшей любви моей на землѣ.»

Когда я приподнялъ голову, Луизы не было, органистъ плакалъ; сквозь собственные мои обильныя слезы, г. Преверь казался мнѣ небеснымъ существомъ, къ ногамъ котораго я съ благоговѣніемъ припалъ бы въ эту минуту. Я понялъ его состраданіе, добродѣтель, великость жертвы, и прежде нежели надежда успѣла закрѣпиться въ сердце, успѣшилъ уйти изъ этихъ мѣстъ, какъ скоро могъ, не бывъ замѣченнымъ.

Три дня спустя, получаю отъ отца Луизы слѣдующее письмо:

«Шарль!

Вчера, за проповѣдью, г. Преверь говорилъ объ васъ, и все, сказанное этимъ уважаемымъ пасторомъ, глубоко тронуло меня. Послѣ проповѣди, найдя его одного у акацій, я взялъ его за руку, но говорить не могъ отъ тяжести на сердцѣ.... — Говорите, старый другъ мой, сказалъ онъ мнѣ, не показался ли я вамъ слишкомъ строгимъ?... — Не то, отвѣчалъ я ему; но съ нынѣшняго утра, даже со вчерашняго вечера, я раскаялся, господня Преверь. Въ воскресенье—для праздника приобщаться не буду, если онъ не воротится. Отдайте ему Луизу.

Мы обнялись, и я почувствовалъ, что поступилъ хорошо, за что и благодарю Бога, въ-время вразумившаго меня. Г. Преверь говорилъ мнѣ потомъ, что вы должны остаться тамъ для приобрѣтенія званія. Онъ будетъ къ вамъ писать, и Луиза напишетъ по полученіи вашего извѣщенія.

Въ доказательство чего и прилагаются вамъ, Шарль, отъ меня въ подарокъ часы, доставшіеся мнѣ отъ отца. Жанъ-Рено чистилъ ихъ, онъ совѣтуетъ на ночь не класть, а вѣшать на гвоздѣ.

Прощайте, Шарль. Будьте умны и учитесь прилежно.

Рейбасъ.»

СЕЛЬСКИЙ ПРИХОДЪ.

КНИГА ВТОРАЯ.

=

Послѣ проповѣди г. Превера, я почти безъ труда расстался съ приходомъ. Христіанское состраданіе его, слова любви и уваженія, которыми онъ, при всѣхъ, почтилъ меня, наконецъ сочувствіе приходящій, — все это сильно тронуло, оживило и ободрило меня; при мысли же, что и Луиза была свидѣтельницей всего этого, что и она слышала, какъ г. Преверь защищалъ и хвалилъ меня, сердце мое билось радостно, и я уходилъ счастливецемъ, которому, казалось, ничего не оставалось пожелать.

При входѣ въ городъ, видъ новыхъ лицъ и новыхъ предметовъ навѣялъ на меня какую то грусть. Я пришелъ къ другу г. Превера, г-ну Дерве. Это былъ человекъ лѣтъ пятидесяти; открытая его физиономія и привѣтливость помогли мнѣ выдти изъ замѣшательства. Онъ показалъ мнѣ назначенную для меня маленькую комнатку, распросилъ меня кой о чемъ, познакомилъ со своимъ домашнимъ бытомъ, и назначилъ, когда и какими предметами заниматься подъ его руководствомъ, и за какими слѣдить по публичнымъ курсамъ. По уходѣ его изъ комнаты, я разобралъ свои вещи. Со слѣдующаго же дня начался мой новый образъ жизни. Время текло, а бодрость моя ослабѣвала, и по мѣрѣ того какъ изглаживались впечатлѣнія воскреснаго событія, я начиналъ сильно грустить.

На третій день, я сидѣлъ, задумавшись, въ своей комнатѣ, когда на лѣстницѣ послышались чьи-то шаги. — »Не г. ли Дерве? подумалъ я, »не хорошо, если онъ застанетъ меня не за дѣломъ« — и скорѣе схватился за перо, открылъ книгу гдѣ попало, и ждалъ съ видомъ человека, серьезно занятаго; но ожидаемый гость, вмѣсто того чтобъ войти прямо, началъ обнюхивать полъ и скребстись въ дверь, я побѣждалъ отворить.... Въ одно мгновеніе столы, стулья, книги полетѣли на полъ: Дуракъ, — до былъ онъ, — при свиданіи со мной не умѣлъ умѣрить своей радости: онъ скакалъ, прыгалъ, лаялъ, какъ въ открытомъ полѣ.

Черные глаза его блестяли отъ удовольствія , а пушистый хвостъ гулялъ по комнатамъ , заи́тая книги , мебели, — все что ни попадало. Стыдился окружавшаго меня безпорядка , я поспѣшилъ поднять разбросанныя вещи и потомъ уже , сочувствуя восторганъ Дурака , предался вполне радости свиданія.

Вслѣдъ за нимъ вошелъ приходскій пастухъ. »Антуанъ! вскричалъ я , бросившись къ нему на шею. — Очень радъ видѣть васъ , господинъ Шарль; вѣрите ли , сударь , безъ васъ словно что оторвали отъ насъ. — Что г. Преверъ? что Луиза? — И , я вѣдъ съ вѣсточками! вотъ ящикъ , а въ немъ и письмо. — Ну , ступай теперь Антуанъ , приходи ужь.»

На надписи письма я узналъ почеркъ органиста. — Что-то въ этомъ письмѣ , думалъ я — и боялся , и радовался ; но съ первыхъ словъ волненіе мое излилось въ слезахъ ; сердце , переполненное признательностью , умилялось передъ тремя благодѣтелями. Какъ рѣдки въ жизни подобныя минуты! какъ хорошо это предвѣстіе давно желаннаго счастья , когда оно облагороживается чувствомъ благодарности , когда всѣ любящія способности сердца находятъ пищу для любви и наслажденій!

Признаться ли? Въ первыя минуты сердце мое вполне принадлежало органисту. Великодушное пожертвованіе гонимаго и упорнаго Рейбаса , сила религіознаго чувства въ этой суровой душѣ , простота и истина его благочестія внушали мнѣ удивленіе , которое благодарность моя возвышала еще болѣе. И онъ же лишаетъ себя отцовскихъ часовъ , чтобъ эти минуты деликатнымъ вниманіемъ , какъ бы , скрѣпить данное обѣщаніе. Въ восторгъ передъ г. Рейбасомъ , я забывалъ главнаго виновника моего счастья , — г. Превера , и даже предметъ моихъ постоянныхъ мыслей — Луизу.

Дуракъ , о которомъ я совсѣмъ забылъ , лежалъ , слегка прижавшись ко мнѣ , и слѣдилъ глазами за каждымъ моимъ движеніемъ.

Говорить , что счастье , дѣлая человѣка доверчивымъ , иногда доводитъ его до глупости. Когда первыя минуты волненія смѣнились отраднымъ спокойствіемъ , полные слезъ глаза мои встрѣтились съ добрымъ взглядомъ животнаго. Дуракъ не переставалъ стучать хвостомъ объ полъ , и учащалъ стукъ по мѣрѣ радости , которую замѣчалъ на моемъ лицѣ. Этотъ взглядъ напоминалъ мнѣ наши прежнія игры и опасности нашихъ экспедицій ; и теперь вѣрный товарищъ явился ко мнѣ , какъ вѣстникъ новаго блаженства.... Радость и признательность , которыми я былъ наполненъ , заставили меня забыть , что передо мной собака , — я видѣлъ только друга , готоваго раздѣлить мои чувства , и расточалъ ей самыя

нѣжными ласки; ея же сочувствіе выражалось визгомъ; всѣ члены ея трепетали отъ радости. »Вотъ и ты, добрый старый другъ, говорилъ я ей, и ты также пришелъ порадовать меня дорогой вѣсточкой!...« И схватившись съ нимъ, какъ бывало, предавался всей живости дружескихъ изліяній, какъ вдругъ.... вошелъ г. Дерве.

При видѣ этой сцены, г. Дерве не зналъ, что сказать, а я еще неше. Собака готова была броситься на него, но я удержалъ ее и старался, по возможности, поправить безпорядокъ, который возобновлялся съ каждымъ движеніемъ неугомоннаго Дурака. »Что это значить?« сказалъ наконецъ г. Дерве, — »вотъ опрокинутый столъ, эти разбросанные книги, разлитыя чернила?...«

— Славная продѣлка! чудная штука! замѣтилъ входившій Антуанъ, заливаясь громкимъ смѣхомъ.—Ты кто такой? спросилъ его г. Дерве.— Я, милостивый государь, — пастухъ Антуанъ. — Зачѣмъ же ты здѣсь съ своей собакой? — Ждемъ, сударь, отвѣта. — Отвѣта? объясните, что все это значить?...

— Господинъ Дерве, робко отвѣтилъ я, — это приходскій пастухъ — онъ принесъ мнѣ письмо; а собака приближала еще впередъ, и я никакъ не могъ съ ней сладить; но будьте покойны, я опять приведу все въ порядокъ.... — Право такъ, милостивый государь, это сущая правда, досказалъ Антуанъ, замѣтившій мой страхъ.

— А! вотъ что!... теперь понимаю, такая огромная собака.... впрочемъ въ другой разъ.... — Будьте покойны, сударь, въ другой разъ ее не возьмутъ, сказалъ Антуанъ.... — Зачѣмъ же.... приводи ее, пожалуй.... но возьми предосторожности для предупрежденія безпорядковъ.... Этихъ позволеніемъ г. Дерве выигрывалъ въ нашемъ обществѣ нѣвнѣ, а пастухъ, въ доказательство своей готовности усмирить Дурака, тутъ же ударилъ бѣдняжку ногой.

Здѣсь начинается промежутокъ счастливыхъ дней, невозвратныхъ, прекрасныхъ всей прелестью юности, къ которымъ я безпрестанно обращаюсь съ тѣхъ поръ, какъ перешелъ за первую половину жизни. Слишкомъ скоро прошло это время свѣжихъ чувствъ, заманчивыхъ мечтаній, когда впереди были свѣтлыя надежды, не помраченныя еще опытностью и цѣлая будущность, до которой не успѣли еще коснуться ни время, ни дѣйствительность.

Съ тѣхъ поръ прошло семнадцать лѣтъ съ обычною данью трудовъ, скорбей и несчастій — неизбежнымъ удѣломъ человѣка; но и

они не изгладят блестящаго слѣда этихъ счастливыхъ дней: они свѣтятъ еще мнѣ съ высотъ отдаленныхъ холмовъ, по которымъ не пройдетъ ужь нога моя.

Иногда, вартѣдка, я люблю помечтать о прошломъ, — отрадное и грустное влеченіе это особенно заманчиво дѣйствуетъ на меня, когда надъ деревней собирается гроза и начинаетъ накрапывать дождь. Тогда уголокъ мой становится мнѣ дорогъ, я сажусь у окна и желаю, чтобъ гроза продолжилась, чтобъ незваный гость не возмутилъ спокойствія моего досуга.... смотрю сквозь дождевую сѣтку на деревню, слушаю однообразное паденіе капель, а воображеніе, между тѣмъ, опережаетъ года, возвращается къ прошлому счастливому времени, и тихо убаюкиваетъ сердце воспоминаніями.... Въ эти-то минуты, я открываю извѣстный ящикъ и, порывшись въ письмахъ, нахожу живое доказательство минувшихъ событій; но мысль, что онѣ миновали, становится невыносимою для сердца, сожалѣнія возобновляются съ прежнею горечью.... я закрываю ящикъ и день кончается грустно и безутѣшно.

Каждый разъ я собирався запереть его навсегда. Къ чему, думалъ, пробуждать скорбь образами потеряннаго счастья? Зачѣмъ для минутныхъ наслажденій жертвовать спокойствіемъ, доставшимся такъ дорого и все таки незавиднымъ? Какую пользу принесутъ мнѣ эти обманчивыя мечтанія?... Но легковѣрное сердце такъ охотно возвращается къ затронувшимъ его предметамъ.... я не открывалъ болѣе ящика, но не переставалъ мысленно вызывать событія первой молодости и ощущалъ при этомъ наслажденіе, которое наводило меня на дальнѣйшія воспоминанія. Я не въ силахъ отстать отъ нихъ, потому что только коснувшись губами до краевъ чаши, а надобно выпить ее до дна и, передъ горькимъ отстоемъ, насладиться немногими сладкими каплями.

Это и заставляетъ меня издать наши письма. Они соединяютъ предшествовавшій разсказъ съ послѣдующимъ. Обманется тотъ, кто будетъ искать въ нихъ сильныхъ романтическихъ страстей, или непрерывной сѣтны подстрекающихъ любопытство событій. Для меня, въ письмахъ этихъ, какъ я сказалъ уже, заключается сладкое и вмѣстѣ горькое упоеніе; для другихъ — это картина, въ которой отразились нѣкоторыя черты дорогой моей родины, съ ея природою, обычаями, вѣрованіями и также съ поэзіею сердца и страстей, сильныхъ, хотя прикрытыхъ пуританскою холодною, неразлучною съ ея нравами.

Впрочемъ я помѣщу не всѣ, а только нѣкоторыя письма. Хотя любовь и была поводомъ къ перепискѣ, но не составляла главнаго ея предмета: чувство наше было для этого самшкомъ сильно и застѣнчиво.

Довольно, что можете поболтать другъ съ другомъ, счастливые сочувствіемъ — величайшимъ наслажденіемъ любящихъ сердецъ, мы наполняли свои письма разговорами о тысячъ предметовъ, возбуждавшихъ нашу любознательность и развивавшихъ юные умы. Отъ того-то на многихъ страницахъ ястре изображены впечатлѣнія писавшаго ихъ юноши, нежели предметы, о которыхъ говорится.

Переселенный изъ деревни въ многолюдный городъ, я былъ сильно пораженъ новостью идей и предметовъ. Книжное ученье я считалъ тяжелой необходимостью, но удовольствіе мое составляли наблюдения, разсматриваніе и обсуживаніе всего меня окружавшаго; съ возвращеніемъ ко мнѣ душевнаго спокойствія, я совершенно предался этому заманчивому развлеченію. Кромѣ собственной склонности, другая сильнѣйшая причина побуждала меня къ наблюденіямъ. Любознательная Луиза, умъ которой развился быстрѣ моего, съ удовольствіемъ читала мои письма и въ своихъ часто предлагала мнѣ вопросы. Приятная обязанность отвѣчать ей занимала мои досуги, и я такимъ образомъ пріучался понемногу объясняться свободнѣ. Новичокъ въ свѣтъ, безъ опытности, безъ средствъ для сравненія, желая безпрекословно угодить Луизѣ, я не всегда обдумывалъ свои мнѣнія, ждалъ много ложныхъ замѣчаній, отклонялся отъ здраваго сужденія, — и всѣ эти промахи оставляю въ письмахъ, въ той увѣренности, что они ястре всего изобразятъ прошлую молодость и неопытность автора.

I.

Шарль къ Луизѣ.

Женева, Июль.... *)

Я получилъ черезъ Антуана письмо отъ вашего батюшки. Счастье мое превышаетъ всякое описаніе. Въ этомъ письмѣ сказано то, о чемъ я не смѣлъ подумать, обѣщано то, чего я недостойнъ и о чемъ не осмѣлялся бы проговориться. Но боюсь слишкомъ предаваться радости, не подтвержденной вами, и считаю неумѣстнымъ описывать счастье, въ которое не смѣю вѣрять.

*) Эта вторая книга заключаетъ въ себѣ промежутокъ времени около осьмидесяти мѣсяцовъ. Письма непрерываются отъ Іюля до конца Мая слѣдующаго года; въ концѣ Мая переписка прекращается, пока Шарль въ приходѣ. Въ Октябрѣ, съ возвращеніемъ Шарля въ городъ, корреспонденція возобновляется и продолжается до конца года.

Могу только сказать вамъ, Луиза, что я былъ очень жалокъ въ минуту полученія письма; а теперь не могу вдругъ выѣстить всей радости. Не знаю самъ, что дѣлаю, о чемъ пишу. Въ нѣкоторыя минуты такое счастье кажется мнѣ невозможнымъ; въ другія самовольно утѣшаю себя вашимъ согласіемъ, плачу отъ восторга, говорю самъ съ собою, а иногда, прыгаю по комнатамъ, какъ безумный.

Чувствую, что не успокоюсь до полученія письма отъ васъ; если вы замедлите отвѣтомъ, то я воображу, что все уже кончено; но не посмію роптать, а буду любить васъ пока живъ.

Покорный и любящій васъ

Шарль.

P. S. Потрудитесь передать прилагаемое письмо вашему батюшкѣ.

II.

(вложенное въ предыдущемъ).

Шарль къ органисту.

Изъ Женевы.

Господинъ Рейбасъ!

Пишу къ вамъ, и плачу отъ благодарности, и не нахожу словъ для выраженія новыхъ для меня чувствъ, а между тѣмъ, въ настоящую минуту, это единственное средство высказать вамъ признательность, которую, повѣрьте, докажетъ вамъ вся жизнь моя.... Господинъ Рейбасъ! Вы въ самомъ дѣлѣ хотите быть мнѣ отцомъ, вы, котораго я такъ часто оскорблялъ! Понимаю что религія и жалость заставляли васъ простить меня; но я почту себя вполне счастливымъ только тогда, когда къ этимъ великодушнымъ побужденіямъ присоединится любовь и сознаніе заслугъ моихъ.

Буду неуспшно трудиться; теперь болѣе, нежели когда-нибудь, чувствую необходимость приобрѣсть какое-нибудь званіе. Я уже началъ свои занятія, жду только совѣтовъ г. Превера относительно направленія, которому долженъ слѣдовать:

Съ часами я никогда не разстанусь, господинъ Рейбасъ, — никогда.... поблагодарите Жана Рено за совѣтъ и передайте ему, что они идутъ прекрасно.

Уважающій васъ и преданный

Шарль.

III.

Отъ 1. Превера къ Шарлю.

Изъ прихода.

Луиза пришла вчера ко мнѣ и, молча, подала твое письмо. Я замѣтилъ, что волненіе и скромность мѣшали ей вполне довѣриться мнѣ и старался ее успокоить, говорилъ ей о прошломъ, о тебѣ, объ ней самой. Тутъ я убѣдился, что чувства Луизы, въ отношеніи къ тебѣ, согласны съ намѣреніемъ ея отца и сообщилъ ей обстоятельство, которое г. Рейбасъ разсудилъ скрыть отъ нея. Вотъ оно — новость и для тебя: въ самый вечеръ твоего отправленія, г. Эрнестъ де-ла Куръ просилъ у г. Рейбаса руки Луизы. Г. Рейбасъ не рѣшился еще тогда въ твою пользу, но отказалъ г. де-ла Куръ, по извѣстнымъ ему причинамъ, и заблагоразсудилъ не сказывать объ этомъ дочери. Пока Луиза не вступила въ новыя обязательства, я долженъ былъ сообщить ей объ отказѣ, сдѣлавшемъ отъ ея имени и просилъ ее обдумать, охотно ли она соглашается на желаніе отца и не будетъ ли жалѣть о блестящей участи, какую ей предлагалъ г. Эрнестъ. Она отвѣчала на это твердо и рѣшительно. Уходя отъ меня, Луиза спросила, не отвѣчу ли я за нее на твое письмо, за чтѣ я охотно взялся, понимая въ этомъ случаѣ ея нерѣшительность. И такъ, съ этого дня ты можешь быть увѣренъ въ привязанности Луизы и въ готовности ея исполнить волю отца.

Добрый другъ мой! лучшее желаніе мое исполняется. Благодарю Бога отъ всей души, увѣренъ, что и твое сердце проникнуто живѣйшей благодарностью. Надѣюсь, что съ помощью благодати Божіей, ты ясно увидишь, какія новыя священныя обязанности предстоятъ тебѣ съ этой самой минуты: принимайся немедленно за выполнение однихъ и готовься къ предстоящимъ. Тотъ самый отецъ, который готовъ былъ отвергнуть тебя, побуждаемый жестокимъ, но закоренѣлымъ и всеобщимъ предразсудкомъ, — человекъ, котораго ты часто оскорблялъ, — старикъ, основательно искавшій упрочить при себѣ счастье единственнаго дитяти добровольнымъ выборомъ зятя съ достаткомъ, будущую опору семьи, — этотъ самый человекъ жертвуетъ своими убѣжденіями, забываетъ не-приятности, отказывается отъ прежнихъ надеждъ и тебѣ поручаетъ судьбу любимой дочери... Шарль! нужно ли прибавлять еще къ этому? нѣтъ, я знаю, сердце твое постигаетъ прекрасное; увѣренъ, что ты глубоко тронуть такой добротой, самоотверженіемъ, истиннымъ величіемъ; по-

ступокъ его въ этомъ важномъ случаѣ, навсегда напечатлѣтся въ душѣ твоей какъ примѣръ для подражанія, какъ незабвенное обязательство посвятить себя для счастья человѣка, заступающаго тебѣ мѣсто отца.

Говорить ли мнѣ о Луизѣ, объ этой кроткой и чувствительной душѣ, которую такъ привязываетъ къ тебѣ предрассудокъ, отталкивающій другихъ? Для ея до сихъ поръ протекали тихо и спокойно; вѣрнымъ путемъ она подвигалась къ счастью; никакая тревога, ни опасность не грозили ей въ будущемъ. Эта жизнь, отнынѣ соединенная съ твоею и тебѣ вѣренная, возлагаетъ на тебя обязанности, въ исполненіи которыхъ ты отдашь отчетъ не одной Луизѣ, но и отцу ея, и мнѣ, и особенно Богу, такъ щедро надѣляющему тебя своими неоцѣненными благами, въ лицѣ прекрасной и добродѣтельной супруги. Все эти разсужденія ты, конечно, считаешь лишними, Шарль. Счастье и любовь придаютъ сердцу твоему силу и мужество; теперь все кажется тебѣ возможнымъ, легкимъ, пріятнымъ; но увы! счастье и молодость ослѣпляютъ тебя: ни чья жизнь, добрый другъ мой, не проходитъ безъ черныхъ дней, безъ препятствій, безъ жертвъ и скорбей; каждое сердце имѣетъ свою долю оболещеній, томленій и борьбы; нѣтъ въ жизни состоянія, всегда легкаго и счастливаго.

Умѣрь же свой восторгъ, не слишкомъ довѣрай силамъ, рассчитывай на возможное, а не на минутныя вспылки. Пусть чувство долга ненарушимаго и священнаго, какъ воля Божія, прочно утвердится въ сердцѣ твоемъ и хранитъ тебя отъ тѣхъ камней преткновенія, о которые спотыкаются все не раздѣляющіе своихъ силъ и необдуманно предающіеся заманчивымъ мечтамъ. Тогда, только тогда исполнятся мои послѣднія желанія, и я благословлю день, въ который ты мнѣ достался, — тогда только успокоюсь на счетъ Луизы и поживу вашимъ счастьемъ.

Вотъ, милый другъ, все, что я хотѣлъ тебѣ сказать, не желая, впрочемъ, опрочать твоей радости: наслаждайся ею вполне, дѣли ее со мною, потому что твое счастье вмѣстѣ и мое, — ты знаешь у меня нѣтъ другаго. Пусть оно продлится! дай Богъ, чтобъ ты никогда не зналъ ранъ, извѣданныхъ моимъ сердцемъ, ни горькой неутѣшной скорби, которая слѣдуетъ за потерю обожаемой подруги. Но что бы ни случилось, уповай всегда на благость Божию и не сомнѣвайся въ Его правосудіи! Обнимаю тебя.

Шарль къ Луиза.

Изъ Женевы.

Я получилъ отъ г. Превера письмо, которое и препровождаю къ вамъ, въ той надеждѣ, что самое содержаніе письма оправдаетъ мою нескромность. Прочтя его, я не былъ въ состояніи писать къ вамъ, — мое сердце было слишкомъ полно, и я такъ много думалъ объ васъ, объ вашемъ батюшкѣ, о г. Преверѣ, что не зналъ къ кому адресовать письмо, и все задуманное находилъ уже сказаннымъ. Позвольте же и мнѣ, Луиза, послѣдовать вашему примѣру и, также при посредствѣ г. Превера, стало быть лучше, нежели прямо, — выразить то, что на вѣки запечатливо въ моемъ сердцѣ.

Мнѣ умѣрять восторги! — Очень бы желалъ, тѣмъ болѣе, что это благоразумный совѣтъ г. Преверо; но могу ли? Усиливаясь обуздать себя, только сильнѣе разжигаю чувства. Читая то, что онъ говоритъ объ васъ Луиза, я былъ внѣ себя. О, какъ онъ чувствуетъ и понимаетъ! Я не могъ вдругъ постигнуть вполне его благодѣтельнаго участія; теперь любовь и уваженіе мое къ нему растутъ съ каждымъ днемъ, и все такъ слишкомъ несоразмѣрны съ его благодѣянiami. Въ эти дни я не писалъ къ г. Преверу: какъ бы я выразилъ ему свои чувства?

Въ письмѣ г. Превера встревожили меня только строки о мирномъ счастьи, къ которому вы шли по такой вѣрной дорогѣ. Это слишкомъ справедливо, а счастье такъ непостоянно, какъ ниже говоритъ онъ же. Я привыкъ ожидать всего отъ васъ, но никогда не воображалъ содѣйствовать вашему счастию, и мысль, что я могъ бы уменьшить его, приводитъ меня въ содроганіе. Слова г. Превера проникнуты торжественностью, которая меня смущаетъ. Да, Луиза, правда, что мнѣ нужна бодрость — ободрите же меня; пусть ваши слова направятъ и просвѣтятъ меня; для предстоящихъ трудовъ я надѣюсь на собственные силы, но гдѣ возьму ихъ противъ страха? Неужели я, въ самомъ дѣлѣ, сгублю вашу участь!... Успокойте меня, Луиза!

Мы говаривали иногда о печали г. Превера, но слегка, какъ дѣти, по крайней мѣрѣ я, — въ чемъ и упрекаю себя. Конецъ письма его тронулъ меня открытіемъ ежедневныхъ скорбей, которыхъ я не подозревалъ, потому что онъ никогда не говорилъ о своемъ горѣ, будучи занятъ только чужими. О, какъ странно настоящее мое положеніе! Двѣ недѣли только прошло съ тѣхъ поръ, какъ я разстался съ вами, а все такъ переизмѣнилось, всѣ стали совсемъ другими. Тысяча вещей, посреди которыхъ я такъ давно жилъ, но замѣчая ихъ, ясны теперь, и нѣтъ между

нии ни одной, которая бы безконечно не возвышала достоинства любимых особь. Превосходство моих друзей и покровителей не унижает, но печалит меня, потому что я слишком отсталъ отъ нихъ, такъ недостойнъ ихъ благодарнѣй и такъ мало надѣюсь когда-нибудь заслужить ихъ. Ахъ, Луиза, съ признательностью, но не безъ горечи, долженъ я сознаться, что безвѣстность моего рожденія, сиротство и отчужденіе, меня ожидающее — единственные титулы мои передъ со-страдательными душами. Вы идете къ покинутому всѣми, не хотите оставлять меня одного на свѣтѣ, — всѣми благами я, стало быть, обязанъ несчастію, а не собственнымъ заслугамъ, — вотъ отъ чего въ самомъ счастьи мнѣ грустно; а молчаніе ваше довершаетъ печаль мою. Умоляю васъ, пишите.

Вашъ покорный и преданный

Шарль.

V.

Луиза къ Шарлю.

Изъ прихода.

Слова ваши глубоко трогаютъ сердце и сильно волнуютъ меня. Очень можетъ случиться, что я опять замедлю отвѣтомъ, въ такомъ случаѣ вы извините меня и не припишите это равнодушію. Г. Преверь и батюшка поручаютъ мнѣ передать вамъ ихъ поклоны, къ которымъ присоединяю и свой.

Луиза.

P. S. Возвращаю вамъ письмо г. Превера; я прочла въ немъ только нѣсколько строкъ; пожалуйста не сердитесь на меня за это.

VI.

*Органистъ *) къ Шарлю.*

Изъ прихода.

Мы съ г. Преверомъ толковали на счетъ званія, какое вы выберете. Онъ говоритъ что вы вольны въ выборѣ и я тоже говорю, лишь бы только вы скорѣе рѣшились, чего желаетъ и г. Преверь. Годъ идетъ своимъ чередомъ, время никого не ждетъ; вотъ вы уже и на возрастѣ! пора и за дѣло!

Вчера вечеромъ мы бесѣдовали объ этомъ, послѣ ужина, сидя на скамьѣ. Луиза была тутъ же, но тотчасъ ушла какъ только замѣтила,

*) Письма Органиста («въ оригиналѣ») отличаются совершенно особеннымъ языкомъ: это діалектъ сельскихъ старѣйшинъ въ отдаленныхъ кантонахъ романской Швейцаріи, гдѣ еще сохраняется французскій языкъ болѣе устарѣлый, нежели въ городахъ и иногда болѣе цвѣтистый.

къ чему клонилась рѣчь. Съ недавняго времени она стала пуглива — дрожить отъ бездѣлицы, а, впрочемъ, здорова. Въ десять часовъ мы разошлись; я полагаю, что Луиза ужъ легла, а вмѣсто того, возвращаясь черезъ липовую аллею, мы увидали въ ея комнату свѣтъ. Г. Превьеръ пошелъ къ себѣ, а я къ Луизѣ. Засталъ ее за вашими письмами, которыя такъ ее встревожили. »Что, дитя мое, добрыя вѣсти? спросилъ я ее.« — Очень хорошія вѣсти, батюшка, отвѣчала она, но онѣ приводятъ меня въ волненіе: этотъ языкъ такъ новъ для меня!...« и сама плакала, подавая мнѣ письмо. Я не хотѣлъ взять. — »Это между вами, дитя мое, и до меня не касается. А, знаешь ли, прибавилъ я, мы съ г. Превьеромъ разсуждали, какое-бы званіе было для него приличнѣе!...« Оказалось, что и Луиза думала уже объ этомъ. Она взяла меня за руку, какъ бы имѣя мнѣ что-то сообщить, только слова съ трудомъ ей давались. »Я желала бы, сказала она наконецъ, написать ему на счетъ этого, но не могла еще собраться...« и опять моя малютка въ слезы, кинулась ко мнѣ на шею, со словами: »Батюшка! я никогда васъ не оставлю!...«

Черезъ минуту Луиза пришла въ себя, успокоилась; но, чтобъ не испортить дѣла, я говорилъ уже о вещахъ постороннихъ — о крестинахъ у Леграндовъ: вы, чай, знаете, что имъ Богъ далъ пятаго; потому, будто самъ про себя, сказалъ, что надобно васъ извѣстить объ этомъ.

Я знаю мысль Луизы: ей хочется, чтобъ вы были пасторомъ здѣсь, чтобы ей и со мной не разставаться. На этотъ счетъ предоставляю все вашему усмотрѣнію и не требую отъ васъ ничего. Мое время прошло; старикамъ не приходится поперечить молодымъ. Вы изберете то, что найдете удобнѣйшимъ для себя и для нее; обо мнѣ не заботьтесь. Я не буду удерживать васъ, — къ чему бы ни почувствовали склонности, — къ торговлѣ ли, требующей неусыпнаго вниманія и побѣдокъ за границу, къ другому ли чему. Я постараюсь довольствоваться собою, лишь бы только выборъ вашъ былъ проченъ и выгоденъ.

Это-то я и хотѣлъ сказать вамъ и предупредить Луизино писанье, почему и смолчалъ въ то время, чтобъ не огорчить ее противорѣчіемъ. Между тѣмъ есть еще другой предметъ, о которомъ она никогда не хотѣла меня слушать, а именно, касательно имѣнія, слѣдующаго ей послѣ матери — въ которомъ я и вамъ долженъ буду отдать отчетъ — увеличеннаго мною третью и освобожденнаго отъ залога. При кончинѣ жены на немъ было долгу до шести сотъ флоринновъ, въ уплатѣ которыхъ я имѣю форменную квитанцію.

Это низовая земля за прудомъ, всегда напитанная влажностью, не смотря ни на какую засуху, такъ что пять лѣтъ тому назадъ, когда все кругомъ попало, у насъ свезли шесть возовъ сѣна. Г. Превьеръ купилъ землю рядомъ — все вѣсть составляетъ лучшую луговину во всей общинѣ, что засвидѣтельствуетъ Луи Редаръ, который охотно отдастъ бы за нее все свое имѣніе, съ коровою въ придачу. По моему мнѣнію, земля эта никогда не должна быть ни продана, ни заложена — здѣсь вѣрный хлѣбъ при потерѣ остальнаго; на этой землѣ можно жить хозяйствомъ, трудъ здѣсь благодаренъ, говаривала моя бѣдная жена. Повторяю это, Шарль, чтобъ вы помнили, если въ самомъ дѣлѣ намѣрены угодить мнѣ. Такимъ образомъ я буду спокоенъ и при жизни и послѣ.

Остальное достояніе Луизы заключается въ кое-какой движимости, какъ-то въ бѣльѣ, въ двухъ серебряныхъ приборахъ, съ вонзельемъ ея матери, въ шести маленькихъ ложечкахъ и въ золотой цѣпочкѣ съ медальономъ, которую я подарилъ покойницѣ передъ свадьбой. На выручаемыхъ съ земли деньгахъ, я понемногу возобновлялъ бѣлье и перебилъ мебель, чему будетъ уже скоро два года въ день Св. Мартина. Если Богу угодно, — придетъ время, — вы не скажете, что я не радѣлъ о дочерниномъ достаткѣ и не исполнилъ намѣренной мной и уважаемой жены, завѣщавшей мнѣ передъ смертію волю свою, которую и васъ прошу чтить изъ уваженія къ ней и изъ любви ко мнѣ.

Отъ нея вамъ достанется немногое: доходомъ отъ службы живу я самъ, на него же воспиталъ дочь. Излишекъ мой вы когда-нибудь получите, и тогда увидите, въ чемъ онъ состоитъ. Такимъ образомъ вы видите, что надобно трудиться и надѣяться болѣе на себя, нежели на все остальное. Будьте же благоразумны, трудолюбивы, остерегайтесь барства: кто барится, тотъ много и бесполезно тратится. Первые заработанные деньги берегутся. Я желалъ бы, чтобъ вы довольствовались немногимъ, какъ и прежде; вѣсть съ деньгами скоро прививается и роскошь. Сперва надобно пожить скромненько и заирать кошелекъ, пока наполняется. Кстати—не въ упрекъ будъ вамъ сказано—псалтирь, которую вы мнѣ прислали, могла бы обойтись и безъ серебряныхъ застежекъ. Подарокъ не раззорить—тратьте вкю, да не брезгайте и су.

У Леграндовъ будутъ танцы — я даю свой овишь. Г. Превьеръ будетъ на праздникѣ. Легранды говорятъ, что безъ васъ веселье не можетъ состояться, а я утверждаю, что все также состоится и что не слѣдуетъ отрывать васъ отъ дѣла.

Рейбасъ.

VII.

Г. Дерве къ г. Преверу.

Изъ Женевы.

Любезный мой г. Преверъ!

Вотъ наконецъ Шарль вашъ вступилъ въ должность и занимается охотно. Замѣтно, что молодой человекъ заимствовалъ отъ васъ много хорошаго. Я мнѣлъ съ нимъ разговоръ, котораго вы желали. Онъ хочетъ непремѣнно идти по вашей дорогѣ, какъ вблизи, такъ и вдали отъ васъ, руководствоваться вашими примѣромъ, который находитъ прекраснѣйшимъ и достойнѣйшимъ подражаніемъ. Признаюсь вамъ, любезный собратъ, что такое мнѣніе дало мнѣ лучшее понятіе объ его умѣ и сердцѣ.

Въ этомъ побужденіи я усматриваю еще другія причины, хотя Шарль и увѣряетъ, что рѣшеніе его не ново и принято еще прежде, въ слѣдствіе бесѣды съ вами во время одной прогулки. Никакая карьера не могла бы доставить ему такой возможности жить подлѣ васъ и не разлучать дѣвицу Луизу съ отцомъ. Все это умно и хорошо обдумано, и я отъ души радуюсь, что такое намѣреніе, слишкомъ важное для неопытнаго возраста, имѣетъ подпору въ обстоятельствахъ и во взаимности отношеній молодыхъ людей. Впрочемъ, надѣюсь, что мы скоро переговоримъ еще обо всемъ этомъ.

P. S. Будьте увѣрены, что я сохраняю втайнѣ все мнѣ вѣренное вамъ, даже скрою отъ своихъ; вѣрте также, что вполне раздѣляю ваше мнѣніе на счетъ неумѣстнаго разглашенія объ обязательствахъ Шарля и дѣвицы Луизы.

VIII.

Шарль къ Луизѣ.

Изъ Женевы.

Записка ваша дала мнѣ живо почувствовать мою неосторожность; умоляю васъ, Луиза, простите меня: впередъ я буду осторожнѣе. Новость положенія можетъ извинить мою ошибку и неумѣренность выраженій. Я могъ легко забыться, потому что до сихъ поръ ни съ кѣмъ не имѣлъ переписки, и долженъ былъ начать ее выраженіемъ сильныхъ чувствъ, совершенно не зная, что говорить и о чемъ молчать.

Мнѣ надобно поговорить съ вами о намѣреніи, принятомъ мною — хотя и безъ вашего вѣдома. Г. Дерве, какъ-то на дняхъ, позвалъ меня къ себѣ и участіемъ своимъ на счетъ предстоящей мнѣ службы заставилъ откровенно объявить ему мое давнишнее желаніе послѣдовать

примѣру г. Превера. Онъ одобрилъ меня и этимъ очень обрадовалъ, потому что, кромѣ собственнаго влеченія, меня побуждаютъ къ этому другія причины, которыхъ я не могъ сообщить г. Дерве.

Помните ли, Луиза, тотъ день, въ который мы вѣсть отправились къ горнымъ шалашамъ? Вы должны его помнить, потому что съ тѣхъ поръ мы стали совсѣмъ другими. Помните, когда мы съѣли на Шевронскомъ пригоркѣ, съ котораго видѣнъ нашъ приходъ, вы мнѣ сказали: »Шарль, — тогда мы говорили безъ принужденія, — Шарль, какая тихая и мирная сторона! Не желали ли бы вы провести здѣсь всю вашу жизнь? — Да, отвѣчалъ я, если и вы свою проведете здѣсь же. — Я вѣкогда не расстанусь ни съ батюшкой, ни съ г. Преверомъ!« — прибавили вы.

Луиза! я не забылъ этихъ словъ. Онѣ представились мнѣ вѣсть со счастьемъ соединить вашу судьбу съ моею; онѣ слышались мнѣ во время разговора съ г. Дерве. Возможность восхительнаго осуществленія этихъ словъ кажется мнѣ сномъ. Я безпрестанно мечтаю о счастливыхъ дняхъ въ тѣхъ *тихихъ и мирныхъ* краяхъ, какъ вы назвали ихъ сами своимъ чудеснымъ голоскомъ; мечтаю объ тысячѣ удовольствій, которыми мы пользуемся вѣсть; о вниманіи и заботахъ, которыми непрерывно окружаемъ вашего батюшку и г. Превера; мечтаю объ особѣ, украшающей все своимъ присутствіемъ.... Но вотъ я начинаю уже забываться. О, какъ часто мнѣ кажется, что я высказываю вамъ все, что чувствую, и что вы слушаете меня такъ долго, какъ мнѣ хочется! Но и это — мечта!

Г. Дерве справедливо замѣтилъ, что будущее не зависитъ отъ насъ, что не всегда можно получить тотъ приходъ, котораго желаешь; но онъ прибавилъ, что есть средство уладить дѣло — подъ предлогомъ помощи г. Преверу; что, при томъ же, такъ какъ этотъ приходъ самый отдаленный и бѣднѣйшій въ Кантонахъ, не многіе будутъ его домогаться; что самъ г. Преверъ взялъ его только потому, что не было другихъ желающихъ. Я слушалъ все это со вниманіемъ и совершенство болѣе всего утрашало меня. Мнѣ случалось встрѣчать у г. Дерве молодыхъ кандидатовъ. Это все красивые господа, одѣтые по модѣ; они такъ же свободны въ салонѣ, какъ я въ полѣ, разсуждаютъ обо всемъ непринужденно, забавляютъ дамъ. Нѣтъ сомнѣнія, что еслибъ одинъ изъ этихъ господъ пожелалъ взять нашъ приходъ, то мнѣ бы онъ не достался. Но что бы они стали дѣлать въ этомъ селеніи? Нѣтъ, они не захотятъ; оно останется за мною — сельскимъ жителемъ.

Учене достаточно бы занимало меня, еслибъ не отвлекало отъ мыслей объ васъ. Нельзя сказать, чтобъ г. Дерве былъ не доволенъ немногими свѣденіями, прибрѣтенными мною въ приходѣ; но здѣсь способъ ученья совершенно другой: здѣсь, обогащаясь науками, имѣютъ въ виду экзамены, переходъ въ философію, въ право. Столько-то выученныхъ главъ, пройденныхъ книгъ, доказанныхъ проблемъ повышаютъ васъ одною степеню. Надобно подладиться подъ этотъ способъ, хотя онъ и не слишкомъ пріятенъ; впрочемъ я считаю его необходимымъ, потому что иначе нельзя бы было приохотить къ скучнымъ предметамъ, какъ напримѣръ, къ алгебраическимъ задачамъ, или къ греческимъ страницамъ — такимъ же задачамъ, съ тою только разницею, что послѣднія часто труднѣе и скучнѣе первыхъ.

Какъ мнѣ пріятно говорить съ вами, все относить къ вамъ! Но что будетъ со мною, если я вамъ наскучу! Какой бы новый предметъ ни увидалъ я, всегда спрашиваю себя: чтб бы сказала Луиза? Какъ бы мы вмѣстѣ разсудили объ этомъ? Никакая мысль, никакое зрѣлище не могутъ мнѣ понравиться, если вы не принимаете въ нихъ участія, если я не имѣю въ виду поговорить съ вами объ этомъ, или, за невозможностью поговорить, написать.... И такимъ-то образомъ завожу рѣчь объ алгебрѣ! Вотъ что называется забываться!...

Еще минутку терпѣнія, — умоляю васъ! Какъ бы я желалъ знать, чтб вы дѣлаете, пока я къ вамъ пишу! Я слѣжу за вами въ продолженіе цѣлаго дня, но увѣренъ, что часто ошибаюсь — иду влѣво, когда вы выравѣ, — къ акаціямъ, когда вы у себя въ комнатѣ. Эти ошибки приводятъ меня въ отчаяніе, я бросаю свои предположенія, чтобы начать ихъ снова, не увѣренный въ большой догадливости....

Вчера послѣ полудня, была гроза. Облака начали быстро смѣняться, ласточки начали низко виться надъ землею, грянулъ сильный ударъ грома и пошелъ дождь. При самомъ началѣ я сталъ къ окну, и, по мѣрѣ того, какъ гроза усиливалась, мнѣ живо представлялось все, что въ это время должно было происходить въ приходѣ. По дорогѣ изъ лѣсу шелъ Антуанъ, передъ нимъ бѣжали испуганныя коровы, Дуракъ лаялъ на облака, липы сотрясались до самыхъ верхушекъ, нѣкоторые поселяне, выжидая грозу, укрывались подъ крышамъ. Г. Преверь задумчиво стоялъ у своего окна и смотрѣлъ въ даль; вашъ батюшка вносилъ стулья и запиралъ церковныя ставни.

Но было другое зрѣлище, которымъ я жаждалъ насладиться безъ посторонняго развлеченія и потому ждалъ, чтобы затихъ весь окружавшій меня шумъ. Когда приходскія ставни были закрыты, батюшка

вишь съѣлъ на павертъ и все кругомъ усвоилось, тогда воображеніе мое быстро перенеслось въ поле и скоро встрѣтило предметъ оставленный къ довершенію наслажденія. Боюсь, чтобъ не угадали вы впередъ, и продолжаю.

То была молодая дѣвушка, застигнутая грозой у орѣховой скамьи. Она шла около пруда и образъ ея отражался на колыхавшейся водной поверхности. Дождь началъ накрапывать, она поспѣшила укрыться подъ липами и остановилась, чтобы придержать развѣвавшіеся отъ вѣтра волосы. Потомъ я видѣлъ, какъ дождь заставилъ ее уйти въ свою комнату, гдѣ, облокотившись на окно, она, такъ же какъ и я, смотрѣла на облака, прислушивалась къ однообразному шуму дождя и думала.... О чемъ она думала? Тутъ — то сильно забилось мое сердце отъ желанія и неизвѣстности.

Я всячески старался обратить ея мысли на себя; но гораздо естественнѣе было предположить, что ее занимаетъ какой-нибудь ближайшій къ ней предметъ: птичка, притаившаяся подъ листьями, коровы, бѣгущія въ стойла, прохожій, который сходитъ съ большой дороги. Я занялъ мѣсто этого прохожаго, чтобъ привлечь взглядъ дѣвушки.... Но удовольствіе мое было не полно, потому что меня не узнали и потому, когда я вскорѣ повернулъ съ дороги въ сторону, дѣвушка потеряла меня изъ вида. Наконецъ непреодолимое желаніе мое присвоило себѣ самую мысль дѣвушки, — я принялъ на свой счетъ ея задумчивость, кротость взгляда и улыбки и готовъ уже былъ примѣнить къ себѣ тайныя движенія ея сердца, какъ вошелъ Антуанъ.... »Какъ! Ты не въ приходѣ? Спросилъ я его. — Пришелъ купить сѣмянъ. — А Дуракъ? — Заперъ его въ конюшнѣ, чтобъ опять не набѣдокурилъ. — А.... Луиза?... — Они всѣ съ утра въ Аллемонѣ.«

Антуанъ ушелъ, я закрылъ окно и приваялся за алгебру. Что мнѣ больше оставалось дѣлать?

IX.

Луиза къ Шарлю.

Изъ прихода.

Вполнѣ оцѣниваю, Шарль, принятое вами намѣреніе. Я боюсь нашихъ вѣжныхъ признаній, и не умѣю отвѣчать на нихъ, но повѣрьте, очень радуюсь симпатіи душъ нашихъ, очень благодарна вамъ за чувства, которыми и приписываю одинаковую настроенность нашихъ мыслей. Но пріятнѣе было бы узнавать, угадывать эти чувства, нежели слышать

ихъ слишкомъ сильное выраженіе; желала бы я, чтобъ они проникали въ меня, но не тревожили.

Не думайте, что вы забываетесь, когда говорите о своихъ занятіяхъ или о чемъ-нибудь другомъ, для васъ интересно. Можетъ случиться, что я не пойму васъ, — потому что эти предметы иногда не по моимъ понятіямъ; но не менѣе того я увлекаюсь ими сколько изъ любопытства, столько и потому, что вы мнѣ объ нихъ говорите. Бывало мы болтали обо всемъ безъ разбору; привычка эта дорога мнѣ до сихъ поръ, и я желала бы, чтобъ она при насъ осталась. Такая беседа доставитъ вамъ матеріалы для ежедневной переписки, вызоветъ мои вопросы и заставитъ меня также отвѣчать въ свою очередь на ваши.

Открытъ ли вамъ, Шарль, слабость, въ которой я себя обвиняю, источникъ тѣхъ капризовъ, которые должны вамъ казаться такими странными!... Я не умѣю быть счастливой.... Не смотря на то, что окружена дорогими особами, что не имѣю ни желаній, ни горя, на меня находятъ иногда минуты грусти и пустоты, причины которыхъ назвать не умѣю. Я какъ будто жалѣю о спокойствіи нашихъ первыхъ лѣтъ, между тѣмъ какъ оно ни чѣмъ не нарушено и должно бы еще продолжаться. Хотѣлось бы удержать настоящее, остановить его на всегда; все, что прислѣдуетъ къ будущему, что готовить перемены, хотя и неизбежныя, внушаетъ мнѣ страхъ и невольныя сожалѣнія. Вотъ отъ чего слишкомъ откровенное выраженіе вашихъ чувствъ взволновало меня. Вы συμβетесь, что говорите мнѣ объ алгебрѣ? — Признаюсь, это-то мнѣ болѣе всего и понравилось въ вашемъ письмѣ. Я увидѣла въ васъ прежняго Шарля; мы по прежнему говорили о чемъ попало, и выраженія тѣже, такъ что я слушала васъ довольная и счастливая, какъ бывало. Продолжайте такъ, прошу васъ. Извѣщайте меня обо всемъ, что съ вами случается, что видите, съ кѣмъ знакомитесь: въ этомъ удовольствіи я вижу какое-то милое, успокоивающее отраженіе прошлаго. Не дивитесь моимъ капризамъ: презрѣнная доброта окружающихъ меня давно уже сдѣлала вашу Луизу страшной и требовательной.

Я не посмѣла бы отгадать, кто та молодая особа, о которой вы говорите. Предполагаемая въ ней деликатность чувствъ не подѣлать нашимъ крестьянкамъ, и думы ихъ подѣлать слишкомъ скромны и не затѣливы, чтобы привести кого-нибудь въ восторгъ; скорѣе же ваши мысли могли бы польстить той, которая сумѣла бы возбудить ихъ.

Не вы одни восхищались великолѣпнымъ зрѣлищемъ грозы. Третьяго дня утромъ мы поѣхали въ Аллемонъ съ намѣреніемъ пообѣдать у Источниковъ. Мѣсто было уже занято какими-то пріѣзжими, и мы отпра-

вились выше въ горы искать другую столовую. Долго ходили, все искали побольше тѣни и наконецъ рѣшились положить корзину съ припасами подъ густымъ зеленымъ сводомъ самыхъ отдаленныхъ каштановъ. »Какое чудное мѣсто, сказалъ г. Преверь, здѣсь все, что намъ нужно, все—кромя Шарля,« прибавилъ онъ, раздѣляя вашу общую мысль.

Тутъ мы обѣдали. Насъ было четверо, включая сюда маленькаго козленка, котораго мать, неподалеку, щипала траву. Онъ сопутствовалъ намъ, обѣдалъ съ нами и забавлялъ своими капризами, рѣзвостью, граціозной легкостью. Замѣчали ли вы, какъ добръ г. Преверь до животныхъ, какъ онъ охотно допускаетъ ихъ къ себѣ и дорожитъ ихъ довѣрчивостью? Г. Преверь видимо радовался на это миленькое безпечное животное, приятно было видѣть, какъ этотъ почтенный человѣкъ стѣснялъ себя, чтобы не испугать довѣрчиваго застольника. Послѣ обѣда, я читала г. Преверу, а батюшка отдыхалъ подлѣ насъ. Въ это время небо покрылось тучами, блѣдный свѣтъ началъ мало по малу застигать солнце и сгонять тѣни. Мы было остались любоваться на грозу, которая, казалось, не должна была дойти до насъ, какъ вдругъ разразилась сильный ударъ грома, козы побѣжали внизъ по горѣ, батюшка вскопчилъ съ просонокъ; пошелъ сильный порывистый дождь, и мы поспѣшили укрыться въ высокихъ скалахъ, къ которымъ прислонялись каштановыя деревья.

Тутъ-то было наслажденіе! Скалы выдавались впередъ и образовывали гротъ, по внутреннимъ стѣнамъ котораго цѣплялись дикія растенія. Въ этомъ живописномъ углубленіи мы пріютились вѣсть съ козленкомъ, который, потерявши мать, съ блеяньемъ побѣжалъ за нами. Но вокругъ нашего спокойнаго убѣжища, все шумѣло и волновалось. Деревья только что не ломались отъ усилій вѣтра; подъ горою одни вихри пыли обозначали дороги къ селеніямъ, а дальше, на равнинѣ, — деревни, казалось, превратились въ опустошенныя степи, подернутыя мрачнымъ сѣроватымъ оттѣнкомъ до самыхъ отдаленныхъ горъ, едва видѣвшихся на горизонтѣ. Кое-гдѣ только солнце прорывалось сквозь облака, золотило яркимъ блескомъ свѣтлыя полосы, которыя красовались, какъ очарованные острова, посреди мрачнаго океана.

Мы молчали. Г. Преверь благоговѣнно наблюдалъ это зрѣлище; оживленные внутреннимъ чувствомъ, глаза его загорѣлись кроткимъ блескомъ. Я ощущала какую-то неопредѣленную радость, восхитительное волненіе, къ которымъ примѣшивалось торжественное ожиданіе. Помните ли, какъ мы — бывало — при наступленіи грозы, заготовляли себѣ убѣжище, въ которомъ любили вѣсть слушать удары грома,

хотя сами дрожали от ужаса. То же чувство было во мнѣ и теперь, но болѣе развитое, болѣе сильное; къ нему присоединялось еще сердечное волненіе, незнакомое въ то время. Тысячи воспоминаній тѣснились во мнѣ, тысячи мыслей мелькали, какъ молніи, и всѣ эти ощущенія облагороживались какини-то умилительнымъ и вѣстѣ религіознымъ восторгомъ. Скажу ли, что я не думала о васъ? Нѣтъ, Шарль; мысль о васъ неразлучна со мною; а тогда, въ этомъ хаосѣ безсознательныхъ ощущеній, она обладала мною еще болѣе обыкновеннаго.

Вѣтеръ нечувствительно разметалъ облака и заходящее солнце облило чистымъ свѣтомъ освѣженные деревья. Все, будто, переродилось, помолодѣло, оживилось. Прежнія мои чувства смѣняло одно довѣрчивое спокойствіе. Влажными глазами я долго смотрѣла на нашъ приходъ: мирное жилище, казалось, такъ радушно манило меня къ себѣ, навсегда.... я стремилась къ нему и вы за мной....

Вы передали мнѣ свои мечты, Шарль, а я вамъ свои, и, какъ видите, не торопясь. Г. Превьеръ всталъ, похвалялъ насъ за выборъ такого денька; потомъ мы спокойно возвратились въ приходъ, гдѣ меня ожидало ваше письмо.

X.

Шарль къ Луизѣ.

Изъ Женевы.

И не сказать вамъ, Луиза, что я въ восторгѣ отъ вашего письма, что безпрестанно перечитываю его и не могу думать ни о чемъ другомъ! Знаю, что вы ничего этого не требуете, но я былъ бы недостойнъ вашихъ строкъ, еслибъ умолчалъ объ нихъ.

Не вы ли, Луиза, говорите мнѣ нѣжности, которыми я не смѣю вѣрить? Чѣмъ болѣе перечитываю, тѣмъ болѣе кажется, что вы мнѣ говорите: »Шарль, вы мнѣ дороги, я думаю объ васъ, желаю, чтобъ вы больше писали ко мнѣ....« какія слова могутъ больше осчастливить?

И такъ вы хотите, чтобъ я сообщалъ вамъ все, что со мной случается, что я вижу, чему удивляюсь. Очень желалъ бы удовлетворить васъ, но съ тѣхъ поръ, какъ вы меня объ этомъ просили, со мной ничего не случилось: я ничего не вижу, ни чему не удивляюсь, но не отъ того, чтобъ не было охоты видѣть или интересоваться. Чему тутъ случаться? — семь часовъ въ день сижу за книгами, остальное время думаю объ васъ: вотъ всѣ мои ежедневныя событія. Нѣтъ ни поѣздокъ въ Аллемонъ, ни обѣдовъ подъ каштанами, ни хорошенькаго козленка,

и, главное, — вѣтъ того млага слога, который такъ повинуется вашей мысли, и такъ вѣрно изображаетъ ее.

Не скажу впрочемъ, чтобъ я, до сихъ поръ мирный сельской житель, не интересовался новизною города; но умъ мой какъ будто отупѣлъ, не знаю, какъ судить о большей части вещей: перехожу отъ одной къ другой, не подозрѣвая въ нихъ ни единства, ни связи. Посреди этого хаоса, чувствую, что измѣняюсь почти безъ собственнаго вѣдома. Нѣкоторыя вещи привлекаютъ меня, другія отталкиваютъ; одни люди нравятся, другіе нѣтъ: такимъ образомъ я нечувствительно поддаюсь предубѣжденію, часто даже безъ причины, кромя развѣ нашихъ взаимныхъ предполагаемыхъ сужденій. Эта шаткость мыслей еще поддерживается сознаніемъ моего невѣжества и вснзбѣжныхъ его послѣдствіемъ — робостью. Я не спрашиваю ни объ чемъ, чтобъ не сочли меня новичкомъ; когда при мнѣ говорятъ о предметахъ интересныхъ, едва смѣю слушать со вниманіемъ, — все боюсь, чтобъ ко мнѣ не обратились, какъ къ человѣку знающему, при чемъ бы я пропалъ со стыда. Не деревенская ли жизнь сдѣлала меня робкимъ и нелюдинымъ? Я вижу же здѣсь молодыхъ людей, даже гораздо моложе меня, которые понимаютъ все, о чемъ говорится, спрашиваютъ и отвѣчаютъ съ изумительной увѣренностью; мнѣ указывали даже между ними на сотрудниковъ въ журналѣ. Правда, что эти господа далеко бы отстали отъ меня, еслибъ пришлось взбираться на верхушку вишни или рвать для васъ цвѣты на крутой скалѣ, — но кто здѣсь цѣнитъ подобныя искусства!..

Я однакожъ приобрѣлъ одно знакомство и самыя забавныя образы. Прямо подъ моимъ окномъ — окно привратника. Я какъ-то подливалъ свои цвѣты (отростокъ отъ вашего розана, принесенный мнѣ Антуаномъ). Вода просочилась сквозь землю и нѣсколько густыхъ и грязныхъ капель упало на колпакъ привратника, глазѣвшаго, по обыкновенію, на прохожихъ. Онъ ужасно разсердился и закричалъ на меня, хотя и не могъ меня видѣть, потому что я тотчасъ же, послѣ преступленія, скрылся въ глубинѣ комнаты.

На крикъ привратника, г. Дерве подошелъ также къ своему окну, чтобы самому разобрать случившееся; и вотъ что я услышалъ изъ своей засады. «Успокойтесь, г. Шампенъ, бѣда не велика. — Извините, г. пасторъ, весь колпакъ вымоченъ.—Хорошо, да вѣдь этому горю можно помочь. — Прошу прощенья, г. пасторъ, безъ такого удовольствія очень можно бы обойтись. — Правда, но вѣдь это случилось не нарочно. — Извините, г. пасторъ, видно не нарочно, коли самъ спрятался. — Ахъ,

г. Шампенъ, право голова разболится отъ вашего крика!» И г. Дерве захлопнулъ окно, а бѣдный привратникъ продолжалъ въ пол-голоса:

«Другое бы заговорилъ г. пасторъ, еслибъ ему такъ вымочили парикъ, хотя бы и чистой водицей! На то и языкъ, чтобъ жаловаться. Небось когда онъ проповѣдуетъ, никто его не беспокоитъ, какъ бы громко ни говорилъ. Гдѣ у меня чистые-то колпаки? нѣтъ ихъ!» Потомъ, возвысивъ головъ: «знаю виноватаго, знаю; слѣдовало бы пожаловаться на тебя, негодный студентка! Въ мое время молодые люди были тихи, почтительны, особливо со старшими.... да, дотронулись бы они до моего колпака!»

Съ первой минуты я уже упрекалъ себя не въ неосторожности, но въ томъ, что спрятался. Мнѣ захотѣлось поскорѣ оправдаться; но боязнь, — шумнымъ объясненіемъ, — снова привлечь вниманіе г. Дерве заставила меня употребить болѣе благоразумное средство къ примиренію. Мнѣ извѣстно было, что г. Шампенъ починивалъ часы на весь домъ и снабжалъ всѣхъ жильцовъ стеклами и ключиками: завернувши свои часы въ бумагу, я написалъ на ней почти слово въ слово слѣдующее извиненіе:

«Прошу васъ, г. Шампенъ, извинить меня и повѣрить, что хотя я, спрятавшись, поступилъ дурно, но колпакъ вашъ замочилъ совершенно нечаянно. Пользуясь этимъ случаемъ, прошу васъ снабдить прилагаемыя часы стекломъ и ключикомъ.»

Маленькій свертокъ этотъ я навѣсилъ на тесемку, которую и сталъ потихоньку спускать вдоль по стѣнѣ. Все шло какъ нельзя лучше, но негодному свертку надобно было завязнуть между жердочками кѣтки, въ которой г. Шампенъ содержалъ своихъ любезныхъ чижиговъ. Я съ большимъ терпѣніемъ и осторожностью подергивалъ за тесемку, чтобъ ее выпутать, но вмѣсто того только расколыхалъ кѣтку.... вдругъ рука вырываетъ свертокъ и начинается гроза! къ счастью г. Дерве только что вышелъ изъ своей комнаты.

Надобно было выждать первыя гнѣвныя вспышки. Въ рѣдкіе перерывы ко мнѣ адресованнаго монолога, я только успѣвалъ сказать: «разверните, г. Шампенъ, разверните!» а угрожавшіе жесты заставили меня предостеречь его что «тутъ часы.» Часы! — эти слова на него подѣйствовали. Настала тишина и вслѣдъ за тѣмъ прохожіе, собравшіеся уже на улицѣ, начали расходиться къ величайшему моему удовольствію.

Я еще обождалъ минутку, потомъ, высунувшись изъ окна на сколько могъ, увидалъ на подоконникѣ свою записку, а — изъ-за очковъ привратника — мои часы въ его рукахъ.... «Знакомая вещь, сказалъ онъ на-

конецъ. — Можетъ быть, отвѣтилъ я. — Она принадлежала одному изъ друзей моихъ. — Миѣ подарилъ ее одинъ изъ моихъ. — Не знаете ли вы Рейбаса, органиста? — знаю ли? выросъ у него въ домѣ....» — съ этой минуты мы подружился и болтали цѣлый часъ. Потомъ кто-то пришелъ за нимъ. »Я вамъ поставлю славное стеклышко, сказалъ онъ, уходя. — Согласитесь — миѣ не мудрено было принять васъ за студента по лѣтамъ вашимъ и видя васъ за книжани; да вы же еще и спрятались, а я вѣдь не колдунъ. Впрочемъ забудемъ это. До свиданія.«

Вотъ какимъ образомъ въ знакомомъ вашего батюшки я приобрѣлъ друга. Для меня это рѣшительно событіе. Миѣ стоитъ только подойти къ окну — а онъ всегда у своего — и разговоръ завязывается почти на улицѣ и подъ открытымъ небомъ. Этотъ человекъ очень смѣшонъ. Все говоритъ о старинѣ; изъ своей каморки пересуживаетъ и хулитъ всякую съ его времени переѣмну въ людяхъ, вещахъ, зданіяхъ и пр. Батюшку вашего называетъ *стариннымъ*, то есть человекомъ добраго стараго времени; часы мои относятъ къ тому же времени и старается возстановить меня противъ плоскихъ часовъ новаго мастерства. Я выигралъ въ его мнѣніи, сказавши, что всегда буду носить часы вашего батюшки и никогда не заведу себѣ другихъ. Г. Шампенъ видитъ въ этомъ доказательство предпочтенія моего встрѣчнымъ колесамъ противъ горизонтальнаго хода — техническіе термины, которыми привратникъ обозначаетъ прежнее и нынѣшнее часовое мастерство.

Знаете ли, что онъ еще миѣ сказалъ?... »Я знавалъ ее очень маленькою, лѣтъ семь тому назадъ. Кротка была, какъ ягненокъ, и обѣщала многое. Съ лѣтами куда набралась чай хорошаго! Вѣдь она дочь моего стариннаго! Передайте ему мой поклонъ, если припомнитъ Шампена. Шампенъ, Жанъ-Маркъ. Шампенъ изъ улицы Жанъ-Жако. Шампенъ что чинить часы. Шампенъ свадебный кутила, дамскій кавалеръ въ былое время. Всего лучше: Шампенъ просто, онъ не ошибется, нѣтъ! Старинный не ошибется.

Препровождая вамъ комплиментъ Шампена, передаю и его порученіе и поклонъ мой всѣмъ.

Преданный вамъ
Шарль.

XI.

Органистъ къ Шарлю.

Изъ прихода.

Съ тѣхъ поръ, какъ Розетъ умеръ, въ общинѣ нѣтъ кротолова; кротамъ привольно разводиться, а на луга больно смотрѣть — всѣ въ кочкахъ да въ рытвинахъ. Форонъ пробовалъ было, да тутъ нужно

чутье: я вот цѣлую недѣлю стерегу крота и все не подвигаюсь впередъ. Большое горе, что Розетъ умеръ, не оставивъ по себѣ ученика.

Надобно вамъ отправиться въ Моллезюлазъ. Есть тамъ одинъ искунникъ — хитеръ какъ лисца. Скажите ему, чтобъ пришелъ къ намъ на мѣсяцъ: община заплатитъ ему поденно и сверхъ того по два су съ крота — однимъ су болѣе противъ платы Розету, а кротовъ развелось теперь въ шесть разъ болѣе тогдашняго.

Боятся, чтобъ годъ не былъ плохъ для винограда. Гроза намедни побѣла съмена со стороны Шеврона, такъ что я думаю уже покончить со своими отводками. Съ виноградниками никогда не знаешь покою. Въ нашихъ горахъ, если не градъ, такъ стужа; на одну комету сотня морозовъ.

Бѣдный Брахось очень боленъ. Вы знаете эту исторію. Въ прошлую пятницу онъ продалъ на рынкѣ свою тѣлку и возвращался поздно съ новыми заступомъ. На другой день его нашли у закраины лѣса, онъ лежалъ неподвижно какъ мертвый. Дали ему воды и кое-какъ его оживили. Только что открылъ глаза, спросилъ свой заступъ. Сдѣлали носилки изъ вѣтвей и отнесли его домой. Заступъ былъ уже тамъ: Луизина сирота нашла его на дорогѣ. Одни говорятъ, что Брахось не въ мѣру выпилъ, другіе, — что ночь была больно темна. Ветеринарный видѣлъ его и сказалъ, что плохо, потому что желудокъ пострадалъ. На селѣ слышно, — Брахось сильно вывихнулъ себѣ бокъ. Но правду сказать, на самомъ дѣлѣ ничего не узнаютъ до вечера, пока не прѣдетъ изъ города медикъ, за которымъ послалъ г. Преверь. Покуда ему дѣлаютъ припарки. Легранды перестали плясать, — они съ Брахосомъ двоюродные. Луиза моя около его жены; та въ отчаяніи, что мужъ умираетъ.

Въ среду, во время грозы мы были въ Аллемонъ: отправились было туда обѣдать, да ужъ куда какъ некстати! Только что успѣли укрыться въ скалахъ, поскучали, да домой возвратились по грязи. Вѣтеръ былъ такъ силенъ, что сорвалъ двѣ дверки у конюшни да свалилъ совсѣмъ два орѣшника изъ молодыхъ. Говорятъ, молнія ушала по ту сторону Ровы на Бернекскую колокольню и убила звонаря, съывавшаго къ вечернѣ. Узнайте объ этомъ хорошенько. Впрочемъ что тутъ мудренаго съ ихъ вѣчнымъ звономъ? Въ Аллемонѣ они тоже трезвонили. Въ альманахѣ сказано, что звонъ притягиваетъ молнію, да вѣдь они читать не умѣютъ а школы нѣтъ, — пасторамъ ихъ — вишь — не угодно.

Постарайтесь же завтра побывать по моему дѣлу, ижъ тѣмъ и прогуляетесь. Онъ по сю сторону моста, на выѣскѣ кротъ, въ окнахъ бунажныя стекла. Имени его не знаю, да вы сами потрудитесь развѣдать.

Нашъ вамъ поклонъ.

Рейбасъ.

XII.

Шарль къ Луизѣ.

Изъ Женевы.

Попробую употребить новаго посла. Кладу это письмо подъ ошейникъ Дурака и ему предоставляю надоумить васъ о посольствѣ; но такъ какъ письмо можетъ попасться и въ чужія руки, то у васъ секретовъ не будетъ.

Дуракъ былъ здѣсь уже чѣмъ свѣтъ, проникъ въ домъ при первой возможности и разбудилъ меня ошомль скребомъ у двери. Упорительно было, когда привратникъ съ длинной метлой погнался было за нимъ, чтобъ выгнать отсюда. — Только что Шампенъ подавлялъ свое оружіе, Дуракъ начиналъ ворчать и открывалъ двойной рядъ зубовъ.... вонзственный привратникъ долженъ былъ ретироваться и тогда я отворилъ.

Я все поджидалъ Антуана. Онъ не пришелъ, стало быть визитъ друга моего былъ совершенно добровольный: тѣмъ болѣе благодарный и, въ свою очередь, обязанный вниманіемъ, я оставилъ учебныя тетради и вышелъ показать городъ дорогому гостю.

Во всемъ городѣ Дуракъ видѣлъ одного меня, рѣзвился, прыгалъ: я съ трудомъ удерживалъ его радость въ границахъ приличія. Подъ конецъ мы повстрѣчали маленькую датскую собачку, выбритую, причесанную, приглаженную — ее вела на привязи старая дама. Дуракъ вдругъ сталъ серьезенъ: онъ не рѣшался признать ближняго въ наскочкомъ и готовъ былъ броситься на него. Барыня, видя уже свою собачку разтерзанною, попросила моего заступничества. Я разыгралъ при этомъ великолѣпную роль, вслѣдъ за которой досталась другая — не мѣе блестящая.

Идучи дальше, я съ нѣкоторымъ безпокойствомъ догадывался, что тонкое чутье моего пріятели должно быть попало на какую-то чрезвычайно соблазнительную струю атмосферы.... струя эта, завладѣвшая его исключительнымъ вниманіемъ, къ несчастію и привела его къ разложенному съѣстному товару. Дуракъ привсталъ на заднія лапы и безъ

церемонія стащилъ блюдо галантира съ трюфелями.... все засуетилось въ лавкѣ и на улицѣ; кто взялся за аршинъ, кто за палку, закричали: чья собака?... Пришла минута открыться, призвать друга и заплатить за его обѣдъ. Отказаться я не посмѣлъ, или лучше, не захотѣлъ: поднятыя палки и воспоминаніе подобныхъ случаевъ, въ которыхъ скромность Дурака выручала меня, удержали мой языкъ. Спустя нѣсколько времени я пришелъ заплатить за блюдо — обошлось дорого, а одинъ Дуракъ знаетъ вкусно ли. Онъ дожидался меня дальше съ видомъ величайшаго самодовольства.

Вотъ мы и домой воротились. Дуракъ наслаждается послѣ обѣденнымъ отдыхомъ, а я пишу эти строчки, которыя не сочту за письмо, если вы позволите.... но вотъ Дуракъ обнаруживаетъ желаніе идти домой. Я прекращаю свое болтанье чтобы воспользоваться его намѣреніемъ, котораго бы не могъ внушить ему безъ его собственной воли. Не вздумалось бы ему опять остановиться за какимъ-нибудь блюдомъ!... Въ такомъ случаѣ бумажка эта можетъ выдать его.

XIII.

Луиза къ Шарлю.

Изъ прихода.

Шарль! Я передала батюшкѣ ваше порученіе. Въ самомъ дѣлѣ довольно было—просто «Шампена.» Воспоминаніе о старомъ другѣ сначала очень обрадовало его; батюшка въ тѣхъ же самыхъ выраженіяхъ сказалъ мнѣ: «это старинный, Шампенъ, Жанъ Маркъ; часовщикъ, дамскій кавалеръ въ молодое прошлое время.» Потомъ къ этимъ воспоминаніямъ присоединилось и воспоминаніе о матушкѣ. Я хотѣла отклонить его отъ грустныхъ мыслей, заговаривала о другомъ: «милая, уважаемая женщина! Прерывалъ онъ меня; Шампенъ и предложеніе ей дѣлалъ отъ моего имени.» И весь день онъ былъ задумчивъ.

Къ счастью, вечеромъ пришелъ вашъ кротоловъ и развлекъ батюшку. Онъ повелъ его по деревнѣ, гдѣ они вѣсть приготовили планъ дѣйствій. Какого уморительнаго человѣка вы намъ прислали! Онъ похожъ на колдуна съ своими рыжими волосами, съ бѣлыми рѣсницами и красноватыми глазами; я испугалась бы, еслибъ встрѣтилась съ нимъ одна, въ деревнѣ. Ходятъ слухи на селѣ, будто онъ снимаетъ наговоры. Будетъ здѣсь ему много дѣла, потихоньку, разумѣется отъ г. Превра.

Я знаю всё эти тайные слухи через батюшку—его остерегаются меньше, нежели г. Превра хотя самъ, батюшка нынче не такъ суевѣренъ.

Однакожь онъ сказалъ мнѣ: «знаешь ли Луиза—кротоловъ этотъ пренскусникъ! Сквозь землю онъ чувствуетъ, какъ кроты ходятъ, посмотреть, гдѣ склонилась трава и указать тебѣ мѣсто гдѣ подрывается кротъ. Забавенъ — хочетъ увѣрить, что тутъ колдовство, а я говорю, что это чутье. Для кротовъ нужно чутье, безъ чутья они проведутъ самаго хитраго: ты роешь тутъ, а кротъ тамъ. А искусенъ—ничего сказать! Хотѣли было спросить его о Бракосѣ, да я отсовѣтовалъ.» Бѣдный мой батюшка! Мнѣ совѣстно, что я какъ будто смѣюсь надъ его словами, но они невольно повторяются, потому что такъ вѣрно характеризуютъ его.

Не удивляюсь, что городская жизнь такъ рѣзко отличная отъ сельской, огуманиваетъ васъ, какъ вы говорите. Сколько новыхъ предметов! Вліяніе на васъ всей этой новизны огуманиваетъ и меня. Боюсь, чтобъ движеніе и шумъ не коснулись и до меня и еще сильнѣе привязываюсь къ моему уединенному тихому убѣжищу, и даю себѣ обѣщаніе никогда не разставаться съ нимъ. Тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ слушаю ваши рассказы: они доходятъ до моего тихаго берега, какъ эхо отдаленнаго шума, заносимаго вѣтромъ.

Не допускайте въ себѣ слишкомъ большихъ измѣненій безъ моего вѣдома. Батюшка боится, чтобъ вы не сдѣлались баричемъ и я боюсь того же. Кажется, что этому содѣйствуютъ и науки ваши, и образъ жизни, и люди, съ которыми живете, и предстоящія связи. Кстати, вы мнѣ ничего еще не сказали ни о семействѣ г. Дерве, ни о новыхъ встрѣченныхъ вами лицахъ, ни о салонахъ, въ которыхъ многое слышите — ничего наконецъ о моемъ родномъ городѣ, совершенно мнѣ не знакомо. Видите ли, сколько предметов! Я говорю вамъ о кротахъ: это у насъ надолго великое событіе; вы же ничего не говорите о столицѣ, гдѣ должно случаться, по крайней мѣрѣ, въ день по одному происшествію.

Луиза.

Р. S. Въ эту минуту Марта подаетъ мнѣ ваше письмо—последній обратился къ ней. Если бумага на пути не сдвинулась и не высунулась изъ-за ошейника, она могла бы тамъ остаться и попасться потомъ въ другія руки. Благодарю васъ, но не утаю все—таки, что это меня немного потревожило.

XIV.

Шарль къ Луизѣ.

Изъ Женевы.

Правда, Луиза, я измѣняюсь, хотя бы все измѣненіе заключалось только въ усиливающейся съ каждымъ днемъ любви моею. Но, какимъ же образомъ, не измѣнившись, сдѣлаться достойнымъ васъ? Бываютъ минуты, когда я желалъ бы быть первымъ на землѣ, чтобъ къ ногамъ вашимъ повергнуть всю мою славу и могущество. Въ этомъ отношеніи честолюбіе одолеваетъ меня; завидую отличіямъ не для того, чтобы пользоваться ими, но чтобы принести ихъ въ жертву вамъ. Встрѣчая здѣсь людей, пользующихся общимъ уваженіемъ, слывущихъ за существа особенныя, высшія, дѣлающія собою честь городу, я вздыхаю объ ихъ преимуществахъ, какъ о небесномъ дарѣ, плоды котораго предоставилъ бы вамъ. Но гдѣ же мои преимущества? Чтѣ я такое? И по какому счастью, при всемъ ничтожествѣ, имѣю въ васъ друга?

Чтѣ же касается до барства, прошу васъ — успокойте батюшку; ему боятся нечего. Многіе изъ моихъ товарищей баричи; въ другихъ, кромя барства, нѣтъ ничего: во всемъ этомъ я, право, не вижу ничего привлекательнаго, ровно ничего. Другое дѣло — еслибъ я могъ отличіями облагородить сельскую одежду свою; еслибъ знаніями, достоинствами могъ достигнуть до тѣхъ завидныхъ высотъ, на которыхъ стоятъ здѣсь нѣкоторые; еслибъ, дошедши до нихъ, могъ въ свою очередь, сдѣлать честь г. Преверу, моему первому и единственному наставнику!... Ахъ, Луиза, вотъ чтѣ заставляетъ биться сердце мое! — Отнюдь не барство! До барства ли мнѣ, брошенному ребенку?... Здѣсь называютъ меня деревенскимъ, — еслибъ знали, называли бы, я думаю, безроднымъ.

Желалъ бы скрыть отъ васъ причину, пробудившую во мнѣ понятныя нескромныя желанія, но не могу, и при томъ же, она покажется вамъ менѣ смѣшною, когда вы узнаете все. Слова мои начинаютъ походить на порядочную похвалу самому себѣ, — оно такъ и есть, Луиза, но простите мнѣ ради моего чистосердечія.

Есть здѣсь одинъ человекъ, которымъ славится наше отечество: онъ отличается въ совѣтѣ познаніями и краснорѣчіемъ, извѣстенъ за границы сочиненіями о законахъ и о политическихъ собраніяхъ, и, по своимъ высокимъ дарованіямъ, находится въ сношеніяхъ съ большою частію знаменитыхъ людей нашего времени. Мнѣ его показывали еще

вскорѣ по приѣздѣ моему сюда; съ тѣхъ поръ я его видѣлъ нѣсколько разъ и много о немъ слышалъ. Это мущина очень полный, съ широкимъ лицомъ, не красивымъ, но важнымъ, отгнѣннымъ густыми бровями, до половины закрывающими его серьезный и вѣсть добрый взглядъ. Платье онъ носитъ слишкомъ просторное, въ рукѣ у него толстая палка, на головѣ шляпа, часто измятая — чего онъ никогда не замѣчаетъ. Этотъ г. Этьенъ Дюмонъ *) — такъ онъ прозывается — въ своей одеждѣ столько же похожъ на барина, какъ и любой старѣйшина нашего селенія.

Г. Дюмонъ происхожденія темнаго; первые годы провелъ въ нуждѣ и всѣмъ обязанъ личнымъ своимъ достоинствамъ. Вы въ правѣ были бы посмѣяться, Луиза, еслибъ я сказалъ, что его-то примѣръ воодушевляетъ меня и пробуждаетъ помянутое честолюбіе, — другое дѣло, когда узнаете, что этотъ самый г. Дюмонъ говорилъ со мной, обласкалъ и ободрилъ меня.

Дней восемь тому назадъ у г. Дерве былъ вечеръ. Пришелъ и г. Дюмонъ, они старые товарищи по школѣ. Я не спускалъ глазъ съ г. Дюмона. Онъ говорилъ съ тѣмъ, съ другимъ, потому что каждый желалъ подойти къ нему; я же, на разстояніи, старался уловить нѣсколько его словъ. Онъ близорукъ и, во время разговора, съ любопытствомъ оглядывалъ кругомъ залы, какъ бы высматривая кого. Я дрожалъ всѣми членами каждый разъ, когда глаза его обращались въ мою сторону. Наконецъ, адресуясь къ г. Дерве: «г. Дерве, сказалъ онъ, вы еще не познакомили меня съ вашимъ новичкомъ: — здѣсь онъ?» Г. Дерве тотчасъ взялъ меня за руку, такъ что въ ту самую минуту, когда я, сконфуженный, желалъ бы уничтожиться, я услышалъ страшныя слова: «подите сюда Шарль;» намъ очистили проходъ — «вотъ онъ!» сказалъ г. Дерве, представляя меня своему другу. Я покраснѣлъ до ушей и не смѣлъ взглянуть ни вправо, ни влѣво, впрочемъ, не смотря на волненіе, ничего не забылъ изъ сказаннаго. Въ этихъ случаяхъ память удивительно воспримчива.

«Любезный другъ! то что я слышалъ о васъ, заставило меня пожелать вашего знакомства. Вотъ почему другъ мой Дерве выдалъ васъ.» Я улыбнулся вѣсть съ другими и опасенія мои въ половину разсѣялись. «Мнѣ сказали, что вы любите науку.... Это хорошо: въ ваши лѣта надобно заниматься, кто хочетъ быть чѣмъ-нибудь впоследствии. Гдѣ начали вы учиться? — Здѣсь, милостивый государь. — А прежде

*) Этьенъ Дюмонъ отличный публицистъ, извѣстный писатель, другъ и толкователь Бенгтама, авторъ «воспоминаній о Мирабо» и пр. и пр.

этого? — Я жилъ въ деревнѣ, воспитанъ г. пасторомъ Преверомъ. — Г. Преверомъ! О, вы вышли изъ прекрасной и высокой школы!... Гдѣ ваши родные? — У меня нѣтъ ихъ. — А г. Преверъ? — Онъ призрѣлъ меня....» — При этихъ словахъ всѣ замолчали и глядѣли на меня съ участіемъ: «достойный уваженія поступокъ! прервалъ растроганный г. Дюмонъ, — поступокъ, который дѣлаетъ честь какъ призрѣвшему, такъ и призрѣнному! Вы успѣте, другъ мой, навѣрно успѣете. Бѣдность и сиротство великіе двигатели. У васъ есть сильное побужденіе — быть всѣмъ для себя. Не унывайте. Вы уже высоко поднялись, и я изъ этого многое заключаю въ вашу пользу. Если вы будете продолжать такъ, то васъ ожидаютъ великія наслажденія. Трудитесь; не подражайте нашей пустой и безпечной молодежи: посѣйте съ трудомъ, и пожнете съ избыткомъ. Приходите ко мнѣ иногда, и считайте меня въ числѣ вашихъ друзей.» Моя рука была въ его рукѣ, я пожалъ ее молча, боясь отвѣтить что-нибудь, чтобъ не заплакать при первомъ словѣ, — такъ я проникнуть былъ удовольствіемъ и благодарностью.

Вотъ все, Луиза. Чтѣ скажете вы?... На этотъ разъ непремѣнно жду письма.

XV.

Луиза къ Шарлю.

Изъ прихода.

Разсказъ вашъ, Шарль, глубоко тронулъ меня. Я была съ вами, съ вами краснѣла, съ вами съ наслажденіемъ выслушивала слова, столько пріятныя и лестныя отъ такого человѣка. И я горжусь ими, Шарль, стало быть оба мы имѣемъ недостатокъ въ скромности, и мнѣ прощать вамъ ничего не приходится.

О, да; какое прекрасное и завидное положеніе! Не многіе, конечно, молодые люди могутъ приблизиться къ этимъ блестящимъ образцамъ, но всѣ должны бы были обращаться къ нимъ. Ахъ, еслибъ я была мужчиной, я не столько бы стремилась достигъ этой высоты, — это слишкомъ исключительно, трудно, подвержено сомнѣнію, — сколько вступать на ту же дорогу познаній, достоинствъ, высшихъ и серьезныхъ понятій. И не всегда ли — болѣе или менѣе — къ этой цѣли ведутъ съ пользой употребленная юность и подражаніе великимъ людямъ? Безъ этого, Шарль, къ чему послужать и богатство, и происхожденіе и самыя дарованія? Посмотрите на г. Эрнеста: помняутыя преимущества такъ легко ему достались; но онъ, вѣроятно, принадлежитъ къ той лѣвивой

и пустой молодежи, о которой говорил г. Дюмонъ. И что онъ такое? Правда, что богатъ; у него прекрасный домъ, отличныя лошади, но даже въ нашемъ приходѣ — на этомъ скромномъ театрѣ — что значитъ онъ передъ г. Преверомъ? Что значилъ бы передъ вашими Господиномъ.... и занимаетъ ли онъ какую-нибудь полезную или лестную для себя роль въ политическомъ или частномъ отношеніи? А, если вы хотите, я скажу вамъ по секрету, что это-то рѣзкое отличіе молодаго человѣка передъ другими, больше всего и привлекаетъ на него вниманіе молодой дѣвушки.

»Прекрасной и высокой« онъ называлъ школу г. Превера, и слова эти запечатлѣлись въ моемъ сердцѣ. Они, для меня, придаютъ вѣсъ всему остальному имъ сказанному. Да, высокая и прекрасная школа! Неотъемлемое преимущество — провести свое дѣтство подъ сѣнью этой истинной добродѣтели, — знать этотъ прекрасный образецъ доброты, терпѣнія, человѣколюбія, великодушія; пользоваться снисходительными уроками такого свѣдущаго и опытнаго наставника.... Отъ полноты убѣжденія скажу, что если есть поприще прекраснѣе представленнаго вами, то это поприще человѣка избраннаго, посвящающаго свою жизнь на неизвѣстные скромныя подвиги добродѣтели, съ однимъ побужденіемъ великодушія, съ одной цѣлью — помочь ближнему, съ одной ревностью — слѣдовать по стезямъ Божественнаго Учителя, съ одной надеждою — уготовать себѣ мѣсто въ вѣчныхъ обителяхъ вмѣстѣ съ тѣми, которыхъ онъ сдѣлалъ лучшими.

Небо было милостиво къ намъ, Шарль. Дай Богъ, чтобъ благодѣянія дѣтства пролились на весь остатокъ жизни нашей!

XVI.

Шампенъ къ Рейбасу.

Изъ Женевы.

Рейбасъ, помнишь ли Шампена? Вотъ ужъ шесть лѣтъ, какъ мы не видались. Старые становимся, бѣдный другъ; скоро ужъ встрѣтимся въ другомъ мѣрѣ. Бывало, какъ все это казалось далеко, а въ вотъ мы ужъ и тутъ! А? скажи пожалуй!

На дняхъ пришелъ бы я съ тобой повидаться, еслибъ ноги не отказались служить. Лѣвая распухла, а правая не крѣпка — ревматизмъ ее у меня сгубилъ. Вотъ, Рейбасъ, куда спустился! а то ли была не нога, ей ли не завидовали! Да, выпало и на ея долю счастливое вре-

мячко. Помнишь ли, на крестинахъ Катерины каково отплясывалъ, не смотря, что сорокъ-то ужъ давно стукнуло!

Я сказалъ, что повидался бы съ тобой, да только не ради самого тебя, а ради молодчика, что здѣсь у насъ, которому ты часы-то свои отдалъ, и — между нами сказать — напрасно отдалъ: нынче ужъ такихъ вещей не дѣлають. Много мастерскихъ стало, а искусство упало. Нынче мастерить, кто хочетъ — на всякой вкусъ — плоскихъ ли надо — вотъ вамъ плоскія, съ золотою ли битью, простыхъ ли или затѣшливыхъ — всякія есть, только прочной, отчетливой работы не спрашивай. А кстати: кто-то послѣ меня принимался за твои часы. Скажи, кто такой? Кажись бы это только мое право.

Я началъ-то про молодчика — добрый малый онъ — нечего сказать, а у насъ въ околodкѣ про него поговаривають не совсѣмъ хорошее. Я ничего не знаю, и отвѣчать мнѣ не берусь: »не правда, говорю только, не допустить этого Рейбасъ, — до меня дошло бы что-нибудь.« Да они знай несутъ свое, ужъ коли разъ заболтають языки — не быть тутъ толку.

Говорять — слышь — про него, что будто — дитя грѣха — чье? — не называютъ. Жакемайша мѣтитъ на важную особу, у которой былъ въ услуженіи ся братъ въ девяносто осьмомъ году; она даже хочетъ писать къ нему — добиться прозванія этой особы. Слышно также, что пасторъ г. Преверь тайнымъ образомъ получаетъ ежегодную пожизненную плату на его воспитаніе, чтобы только держалъ подалеже ото всѣхъ въ своемъ приходѣ. Тутъ-то малый, говорятъ, и влюбился въ твою дочку; тебѣ будто это не понравилось — ты и отрядилъ его сюда. Другіе увѣряють, что ты далъ слово парню, а я возражаю, что пустое толкують, что тебя не знаютъ, что ты скорѣе отдашь дочь за волопаса — благо у волопаса есть честные отецъ и мать, — чѣмъ за господчика, Богъ вѣсть откуда. Это такъ — или я не Жанъ - Маркъ Шампенъ!

Тебѣ, Рейбасъ, слѣдуетъ описать мнѣ подробности, чтобъ я подержалъ болтовню, когда узнаю настоящую причину. А еще бы лучше, еслибъ самъ ты явился. Кстати, теперь пара нашихъ женевскихъ рыбокъ, есть у меня и три бутылочки Крепа. Такъ-то, старина, по рукамъ. Садись-ка на тельгу въ торговый день, да прямо и ко мнѣ. Будетъ про тебя и добрая койка.

Прощай, старинный.

XVII.

Орианистъ къ Шампену.

Изъ прихода.

8-го числа я получилъ письмо твое — есть въ немъ и правда и неправда, какъ увидишь. Начну съ часовъ, полученныхъ мною отъ отца и, за немѣнѣемъ сына, обѣщанныхъ зятю: перебралъ ихъ вмѣсто тебя Жанъ-Рено, потому что никогда было пересылаться — мнѣ оставалось времени только двѣнадцать часовъ, а надобно было вычистить ихъ и послать молодому человѣку. Есть подарки, совсѣмъ терпящіе свою цѣну, если не дашь ихъ въ-время.

Часы, подаренные будущему зятю, докажутъ тебѣ такимъ образомъ, Шампенъ, что слухи справедливы. Скажи Жакемайстѣ, чтобъ не трудилась писать — предположенія ея значительно истинны. Родители молодого человѣка были нищіе. Онъ родился въ лѣсу, гдѣ они и оставались четверо сутокъ, на пятые исчезли, положивши ребенка передъ церковною дверью. Узнали это еще въ-время, можно бы было воротить ихъ и заставить взять ребенка, что я и совѣтовалъ сдѣлать, но г. Преверь не хотѣлъ, говоря, что они его сгубятъ. Такимъ образомъ онъ его воспиталъ, за что я долгое время досадовалъ и на г. пастора и на молодого человѣка, какъ потому, что Луиза привязывалась къ нему, такъ и по причинѣ его упрямаго характера.

Принимая возраставшую съ лѣтами привязанность ихъ другъ къ другу, я принялъ свои мѣры, и начисто сказалъ г. Преверу, чтобъ онъ удалилъ Шарля, не то меня не будетъ. Тутъ оказалось, что г. Преверь не былъ противъ этого брака; онъ даже намекнулъ мнѣ, что въ разсужденіи мнѣнія, молодой человѣкъ не будетъ нуждаться, пока у него — г. Превера — есть что отдѣлать или оставить послѣ себя. Я держался твердо, готовый скорѣе — какъ ты справедливо замѣчаешь — отдать дочь за пастуха, сына честныхъ родителей, нежели за господчика, рожденнаго въ лѣсу, неизвѣстно отъ кого. Когда на отцахъ нѣтъ грѣха, такъ и дѣти авось не запятнаютъ себя. Всѣ наши деревенскіе были однихъ со мною мыслей, и немногіе пожелали бы такого женишка дочери либо сестрѣ. Въ слѣдствіе этого г. Преверь удалилъ Шарля, сознавая, что я правъ и хотя поступилъ жестоко, но справедливо.

Отправили Шарля въ субботу; въ тотъ же самый день я заговорилъ на этотъ счетъ съ Луизой. Съ перваго слова она залилась слезами, увѣряя въ то же время, что готова исполнять волю мою и жела-

что не будет ни прекословить мнѣ, ни порицать меня. Бѣдняжка, разставшись сильнѣе чувствовала привязанность, перевозмогала себя, чтобы не дать ничего замѣтить и успокоить меня, а у меня сердце изнывало за нее. Я предполагалъ г. Превера разсерженнымъ и какъ съ облаковъ упалъ, увидавши его, черезъ минуту, благосклоннымъ по прежнему. Когда же поразсудилъ, какъ онъ осиротѣлъ, лишившись ребенка, котораго воспиталъ для себя, и что я былъ причиной всего, и что жена моя — будь она жива — не такъ бы поступила, — тутъ жалость забрала меня такъ сильно, что изъ тронхъ насъ мнѣ было тревожнѣе всѣхъ. Отправился на село: тутъ, словомъ, другимъ поразвлекли меня, я поободрился, зашелъ къ Лэгранду, — и ужъ развеселился было у него за чарочкой.

Слушай же, Шампень, чтобы было тебѣ вѣдомо, какими путемъ я дошелъ до согласія, и мой ли это выборъ. Такъ и остался я, твердо увѣренный, что дѣло мое сдѣлано, только на другой день, въ воскресенье, за недѣлю до причастія, г. Преверь въ молитвѣ своей прилагаетъ два слова за мальчика. Всѣ на меня взглянули, кромѣ — опустившей головку — бѣдняжки. Я до того смѣшался, что потерялъ ноту въ псалмѣ и запѣлъ какъ попало, къ тому же не было и органа, чтобы заиѣнить меня. Послѣдовалъ текстъ — собственные слова Господа Спасы нашего Иисуса Христа: «кто принимаетъ единого отъ малыхъ сихъ во имя Моё, меня принимаетъ.» Я былъ побѣжденъ и не хотѣлъ отступать: казалось, что отступаю отъ Спасителя, возглаголавшаго мнѣ устами служителя своего, когда не ушло еще время, чтобы привести меня къ покаянію. Я раскаялся и въ ту же минуту рѣшился, и похвалилъ себя, выслушавъ проповѣдь г. Превера, до того сильную, Шампень, и истинную, что всѣ въ церкви бывшіе плакали; такъ что ни я, и никакой отецъ, ни сами Редары со всѣми своими богатствомъ, родовымъ и приобрѣтённымъ, — никто не отказалъ бы безродному въ рукѣ своей дочери. Луиза еще при началѣ вышла изъ церкви.

Вотъ, Шампень, исторія во всей истинѣ. Это между Богомъ и мною. Ни сожалѣю, ни возношусь своимъ поступкомъ, только успокоился; чувствую, что старѣюсь и что за предѣлѣи гроба послѣдуютъ за мной одни дѣла мои. Еще остается мнѣ увѣренность, что также поступила бы и любезная, досточтимая жена моя, которая была лучше и добрѣе меня, — увѣренность отрадная, если благодать Божія допустить мнѣ соединиться съ Терезой!

Теперь ты знаешь дѣло, какъ я самъ. Но придержи языкъ свой, ни слова не говори никому о данномъ обѣщаніи. Ребенокъ долженъ

вырости, приобрести званіе, прежде нежели исполнится слово. Когда все узнается — не пришлось бы торопиться, что было бы неразумно. Будь же скромнѣе, а пусть сосѣди говорятъ себѣ, что хотятъ. Я мало объ этомъ забочусь, лучше сказать, совсѣмъ не забочусь. При случаѣ дай только добрый совѣтъ молодому человѣку, да предостереги его. Я не могу видѣться съ тобой на дняхъ, но въ первый же разъ, какъ приѣду въ городъ, не премину заглянуть къ тебѣ. Преданный тебѣ
Рейбасъ.

XVIII:

Г. Преверь къ Шарлю.

Изъ прихода.

Шарль, надобно тебѣ на нѣсколько дней прекратить переписку. Все переживуемое Луизой въ послѣднее время, разстроило ея здоровье, и хотя болѣзнь не представляетъ большой важности, но ей нуженъ покой. И такъ пусть, съ твоей стороны, ничто не возбуждаетъ ея впечатлительности. Жди лучшихъ дней. Малѣйшая неосторожность могла бы поколебать твое счастье, потому что отецъ сильно встревоженъ положеніемъ дочери, и я съ трудомъ поддерживаю его въ принятомъ настрѣеніи.

Впрочемъ, не ошибись, милое дитя мое, на счетъ волненія, подорвавшаго здоровье твоей подруги. Луиза любитъ тебя, — тебя одного, и я увѣренъ, что жизнь ея отнынѣ соединена съ твоею. Но какъ могли бы она безъ потрясенія перейти отъ спокойствія прежнихъ дней къ новой внезапной перемѣнѣ? Какъ могли бы тысячи новыхъ чувствъ осадить это чувствительное сердце, не взволновавъ его? Какъ наконецъ Луиза — сама чистота и невинность — передъ священнымъ словомъ, дающимъ отдаленное право на ея особу, — какъ пошла бы она безъ борьбы и смятенія къ таинственному будущему?

Эти причины, вѣсть соединенныя, достаточно объясняютъ тебѣ, замѣтное съ нѣкотораго времени, разстройство Луизы. Вчера она цѣлый день не выходила, сегодня не вставала. Если лихорадка усилится, я приглашу медика, не посмотрю на отаѣкиванья Луизы. Но надобно полагать, что тишина и спокойствіе возобновятъ ея силы, — вотъ почему и требую, чтобъ ты ей не напоминалъ о себѣ.

XIX.

Органистъ къ Шарлю.

Изъ прихода.

Нѣтъ сомнѣнія.... Я лишуь ея , если милосердый Богъ не сжа- дится! Она въ горячечномъ жару, она бредитъ — точно также было и съ ея матерью.... Все это отъ страха и волненія съ тѣхъ поръ , какъ я вамъ ее общалъ. Никогда она не выйдетъ за мужъ, а еслибъ вы- шла, была бы несчастлива!...

Повторяю вамъ—волненіе сгубитъ ее.... Была счастлива.... А больше видно не будетъ.... Если не теперь, то поздиѣ лишуь ея....

Не пишите къ ней — хотѣлъ я вамъ сказать.

XX.

Шарль къ Мартъ.

Изъ Женевы.

Добрая Марта , мнѣ нѣтъ возможности оставаться здѣсь , что бы они ни говорили. Я хочу быть подлѣ васъ. Скажи сестрѣ твоей , что сего-дня вечеромъ попрошу ее пріютить меня, и ты сама придешь ска- зать, чтѣ случилось съ моею возлюбленной.... Марта! Марта!... Правда ли это? Я получилъ отъ отца ея ужасную записку.... Не смѣю распра- шивать.... До вечера.... Надобно скрываться и здѣсь и тамъ; но если отправлюсь обратно со свѣтомъ, то къ десяти часамъ буду здѣсь....

Прощай , добрая Марта. Какъ я страдаю! Постарайся къ полу- ноци быть тамъ.

XXI.

Органистъ къ Шарлю.

Изъ прихода.

Докторъ только что вышелъ изъ ея комнаты — онъ нашель ее лучше. Дай Господи! Покажѣсть она держала меня за руку , я осто- рожно и для нея не замѣтно — ощупалъ подъ среднимъ момъ паль- цемъ ея пульсъ , по которому и заключилъ , что лихорадка подбави- лась, какъ я и ждалъ къ вечеру съ перемѣною мѣсяца. Спрашивала , знаете ли вы что-нибудь; въ угоду ей отвѣчали , что вы ничего не знаете — за тѣмъ и болѣзни на половину спало съ нея. Не говорилъ ли я, что вы причиной ея разстройства!

На дворѣ не убываетъ народу. Все селеніе хочетъ знать о ея здоровьѣ; Сервены прислали изъ-за села. Когда я уходила, спросила: «а писемъ нѣтъ?» Пишете ужъ коли такъ; вѣдь ужъ все равно страдать-то въ обоихъ случаяхъ.
Рейбась.

XXII.

Лумза къ Шарлю.

Шарль,

Изъ прихода.

Я желала, чтобъ отъ васъ скрыли причину моего молчанія въ эти послѣдніе дни, но Марта мнѣ все сказала. Въ другое время я пожурила бы васъ, но теперь не въ силахъ. Какъ же я переѣвилась! Меня трогаетъ то, что прежде ужаснуло бы; безъ стыда допускаю то, чему бы всячески старалась воспрепятствовать, и, возвращаясь къ жизни, не могу оградить себя отъ тѣхъ чувствъ, которыя привели меня въ настоящее положеніе.

Шарль! Я ли это? Или горячечные припадки мутятъ еще мой разумъ? Должна ли я предаваться настоящему отрадному спокойствію, нѣгѣ сердца? Вчера, въ безпамятствѣ, я призывала смерть, какъ средство освободиться отъ страданій, покончить съ жизнію, отыгнѣ тревожной; сегодня жизнь мнѣ улыбается; тихое, радостное ощущеніе проникаетъ въ меня, я только и думаю о васъ.... Въ привязанности вашей мое утѣшеніе, мое прибѣжище и, хотя я не могу спокойно думать о ней, но чувствую, что не могла бы жить безъ нея.

Сколько противорѣчій! на какія признанія я отваживаюсь! Но за то была же я и несчастна!.. Другихъ, въ минуты скорби, отгадаетъ и выслушаетъ мать, а я.... кому повѣрила бы горе? Бывало, когда не знала этаго сердечнаго смятенія, уединеніе, поля, лѣса такъ легко мирили меня съ непріятностями; теперь все страшитъ и удаляетъ меня.. Я не смѣю уже оставаться сама съ собою, и не знаю кому довѣриться. Такимъ образомъ всюду чуждая, слабая и тревожная, я высказываю то, о чемъ бы слѣдовало молчать, — открываю вамъ тайну грусти, которая, если не оскорбитъ васъ, то опечалитъ.

О, безъ сомнѣнія — это прошедшее, которое изглаживается какъ давній сонъ, и веселое дѣтство, спокойствіе котораго утрачено, и будущее — мрачное, неизвѣстное, и столько внезапныхъ переѣвнъ въ мысляхъ, когда положеніе кажется тѣмъ же, — вотъ первыя причины сдвинувшей меня борьбы! Я надѣялась, что продлится эта спокойная

жизнь, что ничто въ ней не измѣнится, защищала сердце отъ новыхъ чувствъ.... но чѣмъ болѣе сопротивлялась, тѣмъ сильнѣе было увлеченіе; чѣмъ болѣе старалась отдалить будущее, тѣмъ скорѣе оно приближалось ко мнѣ. Шарль! Я со страхомъ видѣла въ васъ единственную опору судьбы моей, и въ тоже время мысль эта составляла мою отраду и единственную надежду; отклонялась отъ ласковыхъ рѣчей вашихъ, — и чувствовала въ нихъ потребность; вздыхала о прошломъ, а еслибъ вы остались для меня прежнимъ Шарлемъ, то я не пожалѣла бы о жизни. Въ этой невозможной борьбѣ я истощала свои силы и изнемогала подъ тяжестью ноши, которую несла одна ...

Простите мнѣ, Шарль, эти грустныя признанія.... Буду ли я бодрѣе, благоразумнѣе?.... Не смѣю надѣяться.... по крайней мѣрѣ дайте извѣдать минуты утѣшительной надежды.... дайте убаюкать печаль сладкими мечтами.... дайте взглянуть на чудное небо, недавно еще подернутое тучами!.... Возвратитесь ли вы, дни ясныя? пройду ли я еще разъ по цвѣтущимъ лугамъ, — свободная и счастливая?.... Не опечалю ли васъ, дорогіе друзья, живущіе въ сердцѣ моемъ!....

Полночь. Марта жѣшаетъ мнѣ продолжать. Прощайте, Шарль. Не знаю, что пишу къ вамъ. Можетъ быть не послала бы этихъ строкъ, еслибъ перечитала ихъ....
Ваша Луиза.

XXIII.

Шарль къ Луизѣ.

Изъ Женевы.

И это правда, Луиза? Ваше сердце искало моего?.. Вы прибѣгли ко мнѣ въ печали?.. Такъ ли я прочелъ?.. Краснѣю передъ вами, что осмѣлился повѣрить строкамъ, которыя, однакожъ, у меня передъ глазами.

Воленіе ваше перешло ко мнѣ. Четыре дня, какъ вы страдаете; можетъ быть жизнь ваша была въ опасности, я не могъ ни видѣть васъ, ни писать къ вамъ, и вдругъ, посреди страшныхъ безпокойствъ, меня застаютъ это дорогое письмо.... сердце мое въ упоеніи безумной радости!.. Прощайте благоразуміе, скромность, страхъ прогнѣвать васъ. Не уищу удерживать восторговъ и разиѣрять слова свои....

Мнѣ слѣдовало бы оплакивать несчастія, причиненныя мною, но какимъ образомъ, если онѣ-то и приводятъ васъ ко мнѣ? если, отнынѣ мнѣ живущія, онѣ оставляютъ въ сердцѣ моемъ одинъ слѣдъ, заглаженный чистѣйшимъ счастіемъ.. если въ нихъ конецъ вашимъ страданіямъ, —

если надежда возраждается въ вашень сердцѣ, — если вы мнѣ поручаете заботу о вашень будущемъ?..

Будущее?.... Луиза! Ахъ, еслибъ на самомъ дѣлѣ вы удостоили искать подпоры въ привязанности того, который говоритъ съ вами въ эту минуту, — будущее не страшило бы васъ болѣе, — нѣтъ — оно не страшило бы васъ! Вѣрю въ свою бодрость, вѣрю въ крѣпость, очерпаемую изъ малѣйшаго вашего слова, — вѣрю въ счастье посвятить вамъ силы, труды, жизнь мою; вѣрю въ восторги, будто возносящія меня надъ самимъ собой, чтобъ привести къ вамъ. Да, Луиза, если вы меня любите, то счастье наше близко; довѣренность, любовь, надежда изливаютъ свои блага на жизнь нашу и каждый день приближаетъ насъ счастливыми путями къ блаженному будущему!

Вы называете грустными свои признанія.. Нѣтъ, онѣ не грустны, а дорогія, трогательныя, очаровательныя своей довѣрчивостью! Я не зналъ еще отраднѣйшаго въ свѣтѣ сознанія — быть приближеннымъ въ грусти для любимѣйшаго существа....

Я забываюсь, Луиза, но еще болѣе боюсь ошибиться, обмануться. Простите же смущающему меня чувству. Научусь владѣть собою, — постараюсь выразаться такъ, какъ вамъ нравится; буду, хочу быть тѣмъ, чѣмъ вы желаете, чтобъ я былъ, — но извините, что на этотъ разъ не съумѣлъ умѣрить восторговъ.

XXIV.

Письмо къ Рейбасу.

Изъ Женевы.

Что сдѣлано, то сдѣлано. Если исполнилъ свою мысль, то и хорошо. Впрочемъ, еслибъ дѣло пошло наладъ, я опять бы поспорилъ. Не властно что ли ужъ мы въ собственномъ дѣлѣ?.. и чтобъ я — Жанъ-Маркъ принесъ себя въ жертву, благо такъ разсудилось г. Преву! Слуга покорный! Куда ни шло еще, если дастъ имъ побольше денежекъ, — денюжка все прикрываетъ.

Но вотъ дѣло другаго рода! Твой парень не на добро метитъ; сдается мнѣ, что онъ былъ ужъ испорченъ: безпорядки-то его ужъ больно спорятся, — начинаеть съ того, чѣмъ другіе кончали.

Да такъ, такъ — самъ видѣлъ. Не говорю тебѣ, замѣтъ: слышалъ, а самъ видѣлъ! И не мудрено. Мало того, что рожденъ отъ бродягъ, онъ водится со студентами. Вы сельскіе жители не знаете, что такое студенты! Это видѣшь ли, Рейбасъ, самый ничтожный народецъ, негодяя,

способные въ одинъ день надѣлать болѣе вреда, нежели двадцать злодѣевъ въ годъ. На себѣ испыталъ. Когда жилъ близъ св. Петра, они у меня выбили стекла, отцѣпили мой колокольчикъ, поспинкали двое часовъ, накидали снѣгу, насмѣялись въ глаза женѣ, епихнули съ головы служанки ведро, попрятали ставни, испачкали мою выѣску и чуть было не сожгли меня съ семьей, повынувши печныя выюшки, къ счастью еще, что я пошелъ класть дрова и замѣтилъ. Вотъ каковы пріятели твоего будущаго зятка! Двое изъ нихъ должны мнѣ еще болѣе пяти флоринновъ за стекла.

Это еще все ничего; не въ счетъ и то, что онъ вылилъ на мой колапакъ грязную воду и запугалъ моихъ канареекъ. Но вотъ слушай. Четыре дня тому назадъ замѣтилъ я, что онъ поздно уходитъ и поджидалъ его, чтобъ запереть ворота. Десять часовъ бьетъ — нѣтъ его, одиннадцать бьетъ — все нѣтъ. Хорошо же думаю я, — научу же тебя, гуляка, бѣгать по ночамъ; дверь запру — ты какъ разъ и попался! Не тутъ-то было. Является на другой день въ десять часовъ утра. Хорошо же-моль, я подстерегу тебя поближе, хвастунишка студентъ! Насталъ вечеръ. Онъ опять со двора, я за нимъ запираю, опять до десяти часовъ другаго утра. Распрашиваю служанку г. Дерве: тутъ нѣтъ и тѣни подозрѣнія.... Я къ Жакемайшѣ, — у этой свѣженькія вѣсточка: любовишка, дѣла по части нравственной.... Въ промежуткѣ этомъ получаю твое письмо. Ты мнѣ доверился: не дамъ же — думаю — и я промаху. Вещь извѣстная! Бывали и мы молоды.

Я составилъ планъ, Рейбасъ. Жду вечера. По улицѣ разставилъ всѣхъ Жакемаевыхъ; настроилъ ихъ, словно они тамъ по собственной надобности и ничего не знаютъ, не вѣдаютъ: идите, моль, своей дорогой. Вотъ выходитъ мой любезнякъ; я схожу вслѣдъ за нимъ, подаю знакъ своему народу: всѣ они на сторожѣ. Онъ идетъ по поперечной аллеѣ; я, незамѣтнымъ манеромъ, посылаю Жакемайшу по другой — нагнать его при выходѣ. Все бы ладно, кабы къ Жакемайшиной юбки не присталъ простомля сынокъ: дурачину угораздило какъ-то подбить себѣ глазъ объ насосъ, онъ и ну горланить за десятирьхъ! Всѣ къ нему сбѣжались, и тутъ кто кого перекричалъ; стали ему промывать глазъ, а бѣглець и былъ таковъ; такъ планъ мой и рухнулъ.

Дѣло еще не проиграно, ничего — думаю; жду его возвращенія. Въ самомъ дѣлѣ вчера утромъ, въ десять часовъ, слушаю—всходитъ.... »Есть до васъ словечко, шепнулъ я ему.—Что? что такое? Вы знаете что-нибудь? — Кое-что знаемъ — (дверь межъ тѣмъ притворилъ). — Скажите скорѣе! — Торопливъ, подожди маленько.«

Бывали и мы молоды. Я съ разу увидалъ по его испугу, что тутъ что-то тантся, сълъ да и началъ: «не думаете ли вы, г. студентъ, что можете безъ вѣдома привратника по три ночи не ночевать дома? Знаете ли, молодой человекъ, что я уполномоченъ надзирать за вами? — Надзирайте, г. Шампенъ, только умоляю васъ сохранить это втайнѣ. — Тутъ я встаю и приказываю ему сказать мнѣ правду, всю правду! Вижу — онъ заминается и нетерпѣливо повторяю, что хочу знать всю правду! — Правда та, что въ приходѣ есть одна больная особа и что я тамъ провель всѣ эти ночи, чтобъ нѣтъ о ней извѣстiя. — За простачка же вы меня принимаете, сказалъ я ему. — Увѣрю васъ, это правда. — Да, да, простачокъ я вамъ достался! И это ваше послѣднее слово? — Да. — Довольно. Рейбасъ узнаеть это.»

Тутъ онъ весь вышелъ на свѣжую воду, — я зналъ, какъ взяться за него. «Г. Рейбасъ! Закричалъ онъ, расскажите всему свѣту, но не ему; онъ не долженъ знать этого.... Добрый мой г. Шампенъ.... Любезный мой г. Шампенъ.... Любезнѣйшiй г. Шампенъ.... — Тра да-да-да.... Пустакки! Отпишу все Рейбасу. Извѣстна ваша интрижка, ваше бездутьство!...» Тутъ онъ было занесся, я указалъ ему на дверь и пожелалъ добраго вечера.

Вотъ кому ты отдалъ дочь. Пишу къ тебѣ еще въ пылу. Остальное касается тебя. Послѣ оскорбленiя, ты понимаешь — я ему не укащикъ; развѣ издали присмотрю. Э.... эхъ! эхъ! Убилъ же ты бобра, бѣдный Рейбасъ; но что сдѣлано, то сдѣлано.

Прощай, старинный.

СЕЛЬСКИЙ ПРИХОДЪ.

XXV.

Г. Прессеръ къ Шарлю.

Изъ прихода.

Надобно побранить тебя, Шарль. Не бѣда, что ты приходилъ въ приходъ; но дурно, что приходилъ потихоньку. Бѣдная Марта хотѣла все скрыть отъ меня и даже солгала, чтобъ не извѣстить тебѣ; но пріятель г. Рейбаса замѣтилъ твои отлучки и писалъ къ нему на этотъ счетъ, перетолковывая въ дурную сторону твое безразсудство. Такинь-то образомъ опрометчивостью можно огорчить друзей или вовлечь ихъ въ неприятели. Но ты забылъ главное: поступки твои собственно болѣе не принадлежатъ тебѣ, и все, что коснется до тебя, можетъ коснуться и до Луизы. Прикрывая свое поведеніе, ты бросаешь тѣнь и на поведеніе Луизы и подвергаешь ее злословію. Я увѣренъ, добрый другъ мой, что одна эта мысль остережетъ тебя впередъ: вотъ почему, какъ ни тяжело мнѣ выговаривать тебѣ, я не хотѣлъ пропустить этого случая. Луиза, впрочемъ, ничего не знаетъ и не должна знать.

Милое дитя значительно поправляется. Черезъ нѣсколько дней ей можно будетъ выходить; надѣюсь, что чистый воздухъ окончателно укрѣпитъ ее. Болѣзнь была не продолжительная, но сильная; слѣды ей останутся на долго, судя по теперешней слабости и необыкновенной блѣдности. Стало бы нѣтъ нужды повторять, чтобъ ты, во всемъ отъ тебя зависящемъ, берегъ эту деликатную натуру, на которую имѣютъ такое сильное вліяніе всѣ твои слова, чувства и поступки. Вчера Луизѣ было не такъ хорошо. Я узналъ, что твое письмо ее очень расстрогало и хотя сердце казалось довольнымъ, но видно было, что слишкомъ сильное волненіе потрясло еще слабѣе тѣло. Я здѣсь не упрекаю тебя, но даю совѣтъ твоему благоразумію и нѣжности.

Желалъ бы, чтобъ ты пришелъ къ намъ въ четвергъ. Не пиши объ этомъ Луизѣ. Смотря по ея здоровью, мы подумаемъ, какъ порадовать ее твоимъ посѣщеніемъ. Ты скрылся такъ внезапно, что, во всякомъ случаѣ, долженъ непремѣнно показаться опять, чтобы добрые наши люди не предположили какого-нибудь измѣненія въ твоихъ отношеніяхъ

какъ къ нимъ, такъ и къ намъ. Выходи пораньше, чтобъ быть здѣсь часамъ къ девяти или десяти. Если можно будетъ, я выйду встрѣтить тебя къ роднику. Нѣжно обнимаю тебя — Преверь.

Р. S. Бѣдная Марта неутѣшна: этой честной женщины, въ первый разъ случилось солгать. Утѣшь ее, какъ внушить тебѣ сердце и увѣрь, что я люблю и уважаю ее не менѣе прежняго.

XXVI.

Шарль къ Мартѣ.

Изъ Женевы.

Марта, добрая Марта, прости меня. Ты несешь наказаніе за мой проступокъ; но, клянусь тебѣ, я не рѣшился бы на него, еслибъ могъ повѣрить, что изъ любви ко мнѣ, ты утаишь правду даже отъ г. Превера. Добрая моя Марта, прости меня. Я виноватъ во всемъ; ты же только въ излишней привязанности ко мнѣ. Но и я вѣдь очень люблю тебя, и, въ другой разъ, какую бы глупость ни сдѣлалъ, одинъ буду отвѣтчикомъ, и никто не обязанъ прикрывать меня.

Все наконецъ конечно, моя добрая Марта. Послѣ такого доказательства любви, ты стала нѣ еще дороже, а г. Преверь ничего уже не помнитъ. Скажи непременно доброй моей Мартѣ (пишетъ онъ мнѣ сегодня), что я люблю и уважаю ее нисколько не менѣе прежняго: она ни въ какомъ случаѣ не виновата. Развѣ можно ее упрекнуть въ излишней любви къ своему Шарлю, котораго она выросшила, какъ мать сына? Ясно ли это, скажи, добрая Марта? Ну же, перестань плакать. Знаешь ли?... Я приду къ вамъ въ четвергъ, да не потихоньку, а свободно, среди бѣлаго дня! Пожалуйста, удвой старанія твои за Луизой, чтобъ она поправилась, чтобъ я могъ ее видѣть, а главное — ни слова объ этомъ визитѣ.

Я съ ума схожу отъ радости; прыгаю одинъ одишешенекъ — ще столько отъ четверга, который покуда тревожитъ меня, сколько отъ Луизина письма, которое ты ей помѣшала докончить — эдакая ты нехорошая! Вотъ этого не прощаю тебѣ; рѣшительно сержусь, такъ сержусь, что — будь ты здѣсь — я расцѣловалъ бы мою старушку Марту, на обѣ щеки, да припрыгнулъ бы и надурочился бы вдоволь. Не сказалъ ли я тебѣ, что съ ума сошолъ....

Г. Преверь говоритъ, что Луиза очень блѣдна. О, она должна быть еще прекраснѣе, еще интереснѣе! Блѣдность идетъ болѣе къ нѣжному и прелестному ея личику; не правда ли, Марта? Она вѣдь болѣе подѣ стать къ ея кроткому взгляду, голосу, къ движеніямъ? О, еслибъ

ты знала, Марта, какъ я люблю ее, ты простила бы мнѣ вину мою передъ тобою. Бываютъ минуты, когда это чувство лишаетъ меня разсудка.

А вотъ и зима наступаетъ. Прилагаемая шерстяная юбка — для тебя; колпакъ для Антуана — это первыя бездѣлушки, купленные на собственные мои деньги, — да, Марта, ты не знаешь еще, что у школьника твоего Шарля есть ученикъ. Прощай. Любящій тебя Шарль.

XXVII.

Г. Преверь, *Шарль къ г. Преверу.* Изъ Женевы.

Надѣясь видѣть васъ до ухода, я вчера, простившись съ Луизой, искалъ васъ; но тутъ узналъ о внезапномъ отъѣздѣ вашемъ въ Шулли и мнѣ сказали, что дожидаться васъ не слѣдовало. Такимъ образомъ я отправился въ городъ, куда пришелъ такъ поздно, что нашелъ двери запертыми. При счастья и душевной полнотѣ эта помѣха не показалась мнѣ слишкомъ неприятной: я нашелъ себѣ пріютъ, и терпѣливо выждалъ день.

И такъ я еще разъ видѣлъ Луизу, г. Преверь! — уже не только подругою дѣтства, но подругою жизни; и, еслибъ смѣлъ вѣрить, что видѣлъ ее опять покойною и счастливою! Какъ передать вамъ объ этомъ свиданіи? Мы ничего почти не сказали другъ другу, а что перечувствовали, на то словъ нѣтъ.

Возвращаясь отъ Лепрандовъ и повернувши къ террасѣ, я нашелъ Луизу съ Мартою подъ акаціями. Въ смущеніи я остановился, не зная, какъ подойти къ ней, хотя съ самаго полученія вашего письма, не переставала готовиться къ этой минутѣ. Марта меня замѣтила и назвала. Луиза тотчасъ встала и, прежде нежели успѣла заговорить, я держалъ уже ея руку, къ которой не смѣлъ прикоснуться губами. «Я не хотѣлъ, проговорилъ я, видѣть васъ безъ вашего позволенія....» и не могъ продолжать. Блѣдность ея смѣнилась живымъ румянцемъ; она была еще слишкомъ слаба, чтобъ перевозмочь свое волненіе, ничего не говоря, но встрѣтила меня взоромъ, полнымъ слезъ. Когда я потомъ хотѣлъ выпустить ея руку, она пожатіемъ удержала мою, и, въ эту минуту восхитительнаго волненія, мнѣ казалось, что сердца ваши соединяются въ первый разъ и навсегда.

Луиза съла и мы долго оставались на одномъ мѣстѣ. Нѣжности легко пишутся, но не говорятся: мы чувствовали принужденіе, но мало по малу удовольствіе ослабило стыдъ, довѣріе облегчило замѣшательство и, хотя безъ словъ и безгласно, чувство находило выраженія, столько же пріятныя.

Я вамъ все говорю, г. Преверь. Какъ бы я скрылъ что — нибудь отъ васъ! Но не знаю, — какъ-то неловко предаваться передъ вами всему увлеченію такихъ сильныхъ и новыхъ чувствъ!

Увидавши подходившаго г. Рейбаса, мы встали. Вѣроятно Луиза показала ему счастливою, потому что, послѣ утренняго грустнаго разговора со мной, онъ теперь радовался, глядя на дочь и обошелся со мной ласково обыкновеннаго. Присутствіе его ободрило насъ; Луиза успокоилась и прогулка продолжалась въ мирныхъ разговорахъ, которыми вѣжательство Луизы придавало особенную прелесть. Сперва она опиралась на руку отца, потомъ онъ сказалъ: «Шарль, теперь тутъ ваше мѣсто» и передалъ мнѣ Луизину руку. Тотчасъ же опутилось обоюдное замѣшательство, и разговоръ прекратился на возвратномъ пути. Я боялся, чтобъ не утомить Луизу и выразилъ ей свои опасенія: «не безпокойтесь, отвѣчала она, я счастлива и васъ благодарю за свое счастье.» Въ восхищеніи, я схватилъ ее руку, поцѣловалъ ее и удалился.

Г. Преверь, я описалъ вамъ, какъ случилъ, то свиданіе, ту минуту въ моей жизни, въ которую я наиболѣе почувствовалъ. Кажется, будто я сталъ другимъ человѣкомъ и будто полнота счастья, которыми наслаждался до сихъ поръ, увеличилась безъ мѣры. Ахъ, г. Преверь, я умѣю только плакать отъ благодарности, благословлять ваши благодѣянія и преклоняться передъ вашей добротой, когда вспоминаю, что всѣмъ обязанъ вамъ, что ваша заботливость давно уже готовила мнѣ это блаженство.

Чувствую, что все это время было потеряно для науки, а между тѣмъ приближается время отчета. Съ новымъ рвеніемъ примусь за учебу. Забылъ вамъ сказать, — я даю уроки одному маленькому мальчику: хотѣлъ было отказаться по неспособности, но обязательныя убѣжденія г. Дерве, полагающаго, что такими способомъ я и самъ большому научусь, заставили меня отважиться на попытку, которая начинается интересовать меня.

Уважающій васъ и преданный Шарль.

XXVIII.

Шарль къ Луизѣ.

Изъ Женевы.

Луиза, мнѣ предстоитъ теперь великая наука — владѣть собою. Что бы я сказалъ вамъ, наиримѣръ, если бы поддался влеченію своихъ восторговъ?... И все — таки состояніе моего сердца превышаетъ всякое описаніе. Въ немъ кипитъ слишкомъ много чувствъ, тѣснится слишкомъ много воспоминаній, счастье переполняетъ его. При одномъ образѣ

вашемъ мной овладѣваетъ неизвѣстное волненіе; чтобъ спокойно писать къ вамъ, надобно удалить съ глазъ моихъ этотъ образъ.

Вотъ я и опять въ своей кельѣ. Какая пустота! Какъ тяжело мнѣ здѣсь! Какъ все холодно, грустно тамъ, гдѣ нѣтъ васъ! Я начинаю ненавидѣть эти книги, эти стѣны, эти дома, изъ-за которыхъ не видать деревни; изъ очарованнаго жилища, по которомъ плачу и тоскую, я будто перешелъ къ прозябанію на землѣ туманной и бесплодной.

Такъ коротки были минуты!... И я не смѣлъ пользоваться ими, не упалъ къ ногамъ вашимъ, не смѣлъ ничего сказать вамъ! какимъ образомъ — сердце мое, проникнутое любовью и счастьемъ, осталось безмолвнымъ?... О, безъ сомнѣнія, есть чувства слишкомъ смѣлыя для словеснаго выраженія. А было время, когда я обо всемъ умѣлъ говорить съ вами.

Я ушелъ отъ васъ съ дорогимъ залогомъ воспоминаній: я видѣлъ еще васъ, чувствовалъ вашъ взглядъ, рука ваша трогала мою руку, — я находился еще подъ обаяніемъ всей прелести вашего присутствія. Для избѣжанія встрѣчъ, я взялъ дорогу лугами. Солнце садилось, когда я подходилъ къ тому мѣсту, гдѣ, когда-то, высланный изъ прихода, я надрывался отъ слезъ.... О, неожиданное счастье! По этому самому мѣсту иду, переполненный радостью и восторгомъ...

Въ городѣ нашелъ двери запертymi, чему отчасти былъ радъ: эта помѣха будто позволяла мнѣ подольше побыть съ вами. Вечеръ — былъ прекрасный, я долго бродилъ по окрестнымъ дорогамъ; когда скрылась луна, приютился у озера въ лодкѣ, привязанной къ берегу. Тутъ засталъ меня день и я нехотя пошелъ своей дорогой.

XXIX.

Органистъ къ Шарлю.

Изъ прихода.

Сейчасъ я отъ Луизы: она начинаетъ поправляться; лекарства больше не хочетъ; начала пить молоко отъ той самой козы, мать которой вскормила васъ, — животное здоровое и молокомъ обильное. Съ молока Луиза немного укрѣпляется, становится и поцвѣтнѣе и поговорливѣе. Третьяго дня она меня очень порадовала: принялась за пряжу, давно уже покинутую. Однако, на столько еще не бодря Луиза, чтобы снова приняться за эту безконечную переписку, которая ее истощаетъ, а васъ заставляетъ тратить время на пустос. Увѣдомляю васъ объ этомъ, дабы избавить Луизу отъ труда, при чемъ и отъ отвѣта васъ увольняю.

Лучше бы вамъ вмѣсто такихъ длинныхъ посланій хорошенъко заняться своимъ дѣломъ; а потрудиться — я чай — есть надъ чѣмъ съ утра до вечера: можно и объ интересѣ позаботиться и надъ самимъ собой поработать. Здѣсь вы подвинулись въ ростѣ, не отстали въ познаніяхъ. Надобно прибавить шагу къ цѣли, и идучи впередъ, не шалить по дорогѣ. Г. Преверь говоритъ, что въ греческомъ языкѣ и въ латыни вы не изъ первыхъ, да не сильны и въ геометріи, и въ физикѣ, и въ механикѣ, кромѣ четырехъ правилъ, ничего не знаете. А это еще только первыя трудности; тамъ послѣдуетъ изученіе еврейскаго языка, — Пророковъ, которыхъ и они-то читаютъ на выворотъ; богословіе — наука, дающая въ потъ лица, а не то, чтобъ поднять, — что ни наклонись; и наконецъ способъ приложенія богословія къ живому слову. Какимъ образомъ поспѣть вамъ за всѣмъ этимъ, если тратите время на ежедневныя писанья, отвлекающія умъ вашъ отъ дѣла? Луиза обѣщала вамъ, но, прежде нежели обѣщаніе сбудется, вамъ надобно приобрести званіе. Ступайте же къ цѣли, не какъ гуляющій празднующею, но какъ человѣкъ, который желаетъ дойти домой до вечера, который спѣшитъ и въ короткое время оставляетъ за собой много пути.

Вотъ вамъ работа по части интереса; но, какъ я сейчасъ прибавилъ, — потребуется и внутренній трудъ: въ сердцѣ вашемъ, въ душѣ, въ характерѣ много неровнаго, шероховатаго; вы не научились до сихъ поръ одолевать силу крови, смѣлость, неумѣренность желаній; не разъ заставляли усомниться, въ какую сторону обратитесь — къ чести ли и благородію, или къ необузданной безпорядочности. Если исправленіемъ природныхъ своихъ пороковъ, вы удостоитесь быть мужемъ Луизы; то, только вырвавши ихъ изъ сердца, какъ терніе и дурную траву изъ поля, — можете сдѣлаться служителемъ Божиимъ и приобрести право наставлять другихъ. Возьмите же серпъ — въ одномъ мѣстѣ вырубайте, въ другомъ совсѣмъ отсѣкайте, въ иномъ остріемъ подрывайтесь до самаго корня, проникайте глубже, ибо не знаете своего происхожденія (хотя, по нѣкоторымъ слухамъ, извѣстно, что оставившіе васъ были великіе грѣшники). Вы должны менѣе другаго довѣряться недобрымъ своимъ зародышамъ, — въ нихъ, можетъ быть, не вѣтромъ занесенное сѣмя, которое тотъ же вѣтеръ и разметалъ бы, но сѣмя врожденное, упорное, дающее ростки легко и скоро.

Примитесь же за себя охотно и твердо. Будьте строги къ своимъ наклонностямъ, не довѣряйтесь единственному отцовскому наслѣдію — пылкой крови и разсудку, покуда еще шаткому, но уже готовому къ развитію. Прежде всего приготовьте сердце къ воспріятію добра, по-

томъ уже преобразуете себя въ служителя Христова и въ пастыря душъ. Подумайте, что если вы не способны на первый шагъ, то тѣмъ менѣе откажитесь на второй, несравненно широчайшій. Возьмите за образецъ воспитателя вашего, г. Превера; замѣчайте, въ чемъ вы отстаете отъ него, и тогда я буду спокоенъ за дочь свою. Знаете ли, что — ставъ я богатство выше честной жизни — я не призадумался бы на счетъ Луизы.... Наканунѣ того воскресенья, въ которое она вамъ общана, было предложеніе.... Да, не дорожи я честностью, — счастливица бы искать недалеко. Не слѣдуетъ ли изъ этого, что вы должникъ намъ, какъ мой, такъ и Луизинъ, — приобретайте же доброе имя, для котораго я жертвую знатностью и званіемъ — тогда мы поквитаемся, и я удаюсь довольный.

Для начала, скупитесь побольше на письма. Всякой день посланная приноситъ ихъ; тамъ на нихъ потрачено ваше время, здѣсь они отнимаютъ Луизино, тревожатъ ее и наводятъ на думы; нѣтъ-то она и лихорадкой обзана. До свадьбы еще далеко, не спѣшите же признаніями и протяните ихъ, чтобъ надолше вамъ стала: по теперешней рыси, къ концу года вы испишете всю бумагу, и истратите весь запасъ болтовни. Когда я былъ женихомъ Терезы, изъ селенія Дарданьсе, — намъ, въ разлукѣ достаточно было взаимности мыслей. Занятые, каждый своимъ дѣломъ, мы рѣдко выдались зимой, да не чаще и лѣтомъ. Разъ въ мѣсяцъ она прихаживала сюда слушать нашу проповѣдь, и безъ всякаго писанья и словъ, мы, знаками, передавали столько другъ другу въ минуту свиданія, что языку не оставалось ничего прибавить. На слѣдующій мѣсяцъ я ходилъ въ ихъ церковь; послѣ службы, гуляя по лугу или сидя подъ орѣшникомъ, мы проводили часы въ ощущеніи взаимнаго присутствія болѣе, нежели въ разитіи словъ: такъ проходилъ весь день. Вечеромъ вмѣстѣ съ матерью, она провожала меня неподалеку. Такъ-то спокойно и не отнимая ничего у труда, мы проводили тотъ промежутокъ времени, въ который вы списывали цѣлые томы; а между тѣмъ взаимность возрастала въ насъ какъ дерево, лучше вбирающее сокъ и привольнѣе пускающее листь на спокойномъ полѣ, нежели на землѣ, которую то-и-дѣло ворочаютъ.

Луиза — двѣ капли воды ея мать, — разница въ томъ, что она училась по книгамъ и имѣетъ болѣе познаній. Но, хотя кора другая, стволъ тотъ же. Луиза также заботлива какъ Тереза, видитъ печальную сторону, гдѣ другинѣ представляется одна радостная и такимъ образомъ истощается преждевременно, какъ и мать. Стало быть вамъ не слѣдуетъ ежедневно потрясать ее вѣсками и надеждами: ожиданіе и

воспоминанія волнуютъ ее. Разрѣшаю васъ на одно письмо въ концѣ недѣли, — если ужъ нельзя безъ этого, — да чтобы содержаніе было благоразумное и веселое, а не какіе-нибудь пламенные восторги. Говорите болѣе о прошломъ, меньше о настоящемъ или будущемъ.

Да кстати еще прибавлю на счетъ присылки книгъ. Какъ-то случилось мнѣ замѣтить, что Луиза, начитавшись, поздно пришла за ужинъ и послѣ трехъ глотковъ, ушла. Я хотѣлъ взглянуть, что за книгу она читала и велѣлъ Мартѣ принести.

Знакомая, чай, вамъ? Тутъ еще двое дѣтей виѣсть воспитываются, и потому все такъ дурно кончается. Дѣвочка — зовутъ ее Виргиніей — утопаешь, потому что не хочешь, чтобы ее спасъ съ корабля голый мужчина; а мальчикъ — этого зовутъ Павломъ — одинокій по смерти по-други, изнываетъ и наконецъ умираетъ, а за нимъ умираютъ и обѣ матери, служанка и слуга негръ, — короче, никого не остается. Да, забавная исторія! Глупецъ! сказалъ я самъ себѣ (всѣ эти похороны начали было меня затрогивать), неужели и ты поддашься обману? — А молодыя дѣвушки попадаютъ между тѣмъ и страдаютъ за призраковъ. Если ужъ непременно надобно Луизѣ читать, то постарайтесь найти для нея что-нибудь повеселѣе, да чтобы лучше кончалось.

Марта, по случаю полученной юбки, сказала мнѣ, что у васъ есть прибыльные занятія. Правда ли? Это судить мнѣ хорошее, приложенія только считаю совершенно лишними — и безъ нихъ жизнь въ городѣ стоить дорого.

Начали по вечерамъ нять лентъ. Вчера обирались у Леграндовъ, сегодня соберутся у насъ; будемъ читать альманахъ за слѣдующій годъ, только что напечатанный: въ немъ общаются сырую погоду. Надобно будетъ распорядиться съюмъ. Бѣда монѣ остальнымъ виноградицамъ.

Г. Превьеръ и Луиза, виѣсть со мною, шлютъ вамъ свой дружескій поклонъ.

Рейбсъ.

XXX.

Шарль къ Луизѣ.

Изъ Женевы.

У отца вашего, Луиза, ужасный взглядъ на вещи. Выжидаю, когда поутихнеть моя досада, чтобы отвѣчать на письмо его. Онъ находитъ, что я пишу къ вамъ слишкомъ много, что письма мои вредятъ вамъ, а у меня отнимаютъ время. Онъ хочетъ ограничить меня однимъ письмомъ въ недѣлю! Какъ же я буду несчастливъ! Увѣрьте, по крайней мѣрѣ, что вы не очень разсердитесь, если я иногда ослушаюсь вашего батюшки.

Меньше писать къ вамъ? Пришла же такая странная и неприятная мысль! Меньше писать къ вамъ! Что жъ я этимъ выиграю? Еще больше буду думать о васъ, тогда какъ и теперь ничто другое нейдетъ въ голову. Выказавши вамъ все, подписавши письмо, сложивши и отправивши его, выпадаетъ еще минута отдыха, которой я пользуюсь для занятій, но и эту минуту отнимають у меня. — Не знаю, право, когда и какъ буду учиться?

Хоть бы онъ объяснился, хоть бы онъ обладежилъ покрайней мѣрѣ, что въ замѣнъ вы чаще будете писать ко мнѣ. Боже! Что станется со мной въ эти семь дней мрака и молчанія? Сжальтесь, Луиза, поспешите ему эти вещи и посоветуйте, какъ выдти изъ такого грустнаго положенія.

Советуютъ мнѣ также вести съ вами бесѣду благоразумную и пріятную. Благоразумную! О чемъ же, думать, долженъ я къ вамъ писать? Стало быть предполагають во мнѣ излишекъ благоразумія? Нелегко благоразуміе! Письмо вашего батюшки заставило меня даже усомниться въ его собственномъ.... Постараюсь бесѣдовать съ вами благоразумно. Ха! ха! ха! Какимъ же это образомъ бесѣдуютъ благоразумно?... Казалось бы достаточно требовать пріятнаго, забавнаго отъ бѣднаго мальчика, заключеннаго въ четырехъ стѣнахъ съ одними книгами.

Разскажу вамъ, Луиза, какъ я забавляюсь въ настоящую минуту. Разбираю несноснѣйшую греческую трагедію, гдѣ незнакомые мнѣ люди на неизвѣстномъ мнѣ языкѣ, говорятъ вещи, отнюдь до меня не касающіяся. И это ужъ не совсѣмъ забавно, но еще мѣтѣ забавна обязанность восхищаться въ этихъ логогробахъ всѣми прекрасными мѣстами, при посредствѣ латинскаго замѣчанія, которое учу наяву, чтобъ повторить кому и когда слѣдуетъ, а именно въ будущемъ ноябрѣ мѣсяцѣ. Слѣдовательно я и спѣшу разбирать, спѣшу находить красоты, спѣшу покончить со всѣми этими трагедіями, не столько трогательными, сколько несносными. А потомъ, кончивши эту, примусь за какую-нибудь новую, такую же скучную тарабарщину. Вотъ въ чемъ проходятъ дни мои, и я бы все-таки любилъ, очень любилъ бы ихъ и во всю жизнь съ наслажденіемъ — на горе будущимъ студентамъ — вспоминалъ бы пріятные часы, проведенные съ такимъ трудомъ за разборомъ страницъ писанныхъ за двѣ тысячи лѣтъ — еслибъ только могъ вволю писать къ вамъ, еслибъ — главное — не лишили меня ни одной изъ строкъ вашихъ, обыкновенно такъ рѣдкихъ.

Не все однакожъ мрачно въ письмѣ вашего батюшки. Надѣлившіи строгими советами, онъ говоритъ о васъ, о возвращающихся къ вамъ

силахъ; о козѣ, которая даетъ вамъ молоко.... Луиза! Осмѣлюсь ли сказать? Вотъ вещь самая простая, самая обыкновенная, но невыразимо отрадная для меня, — это замѣчаніе вашего батюшки, что мать этой козочки вскормила и меня.... Тотъ же самый источникъ, отъ котораго я получилъ жизнь, подкрѣпляетъ и васъ, Луиза. Съ самыхъ раннихъ лѣтъ судьба всячески связываетъ насъ, даже обстоятельства случайныя насъ сближаютъ, дѣлаютъ друзьями, почти братьями.... Ахъ, еслибъ я былъ въ приходѣ, сколько разъ бы навѣстилъ и приласкалъ милую козочку. Какія заботы, какое вниманіе готовится ей въ день моего возвращенія!

Кстати, Луиза. Вы не можете себѣ представить, какъ мнѣ недостаетъ общества животныхъ. Ни коровки здѣсь, ни барашка, одиѣ собаки, но ни одной моей собственной, впрочемъ здѣшнія собаки дерзко обучены выродки. Они никогда не бываютъ съ человѣкомъ, бѣгаютъ по улицамъ, высматривая себѣ какую-нибудь негодную добычу, которую потомъ оспариваютъ другъ у друга. Въ нихъ не замѣтите рѣзкой прямоты Дурака, нѣтъ ни его шерсти прилосненной и вывѣтренной вольнымъ воздухомъ; ни его смѣлой и благородной отваги, ни бурной радости, ни огненнаго взгляда, ни веселыхъ скачковъ.... Препротивныя твари! Не говорю ужъ о мопсѣ, принадлежности двухъ старыхъ дѣвицъ, нашихъ верхнихъ сосѣдокъ. Это странное животное, вымытое, выстриженное, причесанное какъ щеголь — единственное изъ всей породы, съ которымъ я поддерживаю кое-какія непріятныя сношенія. У щеголя этаго глаза съ красноватыми жилками, выраженіе уморительное: его будто всегда знобитъ, а тивканье у него до того рѣзкое и чудное, что Дуракъ не зналъ бы чтѣ и подумать. Обѣ дѣвицы очень любятъ мопса, каковъ онъ есть! всѣ прочіе жильцы не терпятъ. Что касается до меня, то виноваты! Стравливалъ его иногда съ котами, которые отдѣлывали его по своему. Дѣвицы приходятъ въ ужасъ отъ котовъ и постоянно жалуются на нихъ.

Вообразите, что для удовлетворенія потребности видѣть животныхъ, я бросаю иногда работу и иду въ торговые дни на улицу. Съ величайшимъ удовольствіемъ прохаживаюсь между упряжью быковъ, ословъ, старыхъ кобылъ, на которыхъ въ эти дни привозятъ сѣно, дрова или съѣстные товары; тамъ я будто между своими, и никакіе дорогіе ароматы не сравнятся для меня съ запахомъ травъ или стойла. На рынкѣ мнѣ случается встрѣтить кого-нибудь изъ своихъ и узнать отъ Редара или Тюриана тысячу новостей, интересныхъ для меня несравненно болѣе, нежели всѣ извѣстія Телеграфа или газеты. Въ среду говорилъ тамъ съ Брахосомъ и нашелъ на немъ очень замѣтные слѣды случившагося

несчастія; а между тѣмъ, онъ опять началъ *освѣжаться*. Бракосъ говоритъ, что въ тотъ день какъ разшибся, пилъ одну воду, но такъ какъ ночь была очень темна, то онъ и не видалъ ни зги: отсюда вся бѣда. »Посудите, говорилъ онъ мнѣ, на чтѣ мнѣ было пить, когда за новый заступъ далъ осьмнадцать флориновъ, копѣйка въ копѣйку.«

Но я болтаю всякой скучный вздоръ, отъ того что, по милости вашего батюшки, не въ обыкновенномъ своемъ расположеніи духа. Страшно подумать! — Послѣ этого письма, долженъ буду положить перо на цѣлую недѣлю. Затрудняюсь и нетерпѣніемъ все высказать за-разъ и желаніемъ продлить бесѣду. Еще разъ, Луиза, скажитесь и помогите моему горю. Вы, безъ сомнѣнія, можете обойтись безъ моихъ писемъ, но я не въ состояніи прожить двухъ дней безъ того, чтобъ не писать къ вамъ. Если вашъ батюшка устоитъ на своемъ, послѣдней отрадой моей будетъ писать каждый день, чтобы пересылать всѣ письма въ субботу, въ одномъ пакетѣ; но такое писанье дѣйствительно будетъ походить на томи! Пожалуйста уладьте это дѣльце, и пусть слѣдующее письмо ваше симметъ запрещеніе съ вашего нетерпѣливаго и преданнаго

Шарля.

XXXI.

Шарль къ Луизѣ.

Изъ Женевы.

Припомните, Луиза, хорошенькую пѣсню Геснера съ описаннымъ въ ней первымъ мореходомъ, который, по внушенію любви, вырубаетъ изъ дерева лодочку, распускаетъ парусъ и плыветъ къ цвѣтущему берегу за милой сердцу.... Нѣчто подобное случилось и со мной, съ тою только разницею, что я не нашелъ на цвѣтущемъ берегу своей возлюбленной, которой, впрочемъ и не искалъ тамъ, а опрокинутая моя лодка, вмѣсто того чтобъ привести къ пристани двухъ любовниковъ, возвратилась пустая, между тѣмъ какъ пловецъ съ трудомъ удержался на нептуновомъ камнѣ. Нептуновымъ камнемъ называется скала, стоящая въ уровень съ водою; на ней здѣшніе антикваріи признаютъ древній жертвенникъ нептуна нашихъ береговъ. Я провелъ длинный часъ на этомъ жертвенникѣ и полагаю, что для жрецовъ того времени было ужасною обязанностью оставаться тутъ въ холодный день на молитвѣ.

Надобно вамъ знать, Луиза, что все береговое протяженіе озера разнообразится дугами, деревьями, красивыми заливами, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, небольшими гостиницами, въ которыхъ можно спросить себѣ подъ деревья сельскій обѣдъ. Съ однимъ изъ товарищей мы

сговорились обозрѣть эти живописные берега, и вчерашній день назначенъ былъ для экспедиціи. Рано утромъ сѣли въ маленькую лодочку и сами принялись править. Небо было ясное; озеро свѣтлое и блестящее; челнокъ нашъ входилъ въ заливы, огибалъ мысы и я не могу передать, съ какимъ счастьемъ я возвращался къ вольному воздуху, къ простору и независимости. Товарищъ, болѣе меня привыкшій къ такимъ прогулкамъ, смѣялся надо мной. Я такъ былъ оживленъ, въ такомъ былъ восторгѣ и очарованіи, какъ будто новый свѣтъ открывался передо мною. Утромъ мы проѣхали мимо Монтаггре — одной изъ помнятухъ гостинницъ — и возвратились въ нее около часу, испеченные солнцемъ, усталые, голодные. Хозяева поспѣшили накрыть намъ столъ подъ тѣнью двухъ орѣшниковъ, уже пожелтѣвшихъ, но раскидистыхъ и пушистыхъ. Ахъ, Луиза, что за яничца! что за вино! а какой хлѣбъ, какая вода! Все казалось намъ амброзіей, нектаромъ; а люди — Бавкидами, Филемонами, героями, благодѣтелями человечества. Послѣ обѣда мы отыскивали уединенное мѣстечко на деревѣ, гдѣ тишина, тѣнь и шопотъ ручья усыпили насъ часа на два.

Между тѣмъ поднялся вѣтеръ, и, когда мы открыли глаза, то увидели сквозь листья порядочной величины волны, на которыхъ колыхалась наша лодка. Въ гостинницѣ намъ совѣтовали ѣхать немедленно, потому что вѣтеръ, какъ полагали, долженъ былъ усилиться. Я ни во что ставилъ эти замѣчанія; товарищъ же мой, напротивъ, оробѣлъ вдругъ до того, что предложилъ оставить тутъ нашу лодку, съ тѣмъ чтобы на другой день прийти за ней, а самимъ возвратиться сухимъ путемъ. Я не хотѣлъ и слышать такого постыднаго предложенія, вскочилъ въ лодку и его торошилъ въ нее; онъ отказался. Тогда, принявшись за весла, я скоро отдался отъ берега, гдѣ товарищъ еще долго дождался, увѣренный, что я вынужденъ буду вернуться, но самое его присутствіе подзадоривало меня; къ тому же я слишкомъ занятъ былъ управленіемъ лодки, такъ что скоро звуки и голосъ его перестали доходить до меня.

Между тѣмъ волны поднимались все сильнѣе и сильнѣе; пробѣгая глазами пространство ихъ на озерѣ, я не замѣчалъ ни одной лодки. Тутъ началъ вѣрить, что поступилъ, можетъ быть, безразсуднѣе трусливаго товарища и рѣшился тотчасъ же возвратиться на берегъ, отъ котораго въ нервную минуту слишкомъ поспѣшно отдался; но возвращеніе сдѣлалось невозможнымъ: я могъ еще управлять лодкой, слѣдуя по направленію вѣтра, но, только что попробовалъ повернуть носомъ къ берегу, какъ забранная съ боковъ волнами, она готова была опро-

кинуться, и я тотчасъ принялъ прежнее направленіе. Между тѣмъ я еще не чувствовалъ страху: меня все несло къ городу и когданибудь донесло бы; только лодка какъ-то необыкновенно перекачивалась взадъ и впередъ, и волны то и дѣло закидывали ее бѣлой пѣной. Предвидя неизбежное купанье, я хотѣлъ тогда снять платье, но не было возможности ни на минуту оставить весель; я успѣлъ только сбросить башмаки и то съ трудомъ, потому что они намокли и не отставали отъ ногъ. Въ это время, взглянувши на берегъ, я замѣтилъ на дорогѣ, облегающей озеро, внизъ къ Колоныи, толпу людей, глядѣвшихъ на меня; смѣтеніе, крики ихъ убѣдили меня въ опасности. Въ ужасѣ, я началъ гребсти съ новою силою, надѣясь доплыть до нептуновыхъ камней. Я добирался уже до втораго камня и когда потокъ и вѣтеръ грозили опять отбросить меня, схватилъ одно изъ весель и выскочилъ въ воду.... въ ту же минуту лодка опрокинулась. Остальное уже все ничего. Страхъ придалъ мнѣ силы. Я зналъ, что доплыву до камня, боялся только не раздробить бы объ него костей, подставлялъ къ граниту конецъ весла и тутъ, осторожно приподнятый огромной волною, вдругъ очутился на скалѣ безъ малѣйшаго почти съ моей стороны усилія. Въ восторгѣ, я цѣловалъ этотъ гранитъ. Вы опять возвращались мнѣ, Луиза; сердце мое, переполненное благодарностью, счастіемъ, возносило гимны хвалений къ Богу....

Но не все еще кончилось. Берегъ намылся народомъ. Толпа, видя, что лодка опрокинулась, а пловецъ не показывался, сочла его погибшимъ. Когда же я вышелъ изъ воды и всталъ на камень, раздались тысячи радостныхъ восклицаній, и въ шумномъ смѣтеніи отличалъ жесты, знаки ободренія, желанія, надежды. Нѣкоторые пытались доплыть до меня; но едва спустили единственную лодочку, причаленную къ берегу, какъ волны отбросили ее и тутъ же раздробили. Тогда отправлялись отыскивать въ соседнихъ бухтахъ судна болѣе надежнаго. Но во время этихъ поисковъ, избавленіе явилось ко мнѣ съ другой стороны: меня замѣтили съ палубы стоявшей на якорѣ бригантинъ, и трое судовщиковъ — саванромъ въ шлюпки, приплыли ко мнѣ на помощь. Когда они подѣхали къ скалѣ на доступное при напорѣ волкъ разстояніе, я бросился вплавъ и минуту спустя входилъ въ шлюпку при возгласахъ толпы. Не желая быть узаннымъ, я упрямилъ судовщиковъ взять меня къ себѣ на барку, гдѣ очень кстати нашолъ огонь и рюмку вина. Одинъ изъ нихъ отправился за платьемъ для меня къ моему товарищу, который принесъ мнѣ его самъ; а вечеромъ, когда вѣтеръ утихъ, они довели меня въ своей лодкѣ до Молларда, откуда я добрался и до

своей комнаты, не замѣченный ни г. Дерве, ни — главное — привратникомъ Шампенюмъ, всегда готовымъ доносить на меня вашему батюшкѣ. Приключеніе это будетъ мнѣ стоить только, надѣюсь, шляпы, платья, пары башмаковъ, да небольшого насморка. Въ замѣнъ, ни въ чрезвычайное удовольствіе знать себя въ живыхъ, не считая приобретенной опытности и урока, которымъ намѣренъ воспользоваться. И такъ Луиза, пожалуйста, хоть на этотъ разъ, не журите меня.

Вотъ моя исторія. Съ новымъ *недѣльнымъ* условіемъ надобно бы продержатъ все это у себя еще на шесть дней — что не возможно и было бы нелѣпо. Вы сами стали бы беспокоиться. Уладьте же, уладьте, Луиза, мое дѣльце. Я ничего не смѣю сказать г. Рейбасу — онъ принялъ бы мои просьбы за непокорность; но вы, которую онъ выслушиваетъ довѣрчиво, вы, которую онъ бережетъ, которую нѣжно любить — походатайствуйте за бѣднаго изгнанника, потерпѣвшаго крушеніе, страдающаго отъ насморка, кромѣ того скорбящаго отъ греческихъ переводовъ и алгебраическихъ уравненій, безъ шляпы, безъ платья, не имѣющаго ни какого блага и утѣшенія, кромѣ минутъ, проводимыхъ съ вами ежедневно.

XXXII.

Луиза къ Шарлю.

Изъ прихода.

Разсказъ вашъ, Шарль, и огорчилъ и напугалъ меня. Изъ него я увидала, что смѣлость ваша все такая же, и что опасеніе огорчить любящихъ васъ не можетъ внушить вамъ самаго обыкновеннаго благоразумія. Право я бы первая похвалила васъ, еслибъ вы пренебрегли подобными опасностями изъ преданности, съ благородною цѣлью; но подвергать себя такъ необдуманно, безъ нужды и какъ бы издѣваясь надъ своими общаніями, — такую склонность не могу въ васъ видѣть безъ грусти; признаюсь въ этомъ, хотя и не браю васъ.

Умоляю васъ, Шарль, не будьте такъ безрасудно — пылки. Если самому и не придется заплатить какъ въ тотъ день, то сколько страху предстоить вамъ впереди. Развѣ вы не чувствуете, что доставляете опасную пищу батюшкиной мнительности и рискуете даннымъ вамъ словомъ? Шарль! ни въ ли говорить вамъ объ этихъ вещахъ, неужели вы сами ихъ еще не отгадали?... И въ какое положеніе вы себя ставите, скрывая все отъ отца и обманывая молчаніемъ дочь? Неужели не захотите ничѣмъ пожертвовать для удовольствія батюшки, для того, чтобы заслужить его довѣріе и не разжигать тѣхъ старыхъ предубѣж-

дней, которые онъ долженъ былъ заглушить въ себѣ, прежде нежели поручилъ вамъ меня? Неужели не пожелаете и для меня побольше спокойствія? Теперь я вся дрожу при мысли о возможности потерять васъ и долго еще буду бояться, чтобы случившееся не дошло до батюшки, чтобы онъ не перетолковалъ всего по своему и чтобы не нарушилось только что возстановившееся спокойствіе: отъ васъ однихъ, отъ вашего благоразумія зависить это спокойствіе — поддержите его.

Я слишкомъ потрясена, Шарль, и не могу много писать сегодня. Постараюсь отдалечь мысль отъ вашего описанія, забыть его и вѣрить, что вы чувствуете мое горе. Возволнованная такимъ образомъ, я не могла заняться вашей просьбою о дѣльцѣ по части общаго нашего интереса. Пока я не поговорю съ батюшкой, подчиняйтесь его волѣ, но все таки не лишайте меня въ продолженіи этихъ дней нѣсколькихъ словъ, которыхъ я такъ нетерпѣливо желаю.

Преданная вамъ Луиза.

XXXIII.

Шарль къ Луизѣ.

Изъ Женевы.

Луиза! Письмо ваше открыло мнѣ глаза. Я дурно сдѣлалъ, виновать! я на колѣняхъ передъ вами, и обѣщанія мои, на этотъ разъ, серьезны. Правда, о батюшкѣ вашемъ я подумалъ уже потомъ; впрочемъ еще вѣремя, — онъ не узнаетъ ничего. И такъ, Луиза, умоляю васъ, не печальтесь болѣе; простите, улыбнитесь, и пусть легкое облачко это только пробѣжитъ по ясному и чистому небу.

Лучше бы я сдѣлалъ, еслибъ послушался товарища, впрочемъ въ непослушаніи-то и вся вина моя, потому что остальное не зависѣло отъ меня. Въ другой разъ, въ подобномъ случаѣ, клянусь вамъ — послушаю всѣхъ, одного себя не послушаю. Не думаете ли, однакожъ, что я разохотѣлся и не прочь бы отъ другаго такого же праздника? Страхъ придавалъ мнѣ тогда удивительную бодрость, но надобно признаться, когда опасность миновала и я добрался до скалы, то душа наполнилась невыразимую радостью. Я забуду эту радость, Луиза; буду думать только о вашемъ горѣ, которое хочу разсвѣять, о вашемъ спокойствіи, котораго не намѣренъ болѣе возмущать. И такъ еще разъ прошу васъ — не огорчайтесь. Пусть снова на личикѣ вашемъ просіяетъ лучъ надежды и довольства! Позвольте увѣренному въ прощеньи и успокоенному довѣренію вашимъ, свободно, передъ вами, предаться своему счастью.

Товарищъ знаетъ, что не надо ни о чемъ говорить; следовательно батюшка вашъ ничего не узнаетъ, особенно если прочтеть журналъ, который такимъ образомъ объявляетъ о происшедшемъ:

»Третьяго дня озеро наше едва не сдѣлалось театромъ горестнаго событія. Одинъ молодой англичанинъ, послушный эксцентрическому влеченію, свойственному сыновъ Адамова, выбралъ для прогулки по водѣ самую бурную минуту. Столпившійся на берегу народъ тщетно кричалъ ему, чтобы онъ скорѣе вернулся къ берегу: онъ настойчиво держался середины, пока наконецъ лодка не опрокинулась. Къ счастью рыбаки поспѣшили на помощь и вытащили его изъ воды. Нельзя не замѣтить, что слѣдовало бы запретить прибрежнымъ лодочникамъ давать свои лодки въ бурную погоду.

Чудное право дѣло, Луиза, эти газеты! все изъ нихъ узнается и каждый остается доволенъ. Это объявленіе очень меня потѣшило. Сегодня, за обѣдомъ, по поводу его, Г. Дерве разсказалъ намъ кучу забавныхъ анекдотовъ объ эксцентричности этихъ несчастныхъ англичанъ.

Кстати о г. Дерве. Виновать, Луиза, что до сихъ поръ ничего еще не сказалъ вамъ ни о немъ, ни объ его семействѣ. Чтобы разсѣять ваше неудовольствіе, хочу обрисовать вамъ портреты всѣхъ ихъ, не выключая и г. Дерве, въ которомъ, впрочемъ, не много особеннаго. Это мужичка довольно полный, красный, съ постоянно одинакимъ благосклоннымъ выраженіемъ. Онъ слыветъ за хорошаго проповѣдника; мнѣ же кажется болѣе цвѣтистымъ, нежели краснорѣчивымъ; проповѣди его схожи съ его лицомъ. Органъ его звонокъ; въ красивыхъ періодахъ нѣтъ сильнаго, трогательнаго, всегда одушевленнаго слога г. Превера; впрочемъ, г. Дерве — олицетворенная доброта: теплоту недостающую проповѣдая его, я нахожу въ его манерахъ, въ обращеніи. Веселость его тихая и радушная какъ въ человѣкѣ справедливомъ, которому и обязанность не въ тягость и отдыхъ приятенъ. Онъ ни въ чемъ не принуждаетъ меня, всегда доволенъ мною, если мнѣ самому хорошо. Да, Луиза, это отличный человѣкъ!

Г-жа Дерве — полная дама, важнѣе, чувствительнѣе своего мужа, но не такъ добра, какъ онъ, или добра инымъ образомъ. Она иногда шутитъ со мной, иногда выговариваетъ мнѣ; два раза пожурила меня, но какъ ребенка, которому желаютъ добра: я утѣшаюсь тѣмъ, что не мнѣ одному, а и г. Дерве отъ нея достается; и его, по нуждѣ, она побраниваетъ. Бразды домашняго правленія въ рукахъ г-жи Дерве; но если бы она ихъ оставила, то каждый упросилъ бы ее опять взяться за нихъ. Сначала, не зная нашей тайны, она ежесминутно говорила мнѣ

Объ васъ и часто конфузла меня. Какъ-то я ей все высказалъ. Съ тѣхъ поръ, при дочеряхъ она не говоритъ со мной о васъ, но только когда мы остаемся съ ней вдвоемъ. Тутъ-то сыплются безчисленные вопросы и на нихъ безчисленные отвѣты: отрадные разговоры! Она любитъ васъ, цѣнитъ и хочетъ узнать лично; безпрестанно повторяетъ, что я долженъ исправиться, образоваться, неуспынными трудами удостоиться ожидаемаго и достигъ возможности украсить жизнь вашу. Я увѣряю ее съ такимъ убѣжденіемъ, съ такою твердостью, что въ эти минуты самому кажется, будто я уже близко къ совершенству и могъ бы украсить собой вселенную. Сколько безразсудной самонадѣянности въ словахъ и въ мысляхъ моихъ, Луиза! пылкость чувства и восторгъ счастья такъ волнуютъ, такъ ослѣпляютъ меня, такъ мутятъ мой разумъ!

Дѣвнцъ Дерве я берегъ вамъ для букета. Представьте, что старшую зовутъ Луизой! Какъ мнѣ ни тяжело было привыкнуть, а — нечего дѣлать! — надобно было позволить ей называться этимъ именемъ. Пускай она называется Луизой, но все-таки настоящая Луиза только одна на свѣтѣ и чѣмъ больше увижу фальшивыхъ, тѣмъ болѣе буду обожать истинную. Луиза Дерве — портретъ отца: весела, натуральна, какъ онъ, беззаботна, хороша лицомъ, немного толста, — красивая особа, какъ говорятъ. Охотница до баловъ и до праздниковъ; любитъ деревню, любитъ и городъ; любитъ заняться, не прочь и полѣниться, — все по ней. Привратникъ сказалъ мнѣ, что она занята кѣмъ-то и что, можетъ быть, въ настоящую минуту, сосватана. Глядя на нее, я не подумалъ бы этого. Прекрасное въ ней свойство ревность въ характерѣ и въ обращеніи; въ сущности, она, какъ г. Дерве, для котораго необходимо нравиться не только вообще, но даже и кому бы то ни было въ особенности. Со мной она откровенна, мила, добра. Я никогда не замѣчалъ въ ней манерности нашихъ городскихъ барышень; она и на балѣ такъ же натуральна, непринужденна, какъ у себя дома, за что я очень охотно съ ней танцую. Между немногими знакомыми мнѣ дѣвнцами, одна Луиза Дерве — я увѣренъ заранѣе — приметъ меня, какъ и всякаго другаго.

Меньшую зовутъ Софьей. Ей шестнадцать лѣтъ. Она деликатнѣе, осторожнѣе, хитрѣе сестры; не очень любитъ свѣтъ, много читаетъ, часто уединяется. Она своенравна, то насильлива, то чувствительна, вообще впечатлительна. Софья не столько шумитъ какъ Луиза, но нѣмѣтъ въ домѣ гораздо болѣе значенія. Двѣ сестры, столько несхожія по вкусу и характерамъ, нѣжно любятъ одна другую и мило видѣтъ ихъ

вѣстѣ. Старшая становится меньшей передъ сестрой, а меньшая умственными преимуществами старается только выгоды въ выставить старшую, заставить полюбить и оцѣнить ее. Со мной она очень скромна, но и внимательна, и хотя тонко подсмѣивается иногда даже надъ отцомъ и матерью, но всегда щадитъ меня, можетъ быть изъ гордости или изъ приличія, а можетъ быть изъ состраданія къ молодому человѣку, не подходящему, какъ она знаетъ, подъ общія условія. Софья Дерве во многомъ отлична отъ молодыхъ особъ, съ которыми я имѣлъ случай сблизиться. Черты ея тонки, взглядъ выразителенъ, улыбка всегда умѣренно-граціозна, станъ изященъ, какъ и жесты ея и манеры,—я готовъ сказать, — какъ и стулъ, на который садится, и столъ, на который облокачивается.

Таковы, Луиза, прекрасные люди, между которыми я живу, между которыми скучаю, горюю, прихожу въ отчаяніе, за чѣмъ я не въ другомъ мѣстѣ, за чѣмъ, на примѣръ, не въ приходѣ, или даже въ Мононататѣ, если бъ вы тамъ были, или въ обѣихъ индіяхъ, еслибъ вамъ вздумалось заглянуть туда? Я люблю Дерве, но для нихъ посторонній. Гляжу на ихъ счастье и согласіе иногда съ завистью, но безъ участія, потому что сердце мое въ иномъ мѣстѣ. Случается, завадаетъ мнѣ на мысль, что въ болѣе скучномъ домѣ, въ семьѣ менѣе дружелюбной и любезной, мнѣ было бы сноسة, я болѣе принадлежалъ бы себѣ.... Какое недостойное чувство! краснѣю за него и всякой разъ съ презрѣніемъ сознаю его въ себѣ. Но чтѣ, еслибъ эти самыя особы узнали, хотъ увидали бы только Луизу? — тогда бы всякое другое общество стало мнѣ невыносимо. А это желаніе должно осуществиться: я объ немъ только и мечтаю, а г-жа Дерве очень серьезно подумываетъ, какъ бы вамъ познакомиться.

Дни становятся коротки и балы уже начались. По рекомендаціи г-жи Дерве меня приглашаютъ и я, нечего дѣлать — отправляюсь по принужденію той же г-же Дерве, хотя и навою ея тиранию жестокою. Въ комнатахъ этихъ мнѣ душно, скрипки не доставляютъ мнѣ ни малѣйшаго удовольствія. Я представляю себѣ наши приходскіе вечера: вы сидите за льномъ, прислушиваетесь къ чтенію альманаха, а ручки прядутъ нить. Ахъ! эти вечера, эта конопля, этотъ огонекъ, разговоры наши, возвращеніе домой подъ ливнемъ! воспоминанія и сладкія и горькія! живыя радости! гдѣ найти васъ въ городскихъ салонахъ, восреди искусственныхъ удовольствій? гдѣ найти васъ безъ Луизы?

XXXIV.

Луиза къ Шарлю.

Изъ прихода.

Принимаю ваши обѣщанія, Шарль, и, полагаясь на нихъ, стогною набѣжавшее облачко. Опять возвратилась ясность, и я предаюсь ей сегодня съ возрастающимъ наслажденіемъ. Спасибо журналу! англичане одни имѣли бы право претендовать, но можетъ быть и они пропускаютъ безъ вниманія напраслину, довольные своей публично-признанной эксцентричностью.

Семейная картина Дерве очень заинтересовала меня. Вижу, что взглядъ вашъ, такъ ошибочно предубѣжденный въ пользу нѣкоторой молодой особы, видитъ и оцѣниваетъ справедливо, когда обращается въ другую сторону. Я теперь люблю уже всѣхъ этихъ особъ, какъ будто бы ихъ видѣла и, право, лишнимъ будетъ меня представлять имъ. Прекрасныя качества Луизы заслуживаютъ большей оцѣнки, и хотя не блестящи, но и далеко не обыкновенны. По моему, — она-то и есть настоящая Луиза: безъ заботъ, безъ горя, созданная для собственнаго счастья и для счастья другихъ; ея легкая веселость не мѣшаетъ добродѣтели. Съ Софьей я мысленно готова подружиться; въ ней больше прелести, очарованія, хотя не столько доступности и доброты. Въ обѣихъ узнаю родителей: въ одной г-на Дерве, — ежедневный примѣръ кротости и благосклонности; въ другой — г-жу Дерве — дѣятельную, торопливую, распорядительную, взыскательную. Я благодарна послѣдней за то, что она помогаетъ вамъ своей опытностью, и всѣ они, за любовь къ вамъ, близки моему. Вотъ, Шарль, какое впечатлѣніе произвело на меня ваше письмо. За доставленное мнѣ удовольствіе, и чтобъ быть увѣренной въ еженедѣльномъ полученіи не одного подобнаго, я взялась уладить то, что вы называете *вашимъ дѣльцемъ*. Покуда не имѣю ни отказа, ни согласія. Батюшка не желаетъ стѣснять насъ, но остается убѣжденнымъ что мы слишкомъ много пишемъ. И такъ, Шарль, надобно держаться середины и удовлетворять батюшку въ половину. Я желала бы каждый день получать строки ваши, и еще бы лучше, по два раза въ день: ничто не доставляетъ мнѣ болѣе удовольствія, ничто вѣрнѣе не стогняетъ облачка, которыя показываются еще иногда на ясномъ небѣ. Однакожъ и я не могу не бояться, чтобъ столько писанья не отвлекало васъ отъ занятій или не прибавляло ихъ. Ноябрь близокъ. Отъ души желая вамъ успѣха, я не могу не беспокоиться, не могу не спрашивать себя, чтѣ скажетъ батюшка, въ случаѣ неудачи? Успокойте меня, по крайней мѣрѣ, на этотъ счетъ. Будьте увѣрены, что я готова

пожертвовать всѣмъ удовольствіемъ нашей переписки, если одна изъ минутъ мнѣ посвящаемыхъ можетъ послужить не въ пользу вамъ.

Въ предпоследнемъ письмѣ, вы почти неуважительно отзываетесь объ учебныхъ предметахъ. Манера эта, правду сказать, огорчаетъ меня, также какъ и прогулки ваши по озеру и по рынкамъ, вѣсть съ балами, съ гостинными разговорами и съ насморкомъ, о которомъ вы ничего не говорите. Все греческое и особенно трагедію, я считала прекраснымъ; все, касающееся до науки, казалось мнѣ серьезнымъ, а вы смотрите на эти предметы, какъ на скучную необходимость. Или, можетъ быть, вы хотѣли меня позабыть, а я не такъ принимаю шутку. Я слишкомъ озабочена, чтобъ не бояться, слишкомъ не свѣдуша, чтобъ понять: объясните мнѣ, пожалуйста, и не оскорбляйтесь моими опасеніями. О, Шарль, какъ меня страшитъ:— Ноябрь мѣсяцъ! Дождусь ли, когда онъ пройдетъ!

При письмѣ прилагается небольшая корзина съ виноградомъ. Это наша новинка, съ того, памятнаго вамъ, конечно, виноградника, что между окномъ г. Превра и колокольней. Кто-то нескромно замѣтилъ, что съ этаго самаго виноградника, въ эту же пору, въ прошломъ году, не снято ни одной ягоды: »все дрозды поклевали,« отвѣтила на это замѣчаніе Марта. Черезъ недѣлю начнется сборка. Всѣ заняты приготовленіями. По вечерамъ,—въ воображеніи вашемъ,—такимъ повѣстическимъ,—только и говорить что о жѣрахъ да о тискахъ, а днемъ идетъ стукотня молотковъ и разныя починки. Учитесь же, Шарль, довольствоваться своею судьбой, пользуйтесь своими городскими преимуществами, не вздыхайте о деревенской тишинѣ; а я, между тѣмъ, постараюсь поладить съ нашею кропотней и не завидовать городскимъ удовольствіямъ.

СЕЛЬСКИЙ ПРИХОДЪ.

XXXV.

Шарль къ органисту.

Изъ Женевы.

Хочу отвѣчать на ваше письмо, г. Рейбасъ, и поблагодарить васъ за вниманіе, за извѣщеніе о Луизѣ. Я увѣренъ, что козливое молоко укрѣпитъ ее, потому что я, безо всякой болѣзни, выросъ на томъ же молокѣ — отъ матери этой козы.

Прискорбно мнѣ, г. Рейбасъ, что вамъ такъ не нравятся наша переписка. Еслибъ не опасеніе ослушаться, я попытался бы вамъ доказать, что, при меньшемъ писаньи, потрачу болѣе времени. Могу ли я, по вашему мнѣнію, запретить себѣ часто думать о Луизѣ? Вы, конечно, не повѣрите; но, когда я заключаю эту думу въ головѣ, она тамъ растетъ, вызываетъ другія, примѣшивается къ моему ученью, подталкиваетъ на нескладницу, или, по крайней мѣрѣ, на занятія неясными и неосновательными; если же я, напротивъ, излагаю свою думу на бумагѣ, то она тутъ и остается: я складываю ее, отправляю, освободившись отъ нея и успокиваюсь, по крайней мѣрѣ, на двадцать четыре часа. Тогда я весь предаюсь дѣлу, принимаюсь за свой греческій языкъ, за латынь, за математику, за словесность; и, не занятый ничѣмъ другимъ, чувствую, что запасаясь мыслями свѣтлыми, ясными, знаменитыми полезными и прочными. Когда истощится болтовня моя, тогда уже — такъ и быть, а теперь покуда прошу позволенія употребить, что есть въ запасѣ.

Уважаю в цѣню примѣры, которые вы мнѣ предлагаете. Но вы сами, г. Рейбасъ, хорошо знаете, что между влюбленными, одни молчаливы и сосредоточены, другіе общительны и откровенны, такъ что нельзя прикинуть ко всѣмъ одну мѣрку, не рискуя повредить многимъ. Съ Терезой, мало вамъ знакомой прежде, вы только что заговаривали, а всякій разговоръ въ началѣ развивается тихо и постепенно; съ Луизой же, съ которой я болталъ по цѣлымъ днямъ въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, у насъ ведется все тотъ же разговоръ, съ выключеніемъ изъ него болѣе девяти десятыхъ; потому что изъ того, что мы,

Вышло, наболтаешь въ три дня, вышелъ бы томъ очень значительной толщины; наконецъ, г. Рейбасъ, — съ Терезой вы видались каждый мѣсяцъ, и очень справедливо, что при свиданіи взглядъ въ одну минуту выскажетъ болѣе, нежели перо въ четыре недѣли; я же, замѣтите, въ пять мѣсяцевъ былъ только одинъ разъ въ приходѣ и неизвестно, побываю ли еще до слѣдующей весны. Согласитесь же, г. Рейбасъ, что примѣръ вашъ не совсѣмъ умѣстенъ, и если вы примите мои резоны, то предоставьте мнѣ свободу писать дѣлота. Я буду вамъ очень благодаренъ.

Не думайте однако, что я пренебрегаю занятіями, но теперь ихъ недостаточно для наполненія моего дня, хотя бы я и желалъ весь его посвятить имъ; другое дѣло — послѣ Ноября, когда я буду студентомъ; но тогда для новыхъ дѣлъ — новый совѣтъ; покуда же мнѣ надобно воспользоваться досугами и свободно насладиться счастіемъ, которыми обязанъ вамъ одинъ,

Вы спрашиваете, г. Рейбасъ, — правда ли, что у меня есть доходное занятіе? совершенная правда. Здѣсь есть мальчикъ, сынъ одного изъ друзей г. Превера, котораго я учу по латыни и по гречески, хотя еще самъ мало знаю; Но вы говаривали: не безчестно торговать своимъ имуществомъ, какъ бы слабо оно ни было, но безчестно продавать его подкрашенное, какими бы цвѣтистыми оно ни казалось. Такимъ образомъ я продаю свою латынь безъ фальши и прикрасы, и зарабатываю по лундору каждый мѣсяцъ. Первая монета ужъ у меня въ ящикѣ: — хочу сберечь ее на память; вторая на дорогѣ, — не торопится, дѣлаетъ по шагу въ день, чтобы только придти ко времени, какъ черепаха. Я съ такимъ удовольствіемъ гляжу на это золото, что, право, боюсь слѣдаться скрагой.

Но это еще не все, г. Рейбасъ. Одна дама, изъ нашего дома предлагаетъ мнѣ повторять каждый вечеръ съ ея маленькимъ сыномъ уроки, задаваемые ему въ училищѣ; о цѣнѣ не говорили, но на вѣрное еще какой-нибудь лундоръ готовится приобщиться къ моему золотому слитку. Если эдакъ буду зарабатывать по два лундора въ мѣсяцъ, то помѣрюсь доходомъ съ любимымъ владѣльцемъ нашего селенія. 105 флориновъ въ мѣсяцъ, 1248 флориновъ въ годъ! Есть на что обзавестись и хозяйствомъ! А когда удвою эту сумму, — легко можетъ случиться, что, вмѣсто двухъ, буду имѣть по четыре часа уроковъ въ день, то вотъ и знатный капиталъ въ 2496 флориновъ, — что мнѣ представляется олицетвореннымъ богатствомъ. Если сберегу эту сумму до женитьбы, — въ состояніи буду задать свадьбу на славу, ширѣ въ родѣ Гамашева, о которомъ вы прочтете въ послѣдующихъ Лундахъ. томахъ.

Она еще не просила у меня книгъ, но, не дожидаясь просьбы, препровождаю ей Донъ-Кихота. Когда вы познакомитесь съ этой книгой, потрудитесь сказать, найдется ли въ свѣтѣ другая занимательнѣе и забавнѣе этой.

Возвращаясь къ вашимъ наставленіямъ, г. Рейбасъ, которыя выслушиваю съ уваженіемъ и покорностью. Вы въ правѣ многого требовать отъ меня, и я очень желалъ бы угодить вамъ. Знаю, что еще слишкомъ несвѣдущъ, но путь мой начертанъ, и если не смогу сократить его, то и не продлю по своему нерадѣнію; сознаю въ себѣ силу и охоту идти твердо и отличиться въ той категоріи несчастныхъ, которые, не имѣя ничего сами, и будучи обязаны приобретать все собственнымъ трудомъ, занимаются серьезно, имѣя въ виду званіе, должность, значеніе въ свѣтѣ. Не бойтесь ничего съ этой стороны, г. Рейбасъ. Я ужь довольно приглядѣлся къ наукамъ, знаю, до чего могу добиться наравнѣ съ другими, если только примусь бодро; а я вамъ речъ идти къ цѣли не шутя и — сдержатъ данное вамъ обещаніе.

Въ разсужденіи характера, знаю также, чего мнѣ недостаетъ, и не возражаю противъ вашихъ замчаній, хотя строгихъ, но справедливыхъ. Надѣюсь, что дурныя сѣмена во мнѣ — не болѣе какъ недостатки; а отъ недостатковъ легко исправляются; если есть еще время впереди. Но, г. Рейбасъ, прошу васъ при строгости быть и снисходительнымъ; нетерпѣніе ваше скорѣе бы обезкуражило меня.... Я чаще дѣлалъ глупости, нежели зло, — не все во мнѣ дурно, чувствую кое-что доброе.... Вы говорите о грѣшникахъ, какъ мнѣ, такъ и вамъ неизвѣстныхъ.... Отъ нихъ-то, можетъ быть, и досталось мнѣ лучшее, что есть, въ моемъ жалкомъ наслѣдіи. Позвольте мнѣ никогда ни винить, ни оуждать ихъ. Я никогда не сдѣлаюсь г. Проверомъ, но онъ будетъ моимъ единственнымъ образцомъ; никогда не буду стоить вашего ангела-дочери, но, — при честной жизни и добромъ имени, — могу сдѣлать ее счастливой. Покоряюсь вашей взыскательности для того, чтобы вѣрнѣе сдержатъ обещанное. Что же касается до возможности покаяться.... никогда, г. Рейбасъ, никогда! Еслибъ я достигъ добродѣтелей г. Превера, еслибъ тайна рожденія моего доставила мнѣ и знатность и богатство, еслибъ я былъ на престолѣ, то и тогда бы мы не покаялись! Никогда! потому что теперь я менѣе, нежели ничто; безъ родныхъ; безъ заслугъ, безъ званія, безъ состоянія и вы все-таки даете мнѣ Луизу, которую у васъ просили другіе, — Луизу, способную облагодѣлать самаго благороднаго, обогатить самаго богатаго!

Преданный вамъ Шарль.

XXXVI.

*Шампенъ къ органисту.**Изъ Женевы.*

Ты замолчалъ на послѣднее мое письмо о проказахъ молодого челоуѣка; а съ тѣхъ поръ я успѣлъ позабыть, какого цвѣта твои чернила. Хорошо, если ты ему намылилъ голову да вразумилъ, что, прежде чѣмъ жениться, надо остепениться, и что въ супружескомъ дѣлѣ, что на охотѣ: за двумя зайцами погонишься, — обоимъ упустишь. Дѣло въ томъ, что съ тѣхъ поръ парень всѣ ночи проводилъ дома; въ четвергъ только вышелъ рано, а возвратился далеко за полночь. Хотѣлось мнѣ немножко поразвѣдать у него объ этомъ четвергѣ, чтобъ при случаѣ тебѣ услужить; не разъ заговаривалъ и навелъ его какъ-то на рѣчь. Насказалъ онъ мнѣ, что въ этотъ день утромъ катался въ лодкѣ съ однимъ товарищемъ, поднялся вѣтеръ и они оставили — вишь — лодку въ Монталегре, потомъ возвратились вечеромъ и вмѣстѣ съ народомъ глядѣли на англичанина; — на того, что чуть было не утоуль! Объ этомъ ты, чай, читалъ въ журналѣ. Хитѣръ твой зятекъ! замѣтлѣ, что я за нимъ присматриваю, да и держитъ ухо остро. Теперь коли и заподозрю что по одной наружной личинѣ, такъ за ней еще невѣдомо что кроется.

Въ послѣднемъ письмѣ ты дружески, какъ старинный старинному, повѣрилъ мнѣ, какъ тебя подцѣпили. Съ тѣхъ поръ я держалъ языкъ на привязи, да и нелюбо было мнѣ рассказывать, что ты единственную дочь отдаешь за подкидыша. Я-то молчу, да чужіе толки доходятъ до ушей; а мои — знаешь — всегда были длинны: еще въ школѣ слылъ осломъ. Признаюсь, отъ этихъ слуховъ зазудѣла моя барабанная перепонка. Подумалъ я сначала, что слухи вздорны: въ письмѣ своемъ ничего, молъ, Рейбасъ, не говоритъ такого; а, — какъ бы то ни было, — не даромъ пословица: нѣтъ дыму безъ огня. Ты тамъ себя какъ хочешь, а я не будь Шампенъ, Жанъ-Маркъ, коли умолчу.

Говорятъ, будто-бы дочка твоя приглянулась вашему знатному сосѣду. Нашелъ, вишь, онъ ее по вкусу, да какъ раскусилъ, что дѣвушка — то не того, — не подпустить безъ законной причины, онъ и сталъ ее просить въ замужство, одни говорятъ, что черезъ г. Превера, другіе, что самъ стоялъ передъ тобой на колѣняхъ, а ты, связанный помянутымъ молодчикомъ, не посмѣлъ взять слова назадъ и выпроводилъ барича. Одни говорятъ, что это Жакьеръ, неръ изъ Бурдиньи, другіе, — что покушникъ Пейси, третьи, — лучше всего, что это г. Эрнестъ де-ла-Куръ, баричъ старинной фамиліи, что живетъ съ на-

терью въ замкѣ. Вотъ и всё слухи въ твое распоряженіе. Напиши, о чемъ заблагорассудить меня уведомить, да скажи, не сказки ли все это?

Повѣрю ли, чтобъ Рейбасъ изъ-за тѣбя выпустилъ тѣло? Довольно же и досталось мнѣ отъ меня, особенно Жакемайнцъ: «вмѣсто того, чтобъ объ этомъ толковать, сказалъ я, лучше бы выдумали, что озеро утекло въ Рону, да искажи бы охотниковъ рыбу въ немъ удрать.»

Сказки только, что нѣтъ ничего такого, и я однимъ словомъ закрутилъ всѣхъ кулушманъ.
Жанъ-Маркъ, старшина.

XXXVII.

Шарль къ Луизѣ.

Изъ Женевы.

Промедливши отвѣтомъ, я вполне доказалъ вамъ, Луиза, свою покорность. Въ этомъ промежуткѣ я защищалъ свое право передъ вашимъ ботаникомъ; но дожидаться его рѣшенія, значило бы дожидаться, когда взойдутъ вина, закроются погреба, установятся цѣны: такое терпѣнье выше силъ моихъ. А вѣдь и въ самомъ дѣлѣ, время собранія винограда — не самое пріятное время въ деревнѣ: у стихотворцевъ, — можетъ быть, у пьяницъ — также, на примѣръ у Брахоса; но, какъ согласишься вблизи, — все такъ холодно, мокро, накурено, все въ броженіи, отъ всего несетъ погребомъ. Скошенная трава остается травой и сохраняется запахъ: богатый покосъ собранъ, а лугъ еще зеленѣе, еще свѣжѣе, нѣжѣе и удобнѣе для бѣганья и игръ. Но чтѣ дѣлается съ виноградомъ? румяныя кисти исчезаютъ, а безъ кистей куда какъ жалокъ виноградникъ! Еслибъ я былъ царемъ земли, велѣлъ бы сжечь всѣ подпорки, доски и боченки. Красивыя лозы вились бы только вдоль стѣнъ и по склонамъ пригорковъ; никто бы у меня не осмѣлился помять прекрасную кисть; никогда бы винныя пары не сбивали съ ногъ Брахосовъ моего государства. Еслибъ я былъ царемъ, вы — любимая царица смертныхъ, сидѣли бы за пряхей или за иглой въ приходскомъ замкѣ, а мы бы съ г. Дерве, сансходительнымъ моимъ министромъ, отправились, оба на луговыхъ кобылакахъ, обозрѣвать хижинны: гдѣ бы остановились поговорить у дверей, гдѣ бы отдохнули на порогѣ, въ иномъ мѣстѣ посидѣли бы за столомъ съ пастухами и вездѣ бы разузнавали, такъ ли добры и справедливы наши подданные, какъ должны быть, такъ ли они довольны и мирны, какъ животныя, о которыхъ заботится Провидѣніе.

Послушайте Гомера. Я разбираю его въ эту минуту и нахожу въ немъ восхитительныя картины: вижу смертныхъ, которые живутъ, поютъ, бѣгаютъ подъ открытымъ небомъ, на коврѣ луговъ, — дѣвушекъ,

играющихъ въ мячъ, царскихъ дочерей, ноющихъ на рѣкѣ свои платья. Послушайте, что пишетъ Гомеръ о Навзикаѣ, дочери царя Феакіяна:

«Скоро онѣ подѣхали къ дѣвущимъ берегамъ рѣки, гдѣ свѣтлой и быстрой струей вѣчно катятся безчисленныя волны, омывающія все нечистое.

«Отпрягну мурдовъ, онѣ (эти дамы) нустали ихъ истисать на мягкой муравѣ луговъ, по берегу глубокой и серебрястой рѣки. Между тѣмъ молодыя дѣвушки вынимаютъ изъ колесницы одежды, опускаютъ ихъ въ свѣтлыя струи, потомъ втаптываютъ ногами въ водоены, усердно устараясь другъ передъ дружкой. Чистыя одежды онѣ разстилаютъ на прибережныхъ камняхъ, омываемыхъ нѣжно-плещущими волнами. Тогда Навзикая съ подругами расподагастся обѣдать, пока соднечныя лучи будутъ вбирать влажностъ изъ одеждъ. Подкрѣпивши силы пишею, онѣ снимаютъ покрывала и бросають въ воздухъ мячъ....»

Эта картина восхищаетъ меня. Я читаю ее съ наслажденіемъ, знаю наизусть и никогда не забуду. Простота и истина очаровательная! Неробитыя нравы — укоръ нашимъ! Наша поэзія, языкъ, живопись, передъ этими картинами холодны, блѣдны, тяжелы и безжизненны, какъ мраморъ! Да здравствуетъ Алкиной, царь Феакіяна! Да здравствуетъ, троекратно да здравствуетъ его прелестная дочь Навзикая, которая не гнушается мыть бѣлье, отпрягать мурдовъ, — бросаетъ мячъ и поетъ подъ прибережными ивами!... Но я хочу вамъ докончить исторію.

Въ игру, которой забавляется царевна съ подругами, мы, Луиза, не разъ игравали. Интересъ этой игры въ обменѣ: дѣлають видъ, будто хотять бросить мячъ одному изъ играющихъ, и бросають другому, сорвѣвъ его неожиданному. Рѣзвая Навзикая забросила скоро мячъ въ рѣчную пучину. Всѣ игруны вскрикивають; крикъ ихъ пробуждаетъ человѣка, спавшаго въ густотѣ листьевъ. Человѣкъ этотъ — Улиссъ, выброшенный за нѣсколько часовъ на берегъ. Онъ выходитъ изъ чаши и показывается при свѣтѣ, весь испачканный морскими иломъ. Подруги Навзикаи прячутся въ тростникъ; одна дочь Алкиной остается, выслушиваетъ жалобы несчастнаго, и отвѣчаетъ ему:

«Странникъ, ты не кажешься человѣкомъ простымъ, въ тебѣ замѣтна мудрость. Юпитеръ, по своей волѣ распредѣляющій счастье добрымъ и злымъ, посылаетъ тебѣ скорби: переноси ихъ съ терпѣніемъ, но благословляй судьбу, приведшую тебя въ наши страны. Ты не будешь имѣть недостатка въ одеждахъ, ни въ другой какой вещи, которую слѣдуетъ оказать несчастному бѣдняку. Я покажу тебѣ дорогу въ городъ. На этой землѣ и въ этихъ стѣнахъ живутъ Феакіяне; я дочь царя ихъ — великодушнаго Алкиноя.»

Навзикая обращается тутъ къ подругамъ и съвязаетъ ихъ: «вотъ остралики и всё несчастные; говорить она имъ, посылаются Юните-ромъ; малѣйшій даръ облегчаетъ ихъ участь. Хочу, чтобъ вы предложили нашему гостю яствъ и напитковъ. — Улиссъ подкрѣпляется пищею и отмыкаетъ въ рѣкѣ вязкую тину, приставшую къ его членамъ и обляпавшую его кудри. Навзикая складываетъ одежды въ колесницу, везетъ невзвезданныхъ муловъ, берется за возжи и направляетъ Улисса къ жилищу отца.»

Луиза! Какая наявная красота! Придайте рассказу яркіе цвѣта текста и передъ вами дѣйствительность, трогательная, полная воздуха, свѣта, жизни. И если эти нравы не вымышлены, — въ чемъ нельзя сомнѣваться, — то какъ не пожалѣть, что не осталось и слѣдовъ такого чуднаго прошлаго?

Теперь хотите ли знать, отчего я *не уважаю* васъ, какъ вы изволите говорить. Во первыхъ, по причинѣ безконечнаго труда, которымъ, только при посредствѣ грамматики и словаря, очищается мой взглядъ на Навзикаю съ подругами и на испачканнаго морской тиною Улисса. Потомъ, хотя меньшій, но еще болѣе неблагоприятный трудъ, изъ-за котораго теряется и этотъ ясный взглядъ и чистота впечатлѣнія и чувство прекраснаго, это — безпрестанныя справки съ неудобосваримымъ наборомъ примѣчаній на каждый стихъ. Представьте себѣ, что облака расходятся подъ вашими ногами: показываются веселыя деревни — вы любуетесь, но, въ минуту вашего восторга, другія облака сходятся подъ вашими ногами.... и прощайте веселыя деревни!

Подтвердятъ ли мои слова какими-нибудь примѣромъ? Вотъ два или три замѣчанія, которыя, по поводу Навзикая, я долженъ вдолбить въ память къ первому Ноябрю.

Прежде всего Битобе (переводчикъ) увѣряетъ, что обыкновенный поэтъ не выдумалъ бы этой сцены, но что Гомеръ находитъ ежеминутно подъ ногами цвѣты. Я это учу наизусть. Потомъ, госпожа Дасье (вѣроятно прачка) разсуждаетъ, зачѣмъ Навзикая моетъ въ рѣкѣ, а не въ морѣ, которое такъ близко. Отъ того, что морская вода жирна. Учю наизусть.

За тѣмъ, какой-то, по прозванію Сюндасъ, разсматривая вблизи ильчъ Навзикаю, приписываетъ ей изобрѣтеніе астрономической сѣеры. И это учу наизусть.

Наконецъ Рапенъ (хорошо названъ! *) находитъ неприличнымъ слишкомъ продолжительный разговоръ Навзикаю съ Улиссою. Тоже учу наизусть.

*) Varin — воръ.

Послѣ него, Гезикій... Но, не заходя далеко, сираниваю васъ, Луиза, — гдѣ прекрасная бѣломошка, Навзикая? Гдѣ ея юныя подруги, гдѣ Уликсъ, гдѣ тростникъ и рѣка?... Далечно, очень далечно! На мѣстѣ ихъ Раненъ, Битобе и эта Дасье пускаютъ другъ въ друга своей жирной водой; Гезикій съ Сюдасонъ взвѣшиваютъ стихи, просяваютъ слова, мѣряютъ частички: набѣжали воры, грабятъ благороднаго слѣнца, дѣлятъ между собой листки его книги, чертятъ, пачкаютъ ихъ до тѣхъ поръ, пока отъ чистой бѣлизны останется одинъ грязный доскутъ. Да, я ненавижу ихъ, браво, надѣваюсь надъ ними, вслѣдствіе чего и кажуся вамъ неуважительнымъ.

Но и то сказать, Луиза, не всѣ мѣста такъ хороши, какъ разсказъ о Навзикаѣ, не всѣ греческіе стихотворцы — Гомеры. Во всякомъ случаѣ, не бойтесь ничего, и особенно не говорите о жертвахъ. Работа эта можетъ быть скучна, но не трудна, и я, безъ лишняго хвостовотва, могу васъ увѣрить, что выполнялъ ее добросовѣстно и никакой бѣды не боюсь. Поберегите же ваши опасенія до будущей весны, когда я, ставши студентомъ, призванъ буду къ труднѣйшему отчету передъ болѣе взыскательными судьями. Послѣ этихъ объясненій, оставляю васъ, чтобы снова приняться за свою разработку, увѣренный, что если вы меня немножко любите, то сердечно пожалуете.

Еще словечко. Знаю ли я этотъ виноградникъ?... О, да; его и многіе другіе, которые не знаютъ меня болѣе. Луиза, пожмите за меня руку почтенной Мартѣ. Эта добрая женщина всегда защищала меня, никогда не бывши моей сообщницей; впрочемъ она права: не было ни одной кисти склеванной дроздами, про которую бы не сказали, что это — мое дѣло. Выстѣ съ моей благодарностью, примите благодарность всего семейства Дерве, угощеннаго вашимъ виноградомъ, исторіей виноградника и находчивымъ замѣчаніемъ Марты. Вашъ Шарль.

XXXVIII.

Отвѣтъ къ Шампену.

Изъ прихода.

На письмо твое, теперъ уже давнишнее, — въ которомъ увѣдомляешь меня, что Шарль не ночевалъ дома, — я долго молчалъ потому, что объ этихъ нев порядкахъ самъ зналъ побольше твоего. Онъ правду говорилъ, что приходилъ въ приходъ, а ты, обитый съ толку языками, не хотѣлъ ему повѣрить, и охотѣе приписать мальчику недостойные поступки, нисколько ему несвойственны. Я не нахренъ хвадѣть Шарль;

нѣ слишкомъ извѣстнн его недостатки, но не безпрямственность и безпутство угрожаютъ ему: на этотъ счетъ я спалъ бы покойно и толки твои не разбудили бы меня.

Что же касается до всѣхъ языковъ — пускай себѣ болтаютъ; ты только воздерживайся: прошу тебя какъ старинный стариннато, выражаясь твоими словами. Знатанъ ли баричъ сватался за мою дочь, или никто за нее не сватался,—не знаю, какое дѣло кумушкамъ объ этомъ справляться, также какъ и тебѣ, которому я и писалъ и теперь подтверждаю, что Луиза обѣщана Шарлю. Пренебречь же своими словами не могу — не таковъ мой обычай, хотя бы и пришлось, въ разсужденіи знатности, выпустить тѣло изъ-за тѣни. Вотъ все, что я имѣю сказать въ отвѣтъ, не пренятствуя тебѣ впрочемъ приструнить и кумушекъ, болтовня которыхъ, по моему мнѣнію, тѣшитъ развѣ одного лукаваго.

Преданный тебѣ Рейбасъ.

XXXIX.

Г. Преверь къ г. Дерее.

Изъ прихода.

Необходимымъ становится, любезный мой собратъ, сообщить вамъ все, что происходитъ здѣсь въ эту минуту. Предварительно надобно познакомиться васъ съ положеніемъ Шарля, чтобы вы могли успѣшнѣе содѣйствовать ему вашими совѣтами или при случаѣ предупредить меня. Минно-упроченная судьба этого мальчика не рѣдко представляется мнѣ ненадежною и обставленною препятствіями. Г. Рейбасъ, отъ котораго зависитъ вся будущность Шарля, такъ строгъ, такъ недоувѣрчивъ даже теперь къ молодому человѣку, принятому имъ въ зятя, — хотя искренно, но не безъ отвращенія, — что въ настоящую минуту надобно отдавать отъ Шарля всякій поводъ къ небагоразумію и всячески предостерегать его. Но для того, что имѣю вамъ сказать, слѣдуетъ взять повыше.

Вы слышали, конечно, о фамиліи де-ла-Куръ. Это мои единственные знатные прихожане. Они живутъ въ томъ прекрасномъ домѣ, называемомъ здѣсь замкомъ, къ которому ведетъ аллея, въ трехъ или четырехъ стагахъ шагахъ отъ приходскаго строенія. Осень лѣтъ тому назадъ здѣсь умеръ г. де-ла-Куръ, оставивши сына, годами четырьмя старше Шарля. До смерти отца, мальчикъ росъ въ короткости съ Луизой и Шарлемъ; но потомъ, сношенія между ними нечувствительно прекратились, не смотря на стараніе госпожи де-ла-Куръ продолжать ихъ,

чтобы таинств образом предохранить сына от опасностей, въ которыхъ могла повлечь его богатство, правдолюбъ и выжкость.

Добрый намѣреніемъ этой женщины не дѣлавало соответственной твердости; къ тому же она боготворила сына. Молодой человекъ не замедлялъ огорчить мать, — чего и слѣдовало ожидать: сперва пустился въ потовство, потомъ въ безпутство. Двадцати одного года онъ уже погубилъ дочь одного изъ самыхъ почетнѣйшихъ нашихъ поселенъ, Эдну Куасатъ, и послѣ этого поворота долженъ былъ удалиться на какое-нибудь время. Исключенный таинств образомъ изъ общества своего кружка, тронутый печалью матери, а, можетъ быть, раскаявшись (г. Эрнестъ былъ еще очень молодъ), онъ началъ по немногу возвращаться къ порядочной жизни. Мы сами порадовались его исправленію, и, съ поощреніемъ въ приходѣ, принимали къ себѣ и снова стали посѣщать домъ госпожи де-ла-Куръ. Съ тѣхъ поръ (этому годъ съ небольшимъ) эта дама, въ надеждѣ женитьбою утвердить сына на честномъ пути, стала искать ему невесту въ своемъ кругу. Слышно, что велась на этотъ счетъ переговоры съ родителями молодой Дюпешъ, которой религіознымъ образованіемъ вы занимались. Какъ бы то ни было, а покуда эта цѣль занимала госпожу де-ла-Куръ, сынъ ея, увѣренный въ противодѣйствіи матери, тщательно скрывалъ отъ нея новую, втайнѣ развивавшуюся привязанность.

Г. Эрнестъ потерялъ изъ виду Луизу, когда она еще была ребенкомъ, а увидалъ ее снова уже молодой дѣвушкой. Прелестная ея наружность, пріятный умъ и тѣ женственныя свойства, вліяніе которыхъ такъ неотразимо дѣйствуетъ на людей порочныхъ, очаровали г. де-ла-Куръ. Онъ влюбился въ Луизу и тѣмъ сильнѣе, что долженъ былъ таинств страсть отъ матери и отъ Шарля, чувства котораго угадывалъ. Боясь ревности, хотя еще и не соперничества Шарля, онъ выжидалъ той минуты, когда ослѣпить г. Рейбаса блескомъ своего аванса и знатности, и Луиза приметъ его предложеніе. Впрочемъ, подъ вліяніемъ новаго чувства, г. де-ла-Куръ совершенно измѣнился, прервалъ сношенія съ товарищами прежнихъ беспорядковъ, и возвратился въ общество, доступныя ему по правамъ рожденія. Занятый приходескими дѣлами, я не могъ или не умѣлъ проникнуть намѣренія молодаго человека; но и на счетъ Шарля, ограничивались покуда однимъ желаніемъ, — одною надеждою на возрастающую привязанность между нимъ и Луизою; но, главное, я не могъ предположить, чтобы единственный потомокъ фамиліи, богатой и гордой своею древностью, подумалъ когда-нибудь о соединеніи съ дочерью сельскаго органиста.

Въ такомъ положеніи находились дѣла до послѣдняго Іюля мѣсяца, когда, вслѣдствіе разныхъ переговоровъ съ г. Рейбасомъ, я рѣшился удалить Шарля и поручить его вамъ. Шарль отправился въ Женеву въ субботу; вечеромъ того же дня г. де-ла-Куръ встрѣтился на деревнѣ съ г. Рейбасомъ, подошелъ къ нему, вступилъ съ нимъ въ разговоръ и, вслѣдствіе ли заранѣе составленнаго плана, случайно ли, или по внушенію страсти, навелъ рѣчь на женитьбу и просилъ руки Луизы. Г. Рейбасъ, не останавливаясь на званіи и богатствѣ, не медля ни минуты, отвѣчалъ отказомъ: уму его представлялись прежніе безпорядки г. де-ла-Куръ, несчастіе Куаеватовой дочери, а сердцемъ руководило собственное прямое отвращеніе; сверхъ того, онъ имѣлъ слишкомъ высокое мнѣніе о дочери, — зналъ, что Луиза выше всего ставить безукоризненную нравственность и честное имя. Молодой человѣкъ былъ сильно униженъ отказомъ, хотѣлъ непремѣнно узнать причины, и г. Рейбасъ изложилъ ихъ ему, съ своей рѣзкой откровенностью. Тогда они разстались, — г. Рейбасъ съ своимъ отказомъ, а г. Эрнестъ съ своими увѣреніями въ любви къ Луизѣ, съ обѣщаніемъ — совершенно перемѣниться, и съ надеждою, что время еще впереди, и авось-либо г. Рейбасъ надумается.

Вы знали, любезный собратъ, какъ на другой день по отправленіи Шарля, послушный религіозному призыву челоуѣколюбія, г. Рейбасъ, только что отказавшій г. де-ла-Куръ, великодушно отдалъ дочь моему бѣдному Шарлю. Мы условились вмѣстѣ хранить въ совершенной тайнѣ предложенный союзъ. Молодость Шарля, неизвѣстная его будущность, потомъ, позднеѣ, необходимость отложить свадьбу до его назначенія и другія причины предписывали намъ всевозможныя предосторожности; но не смотря на все, тайна какъ-то нарушилась: никто въ селеніи не знаетъ въ чей дѣло, но всѣ, однакожь, догадываются, что Луиза невѣста Шарля, и ежедневныя письма, отправляемыя Шарлемъ съ посланной, не мало способствуютъ подтвержденію догадокъ. Эти-то слухи, дошедшіе до г. де-ла-Куръ, вызвали его недавнюю выходку, упомянутую въ началѣ письма и, по поводу которой, я рѣшился къ вамъ писать.

Послѣ отказа, страсть молодого челоуѣка, казалось, возростала съ большимъ упорствомъ. Онъ повѣрилъ все матери, старался возбудить ея участіе, но безуспѣшно. Она рѣшительно объявила сыну, что онъ никогда не получитъ ея согласія на этотъ бракъ, а сынъ, припомнивши прежнюю дерзкую непокорность, объявилъ матери въ свою очередь, что онъ сдѣлаетъ обойтись безъ ея согласія, и не женится ни на комъ, кромѣ Луизы. Когда же наконецъ г. Эрнестъ услышалъ, что Луиза обѣщана — и кому же?

Шарлю, приемши г. Превера, — оъ предался воену увлеченію оскорбленной страсти; въ своей ярости онъ не щадилъ даже матери. Рѣшившись пояснить всѣ сомнѣнія и попробовать послѣдняго средства, онъ воспользовался прошедшимъ четвергомъ, когда ни меня, ни Луизы не было дома, и явился къ г. Рейбасу.

Г. Эрнестъ вѣроятно напередъ обдумалъ планъ дѣйствій: онъ началъ очень угѣренно и искусно, съ большой ловкостью, со стороны, и деликатно дошелъ до просьбы, на которую въ первый разъ получалъ такой формальный отказъ. Г. Рейбасъ разсудилъ прервать его тотчасъ же, сказавши, что на тотъ же вопросъ, отвѣчаетъ тѣмъ же отвѣтомъ, и потому просилъ его переимѣнить разговоръ. Тогда г. Эрнестъ разразился врывами страсти, плакалъ, снисзошелъ до самыхъ убѣдительныхъ моленій и наконецъ бросился къ ногамъ г. Рейбаса. Но г. Рейбасъ не тронулся и сказалъ ему: «Легче вамъ скалу передвинуть, нежели меня растрогать. Будетъ ли съ васъ этого, г. Эрнестъ? — Скажите лучше, вскричалъ молодой человѣкъ видъ себя отъ злобы и негодованія, скажите лучше, что вы отказываете де-ла-Куру, чтобъ отдать дочь за приемшиа г. Превера! — Можетъ быть, отвѣчалъ г. Рейбасъ, если дочери моей нравится не г. де-ла-Куръ, а приемшиъ г. Превера.» Эти справедливые слова г. Рейбаса запаали въ душу г. Эрнеста. Онъ поблѣднѣлъ, не сказалъ ни слова болѣе и вышелъ. Не знаю, отказался ли онъ совершенно отъ всякой надежды, озлобленъ ли болѣе, нежели обезкураженъ, не способенъ ли даже преодолѣть страсть, — только сегодня утромъ узнаю, что госпожа де-ла-Куръ съ сыномъ намѣревается провести зиму въ городѣ, что совершенно несообразно съ ихъ привычками.

Вотъ обстоятельство, любезный собратъ, вызвавшее меня на всѣ эти длинныя объясненія. Не знаю, на что они рѣшились, но теперь, когда г. Эрнестъ можетъ встрѣтиться съ Шарлемъ въ обществѣ, теперь — я начинаю бояться.... Какъ знать намѣренія этого молодого человѣка, такъ рѣзко отвергнутаго? Шарль зналъ о первомъ предложеніи г. Эрнеста, но не знаетъ и, надѣюсь, никогда не узнаетъ о второмъ: при малѣйшей догадкѣ — чего добраго! — пылкость, ревность, негодованіе, страхъ сбили бы его съ пути и навели бы соперниковъ на пагубное столкновеніе. Конечно, г. Рейбасъ никогда не измѣнитъ своему слову, а еслибъ и измѣнилъ, то ни въ какомъ случаѣ не въ пользу г. де-ла-Кура; но слово его Шарлю дано съ условіемъ: Шарль обязался — своимъ поведеніемъ не только набавлять съ каждымъ днемъ вѣрныя залюги для будущаго, но еще, — и главное, — не пробуждать въ умѣ г. Рейбаса прежней недоувѣрчивости, едва заглушенныхъ страховъ, гото-

выхъ возникнуть при малѣйшей тревогѣ. Вотъ гдѣ опасность, любезный г. Дерве. Она тревожитъ меня всякій разъ, когда подумаю, съ одной стороны, о неподатливой натурѣ г. Рейбаса, всегда прямой въ дѣлахъ, но упорной въ предубѣжденіяхъ, воспріимчивой къ опасеніямъ, рывкой, скрытной въ рѣшеніяхъ; съ другой стороны, — о неопытномъ мальчикѣ, необузданномъ, неспособномъ къ умѣреннымъ расчетамъ, котораго малѣйшія уклоненія встрѣчаютъ недовѣрчивый взглядъ отца, пѣжнаго къ дочери и строго-требовательнаго къ зятю, происхожденіе котораго внутренне оскорбляетъ и беспокоитъ его.

Наблюдайте, прошу васъ, за Шарлемъ во всю эту зиму и особенно въ первое время; прислушайте, что будетъ говориться около него на счетъ пріѣзда де-ла-Куръ въ Женеву, и, какъ скоро замѣтите Шарля слишкомъ озабоченнымъ, дайте мнѣ знать. Тогда, чтобы дѣйствительно передать ему свои требованія и совѣты, нечего дѣлать — принужденъ буду открыть ему то, о чемъ бы лучше молчать. Теперь я сказалъ вамъ наконецъ, любезный собратъ, въ чемъ дѣло, и полагаюсь во всякомъ случаѣ на ваши наставленія, на заботливость и дружбу вашу; столько разъ испытанную.

Съ прискорбіемъ налагаю на васъ такія трудныя заботы, прошу принять увѣренія въ живѣйшей благодарности за то спокойствіе, котораго буду вамъ обязанъ.

Проверъ.

XL.

Душиа къ Шарлю. Изъ прихода.

Строки ваши, Шарль, нѣсколько пояснили мнѣ ваше неуваженіе. Вижу теперь, что оно падаетъ не на господина, а на неловкихъ слугъ. Однако надобно всегда быть уважительнымъ къ женщинамъ, а, — такъ какъ между всѣми этими господами замѣшалась одна дама, — то можно бы, кажется, выразить сатирѣ вашу помягче и повѣжливѣе. И къ чему такъ претендовать на бѣдную даму за то, что она освѣдомляется по части мытья? не хочется ли вамъ озаботить этими ислочами г. Рапена? Я одобряю г-жу Дасье, и еслибъ сама училась вашему греческому языку, — чтобы дѣлать замѣчанія и высказывать свой образъ мыслей, — то, какъ она же, придерживалась бы предметовъ касающихся до хозяйства, которые прилагаются на практикѣ въ домашнемъ быту и изучаются въ мирномъ уединеніи.

Я не знала впрочемъ, чтобы въ областяхъ учености можно было встрѣтить женскія лица. Явленіе женщины между важными толковате-

Лили показало мнѣ баснословіе и неожиданіе появленія Улисса передъ Навзикаей съ подружками. Но кто же такая эта г-жа Дасье? Къ какому времени отнести ей? Не въ нашему ли? Какъ мнѣ представить ее себя, молодой или старой, въ одеждѣ музъ, или въ нашихъ платьяхъ? Какимъ образомъ она выучилась по гречески? бурей ли была занесена въ Грецію, и выдержала такъ продолжительный плавъ, по собственной ли охотѣ, для того ли, чтобъ снискать хлѣбъ или, наконецъ, чтобъ потерять голову? Поясните мнѣ. Я такая невѣжда, что вижу въ этомъ какъ бы феноменъ, какъ случайность въ природѣ, и нахожусь въ совершенномъ недоумѣніи.

Что касается до исторіи Навзикаи, то я, вмѣстѣ съ вами, нахожу въ ней много свѣжести и новизны, и очень благодарна вамъ за прекрасный трудъ переложенія. Отъ чего же ничто не пишутъ такихъ вещей простыхъ и удобопонятныхъ? А если и пишутъ, отъ чего въ нихъ нѣтъ такой прелести? Не ужели древность ихъ такъ красить? Не отъ того ли поэтъ Навзикаи кажется самъ такимъ же вѣчнымъ и юнымъ, какъ временя мнѣ описываемыя? Я готова задать себѣ этотъ вопросъ, когда замѣчаю, что читанные мною стихотворцы, съ большимъ умомъ, искусствомъ и образцами, не достигаютъ даже до поэтическаго изящества вашего перевода. Однажды я слышала, г. Преверъ сказалъ кому-то, говоря о Гомерѣ: «одни этотъ поэтъ выше всѣхъ и отецъ многихъ.» Я ничего не поняла изъ этихъ словъ; при вашемъ же восторгѣ и при чтеніи перевода, мнѣ будто пояснялся смыслъ ихъ. Такъ-то, Шарль, съ учеными сама становившись ученой. Начиная же вы такъ гнѣваетесь на г-жу Дасье? вотъ и я маду по слѣдамъ ея, и, хотя вы не признаетесь, а готовы — право — подумать и обо мнѣ не совсемъ *уважительно*.

Я очень люблю учиться, Шарль, и училась бы, еслибъ меня не останавливала боязнь знанія. Растволкуйте это, какъ можете. Какъ скоро мнѣ представляется мало-мальски серьезное разсужденіе, я боюсь заняться имъ: тайный голосъ говоритъ мнѣ, что это не мое дѣло и очень *неуважительно* смѣется надо мной. Вотъ почему я и придерживаюсь своей прялки; развѣшиваю виноградъ, убираю въ саду яблоки и надвираю за старкой въ самой незатѣливой простотѣ, превосходящей иногда даже простоту Навзикаи, потому что, хотя и не хожу сама на рыку, за то нѣтъ къ номѣ услугамъ ея прекрасной колесницы, запряженной мулами. Когда я буду царицей земли, мы позаботимся тогда о подобномъ экипажѣ, не пренебрегая однакожъ бѣднымъ нашимъ ослонь, который — право — годился бы и для вашихъ царскихъ объѣздовъ, а полныхъ кобылокъ можно бы и не безпомянуть.

Вина взошли, нѣгреды закрылись и вечера стали пріятнѣе. У васъ читается Гомеръ, а у насъ Хромоу Востникъ, и вотъ уже третій вечеръ мы все на одной исторіи обрѣва, который, какъ видите, катится не спѣша; но батюшка и нѣкоторые другіе хотятъ отдавать себѣ отчетъ во всемъ, такъ что на одинъ случай готово много другихъ, — не включая сюда развлеченій въ родѣ вчерашняго батюшкина сюрприза, каштановъ и молодого вина. Г. Преверъ захотѣлъ тоже быть съ нами, — пожелалъ, чтобъ при немъ продолжали чтеніе, вѣшался въ нѣши разговоры и нечувствительно вовлекся въ самые интересные разказы, приравниваясь ко всемъ, даже къ Редару, который понимаетъ только то, что ясно и видно какъ солнце на дугу. Я вряла; слушала, наслаждалась, любила васъ, г. Превера, всѣхъ тутъ бывшихъ; находила наши нравы достойными древнихъ, которые васъ такъ восхищаютъ; не завидовала ни въ чемъ ни Навзикаѣ, царевнѣ Феакійской, ни подругамъ ея, никому на свѣтѣ. Но если не всѣ поэты — Гомеры, то и не всѣ наши вечера такъ хороши, какъ этотъ, — не всегда мы наслаждаемся присутствіемъ и бесѣдой г. Превера.

Но я очень долго васъ задерживаю. Писемъ отъ васъ не жду; занимайтесь одними науками и повѣрьте, что въ тотъ день, какъ услышу о вашемъ успѣхѣ, я буду славной вознаграждена за всѣ лишения.

Любящая васъ Луиза.

P. S. Забыла было сказать вамъ нашу важную новость — де-ла-Куры намѣрены провести зиму въ городѣ. Мы мало ихъ видѣли во все лѣто; не знаю, вѣрнѣе ли проститься. Во всякомъ случаѣ могу только пожелать вамъ счастливаго пути.

XLI.

Шарль къ Луизѣ.

Изъ Женевы.

Вотъ я и студентъ, Луиза, съ сегодняшняго утра. Увѣдомьте пожалуйста объ этомъ вашего батюшку, у самого же меня не достанетъ духу. Приписка ваша привела меня въ отчаяніе.

Де-ла-Куръ!... Я такъ старался не думать о нихъ, забыть молодого человека... я долго пересмливалъ себя, прежде нежели осмѣлился коснуться этого предмета.... Простите, Луиза, если я теперь обнаружу передъ вами свое волненіе. Сообразите, что я отдаленъ отъ васъ, что вы для меня все на свѣтѣ, и простите мнѣ мою тревогу....

Какъ не биться сердцу за свое единственное безцѣнное сокровище!... Узнайте же причину моей тревоги....

Нѣсколько дней тому назадъ я получилъ отъ вашего батюшки письмо съ очень грустными строками. Онъ говоритъ мнѣ о приобретѣннн добродѣтелей и честнаго имени, ради которыхъ *жертвуетъ богатствомъ и знатностью*; даетъ мнѣ почувствовать, — что уже и такъ слишкомъ горько чувствую, — мою нищету и ничтожество; онъ прибавляетъ слова, которыя я прочелъ не безъ ужаса: *«стань я богатство выше честной жизни, счастливецъ бы мнѣ искать подалеко.»* Я хотѣлъ по крайней мѣрѣ, или старался забыть всѣ эти слова, когда привратникъ, — разговоръ котораго прикрываетъ всегда какое-нибудь злобное любопытство, — заговорилъ о слухахъ на счетъ г. Эрнеста, о попыткахъ его у г. Рейбаса.... Тутъ кстати онъ показывалъ мнѣ толстое, только что принесенное письмо отъ г. Превера къ г. Дерве. — Наконецъ сегодня утромъ изъ вашей приписки узнаю, что де-ла-Куры, противъ обыкновенія, собираются на зиму въ городъ... Какъ объяснить всю эту необыкновенную суету? Что-нибудь недавнее не побудило ли ихъ на такое внезапное рѣшеніе?... Не было ли, безъ вашего вѣдома и безъ вѣдома г. Превера, тайныхъ замысловъ ослѣпить г. Рейбаса, такъ мало мной довольнаго? Не говорили ли вы сами въ одномъ изъ недавнихъ писемъ, что я могу поколебать его въ данномъ мнѣ обѣщаніи?... Ахъ, Луиза, умоляю васъ, выведите меня изъ такого недоумѣнія.... Какіе страшные прираки — эти тѣни и этотъ свѣтъ!... Пусть исчезнутъ они отъ одного слова, отъ одного знака вашего!

Г. Эрнестъ де-ла Куръ! тотъ самый, Луиза, который просилъ вашей руки!... Съ того дня мнѣ его леденитъ меня; не могу вѣрить, чтобы счастье, въ которомъ ему отказано, особеннымъ чудомъ досталось мнѣ!... Г. Эрнестъ де-ла-Куры!... Осмѣлюсь ли сказать вамъ? — съ того дня я возненавидѣлъ его!... Чтобы успокоиться, мнѣ надобно отвернуться отъ него, отъ мѣсть, гдѣ онъ живетъ, гдѣ тоскуетъ, гдѣ — можетъ быть — еще надеется! Эрнестъ де-ла-Куры!... Что, ежели послѣ перваго отказа онъ рѣшился на вторичное предложеніе?... Я оскорбленъ, въ отчаяніи, въ злобѣ на него! За чѣмъ они переселяются въ городъ? Но нѣтъ, я безумствую, когда долженъ бы радоваться удаленію его отъ васъ, отъ вашего батюшки. Здѣсь онъ мнѣ не страшеть. Умоляю васъ, Луиза, пишите безъ всякой скрытности и таинственности. Пусть дорогія ваши строчки прекратятъ мои мученія!

Шарль.

XIII.

Луиза къ Шарлю.

Изъ прихода.

Шарль, вы говорите глупости. Не будетъ вамъ больше отъ меня приписокъ. Какъ странно вы разсуждаете! г. Эрнестъ — вашъ соперникъ? Пускай бы еще для интереса: я нахожу, что соперничество въ романъ вводится кстати для оживленія сцены и для приключеній; но, когда соперникъ бѣжитъ въ чужую землю, тутъ отчаянiе ваше становится непонятнымъ; романъ испорченъ, нѣтъ ни смысла, ни вѣроятiя; одно слишкомъ ясно, — что авторъ замечтался за своими страницами.

Готова отвѣчать вамъ безъ скрытности и таинственности, но не требуйте отъ меня слишкомъ серьезнаго тона. Я знаю только то, что и вамъ извѣстно, — ничего болѣе, хотя въ случаѣ новыхъ — придуманныхъ вами — попытокъ г. Эрнеста, казалось, слѣдовало бы адресоваться ко мнѣ; но вы просто нападаете и на деликатность г. Эрнеста, и на справедливость батюшки, и на меня, Шарль.... Да, и я въ правѣ обвиняться недостаткомъ вашей вѣры въ мою нѣжность и разборчивость, при которыхъ самая дѣйствительность призраковъ не должна бы пугать васъ.

Но я вамъ скажу болѣе, — отъѣздъ госпожи де-ла-Куръ съ сыномъ, если не необходимъ, то очень кстати; отказъ батюшки долженъ былъ нѣсколько оскорбить ихъ. Они почти не видятся съ нами. При такихъ обстоятельствахъ намѣренiе ихъ очень естественно; странно, что вамъ оно представляется и страннымъ и неслыханнымъ, и заставляетъ воображенiе ваше плутать въ такую мрачную и ненастную погоду. Шарль! тревога ваша мнѣ — и смѣхъ и горе: причина страха смѣшна, а самый страхъ вашъ прискорбенъ. Успокойтесь! Пускай всякій, по своему, копошится около васъ, пускай г. Шампенъ получаетъ письма въ своей коморкѣ, пускай даже любопытничаетъ, — что, говорятъ, свойственно всѣмъ людямъ въ его званiи, — оставьте ихъ и не нарушайте своевольно вашего спокойствiя.

Г-жа де-ла-Куръ одна приходила сегодня проститься; г. Превера не было дома; я ее принимала. Здоровье ея, сказала она мнѣ, велитъ ей подвинуться на нѣкоторое время поближе къ ея доктору; хочется также ей, чтобъ сынъ почаще бывалъ въ свѣтѣ. Мы говорили о дождѣ, о свѣгѣ, о попорченныхъ плодахъ, о садовникѣ, теплицахъ и наконецъ.... о котѣнкѣ, котораго она поручила мнѣ на время ея отсутствiя. Еслибъ привратникъ сказалъ вамъ, что у насъ была г-жа де-ла-Куръ, вы непременно добавили бы и эту суету ко всей, уже подмѣченной вами,

непривычной суетѣ, и тутъ бы также вычитали тайну своей судьбы. Вотъ однакожь, Шарль, что значитъ имѣть дѣло съ призраками.... Развѣжитесь съ ними поскорѣе, и особенно, умоляю васъ, прогоните всѣ злыми подозрѣнія и несправедливую недовѣрчивость къ г. Эрнесту.

Шарль, вы получили степень студента, и, озабоченный своими строками, слегка только коснулись такой радостной для насъ вѣсти. Объявляя пріятную новость батюшкѣ, я жалѣла, что не могла прибавить никакой подробности, утѣшительной для меня и интересной для него. Г. Превьеръ, съ своей стороны, засыпалъ меня разспросами о вашемъ производствѣ и привелъ тѣмъ въ бѣдшее затрудненіе, что я, противъ обыкновенія, не смѣла ни дать ему вашего письма, ни прочесть его. Въ другой разъ, Шарль, вы обратите вниманіе на подобное положеніе, и поймете, что справедливость требуетъ, по крайней мѣрѣ, хоть долю вашей веселости и интересныхъ разказовъ сообщить окружающимъ меня, чтобы ихъ удовольствіе удвоило радость
вашей Луизы.

XLIII.

Шампень къ Рейбасу.

Изъ Женевы.

Притаился ты, Рейбасъ. Въ твоихъ пятнадцати строкахъ о знатномъ баринѣ есть, правда, матеріалы для предположеній, за то не изъ чего извлечь вѣрнаго. Что и говорить! Всякой у себя дома хозяйничать, — волею захлопнуть дверь подъ носомъ нескромнаго сосѣда; только слишкомъ ужъ похозяйски ты обращаешься со своимъ стариннымъ; да и то сказать: намъ съ тобой не считается стать. У всякаго свой нравъ: вотъ и я погладилъ было тебя противъ шерсти, а теперь и радъ бы угодить, и крѣплюсь, а языки болтаютъ отъ того ни чуть не меньше. Миѣ заставить ихъ молчать? Прикажи лучше, Рейбасъ, закричать на Рову, чтобъ течь перестала.

Заставить ихъ прикусить языки? Душой бы радъ, Рейбасъ, согласенъ съ тобой, что толки ихъ — навожденіе лукаваго, и знаю кому же, что языкъ самая худшая и самая лучшая вещь на свѣтѣ. Езопъ это сказалъ, а я толкую такъ: хорошъ языкъ, пока молчить; негоденъ, какъ только тронулся. И что такое языкъ? Не труба ли сердца, которое у всѣхъ сыновъ Евы начинено злорѣчіемъ, лукавствомъ, себялюбіемъ и завистью? Какъ на сраженіи, люди падаютъ, раненные умираютъ, трупы покрываютъ поля, а звонкая труба гремитъ себѣ о славу и заливается тщеславными неправдами; такъ и языкъ, — щедръ на ложь и на мишурающія рѣчи, межъ тѣмъ какъ внутри всходятъ плевелы. Языкъ

тѣ жалю, тѣ шлю, но онъ всегда бываетъ только маской. Это — на вѣки постоянное сѣмя раздора, пагубы, напастей. Видишь ли, Рейбась, я прежде тебя не доверялъ языкамъ.

За этикъ-то именно и просили тебя, старый другъ, въ послѣднемъ письмѣ, рассказать подробно все касательно знатныхъ вздыхателей твоей Луизы. Бросилъ бы въ кумушекъ правдой, какъ въ собакъ добычей, которую онѣ обнюхиваютъ! Авось либо сытыя-то обратились бы въ другую сторону. Полуслушанный занавѣсъ поджигаетъ ихъ любопытство; не могутъ поднять его и свуютъ около, — стерегутъ, обнюхиваютъ, и, если ничего не высмотрятъ, то выдумываютъ. Весь кварталъ обѣжала уже исторія твоей дочери, сочиненная на ихъ ладъ, а лучше бы слышать ее на твоей; впрочемъ это касается до тебя, — вольному воля!

Онѣ толкуютъ, что баричъ этотъ — самъ г. Эрнестъ де-ла-Куръ, что отъ того, дескать, и выѣхали они съ матерью изъ прихода, что г. Эрнестъ ожогся въ любви. Они прибыли сюда третьяго дня и поселились въ домъ де-ла-Куръ — С. - Пьеръ; я самъ видѣлъ передъ аллеей поклажу и мальчишку слугу, — все его зилъ негодный, и только мѣшалъ другимъ дѣло дѣлать; видѣлъ, какъ вышелъ и самъ г. Эрнестъ. Да, глядя на него и на разставленные прекрасныя мебели, пожалѣлъ я, что не твоей Луизѣ придется развеселить этого кавалера и потягиваться на этикъ шелковыхъ и золоченыхъ диванахъ. Жизнь коротка, Рейбась, а миръ нашъ — лотерея. Коли ты отказываешься отъ такого богатаго приза, надо думать, что исподъ очень попорченъ; иначе какъ представить себѣ, чтобъ богатству и знатности ты предпочелъ нищету и еще кое-что.... Впрочемъ и это дѣло твое, и тутъ была твоя воля.

Между тѣмъ, будущій-то зятекъ твой — нововыпеченный студентъ. Съ этимъ народцемъ онъ скоро напается его духомъ и — поминай какъ звали тѣ правила, тотъ порядокъ, надъ которыми потрудились вы съ г. Проверомъ! Вбивать-то ихъ больно долго, а забудутся-то скоро. Студентъ и буянтъ — одно и то же; портить все — ихъ развлечение; ругаться надъ прохожими, беспокоить обывателей, свѣяться надъ стариками, — вотъ ихъ забавы; пустить комомъ свѣга въ подагрика или увѣчнаго, что плетется мимо ихъ притона, — это ихъ подвигъ и радость; бить стекла — ихъ насущный хлѣбъ. Твой глядитъ молодцомъ, не дастъ, не бось, промаху; подождешь еще, пока онъ созрѣетъ на служеніе Богу. Покуда новичокъ, такъ еще тихъ, — знаетъ, что безъ труда не подвинется впередъ; а вотъ дай пройти мѣсяцамъ двумъ, — не отличишь отъ другихъ: станетъ бездѣльничать, шумѣть и пакостить. Намедни чтѣ они придумали? — Въ классъ физики втащили къ себѣ

на верхъ осла, притянули общими силами, кто за голову, кто за хвостъ. »Однимъ больше!« сказалъ Профессоръ, когда увидалъ животное между своими учениками; потомъ сѣлъ и продолжалъ свой урокъ. Хорошо было сказано, а между тѣмъ несчастная молочница измаялась искавши осла по всѣмъ четырѣмъ дорогамъ: бѣдную сослани или поколотили бы, еслибъ не нашла его во-время.

Было бы тебѣ извѣстно, что молодецъ знаетъ все касательно г. Эрнеста. Я хотѣлъ было понавѣдаться отъ него объ этомъ предметѣ, да нѣтъ, осторожень, смотреть, какъ бы еще отъ меня что вывѣдать; одно видно: не миль ему этотъ молодецъ — соперникъ; чувствуетъ онъ, однако, что если та сторона переверсигъ, то никто не ахнетъ, не только что не осудитъ тебя. Побьюсь объ закладъ, что самъ онъ, внутренно, сознаетъ твое отцовское право, хотя и не показываетъ. Я какъ-то вздумалъ испытать его и молвилъ: »слышно, что Рейбасъ отдастъ дочь за г. Эрнеста!...« Переполошился же мой парень! Отъ ужаса глаза словно искры заматали, да нечего дѣлать — видно спохватился, что знатный и богатый баринъ не ему чета, — не выдалъ себя и тутъ, пропустилъ: »можетъ быть!« и ушелъ къ себѣ.

Изъ новостей, скажу тебѣ, что Жалабертъ, Самуель, котораго ты знавалъ въ бывшее время, женить сына на дочери Гамбаровъ. Заме языки болтають, что свадьба не терпитъ отсрочки; далеко зашла, вишь, кое-съ кѣмъ, ужъ и корсеты, слышь, узеньки стали. Этотъ кой-кто не прочь былъ на ней жениться, да какъ узнали, что у него водятся долги и что ему приданое понадобилось, отецъ Гамбартъ отказалъ молодцу и обратился къ прежде выпровоженному Жалаберту. Жалабертъ не погордился, принялъ предложеніе да еще и спасибо сказалъ. Въ поведѣльничъ свадьба. Жакемайша общается первенькаго къ семн мѣсяцамъ, а одинъ изъ званыхъ готовить куплеты въ родѣ того, что — Гимней

Проказникъ былъ всегда,

А вынѣ — хоть куда!

Вотъ и моя Катерина тоже приглянулась. Женихъ-то и подождать бы, — благо у насъ время терпитъ, да думаю ужъ отдать ее. Этотъ парень не изъ храбраго десятка: педагогъ, начиненный сухой моралью, напыщенный своей ученостью; впрочемъ пустой горшокъ, и сулить муза теленка. Онъ завелъ по близости отсюда школу, блеетъ тамъ свою тарбарщину изъ географіи да четыре правила, и зарабатываетъ ежегодно сотню дундоровъ. Въ школь-то мѣста недостаетъ, такъ онъ прискиваетъ себѣ квартиру. Онъ вхожъ къ намъ по знакомству съ номнъ двоюроднымъ братомъ; сиживалъ у насъ по вечерамъ, тутъ-то и зарисъ на

мою Катерину, пока я не осадилъ его: »растолкуй-ка, молъ, любезный другъ, твои взгляды; не по вкусу мнѣ эта загадочная игра.«—Бѣдняга задрожалъ отъ страха. — »Не съѣмъ небось, прибавилъ я, глядя на его испуганную образину; а выбирай любое, либо оставь насъ въ покоѣ, либо дѣлай предложеніе.—Позвольте, г. Шампенъ, пробормоталъ онъ. — Ну, ладно, принимаю предложеніе, а пока подумая. — На этомъ дѣло и стало.

Заставляетъ еще меня, призадуматься моя Катерина: она тиха и слаба, а сюда нужно бы бойкую да работающую. Хорошенькая бабенка съ этимъ добрякомъ выстроитъ мнѣ безконечную ливнію подростковъ, такъ что по неволѣ облѣвишься съ этой кучей цыплятъ. Гдѣ бы сотни лумдоровъ хватило на двоихъ, тамъ, на осьмерыхъ либо на десятерыхъ ребятъ ее и видѣть нечего; моя же — баловница! — станетъ ихъ всячески щипать, а тотъ, со своей школьной мудростью, не сумѣетъ остановить ее. Во всякомъ случаѣ, Рейбасъ, думаю, что слажу дѣло; самъ управлюсь, пожалуй и дочь отниму, коли зять вздумаетъ что противъ отца настраивать; да такой бы и не годился, вотъ этотъ такъ по насъ: пускай навѣщаетъ Катерину. Они видятся ежедневно. Дѣвка-то и при мнѣ щебечетъ себѣ безъ церемоніи, а онъ не смѣетъ ворковать передо мной, боится, чтобъ я не озадачилъ; за то, чай, какъ я за порогъ, такъ и голосъ возвращается къ нему. Отъ Катерины онъ уходитъ въ школу: хорошо, я думаю, толкуетъ тамъ свою грамматику,—твердо, чай, складываетъ свою цыфирь. Впрочемъ для любви не пожертвуетъ минуткой — не таковскій человѣкъ! Я смѣло могу повѣрять свои часы по его приходу: вечеромъ — акурать въ десять минутъ седьмого, — десять минутъ на ролпускъ учениковъ и на дорогу.

Давненько ужъ, старинный, мы съ тобой не болтали, и я обязанъ былъ тебѣ оказать это довѣріе, чтобъ не дивился ты, когда услышишь, что и у насъ также Купидонъ проказитъ. Помнишь ли куплетъ, пятый Лерешемъ на дочеринной свадьбѣ?

Мадамъ Лерешъ, довольно съ насъ!

Всему есть свой чередъ!

Мадамъ Лерешъ, кричите — насъ!

Дѣтямъ пора впередъ!

Прошло ужъ наше время,

Забылъ насъ Купидонъ,

И маленькое племя

Сулитъ намъ Лумзонъ.

На силу-то я его припоинилъ, а до вчерашняго дня не могъ по-
пасть въ-голосъ. Прощай, войди отпереть, кто-то—ужь добрый часъ
какъ стучится. Шампенъ , Жанъ-Маркъ.

XLIV.

Шарль къ Луиза.

Изъ Женевы.

Ваше письмо, Луиза, успокоило и обрадовало меня. Неужели на-
конецъ стигъ и кончится? Увѣрены ли вы, что они удалились безо вся-
кихъ намѣреній, безъ тайной надежды, а не для одного вида, чтобъ
только показать, будто не думаютъ болѣе ни объ васъ, ни обо мнѣ?
Да услышать васъ небо! Еслибъ это была правда, я готовъ бы сойти
съ ума отъ радости, какъ сходилъ съ ума отъ горя!... Пусть бы они
забыли васъ, я бы съ наслажденіемъ забылъ о нихъ, отъ души полюбъ-
билъ бы ихъ, — только бы не возвращались въ приходъ!

Вы шутите, Луиза, призраками.... Нѣтъ, я не дрогнулъ бы передъ
десятью вооруженными разбойниками; я напалъ бы на нихъ и пересчи-
лилъ бы, еслибъ дѣло шло о вашей защитѣ.... Но эти ужасныя видѣ-
нія, эти во мракѣ проходящія тѣни, которыя вижу и не могу схватить,
ахъ! какъ онѣ заставляютъ меня трепетать!... Безъ талисмана вашихъ
словъ, — я погибъ: они истираютъ меня какъ жертву.... Теперь мнѣ
даже легче отвернуться отъ нихъ, нежели перестать ихъ бояться.

Да къ тому же, Луиза, тревога поддерживается во мнѣ постоянно
сосѣдствомъ, словами, всею фигурой этого привратника, друга вашего
батюшки. Человѣкъ этотъ злобѣщій: онъ объявляетъ то, чего бы мнѣ
лучше не знать, выпрашиваетъ такъ вѣроломно, наблюдаетъ такъ
лукаво и недоброжелательно. Призракъ этотъ съ мясомъ и костями,
живетъ рядомъ со мной, и, еслибъ отъ меня зависѣло, я ужь высвободился
бы изъ его когтей. Вы говорите, что всѣ люди въ его должности лю-
бопытны; но не всѣ, какъ онъ, пронырливы, насмѣшливы, увертливы и
злы. Не надвлюсь, право, дружбѣ съ нимъ г. Рейбаса, въ которомъ
такъ много правоты.

Де-ла-Куры пріѣхали въ среду; они помѣстились въ большомъ домѣ
де-ла-Куръ-Сен-Пьеръ, рядомъ съ церковью. Изъ сосѣдней улицы
я видѣлъ, какъ остановились подводы съ поклажей, издали узналъ слугу
ихъ Жака. Я выжидалъ было, не выйдетъ ли изъ дому г. Эрнестъ, надѣясь,
что увидѣвъ его, успокоюсь, но замѣтилъ бродившаго тамъ Шампена
и ушелъ. Между мебелью я видѣлъ и тотъ прекрасный диванъ изъ
гостиной, около котораго мы, бывало, такъ часто игравали. Вообразите,
что меня смутилъ видъ этой дорогой мебели.... Я съ грустью смотрѣлъ

на прохожихъ, толпившихся около подводъ. Въ словахъ ихъ, недоходившихъ до меня, слышались сравненія, унижительныя для меня, лестныя и благоприятныя для г. де-ла-Куръ, и, еслибъ я могъ вырвать взглядъ Шампена, одиноко наблюдавшаго эту сцену, я бы вырвалъ его съ наслажденіемъ. Вечеромъ я возвратился туда же; ни телѣгъ, ни прохожихъ ужъ не было: мнѣ стало легче. Пришедши домой, нашель ваше письмо.

Я десять разъ перечелъ его; ношу его всегда съ собой; безъ него я осиротѣлъ бы. Но, осмѣлюсь ли сказать вамъ, Луиза? — Я все-таки не совсѣмъ спокоенъ. Надобно, стало-быть, чтобы вы еще посмѣялись надъ моими глупостями. Я имѣю новую глупость бояться предпологаемыхъ еще разсужденій вашего батюшки, которыя не замедлятъ внушить ему, когда сдѣлается извѣстнымъ отказъ его де-ла-Курю и предпочтеніе Шарлю; убѣжденъ также, что г. де-ла-Куръ никогда не будетъ въ состояніи ни забыть васъ, ни отъ васъ перейти къ другой любви, ни вырвать изъ сердца вашъ образъ; отказавшись отъ надежды, не перестанетъ тайнѣ обожать васъ, если только чувство его истинно, если онъ хоть на минуту завлекся мыслию, что вы будете принадлежать ему!.... И какъ этими думами не смущаться мнѣ.... мнѣ, ничтожному, одинокому, безродному, которому отовсюду угрожаетъ презрительный предразсудокъ или оскорбительное сожалѣніе.... мнѣ, имѣющему значеніе только черезъ г. Превера, отъ котораго вы не зависите, или черезъ васъ, Луиза, которая собой не располагаете?

Я не хотѣлъ сказать вамъ столько, Луиза; но, когда вижу себя такимъ жалкимъ, то вмѣстѣ съ другими начинаю презирать себя, теряю гордость и не постигаю, какимъ небеснымъ чудомъ Луиза остается мнѣ добрымъ геніемъ, и, еще болѣе, моей подругою и невѣстою! Отсюда-то и страхъ ничтожества.... Ахъ! тяжело такое великое блаженство, когда оно кажется непрочнымъ и незаслуженнымъ! Но—пора мнѣ перестать печалиться! Перечту лучше ваши дорогія строки, ваши кроткіе упреки и жалостливыя насмѣшки, такъ кстати подоспѣвшія мнѣ на помощь.

Вы журите меня, Луиза, за то, что я слегка касаюсь ноябрьскихъ экзаменовъ; но возвращаться къ нимъ теперь уже слишкомъ далеко. Это первое испытаніе ничтожно. Мнѣ даже сгрустнулось; я почти не почувствовалъ ни перемены, ни удовольствія. На другой день послѣ производства началась для меня новая жизнь, болѣе дѣятельная и болѣе занимательная. Курсы наши разнообразны и многочисленны, и теперешній способъ обученія гораздо оживленнѣе ученія по книгамъ. Послѣ четырехъ или пяти уроковъ, я возвращаюсь къ себѣ съ матеріалами для

занятій на весь остатокъ дня: надобно сочинить, сообразить, удержать въ памяти, и я всячески добиваюсь, чтобъ результатъ занятій наконецъ заинтересовалъ меня. Въ нѣкоторыхъ я успѣлъ, и за два или за три удачные отвѣта былъ одобренъ профессорами. Одного одобренія старшихъ достаточно ужъ было бы, Луиза, чтобъ возбудить во мнѣ рвеніе и подстрекнуть самолюбіе, а когда я подумаю еще о вашемъ батюшкѣ, объ его ожиданіяхъ, о моей и вѣдѣть вашей будущности, — то судите, нужны ли мнѣ еще другія побужденія. Нѣтъ, Луиза, я жадно ищу всего, чтò можетъ меня возвысить, выставить, чтò можетъ доказать, что и я, какъ всякій другой, могу пробить себѣ путь, отличиться и заслужить всеобщее уваженіе. Пусть же батюшка вашъ не смущаетъ меня своимъ недовѣріемъ, и снисходительно потерпитъ недостатки, которые хочу исправить; тогда онъ увидитъ, способенъ ли я оцѣнить его благодѣяніе, съумѣю ли почтить и порадовать его старость, послѣ причиненныхъ ему неудовольствій. Шарль.

XLV.

Луиза къ Шарлю.

Изъ прихода.

Какимъ образомъ, Шарль, я стану опровергать глупости, по милости которыхъ вижу милыя доказательства вашей нѣжности и слышу дорогія увѣренія?... Я страдаю отъ вашего страха, не терплю недостойнаго васъ отзыва о самомъ себѣ, и все-таки съ безконечнымъ удовольствіемъ выслушиваю свободное изліяніе вашего сердца.

Вамъ хочется, чтобъ я еще посмѣялась; но я смѣюсь не ловко, насмѣшка мнѣ не свойственна, и сегодня, не знаю почему, я болѣе расположена плакать, нежели смѣяться. Не хочу также разсуждать о причинахъ вашего безпокойства: это бы значило подать вамъ поводъ думать, что и въ моихъ глазахъ онъ имѣютъ какую-нибудь тѣнь основательности. Скажу вамъ только, что вы не знаете батюшки, если считаете его способнымъ — по чему бы то ни было — отступить отъ данного слова; впрочемъ, въ настоящемъ случаѣ, не будь васъ на свѣтѣ, онъ поступилъ бы точно такъ же, и толки цѣлаго міра не заставили бы его отдать дочь человѣку, не стоящему его уваженія. Не лучше знаете вы и г. Эрнеста, предполагая въ молодомъ человѣкѣ свѣтскомъ, знатномъ, непостоянномъ и вѣтренномъ, привязанность сильную и продолжительную — къ кому же? — къ деревенской дѣвушкѣ, неизвѣстной и отнюдь непривлекательной. Вы наконецъ обижаете и эту дѣвушку, воображая, чтобъ можно было, въ какомъ бы то ни было случаѣ, располагать ею

безъ ея собственнаго согласія. Върте только самой Луизъ, и увидите, что отъ всѣхъ нагнанныхъ вами облаковъ не осталось и слѣда, и сводъ неба надъ нами лазурный и ясный. Оставьте въ покоѣ и бѣднаго прирватника со всѣми странными противъ него предубѣждениями, и прохожихъ и диванъ, изъ котораго только что не создаете пугала о четырехъ лапахъ; вырывать же глаза кому бы то ни было — сохрани васъ Боже! даже при возможности къ такому злодѣянiю.

Благодарю за подробности въ концѣ письма. Кажется, будто я сама получила эти похвалы: такъ я горжусь, такъ ободрена ими. Успѣхи ваши, Шарль, дѣйствительно упрочиваютъ одинаково-дорогую для насъ будущность. Вы трудитесь для насъ двоихъ, для насъ четырехъ: мы не только не обойдемся безъ Шарля, но общее наше счастье лежитъ на немъ. Какъ же и обнадеживаетъ меня ваше благородное рвенiе, ваше серьезное честолюбіе! Какъ оно меня трогаетъ, возвышаетъ, успокоиваетъ! Не сомнѣвайтесь: по этимъ ступенямъ вы высоко подниметесь въ батюшкиномъ мнѣнiи, приобретете его снисхожденіе и любовь. Какое счастье тогда! какое свѣтлое наслажденіе!.... Ахъ, Шарль, пусть и я также открою передъ вами свое сердце! Мои опасенія не тамъ, гдѣ ваши: они не касаются ни батюшки — справедливость котораго мнѣ извѣстна, ни г. Эрнеста, — совершенно мнѣ посторонняго, но васъ, — однихъ васъ. Я боюсь, Шарль, вотъ чего: вашего безразсудства и унынія; боюсь, чтобы какой-нибудь новой смѣлой выходкой или необдуманной вспышкой не пробудили несправедливой, но естественной тревоги въ батюшкѣ, который, до вступленія вашего въ должность, не перестанетъ беспокоиться за свою Луизу. Знайте же, почему одушевляющее васъ рвеніе, ободряющіе васъ успѣхи составляютъ для сердца моего предметъ такой живой радости и источяникъ истиннаго спокойствія для васъ, для меня, для всѣхъ насъ!

Когда я получила вчера ваше письмо, со мной была моя ученица — сиротка. Бѣдняжкѣ сильно надоѣдаетъ процессъ складыванья слоговъ, она съ завистью смотрѣла, какъ я въ одну минуту пробѣжала ваши строчки. Когда я кончила, она очень наивно взяла бумагу, чтобы попытаться самой, воображая, что въ отдѣльномъ листкѣ читается легче, нежели по толстой книгѣ; бѣдненькая скоро разувѣрилась. А это вѣдь Шарль написалъ, сказала я ей. — Какой онъ ученый! — Любишь ты Шарля? — Люблю очень. — А знаешь, гдѣ онъ? — Въ городѣ. — Въ какомъ городѣ? — Тамъ, гдѣ масло продаютъ по середамъ и субботахъ. — Бывала ты тамъ? — Одинъ разъ. — Что же видѣла? — Я стерегла осла. — Что же ты тамъ дѣлала? — Оса стерегла, по-

томъ воротилась домой. — И больше ничего? — Нѣтъ, какъ назалъ ѣхала, подняла съ дороги Браховъ заступъ и положила его на осла. У родника оба мы напились. Прохожіе спрашивали меня: куда везешь заступъ? вѣдь это Браховъ! Пріѣхала въ деревню ужъ темной ночью; хозяйка Брахова испугалась, закричала: это его заступъ! и воѣ за ней закричали: его, его заступъ! видно что былъ нявтъ! А тамъ я добралась до своей соломки и легла.

Вотъ слово въ слово нашъ разговоръ. Я очень люблю разговаривать съ бѣдной дѣвочкой. Слушая ее, удивляюсь, какъ она понимаетъ и точно замѣчаетъ все, что ей нужно знать и замѣтить. Въ кругу понятій, ей близкихъ, къ ней приспособленныхъ, она живетъ безъ жалобъ, безъ желаній, безъ заботъ, не сравнивая себя ни съ кѣмъ. Спрашиваю себя: хорошо ли дѣлаю, развивая искусственнымъ образомъ ея понятливость, когда учу ее читать, и не увеличиваю ли ея потребностей, когда даю ей башмаки? Покуда я остерегаюсь измѣнить что-нибудь въ ея понятіяхъ о городѣ, въ которомъ она видѣла только рынокъ съ масломъ, съ дѣтьми около ословъ, съ заступами по дорогѣ. Слушая ее, умъ мой смущается передъ премудростью Провидѣнія, назначившаго свою долю и этому бѣдному созданью. Сиротка ничего не имѣетъ, за то живетъ безъ нужды,—за то у ней природная веселость, забавы, особенно, здоровье и спокойствіе. Сознывая это, я роблю передъ добрымъ дѣломъ, боюсь, какъ бы не сдѣлать хуже. Я сообщила свои мнѣнія г. Преверу: —«то же и со мной, Луиза, сказалъ онъ мнѣ, такъ что чѣмъ болѣе я живу, тѣмъ болѣе затрудняюсь, тѣмъ слабѣе становится увѣренность въ пользу моего добра. Въ одномъ только я никогда не усомнилась. Въ обязанности — обуздывать порокъ. Старайтесь укрѣпить въ этой дѣвочкѣ добродѣтели ея званія — вотъ все, чѣмъ вы обязаны въ отношеніи къ ней, — все лишнее опасно; а тяжело, прибавилъ онъ, не смѣть сдѣлать ничего болѣе.»

Одно извѣстіе печально подѣйствуетъ на васъ, Шарль, — это воложеніе Пюмбетовой дочери, — невѣсты, какъ вы знаете, Поля Редара. Когда вы были у насъ въ послѣдній разъ, она казалась еще свѣжей и здоровой, и приходила повидаться съ вами. Бѣдная дѣвушка больна и блѣдна съ начала зимы, и, хотя не знаютъ хорошенько ея болѣзни, но она серьезно беспокоитъ ее, потому что мать ея была слаба грудью. Г. Преверъ думаетъ посоветоваться съ искуснымъ медикомъ и свозить ее на днѣхъ въ городъ, если станетъ потеплѣе; а то вездѣ снѣгъ да ледъ,—прудъ замерзъ до дна,—боятся за виноградъ. Вотъ и въ этомъ случаѣ, Шарль, при общихъ невзгодахъ, когда одинъ горюютъ

о виноградникахъ , другіе боятся за деревья , — въ то время , какъ крестьянскія дѣти , усаженные въ избахъ , грѣются около огня , да горюють , что нельзя бѣгать по деревнѣ , — моею бѣдной сироткѣ весело , какъ и всегда . Виноградники никогда ее не озаботятъ , а свѣгъ—ея забава : она оставляетъ на немъ слѣды своихъ башмаковъ , на немъ же считаетъ потому гвозди , или изобрѣтаетъ тысячу другихъ потѣхъ въ этомъ родѣ . Жидище ея въ коровникѣ , худа холодъ не проникаетъ ; доять ли — ей достается капля парнаго молока ; ѣдятъ ли , найдется для нея корка хлѣба . Сиротка ничья и общая . Всѣ употребляютъ ее для тысячи маленькихъ услугъ , которыя она исполняетъ , какъ только можетъ , не чванится и не ждетъ спасибо . Такимъ образомъ маленькое растеніе поднимается , растетъ , живетъ , дожди поливаютъ его , солнышко пригрѣваетъ . Право , не знаю , должна ли она завидовать кому-нибудь вокругъ себя , да по правдѣ , она вовсе объ этомъ и не думаетъ . Пусть же милосердый Богъ сохранитъ ей ту малую долю , которую Онъ ей назначилъ ! — Пусть соблюдетъ ее въ ея беззаботной дѣятельности , въ счастливомъ невѣденіи , а я , школьная ея наставница , да удержусь отъ всякихъ поученій !

На дняхъ я ходила на село навѣстить дочь Пюмбета . Если свѣгъ не тѣшитъ меня , какъ мою милую сиротку , за то признаюсь , не согласна я и съ тѣмъ , кто не находитъ въ немъ никакой прелести . Я очень люблю четыре времени года : вѣчная весна наскучила бы ; семейная и сосредоточенная зимняя жизнь мнѣ особенно нравится . Теплыя хижины , разсыяныя по оледенѣлымъ полямъ , производятъ на меня впечатлѣніе мирнаго довольства , спокойствія , добытаго трудомъ и предусмотрительностью . Съ отраднымъ чувствомъ благодарности смотрю я на дымокъ , что стелется изъ-за соломенной крыши , и на сарай , наполненные лѣтнимъ сѣномъ ; не безъ удовольствія слушаю глухое мычанье коровъ изъ теплаго пріюта , блеянье овецъ , заключенныхъ до возрожденія луговъ . При солнцѣ вся эта сцена свѣтитъ и радуется ; поля , устланныя бѣлыми коврами , деревья , блестящія инеемъ , синія горы , видныя какъ сквозь серебристый туманъ , составляютъ великолѣпную , ни съ чѣмъ несравнимую картину . Такая-то картина у меня теперь передъ глазами , и , клянусь вамъ , что передъ всѣми этими красотами , и кроткими и суровыми , нисколько не жалѣю о лѣтѣ съ его нарядными цвѣтами . Тутъ кстати приходитъ мнѣ на мысль , что зима — время труда для городскихъ студентовъ , и что , наперекоръ муравью , собирающему на зиму , они собираютъ на лѣто , на время каникулъ , отдыха и возвращенія въ приходъ . Вотъ почему я и кончаю свою стрекозиную болтовню .

Луиза.

XLVI.

Органистъ къ Шарлю.

Изъ прихода.

Холода продолжаютъ, г. Преверь не можетъ отправиться въ городъ съ бѣдной Пиомбетовой дочерью: вотъ почему я и пишу къ вамъ, касательно покупки, которую хотѣлъ было возложить на г. Превера. Дороги завалены снѣгомъ, и во многихъ мѣстахъ изгороди такъ замесены, что удобнѣе идти черезъ поля, нежели по дорогамъ. Къ тому же третьяго дня вѣтеръ смелъ горные снѣга въ долины, что плохо для виноградниковъ. Альманахъ хотъ и предвѣщалъ эти непогоды, да вѣдь деревни не поставишь подъ стекло, и тамъ, гдѣ десница Божія насылаетъ стужу, человѣку не приходится бороться. Бѣда Брахосу въ эти морозы: съ одной лишней чарки уснетъ на дорогѣ безъ просыпу. За то ужъ и удерживаютъ его дома, и вотъ двѣ недѣли, какъ онъ не бывалъ на рынкѣ, гдѣ продастъ на два флорина, а выпьетъ на осьмнадцать су.

Помянутая покупка назначается для подарка въ Новый годъ Луизѣ: именно — теплая и виѣсть праздничная одежда, которая бы хорошенько окутывала ее, чтобъ я не видалъ болѣе, какъ она въ церкви дрожитъ подъ своей шалью. Вамъ слѣдуетъ на этотъ счетъ посоветоваться съ вашими дамами; да чтобъ онъ приспособился въ выборѣ къ званію Луизы: ей не годится ни грубая шерстяная мантилья Марты, ни подбитыя мѣхомъ шелковыя матеріи госпожи де-ла-Куръ. Три воскресенья тому назадъ, на одной дамѣ, пріѣхавшей изъ города слушать г. Превера, я видалъ такой нарядъ, какой былъ бы мнѣ по мысли: шелковый салопъ не яркій и на ватѣ, въ родѣ капуцинской одежды, съ капюшономъ, какъ и у той, который то откидывается на плеча, то надѣвается на голову, съ крючками или лентами для придержки у шеи. Мнѣ нравится и фасонъ его и полнота. Въ цѣнѣ, по надобности, не постояю до шести и семи новыхъ экю, желаю только, чтобъ салопъ былъ хорошій и полный: въ узкомъ и обтянутомъ проку мало — и разорвется скоро, и не прикроетъ порядкомъ. Услуга вашихъ дамъ меня очень обяжетъ.

Теперь перейду къ вашему письму, — уже давнишнему, — съ разглагольствіями адвоката, которыя мнѣ не по вкусу. Съ вашей нескончаемой перепиской, вы хотите меня увѣрить, что тѣмъ болѣе будете писать пофранцузски, тѣмъ скорѣе научитесь погречески. Еслибъ я отвѣтилъ вамъ тотчасъ же, то думаю, строки мои показались бы вамъ жесткими, потому что я пустыхъ словъ не жалую. Но я потерпѣлъ до перваго ноября: дай, — подумалъ себѣ, — посмотрю, куда приведетъ

его эта практика? Такъ какъ вы испытаніе выдержали съ честью и Луиза увѣряетъ, что одобрены профессорами, то я и не возвращаюсь къ этому предмету; что же касается до переписки, то и тутъ не мое дѣло, лишь бы только не потерпѣли отъ нея ваши занятія, а въ послѣдствіи ваша должность.

Болѣе остается поговорить о другомъ пунктѣ, а именно, о выручаемыхъ вами деньгахъ, по поводу которыхъ вы пускаетесь строить воздушные замки, и тѣмъ доказываете, какъ плохо исправляете свою наклонность къ расточительности, и какъ мало подчиняете разсудокъ правиламъ благоразумія. Отъ одинокаго лундора въ вашемъ ящикѣ, перескакиваете къ вѣрному доходу въ 1248 флоринновъ; а на эту сумму тотчасъ ужъ заводитесь и хозяйствомъ, — скоренько! Такъ бы и быть еще съ неопытной восторженностью, которая, ежели не оправдывается, то извиняется вашимъ возрастомъ и удовольствіемъ перваго денежнаго приобрѣтенія; но вотъ, удвоивая въ воображеніи сумму, вы тратите всю ее на пиры и банкеты, забывая о хозяйствѣ, для котораго она назначалась! Не значить ли это заранѣе расточать добро? и то намѣреніе, которое у другаго не болѣе, какъ смѣхъ и пустяки, не есть ли въ васъ, не смотря на ваши лѣта, какъ бы продолженіе необузданнаго дѣтскаго своевольства? Такимъ образомъ это мѣсто въ вашемъ письмѣ не много меня потѣшило, и я повторяю вамъ свои мнѣнія, которыя уже столько разъ повторялъ, и которыя желалъ бы навсегда оставить въ покоѣ, въ той увѣренности, что они послужили въ пользу. Я не боюсь, чтобъ вы сдѣлались когда-нибудь скрягой, хотя бы эта наклонность беспокоила меня менѣе всякой другой; но нетерпѣливо желаю знать васъ бережливымъ, умѣреннымъ, предусмотрительнымъ, болѣе способнымъ сберечь, нежели расточить; желаю, чтобъ вы всегда помнили, что спокойствіе старыхъ дней зависитъ отъ трудолюбія молодыхъ годовъ.

Луиза, благодаря Бога, даже во все продолженіе этихъ холодовъ, чувствуетъ себя хорошо. Вчера заставилъ я Жана-Пьера сметать снѣгъ съ церковной крыши, а онъ и соскользнулъ съ двадцатипяти-футовой высоты! Хорошо, что заплатился однимъ страхомъ; рюмка вина выручила, спасибо, изъ бѣды. Я сказалъ ему на это: счастливъ, братъ, что гора не высока, а то бы и тебѣ не миновать судьбы тѣхъ пятерыхъ, что, по альманаху, лежатъ подъ лавиной. Прилагается отъ г. Превера восемь носовыхъ платковъ, въ дополненіе къ выкроенной изъ полотна дюжнѣ: не извольте ихъ терять, какъ бывало. Рейбась.

XLVII.

Шарль къ Луизѣ.

Изъ Женевы.

Какое сокровище, Луиза, ваши строчки! Какое счастье для меня въ этомъ клочкѣ бумаги! Какъ вы умѣете мыслить, чувствовать, говорить, наполнять мое сердце удивленіемъ и восторгомъ! Бѣдная сиротка, дочь Пиомбета, свѣга, коровы, овцы, даже дымокъ надъ крышей, все становится мнѣ мило и дорого, какъ только вы поговорили объ этомъ, потому что вы не умѣете говорить безъ того, чтобъ умъ вашъ, доброта, нѣжность, чувствительность не оживили и не одушевили словъ вашихъ. Слушая васъ, сознаюсь, что я не умѣю ни видѣть, ни чувствовать; что я учусь, но не думаю, — болтаю, а не говорю. И я также сирота! Будьте моей школьной наставницей и почаще возобновляйте свои прекрасные уроки: они восхищаютъ меня, научаютъ, какъ никогда не научатъ книги.

Я не думаю болѣе ни о г. Эрнестѣ, ни о привратникѣ; дальше отъ меня призраки! Передъ глазами у меня только будущность, одинаково дорогая намъ обоимъ, и то счастливое время, когда я приобрету — во всемъ ссылаюсь на слова ваши — снисходительность и даже.... даже любовь вашего батюшки.... Не бойтесь, Луиза, ни безразсудства, ни робости, ни несчастій, и, если опасенія ваши касаются меня, то удалите ихъ отъ себя навсегда. Когда вы мнѣ говорите, я чувствую въ себѣ такую силу, такую волю, такое благоразуміе.... Безъдумите со мной чаще — это моя единственная просьба — и тогда я отвѣчу за себя!

Представьте себѣ, Луиза: когда слова ваши ободряютъ меня и подстрекаютъ мое самолюбіе, я спрашиваю себя: возможно ли сдѣлать что-нибудь хорошее безъ любви, и, замѣчая въ товарищѣ нѣсколько рѣзкія усилія честолюбія, тотчасъ воображаю, что сердце его принадлежитъ уже какой-нибудь молодой особѣ.

По правдѣ, не многихъ вижу, которые бы любили. Большая часть идутъ себѣ безстрастно по маленькой дорожкѣ. Приходятъ на лекціи, между классами ѣдятъ пироги; послѣ уроковъ появляются на гуляньяхъ; вечеромъ, приглаженные, приваряженные, танцуютъ или пьютъ чай, разговариваютъ, помалчиваютъ все съ тѣмъ же видомъ, съ одинаковымъ равнодушіемъ. Глядя на нихъ, невольно скажешь, что это рядъ церемоній. Черезъ нѣсколько лѣтъ, проведенныхъ такимъ образомъ, одни изъ нихъ дѣлаются адвокатами, другіе пасторами, иные просто владѣльцами; тогда они женятся или ихъ женятъ, и все кончено! Они испол-

нають всѣ требованія приличія, и, если положеніе ихъ мало-мальски спосно, предаются спокойной дремотѣ.

Я слышу иногда разговоры объ этомъ предметѣ, но весьма различныя. Нѣкоторые находят такое положеніе прекраснымъ; заключаютъ по немъ о мирѣ, счастьи, нравахъ, называютъ этотъ дремлющій народъ степеннымъ поколѣніемъ. Для другихъ эта апатія, — источникъ общей посредственности, — не можетъ образовать ни людей съ характеромъ, ни знаменитыхъ гражданъ: тогда какъ тѣ и другіе необходимы, по ихъ мнѣнію, какъ двѣ стихіи для блага и даже для существованія нашего маленькаго отечества.... Безъ сомнѣнія, говорятъ они, многіе могутъ найти счастье въ такомъ нравственномъ снѣ, но счастье эгоистовъ, отдѣльное отъ блага общаго, — счастье, корень котораго въ матеріальныхъ наслажденіяхъ, а не въ сильныхъ и великодушныхъ побужденіяхъ сердца.. Они говорятъ, что хваленый миръ этотъ фальшивъ, — что это застой благородныхъ страстей, безъ которыхъ теряютъ право не только гордиться родиною, но и называться сынами отечества. — И я всегда раздѣляю мнѣніе этихъ послѣднихъ, особенно если они говорятъ послѣдніе.

Но еслибъ вы знали, какъ эти молодые люди отзываются о дѣвушкахъ! совершенно какъ и о всемъ другомъ, Лупза, — какъ о хорошенькой вещицѣ или о нарядной куклѣ. «Она была хороша вчера, въ такой-то день; она хорошо танцуетъ, она дурно танцуетъ; мнѣ нравится манера этой, а мнѣ больше та. Я не танцевалъ: всѣ онѣ были дурны. Я не говорилъ, — надоѣло.» Во всей точности передаю вамъ эти свѣтскіе отзывы, церемоніи, чувства, учтивости, ни на волосъ не болѣе. И таково мнѣніе большинства! Не глупо ли такъ думать, не странно ли?

Признаюсь, мнѣ кажется иногда, что виноваты сами дѣвушки, которыя довольствуются слишкомъ малымъ. Еслибъ, для пріобрѣтенія любви ихъ, нужно было отличиться какимъ-нибудь образомъ, не правда ли, что тогда возбуждилось бы между молодыми людьми благородное соревнованіе, желаніе нравиться по мѣрѣ заслугъ, потребность быть замѣчену, а затѣмъ и старанье и совершенно другія чувства? Здѣсь кавалеровъ занскиваютъ безъ разбора, льстятъ имъ; разговоръ ихъ достаточно забавляетъ, предпочтеніе ихъ дѣлаетъ честь. Что-жъ? они и увѣрены въ своей любезности, да иначе и быть не можетъ. Однакожъ, ужъ не злословлю ли я изъ зависти?... А правда, что въ обществѣ я не замѣтенъ подлѣ этихъ господъ, — все преимущество на ихъ сторонѣ, и сознаюсь, что самолюбіе мое страдаетъ иногда. Спрашиваю себя, отъ чего я сижу въ своемъ углу, а они порхаютъ по залѣ, и не себя

вино въ неловкости или ничтожествѣ, а охотнѣе нахожу и двѣушекъ и молодыхъ людей пустыми и ничтожными.

Не думайте однакожъ, чтобъ я въ уголкѣ своемъ смирался и завидовалъ! Неловокъ я, правда, но подъ этой неловкостью — гордость, торжество и, вѣсто зависти, увѣряю васъ, сожалѣніе ко всѣмъ, кромѣ самаго себя! Я думаю объ васъ, и сравнивая васъ со всѣми молодыми особами, которыхъ вижу, а будущность свою съ судьбою всѣхъ этихъ молодыхъ людей, трепещу отъ радости въ уголкѣ моемъ, и тотъ бы сильно ошибся, кто бы въ эту минуту румянецъ мой приписалъ скромности.

Есть здѣсь и молодые люди съ достоинствами, дружба которыхъ была бы мнѣ сколько лестна, столько же и пріятна. Они сами поощряютъ меня, и будто не замѣчаютъ раздѣляющаго насъ неравенства; за то самъ я слишкомъ чувствую это неравенство, и на предупредительность ихъ отвѣчаю такою скромностію, которую можно принять за холодность. О, какъ они ошибаются, и какъ бы удивились, еслибъ могли читать въ моемъ сердцѣ! Я слишкомъ цѣню ихъ; по моему мнѣнію, нѣтъ ничего привлекательнѣе доброты соединенной съ достоинствомъ, и, видя свѣтъ, я начинаю думать, что одно истинное достоинство ведетъ къ истинной добротѣ: тамъ, гдѣ нѣтъ его, тщеславіе заглушаетъ добрыя побужденія, медочи затѣваютъ доброжелательство, насмѣшка замѣняетъ умъ, и желаніе отлѣчиться — обращается въ пустоту, высокомерную и завистливую. Такова большая часть здѣшней молодежи. Фамиллярные на академическихъ курсахъ, они незнакомы со мной въ салонахъ; и я часто замѣчаю, что деревенскій юноша и его исторія служатъ любимой темой для ихъ разговоровъ съ двѣяцами.

Г. Дерве и упомянутые любезные молодые люди ввели меня во многія общества. Эти общества здѣсь расположены по степенямъ состояній, званій, партій, и никогда не смѣшиваются; я терплю въ нихъ именно по той причинѣ, которая должна бы исключить меня изъ нихъ. Незвѣстному и безсемейному, мнѣ нельзя назначить опредѣленнаго мѣста, такъ что я, въ этомъ отношеніи, раздѣляю привилегіи иностранцевъ и принять всюду. Эти партіи совершенно отдѣльны одна отъ другой и завидуютъ одна другой; но забавно, что всѣ онѣ, отъ самой низкой до самой высокой, обвиняютъ въ гордости и аристократическихъ претензіяхъ тѣхъ, которые выше ихъ, не допуская въ тоже время въ свои ряды партій низшихъ.

Я еще почти ничего не сказалъ вамъ, а посланная не хочетъ больше ждать.... Эта женщина всегда слишкомъ запаздываетъ приходомъ и слишкомъ торопится уйдти.

Шарль.

ОГЛАВЛЕНИЕ ВТОРАГО ТОМА
МОСКВИТЯНИНА.

1852.

(*NN. V, VI, VII и VIII, мѣсяцы мартъ и апрѣль.*)

I. РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

	№.	стр.
Счастливая женщина, романъ гр. <i>Е. П. Ростовичиной.</i>	V, I, VI,	45
Дареджана, драма въ 5 дѣйствіяхъ, <i>Я. П. Половцоваго.</i>	VII,	101
Красильниковы, повесть, <i>А. Печерскаго.</i>	VIII,	251
—		
Надъ гробомъ Гоголя, <i>Н. В. Барга.</i>	VIII,	273
Пѣсня въ пустынь.—Преклѣтіе, <i>А. А. Григорьева.</i> . .	VI,	99
Изъ Бартригари, <i>Ф. Б. Миллера.</i>	VI,	95
Санскритскія стихотворенія, <i>его же.</i>	—	96
Изъ Гейне, <i>его же.</i>	VIII,	272
Пани Твардовская, <i>А. А. Мей.</i>	VI,	41
Картины древняго міра, <i>его же.</i>	VIII,	245
Татарская пѣсня, <i>Я. П. Половцоваго.</i>	VI,	93
Чего-то жаль, ***	VIII,	270
Цесарь, <i>А. И. Сергіевскаго.</i>	VI,	98
Двѣ мелодіи, <i>А. Н. Фета.</i>	VI,	94

II. ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Вильгельмъ Мейстеръ: Гете, пер. <i>А. А. Григорьева.</i> . .	V, I, VIII,	23
Сельскій Приходъ, романъ Тепфера. V, I, VI, 29, VII, 96, VIII,		89

III. НАУКИ.

Аттила, (П. Владычество Гунновъ на Дунав. Аттила и Бледа III. Аттила и міръ Римскій), Ам. Тьерри. . .	V, I, VII,	61
Папы и Востокъ въ XIII вѣкѣ (отношенія папы и императора между собою), <i>М. А. Волкова.</i>	V,	16
Нѣсколько словъ о современномъ состояніи и значеніи у насъ эстетической критики, Э***.	VI,	22
Римскіе гастрономы времени Августа, <i>кн. Ковалева.</i>	VIII,	101

IV. ИСТОРИЧЕСКІЕ МАТЕРІАЛЫ.

Указъ объ ученъѣ Итальянскому языку въ 1697 г. . .	V,	1
Отвѣтъ слуги стольника Колонтаева изъ Москвы . .	VIII,	7
Для біографіи Ломоносова.	VIII,	8
Письмо князя Багратіона 1812 г.	V,	3
Предисловіе Карамзина къ последнему его стихотворенію «Освобожденіе Москвы».	VI,	4

V. КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Теорія и Исторія Словесности къ 1851 году.	V,	1
Юридическая литература въ 1851 году.	V,	6

	N.	стр.
Проказница, комедія <i>Василья Шевича</i>	V,	23
Всеславъ, внукъ Аскольда, повесть, <i>Я. Андреева</i> . . .	V,	24
Изда, разсказъ, изд. <i>Г. Горчакова</i>	VIII,	97
Мертвая голова, романъ <i>А. Дюма</i> .—Грѣская волшебница, романъ <i>Поля Февала</i>	V,	24
Черный тюльпанъ, романъ <i>А. Дюма</i>	VI,	59
Записки ружейн. охотника Оренбургской губ. <i>С. А—ва</i> .	VIII,	106
Обзорные исторіи древняго міра, соч. проф. <i>Рославскаго</i> .	VI,	51
Древности Россійскаго Государства.—Памятники древняго русскаго зодчества, изд. <i>г. Рихтера</i> .—Рязанскія древности, изд. <i>г. Селивановымъ</i> .—Памятники древняго художества въ Россіи, изд. <i>г. Мартынова</i> .—Русская старина, изд. <i>его же</i>	VII,	79
Цари Воспора Киммерійскаго, <i>В. В. Григорьева</i> . . .	VIII,	121
Берегъ Понта Евксинскаго, соч. проф. <i>Беккера</i> . . .	V,	12
Судьбы астр. географіи Россіи, рѣчь пр. <i>Котельникова</i> .	V,	8
Исследования объ инородцахъ Казанской г. <i>В. Сбоева</i> .	VI,	53
Таблицы приливовъ Блага моря, соч. <i>П. Круженитерна</i>	VI,	58
Жизнеописаніе Ю. В. Венелина, соч. <i>И. Э. Палаузова</i> .	VI,	58
Таблицы для исчисленія процен. сост. <i>В. Владыкинскимъ</i> .	VI,	59
Полная русская хрестоматія, <i>А. Галахова</i>	V,	15
Альбомъ Балагура, сост. <i>Г... К...</i>	V,	20
Два года въ плѣну у Горцевъ, изд. <i>В. Савиновымъ</i> .	VII,	83
Историческія повѣсти для дѣтей, соч. <i>Евг. Луискаго</i> .—Золотыя сѣмена, правочительные и занимательные разсказы для дѣтей.	VII,	90
Собраніе ариѳметичес. примѣр. и задачъ, <i>Ожеровскаго</i> .	VII,	92
Описаніемѣстности Москвы и Петербурга, <i>М. Рудольфа</i> .	VII,	93
Эзоповы басни на франц. и русск. языкѣ, изд. <i>Жумелемъ</i> .	VIII,	122
<i>Д. Шептинеа</i> : Зооморфическія божества у Словянъ: птица, конь, быкъ, корова, змѣй и волкъ, <i>г. Аванасьева</i> , въ Отеч. Запискахъ.	VIII,	125

ЖУРНАЛИСТИКА.

Современникъ, февраль и мартъ, 1852 г.	V, 26, VIII, 140
Отечественныя Записки, февраль и мартъ, 1852 г. V, 33, VIII, 137	
Библиотека для Читенія, февраль и мартъ 1852 г. V, 36, VIII, 145	
Пантеонъ, январь, 1852 г.	VI, 74

VI. ИНОСТРАННЫЯ КНИЖКИ.

Исторія Реставраціи, <i>Ламартина</i>	V, 1
Новая жизнь, романъ <i>Дурбаха</i> .—Безъименныя Исторіи, <i>Гаклендера</i>	V, 10
Lord Georg Benckin, <i>В. Disraeli</i> , 1852.	VI, 11
Путешествіе Морица по Колхидѣ и нѣмецк. колоніямъ.	VII, 47
Абиссинія и докторъ Вильгельмъ Шамперъ.	VII, 50

Занятія современныхъ французскихъ писателей.	Н. стр.
Французскія женщины XVIII столѣтїа: <i>Histoire de M. de Maintenon, par M. le duc de Noailles.</i> — <i>Woman in France during Eighteenth century, by Julia Kovangh.</i>	VII, 53 VIII, 55

VII. СОВРЕМЕННЫЯ ИЗВѢСТІА.

А) ЗАГРАНИЧНЫЯ.

Современная жизнь Парижа: Концерты Эриста и Герца; Эрнстъ и Паганини; Эрнстъ и Шолень; Берлиозъ въ Бреслау и Берлиозъ въ Москвѣ; Новая пѣянистка дѣвица Клаусъ; Балъ у военнаго министра; Военное убранство отеля; Балъ у президента; его дамы въ мазуркѣ; Частные и публичныя балы; Бетховень и его опера Фиделио; Театры; Исполнскій органъ; Письма Наполеона; Исторія постройки новой церкви въ Брюсселѣ; Историческій дождь; Словарь подлоговъ и поддволокъ; Концерты: игра г. Лемеуса на органѣ церкви *Saint-Vincent de Paul*; Концертъ г. и г-жи Леонаръ; Музыкальные вечера дѣвицы де-Мальвилъ; Квартеты Бетховена; Панорама Парижа; Новая политическая звезда; Новая система первоначальнаго обученія; Академія наукъ; Парижскія женщины; балы у Менской заставы; балъ у пѣвца Понсара; пиръ у министра бразильскаго императора; Оригинальный паспортъ; Парижскіе и польскіе Тодресы; земскія кредитныя общества во Франціи; каламбуры; *Un concert-lion et un chien de concert*; Музыкальное нашествіе на Парижъ; Концертъ нѣмецкаго благотворительнаго общества; Четыре увертюры для одной оперы; Отъездъ Софьи Крувелли; Балъ у г-на Биксіо; Балъ портнаго Гебера; Переписка Папена съ Лейбницемъ; Открытіе еврейскаго храма; Французская журналистика; Записки Дюма; Историческій романъ въ 500 томовъ; Паденіе кроваваго романа и торжество эклоги. V, I, VI, 51, VII, 91, VIII, 117

Юная Англія; Приходы и расходы Англіи въ 1851 г.; Бѣдствія эмигрантовъ въ Калифорніи. V, I, VII, 91

Новая родословная Гете и Канта.—Бюстъ Шеллинга.— Гибель корвета Маріанна. VII, 91

Некрологъ Томаса Мура, изд. Шафарика. V, I, VIII, 117.

В) ВЕДУТРИННІЯ.

Три недѣли въ Одессѣ, лѣтомъ 1851 года. (Въездъ въ Одессу.—Баня.—Купанья.—Лѣтній костюмъ.—Улицы, дома и мостовыя.—Постройка домовъ.—Лучшія мѣста въ городѣ.—Примѣчательнѣйшія зданія.—Церкви и кладбище.—Синагоги и Евреи.—Внѣшняя жизнь Одессы.—Греческое.—Косейня Стефана.—Торговое движеніе на улицахъ.—Торговля.—Обѣдъ.—Окрестности.—Молдаванка.—Большой фонтанъ.—Монастырь и маякъ.—Вода.—Лустдорфъ.—Лиманы.—Ботаническій садъ.—Хуторъ гр. Ланжеронъ.—Лучшее время года.—Театръ.—Жизненные вопросы.—Общество). Одесскія новости. V, 19

Диканька, изъ путевыхъ записокъ, *Н. Тр.* VI, 67

<i>Изъ Кіева: (Открытие Кадетскаго корпуса. — Литературная новость и производительность въ прошедшемъ году. — Губ. Вѣд. за октябрь, ноябрь и декабрь 1851 г. — Временной театр. — Пещерныя обѣды. — Прошедшіе праздники. — Контракты. — Необходимая оговорка), П. С.</i>	VI, 76
— <i>Казани: Известія о Казан. событ. А. И. Артемьева.</i>	VI, 74
— <i>Новгорода: Мѣстные очерки.</i>	VII, 109
— <i>Нижняго-Новгорода: Придѣвъ въ честь Козьмы Митина, П. Мельникова.</i>	VI, 88
— <i>Нѣжина: Могила Говарда.</i>	V, 45
— <i>Петербурга: Новости и слухи.</i>	VIII, 136
— <i>Ставрополя: Театръ.</i>	VII, 110
— <i>Тары: Анекдотъ о преосвященномъ Августинѣ.</i>	V, 461
— <i>Туруханска: Туруханскій Троицкій монастырь.</i>	VIII, 129

в) МОСКОВСКІЯ.

Кончина Гоголя, М. П. Погодина.	V, 47
Поминовение по Гоголь (его же, письмо въ Петербургъ)	VIII, 143
Лѣтопись Московскаго театра, А. А. Григорьева.	VIII, 147
Некрологъ доктора медицины А. Г. Терновскаго.	VI, 89
князя Андрея Петровича Оболенскаго.	VII, 114

VIII. СМѢСЬ.

Подмосковная обота: кузнецъ Мишва, В. В.	VI, 43
Онь. (Изъ дневника уздной барышни), И. М. Михайлова.	VI, 54
Ревнивецъ, повесть.	VII, 79
Мелво-Matto, изъ воспоминаній о Сицилии, повесть Юли Мюссе.	VIII, 111
Мысли и замѣчанія, вызванныя картинами учениковъ С. Петербургской Академіи художествъ на выставкѣ 1851 года, В. Н. Плавсина.	V, 1
Нѣсколько словъ по поводу пѣнія въ Россіи.	VI, 61
Формулы привѣтствій у различныхъ народовъ.	V, 17
Письмо къ французск. живописцу Ивону, М. П. Погодина.	VI, 75
Смерть послѣдняго сына Мирра.	V, 33
Свиданіе Ламартина съ Султаномъ Абдуль-Медшидомъ.	VII, 103
Гете въ Карльсбадѣ.	VII, 107
Отрывокъ изъ письма Варнгагена.	VII, 109
Мелочи.	VI, 77, VII, 109, VIII, 148

Модя (съ двумя парижскими картинками).

Къ 5-й книгѣ приложенъ вѣтъ Одессы.

